

ЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТА

Берен
БЕЛГАРИОН

По ту сторону рассвета

ЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТА

Один в поле не воин? Как бы не так! Берен, сын Барахира, четыре года сражается в одиночку против солдат извечного Врага всех людей и эльфов. Однако самое тяжелое испытание у него впереди: отец эльфийской принцессы, возлюбленной Берена, желает получить Сильмарилл, один из трех драгоценных и чудесных камней, которые Враг некогда отнял у эльфов и теперь носит в своей короне.

Лишь король-изгнанник Финрод Фелагунд да горстка верных друзей готовы идти с Береном до конца и бросить вызов многочисленным войскам Врага и могучим эльфийским владыкам, здравому смыслу, судьбе и самой смерти.

Берен Белгарион
По ту сторону рассвета

Всякому тексту положена легенда. Где-то и кем-то когда-то он был написан, прежде чем увидел свет. Порой история самого текста ничуть не менее интересна, чем история, в тексте изложенная. Порой она заслуживает отдельного романа. Увы, для этого нет ни времени, ни места.

А жаль. Право же, история романа «По ту сторону рассвета», обнаруженного в записях сантора на космическом корабле «Helya Maiwin», стоит другого романа.

Впрочем, об эпопее исследовательского экипажа «Helya Maiwin» написано множество книг, и в Королевстве, и за его пределами (ведь в состав экспедиции входили представители четырех народов). Очерки, документальная проза, пьесы, романы и повести. Однако ничего из прочитанного мной о трагедии «Helya Maiwin» и Берена Белгариона не понравилось мне настолько, чтобы просто перевести это с вестрона и предложить читателю как пролог. Данный очерк — моя собственная компиляция из прочитанного плюс ряд размышлений по поводу.

Автор «По ту сторону рассвета» до сих пор остается в Королевстве фигурой одновременно героической и одиозной. Хотя с того времени, как корабль «Helya Maiwin» пропал, прошло более тридцати лет, а с того момента, как он был обнаружен — двадцать три года, споры не утихают и по сей день. Берен Белгарион — герой-мученик или безумец? Чем было его деяние — спасением всей Арды или срывом самого многообещающего контакта в истории человечества? В самом ли деле на корабле присутствовал «оборотень» или Берен Белгарион обрек экипаж на пожизненное заключение в космосе только по причине собственной паранойи?

В отличие от двух других членов экипажа, астрофизика Даннузира Дионну и инженера двигателей Бэй Маса-фато, Берен Белгарион не вел дневника. Единственный, кроме скупых отчетов, документ, оставленный загурзаном (капитан-лейтенантом) Белгарионом — его роман «По ту сторону рассвета», черновики к нему и к другому, ненаписанному роману об Исилдуре. До момента обнаружения этих документов лейтенантом Линтиром Итари никто не знал, что Берен что-то пишет; когда роман был предложен к опубликованию, многие поразились тому, что первая и единственная книга человека, начавшего писать, судя по датировке файлов, в 26 лет, оказалась образцом настоящей зрелой прозы и практически не потребовала редакторской доработки. Близкие знакомые Берена Белгариона и друзья утверждают, что ему была свойственна склонность к перфекционизму. Он явно относился к тому типу людей, которые не показывают своей работы, не доведя ее до предельного совершенства; где же предел этому совершенству — ведают лишь они сами, да еще Господь Бог.

Ясно одно: роман является таким же человеческим документом происходившего на корабле и в душе Берена, как и дневники, и показания выживших членов экипажа. Мне кажутся неправомерными попытки некоторых публицистов проводить прямые параллели между тем, что происходило на борту и тем, что происходило в романе — хотя бы потому, что я сама писатель, и знаю, что редко какое событие попадает в художественный текст прямо из жизни. Допустить, например, что «упыриная» тема в романе является прямым развитием «темы оборотня» в жизни, мне трудно, учитывая, насколько болезненной и насущной была проблема «оборотня», и насколько бегло в романе автор касается темы

«упырей». В то, что самоубийство (или убийство) капитана Маблунга спроецировалось в роман как смерть Финрода, я просто не верю. Параллели, думается мне, лежат куда глубже, на уровне философском и даже мистическом. Так, например, для автора весьма животрепещущим был вопрос: сдаться «Аш-шаиру» или продолжать сопротивление, зная, что это обернется трагедией для всего экипажа. Не исключено, что он устоял именно потому, что в романе «сыграл» в сдачу. Но все это догадки, которых я постараюсь избегать. Ограничусь одной: роман был не только проекцией событий на борту корабля, но и своего рода «полигоном» для принятия решений. 11 дня месяца гвирит Берен Белгарион поставил точку в эпилоге, 12 дня он бросил экипажу вызов, который — он не мог этого не знать — грозил ему смертью и в конечном счете привел к гибели (разве что пилота спасло чудо сродни тому, которое спасло его героя).

До исчезновения корабля и последовавшего за ним тяжкого противостояния с нечеловеческим разумом и волей Берен Белгарион был ничем не примечательным молодым офицером Королевского Военно-Космического Флота. «Ничем не примечательным», конечно, с поправкой на редкий пилотский дар, абсолютное пространственное чутье. Пилот, способный вслепую отыскивать «дырки» в ткани Вселенной и проводить сквозь них корабли (увольте меня от лекции по астрофизике) — обладатель весьма незаурядных особенностей; пилот, дар которого развит настолько, что позволяет ему совершать прыжки в неисследованные зоны — незауряден в квадрате. Но толпа незаурядностей — это все равно толпа. Берен Белгарион был не просто «как все», а «как все пилоты» — но до определенного момента его карьера среди других пилотских карьер была именно ничем не примечательна. Родился в поместье «Облачный холм» принадлежащем семейству дворян средней руки, вышедших из купечества восемь поколений назад (прадед прадеда Берена Белгариона был произведен в рыцарское достоинство за Островную Войну). Восемнадцати лет поступил в Королевскую Академию ВКС, в 24 окончил ее, получил свое первое назначение и шесть лет участвовал в экспедициях, явно ни сном ни духом не помышляя о том, какие испытания готовит ему будущее. В 26 лет он начал «марать бумагу» (точнее, забивать электронную память сантора), но никому не показывал плоды своих трудов — наброски к роману об Исилдуре. Исследователи, конечно, не устояли перед соблазном провести прямую параллель между автором и его лирическим героем, между Нуменором накануне гибели и богатым, могущественным, сытым и коррумпированным Королевством конца Восьмой Эпохи, и эта параллель опять-таки кажется мне слишком надуманной.

Эта накатанная жизнь резко переломилась в 1242 году, когда корабль *Helya Maiwin* пропал без вести во время экспедиции к Оку Всадника.

Восемь лет спустя корабль был обнаружен. Четверо из двенадцати членов экипажа погибли, пятый — Берен Белгарион — пропал без вести, остальные пребывали в психически нестабильном состоянии.

В точности установить, что же произошло там, в дальнем Эа, за сотни парсеков от Арды и ее звездных колоний, невозможно. Похоже, что лгут все оставшиеся в живых, и их нетрудно понять: происшедшее было слишком ужасно, чтобы смотреть правде в лицо. Одно известно точно: там экипаж встретился с чужим разумом.

Согласно приказу, полученному всеми пилотами исследовательских кораблей, Берен Белгарион стер всю базу данных навигационного сантора, как только обнаружил, что корабль находится под чужим контролем. Именно на этот случай такой приказ и отдавался. На этот же случай исследовательскими кораблями управлял только один пилот — а не два,

как на всех прочих судах Арды и колоний.

Существо — или сообщество — именуемое себя Ша-аардом, около полугода подвергало экипаж изучению, достаточно бесцеремонному, хотя назвать его, вслед за некоторыми исследователями, пыткой, даже психической — все-таки слишком. Но эти исследования действительно мало способствовали сохранению душевного здоровья. Уцелевшие члены экипажа рассказывали о своих двойниках и двойниках родных и близких, приходивших к ним во плоти, о грандиозном фантопликаторе, где оживали их фантазии, об ощущении постоянного давления на сознание. Однако примерно через полгода это прекратилось: Ша-аард выучил (выучили?) язык Королевства и начал вести с экипажем обычные переговоры. Главным предметом переговоров был обмен технологиями. Ша-аард очень интересовал пространственный прыжок. В обмен он (они?) предлагал мгновенную пространственную связь, биотехнологии, позволяющие продлевать жизнь практически бесконечно, многое другое...

По какой причине капитан Маблунг Хьярадан и пилот Берен Белгарион резко ответили «нет» на эти предложения? Несомненно, их полномочия простирались не настолько далеко, чтобы вести торг о технологиях с чужими — но дело совсем не в этом. Линтир Итари настаивает, что оба, и капитан, и пилот, были решительно намерены не допустить этих переговоров даже с теми, кто был бы уполномочен обсуждать подобное. Свой отказ они мотивировали предельно ясно: практическое достижение бессмертия и даже сама попытка его достигнуть является тягчайшим грехом с точки зрения Верных, к которым принадлежали и капитан, и пилот. Цивилизация, практикующая это, не может быть благой; межцивилизационный контакт принесет в этом случае только зло. Не только Королевство, религия которого запрещает опыты с бессмертием, но и другие страны не следует допускать до этого контакта — они могут не устоять перед соблазном.

На этом этапе их поддержал практически весь экипаж. Трудности начались тогда, когда Ша-аард (Ватайян Таурианна именно тогда назвал его «Аш-Шаир», что на языке южных истерлингов значит «не-должное») начал давить на людей Helya Maiwin, в особенности — на пилота, от которого зависело все. Насколько можно доверять словам экипажа — это давление носило чисто психологический характер. Эмиссары Ша-аард (или, как полагал Берен, эффекторы Аш-Шаира) появлялись перед людьми и вели с ними беседы, склоняя на свою сторону, предлагая даже вступить в сообщество Ша-аард. Это длилось достаточно долго, и вскоре противники контакта оказались в меньшинстве.

Когда подходил к концу первый год заключения экипажа, Ша-аард резко сменил (сменили?) тактику. Экипаж, проснувшись однажды, узнал, что он свободен, двигательные системы корабля работают, и можно возвращаться на родину.

С этого момента начинают разворачиваться самые драматические события. Берен Белгарион после первого прыжка объявил экипажу, что на корабле есть «засланец», оборотень, эффектор (или эмиссар) Ша-аард, принявший облик одного из них. Берен чувствовал его присутствие и его чужеродность благодаря своему пилотскому дару. Будь на корабле второй пилот, это можно было бы как-то проверить — но увы, второго пилота корабль не имел.

«Охота на оборотня», начавшаяся на борту, является основным камнем преткновения для апологетов Берена. Даже тем, кто разделял его уверенность в том, что Ша-аард не отпустил бы «Helya Maiwin» так просто, приходилось доверять суждениям пилота, доказать которые он не мог никак.

Поначалу ему поверили почти все — поскольку Ша-аард всем предлагал присоединение к сообществу, и никто не исключал того, что другой мог поддаться. Но ни в чем нельзя было быть твердо уверенным — в самом ли деле кто-то поддался? В самом ли деле он только один на корабле? В самом ли деле эффекторы Ша-аард лишены эмоций и свободной воли? Все было зыбко, все базировалось на неверных данных и смутных догадках. Но, повторюсь, поначалу экипаж добровольно согласился на новое заключение в корабле — до того момента, когда будет изыскан способ либо найти оборотня, либо убедиться, что на судне его нет.

Однако поиски затягивались. Среди экипажа начался ропот, который до определенного момента сдерживался силой капитанского авторитета. Вдобавок ко всему этому Берен избрал достаточно рискованный способ идентификации «оборотня». Основываясь на своем предположении об отсутствии эмоций у Аш-Шаира и полагая эмоциональные проявления его эффектора искусным притворством, он задался целью вызвать каждого из членов экипажа по очереди на проявление сильной эмоции, легко верифицируемой простыми средствами. Проще говоря — на гнев.

На протяжении нескольких месяцев Берен Белгарион старательно «вызывал огонь на себя». Замечу, что это должен был быть тот огонь, который невозможно сымитировать. Не просто легкое раздражение, а самый настоящий гнев, до потери контроля над собой. «Он вел себя как настоящий сукин сын», — признавался Линтир Итари. С чем это можно сравнить? Вообразите себе, что Коттон Мэзер в Салеме, вместо того, чтобы пытаться предполагать, что ведьм, провоцирует их пытаться себя.

В течение нескольких месяцев пилот оказался изгоем на корабле, настроив против себя даже мичмана Итари, до того — его лучшего друга. Его жизнь хранили два обстоятельства: власть капитана и то, что без него никто не мог бы вызволить корабль из космической тюрьмы. Уникальный пилотский дар.

Только Бог знает, какие ужасные ночи он проводил наедине с собой в каюте. Возможно, главы с 12-й по 17-ю написаны именно в этот период.

Файл 17-й главы датирован 19-м числом месяца хитуи по корабельному времени. 21-м числом датирована запись в бортовом дневнике: «Сегодня ночью, около 3-30 капитан Маблунг Хьярадан покончил с собой, застрелившись из табельного игольного огнестрела „Куталион-330“. Тело обнаружил пилот Берен Белгарион. Реанимационные мероприятия длились 1 час 26 минут. Я сделал все, что мог. Марах Майта Рианон, лейтенант, корабельный врач».

После этого события ускорились лавинообразно. Похоже, никто, кроме врача, не сомневался в том, что капитан на самом деле убит. Экипаж подозревал пилота, первым обнаружившего тело, Берен отрицал свою вину и настаивал на том, что виновен «оборотень», которого осталось установить среди пятерых подозреваемых (остальных он отсеял, как прошедших «проверку»).

Идея заставить пилота силой вывести корабль в локальное пространство Арды, несомненно, обсуждалась в экипаже и до того, как погиб капитан. Берен неоднократно получал угрозы, однажды был жестоко избит «втемную» — но после смерти капитана угрожать ему стали открыто. Из сухого профессионального отчета корабельного врача мы можем узнать, что последние дни перед финальным актом трагедии он провел в своей каюте, под замком, практически лишенный пищи (по счастью, перекрыть ему воду то ли не сообразили, то ли сочли слишком жестоким). Перед этим в рукопашной стычке, начатой им

самим, он тяжело, но не опасно, травмировал мичмана Итари. Терпевший унижения и удары от своих явных неприятелей, капитан-лейтенант Белгарион «оторвался» на последнем, кто был способен испытывать к нему хоть какое-то сочувствие, уложив того на неделю с лишним в лазарет — так это выглядело поначалу.

Через несколько дней мичман Итари понял, что Берен спасал ему жизнь. Иначе Итари неминуемо вступился бы за Берена во время решающих событий, и неминуемо был бы убит.

Удивляет то, что именно в это время были написаны самые светлые, жизнеутверждающие главы романа — с 21-й по 23-ю, истинный гимн любви, мужеству и верности.

Имена четверых, инициировавших жестокую драму с кровавой развязкой, не принято называть, так как двое из них все еще живы. Несомненно, в тот момент все они были ментально неадекватны, как, впрочем, и весь экипаж. Им было уже все равно, есть ли на борту «оборотень» или нет. Им было все равно, чем обернется для Арды появление там эмиссара Аш-шаира. Они хотели жить, хотели домой. Они приняли решение угрозой физических истязаний заставить пилота вывести корабль в локальное пространство Арды.

Доктору Рианону запретили делать записи в бортовом дневнике. Отчет о состоянии пилота после первого разговора с «горячей четверкой» находится в медицинском санаторе. Врач констатировал двойной перелом правой руки и многочисленные ушибы. Это было еще не претворение угрозы в жизнь, а, так сказать, предварительная демонстрация возможностей.

Два человека попытались воспрепятствовать этому. Бэй Маса-фато, инженер двигателей, и второй навигатор Лауран Гимильзаран встали на пути «горячей четверки». Дело дошло до кровопролития, и Маса-фато, гражданин кхандского государства Саинна, был убит. Погиб также один из «горячей четверки», Гимильзаран и другой «горячий» были ранены и попали в лазарет.

Даже если не принимать во внимание нравственную сторону вопроса, а думать только о том, как сильно зависят жизни экипажа от решений пилота, действия «горячей четверки» кажутся безумием. Берен Белгарион, доведенный до отчаяния, вполне мог в межпространстве расплыть корабль вместе с собой и со всеми, кто там находился. А впрочем, даже такой вариант наверняка устраивал «горячую четверку» куда больше, чем пожизненное заключение в жестянке, болтающейся среди звезд.

Поначалу они решили, что он сломался. До локального пространства колоний было четыре прыжка. Но после четвертого все поняли, что пилот завез их не туда, и что он намерен держаться до конца, каким бы этот конец ни был.

Он уже знал имя «оборотня». В ситуации неминуемого и тяжелого этического выбора только один из членов экипажа сумел сохранить холодный нейтралитет. А впрочем, Берен уже никак не мог воспользоваться результатом своих действий.

Дальнейшие поступки «горячей четверки» (точнее, уже «двойки») были обусловлены чистой яростью. Что именно произошло на мостике в тот день, 14-го числа месяца гвирит — не знает никто, потому что нет живых свидетелей. Но под ложечкой у меня застывает всякий раз, как думаю о том, как Берен Белгарион лежал в тесном коконе гибернационной капсулы, слыша только боль в правой руке и ожидая — когда за ним придут.

За ним пришли и извлекли из капсулы. Точнее, раскрыли ее — на большее не хватило терпения. Один из нападающих был найден мертвым с окровавленным обрезком титанового стержня в руке. Другой — тоже мертвым, но безо всяких подручных средств. У них (по

крайней мере, у одного из них) хватило ума срывать злость на пилоте, не сняв с него прыжкового наношлема. Диагноз при вскрытии поставлен один и тот же — мгновенная гибель всех нервных клеток, «прыжковая смерть», настигающая каждого, кто находится вне габаритов капсулы.

Вряд ли Берен Белгарион пытался покончить разом и с собой, и с ними по принципу «умри, душа моя, вместе с филистимлянами». Скорее всего, попытка совершить прыжок произошла в состоянии болевого шока, на грани потери сознания. Во всяком случае, чувствуя свое тело, ни один пилот не может включить «межпространственную ориентацию».

Остается загадкой только один вопрос — куда делось тело пилота, который, по идее, должен был умереть точно так же?

По наиболее вероятной версии, оно было захоронено в космосе доктором Рианоном, не желавшим сохранять улику против тех, кто остался в живых. Версия довольно слабая — именно письменные показания доктора Рианоны рисуют наиболее полную и беспощадную картину бунта на корабле. Никакой симпатии к заговорщикам он не испытывал и подробно описал все их действия. Происшедшее произвело на него столь глубокое впечатление, что все семь с половиной лет на борту корабля он ни с кем не обменялся ни словом, и лишь через год по возвращении домой сумел выбраться из усиливающегося аутизма.

По другой версии, тело Берена Белгариона захоронил в космосе мичман Итари. Однако тогда совершенно непонятно, почему он это отрицает. Утверждения о том, что произошло «вытеснение, вызванное комплексом вины» — попросту говор, что Итари «забыл» о том, как хоронил друга — не выдерживают никакой критики. Во всяком случае, Итари не забыл, как прослушал последнюю запись происходившего на мостике и как убил своими руками человека, имя которого Берен Белгарион назвал перед тем, как... погиб? Исчез?

Итари не отрицал своей вины перед трибуналом: он действительно убил второго инженера Вейна Варатта, так как действительно полагал того оборотнем — уже не только со слов Берена Белгариона, но и по собственным убеждениям. Но если он не отрицал того, что считал преступлением и требовал для себя казни — то зачем он стал бы отрицать (хотя бы внутренне) факт похорон друга?

Есть и еще одна версия, совершенно безумная: произошло чудо, вроде того, которое случилось в романе с героем и тезкой Берена Белгариона. Он действительно исчез, отправившись в невозможное одиночное странствие среди звезд. Когда-нибудь он вернется.

Эпиграф от автора

Пойманный в смерть, точно в ловчую сеть,
Я слушал, как пела печаль.
Не знал я, сломав этой жизни печать,
Как больно умеешь ты петь...

Анонимный бард 5-й эпохи, известный как «Слепой страж»

Эпиграф от переводчика

И много будет странствий и скитаний -

Страна любви — великая страна,
И с рыцарей своих для испытаний
Сурово будет спрашивать она.
Потребуется разлук и расстояний,
Лишит покоя, отдыха и сна.
Но вспять безумцев не поворотить -
Они уже согласны заплатить
Любой ценой, и жизнью бы рискнули,
Чтобы не дать порвать, чтоб сохранить
Волшебную, невидимую нить,
Которую меж ними протянули.
Свежий ветер избранных пьянил,
С ног сбивал, из мертвых воскрешал,
Потому что если не любил -
Значит, и не жил, и не дышал.

Ингвион Ардахир

Глава 1. Берен

Как только началось таяние снегов и открылись тропы в горах, его обложили со всех сторон. Саурон и Болдог ничего не оставляли на волю случая: волки и орки тщательно прочесывали лес за лесом, ущелье за ущельем, все туже и туже смыкая полукольцо вокруг затерянного в предгорьях урочища, где была хижина старой ведьмы.

Ведьма умерла в день Солнцеворота, Берен остался наедине с ее козой. Ведьму он схоронил, а козу думал было зарезать, но решил не трогать, пока не придет нужда. Минула зима — нужда пришла: орки подступили совсем близко, и прорвать кольцо не было никакой возможности. Берен зарезал козу и завялил ее мясо. Собрал в дорогу то, без чего никак не мог обойтись, и вышел.

На следующий день с плеча Грозовой Матери он видел, как орки и волки суетились вокруг хижины. Но Берен был уже далеко и мокрый снег занес его следы.

Когда по прошествии месяца Берен спустился с другой стороны Эред Горгор, от него уже мало что осталось, а когда он выбрался из Нан-Дунгортэб, — его уже почти что и не было. Не различая дня и ночи, скал и деревьев, кустов и животных, возможных врагов и возможных друзей, он медленно, упорно и бездумно двигался вперед — как хитрая нолдорская игрушка с заводом. Галечное дно речного русла, наполняющегося только по весне, — «вейдх» — задавало направление: где проложила путь вода, сумеет пройти и человек. Берен шел. В агонии потерялся миг, когда щебенка перестала ранить ноги. Кругом было темно, и ночь это или полная слепота — он уже не мог понять.

Потом увидел в отдалении свет, услышал смех, голоса и музыку — и, задыхаясь, поковылял туда, уже не надеясь, что это — люди, а не морок, созданный воспаленным сознанием...

* * *

Это была дивная весенняя ночь — одна из тех безлунных ночей, когда звезды особенно яркие и крупны, а воздух напоен запахами пробуждающейся жизни. Их было десятка два — Лютиэн, Неллас и Нимлот, стайка их подруг, непременно — Даэрон и Ильверин и их друзья с арфами и флейтами, и здесь, на окраине Нелдорета, они воскрешали в песнях и танцах те дни, когда мир был юн и эльдар бродили под звездами.

— Давайте пройдем чуть дальше, — предложила Лютиэн.

— Здесь — граница Нан-Дунгортэб. Здесь может быть опасно, — сказал один из мужчин.

— Но ведь мы еще не вышли из-под Завесы, — пожалала плечами Неллас. — И мы еще не устали. Право же, давайте пойдем дальше, давайте идти, пока солнце не сядет!

И они шли, пока не село солнце, а когда оно село, расположились на небольшой круглой полянке, сплошь поросшей болиголовом. Сначала танцевали все, кто не играл и не пел, потом танцевали и пели поодиночке, потом Лютиэн танцевала и пела одна. Песней она сотворила белый огонь и свет, и танцевала в круге света. Пела же она о том, что произошло в

этих лесах давным-давно: о чудесной встрече своих отца и матери, и голос ее дивно переплетался с напевом флейты Даэрона... Время расступалось, точно руки танцовщицы раздвигали пыльные занавеси лет. Еще немного, знала Лютиэн, и колдовство этой ночи, и колдовство песни сделают свое дело: слушателям и зрителям воочию предстанет то о чем она поет, помолодеют звезды и лес, и на этой поляне соединят руки Элу Тингол, эльфийский король, и Мелиан, звезда, сошедшая с небес...

Песню оборвал испуганный женский крик, и почти сразу же Даэрон схватил Лютиэн за руку.

— Беги! Опасность, зло в наших пределах! Беги, Лютиэн, беги!

Чары рассеялись — она успела разглядеть спутанные, грязные волосы надо лбом и прямо на лице — или на морде? — пронзительные серые глаза, обветренные потемневшие губы — и почти ничего больше: Даэрон тащил ее за руку, да ему и особенно и стараться не приходилось — ноги сами несли Лютиэн прочь от страшного явления. Где-то поодаль перекликались другие, Даэрон отпустил руку Лютиэн, уверенный, что она следует за ним — да так оно и было какое-то короткое время. Лютиэн стремглав бежала от того места, где неведомое ужасное создание прорвало волшебную Завесу Мелиан — до тех пор, пока к ней не вернулось обычное здравомыслие.

Какие бы ужасные чары ни одолели чар ее матери — в такой близости она должна была бы почувствовать возмущение сил. Однако же не почувствовала.

Она остановилась. Даэрон, не заметив этого, бежал дальше, иногда перекликаясь с теми, кто бежал слева и справа.

Лютиэн, прикрыв глаза, восстановила в памяти лицо (она была уверена — лицо, а не морду) неведомого существа. Оно было страшноватым — но теперь Лютиэн могла назвать то, что разглядела за короткий миг в глубине глаз незнакомца: страдание. Кем бы он (оно?) ни был — он страдал и нуждался в помощи.

Так же быстро, как прежде, Лютиэн помчалась в обратную сторону. Полянка открылась перед ней. Ночной пришелец был все еще там — на краю поляны, где и увидел его Даэрон. Он не решился отойти от этого места даже на шаг — только упал на колени. Стоя за деревом, Лютиэн слышала его хриплое, рваное дыхание, и сердце ее сжалось: пришелец плакал. Это был страшный сухой плач без слез, безмолвный вопль отчаяния. Корчась в рыданиях, странный гость повалился на пружинистый ковер из опавших листьев, царапал землю ногтями, сжимая в горстях перегной и мох. Лютиэн вышла из-за дерева и подошла к нему поближе, встала почти прямо над ним...

Она не боялась. Она видела теперь, как он истощен и слаб. Он был грязен, от него скверно пахло... Догадка блеснула как близкая молния: он прошел через Нан-Дунгортэб! Рядом лежал его меч — длинный клинок нолдорской работы, в затрепанных ножнах воловьей кожи. Значит, это воин. Воин-golda (1). Неужели golda можно довести до такого состояния? Нет, это не эльф. И не орк... Это...

Он вдруг перестал биться в приступе глухой муки, резко, как только мог, вновь вскочил на колени, пальцы сжались на рукояти меча. Его взгляд снова встретил взгляд Лютиэн — напряженный прищур подсказал ей, что он плохо видит в темноте...

Человек. Смертный. Adan(2)...

Она слегка склонилась — чтобы он сумел разглядеть ее лицо и оставил свой страх. Сколько времени они стояли так — неизвестно. Потом Лютиэн как можно мягче спросила у него:

— Кто ты?

Губы его дрогнули в попытке улыбнуться — и лопнули: в трещине показалась капелька крови. Он явно попытался что-то сказать — но горло вновь перехватило, и лишь сиплый выдох вырвался из груди. Протянув руку вперед, человек на миг притронулся к протянутой руке Лютиэн — и повалился замертво, как скошенный.

Он не был мертв, он только лишился чувств. Лютиэн опустилась рядом с ним на колени, осмотрела его получше — нет, на нем не было серьезных ран, ни первым зрением, ни вторым она ничего подобного не увидела. Он медленно угасал от истощения — телесного и душевного. Ему требовалась вода, требовалась пища — но у Лютиэн ничего не было с собой. Человек был без сознания, и его душа не собиралась расставаться с телом немедля. У нее было время по меньшей мере, до рассвета — чтобы найти остальных беглецов и взять у них все, что человеку было необходимо.

Уходя с поляны, она оглянулась в последний раз. Как же все-таки он сумел пройти через Завесу Мелиан, не возмутив ее? Он — чародей? От жгучего любопытства у нее захватило дух: прежде она никогда не слышала, чтобы среди людей были чародеи. Отойдя от поляны шагов на шестьсот, она услышала тихий оклик Даэрона...

* * *

Привычка вскидываться на любое колебание воздуха не подвела Берена — но от резкого движения в глазах потемнело, и если бы над ним стоял враг, он мог бы брать человека теплым.

Но то был не враг.

Дева... Берен далеко не сразу вспомнил то слово, которым называются эти небесные создания прежде, чем становятся старухами... Синий шелк, отягощенный золотым шитьем, кожа — светлая и нежная, волосы — черные, глаза — живое серебро...

Вот и пришла моя смерть, подумал он. Потому что земной мир такую красу породить, кажется, не в силах. Я умер, и Валиэ явилась по мою душу...

— Кто ты? — спросила она.

Он протянул руку и слегка коснулся ее ладони. Пальцы ее были сухими и теплыми — Берен понял, что все-таки жив. Он попробовал сказать: «Я Берен, сын Барахира». Попытался попросить: «Помогите», — пересохшее горло исторгло лишь хрип.

Звезды померкли, деревья качнулись в сторону, стебли болиголова кинулись в лицо — Берен упал и забытые накрыло его с головой.

Казалось, он был без сознания совсем недолго — открыв глаза, он видел над собой те же звезды.

Девушка исчезла.

Берен прислушался. Ничего — только шум листьев. То ли она привиделась ему, то ли убежала, бросив его. Безумие отступило, пришло безразличие. Была ли эта красавица явью, сном, бредом от недосыпа и жажды — все равно. Он погибал? Наплевать.

Безразлично шумел ночной лес, ветер ворочался в кронах, журчал ручей...

Ручей!!! Дурак! Ручей!

Берен перевернулся на живот, попробовал встать — заплечный мешок и меч были уже неподъемны. Высвободившись из лямок, он пополз на звон бегущей воды... Пил, как животное, лакал, словно пес, пока не заломило зубы, пока не заболел живот, пока перед глазами не пошли круги...

Потом его вырвало.

Откатившись в сторону, он полежал еще немного у корней ближайшего дерева. Затем снова вернулся к воде, но на этот раз пил осторожно, понемногу... Потом опять отполз к тому же дереву и сел, привалившись спиной к мшистому стволу.

Он снова слушал шум леса, но теперь это был шум жизни. Утолив жажду, он смог рассуждать спокойно. Даже не найдя людей и помощи, он выживет и один, раз есть вода, лес и такая чудная весна...

...Они не были бредом — те, на чей волшебный огонь он вышел из пустыни. Но не были и людьми. Эльфы. «Серые» эльфы из Дориата.

Берен и не думал о такой удаче. Эльфы из пограничной стражи Дориата — это значит, что здесь нет орков, которым он был сейчас не соперник. Конечно, нарушение границы могло быть истолковано как враждебное намерение, но ведь пересечь границу Дориата было невозможно — так говорили люди знающие.

Нужно было вернуться и подобрать свой заплечный мешок. Подобрать меч, сбереженный в горах, в жутком лабиринте лавовых полей и галечных дорог вейдх.

Дорога от ручья до поляны и обратно заняла целую вечность и выпила остаток сил. Подтащив свое немудреное имущество все к тому же дереву, Берен повалился на палую листву и заснул сразу же, словно сознание задули как свечу.

* * *

Увидев Лютиэн, Даэрон опустил глаза.

— Бросил меня, да? — пряча улыбку, спросила она. — Убежал один?

v — Я думал, ты бежишь за мной, — ответил Даэрон. — Зачем ты возвращалась? Ты понимаешь, как опасно существо, способное прорвать завесу Мелиан?

— Ты хоть знаешь, что это за существо? — спросила Лютиэн. — Что это за могучий страшный зверь, наделенный неведомым волшебством?

Даэрон не выдержал ее взгляда и снова склонил голову.

— Это человек, — тихо сказала Лютиэн. — Обычный смертный. Голодный, жаждущий и истрадавшийся до предела. Пришедший из Нан-Дунгортэб — что он видел там? Что он там пережил? Вот, кого мы испугались. Вот, от кого бежали, сломя голову...

— У меня остались лембас, — тихо проговорил Даэрон. — Он все еще там?

* * *

Берену снился кошмар, ставший привычным за четыре года: черные птицы на льду, кровь, крик... Огонь в ночи. Окошко, переплет косой, накрест, как водится в Дортонионе...

Горлим, не ходи. Не ходи, Горлим, там засада!!!

Крик... Крик!

Эй-ли-нэээээль!

Хохот... Нелюдской хохот, хотя среди убийц есть и люди. Нет, тот, кто служит Морготу, уже не человек...

Хохот... Птицы, черные птицы на белом льду... «Аарк, Аарк... Поздно, слишком поздно...»

...Он проснулся в холодном поту, как просыпался не раз с той ночи.

По левую руку лепетал ручей, правая рука затекла немилосердно... Берен сел, растирая правое плечо.

Стоял жаркий полдень.

Опять хотелось пить.

При свете дня это место казалось более живым и красивым. Благословенным — так было бы правильней всего. Самый его воздух исцелял тело и душу — Берен чувствовал в себе гораздо больше сил, чем мог бы дать простой ночной отдых. Или он проспал больше, чем одну ночь? В Нан-Дунгортэб он не спал вовсе, заснуть там означало заснуть навсегда...

Ручей, из которого он пил ночью, был родником, начинавшимся здесь же, у корней старого дерева, породу которого он не знал: в Дортонионе таких не бывает. Ложе родника кто-то расчистил и заботливо выложил камешками, придав ему форму круглой чаши. Эльфы, синдар — больше некому. Берен склонился над родником и посмотрел в глаза человеку с той-стороны.

Нехорошие у него были глаза. Худое, заросшее безобразной бородой, грязное лицо вполне сошло бы за морду орка, а то и дикого зверя. Под стать зверю был и взгляд: серые волчьи звезды в провалах глазниц. Немудрено, что ночная танцовщица убежала от такого зрелища.

Берен ударил по воде рукой, чтобы прогнать кошмарное видение. Он бы и сам от себя убежал — знать бы, как...

Слезы нахлынули бурно и неожиданно. Отец дал бы ему хорошую взбучку за такие безобразные, недостойные мужчины слезы... Но и Берен давно подросток, и отец уже четыре года был мертв...

Он видал людей, низведенных до уровня не то что лесных зверей — бездумной скотины под ярмом. Сам он долгое время вел жизнь, которая больше пристала медведю, нежели человеку, но уж о себе-то он думал, что скорее умрет, чем дойдет или позволит себя довести до состояния неразумной твари, даже образ человеческий потерявшей окончательно и забывшей прочно. И вот теперь — он не мог вспомнить, как выглядел прежде, чем потеки грязи покрыли лицо, глаза ввалились, а борода слиплась в колтун от козьего жира, которым, пытаясь обмануть солнце, он смазывал лицо; и от сукровицы, которой сочились ожоги — ибо солнце все-таки не удалось обмануть, и рожа пошла пузырями что твое печеное яблоко.

Он силился вспомнить то лицо, которое когда-то видел в зеркале. Ведь Берен считался красивым юношей... Говорили, что похож на эльфа... Кто же сотворил с ним такое? Кто сделал так, что теперь он и на человека-то не похож? Чем он это заслужил, какой совершил грех, что осужден быть зверем среди зверей?

Он знал — какой...

...Что-то, завернутое в серебристые свежие листья, лежало прямо перед его носом — поглощенный своими терзаниями, Берен не замечал этой вещи, наверняка положенной сюда, когда он спал. Протянув руку, он развернул неожиданный подарок.

Лембас. Эта штука называется «лембас».

Про «эльфийские сухари» рассказывали такое, чему верить никакой возможности не было. Говорили, к примеру, что здоровенному мужику одного такого сухарика хватает на целый день — причем, не на день лежания на печке, а день работы в полную силу, похода или битвы. Говорили, что сухари раз от разу меняют свой вкус, становясь на языке тем, чего тебе в настоящее время больше всего хочется. Говорили, что они лечат от разных напастей — не то чтобы могли поднять смертельно раненого или исцелить чумного, но вот если у тебя цинга или куриная слепота, или с голоду открылись старые раны, или донимает кровавый понос — то это запросто...

Разумные люди всем этим байкам не очень-то верили. Берен не верил, а точно знал: это правда. Во время перехода через топи Сереха с остатками дружины Финрода Фелагунда ему приходилось есть лембас. И все целебные свойства этих лепешек были сейчас очень кстати, потому что десны его кровоточили, глаза слезились днем и плохо видели в сумерках, а раны и царапины, полученные в горах и в пустоши, никак не хотели заживать.

Сняв со связки один сухарик, Берен завернул остальные в листья и положил в мешок. Достал из того же мешка кожаную флягу, набрал родниковой воды и сел под дерево, в удобную ложбинку между корнями. Отламывая от сухарика маленькие кусочки, клал их в рот и ждал, пока они растают. Запивал водой, чтобы усилить ощущение сытости. Думал...

Итак, эльфы не бросили его. Даже помогли. С помощью этих лембас он в два дня поправится, а уж там — не пропадет... Прежний замысел оставался в силе: идти на юг, пока не упруешься в Завесу Мелиан — это ни с чем нельзя перепутать — а там повернуть на запад и топтать в Димбар... Или на восток, к Горе Химринг? Когда-то это ведь было очень важно: именно на запад, и именно в Димбар, почему-то такое решение он принял... Забыл. Проклятье. Берен пошарил за пазухой и достал шнурок с ладанкой — он служил чем-то вроде календаря. Берен завязывал на нем по узелку каждый день — начиная с того, как покинул землянку. Сейчас весна была в разгаре, и белые облака, висящие среди листвы, могли быть только яблонями в цвету. Он сосчитал узелки: тридцать пять. Последние дни не отмечены: они прошли в бреду и безумии, счет им потерялся, хотя вряд ли было их больше пяти. Значит, сорок дней он петлял по горам и тащился через пустыню.

Берен рассмеялся. Он не мог выжить в этом походе, об ужасах Эред Горгор и Нандунгортэб ходили легенды, и Берена передернуло, когда он вспомнил, что там видел и делал, но все-таки он выжил и добрался сюда, в окрестности Нелдорета. Теперь сами Валар велели дойти до Димбара. Сказать Государю Фелагунду... что? Что в той камере его памяти, которая наглухо замурована и завалена, как... Как тот колодец в деревушке без названия? Голос и речь, а еще что? Берен в очередной раз ткнулся в глухую, черную стену забвения. Ничего. Он беззвучно застонал и ткнул кулаком в землю.

Лембас имела привкус меда, молока и земляники.

Земляника с медом и с молоком — в детстве это было любимое лакомство. Берен и Роуэн собирали ее, уходя в лес на целые дни... с ними был третий, но Берен, сколько ни силился, не мог вспомнить, кто. И все трое толклись вокруг большой миски, в которую бабка Андрет бросала очищенную землянику и получали деревянным черпаком по рукам, если лезли в залитую медом землянику раньше времени, пока она не дала сок... А потом в миску

наливали молока доверху — готово! И они, толкаясь плечами, уписывали лакомство за обе щеки и порой дрались за право выпить розовый сладкий сок, уже не поддающийся вычерпыванию ложкой... Потом за земляникой начала ходить с ними маленькая Морвен, и Берен как самый большой, должен был таскать ее в коробе на плечах...

Он попытался вспомнить лицо матери, каким оно было тогда, в дни его детства...

Не вспоминалось.

Вместо него приходило на память другое лицо — той девушки, что танцевала в столпе света и пела... Память возвращала ее голос, и прекраснее этого голоса не было в мире ничего... Он вывел Берена из темноты к свету. Он дал жизнь.

Берен придумал ей имя: Тинувиэль. Его народ говорил на смеси талиска и синдарина, и сам он носил вполне понятное эльфу имя. Тинувиэль означало «дитя сумерек», так эльфы называют соловья. Маленькую серую пташку, что поет ночью под синим небом. Тинувиэль, Соловушка...

Он был уверен, что именно Соловушка принесла лембас. Возможно, как раз по ее просьбе Берена еще не задержали часовые Дориата.

Сейчас, напившись и насытившись, думая о ней, Берен почувствовал, как смраден и грязен. Следовало, раз уж стоит такой теплый день, прополоскать где-то свои тряпки, да и самому вымыться.

Оскорблять родник стиркой ветхих обмоток не годилось. Он встал и поковылял вниз по течению ручья. Ноги болели невыносимо. Сапоги, запросившие пощады еще в Эред Горгор, скончались в пустыне, не выдержав мучений — и то, что от них осталось, почти никак не защищало ступни от камней и колючек. Впрочем, здесь этой пакости не было. Мягкая густая трава ласкала кожу, земля была еще прохладной, и казалось, что раны и трещины заживают на ходу. В двух сотнях шагов была мелкая, быстрая, с песчаным плотным дном речонка, в которую впадал ручей. Упавшее дерево перегородило ее в одном месте, образовав заводь по колено глубиной.

Вода была на удивление теплая.

Берен разделся и лег в воду — головой на берегу, ногами на другом. Немного отдохнув, вымылся с песком, кое-как выстирал одежду и разложил ее на берегу. Не заметил, как уснул — блаженство и покой одолели осторожность. Очнулся, когда солнце опустилось за верхушки деревьев и воздух ощутимо похолодал. Снова искупался, проверил одежду — еще влажная — достал нож и точильный камень, опять сел ногами в воде и принялся за работу. Ему нужна была очень хорошая заточка: он собирался побриться, чтобы проложить между собой и тем зверем, что напугал ночную танцовщицу, как можно большее расстояние.

* * *

Человек был опасен.

Сейчас он так ослаб, что Даэрон справился бы с ним шутя. Любая женщина справилась бы с ним. Он шатался под тяжестью своего меча и своего тощего мешка, а чтобы облегчиться, ему пришлось прислониться к дереву. Забравшись в речку, он почти сразу же снова потерял сознание, и Даэрон испугался — не пришлось бы его оттуда вынимать, пока

он не захлебнулся. Обошлось. Смертный благополучно выбрался на берег — и снова заснул. Его можно было брать голыми руками — и тем не менее он был опасен.

Даэрон, менестрель, привыкший подчинять себе слова, сейчас не мог найти слов, чтобы объяснить эту опасность. Она была смутным чувством, но сильным и неотвязным. Убедившись, что смертный спит, Даэрон подобрался поближе и рассмотрел его меч и нож. Меч был работы golodhrim, а от golodhrim Даэрон никогда не ждал ничего хорошего. На перекрестье гарды и клинка был знак Дома Арфина и маленький личный значок: острый язычок пламени.

Аэгнор. Этот меч выковал сам Аэгнор, сын Арфина, брат Финрода Фелагунда. Человек носящий такой меч, едва ли был простым воином. Четирем братьям-арфингам служило человеческое племя, называвшееся Народом Беора, Народом Вассала. Значит, если человек, распростертый на траве — не везучий мародер, то он — беоринг.

Нож был человеческойковки — такой, какие носят люди народа Беора, недавно бежавшие из-за Эред Горгор и поселившиеся в Химладе: длинный, односторонней заточки, с легкой деревянной рукоятью. Нож подтверждал первоначальную догадку: перед Даэроном лежал беоринг, причем не простой, а знатный. Все говорило за это — оружие, остатки одежды, внешность человека: высокий, как эльф, темноволосый, резкие, крупные, но тонкие черты лица... Вылитый golda, если бы не борода. Даэрон разглядел еще кое-что: шрамы, нанесенные железом в бою и шрамы на запястьях. Человек воевал и попадал в плен. Удача изменяла ему, но, как видно, не покидала его совсем, раз уж ему повезло живым выбраться сюда. И еще одно: длинный шрам, начинавшийся на плече и тянувшийся через всю грудь почти до правого соска — эта рана была в свое время защита, и защита рукой эльфа.

«Зачем тебя принесло сюда?» — в сердцах подумал Даэрон. — «Что бы тебе выйти к своим, в Химлад? И как ты сумел миновать Завесу?»

Веки человека дрогнули — и Даэрон отступил в заросли. Человек сжал кулаки, задышал часто и хрипло, резко перевернулся на бок — и проснулся.

Какое-то мгновение он был еще там, внутри своего сна — и едва ли это был хороший сон: на лбу смертного выступила испарина. Но он тут же опамятовался, тряхнул головой, умылся, пощупал одежду и принялся точить нож. Похоже, он ничего не заподозрил.

Он точил нож и брился, а Даэрон внимательно рассматривал тряпку, в которую был завернут точильный брусок. Последнее, что окончательно говорило в пользу его догадки — эта тряпка, бывшая когда-то родовым плащом, сотканным в три цвета. Тряпка была грязной, но не настолько, чтобы нельзя было различить цветов и узора: черный, синий и белый; косая клетка.

Сбрив бороду, красивей смертный не стал: лицо и так облезало клочьями, а после бритья из-под счищенного ножом слоя мертвой кожи показалась молодая, розовая — и человек сделался похож лицом на молодой клубень земляного хлеба. Он отправился в лес — за хворостом. Каждую большую ветку он тащил отдельно и отдыхал подолгу. Даэрон запахнулся в плащ, надвинув капюшон почти до подбородка и склонив голову — смертный прошел мимо и не заметил его. Не заметил он и Дионвэ из пограничной стражи.

— Это он и есть? — тихо спросил лучник, склонившись к самому уху Даэрона. — Как он сюда попал?

Даэрон развел руками.

— Что мы будем с ним делать? — спросил Дионвэ.

— Это дело должен решить король. А пока мы должны удерживать его здесь. — Даэрон

говорил тихо, но не особенно скрываясь: смертный ломился через лес как конный golda и вряд ли слышал что-нибудь вокруг себя. — Королевна уже сделала кое-что, я не знаю, когда он это обнаружит.

— Как он прошел Завесу?

— Это я и хочу выяснить.

— Почему не сейчас?

— Пусть он отдохнет — так хочет Лютиэн. Тебе бы понравилось, если бы тебя допрашивали голодным и полумертвым?

— Не так уж трудно было бы его накормить. Почему бы не взять его под стражу и не доставить в Менегрот?

— Лютиэн боится, что он тяжело перенесет задержание и плен. И я склонен с ней согласиться. Он... еще немного не в себе. Вскидывается на каждый шорох и мечется во сне. Здесь ему будет лучше.

— С королевной что-нибудь случилось? Я слышал, она встретила с ним один на один.

— Она испугалась и меньше всех нас, и больше всех нас.

— Его?

— Похоже, что не его, а за него.

Дионвэ удивленно приподнял брови, но ничего не сказал.

— Почему бы тебе не поговорить с ним для начала? — спросил он вместо этого.

— Не сейчас: пусть он немного придет в себя. Я уже... кое-что узнал и хочу это проверить. Скажи: ты нес охрану на западных рубежах?

— В последний раз — три луны тому, — сказал Дионвэ.

— Ты знаешь кого-то из этих сумасшедших горцев, которые осели в Бретиле?

— Нарво из рода Дэррамаров, — сказал Дионвэ.

— Какой плащ он носит?

— Желтый с коричневым и черным.

— А кто носит белый, черный и синий?

Дионвэ призадумался на минуту, потом уверенно сказал:

— Таких плащей я не видел ни у кого.

Даэрон кивнул.

Это не подтверждало его догадку напрямую, но косвенным образом работало на нее. Он постарался отогнать эту догадку, отложить ее в сторону: такие преждевременные выводы нередко стоят на пути у верных решений.

— Белег знает? — спросил он у Дионвэ.

— Мы отправили Гилтанона с вестью — сегодня или завтра он узнает. Если смертный захочет углубиться в Дориат, что я должен делать?

— Ничего. С этим уже справилась Лютиэн. Ты должен следить за тем, чтобы никто из наших не тревожил его и не совался к нему.

— Почему?

Даэрон уже собрался уходить, но оглянулся.

— Он опасен.

Родник.

Берен без сил опустился на колени. Снова проклятый родник... Снова проклятое дерево, о которое так удобно опираться спиной... Изрытые его ногами мох и перегной...

Во второй раз, чтоб не потерять дорогу, он держался русла реки и шел все время вниз по течению. Как же вышло, что он опять оказался у Морготом проклятого родника?

Колдовство. Эльфийские чары... Возможно, это и есть Завеса Мелиан — его возвращают все к тому же месту. Если так...

«Ладно», — подумал он. — «Ладно... Подохнуть не дали — спасибо и на этом. Ну что, Дагмор, тогда завтра — на Запад, по солнышку?»

«А не на восток?» — спросил Дагмор. — «Или, раз на то пошло, не пересидеть ли здесь? Тебе пока нечего нести на запад. Хорош же ты будешь, притащившись к государю Финроду и не умея объяснить, кто ты и откуда взялся! С запертым горлом и замкнутой памятью...» Берен достал из мешка последний лембас, отломил краешек, положил кусочек в рот, проглотил... На этот раз лембас отдавал мятой...

Снова возникло чувство: следят. Берен вскочил, резко повернулся на шорох, надеясь увидеть в листве промельк эльфийского плаща... Нет. Никого и ничего. Он был один, как сказочный витязь в заколдованном лесу — сами собой появлялись волшебные лепешки, волшебные девы танцевали на полянах, но ни одной живой души не было вокруг — и все тропинки и стежки вели все к тому же источнику. Закусив губы, Берен опустился в промоину между корнями — в ту самую, что служила ему ложем в первую ночь.

Сквозь сон ему один раз почудилось чье-то присутствие. Подхватившись, он успел заметить тающий в темноте серебристый плащ, золотые заколки в ливне черных волос...

«Тинувиэль!» — он бросился туда, споткнулся о корень, растянулся во мху... Проклиная себя, сплевывая сухую траву и листья, поднялся и вернулся в «постель». Наваждение, сон...

Тинувиэль...

* * *

Дом Даэрона был в пещерах, неподалеку от маленького лесного озера. Если королевского певца не было в Менегроте, скорее всего, он находился именно дома. Или за пределами страны — Тингол чаще всего посылал с посольством именно его, да и по своей воле Даэрон нередко покидал Потаенное Королевство.

— Даэрон! — окликнула она, перешагивая порог.

— Я здесь! — послышался голос сверху. — Что привело принцессу в скромную обитель книжника и поэта?

Высокопарные слова он всегда говорил легко, шутя, и Лютиэн нравился этот тон, как и многое другое в нем — до того, что она полюбила Даэрона. Полюбила как сестра и подруга. Он ждал от нее иной любви, но... как-то не вышло. Она знала о его чувствах, а он знал, что чувствует она, и оба старательно не вспоминали о старом-старом разговоре, и от этого старания разговор вспоминался каждый раз при каждой встрече.

Улыбаясь, она поднялась наверх — в верхнюю пещерку, открытую всем ветрам. Даэрон

сидел там, со свитком и флейтой.

— Ты узнал что-нибудь? — спросила она.

— А что решил Король? — ответил он вопросом на вопрос.

— Отец согласился предоставить ему свободу. Неожиданно легко. Мне показалось даже... Я понимаю, что это смешно, но показалось, что он испугался, что человека могут привести в Менегрот. Ты говорил с ним? Ты видел его?

— Не все сразу, — Даэрон спустился вниз, вытащил из погребца оплетенный кувшин вина, достал яблоки и сыр, по ходу разговора накрывал на стол — точнее, на плащ, расстеленный Лютиэн прямо поверх травяной подстилки. — Я еще не говорил с ним. И никто не говорил с ним. Похоже, что он нем.

— Нем? — удивилась Лютиэн.

— Те, кто его стережет, говорили мне, во сне он нередко мечется, словно его мучают кошмары. Но он не стонет и не кричит, не издает вообще ни звука. Если бы были повреждены голосовые связки, он по меньшей мере бранился бы шепотом. Если бы был отрезан язык, он бы во сне в голос стонал. Похоже на немоту, порожденную заклятием — но я был очень близко от него и не чувствовал на нем никаких чар.

Лютиэн вспомнила первую встречу: человек попытался что-то сказать и задохнулся.

— Так значит, ты ничего о нем не узнал, — огорчилась она.

— Нет, — лукаво сверкнул глазами Даэрон. — Ничего... Только имя и род, и краткую историю жизни и последних лет — это так мало, что можно сказать: ничего.

— Даэрон! Тебе что, нравится дразнить меня? Говори же поскорее.

— Я посмотрел на него и его вещи, пока он спал на берегу. Меч его сработан самим Аэгнором. Твои голодримские родичи не дарят оружие кому попало — значит, он или знатного рода, или отчаянный храбрец, заслуживший такую награду. Я предположил, что он — из беорингов. Прийти он мог только из Дортониона. Лицо его сожжено солнцем, руки обморожены — он шел через горы, напрямик через Горгорат. Но не бросил там меча — значит, воин по рождению и воспитанию. Догадку подтвердили его шрамы: несколько боевых ран, одна защита рукой лекаря из голодрим. Он сражался на их стороне. Последние эльфы ушли из Дортониона девять лет назад — значит, он мог получить эту рану только во время Дагор Браголлах. Я слышал, что Аэгнор и Ангрод погибли сразу, и никто не уцелел из бывших с ними: первый попал под огненную волну, второго убили вместе со всем его отрядом. Итак, человек не мог получить этот меч от кого-то из них за доблесть, а раньше не было случая ее проявить. Этот меч получен до войны, либо перешел по наследству — что опять же указывает на сына вождя. Далее. При человеке были разные вещи, сделанные из одной и той же ткани: шерсть, черно-бело-синие полосы косым пересечением. Я знаю, что по таким плащам беоринги различают род. По моей просьбе стрелки Белега должны были расспросить на границе с Бретилем, кто носит синее, черное и белое?

Лютиэн не стала прерывать дразнящее молчание Даэрона и он продолжил сам.

— И я получил ответ сегодня утром: белое, синее и черное носят потомки самого Беора. Человек, потревоживший наш праздник, Лютиэн — это Берен, сын Барахира.

— Кто такой Берен, сын Барахира?

Даэрон улыбнулся.

— Барахир был младшим братом Бреголаса, правителя Дортониона... У Бреголаса было двое сыновей — Барагунд и Белегунд, у Барахира — один Берен. Дом Беора, как ты знаешь, получил лен от Финрода Фелагунда, брата Галадриэли. Бреголас погиб десять лет тому, на

северных границах, правление принял Барахир... Впрочем, там нечем сейчас править: страну разорил Саурон. Те из их народа, кто не пожелал жить под рукой Саурона Гортхаура, бежали в Бретиль и в Хитлум. Барахир попытался дать войскам Саурона еще один бой — в долине Ладроса при замке Кэллаган. Они сражались храбро, но были разбиты. Остатки дружины принялись разбойничать под началом Барахира, и неплохо пощипали саурановы войска. Но их становилось все меньше, и в конце концов осталось двенадцать человек; они укрывались по лесам, время от времени нападая на обозы и небольшие отряды. Тянулось это примерно с год, и народ начал поднимать голову, видя, как горстка храбрецов допекает Саурона. Многие пожелали последовать их примеру; Тху и его наместнику это было вовсе ни к чему, тем паче, что по лесным дорогам шастал не кто-нибудь, а сам законный правитель и трое наследников. Какой дурной пример для подданных! Их требовалось изловить во что бы то ни стало. Удалось разнюхать, что один из них — его звали Горлим — часто появляется в долине озера Аэлуин, где жила его жена... Их дом стоял опустевший, но Горлим знал, что женщина не ушла вместе со всеми, и приходил к своему дому в надежде, что она вернется. Рассказывают, что Саурон колдовством сотворил призрака этой женщины. И когда Горлим появился в деревне и увидел свет в окне, он не удержался и подошел к дому. Его схватили, пытали — и он рассказал, где скрываются Барахир и его люди. Потом несчастного предали мучительной смерти... Барахира и всех остальных окружили. Сопротивлялись они отчаянно, поэтому все были убиты. Кроме одного из воинов, который отсутствовал в лагере. Молва гласит, что это и был Берен. Ночью он напал на лагерь орков, убил одного из вожаков и украл правую руку Барахира с кольцом Фелагунда, которую те прихватили в качестве доказательства. После этого возобновились дерзкие нападения — но теперь нападавший был один. Погибали предводители карательных отрядов, их добровольные помощники, местные конены, переметнувшиеся к Саурону... Рассказывали всякое: что Берен колдун, что он умеет превращаться в медведя или появляться одновременно в двух-трех местах, понимает язык зверей и птиц, не трогает ни одной живой твари, если та не служит Врагу... не ест мяса... Люди Бретилиа и те, кто служит Маэросу Феанорингу, полагают на него свои надежды. Однажды он вернется, верят они, и, встав под его знамена, они освободят Дортонион.

— Вот как, — Лютиэн потрясенно качнула головой. — Ты уверен, что не ошибаешься?

— На девять десятых. Ты помнишь подаренного гномами пардуса, долгие годы проведенного в клетке? Сломанная гордость. У этого человека стать и взгляд вождя, но порой он словно внутренне склоняется, сгибается до самой земли. Он раздвоен, разорван пополам. Это мучает его.

Лютиэн вздохнула.

— Не так давно матушка предсказала, что с севера придет человек, смертный, который сможет пройти через Завесу. И появление этого человека будет означать, что час Дориата близок. Что именно произойдет и как — не было ей открыто, но этот человек изменит судьбу всего Белерианда — навсегда и необратимо.

— О! — Даэрон впервые слышал об этом предсказании — Мелиан произнесла его только в присутствии мужа и дочери. Так вот оно что... Король Элу, Серебряный Плащ... Он горд, ему трудно, мучительно признавать над собой чью-то власть — хотя бы и власть Судьбы. И он мудр — он знает, что с Судьбой не спорят. Ее можно обойти — но очень, очень трудно... И — только по мелочам.

— Отец хочет задержать смертного, чтобы понять — как именно его судьба сплетена с судьбой королевства, — принцесса опустила ресницы. — Я думала, он прикажет отпустить

Берена. Даэрон, я не хочу больше водить его кругами. Если отец не желает упускать его из виду, почему бы нам не разрешить человеку поселиться где-нибудь на окраине... Например, в твоём охотничьем домике?

— Это замечательная мысль, — сказал Даэрон. — Сделаем завтра же.

* * *

Тропинка вела на запад.

Как она появилась там, где ее и в помине не было еще вчера? Или была, да он не замечал? Чушь, тропинку проглядеть он не мог... И все же — откуда она взялась, ведь все как вчера, все на своих местах?!

Эльфийская магия. Он хотел на запад — его ведут на запад... Если не опять по кругу. Тревога уходила: признаков того, что его ведут куда-то не туда, Берен не замечал. Когда день сошел на нет, он увидел дом...

Люди сказали бы, что это невероятно старый дуб, полый внутри, кем-то приспособленный для удобного ночлега: навешен полог, внутри лежит свернутый гамак и несколько льняных одеял, рядом вырыт колодец, обложенный диким камнем, трава на полянке как нарочно мягкая, высокая и густая, и в прохладной ямке под корнем кто-то оставил корзину с едой. Все как положено: волшебный дом для сказочного витязя...

Меньше всего хотелось бы вламываться в чужое жилище, тем более — жилище эльфа. Берен решил ограничиться внешним осмотром, и почти сразу заметил в корзине кусок бересты, исписанный рунами Даэрона.

«Берен, сын Барахира. Ты находишься в королевстве Элу Тингола и должен следовать нашим законам. Еда, одежда, оружие, постель и кров — для тебя. Оставайся здесь, пока тебе не позволено будет уйти. Жди».

Берен сел на выпирающий корень дуба, вертя послание в руках. Значит, в королевстве Тингола... Но не мог же он пересечь Завесу! Не мог... Или мог? Он достал из-за пазухи ладанку, развязал ее и вытряхнул на ладонь свитую кольцом длинную прядь каштановых волос и перстень Фелагунда. Погладив локон пальцами, спрятал обратно. Перстень оставил на ладони.

Две змейки — золотая и серебряная, с изумрудными глазами — сражались, сплетаясь телами, за корону. Не столько украшение, сколько знак власти. Символ дома Финарфина... Единственного нолдорского дома, для которого были открыты рубежи Дориата... Берен спрятал перстень обратно. Он не любил смотреть на кольцо: слишком живо помнилось, как вожак орков размахивал в темноте отрубленной рукой отца, и изумруды вспыхивали в отсветах костра...

Надо было как-то устраиваться. Надо было найти хоть кого-то из эльфов и узнать, наконец, о дороге в Димбар.

В «доме» Берен нашел лук и колчан со стрелами. Кроме одеял, была там и эльфийская накидка с капюшоном. Была куртка и две рубашки из тонкого льна. Были новые сапоги — высокие и мягкие, какие носят эльфы. Были штаны — не узкие, нарядные, а просторные, походные. Все — серых и зеленых цветов, все ношеное.

Берен нашел нужным нацарапать на бересте слова благодарности и вывесить ее снаружи, приколов ножом.

Он переночевал в доме — а утром проснулся от пения флейты.

Бересты не было, нож торчал на месте. Берен какое-то время стоял неподвижно, потом побежал с поляны — на звук. Почти сразу же открылась тропа — Берен уже не удивлялся тому, что вчера ее не было. Музыка приближалась, и за первым же поворотом он увидел флейтиста — высокий черноволосый эльф, одетый в простой охотничий костюм вроде того, что сейчас носил и Берен; но на эльфе все это сидело с таким изяществом, что он казался нарядным.

Эльф, завершив мелодию, отнял флейту от губ и сказал:

— Я Даэрон, Голос короля Элу Серебряного Плаща. А ты — Берен, сын Барахира?

Берен кивнул.

— Ты и вправду не можешь отвечать?

Берен покачал головой, поднес руку к горлу и к губам: когда он пытался говорить, лицо и горло сводила судорога. В горах это его не беспокоило: ведьма, не смущаясь его немотой, говорила за двоих. За троих, считая козу. Сейчас же невозможность вернуть себе речь и память порой повергала его в отчаяние. Хоть плачь, хоть смейся: Берен Талискаран, Берен-Скорый Язык — нем как бревно... То-то порадовались бы те над кем он насмешничал прежде...

— Хорошо, — мягко сказал Даэрон. — Король просил передать тебе вот что. Ты нарушил границу и теперь должен, находясь под стражей, ждать решения королевского совета. Берен рывком снял с себя пояс, быстро скрутил им свои руки и протянул их к Даэрону. Лицо его выражало насмешливый вопрос.

— Нет, ты не пленник, — возразил менестрель. — Ты скорее гость.

Берен все с той же насмешкой а глазах поклонился, прижав руку к сердцу, потом показал этой же рукой на север и на запад.

— Нет, уйти ты пока не можешь. Если тебя мучает необходимость объясняться знаками — есть дощечка и стило.

Он вынул из-за пазухи оба вышеназванных предмета. Человек схватил их и принялся писать. Когда он вернул их эльфу, тот прочитал:

«Гость уходит по своей воле. Кто не может — пленник. Мне нужно в Димбар».

— Нет, — качнул головой Даэрон. — Не сейчас.

Человек снова взял стило и дощечку. На сей раз Даэрон прочитал: «отведи меня к королю».

— Всему свое время, — сказал эльф. — Прежде я должен расспросить тебя. Понимаю, нам обоим будет непросто, но это нужно. Потом твои слова проверят. И после этого ты придешь на королевский суд и услышишь приговор. Тебе все равно придется быть под стражей. Где лучше — здесь, в моем доме — или в пещерах Менегрота?

Берен показал пальцем на землю: здесь.

— Ты согласен отвечать на мои вопросы?

Берен кивнул: да.

— Хорошо. Итак, ты пришел из Дортониона?

...После того, как Даэрон замолчал, какое-то время стояла тишина — все обдумывали его слова. Первым заговорил Маблунг.

— Если это правда, мы должны отпустить его, не медля, едва получим подтверждение его слов. Он — достойный вождь, и последнее дело — держать такого воина в заточении.

— Я не спорю, — Тингол говорил медленно, поглядывая на Мелиан. — Но ты забыл еще об одной вещи: о Судьбе. О предсказании. О том, что человек, прорвавший Завесу, станет причиной гибели Дориата.

— Не так, муж мой и король, — покачала головой Мелиан. — Я не сказала «станет», я не сказала даже «может стать» — но за одним может последовать другое.

— Имя Берена уже сейчас звучит достаточно громко, — подал голос Белег, командир лучников. — Я хочу присоединиться к предложению лорда Маблунга, государь мой Элу. Пусть Берен идет — если он и нарушил границу, то не по своей воле, случайно. Это не вина, а беда. Нет смысла его задерживать.

— Есть, благородный Белег, — возразил Даэрон. — Есть, пока мы не установили истину. Что если этот человек — все же не тот, за кого выдает себя? Или что он сам не знает всего о себе? Эта вероятность ничтожна — но она существует. Допустим, что Враг сумел каким-то способом захватить Берена, пыткой выведать все его тайны, а потом вложить это знание в какого-то несчастного, лишив его собственной памяти. Этот человек сам не до конца уверен в том, что он — тот, чье имя носит.

— Ты же сказал, что он не лгал тебе.

— Не лгал, но отказался отвечать на некоторые вопросы, а ответа на иные — не мог вспомнить.

— Каждому воину есть что скрывать, — возразил Белег.

— Этот человек мучительно что-то вспоминает, — продолжал Даэрон. — Почти все время. — Ты пользовался gosanni (3) — без его согласия, лорд Даэрон? — королева Мелиан приподняла брови.

— Разве это возможно? Я прочитывал лишь чувства, которые он и не пытался скрыть за завесой avad. Он страдает, и именно от того, что не может вспомнить что-то важное.

— Если Моргот и в самом деле научился стирать и менять память Eruhini — то воистину его мощь больше, чем я думала, — Мелиан сжала пальцами край своего покрывала. — Продолжай, лорд Даэрон.

— Но даже если этот человек — и вправду Берен, сын Барахира — это не отменяет предсказания о гибели Дориата. И мы не знаем, в каком случае предсказание исполнится. С этим человеком действительно что-то связано. Он не понимает своей судьбы, хотя верит в нее. Подумайте сами — он прошел сквозь Завесу. Что, если он понял, как это у него получилось? Что если, будучи отпущен, он попадет в руки Врага и тот сумеет выведать его тайну? Далее. Он если не безумен, то близок к безумию. Отпусти мы его сейчас — что произойдет? Он придет в Бретиль, немой и одержимый, соберет своих сородичей — и что станет делать дальше? Пойдет отвоевывать Дортонион? Если да — что случится после этого? Государь мой, я призываю лишь к одному — к осторожности.

— Так в каком же случае он может послужить причиной падению Дориата? — спросил

Тингол. — Если мы задержим его или если отпустим?

— Высчитать этого нельзя, а предугадать я не сумею, — ответила Мелиан. — Но вот что я скажу: ничто не предвещает спокойного завершения и в том случае, если мы задержим Берена.

— Саэрос, — король повернулся к эльфу, темные волосы которого были нандорским способом заплетены в косы, что обручем охватывали голову. — Ты один из тех, кто знает людей довольно близко. Что скажешь?

Саэрос слегка поклонился.

— Я видел его издалека. Он не похож на посланника судьбы. Он обычный убийца — как и те, кому он служит.

— Дом Арфина непричастен к убийствам, — негромко возразила Мелиан. — А Финрод, благороднейший из *edhil*, не избрал бы себе в вассалы обычных убийц. Ты слишком скор в суждениях, Саэрос.

— Увы, госпожа, я знаю, о чем говорю: там, на востоке, они убивали нас без жалости, без различия пола и возраста. Все их племя отмечено печатью Моргота, даже лучшие из них. Что до того, что этот человек убивал орков? Они и сами убивают друг друга — но мы же не заключаем с одним их племенем союза против другого. А Финрод, действительно благороднейший из *golodhrim*, мог просто обмануться, ибо мерит всех по себе и во всех сначала предполагает хорошее.

— Они служили Дому Арфина шесть поколений, — заметил Маблунг. — И никто из них не был замечен в предательстве. Ни один из вождей их племени не переметнулся к Морготу, хотя он звал их и посулами и угрозами. Отчего же мы должны уступать Фелагунду в благородстве и предполагать в нем сначала худшее?

— Рано или поздно нужно решать, каким ты хочешь быть: благородным или живым, — сказал Саэрос.

— Ты слишком долго пробыл под Тенью, — покачал головой Белег.

— Так что же ты предлагаешь, советник? — спросил у Саэроса Тингол.

— Убить его. Так, чтобы никто ни о чем не узнал. Или заточить здесь до конца его дней. Как бы он ни изменил лицо Белерианда — это будет во зло, и если ему суждено принести великие изменения — значит, это будет великое зло.

— А чем же будет тайное убийство? — не выдержал Маблунг. — Добром?

— Нет, злом. Но меньшим по сравнению с гибелью Дориата. Мертвый, он никак не сможет послужить злой судьбе. Даже заточенный он намного опаснее. Королева сказала — отпустить ли его, задержать — Дориат не устоит. Тогда нужно выбрать третий выход: убить его.

— И чего мы будем после этого стоять? — вскочил Белег. — Если такова цена спасения Дориата — я не согласен ее платить, ибо тайные убийства или заточения — самый верный путь к Падению. Какая Завеса поможет нам, если зло поселится в наших сердцах?

— Ты прав, Белег Тугой Лук, — кивнул Тингол. — И все же нужно принять какое-то решение.

— Его следует задержать если не для нашего, то хотя бы для его блага, — снова заговорил Даэрон. — Долгий отдых будет только на пользу — иначе этот безумец может загнать себя насмерть.

— Дочь моя, — Тингол повернулся к до сих пор молчавшей Лютиэн. — Что скажешь ты? Дева на миг склонила голову, пропуская между пальцев длинную прядь своих смоляных

волос. Потом она подняла лицо и обвела всех твердым, открытым взглядом.

— Здесь много говорилось об осторожности и Предназначении, — сказала она. — И ни слова — о милосердии. Говорилось о том, что Берен может собой представлять — и ни звука о том, что он может чувствовать. Даэрон упомянул, что он нем и частью лишен памяти — и только в связи с тем, как трудно было его допрашивать. Но хоть кто-то из нас подумал, какая это мука — лишиться памяти и речи? Тут говорилось, что он может представлять опасность из-за своей склонности к безумию — но никто не упомянул о том, что он может страдать из-за этого и нуждаться в исцелении!

— Он человек, — пожал плечами Саэрос. — Вторые думают и чувствуют не так, как мы.

Лютиэн не обратила внимания на его слова. Она продолжала.

— Отец, если ты хочешь его задержать — позволь мне попытаться исцелить его. Если же ты хочешь оставить его таким как есть — немилосердно держать его в заточении и не пускать к своему народу.

— Я согласен, — Тингол встал. — Мы не можем ничего решить — потому, что мало знаем. А единственный способ узнать больше — это задержать Берена и исцелить его. Не вижу в этом никакой опасности, ибо полагаюсь на тебя, Белег, и твоих стрелков. Справедливость превыше всего, но милосердие превыше справедливости. Мы слишком мало знаем, чтобы принять поистине справедливое решение — примем же милосердное. Пусть Берен остается там, где он сейчас. Ему разрешено свободно передвигаться между Эсгалдуином и Аросом, но границу Дор Динена он переходить не должен. Я позволяю своей дочери заняться исцелением человека. Лорд Даэрон, на тебя возлагается обязанность проверить то, что ты узнал от Берена, через стрелков пограничной стражи и подданных Финрода. Но молчи о том, что Берен жив и в Дориате.

Все, чьи имена были названы, поднялись и коротко поклонились.

— Хочу только напомнить, король мой, — встал и Маблунг. — Мудрая Мелиан не даст мне ошибиться: очень многие предсказания сбывались потому, что те, кого они касались, пытались их обойти.

С этими словами старший военачальник Тингола тоже поклонился королю и вышел.

* * *

Ночью Берен не мог спать, изводясь от желания увидеть эльфийскую девушку. Он разрывался между этим желанием и страхом перед тем чувством, которое он, как ему казалось, давно в себе избыл. Он боялся этого чувства, ибо оно делало его беззащитным перед... перед теми, к кому он это чувство испытывал.

Берен боялся этого чувства настолько, что не решался называть своим именем.

После гибели отца он не завязывал ни с кем отношений, хотя бы отдаленно похожих не то что на любовь — на дружбу. Потери измучили его, а самый верный способ не терять дорогих тебе людей — это не иметь их. Он принимал помощь от своего народа, потому что эти люди были его вассалами. Он мог прикончить сборщика податей и подбросить деньги в голодающую деревню, перебить фуражную команду и тайно вернуть людям отобранное

зерно — ничего не испытывая к тем, для кого он это делает: во-первых, потому что такие действия обеспечивали ему поддержку, во-вторых, потому что ненавидел новых хозяев своей земли. Друзей ни в хижинах, ни в замках у него не было.

Продержав свое сердце впроголодь четыре года, он теперь ловил себя на желании раскрыться перед первым встречным. Эти места усыпляли тревогу, время текло незаметно, не хотелось думать ни о чем плохом — хотелось наконец-то почувствовать себя живым. Хотелось вспомнить, что такое красота — и что же она такое, если не Соловушка? Полжизни не жаль, чтобы еще раз увидеть ее, услышать ее пение. А что если она ему просто пригрезилась? Если она — волшебный морок, навеянный этим местом, сотканный из тумана и волнующейся травы, звездного света и древесной тени его воображением, всем его существом, исстрадавшимся по любви?

Он лежал на одеяле, брошенном поверх травяной подстилки (эльфы подарили ему и гамак, но спать на весу он не смог), звал к себе сон — а сон не шел. Смешно. Прежде он не страдал от бессонницы. Найти такое место, чтобы проспать от зари до зари, не опасаясь ни орков, ни зверей, ни троллей, ни людей, ни волколаков — за четыре года редко когда выпадала такая удача. Спал всегда вполглаза, просыпаясь от каждого шороха — и если находилось место, где можно было не бояться, то засыпал мертвецким сном. Так почему же не спится здесь?

Луна, набравшая полную силу, светлым пятном проступала на ткани занавеса. А пришел он, когда луна еще не народилась... Что ты не спишь, хиньо — разве не знаешь, что в полнолуние только оборотни не спят? А я теперь оборотень и есть, дэйди (4)... Ты не знал, ты умер раньше...

Слишком спокойно и слишком много времени для раздумий... Эльфы избавили его даже от необходимости добывать себе пропитание: раз в два дня он находил где-нибудь неподалеку потребный запас еды — сыр, пресные лепешки, яблочное вино или пиво в плетенке, сушеные ягоды и орехи. Этим можно было жить. Два или три раза Берен ходил на охоту — не столько потому что так уж хотел мяса, сколько потому что других занятий не было. Он узнал границы того участка леса, который ему запрещалось покидать — с востока и запада они проходили по уже довольно-таки большим и холодным речкам, названий которым он не знал, с юга — по границе редколесья и настоящей древней пущи (при попытке войти под своды неохватных диковинных деревьев Берен получил предупреждение: в стволы справа и слева вонзились стрелы — он пожал плечами и повернул назад), с севера — по линии причудливых каменных холмов Нан-Дунгортэб (и без эльфийских стрел Берен не стал бы туда соваться). Это пространство можно было пересечь за два дня пешего пути с востока на запад или за день — с юга на север. Самая лучшая тюрьма на свете — просторная и светлая, а не выскочишь. Что за ним следят все время — он не сомневался.

Была и еще одна причина для охотничьих походов, с которых он чаще возвращался с пустыми руками, чем с добычей — бродя вдоль дозволенных границ, он мечтал встретить Тинувиэль. И в этом тоже он боялся признаться себе, потому что знал, как глупа такая мечта — он напугал девицу и во второй раз ее сюда уже не потянет... Правда, она поделилась с ним хлебом — но теперь-то она наверняка уже знает, что в хлебе он больше не нуждается. Он набрался сил и окреп — хоть и уставал быстрее, чем раньше, но с каждым днем это все меньше чувствовалось. Она жалела его, а теперь его жалеть не нужно. Она не придет...

Вернувшись в «дом» из очередного похода вдоль границ, он думал, что уснет быстро — все-таки долго бродил и устал. Как оказалось, устал не слишком — все равно не спалось...

Что за притча — неужели он так привык иметь врагов, что теперь совсем без них не может и сам себе делается врагом, когда других нет...

А вдруг — она бродила где-то рядом? Совсем неподалеку от него — а он не мог даже крикнуть? Только кидался на промельк синевы и серебра в зелени леса — и оказывалось, что это или небо проглянуло сквозь ветки, или седой мох стлался по коре дуба...

«Если бы ты пришла», — подумал Берен. — «Если бы я мог сказать тебе... начертать на бересте, на земле... как я устал быть один...»

Когда бездействие стало невыносимо, он вскочил, схватил меч и выбросился на свежий воздух, в ночную прохладу. Прodelал самые основные воинские упражнения с мечом: «мельница» и «морской змей», прямые и косые удары с выпадами, сверху и снизу, отражение ударов мечом или воображаемым щитом, уходы и контратаки. Игра лезвия в лунных бликах завораживала, и Берен перешел к более сложным выпадам и приемам. Получалось не очень хорошо, не совсем чисто — тело, ослабленное долгим переходом и голодом, недостаточно окрепло для такой работы, оно могло в любой миг выйти из повиновения, и это было по-настоящему опасно: случалось, что во время таких игр плохо подготовленные, похмельные или не оправившиеся после раны воины калечили себя. Например, Берен очень легко мог бы вывихнуть руку из плеча, если мышцы схватит неожиданная слабость. Или того хуже: задеть мечом себя же по ногам, что будет не только очень больно, но и просто позорно.

Но опасность не останавливала его, а только раззадоривала. И лишь закончив последнюю, самую сложную фазу танца с мечом, Берен бросил его в ствол ближайшего дерева, и, в струнном звоне дрожащего клинка неслышно сказал сам себе: «Дурак».

Он подошел и выдернул меч. Из раны на теле дерева слезой выступил сок. Берен снял пальцами густую каплю, лизнул. Кровь дерева была сладкой на вкус, как у клена — но это не был клен.

Он вернулся в дом, вытер лезвие насухо обрывком своего диргола. Мать соткала ему и его отцу эти дирголы, провожая в Ущелье Сириона. В отцовский было завернуто теперь тело Барахира, зарытое в одном из урочищ Таур-ну-Фуин; а диргол Берена за годы истребался до того, что кроме ветоши ни на что не годился. В один из обрывков был завернут точильный брусок, еще какую-то часть он извел на обмотки — почти истлевшие у него на ногах в Эред Горгор и Нан-Дунгортэб. Последний лоскут, самый чистый — по крайней мере, можно было разобрать цвета — он использовал, чтобы обтирать меч. Теперь, держа его в руках, Берен усмехнулся: точное отображение того, что осталось от славы Беорингов. Сунув меч в ножны, он завернулся в плащ и побрел к тихому лесному пруду. С притопленного поваленного ствола, разбивая брызгами отражение луны, посыпались лягушки.

Тепловатая вода этого озерца не дала того ощущения, которого хотел Берен, да ну и враг с ним. Он все-таки добился своего: вымотал себя так, что теперь уснет, едва повалившись.

И все же спал он паршиво: ему снилось, что луна рисует на дверном пологе зыбкую тень, и он, не в силах сопротивляться, поднимается и идет, откидывает плотную ткань, берет на руки ту, что стоит на пороге, и вносит ее в дом...

Лютиэн шла и вспоминала все, что ей рассказал Даэрон.

Прошло десять лет с последнего дня Дагор Браголлах. За это время изменилось многое. Потерянный было перевал Аглон Маэдросу удалось вернуть — не без помощи уцелевших горцев из последней армии Барахира. Кроме того, пришло новое пополнение — люди с востока, называвшие себя вестханэлет; горцы и эльфы звали их вастаками. Хитлум тоже уцелел, наступление Саурона в Эред Ветрин провалилось, и теперь хадоринги были постоянной угрозой крепости Минас-Тирит, которая нынче называлась Тол-и-Нгаурот, Волчий Остров. Крепость Саурон черным колдовством отбил у Ородрета, брата Финрода Фелагунда. Сам Ородрет бежал с немногими уцелевшими, и после этого король Нарготронда даже не попытался вернуть себе Минас-Тирит, Башню-Страж.

Эльфийские королевства были обескровлены этой войной. Даже те, кто стоял крепко, и думать не могли о наступлении. И вот — судьба нависла над Дориатом. Над родным домом. Лютиэн заглянула в домик Даэрона — человека там не было. Искать его? Она спросила лес, и узнала, что Гость — так создания Арды называли смертных — ушел на восток. Что он в полудне пути отсюда, где-то возле Ароса.

Человек, который потерял все. Родную землю, семью, радость, речь... Только свободу да честь он сохранил — и то ценой невероятных усилий. Как же это будет? Лютиэн шла на восток и смотрела кругом. Дориат падет, и в этих лесах — поселятся орки? А если ей повезет выжить, она принуждена будет скитаться в чужих лесах — как женщины народа Беора?

Она попыталась представить это себе: вот она одна — в своей земле, которая стала ей чужой; унголы вьют паутину в ветвях ее любимых деревьев и волки рыщут там, где паслись олени; и пастыри дерев покидают границы — а на их месте селятся тролли... А она — одна: никого, ни друзей, ни подруг, и последних своих близких она хоронит своими руками, и, чтобы выжить, превращается в ходячую смерть...

Она должна была представить, чтобы понять — это не будет какая-то чужая земля, а вот эти самые деревья, вот эта самая трава, вот эта река — все это будет захвачено, изуродовано, искажено... И ее душа будет искажена — тоже...

О, Элберет! Он жил так десять лет, четыре из них — один. Десять лет — Даэрон сказал, что ему около тридцати, и по человеческим меркам как раз на Дагор Браголлах пришлась граница между его юношеским и взрослым возрастом. Третью своей жизни он провел в беспрестанных скитаниях и боях... Лютиэн попыталась представить себе, как это — провести в таком горниле третью своей жизни. Она бы утратила рассудок или умерла...

«А если — придется», — пришла неожиданная мысль. — «А если ты идешь именно по тому пути, на котором Дориат ждет гибель? Если человек, которого ты намерена исцелить — и есть эта самая гибель — пусть против своей воли, пусть он сам по себе никому и не желает зла? И по его вине все произойдет именно так, как ты мыслишь — огонь, гибель, ужас и мука. Что будет с твоей матерью и с твоим отцом? С друзьями? С тобой? Неужели этот человек больше заслуживает милосердия, чем они?»

Лютиэн остановилась — с колотящимся сердцем, хотя шла она не скоро.

Не может быть, сказала она себе. Мое сердце мне никогда не лгало прежде — если Дориат и ждет погибель — то не потому что мы окажемся слишком милосердны, а скорее потому что мы окажемся слишком жестоки, или горды, или глупы... Из доброго семени не растут злые плоды...

Чтобы прогнать свой страх, она посмотрела вокруг — на широкую прогалину, поросшую болиголовом, по правую руку, и на светлый, нежный березнячок — по левую. Солнце то скрывалось в облака, то выпадало сквозь прорехи в белых грудях лебединого пуха — соединяя землю и небеса золотыми столпами.

— Ха! — крикнула Лютиэн, вскинула руки и запела, и пошла по поляне в танце — быстром и веселом весеннем танце, кружась так, что водоворотом закручивался подол, отщелкивая пальцами ритм в плеске рукавов и выводя голосом несложную, но пронзающе-радостную мелодию.

Уже слегка закружилась голова, уже немного устали пальцы — когда она поняла, что не одна на поляне. Словно к молодым светлым березкам прибавился серебристый тополек.

Лютиэн сначала даже не узнала его: он был в охотничьей эльфийской одежде, срезал волосы с лица и скрутил волосы в узел, сколов обломком стрелы. Очень, очень похожий на одного из *golodhrim*. Лютиэн оступилась и покачнулась, но его быстрый рывок вперед был лишним — она вернула равновесие и он снова застыл в немом ожидании.

«Так нечестно», — подумала словно бы не она, а кто-то другой. — «Это я должна была застать тебя врасплох, а не ты меня».

Она сделала шаг назад, повернулась, словно собираясь уходить — последует он за ней или нет? — сделала еще шаг...

И крик, настигший ее, поразил — так, наверное, поражает стрела в спину:

— Тинувиэль!!!

Она обернулась, не веря своим ушам — он стоял, прижав ко рту ладонь, в смятении, и сам еще себе не верил...

— Скажи еще что-нибудь, — быстро попросила она.

Он опустил на одно колено, вытащил из-за пояса нож и положил к ее ногам.

— Не уходи, госпожа Соловушка. У меня нет меча, чтобы положить у твоих ног, но я объявляю себя твоим вассалом.

Он и говорил на голодримский манер — синдар объясняются немного иначе.

— Ты заговорил, — она обрадованно склонилась к нему, перешагнув через нож. Он почему-то вздрогнул — наверное, она, не зная человеческих обычаев, нанесла ему оскорбление. — О, подними нож... Я принимаю твое служение, я не хотела тебя обидеть.

— Ты не обидела меня, — он покачал головой и поднял оружие. — Разве я могу на тебя обидеться, госпожа Соловушка?

— Кто сказал тебе мое имя? Даэрон?

— А это и вправду твое имя? — он как-то робко обрадовался, она ощутила всплеск радости — но лицо человека не дрогнуло, словно он стыдился этого чувства. — Даэрон не называл мне его. Я его выдумал. В ту, первую ночь ты так пела, как поют соловьи...

— Правды ради скажу, что это не имя, а скорее прозвище. Все знают меня как Тинувиэль.

— А имя — мне будет позволено узнать?

— Я — Лютиэн, дочь короля Тингола.

Берен снова склонил голову и опустился перед ней на одно колено.

— Нолдор говорят, — тихо сказал он, — что нас, людей, слышит сам Единый... Что наши молитвы идут прямо к Нему, минуя Валар... Теперь — я в это верю.

Она сделала знак подняться.

— Ты и в самом деле молил Его о встрече со мной?

— Не далее как вчера.

— Ну что ж, вот я здесь, — Лютиэн развела руками. — Ради беседы с тобой. Мы будем говорить здесь или ты пригласишь меня под свой кров?

— Идем, — сказал Берен.

Теперь, шагая справа от него, Лютиэн увидела, что у пояса человека болтается добыча — небольшой, но довольно упитанный заяц.

— О чем же ты хотел беседовать со мной? — начала она.

— В первую голову я хотел поблагодарить тебя за спасение моей жизни, — сказал он.

— О, это не стоит благодарности, — Лютиэн пожала плечами. — Раз ты добрался до Нелдорета, то выжил бы и сам, а хлебом с тобой поделился бы любой из нас.

— Но я бы не выбрался из пустоши, если бы не твой свет и твое пение, — возразил Берен. — Госпожа Волшебница... Еще я хотел принести извинения за то, что напугал на поляне тебя и твоих друзей, испортив вам праздник.

— Ну... это тоже, пожалуй, не стоит извинений, хотя я их принимаю. Ничего особенного не было, мы просто решили провести вместе первую безлунную ночь весны.

Берен наморщил лоб, и Лютиэн поспешила объяснить:

— Мы ведем счет временам года не так, как голодрим, первым месяцем весны у нас называется gwirith. Я люблю первое новолуние gwirith. Оно напоминает мне о днях молодости этого леса. В такие ночи звезды яркие и велики, а земля поет...

— Самые красивые звезды, — тихо сказал Берен, — зимней ночью в горах. Если лечь на спину, в густой снег... то кажется, что летишь. Плынешь без движения, без звука в черном небе, и только звезды кругом...

— Тебе нравилось так делать? — полюбопытствовала Лютиэн.

— Я так делал один раз в жизни... — он вдруг замялся, и она подбодрила его:

— Ну, ну! Берен, не бойся показаться скучным: я мало знаю о людях и мне очень, очень интересно!

— Я валялся в снегу не потому, что мне это понравилось, а потому что не мог встать, — признался он. — Я поспорил с... одним человеком, что поднимусь на вершину Одинокого Клыка, на которую прежде никто, кроме государя Фелагунда, не поднимался... Тогда это и случилось... Я ослаб, приходилось подолгу лежать в снегу и отдыхать... Заночевать на склоне горы — мало что хуже можно себе придумать... Будь ночь лунной, я бы продолжал спуск, но я от большого ума полез на гору еще и в новолуние. Это большая удача, что я не замерз насмерть.

— И все же ты думал о том, как красивы звезды...

— Я не думал об этом, — Берен на миг остановился, глаза его слегка затуманились — словно, пронзив взглядом этот весенний день, он перенесся в ту давнюю ночь. — Я был — и все. Я был одно со звездами, со снегом, с горами и долинами внизу... Это не описать.

— Но я понимаю, — сказала Лютиэн. — Это мне знакомо. И, если честно, я не знала, что это знакомо и людям. Я ведь много раз — не счесть, сколько — любовалась оттуда, с границы, вершинами Криссаэгрим и Эред Горгор, и мне ни разу не приходило в голову, что можно подняться на одну из них... Но теперь мне хочется. Я хочу увидеть звезды зимней ночью в горах.

— Для этого не обязательно так рисковать, госпожа Соловушка, — улыбнулся Берен. Лютиэн прислушалась к его чувствам — в них сквозила какая-то горечь. — Сейчас я бы так не сделал.

— Ты любишь горы? Отсюда они кажутся такими высокими и чистыми.

Берен призадумался на мгновение.

— Они высоки и чисты, — согласился он, — но беспощадны. Прежде, пока мы не знали о Валиноре, мы считали горы обителью богов. И это были суровые боги... Прости, госпожа Соловушка, я много болтаю — это оттого, что я долго молчал, и сейчас боюсь, что чудо вот-вот кончится.

— Оно не кончится, — успокоила его Тинувиэль.

Беседуя, они дошли до дома Берена. Он собирался отойти к ручью и заняться зайцем, и ни в какую не желал, чтобы Лютиэн ему помогала. Она засмеялась — неужели он думает, что ей впервые придется увидеть, как разделявают принесенную с охоты дичь? Он вздохнул и позволил ей развести костер.

Солнце едва перевалило за полдень — а заяц уже пекся на углях.

— Ты любишь охотиться, сын Барахира?

Берен пожал плечами.

— Раньше — любил, — сказал он. — У меня было три собаки: Морко, Клык и Крылатый.

При этом воспоминании он улыбнулся широко и тепло.

— Крылатого я так назвал за то, что у него были здоровенные уши... Вот такие, — он показал ладонями. Получилось впечатляюще, потому что кисти рук у Берена были большие.

— Когда он бежал, они трепыхались вот так, — Берен показал пальцами, изрядно рассмешив Лютиэн. — Морко вырос большой и черный, он был волкодав... А Клык мог с одного раза перекусить дубовую палку толщиной в руку...

— А где они теперь? — неосторожно спросила Лютиэн.

— Погибли. Крылатого еще до войны задрал кабан... А Морко и Клыка убили орки... Они убили в замке Хардингов все, что там было живого...

Нужно помнить, сказала себе Лютиэн, что ни мгновение — помнить, что для него прошлое — кровоточащая рана.

— ...Прости, госпожа Соловушка, но давай лучше ты расскажешь мне о себе. У тебя есть собака?

— Нет, — сказала Лютиэн. — Но есть коты и кошки. Они большей частью серые, их зовут Миэо. Всех моих котов зовут Миэо. Никому, кроме меня, они не нужны, а мне не обязательно звать их по именам, чтобы различать. Они живут в Менегроте очень давно, первых из них приручила моя мать, когда меня еще не было. Маленькой я очень жалела, что они не могут быть бессмертными, как мы. Я просила маму сделать хоть одного котика бессмертным, и не сразу поняла, почему нельзя... Лишь со временем я осознала, какой мукой будет для существа, имеющего смертную душу — бессмертное тело...

— А для существа с бессмертной душой — смертное тело? — спросил Берен. Лютиэн прикусила губы.

— Я не знаю, могу ли говорить об этом, — сказала она. — Мне кажется, что не стоит. — Да, — заметно погрузнев, сказал Берен. — Это лишний разговор. Госпожа Соловушка, не будет ли дерзостью спросить тебя: а зачем ты пришла сюда?

Он ждал ее ответа со странным душевным трепетом. Разговаривать с человеком, который так откровенно показывает свои чувства, было временами страшновато, потому что она не могла этих чувств понять. Что значит эта внутренняя дрожь? Почему ему так важен ответ? Она пришла сюда, чтобы исцелить его от немоты, беспамятства и ночных кошмаров,

чтобы разогнать призраков, терзавших его во сне. Но... он заговорил, едва увидев ее, испугавшись, что она уйдет! Если причиной немоты было сильное потрясение — то причиной возвращения речи должно быть потрясение не менее сильное.

— Я слышала от Даэрона, что ты нуждаешься в помощи, — сказала она. — Что ты поражен немотой, бредишь ночами и время от времени что-то мучительно вспоминаешь.

— А это-то ему откуда знать?

— Может быть, это и новость для тебя, но ты открыт в своих чувствах. И любой при помощи gosanni может прочитать их, а иногда — и не только их, но и твои мысли.

— Значит, все это время, — Берен опустил голову, — я был для тебя как развернутый свиток?

— большей частью — да, — сказала она. — Но я не смотрела на страницы. Я знаю не больше, чем ты сам хотел мне сказать.

— Я ничего не хотел сказать.

— Если бы ты и вправду не хотел, нежелание не дало бы мне прочесть твоих чувств.

— Вот как? И что же я чувствую?

— Боль, — коротко ответила Лютиэн. — Ты носишь ее в себе все время. Позволь мне освободить тебя.

Какое-то время он думал, потом сказал:

— Нет. Не сейчас...

— Почему?

— Долгое время я... не чувствовал боли... Потому что был... мертвым, — в руках его хрустнула, ломаясь, сухая веточка. — Так было нужно, потому что... мертвец неуязвим. Я так думал. Я привык быть мертвым. Мне не нужно было бояться за свою жизнь, думать о том, что я буду есть завтра, не схватят ли меня... Что бы ни случилось — я могу перестать двигаться, говорить, сражаться, но мертвее, чем я есть, уже не стану... Это и в самом деле страшно, госпожа Соловушка, но быть живым было еще страшнее... Но вот — случилось что-то, и я понял, что обманывал себя. Что я — живой, что я должен чувствовать боль, иначе я... Я стану хуже волколака. Мертвые должны лежать в земле, а живые должны ходить по земле и чувствовать боль. Если ты возьмешь ее у меня — я боюсь, что опять не буду знать, живой я или мертвый.

Лютиэн после краткого раздумья сказала:

— В твоих рассуждениях есть изъян. Боль не существует сама по себе, она — лишь знамение того, что с нашими феа и роа что-то не так. Тот, кто не чувствует боли, или мертв — или здоров. Мертвый не чувствует боли потому что лишился самой способности ее чувствовать, здоровый — потому что с ним все хорошо, и феа и роа цельны. Здоровый отличается от мертвого тем, что способен чувствовать боль, а от больного — тем, что способен чувствовать радость. Не бойся — способность чувствовать боль не будет у тебя отнята...

Берен молчал, и нежелание его теперь было крепче щита. Теперь Лютиэн полагалась только на свой рассудок.

— Ты думаешь, что, избавившись от страданий, предашь тех, кто страдал до конца?

Берен покачал головой и невесело улыбнулся.

— Ты не сможешь избавить меня от этого, госпожа Соловушка. Если моя феа и страдает — то лишь потому, что много помнит. А свою память я не отдам. В ней и так неплохая дырка, и мне не легче от того, что она там есть. Я даже не могу решить, хочу я узнать то, что

скрыто — или нет.

— Как велик срок, охваченный забвением?

Берен нахмурился, вытащил заколку из волос и склонился над углями, ковыряя прутиком в золе.

— Я помню себя четко — до того дня, когда подался к Минас— Моргрист — было это на третий день хитуи. Я помню кое-что из своего там... пребывания. Помню, как убил часового... Но вот что я там делал и главное — зачем туда шел — из головы вон...

— А дальше? Когда ты начинаешь себя помнить снова?

— Деревушка, названия которой я не помню... Не спрашивай, какой день. Наверное, середина хитуи — когда я встал на ноги, выпал первый снег, а валялся в горячке я никак не меньше двух недель. Бабка, которая меня выходила, была наполовину безумна, я — нем (хорошую же мы составляли пару!), читать она не умела, а спросить я не мог. Прошло три недели, когда бабка наконец проговорила, что сегодня — Солнцестояние. Так я и узнал о дне своего выздоровления... С этого дня я помню себя ясно.

— А прежде?

— Прежде? — Берен посмотрел себе под ноги. — Урывками. И... всякое такое, чему сейчас, в трезвом уме, верить трудно...

— Например?

— Например — что я превращался в медведя.

Лютиэн от изумления не сразу нашлась, что сказать. А чем поблескивали глаза Берена? Вызовом? Насмешкой?

— Если тебе не трудно — расскажи об этом подробнее, пожалуйста, — попросила она наконец. — Я впервые сталкиваюсь с тем, кто умеет превращаться в зверя.

Берен сломал свою «заколку» пополам и бросил ее в угли.

— Есть поверье, — сказал он. — Что мужчина из рода Беора может превратиться в медведя. Оно идет из тех времен, когда наш народ переходил через горы, которые гномы зовут Мглистыми. За проход по своим землям живущий там человек, хозяин этой земли, потребовал себе на год в жены нашу предводительницу, прапрабабку Беора Старого. Она была мудра и прекрасна ликом, а ему нужен был наследник... Гномы не хотели нас пропускать, а с севера были орки... Ради блага племени Имданк согласилась. Тот человек умел оборачиваться медведем. Близнецы, которых родила Имданк, тоже имели это свойство... Одного тот человек оставил себе и сделал своим наследником. Что с ним было дальше — никто из нас не знает. Второго Имданк привела в племя. Он был прадедом Беора Старого, звали его Финбьорн, Полумедведь. С годами и поколениями это умение терялось. Дальний потомок Имданк, такой, как я, — неизвестно, может ли сделаться медведем... — Берен перевел дыхание и продолжил. — Орки тоже знали это поверье... Мне нравилось их дурачить... Ночами я надевал плащ из медвежьей шкуры и латницу, к которой приварил стальные когти... Утром они находили одного или двоих — с разорванным горлом, вскрытым животом, ключьями медвежьей шерсти в пальцах... Половину того, что ты сделать не можешь, делает за тебя страх...

Лютиэн почувствовала холодок между лопаток.

— Они убивали людей — женщин, детишек... сбрасывали трупы в колодезь, и кричали, издеваясь: «Покажи свою силу, Беоринг, превратись в медведя!» Ну, и... похоже, они получили, чего хотели. Я превратился в медведя, выворотил из земли коновязь — веревки разорвать так и не смог — и кого-то из них, кажется, убил... Потом снова стал человеком —

и свалился под тяжестью бревна...

Берен умолк.

— Ты был в такой ярости, что плохо помнил себя и твои силы утроились, — предположила Лютиэн. — Я не думаю, что ты и в самом деле в кого-то превратился.

— А я не знаю... Да и неважно это, потому что никому не помогло. Я считал это хорошей выдумкой... А они выместили весь свой страх на этой деревне.

— И на тебе, — тихо сказала Лютиэн.

— Но я-то жив... Это второе, чему я дивлюсь, и что неясно в моей памяти: после... всего меня связали и швырнули в сарай для стрижки овец. И... как я оттуда выбрался? Знаешь, чего я боюсь больше всего? Что меня отпустили по приказу Саурана. Что облава на меня была хитростью — заставить меня уйти. Что у меня отнята память о том, как я дал согласие служить Врагу. Или кого-то ему выдал... Или что-то еще.

— Берен, — голос Лютиэн был предельно серьезен. — Король Тингол опасается того же самого и прислал меня сюда, чтобы разрешить эти сомнения. Из твоих слов я понимаю, что ты в этом будешь мне союзником.

— Госпожа Соловушка, — горячо сказал Берен. — Я так благодарен тебе, что буду тебе союзником даже если ты решишь намазать меня на хлеб и съесть с маслом.

— Если мне не хватит этого зайца, я подумаю над твоим предложением, — сказала Лютиэн, с трудом удерживая улыбку.

...Берен разделал зайца несколькими взмахами ножа и лучшие части протянул Лютиэн на плоском деревянном блюде. Шкурку он натянул на самодельную распорку.

— Что ты собираешься делать с ней? — спросила Тинувиэль. Берен пожал плечами.

— Парень заберет... — видимо, он говорил об эльфе, сторожившем неподалеку. — Мне не жалеют еды и питья — надо же чем-то отдаривать. В прошлый раз я оставил ему пучок гусиных перьев — он взял. Может, возьмет и шкуру, сошьет детям рукавички.

Лютиэн засмеялась. У детей «парня» были свои внуки.

— Ты не обижаешься на то, что тебя стерегут? — спросила она.

Берен покачал головой.

— О тебе было предсказание, — Лютиэн сказала это неожиданно даже для себя самой. — Судьба Дориата сплетена с твоей.

— Вот так даже? — Берен не донес свой кусок до рта. — И что за предсказание, если это не тайна?

— Если смертный из дома Беора пересечет завесу Мелиан, в Белерианде произойдут великие изменения и, может быть, падет Дориат. Государь Тингол в затруднении — ведь первая часть уже сбылась...

— Тогда на вашем месте я бы вышвырнул меня отсюда, и поскорее.

— Ты не понял, — Лютиэн запила свой кусок мяса вином, передала флягу Берену и продолжила: — Не говорится, что ты послужишь гибели Дориата тем, что будешь здесь находиться. Не говорится и о том, что ты станешь непосредственной причиной. Понимаешь, король вынужден выбирать не просто между двух зол. Он вынужден выбирать между двух зол с завязанными глазами. Берен, прошу тебя, перестань подкладывать мне лучшие куски: на моем блюде уже больше, чем я могу съесть.

Берен внял ее просьбе и какое-то время полностью сосредоточился на заячьем плече. Но потом, бросив кость в золу и выпив вина, он возобновил разговор:

— Я рад услышать, что не обязан своими руками уничтожить Дориат. Но если все так,

как ты говоришь, госпожа — получается, что будущее уже предопределено и выбирать свой путь мы не можем, а двигаемся как талая вода по проложенному руслу. Незавидная участь. В этом духе рассуждают последователи Темного, которые бахвалятся тем, что хотят избавить всех от Предопределенности. Они, похоже, и впрямь к этому стремятся, но знают только один способ: перебить всех, до кого руки дойдут.

— Те, кто говорят, что будущее предопределено и неизменно, ошибаются, к какой бы стороне они ни принадлежали. Ведь многие провидцы видят не один возможный путь, а несколько — откуда взяться какой-то Предопределенности?

— И какие же несколько путей открыты передо мной? Извини, госпожа Соловушка, что я все время завожу речь о себе: кто про что, а босой про сапоги.

— Давай сначала узнаем, что ты носишь в своей памяти. Возможно, это поможет прояснить положение.

— А если... — ему трудно было подбирать слова. — Если окажется, что я...

— Нет такого колдовства, которое не могла бы преодолеть добрая воля, — перебила его Лютиэн.

— Хорошо, если так, — больше не говоря ни слова, они убрали остатки трапезы, вымыли в ручье руки — и завершили свой «пир знакомства» двумя яблоками из котомки Лютиэн.

— Когда мы начнем? — спросил Берен.

— Сейчас, если ты не против.

— А много времени это займет?

— Я надеюсь управиться за несколько дней.

Берен запустил пальцы в волосы и растрепал их — впрочем, они и так были растрепаны.

— И как же ты будешь это делать?

— Я это уже делаю. Мы говорим с тобой, и я все больше узнаю о тебе. Но этого недостаточно. Необходимо осанвэ. Необходимо, чтобы ты открыл мне свой разум, свою память. Добровольно.

Берен на миг зажмурился, подняв лицо к солнцу.

— А если я не дам согласия? — спросил он.

— Мне будет намного труднее помочь тебе. Это все равно что перевязывать рану поверх одежды.

— А ты бы согласилась раздеться перед незнакомым мужчиной?

— Будь я ранена и нуждайся в перевязке — да. А человеческие приличия запрещают это? Неужели вы готовы умирать, чтобы не нарушать их?

— Нет, — Берен решительно выставил перед собой ладонь. — Но... Если бы ты была... хоть это и невозможно представить... нечиста и безобразна... настолько... что, может быть, предпочла бы умереть?

— Берен, мне не совсем понятен смысл твоего вопроса.

— Я боюсь оскорбить тебя, госпожа Соловушка. Даже против моей воли. А в моей голове хватает такого, что может тебя оскорбить. Мне страшно подумать о том, что ты можешь открыть во мне...

— Берен, — Лютиэн смотрела прямо ему в глаза, и он не отводил взгляда. — Уже за время нашего разговора я узнала достаточно такого, что меня потрясло. Я узнала, что обман и убийство могут нравиться тебе. Что ты боишься быть отверженным из-за своих душевных ран — а значит, в твоём народе такое не считается чем-то из ряда вон выходящим. Лекарь,

который при виде гноящейся раны бежит от больного — скверный лекарь. Я надеюсь, что мне хватит милосердия.

— А если... — Берен на миг сжал горло рукой, — милосердие — это как раз то, чего я... боюсь?

— Как можно его бояться?

Берен промолчал.

— Ты дашь согласие на соприкосновение разумов? — спросила Лютиэн.

— Не знаю. Дай мне подумать.

— Сколько времени тебе нужно?

— Не знаю. Есть другие способы?

— Есть. Я могу погрузить тебя в некое подобие сна — и ты заново переживешь в этих грезах то, что стерлось из твоей памяти. Я могу дать тебе напиток, благодаря которому ты выйдешь за свои пределы. Но я ничего не могу сделать без твоего согласия. И все эти способы сопряжены с той опасностью от которой ты бежишь: открыть передо мной свое существо.

Берен вздохнул.

— Хорошо, — сказал он. — Хорошо, если ты дашь мне слово... В том, что все мои тайны останутся твоими тайнами.

— Я клянусь тебе, что ни одна из твоих тайн не покинет моих уст, — сказала Лютиэн.

Он снова скрывал свои чувства за *avad*, но взгляд у него был очень странным. Он смотрел так, словно прощался с ней.

Солнце клонилось к вечеру. Они разговаривали долго.

— Госпожа Соловушка, где ты живешь? — забеспокоился Берен. — Сколько времени нужно идти до твоего жилища?

— Если выйти сейчас, — сказала Лютиэн, — можно добраться к полуночи. Но я не собиралась возвращаться сегодня. Я намеревалась провести эти несколько дней у тебя.

— Здесь — везде твой дом, — учтиво ответил Берен. Лютиэн показалось, что он чем-то смущен, и вечером эта загадка разрешилась.

Когда стемнело, Берен пригласил ее под полог дома, сам же вытащил травяную постель наружу. Ему, как видно, захотелось поспать на свежем воздухе, и Лютиэн посчитала своим долгом предупредить его:

— Сегодня ночью может быть дождь.

— Ничего, госпожа Соловушка, — коротко ответил он.

Она повесила в дереве гамак, забралась в сетку и пожелала Берену спокойной ночи. Он долго ворочался на своей постели, а когда все же заснул, то сон его был действительно тяжелым.

Лютиэн выбралась из гамака, вытащила из котомки то, что приготовила нарочно для такого случая: резной деревянный гребень с длинными зубцами. Осторожно отодвинула полог и спустилась к человеку, спящему у подножия дерева.

Его дыхание было неровным, короткие выдохи временами звучали почти как стоны. Спал он лицом вниз, и это было ей на руку. Лютиэн осторожно, стараясь не разбудить человека, провела гребнем по его волосам — от макушки вниз, к затылку, и дальше — вдоль спины. Волосы Берена были темными, почти черными — но в них проблескивали серебристые пряди. Гребня они не слушались, но Лютиэн не волновала красота прически — гребень служил совсем другому. Резал его Ильверин, а заклятье накладывала она сама —

когда-то давно, для одного маленького мальчика из племени данас, чудом выжившего после нападения орков на селение. Мальчика тоже мучили ночные кошмары, и тогда Лютиэн попросила вырезать гребень из самого доброго дерева — можжевельника. Мальчик вырос и стал мужчиной, гребень долго лежал без дела. Еще предки Берена не заселили Дортонионское нагорье, а жили в шатрах на землях Амрода и Амроса, когда Лютиэн отложила этот гребень и надолго забыла о нем.

Напряжение, не отпускавшее тело Берена и во сне, исчезло — он дышал теперь как обычный спящий, плечи расслабились. Лютиэн вернулась в гамак, оставив гребень в его волосах. Она знала, что он спокойно проспит теперь если не до утра, то до начала грозы — а гроза уже собиралась; воздух сделался тяжелым, а небо плотно обложили тучи, сквозь которые полная луна и не проглядывала.

Она уснула и проснулась от шума дождя; ливень молотил по листьям, и трава радовалась щедрому подарку небес. Лютиэн открыла глаза и увидела Берена сидящим на пороге: стопы упираются в одну «притолоку», спина — в другую, руки обхватили колени, глаза полуприкрыты. Гребень все еще торчал у него в волосах. Мокрое одеяло лежало у ног, сухое — укрывало голые плечи. Он промок в первые же мгновения ливня. Что за странное упрямство!

Услышав шорох, Берен повернул к ней голову. В позе и прежде было что-то птичье, а быстрое движение усилило это сходство.

— Я кажусь тебе несусветным дураком, госпожа Соловушка? — тихо спросил он.

Лютиэн спустила на пол ноги. Берен отвернулся, чтобы не смущать ее, хотя в темноте вряд ли что-то видел, кроме белого полотна рубашки. Лютиэн вдруг подумала, что ее предложение, в котором не было ничего удивительного для эльфа, могло показаться странным с точки зрения человеческих обычаев. Предположение это подтверждал и обнаженный меч, лежащий на полу и разделяющий крохотное пристанище на две половины.

— Думаю, я поступила не менее глупо с твоей точки зрения, — сказала она, одеваясь. Она не знала, стоит ли ей перешагивать через меч, и потому оставалась на своей половине. — Вызвавшись ночевать с тобой под одной кровлей, я нарушила какой-то человеческий закон? Он покачал головой.

— Зачем ты положил между нами меч? Это что-то значит?

— Это значит, что мы не... не возлежали как муж и жена. Если бы кто-то вошел, увидел бы.

— Он бы и так это увидел, — улыбнулась Лютиэн. — Даже если бы мы лежали рядом, обнявшись ради тепла. Мы же не муж и жена.

Берен вдруг беззвучно засмеялся, и этот смех показался Лютиэн нехорошим.

— Погоди, — сказала она. — Человеческие приличия предписывают вам, оставшись наедине с женщинами, которые вам не жены, устроить все так, чтобы никто не подумал, что вы спали с ними как с женами. Это значит...

— Это значит, — резко сказал он, — что человеческие мужчины способны спать с женщиной прежде, чем она стала им женой, и с женщиной, которая приходится женой другому человеку, и с женщиной, которая никогда не будет женой никому, и с женщиной, которая вообще этого не хочет. Если ты действительно намерена войти в мое сознание, ты узнаешь еще много мерзостей обо мне и о роде людском. Привыкай, госпожа Соловушка.

Он отвернулся, свесив ноги наружу, выпрямил руку, и, дождавшись, пока она намокнет, провел ладонью по лицу.

— Берен, — сказала эльфийка. — Если бы ты был эльфом, я бы сочла такое положение дел неподобающим. Но вы — люди, вы — другие...

Внезапно ее слегка покорило воспоминание о почти тех же самых словах, сказанных Саэросом.

— Да, — кивнул Берен. — Мы больше походим на зверей. И в этом, и во многом другом.

— В этом вы на них скорее на них походим мы, эльфы, — возразила Лютиэн. — Ведь мы вступаем в брак ради того, чтобы родить детей, как и они. Двое соединяются телом для того, чтобы появился третий. Как же это возможно — соединиться с женщиной, которая тебе не жена, ведь соединившись с нею, ты станешь ее мужем. Иное невозможно, как невозможно войти в воду и не намочнуть. Если вы соединяетесь ради третьего — значит, вы уже муж и жена. А если нет — то ради чего же?

Берен снова засмеялся — все тем же нехорошим смехом.

— Право же, госпожа Соловушка, ты вогнала меня в краску. Порой ты говоришь как мудрая старуха из нашего народа, порой — как дитя, и если бы я не знал что ты невинна, я бы решил, что ты бесстыдна.

— У вас мужчины не говорят об этом с женщинами?

— Нам нет нужды говорить об этом, эти вещи всем известны.

— Но тогда что постыдного в том, чтобы говорить о вещах, которые и так все знают? Так ради чего же вы соединяетесь, если не ради зачатия?

— Ради удовольствия.

Эти слова снова поставили ее в тупик. Удовольствие, радость, счастье — все эти слова она связывала именно с рождением детей от... она не знала, от кого. Она знала, каким ей хотелось бы, чтоб он был — но еще не встретила такого. Если бы Берен был эльфом — он, пожалуй, был бы очень похож на того, кого она ждала. Но он не эльф.

— Я готова вернуть тебе твои слова. Порой ты кажешься мне мудрым, мудрее Даэрона или моего отца, а порой — с тобой труднее говорить, чем с ребенком. Мы, эльфы, не мыслим себе удовольствия отдельно от детей. Разве зачинать ребенка — большая радость, чем вместе баюкать его, учить речи и всему, что нужно?

— Иные из людей считают, что дети — вовсе никакая не радость, а нечто вроде платы или наказания за полученное наслаждение.

— Это неправильно, — решительно сказала Лютиэн. — Как бы мы ни разнились — Единый не мог создать вас такими, чтобы дети не приносили вам радости.

— Я разве говорил, что все мы таковы? Хотя в молодости, когда просыпаются желания, о детях мы думаем меньше всего. Никто поначалу особенно не огорчается, если их первое время нет.

— Ты говоришь так, словно вы не знаете, в какие годы и дни возможно зачатие.

— Все годы зрелости женщины, пока она не станет слишком стара. А свои дни знает не всякая женщина, и не всякий мужчина спрашивает у нее.

— Итак, — попыталась она подвести итог, — вы способны зачинать детей, не вступая в брак и не желая детей; вы ложитесь вместе ради удовольствия, но если все же удастся зачать дитя, оно иногда кажется посланным в наказание. Звучит как «сухая вода», но допустим, что это так. Удовольствие, которое вы получаете при этом, не связано с обязательствами вроде брака. Значит, оно мимолетно?

— Мимолетнее, чем опьянение от вина.

— Человеческие дети растут быстрее эльфов, но все же, по вашему счету, довольно долго. Выходит, за мимолетное удовольствие те, кто смотрит на детей, как на наказание, расплачиваются годами кары. Они не знают, что если возлечь, могут получиться дети?

— Прекрасно знают.

— Что же ими движет, если они рискуют годами расплаты ради мгновения радости?

— Похоть. Вожделение.

Сначала Берен сказал человеческое слово, которого Лютиэн не поняла, потом объяснил его эльфийским словом *mael*, «жажда».

Это слово было ей понятно — именно его произносили, вспоминая об Эоле, пожелавшем голодримской девы, сестры короля Тургона Гондолинского. Однако, Берен, по всей видимости, имел в виду что-то другое, потому что Эол пожелал Аредель именно так как эльф желает женщины, и взял ее в жены, хоть и завоевал ее сердце чарами, против ее воли. А что есть вожделение, которое не имеет целью ни брак, ни детей? Только мгновенное удовольствие? Но разве желание мгновенного удовольствия не может не быть мгновенным?

— Может, — ответил Берен на этот вопрос. — Оно может сжигать двоих... или одного... Годами... Оно может быть таково, что его легко принять за любовь.

— Но если оно может быть таково — почему бы не превратить его в любовь, сочетавшись браком?

— Да хотя бы потому что желанная женщина уже может состоять с кем-то в браке. Или потому что брака с этой женщиной не хочется, а хочется просто утолить свою жажду и расстаться.

Теперь засмеялась Лютиэн. Смеялась она не над Береном, а над собой: может быть то, что казалось эльфам в Берене оттенком безумия, было просто каким-то человеческим признаком? Может быть, людям вообще свойственно терять память и мучиться, немочь и самопроизвольно исцеляться — как свойственно вожделеть женщин, не желая от них детей и выходить замуж не за того мужчину, к которому испытываешь влечение?

— Но такое положение дел не может быть естественным. Оно безумно.

— Конечно, — согласился Берен. — Лучше всего, когда двое любят друг друга, и сочетаются браком, и растят детей, и ни к кому не испытывают вожделения, только друг к другу. Они благословенны и счастливы, а те, кто утоляет свою жажду с чужими женами или свободными девами без намерения заключить брак, у нас считаются преступниками, а женщин, которые жаждут многих мужчин и утоляют эту жажду, у нас презирают. Разумная, неискаженная часть нашей природы стремится к правильному положению дел, когда любовь, брак, желание иметь детей и влечение — одно; а безумная, искаженная призывает разорвать это, сжечь и свою, и чужую жизнь ради мгновенного острого переживания, которое, как бы оно ни было приятно, приходит — и уходит. Поэтому наши правила приличия так длинны и сложны: мы придумываем ахан (5) там, где вашей жизнью правит *unat*.

— Хвала Единому, мы наконец-то заговорили на одном языке, а то я испугалась, что сейчас один из нас лишится рассудка. Итак, ваш ахан призывает, оставшись с девой наедине, сделать все так, чтобы никто, завидев вас, не решил, что вы нарушили другой ахан. Для этого ты положил между нами меч. Но как бы он защитил нас, если бы ты все-таки вздумал нарушить этот ахан?

Берен снова опустил голову.

— Не унижай меня так, госпожа Соловушка. Честь у меня все-таки есть, и я не дикий

зверь, неспособный обуздывать свои желания.

— Так ты спал снаружи не из упрямства, — проговорила медленно Лютиэн. — Ты спасался от искушения. А я была глупа, и не поняла... Прости меня, Берен.

— За что? За то, что я осмелился посмотреть на тебя нечистыми глазами — ты у меня просишь прощения?

— Если это в самом деле сродни жажде — то бесчестно держать чашу с водой перед лицом жаждущего и не давать ему напиться.

— Это сродни иной жажде, — проворчал Берен. — Но вам, эльфам, и она не знакома. Я знаю, вы порой напиваетесь допьяна — но никогда не делаетесь пьяницами; вино не застит вам весь белый свет. С нами такое случается. Ну вот, ты знаешь об еще одном человеческом пороке.

— На самом деле это один и тот же порок: вы во власти своих влечений, — мягко сказала Лютиэн. — Однако, что же нам делать с тобой? Пожалуй, когда кончится дождь, я уйду, чтобы не мучить тебя, и пришлю кого-то из мужчин, сведущих в чарах...

Берен снова рассмеялся — на этот раз открыто и почти радостно.

— Нет, госпожа Соловушка, это вовсе не мука! По крайней мере, не теперь, когда я это сказал и... избыл. Остайся. Пусть лучше один эльф знает обо мне все самое плохое, чем два эльфа — по половине самого плохого. Чем больше, ты обо мне узнаешь, тем дальше от меня становишься. Все будет хорошо. Я спокоен — и между нами Дагмор.

— Хорошо, — согласилась Лютиэн, вдруг обидевшись неизвестно на что. — Но я вовсе не стремлюсь знать о тебе самое плохое. Не понимаю, почему ты поспешил мне это сообщить.

— Из страха, госпожа Соловушка. Из страха, что ты обнаружишь это сама и содрогнешься от отвращения.

— Это тоже по-человечески — страх перед стыдом, заставляющий быть бесстыдным?

— Это по-моему, госпожа моя. Не скажу за всех людей, но я большой трус. Я так боюсь боли, что иду к ней навстречу. Я так боюсь стыда, что спешу осудить себя прежде, чем меня осудит тот, кого я... почитаю. Я так боюсь любого выбора, что выбираю для себя самое плохое — лишь бы точно знать, что хуже не будет и быть не могло.

Лютиэн покачала головой.

— Поистине, передо мной самый жалкий трус Белерианда, — тихо сказала она. — Он так испугался мучений совести, что четыре года один мстил за отца и товарищей. Он так боялся орков, что в одиночку перешел Эред Горгор и Нан-Дунгортэб. Он настолько трусил перед возможностью оказаться орудием врага, что готов был уничтожить себя в моих глазах. Хотела бы я, чтобы отцом моих детей был такой же трус, как ты, Берен, сын Барахира. Вложи в ножны свой меч — мы больше не будем сегодня спать.

Берен без слов выполнил ее просьбу, нашарил на полу свою рубашку и надел ее, отвернувшись.

— Когда я переступила через нож, ты вздрогнул. Я нарушила какой-то ваш обычай? Это чем-то оскорбило тебя?

— Это не в счет, — тихо ответил Берен. — Это ведь был нож, а не меч. Если женщина принимает служение мужчины, она поднимает меч и возвращает его. Если она перешагивает через меч, это значит, что она согласна взять мужчину в мужья. Но ты не знала наших обычаев, и то был не меч, так что это ничего не значит. Совсем ничего.

Трудность для Лютиэн заключалась в том, что действовать нужно было не так, как она умела, а совершенно наоборот. Эльфы ничего не забывают, и болезни их sannat происходят от того, что они слишком много помнят, и порой снова и снова переживают кошмарную грезу почти наяву, не в силах остановиться. Подобие сна, в которое погружала Лютиэн этих страдальцев, служило тому, чтобы, соприкоснувшись мыслями, дать исцеляемому возможность посмотреть на себя и свой ужас немножко чужими глазами, как сквозь запотевшее стекло, отделить страх от себя, научиться не возвращаться к нему, укрепить волю против влечения к болезненному уголку памяти.

С Береном было ровно наоборот: его память возвращалась к пустому месту, к черному провалу. Лютиэн даже не знала, чем объясняется человеческая забывчивость — неужели их память подобна сосуду, способному вместить лишь ограниченное количество знания? И то, что он так напряженно ищет, просто «перелилось через край»? Но какова закономерность, по которой одни события вытесняются другими? Берен помнил наизусть длинные отрывки из песенных сказаний, множество легенд и былей своего народа, и забыл, что происходило с ним самим. Если забывается ненужное — почему забылось нужное? Если забывается плохое — почему так избирательно, почему не все кошмары были вытеснены из памяти?

Они бродили по полянам и перелескам Даэронова угодья, подолгу беседовали, и чем больше Берен отвечал на вопросы Лютиэн, тем больше у нее появлялось новых вопросов — словно от ветки отходили новые ветки. Она искала опоры — то, от чего можно будет оттолкнуться, погрузившись в колдовской сон.

Берен доверял ей, как ребенок. После того раздумья, после утра вопросов и ответов — «Как скажешь, госпожа Соловушка. Как пожелаешь, госпожа Волшебница». Он больше не пытался казаться ни хуже, ни лучше, чем он есть, словно без оглядки бросался в темный овраг, не думая, что его встретит на дне — острые камни, ворох палой листвы, холодная река... И все же — он испытывал ее ответами, как она его — вопросами; но с каждым ответом ей было все легче и легче выдерживать испытание.

Она поняла, почему Финрод, Друг Людей, так мало говорил о них с другими эльфами, почему отмалчивались Галадриэль, Аэгнор и Ангрод — да все, кто знал людей близко. Понаслышке действительно можно было бы подумать, что люди исполнены мерзости и скверны, чтобы избежать этой ошибки, нужно было видеть хотя бы одного лицом к лицу и понять ту странную раздвоенность, которая вызывает одновременно жалость и уважение: так уважают калеку, оставшегося воином, как Маэдрос Феаноринг. Их тело постоянно заявляло свои права на их души, их влечения действительно стремились повелевать ими — и тем больше восхищения вызывали такие люди, как Берен, способные удерживать этих бешеных коней в узде и направлять их туда, куда нужно. Что люди были словно разорваны внутри себя — в том была скорее беда, чем вина. Многие беды происходили от того, что их сознание не могло само в себе разобраться. То, что Берен рассказал об отношениях мужчин и женщин у людей, судя по его же оговоркам, было справедливо для всего: для дружбы и вражды, искусства и труда... Все понятия в глазах Берена были как будто разъяты на составные части, или сплетены из отдельных частей, как канат — из отдельных нитей. Сложность была в том, что люди не всегда могли с ходу разобраться, где какая нить и делали

оно, а ждали другого: все равно что выбрать самую яркую веревку и думать, что она будет самой крепкой.

Теперь было ясно, что Берен имел в виду, когда говорил — «быть мертвым». Он надеялся избавиться от неосознанных влечений; но разве от них можно было избавиться, отрицая их? В этом тоже была ошибка и раздвоенность.

После дождя, во время одной из прогулок, она впервые погрузила его в волшебный сон. Он рассказывал о хижине, где скрывался последние дни перед уходом из Дортониона, его осанвэ было ясным и четким, и Лютиэн словно сама побывала в тесной смрадной землянке. Вернуться памятью в те дни, которые предшествовали его появлению в этой землянке, он не смог. Лютиэн приказала ему, проснувшись, забыть разговор — и ужаснулась итогу: проснувшись, он действительно забыл.

С эльфами такого не бывало никогда — в свое время Лютиэн и другие пробовали много разных вещей с волшебным сном: частью — ради новых знаний, частью — ради забавы. Ни один эльф никогда не забывал, что с ним происходило в волшебном сне. Человек — мог забыть. Тот, кто мог погрузить человека в волшебный сон, получал над ним страшную власть. Лютиэн возблагодарила Единого за то, что такая власть возможна лишь по добровольному согласию. И все же — оказывалось, что подозрения Берена не беспочвенны: ему могли приказать забыть — и он мог забыть по приказу. Ей не хотелось верить, что он способен был дать кому-то из слуг Врага согласие на такое... А впрочем — что она знает? Через что Берену довелось пройти, какими способами от него могли добиваться такого согласия?

Лютиэн должна была развеять эти свои сомнения, а для этого ей следовало решиться на страшное: во сне погрузить Берена в самую середину его кошмара, и погрузиться туда вместе с ним. Ей было тяжело просить его об этом, потому что она не знала, чем это обернется для него, но знала, каким будет ответ: «Как скажешь, госпожа Соловушка. Как пожелаешь, госпожа Волшебница».

* * *

Все было так ново и странно, что Берен просто не знал, что думать.

Такого быть не могло — чтобы эльфийская принцесса сошла к нему, чтобы она ночевала под той же кровлей, говорила с ним, лечила его...

Берен обнаружил, что способен о многом вспоминать без внутреннего содрогания. Чувства словно бы притупились, а точнее — появилось новое чувство, в присутствии которого все остальные обмельчали.

Он сопротивлялся изо всех сил. Так было нельзя. Он слишком хорошо знал, чем такое заканчивалось — вылетели из головы события недавних дней, а «Беседа Финрода и Андрет», по которой он в детстве учился грамоте, сидела в уме прочно. Странно устроена память людская. А может быть, это и не зря, может быть, история лорда Аэгнора и Андрет — как раз то, о чем он должен помнить, ежечасно помнить теперь, чтобы не загнать себя и ее в такую же глупую ловушку.

Он бродил с ней по молодым лесам Нелдорета, отвечал на ее вопросы и подчинялся ее

лечению, странной ворожке с блестящим зеркальцем и медленным пением без слов. Она погружала его в странный сон — и во сне он отвечал на те вопросы, на которые не мог ответить наяву. Иной раз он засыпал по ее воле в полдень, а просыпался на закате, хотя готов был поклясться, что говорил во сне не дольше пяти минут; а бывало и так, что он успевал прожить во сне полжизни, а солнце за это время не делало и двух шагов по небу, и сияло сквозь тот же просвет в кроне.

Его больше не беспокоило, что она и другие эльфы будут думать о людях после этих разговоров. После первого сурового разговора он был убежден: ее отношение к нему не изменится к худшему, останется все тем же милосердным интересом; а до остальных эльфов дела ему не было.

И все же — с каждым днем он все больше понимал, что этот интерес изменяется в какую-то сторону. В своих чувствах он уже почти не сомневался, хоть и боялся по-прежнему называть их своими именами. О, нет, думал он, так нельзя. Хватит с тебя этой страсти, которая побеждает все и вся: вспомни о своем позоре, вспомни о несчастном Горлиме. Нет у тебя права швырять на этот алтарь никого — кроме себя. Тот, кто воистину любит — должен страдать один.

И он молчал, не позволяя чувству пробиться сквозь *avanire*. Пока она была рядом, это страдание было сладким. Может быть, еще и поэтому он не решался открыться: ведь признание потребует от нее действий. Она либо уйдет, либо... останется. И неизвестно, что хуже. Нет. Он не может ни расстаться с ней, ни обречь ее на любовь. Пусть все остается как есть — он понимал, что долго так оставаться не может, но столько, сколько возможно...

И это тянулось до того дня, когда она предложила сделать последний шаг, заглянуть в тот угол памяти, в который он больше всего не хотел заглядывать.

Он согласился. Отказаться он просто не мог.

Как это уже было, он сел на траву, а она встала напротив, поигрывая зеркальцем — по ее словам, в нем не было ничего волшебного. Он попросил: сделать так, чтобы, придя в себя, он помнил все.

— Хорошо, сказала она, — и через какое-то время Берен погрузился в сон.

Когда он проснулся, она сидела на траве и плакала — а он не помнил ничего из прошедшего разговора.

— Ты обещала, — он почувствовал обиду, неожиданно острую.

— Я не смогла сдержать обещание. Извини. — Она немного помолчала. — Ты вспомнишь все — но со временем, постепенно. Я нашла ответы, и они таковы. Ты — не предатель. Ты — не орудие врага, ты освободился сам, по своей воле.

Лютиэн улыбнулась сквозь слезы.

— Стремление, которое гнало тебя через горы — твое собственное стремление. Некий человек передал тебе весть, которую ты счел настолько важной, что решил пересечь горы ради нее. Но первая попытка достичь гор оказалась неудачной. Тебя схватили... Ты проснешься завтра утром, помня все, но главное знай уже сейчас: ты их всех обманул. Твоей тайны они не узнали; и я не знаю ее. Если ты сочтешь нужным что-то сказать моему отцу — скажешь сам.

Лютиэн вытерла слезы рукой и снова улыбнулась Берену.

— Я горжусь тем, что повстречала такого человека, как ты, — сказала она.

— Госпожа Соловушка...

— Ни слова больше! Берен, я не хочу грустить. Ты умеешь танцевать? Покажи мне, как

танцуют самый веселый человеческий танец!

Выяснилось, что танцевать он разучился. Он следовал за ней покорным и счастливым щенком, держа ее пальцы в своих, повторяя движения танца — однако ноги, такие легкие и быстрые в пляске смерти, такие чуткие к малейшим неровностям земли, такие твердые и в выпаде, и в стойке — отказывались повиноваться. Он был весь как деревянный, запаздывал с движениями, сбивался с ритма и наступал ей на ноги — она смеялась звонко, заливисто и совсем не обидно. Движения нарьи, тем не менее, она перенимала легко и ловко: стражник, наверное, немало позабавился... Они сделали по поляне круг...

— Почему ты остановился? — спросила Лютиэн.

...Потому что, сделав круг в нарье, мужчина должен был обхватить женщину руками и прижать к себе, отрывая ее ноги от земли и поворачиваясь на пятках, чтобы поставить с другой стороны... Вот такая фигура танца...

— Потому что пока еще в силах остановиться... — прошептал он. — Ты знаешь, что со мной, госпожа Тинувиэль? Знаешь, что я чувствую к тебе?

— Как я могу знать, ты ведь не говоришь ничего?

— Да как же я могу это сказать... Как я могу о чем-то просить, ведь если ты ответишь «нет», я просто умру на месте...

— Но почему ты сразу решил, что я отвечу «нет»?

— Потому что если ты ответишь «да» — это будет еще хуже. Это будет значить, что я навлек на тебя страдания, ибо моя судьба — это несчастная судьба, просить кого-то разделить ее — все равно что предлагать чашу с ядом.

— Ты именно об этом хотел меня просить?

— Нет, нет... — он запустил пальцы в волосы, растрепав их. — Если бы ты была *adaneth*, я бы попытался. Мне было бы не так важно, что ты ко мне испытываешь, ибо человеческой женщине бывает достаточно и просто влечения, и дружбы, и даже жалости, а мужчине — и того меньше... Я бы попросил у твоего отца твоей руки и мы были бы счастливы столько, сколько сможем. Может быть, нам удалось бы зачать дитя — и тогда мне было бы спокойней уходить на Запад, если такова будет воля Единого... Ты бы погоревала, а потом попытала счастья с кем-то еще, пока молода... Но ведь ты — *elleth*. Вы не можете соединиться друг с другом иначе как по любви, а кто сильно любит — тот тяжело страдает в разлуке. И вы не представляете себе иной любви, кроме слияния судеб... Твоя судьба — чистый лесной ручей, моя — бешеный горный поток, где с талой водой мешается грязь и несутся по течению коряги. Ладно, какая есть, такая есть, и другой не надо: но губить тебя я не хочу.

— Какой ты странный, Берен... Ведь если бы я могла сказать тебе «да» — это значит, я уже любила бы, и страдала в разлуке...

— Не так горько, госпожа моя, и не так долго. Одно дело — иметь и потерять; другое — так и не получить... Тем проще закончить, если и не начинать.

— Но ведь тот, кто имел и потерял — все же радовался, пусть и короткое время... А тот, кто из боязни потерь отказался от обладания, так и не был счастлив... Он все равно будет горевать в разлуке, и горечь его будет больше, потому что именно упущенные возможности рисуются воображению особенно заманчивыми...

Берен горько рассмеялся.

— «Пойми, Андрет-аданэт, жизнь и любовь эльдар питает их память; мы предпочитаем память о светлом и прекрасном чувстве, не получившем завершения, воспоминаниям о

печальном конце...» Да неужели же за тридцать лет нельзя было научиться обходить грабли, на которых так славно поплясали твои родичи и сюзерены?! Андрет Мудрая, когда-то — Андрет Прекрасная, возлюбленная принца Аэгнора... она говорила, что память у меня лошадиная... Читать она сама не умела, но часто просила меня твердить ей наизусть ее старую беседу с государем нашим Финродом... «Если узы супружества и могут связать наши народы, то это случится во имя великой цели и по велению Судьбы. Краток будет век такого союза и тяжек конец его. И лучшим исходом для тех, кто заключит его, станет милосердная скорая смерть...» К Морготу и Судьбу, и великие цели — я не хочу для тебя «милосердной скорой смерти». Уходи, госпожа Соловушка. Оставь меня здесь. Через две недели я предстану перед твоим отцом... И если он отпустит меня — там, на войне, обрету я мир. Среди опасностей — успокоюсь. Я не хочу ни о чем спрашивать тебя, не хочу получить ответ. Я еще помню, как страдали Андрет и Аэгнор, мой лорд и сестра моего деда... Андрет умерла в день Дагор Браголлах. Увидела из окон зарево, схватилась за сердце и умерла. Так рассказывали. Меня тогда не было в Каргонде, я не видел.

Аэгнор, Ярое Пламя...

— Финрод был прав. Государь мой всегда бывает прав, — опустив голову, сказал Берен. — Если человек и эльф любят друг друга, как любили Аэгнор и Андрет, самое лучшее для них — умереть в один день...

— Что ж, расстанемся, сын Барахира. Если ты и твой государь правы — так будет лучше для нас обоих.

— Я провожу тебя.

— Как? Мой дом в двух лигах ниже по течению, а тебе запрещено уходить так далеко.

— Сколько смогу.

— Не стоит, Берен. Я в Дориате, у себя дома, здесь со мной ничего не случится.

— Я провожу, — сжатые губы, углубившаяся складка меж бровей — это означало, что он принял решение, и менять его не будет.

Он действительно проводил ее — до того места, где пролежала невидимая граница, где Эсгалдуин продолжал свой путь в полумраке древнего, могучего леса. Лютиэн ушла, не оборачиваясь, и он тоже, расставшись с ней, ни разу не обернулся — но это стоило ему таких усилий, что, вернувшись к своему дому за полночь, он упал без чувств и проспал весь следующий день.

Глава 2. Судьба

«Убей, но прежде выслушай!»

Это было первое, что Берен вспомнил, проснувшись.

Мэрдиган. Финвег Мар-Мэрдиган, предатель, переметнувшийся к северянам.

«Убей, но прежде выслушай» — почему Берен нарушил свой обычай? Он всегда убивал прежде, чем выслушивал — понимая, что его легко разжалобить. Он не давал жертвам такой возможности, зная все отговорки наперечет: семья, дети в заложниках, унижение, пытки, скотская работа... И, чтобы не давать себе жалеть ублюдков, вспоминал тех, кого действительно стоило жалеть: детей, съеденных своими обезумевшими от голода матерями; стариков и старух, которые сожгли себя в хижине, лишь бы не идти в Тол-и-Нгаурхот на корм волкам; девушек, изнасилованных и забитых насмерть... И вот тогда его руки не дрожали, и в глаза жертвам он смотрел без колебаний.

А с Мэрдиганом — сорвалось. Потому что вспомнилось детство, земляничные поляны в сосновых лесах Эмин Тонион — и рука дрогнула на мгновение, которого Мэрдигану хватило, чтобы сказать самое главное: Саурон готовит удар на Хитлум.

Мэрдиган не знал этого точно. Ему был дан приказ собрать отряд, способный сражаться в горах и брать укрепленные перевалы. В Дортонионе все укрепленные перевалы были взяты...

Весной, когда с гор сойдут снега, отряд должен быть готов...

Жизнь обрела смысл. Берен убрался из Минас-Моркрист, так и не устроив там задуманной кровавой бани для черных рыцарей. Нужно было уходить из Дортониона, нести весть. Перевал Анах стерегли, Аглон тоже. Берен решил рискнуть, отправиться через Нахар, и летом-то неласковый. Он спустился к Сарнадуину — за припасами. И попал в лапы к оркам.

Люди из Сарнадуина помогали ему — не мог же он просто убраться, видя, что в деревне бесчинствует орочья шайка.

— ...Ты пойдешь со мной, почтенный Древобород?

...Болтали, что он может приказывать лесным духам. Неправда. Никто не может приказывать энтам. Можно только просить их о помощи.

— Хм... Пойду ли я с тобой, Убийца убийц? Я не могу это решить так просто, дай мне время подумать.

Берен ждал минут десять, ничем не выказывая раздражения — это было последнее, что стоило проявлять в разговоре с энтами. Но природная горячность характера взяла свое.

— Сколько времени тебе нужно на раздумья, почтенный Фангорн? Ты собираешься размышлять до первой звезды или до утра?

— Как ты тороплив, Убийца убийц... До первой звезды — разве можно принимать такое решение так скоро? Я бы подумал до завтрашнего вечера, если вопрос не окажется сложнее, чем я полагал вначале... Хм, да, до завтрашнего вечера — так будет лучше всего.

— Если бы там, на вырубках у Аэлуин, я думал ночь и день, от твоей молодой поросли ничего бы не осталось, — не выдержал Берен.

— Хмм, да, — согласилось лесное существо, — но у твоих людей есть руки и ноги, и эти глупые топоры, которыми они горазды размахивать... Люди могут защитить себя, деревья — нет.

— В этой деревне остались только старики, женщины и дети.

— Но они все равно рубят лес. Разве ты не учил их, Убийца, что нельзя рубить живых деревьев, нужно брать сухостой?

— Они не могут, — Берен зажмурился, чувствуя свое бессилие объяснить эту, что такое «оброк». — Орки и слуги Моргота требуют от них леса.

— Так ты готов защищать лес только от орков, — грустно сказал энт. — Если древоубийцами становятся люди, ты не видишь в этом ничего страшного, хмм? Почему ты вмешался тогда в порубку возле озера — потому что хотел спасти подлесок или потому что ненавидишь древоубийц?

— Я хотел спасти лес, — Берен почти не лгал. Ему трудно было относиться к деревьям с той же нежностью, какую будили в нем кэлвар. Но лес у Тарн Аэлуин... Священный лес Эстэ и Ниэнны, лес, где жила Андрет, где он проходил Очищение...

Фангорн повернулся к нему спиной и зашагал прочь. Берен прикусил губы, уговаривая себя, что он с самого начала не особенно рассчитывал на помощь энтов. Полдюжины орков и столько же людей. Дрянь, отребье. Он справится один — не впервой.

Здравый смысл говорил: не ходи, не рискуй, то, что в твоей голове — важнее. Но разве слушались здравого смысла люди, делившие с Береном кров и еду, когда это могло привести их к гибели? Да и шайка была из тех, кто не подчинялся даже Саурону. Черные и сами таких вешали — можно было не бояться, что в отместку деревню сожгут. И все было легко: лук и нож, несколько бесшумных смертей, прежде чем остальные, увлеченные грабежом, поймут, в чем дело, но будет уже поздно...

И только с одним Берену не повезло. Он не знал, что старостиха послала сына за подмогой в соседнее село и что тот по дороге встретил смешанный отряд карателей под началом молоденького полуорка. Он и понять ничего не успел, когда его последнего противника убили из самострела, а его самого сшибли на землю тупым болтом. Очнулся уже прикрученный к коновязи.

Теперь он не удивлялся, почему забыл имя Мэрдигана, и его самого, и все, что он сказал. Он ведь больше всего на свете желал забыть, чтобы даже случайно, даже в беспамятстве не произнести этого имени. Чтобы у Мэрдигана осталась возможность, услышав о его смерти, послать другого вестника — или набраться храбрости и сбежать самому. Поэтому он назвал свое имя — зная, чего это будет стоить ему и жителям деревни.

— Хватит, я сказал! Хватит, Варга, сучий потрох! Ты выбьешь из него душу!

— А тебе его жалко, да? Ты у нас жалостливый? Ну, а я хочу знать, где Барахир спрятал свое золотишко.

...Ах, да, это дурачье верит в легенду о несметных богатствах беорингов, подаренных эльфами...

— Еще одно кривое слово — и я суну эту раскаленную подкову тебе в пасть! Тебе охота объяснить Болдогу, как это мы не довели живым убийцу его сына? Тогда вперед, но только без меня! Я тут буду с краю, за его смерть Болдогу ответишь ты.

— Не держи меня за щенка, Тург! Он не первый, кому я развязываю язык!

...развязывают язык... пока он говорил о «золоте беорингов» правду, ему не верили... посмотрим, что будет, когда он солжет...

Он не помнил, что должно случиться, если на поляне у трех источников орк протрубит в рог четырежды. Но почему-то твердо знал, что орку не поздоровится, и всем другим оркам — тоже...

— Три источника... — с сомнением повторил главарь, — четырежды протрубить. Хрен его знает... Дурь какая-то...

— Не дурь, — Варга купился сразу же и со всеми потрохами. — Не дурь, а колдовство... Чары эльфийские. Ничо, переплавим побрякушки — чары из них повыветрятся... Он ведь умный, а? — орк сграбастал пленника за волосы. — Он ведь знает, чего будет, если он нам наврал, правда, беоринг?

— Болдог нам головы оторвет, если мы его живым не доставим, — напомнил главарь.

— Ага, живым... — Варга был уже весь в предвкушении золота, глазами своего сердца видел его блеск, ушами своего сердца слышал его звон. — Так ведь главное — живым, а насколько живым — дело второе.

— Эй, да ты никак уже засобирался в дорогу? Самым умным себя полагаешь, ты, пещерный выродок? Вместе поедем, остальным — ни гугу...

...Дерновую крышу сарая сорвало как ураганом. На Берена посыпались щепки и комочки земли, в отвор четырех стен заглянули звезды — но ярче звезд горели два больших желто-зеленых глаза. Узловатая рука протянулась через стену и, перехватив человека словно котенка — поперек живота — вознесла его на высоту в три человеческих роста.

— Ты жив еще, Убийца убийц? — пророкотал низкий, как гром, но мелодичный голос.

«Кто ты?» — хотел спросить Берен — но лишился чувств.

Дальше была прерывистая память о дороге — его несли на плече, голова болталась и, приходя в себя, он хотел просить, чтобы его взяли как-то иначе, потому что такая ходьба его убьет — но не мог издать ни звука, начинал задыхаться и снова терял сознание. Потом он пришел в себя на более долгий срок — он лежал на каменном столе и слышал над собой несколько гудящих, рокочущих голосов.

— Я не знаю, что с ним делать, Фангорн. Если бы здесь были эльфы, они бы взяли его, и вылечили, но эльфов здесь нет. Я умею лечить деревья, и не умею этих, двуногих. У него содрана половина коры и идет сок, и он весь горячий и сухой, а когда я даю ему пить — кусает чашку и расплескивает, потому что все время трясется. Может быть, он будет пить как дерево, если положить его в воду?

— Нет, — ответил самый глубокий голос. — Двуногие пьют так же как мы, так же как четвероногие и крылатые, только они совсем не умеют пить корой, и класть его в воду бесполезно. Если у них идет сок, они обматывают это место шкурами, которые делают из льняного волокна. То, что ты считаешь его корой, и есть такая шкура. Его кора сильно повреждена, но не содрана, иначе бы он изошел соком и засох. А напиться он не может потому, что твоя чашка слишком большая и он захлебывается, а трясется он потому что ему очень холодно без половины своей шкуры.

— Как же ему холодно, когда он такой горячий? — удивился еще один голос, чем-то похожий на женский, хотя тоже очень низкий.

— Они странные, эти двуногие. Они все время горячие и им все время холодно. Эльфы толковали мне об этом, да неохота пересказывать.

— У меня нет чашки поменьше, и нет таких шкур, о которых ты говоришь. Его нужно отнести к людям.

— Его нельзя нести к людям. Сегодня он убил много убийц, и я ради него тоже убил многих. Если убийцы найдут его у людей, они совсем его убьют и убьют всех людей там, где найдут его. Я видел, как это бывает.

— Но мы не можем оставить его у себя. Мы не имеем того, что ему нужно. Он все равн

умрет у нас.

— Мы собрались уходить, — сказал третий голос. — Я бы понесла его с собой, но он такой слабый — слабее годовалого побега. Он не выдержит дороги. Давайте оставим его здесь. Если ему суждено будет выжить — он выживет.

— Я должен, хмм, подумать, — сказал самый глубокий голос.

Почему-то, несмотря на всю боль и все провалы в памяти, эти слова пробудили в Берене внутреннюю усмешку. Пока это существо будет думать, он замерзнет насмерть.

— Обложим его мхом и сухими листьями, чтобы он не замерз, — продолжал голос, точно отзываясь на мысли человека. — И будем думать.

Через какое-то время две руки снова приподняли Берена, перекладывая его на моховую подстилку — и он опять едва не потерял сознание. Неизвестные твари (что-то подсказывало, что они не совсем неизвестные, что он должен о них знать) явно желали ему только добра, но, похоже, совсем не знали, что такое боль, и ворочали его точно бесчувственный мешок. А он не мог даже рта раскрыть, чтобы попросить их не укладывать его на спину.

— Я придумал, — услышал он сквозь шум в ушах (сколько времени прошло — он не знал, хотя за это время успел согреться). — Если быстро идти день, ночь и еще день, дойти до гор и спуститься в лощину у Грозовой Матери, то мы найдем человека, который живет совсем один, если не считать четвероногого. Убийцы к нему еще ни разу не приходили. Если мы оставим Убийцу убитым там, они его не найдут. Человек должен знать, как лечить человека. Больше мы ничего не можем сделать.

«Быстро идти день, ночь и еще день? Отсюда до Грозовой Матери? Мне конец...»

Госпожа Соловушка была права — его спасли энты. Энты, которые никогда не служили Врагу. Это было огромное облегчение — узнать, что он ни прямо, ни косвенно не служил сауроновым замыслам.

Время без Соловухи тянулось и тянулось. В сердце словно бы провертели дыру и она саднила непрестанно. Отчего так бывает: каждая новая боль кажется невыносимой, хотя прекрасно знаешь, что вот — казалась невыносимой прошлая боль, которую ты вынес — стало быть, вынесешь и эту. Он думал о своих дальнейших действиях, о будущей войне — прекрасно зная, что все это без толку, потому что много раз все переменится... Вырваться отсюда — и отыскать себе новую муку, чтобы наверняка забыть об этой... Благо, искать себе мороку он великий мастер. Что бы путное умел делать как следует — а с этим никаких затруднений.

Прошло еще два дня — и все больше ему казалось, что работа Соловухи насмарку: он снова сходит с ума.

* * *

Трус.

— Это ты мне?

А то кому же. Тут ведь больше нет никого, кроме нас с тобой, да того эльфа, что кукует на ветке. Так что не сомневайся: трус — это именно ты.

— В таком случае ты — меч труса.

Ох, да. Лучше бы я заржавел в болоте, чем служить такому слюнтяю, как ты.

— А ну, полегче. В конце концов, ты не на самом деле со мной разговариваешь, я это придумал, когда зверел от одиночества. Захочу — и заставлю тебя молчать.

Не заставишь. Меч воина — душа воина. А своей душе рот не зажмешь. Ты бежал с поля. Ты испугался, сынок. Тебя заставил отступить не Саурон, на Болдог — ты позорно удрал от эльфийской девы.

— А что я должен был сделать? Признаться и просить ее руки? Но ведь я не знаю, любит она меня или нет. Она мне не сказала.

Потому что ты сам заткнул ей рот. Ты сам начал вилять: отказа-де я не вынесу, а согласия боюсь... Не только трус — еще и дурак!

— Почему вдруг? Я выбрал правильное решение. Нам все равно не быть вместе, так лучше уж расстаться сразу.

Изумительное рассуждение! Люди все равно умирают — так лучше уж их топить в колодцах сразу при рождении. Или до него, вместе с матерями. Давай, души свою надежду, герой. Только когда судьба наподдаст тебе сапогом по заду — не забывай, что ты сам повернулся к ней спиной. Что с тобой, сынок? Ты же никогда и ничего не делал наполовину! «Да» — значит, да, «нет» — значит, нет.

— Я не то, что ей нужно.

Откуда ты знаешь, ты же так и не решился ее спросить! Чего ты вообще ждал, дубина — что она сама повиснет у тебя на шее?

— Вряд ли за две седмицы в ней могла зародиться любовь.

А сколько времени тебе понадобилось, чтобы влюбиться в нее? Миг? Два? Забудь ты хотя бы на время про это писание, думай о себе и о ней, а не об Айканаро и бабке Андрет. У них была своя жизнь, у тебя — своя. Проживи ее, прах бы тебя побрал, так, чтобы можно было сложить о тебе достойную песню, когда ты пойдешь на Запад!

— Разве я мало сделал для этого?

Тут есть только одна мерка: сделал ты ВСЕ ВОЗМОЖНОЕ или нет. Хотя бы пытался сделать — или протирал штаны о корень дуба, сетуя на горький свой жребий.

— Слушай, замолчи, а? И так тошно.

Тошно — сходи проблеваться. Не мозоль мне око своим бараньим взглядом. Если дурь из тебя выйдет, может, сообразишь пойти к ней и рассказать все как есть, и принять все как будет.

— Ты забываешь об одной вещи: меня стерегут.

Тьфу, пропасть! А когда это тебя останавливало? Чего ты боишься — самое худшее, что с тобой может здесь произойти — это смерть, а не ты ли сам себе говорил, что Соловушка стоит тысячи жизней и тысячи смертей?

— Да не за себя я боюсь, дурачина — за нее!

А вот этого не надо. За себя она и сама прекрасно побоится, ей здесь помощники не нужны. Худо-бедно, она старше мудрого Финрода, на которого ты так любишь кивать — значит, кое-что в жизни понимает. Она сама за себя выберет, не беспокойся. Но не надейся, что выбирать она станет и за тебя. Ты — нэр, мужчина, и свои пути выбираешь сам. Решайся, или я тебе не меч и не помощник, и в первой же драке выскользну из руки или сломаюсь.

Гилтанон, несший стражу на изгибе вечера к ночи, вздохнул с облегчением, когда смертный вытащил свой меч из земли, обтер ветошью и вложил в ножны. Эти разговоры с

мечом производили тягостное впечатление — как будто он подсматривал за чем-то очень личным. Право же, исцелившись от безмолвия, смертный не стал казаться разумнее.

Месяц старел. Еще пять дней — и Итиль исчезнет с небосклона, и звезды на одну ночь станут такими, какими их увидели эльдар, очнувшись от сна у берегов Куивиэнэн. Берена отведут в Менегрот, король наконец-то примет решение относительно этого смертного — и тогда Гилтанон наконец-то будет свободен от этой службы, от нелегкой и непочтенной доли тюремщика.

Против беоринга он ничего не имел, но относился к своим обязанностям серьезно, ибо владычица Мелиан приказала стеречь этого человека, а это само по себе было достаточной причиной.

Гилтанон не слышал, о чем смертный беседовал со своим мечом. Прислушавшись нарочно, он мог бы различить слова, но он не хотел прислушиваться. Обязанности тюремщика и без того тяготили его, а уж подслушивать чужие сокровенные тайны его и вовсе никто не обязывал.

В последнее время смертный вел себя странновато. Он бродил по ночам и заваливался спать днем, одетый — хотя бывало и наоборот: похоже, он решил забыть о разнице между временами суток. Он перестал охотиться, довольствуясь тем, что ему приносили и тем, что он находил в лесу. Прекратил шутками и подковырками вызывать сторожей на разговор, заметно помрачнел. Нельзя его задерживать здесь дольше, решил Гилтанон. Что бы там ни решила Владычица — нельзя его задерживать, иначе это заточение сведет его с ума. Осталось всего пять суток, успокаивал он себя. По нашему счету — почти ничего. А по их, смертному счету — хватит ли этого времени, чтобы сорваться в безумие? Но Владычица молчит, и мысли ее скрыты.

Никто не знал мыслей Мелиан, даже любимый ею муж Тингол, даже дочь Лютиэн, унаследовавшая ее силу и мудрость.

* * *

Долгими были эти дни для Лютиэн.

Следовало немедленно покинуть Ивовую Усадьбу и бежать в Менегрот, а то и куда-нибудь на южные границы Дориата, к Девяти Водопадам или к распаханным полям. Но она понимала, что уже поздно и бесполезно.

Человек снился ей во сне. С ним связана судьба Дориата — как? Если ей суждено полюбить его, то каким образом это изменит судьбу королевства? Должна ли она послушаться влечения своей феа к его феа — или должна всеми силами бороться с ним?

Она его полюбила — в этом не было никаких сомнений. Он прав, для эльдар не существует просто влечения, только любовь. Иногда она приходит медленно, в силу привычки, иногда — поражает как удар молнии, но любой эльф, почуяв ее дыхание, узнает ее безошибочно. Быстро-быстро летал челнок, стучал ткацкий станок. Черное было натянуто на основу, белое и синее намотано на челноки. Она ткала диргол для Берена. Но она не понесет ему этот плащ, о нет. Он должен прийти за ним. Это будет знак того, что именно Судьба ведет его. Если он разгадает ее мысли и придет, ей не нужно будет иных

доказательств. Другим — может быть, а ей — нет.

Черное, синее и белое вилось под ее руками, тончайшая шерсть, косая клетка — непростой и строгий узор... Она любила синий цвет, его глубину и обещание; любила белый — чистоту и ясность, а черный был вечной загадкой...

Было предсказано: придет смертный, которого не удержит Завеса. Было предсказано: судьба королевства связана будет с этим человеком. Не в этом ли смысл предсказания — человека суждено полюбить дочери короля?

Предсказание — меч обоюдоострый. Последовать или отказаться?

Отказаться?

Что ж, может быть, это верный путь. Может быть, Берен прав, и прав был Финрод: предпочесть память о мечте горечи бытия. Тень тени прекрасного — реальному страданию... Но разве сам государь Фелагунд поступил так, сменив блаженство Амана на дорогу во льдах и туманную надежду? Чего было больше в словах Финрода, сказанных старой женщине из Дома Беора — мудрости или собственной горькой тоски?

В памяти надежды нет. Она может быть прекрасной, но в ней нет надежды. В отказе от борьбы нет обетования победы.

Она сумеет пережить разлуку с Береном, и смерть заберет его вскоре — даже если война пощадит. Дни, годы, века — она не сумеет забыть его; эльдар не забывают. Но она, возможно, утешится и встретит кого-то другого, кто разбудит и исцелит ее сердце. Или оно откроется наконец-то навстречу тому, кто ждал упорно и долго...

Так оно будет или иначе — сейчас выбирала свою судьбу не она. Сейчас должен был выбирать Берен, сын Барахира.

Бежали дни, шли ночи. Время срезало с Итиль по кусочку, остался только тоненький ломтик, который должен был истаять сегодня. И тогда она, как обычно в новолуние, пойдет бродить по залитым звездным светом полянам, будет петь, вспоминая дни своего детства.

Если Берен не придет — она вернется в Менегрот, передав ему плащ через Даэрона. И больше они не увидятся уже никогда, и судьба Дориата будет идти своим чередом. Она будет ждать — но выбрать он должен сам, ибо он — нэр, он вождь, и это — его судьба. Лютиэн закончила работу и срезала ткань со станка, положила ее себе на колени, заплетая нитки основы бахромой. Солнце село за деревья и свет померк, но ее умелым пальцам не нужны были глаза. Она скручивала нитки — и тихонько пела; без слов, как поют дети и птицы.

Она пела, а лес слушал, и слушала река, и туман густел в камышах.

Никто не знал мыслей Мелиан, даже ее дочь, Лютиэн, унаследовавшая ее силу и мудрость...

* * *

Завернувшись в плащ, оперев локти о колени и положив голову на руки, Дионвэ незаметно для себя заснул.

Так не бывает. Чтобы эльфа сморил неожиданный сон, да еще и на посту — так просто не бывает.

Но так случилось.

Да, смертный хорошо погонял его, исходя вдоль и поперек все отведенное ему пространство, от реки до реки, но Дионвэ, чтобы свалиться от усталости, нужно было гораздо больше! Что же заставило его клевать носом — молочной белизны туман, поднявшийся от воды и скравший очертания леса? Дионвэ темным размытым столбом видел старый дуб на поляне, а сидеть все время возле он не мог — слишком часто мелькать перед глазами смертного было нельзя. Поэтому он держался у опушки, завернувшись в плащ — и лишь изредка подходил и проверял, как там человек.

А человек, вдоволь наштававшись по лесу, спал — как обычно в последнее время, даже не сняв сапог: одна нога торчала из-под полога. В гамаке спать он не стал, а когда растягивался на полу — ноги смотрели наружу. Как сейчас. Дионвэ вернулся к опушке, сел в облюбованной промоине — да так и заснул почему-то.

А поскольку он, не считая человека, был тут один, никто не заметил высокую, стройную женскую фигуру в плаще паутиной тонкости — благодаря этому плащу увидеть ее можно было только когда она двигалась, а сейчас она стояла над задремавшим эльфом и смотрела в сторону старого дуба.

— Я не знаю, права я или нет, сын Барахира, — прошептала женщина. — Но все, что смогла, я для тебя сделала. У меня нет сил сделать больше, потому что я мать, и речь идет о моем ребенке. Есть вещи, которые не сделает даже майя, даже ради блага Арды. Пусть решает Судьба. Пусть решает человек, воин, мужчина. Я ухожу.

* * *

Берен не видел и не слышал ее. Не мог видеть и слышать. Не мог знать, что сторож спит. Не мог знать и того, что, если бы Дионвэ не спал, ему не помогли бы ни туман, ни прочие хитрости.

Когда эльф отошел — сквозь проделанную в занавеси дырочку он был виден несколько мгновений, прежде чем растворился в тумане — Берен сказал себе: пора.

Как он и предполагал, в одном месте сердцевина дуба была проедена временем прямо до земли. Узкую щель, забитую мхом и опавшей листвой, очистить следовало так, чтобы снаружи ничего не заметили. Так что ему было чем заняться днем — а ночами он шатался по окрестностям, чтобы внушить сторожам, что утром и днем он крепко спит.

Выбравшись, Берен постарался привести все в первобытный вид, чтобы при беглом наружном осмотре не сразу заметили неправильно лежащий мох. Вечная задача: действовать бесшумно и быстро.

После этого, стараясь, чтобы дуб все время находился между ним и наблюдателем (а этот эльф в последнее время стал беспечен и редко менял точки наблюдения — потому-то Берен и выбрал для побега его стражу, вторую половину ночи), он пополз по траве к опушке, и, лишь оказавшись под защитой кустов и деревьев, встал, развернулся и побежал к реке, к броду.

Он бежал бесшумно, но не боялся оставлять следы. Сейчас этого не стоило бояться. Осторожно войдя в воду — не шуметь! — он перешел на другой берег и побежал в чащу, опять же не заботясь о следах — на песке остались два превосходных отпечатка босых ног.

Но, пробежав пятьсот шагов, он остановился и вернулся назад — на этот раз медленно, очень осторожно, не оставляя следов — и снова вошел в реку, по пути прихватив сухую корягу.

Плавать он, подобно многим горцам, не умел — никак не получалось заставить себя поверить, что он легче воды. Коряга должна была помочь ему удержаться на плаву и заодно — обмануть возможного случайного свидетеля. Ну, коряга себе и коряга. Ну, плывет себе и плывет...

Хотя бы пол-лиги — а там можно снова бежать. Вражья сила, а как же замерять расстояние по реке? С какой скоростью течет Эсгалдуин?

В отличие от того ручья, в котором Берен купался в первый день, вода здесь была холодной. Конечно, не настолько, чтобы замерзнуть насмерть — вспомнилась охота за орками в Топях Сереха — но час неподвижного пребывания в ней дался недешево. Выбравшись на берег, он сжимал зубы, чтобы не клацать челюстями на весь лес. Бежать. Бег согреет.

Только сейчас он сообразил, что единственные его сведения о доме Лютиэн — это что он в двух лигах ниже по течению. Как далеко от берега — неизвестно. Он запросто может промахнуться.

И все же он бежал.

Туман густел по мере приближения к земле — а звезды, если поднять голову, видны были ясно. Древние деревья, огромные, как скалы, обступали со всех сторон. Рассветет довольно скоро, отметил он, и его хватятся. Будут искать и найдут — чтобы здесь да не нашли? Все равно. То, что вело его, было сродни одержимости: он должен сказать Лютиэн все в открытую, и услышать ее ответ, а там пусть будет что будет.

Услышав песню, он остановился, оглядываясь. Где? На север.

Туман опустился — теперь он шел в нем по пояс, потом — по колено, вверх по склону большого, пологого, заросшего ивами и ольхами холма — пока не вышел из тумана. Песня звучала где-то ближе к вершине, и он знал, что там будет — поляна в серебристой траве, и танец в звездных лучах...

* * *

Лютиэн пела и смеялась, смеялась и пела.

Берен шел к ней.

Это говорили река и деревья и травы: к ней идет Гость, дух которого пылает огнем. И песней она благодарила траву, деревья и реку. Просила нести его плавно и быстро, не прибывая к берегам и не затаскивая в водовороты, просила не хлестать его ветками по лицу и не подставлять корни под ноги, просила не прятать тропы...

Сердце ее билось все чаще, она уже слышала, что он близко — сам он шел почти бесшумно, как эльф, но лес пел о его приближении. И она замолчала, когда он вышел на поляну — мокрый, разгоряченный бегом, в облепившей тело одежде.

— Тинувиэль, — сказал он, не прибавляя «госпожа». Сказал тихо-тихо, но она услышала. — Я пришел. Я сбежал из-под стражи, чтобы вернуть себе кое-что. Что ты унесла,

уходя.

— Что же это, Берен? Я с радостью верну, если ты скажешь.

— Мой покой, королева. Ты унесла мой покой. Сжался, Соловушка, верни его.

— Хорошо, — ответила Лютиэн. — Но пусть это будет честный обмен, Берен, сын Барахира. Верни и ты мне мой покой.

— Тогда пусть каждый скажет, что у него на уме и на душе, а другой — выслушает и примет.

Лютиэн кивнула.

— Слушай. Я люблю тебя, Соловушка. Ты мне дороже жизни. Я хочу просить твоей руки у короля Тингола, твоего отца, если ты дашь на то свое согласие. Я много думал — и понял, что должен сказать это тебе, а там — будь что будет. Мне все равно, что там предсказано, без тебя я никогда не буду счастлив. Я люблю тебя. Я мечтаю разделить с тобой свою жизнь. Мечтаю обнять, коснуться губами твоих губ. Мечтаю... зачем скрывать — мечтаю познать тебя как мужчина познает женщину. Хочу, чтобы у нас были дети. Я прошу тебя разделить со мной мою жизнь — столько, сколько отпустит мне Единый, быть вместе и в радости и в горе — и заранее хочу предупредить, что горя, пожалуй, будет побольше, и намного. А теперь отвечай — согласна ты стать моей женой или нет? Я приму любой ответ, но сейчас и здесь. Времени на раздумья у тебя нет.

— Оно мне не нужно, Берен. Я люблю тебя и согласна разделить с тобой одну судьбу на двоих. Проклятый или благословенный — ты тот, на чей зов откликнулось мое сердце. По обычаям эльдар это значит, что ты — мой муж, и любить тебя мне суждено. А человеческих обычаев я не знаю.

С колотящимся сердцем Берен сделал шаг вперед, обнял деву за талию и прижал к себе, осторожно касаясь немеющими губами лба, висков, бровей. Потом губы их встретились... Платье на груди Лютиэн промокло, соприкасаясь с его рубашкой. Влажные волосы щекотали ей запястья, а ладони, когда она ласкала его лицо, покалывала щетина, какой не бывает у эльфов.

Он целовал ее словно впервые в жизни. Словно последний раз в жизни. Прежде он представления не имел о том, что так бывает. То, первоначальное вожделение, которое он испытывал в первый день, уже давно... нет, не исчезло, а было полностью поглощено иным, более мощным чувством — так огонь поглощает огонь. Теперь же и этот огонь был поглощен каким-то новым, более мощным и чистым пламенем — и в его пожаре вся скверна человеческой души сначала обнажалась, а потом мгновенно выгорала, не оставляя по себе даже пепла. Имени этому новому пламени он не мог назвать, но прочел его в глазах Лютиэн, и понял, что всю жизнь ошибался, называя этим именем другие вещи: мальчишескую одержимость первым зовом пробудившейся мужественности, неизреченную тоску изгнанника-одиночки по ласке и теплу, восхищение поющей полубогиней и голод плоти, преклонение перед величием ума и души... Ничто из этого не исчезло, но все очистилось, преобразилось и заняло свои, а не чужие места в мыслях и памяти; Береном же владела любовь — чистая и свободная.

Как долго они стояли там, на холме, обнявшись, пока он переживал это очищение — неизвестно. Наверное, недолго, потому что он не успел продрогнуть.

— Идем, — сказала Лютиэн, — ты можешь замерзнуть...

Не отпуская ее руки, словно боясь опять потерять, он побежал за ней.

Ивовая Усадьба находилась совсем недалеко — маленький домик на берегу реки, почти

над самым обрывом: флет, навес и одна комната с очагом. В бронзовой печурке тлели угли; Лютиэн подбросила дров.

— Сними свою одежду. Она вся мокрая. Возьми вот это, — она протянула свернутый диргол. Не говоря ни слова, он сбросил одежду, взял со скамьи простой плащ и обернулся им. Он подчинился ей сейчас легко и свободно. К нему словно бы вернулась невинность, хотя он ничего не забыл: память сейчас была ясной как никогда.

Она расстелила его одежду на лавке у очага. Они сели у огня, по разные стороны.

— Я люблю тебя, — сказала она. — И буду твоей. По эльфийским обычаям никто не может встать между женщиной и ее избранником, но знай: ее семья имеет право его не принять. И знай еще вот что: так или иначе ты сегодня вмешался в рок Дориата. Отныне судьба Огражденного Королевства зависит от тебя.

— Я клянусь, — сказал Берен. — Что через меня зло в Дориат не войдет. Но значат ли твои слова, что тебе придется покинуть свой край?

— Может случиться и такое. И я пойду с тобой, куда пойдешь ты.

— Я не отниму твоего королевского достоинства, — покачал головой Берен. — Я на руках внесу тебя в аулу своего замка, как свою жену — или погибну, пытаясь отвоевать Дортонион для тебя.

В его голосе была уверенность, не слышанная ею прежде.

— Ты вернешься под Тень?

— Да, Лютиэн. Я должен. Благодаря тебе я вспомнил, кто и с какой вестью послал меня. И это весть, которая дает нам надежду.

— Ты бежал, — сказала Лютиэн. — Тебя уже ищут...

— Я вернусь с рассветом, пойду с Даэроном и предстану перед судом твоего отца. Я не хочу подводить ни Даэрона, ни тебя.

— Дай мне руку, — попросила она. — Я должна подумать, как нам быть дальше.

Берен без лишних вопросов протянул ей руку. Еще днем раньше он терял бы рассудок от такой половинной близости, стремясь или уйти, или обнять; теперь соприкосновение ладоней сейчас значило больше, чем прежде — соприкосновение тел.

«Так любят эльфы», — думал он.

Счет времени снова потерялся. Но когда угли в очаге погасли, а в окна заглянул рассвет, Лютиэн решительно сказала:

— Идем.

Берен не знал, зачем она наполнила чашу и взяла лепешку. Они вышли на поляну и спустились к реке, к мягкой траве. Кругом царили сумерки, но вершины далеких гор уже были вызолочены и парили над полумраком, в которой был погружен Белерианд. И вот — первые лучи ударили по воде, река вспыхнула. Разом проснулись все краски и звуки, птичье ликование понеслось до тающих звезд, легли резкие тени...

— Eglerio! (6) — прошептал Берен.

...И солнце взошло.

Лютиэн повернулась к человеку, подняла хлеб и чашу, протянула ему на руках. Берен понял, что должен коснуться даров, что они должны держать их вместе.

— Отец не даст согласия на наш брак, мне было это открыто, — сказала она. — А отпустить тебя под Тень просто так я не могу. Я тоже выбираю свою судьбу, Берен, сын Барахира. Сейчас, здесь, перед лицом Единого, я называю тебя своим мужем. Я беру тебя и мужа на радость и на горе, по доброй воле, любви и согласию, и в знак этого разделю с

тобой хлеб, чашу и ложе, как и все, что тебе пошлет судьба. Клянусь в этом именем Единого.

— А я, Берен, сын Барахира, клянусь перед всей Ардой, именем Единого, и свидетелем призываю Намо Судию, что беру тебя, Лютиэн, дочь Тингола, в жены, на всякую долю, добрую и злую, по любви, доброй воле и согласию, и клянусь хранить тебе верность по эту и по ту сторону жизни. Клянусь разделить с тобой все, что судьба пошлет тебе, и в знак этого разделю с тобой хлеб, чашу и ложе.

Они отпили по глотку вина, потом отломали по куску хлеба, съели и снова запили вином. Потом, оставив чашу и хлеб на траве, обнялись.

Каждый слышал, как билось сердце другого.

Диргол сполз к их ногам — последние полминуты он держался только благодаря тесноте объятия. Тинувиэль расстегнула фибулу плаща — и жемчужно-серый тяжелый шелк скользнул туда же, растекаясь по плотной шерстяной ткани. Берен, опустившись на колени, расстегнул на жене пояс; застежки платья на плечах она расстегнула сама.

Он всему учился заново, потому что прежний его опыт никуда не годился. Он учился быть нежным, потому что она была маленькой и нежной как мотылек; он учился быть сильным, потому что она была сильнее и непокорней любой из степных кобылиц-teargas, он учился быть гордым, потому что она не потерпела бы ничтожества; и он учился быть смиренным, потому что она не смирилась бы с грубой надменностью. Он учился быть как утес, потому что она была как вода, он учился быть как вода, потому что она была как ветер, он учился быть как ветер, потому что она была как пламя.

В какой-то сверкающей точке все переменялось: он только что был как факел в ее сумраке, как яблоко в ее ладони, он наполнял ее собой — и вдруг она стала плотной, точно драгоценный камень, она засияла — а он был чист, пуст, прозрачен и пронзен этим светом.

И когда осанвэ распалось, и отступил незримый мир, Берен понял, какой великий дар он получил, и теперь ему назад дороги нет: он должен быть достоин этого дара. Он хотел припасть лицом к ее коленям, но она, засмеявшись, перевернула его на спину и обняла, положив голову к нему на плечо.

Давно пора было уходить, явиться перед стражей — наверняка побег был уже обнаружен, наверняка его искали... Но утреннее солнышко пригрело так славно, а ночные странствия и волнение утомили обоих так сильно, что наступившая истома сама собой превратилась в крепкий сон.

* * *

Даэрон нашел их на поляне, недалеко от Ивовой Усадьбы. Беспечные в своем сне и в своей наготе, они лежали на расстеленном клетчатом плаще, на траве у реки. Черные, длинные пряди волос Лютиэн перепутались с густыми космами лугового мятлика. Голова принцессы лежала на плече смертного. Рядом на траве стояла пустая чаша, накрытая початым хлебом. Эльф поначалу ничего не почувствовал, потому что это не укладывалось в сознании: хлеб, чаша и ложе...

Потом он решил, что, наверное, умирает. Грызущая пустота, сродни тошноте, заполнила грудь, в горле царепался крик, и вырваться наружу он не мог только потому, что связки тоже

свело. Если бы можно было перечеркнуть последние минуты жизни, не сворачивать с пути, не уступать своему желанию увидеть Лютиэн, не подходить к Ивовой Усадьбе... Он согласен был и на это — если уж нельзя переписать последний месяц, вернуться в тот день, на совет Тингола, и вместе с Саэросом сказать: смертному — смерть! Или, по крайней мере, вслед за Маблунгом и Белегом настоять на скорейшем препровождении этого приبلуды в Бретиль! О чем он думал тогда? Ах, о судьбе Дориата! Вот она, судьба Дориата: спит, подложив руку под голову принцессы, так, словно имеет на это право! Следующей мыслью было — убить их, здесь и сейчас, по меньшей мере — его, неблагодарного вора чужой любви. Даэрон никогда не нравился мрачный бешеный Эол, но сейчас менестрель готов был его понять. Готов был понять даже безумца и убийцу Феанора — так вот что чувствует тот, кто в одночасье потерял все, все самое дорогое!

Желание покончить и с ними и с собой разом было таким сильным и острым, что Даэрон сделал несколько шагов вперед, а потом, так же быстро — шаг назад, расстегнул пояс с ножом и отбросил его в сторону. Он хотел просто достать и выбросить нож, но не знал, совладеет ли с собой, если хотя бы коснется рукояти.

Видимо, этот шум и разбудил человека — а может, он проснулся еще раньше, когда тень эльфа упала на них. Берен быстро, рывком сел. Несколько мгновений — глаза в глаза — прошли в напряженном молчании. Потом Берен опустил глаза и оглянулся, ища одежду. Даэрон отвернулся. Лютиэн, проснувшись, тихо ахнула. Эльф вспомнил, что уже видел ее обнаженной — правда, тогда она была еще ребенком. Тысячи звездных лет и четыре с половиной сотни солнечных он любил Лютиэн и добивался ее — а сколько времени понадобилось этому смертному? Месяц; и того меньше. Отец мой, Единый, великие Валар, за что же вы так караете меня? Пусть бы это был кто-нибудь другой. Пусть бы мне рассказали — и я мог бы не верить! Пусть бы я откусил себе язык, прежде чем настаивать на том, чтобы задержать этого бродягу в Дориате!

Даэрон подобрал свой пояс, застегнул его. Он уже не боялся сорваться в кровавый гнев. Его ярость была холодной и спокойной.

— Если ты оделся, Берен, давай отойдем для разговора.

Он услышал скрип ступеней, через какое-то время Берен вышел к нему — одетый, с ножом за поясом, через правое плечо переброшена накидка, на которой они только что лежали.

— Я готов, — сказал он. — Идем.

Б-бац! — от удара он чуть не влетел в ближайший ивовый ствол. С удивительной для менестреля ловкостью и силой Даэрон навесил ему в ухо. Берен охнул, больше от неожиданности, чем от боли, потом выпрямился.

Лютиэн тихо вскрикнула. Удар по лицу был страшным оскорблением. Даэрон хотел не чего-нибудь, а поединка насмерть.

Какое-то время казалось, что Берен выхватит нож или ответит ударом на удар. Но он разжал кулаки и тихо сказал сквозь зубы.

— Прости, я не знал.

Даэрон, раздосадованный этим, снова размахнулся и ударил его по другой щеке.

— Вынь нож и сражайся! — крикнул он. — Сражайся, если ты не трус!

На этот раз было значительно труднее сдержаться, не ответив Даэрону хорошей зуботычиной, но на миг Берен увидел себя его глазами: приполз чуть ли не на брюхе, был вылечен, одет, накормлен и устроен под крышу — и вдруг подложил такую собаку, увел

любимую женщину, возле которой Даэрон упал, наверное, еще в те времена, когда люди даже бронзу плавить не умели...

Воодушевленный успехом, эльф сгреб его за ворот и замахнулся с левой, размозжить нос. Вместо того, чтобы защищаться, Берен подставил под удар лоб, то место, где начинают расти волосы — что у человека, что у эльфа там самая крепкая кость, гораздо крепче, чем кости руки. Эльфы не владеют искусством кулачного боя; Даэрон неправильно сложил кулак и выбил пальцы из суставов. Втягивая воздух сквозь зубы, он согнулся, прижал руку к груди.

— Прости, — снова сказал человек, беря Даэрона за плечи. — Прости, слышишь! Я не знал, что ты ее любишь. Ты дважды меня ударил — больше я тебе ничего не должен. Идем, мы и так задержались.

— Верно, — Даэрон выпрямился. — Отдай нож.

Берен, помедлив, вытащил из-за пояса айкаран и протянул ему.

— Даэрон, оставь его оружие при нем, — сказала Лютиэн, и ветер в ивах вскинулся, как пришпоренный конь. — Он мой муж, а это мой дом. Мы пойдем к отцу, но своей волей, а не как пленники.

— Он пойдет так, как я скажу! — возвысил голос Даэрон. — Потому что он нарушителем границы и ослушник королевского приказа. Как и ты, принцесса; и только из уважения к тебе я не заставлю тебя разделить его участь.

Ивовые ветви взвились и хлестнули Даэрона по руке, в которой он держал айкаран (7). Несколько прутьев оплели и вырвали нож, другие обвили руку барда — он бешено высвобождался, обрывая листья, обдирая нежную кору, рассаживая свое запястье.

— Я так и знал, что ты спрячешься за ее юбки, смертный! — все новые и новые ветви перехватывали его, опутывали пояс, шею, руки, ноги... Выхватив свой нож, он рубил их, но на месте одной упавшей появлялись десять новых. Берен подобрал айкаран и подбежал к Лютиэн, застывшей между ивами, как изваяние Ниэнны меж двух высохших Дерев Света.

— Что делать теперь? — спросил он, беря ее за руку.

— Бежим, — сказала Лютиэн.

— Я не хочу бежать, принцесса. Я оставил там свой меч — лучше пойду к ним и сдамся.

— Поверь мне, Берен, Даэрон сейчас не в себе, он желает твоей смерти, а отец будет слушать именно его. Я не хочу, чтобы тебя доставили во дворец в путах, не хочу, чтобы потом говорили: дочь короля избрала себе в мужа беглого раба.

— Меня все равно найдут и скрутят... — они уже бежали через лес. — Послушай, вот что я придумал. Я — вассал дома Финарфина, а значит, леди Галадриэль — тоже. Если я сдамся ей — это будет достойный выход. Пусть она делает что хочет — я уверен, что она не допустит позора, ведь это будет значить позор и ее дома!

— Это разумно, — Лютиэн сбегала к заводи, где была привязана лодка. Тугой намокший узел не поддавался тонким пальчикам девушки — Берен полоснул по веревке ножом, посадил Лютиэн в лодку и прыгнул сам, оттолкнувшись ногой от берега.

* * *

У Перворожденных эльфов не было родителей, но тем не менее между некоторыми из

них существовали связи, позволявшие называть друг друга братьями и сестрами — так, братьями по Сотворению были Ольвэ, повелитель тэлери Валинора и Эльвэ, которого сейчас называли Элу Тинголом.

Никто не мог бы объяснить, почему Ольвэ и Эльвэ — близнецы, а Элмо — младший брат, хотя проснулись все трое одновременно. Точно так же, как никто не мог бы объяснить, почему проснувшиеся одновременно с ними Маблунг и Белег — не братья никому из них и не родичи. Просто — это было так. И узы братства по сотворению были ничуть не слабее уз прямого кровного родства, и годы не значили для этих уз ничего — или почти ничего; потому убитых феанорингами тэлери из Альквалондэ, синдар, расставшиеся с ними тысячи лет назад, оплакивали так же горько, как эльфов из народа Денетора, с которыми прожили бок о бок все это время.

Келеборн, муж Нэрвен Артанис Галадриэль, был внучатым племянником Тингола, сыном Галатиля, сына Элмо. Это накладывало на Келеборна свои обязательства: он полагал, что не имеет права укрывать Берена. Но Берен пришел не к нему, а Галадриэли, и он просил не об укрытии, а о справедливом разбирательстве своего дела. Подумав, Келеборн согласился сохранить тайну пребывания Берена в поместье Тарнелорн — до возвращения Лютиэн из Менегрота.

Галадриэль и Келеборн пригласили их разделить ужин и осторожно расспросили об обстоятельствах дела. Потом женщины удалились, а Келеборн и Берен остались в комнате одни.

Муж леди Нэрвен был совсем не таков, каким представлял его себе Берен. Человеческий опыт подсказывает, что у сильной женщины муж или еще более силен, чем она, или подкаблучник. Келеборн не был ни тем, ни другим. Хотя, решил Берен, человек недалекий примет его именно за подкаблучника — так мало и так ровно он говорит в присутствии своей жены. Чтобы узнать, как леди Галадриэль меняется в присутствии мужа, нужно было видеть ее там, в Бар-эн-Эмин — горячей охотницей, затянутой в мужское платье, неутомимой в самой отчаянной скачке, не уступающей братьям ни одного шага в погоне, готовой схватиться хоть с вепрем, хоть с медведем, хоть с троллем... Загонщиками она командовала как заправский военачальник; подчиняться было легко и сладостно. Пятнадцатилетний Берен жалел, что он не гончая из ее своры. Ее муж представлялся ему и вовсе сворачивающим горы воителем — а кем еще нужно быть, чтобы укротить этот сияющий ураган?

Здесь же она была иной. Не сестрой, не княгиней — женой, любящей и нежной. Здесь она сама подчинялась добровольно и радостно. Или — оба, муж и жена, подчинялись любви. Молчаливый Келеборн как-то не терялся рядом с ней. Один раз Берену довелось видеть леди Нэрвен в ярости — и он был рад, что не он эту ярость вызвал; но вот чего он точно не хотел бы вызвать — это ярости Келеборна. Более всего душа среброволосого эльфийского лорда напоминала широкую и спокойную реку, медленное и плавное течение которой неостановимо и неукротимо.

— Человек, — сказал эльф. — Я так часто о вас слышал и так мало о вас знаю... Я решил дать тебе убежище, даже если тебя здесь обнаружат или кто-то выдаст. И в Менегрот ты отправишься под моей охраной, под моим покровительством... Но прежде хочу спросить тебя, сын Барахира, об одном: я слышал, что для людей верность в браке — не унат, а только аксан. И что к мужчинам этот аксан менее строг, нежели к женщинам. Это правда?

— Правда, — ответил Берен, надеясь, что не краснеет.

— Если я узнаю, что ты нарушил верность Лютиэн... Или обидел ее, или сбежал — я найду тебя где угодно, Берен. Найду и убью. Ибо страдания, на которые ваш брак обрек ее, могут быть искуплены только великой любовью.

— Лорд Келеборн, — сказал Берен. — Я не стану повторять тебе клятвы, данные Лютиэн перед лицом Единого, потому что эти слова произносятся один раз в жизни. Ты кругом прав: если я ошибся и то, что я чувствую к Лютиэн — не любовь, то это такая ошибка, которая стоит смерти. Но смерть может меня ждать в любом случае. Лорд Келеборн, пообещай мне одну вещь.

— Какую, сын Барахира?

— Если король сочтет меня преступником и примет решение казнить или заточить — сделай так, чтобы государь Фелагунд получил весть обо мне. Это не противно твоей чести? — Я обещаю это сделать. Что-нибудь еще?

— Если Тингол казнит или заточит меня — передай государю Финроду как можно быстрее: следующей весной, когда снег сойдет с перевалов, Саурон начнет наступление на Хитлум. В подтверждение моих слов верни ему мой меч — его наверняка взяли воины Белега; и кольцо, подаренное им моему отцу после битвы в Топях Сереха.

— Обещаю, что сделаю это, — Келеборн на мгновение опустил ресницы. — Ты не боишься смерти, сын Барахира? Я впервые сталкиваюсь со смертным лицом к лицу, и с самого начала встречи не перестаю дивиться. Одни из нас думают, что вы вовсе не боитесь смерти, потому что она для вас — неизбежность; другие полагают, что вы боитесь ее из-за этого вдвойне. Кто прав?

— И те, и эти неправы, лорд Келеборн. Мы боимся смерти, но вряд ли сильнее, чем вы. По мне не суди: я десять лет спал со смертью в обнимку и привык к ней. Думаю, для нас все так же, как и для вас, если не обращать внимания на мелочи: мы можем уйти в свой срок, а можем и не в свой; можем умереть тогда, когда на то будет воля Единого, а можем и погибнуть наглой смертью. Ни нам, ни вам время конца неизвестно. Ни вам, ни нам не на что положиться кроме доброй воли Отца.

— Ты мудр, — горько сказал эльф. — Что же ты, не понимаешь, как тяжело будет Лютиэн перенести твою смерть?

— Мы оба с ней понимаем. Но мы выбрали. Теперь выбор за всеми остальными.

* * *

— Уйдите все, — сказал Тингол, и все, кто находился в Малом Бирюзовом зале, вышли.

— Где он? — спросил король.

— Отец, я не скажу тебе. А сам ты не найдешь.

— Я прикажу перевернуть весь Дориат.

— Ты не сможешь так унижить своих подданных. И ни к чему это делать. Я сама приведу его к тебе.

— Что ж, веди. Мечтаю увидеть твоего... избранника.

— Дай мне слово, отец.

— Что?

— Поклянись, что не причинишь ему никакого вреда, не казнишь, не отправишь в заточение... и никому не отдашь такого приказа... и не позволишь сделать это по своей воле.

— Ты оскорбляешь меня недоверием, дитя? Ты думаешь, что я стану искать лазейки в своей клятве?

— Я знаю, что ты очень рассержен.

— Это верно. Ты разбила мне сердце. Скажи, Соловушка, зачем он тебе? Разве я отказал бы, избери ты кого-либо из эльфов Дориата? Или пусть даже golda — лишь бы не из проклятого дома Феанора. И что же? Я узнаю, что ты разделила ложе со смертным. Оборванцем, приблудой, который получил моей милостью даже штаны и сапоги.

— Отец, милостью таких, как этот оборванец, мы живем в относительном покое.

— Так... Ты уже успела послушаться о его подвигах? Он еще и хвастун?

— О его подвигах поют барды в твоём дворце. Этот человек десять лет сражался с Врагом. Он оказался у нас по ошибке. Мы сами задержали его, против его воли. Единственное, чего он хочет — это права свободно покинуть Дориат и присоединиться к своему народу.

— Единственное ли?

— В остальном ты вправе ему отказать.

— А в этом — не вправе?

— Он не совершил никакого преступления.

— Он без моего согласия взял в жены мою дочь, наследницу моего трона!

— Я избрала его по своей воле. Я люблю его, отец.

— О, Эру милостивый... — Тингол застыл у окна, подставив лицо утреннему ветерку. — Как такое возможно?

— Не знаю, отец. Должно быть, это в крови.

— Что? — Тингол на каблуках развернулся к ней и взял за плечи.

— Ты никогда не думал о том, какая пропасть разделяет тебя и мать? И чего стоило ей перешагнуть эту пропасть? И зачем она это сделала? Равная духам солнца, луны и звезд, она пришла к тебе, потому что полюбила тебя.

— Ты не можешь сравнивать.

— Кто и когда лишил меня этого права?

Тингол снова повернулся к ней спиной — и оказался лицом к гобелену, что выткала давным-давно сама Лютиэн. В меру своего тогдашнего, еще неокрепшего, но уже явного таланта, она изобразила эту встречу — своей матери и своего отца...

— Ты говоришь, что если я объявлю его свободным, он уберется и не будет мозолить мне глаза?

— Да, отец, — скрепя сердце, ответила Лютиэн.

— Что ж, быть посему. Я клянусь тебе, что если ты его приведешь во дворец, я не причиню ему никакого вреда, не прикажу и не позволю никому причинить ему вред. Этого довольно?

— Более чем довольно, отец. Спасибо тебе...

Оставшись один, Тингол снова долго смотрел на гобелен.

— Судьба, — прошептал он. — Противник невидимый и коварный. Не догнать, не схватить, не пронзить мечом. Победить невозможно, подчиняться тошно. Проклятье судьбе.

Менегрот подавлял своим великолепием. Берену приходилось бывать в Тол-Сирион и Барад-Эйтель, но по сравнению с Менегротом они бледнели. О собственном замке Каргонд лучше было не вспоминать, иначе на ум немедленно приходило слово «халупа».

Зал, в который они с Лютиэн, лордом Келеборном и леди Галадриэль приплыли на лодке, был не менее сотни ярдов в ширину и тридцати — в высоту. Диковинные наплывы стекали колоннами с потолка и поднимались от пола, в свете фиалов переливались мелкие кристаллики, усыпавшие стены, а пол был почти вровень с подземной рекой и такого же зеленовато-черного цвета. Наверх вела лестница, на которой мог без особых трудностей развернуться в боевой порядок десятков конников.

Держа Лютиэн под руку, он вел ее вверх по лестнице, и придворные расступались перед ними, склоняя головы. Берен всем телом чувствовал осуждение, напряжение, щекочущее чужое любопытство — но глядел прямо перед собой, или на Лютиэн, которая отвечала улыбкой. Эта улыбка несла его вперед как на крыльях. Она не собиралась извиняться перед сородичами за свою любовь, не оправдывалась — гордилась! Смотрите и завидуйте, говорил ее взгляд, это герой, и он любит меня!

Ну раз так, воодушевился Берен, мне сам Моргот не брат. Если Тингол думает, что от всего этого великолепия у меня душа провалится в сапоги, зря он так думает. Чуть крепче он сжал пальцы Лютиэн — и они вошли в верхний зал.

Здесь все было иначе, правильные своды потолка и яшмовые колонны уходили вверх на недостижимую высоту, а на потолке мозаикой была выложена фреска, изображающая сотворение мира. Третий же зал был выложен малахитом. Берен стиснул зубы, чтоб не раскрыть варежку, подобно деревенскому дураку на ярмарке. Если четвертый зал окажется из чистого золота — удивляться не надо...

Пол четвертого зала был матово-серым, цвета старого серебра. Сам зал не имел, казалось, ни начала, ни конца, потому что нельзя было проследить то место, где пол смыкается со стеной, словно они находились внутри огромного шара. Тот же ровный серый камень покрывал стены, лишённые всяких украшений, не за что глазу зацепиться — и зрение обманывалось их округлыми вогнутыми формами... Светильники горели ровным белым огнем, разбегавшимся вдоль стен по граням крошечных кристалликов.

У дальней стены на высоких креслах из драгоценного маллорна сидели король и королева — Тингол и Мелиан.

Ни один смертный еще не видел в лицо повелителя зачарованного королевства, и, надо сказать, что Тингол превосходил своим достоинством и красотой все рассказы о нем. Длинные пепельные волосы, схваченные легким серебряным обручем короны, падали на плечи и на серебристый плащ короля, отороченный мехом северной белой лисы. Спокойное лицо было цвета топленого молока, глубокие зеленые глаза горели живым огнем.

Мелиан... Вот, в кого лицом, статью, цветом волос и глаз пошла Лютиэн. Только цвет кожи — отцовский, а во всем остальном — Мелиан. Но к настоящей Мелиан Берен не смог бы приблизиться, не думал бы и посметь — такое ощущение ровной, неодолимой силы исходило от нее.

Берен в последний раз оглянулся на Лютиэн — светлое золотое пятнышко среди

серебристой мглы — и, оставив ее, сделал еще десять шагов вперед, как она просила, после чего преклонил колена. На миг растерялись все слова приветствия, которое Берен заготовил, но прежде чем он снова собрал их, зазвучал голос Элу Тингола:

— Кто ты, смертный? Почему явился в мой край словно вор?

С возвышения трона его голос взлетал до потолка, обрушиваясь сверху потоком — казалось, он звучит отовсюду.

Человек посмотрел на короля — и слегка разозлился. Кем бы ни был Тингол — Берен не заслужил такого обращения. Он встал и заткнул руки за пояс — старая привычка. Перстень Фелагунда — единственное его украшение — оттягивал средний палец правой руки. Нет, будь Тингол хоть трижды король — Берен ответит ему так, как нужно отвечать на такие слова.

— Отец, это Берен, сын Барахира, — Лютиэн успела раньше. — Правитель Дортониона враг Моргота. О его подвигах эльфы слагают песни.

— Пусть он сам ответит за себя, — оборвал ее Тингол. — Говори, несчастный, чего ты здесь искал? Что тебе не сиделось в своей стране, почему ты пробрался к нам? Если есть причина не наказывать тебя за дерзость и глупость — называй ее, и быстрее; не испытывай мое терпение.

— Мне в твоих землях не нужно ничего, повелитель, — собственный голос тоже показался Берену слишком громким. — Меня занесли сюда судьба и слепой случай, с них и спрашивай. Я прошел через такие испытания, которые выпали на долю мало кому из эльфов, и только теперь я понял, куда рок меня вел. Здесь я нашел величайшую драгоценность Арды, и отдам ее только вместе с жизнью. От меня ее не укроют ни скала, ни сталь, ни огонь Моргота, ни чары эльфийских королевств. Это сокровище — твоя дочь, король, и нет ей равных среди детей Единого — ни среди старших, ни среди младших.

Только закончив свою речь, Берен понял, что в зале было немножко шумно: шелестели платья и плащи, шушукались вдоль стен подданные Тингола; и все это утихло, оборвалось, как отрезанное — все застыли в полнейшей неподвижности и молчании. Потом, словно рой потревоженных пчел заметался под сводами — зал загудел. Руки мужчин сжались в кулаки, женщины прикрыли лица платками.

Берен посмотрел в глаза короля, потом — на его пальцы, стиснувшие подлокотник, потом — снова в глаза; и понял, что Лютиэн, заставив того поклясться, знала, что делала: Тингол был готов убить его на месте. Пусть и чужими руками — достаточно ткнуть пальцем, и его, безоружного, скрутят и обезглавят быстрее, чем он успеет сказать «Синдар, вы неправы!»

Борьба, происходившая в душе Элу, почти не отражалась на его лице, только глаза пылали бешенством. Он заговорил, когда почти совладал с собой.

— За то, что ты сейчас сказал, я должен бы приговорить тебя к смерти.

— К смерти, — эхом повторил стоявший справа от трона Даэрон.

— И приговорил бы, если бы не клятва, о которой я сейчас горько жалею. Ты свободен, Берен, и самое лучшее для тебя — убраться из Дориата подобру-поздорову. Уползти так же быстро и споро, как ты сюда пролез, в совершенстве освоив науку Моргота прокрадываться и скрываться.

— Довольно, король! — оборвал его Берен.

— Что ты сказал? — шепот Тингола был слышен так же хорошо, как и слова, сказанные в полный голос.

— Я сказал «довольно», Государь Тингол. Тебе прежде никто так не говорил? Я первый, кого ты осыпаешь незаслуженными оскорблениями? Или все остальные были слишком трусливы, чтобы возмутиться? Хочешь меня казнить — казни, я в твоей власти, а ты — в своем праве. Но перестань поливать меня грязью, я этого не заслужил! Вот кольцо, полученное моим отцом от Финрода Фелагунда после битвы в Теснине Сириона. Я — сын Барахира, племянник правителя Бреголаса, последний в роду Беора Старого; десять лет я воевал с Врагом на своей земле. Я не ублюдок, не раб и не предатель, чтобы ты со мной так разговаривал, и я готов отстаивать честь Дома Беора перед кем угодно, будь он хоть трижды король!

— Беор на вашем языке означает «слуга», — процедил сквозь зубы Тингол. — Если тебе нравится — гордись этим.

— «Вассал», — поправил Берен. — Мы вассалы Дома Арфина, и я этим горжусь. Леди Галадриэль не даст соврать: мы честно служили её Дому.

— Осторожней, муж мой, — Мелиан склонилась из кресла в сторону, и ее голос прозвучал только для тех, кто стоял у трона. — Судьба твоего королевства уже сплетена с судьбой этого воина.

Лютиэн неслышно подошла и взяла Берена за руку.

— Я вижу кольцо, сын Барахира, — Тингол улыбнулся краем рта. — Но если ты мужчина — ты не будешь прятаться за заслуги отца. Руку дочери Тингола и Мелиан нужно заслужить, быть потомком вассального дома нолдор и правителем без лена — этого мало.

— Чего же будет достаточно? — спокойно спросил Берен.

— Сокровища. Сокровища, что хранят сталь, скалы и огонь Моргота; сокровища, что драгоценнее всех чар эльфийских королевств. Если судьба и вправду ведет тебя, она приведет тебя и к нему. Клянусь честью, я отдам тебе руку Лютиэн Тинувиэль и признаю право твоих потомков называться моими потомками, когда в мою руку ты вложишь Сильмарилл из короны Моргота. Ты говорил, что за мою дочь тебе не жаль жизни — значит, Сильмарилл не покажется тебе непосильной ценой.

Это было как удар под вздох. Сильмариллы! Камни, украденные Морготом в Благословенной земле! Ради них пролилась кровь короля Финвэ и кровь эльфов Альквалондэ, ради них погиб сам Феанор! Камни, которые эльфийские владыки не могли отвоевать во всей своей силе. Проще было достать луну с неба, чем принести один из них.

Эльфы рассмеялись, и Берену ничего не осталось, как засмеяться — последним, громче всех.

— Так значит, эльфийский король готов отдать свою дочь в обмен на нолдорскую побрякушку, — отсмеявшись, сказал он. — Так дешево ценят синдар своих дочерей — продают за камешки и кольца? Хорошо же, Тингол, ты получишь свой выкуп за невесту. Когда я вернусь, Сильмарилл будет в моей руке. Не в последний раз видимся.

Он поклонился задохнувшемуся от гнева королю и молчаливой королеве, потом повернулся к Лютиэн.

— До свидания, любимая. Придумай, как ты будешь его носить — на груди или в диадеме. Я надеюсь, он окажется достоин твоей красоты.

Они не могли позволить себе даже короткое, невинное, как у брата и сестры, объятие. Берен пожал Лютиэн руки и кивнул на прощание. Слов не было, слова задыхались от боли.

— Даэрон, проводи... гостя. Проследи, чтобы он покинул Дориат как можно скорее. — Тингол встал с кресла, за ним поднялась Мелиан. — Все могут идти.

В опустевшем зале слова звучали ясно и четко.

— Ты перехитрил не Судьбу, отец. — Лютиэн стояла с побледневшим лицом. — Ты перехитрил только самого себя.

— Ему не быть мужем моей дочери, — тихо ответил Тингол. — Даже если он вернется живым в Менегрот. Даже если принесет Сильмарилл.

— Тогда я не буду твоей дочерью, — так же тихо ответила Лютиэн. Ее златотканое платье растворилось в серебристых тенях. Тингол и Мелиан остались одни.

— Ну, скажи мне хоть что-нибудь, — когда тишина стала невыносимой, Тингол взял свою жену за руки, невольно повторяя жест Берена. — Мелиан, любимая, равная луне, солнцу и звездам — скажи, что я сделал не так...

— Я всегда знала, что потеряю вас обоих, — Мелиан быстрым движением смахнула со щеки слезинку. — Только не знала, кого раньше. Знай: если Берен погибнет, выполняя твое задание, то первой будет Лютиэн. Если он принесет камень — первым будешь ты. Я знала это, но не знала, что это случится так скоро... И будет так больно...

Она была духом Арды, одной из тех, кто движет землю, солнце и светила — но в поисках утешения она прижалась к плечу Тингола, чья жизнь была песчинкой в часах Эа; прижалась так, словно он был могущественнее самой судьбы.

— А если человек вернется живым и не принесет камень? — спросил Элу. — Что тогда? Мелиан молча покачала головой — он почувствовал движение своим плечом и знал, что оно означает: этот человек не отступит, а значит — третьего не дано.

«Тогда я», — подумал Тингол. — «Тогда пусть это буду я».

* * *

Берен почему-то рассчитывал, что его выведут прямо к Бретиллю, проведя через Нелдорет до реки Миндеб, но Даэрон, дотошно выполняя распоряжение короля, избрал не тот путь, который был удобен Берену, а дорогу до ближайшей границы Дориата — то есть, прямо на юг к реке Арос. Таким образом, Берен покинул Огражденное Королевство быстрее чем в два дня, но теперь ему предстояло дней десять-двенадцать топтать пешком до Леса Бретиль. Спорить было не с руки: кроме Даэрона, его охраняли еще трое эльфов из пограничной стражи, один из которых имел на него зуб за то, что упустил в Нелдорете и натерпелся стыда от товарищей. Келеборн, тоже сопровождавший их, ничего не мог сделать, поскольку свою волю король выразил ясно.

— Вот твой меч. Бери его и ступай, — Даэрон указал рукой на дорогу, вьющуюся далеко внизу под склоном холма. — Прямо в Ангбанд. И можешь не возвращаться.

Берен вздохнул, думая, чем бы ответить таким, чтобы это нельзя было расценить как прямое оскорбление, но чтоб последнее слово осталось за ним.

— У нас, людей, есть сказки, в которых король посылает жениха своей дочери — или там мужа женщины, на которую положил глаз, да это и не важно; так вот, посылает его за тем, чего на свете нет...

— Меня это совершенно не волнует, — сказал Даэрон.

— Я только хотел сказать, что все эти сказки очень плохо заканчивались... для короля.

Прощай, Даэрон.

— Уже «прощай»? А как же твое обещание вернуться?

— Я думаю, что когда я вернусь, ты будешь не очень-то рад меня видеть, и встречаться не захочешь. Так что, мы уже пересекли границу Мелиан?

— Мы вышли за нее примерно на сотню ярдов, — Даэрон указал рукой вниз. — Там — тракт, ведущий в Бретиль. Смотри, чтобы тебя не занесло куда-нибудь еще. В Нарготронд, к примеру.

— Там живет мой король, — Берен взял направление. — Прощай, Даэрон. Прощай, лорд Келеборн, и спасибо тебе.

— Если ты и в самом деле увидишься со своим Королем, — сказал Келеборн, — Передай ему поклон от меня и его сестры. Прощай, Берен, хотя и мне что-то подсказывает, что мы с тобой видимся не в последний раз.

Глава 3. Бретиль

Гряда гор господствовала над долиной, над Верхним и Нижним Белериандом, над всем миром. И там, над глубоким ущельем, рассекающим ее хребет по всей высоте, царила крепость, врезанная в грудь трехглавой горы. Уже более тысячи лет ее стены и высокие дозорные башни внушали ужас всему живому. Болдог знал, что стены и башни — лишь малая толика могущества Твердыни Тьмы, Аст-Ахэ, Ангамандо на языке эльфов. Это название Болдогу нравилось гораздо больше, хотя эльфов он ненавидел. Тьма, Свет — все это была чепуха для дураков, которые полагали себя чересчур умными. Ангамандо, Железная Темница — вот имя, по-настоящему достойное твердыни Владыки Севера. Оно наводит то, что должно наводить: ужас.

Болдог и сам был большой мастер нагнать страху, но сейчас у него слегка подводило живот. Он не знал, переступая порог высокого длинного зала, выйдет ли отсюда живым; а если не выйдет — то какой смертью умрет. Тот, кто призвал его, был по этой части куда изобретательней Болдога.

Приблизившись к высокому обсидиановому трону, орк склонился в поклоне. Как всегда, он попытался, разгибаясь, прочесть хоть что-то на лице сидящего в кресле. Как всегда, ему это не удалось.

— Я прибыл по твоему приказанию, Повелитель.

— Рассказывай, — без всякого выражения велел сидящий.

Болдог быстро провел языком по губам и начал:

— Все подтвердилось. Гортхаур готовит наступление на Хитлум. То, что ты не поддержишь это наступление, только еще больше его раззадорило. Он хочет набрать людей в Дортонионе, к нему стягивается шваль с Синих Гор... Говорят, что ему нужны тридцать тысяч бойцов. К весне у него будет тридцать тысяч...

— Расскажи о Беоринге.

Болдог вздохнул. Сейчас он узнает — жить ему или умереть.

— Три недели назад облава закончилась. Мы прочесали каждый лесок, каждое ущелье до высоких снегов. Места, где мы побывали, были оцеплены. Никто не мог проскочить сквозь нас и вернуться. Высоко в горах, почти на границе снегов, в одном из ущелий мы нашли землянку. Беоринг жил там, волки узнали его запах. Но он ушел. Просочиться сквозь наши отряды он не мог. Он ушел через Эред Горгор и наверняка там погиб.

— Ты видел тело?

— Нет, Повелитель. Но Эред Горгор невозможно пересечь в тех местах. Там нет перевалов. — Орки или люди Гортхауэра — не могли перехватить его первыми?

— Я бы знал, — Болдог сжал кулак. — Фрекарт не рискнул бы молчать. Я бы знал. — Иными словами, — не повышая голоса, проговорил Повелитель. — Ты его упустил. Упустил уже второй раз?

— Повелитель... — Болдог опустил на колени.

— Встань. Посмотри мне в глаза.

Это было хуже боли, но Болдог знал, что просить избавления бессмысленно. Когда стальные глаза перестали пронзать его душу, он снова опустил на колени — ноги не держали.

— Возвращайся в Дортонион и паси мое стадо. Не трогай ни одного человека из тех,

кого мы подозреваем в помощи Беорингу — но следи за ними в оба глаза, так, чтобы мимо твоих соглядатаев не проскочила и мышь. Если Берен выжил — он вернется. И обратится к кому-то из них. Далее — в деревнях-заложниках не должна больше проливаться кровь. Пора бы тебе понять, что, если заложников убивать независимо от того, выполняются твои требования или нет, то их не будут выполнять. Казнить заложников только по моему распоряжению. Виновных в самоуправстве — вешать.

— Слушаюсь, Повелитель. Что делать с самоуправниками из орков Гортхауэра?

— Я же ясно сказал — вешать. Не бойся Гортхауэра — ты отвечаешь только передо мной, и спрошу с тебя — я... Когда Беоринг появится — доставь мне его. Живым. Можно — мертвым. Величину награды ты знаешь. Знаешь и меру наказания в том случае, если у тебя будет возможность взять его живым, а ты не устоишь перед соблазном.

Болдог снова склонил голову.

— Теперь ступай, — сказал Повелитель Севера, Владыка Тьмы, которого северяне звали Тано Мелькором, а эльфы — Морготом Бауглиром. — И помни: твой следующий промах будет последним.

* * *

Эминдил — так назвался этот высокий человек в эльфийской одежде, приставший к каравану возле Сумеречных Озер. Денег у него не было, но был при себе меч, а значит, на беспокойных дорогах между Аросом и хребтом Андрам он становился вовсе не лишним попутчиком. Во всяком случае, не более лишним, чем Гили.

Оба они, как выяснилось, шли в Бретиль: у Гили там была тетка, а у Эминдила, как он сказал, мать. Больше никого у обоих на целом свете не осталось: всю Эминдилову семью порешили северяне, а у Гили все умерли зимой от оспы, один он выжил — только лицо все побило. Не то чтобы он надеялся на теткину помощь, а просто думал, что в Бретиле прожить будет легче, чем в вымершей деревне. С Эминдилем же все было ясно: его, бывалого солдата, возьмут в войско, патрулировать междуречье Сириона и Малдуина, либо же предгорья Криссаэгрим — как и многих других горцев, отчаявшихся победить в безнадежной войне и покинувших наконец-то свой край, ставший вражеской землей. Сотни их стекались в Бретиль — разочарованных, полных горечи и злости изгнанников. И всем находилось занятие, потому что все чаще орки набегали через Ущелье Сириона, и все наглее они становились.

Уже переправились через Сирион и прошли мимо одинокой громады Амон Руд, а Гили все не решался заговорить с Эминдилем о том, о чем втайне мечтал: может, тот замолвит за него словечко перед старшиной земляков-дортонионцев? Гили умел стрелять из лука и ездить верхом, знал, как ухаживать за лошадьми и мечтал о подвигах.

Он догадывался, каким будет ответ, но все-таки набрался духу и заговорил — они как раз чистили рыбу для общего котла.

— А что ты еще умеешь? — спросил Эминдил, когда Гили закончил свою короткую, но вдохновенную речь.

Гили упал духом. Он, конечно, умел многое, как и любой достигший

четырнадцатилетия сын керла, но вряд ли эти умения могли быть приравнены к воинским искусствам.

— Слушай, Гили. — Эминдил закончил с последней рыбиной и сполоснул руки в ручье. — На самом деле война делает не умение владеть оружием или ездить верхом.

— А что же?

— Воин готов положить за других свою душу. Он многое ценит превыше жизни. Гили опустил голову. Он не знал, что ценится превыше жизни. Смерти он, по правде говоря, боялся, потому что посмотрелся на нее. Но, с другой руки, понимал, что воин все время ходит под смертью. А вот что ценится превыше жизни — не знал.

Они вернулись к костру, подвесили котелок над огнем. Гили кашеварил с тех пор как пристал к обозу, и уже знал, где лежит соль, а где крупа, где травки на приправу, где мука. Взяв еще одну посудину, он снова пошел за водой, а вернувшись, начал месить тесто на лепешки. Эминдил поставил на угли котел.

Обоз принадлежал не одному человеку: несколько купцов сбились вместе, чтобы сберечь на охране и помочь друг другу на тракте. Поэтому везли всякую всячину: кричное железо от гномов Ногрода и проволоку на кольчуги, поделочные камни, соль, пряности — и оружие. На оружие и доспех в последнее время вырос спрос, с охотой объяснял купец Алдад, а эльфы не продают, делают впритык для себя — очень редко попадает на рынок эльфийское оружие, и очень больших денег стоит (при этих словах он косился на меч Эминдила: с первого дня Алдад не отставал от воина с просьбами продать клинок и ворчал насчет голодранцев, которые таскают за плечами целую усадьбу и жмутся ее продать), а мечи из болотного железа и щиты без оковки годятся только для лапотников, против дордайделотских лезвий не тянут: качество стали не то, а если бы и было то, все равно хуторских кузнецов не хватит сделать столько оружия, сколько нужно. Не говоря уже о доспехе: над кольчугой кузнец должен возиться месяц, не меньше, и половина этого времени уйдет на то, чтобы из железных чушек выбить все дерьмо. И кольчуга все равно не потянет против выкованного на севере меча. Кому это нужно, когда ногродская проволока на Востоке дешевле грязи, и даже с тройной наценкой по привозе в Белерианд не превышает по стоимости точно такую же, только сделанную здесь — с большими затратами времени и труда. Поэтому железо закупают у гномов — в обмен на зерно, мясо, шерсть и все такое, чего гномы сами не делают.

Гили рассказал об этом Эминдилу в первый же день. Он много рассказывал Эминдилу, потому что тот единственный с ним разговаривал: остальные больше приказывали.

— Рыжий, когда будет хлеб? Чего тянешь — палки хочешь?

— Слушай, остынь, — тихо сказал Эминдил нетерпеливому погонщику. — Сядь посиди. Погонщик, ворча, сел; вскоре к нему присоединились хозяин обоза Алдад и один из охранников.

— Эминдил, — сказал Алдад. — Разговор есть.

— Опять про меч? — улыбнулся горец.

— Вроде того.

— Не продам.

— А если я его куплю разом с тобой?

Горец приподнял бровь.

— Ты полагаешь, почтенный Алдад, что я продаюсь? И что тебя хватит на эту покупку?

— А что нет? — удивился купец. — Тот год со мной ваши ходили. Рубитесь вы справно,

а другого и не требуется. Вот придешь ты в Бретиль, голодранец голодранцем — куда подашься?

— Найду, — кратко ответил Эминдил.

— Сейчас найдешь, — фыркнул Алдад. — Конен Халмир держит дружину в тысячу копий, из них — триста ваших. Шишей-то у него нет на больше. В наймы пойдешь, вояка. Я смотрю, оружие у тебя знатное — там ты коненом был или даном; а только на это сейчас не смотрят. Ну, возьми кусок земли в распашку — а лошадь? А снарядье? А дом? Говоришь, никого у тебя там нет, кроме матери — а у кого она там приживается? А пойдешь со мной — привезешь столько, что сразу сможешь и коняку купить, и дом, и батраков нанять, и мать одеть в тонкое сукно... Подумал? Решил?

Эминдил кивнул головой.

— Ну, и чего скажешь?

— Скажу — нет.

— Нэт! — Алдад передразнил, как горцы коверкают синдарин (хотя Эминдил, как казалось Гили, говорил чисто). — Вот любимое у вас словечко — «нэт». Через гордость свою немереную страдаете, вот что я тебе скажу. Правду сказывают про какого-то вашего князя, который ветки перед собой рубил, чтобы даже случайно не поклониться?

— Да, — Эминдил улыбнулся. — То был Алатир, предок нашего народа.

— Так кол в заднице — это у вас от него по наследству передается? — хмыкнул погонщик. Вокруг засмеялись. Гили почему-то стало обидно за Эминдила как за себя.

— А ты подлезь в нужник на горском хуторе, да поллюбопытствуй, что там за колья, да где, да передаются ли по роду... — миролюбиво посоветовал Эминдил. — Зачем с чужих слов повторять, своими-то глазами оно вернее.

Обидный смех обратился теперь против самого насмешника.

— Что, Фрета, уели тебя? — засмеялся Алдад. — Беоринги — они за словом в кошель не лезут, хотя чаще-то больше лезть туда не за чем.

Гили начал облеплять тестом прутики и выкладывать их на камни над углями. Нехитрый походный хлеб запекался быстро.

— Потому и не за чем, — проворчал еще один купец, — что горцы лучшей будут в дырявых штанах ходить, чем до хорошего дела пристанут. К торговле приставать им, вишь ты, зазорно. А торговый хлеб есть — как, не зазорно?

— Если тебя смущает, Отон, что я ем твой хлеб, так я не буду его есть, — сказал Эминдил. — Рыбу же я поймал сам — никто не против того, что я приложусь к похлебке?

— Но, но! — примирительно поднял руку Алдад. — Не ссорьтесь. Отон, ты не прав. Нельзя попрекать гостя хлебом, тем паче, что при нагоде Эминдил будет за нас драться. Хотя вроде как опасаться уже почти что и нечего, но с ним мы непростой путь проделали, и если что — так он бы за нас рубился. Однако ж и мне непонятно, Эминдил, отчего ваш народ так косо смотрит на торговое дело. Взять, скажем, меня. Так уж мне Ткачиха отмерила, что человек я непосидющий и странствовать люблю. Разве это плохо — что я не сижу сиднем на своем хуторе, благо батраков у меня много? Разве это плохо — что я привожу с востока такие вещи, которых в Бретиле нет? Любишь ли ты есть несолоно? То-то. А откуда берется соль? Через таких как я, с синегорских копей да эльфийских солеварен на южном берегу. А гномы — невеликие любители пахать, сеять и пасти — и через меня и таких как я попадают к ним мясо и шерсть. А сейчас Тху грозиться всем нам с севера — а я везу крицу, оружие и доспех. Так что в этом плохого? А, Эминдил? За что твои сородичи

презирают торговых людей?

Пока Алдад говорил, Эминдил вбивал возле костра колышки-рогатки, чтобы повесить котелок для рыбной похлебки.

— Не я затеял этот разговор, почтенный Алдад, — сказал он, закончив. — Но раз ты спрашиваешь, я отвечу. Купцов не любят за то, что они покупают втридешева, а продают втридорога. За то, что они жнут там, где не сеяли.

— А как ты думаешь, должен я оправдывать свои расходы? Коней и корм, телеги, погонщиков, охранников? Во что это все мне становится — ты знаешь?

— Посмотри мне в глаза, почтенный Алдад, и скажи: ты выручишь в Бретице ровно столько, сколько потратил?

Торговец засмеялся.

— Нет, конечно, — сказал он. — Но ведь я рискую, Эминдил. На меня могут напасть орки или разбойники, я могу заболеть в дороге, могу погибнуть, могу потерять весь груз на переправе... Разве риск не стоит того?

— Не знаю, — пожал плечами Эминдил. — Мы не привыкли подсчитывать, сколько стоит риск.

Лепешки начали отваливаться от стенок, их поддевали на ножи или спички и вынимали из котла.

— Извини меня, Эминдил, — сказал купец. — Может, по-твоему, это и благородство... А по-моему так это дурость.

— Думай как хочешь, — почтенный Алдад, — пожал плечами горец, — меня это не обходит, и, если честно, я удивляюсь, почему тебя волнует мое мнение о торговом деле.

Котел с хлебами убрали с огня, на его место повесили котел с рыбой.

— И вправду, — купец снова засмеялся, но уже слегка деланно. — Я думаю, человеческая зависть не стоит обиды. Глупцы всегда завидуют тем, кто умнее и расторопнее, а уж какие слова они для этого подбирают — не суть важно. У нас тоже полно таких, которые надуваются, когда я вхожу в совет Халмира — впору делать дырку в брюхе, не то их разорвет от гордости. Они-де воины, а я — хуторянин и торгош. Но чем бы они воевали, не вози я железо? Разве я меньше делаю для людей, чем они? Много бы они навоевали болотным железом, которое майстрачат горе-кузнецы?

— А что бы тебе, почтенный Алдад, попросить эльфов научить вас строить настоящие кузни и ковать настоящее железо? — спросил Эминдил. — Я слышал, они с охотой подряжаются на такие дела...

— Ач, какой хитрый! — сказал Отон. — И с чего мы будем жить?

— Ты лучше спроси себя, как вы будете жить, если закованные в железо северяне прорвутся через заслон латников, где из людей от силы каждый третий носит стальной доспех. И заодно задумайся — будешь ли жить вообще.

— Чего тут задумываться, я сам из Междуречья, и семья моя там. Отсидимся как-нибудь.

— А ты что скажешь, Алдад? — спросил Эминдил. — Ты тоже надеешься отсидеться? Или все же возьмешь в руки меч? Ты же сам из Бретицы, если ни глаза, ни уши меня не обманывают.

— Ну, из Бретицы, и что? Заберу семью и отвезу в Междуречье или к Гаваням. Я — купец; не магор, не конен, земля за верность мне не нужна.

— А кому она нужна, — снова встрял обозник. — Когда в конце концов ты за верность

огребешь ровно столько земли, сколько тебе на могилу придется? Вот скажи мне, горец, что вы получили от эльфов за свою верность? На хрена твои крестьяне кормили тебя, если ты не сумел их защитить? И отчего им хуже: от морготова рабства — а у рохиров Моргота хлебало, чай, не шире чем у тебя, — или от беспрестанной войны, от которой им десять лет нет продыху? Ты, благородный, получил землю за верность, и когда ее отобрали, разобиделся; а вламывают на этой земле простые люди, черная кость, и им все равно, кому платить подати.

— Поверь мне, не все равно, — покачал головой горец. — И если бы не твоя глупая рожа, я бы решил, что ты из тех, кому Север платит за такие разговоры. Но для платного соглядатая Моргота ты туповат, и наверняка просто повторяешь чьи-то слова. Не мое это дело выведывать — чьи; и доносить на тебя конену — не мое дело, но если ты еще раз разинешь рот, ты горько пожалеешь о том, что Творец дал тебе язык на дюйм длиннее, чем нужно.

— Эминдил, ты бери хлеб-то, похлебки еще долго ждать, — миролюбиво сказал Алдад. — Оно, конечно, нам, черной кости, никогда с вами, воинами, не равняться, потому как мы не о возвышенном — мы о своем брюхе думаем. И о вашем заодно. И то сказать, ежели человека не кормить и не поить, он скоренько помрет. Что смерд, что рохир. Каждому свое Валар судили, и в мире каждый под свое дело приспособлен, как у нас в теле, к примеру, голова для одного сделана, руки — для другого, а задница, ты уж прости меня, Эминдил, для третьего. И ежели рыцари сами начнут торговать, а купцы возьмут в руки копья и щиты — то это будет все равно как ходить на руках, работу делать ногами, а думать — задницей.

— А ты не боишься, Алдад? — спросил Эминдил, исподлобья глядя на купца.

— Не боюсь, потому как во-первых, у меня тут десять молодцов против тебя одного, во-вторых, ты ешь мой хлеб и тебе совесть не позволит меня ударить, а в-третьих, здесь уже Бретиль, и если дортонионский заброда сделает какой-то вред бретильскому купцу, то его в лучшем разе погонят отсюда палками.

— Я не о том, Алдад. — Эминдил говорил спокойно и мягко. — Ты не боишься, что однажды орки развезят твоих детей на деревьях, пробив им копьями лодыжки?

На этот раз Алдад ответил после долгой паузы.

— Дор-Дайделот далеко, а Нарготронд близко.

— И то говорят, — встрял другой купец, худой, темнолицый и обычно молчаливый, явный халадин. — Что у вас в горах они потому так зверствовали, что вы им сильный опор чинили. А мирных людей они не трогают. И под Тенью люди живут.

— Блажен, кто верует, — Эминдил снова помешал ложкой в котле. Вода уже побулькивала, очищенная рыба плавала кругами. — Спой, Руско.

Гили очень нравилось прозвище, данное Эминдиллом в первый же день — Руско, «лис» по-эльфийски. Ему нравилось все эльфийское, а может, и Эминдил нравился потому, что походил на эльфа. И запел он такую песню, которой хотел угодить горцу.

Где зеленела веселая степь

Ужас и мрак там отныне

Король мой, услышь!

Куда ты летишь

По обгоревшей равнине?

Словно денница

Сверкая во мгле
По черной земле
Эльфийский король
Сквозь дым и огонь
В последнюю битву мчится.
Судьба его зла,
И черная мгла
Идет волной
От Горы Стальной...

Он стеснялся признаться в том, что сложил эту песню сам, когда услышал от какого-то бродячего менестреля рассказ о последнем поединке Короля. Менестрель тоже пел о нем песню, но эта песня была совсем плохая. Гилина же Эминдилу понравилась, он только заметил, что Стальная Гора — не одна, как думал Гили, их там целая цепь — Эред Энгрин.

Сверкал его меч,
Трубил его рог
Как гневный голос грома.
Он строен и горд,
Великий наш лорд,
Король заморских Номов.
И встал черный вождь,
И крикнул: "Ну что ж!
Ты сам меня звал,
И твой час настал!"
Словно денница
Сверкая во мгле
По черной земле
Эльфийский король
Сквозь дым и огонь
В последнюю битву мчится...

Во второй раз припев подхватил Эминдил, а с ним — еще двое или трое. В глазах людей плясали отблески огня.

Король наш раздавлен, погублен наш Лорд,
Но дух его вечен, не сломлен и горд!
Славьте Короля!
Славьте Короля!

— Славно поешь, Рыжий, — одобрил его Алдад. — Да и голова у тебя светлая. Жаль будет завтра с тобой расставаться.

— Уже завтра? — обрадовался Гили.

— Ну! Как раз мимо Гремячей Пущи и пройдем по пути к Амон Обел, — Алдад засмеялся непонятно чему, и засмеялся Падда, его раб.

...Обязанность мыть котлы после ужина, как всегда, легла на плечи Гили — как самого младшего и безденежного. Когда он, уложив котлы на воз, вернулся к попутчику, тот еще не спал, хотя его очередь караулить лошадей приходилась на предрассветные часы: это тяжелое, сонное время Эминдил, как оказалось, переносит лучше всех. Наверное, не раз на его веку и не одна жизнь зависела от него, бодрствующего на страже... Поэтому обычно он

засыпал там, где ложился — и сразу, накрепко.

На этот раз он лежал неподвижно, глядя в небо, туда, где стояла над лесом Валакирка. — Ты чего не спишь? — удивился мальчик. — Утренняя стража — наша...

— Ты все еще хочешь быть воином, Гили? — спросил Эминдил. — Глупое, если присмотреться, занятие...

— Это ты из-за купца? Да пусть себе болтает, за свой-то хлеб.

— Дело не в хлебе, парень. Дело даже не в том, праведное дело торговля или нет... Нс им все равно, Гили — и это самое страшное.

Гили пожал плечами и лег. В гибели его семьи виноват был не Моргот, а глупая зараза, хотя для Эминдила, наверное, во всех бедах мира был повинен Темный Владыка. Сразу после Дагор Браголлах (хотя этих времен Гили не помнил) орки прорвались через кордоны в Лотлэнне и грабили деревни, угоняли скот, жгли поля, уводили людей в рабство — это были страшные времена в Таргелионе, но все-таки особенных зверств орки не делали, поскольку таргелионские деревни были постоянным источником дохода, и если никого не оставить на развод сегодня — то с чего кормиться завтра? Гили склонен был к точке зрения худого купца: и под Тенью люди живут; но высказывать эту точку зрения при Эминдилье было бы глупо, поэтому он завернулся в одолженный воином эльфийский плащ и заснул.

...На следующий день, когда солнце перевалило через зенит, вдали показалась развилка Сириона и Миндеба. Сердце Гили взыграло. Впервые мальчик осознал, какой длинный путь остался позади. И казалось, что там, на хуторе под названием Гремячая Пуща, ждет его конец всех мытарств, крыша над головой, постель и миска каши, может быть даже — с мясом. Гили покосился на Эминдила — тот вовсе не выглядел довольным и веселым. Для него это место было далеко не поворотным моментом жизни, скорее остановкой в пути. Он смотрел на далекий лесистый холм, у подножия которого сливались реки — и видел сотни и сотни лиг, лежащих за этим холмом.

Когда день склонился к вечеру, они достигли места, которое называлось Гремячей Пущей — где-то здесь должен был находиться хутор Морфана, мужа гилиной тетке. И Эминдил сразу сказал:

— Что-то здесь не так.

— Да ну? — удивился Алдад. В голосе его было что-то такое, от чего Гили сделалось тошновато.

Обжитое место дает о себе знать задолго до того, как путник выйдет к хутору или городищу. Сначала ты по дороге натыкаешься на коровьи лепешки и конские яблоки, потом видишь чуть в стороне расчищенные делянки, потом ветер доносит до тебя запах дыма и хлева — раньше, чем за поворотом откроется частокол и пяток-другой крыш, торчащих над ним...

Дорога, по которой шагали Эминдил и Гили, была лишена всех этих признаков жизни. Загон для скота, который им встретился, порос травой, был оплетен вьюнком и на три четверти разрушен; в таком же состоянии находились изгороди, а расчищенные от леса и подлеска участки никто не возделывал года три... Там росло довольно много анарилота, но рос он сам собой, из тех зерен, что выпали во время уборки, да так и проросли. Гили почувствовал муторное беспокойство, но еще на что-то надеялся.

За поворотом открылся частокол...

...разваленный, почерневший, обгорелый...

И не крыши — а печные трубы торчали вверх, и дожди смыли с них всю побелку, и

растерянно были открыты их черные рты...

— Ой... — сказал Гили. — Ой-ой...

— Может, ты ошибся? — Эминдил положил руку ему на плечо. — Может, это не тот хутор?

— Тот-тот, — сказал Алдад. — А если ты письменный, Эминдил, то поди вон к тому могильному холму и прочитай, что там накорябано.

Эминдил без слова обогнул развалины дома и подошел к невысокому холму возле колодца.

— Ну? — спросил Гили, обмирая от ужаса, сдерживая жалкое, беспомощное «Не хочу!», рвущееся наружу стоном.

— Да, — горец присмотрелся к рунам, грубо нацарапанным на вкопанной в землю колоде. — Здесь написано: «Морфан, магор, похоронил здесь свою жену Радис и троих детей. По десять орков — за каждого!» Как звали твою тетку, Руско?

Гили сел на землю и глухо завыл. Не потому что так сильно любил свою тетку — он не узнал бы в лицо ни ее, ни мужа, если бы встретил. Гили плакал потому что рухнула его мечта об ужине и ночлеге. И еще потому что теперь он остался совсем-совсем один на всей земле. Он вдруг разом почувствовал, как он устал, как голоден и оборван... Ну, почему такая несправедливость случилась именно с ним? Разве мало того, что в Таргелионе он потерял всех? Если Валар есть на свете, то куда они смотрят?...

Эминдил пригладил пятерней волосы и куда-то исчез. Появился через пару минут, с горсткой мелкого хвороста в руках, с пучком можжевельника и полыни.

— Что же мне делать? — всхлипнул Гили. — Ой, что же мне теперь делать?

— Хороший вопрос, — Эминдил вырыл ножом маленькую ямку, сложил туда хворост. — Посмотри дальше. Это не единственная могила. Ты разве не будешь совершать возжигание? У вас не знают такого обычая?

Он ударил кресалом, протянул Гили дымящийся трут. Лицо оставалось спокойным. Он что, совсем без сердца?

Гили поджег костерок и раздул пламя. В свете дня оно было почти невидимым — только веточки и кусочки коры корчились и чернели. Гили и Эминдил бросили в огонь по веточке полыни и можжевельника. Дым побелел, закурился вихрями. Они молча сидели, пока костерок не прогорел.

Он не бессердечный, понял Гили. Просто на его памяти это уже не первая деревня-могила и не вторая.

— Зажигаем, — тихо сказал он. — Но ведь они не видят... Сидят в своей Благословенной Земле, а о том, что здесь творится — и знать не хотят...

— Это нужно не Валар. Не Ниэнне, не Намо... Это нам нужно, парень. Чтобы помнить — мы еще живы и кое-что можем.

— Ну, вот что, — вмешался Алдад, — возжигание — дело, конечно, богам угодное но тебе ж, Рыжий, нужно как-то дальше жить. Ты шел за мной от самого Гелиона, ел мой хлеб. Заплатить ты не можешь, родичей у тебя здесь нет. Поэтому думается мне так: ты проследуешь за мной до Амон Обел и там, на тинге, я объявлю тебя своим рабом.

Гили от потрясения и неожиданности не знал, что сказать — только головой тряхнул.

— Чего мотаешь башкой? — голос Алдада сделался жестким, глаза сузились. — Ты — что надо: смысленый, смиренный — не бойся, к черной работе не приставлю. Будешь работать по дому, годика через три хорошо тебя женю. Мои рабы не бедствуют, не дрожи.

— Я свободнорожденный! — крикнул Гили.

— А чем докажешь? Кто здесь тебя знает? Не вздумай бежать сейчас — я объявлю, что купил тебя на востоке и положу награду тому, кто тебя отдаст.

— Ты кое о чем забыл, почтенный Алдад, — подал голос до сих пор молчавший Эминдил. — Морфан, которому через жену Руско приходится племянником — может стать, еще жив.

— Как бы не так. Он подался в Димбар, орков бить, и, наверняка давно уже сложил там кости. Я знаю, потому что прежде он ходил с нами. Думаешь, как он взял себе жену на востоке?

— Так ты все знал, — проговорил беоринг. — Знал и молчал, чтобы в нужный час Руско от потрясения не решился тебе возражать.

— Знал, — подбоченился торговец. — Ну и что?

— Ну и сука же ты, почтенный Алдад, — покачал головой Эминдил. — Ну и сука.

Все это время Гили потихоньку двигался к опушке.

— Стоять! — крикнул Алдад, заметив это движение. — А ты, горец, помолчи. Тебе он никто, ты всего лишь задурил ему голову болтовней об эльфах, которая ничего тебе не стоила. А я собираюсь дать ему верный кусок хлеба и крышу над головой. Чего ты здесь разеваешь рот? Что ты можешь ему дать? У тебя на лбу написано, что умрешь ты не в свой срок и скверной смертью, а парень — не вашей кости, он жить хочет. Что такое свобода? Посмотри на него, Гили: одна пара штанов, тощий плащик и меч за плечами. Сапоги носит в мешке, чтоб не побить до срока — новых-то взять негде. Одни красивые слова: честь, да верность. Сказки про эльфов — а чем эльфы ему заплатили за верную службу? Посмотри на моих рабов — хоть один из них, хоть раз был обделен едой? Хоть один оборван? Вынужден довольствоваться паршивым льном вместо сукна? Ходит босой? А ты предложи кому-нибудь из них такую свободу, какая есть у тебя. С голым задом. В кошеле — вошь в петле, с голоду повесилась. Ну, посмотри пацану в глаза и скажи, что ты можешь ему дать?

Эминдил посмотрел в глаза Гили. Впервые мальчик обратил внимание на то, какого они редкого цвета — темно-серые, как у младенца.

— Ничего, — сказал он. — Ничего, кроме свободы и своего заступничества.

— Ну, ты понял? — повернулся к Гили Алдад. — Перестань валять дурака и иди сюда.

— Нет! — крикнул Гили и кинулся в лес.

Двое — раб и охранник — погнались за ним, и оба упали: Эминдил швырнул им в ноги ножны от меча. Сам меч уже был в его левой руке: в быстром движении лезвие на миг предстало сверкающим колесом. Все шарахнулись в стороны, Алдад оказался отрезан от своих слуг. Поддев ногой, Эминдил подбросил ножны и поймал их правой рукой.

— Назад! — завопил второй охранник, натягивая лук и целясь из-за воза.

— Если ты хочешь остановить меня, — сказал Эминдил, перемещаясь так, чтобы солнце било стрелку в глаза, — то бери или выше или ниже; или в голову, или в сердце. Потому что в ином случае я все же доберусь сначала до уважаемого Алдада, а потом и до тебя.

— Не дури, — купец побледнел. Двое упавших поднялись с земли и ринулись на Эминдила, после короткой свалки картина выглядела так: один стоял на коленях, зажимая пальцами разбитый нос, второй лежал, оглушенный ударом плашмя. Эминдил отступал к лесу, прикрываясь Алдадом, у горла которого держал меч. Остальные стояли, растерянные.

— Я найду тебя... — тихо сказал купец. — Я и тебя найду, и мальчишку...

— Меня восемь лет не мог найти Саурон, — весело ответил горец. — А у тебя кишка

тонка.

— Так ты и здесь будешь скрываться? — Алдад нехорошо засмеялся. — Опять без крова? Без семьи? Из-за какого-то паршивого мальчишки?

— А мне терять нечего, Алдад. Я нищий оборванец, в кошеле — вошь в петле, и Намс Судия уже охрип меня выкрикивать к себе в гости. И тебе нечем мне угрожать и нечего мне посулить. Ступай, Алдад, ищи в другом месте себе трэлей, — он оттолкнул купца и исчез в лесу, как его и не было.

* * *

Гили бежал даже тогда, когда уже дышать не мог, перестал чувствовать ноги, а ребра наоборот чувствовал так, словно вот-вот они хрустнут под напором раздутых легких. В горле его пересохло, пот заливал глаза. Наконец он споткнулся о корень и упал.

Постепенно восстановилось дыхание и сердце перестало рваться наружу. Гили встал на колени и осмотрелся.

Кругом был чужой, незнакомый лес. Свет, пробивающийся сквозь ветки, был уже красноватым — солнце опускалось. Гили не знал, что ему делать и куда идти.

Он побрел вперед, на запад. Дорога, насколько он помнил, шла вдоль реки — а потом, по словам обозников, следовало тоже свернуть на запад, к Амон Обел. Значит он, свернув сейчас, обойдет место тинга с юга. Его не возьмут и не объявят рабом — он это уже решил. Но куда идти? И что делать? Наняться к кому-нибудь?

Эминдил, подумал Гили. Он обещал заступничество — а где он сейчас? и что с ним? Его убили? Связали и волокут на суд? Из-за Гили — а он трусливо бежит прочь?

— Боягус, — сказал он сам себе сквозь зубы. — А ну, назад!

Он остановился. Потом повернулся и прошел назад до того места, где упал — это место обозначала смятая коленками трава. А где он бежал?

Идти по собственным следам было трудно. Да чаще Гили просто не мог различить своих следов. Вот тут содран мох — это он или что-то другое? А кем проломлены эти кусты? Он уже отчаялся было найти обратную дорогу, когда услышал тихий свист.

Горец сидел на дереве и спокойно наблюдал за Гилиными метаниями. Но паренек совсем на него не обиделся — потому что обрадовался сильнее:

— Эминдил!

Воин спрыгнул с ветки, мягко спружинив на носках, присев почти до земли.

— Пошел меня выручать, Руско? — спросил он, положив руку Гили на плечо. — Спасибо.

— Как ты меня нашел? — Гили вытер глаза, на которые навернулись было слезы.

— А тут и искать было нечего — ты наследил как стадо быков. Не бойся, почтенный Алдад и его охранники в лесу двумя руками собственный зад не отыщут.

— Так куда мы теперь?

— Отыщем ручеек и поедим. Ты хлеба прихватить догадался?

— Не...

— Какой же ты вояка после этого. Наверное, и ложку там оставил, а?

Ги́ли не мог понять, шутит горец или нет. Говорил он безо всякой веселости.

— Как можно ложку бросить. Настоящий воин двух вещей не бросит: меча и ложки. У меня есть хлеб, пол-лепешки. Перекусим и пойдем.

— Куда? — безучастным голосом спросил Ги́ли. Он вдруг вспомнил, что идти ему некуда и Эминдилу, по сути дела, тоже.

— На север, в приграничные поселения, к нашим. Ты ведь хочешь найти этого Морфана, своего единственного родича?

— Разве он там?

— Это, — Эминдил ткнул большим пальцем за спину, в ту сторону, где было заросшее пепелище, — стряслось больше пяти лет назад. Если Морфан еще не вернулся на свою землю, значит, он или не считает их отомщенными и до сих пор сражается, или погиб. Если он все еще в войске, наши должны о нем знать.

Ги́ли, равнодушный ко всему, сидел на траве.

— Послушай, Руско, — Эминдил взял его за подбородок и посмотрел в глаза. — Я видел много таких могил, а одну сложил сам, забросал камнем своих друзей и родичей; своего отца. Поэтому считаю себя вправе сказать тебе: хватит хныкать. Мы почтили их память огнем, а теперь должны жить сами, чтобы наши враги горько проклинали тот час, когда вздумали наведаться сюда. Поэтому мы найдем воду, поедем и отправимся дальше, на север, где живут беоринги. Во всяком случае, так сделаю я, а ты волен оставаться здесь и сетовать на судьбу. Шевелись, Моргот бы тебя побрал!

И Ги́ли начал «шевелиться». Почти перед самым закатом они вышли к речке («Тейглин», — уверенно сказал Эминдил). Зачерстевшую пресную лепешку съели на берегу, макая в воду, потом перешли на другой берег по притопленной гати, нашли полянку и легли спать. Утром они вышли на битую дорогу и зашагали на север, грызя на ходу корешки осоки. Дорога петляла между холмами и оврагами, и признаки жизни — коровьи лепешки и конские яблоки — на ней имелись; но, пока солнце не встало точно над головой, им не встретилось ни единой живой души, ни единого хутора или усадьбы. Потом они повстречали конный разъезд.

— С дороги, — сказал Эминдил, услышав далекий глухой топот копыт. Они отступили в придорожные заросли.

Всадников было шестеро, и у всех через плечо перекинуты разноцветные клетчатые шерстяные плащи. Мелкая желтая пыль курилась у ног лошадей, оседая на шерсти — отчего кони казались обутыми в светлые чулки.

— Эй! — Эминдил вышел на дорогу. — Хорошая встреча, горцы.

Конники остановились.

— Хорошая встреча, — ответил старший из них, бородатый смуглый здоровяк с заплетенными на висках тонкими косами и серебряной серьгой в левом ухе.

— Мы с товарищем ищем где переночевать, — Ги́ли отметил, что теперь Эминдил говорил на талиска с горским произношением: твердые "х" и мягкие "р". — А также ищем Морфана, магора из Гремячей Пущи, потерявшего всю семью пять лет назад. Не знает ли его кто-то из вас?

— Морфан? У которого была жена с Востока? Рыжая? — второй горец, совсем молодой, с такими же косами и серьгой, но в плаще другого цвета, выехал чуть вперед, сдерживая пританцовывающего коня.

— Он! — обрадовался Ги́ли, вмиг воспрянув духом. — Что с ним? Где он сейчас?

— В могиле, — юноша посмотрел на мальчика. — Ты, что ли, ему родственник?

— Последний, кто остался в семье, — Эминдил не стал вдаваться в подробности.

— Не повезло, — качнул головой молодой дортонионец.

Горец в красно-желто-коричневом плаще, бросив на Гили сочувственный взгляд, повернулся к Эминдилу.

— Слышишь, парень, — сказал он неприязненно. — У нас тебя за такие штучки живо подвесили бы вверх ногами, но мы в Бретиле, и потому я на первый раз попрошу тебя добром: сними диргол, на который ты не имеешь права. Только один человек может ходить в этих цветах, и ты бы не напялил их, если бы знал...

— Я знаю, — Эминдил протянул вперед правую руку, сжав кулак, и Гили от неожиданности раскрыл рот: на среднем пальце у его попутчика блестел перстень невиданной красоты — две змейки сражаются за корону.

— Я ношу эти цвета, потому что имею право их носить, Фин-Рован, — сказал Эминдил. — Ты узнал диргол — узнаешь и кольцо, и меч.

Гили остолбенел: Фин-Рован, здоровенный начальник горцев, спешился и опустился перед его спутником на колено. Его примеру последовали остальные.

— Ярн... — тихо сказал бородач. — Алау! Как же долго мы тебя ждали...

— Встань, — Эминдил хлопнул горца по плечу. — А ты, Гили, закрой рот — муха залетит. Я не хочу, чтобы ты с таким глупым лицом показался моей матери — она женщина строгих правил.

* * *

В годы мира злые языки в Дортонионе говорили, что Эмельдир опоздала родиться и вышла замуж не за того брата.

Злые языки были где-то правы: Эмельдир действительно превосходно справилась бы с ролью правительницы — в мирные годы Дортониона, родись она на десять лет раньше и выйди замуж за Бреголаса. Но так уж вышло, так уж сложилась судьба, что ей пришлось править страной в военные времена. Мужчины и воины горели заживо на заставах в Анфауглит, погибали под мечами и стрелами северян в Ущелье Сириона, отражали первый удар северной армии, а кто-то должен был оборонять страну от банд орков, покотившихся через нее после того, как из Ард-Гален их прогнал огонь. Этим «кем-то» и стала Эмельдир, а больше, по сути дела, было некому.

Настоящей правительницей страны она оставалась ровно два месяца — пока остатки войска, которое привел ее муж из Ущелья Сириона, еще можно было считать армией, пока над замком Каргонд развевалось синее знамя с сосной и вереском. Потом она стала княгиней изгнанников.

Но и в этом положении ей удавалось сохранять значение и достоинство, ибо для девяти тысяч беженцев, покинувших страну, она оставалась правительницей, а эти беженцы в Бретиле стали немалой силой, поскольку держались вместе, в отличие от халадин, каждый из которых пупом Арды почитал свой хутор. Они с большей охотой шли служить на границу, нежели батрачить, а халадины легко уступали им честь гоняться по междуречью и

предгорьям за орками. У них был большой опыт обращения с оружием, они умели держать строй и биться в любом числе; халадины тоже готовы были взять меч в руки, если шла речь об их полях и домах, но вот что делать с мечом дальше — они представляли себе слабо. Поэтому дружина Халдира как-то очень быстро запестрела клетчатými плащами — и это были люди, уже давно забывшие все прочие ремесла, кроме войны, и крепко озлобленные на Север. Их воспитанниками и оруженосцами становились подростки в Бретиле мальчишки, а иногда — и девчонки, у которых самым ярким воспоминанием детства остались горящие крыши родных домов. Эти, выучившись владеть оружием, становились не менее опасными бойцами, в которых недостаток опыта с лихвой искупала молодая дурь и презрение к смерти.

И все они готовы были идти куда угодно и делать что угодно по слову своей леди. Если не считать нарготрондской эльфийской дружины, под началом Эмельдир находилась самая значительная военная сила от Сириона на востоке до хребта Андрам на юге и моря на западе. Поэтому Эмельдир, ее конен, командир дортонионских отрядов, одноногий Брегор Мар-Роган (8), и ее аксанир, Фритур Мар-Кейрн, говорили в совете Халдира. Все это молодой горец, Белгар, объяснял Гили вечером, за крынкой простокваши и куском хлеба. Ему было одиннадцать, когда Эмельдир уводила женщин и детей на юг, и больше всего на свете он тогда сожалел, что вынужден вместе с бабами и малышкой тащиться вслед за подводами, в то время как отец и брат остались под Кэллаганом, биться в дружине Барахира. Но своего первого врага он убил гораздо быстрее, чем думал: пройдя горными тропами, на беженцев напала банда орков, сабель в двести. Тогда-то Белгар и почувствовал впервые биение чужой жизни на конце своего клинка: пока взрослые, вскочив на возы, отбивались чем могли — мечами, стрелами, копьями, косами, цепами и оглоблями, — старшие мальчишки, забившись под воз с ножами, прикрывая собой самых маленьких, дорезали упавших врагов.

Мать Белгара, тяжелая в кости крючконосая смуглянка, устроила Гили вместе со своим сыном на чердаке. Паренька до красноты смущала полная достоинства почтительность, с которой обращалась к нему эта женщина — он понимал, что сам-то ничем не заслужил: на него просто перешло частью то восторженное почитание, которое вызывал у земляков Эминдил... Тьфу ты — не Эминдил, а Берен.

Встреченный ими разъезд был послан отыскать где-то на дорогах опасного разбойника и беглого мальчишку-раба. Рандир Фин-Рован, тот самый здоровяк, что командовал конниками, очень радовался, что не сразу начал вязать подозрительную парочку и не опозорил своего князя. По кратком размышлении Берен приказал никому не говорить, что он здесь. Потому весь разъезд сейчас находился в Бар-эн-Эрнит, — Берен не стал их отпускать, сказав, что в ближайшие два дня несколько вооруженных людей ему понадобятся, а слухов о своем появлении он не хочет.

Бар-эн-Эрнит, Дом Княгини, был даже не домом, а целым горским поселением к северу от Амон Обел. Собственно Дом Княгини там, конечно, был, но кроме него было еще с полтора десятка домов. Там же у горцев был свой тинг, где они решали дела, в которых не были замешаны халадин. Гили поначалу думал, что Берен первым делом объявится на этом тинге — но нет: он скрылся в доме матери, и слугам был отдан тот же приказ, что и конникам Рована — не болтать о возвращении князя.

Гили уже понял, что для горцев не болтать — это задание непосильное. По молчаливому Эминдилу нельзя было судить о народе князя Берена. Белгар явно мучился тем,

что ему запрещено рассказывать о своем князе в поселении и в Бретиле — но зато он нашел подходящего слушателя в лице Ги́ли, совершенно невежественного по части подвигов того человека, с которым он делил дорогу.

— ...Саурон открыл тогда Горлиму злосчастному, что видел он не свою жену, а призрак, который сотворил для него Тху. И приказал он казнить беднягу, а в холмы к Тарн Аэлуин послал огромный отряд. Они сражались храбро — но врагов было слишком много; так и погибли Барахир, Барагунд, Белегунд, Дайруин и Радруин, Дагнир и Рагнор, Гилдор Уртел, Артад и Хаталдир. Уцелел только ярнил Берен, потому как его в тот час в лагере не было...

— Бел, кончай языком зубы полоскать, — прикрикнула мать. — Посмотри, ночь на дворе! Завтра, клянусь Манну и Элберет, подниму до света!

...А в высоком деревянном доме, в это же самое время другой человек рассказывал ту же самую историю, и никто не прерывал его...

— ...Жили-были два дурака, их имена все здесь знают, так что не буду повторять этих имен — скажу только, что один до беспамятства любил свою жену, а второй чужую, но она к тому времени была уже мертва, и давно, так что второй дурак был согласен на любую женщину, готовую одарить его своей лаской. И когда дураков послали разведать, что поделявают отряды Саурона, а заодно — добыть чего-нибудь съестного на двенадцать глоток, первый дурак уговорил второго заночевать по пути в его родной деревне, где осталась его жена, не успевшая или не захотевшая уйти... как и многие другие...

Дураки не знали, что в деревне живет доносчик, польстившийся на обещанное Сауроном золото и выследивший мужа, который изредка навещался к женщине по ночам. Дураки не знали, что каратели стоят в ближайшем замке и ждут только сигнала. Первый дурак заночевал у своей жены, а второго приютила одна бойкая молодка. И на его счастье, доносчик не знал, что дураки на этот раз явились вдвоем: он следил только за домом женатого дурака.

А неженатый среди ночи вскочил с постели, напугав молодку, потому что приснился ему страшный сон. Приснилось ему замерзшее озеро Тарн Аэлуин, и стаи стервятников на деревьях по берегам — сытые, от обжорства еле волокущие крылья гнусные птицы. «Ты пришел, дурак!» — закричала одна из них. — «Поздно, слишком поздно!». И остальные подхватили: «Арк! Арк! Слишком поздно!» И его друг, первый дурак, весь в ранах, шел к нему по льду, оставляя кровавый след. «Я умер», — сказал он. — «А ты просыпайся, если хочешь жить и спасти остальных!» Тогда наш дурак подхватился, влез в одежду и взял меч — но уже и в самом деле было слишком поздно: деревню окружили каратели. И дураку ничего не осталось кроме как залезть в тайник под полом, откуда вел лаз наружу — надо думать, это лаз появился еще когда разбитная вдовушка была мужней женой, и наш дурак оказался далеко не первым, кого она туда отправляла. А дальше он всякого наслушался и насмотрелся, потому что его друга и оруженосца, первого дурака, пытали как раз неподалеку, в соседней хижине, выведывая, где скрывается отряд Барахира... А когда ничего от него не добились — взяли за его жену, и уж тут он не выдержал и рассказал все. Тогда ублюдки убили их обоих — и ничего не узнали про второго дурака, на которого теперь была вся надежда. Только он мог обогнать карательный отряд и предупредить своих... Но ведь для этого нужно было выбраться из деревни, а она все еще охранялась... Нашему дураку пришлось дожидаться ночи, и каратели обогнали его на целый день — диво ли, что он не успел, и, добежав до озера, увидел то же, что и во сне: десять изуродованных трупов и сотни сытых стервятников.

И ничего не осталось дурачине, кроме как похоронить отца и братьев, и друзей, и верных слуг... Вот так это было, мама, и получается, что это я виновен в смерти отца. Я не мог остановить Горлима — слишком он помешался на своей Эйлинэль... но я мог его убить — и тогда не погибли бы отец и братья... Штука в том, что я не хотел ни убивать его, ни останавливать — ведь все равно мы не успевали в лагерь, надо было где-то скоротать ночь, и хотелось раз в полгода переночевать в постели... И почему именно с нами должно что-то случиться, и именно сегодня... Прости меня, эмил (9) — если сможешь...

— Простить? — тихо спросила Эмельдир. — Я не могу тебя простить, ибо прощают виноватых, а за что тебя винить? Этот несчастный все равно рано или поздно пришел бы к своей жене, и был бы схвачен — только ты бы тогда не уцелел, погиб вместе со всеми. Говоришь, нужно было его убить? Что ж, я рада, что мой сын не стал хладнокровным головорезом, готовым расправиться с человеком просто ради собственного спокойствия. Или ты хочешь, чтобы я назначила тебе искупление? Я не служу Скорбящей, я не Посвященная, а всего лишь твоя мать. И, по-моему, искупление ты сам себе назначил и избыл его. Я давно оплакала своего мужа, и уже сняла жалобу. Теперь же я просто радуюсь, что мой сын жив и вернулся ко мне.

— Это ненадолго, эмил.

— Знаю, хиньо. Ты не можешь не вернуться. Не можешь не сражаться. Даже здесь — как пришел, так сразу нашумел. Халдир требует объяснений — что это за горец шастает по дорогам и помогает рабам бежать. Не позже чем в три дня мы должны будем собрать общий тинг.

— Ну, меня уже здесь не будет.

— Куда ты собрался?

— В Нарготронд. Мне нужно сказать государю Финроду то, что я сейчас скажу тебе... Вам.

Дверь открылась, и с поклоном вошли двое — оба седоватые, длинноусые, один — на деревянной ноге. Оба, глядя на Берена, застыли в дверях, не веря своим глазам. Он первый разрешил неловкое молчание, быстро встав из-за стола и подойдя к ним с объятием.

— Ярнил, — одноногий положил руки ему на плечи, вглядываясь в лицо. — А ты поседел...

— Знаю, Брегор... Да и ты изменился с нашей последней встречи.

— Да, тогда вторая нога была при мне...

— Садись, Брегор. Садись и ты, почтенный Кейрн. Не будем тратить время на слова.

— Ярнил, отчего вестник не сказал мне... — начал было аксанир, но Берен перебил его:

— Оттого что я не велел. Не будет пира встречи, друзья, не будет торжества — я уеду, как и приехал, тайно.

— Ничего себе тайно! Амон Обел гудит, как растревоженный улей: горцы отнимают трэлей у халадинских купцов.

— Это — свободнорожденный мальчик, — нахмурился Берен. — Алдад хотел сделать его рабом против закона.

— А стоит ли он того, чтобы нам ссориться с Халдиром? Ты знаешь, как он прислушивается к этому торгашу?

— Через таких, как этот торгаш, проникает к нам Моргот, — тихо и зло сказал Берен.

— Ты готов обвинить его, ярн? У тебя есть доказательства...

— Я не о том, о чем ты, Кейрн. — Берен поднял руку. — Нет, я не думаю, что Алдад —

соглядатай Моргота. Но ради собственной выгоды он готов пойти против совести. Если кто и приведет к нам Моргота — то такие как он. А мы и сами того не заметим.

— Они могли убить тебя, ярн — проворчал Брегор. — Ради паршивого мальчишки...

— Да, ради паршивого мальчишки! — Берен стукнул ладонью по столу. — Я десять лет дрался ради таких, как он, паршивых мальчишек. Равно как ради паршивых баб и паршивых стариков со старухами. И намерен драться ради них дальше, потому что там, за горами, таких паршивых еще до хрена. Если не имеет смысл драться из-за этого мальчишки — то почему имеет смысл драться из-за тех? Если не стоит драться с поганым торгашом, готовым всех объявить своими трэлями — то почему стоит драться с Морготом, который делает то же самое? Хэлди Брегор, или ты со мной везде — или прости, что мы тебя потревожили.

Он обвел глазами всех присутствующих, и склонил голову.

— Я был резок. Простите. Брегор, Фритур, вы старше и мудрее. И один, без вас, я ничего не смогу. Как и раньше не мог. Но даже если я буду один — я вернусь и буду биться за них. Потому что я голодал — и они давали мне хлеб. Я замерзал — и они давали мне кров, я был оборван — и получал одежду, был ранен — и меня выхаживали, хотя за помощь мне орки могли убить всю деревню. Я не могу их бросить. Хэлдайн, эмил, вы знаете, что там, за горами, уже три года каждый обязан остригать волосы? Каждый из беорвейн (10). И тебе, мама, пришлось бы, и тебе, почтенный Фритур... И мне пришлось однажды... — Берен потер ладонью загривок. — Я ненавижу таких как Алдад.

Некоторое время все потрясенно молчал, осознавая унижение, которому Берен подвергал себя, притворяясь рабом.

— Ярнил, — сказал наконец Фритур. — По твоим глазам я вижу, что ты вернулся не просто так. И не просто так созвал нас сюда тайно. Это нечто гораздо более важное, чем возможная распря с халадин — говори же, мы слушаем и более не будем перебивать. Прости нас, стариков — мы помним тебя еще юношей, весьма разумным, но сверх того — страстным. Мы еще не привыкли к мысли о том, что ты — мужчина, наш повелитель, и что мы должны принести тебе беор.

— Погоди говорить о беоре, пока не знаешь всего, мудрый Фритур. — Берен налил себе медового взвара, чтобы промочить горло перед долгой речью. — Отец сказал как-то, что самое лучшее, что может сделать вождь, бессильный спасти свой народ — это умереть за него. Пока у меня не было надежды, я тоже так думал. Но теперь надежда есть. Мы можем вернуть себе Дортонион. Если мы окажемся способны на одно, настоящее усилие — мы вернем Дортонион.

— На что же ты полагаешь свою надежду, сын? — спросила Эмельдир.

— Следующей весной Саурон нападет на Хитлум. Он подставит спину, и, будь я проклят, мы в нее ударим. Мало кто бывает таким беззащитным как облачающийся в доспехи воин; армия на марше — то же самое. Я знаю, мы привыкли считать честным открытый бой, но... мы не сможем его дать. А сдаваться без боя я не намерен.

— Какой же будет армия у Саурана? — спокойно спросила Эмельдир.

— Я полагаю, двадцать пять-тридцать тысяч копий, — встретил ее взгляд Берен.

— Это невозможно, — Брегор сгорбился. — Ярн, даже нежданном ударом в спину такую армию не разбить. Ты еще не знаешь, как мы здесь живем, так я тебе скажу: мы не можем держать свое войско. Шесть лет тому, когда Тху взял Тол-Сирион, новая орда гламхот прокатилась через эти земли — и с тех пор они нам не дают покоя. Года не проходит, чтобы не сожгли посевы, не угнали несколько стад, не вырезали село-другое — а ведь мы держим

границу, ярн, держим как можем; нам помогают эльфы Государя и эльфы короля Тингола, но их, сволочей, слишком много... Я тебе скажу, сколько мы можем выставить оружно: три тысячи. Из них, может быть, четыре сотни — верхами. Все.

— А что с теми, кто служит князю Маэдросу? Сколько их, как они обучены?

— Говорят — три-четыре тысячи, — сказал Фритур. — Вооружены и одеты в доспех за нолдорский счет. Но они не могут оставить князя Маэдроса, ярн. Это было бы бесчестно. Он дал нам приют, пищу и кров, когда орки осаждали Амон-Химринг. Нельзя оставлять его прикрывать Аглон без нас.

— Если мы добьемся своего, у него пропадет надобность в защите Аглона, — Берен понимал всю слабость своего довода.

— А если нет? — нахмурился Фритур.

Берен потер лоб и взъерошил волосы.

— Я должен попросить совета у государя Финрода. Завтра мы поедем к нему — я, ты, Брегор, и те фэрривейн, что встретили меня. Без его помощи все равно ничего не выйдет. Я должен, если это возможно, встретиться с князем Хадором и с самим Государем Фингоном.

— Хадор убит, — сказал Брегор. — Погиб при Эйтель Сирион.

— Память и слава, — сказал Берен. — Тогда с Галдором Высоким...

— И Галдор погиб, — покачала головой Эмельдир. — Хурин теперь княжит в Хитлуме. Морвен вышла за него замуж.

— Морвен? — изумился Берен. — Наша Морвен? Хэльгавен? Она же... Ей...

— Восемнадцать, — улыбнулась Эмельдир. — Уже восемнадцать, сын мой.

— Давно они?...

— Год тому, хотя они узнали друг друга раньше. Хурину тогда было пятнадцать. Вскоре после этого напали орки... Хурин и Хуор пропали без вести, все думали — убиты, но через год они вернулись, и оба молчат — откуда.

— Ходят слухи, что из Гондолина, — вставил Брегор. — Но наверняка никто ничего не знает.

— Хурин посватался к ней сразу после возвращения, а я была свадебной матерью, потому что Урвен мы до Бретиля так и не довели: ее, бедняжку, ранило отравленной стрелой. Морвен или на сносях, или уже родила. А твой дружок Роуэн женился на дочери Гортонна.

— На которой? На Лит-Красноперке? Этой тощей?

— Ну, она не такая уж и тощая теперь, — улыбнулся в усы Фритур.

— Но чтобы Роуэн? Женился? Где-то дракон подох, не иначе...

— Говорят, что Фарамир застал его со своей дочерью в таком положении, что Роуэну оставалось только жениться — или распрощаться с тем, что отличает мужчину от женщины.

— Да, Гортон всегда был скор на руку... — Берен снова по старой привычке запустил пятерню в волосы надо лбом, пригладил их, на миг придавая видимость порядка. — Итак, хэлдайн, тинга собирать не нужно. Пусть как можно меньше народу знает, что я здесь. Откуда-то протекает водичка, и течет она к Саурону, а я хочу подольше оставаться для него мертвым. Я уже связал словом тех, кто подобрал меня на дороге — а свой диргол оставлю тебе, матушка. Берен Беоринг появится на земле своего отца — а здесь пусть странствует Эминдил Безродный.

— Как хорошо соткано, — Эмельдир приняла от него плащ, разгладила руками тонкую шерсть. — И кто же эта девушка, сынок?

Берен помедлил — а потом решил: чего, собственно, тянуть, если рано или поздно до Бретиля все равно дойдет...

— Лютиэн, дочь короля Тингола...

Все застыли. Брегор от изумления приоткрыл рот.

— Меня занесло через Завесу Мелиан в Нелдорет, сам не знаю как... Там я встретился с Лютиэн Тинувиэль, мы полюбили друг друга и дали друг другу слово...

Эмельдир села, комкая край диргола, не зная, что и говорить. Наконец произнесла:

— Скажи, что это неправда. Что это одна из твоих бессердечных шуток.

— Это правда, эмил.

Эмельдир снова надолго замолчала. Конены сидели ни в тех ни в этих.

— И в мыслях у меня не было никогда войти в родство к такому высокому эльфийскому владыке, — сказала наконец княгиня. — Сомневаюсь, что и Тингол собирался с нами породниться. Так ты посватался к ней?

— Можно и так сказать... У эльфов нет обычая запрещать женщине избирать себе мужа... Мы с Лютиэн — муж и жена перед ликом Единого.

Фритур взялся за голову.

— И что же Тингол ответил на твое сватовство, ярн? Благословил ли он ваш брак?

— Он послал меня к Морготу, хэлдайн. И мне придется идти.

— Если это все-таки шутка, Берен, то из рук вон плохая.

— Какие тут шутки, матушка... Тингол потребовал Сильмарилл за руку своей дочери. Я обещал его принести. Значит, пойду за ним к Морготу.

Эмельдир снова долго сидела молча.

— Тебе мало было врагов по ту сторону гор? — спросила она наконец. — Ты делаешь их и по эту? Могущественных врагов, Берен... Тингол, а следом — и сыновья Феанора... Теперь понятно, отчего ты не испугался вражды с Халмиром — что тебе теперь какой-то Халмир... Ответь, хиньо (11), — тебя никогда не волновали обычные девушки и женщины? Смертные, незамужние или на худой конец вдовы? Почему из всех юбок на свете ты обязательно выбираешь ту, из-за которой можно лишиться головы?!

— Неправда твоя, матушка. Ту, из-за которой стоит лишиться головы.

— Я надеялась, что ты останешься со мной хоть на какое-то время... Надеялась, что возьмешь себе жену, а я успею приласкать внуков...

— ...Прежде чем я уйду на север, а вскоре — и на Запад? Темные времена настали, и очень многим женщинам так и не придется приласкать внуков. Смирись, мать. Ведь ты смирилась бы, если бы я так и не вернулся...

— Но ты же вернулся! И, получается, вернулся лишь затем, чтобы рассказать, какую опрометчивую и безрассудную клятву ты принес. Ты говоришь о наступлении Саурона на Хитлум — и затеваешь ссору с эльфийским государем, дружба с которым нам нужна едва ли не больше всего. Ты знаешь, что он может приказать нам покинуть Бретиль, потому что это его земли? Почему каждый раз, когда ты вспоминаешь, что есть у тебя между ног, ты забываешь, что есть у тебя на плечах?

— Матушка, — тихо сказал Берен, и Брегор вспомнил, что его тезка, Брегор Бешеный, дед Берена, точно так же говорил тихо в тот миг, когда готов был убить; и что Барахир Справедливый тоже понижал голос, когда бывал задет. В юности Берен был больше похож на деда — сделали его походим на отца годы лишений?

— Матушка, не нужно так. Если бы не она — я, может статься, не донес бы свою весть.

Я был безумен и беспамятен как зверь. Она вернула мне жизнь и разум, я люблю ее и получу у Тингола ее руку либо погибну. Больше я об этом говорить не желаю. Если вы ответите мне отказом, у меня будет только одна просьба: не разглашать тайны.

И снова все замолчали. Потом Эмельдир поднялась.

— Что ж, быть посему, — сказала она. — Ты упрям, как твой отец и оба твоих деда — по меньшей мере тебе хватит гордости не повернуть назад. Дай мне свои руки, сынок...

* * *

Утро третьего дня застало их на границе Талат Дирнен. День был пасмурный, моросил мелкий частый дождь. Гили, до предела утомленный скачкой, вдобавок еще и мерз.

— Все, ярн, — Рандир Фин-Рован остановил коня. — Дальше ехать нельзя. Здесь без разговоров: одна стрела под ноги, другая — точно в горло.

— Бывает, что и в глаз, — заметил Брандир Фин-Роган, сын Брегора.

— Чтоб шкуру не попортить? — усмехнулся Берен.

Горцы хохотнули. Гили попытался улыбнуться. В присутствии этих невозмутимых мужчин он еще отчаянней трусил. Когда Берен спросил, хочет ли Гили сопровождать его к Талат Дирнен в качестве слуги и оруженосца, Гили, не раздумывая, ответил «Да» — так ему хотелось увидеть эльфов, а самой большой и неизбывной надеждой было попасть в их тайный город и увидеть Короля. А вот теперь он боялся, что их не узнают и расстреляют, и клял себя за опрометчивое решение.

— Как вы думаете, нас заметили?

— Давно заметили, господин.

— Тогда не переходите границу. Останавливайтесь здесь и ждите меня. Ждите... три дня. Если не появлюсь — возвращайтесь и скажите госпоже Эмельдир, что... я был неправ.

— Лорд, — Брегор протянул руку, но так и не решился взять Берена за плечо. — Вардой тебя прошу, не езд. Какими глазами я посмотрю твоей матери в лицо, если ты не вернешься? Дождись короля Финрода в Бретиле, он наезжает примерно раз в месяц.

— Нет, Брегор. Я выбрал.

Берен спешился и передал поводья Гили.

— У меня будет неопишимо дурацкий вид. Надеюсь, мои вассалы, никто из вас не станет смеяться надо мной. *Cuio nin, mellyn!*

— *Cuinah, earn (12).*

Берен развернулся и зашагал по высокой, до бедер, мокрой траве, которую никогда не тревожили ни табуны, ни стада. Осевшая на ней морось осыпалась брызгами. Сердце бухало. После скачки идти было приятно — он успел порядком отвыкнуть от верховой езды — но через две сотни шагов пришлось перевести дыхание.

— Особенно будет глупо, Дагмор, если меня и не застрелят, и не пропустят, — сказал он себе под нос. — Если буду целый день стоять как дурак и орать: не стреляйте, мол, я Берен сын Барахира... В Дориате хоть собственные подданные в затылок не дышали.

Он глубоко вздохнул и пошел дальше, и тут ему пришла в голову мысль запеть. Может быть, его примут за безумца — но уж никак не примут за врага.

Он вспомнил, как танцевала на поляне Лютиэн — и, вскинув руки, начал щелкать пальцами, отбивая нехитрый ритм дорожной песни. Слова рождались сами собой.

Паденьем камня рожден обвал,
И я один бреду в лунном свете,
Среди мерцанья бесчисленных звезд
Над той землей, где я сердце утратил
Терновник ветви над луной
Печальной аркой переплел
Я гибну без тебя...

Я гибну без тебя!!!

Забыл я путь в родимый край,
Затерянный в ночи -
Я грежу о тебе...

А вздохи в сумрачных долинах -
Как эхо песен древних, длинных,
И что ни песня — о тебе,
Каждый шаг мой — о тебе!
Что ни шаг, что ни звезда -
Песок иссохшего потока
Как давно?

За цепью Синих Гор была
Страна великих королей.
Столицы их лежат в руинах
И ветер воет среди камней.
И вот вся наша жизнь,
И вся цена людских стремлений.

Я назову весь мир тюрьмой,
Коль станешь ты чужой женой -
Но стены мира упадут,
Ты только закричи...

Я грежу о тебе.

И что вся жизнь моя?
Тоска и одиночество.

Все богатства мира,
Все, что видел я -
Ничто без тебя.

Свобода — это плеть,
Победа — это смерть
Без тебя...

Паденьем камня рожден обвал,
И я один бреду в лунном свете,
Среди мерцанья бесчисленных звезд
Над той землей, где я сердце утратил
Терновник ветви над луной
Печальной аркой переплел

Я гибну без тебя...

Я гибну без тебя!!!

Вот двери сердца моего,

а вот тебе ключи.

Забыл я путь в родимый край,

Затерянный в ночи;

И стены мира упадут — ты только закричи...

Я грежу о тебе...

Я грежу о тебе.

Едва песня окончилась, пришлось остановиться: стрела, по высокой дуге поднявшись в небо, вонзилась в землю на расстоянии двух саженей справа, полностью исчезнув в траве.

— Daro! (13) — донеслось откуда-то издалека.

Подняв правую руку с кольцом Фелагунда, Берен крикнул в сторону подлеска в ста шагах от него:

— Im Beren no-Barahir! Cermin govadeth men aran Finrod! (14)

Не дождавшись ответа, он сделал еще несколько шагов вперед. Ноги стали какими-то неуклюжими, в животе заныло. Насколько все-таки проще идти на видимого, пусть даже многочисленного и страшного, противника...

— Avo im deginag! — Берен раскинул руки. — Dernin! (15)

Он застыл на месте, подняв вверх руку. Жаль, что день такой пасмурный — на солнце кольцо сияло бы что твоя звезда.

— Govado, mellyn! (16) — крикнул он, размышляя, сколько еще придется драть глотку прежде чем друзья соизволят подойти.

К его удивлению, из подлеска сразу же вышли двое. Один держал в руках лук с наложенной стрелой, второй вытащил меч из заплечных ножен.

— Я — Берен, сын Барахира, — повторил он, когда пограничники приблизились. — Мне нужно попасть в Нарготронд, к королю Фелагунду. Очень важно для всех: для него, для вас, для меня.

— Они? — спросил эльф с луком, кивнув в сторону его спутников.

— Они будут ждать меня здесь, не переходя границы.

Эльф взял руку Берена, рассмотрел кольцо.

— Идем, — сказал он. — Я — Дирхавель.

— Я — Бронвегир, — сказал второй. — Сейчас тебе подведут лошадь и завяжут глаза. Не пытайся снять повязку, пока тебе не позволят. Если тебе что-то будет нужно — проси.

Большую часть времени они ехали неутомительной мелкой рысью. Сначала морось сменилась редкими, но крупными каплями, по звукам и запаху Берен почувствовал, что они едут через лиственный лес. Потом они въехали в ущелье, где шумел ручей; пересекли его и какое-то время петляли по склонам и долинам, после чего оказались в пещере или туннеле, прорытом водой. Миновав это пустое, гулкое место, долго ехали по речке, по бабки в воде. Склон стал круче, лошади пошли шагом. Наконец, они снова оказались в ущелье, которое привело их ко второй пещере — еще более гулкой и темной, чем первая. Здесь было много народу; сколько именно — определить не удавалось: слишком шумное эхо. Несколько раз на пути эльфы перебрасывались парой слов с другими дозорными. Никто не интересовался, кого везут с завязанными глазами, никто не заводил бесполезных разговоров. Именно в пещере их в последний раз остановили, и Берену разрешили снять повязку.

Пещера была чем-то вроде кордегардии. Дирхавель провел Берена к начальнику стражи, и тут горцу повезло: этим начальником был Эленихир, знакомый по Ущелью Сириона. Берена он узнал в лицо, хотя с тех пор горец здорово изменился. Выслушав его просьбу, лично проводил в гостевые покои и пообещал устроить встречу с королем сегодня же.

Вдоль стены шел каменный выступ, распространявший по комнате тепло. Берен разложил на нем мокрый плащ, пододвинул стул с повешенной на спинке курткой, поставил под него сапоги, лег на застеленную кровать и уснул как сурок. Торопиться было некуда: эльфы крайне редко, только если время действительно поджимало, принимали гостей и гонцов прямо с дороги, не дав им прежде отдохнуть, отмыться и подкрепиться.

Когда Берен проснулся, чутье подсказало ему, что он находится довольно глубоко под землей, а на земле уже предзакатная пора. В зале королевского совета он в этом убедился: небо, видимое из окна в куполе, отливало червонным золотом.

После великолепия Менегрота аула Нарготронда казалась скромной. Не сразу Берен заметил, что ступает по мозаике из опалов, гранатов и бирюзы.

Он шел по широкому проходу, прорезанному меж поднимающихся к стенам ярусов. В конце прохода лежал полукруг, где были расставлены кресла. Из них сейчас занятым было лишь одно: то, что в середине, как раз напротив прохода.

Выпрямившись, вложив все достоинство в каждое свое движение, Берен подошел к этому креслу и преклонил колени перед высоким эльфом в длинных, цельнотканых королевских одеждах и с серебряной короной на золотистых, буйных волосах.

— A Iaita, Findarato Ingoldo Atandil! Я, Берен, сын Барахира, пришел вернуть тебе твоё кольцо, данное моему отцу в Болотах Сереха десять лет назад. Я в беде и прошу у тебя совета и помощи.

— Здравствуй, Берен, — ответил король. — Я помню и Барахира, и тебя, и кольцо, и слова, в залог которых оно было дано. Оставь его себе и раздели с нами ужин.

* * *

Работа находилась в завершающей стадии: мрамор обрабатывали тончайшим алмазным порошком, доводя до атласной гладкости. Плечи, руки, спина, лицо и одна грудь каменной женщины уже матово поблескивали, остальное ждало своей очереди. Берен всмотрелся в мраморные черты красавицы, единственной одеждой которой были ее волосы. Когда он входил в мастерскую, фигура — со спины — была первым, что он увидел, и сердце болезненно стукнуло: во всем своем совершенстве перед ним стояла Лютиэн. Но, увидев лицо статуи, он успокоился: ничего общего с дочерью Тингола эта эльфийка не имела.

Личные покои Финрода были в первую очередь мастерской, потому что Финрод был в первую очередь Мастером. На верстаке и на полках стояли алебастровые изваяния, послужившие для статуи прообразом, те или иные черты ее проглядывали в гипсовых осколках, сваленных в ящик для мусора. Казалось, что статуя изваяна на одном дыхании — но множество этих изображений были свидетелями долгих раздумий и тяжелого труда. Прорабатывалась каждая мелочь: завиток волос, поворот головы, положение рук...

Другая половина комнаты предназначалась для жилья. Берен в очередной раз попытался

определить отношение эльфов к богатству и роскоши. Здесь были вещи, стоимости которых он не мог даже представить себе — например, ореховый стол с крышкой из гладкой, в дюйм толщиной обсидиановой плиты, внутри которой, наверное, сам Аулэ нарисовал немыслимую картину: диковинные деревья, взволнованное море и облака... Кресла с резными спинками, золотой письменный прибор — нолдор любили золото главным образом за легкость в обработке... Прибор для заварки квенилас — драгоценная белая оссириандская глина, что ценилась дороже серебра... Да, здесь было много вещей дорогих и даже бесценных, но не было предметов, совершенно ненужных, занимающих место не потому что они радуют глаз или облегчают жизнь, а потому что вместо одной перины лучше иметь две, а вместо двух подушек — четыре.

Это было присуще не только Финроду, но и всем эльфам: отлично умея сделать свою жизнь настолько легкой и удобной, насколько это вообще возможно, они не отягощали ее ненужными вещами, и, когда наступал час, не задумываясь, бросали все эти радости, меняя их на жестокие лишения и риск. И никто ни разу не слышал от эльфа хотя бы единого слова жалобы или упрека. Эльфы не роптали на судьбу — то ли, в отличие от людей, не находили в этом облегчения, то ли считали ниже своего достоинства.

Финрод появился бесшумно — а может быть, уже давно вошел, и тихо сидел в кресле, не мешая Берену разглядывать висящее на стене оружие — точнее, один из мечей, подвешенный как раз под гербовым щитом: короткий, широкий, что твоя лопата, совсем непохожий на расположенные рядом изящные эльфийские клинки — из бронзы, а не из стали, без эфеса, без украшений, рукоять плотно обмотана засаленным кожаным шнурком. Берен знал, чей это был меч, и знал, что Финрод пристроил его здесь, потому что это был клинок достойный, хотя и неказистый, и сейчас в настоящий бой не годный...

Он обернулся — и заметил короля.

— Прости, государь... — Берен смутился. — Я... засмотрелся тут. Есть на что посмотреть...

Финрод был в той же одежде, что и в зале совета, и в трапезной — только уже без цельнотканой накидки, без украшений и без обуви: во внутренних покоях, застеленных коврами и циновками, эльфы ходили босиком.

— Садись, — король показал на кресло у камина. — Ты сказал, что хочешь совета и помощи. Рассказывай.

И Берен начал рассказывать, во многом повторяя то, что было рассказано Эмельдир и вождем, но многое и прибавляя — потому что ряд вещей ни Брегору с Фритуром, ни матери рассказать было нельзя.

— Как ни дико то, что я сейчас скажу, Король, но это правда. Самое страшное началось тогда, когда они перестали нас убивать. Шесть лет бесчинствовали орки, а потом появились эти... Сами себя они называют рыцарями Аст-Ахэ, по-простому их зовут черными рыцарями. Они начали защищать людей. Вешали особенно распоясавшихся орков, бесчинных мытарей... Все то, что раньше делал я. Есть даже женщины — лечат людей и скотину, пробуют учить грамоте. Тех, кто согласен учиться у них, освобождают от рабской доли. И среди них... Среди них есть дети, которых восемь-десять лет назад забирали в Ангамандо. Понимаешь, их ведь отбирали у матерей насильно — мы думали, что их там чуть ли не заживо едят... А они возвращаются — красивые, статные, в хороших доспехах и черном платье... Вот прихожу я, узнаю, что оровичий отряд выгреб весь запас в деревне и обрек всех на голодную смерть — догоняю гадов, отправляю на тот свет и возвращаю людям

отобранное; и они потом трясутся от страха — сожгут их деревню или нет, и если сожгут, то вместе с ними или так. А вот приходят они, делают то же самое — и люди спят спокойно. Их мало, десятка три, не больше, на весь Дортонион — но они ведут себя так, словно за ними сила. И я не знал, что с ними делать. Их было трудно убивать. Не только потому что они хорошие бойцы. Я убивал орков — и люди стояли за меня горой, я убивал этих — и терял людей так же верно, как если бы их угоняли на север... Тянулось это с год, и однажды я решил...

Берен запнулся.

— Решил отправиться туда, где они обычно живут, бросить вызов и умереть? — спросил Финрод.

— Ты благороден, мой король. Нет, я решил иное. Решил проникнуть в Минас-Моркрест и перебить столько из них при этом, сколько смогу. Но, пробравшись в замок, я встретил человека, который объяснил мне, что к чему... Он — один из моих коненов, уставших жить в страхе и унижении... — Берен рассказал всю историю подробно, потому что не собирался скрывать и дальнейшего; не упомянул он лишь имени Мэрдигана.

— ...Как только он сказал это, у меня словно в голове все встало на место. Все разрозненные сведения соединились — как на нолдорских коврах-загадках внимательный глаз видит картины в сплетении линий. Весна, Хитлум... Вот, почему они перестали убивать нас. Моргот и Саурон играют в горячку и смерть. Человек, который видит смерть, готов смириться с горячкой. Все стерво, терзавшее нас десять лет, Саурон поведет на Хитлум, а к нам придут добрые рыцари Моргота. Дети нашего народа, ставшие оборотнями.

Финрод помолчал, обдумывая его слова, потом попросил:

— Рассказывай дальше.

Берен проследил его взгляд, наверняка отметивший и рубцы на запястьях, и серебряную пряжку — цветок нифредила на плече. Что ж, он и не собирался ничего скрывать от своего короля.

— Государь, после того, что я тебе расскажу, ты можешь забрать свою клятву назад и выгнать меня вназад, но скрывать это от тебя я не могу и не хочу, ибо ты не чужой и мне, и...

Берен рассказывал про свои странствия, про Дориат, про заточение и встречу с Лютиэн, про свое внезапно вспыхнувшее чувство и ее ответный порыв, про сватовство и безумное требование Тингола... Финрод слушал с непроницаемым лицом, и Берен умолк, не зная, что говорить дальше.

Тишина воцарилась невыносимая.

— И ты поклялся принести Сильмарилл? — спросил наконец Финрод.

— Пообещал. Не спрашивай, почему, государь. Я обещал бы выкрасть звезду с неба, лишь бы получить хоть тень надежды... Стоя над могилой отца, я поклялся мстить, пока не дойду до врат Ангбанда, и если мне судьба до них дойти — то почему бы и не принести Сильмарилл, а если судьба погибнуть — то... без нее не жить.

— Даже так?

— Даже так. Финрод, государь мой, мне больно уже от того, что я ее не вижу. Закрываю глаза — она передо мной; засыпаю — и слышу ее голос. Это, наверное, похоже на то, что испытали вы, когда погасли Деревья. Это... — горло сдавила судорога рыдания.

— ...Невыносимо, — подсказал Фелагунд.

Слезы навернулись — жгучие, перехватившие дыхание. Недостойные мужчины... И —

неостановимые. Одну-две предательские капли можно было бы смахнуть, прикинувшись, будто стискиваешь пальцами виски, унимая головную боль. Но этих капель было гораздо больше. Берен отодвинул стул, отошел к оконному проему, подставил лицо ветру, вцепившись в мраморную резьбу колонны, кусая костяшки пальцев. Успокоиться удалось через минуту. Все это время он чувствовал спиной взгляд Финрода.

— Прости, король мой Ном, — сказал он, возвращаясь к столу. — Как я уже сказал, я готов освободить тебя от твоей клятвы. Я нажил себе недруга — короля Тингола, и не хочу, чтобы ты с ним ссорился. Я рассказал тебе то, что велит мне долг. Надеюсь, в делах войны мы будем союзниками, ведь речь идет о твоих владениях... — Берен понимал, что несет чепуху, но не знал, как остановиться.

— Берен, — мягко прервал его Фелагунд. — Слово эльфийского короля — это слово эльфийского короля, не больше и не меньше. Тысячи эльфов доверяют мне именно потому что я не привык забывать о своих словах. И не собираюсь начинать с тебя, пусть даже ты это мне великодушно позволишь. Ты нажил себе недругов куда более опасных, чем Тингол. Во-первых, Моргота, во-вторых, сыновей Феанора. Келегорм и Куруфин после Дагор Браголлах живут здесь — ради их прежней дружбы с Аэгнором и Ангродом я дал им и их народу приют. Ты знал об этом?

Берен покачал головой.

— Так я и в твой город бросил камень раздора, — сказал он. — Теперь я вижу, что лучше бы мне уйти.

— Не вздумай, — сказал Финрод. — Не делай меня клятвопреступником.

— Ты не клялся из-за меня входить во вражду с родичами.

— Посмотри на меня.

Берен поднял глаза.

— Я вспоминаю тебя юношей, — тихо сказал Финрод. — И тот день, в болотах Сереха, когда я уже не надеялся пробиться к Ангродовым Гатям и ждал только смерти. Больше нее я боялся лишь плена. Я слышал голоса из-за протоки: «Того, с арфой и факелом в гербе — брат живым!». Друзья советовали мне снять нарамник, чтобы в битве оказаться неразличимым. Я не мог. Я приготовился к худшему, как вдруг услышал дрожь земли под копытами и юный голос крикнул клич: «Райадариан!» (18). И сотня других голосов подхватила его, и меч сверкнул на солнце — а потом опустился на чей-то шлем, и конь юноши проломился сквозь ряды врагов, а за ним скакали другие, пробивая нам путь к отступлению из гиблого места... Ты случайно не помнишь, кто был этот молодой воин?

Берен смутился до красноты.

— Я сделал не больше, чем велел мне долг твоего вассала и сына своего отца.

— Ты сделал все, что мог, и клянусь, Берен — я сделаю все, что могу. Не больше и не меньше. Ты понимаешь, какие силы разбудил? Помянуть Сильмариллы, пожелать их — значит прикоснуться к проклятию. Тингол призывал лавину на твою голову, но вызвал — на свою. Я знаю, и ты знаешь, что его клятва — всего лишь способ послать тебя на верную гибель. Но слово было сказано, и его не вернуть.

Финрод вздохнул, поиграл заточенным гусиным пером, потом легко, как дротик, бросил его на стол.

— В свете Дерев все виделось таким, каким оно есть, — сказал он. — И Сильмариллы сохранили этот свет. Я верю, что проклятие снимет тот, кто пожелает Сильмариллы не для себя. Кто готов будет от них отказаться. Я давно ждал, когда появится такой эльф или

человек. Это время испытаний не только для тебя — для всех нас.

Огонь в камине догорал. Финрод взял с полки небольшую, изящную бронзовую жаровню, отлитую явно гномами, маленьким совком насыпал в нее углей из камина, добавил щепок — те занялись пламенем.

— Государь, я хочу спросить тебя... Пообещай мне, что расскажешь.

— Хорошо, — не сразу ответил Финрод. — Я даю тебе слово. О чем ты хочешь знать?

— О Морготе. Мелькоре. О том, каким он был. Ты ведь встречался с ним и разговаривал как вот сейчас со мной, а больше спросить мне не у кого...

Финрод немного помолчал, потом зачерпнул воды из ведра и поставил ковш на угли. Шипение, легкий клубочек пара...

— Зачем тебе? — спросил Фелагунд, глядя в огонь.

— Можно ли его полюбить? Избрать его по доброй воле, не по принуждению, и не из корысти и жажды разрушения?

— Да, — твердо и коротко ответил Финрод.

— Этого я и боялся, — признался Берен. — Эти, черные рыцари — они любят его, государь Ном. И они не одурманены, не околдованы, они такие же люди, как и мы. Я не могу понять, в чем дело. Прежде мне казалось, что слуга Моргота — это разрушитель, убийца и насильник; что служение ему так же отвратительно, как и любое преступление. Но вот пришли такие его слуги, с какими я не постыдился бы оказаться в родстве... Отважные, честные, милосердные. И все-таки я чувствую, что покончить с ними так же важно, как покончить с орками. Что чем-то они еще хуже орков. Неужели имена важнее, чем сущность? И то, кому ты служишь, важнее того, что ты делаешь? Мне было очень трудно в этот последний год: я говорил себе, что сражаюсь во имя своего народа, сражаюсь с теми, кто делает его жизнь невыносимой... А потом все чаще выходило так, что жизнь народа делал невыносимой я. Расскажи мне о Мелькоре. Я хочу научиться понимать тех, кто думает, будто его именем можно делать добро.

Финрод на какое-то время задумался, потом сказал:

— Мы были беспечны. Случается, что одаренный сверх обычного еруhin... (19) или даже Вала... привыкает, что ему все легко удается. И начинает вменять это себе в заслугу — хоть и не сам он себя создал. Рано или поздно он сталкивается с настоящим препятствием и терпит первое поражение. Если он достаточно силен, он видит в этом урок. А бывает и так, что впадает в отчаяние и злобу. Но даже если этого не происходит, он отвыкает доделывать начатое до конца, оттачивать до последнего штриха... Кропотливый рутинный труд, который необходим на определенном этапе, ему становится ненавистен. Привыкнув получать все с наскока, с замаха — он опускает руки, когда творчество страсти кончается и нужно пересилить себя, чтобы завершить начатое. Нам, холдор, это легче понять, чем другим...

Финрод снял с огня закипевшую воду и в забавном кувшине с носиком заварил квенилас. Терпкий, дразнящий аромат поплыл по комнате, щекотнул нос Берена.

Эти сушеные листья привозили с юга фаласские и нимбретильские эльфы, а покупали они их где-то в такой неопикуемой дали, что Берен и представить себе не мог. Листья были любимы и ценимы эльфами за то, что их отвар придавал бодрость и одновременно — успокаивал. От эльфов напиток пошел по всем народам Белерианда, а те пили его на сотню разных способов: смешивая с другими травами, забеливая молоком, заедая медом, подслащивая кленовым сиропом... Эльфы же готовили чистый отвар, заливая пять щепотей

листа пинтой воды, и пили его настолько горячим, насколько это было можно.

— Таков был Мелькор, — наконец сказал Фелагунд. — Эльфы не застали дней Творения, но кое-что нам рассказывали, а кое-что я видел своими глазами. Он был и оставался страстным творцом. Когда что-то захватывало его, он мог трудиться, не зная отдыха, но едва очертания замысла становились ясны, как его одолевала скука и он бросал начатое ради новой страсти. Валар не скрывают, что именно он создал огненное сердце Арды. Возможно, все было бы не так плохо, окажись он менее ревнив к своему творению. Он не умел довести его до конца — и не хотел позволять этого другим, готов был скорее разрушить. Он действительно был очень близок к нам, нолдор, и творил с той же страстью... Для начала, я полагаю, он сотворил себе тело — еще до того как предстать перед судом, потому что перед Манвэ он стоял уже в том облике, который я знаю. Он был хорош собой, высок, статен... Если это слово применимо к fana (20), я бы сказал, что его fana было нарядным, и этот наряд он носил почти небрежно. Все айнур старались выглядеть как мы, чтобы не смущать нас и не пугать, но Мелькор и в этом превзошел их всех: он действительно выглядел как нолдо, не отличить. Правда, волосы его были снежно-белыми: очень редкий цвет среди нас. Одновременно и походить на всех — и отличаться; это он умел...

Заворачивая кувшинчик в ткань, чтобы он не остыл, Финрод продолжал говорить:

— Творчество было его естественным, и он все делал красиво. Без всякого видимого труда. Играючи. Кстати, именно он придумал бросать кости, играя в «башни». Игру делает увлекательной только добавление хаоса, говорил он. Когда все просчитывается до конца, как в «башнях» — это неинтересно. А что ему было неинтересно, то он бросал. Ни разу не делал попыток подступиться к тэлери и их кораблям, посмеивался над ними и мореплаванием — ему это было не интересно...

Финрод расставил чашки и налил квенилас. Горячий напиток должен был жечь руки через тоненькие, просвечивающие глиняные стеночки — но не жег, и причиной тому было искусство гончаров. Берен пригубил, крепкая терпкость связала язык — и ушла, оставив приятное послевкусие.

— Как же так вышло, что нолдор поддались ему?

Финрод, держа чашку кончиками пальцев, смотрел на человека сквозь призрачные струйки пара.

— Для этого нужно понять, какими были мы, и почему мы были такими — третье поколение эльфов, рожденное в Амане...

Прикрыв глаза, Финрод отпил треть чашки маленькими глотками, потом отставил питье в сторону, оперся локтями на стол, а лбом — на сплетенные в замок пальцы; помолчал, вспоминая...

— Мы были самым многочисленным поколением, — сказал он наконец. — У Перворожденных было по одному-по два ребенка, а эти дети, придя в Аман, создавали семьи, где было по пять-шесть детей. Нас зачинали в любви и рожали в радости. Мы пришли на благословенную землю, а отцы и матери подготовили ее к нашему приходу. Ни опасностей, ни горестей мы в детстве не знали. Только смех и любовь. Мы не привыкли встречать сопротивления. И привыкли много и страстно желать. А оказалось, что не все желаемое достижимо. Можно выстроить город, подобный Тириону своей красотой — но нельзя снова построить Тирион, словно впервые... Мы могли многое — но хотелось чего-то одного, про что можно было сказать: это — лишь наше, до нас этого не было! Феанор потряс даже Валар своим творением, мы жаждали потрясти Феанора... Мы хотели всего и сразу, и

не все понимали, почему это невозможно. Мне повезло больше других: я не был одарен их мерой.

— Ном! — от удивления Берен на миг утратил учтивость. — Не может быть... А это? — он повел рукой в сторону статуи. — А твои песни, которые ты слагал для нас?

— Это все пришло здесь, и за это было дорого заплачено. Тогда же я хотел всего даром и молча сетовал на судьбу. Тебе трудно поверить, что я был молод?

Берен знаком ответил «нет», хотя и покривил душой: он действительно не мог представить себе Финрода юным, неопытным и горячим, подобным себе.

— Я бродил по всему Валинору, поступал в ученики к любому, кто соглашался меня взять — Нерданэль, Феанаро, Румилу, Эаррамэ-корабельщику, занимался тем и этим, и нигде не мог достичь той степени умения, где начинается мастерство. Я не мог работать с камнем и металлом лучше Феанора и Куруфина, не умел так как Маглор слагать песни, и мне было далеко до своих двоюродных братьев по матери, когда строились корабли. Единственное, чего мне хватало — это упрямства, и я бросал очередное занятие не раньше, чем достигал в нем потолка, выше которого меня мог поднять только природный дар, а его не было — или я не мог его отыскать. Что меня интересовало по-настоящему — это эрухини, какие они внутри. Разум, душа. Я приходил к ваньяр (21), но был слишком нолдо для спокойного созерцания. Меня любили, как и моего отца, это было у нас в семье — непримиримые в нашем присутствии забывали на время о своей распре. Отец надеялся, что со временем, через детей, примирятся три потомка Финвэ...

Берен слышал в голосе короля живую боль и устыдился того, что вызвал его на этот разговор.

— Именно Мелькор помог мне осознать, что мое проклятие — на самом деле дар.

— Не может быть.

— Но было. Отчаявшись пристать к какому-то делу, я ударился в игры. И «башни» оказались первым занятием, в котором я несомненно преуспел. Здесь мне пригодилось умение проникать в сердце противника. Не вчитываясь в мысли, понять замыслы... Мы долго оспаривали первенство с Маэдром, но в конце концов я превзошел его, поскольку был более упорен. Единственным соперником мне остался Мелькор, мы много времени проводили вместе за доской. Между делом он исподволь наводил меня на мысль, что умение просчитывать ходы и предсказывать ответ противника — это тоже своего рода дар, который в своей слепоте не могут оценить мои соплеменники. Я не проглотил наживку, потому что в Валиноре «башни» считались баловством, забавой. Свое звание первого игрока я невысоко ценил, и пробный бросок Мелькора не удался. Зато второй попал в цель: Мелькор хвалил меня за упорство и стремление проникнуть в суть любого вопроса, он заметил, что, так и не став Мастером ни одного дела, я тем не менее многое познал, и умею больше, чем любой эльф Валинора — пусть не в совершенстве, но вполне прилично. Я не замкнут в узком мирке своего искусства и могу судить обо всем, мои оценки верны — а этого никто не хочет замечать. Мелькор намекнул, что может взять меня в ученики и посвятить в тайны искусства. Настоящего, как он говорил, того, что от нас скрывают Валар. И я чуть было не попался.

— Ном!?

— Тогда я еще не был Номом, «Мудрым», Берен. Я был просто Артафинде (22), которого все любят, но никто не уважает. Кроме друга Мелькора, конечно. А друг Мелькор не упускал случая напечь мне, как я умен и талантлив, и как все другие слепы, если не

замечают этого.

— И ты верил?

— Кто пил бы яд, если бы он не был сладким? Конечно, я верил, тем более что большая часть этого была правдой. Самая опасная ложь — это правда, Берен.

— Я думал, ложь и правда — это разные вещи.

Лицо Финрода внезапно стало жестким, опираясь на стол, он подался вперед:

— Берен, если я скажу, что ты — головорез, нищий, невежественный дикарь, дни которого — пепел, это будет правда или ложь?

Даже внезапной пощечиной Финрод вряд ли сумел бы потрясти или оскорбить его сильнее.

— А ты можешь быть жестоким, король мой, — покачал головой Берен, придя в себя.

— Нет. Я могу быть безжалостным. Есть разница между жестокостью палача — и безжалостностью лекаря, отсекающего зараженную плоть. Рано или поздно кто-то скажет тебе все это. Не для того, чтоб показать, как легко одни и те же вещи оказываются правдой и ложью, а для того, чтобы оскорбить.

— Я понял. И что было дальше? Как ты устоял перед Мелькором?

— «Я устоял» — это неверно: скорее, он ошибся. Один миг решил все. Мы в очередной раз играли в «башни с костями», я впервые его обыграл, и когда Мелькор, подняв глаза от доски, увидел мою радость — искреннюю радость, Берен, выиграть у него было непросто! — его взгляд полыхнул таким гневом, какого я не видел ни в чьих глазах — ни до, ни после. Он сдержался, хлопнул меня по плечу, пожал руку, поздравил — но я уже знал, что первоначальным его движением было схватить меня за горло. И, видимо, он тоже понял, что выдал себя. Больше он ко мне не подступался, у него хватало и других благодарных слушателей. Я знал, что он ревнив к своим творениям, и когда в изобретенной им игре я его превзошел, это больно его задело. Я долго не мог понять, что меня коробит, что не так...

— Он должен был дать волю своей обиде, — неожиданно для самого себя сказал Берен. — Не сдерживать ее. Тогда ты ничего бы не заподозрил.

— Верно. Вместо того чтобы дать волю досаде, он притворился, что нисколько не задет. Но я-то знал, что это не так! Искреннюю вспышку ярости я бы простил, пусть даже не скоро. Но лицемерные поздравления меня оскорбили.

— И ты...

— И я отправился на дальний юг, собирал виноград, нырял за жемчугом... А когда вернулся в Тирион, там все были без ума от новых игрушек Мелькора. Вот этих, — Финрод показал большим пальцем за спину, где на ковре блестело собрание мечей. — Все фехтовали, изобретали новые приемы, совершенствовали оружие и доспех. Нэльофинвэ Майтимо наконец-то нашел себя: в фехтовании ему не было равных, о каком оружии ни говори — наверное, и сейчас нет. И зачинщиком всего этого был, конечно, Мелькор...

— И Валар не открутили ему голову?

— За что? И до его освобождения мы знали оружие. Оромэ учил нас охотиться с копьем, луком и ножом... А фехтование — это же была просто игра. Забава. Мы дрались затупленными мечами, а доспех — это чтобы, упаси Эру, никто не поранился. Валар ничего не могли сделать, пока никто не нарушал законов, пока Феанаро не начал угрожать Нолофинвэ клинком. Но тогда было уже поздно.

— Я думаю, вскорости Моргот пожалел, что выучил вас фехтовать, — сказал Берен.

— Нет, Берен. Он добился своего — мы скоро научились решать дела с помощью стали.

Я не знаю, чего он хотел сначала — взбунтовать нас против Валар или вести на Средиземье, но появление Сильмариллов заставило его изменить все планы. Он пожелал их — во всей своей страстью. Вскоре после создания Камней его речи, поначалу направленные только против Валар, стали сеять рознь и между нами. А мы были готовы... Моргот бросил отравленные семена, но они упали на благодарную почву. Мы хотели новых свершений и новых земель, страна, которую покинули отцы, представлялась нам неизведанным раем, а Валинор — опостылевшим сытным пастбищем за крепкой оградой. Этот поход был предрешен, оставался лишь вопрос — «когда»? Зачем и как — никто не задумывался. Но из-за горячности Феанора первоначальный замысел Мелькора, каков бы он ни был, сорвался. Ему пришлось действовать второпях, все рушилось — думаю, он разозлился и убил Финвэ, чтобы отомстить Феанору за крушение своих расчетов.

— Из его действий невозможно понять, глуп он или умен...

— Он — самый мощный ум Арды, но этим умом всецело правит страсть. Он увлекается новым и забрасывает старое.

— Значит, у него есть свои слабости и его можно бить. Насколько он силен, государь?

— Насколько велик океан? Как горячо Солнце? Я не знаю. Его силам должен быть предел, но я понятия не имею, где он лежит.

— Финголфин схватился с ним щит в щит и ранил семь раз — значит, его можно одолеть в поединке?

— Его тело смертно, подвержено тлену и разрушению, как тело любого из нас. Оно сотворено из вещества Арды, и над ним властны те же законы, что и над веществом. Эти законы устанавливал не Мелькор и нарушить их он не сможет, хоть и тщится. Моргот сотворил себе роа из вещества Арды и полностью воплотился в него ради власти над веществом Арды. И как далеко простирается эта власть — я не знаю.

Берен, затаив дыхание, ждал, что же скажет Финрод, а тот все молчал, погруженный в раздумье.

— Я полагаю, — медленно сказал он наконец, — Моргота победит сам Моргот. Сейчас он уже не тот, что был прежде. Он слабеет день ото дня, век от века, и я, похоже, знаю, почему. В своем творчестве он остался тем же ревнивцем. Он так и не понял главного: завершённое творение не есть собственность творца. Отделившись, оно должно жить своей жизнью, иначе погибнет... Моргот же не хочет делиться. Однажды создав ядро Земли, он продолжает считать ее своей собственностью, забыв, что она давно населена существами со свободной волей, изменяющими ее лик в меру своего понимания... Чтобы сохранить величие, нужно умалиться.

— Не понимаю...

— Иди сюда! — Финрод распахнул дверь на балкон. — Смотри!

Берен думал, что после Менегрота его ничто не может удивить. Он ошибался.

К чистому озерцу на дне долины террасами спускались улицы Нарготронда, и мало что на свете могло сравниться с этим зрелищем. Невесомые, ажурные арки взлетали над морем зеленых деревьев, стрельчатые шпили соперничали с ними в красоте, те части домов, что не прятались в пещерах, представляли собой причудливые беседки, ни одна из которых не повторяла другую, но вместе они создавали ощущение единого замысла, воплощенного в камень, дерево и металл. Здесь были не фрески, как в Менегроте, а статуи — сотни, тысячи... И все это мерцало разноцветными огнями фиалов и обычных светильников — созвездие Нарготронд на земле Белерианда...

— Я знаю, кто изваял каждую статую, — сказал Финрод, положив руку на плечо Берена, а другой — опершись на перила. — Я могу показать тебе каждый камень, который положил сам — а их здесь тысячи и тысячи. Я назову тебе имена тех, кто трудился над каждым украшением. Эти перила, — он хлопнул ладонью по мрамору, — вырезал Хумли, сын Хундина, камнерез из Белегоста. Еще много его работ в Розовом зале и у фонтанов Звездной Россыпи. Его отец — мастер узорного бронзового литья, перила Радужных Мостов — его рук дело...

— Я верю, — быстро сказал Берен.

— Я вложил в этот город сердце. Я люблю его и готов за него умереть — но скажи, на что он был бы похож, если бы я захотел всей этой красоты для себя одного? Никому не позволил бы жить здесь, или того хуже — все, кроме меня, были бы рабами — моими и города? Берен, это была бы тюрьма. Красота погибла бы — она не нужна рабам, безразлична им. И я был бы занят только тем, что следил, понукал, заставлял и казнил. Все мое время уходило бы на это, все мои силы. И — рано или поздно — я упустил бы что-то из виду, и возник бы мятеж, или, что вероятнее, один из моих рабов, жаждущий стать господином, перерезал бы мне горло во сне, снял корону и, обтерев с нее кровь, надел ее себе на голову. Вот как придет конец Мелькору — он захватит больше, чем сможет удержать.

— Может, оно и так, — согласился Берен. — Только я не могу сидеть, прости за грубость, на заднице и ждать, пока Моргот подавится слишком большим куском. У меня мало времени.

— Я помню...

Финрод смотрел на него. Ветер доносил обрывки песен из рощицы над озером.

— Мелькора можно любить, — сказал король. — Но сам он любит только себя, и других любит лишь как часть себя. И потому творить добро его именем нельзя, ибо он поглощает тех, кто его любит, и тот, кто от его имени творит добро и вызывает любовь к нему в других — готовит их к тому, чтоб быть поглощенными. Орки могут уничтожить Нарготронд и всех его жителей, но бессильны превратить его в ничто. А вот если бы мы полюбили Мелькора, и он поглотил бы и нас, и Нарготронд — этот город был бы поистине уничтожен. Орки могут убить тебя или меня — и это все самое плохое, что они могут сделать с нами, потому что мы одни распоряжаемся своими душами, это величайший дар Единого: свобода воли. И если мы благодаря этому дару предадим свои души Мелькору — они будут поглощены и погибнут навсегда. Я не могу себе представить участи страшнее. Поэтому вина добрых рыцарей Мелькора больше, чем вина орков. Те, что убивают лишь тело, не так страшны, но проку жить, если после ждет лишь пустота? Что проку выращивать хлеб, если люди едят его на гибель? Мелькора можно любить, и то, что он возбуждает любовь к себе — самое страшное его преступление.

Финрод выпрямился и Берен удивился произошедшей с ним перемене; только что такой простой и доступный — теперь это был эльфийский король, закованный в броню своего достоинства, и то, что он, босой, был одет только в простые штаны и шелковая рубашка была распахнута на груди — все это ничего не значило: величием он не уступал Тинголу в его серебряной мантии и короне.

— Я хочу сказать тебе, Берен, сын Барахира, что ты замыслил дело, за которое до тебя ни человек, ни эльф не брались. Оно изменит лицо Арды, навсегда и необратимым образом. Оно решит судьбу Старшего Народа.

— Не много ли для одного смертного? — вырвалось у Берена.

— Ровно столько, сколько смертный сам взвалил на себя. Никто не знает своих пределов — ни я, ни ты, ни Тингол, ни Мелькор. Эти пределы могут лежать гораздо дальше — а могут гораздо ближе, чем мы сами думаем. Берен, Келегорм и Куруфин рано или поздно узнают о Сильмарилле. Что мы тогда будем делать?

— Лучше сказать им сразу. Я все равно не сумею это скрыть: уже знает весь Дориат, скоро узнает весь Бретиль, а потом — и все остальные.

— Тогда держись. Завтра я соберу ради тебя королевский совет, и ты сам скажешь феанорингам о своей цели. Я поддержу тебя. Расставим башни по местам, сделаем первый ход,ждемся ответного — и посмотрим, как упадут кости.

* * *

Скверно упали кости. В высоком зале королевского совета собрались высокие эльфы Нарготронда, главы домов и цехов (23), нолдор и синдар. Финрод, в золототканой мантии, восседал на высоком троне напротив входа, по правую руку от него, на креслах пониже, сидели брат его Ородрет — молчаливый, бледный эльф, который казался старше Финрода, хотя был младше — и племянница Финдуилас, по левую он посадил Берена, рядом с Береном занял место высокий нолдо с лицом вроде бы строгим и серьезным, но смеющимися глазами; синий плащ, заколотый фибулой в форме арфы говорил, что он бард, а место во внутреннем кругу Совета — что он из самых уважаемых.

В креслах, которые были расставлены по кругу Совета, сидели князя Нарготронда, среди которых — почти напротив Берена — заняли места и двое сыновей Феанора. Келегорм Прекрасный был одет в черное с серебром, у ног его лег огромный белый пес. Куруфин носил черное с красным. Из семерых феанорингов этот, по преданиям, более всего походил на отца и лицом и нравом, и унаследовал отцовское имя. Берен изо всех сил старался не глядеть на него, Куруфин же, напротив, так и вонзил в человека свой серебряно-серый взгляд.

Позади Куруфина сидел сын его Келебримбор, тоже в черном и алом, как отец, похожий на отца и лицом, и статью, но мягкий, задумчивый взгляд из-под ресниц словно бы сглаживал его резкие черты. Келебримбор сидел среди прочих нолдор, пришедших с феанорингами — те заняли места на ярусах за своими вождями, и оттого казалось, что над сыновьями Феанора поднимается черно-красно-серебряная стена.

Прочие нолдор были одеты не так мрачно, хотя тоже предпочитали чистые, яркие и глубокие цвета пестрым тканям, отделявали нарядную одежду только по краю неширокой тесьмой, нередко — с золотом или серебром, и ничто не отвлекало взгляда от их гербов, вышитых на груди, на плече или изображенных эмалью на фибулах плащей. Нолдор также любили литые либо кованные украшения из металла. Покроя их платья были самого простого, но собиралось в обильные складки и закалывалось многочисленными пряжками; браслеты повыше и пониже локтей держали рукава, наплечные пряжки — широкие воротники, из под которых смотрело тонкое нижнее платье, чаще всего — белое. По этому признаку их можно было отличить от синдар — те по праву гордились искусством своего узорного тканья и делали торжественные одежды неярких расцветок, но с пестрым, сложным рисунком. Из

украшений они любили кость и поделочный камень с искусной резьбой по ним, щедро расшивали верхнюю одежду речным жемчугом, мелкими самоцветами и стеклянными бусинами. Большого количества складок они не любили, и подгоняли платье по себе не пряжками и завязками, а кроили его согласно очертаниям тела, верхнее же платье украшали чаще не тесьмой, а вышивкой. Еще нолдор любили убирать свои волосы обручами и гребнями, а синдар — заплетать их в косы, унизывая при этом точеными или литыми бусинами. Отличались два народа Нарготронда также тем, что со стороны синдар в совете сидело мало женщин, а со стороны нолдор — больше. Берен знал, что по обычаю и тех, и других девица может, войдя в возраст, отделиться и зажить собственным домом, и вдова может возглавить дом, заступив место мужа, но синдар поступали так гораздо реже.

Сам же Финрод явил в своей одежде смешение обычаев своих подданных: его верхнее платье было узорного тканья, светло-зеленого с серым, но забрано складками и пряжками по нолдорскому образцу. На груди его лежало тяжелое ожерелье — знаменитый Наугламир, подаренный гномами Ногрода. Ожерелье представляло собой три мира — верхний, средний и нижний, и в верхнем ряду звенья были образованы из разнообразных птиц, в среднем — из зверей, а в нижнем — из рыб и гадов, и ни одна тварь не попадалась дважды, и все они несли в зубах и в клювах алмазы. Соединялись же меж собой ряды драконами, которые есть на треть птицы, на треть звери и на треть — гады.

В нолдорское платье из синдарской ткани одевались и те, кто занял места по левую руку от Короля и выше: барды, судьи и хранители обычаев. Они говорили только тогда, когда их спрашивали, но слова их оспаривались так редко, что любому из здешних эльфов хватило бы пальцев на одной руке, чтобы пересчитать эти случаи.

На самом же широком верхнем ярусе располагались те, чье положение не обязывало их присутствовать на Совете, но кто пришел по своему желанию.

Первым заговорил Финрод. Вкратце он напомнил, как десять лет назад едва не погибли или хуже того — не попал в плен к Морготу. Отряд Барахира пришел тогда ему на помощь, и среди этого отряда был находящийся здесь Берен. Король Нарготронда в долгу перед ним, и намерен этот долг выполнить. Берен попросил совета и помощи, и король находит разумным предоставить эту помощь.

Поддав знак, Финрод сел, а Берен вышел на середину зала, где был на полу выложен солнечный круг. Он пересказал то, что нашел нужным, как можно короче и точнее. Свои соображения по поводу того, что нужно сделать и что собирается делать он сам, он держал при себе — по совету Финрода, который просил изложить сначала самое главное. Берен перевел дыхание и приступил.

— Пусть никто не подумает, будто я что-то скрываю. На пути судьба занесла меня в Дориат, где я встретил Лютиэн, дочь короля Тингола. Мы поклялись друг другу в верности, но ее отец потребовал от меня выкуп за невесту — Сильмарилл, камень Феанора...

Среди эльфов поднялся тихий ропот, причем со стороны синдар чаще поминали Лютиэн и Дориат, а со стороны нолдор — Феанора и Сильмарилл.

— Что вы можете посоветовать, эльдар? — сказал король, когда шум слегка стих. — Мы в долгу у этого человека; как мы отплатим долг?

— Мне все равно, король Фелагунд, какие у тебя обязательства перед смертным, — встал Келегорм. — У меня никакого долга по отношению к этому бродяге нет, и если он хотя бы глянет в сторону Сильмариллов, я убью его без зазрения совести.

— Келегорм, ты у меня в гостях, и Берен тоже. В моем городе гости друг друга не

убивают.

— Только поэтому он еще жив, — Келегорм обнажил меч. — Вот на этом клинке я в свое время поклялся, что буду преследовать любого, кто покусится на Сильмариллы — Вала он, эльф, человек или какая другая тварь. Ты слышишь, Берен?

— Я слышу, — спокойно ответил Берен. — Я знаю эту историю с детства, Келегорм, сын Феанора. Знаю, о чем говорит ваша клятва. И понимаю, что в отношении меня сдержать ее куда проще, чем в отношении Моргота. Ибо Моргот в двухстах лигах отсюда, за стенами Ангбанда и спинами многотысячной армии. А я здесь один. Я тоже при мече, но не размахиваю им попусту, боюсь ненароком кого-то поранить. И я не собираюсь драться с тобой, потому что каждая жертва с нашей стороны — это жертва Морготу. Я мог бы вовсе ничего не говорить, и вы узнали бы обо всем очень не скоро. Но я не хочу, чтобы в союз эльфов и людей вошел обман.

— Союз людей и эльфов? — ухмыльнулся Келегорм, вложив меч в ножны. — Я не вижу здесь, с кем можно заключить союз. Не с этим же бродягой в дориатских обносках.

— Ладно, — Берен надеялся, что выглядит таким же бесстрастным, как Финрод. — Значит, тебя можно сбрасывать со счетов — тем проще для меня.

Келегорм вспыхнул и открыл было рот, чтобы ответить, но тут слово взял его брат, Куруфин. Берен от всего сердца надеялся, что разговор наконец-то от ругани перейдет к делу и первые слова Куруфина вроде как оправдали эту надежду.

— Насколько я понял, Берен, сын Барахира, дело здесь касается не только нас четверых: тебя, короля Фелагунда и нас с братом. Речь идет ни много ни мало — о судьбе Нарготронда. Чего ты хочешь? Какого совета и какой помощи просишь? Ты требуешь, чтобы Нарготронд начал войну с Морготом?

— Я ничего не требую, лорд Куруфин: я не вправе. Я свидетельствую: следующей весной настанет срок Хитлума. Неужели Нарготронд оставит Государя Фингона сражаться в одиночку?

— Правду говоря, этому трудно поверить, Берен. — Куруфин покачал головой. — Я охотно признаю, что сам ты честен, но вот положился ты на слова заведомого предателя. А вдруг все это — сауринова хитрость? Вдруг он — подсыл?

— Его слова слишком хорошо сходятся с тем, что я видел своими глазами. В Дортонионе идет подготовка к наступлению.

— Но следующей ли весной? И именно ли на Хитлум? А если — через Тол-Сирион на владения Нарготронда? Если мы выступим — и обнаружим свои силы и свое расположение?

По залу совета прошел тихий гул — слова Куруфина произвели должное впечатление. Никто не сомневался, что Берен честен — но многие сошлись на том, что он может быть обманут. Берен не знал, какими словами их убедить. Он не мог начать рассказывать о своих замыслах, ибо замыслы эти были такого рода, что их нельзя вываливать на всеобщем совете. А без этого ему оставалось только просить поверить ему на слово.

— Народ Беора будет воевать, даже если его оставят союзники, — сказал он. — Дортонион — наша земля.

— И наша тоже, — голос короля звучал сильно и ровно. — И эльфы тоже умирали за нее. И не сложено им кургана. Повторяю: я за то, чтобы помочь Берену. Если сыновья Феанора так пекутся о безопасности Нарготронда — я готов поручить защиту города именно им.

Скулы Куруфина взялись легким румянцем, но больше он ничем не выказал, что задет.

— Мы не можем пойти против своей клятвы, — сказал он. — Но трусами нас еще никто не называл. Мы можем внять словам Берена и отправиться в Хитлум, дабы поддержать Фингона. Но даже если Берен прав — кто-нибудь подумал, чем кончится его затея? Ты желаешь, Финрод, чтобы мы поддержали вас оружием? У нас с братом под началом две тысячи с небольшим конных латников. Нарготронд может выставить еще две тысячи конников и шесть тысяч пехоты. Если верить Берену, в одном Дортонионе собирается армия в три раза большая. Фингону хватит своих сил, чтобы оборониться — перевалы в горах защищать легко. Всего три года прошло с тех пор, как Саурон получил от хитлумцев хорошую трепку. Он не так глуп, чтобы повторять ошибку. Я думаю, что Берен прав, армия действительно собирается — но удар ее будет направлен сюда.

Куруфин выдержал нужную паузу. По рядам прошла волна тревожного шепота.

— наших сил недостаточно для нападения, — продолжил Куруфин. — Но вполне достаточно для обороны, если враг все-таки прорвется. Город надежнее всего защищен тайной — куда она денется, если мы выступим всеми силами? Мы все знаем ответ, эльдар. Нарготронд не устоит.

Кто из вас был той ночью в Тирионе, кто помнит, как навсегда для всех нас померк свет? Пусть расскажут тем, кто не был. Ибо скоро им тоже предстоит испытать смертное отчаяние. Когда Нарготронд падет — оставшиеся в живых будут завидовать мертвым. Нашим уделом были отвержение и битва — их удел будет стократ горше: рабство, пытки и нескончаемый страх.

Боюсь ли я смерти? Нет. В роду Финвэ не родилось еще труса. Сыновья Феанора не прекратят преследовать убийцу и похитителя — до самой смерти, их или его. Губы мне жжет с того самого дня, когда я вдохнул пепел отца; ни вода, ни эль, ни вино не в силах остудить жжения. Мы не отступим. Но вам-то все это зачем, народ Нарогарда? Вы не произносили слов страшной клятвы, не стояли над телом Финвэ и не видели, как тело Феанора было сожжено огнем его духа. Вы не вдыхали того пепла, ваши пища и вода еще не горьки вам. Но клянусь, что вы будете солить свой хлеб слезами, а воду мешать с кровью, если тайну Нарготронда откроет враг. Я верю в мужество народа Беора — но и среди нолдор не водилось трусов, и все же врат Ангбанда мы не открыли. Что же мы сможем сделать теперь, выступив в открытую? Нанести Морготу щелчок, который лишь разъярит его. Нет, действовать нужно иначе. Как? Да пусть сам Берен будет нам примером и подсказкой: тайные, быстрые удары там, где враг не ждет. Нападения из засад, ловушки и отравленные стрелы. Зачем собирать войско и идти в землю, что будет гореть у нас под ногами? Лучше оставить войско здесь и зажечь землю под ногами у того, кто попытается проникнуть сюда!

Одобрительный гул был ответом словам Куруфина. Нолдо, слегка улыбаясь, обвел зал взглядом — почти все были на его стороне. Берен и сам готов был поверить каждому его слову — так страстно и убедительно говорил он, так пылали глаза под черными бровями. Чтобы успокоить слушателей, Куруфин поднял руку.

— И все же, — сказал он, едва шум стих. — если король просит — мы готовы рискнуть. Мы будем драться вместе с Береном за Дортонион — если он откажется от Сильмарилла. Он не клялся. Тингол не может взять свои слова назад, мы, сыновья Феанора, не можем — но может Берен. Возьми, сын Барахира, докажи свою добрую волю, и тогда — вот тебе моя рука.

Зал умолк. У Берена пересохло и загорчило во рту — словно сам он вдохнул того пепла, которым рассеялось тело Феанора.

— Если я это сделаю, Куруфин, — ответил он, чувствуя, как от лица отливает кровь. — Я умру на месте. Только мой труп долго еще будет ходить по земле и смердеть, прежде чем успокоится в гробу. Поэтому я не могу взять свои слова назад. Я не откажусь от Лютиэн, не откажусь от Сильмарилла.

Шум обрушился на него лавиной. Эльфы громко, не стесняясь, принялись обсуждать сказанное: сыновья Феанора согласились помочь, а неблагодарный смертный отшвырнул протянутую руку ради своей несбыточной мечты! Безумец!

— Ты сказал, — пожал плечами Куруфин.

— И все-таки... — голос Финрода раскатился под сводами зала, хотя, казалось, король не повышал его. — Я стою за то, чтобы послушать Берена и оказать ему помощь. Не ставя никаких условий. Ибо обороной, Куруфин, не выигрывалась еще ни одна война. Кто еще не согласен со мной — пусть встанет и скажет об этом.

— Я скажу! — поднялся тонкий темноволосый нолдо. — Я, Гвиндор, брат Гельмира, взятого в плен в Теснине Сириона. Валар свидетели, Берен, тут мало кто больше меня хочет сравнять Ангбанд с землей, и здесь я с тобой согласен: давно пора собраться всем вместе и загнать Морготта под землю. Но с Куруфином я согласен в другом: ты не имеешь права на сокровище Феанора. Сейчас ты нуждаешься в нашей помощи, а не наоборот, так что поступиться своими желаниями должен ты.

— Гвиндор, — глядя ему в глаза, сказал Финрод. — Если бы не Берен и его отец, ты разделил бы судьбу брата.

— Я не спорю с этим, — возразил Гвиндор. — Я готов сражаться с Береном под одними знаменами, биться за него как за себя — но я не стану добывать для него Камни. Вспомни, Король, какой ценой было достигнуто примирение — и что, ты желаешь Нарготронду вражды с Домом Феанора?

Берен украдкой оглядывался кругом — и не видел лица, выражающего одобрение и поддержку.

— Так значит, нолдор неведома благодарность? — голос Фелагунда снова легко перекрыл шум собрания.

— Король, неужели ради клятвы, данной хилдор, ты готов спалить свой город? — эльф, сказавший это, носил черно-красный камзол: цвета феанорингов.

— На слове вассала перед лордом и слове лорда перед вассалом держится закон! — Финрод встал с трона и спустился по ступеням, оказавшись чуть позади Берена, потом пошел вдоль круга, глядя каждому из лордов в глаза. — Это основа основ, на том стоит порядок! Горе тому народу, где лорды или вассалы готовы забыть о своих обязательствах! Раздор и безвластие — вот, что ждет тех, кто разучился ценить свое слово. И это будет не лучше, чем завоевание Морготом, я говорю вам. Или у нолдор теперь две правды: одна для себя, чтобы пользоваться в Нарготронде, а другая — для внешнего мира? Неужели тень Проклятия накрыла всех, и мы уже не различаем праведное и неправедное?

Берен еще ни разу не видел своего короля в гневе. Нарготрондские эльфы, видимо, тоже нечасто наблюдали такое, но смутились они лишь на миг.

— При всем уважении к тебе, государь, — ты не Мандос, чтобы распоряжаться нашими судьбами! — теперь кричали многие. — Нельзя подвергать город опасности! Пусть откажется от Сильмарилла! Пусть докажет свою добрую волю — и получит помощь!

Финрод остановился перед тронном, прикрыв глаза. Он стоял совсем близко к Берену и тот видел, что король почти не меняется в лице — только ноздри расширяются. Тишина

резала души, как натянутая тетива режет пальцы, пока Финрод рывком не сбросил с себя это странное оцепенение. Резко развернувшись к Совету и народу, одной рукой он дернул фибулу золототканой королевской мантии, другой — сорвал серебряную корону и бросил ее на пол. Прежде чем мантия, как сброшенные крылья, улеглась на камнях мозаики, а корона покатилась к ногам советников, заполнили зал слова короля.

— Тогда держите! Если вы считаете, что слово — это что-то вроде дорожного плаща, который выбрасывают, когда он становится слишком грязен и изорван, значит, и ваши клятвы верности ничего не стоят. Мне такие подданные и даром не нужны. Изберите себе другого короля — думаю, он будет вас достоин. Я же уйду, чтобы сдержать слово. И если есть среди вас хоть кто-то, на кого не пала еще тень нашего проклятья, то, может, кто-нибудь последует за мной, и не придется мне уходить, словно бродяге, которого выгнали за ворота.

Тишина, в которой Фелагунд произносил последние слова, была под стать склепу. Эльфы поняли, что дело зашло слишком далеко. Никто не ожидал такого поворота событий, все ждали, что сломается Берен.

Корона валялась на мозаичном полу — узкий обруч из серебра, две змейки, на затылке свивающиеся хвостами, а надо лбом — бьющиеся за маленькую золотую корону... Что хотел сказать Арфин, придумывая этот герб? Он провидел будущее, он сожалел о раздоре между Феанором и Финголфином, своими старшими братьями — или просто задумка показалась ему красивой?

Эльф — почти такой же буйноволосый, как Финрод, в темно-коричневом бархатном камзоле и узких черных штанах — спустился со средних рядов, поднял корону и протянул ее Фелагунду. Берен вспомнил этого эльфа: они вместе пробивались через Топи, звали эльфа Эдрахилом.

— Ты останешься королем для меня и для всего народа, что бы ни случилось, — сказал он. — Если ты хочешь уйти, назначь наместника сам. Пусть правит от твоего имени.

В рядах произошло какое-то шевеление. Берен увидел, что еще несколько эльфов спускаются к королю. И все — нолдор. Двое, сидящих совсем близко к кругу Совета, и схожих одной редкой для нолдор чертой — слегка вьющимися волосами. Третий — смуглый, с почти прямой линией густых бровей, четвертый — небольшого роста, волосы заплетены в три косы, пятый — белолицый, словно вырезанный из мрамора... Когда встал шестой, Берен слегка приоткрыл рот в изумлении: эльф поднялся из тех рядов, где сидели феаноринги. Золотоволосый, как и Финрод, он на миг в смущении прикрыл ресницами свои зеленые глаза, вдохнул как перед прыжком в воду — и сделал шаг со ступеней.

— Лауральдо! — Келегорм был изумлен не меньше, чем Берен. — Ты покидаешь меня?

Эльф опустил было голову, но через миг твердо посмотрел в лицо своему лорду.

— Я уйду, князь Келегорм, — сказал он. — Я не могу больше служить тебе, потому что ты не прав. Ты посмел угрожать мятежом в городе, который дал тебе приют. Ты отказываешь в помощи тому, кто отчаянно в ней нуждается.

— Не нужно красивых слов, — прервал его Келегорм. — Ты уходишь потому что уходит твой друг Лоссар. Если бы не он, ты бы остался.

— Да, — слегка смутился эльф. — Но Лоссар уходит за королем потому что тот прав. И я пойду за ним.

К уходящим присоединилось еще трое: тот самый бард, что сидел рядом с Береном, откуда-то сверху по ступенькам сбежал одетый в королевские цвета юный эльф — даже

Берен сумел понять, насколько он молод, и последним к ним присоединился один уже несомненный синда: среди нолдор не встречаются волосы цвета снега. Десять... Больше никого? Неужели — никого? Эдрахил поднял взгляд на Гвиндора и тот, встав, колебался какое-то время. Но потом посмотрел на Берена, решительно покачал головой и снова сел.

— Ородрет, — Финрод взял корону из рук Эдрахила и повернулся к брату, молчавшему все это время. — Прими правление на время моего отсутствия.

Ородрет, чуть сжав губы, шагнул вперед, и Финрод решительным движением надел венец ему на голову. Потом братья обнялись.

— Возвращайся, — прошептал Ородрет. — Прошу тебя.

— Как решит судьба, — тихо ответил Финрод.

— Ты, безумец! — Келегорм протянул к Берену руку. — Посмотри, что ты натворил! Одумайся, пока не поздно — или готовься к новым бедам. Финрод! Ну скажи хоть ты этому несчастному, что вся ваша затея впустую: даже если каким-то чудом вы завладеете хоть одним из Камней, против тебя поднимется все наша семья. Неужели он хочет твоей крови? Или крови Тингола, или крови своей возлюбленной? Скажи ему, если Тингол получит Сильмарилл, мы сожжем Дориат или погибнем, пытаясь это сделать! Ты нас знаешь, Финрод! Наша клятва нерушима!

— Ты говоришь, Келегорм, — тихо промолвил Берен. — А Намо тебя слышит.

— Моя тоже нерушима, — спокойно ответил Финрод. — И ты тоже знаешь меня, сын Феанора. Что ж, пусть каждый держится своего слова. Но вот что я скажу тебе, Келегорм Яростный — и это не обещание, а данное мне прозрение. До конца этого мира ни ты, ни другой из вас, поклявшихся, не добудет Сильмариллов. Если они вернуться к эльфам — то не в ваши руки, а вы будете поглощены своей клятвой, и другие будут хранить свадебный дар Лютиэн.

— Никто, кроме нас! — крикнул Келегорм. — Ты не получишь то, чего ищешь!

— Ты не знаешь, чего я ищу, — Финрод сказал это уже на ходу, едва ли не через плечо. Они покинули зал совета почти одновременно: Финрод и Берен — через одну дверь, братья — через другую.

Глава 4. Дорога

Дети резвились в фонтане — шумно плескались, с радостным визгом скатывались в воду по гладкому крутому мраморному желобу, взмывали над водой на веревочных качелях и, разжимая руки, с хохотом отправлялись в краткий полет, заканчивающийся взрывом зеленоватых брызг. Они были очень похожи на человеческих детей, гораздо сильнее, чем взрослые эльфы — на взрослых людей, хотя большинство ребятишек было уже в том возрасте, в котором люди не поощряют совместное купание.

Он знал, почему Финрод выбрал дорогу к сокровищнице через эту тихую и пустую — если не считать детей — рощу. Королю, добровольно отказавшемуся от короны, не хотелось идти по дворцу, ловить удивленные, осуждающие и сочувствующие взгляды, слушать шепотки за спиной... Берен понимал его как никто: все-таки он сам тоже был правителем без земли.

Они миновали рощу и подошли к гроту, примыкающему к задним покоям дворца. Берен ожидал, что Финрод завяжет ему глаза или чего-то в этом духе, но эльф не предложил ничего подобного, и вскоре Берен понял, почему: без должного навыка он неминуемо заблудился бы в этих коридорах, заплутал среди сталактитов, сталагмитов, пещер, гротов, боковых ответвлений и трещин.

Он уже потерял счет поворотам, когда Финрод остановился, и в одном ему известном месте приложил ладонь к стене. Стена пошла рябью, как воздух над Анфауглит жарким летом, и не открылась, не отодвинулась — растворилась, исчезла, открывая узкий зарешеченный проход. Финрод вставил перстень в замок, что-то прошептал беззвучно — узорная бронзовая решетка поползла вверх.

Они прошли по коридорчику и оказались в сокровищнице.

Отсюда выходила еще одна дверь — огромная, массивная, с калиткой в одной из створок. Эта дверь, видимо, вела во дворец и надежно охранялась.

Финрод согрел фиал рукой, чтобы засветить, положил его на серебряную курильницу и огляделся. Берен сел на ближайший сундук.

— Здесь мы возьмем оружие, доспехи и золото, — сообщил король. — И главное — сможем спокойно, без помех, поговорить.

Он смахнул пыль с табуретки, установил ее напротив сундука и сел.

— Ты думаешь, слаб я или чрезмерно щепетилен? Не хотел я приказом короля привести всех к порядку — или просто не смог?

— Нет, король. Я привык считать тебя эльфом, который знает что делает. Если ты захочешь дать мне объяснения — ты их дашь. Если не захочешь — я их из тебя не вытяну. Думаю я о другом: за содержимое того сундука, на который я уместился, можно купить только Дортонион или еще и Хитлум в придачу?

Финрод засмеялся и сделал ладонью знак подняться. Берен встал. Финрод откинул крышку сундука — оказывается, она была не заперта.

Сундук был доверху набит бумагой. Наброски, рисунки, рукописи, чертежи...

— Что называть ценностью? — король присел перед сундуком. — Для меня это было ценно и я поместил это сюда, чтобы не занимать место в мастерской. Маленькая привилегия короля: сваливать личный хлам в королевскую сокровищницу. Как видишь, ни Дортонион, ни Хитлум за это купить нельзя, но...

Подняв тучу пыли, Финрод извлек из груды бумаг плотный пожелтевший листок, покрытый грифельными набросками, протянул его Берену.

С клочка бумаги, как живые, смеялись глаза Лютиэн.

— Если бы я дал тебе право унести из этой сокровищницы все, что угодно, на выбор — но только одну вещь, что бы ты унес? — улыбнулся Финрод, скрещивая руки на груди и самым непринужденным образом опираясь плечом о колонну.

Берен несколько мгновений держал листок в руке, потом осторожно положил его в сундук и тихо закрыл крышку.

— Ничего. В дороге всякое может случиться, государь. Я не хотел бы потерять... или повредить... или уничтожить, чтобы не досталось в плохие руки. Спасибо, пусть останется у тебя — до лучших времен.

— Ты не спросил, но я все же отвечу, почему позволил феанорингам вытряхнуть меня из своего города.

Финрод снял с курильницы фиал и пошел с ним к одному из узких боковых проходов. Берену ничего не оставалось, как следовать за королем.

— С некоторых пор, — говорил Фелагунд на ходу, — к Врагу попадают сведения о том, что происходит в Подгорном королевстве. Сведения отрывочные и нечеткие, так что шпион, передающий их, находится не здесь. Но купцы, воины, патрулирующие вместе с нами границу, крестьяне в Бретиле — все они распространяют слухи, которые доходят до Саурона и Моргота. Рано или поздно до Врага дошел бы и слух о том, что в Нарготронде сколачивается новый союз.

— А так до него дойдут слухи, что Берен Беоринг пришел к королю требовать выполнения старой клятвы, и они с королем и еще десятком сумасшедших скрылись неведомо куда?

— Именно. А у нас будут развязаны руки.

Финрод остановился перед высоким столиком, на котором стояла шкатулка, расстегнул ожерелье, снял его и какое-то время держал в руках, пропуская звенья между пальцами. Затем положил ожерелье в шкатулку, выстланную бархатом, и напоследок еще раз провел пальцами по изломам драконьих крыл. В эту минуту открылась главная дверь — и Финрод одной рукой укрыв фиал полой накидки, а другой сделал Берену знак молчать.

Замок снова закрылся — ключ звонко щелкнул трижды. Глядя из-за поворота, Берен узнал Ородрета — тот спускался по ступеням главного входа с венцом и светильником в руке.

— Брат, — позвал Финрод, снова открывая свой фиал. Не было нужды понижать голос — за пределы сокровищницы не выходил ни один звук.

— Инглор? — Ородрет положил венец на треножник. Братья снова обнялись.

— Зачем ты это сделал? — с укоризной спросил Ородрет — и тут заметил Берена.

— Ты осуждаешь меня? — спросил Финрод. Ородрет покачал головой. — Тогда будем говорить. Садись, — король подал пример, сев на один из сундуков. — Итак, Берен, тебе не дали на совете поведать свои намерения — а они у тебя, по всей видимости, есть. Говори.

— Я хотел, король, заручившись твоей поддержкой, проследовать в Хитлум и предупредить Государя и князя Хурина. Я хотел испросить у него табун лошадей для войска в две тысячи человек. Мне не нужны боевые кони, достаточно и тех, которых используют как заводных или вьючных, потому что на них не будут идти в бой. А кони нужны мне затем, чтобы в течение трех дней пересечь Анах и привести отряд в Дортонион, когда армия

Саурана выступит, а в тылу у нее поднимется мятеж.

— В Дортонионе назревает мятеж? — удивился Ородрет.

— Уж я постараюсь, чтобы назрел...

— Но есть одна сложность, — сказал Финрод. — Самое меньшее одна. Такой способ действий предполагает атаку одновременную и согласованную. Способ согласовать действия есть, но...

— Брат! — воскликнул Ородрет.

— ...но я должен получить с тебя, Берен, клятву, что ты никогда и никому его не откроешь.

Берен заколебался на мгновение. Последней, кому он клялся, если не считать свадебного обета Лютиэн, была Андис... И вскоре Берен познал позор и горечь клятвопреступления. С тех пор он старался не давать клятв. Но ведь ради Лютиэн он нарушил обет не давать обетов... К Морготу! Ради короля он и подавно его нарушит.

— Клянусь именем Единого, — сказал Берен. — Что не открою его иначе как с твоего согласия, а если нарушу слово — пусть твоя кара настигнет меня живого, а кара Намо Судьи — мертвого.

— Идем, — они поднялись, отправились в глубь сокровищницы и свернули в тупик, занятый одной-единственной шкапулкой на подставке. Финрод вставил в замок свой перстень, повернул — с легким звоном крышка поднялась. Финрод вытащил темный хрустальный шар, опустил крышку, положил шар в выемку на ней. Берен затаил дыхание.

— Палантир, — тихо сказал Ородрет.

— Убери свет, — попросил Фелагунд. Берен набросил на фиал свою куртку. В сгустившемся полумраке серебристым густым светом затеплился камень шара. Лицо Финрода в этом свете казалось отлитым из стали. Это усиливалось напряжением, проступившим в чертах короля: они заострились, стали жестче. Финрод нелегко, почти мучительно сосредоточивал внимание и волю.

Неясное мелькание теней в середине шара сменилось четкой живой картиной: предгорья Эред Ветрин, какими они видятся из долины Тумхалад. Свет Палантира изменился, стал естественным, солнечным, закатным...

Берен видел теперь в камне приближающиеся горы так, как видела бы их птица, летящая над дорогой. Внимательная, хищная, умная птица, за лигу чующая врага. Орел, из тех, что живут на вершинах Криссаэгрим. Он увидит засаду, если их поджидает опасность где-то по дороге. Он распознает ее...

Дорога петляла, вела на север, исчезала совсем — но лишь как проторенный путь, как тракт; направление Берен чувствовал все время — и снова появлялась. Дорога вела в Хитлум. В Барад-Эйтель, замок Фингона.

Берен увидел его — русоволосого эльфа, всадника в какой-то радостной толчее... Узнал по знаменитым косам, перевитым золотыми шнурами. Венки на шестах, ленты, факела... Матери протягивали ему своих младенцев — в Дортонионе тоже было живо поверье, что прикосновение эльфийского короля делает ребенка неподвластным болезням... Что за праздник? Что за шум?

Словно почувствовав беспокойство, Фингон огляделся. На миг показалось, что его глаза встретились с глазами Финрода. И Фелагунд тут же закрыл камень ладонями. Дыхание его стало чуть более шумным, глаза он закрыл, откинув голову назад.

— Он как будто увидел тебя, — проговорил Берен.

— Он почувствовал. Если бы он находился в своем замке, он тоже пошел бы к Палантиру и мы могли бы увидеться и поговорить. Жаль.

— Ты собираешься туда? — спросил Ородрет.

— Мне нужно, — сказал Берен. — Даже если с Государем Фингоном можно поговорить с помощью этого волшебства, с князем Хурином я должен встретиться лицом к лицу.

— Ты готов рискнуть Палантиром? — помедлив, спросил Ородрет у брата. — Разве не достаточно будет внешнего наблюдения за Береном?

— Когда-то я решил ограничиться внешним наблюдением за северными нагорьями, — лицо Финрода омрачилось. — Этого недостаточно. Берен должен иметь возможность связи по собственному почину. Я готов отправить Видящий камень под Тень в расчете на мужество и стойкость его хранителя. Дом Финарфина часто полагался на мужество и стойкость своих вассалов — и ни разу не был обманут.

— А если Палантир все же будет захвачен? Ты понимаешь, чем это может грозить всем нам?

— Проигравший потеряет все. В любом случае.

— Еще неизвестно, сможет ли человек овладеть Камнем, — возразил Ородрет. — До сих пор никто не пробовал.

— Это легко проверить. Берен?

Горец почувствовал холод в животе — непонятно почему.

— Что я должен делать?

— Прикоснуться к Камню, — ответил Финрод. — Смотреть в него. Сосредоточиться на том, что хочешь увидеть.

Положив ладони на холодную гладкую поверхность, Берен взгляделся в глубину кристалла. Там, в сердце камня, возникло смутное мерцание.

Мысль пришла сама собой, и свет разгорелся ярче. В кончиках пальцев возникло покалывание сродни легкой дрожи, но камень не нагрелся от его рук — все такой же холодный и гладкий, он был словно изо льда.

Свет, родившийся внутри Палантира, поглотил человека. Берен чувствовал, что оторвать взгляд сможет только с огромным трудом. Сокровищница исчезла, исчезли эльфы, осталось только белое сияние — и бесчисленные голоса и образы, мгновенно рождавшиеся и исчезающие. Их было множество и каждый хотел завладеть его вниманием. Как в детской игре в жмурки, он слышал совсем рядом чье-то затаенное дыхание, шепот, хихиканье — но едва он пытался ухватить неверный образ сознанием, как тот ускользал.

В детстве ему снилось, что он летает — но это было не так, как с другими детьми. Его полеты были мучительными. Задержав дыхание, напрягшись, он отрывал себя от земли и медленно плыл вперед, протаскивая свое тело сквозь воздух с усилием, словно мешок гвоздей. После таких снов он просыпался вспотевший и вымотанный — но, какой ни есть, все же это был полет, и Берен никогда не отказывался от него, если во сне чувствовал его возможность.

Сейчас происходило нечто похожее — он не плыл, не летел, он протаскивался через плотный свет, и наконец пробился к поверхности — а может, опустился на дно. Граница лопнула, и он увидел то, что хотел — незнакомые покои с круглым потолком и узкими окнами-колодцами, живой фиал на треножнике у станка, и Тинувиэль, склонившую голову над работой. Он даже сумел понять, что натянуто на станке — знаменитое дориатское покрывало, которое ткут в два цвета так, что изнанки у него нет, просто узор повторяется на

каждой стороне другим цветом...

Она не пела и казалась печальной. На коленях у нее устроился большой серый кот. Такая светлая тоска...

— Мелль, — тихо позвал Берен — и она услышала, подняла голову, сумеречно-серые глаза пронзили пустоту в том самом месте, где он должен был стоять, если бы и в самом деле находился в этой комнате.

Но, чтобы позвать, ему пришлось сделать вдох и вспомнить, что у него есть тело, и распылить собранную в одной точке волю. И белый свет снова охватил его, поднял, закружил — и выбросил в пещеру, под внимательные, тревожные взгляды Ородрета и Финрода.

— Он сумеет, — сказал Ородрет.

Берен, переводя дыхание, отнял руки от Камня.

— Это проще, чем я думал, — сказал он.

— Если ты о том, что не нужно заклинаний — то да, — Ородрет словно обиделся за искусство брата. — Но тебе еще многому предстоит учиться. То, что ты сделал, проще всего, что может Палантир.

— Берен узнает в свой срок, — Финрод закрыл Камень.

— Ты оставляешь Нарогард глухим и слепым, — посетовал наместник.

— Камень вернется, — пообещал Берен. — Я...

— Не надо, — оборвал его Финрод. — Вот здесь — не клянись. Ты не знаешь, где встретишь завтрашний день.

— Феаноринги, — проговорил Ородрет — Что делать с ними? Я не удивлюсь, если Келегорм и Куруфин уже сейчас послали гонца к Маэдросу.

— Маэдрос, — твердо сказал Финрод, — сделает то, что скажет Фингон.

* * *

— Вон они! — Гили показал пальцем.

— Это птицы, — проворчал Брегор, глядя из-под руки.

— Нет, не птицы! Это всадники, двенадцать человек!

— Эльфов, — пробурчал Фин-Рован. — Оттудова только эльфы могут появиться.

— Ни хрена не вижу, старый стал, — Брегор сплюнул в сторону. — Ну, пацан, коли врешь — гляди!

Гили слез с ветки, повисел, уцепившись за нее руками, и спрыгнул в траву. Сердце билось часто и радостно: в прошлый раз он плохо разглядел эльфов, а теперь, может быть, удастся с ними поговорить! Горцы не могли понять его состояния: они привыкли общаться с эльфами запросто, это как-то само собой разумелось. А у Гили замирало сердце.

Они подъехали — Эминдил, то есть, Берен, и с ним — одиннадцать эльфов. Все горцы низко склонили головы — и предназначался этот поклон не Берену, а эльфу с такой толстой и золотой косой, что обзавидовалась бы любая красавица.

— A Iaita! — повторил Гили вслед за прочими почтительное приветствие. — A Iaita Finarato noldoran!

— Я тоже рад видеть в добром здравии тебя, Брегор, и тебя, Брандир. — тепло улыбнулся эльф. — Передайте мои приветствия также княгине Эмельдир.

— Брегор, — Берен подъехал к своему вассалу, вытащил из рукава плотный свиток, запечатанный воском. — Это отдай матушке. Это тоже, — другой рукой он протянул Брегору увесистый кошель. — Распоряжения эти выполняй в точности, и так быстро, как только сможешь. Отменить их или изменить что-либо могу только я, государь Финрод и государь Фингон. Больше никто. Я вернусь... когда сменится луна. И проверю — половина работы к этому времени должна быть сделана, ибо Моргот не будет нас ждать. До встречи, — он повернулся к Брандиру. — Да, этого забияку, что обижает здешних купцов, так и не нашли?

— Как сквозь землю провалился, — улыбнулся юноша. — Я вот и думаю — а был ли забияка-то?

— Вот письмо от меня к конену Халмиру, — Финрод протянул воину другой свиток. — Прошу тебя, Брегор, будь моим гонцом.

— Почту за честь, — Брегор упрятал оба письма и кошель в поясную суму. — Хотя скажите, куда едете. Ведь всякое может случиться — где тогда вас искать?

— Не скажу, — покачал головой Берен. — Прости, Брегор. Кстати, о встрече с Государем Финродом тоже болтать не стоит. Все слышали?

— Обижает, ярнил, — покачал головой Брегор. — Хотя я и не воевал восемь лет под Тенью, а все же знаю, что такое тайна. Прошу, возьми с собой кого-нибудь из нас. Не годится тебе ехать одному. Опять же, весточку послать или там что еще...

— Ты прав, — согласился Берен. Фин-Рован с готовностью высунулся вперед, но глаз Берена остановился на Гили.

— Руско, в седло! — скомандовал Берен.

— Ярн! — обиделись Брандир и Фин-Рован.

— Вы все нужны мне здесь, — веско сказал Берен. — Поверьте, прислуживая мне, любой из вас принесет гораздо меньше пользы, чем выполняя то, что я здесь написал. Поэтому я беру Гили.

Паренек слегка расстроился. Оказывается, его брали как самого бесполезного. Чтобы не пугался тут под ногами и чтоб ярну кто-то мог прислужить в дороге, так как жаль отрывать ради такого пустяка настоящего воина. Что ж, таким, как Гили, не пристало быть гордыми. Да и поездка вместе с Дивным Народом, пусть и слугой — сама себе достаточная награда.

Он вскочил в седло и присоединился к эльфам.

Берен и Брегор попрощались по-горски: сжав правую руку в кулак, каждый согнул ее в локте, и, сцепившись руками, коснулся кулаком левого плеча — и всадники разъехались в разные стороны по равнине Талат Дирнен.

* * *

— Ой, — сказал Гили, спешиваясь. — Ой-ой-ой...

— Это еще не ой-ой-ой, — Берен перебросил ему поводья. — Ой-ой-ой будет завтра, когда ты попытаешься снова залезть в седло.

В лице он не менялся, но по скованным движениям видно было, что очень долгое время ярн знал только двух лошадей: Правую и Левую, и порядком отвык ездить верхом. Сноровка-то сохранилась, а вот тело по-новой привыкнуть еще не успело.

Ги́ли расседлал лошадей и спутал им ноги. Берен уже исчез в лесу — отправился со всеми собирать хворост и добыть чего-нибудь к ужину. Ради короткой трехдневной прогулки эльфы дорожных припасов не брали — если, конечно, не считать за таковые орехи, сушеные травы и ягоды.

Сказать, что Ги́ли был эльфами очарован — значит ничего не сказать. Поначалу их лица сливались в одно красивое ясноглазое лицо, но это первое впечатление тут же растаяло: разные они были, очень разные. Не только потому что отличались цветом волос или глаз, чертами и статью — по всему они друг на друга не походили. Их было десять, не считая государя Финрода. Эдрахил, почти такой же достойный и красивый, как король (вообще-то такой же, но уравнивать их Ги́ли не решался даже в мыслях). Кальмегил, темноволосый и — если сравнить с остальными — коротко стриженный; Менельдур, похожий на него, как родной брат, Аэглос — его удивительные волосы — белые, с отсветом в синеву, ясно говорили, за что он получил свое прозвище — «Метель»; Эллуин — поначалу он показался Ги́ли сердитым, потому что кончик его носа смотрел немного вниз, отчего прямой нос казался крючковатым; Лауральдо — он был очень похож на Финрода статью и цветом волос, только глаза у него были зеленые; Нэндил — в дороге он часто заговаривал о чем-то с Береном; Ги́ли ничего не понял, говорили они на квэнья, но разговор шел веселый, смеялись и эльфы, и Берен; Вилварин — к его седлу приторочена лютня в чехле, а волосы заплетены в три косы; и Лоссар, такой черноволосый и белокожий, как будто его нарисовали углем на беленой стенке. Поначалу Ги́ли казалось, что он никогда не запомнит их имен и лиц, но, к удивлению своему, он разобрался кто есть кто с первого раза; тут, наверное, не без колдовства обошлось: на что другое, а на имена и лица у Ги́ли всегда память была дырявая.

Айменел, оруженосец государя Финрода, разделял с Ги́ли его работу, хотя работы этой было всего ничего. Быть слугой у эльфов и у подражающего эльфам Берена оказалось необременительно. Вдвоем они нашли подходящее место для костра, срезали дерн, подтащили туда седла — сиденья. Спутанные кони кучкой держались неподалеку, и Ги́ли вспомнил, как, расседывая, Айменел говорил с ними. Нет, и Ги́ли говорил, при виде таких лошадок слова вроде «хороший мой, сивка, красавец мой писанный» сами просились на язык. Но ей же ей, когда с конями говорил Айменел, они его понимали! Айменел не понимал человеческого языка. По внешности эльфа ничего сказать нельзя, но у Ги́ли возникла стойкая мысль, что по эльфийским меркам он тоже еще мальчишка. Сходились они с Ги́ли на синдарин, хотя из этого наречия Ги́ли понимал едва ли каждое третье слово.

Они пособирали еще хвороста, не отходя далеко, и так чтобы один все время оставался на стоянке, а потом вернулись и стали ждать остальных.

Ги́ли чувствовал себя в присутствии эльфов как деревянный, но опять-таки недолго: они были очень простые, без всякого чванства; и одновременно — ну, никак же невозможно было с ними сойтись на то расстояние, на которое может подпустить к себе человек: назвать, скажем, Вилварина по-простецки Уиллом, а Нэндила — Нэдом, хлопнуть по плечу... Не то чтобы они этого не позволили — а вот даже мысль о таком казалась неуместной. Что там Вилварин или Нэндил; к мальчишке Айменелу с таким приблизиться было нельзя. Нолдор. Премудрые эльфы. Дивный Народ...

И все же страха было не изжить. Потому что в Таргелионе за Нолдор закрепилось и

другое имя: Проклятый Народ.

Гили не решался расспросить об этом Берена, особенно сейчас, но все-таки ему страшно интересно было, какова доля правды в страшных сказках, передаваемых из поколения в поколение: будто там, за краем заката, совершили Премудрые какое-то страшное злодеяние, и были изгнаны в смертные земли, чтобы вести войну с Черным Властелином; вот когда они победят в этой войне, тогда позволено им будет вернуться...

Лес ожил короткой птичьей переключкой. Где-то неподалеку послышался плеск.

Солнце уже коснулось вершущек деревьев, когда эльфы вернулись. Нэндил и Берен были мокрые и добыли селезня; у Эллуина был заяц, здоровенный русак.

— Хорошо иметь собаку, — сказал Берен, бросая на траву убитую птицу и сапоги.

— Хорошо уметь плавать, — сверкнул зубами Нэндил. — Или не стрелять в плывущую птицу.

— Я не такой искусный стрелок, чтобы нарочно спугнуть ее и бить влет.

— Можно было дать выстрелить мне.

— А как же гордыня людская?

— Ты в полной мере потешил ее, стоя по горло в холодной воде?

— Уф-ф! — Берен передернул плечами. — Я же не знал, что там так глубоко сразу у берега.

— Ты не умеешь плавать? — удивился Аэглос.

— Если ты побьешься об заклад, кто пойдет ко дну раньше, я или топор, смело ставь на меня.

Айменел и Эллуин взялись за разделку добычи. Оруженосец Финрода глянул на Гили и что-то сказал.

— Он просит тебя пойти на берег и накопать глины. Держи, — Берен протянул мальчику нож и вернулся к разговору: — В свое оправдание могу сказать, что у нас там негде особенно учиться: летом все речки курице по колено, а весной, когда они вздуваются от дождей, в воду полезет только сумасшедший.

Гили принес немаленький пласт глины. Вдвоем с Айменелом они принялись разминать его и обмазывать выпотрошенную птицу. Потом селезня уложили в ямку для костра, набросали сверху собранного хвороста и веток и развели огонь. Гили думал, что это будет сделано каким-то волшебством, но Лауральдо вытащил самый прозаический трут и обыкновеннейшее кресало. Когда костер затеплился, Берен и Эллуин, затесав рогатые следи, воткнули их в землю по сторонам от огня и Эллуин пристроил над костром освежеванного зайца.

Стемнело. Звезды крупной солью рассыпались в зените, на севере висела Валакирка, Телумехтар занес свой звездный меч над далекими уже западными отрогами Андрам, скрывавшими таинственный Нарготронд. Над ручьем поплыл голос флейты, мелодию подхватила лютня. Эльфы запели.

Язык был совсем незнаком Гили — то был не Синдарин, а Квэнья, язык Валинора. Известных слов почти не попадалось — да они были и не нужны, слова. И без слов было ясно, что печальна, печальна эта песня. Высоко и прекрасно было то, что певец утратил — так высоко и прекрасно, что само воспоминание о потерянном уже драгоценно. И все же — невосполнима утрата, и хотя есть надежда на возвращение, и оттого печаль светла — утраченное вернется преображенным, а значит — немного иным, не совсем таким, каким было потеряно...

Мириэль, — повторялось в припеве. Мириэль — это имя? Название? Что это значит? Гили так и стоял возле лошадей — когда Берен резко встал и мимо него прошагал к ручью. Перешел его вброд и пошел по траве, быстро, размахисто... Трава серебрилась в лунном свете — и его было отлично видно. Отмахав по поляне шагов с пятьдесят, он сел в траву, потом лег — лицом вниз.

Гили не знал, что и делать. Ему плохо? Идти за ним?

Он шагнул к ручью.

— Avacare! — Айменел удержал его за руку. — Lendero.

— Он мне теперь хозяин, — Гили неуверенно высвободил руку. — А ну как с ним худо?

Айменел покачал головой, вспыхнула алым бликом серьга из граната.

— Vaque.

Он снова решительно взял Гили за руку и подвел к костру. Последний куплет отзвучал, песня смолкла.

— Плач Финвэ по Мириэль, — объяснил Финрод, не дожидаясь вопроса, когда Гили сел на расстеленный плащ рядом с Айменелом. — Финвэ был наш король там, в Валиноре, Благословенной Земле. Мириэль была матерью Феанаро. Родив его, она отдала ему все силы — и уснула в садах Лориена вечным сном.

— Умерла? — Гили словно в сердце укололи. Выходит, и у них там тоже умирают, и у них есть боль и печаль. — Жалость-то какая... У меня старшая сестра тоже вроде как от горячки после родов померла. Когда молодка умирает, хуже нет. Разве что если ребенок. Наверное, Финвэ сильно убивался по ней, раз такую песню сложил.

— Спасибо, — улыбнулся король. — Это не он сложил песню, а его внук Маглор, сын Феанаро.

— Маглор? Бледный Господин? — удивился Гили. Живя в Таргелионе, он ни разу не встретился с господином своих мест лордом Маглором Песнопевцем.

Гили внезапно овладело пронзительное чувство: словно с крутого берега он заглянул в воду озера, а она — прозрачная-прозрачная, виден каждый камешек на дне; и все же дно так недостижимо далеко, хотя те же солнечные лучи, что согревают тебя, пронзают и холодный хрусталь воды, приближая галечную мозаику к тебе, позволяя разглядеть ее ясно-ясно... И сама вода, она разделяет тебя и дно — и соединяет одновременно... Станным, странным и непонятным было чувство, родившееся у Гили в груди, краткое, но сильное, и одним словом его не передать, но словно весь мир он услышал и постиг разом — и был един с миром. Не это ли чувство погнало князя на тот берег, заставило упасть лицом в траву? Не это, — подсказал Гили кто-то внутри него.

Лоссар протянул ему маленькую глиняную чашку с напитком — взваром из ягод и трав. Гили отхлебнул — ему не понравилось: запах шиповника, земляники и смородины обещал сладость, но напиток сладким не был, даже горчил. Однако с каждым глотком наполняли душу мальчика покой и тихая радость.

Берен вернулся к огню, принял напиток в свою очередь с легким поклоном.

...Мясо очень быстро разобрали по кусочкам, и кусочки эти были совсем небольшие. Поделенный на тринадцать частей, заяц стал каким-то ужасно маленьким. Утешала мысль о селезне. Берен поддел свой кусок на нож.

— Завтра и послезавтра не будет ни костра, ни дичины. Мы поедем по беспокойным местам.

Гили пожал плечами — после того как погибла семья, он чаще ложился спать

голодным, чем сытым. У эльфов не так уж плохо, если сравнить.

— Принеси воды, — когда он покончил со своей частью, Берен протянул ему опустевший котелок с остатками заварки на дне. Гили сполоснул его, набрал воды, снова подвесил над огнем. Закипела вода — котелок сняли с огня, бросили травы и сушеные ягоды, выгребли из углей птицу и разбили глиняную корку.

— Ханнад, — сказал Гили, когда Айменел передал его долю. Он уже начал понемногу учиться, восстанавливая смысл непонятных слов по тем словам, которые были знакомы, так как перешли в человеческую речь из синдарина.

Хотел выбросить кость через плечо, но Айменел перехватил его руку:

— Lau. Ni'nago! — и бросил свою кость в огонь.

— Утром мы заложим кострище дерном, — пояснил Берен. — Не стоит оставлять следов, если их можно не оставить.

Вместе с Айменелом и Эллуином они отошли от костра — вымыть руки. Лошади паслись в стороне, одна из них — Эллуинова — почуяв хозяина, вскинула голову и тихо заржала. Тот подошел, отряхивая руки, достал из поясной сумки горсточку орехов, протянул лошади на открытой ладони, приобнял стройного гнедка за шею, взьерошил ему гриву. Гнедой положил голову хозяину на плечо. Уловив улыбку Гили, эльф улыбнулся в ответ. Теперь он был совсем не сердитым.

— Любишь лошадей? — спросил он.

Гили кивнул.

— Это Айарон, — сказал эльф. — Он такой же быстрый и выносливый, как и его отец... Но своенравный. Не любит приказов, не любит, когда погоняют. Правда, Айарон?

— Кто ж любит-то... — проворчал Гили. Эльф снова улыбнулся.

— Как зовут твоего?

— Рыжик, — сказал Гили. — Он старый уже и очень спокойный. Мне его дали потому что я плохой наездник. Он меня не сбросит.

— Да, он уже старый, — услышав свое имя, Рыжик подошел к ним. Гили по примеру эльфа достал орехи — это было выдано ему на завтра, но пожалеть коню щепотку? Мокрые теплые губы проšliсь по ладони, в темном, большом как яблоко, глазу коня мелькнул отблеск костра.

— Он уже старый, — продолжал эльф. — Но когда-то это был достойный конь. Жаль. Они умирают так рано... Жаль...

«А нас?» — подумал Гили, но вслух сказал другое:

— А бессмертные кони бывают?

— Бессмертные?

— Ну, вроде как вы. Как эльфы.

— Мы не бессмертны, Гили. Мы живем долго — по вашим меркам, и погибнем только вместе с Ардой. Но это не значит, что мы бессмертны. Мы знаем, что конец наступит, что он неизбежен... Арда еще молода, и впереди много времени, но это время конечно. Называть нас бессмертными — ошибка.

— А в этой вашей Благословенной Земле кони живут столько же, сколько и здесь? Я вот что хотел спросить.

— Там есть лошади, что живут долго... Некоторых привезли сюда, и они дали потомство. Таких много на Востоке, в тех степях, что лежат за Рубежом Маэдраса. Они не живут столько, сколько кони Оромэ. Но все равно — долго. Правда, кровь смешивается,

растворяется в крови потомков... Твоя лошадь — не из тех, она местной породы — ласковым хлопком по шее Эллуин отпустил гнедка. — И все равно — это был достойный конь.

Они вернулись к костру, где уже шел разговор.

— ...А это и есть работа. Только не *kurvë* (24), — Берен сказал квэнийское слово. — Не работа мастера. Это рабский труд. Воины Моргота — рабы.

— Ты сейчас сказал очень важную вещь, — заметил Финрод.

— Воина нельзя сделать рабом, — возразил Вилварин. — Его можно убить. Можно сломить пытками — но тогда он уже не будет воином. Это какое-то несообразие.

— Мне трудно объяснить, потому что трудно понять. Воинский дух в них убит. Они подчиняются — и только. От них требуется лишь одно: во время боя повторять то, что они заучили.

— Если воины Моргота — рабы, то как же им удастся преодолеть страх? — Эдрахил вернул книжку Финроду и тот спрятал ее обратно, за голенище. — Раб подчиняется из страха, но из всех страхов смертный страх — сильнее всех. Идя в битву, мы становимся с ним лицом к лицу. *Eruhîr*, который не боится смотреть смерти в лицо, не может быть рабом. Тот, кто боится — не может быть воином.

— Я полагаю, они преодолевают страх еще большим страхом. — Финрод пошевелил уголья в костре. — Я слышал, что если с поля боя бежит один — казнят всю десятку.

Лоссар снова что-то тихо наигрывал. Еще не мелодию — так, какие-то наброски к ней.

— Если армия Моргота построена таким способом, то нам он не годится, — Вилварин пошевелил угли. — Что вообще в ней хорошего? Кому нужна такая армия?

— Тем не менее, Моргот с ней побеждает, — сказал Берен.

— У такой армии есть лишь одно преимущество: она позволяет готовить солдат быстро. Малочисленным армиям такой способ действительно не годится. — Финрод снова подбросил ветку в огонь.

— Вспомните Ущелье Сириона, — Берен зло прищурился. — Они просто забросали наши укрепления своим мясом.

Разговор заглох, эльфы снова запели — и все их песни, даже веселые, были печальны. Огонь угасал, и Гили сам не заметил, как сморил его сон.

Разбудил его голос, ритм монотонного речитатива, который полушепотом проговаривал Берен. Глянув вполглаза из-под ресниц, Гили увидел, что они сидят вдвоем с Финродом, завернувшись в плащи, двумя черными неподвижными изваяниями — только изредка освещал их лица пробегавший по углям сполох.

— ...Он приходил один, в темноте, подобный нам обликом, но прекрасней и выше любого из нас. Он говорил, что сердце его исполнено жалости и любви к людям, он обещал научить нас всему, что умеет сам, а умел он много, и многие знания были открыты ему, и мир вокруг нас читал он как развернутый свиток. И мы поклонились его знанию и могуществу, а он назвался Дарителем и сказал, что дары его не иссякнут, пока мы в него верим. И он действительно учил нас, рассказывал о свойствах растений и животных, и о целебных травах, и о руде, что таит в себе металл, и об огне, который может извлечь металл из руды, и о звездах, что сияют в небе, и о Тьме, в которой они сияют...

Гили наострил уши, чтобы не пропустить ни единой подробности — сказка показалась ему интересной.

— ..."Все выходит из Тьмы и возвращается во Тьму", — так он говорил. — «Верьте мне,

ибо это я создал из Тьмы Арду, Солнце, Луну и звезды, я создал и вас, и могу вас ввергнуть во Тьму, если такова будет моя воля. Но воля моя такова, что я хочу вас от Тьмы спасти. Те голоса, о которых вы говорили — их насылает Тьма, которая хочет вас поглотить, и глупец, кто им верит». Однажды он ушел и долго не возвращался, а тем временем тьма пала на мир, и все мы впали в отчаяние — неужели она пришла, чтобы нас поглотить? И тогда он явился вновь, и был одет в пламя, и сам был подобен пламени. Мы пали перед ним ниц, а он сказал: «Среди вас есть еще те, кто поклоняется Тьме, и оттого Тьма пришла за вами. Теперь настал час выбирать, кто будет вашим владыкой — Тьма или я? Только быстрее, потому что нет у меня времени вас уговаривать, меня ждут иные царства и свои дела». И мы поклонились ему, и признали его верховным владыкой, и поклялись не внимать больше голосам из темноты. «Да будет так», — сказал он. — «Тогда постройте мне высокий дом на холме и назовите его Домом Владыки. Я буду приходить туда по своей воле и выслушивать ваши просьбы.» И было по слову его: мы выстроили высокий дом, и когда он вошел туда, все озарилось, словно огнем. «Есть ли среди вас еще те, кто внемлет голосам из темноты?» — спросил он. — «Если есть — пусть выйдут». Такие еще были, но они побоялись выйти, и тогда он сказал: «Склонитесь передо мной и присягните мне». И мы поклонились ему и сказали: «Воистину ты один велик, и все мы — дети твои». Тогда он словно вспыхнул и нас опалило жаром, а после он исчез, и стало еще темнее, чем прежде.

Гили почувствовал холодок в животе. Сказка Берена обретала какой-то неприятный оборот; Гили еще не знал, как она закончится, но подозревал — плохо.

— ...И стали мы после этого страшиться тьмы, а он все реже стал являться к нам в своем прежнем, прекрасном облики, а когда являлся, то приносил все меньше даров, и уже отдавал их не просто так, а чего-то требовал взамен, каждый раз — все больше и больше. Лишь однажды после этого слышали мы тот, первый голос: «Вы отреклись от меня», — сказал он. — «Я дал вам жизнь — но теперь она сократится. Скоро вы придете ко мне, и узнаете, кто ваш истинный отец — тот, кому вы поклоняетесь или я, создавший его». После этого еще больше стали мы страшиться Тьмы, и умирали в страхе, а оттого — мучительно. И воззвали мы к своему повелителю, моля избавить нас от смерти, и он пришел к нам, но лицо его было жестоким и гордым. «Вы мои, и должны исполнять мою волю. Что мне до тех, кого пожирает Тьма? Если бы вы не умирали, вас расплодилось бы без счета, и земля кишела бы вами, как старая яга — вшами. Если вы не будете повиноваться, я начну истреблять вас, и вы умрете гораздо быстрее». И вскоре стали одолевать нас болезни, и голод, и холода, словно сама земля обратилась против нас. Звери и птицы от нас бежали, растения отравляли ядом, и даже тени древесной вскоре стали мы бояться. И мы возненавидели нашего Повелителя, и стали бояться его еще сильнее, готовые на любое зло, лишь бы умилоствивить его, дабы он сделал нашу жизнь хоть немного легче или хотя бы перестал нас убивать. Многие старались зря, но иных — самых сильных и жестоких — начал он привечать, и наделял их знаниями, благодаря которым они вскоре покорили и поработили остальных. И мы забыли об отдыхе и радости среди горестей и трудов...

Гили ощутил легкий толчок в спину — и мурашки побежали меж лопаток, прежде чем он сообразил, что толкается во сне Айменел, с которого Гили стащил плащ, натянув его на себя. Гили разжал напряженную руку — эльф снова завернулся в свой край плаща, прижимаясь к человеку — спина к спине. Ночь была, прямо скажем, не из самых теплых. А жуткая сказка Берена стала такой, что Гили боялся и закрыть глаза, и держать их открытыми.

— ...И восстали против него иные среди нас, говоря: «Теперь мы знаем, кто здесь — истинный наш Отец, а кто на самом деле — Тьма, поглощающая нас. Этот, в Доме-На-Холме, и есть Тьма, он в ней живет и питается ею, а еще — нашей кровью. Не станем служить ему!» И прочие из нас в страхе перед Повелителем убивали их и преследовали тех, кто пытался бежать, а если настигали — убивали тем способом, который был более всего любезен сердцу Повелителя и его верных слуг, наших владык: сжигали на костре. И в самом деле, после таких жертв страдания наши смягчались ненадолго. Но кое-кому удалось убежать, но и они не скрылись от гнева Голоса, потому что тоже падали ниц и строили Дом. И вот достигли они обещанного края, последнего берега — и что же? Враг уже ждал их там...

Протяжно и гулко заухала сова. У Гили сердце провалилось в живот. Он старался не двигаться и не дышать.

Берен замолк, потом сбросил плащ, встал на колени у костра, раздул огонь и подкинул веток. Маленький котелок встал в угли, Берен снова завернулся в плащ и сел, облокотившись на седло.

— Вот это и есть то, что утаила от тебя Андрет, — прошептал он. — Что скажешь, Ном? Финрод глядел в игру огня на углях сквозь полуприкрытые веки.

— Все как обычно. Сначала — «учитесь», потом — «повинуйтесь». Чего-то в этом роде я и ждал. У нас он начинал точно так же, только действовал осторожнее и до «повинуйтесь» не успел дойти.

— Ты запишешь?

— Конечно.

— Не упоминай меня. Напиши — Андрет, со слов Аданэли из народа Мараха.

— Хорошо. Как странно, что она не рассказала этого мне сама... Сколько тебе было лет?

— Пятнадцать или шестнадцать... Как вот этому спящему красавцу. Мне, сыну младшего сына, суждено было стать Мудрым, аксаниром. Она еще о многом хотела рассказать, да не успела... Война... Так что не вышло из меня Берена Мудрого. Разве что — Берен Умудрившийся.

В отблеске огня, сверкнув в улыбке зубами, он вдруг ужасно стал похож на Того, Из-Темноты — каким Гили представил его себе. Через миг наваждение рассеялось.

— Может, оно и к лучшему...

— Ты не хотел быть Мудрым? — спросил Финрод.

— Время не захотело, чтобы я стал Мудрым, король. Времени сейчас нужны сильные.

— А разве мудрость делает людей слабыми?

Берен был вопросом озадачен, но не загнан в тупик.

— Мудрость, — сказал он наконец, тщательно выбирая слова. — Делает или очень слабым, или очень сильным. Мудрый тем отличается от просто умного, что его ум не холоден, он соизмеряет решения с сердцем и с совестью. И, принимая то либо иное решение, мудрый видит, что ничего нельзя сделать так, чтобы кому-то не повредить и не ранить тем свою совесть. Значит, быть мудрым и действовать — это постоянно страдать, и идти на это с открытыми глазами, а на такое способен только сильный.

— По-твоему, сила решает все?

— Смотря что называть силой. Одна сила нужна, чтобы поднять меч, другая — чтобы встретить его, не дрогнув. Есть ли у меня такая... Наверное, сейчас — есть. Потому что есть

надежда. Estel, — уточнил он на эльфийском. — И отчаяние...

— Люди продолжают меня удивлять. Берен, разве «надеяться» и «отчаяться» — это не противоположности?

— С одной стороны верно, с другой... В глубине самого черного отчаяния, когда нет никаких оснований для *amdir*, человек вдруг обнаруживает в себе *estel*. В нашем языке «отчаяться» и «решиться» — одно слово. Но для этого нужно попасть в такую переделку, что дальше, кажется, уже некуда... Когда я был юн и глуп, я побился с Креганом-Полутроллем об заклад, что поднимусь на Одинокий Клык, куда поднимался лишь ты. Спускаясь, свалился в ледовую трещину. Пролетел сколько-то сажений и застрял, как клин в пазу — не сдвинуться. Стоял мороз, но пот выступал у меня на лбу — и тут же замерзал в волосах. Я понял, что здесь мне и конец, и никто ничего не узнает. Внизу — только синяя мгла; сверху — звезды, большие и равнодушные. И я так себя жалел, король Ном, что мне до сих пор этого стыдно. Страх заполнил меня всего. Я понял, что умру, что по сути дела уже умер — и внезапно стал спокоен, потому что мертвецы уже ни о чем не волнуются. Я прислушался — и услышал как внизу бежит ручей, и как катятся камни, вытаивающие изо льда; посмотрел вверх — небо в трещине стало розовым. Я вспомнил, что в голенище у меня — нож, и не все еще потеряно... Но даже и без ножа — я бы попытался. Я бы зубами прогрыз себе дорогу на свет. А если нет — я бы умер... спокойно, без страха. Вот так мы обретаем надежду в отчаянии. У эльфов по-другому?

— Не совсем, но иначе. Надежда, *estel* — она присуща нам изначально. Каждому и с рождения. Во льдах Хэлкараскэ мне тоже не раз бывало так, что казалось — умереть легче. Но звезды никогда не выглядели равнодушными. В случае с эльфами требуется прилагать усилия не для того, чтобы обрести *estel* — а для того, чтобы ее разрушить. Мы оба знаем, кто этим занимается. Мы смотрим вперед — и не видим оснований для *amdir*, полагаемся только на *estel*. Поэтому мы говорим, что у нас тень впереди, а у вас — позади.

— Может, — помедлив, сказал Берен, — мы для того и сошлись в этом мире, чтобы мы нашли для вас *amdir*, а вы подарили нам *estel*?

— Я в это верю. *Amdir* — она появится тогда, когда будет явлен четкий знак, не смутный намек, а нечто совершенно определенное.

— А как вы поймете, что появился такой знак? Вдруг ни вы, ни мы его не распознаем?

— О, нет, Берен... — лицо короля Фелагунда стало таким вдохновенным и прекрасным, что у Гили в горле защемило. — Это нельзя будет перепутать ни с чем, смысл этого события ясно скажет сам за себя. По меньшей мере его узнаю я, ибо я живу ради этого дня, и готов умереть ради этого дня.

— А ты не думаешь, что в тот день тебя может... не оказаться поблизости?

— Не думаю. Это ваша поговорка — «на ловца и зверь бежит». Я, кажется, понимаю, к чему ты подводишь, Берен. Ты хочешь знать, не в тебе ли я увидел тот самый случай, которого жду? Но как я отвечу, если я не знаю этого сам? Единственное, что я могу сказать — я действую так, как если бы ты и был тем, кого я ищу. Иного пути узнать — нет. Повторяя твои недавние слова, я считаю, что Эру знал, что делал, создавая вас смертными, а наши *feag* навсегда привязывая к Арде. И в том, что нашим судьбам довелось переплестись, есть и его промысел.

— Хорошо, — согласился Берен. — Тогда и я буду действовать так, словно я и есть тот самый. И если мы не свернем себе шею, это действительно будет что-то из ряда вон... Ага, вода за умными разговорами выкипела почти вся, но на двоих тут хватит, — он засыпал в

котелок смесь ягод и трав. — Ном, а можно еще один вопрос — из праздного любопытства?

— Пожалуйста. Но не обещаю ответить.

— Ты... ты пойми, это на самом деле меня мучает, потому что... а, проклятье!... Она говорила, что мы слишком похожи на... Сам-понимаешь-кого. И что эльфы это видят, и поэтому...

— Она ошибалась, — жестко сказал Финрод.

— Но вспомни историю Аданэль: ведь, глядя правде в глаза, он с нами ничего не делал. Все творили над собой мы сами. Сами! В Дортонионе... там люди делали порой такое, что у орков волосы вставали дыбом. И не только люди Моргота — многие из них были наши; горцы. Мразь, каких и у Моргота белым днем с фонарем искать надо — откуда такая сволочь повыползала? И — главное — в глубину себя, в свое сердце мне порой тоже бывает страшно заглядывать. Там водятся... оборотни. Таким ли должен быть тот, кого ты ждал, Финрод? А вдруг я приведу к гибели и тебя, и твоих эльфов, и Нарготронд, и... — он резко умолк, словно задохнулся.

Финрод длинно вздохнул, явно собираясь сказать какую-то неприятную и для себя и для собеседника вещь. Но заговорил не сразу — сначала разлил по чашкам травяной отвар.

— Если ты думаешь, что подобного рода сомнения чужды нам — ты ошибаешься так же, как ошибалась Андрет. Да, в нас, Эрухини, есть нечто общее с Мелькором. Я видел и могу сравнивать: мятежный дух, порыв, гордость, переходящая в гордыню — все это присуще нам так же, как и ему. Но это не значит, что мы — его дети. Скорее всего нам, нолдор, и вам, людям, достались те же дары Единого, что и ему. Так похожи брат и сестра, а не родитель и дитя. Феанаро порой казался ему родным. Но ведь мы точно знаем, что он не творил эльфов — значит, Феанаро унаследовал это не от него. Так почему вас не отпускают эти сомнения? Ты говоришь, что боишься заглядывать к себе в сердце, ибо там водятся оборотни? Я тоже боюсь. Но все же заглядываю в самые потайные уголки, нахожу своих оборотней и уничтожаю их. Ибо никто за меня этого не сделает, как и за тебя. Представь себе, что испытал я, стоя в тот день на пирсе Альквалондэ. Никто и никогда, ни в каком страшном сне увидеть не мог, что эльф обнажит меч против эльфа. Друзья моего детства, родичи, те, кого я любил — лежали мертвые на песке, и убили их друзья моей юности, мои родичи, кого я тоже любил. Я чувствовал, что разрываюсь надвое. Счастье Феанаро и его сыновей, что они успели отплыть — вместе с Нэрвен, Айканаро и Ангарато мы готовы были убивать их. Берегом мы гнались за кораблями, и в сердце каждого поднял голову оборотень. Но, посмотрев своему оборотню в глаза, я ужаснулся. И сказал: хватит. Кто-то должен остановиться, и это будем мы. И тогда оборотень испустил дух. Никто из нас не есть изначально Зло, Берен. Даже Мелькор, даже Гортхаур — не зло, они только предались злу. Бояться нужно не того, что ты есть — того, чем ты можешь стать.

— Спасибо, король, — после краткого молчания проговорил Берен. — Ты ответил на вопрос, который я только собирался задать.

Их руки встретились над углями в дружеском пожатии. Гили не двигался.

Странную вещь сказал король эльфов. Странную — и страшную... Проклятый народ — вспомнилось снова... Почему — проклятый? Феанаро — это Феанор, отец Бледного Господина? Что такое Альквалондэ? Кого они там убивали? И за что?

«Как много страшного», — подумал он, засыпая. — «Зачем столько зла?»

Вторая ночевка была у озера Иврин. Гили не сетовал на отсутствие огня и горячей пищи — его радовала сама возможность вскоре слезть с седла, завернуться в плащ и уснуть. Ему часто приходилось ездить верхом, но никогда — столько, и никогда — в седле. «Ой-ой-ой» был страшный.

Но, поднявшись на холм в предгорьях Эред Ветрин, увидев в закатном золоте подернутую туманом котловину озера Иврин, Гили забыл и про усталость, и про боль.

Есть в мире места, вроде бы особо ничем не примечательные — но когда туда приходит человек, эльф или гном, светлая тоска наполняет его сердце, как будто кто-то силится докричаться до тебя сквозь годы. Дух живет в этих местах, и твой дух откликается на его зов, если, конечно, он у тебя есть...

— Красота какая! — вырвалось у Гили при виде снежных отрогов, глядящихся в озерную стынь, подернутую мелкой рябью.

Лоссар что-то сказал, Эллуин перевел:

— Когда-то эти воды благословил сам Владыка Ульмо. Его вода целебна. Говорят, что здесь — родина смеха. Смотри!

Один из дальних заливов кипел ключом, отчего озеро и волновалось все время. Сотни родников вырывались там на поверхность — и, наполнив чашу гранитных берегов, выкатывались через трещину в скале и бежали вниз по долине, питая Нарог.

— Наше озеро Тарн Аэлуин благословина сама Мелиан — все равно загадили, сволочи. Хэй! — Берен ударил коня пятками и полетел вниз по склону в бешеном галопе. За ним, залиvisto свистнув, помчался Нэндил, следом — Эллуин. Остальные съехали вниз шагом.

Ночевали в подлеске, возле того края озера, где били ключи. Темнело в небе, темнело в озере. Звезды купались в кипени родников...

Они поили коней с Айменелом, Аэглосом и Эллуином, когда Гили все-таки решился спросить:

— Господин Эллуин, что такое «amdir»?

— Где ты услышал это слово? — удивился Эллуин.

— Растопыривал уши вместо того, чтобы спать, — незаметно для своего оруженосца к воде спустился Берен. — «Amdir» на нашем языке означает «надежда». Так мы обычно переводим. А если переводить дословно, то это — «взгляд вперед и вверх».

Подвернув штаны и зайдя в воду по колено, Берен умылся, потом набрал воды в баклажку, уступая Эллуину привилегию просветить Гили.

— У нас есть два слова для обозначения того, что вы, люди, называете одним словом — «надежда». Первое слово — «amdir», так мы говорим, когда в надежде присутствует расчет, есть какие-то основания предполагать, что все сложится благоприятным образом. Второе слово — «estel», так мы называем надежду, для которой нет никаких оснований, когда просто ждешь хорошего — и все. Понимаешь?

Гили казалось, что он понимает — но понимает ли он правильно?

— Проще говоря, — Берен с баклажкой вышел на берег. — У меня есть здоровенный amdir на четвертину доброго дор-ломинского светлого пива. А вот что мы тут или в горах не нарвемся на орков — это уже чистой воды estel. Понятно?

Ги́ли не совсем понимал, зачем вода — ведь костра они разводить не будут. Он грыз на ужин орехи и сушеные ягоды, когда увидел, что эльфы разбавляют водой вино из Эдрахиловой фляги. Полчашки досталось и ему.

— Хочешь есть? — Берен, отпив свою часть, передал ему легкую оловянную кружку.

Вино, терпкое на вкус, было сладким, и внутри от него рождалось тепло и веселье, хотя с полчашки не захмелел бы и ребенок.

— Хочу, — признался Ги́ли.

— Ложись спать. — Берен обрадовал своего оруженосца тем, что на них втроем с Айменелом приходится последняя, предутренняя стража.

— Запомни, парень: хоть места здесь и красивые невероятно, а все же Волчий Остров в двух днях пути верхом. Игры кончились, Ги́ли, все по-настоящему. Ты хотел быть воином? Вот тебе первый урок: засыпай там, где тебя застало время, на сытый ли, на голодный желудок, а просыпайся — быстро и без звука.

Ги́ли проснулся за полночь — быстро и без звука. По знаку Берена пошел к склону холма, вслед за Айменелом поднялся на три сажени вверх и, приняв от Аэглоса лук со стрелами, сел на его место — за один из камней. Отсюда не был виден лагерь — было видно пространство вокруг него, подходы. Айменела тоже не было видно — где он?

Ги́ли взял оставленную ему Береном фляжку — там что-то плескалось. Ага, вино с водой. Он выпил — сон как сдуло. Очертания ночных берегов сделались ясными, четкими, Ги́ли различал каждый звук, разносившийся над водой далеко — плеск бобра, крик ночной птицы, шелест осоки; мгновенные тени летучих мышей двоились в поверхности озера, у берегов медленно густел туман.

Тело наполнилось каким-то легким звоном, радостной готовностью к действию. Красота этого места — даже сейчас, ночью, под звездами; а может быть — особенно и именно сейчас — была пронзительной. И внезапно Ги́ли охватила жестокая тоска: вот такая же, наверное, стояла ночь в Гремячей Пуще, женщины спали, прижимая к себе детей, и вдруг — кровь, хруст металла, пронзающего плоть, детский крик, обрывающийся треском позвонков, оскаленные желтые лица, горящие злобой раскосые глаза...

Он не знал ни своей тетки, покинувшей дом, когда он был еще маленьким, ни ее мужа Морфана — но теперь слезы жгли ему глаза не потому, что орки оставили его сиротой без крова и родни; он чувствовал боль простых, ни в чем не виноватых людей, которых убивают ночью, во сне, ни за что ни про что.

«Говорят, они потому у вас в горах так зверствовали, что вы им сильный опор чинили... И под Тенью люди живут...»

Да, живут. Но не все. Те, кому удалось выжить.

«Я так не хочу».

Ги́ли ясно, озарением понял, что стал оруженосцем Берена потому что не желает быть покорной безмолвной жертвой, безропотно ожидающей исхода битвы между сильными этого мира. Он станет воином — и, может быть, однажды спасет неизвестных ему людей, и кто-то не погибнет, застигнутый наглой смертью в доме, на пастбище или на пашне...

Сколько времени прошло? Эльфийский напиток не давал клевать носом, туман потянулся от берегов вслед за слабеньким ветерком, предрассветный холодок забрался под плащ. Звезды начали тускнеть.

Они оседлали коней и тронулись еще до света. Большую часть времени они не ехали, а вели коней в поводу — дорога брала круто вверх, петляя по дну скального разлома. Ги́ли уже

отчаялся когда-нибудь оказаться на ровном месте, как вдруг — свежий ветер пахнул в лицо и они вышли в долину, заросшую светлым сосновым лесом, и по ней поехали верхом. Дороги здесь не было, но Финрод вел отряд уверенно, держа направление на северо-восток, вверх по склону горы. Берен обмолвился, что чувство направления эльфам не изменяет никогда, ни в туман, ни в ночь, ни в лесу, ни в подземелье.

Дорогой Гили учил эльфийский язык, а Айменел с Эллуином ему охотно в этом помогали. Некоторые слова он запомнил и раньше, сам: roh — конь, sar — камень, por — огонь... Amdir — надежда... Некоторые узнал сейчас: mellyn — друзья, salh — трава, sigil — нож... С подачи Айменела он заплел такую же, как у того, тонкую косу на макушке, перевязал ее шелковым шнурком и украсил синими перьями селезня. Берен, увидев это, только хмыкнул, ничего не сказал.

Они выехали из леса, дальше пошли луга — густая высокая трава покрывала склоны. Гили посмотрел на юг — раньше, когда поднимались, у него сил глянуть вгору не было — и дух схватило: на такой высоте они были. Далеко-далеко внизу серебрилось озеро Иврин, деревья сливались в сплошной зеленый покров, а облака стояли над виднокраем — с башни. Справа, у подножия холмов предгорья, словно трехпалая огромная птица оставила след: три речонки сливались в одну.

— Тейглин, — бросил Лоссар.

Гили посмотрел на север — дух у него захватило второй раз: прямо перед ними белые вершины тонули в облаках — и туда, в облака, лежал их путь...

Дул довольно крепкий ветер, Гили завернулся в плащ. Холодно или жарко — сказать было невозможно: солнце вроде припекало, а ветер пробирал.

Берен запел. Гили посмотрел на своего хозяина — тот выглядел счастливым. Ну да, он же сызмальства в горах. И песня была горская — Гили ее не знал, но такой рисунок мелодии мог родиться только там, где любой путь — это путь или вверх или вниз.

Мотылек мой, мотылек,
Как затейлив твой полет
Не стремись на огонек -
Огонек тебя сожжет...

Гили удивился, услышав, что второй голос подхватил песню и повел мелодию вверх, словно взлетев над первым:

Легких крылышек узор
Разлетится в белый прах
Не лети на мой костер -
Вы горите на кострах...

Пел Финрод. И король, и Берен, казалось, связаны каким-то общим воспоминанием, далеким, грустным, но хорошим...

Если ищешь ты тепла -
Вот тебе моя ладонь
Пусть она не так светла -
Но не жжется, как огонь.
Мотылек мой, мотылек...

Ты не слушаешь меня
Как прекрасен и жесток
Золотой цветок огня...

— Если это намек, — сказал Вилварин (25), — То я его не понял.

— Нет, это не намек. — Берен тряхнул головой. — Это просто песня. Детская песенка.

— Несмотря ни на что, — зябко повел плечами эльф. — Огонь был бы сейчас совсем не лишним. И горячее питье. Скажи, aran, долго еще нам ехать?

— За ближним перевалом — горное озеро, Эллехен, — ответил Финрод. — Там мы остановимся и поедем. До вечера нужно перейти через Талат Главар, и успеть спуститься оттуда как можно ниже — мне не хотелось бы ночевать в снегах.

Они прибавили ходу, перебрались через седловину — опять было круто и опять коней вели в поводу — и спустились в долину, где росла зеленая трава и кустарник, а посередине лежало озерцо, скорее даже — заводь, образованная случайным навалом камней поперек течения горной речки.

В озерце водилась форель, и к удивлению своему Гили узнал, что рыбу можно бить из лука — Аэглос показал, как это делается. Берен и Менельдур полезли в воду — собрать добычу и стрелы, и Берен сказал, что для ровного счета не хватает еще рыбины, каковую и поймал просто руками: застыл неподвижно, как камень, а потом мгновенным движением выхватил ничего не понимающую рыбину и бросил на берег. По его словам, именно так рыбу ловят медведи, с которыми он, если верить преданиям народа Беора, состоит в прямом родстве.

— А медведи об этом знают? — подковырнул Нэндил.

Набрали сушняка в кустах, развели огонь и испекли рыбу на камнях. А тем временем солнце скрылось и заметно похолодало, так что они поспешили снова выехать.

Они ехали в тумане облаков, и Гили скоро порядком подмерз, но почему-то ему было радостно. Когда они поднялись над облаками и оказались на каменистом склоне, слегка присыпанном снегом — а выше по склону, всего в трехстах шагах, был вообще сплошной снег. Гили засмеялся — так красиво было кругом. Странно складывалась жизнь: он очень мучился во время болезни и очень горевал по погибшей семье, но если бы не оспа — может быть, он никогда бы не покинул родной край и уж точно не увидел бы всей этой небесной красоты, и не узнал бы, как это — ехать по колена в облаках...

Они шли по насыпи — ледник сносил сюда камни, и оставлял, а сам бежал вниз ручейком. За тысячи лет камней набралось много. Солнце било со всех сторон, и очертания белых вершин были так остры, что, казалось, можно порезаться.

— Смотри! — Берен показал рукой на склон ближайшей к ним горы. Гили глянул — и застыл, изумленный кипением снежной пыли: словно бешеный белый конь летел по отвесному склону... через миг-другой до них донесся грохот: лавина!

— Ух ты! Сила! — сказал он. Эльфы засмеялись.

Ближе к вечеру они достигли места, о котором упоминал Финрод, Талат Главар, Солнечного Склона. Здесь был последний рубеж владений Солнца — едва они перебрались через перевал, как над отрядом сомкнулись сумерки. Они снова вошли в облака, и почти сразу же пошел снег. Никого не нужно было подгонять: Финрод сказал, что до темноты следует сбросить не меньше двух тысяч футов высоты. У Гили начала болеть голова, но жаловаться он находил неуместным. Кроме того, его тошнило: то ли рыбина попалась какая-то нехорошая, то ли он заболел. Последнее серьезно его беспокоило: а вдруг Берен оставит его, больного, у этих своих родичей и тогда что? Конец всем приключениям, конец едва начавшейся интересной жизни... И эльфов он больше не увидит...

Радость, распиравшая его до звона, исчезла — теперь он казался себе похожим на

лопнувший рыбий пузырь. В глазах темнело, если он делал резкие движения, и весь он как-то ослаб, словно налился тяжестью. Наверное, устал... Отдохнет — и все пройдет... Да, не какой это отдых — в таком холоде, на голых камнях...

Он не заметил, как по сторонам потянулись горные луга. Кроме травы, здесь еще ничего не росло, да и трава была низкая, хоть и густая. Снег сменился мелким дождем, моросью оседавшим на волосах, одежде и гривах коней. Облака над головой поднимались выше, выше... Да нет, это они спускались... Далеко-далеко впереди, внизу, чернели леса. От этих лесов их отделяло четыре часа пути — и один сложный спуск, который не стоило делать в темноте. Привал устроили в камнях у ручья, костер развести было не из чего. Одна надежда — на эльфийский напиток. Гили спешился — и, чтобы не упасть, постоял немного, вцепившись руками в седло и упираясь в него лбом. Головокружение вроде бы прошло — и паренек, расстегнув подпруги, потянул седло на себя...

...И рухнул под его весом без сознания.

Звезды...

Крупные и мелкие — словно рассыпали соль...

Гили проморгался, прокашлялся — он очнулся от терпкой сладости-горечи неразбавленного эльфийского вина. Сел. Голова кружилась, но не болела. Лоб еще хранил тепло чьей-то ладони, Гили был уверен — Финрода.

— Ну, слава Единому, — Берен взъерошил рыжие кудри оруженосца, рассыпая синие, с радужным отблеском перья селезня. — Что ж ты молчал, что тебе плохо?

— Я... заболел?

— Нет, — ответил Эдрахил. — Разница высот. Ты вырос на равнине. Высота этих гор — десять тысяч футов, мы перевалили через них на пяти с половиной тысячах.

— Ага, понятно, — сказал паренек; хотя ничего ему не было понятно. Но раз он не заболел — уже хорошо.

Он полулежал на плаще и седле, эльфы сидели кругом, здесь, в чем-то вроде неглубокой пещеры... Двоих не было — видимо, стерегли снаружи.

— Ни шиша тебе не понятно, — сказал Берен. — Это и мне не понятно. Воздух здесь редкий. Чем выше, тем реже. Есть высота, куда даже птицы не поднимаются — воздух не держит и нечем дышать. Почему так — один Манвэ знает.

— А какие горы — самые высокие в мире?

— Пелори, — ответил Финрод.

— Сорок тысяч футов, — прикрыв глаза, улыбнулся Эдрахил.

— А в этой части света — Тангородрим, — добавил Берен: словно крышка гроба захлопнулась.

На следующий день они спускались по крутому склону, с одной стороны — стена, с другой пропасть. В некоторых местах коням заматывали головы плащами, чтобы те не боялись идти. Кошмарный этот спуск завершился в зеленой долине горной речки, впадающей, как сказал Эллуин, в озеро Линдавен. Собственно, это уже и был Дор Ломин. Сумеречная Земля, где жил народ Хадора. Эту ночь, пообещал Берен, они проведут под крышей.

Совершенно неожиданно для Гили, в предгорьях эльфы с ними попрощались.

— На три дня, — объяснил горец. — У нас — свои дела, у них — свои.

В первой же хижине он купил молока, сыра и хлеба. Поели они на ходу. Мысль о близкой крыше над головой и горячая ржаная лепешка вселили в Гили новые силы.

Берен не надевал свой горский плащ, хотя и так было видно, что он не здешний — от местных он разнился и темным цветом лица, и статью, и покроем одежды: эльфийский наряд тут носил далеко не каждый первый. Ги́ли заметил, что и сам отличается от здешних соломенноголовых поселян: солнце за дни пути от Таргелиона до Брети́ля окрасило его кожу в темный оттенок, так что даже конопушки стали почти незаметны, а волосы на руках выгорели до золотого. Видно, солнце в этом краю показывалось не особенно часто — здешние были намного светлее.

Там, где кончались предгорья (здесь, в Дор Ломин, холмы тянулись гораздо дольше, чем по ту сторону Эред Ветрин) в холмах их остановил конный разъезд.

— Кто такие? — спросил старшина, бородатый дядька в кожаном панцире с нашитыми бляхами.

— Гонцы к эарну Хури́ну и госпоже Морвен, — ответил Берен. — Меня зовут Эминдил, а это мой слуга и оруженосец, Ги́лиад. Вот знак, — распахнув ворот, он достал висящий на шнурке перстень Фелагунда. — Буду заранее благодарен, если мне покажут дорогу в Хеннет-Аннун.

Старшина смерил его подозрительным взглядом.

— От кого гонцы-то?

— Ты не узнал перстень?

— Перстень-то я узнал, да вот лицо твое, парень, мне незнакомо. А я думал, что всех гонцов знаю. Думается, вы не прочь будете в компании прокатиться, а? В Хеннет-Аннун, честь по чести. Там и посмотрим, какие вы гонцы.

— Согласен, — Берен спрятал перстень и зашнуровал ворот. — Думаю, в Хеннет-Аннун меня узнают в лицо, госпоже Морвен и госпоже Риан я прихожусь дальним родственником.

— Служил беорингам? — прищурился бородатый.

Берен кивнул.

— Давно ушел?

Берен молча качнул головой в знак отрицания.

— Что слышно про государя вашего, эарна Беоринга? Ты о нем вести несешь?

Берен подумал — и опять кивнул.

— Если о нем и худые — лучше не езд. Госпожа Морвен только-только от пологов оправилась, у ней от худых вестей молоко пропасть может, а своего брата она любит... Разве что только эарна Хурина, да еще сына она больше любит.

— Как назвали мальчишку?

— Почему я знаю. Нынче вечером обряд будет.

— К слову, как зовут тебя, добрый человек?

— Эрмил, — бородатый ощерил зубы, и Ги́ли заметил, что слева выбито штук шесть: оба клыка, следующие два и два коренных.

— Что, Руссандол, любишься, как мне плетень проредили? — еще раз улыбнулся Эрмил. — Любишься-любишься. Это честная дырка, я их не в пьяной драке потерял.

— Три года назад? — прищурился Берен.

— А ты почему знаешь?

— Земля слухом полнится. Расскажи.

— А чего тут особенно рассказывать... Как настал гвирит, снежок с Эред Ветрин сошел — поперли они на нас. Немерена сила, я тебе скажу. Я тогда был в Рысей Сотне, как раз у Эйтель Сирион. Прорывались они в Митрим, тут мы их и перевстрели. Большая битва была

Повелитель Фингон не стал по-дурному на их копья конницей переть, и не велел нам строй держать, велел, наоборот, рассыпаться и нападать с флангов. Так что орудия, которые они приволокли, им мало содились. Получилось чудно: поле мы вроде как отдали, но не проиграли. А когда мертвых считали — их против нас впятеро было. Поймал облизня Саурон: хотел одним ударом все здешние силы раздолбать, да ничего не вышло. Пока они тащились через перевалы, мы горными тропками пройдем и малыми отрядами их то с одного боку, то с другого. Но наконец взяла их сила, обложили они Эйтель Сирион, а сами таки прорвались в Митрим. Как раз там, у озера, наша сотня, да еще Соколиная сотня с их тремястами конницы сошлась. Там-то мне частокол и проломили: здоровенный детина, полуорк какой-то, съездил краем щита по зубам... Этих-то мы в озеро побросали, но дальше — бежать пришлось, потому как это был только передовой разъезд, а за ним перла целая тыща. Все думаю, концы приходят... Бежать-то некуда: ежели они прорвутся за озеро да ударят в тылы эарну Хурину — Хитлум будет весь под ними, как старая кобыла под молодым битюгом. Подошла к нам тысяча пехоты — все, ребята, готовимся стоять, пока не ляжем. А эти — на том берегу реки готовятся переправляться, значит. Подтянулись. Намо свидетель, не вру — не менее десяти тыщ их было! Верить?

— Верю, — сказал горец.

— Нет, ты мне веришь?

— Да верю-верю. Не менее десяти тыщ. И что дальше?

— Дальше они через речку перли, а мы их в этой речке топили. Ох, натерпелся я тогда страху, горец! Там не только люди были, веришь? И не только орки, это одоробло вообще не в счет...

— Волки, — сказал Берен. — Здоровенные волки, каждый — с теленка, клыки в два дюйма, и пока не истыкаешь эту тварь стрелами наподобие ежа — она не остановится.

— Откуда знаешь? — севшим голосом спросил Эрмил.

— Насмотрелся. Против них лучше всего не стрелы, а меч или топор. Когда оно мчится на тебя во всю прыть, нужно в последний миг уйти из-под удара — и рубить по хребту.

— Наловчился... Я-то в первый раз их увидел... Честно скажу: перепугался мало не до усрачки. Только они уже под конец на нас нападать стали... Поначалу они того... своих... подбадривали... Кто в речку лезть не хотел... Ну вот, ближе к вечеру ихняя братья стала. Потому что измотались мы, и поменьшало нас вполовину. И тут — матушки мои родные! — в холмах трубы затрубили, знамена серебряные заплескались: эльфы из Гаваней морем пришли и, как по сходням сбежали в Дренгисте, так и бегли до самого Митрим к нам на выручку. Кто пехом, кто конный — но пеших побольше было. Целую ночь бежали как есть — в доспехах, при оружии, при щитах — и как есть в бой вступили. Веришь, беоринг — я как понял, что умирать зазря не придется — прослезился.

— Верю, — Берен сжал кулак.

— Тыл эарну Хурину мы прикрыли, и те двадцать тысяч, что через перевалы прорывались, он не только отбил, а и опрокинул, и по пескам погнал аж до самой Менаксон. Засыпал там несколько колодцев на прощание: пейте, ребятишки. А сам зашел со своими четырьмя тысячами в зад тем, кто обложил Эйтель Сирион, и крепко мы им там наподдали. Да... Хотя если бы не эльфы Кирдана — может быть я, как ваш эарнил, сейчас по лесам бы мотался да ночами на пепелище своего дома выл. Как государь Фингон успел их так быстро вызвать — я диву даюсь. Колдовство, ничто другое. Да... В этом-то бою потеряли мы эарна Галдора... Молодые эарнили по нем очень горевали...

Они выехали на холм — в долине открылось городище; даже скорее посад. — Хеннет-Аннун, — сказал один из молчаливых дор-ломинских конников.

Город дышал предчувствием веселья: из-за имяположения наследника дома Хадора продлились праздники Виниглоссэ. На въезде в посад и дружинникам, и «гонцам» поднесли по деревянной кружке мутного свежего пива, девушки бросали цветы, требовали ленту на память, звучала музыка...

Частокол вокруг дома Хадора тоже был украшен цветами и листьями, со двора тянуло дымом и жарящимся мясом, пивом и молодой зеленью. Эрмил перекинулся парой слов со стражником на воротах — и их пропустили.

Хеннет-Аннун — так звалось добротное, длинное деревянное здание в один поперх, но с высокой крышей, сложенное из толстенных стволов дуба и поставленное на высокий каменный фундамент. Резные перила с лицами лесных духов огораживали крыльцо, четверо воинов застыли у ступеней и у дверей, опираясь двое на мечи, двое на топоры.

— Кто вы и по какому делу прибыли в Хеннет-Аннун? — спросил с крыльца высокий седой человек в богатом красном кафтане, зеленых штанах и высоких сапогах. — Можете говорить, я Форведуи, домоправитель эарна Хурина.

— Мы — посланцы и вот наш знак, — Берен опять показал перстень. — У нас послание к эарну Хурину. Покажите перстень госпоже Морвен, она узнает его и поручится за нас.

Спешившись, он с коротким, но почтительным поклоном передал перстень домоправителю. Тот поднялся на крыльцо и исчез в высоких резных дверях. Берен передал поводья спешившемуся Гили. Тот, держа коней, разминал ноги и глотал слюну: на поляне за домом жарили мясо.

— Где он? Где посланец? — послышался голос из-за двери. — Я должна его видеть!

Частый, drobный перестук каблуков — на крыльцо вышли две высокие, стройные женщины, одна — в синем платье, другая — в темно-сером; одна — совсем юная, другая — постарше; одна подвижная и задорная, как королек, другая — прямая и строгая, как лезвие меча; одна в расцвете полудетской красоты, другая — женщина, способная сделать счастливым даже эльфийского короля: они и похожи были на эльфиек, обе черноволосые, тонколицые, светлоглазые...

— Aiye, Rian Morfileg! — Берен распахнул объятия. — Elen sila lumenn omentielvo, Morwen Eledhwen! (26)

Одна с визгом кинулась со ступенек ему на шею. Другая, побледнев, так и застыла на крыльце — только пальцы перебирали кольцо Фелагунда, да губы шевельнулись беззвучно, произнося имя...

Глава 5. Хитлум

Казалось, трудно подобрать более разнородную пару, чем Хурин и Морвен. Истинная дочь Беорингов, черноволосая и сероглазая, стройная — даже теперь, после родов, и высокая — на полголовы выше Хурина — она была как морозный узор на стекле. А Хурин странным образом напомнил Берену отца, хотя по внешности ничего общего между ними не было. Барахир был высок, а Хурин на голову уступал Берену, у Барахира, пока он не поседел, были темные волосы, у Хурина — золотые, Барахир бороду брил, а Хурин — нет, может быть, затем, чтоб казаться старше: ведь девятнадцати лет он принял княжество и повелевал людьми много старше себя... А может быть, он стеснялся своего чуть скошенного подбородка, унаследованного от матери-халадинки. Хуор, будучи всего на три года младше брата, выглядел из-за этой своей черты совсем мальчишкой. И даже не глаза — у Барахира были серые в зелень, как дикий камень, у Хурина — в синеву. А вот — взгляд: открытый, смелый, внимательный...

— Как ты растопил этот лед, Хурин? — спросил горец, обнимая племянницу. — Никогда не думал, что снежинка и уголек могут быть такой прекрасной парой. Из вашего сына вырастет что-то особенное, или я — не я.

— Если вырастет что-то хоть вполовину такое как ты, *otorno* (27), — я буду счастлив, — сказал Хурин.

— Если вырастет что-то хоть вполовину такое же как его отец и праотцы, — ответил любезностью Берен, — то и славой и честью он превзойдет меня. Ибо вы сумели отстоять свой край — а я не смог.

— Есть вещи, которые не под силу одному человеку, — ответил Хурин. — И даже дюжине таких героев, какими были твой отец и князь Бреголос с сыновьями. Ты устал, Берен. Риан покажет тебе комнату, я велел затопить баню — отдыхай.

— ...Я забыл спросить, как назвали малыша, — сказал он по дороге, любуясь толстой косой Риан и тем, как она метет вдоль пояска — туда-сюда, туда-сюда... Он покидал Риан четырехлетней малышкой, а теперь — поди ж ты, девица, и все при ней... Еще года три — и замуж... Спорим, что за Хуора? Чтобы узнать, по ком Риан вздыхает, не требовалось ее ни о чем спрашивать — надо было только увидеть, как она краснеет в присутствии княжича. Еще одна славная будет пара, подумал Берен — дай им Единый хоть немножечко счастья...

Риан обернулась, коса скользнула через плечо.

— Турин, — сказала она.

Они вошли в комнату — одну из мужских спален.

— Ты его еще увидишь сегодня, — продолжала Риан. — Морвен говорит, что будет похож на дядю, потому что черненький.

Ее улыбка исчезла, ресницы дрогнули. Берен проследил по лицу девочки весь ход ее мыслей: малыш будет похож на Барагунда, на того самого Барагунда, который вместе с Белегундом покоится под грудой камней в безымянном урочище у Тарн Аэлуин. Там же, где и Барахир, и несчастный Горлим, и юный Хаталдир...

— Ярн Берен, ты расскажешь мне про дэйди? — спросила она. Серые глаза влажно заблестели.

— Не сейчас. — Берен протянул руки и прижал девочку к груди, глядя по волосам и сжимая рукой плечо.

Скрипнула дверь — вошли служанка и Гили с набитыми свежей соломой тюфяками. Риан быстро вытерла слезы и, склонив голову, вышла.

* * *

Младенца ему показали поздним вечером, когда конены, рохиры и магоры, глушившие пиво и вино так, словно завтра — конец миру, уже были вполне самодостаточны и не заметили исчезновения женщин, князя и княжича и гонца, имени которого никто не запомнил.

Толстенные стены Хеннет-Аннун отлично хранили покой малыша Турина от грохота пиршественного зала и гулянки за оградой. Берен понимал причину такого шумного праздника по случаю Имяположения наследника хадорингов — среди невзгод, обрушившихся на Хитлум за последние годы, нужно было пользоваться любой возможностью дать людям, измученным неуверенностью, радость; вдохнуть в них надежду; показать, что Дом Хадора еще стоит и стоять будет.

Юный Турин делал все, что положено делать месячному младенцу: вращал бессмысленными серыми глазенками, хватался за протянутый палец, пускал пузыри, «колдовал» — так Риан называла беспорядочные движения тоненьких лапок — и пытался поднимать головку, если его брали на руки. Для своего возраста он на удивление зарос: густые черные волосы на темечке были в пол-пальца длиной, правда, на затылке образовалась маленькая плешь, но там, где она кончалась, с затылка на шею опускался целый локон, прямо-таки маленькая косица...

Харет, мать Хурина и Хуора, приняла малыша из его ладоней. Казалось, она и няньке не готова доверить внука, и в надежности его родной матери сомневается. Вдвоем со служанкой они остались в комнате, а все прочие вышли в малую трапезную — за Береном был рассказ о гибели Барагунда и Белегунда.

Все сели за небольшой стол, на который хромой слуга по имени Садор поставил лучшее пиво и вино, что Галдор, а теперь — Хурин приберегали для встреч с близкими людьми. Берен глотнул пива, чтобы промочить горло — и начал свою скорбную повесть, ничего не утаивая и не говоря лишнего. Он не смотрел в глаза никому, пока говорил, и лишь когда закончил — обвел всех взглядом.

Сильмарет, жена Белегунда, сидела молча, с неподвижным лицом. Так же молчалива и строга была Морвен. Риан, склонившись к плечу матери, содрогалась от беззвучных рыданий, Хуор, сжав губы и накручивая на палец прядь волос, глядел куда-то в сторону, Хурин, держа руку Морвен, смотрел прямо в лицо Берену и, наверное, за все время, пока длился рассказ, не отвел взгляда.

Берен снова посмотрел на Сильмарет и увидел, как она хороша собой. Она ведь была всего на три года старше Берена и вышла замуж совсем юной, семнадцати лет. Он хорошо помнил ее свадьбу с Белегундом — была весна, в долинах цвели яблони и на невесте был венок из полевых цветов. Ларн Мар-Финнеган вел в поводу белую кобылу, и распущенные волосы невесты были такими длинными, что спускались до седла. Возле ручья ждал Белегунд, в красной рубахе и синем плаще, и его друзья и родичи с выкупом за невесту — у

Берена в руках был разноцветное тонкое льняное полотно, подарок матери и сестрам Сильмарет... Белегунд принял из рук тестя поводья, и перевел лошадь невесты через поток — туда и обратно. А потом она спешила, они произнесли требуемую клятву, отпили из одной чаши, девушки обсыпали их зерном, а аксанир сказал, что они муж и жена перед законом и ликом Единого. Сильмарет сняла венок и бросила, не глядя, в толпу девушек — кто поймает, той идти замуж следующей... А ночью Берен и другие юные лоботрясы торчали под окном молодых — ждали, когда Белегунд по обычаю выбросит в окошко поясok жены...

Берену захотелось сказать ей слова утешения. Напомнить, что, хотя годы счастья прошли — но не пройдут. Ее любовь к Белегунду принесла плод — Риан, она приголубит внуков...

И вдруг — словно мягкая, неощутимая но сильная рука стиснула горло — он понял, что говорить этого нельзя. Что, сказав эти слова утешения, он скажет ложь, потому что...

Потому что внуков Сильмарет не увидит. У Риан будет сын... Белокурый, похожий на Хуора юноша однажды достигнет края этого мира, последним усилием взберется на вершину скалы и замрет на ветру в немом восхищении, увидев — что? Что откроется ему? Ответа не было.

Пророчества никогда не являлись к Берену видениями — они были зримыми образами, но представляли его глазам не здесь и сейчас, а он вспоминал их, словно бы знал давно. Так и здесь — он как будто давно признал внука Сильмарет в высоком, стройном юноше, которого «помнил» взбирающимся на скалу, и знал, что Сильмарет его не увидит, и что судьба этого юноши как-то от него, от Берена, зависит... И это было очень важно — но почему?

Он прочистил горло и сказал совсем не то, что собирался.

— Хотел бы я прийти к вам добрым вестником. Но нет у меня добрых вестей. Простите, племянницы. Прости, хэльдрет...

— Не за что, Берен, — женщина поднялась, обошла стол и, приобняв Берена, поцеловала его в лоб. Потом она вышла. Риан вышла за ней, последней, обняв мужа, вышла Морвен.

— Надо думать, — сказал Хурин, когда они остались втроем, — ты не только за тем сюда приехал, чтобы подтвердить смерть моего тестя?

— Твой ум обгоняет мой язык, оторно, — Берен улыбнулся. — Есть в этом доме место, где можно говорить, не опасаясь?

— Нет такого места, — весело сказал Хуор. — У служанок вот такие уши и вот такие языки. Продажных между ними нет, но есть болтливые.

— Пойдем на берег, — сказал Хурин. — На наше место.

Побросав что-то из снеди в котомку, прихватив бочонок пива и три кружки, они исчезли через задние двери, выбрались в сад и, действительно, спустились к быстрой холодной речке, Нен-Лалаит.

— Итак, — сказал Хуор, когда они сели на обрывистом берегу — действительно, никто не мог подойти незамеченным; снизу, с другого берега доносилась музыка и пылали праздничные костры, а здесь было темно и тихо. — Не затем же ты тащился через горы, чтобы добавить горести моей своячке, которая и без того улыбается только по великим праздникам...

— Я тащился через горы, чтобы сказать: готовьтесь — Саурон нападет на вас, едва распусят почки на деревьях. — Берен повторил то, что рассказывал своей матери и

Финроду.

— Тридцать тысяч? — переспросил Хурин, не веря своим ушам. — Где же ты взял такое число?

— Я знаю, чего и сколько требуется воину в походе, — сказал Берен. — Я знаю, какие оброки собирал Саурон последние три года. И я знаю, что эти оброки не шли на север. Я знаю, что шорникам приказано шить волчьи и лошадиные сбруи, тачать сапоги и резать воловьи шкуры на ременной доспех. Я знаю, что каждый кожевенник должен отдать две дюжины кож в год, а всего за три года было заготовлено три тысячи дюжин, и ни один тюк из этого добра не отправился на север. Я знаю, что в отбитых у гномов орками синегорских копях делается крица, и каждый кузнец должен отдать в год три дюжины лучков на самострелы, десять дюжин наконечников для стрел, пять дюжин наконечников для копий. Я знаю, что всем женщинам остригли волосы и делают из них тетивы. Я знаю, сколько вялится мяса, сколько сушится зерна. И я говорю: все это для армии не меньше чем в тридцать тысяч сабель.

— Ты сам-то что-нибудь надумал? — спросил Хурин. — Твои мысли мне дороги, потому, что ты воевал как никто из нас. Один против всех — я бы так не смог...

— С самого начала, — сказал Берен, — отец думал о мятеже. Мы бродили по всей стране, прикидывали, где Моргот размещает войска и как лучше ударить, чтобы опрокинуть их малыми силами, как подавать сигналы и собирать людей, на кого в деревнях и замках можно положиться... Ни отец, ни я не рискнули только потому, что знали: без помощи извне Дортонион не справится — а кто мог оказать помощь? Но мы готовы были решиться... почти уже решились, когда... Саурон взял Минас-Тирит, и надежда наша погибла. А потом — я остался один...

— А теперь Саурон готов подставить спину, — Хурин схватывал на лету. — Если бы можно было измыслить способ послать весть из Дортониона в Хитлум... Обучить птицу или как-то еще.

— Государь Финрод измыслил способ, — Берен был в восторге от свояка. — Более надежный.

— Стало быть, в день выступления начинается мятеж... И здесь, и в Нарготронде получают известия и выступают... Половине их армии нужно дать переправиться через Ангродовы Гати, а остальных там задержать... Мы перейдем Серебряную Седловину и атакуем с фланга, а эльфы государя Финрода ударят по Минас-Тирит и отберут обратно свой замок...

— Э... — крикнул Берен. — С эльфами государя Финрода не так просто. Я не могу сейчас вам рассказать всего, братья... Честно говоря, мне просто неловко повторять это здесь дважды, да вы поймете почему... Одно скажу: государь Финрод здесь со мной и проследовал вперед — в Барад-Эйтель, куда я прошу направиться и вас ради совета с государем Фингоном. Там вы и узнаете все до конца.

Они выпили еще пива. Берен лег на траву. В небе, прямо над головой, отворилось окошко в тучах, и в нем красной каплей горел Карнил. Деревья не шумели, сонное безветрие пропитало воздух. На другом берегу трещали костры, слышался топот ног, звон бубнов, визг виалей, переливы лютен. Берен узнал ритм нарьи. Если закрыть глаза и забыть про десять прошедших лет... Вот точно так же, искоркой вылетев из праздничного костра, запыхавшийся и пьяный, валился в траву и смотрел в небо, и слушал одним ухом гомон гуляния, а другим — лепет реки... Если забыть про эти годы, и все потери и все страдания...

Но это значит — забыть о Лютиэн... Забыть о Лютиэн? Пусть даже это цена избавления от страданий — она слишком высока.

— Трава дурманит, — сказал, появляясь из кустов, Хуор. — Завтра гроза будет. Другой раз я думаю — а ведь если бы не проклятая эта война, не свидеться ни мне с Риан, ни Хурину с Морвен.

Берен улыбнулся краем рта — Хуор проговорился.

— Так ты положил глаз на Риан? — спросил он. — Стало быть, у меня вскорости появится еще один названный брат?

— Если Риан не передумает. И совестно даже: нам-то судьба подарила небесное счастье — неведомо за что, а другие, которым одна горечь досталась?

— Не спеши никого жалеть, — отрубил Хурин. — Кто еще знает, кому придется круче. У которых никого нет — тем нечего терять. Когда думаю, что станется с Морвен и мальчиком, если Хитлум падет и меня убьют — так у меня словно сердце тупым ножом вынимают. И Морвен тоже будет больно — она слова не проронит, молча все на плечах вынесет, но от этого не легче. У того, кто любит — слабина есть, и в эту слабину всегда можно ударить...

— Так что ж, и не любить никого? — Хуор налил всем еще пива. — Не согласен я!

— Балда ты, братец, — нежно сказал Хурин. — Как будто тут ты решаешь — любить, не любить... Судится тебе — полюбишь, никуда не денешься... Только любовь — это как на лодке-водомерке по горной речке: на миг дрогнешь, выпустишь из рук весло — и все, размажет тебя по камушкам. Вот, Берен соврать не даст...

У Берена екнуло сердце. А Хурин-то откуда знает?

— ...Его оруженосец так свою жену любил, что предал ради нее и друзей, и господина. Но — Берен, твоя воля, ты всех родичей там потерял; а только я его судить не берусь, и Морвен не берется, хотя отца из-за него лишилась.

— На самом деле — и я не берусь, — Берена передернуло от воспоминаний. — К балрогам такие разговоры, Хурин. Давай лучше выпьем и речку послушаем. Она у вас веселая...

— Нен Лалаит, — в голосе Хурина пела нежность. — Я так дочку назову — Лалаит.

— Урвен, — Хуор растянулся на траве. — Если Эледвен после всех этих мучений даст заделать себе еще и дочку, то назовет ее не иначе как в честь бабки: Урвен.

— А я все равно буду звать Лалаит, — уперся Хурин. — Лалаит, и все! Чтобы смешливая была, певучая и быстрая, как эта речка.

— Размечтался...

Берен смотрел на братьев, и они нравились ему все больше. Хурин, даже произнося мрачные, казалось бы, вещи, все равно излучал неистребимую жажду жизни и любовь к ней. Хуор светил вроде бы отраженным светом — но тоже ярко. Понятно, почему обоженные войной Морвен и Риан так тянулись к этим молодым вождям: находиться рядом с ними было все равно что... все равно что сидеть хорошей ночью на берегу Нен Лалаит.

Хурин, кроме этого, был еще и тверд как кремень. Берен и про себя знал, что сделан не из жести — но он знал и то, что Хурин сильнее. Их обоих довольно трудно было бы сломать, но по разным причинам: Берен, чтобы не сломаться, готов был прогнуться достаточно низко — и, стряхивая груз, выпрямиться, подобно стальному пруту двойной закалки. Хурин же больше напоминал стержень медленной долгой закалки, который невозможно ни согнуть, ни изменить его форму ковкой: в каком виде он вышел из горна, в таком и пребудет до

конца. И если сломается — то невосстановимо, навсегда.

Где-то им было легче, чем их родителям: для тех рушился порядок устоявшийся, незабываемый. Почва уходила из-под ног. Для них же этот порядок еще не стал чем-то привычным, они быстро приспособились к новому миру: к миру войны. Скоро привыкли делить людей на своих и врагов, душевно изготавились к неизбежным потерям, и смерть заняла в их сознании не меньше места, чем жизнь. Она и раньше не была оставлена без внимания: в героических песнях, принесенных с востока, то и дело прославлялась чья-то доблестная смерть. Хорошая смерть — вершина жизни, оправдание всему, что в ней было неправильного. Седьмое поколение эдайн увидело другую смерть: жестокую, горькую и бесславленную. Некому оплакать, некому сложить песню, и можно утешиться лишь тем, что ты все-таки выполнил свой долг до конца. Многие не выдержали. Предпочли — выжить. Предателями, рабами, но — выжить. Можно ли осуждать? Кого время оправдает — тех, кто бился до последнего и вместе с кем погиб Дом Беора? Или тех, кто сумеет, пригнувшись, припав к земле, сохранить свой род — чтобы, возможно, через века, снова воспрянули беоринги?

А ведь отец убил бы Мэрдигана, — подумал Берен. Выслушал бы — и убил...

Они еще долго говорили — Хурин и Хуор рассказывали, как защищали перевалы, Берен — о битве при Кэллагане и об отряде отца, и о своих одиноких вылазках... Гулянка стихла, пиво уже не вмещалось, закуска кончилась. Упали первые капли дождя.

— Вернемся, — сказал Хурин. — Надо же когда-то и спать.

Они вернулись в сад через калитку, прошли сонным подворьем и вошли в дом задней дверью.

Ги́ли еще не вернулся — впрочем, сетовать было не на что, так как Берен сам отпустил его на гульбище и не сказал, к какому сроку вернуться. Горец разделся и лег.

Проснулся от того, что рядом кто-то есть. Быстрее, чем успел подумать, подхватился и стиснул рукой запястье пришельца. Запястье было тонким, широкий рукав упал к локтю, обнажив округлое предплечье.

— Сильмарет, — прошептал Берен. — Зачем ты здесь?

— Не шуми, — женщина высвободила руку. — Поговорить с тобой хочу, с глазу на глаз. Ведь столько лет я тебя не видела, и увидеть отчаялась...

Она села рядом на постель, и Берен почувствовал, что она слегка дрожит — и не только от утреннего холода. На ней была шерстяная юбка поверх рубахи, на плечах — платок, прикрывающий низкий вырез и голые плечи. Нет, она пришла сюда не как обольстительница, и держалась не как обольстительница, но уже одно то, что она вошла одна в комнату, где спит один мужчина (Ги́ли, поросенок, так и не явился), не побоявшись застать его нагим (а он, нечасто ночевавший в постели, позволил себе такую роскошь) — это было уже довольно далеко за пределами приличия. Она пришла не соблазнять, но... Берен посмотрел ей в глаза и она не отвела взгляда... Была бы не против, если бы он последовал полусознательному желанию своего тела: обнять ее и привлечь к себе?

— Отвернись, — сказал он. — Я хоть штаны надену.

Она повернулась лицом к двери и, пока он одевался, проговорила:

— Если ты боишься, что худое подумают — так давай на двор выйдем. Все равно ведь пойдешь.

Берен мысленно согласился с ней.

Она дождалась его у ворот и дальше они пошли вместе — Берен решил заодно поискать

Гили. После ночного дождя стоял туман, и ничто не обещало погожего дня.

— Ты говори, — сказал Берен.

— Возьми меня замуж.

На миг он остолбенел. Не от того, с какой прямоотой прозвучала просьба — в конце концов, Сильмарет была вполне зрелой женщиной, старшей в своей маленькой семье и за нее ответчицей; знала, что Берен сегодня-завтра уедет и нет у него времени на все, что положено по обычаю: назначение свадебных родителей, засылку сватов, обмен подарками... будь он свободен — он бы и сам посватался к кому-нибудь так же скоро и просто. Он остолбенел от того, как близко угадал цель ее утреннего прихода и от того, как это перекликалось с его вчерашними предчувствиями... И как это было близко к тому, чего он порой малодушно желал.

Правда Беора не запрещала брать вдову брата, тем паче — двоюродного; в старые времена обычай даже требовал это делать, чтобы не сиротить детей. Сильмарет была еще молода, хороша собой — если прогнать тень с ее лица, так была бы и красива. Никто и слова бы ни сказал. И так просто решил бы спор с сыновьями Феанора... Любовь? Он был бы хорошим мужем ей и хорошим отцом Риан — зачем для этого любовь? Зачем зазубренный шип, который вонзает в сердце и проворачивают каждый раз, когда ты думаешь о любимой? Но он есть, этот шип, и Берен им пронзен, и большего счастья ему не нужно...

Он еще не знал, что ответить, чтоб не обидеть ее, но уже качал головой.

— Что так? — тихо спросила она.

— Я обручен.

— Ты смолчал... А я кольца не разглядела...

— Его и нет. А молчал я потому, что мне больно об этом говорить.

— Вот оно как, — по сторонам от дороги начали попадаться навесы, под которыми вповалку спали гуляки. — Тогда ты прости меня. Навязываться я бы и не подумала — просто решила, что ты свободен. И — спасибо тебе.

— Да за что?

— За то, что корить не стал. Говорить, что могила Белегунда еще мхом не заросла, как я к тебе подкатываюсь...

— Мертвым не больно, — сказал Берен. — Ты одинока. А я напомнил тебе его, молодого.

На этот раз остановилась в оцепенении она.

— А иные не верили, что ты пророк.

— Я не пророк. Иногда я что-то... знаю, но это не значит, что я могу прорицать.

— Но все знают, что мужчинам из Дома Беора открывается истина, когда они поют над чашей. А ты сказал мне мои мысли, которых знать не мог.

— Я сказал тебе то, что видел. Вся твоя боль была у тебя в глазах, когда я закончил рассказ о Белегунде. А когда ты коснулась моего лица ладонями, пальцы твои дрогнули. Вот и все пророчество.

Он хотел было ей сказать о настоящем предчувствии, о светловолосом юноше на скале, но снова понял — нельзя. И еще ощутил, что поступает сейчас правильно, отказывая ей. Да нет, он ведь не мог поступить иначе — без Лютиэн он умрет. Испытания не было — ни секунды...

Не лги сам себе, — сказали ему глаза Сильмарет. — Испытание было, потому что тебя не оставляет сомнение: достоин ли ты полученного дара? И если быть честным —

недостойн. На вершине Эрраханка холодно, снежный блеск слепит глаза и кружится голова. Тебе не выдержать этой битвы. Беги, затаись в тепле недоласканной женщины, отыщи обычную смерть в обычном бою, не бросая вызов Черному Князю. Пусть несбыточное останется несбывшимся и вспоминается только в сладких грезах.

— А скажи, если бы нет... Если бы ты был свободен — тогда что?

Берен не любил таких вопросов.

— Нет, — сказал он. — Все равно нет. Не скрою — случалось такое, что я делил ложе с одинокими женщинами... вдовами. Не все же по лесам ночевать — меня принимали под кров, а в хижинах всего одна постель... И тогда меня не покидало чувство, что в постели нас трое. Это была бы ошибка, Сильмарет. Обнимать одного, а призывать мысленно другого... Ты хороша собой. Выйди замуж за одного из лордов Хитлума.

— Последние десять лет мужчин не хватает и юным девицам, — невесело засмеялась Сильмарет. — Хоть возвращайся к законам предков. Прости меня, Берен — и забудем этот разговор.

Берен охотно выполнил ее просьбу — тем более что под одним из навесов нашлось то, что он искал: рядом с кучей храпящих вповалку тел спали, обнявшись, девица и парень: голова к голове, соломенное золото и красная медь...

* * *

— Надо бы тебя побить, — сказал Берен, глядя на своего бледного оруженосца, измученного головной болью, режью в животе, слабостью и скверным вкусом во рту. — Да на тебя и так глядеть жалко. Есть глупости, которые никто за тебя не сделает и за которые ты сам себя наказываешь, верно?

Гили кивнул.

— Выпей рассол, пожуй смоляной вар, вычеши остюки из волос — ты похож на пугало. Есть ты, бьюсь об заклад, не хочешь... Потом подойдешь на конюшню. Вычистишь лошадей, оседлаешь и взнуздаешь. Все понятно? Шевелись. Похмелье проходит у тех, кто двигается.

Гили шмыгнул носом и пошел «шевелиться»; Берен надел пояс, куртку и вышел к завтраку, в маленькую залу.

Прощальный завтрак. Они втроем с братьями ехали в Барад Эйтель, крепость Фингона. После этого Берен не собирался заезжать в Хеннет-Аннун, хотя ничего не имел бы против того, чтоб еще раз увидеть Морвен.

Он вновь поразился тому, какие же все-таки разные они — Морвен и Хурин. Между легкой и на смех и на слезы Риан и разговорчивым добродушным Хуором все-таки было больше сходства. Он вспомнил собственных родителей — ведь и Барахир с Эмельдир были предельно разными людьми. Горделивая, умная, красивая — в юности ее, как и Морвен, часто принимали за эльфийку — мать была сдержанна даже в гневе, знала в совершенстве и синдарин, и квэнья, знала даже счетные руны — хотя все удивлялись, зачем это женщине; она отшучивалась, что это совершенно необходимое умение для безошибочного расчета петель и нитей при составлении тканых или плетеных узоров, но делала списки с эльфийских книг гораздо более охотно, чем плела на спицах, ткала или вышивала; она

распорядилась составить описание земель Дортониона и по этому описанию нарисовала первую карту и упорядочила сбор податей... Она сделала список с «Валаквэнты» и «Айнулиндалэ», и с «Беседы Финрода и Андрет»... И отец — порывистый, страстный, тоже умный — но совсем по-другому, полагавший Высокое Наречие излишней роскошью в жизни, писавший со страшными ошибками и только знаками Даэрона, но почти совершенный мастер в любом воинском искусстве — от фехтования на мечях до стрельбы с седла, плохо помнивший Свод Беора — почти всегда справлялся у матери — но судивший чаще исходя из здравого смысла, чем из слова закона, и судивший верно. У Барахира чувство справедливости было развито так же сильно, как у плясуна на канате — чувство равновесия. Он не знал, как можно дать слово — и не сдержать, в его глазах такой случай могла оправдать только смерть поклявшегося. Он был жестким и умел быть жестоким — но не понимал, как можно получать от чужих страданий удовольствие. Зная, как подчинить себе людей и командовать ими, он безоговорочно принимал власть старшего брата, которого любил с детства. Пожалуй, у Хурина было много с ним общего — наверное, поэтому душа как-то сразу легла к хитлумскому эарну. Но Хурин в большей степени был... Берен не находил подходящего слова. Чтобы долго не объяснять: отцу пришлось бы растолковывать их с Финродом замысел — Хурин понял с полуслова, и подхватил, и повел дальше, загоровшись сразу. Нет, Барахир был не глуп, он был даже очень умен, но это был ум человека, который быстро отыскивает верный путь в лабиринте; а Хурин как будто был способен приподняться над лабиринтом и увидеть все сразу. У эльфов есть страсть к новым словам, нужно подобрать слово и для этого понятия. Поняв, что завидует в этом Хурину, он ощутил себя где-то ущербным: зависть всегда казалась ему недостойным чувством, и это, кстати, тоже было от Барахира. Завидовать глупо, наставлял его отец, ибо если ты в силах добиться того, чему завидуешь у других, значит, не растрачивай сил на зависть, а добивайся; а если ты не в силах — значит, так тебе судили Валар, тут уж ничего не изменишь, и нужно добиваться того, чего сможешь добиться, опять же не расходовать себя на зависть.

Суждения отца были такими во всем: вроде бы простыми и неглубокими, но, как правило — верными.

...Морвен на прощание подарила ему плетеную льняную рубашку. Плела эльфийским способом: бока и рукава — цельно плетеные, без швов, на подмышках — дыры.

— А что я получу от младшенькой? — спросил он у Риан.

— Щелчка в лоб, — ответила та, и тут же разревелась, прижавшись к его груди: — Ох, Берен, Берен...

Она подарила пояс, плетеный в семь разноцветных ремней, и серебряную серьгу — простое маленькое кольцо. Обычай носить серьги сохранился теперь только среди беженцев: в Дортонионе орки запросто могли снять серьгу вместе с ухом.

— Что-то мне говорит, что теперь мы и в самом деле навсегда расстаемся, — сказала Морвен.

— Не бери в голову, — продолжая обнимать Риан, он взял Морвен за руку. — Ох уж эти мне горянки с их предчувствиями и пророчествами!

— Злая судьба ждет нас всех, — прошептала Эледвен, сжимая его пальцы — и в этот миг так неуловимо и сильно стала она похожа на Лютиэн, что у Берена дыхание пресеклось. — Не хочу в это верить — а душа болит. За себя не страшно, за Хурина тоже не так... За маленького боюсь.

— Не надо бояться, — не своим, деревянным голосом сказал Берен. — Даже если и есть

какая-то злая судьба, то между вами и нею стоим мы. И будем стоять, пока живы. Помни об этом, сестренка. И до свидания.

— Прощай, — печально улыбнулась Морвен.

* * *

Следующим вечером Гили наконец-то увидел настоящий эльфийский замок. Правда, оценить увиденное не смог: во-первых, было уже темно, во-вторых, похмельное недомогание его еще не отпустило и он был весь в себе, в-третьих, шел занудный мелкий дождь, не прекращавшийся почти до вечера, из-за чего всю дорогу Гили прятался в плащ и капюшон. Так что замок Барад-Эйтель в вечер прибытия остался для него не более чем названием.

Комната, которую им дали на двоих, была маленькой, но не тесной — в ней не было ничего лишнего: кровать у стены, небольшой стол — каменная столешница на деревянной раме — два табурета и широкая лавка. Берен показал, где в стенной нише лежит постель — набитый сеном плоский мешок и плотное шерстяное одеяло; где в каменном выступе проходит полость с теплым воздухом — такие приспособления были во всех эльфийских замках. Мокрую одежду можно было положить на горячий камень и высушить. Говорят, заметил Берен, эльфы переняли это у гномов, только там горячий воздух идет из глубин земли, а здесь нарочно топят в подвале большую печь. Одним камнем убивают двух птиц: эта же печь согревает и кухонные плиты, а кухня здесь — будь здоров: постоянный гарнизон Барад-Эйтель составляет больше тысячи человек и эльфов, не считая семей и прислуги, а во время войны крепость может вместить еще семь тысяч душ. Рассказав об этом, Берен тут же погнался оруженосца за горячей водой — вымыться на ночь. Подражая эльфам, человеческая знать подражала и их чистоплотности. Гили и сам уже привык по всякому поводу мыть руки и чистить зубы палочкой с разжеванным кончиком, но мытье после целого дня езды под дождем казалось ему все-таки излишеством.

На следующее утро Берен велел ему, закончив все дела, найти Айменела. Однако Айменел первым нашел Гили в конюшне. У эльфа было при себе два меча — затупленных учебных скаты (28). Стража легко выпустила их за ворота, и они свернули к ровной, засыпанной песком площадке, где еще с полторы сотни человек — и эльфов — упражнялись во владении оружием.

Гили перетрусил. Ему как-то не пришло в голову, что когда-то все, находящиеся здесь, были такими же неумехами, как он. Он видел множество мужчин и таких же, как он сам, мальчишек, проделывающих красивые, сложные и опасные движения, иногда — в одиночку, иногда — парами, а то и один отбивался от нескольких — и все эти движения казались ему недостижимо ловкими и ладными. Спина сразу стала деревянной, а ноги слегка подкосились.

Они нашли свободное место с краешку. Айменел протянул ему один из мечей, рукоятью вперед. Взял свой меч за клинок у гарды, показал Гили раскрытую правую ладонь — и вложил в нее рукоять, показывая, как правильно сжать пальцы. Гили повторил движение. Попытался скопировать стойку.

— Ты держишь птицу, — сказал эльф. — Сильно сожмешь — задушишь. Слабо сожмешь — улетит.

Меч в его руке совершил короткое, мощное движение, ударил по клинку Гили — тот вылетел у паренька из рук.

— Улетела, — улыбнулся Айменел.

Гили пошел за мечом, подобрал его.

— Сначала — один, — сказал эльф. — Без пары. Привыкай к мечу. Приучай руку.

Они встали рядом, Айменел показал первое движение.

— «Морской змей», — сказал он, описывая клинком круг слева от себя, потом — справа, так, что лезвие, проходя впереди, рубило воздух сверху вниз. Левая рука эльфа была за спиной, заложена за пояс.

Гили начал повторять движение, Айменел обошел его кругом.

— Локоть, — сказал он, — легонько стукнув ученика по неловко вынесенному в момент поднимания меча локтю. Гили вскрикнул и уронил руку.

— Tiro! (29) — Айменел снова встал в стойку. «Смотри!» — понял Гили. — Не локоть работает. Quare. Тянешь меч вверх — не надо. Сам взлетать должен. Есть вес. Есть сила. Есть движение. Вот он вниз пошел, сам упал... — эльф рубанул мечом воздух, чуть-чуть повернул кисть — меч действительно сам, описав круг, вышел на позицию для удара. — Немножко рукой помогаешь, совсем немножко — он сам идет вверх.

Гили попробовал повторить упражнение с той же летящей грацией — не получилось, меч не набрал нужной скорости, все равно нужно было тащить его вверх, вынося локоть.

— Медленно делаешь, — покачал головой Айменел. — Меча боишься. Себя боишься. Сжимаешь кисть, душишь птицу. Не надо. Запястье свободно, — он вытянул руку вверх, меч завертелся мельницей над его головой: рука оставалась почти неподвижной, работала только кисть. — У тебя сильные руки, они должны только вспомнить это. Care! («делай!»)

Гили начал «вспоминать». Вскоре стало получаться, но прибавилась новая беда: другие ребята, кто постарше него, а кто помладше, присев неподалеку на бревно для передышки, начали обмениваться ехидными замечаниями — нарочно громко, чтобы услышал Гили, и нарочно — на талиска, чтобы не понял эльф.

— Смотри, какая деревенщина взялась за меч, — сказал один из них.

— И нашел когда! Как будто в пятнадцать лет начавши, уже можно научиться...

— Гляньте, как он за рукоятку держится! Ни дать ни взять — как за коровью сиську.

— Эй, селюк, чего морда побитая? На горох упал?

— Не, мыши погрызли!

Гили вспыхнул, движения мгновенно утратили обретенную было легкость. Айменел глянул на мальчишек — те умолкли. Смысл их речей эльфу не был понятен, но тон говорил сам за себя.

— Avalasto! — повернулся он к Гили. — Не слушай. Никого между тобой и мечом. Care.

Мальчишек очень скоро разогнал по местам наставник — высокий бородатый человек. До обеда Айменел загонял Гили до того, что тот не чувствовал рук.

* * *

— Где ты такого нашел? — спросил Хурин с оттенком сочувствия. — Он же не умеет

ничего. И на коне держится как собака на заборе...

— Так уж и ничего... — Берен усмехнулся. — Мечом не владеет — это да, а умеет многое. У него ясная голова и хорошие глаза... и он мне нравится. А меч... Научится.

Хуор покачал головой.

— Как надо — уже в жизни не научится. Зачем ты не взял горского мальчишку? Из тех, кому в колыбель клали меч, а ездить верхом учили раньше, чем ходить?

— Потому что этот мальчишка уже разболтал бы, кто я и кто он, а к вечеру передрался с половиной оруженосцев Барад-Эйтель.

Хуор снова покачал головой.

— Не будет из него воина. Он ведь даже не магор, не бонд — сын раба или батрака. Посмотри, как он двигается — в нем есть страх.

— Посмотрим, — Берен в последний раз оглянулся с балкона на своего оруженосца и вернулся вместе с братьями к столу.

Со стола уже убрали все, что осталось от легкого завтрака, теперь на нем снова была расстелена карта Белерианда — самая большая и красивая из всех, что видел Берен. Начертив рисунок на целой простыне баснословно дорогого шелка, Финрод (а это была, несомненно, его рука) пропитал ткань чем-то вроде воска, навсегда закрепив очертания берегов, рек, гор, лесов и болот. Ни городов, ни крепостей не было на этой карте. Их обозначили только что — расставив на ней шашечки для игры в «обманку». Белые — Барад-Эйтель, Химринг, Гавани. Черные — Тол-Сирион, Каргонд, Бар-эн-Эмин, Амон Реир.. Дортонион и Лотлэнн — двери в Нижний Белерианд. Все утро Берен рассказывал и отвечал на вопросы. Теперь настало время осмысления и принятия решений.

Они сели вокруг стола — Государь Фингон, верховный король всех нолдор; его военачальники — Каримбэ Артанор, Артанор Голая Рука (во время Дагор-нуин-Гилят, когда меч его был сломан, а щит — расколот, Артанор убил бросившегося на него предводителя орков ударом кулака в лицо, и до конца сражения бился взятым у врага мечом, за что его прозвали также Ирмегил, хотя это прозвище ему не нравилось), Хурин и Хуор — вожди людей Дор-Ломина; Финрод и Эдрахил, и сам Берен.

Фингон был одет в шитый золотом синий кафтан, просторные штаны для верховой езды и мягкие сапоги зеленого цвета. Никаких знаков королевского достоинства — если не считать гордой осанки и твердого, ясного взгляда — на нем не было, да они были и не нужны. Все здесь признавали его верховным королем нолдор, для всех слово его было законом.

— Итак, — сказал Фингон, — Мы выслушали Берена. Сейчас Хитлум насчитывает тринадцать тысяч воинов — самое большее. В то время как армия Сауона в Дортонионе насчитывает пятнадцать тысяч. Если бы можно было твердо заручиться поддержкой Маэдраса, я бы рискнул нанести упреждающий удар этой осенью. Но, насколько я знаю, оказать поддержку он не сможет. Силы Кирдана нам не помогут в наступлении через горы — значит, мысль о наступлении придется оставить...

Эльфы Хитлума понесли тяжелые потери со времени Дагор Браголлах. И не восстановили их до сих пор — эльфы медленно взрослеют, и, что еще хуже, не зачинают и не рожают детей в годы бедствий: благословение эльдар, зачатие только по обоюдному и сильному желанию родителей — обернулось проклятием. Средняя человеческая семья имела от трех до пяти детей, средняя эльфийская — хорошо, если одного. За годы, прошедшие с Дагор Браголлах, эльфийское население Хитлума сократилось. Эльдар

понимали всю бедственность такого положения дел — но изменить своей сущности не могли — ведь нельзя заставить себя желать ребенка, зная, что он обречен на скорбь и одиночество. Многие уходили — либо отсылали жен и детей на Юг, а Нан Татрен, в Гавани, в Оссирианд...

И людям приходилось не легче. Дело ведь не в том, сколько воинов ты сможешь набрать — а в том, сколько сможешь прокормить. Есть воин — нет пахаря. Постоянное давление со стороны Саурана вынуждало Хурина держать в Эред Ветрин армию в четыре тысячи латников — и это был предел, ради которого пришлось увеличить щитовой сбор почти вдвое по сравнению с довоенными временами. Если увеличить хоть еще немного — люди просто перестанут платить, придется отбирать силой, вот и весь сказ, развел руками Хурин. Почти то же самое было у Фингона: гарнизон Барад-Эйтель находился в постоянном напряжении, и не меньше двух тысяч воинов приходилось держать на северных границах. Если увеличить сборы ради увеличения армии — эльфы не перестанут платить, но начнут голодать.

После сбора урожая, созвав под знамена бондов с их людьми и эльфов-поселенцев из Митрима и Хитлума, братья и Фингон могли бы выставить восемь и шесть тысяч, помимо тех двух, которых никак нельзя было отозвать с северных границ. Но ведь Саурон, хитрая бестия, не станет дожидаться сбора урожая в следующем году, а в этом — наступление невозможно...

— Мы не можем собрать войско, потому что его некому будет кормить, — вслух рассудил Хурин. — И мы не можем не собирать войска, потому что его собирает Саурон. Это напоминает мне сказочку про мудрую деву, которой князь дал задание прийти к нему и нагой, и одетой...

— И что же сделала сия мудрая девица? — заинтересовался Артанор, не знавший сказки.

— Завернулась в ловчую сеть, — ответил ему Финрод. — Вот и разгадка. Мы не должны выставлять войско против Саурана. Мы должны не дать ему выставить войско.

— У него уже есть войско, — в голосе Верховного Короля было некоторое недоумение. — Если верить Берену.

— У него есть пятнадцать тысяч копий, сказал я. Но это еще не войско. Король мой Финрод прав, нельзя дать этой ораве стать войском. Государь Фингон, этой осенью я собираюсь вернуться в Дортонион и к следующей весне поднять мятеж одновременно с началом выступления Саурана. Если бы одновременно выступили и вы — Тху оказался бы между молотом и наковальней. Я хочу, чтобы он завершил вербовку и обучение десяти тысяч солдат в Дортонионе — для меня! Часть их, конечно, будет отребьем, от которого придется избавиться. Но если хотя бы половина окажется мне верна — мы сумеем задержать выдвижение армии на то время, которое вам понадобится, чтобы взять Тол-Сирион.

— Весной, до начала полевых работ, — глаза Хурина загорелись. — Когда снег сойдет с перевалов. Перейти Серебряную Седловину и ударить по Гнезду Обратной, пока их войска будут тащиться к Барад-Эйтель.

— Перехватить их на марше возле Топей, — поддержал Артанор. — Загнать на Ангродовы гати, перебить из дальнобойных луков и камнеметалок.

— Ничего не выйдет, — остудил их Фингон. — Для этого нужно знать день и час выступления, день и час начала мятежа. Ни один гонец не окажется достаточно скор.

— Палантир, — сказал Финрод. — Я отдаю Берену Палантир.

Все онемели.

— Ни один человек еще не пользовался Палантиром, — вырвалось у Артанора. — Это возможно?

— Берен будет первым. Это возможно, хотя и труднее, чем я думал.

— Но люди не владеют осанвэ!

— Владеют, — ответил Берен, чувствуя, как кровь приливает к лицу. Он мог очень легко рассказать о том, с кем и как узнал, что владеет осанвэ, но вспоминал это всегда очень ярко.

— Тар Фингон, — сказал он, поднимаясь. — Думаю, мой король ответил бы тебе, если бы ты спросил, отчего произошел раскол в Нарготронде, но будет правильно, если это расскажу я...

Он с силой провел по лицу руками, чтобы скрыть румянец, и начал — с того дня, как спустился Эред Горгор, до того дня, как покинул Нарготронд. Чем дальше он вел свой рассказ, тем больше изумления было в глазах Фингона, Артанора, Хуора и Хурина. Когда он закончил, никто долго не говорил ни слова. «Все», — решил Берен. — «Сейчас Фингон вежливо и извилисто, по-эльфийски, скажет: так на кой ты тогда мне сдался, Инголдо Финарато Атандил?»

— Войско Нарготронда было бы неизмеримо ценной помощью, — после молчания сказал Фингон. — Но я помню, Инголдо, что твоя помощь — бесценна.

Финрод вскинул голову, обвел всех взглядом.

— Мне ничего не нужно от этого союза — ни для себя, ни для Нарготронда, ни для Дома Финарфина. Я не желаю награды большей, чем победа, а если мы падем... Падение будет страшным и скорым, и наши титулы, наши короны, имена наших домов — перестанут что-либо значить. Вот почему я отказался от короны, оторно. Она бы мне только мешала. Я не хочу, чтобы говорили: руками Фингона Финрод хочет вернуть себе Тол-Сирион и свой лен. И что бы ни случилось в дальнейшем — в Нарготронд я не вернусь.

Берен в очередной раз убедился, что в эльфах не разбирается и никогда, по всей видимости, не разберется. С одной стороны — Финрод, с другой — Келегорм и Куруфин... Фингон был ближе к этим: твердый, даже жесткий, холодный... Берен готов был его понять — слишком много ответственности на этих плечах — Верховный Король нолдор...

— Сыновья Феанора стали позволять себе слишком много, — голос Фингона зазвучал металлом. — Но для того, что мы задумали, будет лучше, если все останется как есть — до весны. Пусть Враг не опасается единственного города, который может помочь нам быстро. Пусть гадает, что там — или узнает про смуту. Как только все кончится, мы с Маэдросом приведем Келегорма и Куруфина в чувство.

— Думаю, когда все закончится — они так или иначе придут в чувство сами, или... некому будет их туда приводить.

— Ты прав, — Фингон оглядел всех присутствующих. — Настало время взглянуть правде в лицо: эта война не будет очередной битвой и очередной временной победой: если нам удастся взять верх, отстоять Хитлум и отбить Дортонион — следующим шагом должно стать наше наступление!

«Это сказал не Финрод, — отметил Берен. — До этого Фингон дошел сам».

До вечера Гили научился еще сочетать «морского змея» с перемещением и отбивать удары, наносимые таким способом — пока только мечом, без щита. Он устал как пес, и, когда он в трапезной черпал из общего котла, руки его дрожали.

— Осторожно, деревня! — сказал белобрысый паренек, которому брызги похлебки попали на рукав.

— Прощения прошу, — сказал Гили, чем только усугубил положение. Развернувшись, он споткнулся о подставленную ногу белобрысого и растянулся на полу, расплескав свою похлебку и разбив миску.

Поднимаясь на ноги под общий смех, он растерянно оглянулся и встретился глазами с Береном, который спустился сюда не иначе как за ним. Первым порывом было — обратиться за помощью; но лицо горца оставалось непроницаемо-холодным, и Гили понял, что просить защиты нельзя. Он не чувствовал опоры под ногами, словно барахтался в трясине: крестьянский парнишка должен был стерпеть такую обиду безропотно. Но он же был — оруженосец, почти воин! Да, но какой он воин — ничего не умеет. И все же...

Мгновенно преодолев смятение, движением, в котором было больше отчаянного страха, чем уязвленной гордости, он развернулся и ударил белобрысого кулаком по лицу. Брызнула кровь — Гили попал точно в нос.

Все повставали с мест. За спиной Берена неслышно, как будто из воздуха, возникли Айменел и Кальмегил.

— Что произошло? — от своего стола двигался один из рохиров Фингона, человек.

— Этот рыжий разбил Арви нос. Ни с того ни с сего, — сказал сидевший ближе всех паренек в черной рубашке без рукавов.

Все замерли. В этом внимании было что-то незнакомое Гили до сих пор, он только потом распознал — что. Ожидание и предвкушение зрелища.

— Так что же, Арви считает себя обиженным? — спокойно спросил рохир.

Арви, все еще держась за нос, кивнул головой. Трапезная взорвалась радостными криками.

— И ты не станешь просить прощения за незаслуженную обиду? — повернулся рохир к Гили.

Тот все еще не понимал смысла происходящего.

— Не стану, — он обнаглел от страха. — Я его за дело треснул.

— Тогда — завтра на закате, — Арви с сожалением посмотрел на испачканный кровью рукав.

— Тебе понадобится напарник, — внезапно в разговор вступил Айменел. — Потому что я буду биться с победителем.

Арви понял, что не все так просто.

— Может, ты, смелый такой? — эльф посмотрел в лицо чернявому в безрукавке. — Или биться с тем, кто тебя побьет, не так весело?

— Я принимаю! — паренек вскочил со своего места.

— Значит, завтра на закате, двое на двое, — рохир коротко поклонившись Берену и Кальмегилу, ушел. Оруженосцы живо принялись за еду — им предстояло еще прислуживать за столом старшим.

— А я только-только похвастался эарну Хурину твоим смирением, — усмехнулся Берен.

— Он — молодец, — сказал Айменел.

— Он не понимает, на что напросился. Не понимаешь ведь?

Гили качнул головой. Речь шла о какой-то драке — неужели из-за разбитого носа будет поединок?

— Этот светлый, Арви, вызвал тебя биться на шестах. Завтра на закате. Правил два: нельзя бить в лицо и нельзя бить лежачего. Тот, кто упал и не встал, считается проигравшим.

— Так ведь я же не умею, — тихо сказал паренек.

— Арви этого и хочет: быстро и красиво тебя вздуть всем на потеху. Но теперь, когда он тебя побьет (от этого «когда» у Гили стало солоно во рту), ему придется иметь дело с Айменелом, и он на собственной шкуре узнает, каково биться с противником, который намного сильнее. Чтобы поединок был справедливым, напарников должно быть двое. Так что после Арви Айменел побьет и этого черненького.

— А если тот — его?

Айменел засмеялся. Такая возможность им не рассматривалась.

Получается, черненький вызвался просто получить по шее... Гили он был никто — не друг, не сват и не брат, он дразнился и смеялся так же, как все, но отчего-то теперь вызывал уважение.

— Нечего тебе здесь делать, — сказал Берен. — Будешь прислуживать нам за столом, а потом поешь — и поговорим.

* * *

Разговор получился короткий и страшноватый. Берен уже давно и крепко спал, а Гили все ворочался, вспоминая.

— ...Ты случайно не думаешь, что я подобрал тебя из жалости?

Гили пожал плечами. Сначала он так думал. Потом — не знал, что и думать.

— Милосерднее всего, пожалуй, было бы оставить тебя Алдаду. Он, конечно, свинья, но не похоже, чтобы он истязал рабов или морил их голодом... Или ты все-таки считаешь иначе?

— Я хотел быть воином, — твердо сказал Гили.

— Но ты не совсем понимаешь, что это значит — быть воином. Тем более — оруженосцем, — угол губ дернулся усмешкой. — Тем более — моим... Я собираюсь вернуться под Тень, Гили. Не очень скоро, не завтра — но я вернусь. И мне там понадобится человек... Мальчишка, который пройдет там, где на взрослого обязательно обратят внимание. Которого я смогу послать с вестью или в разведку... Которым смогу пожертвовать в случае надобности. Это одна из сторон отношений вассала и лорда, Руско: лорд жертвует тобой, когда это нужно — и ты это принимаешь. Ради Дортониона и Нарготронда я пожертвую тобой без колебаний... А Государь Финрод — мной...

— А Государь Фингон — Королем Финродом?

Берен молча кивнул.

— Владение мечом, копьем или луком само по себе значит не так много, — сказал он после полуминутного молчания. — Воин отличается от не-воина в первую очередь взглядом на жизнь. Я смотрю тебе в глаза и вижу твои мысли: «Почему завтра на закате я должен

быть избит за то, что сегодня был оскорблен и ответил на оскорбление ударом?». Я не стану ничего тебе объяснять. Если ты сам не сможешь ответить на этот вопрос к утру — скажи мне. Я избавлю тебя от необходимости на него отвечать. Я отправлю тебя в Хеннет-Аннун, Морвен найдет тебе работу, на том и покончим.

— А Айменел?

— Ему будет стыдно за тебя, но он промолчит, и никто из этих мальчишек ему тоже ничего не скажет.

— А ты?

— А мне плевать, что будут болтать сопляки.

— Но ведь тебе... нужен будет... человек...

— Человек, который не побоится пыток и смерти — не то что пары синяков.

— Но почему я? В Бретиле вроде как много других мальчишек, настоящих горцев... Здесь тоже... Если бы ты сказал, кто ты — любой бы...

— «Любой» мне не годится. Как бы это объяснить... Бывает время, когда оскорбление и позор снести нельзя — а бывает время, когда нужно. Ты мне кажешься пареньком, способным и на одно, и на второе... И способным отличить одно от другого.

«Нет... не могу я... Тяжело это, слишком тяжело...»

Он лежал вниз лицом и кусал губы.

Нет, ну еще понятно, если бы он умел биться на шестах и мог победить. Его целый день травили, он наконец дал кое-кому по морде, а потом вышел на поединок и доказал, что прав. Хорошо. Но ведь он выйдет только для того, чтобы его били, пока он может подниматься! И ведь нельзя будет после первого же удара бухнуться и не вставать — позора не оберешься.

Но ведь эти двое тоже знают, что их поколотят... И все-таки — ни один не отступился. Зная, что проиграешь — какой смысл драться? Они видят смысл — значит, он есть.

С чего началось? С обиды и лжи. Причем из-за лжи обиженной стороной, имеющей право на возмездие, был признан вовсе не Гили. Ладно. Оба могли повиниться, сказать, что были неправы и солгали — и ему, и им было бы легче. Так ведь нет же... И что-то подсказывало Гили, что никто из двоих не прибегнет к простой уловке, которая позволила бы им обоим отделаться значительно легче: быстро проиграть Гили, который, может, и хотел бы — а не сумеет наставить столько шишек, сколько Айменел. Они этого не сделают, жалость-то какая... Но почему?

Они лгали и издевались, но пришло время отвечать за свои слова — и они готовы. А он? Он назвался оруженосцем, пусть даже для всех — оруженосцем какого-то Эминдила Безродного. Это значит, что и он должен быть готов отвечать за свои слова. Действовать — как действует оруженосец...

Все-таки глупо получается — если ты виноват, но победил в драке — тебя оправдывают. А если прав, но проиграл — над тобой смеются. Несправедливо это. А отец Берена говорил, что справедливость носят у бедра. Значит, сильный сам устанавливает в мире ту справедливость, которая ему нравится. Ну так какой же смысл выходить против сильного с оружием, зная, что он тебе надает? Воин выйдет, потому что видит в этом какой-то смысл... Значит, и Гили должен увидеть — какой?

Да лучше бы он остался с Алдадом — по крайней мере, получая пинки, он не был бы обязан напрашиваться на новые! Но ведь путь к отступлению есть... Есть большой дом Хеннет-Аннун, и строгая госпожа Морвен, и ласковая госпожа Риан... Да, так будет лучше всего. Бывают люди, пригодные к ратному делу, а бывают — к простому труду, и он — из

последних. Это не стыдно. Это правильно...

Он сел на постели, посмотрел на своего господина. В темноте черт лица было не разобрать, только дыхание слышалось — тихое и ровное. «Зачем ты мне сдался»? — зло подумал Гили. — Подумаешь, великий воин, Берен Беоринг... Да что в тебе такого особенного, чем ты лучше меня? Тем, что смала держался за меч и привыкал к тому, что рожден коненом, командиром воинов? Почему ты так припал мне до сердца? Ну, шел бы ты себе мимо и шел, как шли другие, и никому до меня не было дела... Нет, сглянулся на меня... Ну да, не хотелось мне становиться рабом, и тебе, видно, рабство поперек горла: взял и встрял. Нашел мне добрых хозяев вместо злых, большое тебе спасибочки. Так отчего меня с души воротит от этих мыслей — что я буду просто слугой, или просто батраком — и больше ничем? Оттого, что я шел к тетке, а пришел к могиле? Ну так я и ушел от могилы... Мать, отец, сестры... Какая разница — орки или оспа, мертвым все едино. Мать вон могла уйти, как некоторые ушли — пока была здорова: нет, осталась, ухаживала и за отцом, и за мной и за девками, пока сама не померла, а ей и воды поднести было некому. Что, она трусливее, чем Берен? По-моему, не трусливее. Она не забоялась смерти, потому что про ее детей шло, про кровь родную... А если нужно идти на смерть ради людей, вовсе тебе посторонних? Ну, сам же думал, сидя у озера: стану воином, чтобы никого не хватали и не резали в ночи? Думал... А теперь — на попятную.

...А ведь так их, наверное, и учат: чуть что — в драку. Один раз побьют, второй побьют — на третий сам побьешь кого-то...

Гили даже слегка опешил от очевидности такой догадки: а ты думал, что воин сразу идет биться не меньше как за свой родной дом? Если воин — бонд, или, как говорил Берен, дан — тогда, наверное, да. А ежели он рохир или воин дружины? Тогда он бьется там, где ему велено, вовсе не всегда — за родную хату. А значит, он должен быть готов биться когда угодно, с кем угодно, где угодно... Да и повод значения не имеет. И не имеет значения, уцелеешь ты в драке или нет, и чем тебе грозит поражение — смертью или в худшем случае парой сломанных ребер.

Глаза Гили уже привыкли к темноте, и черты лица спящего хозяина он теперь различал, хоть и нечетко. Этой ночью Берен спал спокойно. И сам он во сне чем-то походил на эльфа — днем его лицо для этого было слишком подвижным. Герой... Судя по обмолвкам, Берен не считал себя кем-то особенным, да и ничего хорошего в своей жизни не видел. «Приключения — это какая-нибудь зараза все время норовит тебя убить. А ты ей мешаешь по мере сил». Отчего же это так волнует и завораживает тех, кто смотрит со стороны? Отчего Гили хочется заслужить его одобрение, словно он — отец или старший брат? На кого-кого, а на отца он вовсе не похож. Отец всю жизнь прожил, не поднимая головы от земли: эльфы, люди, орки — всем жрать надо, все хотят хлеба, а сколько его прибавится в мире, если поля засеять железом? Отец бы ни Берена, ни Гили не одобрил. Выжить, считал он — вот что главное. Были могучие эльфийские короли, вожди людей и гномов, сражавшиеся с Темным — где они все? А род фермеров так и не прерывался, пока не пришла черная хвороба. Что толку в песнях, которые бродяги поют по деревням, а дураки слушают? Холодно ли тебе от них, жарко ли, если ты лежишь в земле и черви глодают твои кости?

Но если память о тебе жива в песнях — может, не весь ты мертв?

Голова кругом...

Гили не мог и не решался заснуть, не приняв решения. До сих пор жизнь несла его как сухую щепку в половодье: вымело из деревни, протатило Андрамским трактом, прибило к

Берену... Все шло больше-меньше само собой, он не выбирал своей судьбы, а вот сейчас впервые в жизни настало время это делать. Или он раз и навсегда скажет себе и миру — я маленький человек, и не хочу спрашивать с себя много. Или он решится стать больше, чем он был — но тогда не откусит ли он кусок, который не сможет проглотить?

С тобой рядом страшно и весело, — подумал он, глядя на Берена. Ты красивый и опасный, как снежная лавина. Если я выберу жизнь слуги, никогда уже не будет так страшно и весело, так красиво и опасно. Опасно и страшно — еще может быть, времена сейчас плохие. Но весело — это вряд ли. Не увижу я больше ни чужих краев, ни эльфийских диковинок. И вообще эльфов не увижу, наверное... А Айменел — такой славный парень, и Эллуин тоже ничего, и такой красивый у них язык, и такие дивные песни... Неужели — променяю все это на спокойствие?

Приняв решение, Гили вдруг почему-то почувствовал умиротворение и быстро заснул. И все же, промелькнуло в его мыслях напоследок, — почему ты не взял с собой вместо меня горского паренька, боевитого и охочего до драк?

* * *

— Ну и удивил же ты меня, свояк, — Хурин, кажется, так до конца и не отошел от потрясения. — Еще не было того, чтобы смертный посягал на такое великое сокровище нолдор...

— Я посягаю на великое сокровище синдар. На нолдорское сокровище посягает Тингол.

— Да. И он нам, выходит, тоже теперь не союзник... Истинно, Проклятье на этих камнях... — Хурин смотрел на Берена с глубоким сочувствием. — Как же все теперь перепуталось.

— Если бы у меня были дочь или сестра, я бы за честь посчитал отдать ее за тебя, — горячо добавил Хуор. — А Тингол не в меру горд, и это ему еще выйдет боком. Одного я не пойму: почему он просто не сказал тебе «нет» на твое сватовство — все было бы честней и благородней, чем посылать тебя к Морготу в пасть или на клинки феанорингов...

— Не мог он отказать, — ответил брату Хурин. — У эльфов нет такого закона, чтобы запрещать женщине выходить за того, кто ей люб. Зато можно хитро извернуться — и сделать дочь вдовой прежде свадьбы...

— А ты, свояк, меня раньше времени не хорони, — вдруг разозлился Берен. — Мне хватило удачи пережить многих своих врагов.

— На Моргота и сыновей Феанора никакой удачи не станет. По крайней мере, у смертного.

Они вышли за ворота, присоединившись к немногочисленным зрителям на песчаной площадке.

Солнце садилось.

...Айменел весь день учил Гили биться на шестах — чтобы тот, прежде чем свалиться, успел поставить противнику синяк-другой. Но когда поединщики сбросили рубашки, чтобы не пятнать их кровью, и встали напротив — вся наспех усвоенная наука вылетела у паренька из головы. Снова возникло разогнанное было упражнениями одеревенение, и слегка

задрожали колени.

Драка между мальчишками никому, кроме мальчишек, не была интересна. Даже рохиры этих двоих не пришли. Но зато здесь были Берен и правитель Дор-Ломина Хурин, и тяжелее ли от их присутствия, легче ли — Гили не знал.

Дважды палки сошлись с сухим деревянным треском, а на третий раз в боку Гили вспыхнул огонь, заставивший его упасть на колено. Зрители разочарованно загудели: слишком быстро и неинтересно.

«Хватит с меня!» — подумал парень, пытаясь вдохнуть, но что-то заставило его вскинуть палку в новом ударе, еще более слабом и неловком, чем предыдущий — и получить за это сторицей, хлестко и больно, поперек спины.

Этот удар повалил его, и многие сочли было, что поединок закончен: у деревенщины не хватит духу подняться и получить еще раз.

Гили сцепил зубы и встал. Кое-как увернулся от свистнувшей возле самого носа дубинки, отразил второй удар и неожиданно даже для себя сумел ткнуть противника концом палки в живот.

Арви согнулся, попятился, но не упал — снова бросился в атаку с удвоенной яростью, оба конца шеста совершили очень болезненную пробежку по рукам и плечам пытающегося обороняться новичка — Гили, загнанный под самую стену, оступись и упал во второй раз. Арви опустил шест на уровень бедер, выжидая: лежачего не бьют. Гили перевел дыхание, подтянул ноги под себя, нырком бросился в сторону, перекувырнулся через голову и встал, как ему казалось, очень быстро...

Арви развеял заблуждение: он просто позволил своему жалкому сопернику встать. Снова Гили пытался уворачиваться и отбивать удары — и снова белобрысый оруженосец оказывался быстрее, и на одно звонкое соударение шестов приходилось два глухих удара — попадание в тело.

Левая рука у Гили отнялась после одного из них. Паренек покосился в сторону — на своего лорда; Берен стоял все с таким же каменным лицом — ни слова одобрения, ни крика поддержки. Друзья подбадривали Арви, за Гили же не было никого... Закусив губу, он в отчаянии схватил шест одной правой и принялся лупить им наотмашь, не разбирая куда — самое удивительное то, что попал два раза, а на третий Арви, отбив удар, выбил шест из его рук. Не давая противнику времени на передышку, он принялся охаживать его со всех сторон: это лежачего бить нельзя, а безоружного, оказывается, можно!

Гили упал на колени, потом — лицом вниз на песок. Попробовал подняться, чтобы дойти до шеста — ползти к нему казалось унижительным. Тело свела судорога, паренька вырвало. От унижения и жалости к себе на глаза навернулись слезы, но он все же встал, пропустил еще два удара, нагнулся за своей палкой — и под тяжестью навалившейся вдруг черноты упал снова... Ему было очень больно.

Он уже не видел, как Айменел, отделавшись двумя легкими ссадинами, уложил на землю сначала Арви, а потом — его заступника. Очнулся он на своей лавке, на столе горел масляный светильник, а к губам Гили кто-то подносил теплое питье с горьковатым запахом.

Гили открыл глаза — у его постели сидел Берен.

— Пей, Руско, — сказал он. — Это успокоит боль. Я и не думал, что ты продержишься так долго...

Гили не в силах был сделать ни глотка — горло снова заперли слезы. Берен вздохнул и отставил чашку на стол.

— Ты, наверное, считаешь, что я жесток. В общем, правильно. Но я жесток не сам по себе, а лишь в силу необходимости... Мир, в который ты стремишься, Гили — это жестокий мир. Жизнь твоя здесь стоит ровно столько, сколько враг сможет за нее отдать. И всех меряют этой меркой: далеко не каждый разглядит в тебе, Руско, доброго и умного паренька, а кто разглядит — не всегда оценит; зато за смелость и доблесть прощают многое. А сегодня ты показал себя смелым.

Гили промолчал. Он хотел еще и отвернуться, но не смог. Глаза Берена приковывали.

— В этом мире очень много боли, — продолжал горец, не дождавшись ответа. — И тебе придется постоянно иметь ее в виду. По возможности — избегать, но не позволять ей сбивать тебя с пути... Я учился биться с восьми лет, и первое время ходил в синяках от шеи до колен. Кеннен Мар-Хардинг, мой учитель, говорил: пока можешь двигаться — тебе еще не больно. Один раз я пропустил такой удар в живот, что обмочился при всех — хвала Единому, над сыном князя вслух никто не смеялся...

— Ты зачем мне все это рассказываешь? — Гили от удивления забыл про свой зарок молчания.

— Да уж не ради того, чтобы ты меня пожалел... — воин усмехнулся. — Наша братия с пленок усваивает: нельзя показывать, что тебе больно или страшно; это самая большая тайна воинов, Руско: что мы, как и все люди, способны испытывать страх и боль, сомнения и слабость. Не ведающие страха витязи — вранье песенников, да и цена таким витязям — ломаный медяник. Порой у витязей и коленки дрожат, и живот сводит — но это нас не останавливает. На то мы и воины. Выпей.

Снова крутить носом было бы неловко, да и пить хотелось. Гили сел на постели и в два глотка осушил кружку. Питье было и на вкус горьким, но странным образом эта горечь не мешала...

— Ты еще можешь передумать, — сообщил Берен, приняв у него пустую кружку. — Остаться слугой в доме Хадора.

— Я хочу быть воином, — как можно тверже сказал Гили; впечатление испортил слегка сорвавшийся голос. — Твоим воином, ярн Берен. Если желаешь — устрой мне еще одно испытание. Не прогоняй...

— Вот только плакать не надо... Ты знаешь, почему мы, горцы, называемся Народом Беора?

— Вроде бы вашего первого князя так звали...

— Его звали Балан. Но он принял прозвище «Беор», «вассал» — когда принес присягу Финроду. «Беор» — так называется клятва, которую дружинник приносит главе рода, а глава рода — конену, а конен — эарну. И так называется вассал — человек, который принес эту клятву. Каждый мужчина нашего народа связан с кем-то беором. А мы связаны беором с королем Финродом и государем Фингоном. Балан принял это имя в подтверждение клятвы, и его потомки подтверждают ее каждый раз, принимая лен в правление. Поэтому мы — Народ Беора.

— И если я принесу присягу...

— Станешь беорингом. Но когда ты принесешь присягу, назад дороги не будет.

— Хорошо... Я согласен дать присягу, ярн Берен. Я не хочу назад.

— Встань на одно колено передо мной и вложи свои руки в мои, — Берен поднялся, стукнул о стол пустой кружкой и протянул вперед ладони.

«Сейчас?» — ужаснулся Гили; между тем как его тело легко подчинилось мысленному

приказу: он поднялся с лавки и стал на колени перед своим лордом, протянул ему руки и, глядя в глаза, начал повторять слова клятвы.

— Именем Единого и всех Валар Круга Судеб ныне я, Гиляд из Таргелиона, приношу клятву верности лорду Берену из дома Беора...

—...Клянусь следовать за ним на войне и в мире, в здравии и в болезни, в славе и в бесславии; по его слову идти вперед или стоять насмерть, обнажать меч и вкладывать его...

...Клянусь, что враги Дома Беора и Дома Финарфина — мои враги отныне, честь дома Беора и Дома Финарфина — моя честь, государь Дома Финарфина и Дома Беора, Финакан Нолофинвион Нолдоран — мой государь...

...Клянусь биться за Дом Беора яростней, чем за себя, тайны его хранить ценой жизни своей, врагов его преследовать, пока держат меня ноги, служить ему всем именем своим, всем разумом своим, всем сердцем своим, всей силой своей...

...Клянусь мстить за все обиды Дома Беора прежде, чем за свои, всех врагов Дома Беора ненавидеть и преследовать, сильнее прочих — Моргота Бауглира и всех слуг его...

...Если же предательство совершит меч мой или язык мой, да покарает меня железо, или петля, или огонь, или вода, или смертный недуг, или лютый зверь, да падет позор на мое имя и весь род мой, да сгинет память обо мне, словно туман под лучами солнца, да не вернется душа моя к Дому, да расточится в кругах мира, да поглотит ее вечная Тьма...

В том клянусь я именем Единого, будьте же свидетелями Варда Всевидящая, Манвэ Всеслышащий и ты, Намо Судия.

— Я, наследник Дома Беора, вассал короля Фелагунда и Государя Финакано Нолофинвиона, принимаю твою клятву. Вставай, Руско. Теперь ты — мой человек.

Гиля поднялся и снова сел на постель. Голова кружилась.

— А теперь спи, — сказал Берен, забирая кружку со стола; повернулся и вышел прочь из комнаты.

Пройдя по коридору, он спустился вниз — вернул посуду в трапезную — потом снова поднялся по винтовой лестнице и вышел из башни на стену третьего кольца.

Итиль перевалила через полнолуние и теперь шла на убыль, худела с одного бока. Холодный ветер стекал с вершин Эред Ветрин и бежал в сторону Анфауглит. Опираясь локтями о зубцы стен, Берен всмотрелся в далекую черную полосу, разделяющую землю и небо: там, за краем, Анфауглит дыбилась холмами, переходя в пологие лесистые склоны Эред-на-Тон, а за ними была его земля, а дальше, за вересковыми пустошами высокогорья, за снежными вершинами Эред Горгор и Криссаэгрим, за редколесьем Димбара и лавовыми полями Нан-Дунгортэб — лежал Дориат...

— Эминдил, — тихо окликнул его Финрод: за пределами комнаты совета все эльфы и братья Хадоринги называли его только так даже наедине.

— Я только что принял у мальчишки клятву верности, — повернулся к королю Берен. — Государь мой, ты, наверное знаешь историю про воробушка, что замерзал на дороге, а корова его... обогрела? Должен бы знать, история довольно старая...

— Мне знакома эта притча, — лицо Финрода было скрыто под капюшоном, но голос выдал улыбку.

— Так вот, думается мне, что поступаю я сейчас — в точности как та кошка.

— Но ведь иначе ты поступить не можешь. Да и Руско принес клятву добровольно.

— Эге ж... Забавная штука: свободный человек по своей воле наваливает на себя порой столько, сколько раба не заставишь тащить ни кнутом, ни угрозой смерти. Охота пуще

неволи.

Эльф молчал, и в свете убывающей луны глаза его странно поблескивали из-под капюшона.

— Самое удивительное — я действительно не могу понять, зачем он мне сдался. Я и впрямь мог взять с собой горского паренька, готового за мной в огонь и в воду... И все было бы обычно, как и происходит между рохиром и его оруженосцем. Почему я должен объяснять ему то, что любой дан знает с младенчества, просить Айменела обучать его боевому ремеслу — я ведь мог получить все это готовым, без сомнений и колебаний!

— А может быть, тебе ценна именно привязанность паренька, который полюбил Эминдила Безродного, а не князя, которому обязан служить? Рассеивая его сомнения, ты помогаешь себе справиться со своими собственными.

— С чего ты взял, будто я сомневаюсь?

— А чего стоит вера, не знающая сомнений? Вряд ли Единому угодна такая — ведь только сомневающийся способен чем-то веру обогатить.

Берен потер подбородок.

— Ном, чего ты от меня хочешь? Почему ты говоришь со мной не как с вассалом, а как с учеником или... или сыном? Чего ради ты со мной связался, отказавшись от короны? Только не говори, что во исполнение клятвы — ты мог исполнить ее, уже просто дав мне коня, доспехи, золото и письмо к Фингону, не покидая города и не принимаясь за дело, которое кончится для тебя враждой с Домом Феанора. Ты откровенен со мной как ни с кем из людей — зачем? Чего ты во мне ищешь?

Финрод ответил не сразу и не прямо.

— Настанет день, когда законы, установленные людьми или эльфами, утратят над тобой власть. Только твой разум и твое сердце будут тебя вести, и ты будешь знать, куда идешь, но не будешь знать, чем твой путь окончится. И очень важно, оказавшись в таком положении, помнить: ради чего. Ибо вассальный долг, месть, военная победа, благо твоей земли и Дома Беора — все тогда будет разорвано и утрачено. Если не найдешь ничего превыше или будешь считать, что превыше ничего нет — погибнешь, как погиб Феанор.

«Любовь», — подумал Берен. — «Ты ни слова не сказал о любви...»

Но Финрод уже повернулся — и бесшумно, как это умеют только эльфы, сбежал по ступенькам во дворик, мелькнув серой тенью над треугольными плитками серого и розового мрамора, сложенными причудливой мозаикой...

* * *

Дальнейшие дни проходили для Берена в долгих и уже предметных обсуждениях, что и как должно быть сделано. Сколько человек в отрядах какого рода, какое вооружение и способ объединения будет в этих отрядах, сколько их должно быть, во сколько станет вооружение, обучение и хотя бы временное содержание. На свет показались воцеленные доски и стила, пошли колонками счетные руны, да такой сложности, во столько этажей, что Берен сразу отчаялся в этом разобраться и только ждал вместе с братьями итога всего этого нолдорского колдовства.

В конце концов нолдор рассчитали, во что обойдется эта армия, и когда они назвали число, Берен только зубами шелкнул — он не знал, что такие числа бывают. В конце концов все главное было определено и подсчитано. Одобрили главный замысел — одновременное с Сауроном выступление, мятеж в Дортонионе и подготовленные в Бретиле летучие отряды, наносящие Гортхауру удар в спину. Берен брался подготовить их в Бретиле, король Фингон — дать коней и поручительство к лорду Маэдросу (это помимо оружного выступления встречь Саурону), Финрод — дать золота на покупку припасов у халадин и оружия у ногродских гномов (Кальмегил оказался их старым знакомцем).

Требовалось оружие — самострелы и короткие мечи для тех бондов, которые не могут купить это сами. Требовались кожи на сбрую, обувь и легкий доспех. Требовалось дерево на щиты и древки копий и стрел. Требовался волос и бычьи жилы на тетивы. Требовалось зерно, вяленое мясо, сушеная рыба, сено для коней, вино и пиво, телеги и возы... И всего этого требовалось немерено.

Но большое начинается с малого. С севера пригнали табун в пятьсот коней, с которым одиннадцать эльфов и трое смертных должны были вскоре отправиться на юг. Ничего удивительного не было в том, что табун перегоняли через горы — Хитлум давно торгует лошадьми; правда, в последнее время эта торговля слегка захирела. Дорога через Соколиный Кряж из года в год становилась все опаснее, и Хитлум все больше торговал с Нижним Белериандом по морю, и все меньше — по суше. Фингон распорядился послать с конями отряд не меньше чем в тридцать мечей — в таком важном деле он рисковать не хотел.

Вечером перед тем днем, когда решение было принято и утверждено указом Верховного Короля Нолдор, Фингон призвал Берена для беседы.

...У входа в личные покои Короля Берен разулся и оставил свой меч. Пол в маленькой гостиной был застелен шкурами волков, медведей и пятнистых горных кошек, которым в свое время не повезло повстречать на пути охотящегося Фингона. Стены же увешаны были гобеленами синдарской работы. Очаг, два кресла и невысокий стол...

— Садись, — Король пододвинул к Берену серебряный кубок, формой сходный с морской раковиной, кивнул на серебряный же кувшин, сделанный в виде раковины побольше: наливай сам. Берен не стал отказываться от приглашения: фалатрим привозили сюда, в Хитлум, отличное вино, а после крепости Фингона здесь, на севере, такого вина выпить будет, пожалуй, и негде...

Фингон пригубил вино, не отводя взгляда от собеседника. Медленно опустил свой кубок на стол.

— Ты славный человек, Берен. Благородный и отважный. Ты любишь дочь Тингола преданно и искренне, я знаю... Но на Сильмарилл ты права не имеешь. Финрод — твой друг, он друг и мне, но Маэдрос мне ближе. Сильмариллы принадлежат роду Феанора.

Вот так.

Берен, не зная, что ответить, сделал два глотка. Вино было сухим, но не кислым, легким, словно вдох — такие вина в Дортонионе называли «шелковыми».

— Объясни мне, Берен, что между тобой и Финродом? Чего ради он отрекся от короны? Почему он так желает вашего брака с дочерью Тингола? Отчего он готов даже на смертельную вражду с Домом Феанора? Скажи мне, человек, потому что я теряюсь в догадках.

— Государь мой Фингон, я бы рад, но не могу, потому что не знаю. Сам диву даюсь, что такое случилось. Некогда Король поклялся помочь в беде любому беорингу, кто придет к

нему. Но он не давал клятвы идти две лиги с тем, кто просит пройти одну. Он это делает по собственной воле. Отчего бы не спросить у него самого?

— Оттого что он не отвечает. — Фингон встал, подошел к окну и сделал Берену знак рукой. Тот поднялся и встал рядом.

— Посмотри туда, — король показал на северо-восток.

Воздух над Анфауглит колыхался, и казалось, вершины Эред Энгрин парят над землей.

— В ту сторону он ускакал, и пыльное облако поглотило его, — тихо, напевно сказал Король. — Никто не знал, куда и зачем он направляется. Я бился на севере и опоздал на полдня. Оруженосец рассказал мне, что он велел оседлать коня, вооружился, и строго-настрого запретил следовать за собой. Все полагали, что он скачет ко мне. Выжженная равнина была открыта взгляду на многие лиги — долго видели поднятое им облако пепла, а порой сквозь пепел сверкал его доспех...

Словно денница...

— Я бросился в башню, ибо сердце мое предвещало недоброе. Ты уже знаешь, что такое Палантир... Я долго искал отца — и увидел...

Фингон на миг закрыл глаза.

— Я видел все, а сделать не мог ничего. Отца моего обуяло то же безумие, которым был охвачен Феанаро. С той лишь разницей, что отец свершил деяние, которое Феанаро лишь хвалился совершить, — на миг в горькой усмешке Фингона проскользнула вся старинная вражда между феанорингами и нолфингами. — Кажется, вы, люди, зовете это «фэйр» (30). Помотри мне в глаза, лорд Берен из рода Беора и ответь: не фэйр ли обуял твоего короля? И не пользуешься ли ты этим?

— Государь, мой король не безумец, и смерти он не ищет! — «Если король нолдор и в самом деле читает в глазах, то пусть прочтет, как он меня унизил». — И я не подлец. Если тебе хочется знать мое суждение, то вот оно: король Фелагунд мудрее нас всех вместе взятых.

— Прежде никто не назвал бы мудрым того, кто одной рукой кует союз против Моргота, а другой разрушает его; кто бросает корону, чтобы отвоевать лен, кто ищет для своего вассала руки эльфийской королевны, зная, какой опасности подвергает этим и себя, и их, и весь их род.

— Возможно, это безумие. — Берен чувствовал, что сейчас наговорит лишнего, но не мог остановиться: словно ветер какой подхватил его и нес. — Но что тогда мудрость? Ослушаться Валар и послушать Моргота? Принести именем Единого невыполнимую клятву, и ради нее быть готовым пролить кровь братьев? Строить города и державы в тени Морготовой руки? Если это мудрость — то лучше я стану безумным и пойду за безумцем. Ответь и ты мне, Фингон, верховный король над моим королем: мудро ты поступил или безумно, отправившись в одиночку туда, на выручку лорда Маэдроса, рискуя ради того, кто предал тебя, умереть или разделить с ним его муки? Как имя этой твоей мудрости?

— Довольно. — Фингон поднял руку, прерывая Берена. — Допустим, Финрод Эденниль готов ради любви к тебе и к людям сделать то, что я сделал ради любви к Маэдросу Феанориону. Скажи, отчего ты согласился на безумное условие Тингола?

— Король Элу не предлагал мне выбора.

— А что для тебя значит Финрод?

— Он — мой король.

— И только?

Берен опустил голову.

— Он — мой друг.

— Ты любишь его? Ты готов положить ради него душу?

— Да, Государь. — Берен был «открыт», он хотел, чтобы Фингон прочел его мысли и убедился, что он не желает Финроду зла.

— Ты откажешься ради него от Сильмарилла, если придет такая нужда?

— Да, Государь. — Берен скрутил себя в узел, чтобы этот ответ был искренним. Фингон прав, как бы там ни вышло — а ради Сильмарилла Финрод не умрет.

— Ну так не погуби его, — Фингон положил руку Берену на плечо. — Вот тебе мое слово.

— Я постараюсь, Государь... Но судьба его — не в моих руках.

— Я знаю, — Фингон на миг сжал губы. — Иди.

Берен не знал, что в этот же день Финрод вручил Фингону запечатанную рукопись, которую попросил отослать в Нарготронд после его смерти. В случае его смерти, — поправился он мгновение спустя.

* * *

Табун вместе с хитлумскими эльфами собирали, конечно, Эллуин, Менельдур и Лоссар. У Берена дыхание захватило, когда он увидел, какой подарок им делает Фингон: красивые, умные кони хитлумской породы, потомки валинорских лошадей и обычных диких коней из Смертных Земель. Братья-феаноринги доставили коней валинорской породы в Средиземье, и народ Финголфина получил их от Маэдроса в уплату виры за погибших в Хэлкараксэ. Множество потомков этих лошадей паслось когда-то на Ард-Гален, но теперь от Ард-Гален осталась только равнина песка и шлака. А кони, отогнанные на зимние пастбища в Хитлум, где лето холодное, но теплая зима — уцелели...

Берен смотрел на игру двух едва достигших полного возраста кобылок — гнедой, черногривой и серой. Черногривая кобыла мастью была чистая эндорка, но осанка и сила, длинные ноги, постановка плеч — все указывало на примесь валинорской крови. Про серую и говорить было нечего: вся — сгусток живого серебра, глаза умные — кажется, вот-вот заговорит. Берен вспомнил своего бретильского конька, снова посмотрел на серую и решил: моя будет.

Он начал спускаться с холма в лощину, к табуну.

— На серенькую глаз положил? — Хурин угадал его мысли. — Намучаешься. Если я что-то понимаю в лошадях, необъезженная и нравная.

Серая прогнала гнедую, и теперь повернулась к людям боком, делая вид, будто не обращает на них внимания, но время от времени кося глазом.

— Митринор, — Берен обошел ее так, чтобы подойти спереди. Кобылка сделала шаг назад, но позволила человеку погладить себя по морде, потрепать гриву. Берен протянул ей на ладони наполовину съеденное яблоко, погладил капризную красавицу между ушами.

— Скажи, Митринор, ты будешь моей? Я знаю, ты благородной крови — красивая, умная, смелая... Но ведь и я не самый паршивый всадник. Правда, не эльф и не могу

говорить с тобой так, чтобы мы понимали друг друга... Но ты ведь слышишь по голосу, что я вовсе не плохой человек, а? Тебе понравилось, как я тебя назвал — Ми-три-но-ор?

Опершись одной рукой о холку лошади, он вскочил ей на спину. Кобылка вздрогнула, но не попыталась сбросить всадника. Берен тронул ее пятками, и она послушно сделала круг, обогнув братьев-хадорингов.

— В первый раз я так ошибся с лошастью, — покачал головой Хурин.

— Дело вовсе не в этом, братец, — засмеялся Хуор. — Просто женщины, какие бы они не были, любят две вещи: ласку и напор...

Гили в третий раз сменил лошадь — Айменел сыскал ему молоденького жеребчика, такого же огненно-рыжего, как будущий наездник, низкорослого, но выносливого, с плавной нетряской иноходью. Лошадь так безотказно слушалась седока, что даже Гили почувствовал себя искусным наездником. Впрочем, гордость улетучилась, когда Берен, оценивая выбор юного эльфа, одобрил его следующими словами:

— Неплохой конек. Колыбель на четырех ногах — как раз то, что тебе требуется, Руско.

Гили немного обиделся, но когда они тронулись в путь, понял, что Берен имел в виду: после поединка все еще ныли ребра, и его прежний конь измучил бы его до потери чувств в первый же день, а дорога предстояла долгая.

Они не стали возвращаться в Дор-Ломин, а пересекли Митрим и поднялись долиной реки, что, беря начало в горах, впадала в озеро. Дорога эта называлась путем через Соколиный Кряж, и через нее шла торговля между Хитлумом и Нижним Белериандом. У подножия гор братья хадоринги распрощались с ними.

— Не в последний раз видимся, — сказал на прощанье Берен.

— Не в последний раз, — Хурин пожал ему руку. Потом они обменялись рукопожатиями с Хуором, и у Берена как-то странно сверкнули глаза. Он сделал вдох, словно хотел что-то сказать — и вроде как передумал. Только после, отъезжая, улыбнулся:

— Любите моих сестер, князь!

Уже потеряв их из виду, Нэндил спросил:

— Что ты почувствовал?

— Слишком вы, эльфы, глазастые... — проворчал Берен. Потом подумал и ответил:

— Когда я коснулся руки Хурина — меня вдруг взяла тоска. А когда Хуор пожал мне руку — у меня словно музыка заиграла в сердце. Но тоска была светлой, а музыка — печальной.

— И часто бывает с тобой такое? — Нэндил против своего обыкновения был предельно серьезен.

— Случается.

— Эти предчувствия как-то подтверждаются потом?

— Слушай, бывает всякое. Бывает, я что-то чувствую, а потом с человеком ничего не происходит. Бывает, я теряю его из виду. Бывает, что я ничего не чувствую, а с человеком творится скверное. И бывает, что все оправдывается... — какое-то время он ехал молча, потом добавил: — Когда баба разбивает горшок об пол, и говорит, что это к ссоре, а никакой ссоры не случается — она об этом забывает. А если ссора случается, она говорит — «к ссоре горшок разбился». Но любая баба ссорится с мужем по три раза на дню, безо всяких горшков. Не нужно придавать таким вещам значения.

— Как хочешь, — покачал головой эльф. — Но от того, что ты закроешь глаза, темно не станет.

— Выразись яснее, друг.

— Спроси об этом у Финрода.

— Ты первый заговорил со мной — ты и отвечай.

— Скажи, ты пел над чашей по обычаям своего народа?

— Нет. Я... был тогда слишком молод... А потом — стало не с кем.

— Жаль... Мне тогда было бы проще объяснить. Я думаю, в тебе есть задатки провидца.

А Финрод хочет отдать тебе Палантир. Это значит, что твое обучение будет, с одной стороны, проще, а с другой — тяжелее...

— Слушай, почему вы, эльфы, говорите всегда надвое? Не хочу тебя обидеть, но временами это бесит. Скажи, что со мной не так, а? Да, отец и Андрет видели во мне Поющего-Над-Чашей, и что? Или я стану ходить пешком по водам после того как загляну в Палантир?

— Тебе, возможно, откроется несколько больше, чем открылось бы обычному эрухин, — Нэндил выбирал слова как зерна из половы. — Твои видения будут ярче и сильнее, но это потребует от тебя и большего самообладания. И здесь, Берен, таится опасность для тебя и всех, кто вокруг. Ибо в момент Провидения тебя могут обнаружить... Попытаться пленить твою волю, либо же одурачить ложными видениями, либо нанести простой и бесхитростный удар, если первое и второе не удастся. Мы, барды, сталкивались с таким, и это было страшно. Внушает опасения и другое: тот, кто однажды заглянул в Палантир, уже не смотрит ни на себя, ни на мир прежними глазами. Это — потрясение, и, чтобы оправиться от него, требуется время.

— Как я понимаю, Нэндил, мне хоть мытьем, хоть катаньем придется овладеть Палантиром.

— Нет, Берен, не Палантиром. Собой, собственным разумом — при помощи Палантира Сам по себе, без направляющего разума и воли, Палантир — не более чем тяжелый круглый предмет, годный разве что на грузило для рыбацкой сети.

— Что дверью по лбу, что лбом о дверь — какая разница? Я научусь им пользоваться, потому что другого выхода у нас нет.

— Есть. Кто-то из нас — Эдрахил, я или Финрод — может пойти с тобой.

— Ну это уж нет! Этого я не допущу, эльдар. Вы и так делаете для меня столько, что я не рассчитаюсь до конца жизни. И чтоб я еще потащил кого-то из вас под Тень? Может, я и подлец, но не такой.

Эльф выразительно вздохнул.

— Похоже, я ничего не смогу тебе объяснить сейчас, — сказал он. — Ты смотришь на Палантир, как на норовистого коня, которого нужно во что бы то ни стало укротить; как на крепость, которую нужно взять. Ты полон решимости это сделать — но, друг мой, ты не для того копишь силы! Заглянув в Палантир, ты узнаешь многое в первую очередь о себе, дашь себе отчет в том, в чем никогда не думал или не решался... Это всегда страшно, потому что это изменяет.

Берен с досады ругнулся — довольно безобидно, вроде «чтоб тебя перевернуло», — и, напротив, задержал коня, пропуская табун.

Нельзя сказать, чтоб он не думал о том, о чем сказал ему Нэндил. Для того чтобы передавать сведения через Палантир, обмолвился Финрод, необходимо обучиться осанвэ, соприкосновению разумов. И обучать его будет он сам. Будет читать его мысли и позволит прочесть свои... О, боги... Берен не знал, чего боится больше — первого или второго.

Глава 6. Димбар

На пятый день пути они перевалили через горы и поехали вдоль впадающей в Сирион быстрой холодной речки. Здесь начинались по-настоящему опасные места, и эльфы облачились в кольчуги и шлемы. Эльфийскую кольчугу, подаренную в Нарготронде, надел и Берен. Гили никак не думал, что для него тоже найдется такая дорогая вещь, как кольчуга, но из своего седельного выюка Берен и для него достал кольчатую рубашку со шлемом — правда, кожаным; лишь обод да два полуобруча, перекрещивающихся на макушке, были железными.

Ко всему этому нужно еще прибавить пояс со скатой, который Гили получил от Берена в Барад-Эйтель — чтобы понять, каким неописуемо геройским казался пареньку его собственный вид. Правда, это геройство оставило его к вечеру — под кольчугой и войлочной курткой он весь взмок, плечи налились усталостью, и единственной радостью в жизни оказалось отсутствие вечерних занятий с Айменелом. Эльфы старались производить как можно меньше шума — и без того с ними был целый табун лошадей, который на стоянках не был тише воды; а звон клинков разнесся бы по ущельям на целые лиги. Таким образом, мучения Гили прерывались на целых два дня — до прихода в Димбар, в безопасные места, охраняемые горцами и эльфами Дориата. Здесь эльфийское сопровождение покинуло их и вернулось в Хитлум.

Ой-йо! — набирая воды в котел, Гили посмотрел на свою несчастную ладонь. Зря воинов называли белоручками отец и другие фермеры — воины тоже стирают себе руки, когда учатся своей работе; натирают пузыри на большом и указательном пальцах, на сгибе... Гили три дня не снимал тряпицу, которой была обмотана его кисть, три дня Айменел мазал ему руку пахучей мазью, замешанной на вине и на меду — без толку: чудесная мазь заживляла одни волдыри, а на следующий день появлялись другие. У Гили были грубоватые руки крестьянского паренька — но в том месте, которое стираешь, когда учишься владеть мечом, кожа была еще нежной. А сейчас она грубела и трескалась. Но это был не повод прекращать занятия. На второй день этой мучильни Гили сказал эльфу:

— Слушай, давай закончим пораньше. У меня руки болят.

— Давай, — неожиданно легко согласился Айменел. — Если на нас свалятся орки, ты им так и объяснишь: у тебя болят руки. И они сразу отстанут.

Гили залился краской стыда, и встал в стойку. Они продолжили учения.

Но нужно отдать Айменелу должное: когда он видел, что Гили действительно устал или страдает от боли в боку, он прекращал занятия сам. И никогда — Гили это чувствовал — не бил в полную силу.

Они сходились все ближе, эльф уже хорошо говорил на той талиска-синдаринской смеси, что была в ходу у людей Восточного Белерианда, Гили пытался учить эльфийский язык, и нередко смешил Айменела, повторяя за ним слова — но смеялся Айменел не обидно. До новых слов он был жаден, и не стеснялся веселиться, когда какое-то человеческое выражение казалось ему забавным. Один раз у Гили выскочила «ядрена вошь» — эльф тут же спросил, что значит «ядрена».

— Ну, крепкая, здоровая... — растолковал паренек.

— Крепкая, здоровая вошь? — эльф сначала изумился, а потом расхохотался, да так заразительно, что и Гили не смог удержаться от смеха: и в самом деле, ведь смешно — через

слово поминаем вошь, да еще почему-то здоровую...

Два дня скачки, переправа через Сирион — они были в Димбаре. Заночевали на заставе пограничной стражи, послали гонца — а наутро прискакал небольшой отряд, во главе которого были двое: седой Брегор и его сын Брандир. Как Гили удалось понять из обрывков разговора между Береном, Финродом и этими двумя, Брандир назначался старшим над теми, кому предназначались эти лошади.

Парнишка от души надеялся, что дальше их путь будет пролегать вглубь Бретильского леса, к Дому Княгини — но вскоре понял, что это не так. Им предстояло только передать коней и отдать какие-то распоряжения — а потом снова в путь. Так что Гили в свободное от поручений и занятий с мечом время просто валялся в траве, наслаждаясь отдыхом.

За всей этой беготней он не заметил, как наступило лето. Когда они уезжали в Хитлум, вишни только отцвели — а сейчас птицы уже клевали созревшие плоды.

Вдвоем с Айменелом они сидели на ветвях черешни, собирая краснобокие тугие ягоды: одну — в завязанный к поясу подол рубахи, две — в рот. Точнее, сидел Гили — эльф носился по ветвям что твоя белка. Черешня была старой и раскидистой, самое вкусное, как водится — на самых верхних ветвях, по которым Гили пробирался с опаской и замираньем сердца, а Айменел бегал как по ровной земле, перехватываясь руками только если приходилось подниматься.

— Эй, Руско! — позвал он откуда-то сверху.

— Агоу! — откликнулся Гили.

— Поднимайся ко мне!

Гили тяжело вздохнул, глянув между ног на далекую землю. Уже в третий раз он давал себе зарок — выше не залезать...

Высунув от внутреннего напряжения язык, он вскарабкался по ветвям еще на две сажени вверх — и оказался рядом с Айменелом, выше лиственного покрова остальных деревьев.

Черешня была здесь плотна, как монисто — но многие ягоды уже попортили птицы. Айменел, посвистывая, выбирал нетронутые, стоя на такой ненадежной веточке, что у Руско перехватило дыхание.

— Смотри, — сказал он, отодвигая ветку и показывая пальцем на северо-восток, туда, где между вершинами Эред Горгор и зеленым морем Димбара, рассеченным лезвием реки, маячило что-то цвета запекшейся крови.

— Чего там? — Гили сощурился, чтобы лучше разглядеть, но так и не смог.

— Пустошь Нан-Дунгортэб. Нехорошее место. Послезавтра мы пересечем Миндеб — и попадем туда.

— А зачем?

— Затем, Руско, что в Химлад можно попасть отсюда только таким путем — или же обогнув Дориат с юга.

Гили не стал спрашивать, зачем им в Химлад. Надо — значит, надо.

— Ты чего руками не держишься? — спросил он. — Страх на тебя смотреть-то.

Айменел хохотнул и оторвал такое, что у Гили сердце в пятки ушло: высоко подпрыгнул на ветке, и приземлился на нее же, используя руки только для того, чтобы придерживать отягощенную ягодами рубаху.

— Моя мать — тэлерэ из Гаваней! Страх высоты у нас в роду нет и не было.

— У вас, может, и нет, — рассудительно сказал Гили. — А у меня есть. Еще раз так сделаешь — я ведь и в штаны накласть могу.

— Зачем? — не понял эльф.

— Со страху.

— Ты болен? — неподдельно озаботился Айменел.

— Да нет! Это не по правде, это только так говорят... Хотя, конечно, бывает, что и по правде, если очень страшно. — Гили смутился до краски. Он все время забывал, что эльф многое понимает так, как оно говорится, не зная настоящего смысла и значения. — Слушай, полезем-ка вниз, пока нас не хватились.

— Нас? — эльф посмотрел вниз, где их кони собирали с земли упавшие ягоды. — Нас сейчас никто не хватится... До завтрашнего утра... О, смотри! — он протянул руку вверх и сорвал гроздь ягод — больших и красных, заманчиво блестящих. На раскрытой ладони эльфа они лежали как драгоценные камни, и даже что-то вроде граней было у них: черешни росли так плотно, что бока у некоторых сплющились.

— Они должны быть очень сладкими — негромко сказал Айменел. — Не знаю, почему, но мне эта черешня кажется сладкой, как никогда... Возьми, Руско...

Гили взял половину прохладных ягод.

— Это потому что первая, — сказал он.

— Мое amillesse — Тинвель, — вдруг проговорил Айменел. — Если хочешь, зови меня так.

* * *

— Чему их учить? — спросил Брандир. К своим новым обязанностям он отнесся с предельной серьезностью, даже суровостью.

— Обьезжайте коней, — сказал Берен. — Заготовьте побольше сена. Мастерите щиты. Пусть учатся биться на палках и на топорах. Разбей их на два знамени, а каждое знамя — на четыре длинных сотни, а каждую длинную сотню — на четыре отряда по три десятка человек. Когда сменится луна, я пришлю людей, которые обучат их строю и будут командовать отрядами и сотнями. А ты, Брандир, назначишь десятников. Но не выбирай самых знатных или самых сильных. Выбирай так: поручи каждому десятку свалить дерево — для устройства лагерной ограды. И смотри, кто из парней сумеет поставить дело. И еще — я знаю, что такое десять сотен мальчишек, собранных в одном месте. Не давай им разбойничать, фэрри. Вообще говоря, не давай им времени вздохнуть — пусть все время занимаются чем-нибудь.

Брегор открыл было рот, но Берен жестом прервал его и велел Брандиру уходить. Когда они остались у костра вдвоем, Берен повернулся к одноному воеводе.

— Говори.

— Мне не нравится твоя затея, — вздохнул Брегор. — Я в точности выполнил твои указания, ярн, но мне не нравится все это и не нравится, что Брандира ты назначил командовать. Он слишком молод.

— Хурин Хадоринг в его годы княжит в Хитлуме, — возразил Берен. — Он даже младше Брандира, ему всего двадцать четыре.

— Это другое дело, лорд Берен. Хурин Хадоринг — ярн, как и ты. А Брандир —

мальчишка. И набрал ты ему в войско мальчишек...

— Да, — согласился Берен. — Потому что поседевших в боях воинов я должен буду все время уговаривать, объяснять, почему и что они должны делать так, а не этак. А с мальчишками таких забот не будет, они сразу будут делать что надо и как надо. Дальше?

— Конен Халмир спрашивал твою мать о покупке припасов. Она ответила как вы с государем Финродом велели — что это для нового пограничного отряда, чтобы перекрыть междуречье. Он вроде поверил.

— Славно...

— Где возьмем оружие, ярн? Где возьмем доспех?

— Оружие будет через две луны. Воловьи шкуры на доспех и сапоги — купите у халадин сами, а железо я достану. Не заботься об этом. Да, еще одно. Собирайте длинный конский волос. На тетивы.

— Чем тебе конопляные плохи, ярн?

— Конопляные — не выдержат... И никогда, слышишь, никогда не спорь со мной при своем сыне.

* * *

Редколесье Димбара погружалось в сумерки.

Здесь было просторно и светло, если не забредать в ельники. Тополиные, осиновые, березовые рощи, старый покров опавших листьев и густая трава — эти места дышали близостью к Дориату. Нежная, бархатистая изнанка тополиных листьев была такого же цвета, как плащ Лютиэн.

Берен не спрашивал, зачем уходить так далеко и чего Финрод ищет, и не опасно ли здесь, и не следят ли за ними. Он полностью положился на эльфа. А тот, казалось, может бесконечно идти так — легко, почти пританцовывая, время от времени нагибаясь за ягодой земляники.

Земляники здесь было — несчитано.

Наконец, они остановились на небольшой полянке, окруженной кустами лещины. Неподалеку бил родник, превративший соседнюю полянку в подобие болота. Финрод сбросил наземь котомку и плащ, отстегнул меч и опер его о ствол деревца — молодой рябины. Берен последовал его примеру, потом расшнуровал ворот рубахи. Вдвоем они подошли к роднику и умылись.

— Это обязательно делать ночью? — спросил Берен, бросая взгляд в сторону запада, откуда сочилось сквозь ветки расплавленное золото заката.

— Нет, — сказал Финрод. — Но ночью лучше начинать. Днем — недостаточно тихо.

Они вернулись на полянку, Финрод сел, скрестив ноги, и поставил перед собой котомку.

Берен сел напротив. Волновался он страшно, страх был готов перерасти в панику.

Эльф расшнуровал котомку и размотал ткань, в которую был завернут Палантир.

— Вы с Нэндилом уже говорили об этом, — сказал он. — Что тебе больше всего запомнилось из разговора?

— Что без направляющего разума и воли эта штука — не больше чем грузило для сети.

Финрод согласно кивнул.

— При помощи Палантиров можно делать две вещи, — сказал он. — Первое: обмениваться мыслями на расстоянии. Вообще говоря, для осанвэ никакие расстояния не помеха, если двое достаточно близки друг другу...

«Как Аэгнор и Андрет», — подумал Берен.

— Но Палантир позволяет это делать даже тем, кто не ощущает между собой душевного родства и близости. Второе, что можно делать при помощи Палантира — изучать настоящее положение дел где-то в отдалении от тебя. Тем самым способом, каким я прощупывал дорогу в Хитлум. Поиск при помощи Палантира тем успешней, чем лучше ты представляешь себе искомое и местность, которую осматриваешь. Почти невозможно сознательно исследовать совершенно незнакомые места, или найти того, кого ты плохо знаешь. Таким же способом можно узнавать прошлое.

«Как Фингон», — подумал Берен.

— ...Все эти свойства Палантира основаны на том, что он постоянно связан со всем веществом Арды, а вещество хранит память о том, что с ним происходило. Очень важно это понимать: не Палантир, а мы переводим это знание в образы. Поэтому Нэндил сказал: воля и разум. Воля — чтобы не потеряться в потоке сведений, которые на тебя хлынут. Разум — чтобы найти в этом море именно ту жемчужину, которая тебе нужна. Погоди... — видя, что Берен хочет вставить слово, он поднял ладонь. — Еще одно, прежде чем я закончу. Тогда, в сокровищнице, тебя вело сильное чувство. Это путь простой — и опасный. Любовь привела тебя в Дориат — но подумай, куда привела бы ненависть?

Берен представил себе, куда могла завести его ненависть — и ему сделалось не по себе.

— Третье, что я надеюсь сделать при помощи Палантира — обучить человека осанвэ.

Он поднял хрустальный шар одной рукой.

— Кое-что ты уже умеешь. Умеешь закрываться. Знаешь, что такое *avanire*. Умеешь «говорить». Но не умеешь «слушать». Ты ни разу не «слышал», когда я «говорил», призывая тебя. Тебе не приходилось «слышать»?

— На самом деле — приходилось, — проворчал Берен, проклиная свое лицо, выдающее его то бледностью, то краской.

— А... — сказал Финрод. — Но нам этот способ не годится. Попробуем иначе. Коснись Палантира. Возьми его — вместе со мной.

Берен положил руки на холодный камень, уже бледно мерцающий на руках Финрода. Знакомая дрожь пробежала по пальцам, и ладони налились прохладой, такой колючей, словно кто-то растер их изнутри листиками молочая.

Палантир притягивал взгляд, отвести его теперь было почти невозможно. Берен чувствовал: еще немного — и кристалл поглотит все его внимание, целиком.

— Не нужно пробовать говорить вслух, — прошептал Финрод. — Когда ты войдешь в камень — ищи меня мыслью. Так же, как искал ее — но не пытайся со мной заговорить голосом...

Его слова затихли в отдалении, все звуки мира исчезли — Берен снова оказался один среди безмолвного мерцания. Но стоило ему прислушаться, как он опять уловил потоки чужих мыслей, неуловимых и гулких, как эхо. Они настырно лезли в сознание, грозили прорваться лавиной видений и снов, похоронить под собой дерзкого, что вторгся в царство тайны...

Уже зная, как это делается, он вызвал в памяти образ Финрода — суровое лицо в обрамлении золотых волос, пронзительно-серые глаза... И Финрод явился — точнее, Берен снова оказался на полянке, на траве, с Палантиром в руках — но камень теперь сиял серебряным светом, был горячим и легким, словно надутый воздухом бычий пузырь. Казалось, он дрожит и рвется из рук вверх; чтобы его удержать, приходилось прилагать усилия.

Камень не показывал картин, как в прошлый раз, он сиял легко и ровно, и в этом сиянии Берен по-новому видел все вокруг: деревья, обступившие полянку, стали какими-то странными, их как будто сделалось больше, и порой похоже было на то, что одно растет внутри другого, но все были какие-то неплотные, как призрачные. Это все деревья, которые когда-либо росли здесь, — догадался Берен. Какими они были... Он глянул вверх — и увидел, как звезды сливаются в круги вокруг одной, той, что зовется Ступицей. Он глянул на Финрода — и увидел его в золотом свете, который шел ниоткуда — и отовсюду, словно несчетное число тоненьких, незаметных глазу лучей сосредоточились на стройной, точеной фигуре эльфа. Да нет — это сам он светился, легко и ровно, окутанный янтарной дымкой.

«Хорошо. Ты видишь меня, я — тебя... Ты слышишь... Говори».

«Что говорить?» — Берен внезапно испугался.

«Что угодно. Мы свободно обмениваемся мысленной речью».

«Это все? Это и есть осанвэ?» — Берен помимо своей воли вспомнил то, что пережил с Лютиэн — ее чувства как свои, и свой восторг, хлынувший в нее... Это был миг — а потом Финрод резко закрыл свою защиту: словно обрушившаяся лавина мгновенно отрезала его от Берена.

Придя в себя, горец спрятал лицо в ладонях. Произошедшее было слишком страшно, чтобы говорить о нем. Если бы по его неосторожности кто-то — пусть даже Финрод — увидел их соитие, Берен и то не набрался бы такого стыда. Каков бы ни был Ном — он оказался сопричастен слишком глубокой тайне Лютиэн, он на миг пережил ее сокровеннейшую радость. Словно бы оказался третьим на ложе. Ему тоже сейчас неловко. Он хотел этого не больше, чем Берен. И все по вине блудливой береновой мысли.

— Ты не управляешь своими мыслями, — покачал головой эльф. — Они управляют тобой. Я не хотел узнавать того, что узнал. Не успел прервать осанвэ прежде чем понял, что происходит. Берен, случайные слова тянут из твоей памяти вереницы образов, очень ярких.

— Прости, — процедил Берен сквозь зубы.

— Ты еще ни в чем не провинился, но с этим нужно что-то сделать. Нельзя позволять, чтобы твои воспоминания обрушивались на собеседника, подобно каплям с дерева после дождя, на того, кто случайно заденет ветку.

— Я знаю, — в Берене поднималось непонятное раздражение на Финрода, переходящее в злость. Он — человек, он так устроен и не может иначе!

— Сосредоточься на чем-то одном. На ярком видении, которое займет все твои мысли. — Он снова протянул Берену Камень на открытых ладонях.

Знакомое чувство в пальцах, сосредоточение, погружение... В первый миг Берен был близок к ужасу — он хотел захотеть — но не мог, и чем больше хотел захотеть, тем яснее понимал, что не сможет. Чем больше он хотел открыться — тем туже стягивался панцирь нежелания. Он весь был теперь словно закован в глухой доспех — с тяжелым шлемом, с перчатками, набедренниками и наколенниками, с кольчужным капюшоном, с гномьей боевой личиной — он и Финрода теперь видел как сквозь прорезь...

«Финрод, — сказал он, отпустив Палантир. — Ном, я боюсь открыться тебе. Во мне... слишком много такого, чего нельзя показывать никому. Я, наверное, так и не освою эту вашу науку...»

«Берен, посмотри на меня».

Человек поднял глаза.

«Все это время мы общаемся мысленной речью. Ни один из нас не сказал ни слова. Ты научился говорить и слышать сразу же, Палантир пробудил тебя. Теперь у нас другая задача, более трудная — научить тебя говорить только то, что ты хочешь».

«Я пытаюсь...»

«Ты не так пытаешься. Когда ты хочешь послать образ, ты весь скован *avanire* потому что все время вспоминаешь, чего мне показывать нельзя. Сделай иначе: вспомни что-то одно, что мне можно показать — и сосредоточься на этом одном. Давай.»

Берен мгновенно перебрал в памяти свою жизнь — и очень легко вспомнил, что всегда было легко и приятно вспоминать: тот давний день из своей юности, когда он, побившись об заклад с Креганом-Полутроллем, взобрался на вершину Эрраханка...

Холодная тяжесть Палантира нагрузила ладонь.

Роуэн (31), — подумал он, погружившись в белый свет. И глубины камня явили друга — таким, какой он был в те давние дни... Полный, широкоплечий и приземистый — из тех, о ком говорят: легче перепрыгнуть, чем обойти. Ресницы — густые и длинные, как у девушки, плотные, волосок к волоску, брови — орлиными крыльями, глаза — большие и влажные, подетски пухлые губы — такие называют «сладкими». Черная поросль над верхней губой подернута... инеем? А на ресницах дрожат — слезы?

— Берен! Берен, дурачина! Что с тобой, почему молчишь, слушай? Говори! Говори что-нибудь, или я тебя сам убью!

— Дурак, — без звука шепчет Берен.

— Что? — Роуэн трясет его за плечи, потом сдергивает с себя диргол и набрасывает на друга, потом снова трясет. — Очнись, очнись же, бревно ходячее! Скажи что-нибудь!

Не выдержав, он обнимает Берена, прижав того к груди — и оба валятся в сугроб, и небо над ними подсвечено розовым, а снега на восточных склонах уже отливают синевой, и боги, как это все красиво — а дурак Роуэн не замечает и снова его трясет... Как будто его жизнь что-то значит для этих гор... Для рассвета... Для него самого...

Он не хочет отвечать Роуэну — боится расплескать то, что принес с вершины. Он — легкий и прозрачный сейчас, он так спокоен и так взволнован, как не был еще никогда в жизни. Он плачет, и слезы прожигают снег...

Белая, невыносимо прекрасная, висит над ними вершина Эрраханка. Почти правильная четырехгранная пирамида, которую он... покорил? Смешно даже думать об этом — он пришел и ушел, как каждый год сходит с вершины лед. То, зачем он шел — мальчишеская удаль, похвальба перед девицей, гордость, желание доказать, что смертному не слабо то, что сумел совершить эльф — все отшелушилось и отпало с него на этой высоте. Осталось лишь немое восхищение красотой Творения. Немое — потому что слова всех языков, ведомых Берену, выгорали и увядали перед ней.

Роуэн снова встряхнул друга — и из-за пазухи у того выпал и зарылся в снег кинжал вороненой стали, с двумя змейками дома Финарфина, оплетающими яблочко рукояти — уже изрядно съеденный ржавчиной. Доказательство того, что он действительно был на вершине Эрраханка. Берен проводил нож равнодушным взглядом — теперь ему было все равно,

поверят или нет.

Глядя через плечо Роуэна, он с предвершинной седловины видит далеко на север. И там, на севере, где волнуются под ветром травы Ард-Гален, встает под небеса всепожирающее белое пламя.

— Огонь, — шепчет он, впиваясь пальцами в руки Роуэна. — Огонь на Ард-Гален!

— Тише... Спятил ты что ли — это закат играет на облаках, дурила! В голове у тебя помутилось от этого воздуха. Спускаться нам надо, понимаешь, спускаться! А-а, понесла меня с тобой нелегкая...

Не отпуская Берена, Хардинг нагнулся и подобрал нож, который три сотни лет назад Финрод оставил на вершине в знак того, что все земли, что видны с вершины Эрраханка, принадлежат теперь Дому Финарфина...

Ясность видения была такой, что Берен снова прожил те минуты и успел озябнуть — летней ночью! Больше того, он понял, что с точностью до мгновения может вызвать в своей памяти все, что происходило до и после, в любой момент его жизни — даже, наверное, младенчество... Он не стал это проверять, просто испугался — и отпустил рвущийся в небо шар Палантира.

И шар мгновенно налился тяжестью, холодом и твердостью, выскользнул из рук — не удержи его Финрод, кристалл упал бы в траву.

«Хорошо. Видишь, я был прав. Но ты испытываешь все слишком живо — и поэтому устаешь».

Берен ничего не ответил — он все еще задыхался от редкого горного воздуха. Деревья потемнели и были теперь обычными деревьями, звезды остановили свой бег.

— Ты мог попасть в более опасное видение, — продолжал Финрод уже вслух. — Необходимо все время помнить, что это происходит с тобой не на самом деле. Не погружаться в Камень целиком, часть себя оставлять вовне...

— Слушай, — сказал Берен. — Когда я коснулся Палантира и начал вспоминать... Я вспомнил много такого, о чем напрочь забыл. Мне кажется, с этим Камнем я смогу вспомнить все, что когда-либо знал. Даже дни младенчества.

Судя по лицу Финрода, он был потрясен.

— Правда? — спросил он.

— Точно. Всех этих вещей — что у Роуэна слезы замерзли на ресницах, что я выронил кинжал, что мне пригрезился огонь — я ведь не помнил всего этого... Я был... как шальной. А сейчас — я увидел это снова, как оно было... И... благодарен тебе за то, что вспомнил все...

Финрод о чем-то задумался, потом решительно сказал:

— Мы еще поговорим об этом. А сейчас попробуем без Камня. Я пошлю тебе Образ, потом — ты мне.

Он положил Камень в траву.

Берен сосредоточился, «прислушался» — теперь это было доступно и без Камня, — и увидел белый город на холме.

Город смотрел на запад. Так было все в нем сделано и устроено, чтобы поменьше стен — и побольше окон. Чтобы дома не перехватывали друг у друга свет, который, исходя все время из одного места, не блуждает по небу. Этот свет был каким-то плотным, даже в те места, где была тень и должен был бы царить сумрак — он как будто просачивался... У Берена захватило дыхание — ничего прекраснее он в жизни не видел. Нарготронд был

прекрасен, и нельзя было сказать, что сделан он по образцу Тириона на Туне, ибо Нарготронд, скрытый город, был весь внутри себя, и прекрасен он был изнутри — а Тирион был весь снаружи...

Хрустальные и мраморные лестницы сбегали вниз по западному склону холма, а восточный, сумрачный, порос густыми соснами. И можно было бежать вниз по этим лестницам, хватая грудью воздух — а можно было блуждать в сосновых сумерках. То, что для Берена всегда было сказкой, неизбежной мечтой о стране без слез и забот, куда можно попасть только мертвым, и то — ненадолго, для Финрода было обычным юношеским воспоминанием, как для него — ровная кладка замков Каргонд и Хардинг, величественная красота Одинокого Клыка, задумчивая прелесть озера Аэлуин...

И Берен позавидовал. Люто позавидовал тому, кто вырос в Блаженном Краю. Он пытался заставить себя вспомнить, что сам все-таки может вернуться. Да, в опоганенный, разоренный Дортонион — но сможет. А Финроду, примкнувшему к мятежникам, дорога в Валинор заказана на всю жизнь. И эти юношеские воспоминания для него — пытка. Вместе с образом передавалась и часть боли, Берен чувствовал это... «Но ведь у него — было!» — взъярилось что-то внутри. — «То, что он потерял, было в тысячи раз прекраснее того, что потерял я! Нам никто не предлагал идти в Валинор, никто не приходил учить нас и оберегать! Только этот... Разве мы виноваты, что пали?»

«Но ведь и мы пали, Берен...» — новый образ явился его сознанию: огни факелов мечутся, сливаясь в созвездия, а потом — в пламенные реки. И в круге огней стоит и говорит высокий, статный эльф с пылающими глазами. Берен не услышал слов, но хорошо знал предания и помнил их смысл...

Альквалондэ Финрод не стал показывать — и Берен попытался проникнуть в этот отрезок памяти силком — и не смог. Зато увидел черное, в крупных холодных звездах небо Арамана — и громады вздыбленного льда... Ах так! Ну да, ведь для того и затевался урок, злорадно подумал он — показать мне, что невозможно прочесть в мыслях другого то, что тот желает скрыть...

Человек уже не владел собой. Его трясло от зависти и злости, а еще — от того, что он явил это Финроду во всем безобразии.

«Вы... Вы сами дураки, что с открытыми глазами променяли свой рай на Средиземье и войну! Вам слишком многое дано было готовеньким, чтобы вы умели это ценить! А мы... Нас предали, с самого начала предали, оставили на милость Мелькора и его слуг! У нас никогда, никогда ничего такого не было и не будет — и вы хотите, чтобы мы уважали вас, все это бросивших?! О, если бы нам, смертным, было дано нечто подобное — мы держались бы за это руками и зубами! Мы никому не позволили бы своротить нас с пути! Не соблазнились бы ни на чьи подначки — и без того наш век слишком короток, чтобы пожелать его сократить! Никакой Мелькор, никакой Феанор не купил бы нас так дешево, как вас — бессмертных, мудрых, прекрасных... Да вы просто с жиру сбесились!»

Он почувствовал ответ Финрода — не слова, а теплую волну любви и жалости; и это подкосило его сильнее, чем любая гневная, жесткая, мудрая отповедь.

— Не смей меня жалеть! — вслух крикнул он; выхватил меч, вскочил и кинулся в лес без дороги, без толку, прорубаясь сквозь кусты и влипая лицом в паутину. Он остановился только тогда, когда эхо мыслей эльфа перестало достигать его, несколько раз яростно рубанул ни в чем не повинный куст лещины, а потом с размаху вогнал клинок в землю и упал перед ним — лицом вниз, сцепив руки на затылке.

— Ты ошибся, Финарато.

Король вертел в руках Палантир, не оживляя его прикосновением мысли.

— Подслушивать нехорошо, — сказал он наконец. — Садись, Менельдур.

— Я не подслушивал. Это он орал на весь лес. Он ненавидит тебя.

— Я знаю. Но ненависть — далеко не все, что он испытывает ко мне.

— Ты ошибся в нем, — Менельдур сел на землю, помог королю завернуть Палантир в сукно. — Он такой же, как все они. Одержимый собой и своими страстями. Завистливый. Самовлюбленный.

— Разве среди нас мало таких?

— Меньше, чем среди них. Этой обиды не изжить — они считают, что и мы, и Валар их предали. Бесплезно объяснять что-либо. Им все время кажется, что все им задолжали: мы, Валар, Единый...

— Зачем же ты тогда пошел со мной, Менельдур?

Эльф поднял глаза:

— Ты — мой король, и я дал тебе клятву...

— Это не все. Многие давали клятву...

— Ты прав. Я рассчитывал, что ты одумаешься... увидишь его таким, какой он есть... и вернешься.

— Нарушив свой обет?

— Не говори мне о том обете, я ведь был там и помню все слово в слово! Ты обещал, что не откажешь в помощи никому из Дома Беора — и ты уже сдержал обещание. Ты дал ему золота, союз с Хитлумом, поручительство к Маэдросу... Ты не обязан ему больше ничем...

Финрод смолчал.

— Скажи, король мой и друг, сколько можно казнить себя за то, в чем ты не виноват даже бездействием — ибо помешать ты все равно не смог бы?

Финрод опустил голову. Молчание длилось, и Менельдур решил было, что Финрод не ответит.

— Менельдур, — сказал вдруг король. — То, что тогда произошло — оно имело какой-то смысл?

Эльф не знал, что сказать, и Финрод продолжал:

— Остановить Падение можно лишь одним способом: каждый должен остановить его в своем сердце. За нас это никто не мог тогда сделать. И за Берена этого сейчас не сделает никто. Он сейчас ненавидит меня — это правда; но это правда неполная. И не это меня волнует. Сейчас он борется с Падением в своем сердце — а я верю, что Падение можно преодолеть.

На изумленное молчание Менельдура он ответил чуть погодя.

— Я не хотел этого опыта. Это слишком жестоко. Но это произошло само собой, и поверь, так лучше. Если бы он слепо боготворил меня или спокойно использовал — я бы огорчился куда больше. Ненависти в мире очень много, и если нам больше не из чего делать

любовь — мы будем творить ее из ненависти.

— Ты... Знал, что так будет?

— Я изо всех сил надеялся, что так не будет.

— И что же теперь?

— Я буду ждать. Иди, Вайвэи. Я буду ждать.

— Он опасен. Он... Менельдур прислушался. — Он жаждет твоей смерти! Позволь мне остаться.

— Иди, Вайвэи. Это приказ.

— Как я могу?

— Должен, если любишь меня. Если в Берене победит ненависть — значит, я совершил ошибку, цена которой жизнь. Я расплачусь сам. Повинуйся своему королю.

Менельдур покачал головой.

— Ты погибнешь.

— Да, — согласился Финрод. — Как и большая часть тех, кто пришел сюда, в Эндорэ, из Валинора. Как все, кто выбрал Падение.

Менельдур оглянулся в сторону поляны, где расположились на ночь остальные эльфы.

— Ты все еще веришь в него? Даже сейчас?

— На что же еще ему опереться, если не на мою веру?

— Я тоже хочу поверить, король мой. Стараюсь. Но не могу.

— Тогда уходи совсем, — это был не приказ, это была просьба, продиктованная не волей короля — любовью к другу.

— Да как же я уйду?

— Ты предпочтешь мучить меня сознанием того, что я веду тебя на смерть, которую ты считаешь напрасной? Уходи, Вайвэи.

Менельдур обхватил колени руками, склонил голову. Темные, крупно вьющиеся волосы рассыпались по плечам, доставая до травы.

— Я слышу его сквозь лес, — сказал он наконец. — Как будто смерч беснуется на поляне — такая борьба идет в его душе. Если он и в самом деле что-то поймет — значит, ты был прав. И я поверю. Если нет — уйду.

Финрод взял его за руку, долго смотрел в глаза, потом — отпустил.

— Хорошо, — сказал он. — Будь по-твоему.

* * *

Ну что, друг мой? Тебе не нужен был Дагмор, пока имелся собеседник получше — а теперь ты с ним расплевался...

— Я ненавижу его.

Ага, вывернул это — и легче. Есть такое поверье, сынок — назовешь демона по имени — и он уйдет.

— Не уходит.

Тогда скажи, за что ты ненавидишь Финрода?

— За то, что бессмертен. За то, что мудр выше всякого моего разума. За то, что

красив. За то, что благороден сверх меры. За то, что искусен. За то, что я таким не был и никогда не буду...

Но ведь Лютиэн кое в чем, пожалуй, даже превосходит его — а ее ты ненавидеть неспособен.

— Я люблю ее.

Ты можешь ею обладать. Вместе со всеми ее немереными достоинствами. А Финрод — был и останется сам по себе.

— При чем тут... Она не станет презирать меня за то, какой я есть.

А Финрод — станет? Брось, сынок, ты прекрасно знаешь, что нет.

— За то и ненавижу. Потому что я бы на его месте — презирал. Но, по-моему, легче море вычерпать, чем меру его терпения и благородства.

О, да, у него — море... А у тебя — кувшин? Ведро? Чашка? Давай, выплесни и то, что есть. Он там один, безоружный — пойдешь и убей его. Уничтожь того, кто одним своим существованием являет тебе всю твою мелочь. Уничтожь вообще всех, кто больше тебя, лучше тебя — тогда ты станешь самым великим...

— Я лучше тебя об колени сломаю с такими твоими советами.

Так, ты уже кое-что начинаешь понимать. Голова — она не только для шлема человеку дана. Ответь, почему ты не хочешь следовать этим путем?

— Это Падение. Это путь Моргота.

Но тебя толкнули на него задолго до твоего рождения. Что стоило Ему — всезнающему, всемогущему — шепнуть Валар, где проснулись Смертные? Что стоило им отвести вас с Валинор и отрезать вам уголок? Ровным счетом ничего — так почему они этого не сделали?

— Не знаю.

Ну так мсти им! Мсти за все, что они не сделали для людей! Овладей их крепостями и женами, стань первым человеческим королем Средиземья!

— Я не желаю уподобляться Морготу.

Но ведь уже уподобляешься ему. Завидуя, ненавидя, ожесточая свое сердце — уподобляешься Морготу.

— Но почему? Почему мы должны быть вечно вторыми, почему мы — пасынки этой земли, а они — ее дети?

А почему вечно вторым после Эру должен был быть Мелькор? Выходит, и у него есть право чувствовать себя обделенным и обиженным? И станут ли родители любить приемного сына сильнее, если он убьет родного?

— Ты все ставишь с ног на голову.

Нет, сынок, наоборот. Смотри: или ты безоговорочно признаешь, что Единый понимал, что делал. И тогда не имеет смысла зависть: у тебя — свой путь, и твой долг — пройти по нему достойно. Или ты считаешь, что Единый не прав, что он тебя предал, обманул и бросил — и тогда твое место рядом с Мелькором. Бьюсь об заклад: он будет рад такому союзнику.

— Хорошо! Хорошо, Единый прав, а если мне кажется, что он не прав — это значит, я просто чего-то не понимаю. Например, не понимаю того, почему мы подвержены болезням, соблазнам, той же ненависти... Смертны — пускай, допустим, но почему мы слабы?

А ты поинтересуйся у того, кто породил болезни, соблазны и ту же ненависть. Правда, я не знаю, что он ответит... Скорее всего, свалит все на Эру.

— Не крути! Эру мог сделать так, чтобы от нас все это отскакивало как роса от пшеничного листа.

Мог. Люди Древней Надежды верят, что изначально мы такими и были — а кто нас испортил, ты знаешь.

— Но почему он сумел это сделать? Почему нас отдали ему?

Слушай, что ты разнылся? Ты же все это знал и раньше, знали твой отец, дед и прадед — думаешь, им не казалось, что их где-то обошли? Или у них просто было больше веры и твердости?

— Они не видели того, что Финрод явил мне. Пока я просто знал, это было одно. Когда я увидел — это... Это совсем другое.

Ага. Ты не завидовал, пока не знал, чего был лишен. Что ж, есть люди, которые искренне полагают себя честными — пока не увидят плохо лежащий кошель.

— Ну что ты за язва!

Вспомни: Тингол видел эту землю — и отказался от нее. Авари и серые эльфы отказались — из любви к Средиземью...

— Но почему отказался Финрод? Боги мои, он же не проливал кровь братьев, и ему не нравился Феанор, и у него там была любимая — чего его понесло в Эндорэ?

Почему бы тебе не пойти и не спросить у него самого?

— После всего, что я наговорил?... Надумал?

Боишься, что Финрод устроит тебе такую же вздрючку, какие устраивал в свое время отец?

— В том-то и дело, что он не устроит. Он меня уже простил.

Да, тяжело это вынести. Тебя не обругают, не проклянут — тебя уже простили... Вот ведь подлость! Если бы он обругал тебя, проклял, презрел — всю вину как рукой бы сняло: ты свинья и я свинья. Легко и просто. Но ведь нет — он тебя любит. Как братьев, которых потерял, как сына, которого у него так и не было... И быть достойным такой любви — во сто раз труднее, чем просто быть преданным вассалом. И он отчего-то полагает тебя достойным, представь себе. Чем же ты ответишь на эту любовь?

— А чем я должен? Ты, такой умный, — скажи!

Ты знаешь. Ты знаешь, чего он хочет от тебя. Почему он в тебя верит.

— Но я обманул его веру. Я оказался... не тем, что нужно.

Не святым. Мне почему-то кажется, сынок, что он об этом знал. Он сам полагает себя далеко не святым, и как-то странно было бы, если бы он предполагал святость в тебе и жестоко разочаровался. Но вот ему, как видно, кажется, что ты, и не будучи святым, способен послужить Древней Надежде.

— Поэтому он и возится со мной?

Не криви душой. Он стал бы «возиться с тобой» в любом случае. Он очень серьезно относится к словам, которые произносит. А вот как ты относишься к своим словам — это твое дело. Ты можешь продолжать валять дурака и затаить обиду на весь свет — а можешь прийти и повиниться за все те глупости, которые наболтал и надумал. Стать достойным прощения.

Берен сел в траве, провел ладонью по рукояти меча — синий блик прошелся по вделанному в гарду аметисту, ограненному «звездой».

— Хорошо, — шепнул горец. — Хорошо...

Найти обратную дорогу было легко — сюда он ломился как медведь, не заботясь о сокрытии следов. Обломанные ветви, примятая трава, порубленные кусты — словно орк продирался через лес.

«Если бы мои страсти сжигали только меня! — так ведь нет: страдает все, до чего я могу дотянуться...»

Эльф ждал его там же. Горец подошел и сел на землю, напротив.

— Я сваял большого дурака, — сказал он. — Я... хочу попросить у тебя прощения, государь мой...

— Не стоит.

— Погоди. Ты еще не знаешь, в чем дело. Ты думаешь, это тебе не в новинку, наверняка люди уже обвиняли тебя в том, в чем ты не виноват... И ты прощал, потому что нашей вины тоже нет в том, каковы мы... Но сейчас, государь мой, совсем другое дело. Пока... Пока я просто умом понимал, что стоит между нами... Пока Валинор оставался просто рассказами — я не испытывал к вам особой зависти. Даже гордился этим, дурак...

— Я допустил ошибку.

— Нет, все было правильно. Ты не Валинор показал мне, Король — ты показал мне мое нутро. Моего оборотня, как он есть — глаза в глаза. Я ведь подумывал о том, чтобы убить тебя, государь. Потому что мое самое жгучее желание — сравняться с тобой в мудрости, искусствах, красоте — чтобы сделаться достойным Лютиэн... А я никогда не смогу. Мне просто времени не хватит. И бессилие что-либо изменить пережигает мои стремления в черную зависть. Так река, запертая обвалом, вздувается и крушит запруды, а потом несется дальше, уничтожая все на своем пути... Я могу направить эту ненависть на того, кто ее действительно заслужил — но я бессилён ее изжить до конца. Погоди, не говори пока ничего... Я знаю, так было предопределено, так надо... Наверное, затем, чтобы мы понимали: ждать и терять нам нечего. Другого объяснения придумать я не могу. Пусть будет. Король, прости меня. Прости за то, что я неспособен отплатить тебе тем, чего ты от меня ждешь. За то время, что мы вместе... Ты занял в моем сердце место отца или старшего брата. Но... я всегда был непослушным сыном и скверным братом. Вот мой меч — тот самый, который я хотел поднять на тебя. Распорядись им как знаешь, — Берен протянул королю Дагмор рукоятью вперед. — Что бы ты ни решил — я тебя благодарю заранее.

Финрод принял меч, мгновение-другое держал его как взял — острием направив в Берена, а потом, перехватив за лезвие, вернул его тем же порядком.

Берен обтер лезвие о рукав и вложил Дагмор в ножны. Стыд сжигал его сердце.

— Откуда ты знаешь, — тихо спросил король, — на что способен, а на что — нет? Разве ты дошел до края своей жизни? Разве ты до конца испытал свою судьбу? Разве ты уже сделал все, на что способен? Или ты знаешь, чего я от тебя жду?

Берен поднял голову. Было темно, но лицо эльфа виднелось отчетливо, словно очерченное слабым сиянием.

— «Если узы супружества и могут связать наши народы, то это случится во имя великой цели и по велению судьбы». Что же это за великая цель, король, если ты решился помочь мне? И в чем ты видишь мою судьбу?

Эльф заговорил не сразу, а после краткого раздумья.

— Прежде чем я отвечу, я хотел бы знать, о чем ты думал там, на поляне. И как отказался от мысли об убийстве.

Берен преодолел страх и стыд, крепко взявшись за рукоять меча. Соприкосновение длилось какой-то миг — но в этот миг уместился весь разговор с Дагмором, голосом собственной души.

— Хорошо, — сказал Финрод. — А теперь — пожелай узнать мои мысли.

И Берен — пожелал...

...Как они были беспечны...

Они слышали о боли и зле — но это ведь не имело к ним никакого отношения, правда? Это было где-то там, в Смертных Землях, где еще не изжиты последыши Мелькора, где скрываются майяр из его учеников. Их — любящих, творящих, прекрасных и беспечных — это не касалось.

Соперничество между Феанаро и Ноловинвэ, легкие насмешки над излишне задумчивыми ваньар и чересчур легкомысленными тэлери, властолюбие Артанис... Это кое-кому не нравилось, но ведь ничего общего со Злом здесь не было, да? Зло — уродливое, черное и горбатое, отвратительное и внутри, и снаружи; если Зло появится здесь, в Валиноре, — что само по себе уже непредставимо — может быть, тэлери его и проворонят, может быть, упустят из виду ваньар, обитающие рядом с Валар, но уж нолдор, такие мудрые и неравнодушные, сумеют распознать Зло сразу и наверняка!

Так говорил Мелькор, отпущенный из темницы — и, наверное, улыбался про себя.

Как же они были наивны...

Даже тогда, стоя на площади Тириона, где в пляшущем свете факелов троилась тень Феанаро — даже тогда многие думали, что Зло — это нечто отдельное от них; то, что можно настичь, взять за рога и пригнуть к земле, снести голову одним ударом... И они были полны решимости сделать это.

И лишь на пирсах Альквалондэ, остывая от кровавой рубки, они поняли, что Зло пребывало с ними всегда, от начала их жизни — дремало в сердцах, словно семя в земле. И нашелся тот, кто заботливо полил это семечко, щедро удобрил лестью ростки гордыни, тщательно разрыхлил землю у корней гнева, подпирал ветви зависти, на которых уже во всю созревали исчерна-красные плоды зла.

...А когда они осознали зло, такое близкое и неотступное — их охватило отчаяние. Одни по-прежнему полагали, что зло истребится, если убить того, кто принес его в мир. Уничтожить Мелькора — и чудесным образом забудется несмываемый грех Альквалондэ, встанут из могил мертвые, простят живые... Другие же сказали себе: зло — это мы. Нам нет прощения и нет возврата, нам остается лишь сражаться здесь до конца и собственной смертью искупить чужие. Лишь странный, забавный Финарато в глубине сердца считал, что спасение возможно для всех. Даже для Феанаро. Может быть, даже для Мелькора. Милосердие Единого должно быть так же бесконечно, как и Его могущество, и если зло можно искупить, Он укажет — каким образом.

Если гордыня, зависть и гнев привели нолдор к Падению — значит, нужно отринуть гордыню, зависть и гнев.

Поэтому он ни мгновения не колебался, когда Фингон поделился своим намерением — идти в Железные горы, спасти Маэдросу. Фингон настаивал, на том, что сделает это один. Но кто-то должен был ждать в условленном месте с малым отрядом, запасными конями, припасами... Он не мог попросить об этом сыновей Феанаро — отец не позволил бы сыну пойти в их лагерь и иметь какие-то общие дела. Он не мог попросить об этом даже своего родного брата: Тургон желал Маэдросу гибели, не в силах простить никому из феанорингов потери своей жены. И Фингон пришел к сыновьям и дочери Арафинвэ.

Преодолев гордыню, ненависть и зависть, Фингон спас Маэдросу. Спас весь народ Нолдор от смуты и вражды.

Финрод увидел в этом знак.

А потом был другой знак — когда, блуждая в Оссирианде, он увидел костры на склонах Синих Гор и слышал пение народа, о котором прежде знал только смутно, из намеков Мелькора и сдержанных рассказов Валар.

Балан говорил: когда взошло солнце, среди народа людей случился раскол. Многие были недовольны прежней жизнью, а род Балана был из тех, кто еще слышал Голос-из-Темноты. Это скрывали, этого боялись даже сами слышащие, но в роду Балана издавна верили старым богам и не верили новому. И однажды Балан услышал Голос. Время пришло, сказал Он. Завтра вам будет знамение, и поверившие спасутся от Тьмы. Они перевалят через три горных цепи — и придут в землю, что течет молоком и медом. Тогда они должны устроить пир и принести старым богам жертвы хлебом и вином. А после этого нужно сделать арфу и лечь спать, не выставив дозорных. Тот, кто придет и заиграет на арфе — за тем нужно последовать. Он укажет путь к спасению.

И те, кто поклонялся старым богам и не признавал нового бога, принесли беор предку Балана и последовали за ним. По пути к ним пристали еще два народа: золотоволосые коневоды и мрачноватые, слегка раскосые лесовики. Но горцы, принесшие беор, все же шли первыми. В их рядах был ропот, потому что путь пролегал через опасные земли — и через прекрасные земли. И там, и там они теряли людей. В опасных землях люди гибли в схватках с орками, с дикими людьми и троллями, один раз, по ошибке — даже с гномами. В прекрасных землях люди откалывались и оседали.

Земли за Синими Горами были прекрасны, и большинство из народа беора сказало: хватит! Здесь — чудесные места, много хороших пастбищ и земли под пашню — зачем делать еще один мучительный переход через горы? Скольких они опять недосчитаются в этих снегах?

И Балан — тогда еще молодой — сказал, что пересечет эти горы, как было предсказано — даже если ему придется идти туда одному.

Ему не пришлось — тысяча человек вызвалась разделить поход. Гномы, встреченные по пути на север, показали перевал. И когда перевал был пройден — в золотых лучах солнца людям открылся Белерианд. Они спустились в долину и развели костры, принесли жертвы хлебом и вином, пели и танцевали, радуясь исполнению пророчества и концу долгого пути...

Кто-то натянул на простой ясеневый лук еще девять тетив — и получилась арфа. Она лежала на возвышении, покрытом чьим-то плащом, словно положенная нарочно. Финрод взял ее, еще не зная, что так оно и есть.

От чего вы спасались? — спрашивал он потом, но ни Балан, ни другие не отвечали.

Еще один падший народ искал пути к спасению, глядя на Финрода с надеждой. А он — не знал этого пути. Он пытался отыскать следы в их прошлом — но они скрывали свое прошлое.

И вот к нему пришел человек. Мужчина, которого он помнил ребенком и юношей. Влюбленный без памяти в его родственницу. Он был для Финрода подобием Феанаро среди людей. Но Феанаро не мог изменить свой образ мыслей и действий — в этом и заключается то, что названо роком нолдор. Эльфы меняются слишком медленно. Люди свободны от рока в силу того, что способны меняться быстро. В глубине души Финрод завидовал этой способности — зная, что зависть — недостойное чувство, но не имея сил изжить ее до конца.

Через Берена и Сильмарилл могло прийти спасение — как через Феанаро и Сильмарилл пришла гибель. Вот, чего искал в нем Финрод. Вот, чего желал.

— Я не знаю, — прошептал Берен, оборвав быстрый, но утомительный обмен мыслями. — Я не знаю, Ном, сумею ли я. Но я буду пытаться, пока не добьюсь своего или не расшибусь. Слушай... Ты открылся мне в таком...

— В чем стыдился признаться самому себе? Да. Откровенность за откровенность. Временами я завидую тебе, Берен. Завидую всем людям. Когда я злюсь на вас, меня одолевают мысли, подобные мыслям многих других эльдар: что вы — народ, испорченный бесповоротно, низкий, грубый, неблагодарный... И тогда я вспоминаю об одной простой вещи: если бы на меня обрушилось все зло, которое пришлось вынести вам — я бы не выстоял. Скорее всего, я бы погиб, или хуже того — обратился ко злу. Не смотри на меня так удивленно: мера зла, которую эльф может допустить в свое сердце и при этом остаться собой — намного меньше вашей. Вы легче поддаетесь искушениям — но вам легче дается и раскаяние.

— Ном, — вздохнул человек. — Но ведь тебя и не одолевают такие искушения, которые в другой раз приходят к людям. Я двадцать раз раскаялся в том, что желал тебя убить — а ведь тебе мысль убить кого-то, кто лучше, и в голову бы не пришла!

— Не пришла бы... Но почему ты решил, что это хорошо?

У Берена даже рот открылся от изумления, а Финрод продолжал:

— Если бы нолдор, когда они забавлялись с мечами, пришло в сердце искушение ударить противника по-настоящему, в кровь — они устрашились бы этого искушения и стали иначе относиться к своей забаве. Они испытали бы это искушение раз, другой, и третий — и научились бы ему противостоять. Но они испытали его лишь единожды — и сломались... Искушение — не грех, это испытание. Чтобы не поддаться искушению, нужно вовремя отдать себе в нем отчет. Чтобы преодолеть Падение, нужно осознать его в себе. Столько раз, сколько потребуется. Так, как ты сделал сегодня. Ты ведь не представляешь себе, насколько великую победу над Морготом ты сейчас одержал. Ты поразил его сильнее, чем Финголфин. Ибо он изранил его тело, а ты — обрубил один из корней, которые, проникая в наши души, питают его силу. Мы кормим Моргота, Берен. И только когда мы перестанем это делать — он будет повержен.

Берен сорвал травинку, раскусил нежный стебелек, добывая каплю кисло-сладкого сока.

— Это умение, осанвэ... Оно пребудет со мной всегда? И без Палантира?

— Теперь — да.

— Я буду слышать чужие мысли?

— Если попытаешься проникнуть в открытое сознание или если кто-то попытается войти в твое. Но учти: проникать в более слабый разум, подавляя его, — бесчестно. Какой бы нужной и благородной тебе ни казалась конечная цель этого деяния. И есть еще одна важная вещь, которую ты должен знать, Берен. Она может тебе пригодиться. Твое сама не цельно.

— Соловушка говорила что-то в этом роде, но я так и не понял. Что это значит? Я безумец?

— Нет, вовсе нет... оно не производит впечатления чего-то разрушенного, оно не цельно скорее как композитный лук или наборной меч, понимаешь? Больше похоже на станок, чем на статую.

— И что же из того?

— Пока еще не знаю. Если бы нам больше времени... И еще одно. Прежде я и все остальные эльдар полагали, что, забывая, вы забываете навсегда. Что в силу искажения в

вашем разуме появляются какие-то изъяны, наподобие пятен ржавчины, разъедающих железо. Твой рассказ о дориатском исцелении заставил меня отбросить эту мысль, а сегодня я узнал, что вы, как и эльдар, помните все. От первого и до последнего дня жизни. Но ваша память не похожа на развернутый гобелен — она напоминает гобелен скатанный; нет — даже не гобелен, а моток нитей, где слой просвечивает сквозь слой. Отчетливо видны только верхние, чем ближе к середине — тем больше они скрыты, вы как бы наматываете на катушку памяти все новые и новые витки бытия. Теперь я понимаю смысл вашего слова «забыть». Вы действительно за-бываете.

На минуту Финрод перестал быть королем — перед Береном был неутомимый исследователь, сжигаемый жаждой познания и радующийся новым знаниям как дитя — новой игрушке.

— Нолдо, — Берен, обескураженный, смотрел своему королю в лицо. — Вы никогда не успокоитесь, да? Пока не проникнете умом до самых корней мира, пока не пронзите небесной тверди? Откуда вы такие взялись?

Финрод тихо рассмеялся.

— Откуда мы такие взялись? Мы были такими всегда, Берен.

Он лег на спину, закинув руки за голову, и глаза его поймали отблеск звезд и луны.

— Мы стремимся познать Арду, потому что наши феар — ее неотъемлемая часть. Вот откуда вы такие взялись? Зачем пришли? И куда деваетесь, а? Кто мне скажет? Может быть, ты?

— А что ж, — Берен последовал его примеру. По правде говоря, он очень утомился. — Может, и я...

Он зачем-то подмигнул скособоченной луне и закрыл глаза.

* * *

Поутру хозяин был какой-то вареный, а Финрод так и вовсе без стеснения спал в седле — грезил с открытыми глазами, как это умеют делать эльфы.

Они тронулись в путь до света, чтобы к вечеру добраться до реки Миндеб. Снова — шлемы и кольчуги, снова — щиты и луки... Пограничье. На севере высилась стена гор — обманчиво близких в прозрачном утреннем свете. Оттуда, из-за этих гор, из родной земли Берена, приходили орки. Это были небольшие ватаги, редко когда превышающие числом полсотни, рассказывал позавчера начальник заставы, рослый горец по имени Нарво. Не то, что было здесь пять лет назад, о-о-о! Тогда было — только держись: перли, как муравьи, сметали заставы, жгли хутора и деревни до самого хребта Андрам, счастлив был тот, кто успел семью в лесу схоронить... А сейчас — нет: стараются малой шайкой просочиться через кордон, налететь на какой-нито одинокий хутор или малое поселение, порезать всех и забрать все, что можно унести на себе. Кого перехватит пограничная стража из дориатских эльфов, кого — горцы, кого бретильцы... Но бывает, что и просачиваются, да... Голод их гонит, я слышал, — вставил слово другой воин. Ард-Гален сгорел, негде пасти скот, а Черный лишние рты кормить не желает. И в Дортонионе сейчас не очень-то пограбишь: что у нас отобрал Саурон, тем не поживишься. Ничего-о, мрачно протянул Нарво. Мы их

накормим... Землей накормим под самую завязочку.

Здесь, на «ничьей» земле, небольшой отряд казался легкой добычей. Наслушавшись на заставе разговоров об обычаях и нравах орков, Гили все время с тревогой поглядывал на север — хотя и понимал, что если появится какая-то напасть, то эльфы углядят ее первыми.

Красив был Димбар. Широкие луга перемежались здесь с небольшими рощицами, и чем больше к северу — тем реже делались рощицы, тем шире луга — они ехали по самой границе этого редколесья и полосы степи, протянувшейся вдоль гор. Любой, кто ехал бы или шел со стороны гор, был бы рано или поздно замечен — а вот их почти все время скрывал перелесок. В отличие от эльфов — Аэглоса, не выпускавшего гор из виду, Лауральдо, готового в любой мог схватиться за лук, Вилварина, внимательно смотрящего на гряды Криссаэgrim — Берен все больше чего-то высматривал на юге.

Гили небрежно поинтересовался у Айменела, что там такое, и тот просто ответил — Дориат, владения Элу Тингола.

Гили месяц назад уже был в такой близости от Дориата — когда шел с купцами. То ли от скуки долгого пути, то ли от близости Зачарованного Королевства, но купцы и возчики каждый вечер рассказывали об эльфах Дориата истории одна другой невероятнее и страшнее. И про парня, который подсматривал за купающейся эльфийской волшебницей, а она превратила его в камень, — так он, каменный, и стоит до сих пор, зачарованный ее красотой. И о младенцах, которых эльфы крадут, оставив вместо них подменшей, потому что эльфам для войны с орками надобны те, кто не боится держать в руках холодное железо, а это, вестимо, могут только люди да гномы. И о напитке бессмертия, секрет которого боги открыли эльфам, но утаили от людей... Болтовня эта прекратилась после того как к обозу пристал Берен. Раза два он одернул особо ретивых рассказчиков — и в его присутствии больше никто не решался завести небылицы об эльфах Дориата.

Гили еще раз задумался, откуда Берен мог появиться тогда, на тракте. По его словам и оговоркам эльфов — он шел из Дортониона. Но тогда он не мог не пройти через Химлад — а в Химладе он не был. Неужто... Гили об этом не задумывался, но тут пришло само собой — неужто Берен побывал в Огражденном Королевстве?

Гили не решался спросить ни у него, ни у эльфов.

Солнце покатилося к закату, когда они увидели идущую с востока тучу. Темно-серая и плотная, она словно подминала собой вершины гор, а под ней полупрозрачной косой пряжей висел дождь. Рваные, разлохмаченные края тучи ползли во все стороны.

Первые резкие порывы ветра заставили деревья и травы встрепенуться.

— Сука удача, — пробормотал Берен, глядя на восток. — Угодили под шквал.

— Мы успеем добраться до берега Миндеба прежде чем встретимся с ним, — сказал Лоссар. — Давайте поищем укрытие.

— Здесь негде укрыться, — покачал головой Кальмегил. — Я знаю эти места.

— От такого шквала, — добавил Менельдур, — эти лесочки нас не защитят. Но лучше свернуть в рощу: я не ищу встречи с молнией.

— Так и сделаем, — сказал Финрод.

— Есть еще одно предложение, — Эдрахил привстал на стременах, вглядываясь в застилающую восток черноту. — Соберем побольше хвороста и укроем его попонами, когда придем на место. У нас будет сухая растопка.

— И полным-полно валежника, если я что-то понимаю в жизни, — подытожил Берен. — Ходу!

Они наподдали коням пятками и поскакали вперед. Ветер понемногу крепчал и бил в лицо, становясь все холоднее. Берен и Нэндил, не сговариваясь, снова затеяли гонку, и вскоре почти пропали из виду, только крупы их коней двумя точками выделялись на зеленой траве: серебристо-серая и черная.

Остальные не гнались, но тоже ехали резвым галопом, и Гили впервые почувствовал трудности со своим Лайросом. Рысью он бежал так гладко, что усидел бы и младенец, а вот галоп потребовал от Гили немалого напряжения. Когда они выехали на берег Миндеба, паренек уже весь взмок, а ведь предстояло еще многое сделать: отыскать место для лагеря, расседлать коня, найти хворост, сложить в кучу его и седельные сумки, укрыть щитами и попонами...

Они еле-еле успели все сделать, когда это началось. Сначала на берег навалились сумерки — такой черной и густой была туча — но лучи низкого солнца все же пробивались под нее, как под навес палатки. Ветер задул крепко и словно со всех сторон сразу, по листьям ударили одиночными стрелами первые капли дождя — и сразу же ливень обрушился всей мощью, словно в небе опрокинули ведро.

Кони беспокойно ржали и пританцовывали на привязи, эльфы, находясь рядом, успокаивали их. Гили тоже обнимал за шею своего гнедка, и чувствовал всем телом его дрожь, когда молния рвала ранние сумерки, и гром накрывал перелесок. Сполохи били все чаще и чаще, и Гили бросил щит, которым укрывался от дождя — все равно порывы ветра рвали его из рук и швыряли воду в лицо горстями, с самой неожиданной стороны. Мальчик обхватил Лайроса за шею обеими руками, так же сделал со своим конем Айменел. Ветер теперь дул с такой силой, что труда стоило просто устоять на ногах. Струи дождя срывали ветки и листья с деревьев, Гили казалось, еще немного — и он под напором тяжелых капель уйдет по колено в землю, как сказочные воины после молодецкого удара. Поднять лицо было невозможно — вода, летящая с неба, забивала дыхание. Оставалось вжимать голову в плечи, лишь краем глаза следя, что же делают другие.

Берен стоял, опустив лицо, завернувшись в плащ по самые глаза, слегка придерживая свою кобылу за уздечку — похоже, Митринор совершенно не боялась ни сполохов, ни грома, ни тяжелых бичей ливня, способных свалить человека с ног. Точно так же вели себя кони Нэндила, Финрода, Эллуина — а вот остальные беспокоились. Тьма сгущалась все крепше и крепше, и даже сквозь барабанный грохот дождя слышались стоны деревьев под ветром. Гили вцепился в шею коню, просто чтобы не унесло вихрем... Вовремя: началось такое, что хоть кричи: полетели ветки и листья, деревья затрещали, вода Малдуина аж кипела, земля и небо смешались.

Раздался треск, Гили поначалу решил — рядом ударила молния. Но то была не молния: одно из деревьев — то ли вяз, то ли ясень, в темноте не разобрать — треснуло по стволу и повалилось. Гили вздрогнул, представляя, как сейчас рухнет одно из тех деревьев, что господствует над поляной, и придавит их всех своим стволом — но Валар были милостивы: молодые ясенигнулись и трещали, но не ломались. Только ветки летели на поляну. Одна из них пребольно попала Гили по спине, от второй еле увернулся Аэглос.

Гили уже совсем было отчаялся увидеть когда-нибудь синее небо и подставить лицо солнцу — как вдруг все кончилось: столь же внезапно, как начиналось. Убийственный ливень сменился обычным дождем, солнце засветило ярче, в разрывах тучи проглянула синева, и вскоре стала видна граница облака, его хвост, задевающий за склоны Эред Горгор.

Прошло еще немного времени — и шквал ушел. Остались обломанные ветки и

поваленные деревья, Малдуин помутился и волок всякий мусор, набросанный ветром, да мокрая трава взблескивала росой — а так все осталось по-прежнему. Гили вспоминал себя полчаса назад — трясущегося от страха, измученного борьбой с холодным ветром, и подумал — а не сон ли это? Да нет, не сон: он весь мокрый, и Лайрос дышит тяжело и часто — натерпелся, дурачок...

Эльфы разобрали хворост и свои вещи, укрытые щитами и попонами. Расчет оправдался: седельные сумки не намокли. Точнее, намокли только те, то лежали с краю. Сухого хвороста тоже было много, и очень кстати: всем хотелось поесть и погреться.

Все, кроме Аэглоса и Менельдура, отправились за валежником. Далеко ходить было не нужно: ветками забросало всю поляну — руби и складывай в кучу. Куча выходила большой, эльфы были намерены жечь костер всю ночь, сушиться и греться.

— Эла! — крикнул вдруг Берен откуда-то из-за можжевельных зарослей. — Идите сюда, эльдар, это по вашей части!

Гили, хоть и не был эльфом, тоже поспешил на зов. Он бежал, хоть и был ближе всех к Берену, но когда добежал и остановился, переводя дыхание, оказалось, что все остальные уже здесь, и дышат так ровно, как будто тут и стояли, а не примчались на зов.

Эта полянка вся заросла полынью. Тут было много и другой травы, но беспощадный дождь прибил ее всю, а упругая полынь устояла. Ее горьковатым запахом был напитан воздух, а от ее серебристой зелени кругом было светло. Но не поэтому Берен позвал эльфов — а потому что на бархатных пушистых листьях полыни яхонтами горели дождевые капли, и одни сияли солнечным золотом, другие горели чистым огнем, третьи были пронзительно-синими, а четвертые — зелеными, как камешки в перстне хозяина (знай Гили слово «смарагды», он подумал бы «как смарагды»). Но стоило шевельнуться — и все цвета мгновенно менялись, и живая радуга сполохами пробегала по полянке.

— А что, нолдор, — Берен нарушил благоговейное молчание, на минуту сковавшее всех. — Йаванна, Ульмо и Манвэ этак, мимоходом, творят самоцветы не хуже ваших. Жалко, что недолговечные. Еще и солнце не сядет — а эта роса испарится.

— Но я запомню, — Лоссар опустился на колени над одним из стебельков полыни, рассматривая его. — И я сделаю эту красоту долговечной. Когда-нибудь я это сделаю...

— Серебро? — Лауральдо опустился на корточки рядом с ним. — И алмаз?

— Едва ли. Серебро тяжело и темно для этого даже на вид... Какой-то другой сплав. И алмаз ты не ограничишь так, как нужно мне... Хрусталь. Или даже вирин.

— Да, пожалуй...

Солнце ушло за дерево и сумрак погасил очарование полянки. Гили вдруг почувствовал, как холодно. Он пожаловался Айменелу — тот предложил взять меч и погреться.

Гили не очень нравилась эта затея, но ничего получше он выдумать не мог. Достал свою скату и отошел с Айменелом на берег, на мокрый песок.

Упражнение, которое они делали в последнее время, называлось «зеркало», и Айменел его усложнил: теперь он наносил удары не в том порядке, к которому Гили привык — два соударения вверху, два внизу — а куда хотел, без предупреждения. Гили видел, что он двигается медленнее, чем мог бы, но не всегда успевал отбить — и ската замирала на волоске от его щеки или бедра. И чем больше он уставал, тем чаще это случалось.

Он разгорячился и вспотел. Эльфы, набросав такую кучу валежника, что хватило бы на небольшую хижину, развели костер из сухого хвороста и начали ставить над ним шалашом толстые, промокшие снаружи ветки. Ветки постреливали, искры улетали в темнеющее небо

— и гасли. Золотисто-красные сполохи пробегали по лезвиям мечей, белые искры рождались на миг — и исчезали. Вернулись Аэглос и Менельдур — им удалось уполевать коосулю. Гили дернулся было помочь ее разделать, но Берен вернул его к занятиям и взялся сам.

Наконец Айменел, как это бывало всегда, прекратил занятие, увидев, что Гили выбился из сил. Он крикнул что-то на эльфийском языке — и Кальмегил бросил ему свернутое одеяло. Не поймай его Айменел — оно упало бы в воду, но Айменел не мог его не поймать.

Они с Гили завернулись вместе и сели рядом на землю. От Айменела пахло как от вспотевшего ребенка.

Гили был мрачен:

— Не будет с меня мечника, — сказал он грустно. — Те ребята правы были. Наверное, мне уж поздно научиться.

— Никогда не поздно, — заспорил Айменел. — У тебя хорошо получается.

— Ты это... не надо, а?

— Нет, послушай! Я тоже не сразу научился! И потом — это ведь не самое главное. Ты думаешь, орки — хорошие мечники? Таких мало, очень мало! Если ты сойдешься в бою с орком — вот увидишь, кто победит.

— Умение — еще не все, — Берен подошел сзади, неслышно. — Главное — решимость, Руско. Иной раз хорошо обученному человеку не хватает простой решимости, чтобы первым нанести удар — и все обучение насмарку. — Берен нахмурился каким-то своим неприятным воспоминаниям.

— Лорд Берен, — спросил Айменел. — А почему ты сам не учишь Руско?

— Плохой из меня учитель. Во-первых, потому что я левша. Во-вторых, потому что я нетерпелив.

— Ты не обидишься если я тебя спрошу?

— Спроси, а там будет видно.

— Вы, люди, учитесь быстро. Намного быстрее нас. Но только если начать рано. А если вы начинаете учиться чему-то взрослыми — то учитесь намного медленнее. Почему так бывает? Разве можно разучиться учиться?

Берен вздохнул, завернулся в одеяло, обхватив свои плечи.

— Ты задал вопрос, на который я не знаю ответа. Разве что вот: пока мы маленькие, мы учимся как... Ну, как собаки или лошади. Мы не думаем о том, как учиться — мы просто делаем что-то и по ходу учимся. И как это бывает — мы не помним... Ты же не помнишь, как учился ходить или говорить?

— Отчего же? — удивился Айменел. — Помню.

Берен открыл было рот, а потом снова закрыл, так ничего и не сказав. Прикусил губы, прищурился, задумался... Потом вскочил.

— Эльдар! А нет ли у кого-нибудь желания согреться пляской стали?

— Право же, Берен, я порядком продрог даже здесь, у костра, — отозвался Финрод. — Я не прочь погреться.

— Это честь для меня, аран... — Берен слегка склонился в приветствии. К удивлению Гили, Финрод ответил таким же поклоном.

— Таков обычай, — прошептал Айменел, сверкая глазами, и Гили понял, что юный эльф чувствует то же самое, что и он сам — предвкушение интересного поединка. — Противники кланяются друг другу. Нужно любить противника, быть благодарным ему за то,

что он тебя учит. Смотри!

Король и Берен взяли мечи, отбросили ножны в стороны и встали друг напротив друга. Солнце садилось, и тени друзей-противников были такими длинными, что протянулись на другой берег Малдуина. Они стояли, опустив мечи, держа их совсем не в том положении, с которого уже приучился начинать Гили (Айменел шепотом объяснил: начальная стойка удобна для новичка, опытный боец начинает как хочет). Оба обнаженные до пояса, с мокрыми волосами, высокие, стройные, широкоплечие — они вдруг показались Гили похожими как братья, хотя больше ни одна черта их не роднила. Финрод был светловолос и светлокож, Берен — темный и смугловатый. Кожа эльфа была гладкой, на теле человека отливали перламутром старые шрамы. Эльф стоял прямо, Берен слегка сутулился — и все равно казалось, что один — как диковинное отражение другого.

Гили не заметил, кто сделал первое движение. Клинки зазвенели с такой скоростью и страстью, что казалось — кому-то здесь не сносить головы. Но, глядя на лица, Гили не видел ярости — оба противника смотрели друг на друга тепло, так, словно они вместе танцуют. И вдруг он понял: так и есть, каждый позволял противнику довести свой прием почти до конца, каждый хотел скорее подыграть, чем воспользоваться промашкой другого, благородно дарил противнику красивый ход.

Наконец, наступил миг — и мечи, столкнувшись в последний раз, напряженно застыли: Берен дожимал отбитый выпад, Финрод не поддавался. Так прошло несколько мгновений.

— Все, — сказал человек, отнимая свой меч и кланяясь. — Благодарю тебя, Король. Видел? — повернулся он к Гили.

— Ага, — восхищенно выдохнул оруженосец.

— Так вот, сам так не делай.

Гили удивился.

— Бейся мы по-настоящему, — объяснил Берен. — Кто-то из нас ударил бы другого ногой в пах или головой в лицо, или локтем в зубы. Вот если тебя начнут давить — так и делай. Я же говорю: решимость важнее выучки.

Они вложили мечи в ножны, отошли к огню и сели. Берен потрогал свою рубашку, развешенную на ветке — мокрая. Эллуин предложил ему разделить один на двоих сухой плащ. Финрод оказался счастливым обладателем сухого полукафтання, который и набросил на плечи.

— Вода, вода... — проворчал Берен, укрываясь своим краем плаща. — Хорошо, что прошел дождь. Не придется тащить с собой.

— В Нан-Дунгортэб нет воды? — спросил Аэглос.

— Воды для питья, — сказал Берен. — Так-то есть...

— Сегодняшний шторм смыл на время всю дрянь, — сказал Лауральдо.

— Какую? — любопытствовал Айменел.

— Там плохое место, — нахмурился Лауральдо. — Этого не объяснить, это чувствуешь только когда попадаешь туда...

— Чары?

— Они тоже. Говорят, к этому месту приложил руку Враг.

— В это легко верится, — сказал Аэглос. — Но незадолго до вашего прихода из-за моря там стало хуже, чем прежде. Появились какие-то Морготовы твари...

— Не Морготовы, — решительно возразил Берен. — Я не знаю, что это за твари, они безобразнее ночного кошмара, но если Нан-Дунгортэб творил Моргот, то эти создания — не

его. Он... не творит ничего уродливого...

Эльфы смотрели в потрясенном молчании.

— Ты уверен? — спросил один из них.

— Я понял, о чем говорит Берен, — вмешался Вилварин. — Твари Моргота, те же волки или орки — они могут быть страшными, но не уродливыми. Я не могу с ходу вспомнить нужного слова, но Моргот все делает...

— Изящно, — подсказал Эдрахил.

— Вот! Именно так. Ему нравится красивое, хотя он и искажил понимание красоты. В его созданиях чувствуется его гордость, он словно спрашивает: ну, кто еще умеет это делать так, как я?

— Точно, — поддержал эльфа Берен. — А то, что там водится... Да что вам рассказывать, Аэглос знает.

— Я не знаю, мне самому любопытно! — заспорил эльф. — Ты видел их? На что они похожи?

— На унгола, которого раздули в корову, а потом били, пока не переломали все ноги, — Берена передернуло. — А потом вывалили в навозе до самых глаз. Только не спрашивайте, эльдар, сколько у него глаз — мне было не до того...

— Так может, это обычный унгол? Но искаженный Морготом?

— Моргот так не искажает, говорю вам! Он искажает себе на потребу, а эта мразь не потребна никому, даже себе! Это — само уничтожение.

— Похоже, что я знаю, о чем ты говоришь, — Кальмегил переглянулся с Финродом. — Скольких таких ты видел?

— Не знаю... Мне кажется — пятерых. Трех больших и двух маленьких...

— Кажется — или точно?

Вместо ответа Берен пошарил рукой в траве, взял свой меч и наполовину обнажил его в свете костра, держа так, чтобы все увидели наполовину стертые точилом зазубрины на лезвии.

— Я изрубил первую из этих тварей за минуту, а после этого полчаса блевал, извините за такую подробность. Оно пахло еще хуже чем выглядело. Второй... был просто огромным. Я даже не думал с ним драться — унести бы ноги... Но... Эта туша быстро двигалась... И, видно, была голодна. Я... позволил ей себя догнать — и отсек жало. А потом... Их ужасно трудно убить, эльдар: ты его рубишь и рубишь, а оно все лезет и лезет... Уж лучше волк: того можно завалить одним махом... И после этого я сделал страшную глупость, эльдар. Я напился воды в ручье неподалеку. Эти твари поджидают жертв у водопоя. От этой воды я ходил как в бреду. И вот тогда-то и встретился с третьей и четвертой... Или только с одной из них... — Берен еще раз посмотрел на зазубрины. — Когда я пришел в себя, я увидел на мече эти щербины... Но увидел и слизь. Один раз я рубил настоящую тварь, а второй раз — камень. Или оба раза рубил настоящих, а когда рубил камень — не помню. Эта отравка — опаснее, чем пауки: кто знает, не начнем ли мы рубить друг друга. Так что воды нужно набрать здесь.

— А дальше?

Берен вогнал меч в ножны и взъерошил волосы.

— Дальше — ничего... Почти. Был маленький, его я убил просто камнем.

— Если их там так много, то путь опаснее, чем я думал, — сказал Лауральдо. — Прежде можно было забраться довольно далеко в пустошь — и не встретить ни одного.

— Прежде и дориатские эльфы, и феаноринги очищали это место. А теперь, я слышал, они добираются даже до Нан-Эльмута, — поддержал Аэглос. — Но такому большому отряду они не опасны. Они никогда не ходят стаями, только поодиночке.

— Опасаться нужно других — тех, кто сам опасается пауков. Тех, кто более совершенен, чем они и порожден Морготом, а не той Пустотой, что он призвал... — Эдрахил посмотрел на темный восток.

— Верно, — согласился Финрод. — Завтра нам опять ночевать без огня и без песен — Вилварин, прошу, достань свою лютню.

* * *

Гили, как обычно за время их странствий, проснулся от холода — и, еще не проснувшись как следует, услышал тихий плеск и фырганье лошади. Он насторожился и приоткрыл глаза.

Сторожить под утро опять выпало ему и Берену — но он задремал, а потом и вовсе заснул и теперь вскинулся, опасаясь, что сейчас хозяин ему надает.

Но опасения оказались напрасными: Берен не собирался устраивать слуге выволочку. Он стоял по шею в воде рядом со своей Митринор, гладил ее гриву и о чем-то тихо ей говорил.

— Ага, проснулся, — проворчал он, увидев, как Гили трет глаза. — Замерз?

— Да, — Гили обхватил себя руками и потер с силой плечи.

— Раздевайся и полезай в воду. Она теплая.

— Я... это... — Гили мотнул головой в сторону леса.

— Пойдешь в кусты — надень сапоги. Я видел гадюку в траве.

Когда Гили вернулся, Берен был уже одет, уже отрезал себе кусок холодного мяса (тушу косули вчера повесили на дереве) и сдувал с него муравьев, приговаривая:

— Пошли вон. Вас мой король на пир не звал.

Эльфы еще спали. Вчера ночью они опять пели — Гили заснул раньше, чем они перестали. А теперь ему казалось, что песня, под которую он засыпал, до сих пор звучит — от того и небо так светлеет, и бледный месяц бредет по пояс в тумане.

Он разделся и вошел в воду — она и в самом деле была теплой. Утреннее окоченение растворилось без следа. Ему захотелось разбудить Айменела, но потом он подумал — не надо. Эльф, откинув руку, спал сладко, как ребенок — а вчера азартно, как ребенок, нырял и плескался. Гили никак не мог понять, что это и почему так бывает: эльфы, мудрые и бессмертные, в самом деле похожи на больших детей. Глядят на мир так, словно ничего дурного от него не ждут, и порой, слушая, как они напевают себе под нос или внезапно смеются своим мыслям, думаешь — ну, сущие младенцы; Финрод в другой раз ведет себя со своими подданными как мальчишка-коновод в стайке таких же мальчишек, и они отвечают ему тем же — можно ли, видя это, поверить, что когда Финрод хочет, он выглядит грозным и великим королем, мудрым, как бог с закатной стороны, прекрасным, как солнце и пугающим, как пламя. Но вот — он спит, и во сне хорош, как девушка, и слегка улыбается чему-то... И не помни Гили того, что рассказывали ярн Берен и Айменел, не ведай он

истории ледового похода нолдор, не зная он песен о Славной Битве — никогда не сказал бы, глядя на этого эльфа за дружеской беседой, что он — один из величайших воинов Белерианда.

Гили вышел на берег, оделся и тут заметил, что Берен тоже смотрит на спящего Финрода. Потом — он обернулся и посмотрел на юг, туда, где темнел лес Дориата. И такая тоска была в его взгляде, что у Гили даже сердце сжалось. Лорд Берен потерял почти всех родных и друзей, и то не с такой тоской глядел, когда говорил о них или когда оборачивался лицом к северу, к горной цепи, стеной отгородившей его страну.

— Хозяин, — тихо позвал паренек. Берен очнулся от своей мучительной грезы, но оклик растолковал по-своему.

— Садись, — он показал на траву рядом с собой. — На.

В его руке был кусок мяса, завернутый в лист лопуха. Гили взял и начал есть.

— Плохие из нас сторожа, — тихо проговорил Берен. — Один клюет носом, другой тарасится не на север, а на юг...

— А что ты не разбудил меня, лорд?

— Не хотел... Здесь нам ничего не угрожало, Руско — это границы Дориата. Вчера двое их пограничных стражей подходили к нам. Аэглос говорил с ними. Зачем не я заметил их первым!

— У тебя там это... Есть кто-нибудь? — решился спросить Гили.

— Моя вторая половина. Смешно, Гили: об этом знает весь отряд, кроме тебя. Лютиэн Тинувиэль, дочь короля Тингола — она станет твоей госпожой, если мы доживем... Как ты думаешь, доживем?

— До чего?

— До падения Ангбанда. А если доживем — то сколько мне будет лет? И не женюсь ли я лишь затем, чтоб умереть у жены на руках? Вот ты простой паренек, Руско, и суждения у тебя здравые: скажи, чего стоит в твоих глазах победа над Морготом?

Гили какое-то время напряженно думал, а потом решил, что лучше всего будет честно сказать:

— Я не знаю, лорд. Я никогда об этом так не думал. Мы давали гномам и эльфам хлеб, а они защищали нас от орков — сколько себя помню я, и отец мой, и дед — так было. Я знал, что есть Враг, но не думал, что когда-то встану против него самого. Я и сейчас ничего такого не думаю. Но я буду там, где будешь ты... Или где ты мне велишь быть. Раз Моргот враг тебе — то он враг и мне. Если леди Лютиэн станет твоей женой, то она и мне будет госпожа, и я ее буду чтить. Чего тебе будет не жаль для победы над Врагом — того не жаль будет и мне.

Берен был несколько удивлен. При нем Гили ни разу не говорил таких длинных речей.

— Хорошо, — сказал он. — Ты, может быть, не совсем понимаешь того, что сказал, но это уже не имеет значения. Буди эльфов.

* * *

Берен въехал в Нан-Дунгортэб не без страха. Это было, конечно, совсем не то, что в прошлый раз — он ехал с немаленьким отрядом, вооруженный и одетый в броню, но

предчувствие томило его.

На следующий день оно оправдалось.

Ливень смыл всю дрянь и наполнил все впадины свежей дождевой водой. Лошади пили вдоволь, а люди и эльфы для питья все-таки взяли воду из Миндеба. Вели Лауральдо и Аэглос, бывавшие в этих местах — без них отряд долго плутал бы среди нагромождений ржаво-красных оплывших скал, взлетающих к небу, словно застывшие языки пламени. Были скалы как лестницы, были — как реки, или как гребни, или как когтистые лапы. Долины поросли деревьями и травой, но красно-бурым базальт господствовал над зеленью. Она росла здесь не потому что должна была здесь расти — а потому что камень не волновали эти жалкие попытки жизни уцепиться за его величие.

Вчерашним ураганом эти деревья и кусты были смяты и выворочены из галечного ложа. Отряд прокладывал среди них дорогу, иногда — топорами и мечами, поэтому двигались медленно и в полном молчании. Стояла жара: камень нагревался с самого утра, и горячий, стоячий воздух заполнял долины. Вечером путники повалились спать прежде, чем село солнце, а на следующий день каждый чувствовал себя разбитым. Лауральдо сказал, что к полудню дорога выведет к водопою — большой каменной чаше, которая должна быть полна свежей воды. Там они намеревались поесть и отдохнуть, переживая самые жаркие часы.

У водопоя им и встретились «черные». Не могли не встретиться — они ведь тоже шли к этому водоему.

— С-саламандра, — вполголоса сказал Вилварин (32).

— Крепкая и здоровая вошь, — поддержал его Айменел.

Их было три десятка или около того; конных людей — всего двое, остальные — пешие орки. Поэтому эльфы не бежали, хоть и могли уйти верхом, а приготовились биться.

Айменела и Руско оставили с лошадьми, остальные встали на берегу и принялись обстреливать противника через озерцо из-под прикрытия валунов. Враги ответили всего несколькими выстрелами, быстро убедились в том, что и луки, и стрелки у эльфов лучше — и бросились в атаку через воду, где в самом глубоком месте было по колено.

Но прежде чем они добежали, один из людей кинулся прочь — явно с согласия второго, который возглавил атаку. Финрод хлопнул Берена по плечу, тот все понял, побежал назад, к коням, и выдернул у Руско из руки повод Митринор.

Вражеского всадника он нагнал скоро — деваться тому было некуда, долина зажата двумя скальными стенами, а конь был хуже, чем Митринор, и устал сильнее. Берен не собирался его убивать — разве что в крайнем случае. Рассчитывал на скаку сбить с коня, оглушить и связать — это наверняка был разведчик, и наверняка он что-то знал. Но тот, поняв, что ему не уйти, развернул коня, и поскакал на Берена с копьём наизготовку.

Не замедляя хода, горец бросил узду, крепче сжал ногами бока коня и поднял щит правой рукой, положив левую на рукоять меча. Копья у него с собой не было, но расчет оправдался: Берен удержал удар, и копьё противника сломалось. «Черный» не думал встретиться с левшой и не ждал удара из-под щита. Получив «яблочком» по зубам, он слетел с седла. Берен соскочил на землю следом. От удара подбородочный ремень черного всадника лопнул и шлем слетел. Берен, увидев его лицо, не защищенное щечными пластинами и наносником, выругался: это была девица.

Прежде он никогда не убивал женщин.

— Ладно, — сказал он. — Я все равно не собирался тебя убивать.

— Ты меня не возьмешь! — она выдернула из ножен меч и смело атаковала.

Прорывалась в ближний бой, зная, что не выдержит изматывающей долгой схватки на большом расстоянии; а Берен навязывал ей именно это. Она сражалась отлично, но недостаток силы и веса искупается только опытом, которого у нее не было.

Но у нее была решимость, и меру этой решимости Берен недооценил.

Когда она обессилела и меч был выбит из ее руки, она крикнула:

— Тано! — и кинулась вперед, прямо на клинок горца.

Он как-то успел отвести оружие чуть вверх — и меч пронзил ей грудь не там, где сердце, а пониже плеча.

— Тано, — снова прошептала она, падая на руки Берена. Достала из-за голенища кинжал, но так и не сумела ударить врага в бок — выронила. Подобрал нож, он разрезал ремни кольчуги и разорвал на ней одежду. Зажал рану ее же рубашкой, перетянул своим поясом и подхватил девицу с собой на седло.

Веса в ней было — почти нисколько; белобрысая и некрасивая, но в каждой женщине Берену сейчас мерещилась Лютиэн. Он не хотел этой дурочке смерти и подгонял Митринос что есть силы. Сама по себе ее рана не была смертельной, она могла умереть только от потери крови — Берен надеялся, что эльфы сумеют совсем остановить ей кровь.

Они пытались как могли.

Второго тоже думали взять живым — не вышло. Кальмегил рубился с ним, и черный как будто начал его одолевать — так казалось со стороны. И никто не мог прийти к нему на помощь, потому что на каждого эльфа приходилось по два орка. Айменел не выдержал, испугался и с криком:

— Atarinya! — выпустил в черного стрелу, хотя ему строго-настрого было приказано в битву не вступать.

Потерь не было — только Вилварину, бросив копье, поломали два ребра. Он сейчас сидел на камне, морщась, а Лауральдо расшнуровывал на нем доспех; да еще Эдрахил был ранен — рассечено бедро. — Моя нога доживет до завтра, — сказал он, поймав взгляд Нэндила. — Помогайте ей.

— Ты думаешь? — спросил бард. Он уже сбросил наручи и закатал рукава, готовый заняться раной.

— Нужно попробовать, — сказал Финрод, склоняясь над девицей. — Может быть, на сей раз получится.

— Какое там может быть? — разозлился Берен. — Рана не смертельна! Заговорите ей кровь, вы же умеете!

— Мы умеем, — сказал Финрод, помогая снять наспех сделанную повязку. — Но, боюсь, нам это умение не поможет.

— Как не поможет? — взъярился Берен. Финрод посмотрел на него так, что спорить горцу расхотелось. Он держал пленнице голову, в то время как Финрод взял ее за руки, чтобы унять ей боль, а Нэндил наложил руки на рану. Они с королем запели заклинание, чтобы остановить кровь:

An nardh omin, iest tul thenin.

An nardh odad, i luth kuinad.

An nardh neled, anim erthad.

An nardh ganad, i luth gwedhad.

An nardh leben, i luth bennan.

An nardh eneg, i'yl veleg.

An nardh odog, o nordh ar linnod.

An nardh doloth, i elenath.

An nardh neder, ha gwero, Gwir! (33)

Лица обоих были напряжены и сосредоточены, глаза точно прозревали нездешний мир, а голоса звучали монотонно, перебирая три или четыре лада в усыпляющем, одуряющем чередовании. И тут девица завопила и забилась, а лицо Финрода исказилось и на лбу его выступил пот. Ей было больно и ему тоже, но он возвысил голос, преодолевая боль — и вскоре девушка затихла, взгляд ее стал осмысленным, и между пальцев Нэндила перестала сочиться кровь. Берен уже совсем было решил, что дело сделано, но тут она снова крикнула:

— Тано! — и добавила: — Kori'm o anti-ete! (34)

И — угасла, точно лучинка на ветру: раз — и нет. Лишь миг назад — жили глаза и розовыми были бледные узкие губки, и вот на песке лежит труп.

Берен положил ее голову на землю, встал и попятился. Много раз люди, и однажды — эльф умирали у него на руках, но такое было впервые. Он готов был принести самую страшную клятву, что рана ее не смертельна, что остановить кровь — и девчонка еще сто лет проживет... И вот — она была мертва, а он стоял столбом и глядел на нее.

— Как всегда, — прошептал Нэндил, отпуская тело. — Как всегда...

— Женщин я еще не убивал, — зачем-то сказал Берен. — Никогда не убивал...

Сколько ей было лет? Восемнадцать, двадцать, двадцать пять? По лицу — не скажешь. Ее пепельно-серые волосы теперь были ярче щек, а глаза, обращенные к горцу, кричали: «Женоубийца!» Нэндил провел рукой по ее лицу и закрыл ей глаза.

— Ты этого не делал, — сказал он. — Это Моргот. Нам не удастся вылечить тех, кто попадает в плен раненым. В них словно не держится жизнь, и наше прикосновение для них мучительно. Они просто говорят: «сердце мое — в ладони твоей»... И он сжимает ладонь...

— Ублюдок, — прошептал Берен.

Людей похоронили поблизости, в промоине, орков побросали кучей, одного на другого. Конными были только люди — их лошадей забрали. Берен взял Гили и пошел с ним на место поединка с девицей-воином — взять то, что он побросал, снимая с нее доспех. Шлем девицы, по его мысли, как раз должен был Гили подойти. Кроме шлема, он взял еще кое-что: маленькую плоскую сумочку, которую девушка носила на груди.

В этот день проехали немного — из-за ран Эдрахила и Вилварина. Остановились на ночлег задолго до темноты, на всякий случай обшарили окрестности — паучьих нор не было. Костра не разводили — и опасно это было, и ночь обещала быть теплой, и вчерашнего мяса еще хватало. Берен начал подгонять подшлемник точно по голове своего оруженосца, Аэглос, Нэндил и Финрод принялись лечить раненых. Эдрахилу просто зашили рану, а Вилварину начали сращивать ребра при помощи чар. Берен знал, что эльфы пользуются этим умением крайне редко, потому что оно отнимает много сил и у лекаря, и у исцеляемого. И верно: когда они закончили, Вилварин был весь в поту. Он поел неохотно, почти через силу, и сразу же заснул, завернувшись в плащ. Нэндил, уставший от лекарских заклятий, последовал его примеру.

— А что значит «Atarinya»? — спросил Гили

— «Отец», — Берен подтянул очередной ремень. На душе у него было скверно.

— А отчего государь так бледен?

— Пока лечили Вилварина, Государь принимал на себя его боль.

— Ошибаешься, — оказывается, Айменел слышал их разговор. — Это известное

поверье, но неправильное. Боль на себя принять нельзя.

— А что же тогда? — спросил Гили. — Я же сам видел, что Государю нехорошо.

— Он почувствовал боль Вилварина, да, — Айменел кивнул. — Когда срачивают кости, это очень больно. Он почувствовал, и заговорил боль в себе, и это передалось Вилварину, понимаешь?

Гили не понимал.

— Просто перенимать чужую боль бесполезно, — Айменелу явно не хватало человеческих слов. — Ты не наносишь себе рану, если друг ранен, правда? Здесь то же самое. Боль — она ничто сама по себе. Она — знак того, что целостность нарушена. Лекарю при помощи осанвэ, соприкосновения разумов, может почувствовать чужую боль как свою — чтобы правильно определить болезнь. Но лечение состоит не в этом. Нужно восстановить целостность. Чтобы кости, кожа, плоть — все как раньше. Тело умеет исцеляться само, нужно только дать ему время. А когда времени нет — тогда чары. Но редко. Очень редко. Природа не любит, когда ее подгоняют — быстрее, быстрее. Обычно — маленькая боль, ты терпишь неделю, месяц... А здесь за час делают то, что за месяц. Вся боль — сразу. Поэтому без того, кто успокаивает боль, нельзя. Можно умереть.

— А как успокаивают боль? — продолжал любопытствовать Руско.

— Если сильный разум в здоровом теле, как у Государя, то он заполняет собой того, кого лечат. Тоже осанвэ. Тот, кто заговаривает боль, здоров — и тот, у кого заговаривают, чувствует себя здоровым. Понимаешь? Нет? Вилварин дал Государю войти в свой разум, и чувствовал свое тело как тело Государя. Как здоровое. Он будто бы вышел из себя. Как будто бы Государь закрыл его разум щитом от его тела. Высокое искусство. Не каждый может. Я не смогу, отец не сможет, Вилварин сам не сможет. Аэглос, если будет учиться еще столько, сколько учился — тогда сможет.

— Айменел, — сказал Берен. — А что Нэндил? Я правильно понял, что он тоже вошел в разум Вилварина, чувствовал его тело как свое и лечил как свое?

— Ты понял, — улыбнулся Айменел. — Да, так делают. Он тоже делил боль. Лекарю никто не может от этого избавиться: чтобы творить чары, он должен чувствовать. Но боль не делается меньше от того, что ее делят. Как шум не делается меньше от того, что его слышат.

— А девица? — тихо спросил Берен.

— О, это совсем плохо, — Айменел печально вздохнул. — Она порчена, в ней нет многого, что должно быть. Это Моргот. Барды знают, они пробовали лечить их. У них совсем нет *avanige*. Они все время открыты для него... — последнее слово Айменел произнес полупшепотом. — Поэтому их так трудно лечить. Бардам каждый раз приходится соприкасаться с ним...

Берен почувствовал пустоту под ложечкой. Так вот, чего он требовал от Нэндила и Финрода... Вот, на что они пошли безотказно...

— Не так все страшно, как ты думаешь, — вмешался в разговор Аэглос. — Мы не прикасаемся к самому Морготу — только к его силе.

— Все равно приятного мало, а?

— Это страшно. Если бы ты обладал вторым зрением, ты бы видел это как рану. Это словно черное отверстие в разуме человека; там нет ничего, но в любой миг он может там появиться. Это черный ход, который он держит постоянно открытым для себя.

Берен почувствовал, как по лопаткам его ползут мурашки.

— Мы часто пытались закрыть его, — продолжал Аэглос. — Но нам никогда не

удавалось. А для них это мучительная боль. Вот, откуда берут начало рассказы о жестоких эльфах, которые пытаются пленников. Беда в том, что заговорить их боль тоже невозможно: осанвэ с эльфом для них мучительно само по себе. Это мгновения. Если бы хоть кто-то из них сделал хоть шаг навстречу — он бы преодолел боль. Но у них всегда есть черный ход. Они взывают... И феа ускользает в этот провал. В ничто. Мы не отказывались ни от одной попытки исцелить оскверненного человека... И ни одна из этих попыток не увенчалась успехом.

— И... никак? — спросил Берен.

— Одно только и нужно: добрая воля. То, чего никогда и ни у кого еще не вынудили.

Эдрахил взялся осматривать трофеи, пока светло, король присоединился к нему, вскоре вокруг собрались все, кто не спал. Через какое-то время окликнули Берена — он как раз подошел для Руско ремни подшлемника. Шлем девицы пришелся впору и был много лучше того кожаного, что ему подыскал Хурин.

— Это должно быть тебе знакомо, — Эдрахил показал Берену сумку, взятую у девицы, потом открыл ее — это оказалась книга в кожаной обложке. Маленькая, каждый лист размером с ладонь — удобно возить за поясом, в голенище сапога... Пухлая: крупные знаки, даже малограмотный сумеет прочесть. Она была написана рунами кирта, а вторая, в руках у Финрода — знаками Румила... Без картинок, без полей — мастерство переписчика не в том, чтобы наплести красивых завитушек, а в том, чтобы сберечь дорогую бумагу.

Берен сверился с первой страницей другой книги и убедился, что начинаются книги одинаково: «Был Эру, Единый, которого в Арде называют Отцом Всего Сущего...»

У краев знаки были слегка размыты и смазаны.

— Надо же... морготовцы возят при себе «Айнулиндалэ».

— А ты почитай дальше, — посоветовал Эдрахил. — Это очень интересно.

Берен начал читать, то и дело заглядывая через плечо Финрода, чтобы сверить. Квенты, написанные кирт и тенгвар действительно повторяли друг друга дословно, и написаны были на одном языке — хороший синдарин.

На первой странице был отрывок из «Айнулиндалэ», причем нигде не перевернутый. Берен справился у эльдар — да, ответил Финрод, текст переведен на синдарин с самой большой точностью, с какой только возможен перевод, и не искажен нигде. Видимо, мелькоровские *ingolmog* пользовались захваченной где-то книгой Румила. А вот дальше...

— Так не пишут! — воскликнул Аэглос, первым сказав то, что вертелось у всех на языке.

Да, так не писал никто и никогда, не слагал слов таким образом. Так не пишут — так думают, так чувствуют, и тот, кто читает эти строки или слушает их, тут же проникается этой мыслью и этими чувствами, так, словно сам испытал их... Это было почище искусства эльфийских певцов — ибо сотканные ими видения всегда переживаешь, глядя со стороны или за себя самого, а тут сам читатель словно бы становился одним из Валар...

Мелькором...

Берен захлопнул книгу с шумом и так быстро сунул Эдрахилу, словно она обжигала.

— Это колдовство, — сказал он. — Это... Нельзя, чтобы это попало к людям. Эти книги нужно спалить...

— Здесь нет колдовства, — покачал головой Финрод. — В этих книгах нет ничего волшебного. Здесь даже не очень хорошие стихи.

— Стихи? — Берен поразился.

— А разве нет? Я слышал человеческие повести — они звучат не так. Ведь люди так не говорят.

— Мы так думаем, Ном! — для пущей наглядности Берен постучал себя пальцем по лбу. — Ты забыл? Мы так чувствуем! Так выглядят наши мысли, если их вытащить из головы и записать сразу, пока они еще не остыли — а тут наоборот: берут мысли Моргота и вкладывают прямо тебе в голову, понимаешь?

Эльфы переглянулись.

— Вы и в самом деле так мыслите? — удивился Эдрахил. — Так... бессвязно?

— А вы, значит, мыслите как по-писаному?

— Есть два способа мышления — образом и словом. Мы выбираем тот, который удобнее, — пояснил Аэглос. — Но словом мы мыслим не так, как образом. Какой смысл? Эти способы так хороши именно потому что не похожи друг на друга. Здесь же все написано так, как будто кто-то пытался словами изложить образное мышление. Зачем?

— Затем, — процедил Берен сквозь зубы. — Посмотри на меня, Метелица: мы с Морготом на таких ножах, что и мысли о примирении с ним я допустить не могу. Он отнял у меня все, превратил мою жизнь в дорогу по трупам — и что же? Я прочитал две страницы — и уже готов влезть в морготову шкуру! Это колдовство, эльдар, иначе нельзя и сказать! Если вы не можете его распознать — стало быть, это не ваше, эльфийское колдовство и не на вас оно рассчитано.

— Значит, это оружие, — тихо сказал Финрод, листая книгу. — Не менее сильное и страшное, чем меч или самострел. И отковано оно людьми. Против людей.

— Я знаю, кто это был, — Берен стукнул себя кулаком в ладонь. — Черные проповедники. И шли они на юг — шпионить для Моргота и разносить там его заразу.

— Мы догадались, — сказал Эдрахил. — Нам доводилось таких встречать. Они всегда ходят парами — мужчина и женщина. И книжки такие мы видим не впервые.

— Они собираются отравить весь Юг, — заключил Берен. — Боги земные и небесные, они действительно собираются наступать. За год до Браголлах у нас начали появляться такие...

— У нас такие тоже появлялись... — задумчиво сказал Эдрахил. — Но успеха не имели.

— Ха! — Лауральдо приподнял брови. — Я ничего не слышал об этом.

— Сыновья Феанора — это пугало для них, — объяснил Лоссар. — Они не пересекали Рубежа Маэдроса. А в Хитлум и Нарготронд они ходили так, как будто им там медом помазали. Если государь Финрод был в настроении их слушать, прелюбопытное получалось представление...

— Полагаю, не настолько любопытное, насколько они того желали, — Финрод усмехнулся. — Они эту затею оставили довольно скоро. Решили, по всей видимости, что эльфы неисправимы и занялись людьми.

— Послушайте! — крикнул Айменел, заглядывая через плечо Кальмегила в книгу. — Оказывается, Свет не враждебен Тьме! Ей враждебна какая-то Не-Тьма. А Свету враждебен какой-то Не-Свет!

— О, да... — вздохнул Аэглос. — Надо думать, что вода не враждебна огню, ей враждебна какая-то Не-Вода... Вот только почему-то огонь не может гореть там, где течет вода...

— А голове не враждебна задница, — проворчал Берен. — Ей враждебна не-голова.

Ему отчего-то хотелось казаться грубым. Изысканной, хрупкой красоте слога книги

противопоставить грубую насмешку.

— Эльдар, — сказал он. — Это зараза хуже чумы. Давайте спалим ее прежде чем мы добрались до людских поселений — если она попадет на глаза какому-нибудь грамотею, то этого уже не остановишь. Люди любят плескаться языком — разговоры о добром Морготе пойдут как пожар.

— Зачем же так торопиться, — возразил Лауральдо. — Не в каждом людском поселении сыщется книгочей. Я вижу эту книгу в первый раз, хотя кое-что слышал о ней. Мне любопытно.

— Ну ладно. Утоли свое любопытство — а потом уничтожь это писание! Нельзя дать ему расползаться среди людей. Поверьте мне, эльдар, я знаю, о чем говорю!

— Берен, — сказал Финрод. — Ты веришь в то, что здесь написано?

— Во что? В то, что Моргот — истинный Создатель, а Единый — тиран? В то, что слуги Моргота были невинными детишками, а с ними расправились так зверски? В то, что их Учитель желает только добра, а нехорошие нолдорские поганцы готовы удавиться, лишь бы ему насолить? Не верю.

— А почему же ты тогда боишься этой книги? Почему считаешь, что поверят другие?

— Потому что люди — дураки и верят складным баечкам, если те играют на их сегодняшнюю потребу. А здесь очень складные баечки, и очень хорошо они играют на сегодняшнюю потребу людей: остаться в стороне от вашей войны. Ничего не знаю, моя хата с краю. А то и с чистой совестью присоединиться к тому, кто уже мнит себя победителем!

— Неужели ты думаешь о людях так плохо? — изумился Кальмегил.

— Я знаю им цену. Каждый ополчится на Моргота только тогда, когда начнут топтать его собственный огород — не раньше. Мы ведь слышали эти песенки и прежде, до Дагор Браголлах: зачем вам, людям, влезать в драку орков и эльфов; они меж собой родня, пусть и истребляют друг друга, а мы лучше позаботимся каждый о своем доме. Князя получили землю от эльфов, а конены — от князей, а бонды — от коненов, вот пускай они и воюют, а наше дело телячье... Тем паче, что Моргот не такой уж плохой, как про него эльфы сказывают: у страха глаза велики. Он нам сам поможет от тех орков отбиться, которых эльфы не добились... Помог, как же!

— Но и до того, как началась война, ты этим рассказам не верил? — Финрод не совсем спрашивал, скорее даже уточнял.

— Не верил.

— А почему?

— Как это почему? — не сразу нашелся Берен. — Эльдар, что ж вы спрашиваете, вы же сами все знаете! Или это вы отняли мой дом? Или руками эльфов убиты Бреголас, егс сыновья и мой отец? Или это вы десять лет насилуете нашу землю и наш народ? Или это ваши стрелы, клинки и бичи оставили на мне свои отметины? Почему я верю вам, а не им? Да потому что они убийцы, грабители и лжецы, потому что их руки в крови по локоть, рот полон клеветы, а брюхо — человечины.

— Но ты это узнал только после начала войны. А до войны — какие у тебя были причины не верить в сказку о добром Морготе?

— Аран, ты знаешь, какие. Наши предания говорят, что он был человекоубийцей от начала — верить ли ему теперь?

— Но они то же самое говорят о Валар и о нас, — возразил Эдрахил. — Как ты думаешь, если бы Дагор Аглареб закончилась падением Ангбанда — разве мы позволили бы оркам

сохранить свой уклад, разве не заставили бы их измениться под угрозой смерти или изгнания, разве не установили бы там свою власть — железной рукой? Разве мы не согнали бы народы севера с насиженных мест, разве не разрушили бы Ангбанд, не перебили бы вождей и воинов? Что делал бы ты сам, войдя в Ангбанд победителем?

— Я не оставил бы там никого, кто мочится стоя, но это другое! — разозлился Берен. — Я не трогал бы детей и женщин. Всем нам приходилось убивать по необходимости, но никто из нас не стал бы чинить зло удовольствия ради!

— Вот, — сказал Эдрахил, постукивая пальцем по книге. — Свидетельство о том, как те, кого мы полагаем столпами правды в этом мире, творили безобразную и бессмысленную расправу удовольствия ради. Почему ты полагаешь это свидетельство ложным? Нам — или им — ты можешь верить только на слово: почему ты предпочитаешь нас? Или скажем так: если бы ты не видел от них никакого зла — поверил бы ты этому писанию?

— Нет, — Берен тряхнул головой. — Нет... Аран! — теряя почву под ногами, он крикнул как утопающий кричит из болота стоящему на твердой земле. — Скажи мне, чего они хотят! Я на вашей стороне, мой меч по твоему слову поднимается и опускается — разве этого не достаточно?

— Нет, Берен. — спокойно ответил король. — Этого недостаточно. Или ты будешь поступать против правды, если я прикажу тебе поступить против правды?

— Но ты же мне не прикажешь! Ты всегда поступал по правде!

— Откуда ты знаешь?

— Ты не лжешь!

— Чем тыверишь мои слова?

— Проклятье! — Берен вскочил, метнулся в одну сторону, в другую — и, пробежав мимо изумленного Руско, взобрался на один из каменных холмов. Там он довольно долго сидел, играл ножом и злился на весь белый свет.

Солнце садилось. Небо расчерчено было длинными, легкими и прямыми облаками — и закатные лучи выкрасили эти облака багряным. Казалось — небесный свод треснул, обнажив алую изнанку, и так же красны были холмы и скалы Нан-Дунгортэб, выпирающие из земли, что треснула здесь когда-то... В этот час очень хорошо верилось, что этого места коснулась рука Моргота — сама гордыня рвалась в небо гранитными столбами. Берен тихо бесился и кусал костяшки пальцев — пока небо не потемнело и не высыпали звезды.

Финроду мало было преданности — ведь и рыцари Моргота были преданы своему господину. Финроду мало было безоглядной верности и любви — ведь и Моргота можно было любить. Ему нужно было, чтобы человек понимал, почему правда — за эльфами.

Берену было плохо в тот вечер. Хуже, чем тогда, три ночи назад. Тогда он усомнился в себе — но успокоился в своей верности. Сейчас он усомнился в верности. Он сидел на скале — но чувствовал себя так, словно лишен опоры и болтается в воздухе: падает, падает в пропасть без дна и берегов. Это было хуже, чем в той ледовой трещине, хуже, чем в Сарнадуине: тогда истерзанная плоть предавала его, но дух словно бы собрался в одну точку. Сейчас он рассеялся — и ни за что не мог зацепиться. Когда мир давил на Берена со страшной силой, ему неважно было, где его середина — он весь держался крепко, как алмаз. А сейчас — рассыпался, словно песок. Мысли ускользали. Ну и пес с ними — решил он — и они ушли: все, кроме одной, которая покинула бы его только вместе с жизнью. Горец повернулся лицом в сторону Дориата — леса не было видно за нагромождениями камня, но Берен знал, что он там.

Сколько же времени, подумал он, пройдет прежде чем я пересеку эту границу второй раз? И произойдет ли это хоть когда-нибудь?

Огромность задачи встала передо ним — так гора по мере приближения предстает все более страшной и непреодолимой. Даже если следующей весной все пройдет успешно и Дортонион станет для эльфов и людей тем, чем он был для Саурана — опорным камнем, местом сбора армий — пройдет не меньше десяти лет прежде чем можно будет начать эту войну... Которая так или иначе станет последней большой войной между нолдор и Врагом. Десять лет... Ему будет сорок или сорок один — начало старости по людскому счету. Он изменится за это время так же сильно, как изменился со времени своего двадцатилетия.

Будет ли он все еще любить ее?

От этой мысли болезненно сжалась в комок душа — нельзя так думать! Моргот возьми, если он хоть в чем-то не будет уверен, эта скала рассыплется под ним в прах, и он свалится вниз, как подбитый камнем дурной петух с овина.

Но словно дух нехороший нашептывал в ухо: что было однажды — может и повториться. Ты уже страдал и сходил с ума, и готов был перевернуть весь мир, лишь бы сокрушить порядок, который мешал вам с Андис быть вместе. И что же? Мир и порядок сокрушился и без тебя, Андис разлюбила... Не ради тебя, а ради Борвега она оделась мужчиной и осталась с отрядом лучников; Тинувиэль вытеснила из сознания ее образ. За годы разлуки и тоски — не появится ли третья женщина, жизнь которой ты разрушишь? Разрушишь неизбежно — ибо не в твоих правилах отступаться от своих слов, хоть бы ты не скрепил их клятвой. Тебе нельзя приближаться к тем, кто носит платья. Вы взаимно приносите друг другу несчастья...

«Друг мой, король мой — зачем ты посеял эти сомнения? Я должен пройти сквозь них и найти правду, что пребудет и тогда, когда ветер источит в пыль эти столпы. Я должен найти ту крепость, в которой успокоится мое сердце».

Луна вползла на небо — желтая, уже ущербная. В ее свете холмы обретали нездешний вид, от которого мурашки ползли по коже. Самого жуткого из пауков Берен видел здесь ночью, при луне — но тогда она была вовсе узкой, как улыбка скверного человека. Днем пауки нападали только на тех, кто проходил слишком близко от их логова — ночью они выползали и уходили довольно далеко.

Следовало вернуться в лагерь. Спустившись с холма — осторожно, задом — он вынул меч из ножен и поплелся к стоянке. Не для того, чтоб кому-то угрожать — а чтоб почувствовать угрозу. Дагмор при близости орков или еще какой-нибудь нечисти начинал светиться бледно-синим светом. Но все время, пока он шел до лагеря, лезвие было темно.

Часовых он не заметил (и хороши бы они были, сумеет он это сделать!), нашел Руско и постель, которую паренек приготовил, расчистив место от камней, набросав сухой травы и покрыв ее плащом. Он уже давно и сладко спал, а Берен ворочался и никак заснуть не мог. А когда все же заснул — луна уже встала высоко и побледнела — сон ему привиделся скверный: он бродил один в раскаленных, душных ущельях Нан-Дунгортэб, а убитая девица-воин молча ходила за ним, не приближаясь, но и не отставая, и когда бы он ни оглянулся — видел ее щуплую постать, бледное личико и черную беспросветную дыру во лбу, над переносьем, действительно похожую не то на отверстую рану, не то на чудовищный третий глаз...

На следующий день тропа пошла уже в виду Дор-Динена. Кругом еще высились диковинные каменные столпы, но внизу уже шумел настоящий зеленый лес. Гили полегчало, когда бескрайний ковер зеленых крон открылся с края обрыва: хоть им и не встретился ни один паук, из тех, о ком вел речь Берен, а все ж таки гадкое это было место — Нан-Дунгортэб. Там словно и ветер умер — в кольчуге и войлочной куртке Гили просто потом истекал. А здесь, на краю пустоши, прохладный ветерок снова сделал жизнь сносной.

Когда повезло нарезать на орков, Гили и перепугаться как следует не успел: так быстро все закончилось. Айменел был прав — орки плохие бойцы. Они нападали на эльфов по двое-трое, и падали — один, второй, третий... Хорошим мечником оказался только человек, которого Айменел застрелил. И Гили видел, что юный оруженосец Финрода смущен своим поступком не меньше, чем Берен, заколовший девушку. Он слышал приказ Финрода захватить человека живым. Но Айменел забыл о приказе, увидев, как человек ударом щита сбил Кальмегила на колени. Никто из эльфов не упрекал его, никто не ругал, но он был пасмурнее тучи. Неужели так бывает со всяким, кто впервые лишает другого жизни?

А еще Гили потрясло то, что он только сейчас и только со слов Берена узнал, что Айменел — сын Кальмегила. Как так — они вместе проехали столько лиг, вместе ели и спали, и он молчал. А ведь Гили чуть ли не сразу вывалил ему все — о своей семье, об отце и матери о сестрах...

— Ты зачем мне ничего не сказал? — вырвалось у него.

— Но ведь ты не спрашивал, — удивился Айменел. — Я бы сказал!

Гили закусил губу. Ему и в голову не приходило, что нужно спросить. Среди человеческих мальчишек было иначе: когда один рассказывал, второй, как правило, говорил: «А вот у меня отец...» — и дальше.

— Ты это... сильно перепугался? — спросил он.

Айменел сверкнул глазами — и Гили словно в первый раз увидел, какие они большие и печальные.

— Да, Руско. Я подумал — как же я без него... Глупо. Он же отличный мечник. Это была просто уловка, чтобы заставить... того... потерять равновесие. Но я на миг испугался — а вдруг это не уловка, а вправду отец оступился.

Гили посопел немного, потом сказал:

— Я еще никогда никого не убивал. Как оно?...

— А я еще никогда никого не терял. Как оно?

— Паршиво — до не могу.

— Ты знаешь... Убивать — тоже. Как ты сказал? Паршиво — до не могу... — эльф на миг оставил поводья, поднял руку к лицу и посмотрел на свою ладонь. — Как будто бы я взял ткань бытия — и вырвал из нее кусок. Я понимаю теперь, почему *nissi* не любят охоту и военные забавы... Но с животными — это не так... Ты просишь жизнь *kelva* — и он тебе отдает. А *eguhin* — он кричит даже тогда, когда умирает молча. Разве не из-за этого так расстроен лорд Берен?

— Да я не знаю, — пожал плечами Гили. С утра он старался не разговаривать с Береном без необходимости — тот отвечал коротко и сердито. — Вроде бы он прежде женщин не

убивал. А может, это все из-за той книжки, что вы читали вчера.

Айменел поглядел на Берена. Они с Финродом ехали впереди и по большей части молчали, только изредка перебрасываясь словом-другим с пролагающим дорогу Лауральдо.

— Может быть, — согласился эльф.

— По мне — так было бы из-за чего, — осмелел Гили. — Плохо вам, письменным. Того и гляди от рун голова треснет.

Айменел улыбнулся.

— Никто не расстраивается из-за букв, Руско. Расстраиваются из-за того, каков мир есть, а не каким его описывают. Если верить той книге, Руско, Создатель задумал мир плохим. Неизменным, более чем эта каменная глыба. И Мелькор на самом деле принес ему благо... Лорд Берен расстроился от того, что в это очень легко поверить.

— А ну как это правда? — спросил Гили.

— Правда часто бывает такова, что в нее трудно поверить. Вот если бы зимой ты услышал, что будешь в свите эльфийского короля — поверил бы?

— Не-а, — мотнул головой Гили. — Но так же не всегда бывает, что в правду трудно поверить. Ежели мне кто сказал бы, что я надену шлем и кольчугу — это одно. А вот сказали бы, что на мне будут штаны и рубашка — так отчего б я не поверил?

— То есть, ты веришь в обычные вещи, — уточнил Айменел. — Но, кроме них, случаются и вещи необычные. И уж создание мира никак не может быть обычной вещью — не каждый день это происходит. Если бы миры создавались каждый день и мы видели, как это бывает, мы бы могли более уверенно рассуждать, что в этом случае обычно, а что — нет. Но мир был создан единожды и нам приходится довольствоваться одним примером.

Гили слушал собеседника со смесью восхищения и удивления. То Айменел был мальчишка мальчишкой, то рассуждал о таких вещах, которые понятны разве что старикам. Но в его устах и эти вещи становились понятными. В конце концов, о чем говорить, если делать особенно нечего: дорога тянется и тянется, знай себе придерживай одной рукой повод, а другой — хозяйское копьё.

— Так это когда было-то, — сказал он. — Какой мир есть, такой уж он есть, чего мы поделаться-то можем?

— Так ведь это и есть самый главный вопрос: что мы можем делать и что мы должны делать! — возразил Айменел. — Если мир был задуман неизменным — мы ничего в нем делать не должны. Право же, мне сложно представить, как это может быть...

— А мне — так запросто! В другой раз хочется ничего не делать, а так просто поваляться — ан нет, все время нужно что-то делать...

— Но почему же ты искал себе занятия каждый раз, когда получал отдых? — спросил эльф. — Почему ты лазил со мной на черешню или вязал свирель из тростника, или резал личину на рукояти ножа?

— Так... со скуки...

— Видишь... Твоя природа просит действия, и моя тоже — так значит ли это, что мы были созданы для неизменного мира, в котором всякие действия излишни?

Гили пожал плечами. В его прежней жизни работали не для того, чтобы изменять мир, а для того, чтобы не умереть с голоду. О чем он не замедлил сказать Айменелу. Но тот находил возражения еще ловчее, чем парировал удары скаты.

— Но если бы были задуманы для неизменного мира, нам не приходилось бы добывать себе пищу ценой изменений.

— Ну... — Гили не нашелся, что ответить. — Это я так сказал, чтобы ты понял...

— Что?

— Ну, что лишнее это — почему да зачем... Вот, отец мой пахал, сеял, были у него овцы, свиньи и гуси... И все это он делал, и ни об чем таком не задумывался. Каким мир был, каким он должен быть, чего мы должны делать — да что за разница? Живем и живем.

— Скажи, как твой отец пахал землю? — вдруг спросил Айменел. — Он подрезал лес на полянке, ждал год, пока высохнут деревья, поджигал их — а потом на этой расчистке сеял зерно?

— Да ты что! Так разве что орки сейчас делают, да еще захватники, этим хоть трава не расти — лишь бы гномам сбыть побольше зерна. У нас был кусок земли под озимь, кусок под ярь и кусок под пар. Если подсекать и жечь — в три года земля истощится, и ничего там уже не будет.

— Зато в первый год, по золе, можно собрать урожай сам-сто, — сказал Айменел. — А на четвертый год уйти в другое место. А трехполье, хоть и может кормить семью из века в век, никогда не даст такого урожая. Зачем думать о будущем, если можно жить сегодняшним днем? Как ты сказал — что за разница, живем и живем?

Гили нахмурился — главным образом от досады на себя. Айменел говорил вещи простые и очевидные, но ему эти простые вещи в голову прежде не приходили. Получалось, он вроде совсем тупой. И в самом деле — как-то само собой разумеется, что нельзя, если все время живешь на одном месте, а не кочуешь без возврата, гадить кругом, как будто орк какой. Но как-то сообразовывать это нехитрое правило с творением мира никто не пытался.

— Ну так и что? — спросил он. — К чему ведешь-то?

— Получается, непохоже, что людей и эльфов творили для неизменного мира.

— Положим, так, — согласился Гили.

— Из этого черные проповедники делают такой вывод: люди — творение не Того, Кто творил мир. Он сотворил только эльфов, а людей — Другой... Тот, кого мы зовем Морготом. Он вложил людям в сердце страсть к изменению мира. Так говорит та книга, которую мы взяли вчера. Так они собирались учить людей Белерианда.

— Айменел, — Гили внезапно стало страшно. — А ну как... То есть, ну, если это правда? Ты бы меня возненавидел?

— Даже думать нельзя, что это может быть правдой! — горячо сказал Айменел. — Если Восставший в Мощи в самом деле создал вас как изменяющих этот мир, вы любое изменение должны полагать благом — но разве нравится тебе то безудержное разрушение, которому предаются орки? А если не всякое изменение есть благо — то какое? Посмотри вокруг, на эти камни — как они красивы и величественны — но разве лежит у тебя к ним душа?

— Не-а, — мотнул головой Гили. — Не лежит.

— Я чувствую нелюбовь этого места, — Айменел слегка поежился. — Тут словно все кричит: я, я, я! Кажется, эти глыбы готовы раздавить тебя просто в насмешку.

Гили не смог бы лучше выразить словами то, что чувствовал сам. Что ж поделать, у эльфов язык подвешен лучше.

— Нет, Руско, мы — чужие ему и вы тоже. Книга лжет хотя бы в этом — Моргот вас не творил. Но если вас сотворил Единый, и при этом он хотел, чтобы этот мир оставался в неизменности — почему в вас и в нас жива страсть к изменениям? Почему мы даже кусок хлеба не можем себе добыть так, чтобы этот мир не изменился?

— Если ты меня спрашиваешь, так я не знаю. По мне — это глупость.

— По мне тоже. Но посмотри вокруг — как велик и разумно устроен этот мир! Отчего же мы в нем — такая нелепица? Или мы все же не нелепица? Или мир был предназначен к тому, чтобы изменяться в наших руках? Значит, и в этом лжет Книга: Единый не собирался творить неизменного мира. Но таков ли этот мир сейчас, каким Единый задумал и создал его?

— Чтоб я знал... Это вы, эльфы, с богами запросто разговариваете...

— Валар — не боги, Руско, и я не говорил с ними. Я родился уже здесь и не видел Благословенной земли, — но и мне сердце подсказывает, что мир — хуже, чем он мог бы быть. Он был... испорчен. Искажен. словно ты видишь, как выгорают краски на картине, как истлевают прекрасный гобелен... Вот этого мы не можем простить Морготу. Очень легко говорить о том, что мир-де был задуман неизменным и нуждался в изменении — но все естество детей Эру противится смерти и тлению. Если они естественны — почему они так отвратительны? Даже вам, людям, смерть противна, потому что вы покидаете мир не в срок и не по своей воле... Это был Дар — но Моргот извратил и его.

— Айменел... Скажи, а вот если бы мир не был искажен... Мои померли бы от оспы или нет?

Эльф на какое-то время закусил губу, размышляя. Потом сказал:

— В писаниях Румила говорится, что в мелодии Творения тема людей зазвучала после того как Моргот во второй раз искажил Песнь. Одни думают — именно этой теме суждено преодолеть искаженную тему Мелькора. Люди созданы для борьбы с Искажением, и, не будь Искажения, они бы не появились, Создатель ограничился бы эльфами. Но есть и другие, Государь Финрод в их числе, кто полагает, что «после» — не всегда значит «вследствие». Люди появились после Искажения, но задуманы были изначально. Кто прав — я не знаю, и никто не знает — кроме Единого. Но у меня как-то лежит душа ко второму толкованию. Может быть, потому что первое дает иным людям основания возносить Морготу хвалы. Так вот, в первом случае — твои родные не умерли бы от болезни, так как просто не появились бы на свет, или появились бы эльфами, по роду своему не подверженными заразной болезнью. Во втором случае — твои родные, скорее всего, тоже не умерли бы, так как их тела оказались бы не искажены, не отмечены Падением. В любом случае — изменение, которым так хвалится Мелькор, принесло тебе только беду.

Гили по привычке хотел было почесать в затылке, но наткнулся рукой на шлем. По правде говоря, эта штука ему здорово мешала, хоть после вчерашнего он как-то даже не решался заговорить о ее бесполезности. Но вот сосредоточиться она не давала, а Гили чувствовал, что разговор довольно далеко ушел от начальной точки.

— Ну ладно, — сказал он. — Ты меня еще ни разу не обманывал, так чего бы сейчас начал. Докладно так все объяснил и понятно. Но что ярн Берен тупее меня — это вряд ли. Он же, небось, сам все эти вещи знает не хуже вас.

— А-а, в том-то и дело... Он знает их не хуже нас, и он *ingolemo* по складу ума. В нем есть мудрость. Но в иных вопросах он, как и ты, может положиться только на слово против слова. Наше слово против их слова. И там, где тебе приходит в голову одно возражение, ему приходит в голову десять. Но он сам же и опровергает их. То, что он пережил, убеждает его в его — и нашей — правоте. Но эта Книга, по его словам, обладает каким-то очарованием, заставляющим чувственно переживать другое. А лорд Берен привык доверять своим чувствам, привык к тому, что чувственный опыт согласован с разумом. Но при чтении этой книги разум говорит ему одно, а чувства — другое...

— А, понял, — сказал Гили. — Это все равно что глазами видеть грушу, откусить кусок, и на вкус почувствовать орех.

Тут им пришлось прервать разговор, потому что впереди дорога снова была завалена вывороченными деревьями.

* * *

По словам Лауральдо, они должны были бы достигнуть Амон Химринг через два дня, а завтра оказаться уже в Химладе и встретиться с пограничной стражей феанорингов.

— К тому времени, — сказал Берен, — от моей задницы начнут отскакивать кованые болты самострелов.

Лауральдо засмеялся и поделился несколькими соображениями насчет того, как в этом случае лучше встречать возможного врага: лицом к лицу или как-то иначе.

Он был весел, но не так, как Нэндил. Тот был весел от того, что весь был цельный, а Лауральдо был весел, но надтреснут внутри. Его отличала бесшабашность и показное легкомыслие, свойственные многим эльфам, идущим за сыновьями Феанора. Так легкомысленны и насмешливы напоказ люди, носящие в себе какую-то глубокую рану. Те, кому хочется забыться. Те, кто страдает, но боится сострадания и изо всех сил показывает, что страдание ему неведомо. Они горячо кидаются на поиски приключений и любят о них со смехом рассказывать, но на самом деле ищут смерти. Берен и сам был таким до встречи с Лютиэн. Как подружились Лауральдо и молчальник Лоссар — загадка, но они подходили друг другу как пламя светильнику. Лауральдо говорил обо всем и ни о чем со всеми — но только с Лоссаром он мог молчать. Тот не произносил ни слова — но Лауральдо в его присутствии не тяготила тишина. Он переставал насмешничать над миром, потому что переставал его бояться.

На ночь отряд остановился у берега одного из ручьев, которые потом, на равнине, сливаются в Эсгалдуин. Лауральдо, Аэглос, Лоссар и Берен обыскали округу — нет ли паучьих нор — и дошли до истока ручья, чтобы убедиться, что воду из него можно пить. Взятая с собой уже подходила к концу.

Здесь было опаснее, чем на месте прошлой ночевки. Голые камни там нагоняли тоску, а здесь было больше растений и далеко не все деревья вырвал ураган — но среди голых камней, где ничто не растет и не живет, и пауку нечего делать — нет добычи. А здесь, где начала попадаться обычная лесная живность, могли попадаться и пауки.

Нэндилу было еще плохо после вчерашнего, Эдрахил тоже выглядел бледноватым от потери крови. Как и все эльфы, он умел сам себе останавливать кровь одним желанием, и позволил ей стечь только потому, что опасался яда — есть у орков такой подлый обычай. Но, поскольку к драке они нарочно не готовились, отравой клинки смазать не успели. Весь день он чуть ли не спал в седле, а вечером только выпил винную настойку на травах, и снова заснул, едва коснулся головой своей седельной сумки.

Финрод предложил засветло начертить *sarat* — охранный знак вокруг лагеря. Против разумного существа такой *sarat* не помог бы, но дикое животное или паука отпугивал. Однако была одна подробность — никто после начертания не должен покидать пределы

круга. Поэтому эльфы слегка заколебались: их вообще мучила невозможность уединения, а тут пришлось бы ходить в одни и те же кусты, да еще чуть ли не на виду у всех. Но Берен напомнил о том паучище, которого ему случилось зарубить здесь поблизости, и его голос все решил. Финрод пожертвовал фунтом муки — рассыпал его кругом, в линию. И уже по ней, по муке, принялся чертить острием своего ножа. Это заняло у него все время до темноты и здорово утомило.

Пока было светло, Берен читал трофейную книгу. Он многое передумал, читая, но больше всего удивлен был тем, что книга оказалась совсем не такой, какой он ее себе представлял. Он ждал, что речь пойдет о господстве силы, что прав тот, у кого тяжелее рука, что нет смысла жалеть слабых, самой судьбой предназначенных к рабской участи — а пошло совсем о другом. Эта книга настойчиво будила не что-нибудь, а именно любовь к Морготу. Любовь и... жалость. Это было странным: Вала, который требует жалости. Но это было так. Одинокий, непонятый страдалец, ненавидимый своими глупыми братьями и сестрами, гонимый безжалостным Отцом... Сначала Берен ощутил досаду: экая размазня! — но потом... Потом он начал понимать...

Это были чары. На Берена они не действовали: он повидал и перестрадал достаточно, чтобы смеяться над деланным страданием этой книги. Он не мог плакать над убитыми в Валиноре учениками Моргота (если такие и вправду были) — все свои слезы, положенные невинно убитым, он выплакал у коновязи в Сарнадуине, над зарезанными женщинами и детьми деревни; не трогала его сердце гибель посланника — он был свидетелем более страшным и подлым убийствам; не волновала его клевета на дом Финвэ — о себе он успел узнать достаточно дряни, чтобы отличить настоящую от выдуманной...

...Но вот если бы эта книга попала к нему лет двенадцать назад... Глупому и горячему, мечтавшему о подвиге и жертве... Мнившему, что закон — это нелепые путы, а порядок — выдумка стариков... О-о, вот тогда эта книжка оказалась бы очень кстати! Тогда его сердце дрожало бы ей в лад, как дека лютни дрожит в лад струне! Он всей душой понял бы того, кто возненавидел Отца — ибо сам тогда ненавидел отца. Ненавидел его со всей искренностью любящего сына. Финрод был прав — от ненависти близко к любви, ближе, чем от безразличия. Может быть, и Моргот на свой извращенный лад любит Отца. Может быть, все его жестокие выходки — это отчаянная мольба: заметь меня, заметь, выдели среди прочих, хотя бы Своей ненавистью! Может быть, его ненависть к Детям — ревность старшего к младшему, беспомощному, но обласканному. Может быть, его стремление властвовать над нами — это ревнивое желание старшего сына встать между младшим и родителями, чтобы сделаться нужным и им, и ему. Все-таки это любовь. Извращенная и отвратительная.

Он закрыл книгу, когда уже стемнело, и сунул в сапог, чтобы назавтра вернуть Эдрахилу. Дошел только до середины — дальше, наверное, идет рассказ о бегстве нолдор, как о нем знает Мелькор и о пленении Маэдроса — интересно, конечно, какое благовидное оправдание жестокой пытке пленника придумали морготовы летописцы... Интересно, но неважно, да можно и об заклад побиться: месть за тех, якобы распятых на скале... Главное — главное Берен понял...

«Берен?» — почувствовал он мысленный зов.

«Государь!»

Значит, Финрод не спал, хоть и полусидел, привалившись к седлу, с закрытыми глазами...

Менельдур — он устроился на высоком камне, наблюдая за вейдх — вдруг резко

повернулся к ним спиной. Берен неожиданно вспомнил, что за все время, прошедшее с ночи осанвэ, он не перемолвился с Менельдуром ни словом.

«Что я ему сделал?»

«Не думай об этом сейчас. Лучше скажи — что же ты понял?».

«Я понял, что Единый прав, ибо Он создал этот мир. Он лучше знает. Книга все время оспаривает Его власть, как мальчишка оспаривает власть отца, и чем яростней мальчишка спорит, тем яснее видно, что отец прав. Он любит, а любящий... Любящий порой имеет право на хорошую затрещину. Ведь иной раз только оплеуха может привести человека в чувство.»

«Моргот обвиняет Его в убийствах...»

«Он лжет. Я знаю, что на самом деле делают и чувствуют убийцы. Я сам убийца. А Единый имеет право взять то, что дал. Кроме Него, никто не мог дать жизнь. Кроме Него никто не имеет права на нее посягать. Разум говорит мне, что Он — не убийца. Будь Он убийцей от начала дней, Он не постыдился бы уничтожить нас, едва мы пали, и сделать заново. Но сердце Его, как видно, исполнено жалости.»

«А если, как утверждают слуги Мелькора, Ему просто не хватает сил, чтобы уничтожить людей?»

«Мы проезжали через места, сотворенные Морготом. Сколько силы понадобилось, чтобы поднять каменные столпы выше ваших башен, на месте, большем, чем нынешние владения Нарготронда? А ведь это была всего лишь малая толика его силы. Я видел Эред Энгрин, которые он воздвиг в одиночку — и тоже затратил лишь малую толику своей силы. Одной силы Моргота хватило бы, чтоб уничтожить всех людей — так сколько же силы должен иметь Тот, Кто создал всех Валар и Моргота с ними?»

«А если Он расточился в создании, как Моргот сейчас расточается в разрушении?»

«Тогда и Валинор с горами Пелори построен на песке», — улыбнулся Берен. — «Но почему-то не расточаются силы других Валар. Стоят горы, бегут реки и веют ветры, и покровом живого окутана Арда. Моргот отлучен от источника Сил — и слабеет. До того, что Фингольфин наносит ему кровавые раны, до того что сам он не может исцелить свои руки.»

«Но и Варда с Йаванной не смогли воссоздать Деревья.»

«Но дали Солнце и Луну. Одного и того же ребенка не родишь дважды, если он уже умер — но можно выносить и воспитать другого. Меньше ли это деяние?»

Финрод улыбался, не открывая глаз.

«А Моргот все же сумел Деревья сокрушить.»

«У нас есть поговорка грубая, Король, но верная: насрать — не нарисовать. Тоже мне, погубил Деревья. Я могу повалить любое из деревьев в Нан Эльмуте — а способен хоть одно вырастить?»

«Так Моргот не прав?»

«Да. Прав Единый и тот, кто с ним.»

«Что бы ни делал?»

«Нет! Кто делает Морготову работу — тот за Моргота.»

«А еще что ты понял?»

«Моргот хочет взять человека не на то, что в нем есть злого, а на то, что в нем есть доброго. Это хорошо. Это значит, что доброго в нас все же больше, чем злого, и оно вернее, если даже Моргот на него делает ставку. А с другой руки — огорчает меня то, что даже доброе Моргот норовит использовать себе на корысть...»

«А еще что?»

«А еще, Государь, что осанвэ — очень хорошая штука, раз позволяет одновременно говорить и грызть орехи...»

Финрод беззвучно засмеялся. И вдруг — словно холодный ветер пронесся над ними. Все трое бодрствовавших вскочили. Лошади забеспокоились, Руско дернулся во сне и простонал: — Мама! — но не проснулся.

Менельдур выпрямился, меч его выскользнул из ножен. Во тьме лезвие слегка отсвечивало голубоватым сиянием, таким же светом переливалось лезвие Дагмора, разгораясь все ярче. Менельдур обернулся к Королю — Финрод стоял чуть позади Берена — и оба слышали его безмолвный вопрос: поднимать тревогу? В ответ Финрод сделал знак: не нужно — и показал на лошадей, а потом — на спящего Эллуина. Менельдур бесшумно соскочил с камня и еще через мгновение оба были там, где к кустам привязали коней.

Берен с королем оглядывались, спина к спине. Менельдур и Эллуин успокаивали лошадей. Темнота вокруг лагеря не нарушалась ничем — лишь малое пространство освещали клинки, горящие все ярче. Лошади всхрапывали и беспокойно перебирали копытами. Знак нельзя было прорвать снаружи, но можно — изнутри. У Берена сердце ушло в живот, когда раздался тихий шорох гальки, по которой ступали бесчисленные лапы. До того он не знал, куда смотреть — но теперь обернулся на скрежет камешков. И в том месте ночь была темнее, чем везде. Клочок тьмы шевелился и рос, затем пахнуло смрадом — словно всю дрянь мира собрали в одном месте — и тварь очутилась у черты. Глаза ее — сколько их было? — горели бледной зеленью, суставчатые лапы перебирали на месте — ничтожным своим умишком тварь не могла понять, что же не пускает ее.

Глаза твари горели на уровне живота Берена — значит, вся она была ростом с осла. Берен зарубил бы ее и один, если, конечно, его не скрутило бы в рвоте — от одного ее запаха съеденные на ужин орехи запросились наружу. Столетней гнилью несло от этой твари, и мертвого в ней было больше, чем живого...

Она приползла сюда на запах людей и лошадей — но не могла понять, откуда он шел. Знак удерживал ее, и она сновала вдоль границы круга, не смея на него ступить, не видя эльфов и людей, глядя насквозь, хотя любое разумное создание увидело бы их ясно, как днем — мечи раскалились до иссиня-белого сияния.

— Убить ее? — спросил Берен.

— Нет, — тихо сказал Финрод. — Сейчас она уберется сама.

И верно — тварь переползла через камень в стороне от круга и исчезла в темноте. Стражи слышали как она шлепает по ручью. Лезвия мечей вскоре угасли.

Менельдур подошел к Берену и молча пожал ему руку.

— В одном проклятая Книга не врет, — сказал он. — Это — действительно сама ненасытная Пустота.

Больше ничего не происходило — ни в эту ночь, ни в следующий за ней день. Не считая того, что вечером отряд встретился с большим разъездом эльфийских всадников, которых издали узнали по белым восьмилучевым звездам на щитах и черно-красным нарамникам. То были рохиры Карантира, и поэтому Финрод представился, но промолчал о том, кто такой Берен. Они не спрашивали, и похоже было, что знали.

Отряд был уже в Химладе.

Глава 7. Маэдрос

Замок на горе Химринг был от подножия до вершины эльфийской постройкой: ряды укреплений скрывали дворец, скромный на вид, но эта скромность подчеркивала совершенство форм и пропорций — так знающая себе цену красавица наряжается в самое простенькое платье, дабы ничто не отвлекало мужской взгляд от главного: ее лица и тела. Замок парил над скальной площадкой с мостом через расщелину, в которую срывался, дробясь о камни радугой, поток ледниковой воды.

— Ох, — в восторге выдохнул оруженосец Берена. Сам Берен уже изрядно притомился к тому времени, и глаза его эту красоту видели, а сердце радоваться уже не могло.

— Да, — сказал оказавшийся рядом Эдрахил. — Нарготронд прекрасен, но он спрятался под землю и не умеет летать... Мы любим строить дворцы, а приходится — крепости...

Эльфы, сопровождавшие гостей, протрубили в рог условным образом — и с той стороны опустили мост.

Рохиры сыновей Феанора знали, кто такой Берен — в этом уже и сомневаться не приходилось. Всю дорогу они ни разу не спросили о нем у Финрода и кого бы то ни было, и старались даже взглядом с ним не встречаться. На счастье, эта часть пути не была долгой: два дня — и вот она, Амон-Химринг.

Горцы жили в долине между Амон-Химринг и холмом Лайат. Берен не мог повидаться с ними прежде, чем предстанет перед лордом Маэдросом, хоть и надеялся, что их позовут.

Гостям приготовили баню и чистое нижнее платье — лорд Маэдрос не пожелал ждать, пока просохнет их одежда, выстиранная женщинами.

Он принял посланников за ужином в малом кругу: Маглор, Амрод (Амрос патрулировал караванную дорогу), высшие начальники дружины — Гельвин, Аларед и Белегонд, и — у Берена сердце подпрыгнуло — конен Гортон (35) и конен Мар-Хардинг, друг Роуэн, мать которого выкормила Берена грудью. Были там и еще двое людей, которых Маэдрос назвал как вождей Улфанга и Бора. Люди эти были смуглы, темноволосы и темноглазы, оба обритые наголо и с бородами, и какое-то время горец различал их только по цвету их странных запашных и безрукавных кафтанов — один был в темно-синем, другой — в темно-красном, цвета вина. В родичах они, как он понял, не состояли, хоть и походили друг на друга как братья. Таких людей — темных и крючконосых — Берен уже много видел, пока проезжал по крепости. «Вастаки», — коротко бросил эльф-проводник, когда ему был задан вопрос.

Сам лорд Маэдрос был высок, строен и больше похож на человека, чем любой из виденных Береном эльфов — наверное, оттого, что страдания состарили его. Черные брови его срослись у переносицы и взлетали к вискам, а волосы его цветом сходны были с драгоценным красным деревом, которое попадает в Белерианд или через гномов, или через эльфов-мореходов, и стоит золота по своему весу. Те, кто помнил Феанора, говорили, что лорд Маэдрос лицом пошел в него, а цвет волос унаследовал от матери; лорд Маглор, напротив, больше походил на мать, но волосы его были как вороново крыло. Все братья-феаноринги оделись в черное с красным: черные рубахи и штаны, алые пояса и полукафтаныя нараспашку, без застежек, с короткими и широкими рукавами. На лорде Маэдросе был еще расшитый золотом и украшенный по вороту камнями оксамитовый плащ — тяжелый, но короткий, до колен. Волосы его стягивал простой обруч — как слово

«простой» понимают эльфы: серебряный с чернью, украшенный черными непрозрачными камнями с металлическим блеском. По людскому поверью, эти камни — запекшаяся кровь Моргота, пролитая в первых битвах за Арду, и это поверье среди людей простых держится довольно прочно, хотя знающим известно от эльфов, что это не так, и камень этот, как и все прочие природные камни, сотворен Аулэ в предначальные дни.

— Я рад приветствовать здесь Инглора Финрода Фелагунда. — Старший сын Феанора вышел из-за стола и протянул для пожатия левую руку. Правая была скрыта ниспадающими складками плаща.

Финрод пожал его руку, они кротко и неглубоко, как равные, поклонились друг другу. Эдрахил с поклоном протянул Маэдросу письмо от Фингона, тот сломал печать и пробежал послание глазами, после чего передал его Маглору, а затем обратился к человеку.

— Я приветствую и тебя, Берен, если это и в самом деле ты. Ходили слухи, что ты нашел свою смерть не то в Эред Горгор, не то в Таур-ну-Фуин.

— Будь благословен, лорд Маэдрос. Не стоит верить слухам. Здесь два человека, один из которых знает меня с младенчества, а второй — с детства. Спроси у них, самозванец ли я.

Все взгляды обратились к двум горцам, и те опустили перед Береном на колени.

— Здравствуй, ярнил, — заговорил Гортон.

— Мы с тобой, — промолвил, поднимаясь, Роуэн. — Государь Маэдрос отпустит нас. Он всегда знал, что мы сражаемся ради наших гор.

— Мы все сражаемся ради того, чтобы покончить с Морготом, — голосом Берен дал понять, что разговор на этом закончен, а пожатием руки и взглядом — что он еще будет продолжен в другое время и в другом месте. Хардинг кивнул одними ресницами.

Маэдрос пригласил гостей за стол. Берену досталось место по правую руку от него, рядом с Финродом. Напротив оказался лорд Амрод, справа — лорд Маглор.

Берен думал, что же скажет ему славный сын Феанора, и что же нужно ответить. Пока он ехал сюда, придумал тысячу способов начать этот разговор — и все их отбросил.

— Ты в первый раз на Амон-Химринг, — обратился к нему лорд Маэдрос. — И как тебе понравился наш замок?

— Он хорош всем, государь. Плох только одним, — нужные слова пришли сами собой. — Отсюда далековато до ворот Ангамандо.

В делящейся тишине они смотрели друг на друга — человеческий и эльфийский князья-изгнанники. Оба лишились родины, потеряли отцов, побывали в плену. Берен растравил — и притом нарочно — рану, которая не заживёт никогда, он знал это по себе.

Они поняли друг друга.

— Хвала Единому, — сказал Маэдрос наконец, разрешая напряженное ожидание. — Орков для хорошей драки нам хватает и здесь.

Он сделал знак рукой — заиграли музыканты. Руско налил Берену вина, Айменел наполнил кубок Финрода, оруженосцы-виночерпии начали прислуживать своим господам. Потекли тихие разговоры, зазвенели ножи по тарелкам — Берен, хвала Вайрэ, еще не запомнил, как обходиться с эльфийской вилкой. Говорят, эльфы их придумали потому что не любят, когда жир или подлива текут по рукам и пачкают одежду. Но это чистая глупость: кто умеет есть осторожно, не пачкает ни рук, ни одежды и без этой придумки. Возможно, эльфы придумали вилки и столовые ножи, чтобы был лишний повод что-нибудь сделать красиво, а люди переняли это у них из-за женщин. Может быть, и эльфы придумали это из-за женщин: когда их нет, мужчины чаще всего обходятся по-простому. Но сейчас был случай

торжественный.

Краем глаза Берен заметил, что Улфанг, один из вастаков, держит баранье ребро руками, и с насмешкой в глазах следит за дортонионцами, соблюдающими эльфийские приличия. Что это за люди — Улфанг и Бор? Откуда они явились и почему Маэдрос взял их на службу?

— Здоровье хозяина, — он поднял кубок, и все повторили жест. Маэдрос кивнул. Теперь он высвободил правую руку из-под плаща, и Берен увидел, что она — железная, похожая сочленениями на латную перчатку. В стальных пальцах был зажат нож, которым Маэдрос действовал без малейшей неловкости. Воистину, подумал Берен, мастерство холдор несравненно.

— Келегорм написал мне, что произошло на совете Нарготронда, — сказал лорд Маэдрос. — Все это так странно, что я не знаю, верить или не верить. Я не думаю, что он лжет — скорее, он что-то неправильно понял. Я надеюсь на объяснения и обещаю восстановить справедливость.

— Я ничего не хочу говорить о Келегорме в его отсутствие, — мягко ответил Финрод. — Ты знаешь своего брата лучше, чем я.

По лицу Маэдроса прошла еле уловимая гримаса досады: своего брата он действительно знал.

— Я ответил ему, что он не имел права делать то, что сделал. Несмотря ни на что. Но Келегорм писал о... том, на что феаноринги могут пойти и не пойдут, — сказал однорукий князь. — Берен, я хочу, чтобы и ты объяснился.

— Разговор тут не на один час, лорд Маэдрос. — Берен снова протянул Руско пустой кубок. — И это разговор не для пира. Давай отложим его.

Маэдрос кивнул.

Настал момент, наконец, когда пришла пора расходиться. Берен ждал этого момента, и знал, что Маэдрос найдет предлог его задержать. Правда, думал, что он задержит для разговора и Финрода, но Маэдрос с ним распрощался до завтра. Человек и эльф остались вдвоем в опустевшей комнате и Маэдрос знаком пригласил горца за собой на балкон.

Отсюда виден был весь южный склон горы Химринг — гранитная круча, кое-где на уступах поросшая низеньким исковерканным подлеском. Вдали вставала другая гора — снежная шапка вершины горела отраженным закатным огнем над затемненной долиной.

— Келегорм написал мне, что ты дал клятву добыть Сильмарилл. Это правда?

— Не совсем, лорд Маэдрос. Это Тингол поклялся, что отдаст мне свою дочь, если я принесу ему Сильмарилл. Я пообещал.

Маэдрос сжал губы.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— А ты слышал о нашей клятве? — спросил он короткое время спустя.

Берен вздохнул и слегка прикрыл глаза, вспоминая:

— Будь он друг или враг, будь он чист или нечист,

будь он выкормыш Моргота или Вала,

эльф, Майя или Послерожденный -

ни закон, ни любовь, ни воинский союз,

ни страх, ни опасность, ни сама Судьба,

не защитят его от Феанора и рода Феанорова,

если скроет он, или в руку возьмет,

или себе оставит, случайно найдя,
или выбросит Сильмарилл. В этом клянемся мы все:
смерти предадим его, и преследовать будем
до скончания мира!

Услышь наше слово, Эру Вседержитель!

Вечная тьма да будет нам уделом,
если не сдержим своего слова.

Вы, восседающие на священной горе,
будьте свидетелями нашей клятвы,
Манвэ и Варда!

— Да, суть передана верно. — Маэдрос оперся железной рукой о перила. — И что же мне теперь с тобой делать, Берен, сын Барахира?

— Ну, предай меня смерти. Прямо сейчас. То-то Моргот будет рад.

Лицо Маэдроса мгновенно потемнело, железные пальцы сомкнулись на плече Берена, одно движение — и горец оказался спиной, а точнее — задом к низким каменным перилам, через которые Маэдрос мог перебросить его легким толчком. Внизу была пропасть в шестьсот футов.

Во рту у человека сделалось сухо.

— У тебя есть совесть, Берен Беоринг? — тихо спросил низложенный король эльфов. — Ты поклялся овладеть Сильмариллом — и обратился за помощью ко мне. Ко мне!

Еще одно движение — и Берену пришлось слегка перегнуться над перилами.

— Государь Маэдрос, совесть у меня есть, и я об этом много думал... — он старался говорить так же размеренно и спокойно, как говорил бы сидя в кресле, не напрягая руку от боли — железные пальцы, казалось, вот-вот раздавят мышцы. — В свое оправдание я могу сказать три вещи. Первое: я собирался идти к тебе задолго до того, как встретил Тинувиэль, и ее отец задал мне эту задачку. Второе: я не обращаюсь к тебе за помощью. Я предлагаю союз против Моргота, и если ты его не примешь, пострадаем первыми не мы, пострадает государь Фингон, на него будет обрушен главный удар. И третье: не будем обсуждать судьбу Сильмарилла до дня падения Ангбанда. Может статься, кто-то из нас погибнет раньше и вопрос решится сам собой. А может, дело решит поединок. Хотя, честно говоря, не хочу я убивать никого из вас. Особенно тебя, государь Маэдрос.

— Я не государь, и уже давно. Мне не нужна такая грубая лесть, князь Берен. Право же, удивительные речи я слышу от человека, которого сейчас могу убить очень легко. Ты не боишься?

— Мне было предсказано, государь, что убьет меня волк. Ты — не похож.

Маэдрос вдруг рассмеялся, отступил на шаг и с усилием отогнул какой-то рычаг на железной руке — пальцы разжались. Берен сумел удержаться от того, чтобы начать ощупывать свое плечо.

— Странное дело, но и мне тебя убивать не хочется, — ответил Маэдрос. — Ты нравишься мне, сын Барахира. Несмотря на всю свою дерзость... Или благодаря ей.

Берен молчал. Не хотелось говорить о том, что именно Маэдрос из всех эльфийских владык нравился ему более всех, что много раз он просил у старших двоюродных братьев пропеть «Песнь о спасении», что из детских игр впечаталось в память, как он, старательно пряча за спину «отрубленную» правую руку, левой, преклонив колено, протягивал «корону» из ивовой ветки «Государю Финголфину» — кто же им был тогда? Хардинг был Фингоном,

а кто был Финголфином? Нимрос? Брего? Он напряг память — после упражнений с Палантиром ему довольно легко удавалось, уцепившись за какую-то мельчайшую подробность, восстановить в памяти всю картину. Итак, корона из ивовой ветки, сжатая в кулак рука убрана за спину, какая-то былинка колет сквозь штанину преклоненное колено, а перед Береном стоит в величавой (как это представляют себе мальчишки) позе...

Мэрдиган, вот кто. Мэрдиган-предатель был тогда «Государем Финголфином»...

Маэдрос вернулся в комнату, налил вина в два кубка, двинул один из них по столу в сторону Берена.

— Что же нам теперь делать, — сказал он. — Что же нам делать с тобой?

Берен молча пригубил вино, потом, не отводя взгляда от Маэдроса, выпил все. Это было эльфийское «зимнее вино» — в Хэлкараксэ вода вымерзала в бочках и мехах, оставалась пряная жидкость, ледяная в руках и огненная во рту. Испытания кончились, а обычай делать «зимнее вино» сохранился — и почему-то именно у феанорингов... Тризна, делящаясь четыреста пятьдесят лет. Боль и вина. По жилам Берена побежал холодный огонь.

— Утро вечера мудренее, государь, — ответил он, ставя кубок на стол. — Время у нас есть. Немного — но есть.

— Согласен, — Маэдрос протянул левую руку для пожатия. — Иди и отдыхай, Берен, сын Барахира. Приятных снов.

* * *

Утро было холодным, как вода в горном ручье, а окна в замке закрывались только на зиму, летом ветер гулял где хотел, и ему как раз вздумалось выстудить комнату Берена.

Спустив ноги на холодный каменный пол, он поежился, и в очередной раз удивился, до чего же быстро человек привыкает ко всему хорошему: еще вчера спал под открытым небом и ничего, не ворчал...

— Гили! — крикнул он. — Одеться и умыться, живо!

Одевшись и умывшись, он, перед тем как пристегнуть меч и выйти, тронул Гили, убиравшего постель, за плечо.

— Слушай внимательно. Сейчас я спущусь в трапезную, позавтракаю с коненами Гортоном и Хардингом. Ты будешь прислуживать за столом. После этого целый день ты мне будешь не нужен. Но это не значит, что сможешь бездельничать. Ты уже свел знакомство со здешними мальчишками-оруженосцами?

Гили покачал головой.

— Потолкайся среди них. Вид у тебя теперь геройский, да никто и не решится затеваться с моим оруженосцем — но ты имей в виду, что горские мальчишки скоры и на язык, и на руку. Завяжи разговор, поставь им пива, — он дал пареньку монетку — круглую серебряную гривенку с клеймом Дома Феанора, из тех, что чеканил Карантир по научению гномов. — Расспрашивай, что здесь и как. Особенно постарайся побольше узнать о вастаках — кто они, что они... Вечером расскажешь мне.

Гили кивнул.

— Вперед, — еще одним хлопком по плечу Берен вернул его к работе.

Роуэн и Фарамир ждали его в малой трапезной, на первом этаже замка. Слуга Роуэна держал чашу для мытья рук, Гили — полотенце.

На этот раз встреча была далеко не такой церемонной, как вчера. Гортон, учивший Берена военному делу, и Хардинг, молочный брат, были больше чем вассалы. Старинное дортонионское приветствие — сцепившись согнутыми в локте правыми руками, как при выпивке на «ты», коснуться кулаком своего плеча — в обоих случаях перешло в объятие. У Гортонна дрожало веко.

— Мы ведь тебя уже похоронили, ярнил, — сказал он тихо. — Зачем же ты так мешкал?

— Тише едешь — дальше будешь, — улыбнулся Берен, разжимая руки и садясь. — Ну, рассказывайте, как служится под серебряной звездой.

— Обыкновенно, ярнил, — ответил Роуэн. — Объезжаем степь, сопровождаем караваны... Следим, одним словом, чтобы карман лорда Карантира не очень прохудился: денежки-то нам идут из него.

— Хорошо, стало быть, служится, — Берен подставил кубок, и Гили наполнил его водой из кувшина: по эльфийскому обычаю, с утра ничего крепче воды не пили. — Ну, я рад за вас. Надо думать, не многие с охотой оставят такое прекрасное место и пойдут воевать за бесплатно в нищий голодный край — только потому что имели глупость там родиться?

— Слушай, ярн, не надо так, — Гортон сверкнул глазом. — Мы все помним, что диргол носят на одном плече. С охотой или без охоты — а мы давали присягу тебе и пойдём за тобой.

— Дело-то вовсе не в этом, — поддержал его Мар-Хардинг. — Дело-то в том, что армии нужны лошади, фураж, оружие, пища и всякое такое. На все это потребны деньги. А денег у нас нет. Я так понял, их и у тебя нет.

— Правильно ты понял, — кивнул Берен. — Ну, и дальше что?

— А вот что: денег мог бы дать Карантир, но он, по правде говоря, на тебя так зол, что даже на ужин не явился, не хотел затевать ссору. Месяц тому без малого приехал гонец с письмом от Келегорма. Того письма, понятно, никто, кроме господ феанорингов не читал, но слуги через дверь слышали, как господин Карантир кричал, что Беорингу нельзя давать ни людей, ни денег, пока тот не откажется от намерения добыть Сильмарилл, потому что кто позарится на Сильмариллы, тот феанорингам враг.

— И что на это ответил лорд Маэдрос?

— О том никто ничего не знает, потому что лорд Маэдрос говорил тихо и через дверь было не слышать.

— Успокойся, Роуэн, — Берен поддел на нож ломтик окорока. — Я думаю, Карантир немного остынет и денег даст.

— Это ф какой ве вад офти? — сквозь хлеб спросил Гортон. Он был человек старой закалки, эльфийского лоска ему не доставало.

— Да вы и сами должны бы понимать.

— Гномий тракт, — кивнул Мар-Хардинг. — Пока Дортонион под Тенью, Гномий Тракт зарастает бурьяном, а от этого Карантиру большой урон. Коморник как-то проболтался мне, что мы уже начали проедать старые запасы, что сокровищницу, которую триста лет отпирали только затем, чтобы в нее добавить, теперь отпирают для другого.

— Карантир не откажет мне ни в деньгах, ни в войсках, — согласился Берен. — Восстановление торговли с Белериандом — первое, что ему нужно. А что до Сильмарилла — побесится и успокоится.

— Слушай, ярн, надо бы тебе отказаться от этой эльфийки, — тихо сказал Гортон.

— Слушай, Фарамир, надо бы тебе отвыкнуть меня поучать. Я давно уже вырос.

Гортон молча встал, вытер руки о полотенце и вышел за двери.

— Берен, ты его обидел, — Мар-Хардинг смотрел в сторону.

— Что? Я его обидел? Роуэн, я готов выслушивать от него советы относительно того, к примеру, как разворачивать знамя в боевой порядок или держать строй против конной лавы; но советовать, кого мне любить, а кого оставить, может только один человек: тот, которого я вижу в воде, когда наклоняюсь напиться. И на этом покончим. Сколько вас тут?

— Четыре с половиной тысячи. Слишком мало для армии, слишком много для лесных отрядов.

— А у многих опыт лесной войны?

— Где-то четверть — из тех, кто покинул Дортонион в последние годы. Должны кое-что знать и уметь.

— Это хорошо... Пехота или конница?

— Самостоятельной конницы почти нет, только одно знамя конных лучников, по эльфийскому образцу. Те, кто не командует пехотинцами, воюют вместе с эльфами, в их отрядах. А пехота раскидана по приграничным засекам или сопровождает караваны.

— Что это за смуглые люди, откуда взялись?

— Пришли лет пять или шесть тому, меня здесь еще не было. Называют их вастаками — с Востока пришли, значит. Маэдрос их взял потому что они все конные, а у нас с конницей туга. А охотиться в степи за орками — дело не для пехоты.

— Да, это верно. И как они воюют?

— Головы на кольях видел?

— Не видел.

— Увидишь. Их работа. Несколько орочьих селений изничтожили: мужчин-воинов поубивали, женщин, детей и рабов продали куда-то за Синие Горы, на юг... (36)

— Нолдор связались с работоторговцами? Последние времена настают... И сколько их?

— Воинов — тысяч пять. Их вождей ты вчера видел, их стан я тебе могу сегодня показать. Обычай у них свой, язык непонятный. Пришли откуда-то из-за Синих гор, но, видно, не из тех же мест, что мы, потому что они о нас даже и не слышали, и мы о них преданий не сохранили. Они с Юга кочевали, из-за великой реки, которую эльфы называют Андуин. Вроде, несколько поколений назад их колдунам и начальникам было видение, что на дальнем Западе могучий вождь будет нуждаться в помощи, и тех, кто ему послужит, он щедро наградит землями и золотом. Вот они и подались сюда, и встретили Маэдроса, который после Дагор Бреголлах и впрямь крепко нуждался в помощи. Они просят Лотланн себе во владение.

— А что Маэдрос?

— А он, вроде, пригляделся к ним поближе, да и понял, что хрен редьки не слаще. Только сам знаешь, фэрри, на гавкучего пса и занозистая палка сойдет. Орки Маэдроса допекают сильнее.

— Ладно, пойдем. — Берен вытер руки и бросил полотенце на стол. — Время не ждет.

Вастакские поселения находились дальше в ущелье, ближе к степи. Там, в степи, они пасли коней и всякую мелкую скотину. А ближе к горе Химринг, на склоне Лайат, были горские поселения.

Берен, увидев, как его встречают, не знал, смеяться ему или плакать. Ему бросали ленты и венки, и девушка, венок которой он поймал, завопила от радости так, как вопит только горянка. Ему протягивали хлебы, сыры и кубки с вином, подсаживали детей на седло, чтобы к ним перешла удача князя. И Берен понял, что будет последней собакой, если не примет приглашение леди Хардинг и не остановится в их доме.

Хардинг и Гортон жили одним двором, потому что Хардинг наследовал Гортону как зять, по Правде Беора. Старику Мар-Гортону не повезло: у него было пятеро сыновей, но с Дагор Браголлах не вернулся ни один. Была еще дочь, которую он успел отправить через Аглон, и историю сватовства к ней Роуэна Берен уже в общем знал от матери.

Звали ее Лит, но Берен помнил ее Красноперкой — так ее прозвали из-за темно-каштановых, в рыжину, волос, летом выгоравших до пламенного цвета. В последний раз он видел ее задолго до войны, до того, как Барахир от греха подальше услад сына на Север. Тогда это была голенастая и высокая — в отца — девчонка. С тех пор она не прибавила в росте, но прибавила в бедрах и в груди, так что Берен стал немного лучше понимать Роуэна — та Красноперка, которую он помнил, статью больше походила на мальчишку.

У нее было двое детей — мальчик и девочка, третьего она носила под сердцем. Старший — паренек — выглядел худым и болезненным. Берен потом узнал, что Лит голодала, когда носила его — это был третий год после Дагор Браголлах, орки тогда осадили Химринг, и четыре месяца все жили впроголодь, а дело было весной, так что вовремя не вспахали и не засеяли, год выдался тяжелый, и как Лит еще выкормила своего старшенького — она сама удивлялась.

Сам же Роуэн... Сказать, что он возмужал — значит ничего не сказать. Он похудел, хоть и ненамного, и стал крепче в кости, и губы, прежде пухлые, как у девицы, сжались в шнурок, а к их углам от крыльев носа пролегли резкие складки.

Лит с детьми встретила гостей на крыльце, а в доме ждали с полсотни человек, приехавших вчера и сегодня, узнав о возвращении князя. Каменную ограду украшали щиты Креганов, Кервинов, Хэлламаров, Броганов и других вождей. Они собрались, чтобы видеть князя и узнать, что тот собирается делать.

Женщины и слуги накрыли на стол, но есть Берену по-настоящему не хотелось. Он пригубил вина и съел ломоть мяса, чтобы не оскорбить дом и стол, а все остальное время ушло на разговор.

Слух о Сильмарилле распространился среди горцев — эльфы не считали эту историю секретом. Все хотели знать, как встретил Берена вчера лорд Маэдрос, и на каком все теперь свете, и что будет, если феаноринги дадут ему от ворот поворот.

— Слушайте, — сказал Берен, когда покончили с приветствиями и здравницами. — Вы все знаете, что теперь между мной и сыновьями Феанора. Дошло до того, что государю Финроду пришлось уйти из Нарготронда, ибо Келегорм и Куруфин грозили мятежом и войной. Но скажите: если бы я был неправ — стал бы государь Финрод просить за меня Короля Фингона? Стал бы он мне союзником здесь? Отказался бы ради меня от королевской власти?

Он задал этот вопрос, глядя прямо в лицо Гортону, и тот не выдержал, повернулся к

Берену тем глазом, что был закрыт повязкой. Сказать ему было нечего.

— Фэррим, — продолжал Берен. — Меня есть, за что упрекнуть. Кляните меня за отчаяние и бездействие, но не кляните за то, что я сделал. Тем более, что это бесполезно, ибо я не отступлюсь. Решайте сейчас: или вы со мной, или я один. Или вы подтверждаете беор, или вы его рвете.

— Ярнил, — Дэрвин Мар-Креган, троюродный брат покойного Полутролля, встал с места и прочистил горло. — Ни я, ни предки мои не нарушали данных клятв, но ведь и твои предки не нарушали беор. Верность за землю, земля за верность — так? Так. Верность осталась при нас, а что с нашей землей? Ты молод и готов перевернуть весь мир, чтобы добыть свою королеву — мы и сами были молоды и не нам тебя осуждать. Но если ее косы застили тебе весь свет, и ты готов позабыть, как и чем подтверждается беор, и чего ради мы сражаемся здесь, под знаменами ярна Маэдроса — тогда я тебе не вассал.

— Дэрвин, — негромко сказал Берен, стараясь говорить холодно, почти зловеще. — Разве говорил я, что не собираюсь биться за свою и вашу землю? Разве я это говорил? Кто слышал такие слова — пусть меня уличит! Ты или я последним покинул свой лен, Мар-Креган? Или, может, ты думаешь, что дочь Тингола и сын Барахира будут приживаться по дворам эльфийских владык? Невесту приводят в свой дом, и я не стал бы сватать Лютиэн Тинувиэль, если бы не собирался на руках внести ее в аулу Каргонда! Дорога в Ангбанд лежит через Дортонион, и тот, кто пойдет за мной, либо вернет себе свою землю, либо ляжет в нее костью.

— Эла! — радостно крикнул Креган, вскидывая руки. Его крик подхватили.

— Так как прикажешь тебя понимать, Креган? — перекрывая бурю голосов, крикнул Берен. — Подтвердишь ты беор или нет?

Дэрвин сцепил руки в замок и протянул их в сторону князя. Все умолкли, а потом последовали примеру Крегана.

Потом они по одному подходили к князю и все так же сцепленными вкладывали свои руки в его ладони, повторяя слова клятвы. Берен здорово устал, принимая беор у вождей, собравшихся здесь — но теперь все они были его людьми. Даже Гортон, который продолжал на него дуться, сложил руки в замок и вложил их в руки нового князя, принося беор.

— Как же так, ярн, — спросил он вечером, по дороге в замок. — Что же теперь выйдет, если у тебя с лордом Маэдросом случится размолвка? А она непременно случится...

— Что выйдет? — переспросил Берен. — Я полагаю, что недели через две, когда я тут осмотрюсь, лорд Маэдрос меня выставит.

— Как выставит? — поразился Гортон.

— С треском, мардо (37), с таким треском, чтобы отголоски пошли. А после этого будет вот что: несколько сотен горцев — я присмотрюсь и решу, кто — последуют за мной. Остальные пошумят и останутся здесь.

— И как же это понимать? — Гортон сверкнул глазом.

— А вот так, мардо, — засмеялся Хардинг, — что если на Север просачиваются какие-то сведения, то Тху узнает, что ярну Берену феаноринги дали от ворот поворот. А тем временем ярн получит несколько сот человек, на уход которых никто внимания не обратит... И что ты с ними станешь делать?

— Мне нужно обучить тысячу мальчишек, — сказал Берен. — Сделать из них быстрое и умелое войско.

— Ярн, — возразил Гортон решительно. — При Сирионе вы с отцом потерпели

поражение с пятью тысячами, а при Кэллагане — с четырьмя. Полчища Моргота несметны — что решит тысяча мальчишек?

— Не так давно я бился и один.

— Это не дело, — мрачно сказал Гортон. — Я старый пес и не знаю новых штук. Если у тебя, ярн, что-то на уме, так и скажи.

— Я сказал все, что считаю нужным сказать. Мне нужно около двух сотен человек, которые могли бы обучить тысячу мальчишек и командовать ею. Об остальном говорить пока рано.

— В прежние времена, — не глядя на Берена, сказал Гортон. — Ни один ярн не вел себя так, точно он сам Фаррован-Громовержец. По важным делам войны и мира собирался тинг, и мудрые удерживали молодых и горячих от скорых и необдуманных решений. Может быть, ты и в самом деле задумал что-то разумное, лорд Берен, и твое дело спасет всех нас, а не погубит. Но как я об этом узнаю, если ты будешь молчать?

— В прежние времена, — в тон ему ответил Берен. — Моргот сидел за Железной Грядой и боялся высунуть нос наружу. В прежние времена нечего было опасаться его лазугчиков и предателей. Хэлди, у тебя одна голова и один язык, и диргол ты носишь на одном плече. Двум господам ты служить не сможешь. Решай же, кому ты в конце концов служишь — мне или Маэдросу.

— Тебе, ярн — глухо ответил Фарамир.

— Ну так верь же мне. Не спрашивай сейчас, а просто верь. Неужели это так трудно?

— Ты и представить себе не можешь, как трудно, ярн, — Фарамир коротко поклонился, прижав руку к груди, а потом развернул коня и поскакал обратно, к горской деревне.

* * *

— Мне надо было помнить, что ты за игрок, — Маэдрос сгреб нефритовые фигурки в горсть и ссыпал в шкатулку. — Со многими можно с удовольствием играть, но тебе, Инглор, можно с удовольствием проигрывать. Карантир был бы хорошим партнером, но он слишком тяжело переживает поражения.

— Еще один круг? — предложил Финрод.

— Нет. После третьего проигрыша подряд у меня портится настроение, и ты это знаешь. Ты всегда видел всех нас насквозь, Инглор. И сдавал мне одну игру из трех, чтобы я не бесился. Хватит, уже не те времена, когда мне нужна была такая лесть.

— А если ты выиграешь честно?

— Перестань. Честно выиграть у тебя я не могу. Ты был единственным, кто мог обыграть этого... — Маэдрос кивнул в сторону северного окна. — Мне это не удавалось ни разу.

— Ты заранее уверяешь себя в будущем проигрыше. Это плохо, — Финрод расставил фигуры на доске, давая Маэдросу преимущество выбора позиции для своих фигур.

— Я трезво смотрю на вещи.

— Я выигрывал у Мелькора только одну партию из трех. Но я никогда не знал, которую именно выиграю, и поэтому садился за каждую.

— Не называй при мне его прежнего имени. Он Моргот, черный враг, и другого названия ему нет.

— Я только хотел сказать, что было время, когда я ни одной партии у него не выигрывал. И положение никогда не изменилось бы, если бы я однажды раз и навсегда признал себя побежденным.

Маэдрос сел за доску, сделал ход.

— Пятнадцать тысяч в Дортонионе, — сказал он. — И будет еще столько же. А у меня здесь — три тысячи эльфов, пять тысяч вастаков и четыре с половиной тысячи дортонионцев. Они — единственные, кого я могу послать: орки не дают мне отдыха. Тебе удавалось обыгрывать Моргота — скажи, как нам быть с этой игрой?

— Едва ли хоть треть из людей Саурана будет тем, что можно назвать настоящими воинами.

— Нам и ее хватит.

— Это должен быть мощный удар. Нанесенный всеми силами одновременно, неожиданный и жестокий. Вроде этого, — белый король убрал с доски темно-зеленого мага.

— Проклятие! — Маэдрос ударил раскрытой ладонью по столу. — Инглор, мои мысли совсем не на этой доске.

— Мои тоже.

Маэдрос какое-то время молчал, потом решительно передвинул короля на поле «уэста». Здесь ему предстояло сойтись с белым рохиром.

— Ты не можешь от меня этого требовать, — не дождавшись, пока заговорит Финрод, Маэдрос порывисто встал и обошел вокруг доски и друга-противника. — Не можешь требовать союза с Беорингом.

— Почему? — Финрод увел рохира из-под удара. Теперь, если бы Маэдрос выдвинул короля, ему угрожала бы нэрвен.

— Я сделаю для тебя все. Приструнить Куруфина и Турко, вернуть тебе Нарготронд? Пожалуйста. Вывести армию против Моргота? Я готов. Но не проси меня отступить от клятвы. Это больше, чем я могу.

— Твой ход, — сказал Финрод.

Маэдрос снова сел за доску. Темный рохир, перейдя на поле «анга», сразил белого короля. Ответным ходом белая нэрвен убрала его с доски, готовясь замкнуть темную башню в безысходное кольцо.

— Зачем ты с ним связался? — вздохнул Маэдрос. — Что тебе в нем?

— Он мой друг, — Финрод посмотрел Маэдросу прямо в глаза. — Возможно, ты будешь удивлен, но это так.

— Удивлен? — Маэдрос взял темную нэрвен, задумчиво поиграл ею и вернул на то же поле. — Я думал, что наша семейка — самая сумасшедшая среди нолдор.

— Оспаривать это звание у феанорингов действительно никто не будет, — улыбнулся Финрод. — Хотя я бы не сбрасывал со счета ни затворника Турондо с его свояком, ни Финакано, ни, в самом деле, себя. Как говорят атани, — он перешел на синдарин. — «У каждого в подполье свои мыши».

— Ты сказал тогда... — Маэдрос решился наконец и поставил свою нэрвен против белой башни. — Что если ими не займемся мы, ими займется Моргот. Ты был прав. Инглор, я ничего против них не имею, они прекрасные воины и верные вассалы. Но... по-моему, это зашло слишком далеко. Если ты в самом деле друг Берену — не делай его моим врагом.

Пусть он отступится от Камня. Это — не для него. Это невозможно...

— Майтимо, — Финрод, сжав белого мага в ладони, гладил большим пальцем бархатную «подошву» фигурки. — Как ты думаешь, когда Финакано собрался выручать тебя туда, в Тангородрим, как часто он слышал от других — «это невозможно»?

От резкого движения пальцы железной руки с лязгом сжались в кулак.

— Сколько можно попрекать? — сквозь зубы выдавил медноволосый эльф. — Я помню, что вы ждали нас на самой границе, с отрядом и запасными конями — ты, Артанис, Айканаро... Я помню, что ты исцелил меня... помню все, не утруждай себя лишними словами...

— Я не собирался попрекать никого, — Финрод встал из кресла, обошел его и, опираясь скрещенными руками на спинку, печально посмотрел на Маэдроса. — Я просто хочу напомнить, что своих границ не знает никто. Чужих — тем паче.

— Ты все еще веришь в свою Судьбу, — криво усмехнулся феаноринг. — В то, что именно смертные принесут нам победу в Дагор Дагорат и исцелят Арду Искаженную.

— У тебя есть на этот счет другие мысли?

— Нет. Вселенские вопросы я оставляю Валар.

— Одному из Валар мы уже бросили вызов. Получается, взяли на себя решение некоторой части вселенских вопросов.

— И ты считаешь, что именно твой Берен, лично, и есть тот Спаситель, который исцелит Арду и принесет всем — как там пел Маглор? — надежду и жизнь?

— Если я останусь в стороне, я так никогда этого и не узнаю.

— А если погибнешь? Если тебя затащит под колесо?

— Узнаю после Возрождения.

— И окажется, что ты ошибся.

— Тогда я попытаюсь снова. И снова.

— Если бы это было не так зыбко, Инглор... Если бы ты мог найти и предъявить какие-то доказательства...

Финрод покачал головой.

— Никаких доказательств, Майтимо. Возможно, это и есть испытание — поверить без доказательств. Просто поверить. Неужели это так трудно?

— Почему, Инглор? Почему ты веришь в них?

— Я знаю их двести солнечных лет. Они пришли из мрака, а мы лишь заглянули в него — и отшатнулись в ужасе. Они знают лишь отчаяние — но на их языке «отчаяться» и «решиться» — одно и то же слово. Когда у них нет надежды — их можно брать и вести куда угодно. Мы и Моргот делаем это с равным успехом, ибо, не имея надежды, они легко поддаются земным соблазнам. Мы можем победить Моргота сейчас — но военная победа мало что нам даст, ибо он бессмертен, а его зло пустило корни в будущее. Я хочу обрубить эти корни. Сделать это можно лишь дав людям надежду. Объяснив им смысл смерти. А у нее должен быть смысл — я исхожу из того, что Единый знал, что делал, создавая их смертными, не принадлежащими Арде — это не кара за какие-то злодеяния и не злосчастная ошибка. Полвека назад я думал, что нашел. Но... тогда кое-кому не хватило сил. Мне в том числе. Я ждал дальше. Ждал знака Судьбы, который укажет мне, прав я или нет...

— А вдруг ты все же не прав? — горькими, как полынная настойка, были слова Маэдроса. — Вдруг это не знак Судьбы, а простая случайность? Вдруг их смертность — действительно ошибка или кара? И в смерти нет смысла — что тогда?

Финрод взъерошил волосы, летящая усмешка блеснула на губах — и погасла, глаза же оставались печальными.

— Возможно, — сказал он. — Но думать так — значит заранее отдавать победу Морготу. А я не хочу.

* * *

Здесь все было и так, и не так, как в Барад-Эйтель. Почти не слышно было синдарской речи, к которой Гили привык настолько, что уже едва ли не все понимал — между рыцарями феанорингов было принято говорить на квэнья. Эльфийской молодежи и эльфийских женщин здесь, к примеру, или совсем было мало, или вовсе не было — Гили с Айменелом еще никого не встретили. Зато было больше людей. Женщины работали на кухнях, прибирались в комнатах, дети носились по всему замку. Радруин дин-Хардинг, какой-то шестинородный племянник лорду Хардингу и его же второй слуга-оруженосец, объяснил Гили, что, когда наступает очередь кого-то из мужчин в поселениях нести службу в окрестностях замка или на заставах, семья его нередко перебирается в замок на это время. Сейчас, летом, когда идут работы в поле, здесь еще мало народу, — небрежно бросил он. Гили удивился: что же тут творится, когда народу много?

Дальше: здесь не было синдар и ничего синдарского. Гили не смог бы объяснить, хотя и четко осознавал разницу между Барад-Эйтель и Амон-Химринг, если бы Айменел не сказал что тут все слишком нолдорское. А когда Айменел это сказал, Гили сразу понял, что он имеет в виду: в рукотворных предметах и в манере общения не было той бесхитростной простоты, которая отличает синдар и все синдарское. Если синдар хотели, к примеру, сделать простой ковер, они ткали его простым: из грубой нити, в полоску. Если они хотели сделать роскошный ковер, они ткали гобелен с невиданным рисунком о всех цветах земли и неба. Если же нолдор хотели сделать роскошный ковер, они делали его роскошно простым: ткали из самой тонкой черной шерсти так, чтобы в нем по щиколотку утопали ноги, и украшали какой-нибудь единственной белой завитушкой. Здешние изделия были как венец лорда Маэдраса: простое и скромное серебро украшено камнями, которые и драгоценными-то не считаются, но вот отделаны эти камни так, что дыхание замирает. И так во всем, даже в том, как замок выглядел снаружи. В здешней скромности было слишком много гордости. Обычной одеждой эльфийских воинов были простые черные рубахи, но более пристальный взгляд различал, что сотканы они из самого лучшего льна. В других местах, где нолдор долгое время жили рядом с синдар и слились в один народ — в Нарготронде или в том же Барад-Эйтель — мастера перенимали приемы друг у друга, и вскоре синдар научились делать изысканно простые вещи, а нолдор — роскошно прекрасные. Но здесь, где влияния синдар почти не было, искусство нолдор оставалось изысканно простым, и было в этом что-то натужное, словно тут хотели перенолдорить всех нолдор. Айменел, сын Кальмегила, считал себя нолдо, но здесь, среди чистых нолдор, было ясно видно, насколько он синда. В синей своей рубахе и желтых кожаных штанах он среди воинов Маэдраса походил на синицу, затесавшуюся к стрижам-красногрудкам. Его квэнья звучал слишком мягко, не так звонко и гортанно, как квэнья здешних суровых нолдор. Его одежда казалась вызывающе яркой, и

даже человеческому глазу теперь было видно, насколько он юн.

Радруин открыл еще один секрет, который для Айменела не был секретом: очень многое здесь из простых вещей — одежда, обувь, скатерти, занавеси, тростниковые циновки — сделано людскими руками. Здесь было слишком мало эльфийских женщин, чтобы обслужить всех эльфийских мужчин, а горянкам и уроженкам Химлада нолдор хорошо платили за хорошую ткань и работу в замке. Вот, почему рыцари Маэдроса не придавали одежаниям такого значения, как большинство других эльфов: для каждого обычного эльфа на любом клочке ткани лежит печать дорогой ему женщины, сделавшей эту ткань, раскroившей ее, спрявшей нити и отделавшей ворот и рукава хоть каким простым, а все же узором; даже для человека это так, если он не вовсе скотина: не зря же Гили постарался сохранить свой кафтан, сделанный матерью. Но не то было для здешних: ткань, плетенье и обувь они либо покупали за серебро, зерно и скот, либо брали как дань. Женщины и делали все это на отдачу, либо на продажу: старательно, но без огня, не так, как ткут и шьют для мужей, сыновей или братьев. И оттого люди, носившие свои дирголы с тайным горделивым вниманием, казались даже более щеголеватыми, чем эльфы. Зато перстни и браслеты, любимые и ценимые нолдорскими мужчинами, на фоне их немудрящей одежды прямо-таки кидались в глаза.

Когда они вышли из замка и спустились к нижним укреплениям, где было совсем мало эльфов и много людей, Айменел вздохнул с заметным облегчением.

— Не знаю, почему мне здесь так тяжело, Руско, — сказал он в ответ на вопрос Гили. — Но отчего-то там мне трудно.

Гили уже увидел достаточно, чтобы не задать дурацкий вопрос: «А разве там не такие же нолдор, как ты»? Он понимал — не такие. А вот — чем не такие? — хотелось ему знать.

— О! — сказал Радруин. — Это Барни и Брего. Значит, где-то поблизости Падда, Рит и Фродда. Или уже освободились, или освободятся сейчас.

Навстречу действительно двигалось двое мальчишек — один на вид помладше Гили, другой постарше его, и даже Радруина. Дирголы у обоих были юношеские, узкие — ребята еще не вошли в тот возраст, когда женщины семьи должны дарить юноше настоящий, полный плат; юным надлежало довольствоваться половинкой отцовского или братнего. На поясе у одного паренька был только нож, у другого, постарше, — нож и ската. Радруин скату носить еще не удостоился, и Гили уловил легкую зависть в лице товарища, когда Брего, старший из оруженосцев, поприветствовал Гили как равного, послав Радруину лишь короткий кивок.

Гили удивился — почему они не здороваются с Айменелом — оглянулся и увидел, что Айменела нигде нет.

— Слиял эльф, — сказал Радруин, — с ними всегда так: то он здесь, а то р-раз! — и словно щезник его ухватил.

— Я слышал о тебе, — Брего, не обращая на его слова внимания, заговорил с Гили. — Ты — оруженосец ярна Берена?

Гили кивнул.

— Из какого ты рода? — продолжал Брего свой быстрый допрос.

— Зови меня безродным, — сказал Гили, вспомнив, как отвечал на такие вопросы в Барад-Эйтель Берен. — Моя семья убита и я еще не отомстил.

Брови Брего на миг удивленно вздрогнули, смешанное чувство уважения и удивления промелькнуло на лице. Ни один из его ровесников явно не оставался последним в роду и не

давал обета сокрытия имени. Статус Гили подскочил в его глазах еще на фут.

— Как твое имя? — спросил Брего.

— Руско, — Гили, еще не успевший как следует привыкнуть к эльфийской кличке, вдруг почувствовал, что она более уместна здесь, чем его настоящее имя. — Слушайте, у меня в кармане есть серебряник, который скучает в одиночестве, точь-в-точь как я. Я подумал — если я обменяю его на бочонок пива, друзья появятся и у меня, и у него. Как вы на это... фэррим?

— Это по-нашему! — одобрил Радруин.

По дороге к пивовару их четверку догнали еще трое пареньков. Разговор как начался, так и не прекращался: Гили задавал короткие и осторожные вопросы и получал длинные, обстоятельные ответы, сопровождавшиеся обилием знаков руками, лицом и всем телом: если кто-то из пареньков рассказывал про драку или стычку, он считал своим долгом еще и показать все, что только возможно.

Осаду Химринга помнили худо-бедно почти все, но один лишь Брего участвовал несколько раз в настоящем столкновении. Гили, чтобы он не слишком задавался, мимоходом упомянул стычку в Нан-Дунгортэб, опустив, по кратком размышлении то, что Берен мог бы запретить ему рассказывать: двоих людей в черном и то, что с эльфами был сам государь Финрод.

Дом пивовара стоял у подножия горы, возле самой дороги. Длинный, крытый соломой, с широко распахнутыми дверями (а скорее уж — воротами), он зазывал к себе всех, у кого пересохло в горле. Пивовара звали Бренна-Раскоряка, прежде он был сотником, но пять лет тому в какой-то стычке его ранили в бедро, и теперь он ходил враскоряку (правда, никто не звал его так в глаза, ибо на тяжести его кулаков ранение не сказалось). Его поставили обеспечивать замок пивом (только людей — эльфы варили свое, посветлее, и на вкус горцев — жидковатое), варить его летом и следить, чтобы оно до следующего лета не кончилось, но и не испортилось, что он и делал исправно. Сейчас, когда ячмень нового урожая вот-вот поспевал, Раскоряка распродал излишки. Гили узнал все это, не успев отойти от пивоварни и да двадцать шагов: сведения сыпались ему в оба уха. Прежде, зная из беорингов одного Берена, да еще как-то Белгара из бретильской стражи, он только слышал, что горцы — большие любители почесать языки; теперь он убедился в этом. Пока они дошли до луга и устроились под стогом, Гили слушал уже третью историю о зимней распре между коморником и Бренной.

— ...И донесли коморнику, что Раскоряка пиво разводит, а остаток — продает... Решил он, значит, самолично подстеречь, когда разбавленное пиво в трапезную понесут... Караулит с ночи во дворе, а тут мы с Хальфом выносим ведро, в которое ночью это самое... Ну, зима же, ступеньки обмерзли, скользкие, так чтобы по темному делу на лестнице себе шею не свернуть. Подскакивает он к нам, оттирает меня плечом, открывает крышку-то, черпает, отпивает глоток и орет: да разве ж это пиво? Это ж самая что ни на есть моча!

— Га-га-га!!!

Мальчишки явно слышали эту историю не в первый раз — но реготали азартно.

— А вот еще что было, — нить рассказа перехватил Фродда. — Повадился коморник ходить к жене Финндо-Рябинника, моего мардо. И так к ней и этак... И грозит, что если не подпустишь — на весь белый свет ославлю...

Бочонок пива и низка сухой рыбы обошлась им в осьмушку серебряника; полвосьмушки Бренна пообещал вернуть, когда доставят обратно пустой бочонок. Гили быстро освоил

науку оттыкать чоп, подставлять рот под струю, не роняя ни одной капли, а потом переворачивать бочонок и передавать следующему. Так ему нравилось больше, чем из кружки, как в Хитлуме — никто не мог проследить, сколько он выпил.

— ...И сует она ему портки, а сама его в сундук пихает. Приходит Финндо, стукнулся о сундук вроде как ненароком, пнул его ногой... Эх, говорит, и остохренел же мне этот сундук: сколь раз я тебе говорил: убери его куда-нито, я о него ноги бью, да все тебе мимо ушей. Ну, смотри же, как я все твое барахло по дороге растрясу. Берем мы этот сундучок, выносим его на двор, привязываем мою веревку за одну ручку, веревку Финндо — за другую, и рванули — только стук и пыль столбом! Сундук с боку на бок перекатывается, об каждую колдобину бьется — а не разваливается. Замок крепкий, петли хорошие, доски дубовые, скобы железные — держится. До самого Мельвина доехали, веришь? Коморника всего синего оттуда потом достали, а он нас и не видал! Сенешаль у него спрашивает: коморник, а чего это у тебя рожа вся синяя? — надулся как шкура на огне и молчит.

— Ничо, будет знать в другой раз... Он до баб охочий, из него ваше катание эту дурь не вышибло. Вот один раз заприметил он у нас в городище девчонку-сиротинку, которая за одного парня замуж собиралась... А у обоих — шаром покати. И говорит ей: девица, я человек зажиточный, и жалостно мне на твое горе смотреть, как ты замуж идешь — без приданого да за бедняка...

Истории про похотливого и скупого коморника грозили потянуться такой же длинной цепью, как и истории про пивовара, и Гили ума не мог приложить, как перевести разговор на вастаков, как вдруг судьба ему помогла: небольшой отряд чернобородых воинов с чисто и высоко выбритыми висками галопом пропылил мимо луга на юг.

— А это кто? — бухнул Гили, не бродя вокруг да около. — Говорят: вастаки, вастаки... Что это за одни?

Воцарилось довольно тяжелое молчание, потом Брего резко бросил:

— Да сволочи они, и все тут.

— Паскудный народишко, и обычаи у них паскудные, — подержал Фродда.

— Он же про Нимрет не слышал, — проворчал Радруин. — Ты расскажи ему.

Брего фыркнул.

— Нимрет — это девица? — осторожно спросил Гили.

— Ага. Если поднимешься во-он на тот холм, увидишь внизу ее могилу. Четыре года тому она за вастака замуж вышла. Сама-то она из Финнелинов, но не из старших, из простых. Полюбился ей, значит, вастак... Я уж не знаю, как такое может полюбиться — они от вшей вместо чтоб мыться, головы бреют. Ладно. Полюбился так полюбился, любовь зла... Выскочила она за него замуж. Жених отцу за нее выкуп привез, взяли они приданое и пошла она к жениху в этот его шатер...

— Они только по зимнему времени под крышей живут, — вставил Падда. — Летом гоняют по всей степи.

— Нишкни, — одернул его Брего. — Одним словом, не понравилось ей в шатре жить и с замотанным лицом ходить...

— Они своим бабам лица велят заматывать, — не удержался Падда. — Думают, раз женщина ходит с открытым лицом, то готова с каждым и под каждого. И всех наших девушек за шлюх считают.

— Я кому сказал варежку закрыть? — грозно насупился Брего. Падда опустил голову и рассказчик повернулся к Гили. — Этот парень думал, что раз он выкуп за девку дал, так он

ее как корову или козу купил. Что хочу, то и делаю. Я уж не знаю, что там промеж ними было, а только захотел он после того взять себе вторую жену, из своих. А Нимрет в то время уже дитенка нянчила. Понятно, побранились они — раз он ее прибил, второй раз... Ну, взяла Нимрет мальчика, увязала люльку на спину и пошла к отцу. А эти... Муженек и братцы его... Догнали ее в степи, малого отобрали, а ее... насмерть плетьюми забили. И бросили там лежать, как падаль. Только у нее тоже отец был и братья. Собрали они тинг, призвали Мудрых, решили требовать у вастаков ребенка, возврата приданого и виры. Это Мудрые так посоветовали, родичи Нимрет хотели было сразу идти к вастакскому стану и на железном наречии побеседовать. Да долго раскачивались. Послали к вастакам вестника, а тот получил такой ответ: дочь ваша — прелюбодейка и убита за дело, потому виры никакой вам не будет, и еще свадебный выкуп вы нам верните, а приданое мы себе оставим. Ну, тут Финнелины взбеленились: если виру не дают деньгами, ее берут кровью. Пошли ночью и взяли вастакский стан, всех в той семье, кто мочится стоя, перебили, ребенка забрали, и скот угнали...

— Йо-о! — удивился Гили. — Как же между вами война не началась?

— Государь Маэдрос велел объявить, что если кто будет длить месть, то будет объявлен вне закона и убит на месте, где попадется любому из эльфов — если не покинет Химлад. Вастак ли, беоринг ли... Перед своими глазами заставил заключить перемирие. Угнанное стадо велел вернуть: сказал, раз вы взяли виру кровью, да еще оставили себе свадебный выкуп, то на скот права не имеете. Приданое позволил забрать, и младенца тоже.

— И еще кучку других младенцев, — фыркнул Радруин.

— Ага, — кивнул Брего. — По ихним, вастакским законам, кто убивает мужчину, должен взять его жену и детей. Чтоб с голоду не перемерли и по рукам не пошли. Так что на Финнелинов свалилась целая орава вастачек и вастачат. Мар-Финнелина теперь зовут Мар-Вастак...

— Ты только не вздумай это в глаза ему бухнуть, — предупредил Радруин.

— Дураков нет, дураки все поженились, — Гили кстати ввернул слышанную от Берена прибаутку.

История его потрясла, хотя виду он не подавал. В Белерианде между женами и мужьями случалось всякое, случалось даже и смертоубийство, но чтобы с женщиной расправились вот так, как не всякий хозяин расправляется с худой скотиной — этого Гили никогда не слышал и не видел.

Не меньше удивили его и вастакские понятия о милосердии. Что убийца платит виру семье, которую он лишил кормильца — это правильно. Но по-вастакски, значит, убийца должен был взять семью убитого к себе. С одной руки вроде бы не совсем глупо, а с другой руки — каково женщине идти в жены к убийце мужа, а детям — называть такого отцом? И если с законной женой, взятой по любви, вастак может обойтись хуже, чем самый паршивый из эдайн — с рабыней, то не есть ли такое милосердие прикрытым названием рабства?

Гили задал вопрос, и мальчишки закивали.

— Рабство и есть, — сказал Фродда. — И по их понятиям раб — это не слуга, а говорящая скотина. Женщина и ребенок — тоже. Пока сыну или дочери не сровнялось четырнадцать зим, отец в своем праве делать с ними что хочет. Хочет — продаст, хочет — убьет и свиньям скормит. А с женой в таком праве муж.

— Да что мы о вастаках! Тьфу! Ровно других вещей для разговора нет, — рассердился Брего. — Руско, ты бы рассказал нам лучше про ярна.

— Да я недавно у него, — смутился Гили. — Он ведь только этой весной объявился.

— Правду болтают, что он посватался к эльфийской королевне?

— Правду.

— А про то, что эльфийский король потребовал в выкуп Сильмариллы — правду?

— Правду.

— Злой смерти ищет ярн, — вздохнул Радруин.

— А то бывает добрая... — буркнул Брего.

— И чего он делать думает? — спросил Фродда.

Гили набрал воздуха в грудь, чтобы говорить как можно тверже.

— На могиле своего отца он поклялся, что будет мстить, хотя бы ему пришлось идти до ангбандских ворот. А я клялся ему в верности и буду следовать за ним. Хотя бы и туда.

Брего хотел что-то спросить, но осекся, глядя за спину Гили. Тот обернулся и увидел, что к ним легко и быстро бежит Айменел.

— Руско! — крикнул он. — Лорд Берен приехал и зовет тебя. Если ты не поспеешь за мной в полчаса, он рассердится.

Гили сунул бочонок Радруину, подхватил расстеленную на сене куртку, пояс, и побежал вдогонку Айменелу, на ходу застегивая ремень. Поравнявшись, оба перешли на скорый шаг.

— Эй! — крикнул Падда. — А бочонок? А пол-осьмушки? Где тебя искать, чтобы вернуть-то?

Гили, не оглядываясь, махнул рукой:

— Ваша!

— Вот это парень, фэррим, — Радруин хлопнул себя по бедру. — Вот это друг.

* * *

Берен не сердился, и был в самом добром духе.

— Что такой запаренный? — спросил он.

— Это... — Гили пытался отдышаться. — Ходят эльфы... Быстро очень...

— Быстро ходят? — Берен приподнял брови. — Неужто? По-моему, они не быстро ходят. По-моему, они медленно летают. Собери наше имущество и увяжи на коней, сегодня мы должны быть в доме у Хардингов. Я пойду и попрошаюсь с лордом Маэдросом и государем Финродом.

С первым заданием Гили управился скоро: имущества было не так чтобы много, самую тяжелую его часть составляло оружие. На минуту Гили призадумался, что же делать с полученной вчера красивой рубашкой — черной, шитой по вороту багряными цветами и красными стеклянными бусинами. Вчера ему дали эту рубашку после купания, чтобы он, прислуживая Берену на пиру, выглядел как оруженосец благородного господина, а не как оборванец. Сегодня он надел свою, выстиранную и высушенную, а что делать с этой — не знал. Правда, Берен оставил себе свою — тоже черную, только вышитую синими и белыми нитками. Но, может быть, одним господам такое позволено, а он должен вернуть что взял?

— Оставь себе, — раздался голос от дверей. — Это подарок от лорда Маэдроса.

Айменел шагнул в комнату.

— Государь послал меня помочь тебе, — сообщил он.

— Спасибо, — Гили действительно нужна была помощь. Он закинул за спину щит, взял в одну руку копьё, в другую — седельную сумку с вещами Берена.

А ведь в бою, подумал он, воин все это надевает на себя. Так, конечно, легче... Но все же Гили поначалу страшно мучился из-за кольчуги и шлема, хоть и легкого, кожаного. А Берен надевал еще и поножи, и наручи, и тяжелый шлем с кольчужной сетью, прикрывающей шею, и брал щит, под которым Гили сгибался, шагая вниз по лестнице. И это еще был не полный доспех, а легкий, походный — полный включал наплечники и набедренники, и личину на шлем, и пластины на грудь и на спину кольчуги, и железные латные перчатки — а не проклепанные с тыльной стороны кожаные. И во всем этом нужно было драться. А если я сделаюсь рохиром, то и мне придется.

Айменел подхватил узел с вещами Гили, лук и колчан со стрелами.

— Я бы с тобой поменялся, — тихо сказал он. — Мне здесь не нравится.

— А с людьми? — спросил Гили. — Ты почему убежал?

— Не знаю... Когда людей слишком много вокруг, становится... как бы шумно.

— Да, поболтать они любят, — согласился Гили.

— Я не об этом.

— А о чем?

Айменел не ответил.

Спустившись в конюшню, они застали там Радруина. Гили ругнул себя за то, что не сообразил позвать за собой и его: ведь Берен наверняка мог приехать только вместе с Хардингом. А впрочем, Радруин ведь и сам понял, что к чему.

— А, это вы, — обрадовался он. — Рыжий, я смотрю, ты сухой как пыль! А мне вдули за пиво.

Судя по его виду, он нимало этим не был огорчен. Работы для него не было почти никакой: вещей Хардинг с собой не брал, а поилку, из которой сейчас похлебывал гнедой жеребец Хардинга, наполнил конюх.

— Слушай, ты это... поддержи коня, — попросил Радруин. — я это... сбегаяю.

— Дай поводья и иди, — сказал Айменел. По его лицу было видно: он едва не смеется.

— Пиво, — сказал Радруин, возвращаясь, — это такая штука... подлая. Хочешь полежать, а бегаешь.

— Тебе бы все равно не дали полежать, — Гили подергал за ремень сумки, чтобы проверить, хорошо ли он закрепил ее.

— Это верно. Завтра мы поедem на заставы, Рыжий! Может, и врага встретим, ого!

Гили оседлал своего жеребчика.

— Мы ведь еще увидимся, — сказал он Айменелу.

— Конечно, — согласился эльф. — Но только для того, чтобы снова расстаться. С вами, людьми, приходится все время расставаться... Утром вы просыпаетесь иными, чем легли вечером.

— Тебе поэтому с нами тяжело? — Гили взял его за руку. Айменел улыбнулся.

— Поэтому — тоже. Я сегодня подумал: ты ведь станешь стариком, когда меня только начнут считать мужчиной, а когда у меня будет ребенок, уже будут мужчинами твои внуки... И сам ты... Ты не представляешь себе, как ты изменился со времени нашей встречи.

— Да ну, — смутился Гили. — Брось ты это.

— Возьми, — вдруг сказал Айменел, вынимая из уха серьгу. — Возьми, надень.

Он так решительно ткнул украшение Гили в ладонь, что тот поневоле взял.

— Зачем? — удивился он.

Айменел сначала посмотрел грустно, а потом засмеялся:

— Чтобы я узнал тебя при следующей встрече, как бы ты ни изменился.

Он развернулся и убежал.

— Это они так шуткуют, — сказал Радруин, глядя ему вслед. — Вроде как они смертных в лицо не различают. Ага, поверил я сейчас. Мы их хуже различаем, чем они нас. Лорд Маэдрос помнит в лицо всех людей, кто ему служит. Даже вастаков, хотя побей меня гром, если я понимаю, как: они и вправду все на одно лицо, полуорки косоглазые. Дай посмотреть.

Гили разжал кулак. Гранатовая серьга теплилась темно-красным. Сделана она была в виде подвески: гранат болтался на короткой цепочке посерединке серебряного кольца.

— Дай я тебе вдену, — сказал Радруин. — Слушай, да у тебя уши не пробиты. Как у маленького.

Внезапно он отшагнул назад, вглядываясь в лицо Гили.

— Ты не беоринг, — сказал он.

Гили обожгла обида. Рывком он выхватил у Радруина серьгу, снова сжал ее в кулаке. Конечно. Как он мог рассчитывать сойти за настоящего оруженосца... И здесь то же самое: мужик, лапотник... А поначалу все так хорошо было!

— Я таргелионец, — сказал он. — Но я принес ярну Берену беор. И я — беоринг не хуже твоего. И мне плевать, что ты будешь говорить остальным. Давай, расскажи всем, что я — мужик, лапотник и уши у меня не пробиты. Пробиты они или нет, а кулаки у меня в порядке.

— Ты чего? — в голосе Радруина удивление мешалось с обидой. — Ну ты даешь! Да очень нужно о тебе сплетничать. Слушай, я разве баба, чтобы принять от тебя ковшик, а потом мыть тебе кости? Или вастак, чтобы брезговать мужиками? Или сам из благородных и хозяев замка? Да ну тебя с твоей гордостью. Иди к свиньям, гордый такой.

Гили разом полегчало.

— Ты прости, — сказал он. — Ты... Сумеешь мне ухо пробить?

— Сделаю, — пообещал Радруин.

На лестнице послышался стук сапог.

— А, вот они, — высокий Берен вошел в конюшню, слегка пригнувшись.

— Видеть твоего оруженосца, лорд, одно удовольствие, — сказал Хардинг. Потом, глядя на своего слугу, добавил: — А видеть моего — другое. Когда мы въедем в замок, старый Фарамир спросит меня: Роуэн, неужели отец этого чучела был таким достойным человеком, что ты в память о нем держишь при себе олуха с соломой в голове? И право же, я не буду знать, что ответить, потому что если я отвечу «да», скажу правду — то выйдет, что мой оруженосец позорит не только хозяина, но и память отца. А если я скажу «нет» — то выйдет, что память достойного человека опозорил я. Вы пили с Руско вместе, почему он трезв и причесан, а ты пьян и похож на пугало?

Радруин опустил на одно колено и склонил голову. Хардинг слегка хлопнул его свернутой плетью по плечу.

— В седло! Если нам придется по дороге из-за тебя останавливаться — выпорю по-настоящему, — сказал он.

Гили, красный, как закатное солнышко, вскочил на спину жеребчику. Не так уж давно он сам, обманутый малой крепостью пива, набрался в Хитлуме до бесчувствия.

Они выехали за ворота — эльфы и люди из привратной стражи уже знали их в лицо. Дорога серой лентой обвивала холм, гравий похрустывал под копытами коней. Вечер был жарким, земля и небо затоплены солнечным золотом, и светлым казался замок, царящий над долиной.

В горское поселение они успели уже затемно.

* * *

Перед отъездом из Химринга Маэдрос дал Берену еще одну встречу в ауле — и при лордах Химринга объявил, что так сразу решить дела Берена не может, ему на это нужны две недели, поскольку он намерен держать совет со всеми своими братьями, и уже послал за Амросом и Карантиром. Берена это вполне устраивало — как раз о такой отсрочке он и просил Финрода. Эти недели Берен провел среди войска беорингов и на заставах.

То, что он увидел, немало его обрадовало. Дорогой сюда он очень боялся, что застанет то же, что было в Дортонионе до и во время войны: ополчение данов и коненов, объединенное через землячество, неважно обученное и видящее сражение не иначе как рубку лицом к лицу, щит в щит. Именно такое ополчение, собранное Барахиром, было разбито при Кэллагане. Горцы сражались доблестно, и все же доблесть не могла искупить недостаток умения биться так, как бьется дружина: в любое время и в любом месте, перестраиваясь по сигналу рога, отступая и наступая только по приказу.

Но жизнь в окрестностях Химринга многое изменила. Землячества распались, служба на заставах научила горцев сдруживаться с тем, с кем свел в одной крепости жребий, прежнее ополчение, с трудом отходившее от родной деревни и не желавшее наступать из боязни оставить дома на случайных орков и мародеров, сменилось быстрой, легко вооруженной пехотой, скорой на подъем.

Горское ополчение у Химринга становилось к копьё в течение одних суток — десять лет назад так скоро могли быть готовы только дружинники. Щиты, мечи, копья, топорики для засек, луки и стрелы, легкий кожаный панцирь и пять фунтов муки у каждого — с таким снаряжением отряд в полсотни горцев делал пешком шесть лиг в день. Хардинг рассказал Берену о случаях, когда настигали и уничтожали орков, отошедших от Химринга на два десятка лиг и чувствовавших себя уже в полной безопасности. Без этих конных головорезов, — не упускал он случая усть вастаков.

Чем больше Берен узнавал о вастаках, тем меньше они ему нравились. Он понимал: что ни город, то норы, что ни стан, то закон, однако же вид орочьих голов, насаженных на колья в стороне от их городища, его покорило. Подумалось отчего-то, что вот скажем, государь Финрод такого бы не попустил в своих землях.

Он уже знал от Хардинга историю Нимрет, которую повторил ему Гили, но, по словам Роуэна, особой приязни между горцами и вастаками до этого дикого случая все равно не было. Каждому обычай другого казался несуразным. У вастаков, к примеру, считалось, что всякий труд — занятие не для мужчины; точнее — не для воина. И потому они презирали горцев, которые сами пахали землю и пасти овец посылали сыновей, а не рабов. Пастушество у них вообще считалось самым позорным занятием, и потому каждый горец в

их глазах был словно заранее замаран, потому что в горах оно считалось самым подходящим способом воспитать из мальчишки мужчину. На пастбище горец узнает все, что должен знать: как называются звезды и травы, как сплести себе опорки из коры и отбиться от волков ножом и плетью, как принять у овцы ягненка и как заколоть барана, не гневя богов, как в дождь разжечь костер, как сладить лук, как биться на шестах, как остановить кровь и вправить вывих... Мальчишки поют песни и рассказывают сказки, коротая дни и ночи, играют в хэло и борются, бросают ножи и учатся владеть пращой, а боги смотрят на них и улыбаются.

У вастаков же все было совсем не так. Стада у них пасли рабы, которые занимались этим со дней своей юности до дня своей смерти. Берен видел их в степи — это были угрюмые, дикие люди, одновременно злые и трусливые, готовые кланяться сильному и травить слабого. Они были лохматы и грязны, не мылись и не меняли одежды месяцами, так что подъехать к ним можно было только с наветренной стороны; не могли связать двух слов, верили в каких-то темных богов и приносили им странные жертвы — места их стоянок отмечены были целыми рошицами кольев с насаженными бараньими черепами. Вастаки сами презирали своих пастухов, так, что те даже среди рабынь не могли найти себе жену и утоляли свою страсть способом настолько противоестественным, что Роуэн даже сплюнул, говоря об этом, а Берену захотелось промыть уши, едва он это услышал. За такие дела их презирали еще больше, но разве не сами вастаки обрекали человека на такую жизнь?

А главное: презирать труд — это орочий обычай. Значит, где-то по дороге вастаки встретились с орками и нахватались от них всякой дряни. И не может у них быть с лордом-эльфом полного понимания, потому что эльфы почитают труд за благословение.

Поделиться такими мыслями было не с кем, кроме как с Финродом. Тем более, что срок, который Маэдрос во всеуслышание назначил себе на раздумье, подходил к концу. Так или иначе, пора было возвращаться в Амон Химринг.

На последней заставе, в одном переходе от замка, произошла еще одна встреча, которой Берен и хотел, и опасался. Пред закатом полтора десятка всадников показались вдали. Их увидели с башни, все, кто был на заставе, быстро вооружились.

Всадники подъехали поближе — теперь видно было иное устройство доспеха и шлема. Горцы, сопровождавшие Берена, подобрались.

— Вастаки, — сквозь зубы сказал Хардинг. — Их только не хватало.

Один из всадников, одетый богаче всех, подъехал к воротам заставы.

— Что случилось? — спросил один из эльфов. — Орки показались в степи?

— Мир вам! — всадник поднял руку. — Не есть орков. Все спокойно. Я быть посланный вождем Ваиром, сыном Метсеха, который зовется у вас Бор. Вождь знает, что здесь имеет быть другой вождь, Берен, сын Барахира.

— Это я — Берен высунулся в бойницу. — Чего желает твой вождь?

— Мир тебе, солнце воинов, — глашатай отвесил короткий поклон, прижав руку к сердцу. — Господин мой желает иметь честь пригласить сына Барахира в свой шатер, разделить трапезу с вождем народа Беора.

— Откажи им ярн, — тихо предложил один из данов. — Пусть себе едут. Ну их к Морготу.

— Нет, — ответил Берен. — Я хочу с ними встретиться. Коня.

По движению губ и потому, как на миг затвердела челюсть старого друга Хардинг понял, что возражать бессмысленно.

— Я с тобой.

— Нет, — Берен тронул его за руку. — Только я и мой слуга. Нельзя показывать недоверие.

— Это плохой народ, ярн. Поклоняются демонам и гадают на кишках жертвенных птиц, — сказал все тот же дан. — Кто знает, что они задумали.

— Уж во всяком случае ничего плохого со мной они не сделают, когда есть столько свидетелей, что они звали меня в гости.

Он крикнул вниз:

— Я принимаю приглашение Бора, сына Метсеха! Ждите, сейчас я покину заставу.

Гили подседлал Митринор и своего жеребчика. Вид у мальчишки был такой горький, что Берен пожалел его и не стал брать с собой, приказав отоспаться как следует. Ворота подняли.

Лагерь вастаков оказался неожиданно близко — они доехали еще засветло, хотя, когда выехали, солнце уже коснулось грудью одной из вершин Эред Горгор и покатилося по ее склону вниз. В степи горели костры, слышалась музыка — непривычная, быстрая и однообразная, но приятная. Шатры в полумраке светились как диковинные фонари — факела внутри них сияли сквозь ткань. Двое мальчишек примерно того же возраста, что и Гили, подбежали и взяли коней под уздцы — видимо, гостям не пристало ехать самим и быстро. Навстречу бежали дети, мужчины молча и с достоинством кланялись Берену, женщин видно не было.

Бор встретил его у самого большого шатра, стоя у распахнутого входа. Тот, кто сопровождал Берена, и его ратники поклонились вождю в пояс, и отошли. Сам Бор поклонился Берену как и посол — неглубоко и коротко, прижав руку к сердцу. Берен ответил таким же поклоном.

— Берен, сын Барахира. — улыбнулся Бор. — Честь для меня принимать такого великого воина.

— А для меня честь такой радушный прием, Бор, сын Метсеха, — сказал Берен. — Не зови меня великим, пока я жив.

По приглашению хозяина они вошли в шатер. Сидеть пришлось прямо на земле, хоть и застланной коврами. Берен увидел с две дюжины мужчин, одетых так же как Бор — в полукафтанья без застежек и широкие штаны, но попроще, чем у вождя. По левую руку от каждого сидел мальчишка. Слуга взял с жаровни закопченный железный сосуд, налил в одну из маленьких плошек горячего отвара из трав, потом забелил его молоком, сыпанул щепоть соли и подал гостю.

«Все-то им надо изгадить», — подумал Берен. — «Не умеют варить квенилас — поучились бы у эльфов».

Вторую чашку паренек налил хозяину, испортив в ней квенилас точно так же. Затем отдал одному из мальчишек — и те, передавая сосуд один другому, наполнили чашки своих хозяев. Берен отхлебнул, даже виду не подав, как ему противно.

— Ваиралах, сын, — сказал Бор мальчишке. — Поторопи женщин: мы хотим есть.

Берен догадывался, что настоящего разговора при вождях и их слугах, даже при сыне, не будет.

В шатре не очень хорошо пахло и ковры были не очень чистыми, хотя это явно был лучший шатер и лучшие ковры. Берен знал, что после двух недель езды по заставам он и сам не благоухает, но здесь просто ткань накопила запахи нечистого тела, лошадиного пота,

застарелой копоти и бараньего жира. Курения, горевшие на жаровне, не могли этого запаха перешибить.

Сам Бор, если его как следует отмыть, выглядел бы благородно. Узкий у переносицы, широкий в крыльях нос и черные брови расходились красивым углом, лысый череп был хорошей, правильной формы. Странного вида зеленое полукафтанье тоже было красиво на свой лад, и красная рубаха под ним — новая, вышитая, и ожерелья с браслетами имели хоть и непривычный, но и не отталкивающий вид. Если не знать про поганые обычаи этого народа, Бор казался благородным князем.

Говорил он на правильном синдарино, но много делал каких-то странных придыханий.

— Я много слышал о тебе, сын Барахира. А теперь ко всем твоим достоинствам узнал и твою скромность. Я слышал от твоих людей, как ты в одиночку сражался восемь лет. Любой из вестханэлет назвал бы тебя великим. Если бы я совершил такой подвиг, я бы не оспаривал тех, кто так меня называет.

— Мы находим, что рано называть так человека прежде его смерти. Никто не знает, где встретит завтрашний день. Только горделивый говорит: «Вот, я верю в себя, в то, что не запятнаю своего имени и не опозорю своего рода». Когда высокие слова говорятся слишком часто — смысл их вытирается, как бархат на сгибе.

— О тебе говорят еще, что ты — один из хранителей мудрости вашего народа, — сказал Бор, испытующе глядя в глаза Берену. — Похоже, что и это правда.

— Что мне Валар помогли не растерять, то я сохранил, — ответил горец.

Кое-как ему удалось допить свою отраву, но чашку он держал в руке, опасаясь, что появится слуга и наполнит ее снова.

Две женщины принесли еду: котел, наполненный... больше всего это походило на человеческие уши, слепленные из теста и густо залитые маслом. Котел поставили между мужчинами, юноша по имени Ваирлах принес большую чашу для омовения рук и обнес всех по кругу. Берен надеялся если не на вилку, то хотя бы на спичку — тщетно: хлебные уши предстояло брать руками.

Они оказались неожиданно вкусны; внутри они были начинены мясом, и если бы не необходимость погружать пальцы в горячее масло, блюдо доставило бы Берену одно удовольствие. Трапеза прошла в молчании — старейшины и в самом деле были голодны. Разговора не получалось еще и потому, что из вождей только Бор да еще двое-трое владели синдарином достаточно хорошо, чтобы вести непринужденную беседу; таким образом из разговора выпадал или Берен, буде речи пойдут на языке вастаков, или большинство старейшин — и то, и другое, похоже, претило правилам вежества как беорингов, так и этого народа.

После трапезы на три четверти полный котел вынесли на улицу — судя по шуму, который поднялся снаружи, вокруг котла с хлебными ушами началась свалка. Невозмутимость Бора показала, что это обычное дело — видимо, пир вождя был одновременно и пиром неимущих племени. Снова пришел юноша с чашей для мытья рук и полотенцем. Потом позвали женщин с музыкальными инструментами. Три играли, одна пела, две танцевали, постукивая в бубен, звеня браслетами и змеино изгибаясь. Берен боролся с искушением опустить глаза. Горцы назвали бы этот танец бесстыдным, и это странно не вязалось со строгими к женщинам обычаями вастаков. Бедра танцовщиц выделяли неопишуемые фигуры, а лица оставались закрыты; вокруг пупка у каждой была нарисована узорная кайма, и голые руки были расписаны тонким черным рисунком. Не

оскорбит ли хозяев, если он откажется смотреть танец? А танец, если не брать во внимание его нескромность, был хорош. Закончив его, девицы сели рядом с музыкантками.

Один из вастаков, на голове которого от гребня остался лишь жалкий клочок на затылке, показал Берену на танцовщиц и что-то сказал.

— Вахайрэ говорит, что ты можешь взять любую из них на эту ночь. Он много слышал о тебе и так восхищается тобой, что готов даже подарить тебе одну.

— Передай почтенному мою благодарность, Бор, — сказал Берен, стараясь не меняться ни в голосе, ни в лице. — Скажи, что я обручен с благородной девой и не могу принять его щедрого дара.

Пожилой вастак выслушал ответ и снова что-то прогундел.

— Он говорит, что они рабыни без рода. К рабыням благоразумные девы не ревнуют.

— Скажи ему, что у нас иные обычаи.

Услышав ответ, пожилой вастак покачал головой и разразился довольно длинной речью.

— Он говорит, что вы, беоринги, подражаете своим богам. — Теперь по кивку отца переводил юный Ваирлах. — Еще он говорит, что и боги здесь неправильные. В прежние времена бог брал дев нашего народа, и от них рождались исполины. Здешние боги ведут себя иначе.

— Эльфы не боги, если он говорит об эльфах, — вырвалось у Берена.

— Он знает. Но он знает со слов эльфов и беорингов, что ваши боги не поступали так, как наш бог. Ваши живут за морем и не появляются здесь, а наш приходил в дом, который мы выстроили для него.

У Берена тревожно стукнуло сердце. Он уже знал одного «бога», который приходил в построенный ему дом.

— Если он сам подражал своему богу, который брал девиц, почему же он возмущен тем, что я подражаю нашим богам?

Выслушав ответ Вахайрэ, юноша снова перевел:

— Бог берет себе благородную деву и рождает от нее героя с высокой судьбой. Воин берет рабыню ради удовольствия. Благородные жены созданы, чтобы рожать воинам детей. Низкие жены созданы, чтобы доставлять усладу и рожать рабов. Поэтому, беря их, мы не подражаем нашему богу. Мы не возвышаем детей, рожденных от низких женщин. Люди не должны вести себя как боги, ибо у них иной удел. Так он говорит, — добавил юноша, словно боясь, что Берен посчитает это его мнением.

— И вновь повтори ему, что у нас иной обычай, и что мы находим низким нарушать клятвы, данные своим невестам. Если же я вновь услышу это предложение, мне будет трудно счесть, что это не попытка оскорбить меня.

Юноша перевел — как показалось Берену, с затаенным удовольствием. Пожилой вастак слегка надулся.

Бор хлопнул в ладоши и музыкантки снова заиграли. На этот раз был не танец, а песня — состоящая, казалось, из одних монотонных рулад, сплошное «Лэй-лэ-эй-элэ-йэ-э-элэ-э»; но какая-то дикая и прекрасная тоска звучала в ней. Мелодия была чуждой и строй непривычным, и Берену она показалась завораживающей.

— На этот раз тебе действительно нравится, — тихо сказал Бор. — Знаешь, о чем эта песня?

Берен, не в силах произнести ни звука, покачал головой и сделал рукой знак, чтобы ему дали дослушать, не прерывая.

Песня понравилась всем — по ее окончании певице начали бросать кольца, браслеты и серьги. Собрав все в подол, женщина с поклоном удалилась; музыкантки и танцовщицы вышли за ней. На лицах присутствующих все еще лежала тень светлой печали.

— Эта песня повествует о путнике в засушливой степи, — сказал Бор. — Он идет один и бредит от жажды. Ему снится тенистый сад, в котором цветет роза. Она пламенеет, как будто светится, и тени меняют свою форму, рождая неясные желания. Каждое ее покрывало, каждый лепесток хранит сладкую тайну, как обещание. Она раскрывается — и он видит все не таким, каким видел прежде. Ему снится дождь, но он, просыпаясь, видит, что небеса все так же раскалены и пусты. Он открывает глаза и его мука усиливается, ибо видение исчезло. Голод и жажда терзают его меньше, чем память о ее сладком аромате. Это очень старая песня, мы все ее очень любим.

Еще один круг отвратительного пошла из испорченного квенилас — и гости стали расходиться. Последним, поклонившись, исчез сын вождя.

— Выпей чистого отвара квенилас, — тихо предложил хозяин. — Смой с языка неприятный тебе вкус.

Он сам ополоснул чашку Берена кипятком, плеснув в угол шатра, за ковры, и налил гостю чистого отвара.

— Я знаю, что обычай белить отвар кобыльим молоком вам кажется отвратительным. И обычай делиться женщинами — тоже.

Берен ничего не сказал на это.

— А нам кажутся отвратительными кое-какие ваши обычаи, — продолжал Бор. — Юноши вашего народа делают рабскую работу. Женщины ваши кажутся нам бесстыдными.

— А что вы называете стыдливостью? — не выдержал Берен. — Готовность лечь под того, под кого прикажут, будь это избранный родителями муж или гость вождя, которому хочется угодить? Если вы так воспитываете своих женщин, не диво, что вам приходится заворачивать их в полотно по самые глаза, опасаясь их блуда — они же не знают, как звучит слово «нет»!

— Ваша откровенность тоже многим не нравится, — невозмутимо продолжал Бор. — У нас ее считают глупостью.

— Ты позвал меня в гости, почтенный Бор, чтобы показать своим соплеменникам глупца, который запятнал свои руки работой трэля и имеет наглость при этом называться вождем?

— Я позвал тебя в гости, сын Барахира, чтобы просить о совете. Узнать, что в иных случаях советует мудрость твоего народа, хранимая тобой.

— Вам не хватает своей мудрости?

— Иным хватает, а мне — нет. Ты слышал эту мудрость из уст Вахайрэ. Он отважный воин, он честен и щедр, и предан мне, но своих мыслей у него нет — он думает теми словами, которые в детстве услышал от мудрых нашего племени, высматривающих судьбу народа в кишках жертвенного барана. Боги создали людей сильными и слабыми, одни рождены воинами, другие — рабами, всеми нами правит колесо судьбы, в старые времена было лучше, потому что бог жил с нашим народом, а теперь мы продались белолицым демонам, за что нужно вскоре ожидать небесных кар.

— Белолицые демоны — это эльфы?

— Так их называет кое-кто. Скажи мне, сын Барахира, поведай мне мудрость своих предков: как отличить правильного бога от неправильного?

— Неправильный бог боится, что люди станут такими как он. Правильный бог этого хочет.

Слова, вышедшие из уст Берена, слегка испугали его самого: они родились как будто не в голове, а сразу на кончике языка.

— И вы считаете, что поклоняетесь правильным богам?

— Мы... не поклоняемся им... — Берен с трудом подбирает слова, потому что эти вещи порой трудно было объяснить и простым беорингам, а тут вастак — что он еще себе надумает? — Те, кого вы считаете нашими богами, Валар... Они, как и мы, как и эльфы, Сотворенные... А есть еще Творец...

— Я знаю это, — мягко сказал Бор. — Но у вас говорят: служитель Намо, служительница Ниэнны...

— Намо — это Закон. Тот, кто помнит законы и участвует в судебных делах от имени князя и короля — служит Намо, то есть, Закону. А мудрая женщина разбирает дела, которые неподзаконны... Или по которым служители закона не могут вынести решения — бывает и так. Она служит Милосердию, то есть — Ниэнне. Но им не приносят жертв... Им не поклоняются.

— Но к ним взывают — я сам слышал.

— Да... правда... Намо поставлен Единым, чтобы в мире был закон. Поэтому слуга закона взывает к Намо.

— Вы не приносите ему жертв — считаете, что он должен помогать вам за так?

— Да ведь у нас нет ничего, что требовалось бы ему! Он Вала, Могущество. Он был до начала мира — что мы, смертные, можем дать ему?

— Но вас учили, что и он подчиняется силе больше себя?

— Да. Единому.

— Они, эти ваши Валар, хотят, чтобы вы были как они? Могущественны, бессмертны, прекрасны?

На этот раз Берену пришлось слегка подумать над ответом.

— Манвэ хочет, чтобы мы были мудры, — сказал он наконец. — Элберет хочет, чтобы мы ходили в правде. Аулэ хочет, чтобы мы были искусны. Йаванна желает, чтобы мы понимали живое. Ульмо хочет, чтобы мы были чисты. Намо хочет, чтобы мы были справедливы. Ниэнна хочет, чтобы мы были милосердны. Тулкас хочет, чтобы мы были доблестны. Оромэ хочет, чтобы мы умели упорно преследовать цель, Вана — чтобы мы умели любить. Нэсса желает, чтобы мы радовались. Ирмо — чтобы мы умели в своих снах различать знаки судьбы. Эстэ хочет, чтобы мы были здоровы телом и духом. Вайрэ хочет, чтобы мы помнили все, что с нами было.

— Я не совсем о том тебя спрашивал. А что если они просто боятся, что мы уподобимся им в могуществе — и сокрыли от нас какое-то знание?

— Ну так попробуй его отыскать, если думаешь, что это тебе поможет, почтенный Бор. У нас есть короткая притча: козленок хвалился, что, когда вырастет большим, сделается горным туром. Увы, он вырос и остался козлом. Если кто-то вроде твоего Вахайрэ получит могущество и бессмертие Валы — боюсь, он останется все таким же Вахайрэ, который думает не своей головой, а мозгами жрецов.

— Неплохо сказано, — усмехнулся Бор. — Итак, правильные боги хотят, чтобы мы им уподобились — а неправильные боятся этого. Есть ли у вас предание о войне правильных богов с неправильными богами?

«Осторожней!», — сказал Берен сам себе. — «Эти разговоры не просто так!»

— Такое предание у нас есть, — сказал он. — Неправильный бог восстал против Отца богов, эльфов и людей, был побежден и заточен на долгие годы.

— Вы верите, что это и есть тот владыка, против которого сражаются эльфы?

— Да.

— Отчего же правильные боги им не помогают?

— Они помогают, но незримо. Ты служишь лорду Маэдросу — и тебе неизвестно, почему эльфам отказано в помощи?

Бор кивнул.

— Наша мудрость находит это странным, — сказал он. — В наших преданиях боги не отказывали любимцам в помощи. Что бы те ни творили. Все знают, что лучше не становиться на дороге любимцу и сыну бога. А здесь я услышал о богах, отказавшихся биться против своего злейшего врага только потому, что пролилась кровь.

— Наши боги любят весь народ. Если они кого-то избирают, то лишь для того, чтобы строже спрашивать с этого человека.

— Но откуда вы знаете, как должен вести себя правильный бог, а как — неправильный?

— У нас был случай сравнить и выбрать. У нас тоже когда-то был бог, который приходил в дом на холме и требовал жертв.

— Вот как... — Бор нахмурился. — Вот как... Видишь ли вождь Берен, мы ведь прежде не знали ничего другого... Мы не выбирали... Так сказать, довольствовались теми богами, которые были. Наша мудрость гласит, что человеку не пристало выбирать. Что ему приличествует смирение.

— Все, наверное, зависит от того, перед чем смиряться, — сказал Берен. — Мы смиряемся перед мудростью, перед справедливостью и милосердием, перед доблестью и красотой, которые во много раз превосходят наше разумение. А перед чем же учит смиряться ваша мудрость?

— Перед силой. Разве этого недостаточно?

Берен молча смотрел в лицо Бору. Из-под низко нависающих бровей глаза вастакского вождя смотрели как из-под кромки шлема.

— Ты четыре года сражался один против всех, — сказал Бор. — Ты, наверное, считаешь, что перед силой смиряться недостойно.

Берен все так же молча продолжал смотреть ему в глаза.

— Когда вы были в степи, — тихо сказал он наконец. — К вам приехали двое. Верхами. Мужчина и женщина. Оба одеты в черное, очень просто, но красиво. Они лечили людей и скотину, учили распознавать новые свойства трав, камней и металлов, а вечерами собирали тех, кто хотел, в своем шатре, и беседовали. У каждого на груди была маленькая книжечка; они читали из нее. Сначала все, что они читали, было согласно с тем, чему учили эльфы, но потом все выворачивалось наизнанку...

Лицо Бора вытянулось.

— Ты провидец? — спросил он.

— Твое сердце смутилось, — вместо этого сказал Берен. — И теперь ты ищешь у меня совета, но не хочешь слишком много рассказывать мне о делах своего народа, боясь, что я донесу это до Маэдроса. Ты хотел обиняками выпросить меня о том, что говорит в этих случаях наше учение и почему мы стоим за эльфов. И... тебе не нравятся такие как Вахайрэ. Они постоянно оспаривают твою власть. Пока власть держится на силе, а не на правде, ее

постоянно будут оспаривать.

— Что такое правда... — проворчал Бор. — Старейшины говорят, что судьба делает человека вождем и судьба делает так, что человек перестает быть вождем. И если человек стал вождем, то нет смысла сопротивляться судьбе, что бы он ни делал. Вождь — избранник богов, но и боги — орудие судьбы. Судьбу не оспаривают.

— А у нас считают иначе. Неправедно взятая власть не приносит добра ни вождю, ни народу. Вождь должен блюсти правду и закон — иначе боги отнимут у него власть.

— Они могут это сделать и просто так, по своей прихоти.

— И насколько приятно тебе в это верить?

— Ах, сын Барахира, какое значение имеет, приятно это мне или нет?

— Это имеет значение, потому что Отец Богов дал нам разум, чтобы мы были свободны, а не подобны скотине под ярмом. Если, по словам ваших старейшин, для богов не имеют значения движения нашего разума — значит, воля ваших богов расходится с волей их Отца; значит, это неправильные боги.

— Но что если это ваше учение лживо? Если это ваши боги — неправильные, и обманули эльфов, а те — вас? Кто-то из нас страшно ошибается, сын Барахира. Ты прав, мне предстоит выбирать, и я не хочу ошибиться так страшно.

— Хочешь, я сделаю еще одно предсказание, Бор? Тебя тревожит и радует то, что рядом с эльфами ты становишься как бы больше, чем ты есть, тебе хочется, чтобы это продолжалось, потому что поклонение судьбе и вашим старым богам этого не давало; человек оставался таким, какой он есть. Мы ведь тоже проделали этот путь, Бор. Посмотри на нас. Посмотри...

— Я посмотрел, — засмеялся Бор. — Скажи, а среди вашего народа были такие, кто не хотел меняться? Кто гадал по жертвенным внутренностям и ходил по путям старых богов?

— Да.

— И многие им верили?

Берен потянулся — сидение прямо на земле утомило его.

— Было немало таких, кто им верил.

— Как же вы убедились, что они лгут?

— В дни моего деда Брегора, которого за кротость нрава прозвали Бешеным, появились пророки, говорившие именем старого бога, поклонявшиеся тьме и читавшие будущее в золе жертвенной скотины. Дед раздумывал, как с ними быть. Предать их смерти по закону означало сделать из них мучеников. Оставить все как есть было нельзя — они смущали народ. Нужно было показать, что они лгут. Однажды дед узнал, что пророки пришли на праздник Вингилоссэ. Он и четверо его дружинников переоделись простыми пастухами и направились туда, спрятав под плащами короткие мечи. Неузнанными, они явились на праздник и близко подошли к пророкам. Те как раз грозили народу неисчислимыми бедствиями за то, что мы ходим по путям Валар и общаемся с эльфами. Многие боялись и верили. Тогда дед выступил вперед и с почтительным поклоном спросил: «О мудрый, скажи мне, что звезды и святая зола говорят о твоей собственной судьбе?» Пророк склонился к куче золы и всмотрелся в нее. «Я вижу далекий путь», — сказал он. — «Вижу, как я несу истину дальше, всему Дортониону! Вижу, как путь мой лежит в Хитлум!» И тут дед выхватил меч и со словами «Врешь ты, и вот твоя ложь стала явной!» — отрубил пророку голову. Его дружинники расправились с остальными. Так народ узнал, что говорящие от имени Тьмы — лжецы. Я слышал этот рассказ из уст деда. Ты можешь получить подтверждение от

одноглазого Фарамира — он был там.

Бор засмеялся.

— Славным человеком был твой дед! Что ж, может быть, настал час испытать подобным образом и наших старейшин, которые только и умеют, что набивать себе брюхо жертвенной бараниной да бубнить над ее кишками. Спасибо тебе за то, что поделился со мной мудростью. Я постараюсь не оказаться неблагодарным.

Бор хлопнул в ладоши, вошли женщины и приготовили Берену постель, отгородив ему занавесью угол. Он провалился в сон почти сразу же, отложив на потом раздумья о том, кого же все-таки приобрел в эту ночь — врага или друга?

* * *

— Я знал, что ты принял их приглашение раньше, чем ты об этом сказал, — Хардинг наморщил нос. — От тебя за версту разит вастаком. И надо еще посмотреть, не набрался ли ты вшей.

— Вши — не грехи, от них можно избавиться в бане.

— Ну так пойдем в баню. Эй, чего ты такой задуманный?

— В бане расскажу.

Мальчишки натопили баню от души, зная, что их пустят помыться в остывающей купальне. Деревянные лавки были раскалены — сидеть удавалось только на сложенном вдвое полотне.

— Пойду скажу парню, чтоб не слишком усердствовал, — сказал Роуэн. — Этак я потом изойду.

— Может, хоть немного сала из тебя вытопится. Вон, какой курдюк отрастил на службе феанорингам.

— Толстый сохнет, худой сдохнет. Малый! — Роуэн приоткрыл дверь. — Если не хочешь нас изжарить, кончай подбрасывать дрова. И пива сюда. И вина.

— Вино? В бане? Ты ошалел.

— Голову тебе промыть, — Хардинг захлопнул дверь. — После ночи у вастаков не то что вши — мыши в голове заведутся, и не заметишь.

— Роуэн, а многим ли лучше были мы?

— Да ну тебя, — здесь, наедине, без оружия и одежды, можно было хотя бы недолго снова побыть не князем и вассалом, а молочными братьями, и говорить запросто.

— Нет, не ну меня, Роуэн. Мы их презираем так, словно имеем на это право. Слышал ты хоть раз от эльфа про их вшей или про то, что они поклоняются демонам? Прочему эльфы, зная больше нас, не повторяют этих глупостей?

— Ты чего вдруг взялся их защищать? Ты скажи еще, что тебе у них понравилось.

— Мне у них не понравилось. Но если мы будем задирать перед ними нос, они никогда не научатся у нас тому, что должны знать. Подумай о государе Финроде, о том, как он пришел к нашим пращурам. Подумай, где были бы мы, если бы он рассуждал как ты: вши, мыши, грязь, вонь, демоны и жертвенные бараны... А ведь он не человек, он даже не простой эльф — уже тогда он был королем! И он снизошел к нам, умалил свою гордость до

того, что делил с людьми пищу и кров. А ведь люди жили тогда в шатрах, как вастаки. И один Государь знает, что у них тогда были за обычаи. Ты помнишь Правду Беора?

— Наизусть? Где мне, немытому. Это тебя старая Андрет натаскивала. На меня она сразу махнула рукой.

— «Если между двумя будет драка, и один сломает другому палец, и тот неверно срстется, да будут у нанесшего увечье взяты десять рунных баранов: один в пользу князя, девять в пользу увечного; то же, если откусит ухо. Если между двумя будет драка, и один ударит, и раздавит другому ядра, и повредит детородный уд, да будут у виновного взяты восемьдесят рунных баранов, восемь — в пользу князя, семьдесят два — в пользу увечного; то же, если выбьет глаз или сломает ногу... Если кто, взяв жену, убьет ее, пусть вернет свадебный выкуп отцу ее, и пусть уплатит виру как за раба или рабыню; но если убийство произошло из-за блуда жены, то пусть платит только виру, а свадебного выкупа не возвращает; должно же изыскать двух свидетелей блуду, а иначе пусть возвращает и выкуп... Кто же будет поклоняться Темному богу, и заколет ему птицу или барана или лошадь или тельца, да будут в знак позора волосы его сожжены на голове его; кто же принесет во всесожжение ему человека, да будет и он сожжен живым...» Роуэн, если это писалось, значит, наши предки калечили друг друга в драках, убивали жен и тайно поклонялись старому богу, принося ему в жертву и людей. Еще Фарамир был свидетелем тому, как Брегор извел его жрецов. Если мы лучше вастаков — так это не потому, что мы лучше их по природе своей. Спесь наша указывает на иное: по природе своей мы на них очень похожи...

— Погоди, я уши намылил и тебя плохо слышу, — Роуэн наощупь нашел ведро и окатил себя водой, смывая мыло с головы. — Так, о чем это ты? О вастаках? Ну вот пускай еще три поколения поменяются, а там увидим, на кого они все-таки больше похожи, на людей или на орков.

— Нет у нас столько времени, Роуэн, — сказал Берен. — Нет.

— Ладно, хватит об этих черномазых, — Хардинг развалился на лавке. — Давай о наших делах. Как ты думаешь, чего наши скажут и сделают, когда лорд Маэдрос укажет тебе на дверь?

— Думаю, они обидятся. Роуэн, постарайся удержать их в руках. Я и сам сделаю, что смогу.

— Ты уже отобрал тех, кто поедет за тобой?

— Отобрал. Но они поедут не за мной, фэрри, а в Бретиль. Пусть уходят разными путями — кто знает дорогу — через Нан-Дунгортэб, кто не знает — пусть не поленится обогнуть Дориат с юга. Кое-кто действительно может поехать за мной, но не более полутора десятков человек.

— А Государь Финрод? А эльфы?

— Здесь мы с ними расстанемся, чтобы встретиться в Бретиле через две луны. Двое эльфов готовы вести охотников через Нан-Дунгортэб, двумя небольшими отрядами. Один отправится со мной, остальные — с государем Финродом... Он не сказал, куда, а я не спрашивал... Да мне, наверное, лучше и не знать.

— А сам куда? Не в Бретиль — из твоих слов это понятно. И не с Государем, куда бы он ни ехал. И здесь тебе делать нечего... Куда же ты проследуешь?

— Тебе одному сейчас скажу, да еще потом Фарамиру — и смотрите, чтобы дальше это не пошло. Я еду в Ногрод.

Роуэн присвистнул.

— В Ногрод с пустыми руками не ездят, — сказал он. — Ты собираешься пересечь весь Таргелион с кошелкой золота? Тогда тебе будет мало полутора десятков человек охраны.

— Напротив, — возразил Берен. — Большой отряд может привлечь внимание. Нет, я предпочитаю взять с собой поменьше людей и ехать побыстрее. И если Таргелион нельзя пересечь с малым отрядом — значит, лорд Маэдрос зря вас кормит.

* * *

Sin i aicassi helci ve u'ruva mear.
Nalla'ma na' furu, ala'stien naule yelwa.
Tu'lalye laimenna, tu'lalye i fuin mardenna;
Cirissi ar Fantur yalar le, nosseo ca'nu. (39)

Маглор пел редко, очень редко. Берен знал, что ему оказана великая честь — Златокователь ради него взял в руки арфу. Он пел последним. После него петь уже было невозможно. Когда пел Финрод — Берену казалось, что поет бог, сошедший с небес. Когда пел Маглор — казалось, что сами небеса разверзаются.

Sinome orme ar Ngolwe na'r racina falqua.
I alfirin morna oloctie imbe ampendi
Ru'nya ar cullo aca'luvar emlo sandallon,
Aha ar osse fainuvar lunga vainello.

Бор сидел совсем близко, отблески пламени дрожали в его глазах — обычно узкие, они были теперь распахнуты и в них стояли слезы. Невозможно было не плакать от боли — здесь, в золотисто-алых отблесках, в глубоких струнных звуках, в кругу сыновей, умирал Феанор... Нельзя было не дрожать, нельзя было не сжимать ладонь у пояса, почти болезненно чувствуя отсутствие меча... Даже не понимая ни слова на квэнья — нельзя было не внимать той муке, которая родила эти слова, эту мелодию, и рождала их снова и снова, в страшном напряжении, как женщина рождает ребенка...

Нет. Можно.

Улфанг сидел, чуть подавшись вперед, но лицо его оставалось спокойным. Похоже, он не понимал происходящего. Песня была для него одной из многих — ну, может быть, исполненной более искусно, более сильным и чистым голосом... Но в целом — не хуже и не лучше прочих.

Берен почти возненавидел его в эту минуту. Он знал: эльфийские песни непонятны только тому, кто не желает их понимать. И нужно быть... особенного склада человеком, чтобы не желать.

A ono'ronya mandra, namba i naire.
Hanten handelenya a-nanta, i macil na' aica.
Tiruvanya antarya ar cambe cantala harma
Tenna i raime etye'luva, tenna i tyelde.

Никто и никогда не просил Маглора сыграть то или спеть это — все знали, что Златокователь всегда выбирает песню по своему желанию. И все знали, что Маглор говорит своими песнями не только от своего имени. Разве что вастаки еще не поняли, что Берен

получил ответ — «tenna i raime etye'luva, tenna i tyelde».

«Пока охота не прекратится, до конца...»

Сыновья Феанора не встанут рядом с сыном Барахира. Они не забудут, как, умирая от боли, отец потребовал повторения клятвы. Они не откажутся от своих прав на Сильмарилл. Они будут преследовать каждого, кто оспорит эти права...

Tenna i raime etye'luva, tenna i tyelde.

Пока не замер последний отзвук струны, пока не развеялось наваждение — все сидели неподвижно. И лишь после того как сам Маглор передал арфу сидящему у его ног юному эльфу, и протянул руку к чаше, остальные позволили себе взяться за свои кубки.

— Вождь Берен, — тихо спросил Бор, склонившись почти к самому уху горца. — Окажи мне услугу, скажи, о чем эта песня? Кто тот высокий герой, которого оплакивал лорд Маглор Бледный? Отец его, Феанор?

— Да. В песне поется о его смерти. О том, как пламя, поглотившее его тело, окрасило в кровавый цвет вершины гор, и как волки выли, когда бог смерти и суда призвал его... На месте его гибели выросли черные цветы бессмертника... — Берену трудно было переводить, уничтожая хрупкую вязь смыслов и созвучий. «Алое пламя и красное золото воссияют с наших щитов; ярость и ужас будут освобождены из тяжелых ножен. О мой благородный брат, чекань песнь плача. Я разбил на куски свой рассудок, но всё же меч остёр. Я буду видеть его лицо и ладонь, придающую форму сокровищу, до тех пор, пока не прекратится охота, до конца»... Вместо этого он спросил:

— Твоему родичу, как я погляжу, песня не понравилась.

Бор криво усмехнулся.

— Он боится чар лорда Маглора. Однажды он испытал их на себе, испугался странных видений и решил не поддаваться. С тех пор он твердо держится своего решения... А я на свое махнул рукой, и не жалею об этом.

— Пейте, гости, — раздался под сводами голос лорда Маэдроса. — Сегодня мы расстаемся с Финродом Фелагундом и с Береном, сыном Барахира. Пусть печали расставания сгладится радостью пира. Пейте, гости.

— Лорд Маэдрос, — Фарамир поднялся со своего кресла и отставил кубок. — Нашему князю и в самом деле время покинуть Амон-Химринг, а он еще не знает, каким будет твой ответ на его просьбу.

— Разве тебе до сих пор что-то неясно, Фарамир, Серый сокол снегов? Разве песни Маглора — не ответ на твой вопрос? — За Маэдроса ответил Карантир, тоже вскочивший со своего места. — Князь Берен знает, какое препятствие лежит между нами. Пусть сам решает, кому из нас легче взять назад свои слова. Если он все же надумает отказаться от нашего сокровища — мы будем рады видеть его здесь...

Маэдрос поднял руку и Карантир умолк.

— Я действительно сожалею о том, как сплелся этот узел, — сказал он. — Но ничего не могу добавить к словам брата. Я даже не могу пожелать тебе удачи, сын Барахира. Пожелаю же тебе если жизни — то долгой, а если смерти — то быстрой. За это и выпью.

Он встал, взял железной рукой наполненный кубок и осушил его одним духом, не отрываясь. С ним пили Маглор, Амрод и Амрос, Улфанг и Бор, Гельвин и Аларед. Берен тоже встал и тоже поднял свой кубок, но не выпил с Маэдросом, а дождался, пока выпьет эльф и те, кто пил с ним, после чего сказал:

— Благодарю тебя, лорд Маэдрос. Но долгая жизнь — это не то, чего я пожелаю себе,

если мое сокровеннейшее желание не исполнится. Если же оно исполнится — мне никакая смерть не будет страшна. Выпью же за его исполнение, какой бы ни была расплата.

На этот раз пили горцы, и пил Карантир. Опорожнив свой кубок и стукнув им о стол, он сказал:

— Мой старший брат благородно пожелал тебе долгой жизни или легкой смерти, ты же сам выпил за короткую жизнь и скверную смерть, и за это я с удовольствием поднял кубок вместе с тобой. Не будь ты моим гостем, упрямец, ты заглянул бы в глаза смерти еще до рассвета.

— Я смотрю в них не отрываясь, лорд Карантир, — тихо проговорил Берен. — Смотрю в них с самого рождения. Третью моей жизни смерть была рядом со мной, я ложился с нею в постель, как с любимой женой. Я был ее паладином, я складывал к ее ногам трупы, как юноши складывают охапки цветов к ногам дев. Она платила мне ласками, от которых кровь застывала в моих жилах. Ты знаешь, что беоринги кричат, идя в бой? «Райадариан», «радуемся»! Что ты такого можешь показать мне, чего я еще не видел?

Карантир хотел, видимо, что-то ответить, но тут снова зазвенела арфа, и глубокий, как ночь, голос Маглора заполнил зал.

I're quetta «estel»
Antolyasse queluva,
Ta're cyermelyar
Vaiyanna hlapuvar.
Nenisse Vaiye'va
U'-marar uili,
Ar lingwi u'-marar,
Ar ciryar u'-ci'rar, (40)

Холод прокатился по коже Берена — он понял, каким пустым было его бахвальство.

An si'na aire
Na' huine oiale,
Celumessen lotta.
Mandra heru Ulmo
U'-na' si'na earen,
Nulla earen turo.
I na' manurilva,
Mente elvo tie'va,
Mente aiqua tie'va.
Hlara, hu'ro lausta,
Hlara wanwa qualume,
Ti'ra enwina mo're
Hrestalyanna ru'ala.

Маглору введома была изнанка этого хвастовства. Он знал, что смертный страх сильнее всех страхов, и повернуться к смерти лицом — просто самое лучшее, что можно сделать, когда она настигает.

Omenta Haloisi!
I cambe' pantala
U'-harya laure,
Ar nye're u'-harya -

Na'n i lu'me tuluva,
Elyenna tuluva,
Ar ya' quetta ta're
Quetuvalye i nenna,
Ringa nenna Vaiye'va,
Ne'ca nenna tulala,
Taltala, ru'mala
Fealya marien?

Берен стоял неподвижно, в безмолвном зале, под властью темного наваждения, навеянного песнью Златокователя. Он еще чувствовал босыми ногами холодный и колючий песок Последнего Берега, еще вдыхал безвкусный ледяной ветер, видел холодные темные волны, готовые его поглотить — и вдруг чей-то голос, чистый и светлый, как клинок, разбил видение:

— Помни, Берен — это вопрос, но не ответ.

Все повернулись к заговорившему, кроме Маглора. Тот, не оглядываясь, поставил арфу на пол и взял свой кубок.

— Ответа нет, Финарато, — сказал он. — Есть предел, за которым нам остается только немота.

— Разве ты переступал этот предел, что говоришь так? Ты мастер, Маглор, и мне ничего не остается, кроме как склониться перед твоим мастерством; но то, чем ты нас пугал — лишь наваждение, хотя и мастерское.

— То, чем ты пытаешься утешать их, — Маглор еле заметно повел подбородком в сторону людей, — тоже наваждение. Ты целитель, Финарато, ты врачуешь раны тела и духа. И ты мастер формы, искусный ваятель. Но все, исцеленные тобой, рано или поздно умрут: все твои формы, созданные из дерева, металла или камня, тлен обратит в труху, ржавчину и пыль. Тебе трудно признать это, и ты обманываешь себя надеждой. Тебе не хватает смирения.

— Мастер слова не должен путать смирение и отчаяние, — тихо, упрямо ответил Финрод.

— Отчаяние — обратная сторона надежды. Испытывать отчаяние может только тот, кто ищет, за что зацепиться — и не находит.

Берен вспомнил ледовую трещину под Одиноким Клыком. Да, Маглор говорил правду.

— Тот же, кто отбрасывает надежду — смиряется, — продолжал величайший из певцов. — И понимает, что если на вопросы бытия ответы есть, то на вопросы небытия — нет и быть не может.

«А вот тут он ошибся», — подумал Берен, вспомнив все ту же трещину.

— Небытие не задает вопросов, — покачал головой Финрод, — оно ничто, в самом лучшем случае — слово или знак, как *unot*, не-число, которое и обозначает отсутствие чисел. Все вопросы, сколько их ни есть — вопросы бытия, Макалаурэ. Даже свою песню ты создал в образах бытия, потому что представить небытие таким, каким оно есть, а верней — таким, каким его нет — и тебе не под силу. Неужели ты думаешь, что со смертью кончается всякое существование? Даже если все мои творения погибнут, и канут во мрак Мандоса все мои друзья, и сам я сгину, и земля эта скроется под водами — неужели ты думаешь, что все это исчезнет без следа? И даже из памяти Создавшего все это оно будет изглажено навечно?

— *Estel*, — улыбнулся Маглор, и улыбка эта была как луна, проглянувшая в разрыве туч

пасмурной ночью. — Ты зажигаешь его всех, с кем оказываешься рядом. Вот уже и моя душа тлеет, готовая задымиться. Но я не позволю себе обмануться надеждой. У тебя нет доказательств тому, что Создатель любит нас и не позволит нам исчезнуть бесследно. Ты полагаешь на это *estel* лишь потому, что тебе приятно так думать; потому что это придает тебе сил.

— У тебя нет доказательств обратного.

— Да. Вот, почему я задаю вопросы и не даю ответов.

Внезапно Берен расхохотался. Он смеялся так, что заболел живот, так, что воздуха не хватало, и он задыхался. Теперь все молча уставились на него.

— О, лорд Маэдрос, — сказал он, отдышавшись. — О, лорд Маглор, о, мой король... Я прошу меня простить; мое живое воображение часто меня подводит.

Он перешел на синдарин, чтобы сказанное было понятно даже вастакам.

— Это было как видение, как сон. Мне были явлены двое нерожденных младенцев в мокром мраке утробы. Один спросил у другого: «Ты и в самом деле веришь, что существует жизнь после рождения?» — «Да» — ответил второй. — «Но ведь еще никто не возвращался, уходя туда, как же ты можешь знать? И ты веришь в то, что существует Мать, силой Которой мы живем и питаемся? Может быть, ты веришь еще и в то, что Она нас ждет и любит? Брось, все это детские сказки. Как можно питаться там, где нет пуповины и дышать там, где нет вод?» — «Но смотри», — отвечал другой — «Мы растем, и скоро Утроба не вместит нас. Она все теснее и теснее, рано или поздно она сожметя и изгонит нас прочь...» — «Да, и этим все закончится», — сказал первый. — «Если бы Мать любила нас, Она позволила бы нам вечно пребывать здесь». — «А если Она желает для нас лучшей доли?» — «У тебя нет никаких доказательств, ты ведь не видел Ее и не говорил с Нею. И даже если я поверю в то, что Она есть и мы живем Ее силой — тем безумнее требовать, чтобы Она еще и любила нас и не дала нам погибнуть по Рождению. Ты можешь верить как хочешь, я же не дам обмануть себя пустыми надеждами, и постараюсь встретить Рождение с мужеством и смирением отчаявшегося».

Эта притча действительно была смешной. Смеялись все — беоринги, вастаки, эльфы, даже сам Маглор. Смеялся суровый Фарамир, кусал усы, пытаясь успокоиться, Хардинг, мелко тряся, жмуря глаза, Улфанг, Финрод и Эдрахил звонко хохотали, Маэдрос закрыл лицо ладонью и не издавал ни звука, но плечи его выдавали. Смеялся весь зал.

— И все же, — в затихающий смех вонзился резкий голос Улфанга. — Разве вашим женщинам неведомы зелья, при помощи которых мать убивает ребенка в утробе? Тот, кто создает, тот в своем праве и уничтожить, и создание не может приказать создателю любить его. Эта ваша вера основана ни на чем, не в обиду вам будь сказано, Золотой Король и ты, князь Берен.

— Ни на чем висит весь мир, о человек востока, — сказал Финрод. — И все-таки висит.

Глава 8. Ногрод

— Что это за игра — хэло? — спросил Лауральдо.

— Тебе не понравится, — отозвался Эдрахил. — Это жестокая игра.

— Нет, — поправил его Финрод. — В хэло нет жестокости. В этой игре есть ярость, но нет злобы.

— И все же ты отказался, когда они предложили тебе сыграть. Или это был просто знак вежества?

— Нет, они были искренни. Я же отказался потому, что не люблю, когда меня бьют по лицу.

— Ого! — удивился Лауральдо. — Они бьют друг друга по лицу — и в этом нет жестокости?

— Как ни странно. Они могут разбить друг другу носы и уйти с поля лучшими друзьями. В Круге запрещено наносить друг другу оскорбления. На поле иной раз калечились, иной раз погибали — но никогда по чьей-то злобе. Хэло считается благородной игрой.

Они вышли на всхолмие, под которым сейчас при помощи колышка и веревки очерчивали круглое поле. К веревке был привязан бык, запряженный в соху, соха прочерчивала по земле борозду — границу игрового круга.

— В чем смысл игры? — спросил Вилварин.

— Вон там, — показал Финрод — в землю воткнуты два копыя. Когда бык очертит круг, на противоположном его конце тоже будут воткнуты два копыя. Нужно вбросить мяч между ними. Игра начнется с темнотой и будет длиться, пока не прогорит вон тот костер, который сейчас складывают игроки. Кто за это время успеет нанести противнику больший урон, тот и выиграл.

— Костер будет гореть долго, — оценил Вилварин груды бревен, которые стаскивали в кучу горцы.

— Каждый игрок должен принести по одному полену, — улыбнулся Финрод. — Размер полена полностью в его воле — лишь бы он мог поднять его один. Кто хочет долгой игры, и полено приносит сообразно своим желанием.

— А Руско тоже будет играть? — спросил Айменел.

— Видимо, да, если он тащит корягу.

— О-о... — Айменел окинул взглядом небольшую — около полтора человека — толпу игроков. Среди них было совсем немного мальчишек — таких, как Радруин и Гили — а большей частью это были взрослые мужчины, между двадцатью и тридцатью годами — высокие, статные и крепкие. Да сумеет ли Руско выдержать такую игру?

Погонич увел прочертившего борозду быка. Теперь по окружности втыкались копыя, между которыми провешивали шерстяной шнур, свитый из черных и белых нитей. За этим шнуром становились воины со щитами. «Ворота» шнуром не огораживали.

— Они раздеваются, — сказал Лауральдо.

— Да. В прежние времена для игры в хэло, наоборот, одевались поплотнее. Чтобы не так чувствовать ушибы. Находились даже мудрецы, надевавшие панцирь под одежду. Это, как ни странно, и приводило к увечиям: кто-то расшибал себе о панцирь кулак или голову, кого-то в схватке затапывали сапогами... Боран, сын Беора, изменил это правило: теперь все выходят на поле только в штанах и дерутся только голыми руками, принимая удары

голым же телом. Это заставляет вести себя осторожнее. Спустимся ниже, к кругу — меня ведь призвали одним из судей чести и правды.

Приблизившись к рядам воинов, он умолк. Их разговоры тоже замолкали при его приближении. Достигнув точки как раз посередине между воротами, Финрод сделал людям знак расступиться — и они разошлись. Король подошел вплотную к черно-белому шнуру.

— Государь, — к эльфам с поклоном подошел Фарамир. — Ярн сказал, что ты отказался играть. Но откажешь ли ты нам в чести бросить жребий и послать мяч в круг?

— Это будет честью также и для меня, — Финрод протянул руки, и в ладони ему лег тяжелый, набитый песком мяч размером с голову пятилетнего ребенка, сшитый из бычьей кожи, просмоленными бычьими жилами.

Для развлечения в хэло играли мячом, сшитым из кожаных обрывков и набитым опилками, но здесь затевалась непростая игра, куда больше, чем развлечение. Финрод знал, что кожа и жилы мяча — кожа и жилы жертвенного животного. Он знал и другое — на поле сейчас выходили воины, которых Берен отобрал в свой отряд, в свою мальчишескую армию «конной пехоты». Доброе предзнаменование на дорогу — далеко не все, чего хотел ярн.

— Жребий! — крикнул Гортон. На поле и за его пределами воцарилось молчание. С другой стороны поля через шнур перешагнули Берен и Хардинг. Босые и полуголые, без украшений — они все равно выглядели тем, кем были: предводителями. Не говоря ни слова, они подошли к границе круга.

Финрод передал мяч Эдрахилу и принял из рук старика два камешка, речную гальку — белый и черный. Спрятал их за спину, немного поиграл ими в кулаке, а потом взяв по одному в ладонь, вытянул сжатые руки вперед. Предводители должны были выбирать.

Берен коснулся левой руки Короля, и в ладонь ему лег белый камешек.

— Белое войско! — крикнул он, поднимая жребий над головой.

Хардингу достался черный. Друзья-противники разошлись по разные стороны от малого круга.

Теперь к Гортону по одному подходили игроки, запускали руки в кожаный мешок, доставали оттуда белый или черный камешек, и, в зависимости от него, переходили на сторону Берена или Хардинга, громко объявляя каждый свой жребий. Кто-то передал людям Хардинга горшок со смесью жира и толченого угля — и, доставая черный камешек, игроки сразу же принимались мазать этой краской лица.

— Я полагаю, — сказал Финрод эльфам, — что разделение игроков на «черный» и «белый» отряды носит несколько более глубокий и древний смысл. Сейчас игра стала почти развлечением, но я помню время, когда она была почти священнодействием. Балан говорил, что в старину сражение за мяч шло с оружием и на поле лилась кровь. Кстати, «хэл» — не только «мяч», но и «голова»... У многих человеческих обычаев — очень глубокие и очень темные корни.

— Это больше походит на подготовку к сражению, чем к игре, — заметил Вилварин.

— Воистину так, — сказал одноглазый Фарамир. — Ох, как мне жаль, что я слишком стар для таких шпук. Не в обиду моему зятю, но он увалень, а хэло требует не только силы, но и быстроты.

— Но ты же участвуешь в настоящих сражениях, — удивился Айменел.

— Для войны человек не бывает слишком стар, о щитоносец. Она приходит, не спросясь. А вот забаву я бы испортил — и себе, и другим.

К мешку с галькой подошел Гири, запустил туда руку, и, сосредоточенно нахмурившись,

вытащил камень. Увидев цвет, он радостно воскликнул:

— Белый! Белое войско!

— Белое войско... — следом вытянул камешек Радруин, и судьба несколько огорчила его, поставив против своего рохира. — Ну ладно, Рыжий, держись меня, не пропадешь.

Они протолкались через толпу жеребьевщиков назад, к малому кругу.

— Теперь Берен и Хардинг обнимаются, — продолжал удивляться Айменел.

— Конечно, — важно кивнул Гортон. — Ведь между ними нет вражды... А-а, проклятье... Эти-то зачем приехали?

У «белых» ворот появились конные вастаки — Улфанг и два его сына, Улдор и Улфаст, и несколько человек свиты. Финрод увидел, как расступились горцы, увидел, что между Улфангом и Береном произошел какой-то разговор. Судя по виду обоих — неприятный.

— Айменел, отзови Руско и узнай, о чем они говорили, — попросил Финрод. — Нет, через поле не иди — после того как круг очерчен, пересекать его могут только игроки.

Айменел исчез. Игроки рассыпались по полю в соответствии с замыслом своих вождей, но держались по краям, а не в середине — в малый круг до начала игры входить не разрешалось. Большинство держалось молча, только самые юные перекликались с теми, кто стоял за пределами круга, главным образом — с девушками, собравшимися на том всхолмии, откуда спустились эльфы.

— Нэсти! — крикнул Радруин. — Пойдешь со мной на речку после игры?

— Козу позови с собой на речку! — звонко крикнула девушка; ее подруги засмеялись. Юный Хардинг, нимало не обидевшись, начал выбирать из травы камешки и твердые грудки земли, выбрасывая их за круг, чтобы не поранить ноги в свалке. Многие другие делали то же самое.

Солнце садилось и затихали разговоры. Над полем повисло напряжение ожидания. Наконец, когда край солнца скрылся за горами, один из старейшин поднес к большому костру факел. Игроки уже были собраны и нацелены на схватку.

— Расступитесь, — сказал Финрод. Окружавшие его эльфы разошлись, давая ему место для размаха.

— Да будет игра и доброе знамение! — крикнул Берен, и остальные подхватили:

— Эла!

И когда по шалашу из бревен легко взбежали языки пламени, Финрод размахнулся и швырнул мяч на поле, почти в самую середину малого круга.

Точно две волны пошли навстречу друг другу — так сорвались с места «черный» и «белый» отряды. Молчавшие прежде зрители подняли настоящий рев — каждый выкрикивал имя кого-то из игроков, подбадривая его. Одновременно по рукам пошли факела — и вскоре поле оказалось в венце огней.

Но прежде чем это случилось, Берен, успевший раньше других к месту падения мяча, ударом плеча в живот подрубил кого-то из «черных» — Финрод видел только темный силуэт на фоне огня — и бросился вперед, возглавляя клин атакующих, как в бою. Почти сразу же против него оказался Хардинг с двумя защитниками и атака Берена увязла. Понимая, видимо, что ему не пробиться, он, низко пригнувшись, отдал мяч назад, бросив его между ног, и следующим движением подсек Хардинга, обхватив его руками за бедро и толкнув плечом в живот. Оба упали, через них перецепился еще кто-то, образовалась свалка.

— Вот это и есть хэло, — довольным голосом проговорил Фарамир.

Мяч метался по полю, передаваемый из рук в руки, и вокруг него мгновенно

образовывался вихрь сражения. Далеко не сразу в этом хаосе Финрод разглядел очертания замысла — планы первой своей атаки оба отряда выстроили примерно одинаково: строй в строй, стенка на стенку, и кто кого продавит. Теперь каждая малая кучка воинов, завладев мячом, тупо и яростно прорывалась к воротам противника, пока, выбив по одному, у нее не отбирали мяч — и все начиналось сначала. В этой возне ни Берен, ни Хардинг командовать уже не могли, хотя груда тел, в которой их погребли поначалу, уже рассыпалась и оба снова бросились в бой. Теперь перестроить игру можно было только при условии что мяч уйдет за пределы круга. Финрод не сомневался, что так в скором времени и будет — либо случайно, либо по воле кого-то из игроков.

И действительно: пройдя по высокой дуге, тяжелый мяч упал за кругом возле самых ворот «белых». Упал крайне неудачно: ударив по шее одну из вастакских лошадей. Гнедой жеребец взбрыкнул и сбросил всадника. Игра затихла — мяч следовало отыскать и передать Финроду для нового броска.

К эльфам, тяжело дыша, подошел Берен — с рассеченной бровью, содранными локтями и подрванной на колене штаниной, но улыбающийся во весь рот.

— Вот незадача, эльдар — в вастака мяч угодил. И как такое могло случиться? Со мной тоже один раз было: шел мимо поля, где большие мальчишки играли в хэло... Иду себе, иду... Вдруг смотрю — лежу... Угадали прямо по голове. Пойти, что ли, да принести повинную за этого косорукого игрока?

— Мне не кажется, Берен, что этот игрок был косоруким. Напротив, похоже, он был очень искусным игроком.

— Кто знает, государь, кто знает, — Берен улыбнулся и побежал к своим. Струдившись в круг, они что-то принялись обсуждать.

Мяч принес Айменел.

— Позже, — сказал Финрод, видя, что он собирается говорить. — Расступитесь.

Ему снова дали место для замаха. Малый круг, конечно, был уже затоптан — но Финрод отлично помнил свой бросок и точно повторил его.

Снова две лавины разгоряченных тел кинулись навстречу друг другу, сшиблись посередине, и снова мячом завладел Берен, и снова его — теперь вместе с мячом — завалили телами. На первый взгляд происходящее казалось сущим беспорядком, но глаза Финрода, глаза полководца, увидели ту же закономерность, которую вслух отметил Эдрахил:

— Они стараются связать боем всех черных... Интересно, где... А, вот он!

— Руско! — выдохнул Айменел.

Гили бежал по самому краю поля, низко пригибаясь и прижимая мяч к животу. Он изо всех сил старался быть незаметным, но доброжелатели «черных» начали орать:

— Вороны! Смотрите, мяч у белых! Белые у ворот!

Нескольких «черных», погнавшихся за Гили, свалили с ног, но остальные продолжали погоню. Однако план Берена оправдал себя: Гили удалось пробиться через ряды противников, скованных свалкой с «белыми». Теперь все зависело от быстроты его ног.

Одна сажень отделяла его от ворот, когда один из «черных» настиг его и подрубил под ноги. Оба упали, но Гили успел бросить мяч вперед. Ворота «черных» были взяты.

Горцы разразились радостными воплями, и только Айменел вскрикнул тихо и дернул отца за рукав.

— Что там? — спросил Финрод, от которого происходящее было скрыто сотнями взметнувшихся рук.

— Он ударил Руско, — тихо сказал Кальмегил. — Вроде бы обнял, но потихоньку ударил под вздох. По-видимому, от досады. Подло.

— Эй! — окликнул Финрод первого же «черного», оказавшегося от него поблизости.

— Слушаю, государь.

— Как имя того, кто едва не спас свои ворота?

Горец прищурился.

— Чтоб я сдох и провонял, если это не Дайборн дин-Финнемар.

— Это точно он, — сказал Фарамир. — Ну что ж, он пожалеет и о подлости, и о глупости своей.

— Благодарю. Айменел, к слову, что случилось у белых ворот между вастаками и князем?

— Разговор был такой, — с охотой начал оруженосец. — Вождь Улфанг спросил — разве это не ниже достоинства князя — носиться с подданными по полю без рубашки. На что эарн Берен сказал, что хэло — игра благородная и угодная богам, и хорошо играющий в нее не опозорится, даже если его оставят без штанов. Тогда сын вождя Улдор сказал, что приехал сюда высказать почтение князю беорингов, но не сумел различить князя в толпе полуголых оборванцев. Тогда эарн Берен ответил, что следует пойти подлечить глаза, потому что князя делает не одежда, а тот, кто боится, что с одеждой и украшениями лишится и достоинства, сам собой ничего не представляет. Тогда Улдор сказал, что с такими шрамами на спине он молчал бы о достоинстве, ибо достойный человек такие шрамы наносит, а не получает. Тогда Берен ответил, что истинно достойный человек не станет хвалиться палаческой сноровкой — и ушел от ворот. А вастаки уехали после того, как Улдора поразил мяч.

— Ярн делает себе врагов быстрее, чем кролик делает детей, — недовольно проворчал Фарамир. — Но какого лешего этим вастакам понадобилось здесь?

— Выяснить, не собирается ли Берен уводить с собой часть войска, — усмехнулся Эдрахил. — Вопреки своим обещаниям Маэдросу. Сыновья Феанора совсем разучились доверять другим. Всех меряют по себе.

Он умолк, потому что к эльфам снова пришел мяч и они привычно расступились.

Теперь Берен и его отряд заняли вокруг ворот глухую оборону. Костер прогорел уже почти наполовину, а за белыми был один мяч — им осталось только продержаться до конца. Отчаявшись пробить их защиту, люди Хардинга попытались послать мяч в «белые» ворота долгим броском, но тот не долетел, упав в «стане» противника. Сгрудившись вокруг мяча, «белые» защищались отчаянно. Теперь благородная игра походила на грубейшую драку. Но Финрод вдруг увидел, что, продолжая держать круговую оборону, «белые» понемногу продвигаются к «черным» воротам.

Им бы удался их замысел, если бы «черные» не выбивали из строя одного за другим. Они и сами несли при этом потери — то и дело кто-то, отползал к краю поля и садился или ложился там, оправляясь после молодецкой затрецины или крепкого пинка — но по мере продвижения к воротам ряды «белых» таяли. Под конец они оказались в том же положении, что и «черные» только что: противник встал у «ворот» глухой стеной, а сил пробить ее — не было. Один из игроков Берена попытался сделать то же, что «черные» — вбить мяч броском. Кожаный снаряд взлетел в небо вместе с радостным воплем — и опустился за круг под унылое: «У-у-у!», пролетев мимо ворот.

— Самое интересное, судя по всему, начнется тогда, когда половина игроков будет

лежать, — проговорил Лауральдо. — Право же, смотреть эту игру лучше, чем играть в нее, хотя и то и другое — удовольствие очень сомнительное.

Мяч снова передали эльфам. Финрод увидел, как Берен бредет на свою сторону поля — опустив плечи и голову, слегка прихрамывая. Но, проходя середину, он встряхнулся как пес, развернул плечи, походка сделалась вновь легкой и упругой — вождь победил мгновенную слабость.

Тем не менее следующее сражение окончилось ничем, мяч снова ушел за границу бесплодно, а потом победили «черные», причем, почти тем же способом, каким пробил ворота противника Ги́ли: завладев мячом, они связали свалкой «белых», в то время как несколько юношей пробежали прямо по груде сцепившихся тел, и что есть ног понеслись к «белым» воротам, передавая мяч друг другу, когда защитники ворот хватали и сбивали кого-то из них. Последний вполз с мячом в ворота противника, волоча двух защитников на себе, как кабан — охотничьих псов.

— Ровный счет — плохой знак, — проворчал Гортон. Почти одновременно с его словами обрушился шатер костра — теперь оставалось совсем мало времени.

Сквозь толпу к эльфам протолкался Нэндил.

— Ты опоздал, — сказал Эдрахил.

— Я пропустил все самое скучное, — возразил бард. — Как раз теперь, когда ни одно из войск не может себе позволить выжидать в обороне, и начнется главное.

И вправду — каждый отряд разделился на три неравные части. Большая, состоящая из самых сильных и неповоротливых, а также самых потрепанных в схватках, отошла к воротам, готовая их защищать, меньшая — из самых опытных, скорых и яростных бойцов — приготовилась сражаться за мяч, и у нее на подхвате оказались самые легконогие, главным образом юноши. Уже с трудом можно было разобрать, где «белые, где «черные» — и те и другие были в пыли и в крови.

Оба «войска» застыли друг против друга, готовые вступить в решающую схватку. Финроду подали мяч.

— В их легендах, — тихо проговорил он, — повествуется о камне раздора, который боги бросили на землю, чтобы посеять смуту между людьми.

С этими словами он размахнулся и швырнул мяч.

— Берен остался в обороне, — так же тихо заметил эльфам Эдрахил.

«Войска» сшиблись. Сначала наступали «черные» — вот они завладели мячом... Вот почти пробili оборону... Но нет... Нет...

Хардинг ошибся, поставив в наступление самых сильных бойцов, а в оборону — самых слабых, и сделав ставку на прорыв любой ценой. В обороне Берен, напротив, оставил сильнейших, остался сам — и сдержал натиск противника.

— А теперь — вперед, — прошептал Эдрахил. «Белое» войско не могло его услышать, но в каком-то странном согласии с его словами качнулось вперед. На мгновение стал виден Берен — проламывающийся сквозь ряды противника, расчищая дорогу тем, кто нес мяч. Новая схватка закипела у ворот «черных» — а их сильнейшие уже выбыли из строя.

Зрители орали не переставая, срывая глотки. Казалось, что груда яростно сцепившихся тел вот-вот прорвется в «черные» ворота или вовсе снесет их ко всем демонам — как вдруг кольцо бойцов распалось, и каждый, белый он или черный, выглядел так, словно потерпел поражение.

Объяснение оказалось простым — последние «черный» и «белый» поднялись с земли,

держа каждый по обрывку мяча в руке. Песок просыпался. Игра закончилась ничем.

— Сука удача, — сказал юный Хардинг, выражая общие чувства. — Мы выигрывали.

Берен, не сильно, но обидно хлестнул парня тыльной стороной ладони по губам.

— Не хули удачу, — сказал он. — Я похулил ее — и вот, она отвернулась от нас.

Копья, огораживающие круг, вынимали из земли. Берен подошел к Финроду, коротко поклонился.

— Приглашаю на пир, Государь.

— Охотно принимаю приглашение, — ответил Финрод — и добавил намного тише: —

Мне кажется, Дайборну дин-Финнемару нечего делать в твоём будущем войске.

— Благодарю, — так же тихо ответил Берен.

* * *

Надо ли говорить, что пир этот, устроенный на берегу горной речки, вливающейся в Малый Гелион, совсем не похож был на тот, что дал лорд Маэдрос. При свете костров и факелов кушанья и эль ставили прямо на землю, люди сидели кто на седлах, кто на бревнах, а кто и просто на том, что самой природой для сиденья предназначено. Весело играли музыканты, и в стороне от круга пирующих, в кольце костров, затевался другой круг — хоровод танца. Но была в этом некоторая натуга, и Финрод знал ее причину.

Он не знал, верить или нет в те предзнаменования, которые люди получают в своих играх и в другом гадании, которого он не без трепета ждал — в пении над чашей. Все годы, что он наблюдал за людьми, убедили его лишь в одном: чаще осуществление знамения зависит от веры в него, нежели напротив. В самом деле, Беор исполнил давнее пророчество, полученное кем-то из его предков над чашей — но ведь Финрод не один бродил тогда в Оссирианде, а люди в тот вечер радовались шумно, почти как сейчас. Не меньше десятка квэндри пришло бы узнать, что там такое — и, возможно, любой из них взял бы самодельную арфу, тронул струны — хотя бы из любознательности, особенно присущей нандор. И ему бы поклонились, и пошли за ним — Финрод оказался всего лишь первым...

Но ведь первым он оказался потому, что искал... Искал пути, которыми квэндри пришли в Белерианд, и обдумывал уйти по этим путям на поиски того народа, о котором Валар почти ничего не знали...

Сидя на месте почетного гостя, он поглядел на Берена — уже умытого, одетого в чистую и нарядную рубашку и расшитое зеленое полукафтанье. Тот был серьезен, если не печален. Вот с таким настроением и с мыслями о дурном знамении он возьмет в руки гадальную чашу и отопьет из нее — всего лишь вина, простого вина, Финрод знал это. Но знал и то, что, не будучи пьяны, мужчины народа Беора погружаются в странный полусон — под ритм, сходный с ритмом бьющегося сердца — и после короткого исступленного танца начинают петь. Ясные фразы чередуются в этой песне с почти бессвязными, но и те, и другие полны чарующе диких и прекрасных образов, которые потом толкуют княжеские барды — потому что поющий, окончив песню, не помнит из нее почти ничего. Часто на песню кто-то отзывается, порой — двое или трое, и тогда говорят, что судьбы их сплетены — и так оказывается впоследствии. Потому ли, что они сами в это верят? Или потому что

среди знати народа Беора все всем приходится родичами или свойственниками, и все связаны со всеми той сетью клятв, которая и делает беорингов — беорингами?

Словно уловив его мысли, Берен оборвал разговор с кем-то из горских старейшин, обернулся. Нет, то было не осанвэ, — он был наглухо «закрыт», — а просто острое чутье на чужой взгляд, развившееся за годы преследований. Финрод уже обратил внимание на то, что среди соплеменников Берен всегда «закрыт». Теперь он разделял с эльфами то, что сопровождает каждого из них в толпе людей — немолчный гул чужих мыслей, порой такого свойства, что лучше бы не владеть искусством соприкосновения разумов. Берен закрывался не для того, чтобы случаем не сказать чего-то лишнего — а для того, чтобы не услышать чего-то лишнего.

Финрод поделился этой мыслью с сидящим рядом Нэндилом.

— Я заметил, — шепнул тот. — Еще одно подтверждение тому, что ты в нем не ошибся. Как я понимаю, он не оставил намерения обратиться к этому древнему суеверию?

— Отчего ты думаешь, что это — суеверие?

— Ты знаешь, какие тайны занимали нас обоих и какими расспросами мы донимали Феантури. Я готов поверить, что Олофантур по воле Единого говорит и с людьми, ниспосылая им сны и видения — но не готов поверить, что он это делает только для тех, кто в подпитии доведет себя танцем до полубреда.

— А если зависимость иная? — спросил Финрод. — Если Олофантур говорит всегда и со всеми, но не все и не всегда могут прислушаться, и это — один из способов?

— Значит, не самый лучший. Я слышал, что у вастаков есть нечто подобное — только занимаются этим женщины, что пользуют спорынью и конопляное семя.

— Но беоринги никогда не пользовались ни тем, ни другим.

— Велика ли разница — и вино в большом количестве может вызывать видения.

— Смотри на Берена — этим вечером он выпил даже меньше, чем любой из нас. По людским меркам — почти нисколько. Я видел это гадание еще дважды — и каждый раз гадатель был трезв. Из чаши они отпивают два или три глотка. Дело не в вине.

— Согласен, дело в них. В любом случае посмотреть будет интересно...

Настала минута, когда пирушка утихла, а костры почти прогорели. Все больше и больше людей в молчаливом ожидании смотрели на Берена, который почти не пил и не ел все это время. И когда наконец на берегу среди пирующих воцарилось полное молчание, Берен встал, перешагнул через стоящие на траве блюда и прошел к другому краю круга, где сидел, уже наполнив чашу, Гортон. По правую руку от него сидел Хардинг, по левую — Нимрос, юный бард и целитель, сын и ученик славного своим искусством среди людей Белвина дин-Брогана. По словам горцев, юноша учился не только у него, но и у эльфийских бардов, и уже успел прославиться как целитель.

Встав на одно колено, Берен принял чашу — цельнолитой золотой кубок весом не менее чем в шесть фунтов. Поднявшись, он отпил из чаши три глотка, потом пошел вдоль круга сидящих — по солнцу. Пройдя равное расстояние между Гортоном и Финродом, встав лицом на юг, он преклонил колено, затем, поднявшись, отпил еще три глотка. Кто-то начал отбивать ритм мечом о щит. К нему присоединился второй, третий — и когда Берен остановился перед своим королем, удары составляли уже мерный неумолчный гул, сродный с ударами волн о скалы. Повторив поклон, Берен завершил круг на четвертой стороне света и вышел на середину круга, поставив чашу на землю. Ее литое, широкое основание исчезло в траве — словно она слегка ушла в землю под собственной тяжестью. От темноты вино в ней

казалось черным.

Берен снова пошел по кругу — в странном, медленном танце, вскидывая руки то вверх, то в стороны, подобно удивительной птице. Он падал на колени и тут же быстро вскакивал, то вскидывал лицо к звездам, то ронял голову словно в приступе безмолвного отчаяния. Когда он закончил круг и, остановившись, тихо запел, голос его был хриплым, словно надтреснутым.

Черный лебедь родился в ту ночь,
Когда умер на озере старый князь,
А новый, вам данный, не ведает,
Что ему делать с жизнью своей.

Берен вскинул голову, отбрасывая назад волосы, падавшие на лицо. Глаза его были закрыты. И в это мгновение Финрод почувствовал то, что испугало его и обрадовало — но испугало сильнее. Предвиденье, *terkenye*, разверзло перед ним дороги будущего.

Неспроста — именно сейчас. Люди провидят иначе — если бы никто не откликнулся, Берен опять не получил бы своего гадания, но необходимость отклика Финрод почувствовал горячо и ясно. Эльфы никогда прежде не пели над чашей; но и люди никогда прежде не глядели в Палантир. Времена расступались.

В отличие от людей, к которым приходили слова, иногда — со смутно понятным смыслом, — к Финроду пришли образы. Но облечь их в слова — было уже привычным делом. Правда, Финрод раньше не слагал песен на языке людей...

Как ни тяжел будет морок,
Поверить ли в гибель света?
Как ни жесток будет рок -
Отречься ли от испытания?

Он встал и пропел это, выходя за пределы всех прежних представлений и отношений. Берен резко повернулся к своему королю, глаза его распахнулись.

Я был затерян во мраке,
Не знал, увижу ли звезды...
Я продвигался в молчании,
Искал выход из темных урочищ...

Финрод вышел на середину круга — и над чашей они сомкнули руки, а голоса их вознеслись к небу, как два языка пламени:

На рассвете увижу я край тропы
На рассвете достигну края тропы
На рассвете взмолюсь на краю тропы
На рассвете шагну с края тропы.

Все это было странно до предела — образом края тропы, ведущей из темных, перепутанных и плотных колючих зарослей к светлой поляне, Финрод с Береном не делился — но Берен первым спел о нем. Он смотрел в глаза Финроду — но на самом деле сквозь них, взгляд его пронзал настоящее и шел дальше. Вторым зрением Финрод видел, как треплет волосы Берена нездешний ветер. Голос человека опустился еще ниже — теперь в его груди словно дрожал звук боевого рога:

Идем же на поле кровавой жатвы!
Как я держусь еще — сам не знаю.
Предать ли себя мне, чтобы восстать?

Все, что мне дорого — ради победы?

Отчаяние подняло его голос над холмами — и пресекло. Подхватив изломанную мелодию, Финрод ответил:

Ищи в безмолвии — и найдешь

Ту правду, что прячется среди лжи,

Точно зерно среди речных камней

От жадных глаз голодной птицы.

Берен склонил голову:

Что делать мне с жизнью моей, я не знаю.

Финрод сжал пальцами его предплечья:

Следуй за мной, и ты увидишь,

Что будет, когда боль истает,

А сомнение расточится.

Два голоса снова взлетели слаженным порывом, как два крыла одной птицы:

На рассвете увижу я край тропы

На рассвете достигну края тропы

На рассвете взмолюсь на краю тропы

На рассвете шагну с края тропы.

И снова голос Берена зазвучал боевым горном:

Идем же без страха на пиршество стали,

Ибо иной надежды нам не осталось.

Будем мужественны и отважны,

Ибо славы себе не отыщем.

О, глаза сильного уловили меня,

И в нутро мое вонзились его когти,

Голод и ужас терзают меня, и нет избавления,

Предан любовью и страхом, рожден я в несчастный час...

На сей раз все, и люди, и эльфы, подхватили припев, встав на своих местах:

На рассвете увижу я край тропы

На рассвете достигну края тропы

На рассвете взмолюсь на краю тропы

На рассвете шагну с края тропы.

Ни Берен, ни Финрод не пели больше — песня сама угасла в них, отжив свое. Берен потрянул головой, точно просыпаясь, и разжал пальцы, сжимавшие предплечья Финрода.

— Что спелось? — спросил он, оборачиваясь к Нимросу. Тот молча покачал головой.

— Мало хорошего, князь... — пробурчал Хардинг.

— Попробую дать толкование я, — подал со своего места голос Нэндил. — Надеюсь, барду эльфийского короля вы готовы поверить?

— Лорд, — подошедший за чашей Гортон поклонился, прижав кулак к сердцу.

— Вы победите, — сказал Нэндил. — Но цена будет такова, что вы не станете хвалиться победой. То, что ты задумал, Берен, удастся тебе полной мерой — но ты проклянешь удачу.

— Ну что ж, — Берен, слегка пошатываясь, подошел к своему месту и сел — а было его место как раз неподалеку от Нэндила. — Мы не халадины, чтоб торговаться о цене. В этом кругу все готовы заплатить по высшей мере.

— Эла! — крикнули горцы в ответ на его слова. Нэндил, продолжая смотреть ему в

глаза, спокойно кивнул:

— Вот именно.

Финрод тоже занял свое место среди эльфов. Тут только Берен сообразил, что и он в этом кругу, и все эльфы — выходит, что он вызвался положить ради успеха не только тех, кто приносил ему беор, и на чьи жизни он имеет право, но и того, кому он приносил беор сам.

Он прикусил язык. Ну, нет. Только не Финрод, его все это не касается. Прежде Берен сам погибнет, чем погубит государя. Нэндил должен бы это понимать, тем более что он бард...

Тем более что он бард...

Берен чувствовал себя выпитым досуха, надо было наконец приниматься за еду — но кусок в горло не шел. Последние строки пророческой песни все еще звенели в ушах — голод и ужас, и нет избавления... Он хлопнул Гили по плечу:

— Пой.

— Что? — изумился оруженосец.

— Свою, про государя Фингольфина.

Гили растерялся. Такой толпе народа, тем более — знатных воинов, да еще и эльфов в придачу, он еще не пел. Услышав однажды пение эльфов, он вообще стеснялся раскрывать рот.

— Так я это... не хочу, — простодушно брякнул он.

— Я тебя не спрашиваю, хочешь ты или нет, — разозлился Берен. — Я тебе велю: пой.

Гили запел, и мальчишеский звонкий голос немного разогнал тоску князя. За время путешествия с халадинами он слышал и другие песни своего слуги, но эта ему нравилась особенно. Ее бесхитростный мотив зажигал дух — и сейчас он с удовольствием убедился, что и на других он действует так же. Здесь было совсем не то, что в Барад-Эйтель, здесь мальчишка многим понравился. То ли горцы были зорче, нежели хадоринги, то ли внутреннее, подспудное мужество, таившееся в Гили, явственнее прорезалось в его внешнем облике... Боги мои, а ведь мальчишка и понравился ему тем, что это мужество не перло из него наружу, а было хорошо присыпано крестьянским смирением. Ты смотри, каков — глаза пылают, волосы торчком, брови сведены, и оспины как будто сошли на нет — во всяком случае, в глаза не кидаются — что твой воин-менестрель... Этак с ним придется сделать что-нибудь, пока он окончательно в вояку не превратился, а то он в главную работу окажется негоден...

Но песня кончилась — и крестьянский паренек снова заступил собой юного воителя: Гили покраснел, принимая похвалы, смутился, даже как будто сделался меньше ростом.

— Почему же ты раньше не пел? — спросил Вилварин.

— Так ведь это... Не просил же никто, — еще больше смутился Гили.

— А он гордец, — засмеялся Нэндил. — Он ждет пока его попросят...

— Я его попрошу, — тихо сказал Финрод. — Спой еще что-нибудь, мальчик.

Гили от стеснения запел первое, что пришло в голову — старую песню, которую часто слышал от матери, прявшей долгими вечерами и качавшей ногой люльку:

Как была я молода,

Золота была коса,

Кожа белая как снег,

Скоры ноженьки на бег.

Если в танце я пойду,
Если косы распушу,
Если песню запою -
Приглянусь и королю.
А теперь зима пришла,
И коса моя белая,
Мои рученьки дрожат,
Ножки бегать не хотят.
Меня в танец не зовут,
Под окошком не поют,
Мужа, ясна сокола,
Злая девка прибрала.
Злая девка прибрала,
В тесный терем увела:
Под горою заперла,
А сама с ним не легла.
Я пойду к тому холму:
"Ты пусти меня к нему!
Не тебе пришлось рожать -
Не тебе с ним и лежать!"

Дальше в песне рассказывалось о том, как холм расступился, и перед старухой явилось мертвое тело ее мужа и сама смерть, сидящая у изголовья. Смерть поставила условие: три ночи должна старуха находиться в холме и удерживать мужа обеими руками, если хочет быть с ним рядом в смерти. В первую ночь смерть тянула и тащила старика, но старуха держала его крепко и не отдавала. Во вторую ночь смерть превращала мужа в гадюку, в острый меч, в раскаленный камень и в дым — но старуха держала его крепко, чем бы он не становился, а дым уловила своим плащом. На третью ночь смерть явилась к ней в облике ее юного мужа и уговаривала не держаться за старое мертвое тело, а уйти с юным, которого она любила когда-то. Но старуха осталась верна себе и смерть проиграла состязание. В награду ей пришлось предложить им выбор: или старуха уходит одна, но становится молодой и проживает вторую жизнь, или они уходят юными оба, но проживают на земле три дня и умирают в одночасье. Оба, естественно, выбрали второе.

Гили не услышал похвал, и был уверен, что такая простецкая песня вызовет у эльфийского короля гнев или, того хуже, оставит его равнодушным. Но, когда он отважился взглянуть в лицо Финрода, оказалось, что глаза его прикрыты, а ресницы как будто бы влажны.

Гили изумился. Это была трогательная песня, и девушки, случалось, плакали, когда пели ее, особенно по первому разу, но чтобы расчувствовался мужчина, да еще эльфийский король...

И тут его осенило. Смертная тоска, которой пронизана была песня, значила для эльфа совершенно иное, чем для него, человека. Песню слагали те, для кого смерть — неизбежность, и неизвестность за гробом — тоже. Но эльф-то слышал ее совсем другими ушами. Они же бессмертные, схоронить кого-то близкого и расстаться навсегда — горе для них так и вовсе непредставимое...

Тут он перевел взгляд на Берена и увидел, что его господин тоже плачет.

— Что ж ты со мной сделал, стервец, — тихо сказал князь. И Гили окончательно все понял. Эльфийская-то королева... Которая обещалась ему и ради которой он затевает поход... Нэндил сказал — победа будет куплена страшной ценой... Верно — ценой мучений королевы, которая рано или поздно положит своего смертного мужа в гроб, отдаст его злой девке.

— Руско, — Гили обернулся на голос и увидел еще одного эльфа, Вилварина. — Возьми от меня в подарок. На прощание.

Гили не верил своим глазам. На руках эльф, как ребенка, держал свою лютню — крытую вишневым лаком, отделанную золотым узором...

— Ох, — Гили не находил слов для благодарности. — Да я же не умею.

— Научишься, — по голосу эльфа, как это часто бывает, нельзя было понять, в шутку он говорит или всерьез.

— И кто его будет учить? — осведомился Берен.

— Ты, например, — пожал плечами Вилварин.

— Делать мне больше нечего! — бросил Берен.

* * *

Оказалось, эльф как в воду глядел.

На третий день, когда они расстались с королем Финродом и всеми остальными, кроме Кальмегила, у переправы через Гелион, у всех на душе было погано.

Кальмегил, отпуская сына с королем, что-то строго и ласково ему приказал, и тот сдержанно кивнул, весь исполненный долга и повиновения — а потом не удержался и обнял отца. С Гили они на прощание тоже обнялись.

Берен напоследок о чем-то тихо переговорил с королем и Эдрахилом, потом перебрался с Нэндилом двумя словами на квэнья — эльфы посмеялись, может быть, это была шутка — и, вскакывая на коня, и люди, и эльфы крикнули человеческие слова прощания:

— Не в последний раз видимся!

С Береном теперь ехал небольшой отряд горцев — и все было иначе, чем с эльфами. Горцы много болтали, перебрасывались грубоватыми шутками, иногда запевали. А у Гили замирало сердце — он чувствовал, что приближается к родным местам.

Они держали путь южнее, чем проходила та дорога, которой Гили ранней весной вышел в Белерианд. Деревня их была в двух днях пешего пути на юг от озера Хелеворн — а горцы сейчас ехали берегом Гелиона, к горе Долмед. Вчера, когда эльфы еще были с ними и все вместе ехали по реке прямо на юг, Гили раздумывал — куда бы это на сей раз? Сейчас он голову готов был поставить, что в Ногрод или Белегост. Куда точнее — будет ясно уже в предгорьях — если повернут на север от горы — значит, в Белегост; на юг, в сторону реки Аскар — значит, в Ногрод.

Вечером, выполнив все свои обязанности, Гили, как ни устал, а полез за лютней. Не мог он оставить мысли о ней, руки так сами туда и тянулись. Больше всего он боялся, что Берен сейчас заставит заниматься с мечом — но князь только приоткрыл глаза, полулежа на седле,

покосился на Гили — и ничего не сказал.

Воодушевленный этим молчанием, Гили расчехлил лютню и пристроил ее у себя на коленях, как то делал Вилварин. Обнял округлый, гладкий корпус почти с таким же трепетом, с каким обнял бы девушку. Коснулся струн...

Увы, того прекрасного созвучия, которое рождалось под тонкими пальцами эльфа по имени Мотылек, не получилось. Струны ответили вразнобой, и Гили вспомнил, что перед игрой Вилварин всегда подтягивал их.

Он попытался подкрутить колки, чтобы создать единый лад — но не знал, каким он должен быть. После пяти минут терзаний он услышал тяжелый вздох Берена и голос, переходящий в рык:

— Иди сюда, мучитель!

Месяц назад Гили испугался бы приказа, отданного таким голосом, но теперь он уже знал, что Берена нужно бояться не тогда, когда он шумит, а тогда, когда он говорит еле слышно.

— Первую струну настраивают по флейте. Но флейты у нас здесь нет, поэтому настрой ее по звуку, на котором поешь «ни» в этой своей песне — «Словно денница»...

Гили подкручивал колок, пока звук не достиг нужной высоты.

— Вторая струна так: прижатая на седьмом пороге, она должна звучать как первая, свободная. На седьмом, я сказал, а не на пятом! Нарочно для таких как ты, мастер вбил в гриф золотую стрелочку — видишь ее?

Гили подкрутил вторую струну.

— Если ты бьешь по ней — а первая дрожит, значит, ты настроил правильно. Третью настраивай по второй точно так же. Так, неплохо... Четвертую настраивают по пятому ладу. Два порога назад. Вот так. Пятую и все остальные — по четвертой, на седьмом пороге. Не прижимай струну всем пальцем — ты что, не видишь, что глушишь соседнюю? Палец на грифе должен быть как всадник на седле: прямо. Да, вот так. Руку сильнее изогни. Деревенщина, тебе на волынке играть, а не на лютне. Теперь согласия. Мизинец — на первую струну, третий порог. Безымянный палец — туда же, на вторую струну. Третья свободна. Средний палец — на четвертую, второй порог. Указательный — на шестую, первый порог.

Гили выполнил все указания и провел правой рукой по струнам. «Брлым!» — жалко сказала лютня. Горцы засмеялись.

— Тьфу, — Берен сплюнул в сторону от костра и протянул к Гили руку: — Дай сюда.

Но когда он взял лютню, быстрее не пошло: будучи левшой, он когда-то играл на инструменте, струны которого были натянуты зеркально наоборот — так что ему приходилось, закрыв глаза, вспоминать, как становились в «согласиях» пальцы его правой руки — а потом показывать то же самое левой, для Гили. Перебирать правой рукой по струнам он тоже не мог.

— Тут кто-нибудь еще умеет играть? — спросил он, вконец разозлившись.

— Я, господин! — со своего плаща поднялся Нимрос, после Гили — самый младший в отряде.

— Ну так что сидишь, как засватанный? Давай, покажи этому горе-музыканту согласия.

— С твоего позволения, князь, я бы сначала выучил его играть «лесенку».

— Учи чему хочешь, — отмахнулся Берен. — Только, Руско, просунь рукав под струны. Намо свидетель: если тебя зарубят за твое бречанье, я этому человеку ничего не сделаю. И

еще: подгорит каша — я тебя выдеру.

Это было сказано достаточно тихо, чтобы отнестись к угрозе серьезно. Так что Гили, спустив кафтан с одного плеча, просунул рукав под струны и разучивал «лесенку» на онемевшей лютне, не забывая время от времени помешивать в котле и подкладывать дров.

* * *

— И это — Ногрод? — не сдержался кто-то из горцев, когда путникам открылся склон горы с раскинувшимся на нем... Городищем? Торжищем? — Гили не мог подобрать подходящего слова.

На прославленные подземные чертоги это походило мало.

— Это Верхний Ногрод, — сказал Кальмегил. — Здесь идет торговля и обмен и живут те, кто этим занимается. Где находится сам Ногрод — мало кому известно.

— А тебе? — спросил Берен.

— Я не выдаю чужих тайн.

— Что делать будем? — спросил старший из горцев, Дарн Фин-Эйтелинг.

— Разобьем лагерь вон в той стороне, — Берен показал кнутовищем по правую руку от валов города. — На торге нам делать нечего.

Они спустились в долину, переправились вброд через мелкую речку — приток Аскара — и вновь поднялись на холм.

Чем ближе к торгу, тем ясней было видно, как он громаден. Гили в жизни не видел такой толпы людей — обоз Алдада когда-то показался ему большим, а здесь он просто потерялся бы. Здесь серебристые опалы из Морийских Копей выменивали на хитлумских коней, железо — на мясо и шкуры, медь — на зерно; люди пригоняли сюда скот ради оружия и инструментов, нандор приносили воск и меха в обмен на ножи и наконечники стрел, синдар покупали за ткани и волокно соль и самоцветы, с востока привозили пряности и диковинки, чтобы увезти драгоценные образцы гномьего искусства.

На два десятка воинов никто не обращал внимания — вооруженные отряды такой численности попались Гили на глаза самое меньшее дважды. При виде одного из них он не выдержал и изумленно сказал:

— Вастаки!

— Конечно, вастаки, — фыркнул Берен. — Отчего бы здесь не быть вастакам. Ты же не думаешь, что все они, сколько ни пришло их в Белерианд, подались на службу к лорду Маэдросу?

Гили прикусил язык. Это просто не приходило ему в голову.

Горцы разбили четыре палатки к северо-западу от торгового двора, вверх по склону — Берену не хотелось брать воду ниже торгового двора. Гили и еще одного оруженосца отправили за водой и дровами, а когда Гили вернулся, то увидел, что Берен и Кальмегил, сидя на седлах перед самой большой палаткой, беседуют с двумя гномами. Гномы прибыли небольшим отрядом — всего шестеро — верхом на пони. Гили понял, что ошибся, думая, будто их не заметили — на самом деле за всеми пришельцами в Верхний Ногрод тихо, но пристально наблюдали.

Он продолжал свою работу, не прислушиваясь к разговору — но после ужина Берен

подозвал его и Нимроса к себе.

— Король Ногрода, государь Мельхар (41) зовет меня и Кальмегила в гости. Вы будете нас сопровождать. Наденьте чистое. Ты, Руско — ту рубаху, что тебе подарили в замке Химринг.

Двигались ночью, по горам, при свете факелов — Руско показалось, что целую вечность. Гном, возглавлявший почетную охрану, высокопарно объяснил, что им оказана ради Кальмегила великая честь — их ведут к Вратам Ногрода, не завязывая глаз, хотя они и не гномы. Гили услышал, как Нимрос тихонько хмыкнул, видимо, думая о том же, о чем и Руско: в такой темнотище они все равно не смогут запомнить дорогу к Вратам.

Дорога до Врат заняла больше часа. Кони шли шагом — посольству не пристала спешка. Врата потрясли Гили — к ним вел широкий и крепкий мост, весь выполненный из резного камня, и лишь срединный пролет — из крепких бревен, сбитых стальными полосами. При нападении врагов этот пролет, наверное, обрушивали вниз. Сами ворота, высотой в четыре человеческих роста, призваны были говорить не только о силе, но и о богатстве гномов: сделаны они были из черного каменного дуба, и каждую петлю, каждую шляпку гвоздя покрывала искусная чеканка.

Четверо богато одетых гномов поприветствовали пришельцев без лишнего шума, но крайне почтительно.

— Давно мы не видали тебя в наших залах, о Кователь, — сказал Кальмегилу один из них. — Государь будет рад видеть тебя. Всех вас — но тебя особенно. Он помнит о вашем старом споре.

— Поверь, Бойд, я тоже о нем не забыл, — ответил, спешиваясь, эльф. Они с гномом пожали друг другу руки. Гномы-стражники отвели коней и своих пони куда-то в боковой ход — видимо, в подземное стойло, — а те, кто встречал посольство, пошли в глубину подземного города, освещая путь.

Гили глазел по сторонам как замороженный. Диковины гномьего города поражали его на каждом углу — вот удивительные столпы, наплывами стекающие с потолка... А вот изваяние — каменный змей, свитый дивными кольцами, слагающимися в узор... А вот мост над пропастью — у Гили закружилась голова. Там, внизу, горели тысячи огней и сновали гномы — это было что-то вроде торжища или тинга, Гили не успел разобрать. Он поднял голову — и увидел, что свет факелов отражается в самоцветных звездах, которыми выложен круглый свод.

— Варезку закрой, — краем рта посоветовал Нимрос. Гили покраснел и сомкнул губы. Ногрод оказался, кроме всего, на удивление многолюден. Или можно сказать — «многогномен»? То и дело кто-нибудь шагал навстречу, иной раз ведя в поводу пони или осла, иной раз — толкая тачку.

При переходе через второй мост, Гили увидел внизу длинный обоз — волокуши, на которых рядами уложены были длинные бревна, тянули серые угрюмые волы. Дровяная река выползала из одного темного каменного зева и вползала в другой. Волы ревели, погонщики кричали: «Хар-хар!». Вдруг поезд остановился — что-то произошло с одной из волокуш... Ага: плохо закрепленные бревна с одной из волокуш раскатились и загромождали путь...

Внезапно Берен остановился и обернулся на звук, который был ему знаком и отвратителен: визг бича и короткий человеческий вскрик. Хорошо одетый черноволосый мужчина хлестал худого оборванца в рабском ошейнике — видимо, усмотрев его вину в том, что волокуша рассыпалась. В городе гномов — люди-рабы?

— Эй, ты! — зычно крикнул Берен надсмотрщику. — Да, ты, орочье семя! Если твоя честь не говорит тебе, что позорно избивать беззащитного, если разум твой не говорит, что глупо трепать кнут об того, кому сейчас предстоит тяжелая работа — то постыдись хотя бы знатных гномов, постыдись за род людской!

— А ты кто такой? — крикнул надсмотрщик.

— Я рохир при мече, и пусть тебе этого хватит с головой!

Надсмотрщик пожал плечами с самым независимым видом, но не возобновил наказание нерадивого раба. Теперь тот вместе с другими водворял на место скатившиеся бревна.

— Как это понимать, наугрим? — Берен указал вниз. — Чем провинились эти люди, что с ними в вашем городе обращаются как с собаками? Или вы усвоили орочий обычай?

— Пусть князь приглядится, если его глаза так же остры, как его язык! — вспыхнул гном. — Ни одного из казад нет среди надсмотрщиков! Это все ваши, людские дела! Вырубки на восточных склонах Хаудрамат принадлежат людям, они же доставляют сюда лес для укрепления стен — а уж как они между собой считаются — не наше дело.

Берен опустил голову:

— Твоя правда, почтенный гном... Прошу прощения.

— Я не оскорблен, — важно заявил гном. По его тону Гили почувствовал, что он далек от прощения — и не ошибся.

— Добавлю только, — сказал гном весьма желчным голосом, — что ни один кузд не стал бы так обращаться с другим, будь тот даже наихудшим из всех, кого видели недра земли.

— Да, — кивнул Берен, и Руско подивился тому, как много стыда и горечи может, оказывается, вместить такое короткое слово. — Идемте. Незачем здесь задерживаться.

Чем глубже они спускались — тем меньше попадалось гномов им навстречу, тем шире и светлее делались переходы. Теперь своды украшала прекрасная резьба по камню или дивная роспись. Гномы, в отличие от эльфов плавным линиям предпочитали ломаные, а точным изображениям — как бы искаженные. Им нравилось, когда тела животных и цветы образуют правильный узор, но правильность не имела ничего общего со схожестью изображения — не всегда можно было и узнать, какое именно животное изогнуто и повернуто так, чтобы оказаться точно врисованным в четырехугольник, круг или овал. Нередко попадались изображения и вовсе химерных животных — с головой орла и телом кошки или же передней частью тулова — птицы, задней — змеи.

А еще Гили был поражен встречающимися едва ли не на каждом углу изображениями драконов. Хищно выгнутые шеи, отверстые огнедышащие пасти, прижатые треугольные уши — все это, несмотря на уже привычное искажение формы в узор, восхищало и пугало. Как же так, дивился Гили, ведь драконы гномам — извечные враги...

Он собрался с духом и задал вопрос.

— О, да! — горячо сказал гном. — Поистине, эти твари враги нам. Они сильны, хитры и кровожадны. Об этом мы всегда должны помнить, и потому — мы любим изображать их. А еще мы любим изображать их потому, что более достойного и прекрасного противника Враг еще не создавал и уже не создаст. Когда будет повержен последний дракон, песня гномов будет радостной — но и печальной тоже. Потому что потомкам их уже не достанется такого славного врага...

Они остановились перед еще одними воротами — едва ли меньше тех, что вели в город, но куда богаче. На крепких бронзовых петлях красовались узоры перегородчатой эмали,

сами ворота были инкрустированы серебром и отполированы до матового блеска. Четверо гномов-стражей стояли под ними, положив руки на боевые топоры.

— Посольство к государю Мельхару от эльфийского короля Финрода Фелагунда! — звучно и гордо проговорил провожатый.

Ворота открылись как бы сами собой. Гном сделал широкий жест и шагнул в них последним.

Это уже был, безо всякого сомнения, дворец. Все, что Гили видел до сих пор, было просто ничем в сравнении со здешними чудесами.

Аметистовые гнезда распустились цветами, и молочно-белый свет фиалов дробился в них и в потоках хрустальной воды, разбивающихся о самоцветы. Вся стена по левую руку от них была фонтаном-водопадом, сбегаящим с огромной высоты в яшмовую чашу. Вдоль стены по правую руку от них шла спиральная лестница, ведущая туда, где этот водопад брал исток. Светильники висели в ее пролетах. Перила лестницы были искусно вырезаны, и такая же резьба покрывала ступени — даже жаль было ставить на них ноги. Каждый дюйм пола покрывали полусамоцветные плиты, сделанные в виде зубчатых листьев, так плотно пригнанных друг к другу, что Гили не видел ни единого зазора.

Поднявшись по резной лестнице наверх, они очутились в длинной анфиладе залов-пещер, одна другой диковинней. Иные из них гномы отделали от пола до потолка, не пропустив ни дюйма — другие же оставили в первозданном виде — словно бы предлагая сравнить свою работу и работу творца подземных залов, Тейрана-камнедробителя, которого эльфы зовут Аулэ.

Гили не сравнивал — у него глаза разбегались. Любой из камней, оставленных гномами в стенах природных пещер, в игольчатых друзьях, стоил, наверное, целого состояния — а у гномов рука не поднялась их отковырять. Кто станет теперь говорить об их ненасытной жадности? А с другой руки, в тех залах, что были ими вырублены и отделаны, каждая мелочь казалась сокровищем...

Наконец, в одном из небольших залов — по стенам висело оружие, пол был застлан коврами синдарской работы — их подвели к резному деревянному креслу, высокая спинка которого была сделана в виде дракона, распахнувшего бронзовые крыла над сидящим. В глаза чудовища были вделаны яхонты, грудь, шею и морду украшало сусальное золото, золотыми же были когти на лапах, что служили подлокотниками.

Широкоплечий гном, устроившийся в тени драконьих крыл, был далеко еще не стар. Длинную волнистую бороду не прорезала ни одна седая прядь, глаза горели — гном был в самом расцвете зрелости.

Увидев пришедших, он не только первым поприветствовал их, но и встал им навстречу.

— Кальмегил! — ухватив эльфа за руку, король гномов с силой сжал ее. — Казадрушт! (42) Давно тебя не видели мои пещеры, давно я не слышал твоего молота... Будь же здоров и счастлив, эльф!

— Да не остынет твой горн, государь Мельхар, да растет бесконечно твоя борода, — улыбнулся Кальмегил. — Я приветствую тебя от имени своего короля. Со мной — Берен, сын Барахира, князь Дортониона.

Гном какое-то время пристально всматривался в лицо Берена.

— Я бывал у вас в молодости, — сказал он. — В Друне, где сочится из земли каменное масло. Тогда у вас княжил Брегор... э-э... Горячий. Ты похож на него. Я сначала даже подумал, что ты — это он. Как он поживает?

— Он упокоился тринадцать лет назад, государь Мельхар, — ответил Берен.

— Как? — на мгновение изумился гном — потом, слегка отступив, качнул головой: — Быстро же вы сгораете, люди... Садитесь, — показал он на два пустующих кресла справа от себя. Для Гили и Нимроса, очевидно, предназначались трехногие низкие сиденья, стоящие под самой стенкой — на одном из таких устроился то ли молодой гном, то ли гномья женщина.

Еще несколько кресел было занято гномами, главным образом — пожилыми, хотя двое, похоже, приходились государю ровесниками или были чуть помладше.

— Послание от короля моего, — перед тем как сесть, Кальмегил протянул гному запечатанный кожаный футляр. — И дар от него... — на ладони Кальмегила оказалась маленькая резная шкатулка.

Мельхар, сунув письмо в руки юному гному, принял ее и открыл.

— Ха! — сказал он. — Это чтобы носить на поясе кошель, верно? — фигурка, извлеченная им, была вырезана из камня, в котором черное переходило в белое, и представляла собой двух котят, лежащих рядышком, голова одного к хвосту другого. — Такой агат мне в жизни не попадался... Благодарю от всего сердца.

Берен сделал знак рукой, и Нимрос поставил перед королем гномов свою ношу: маленький дубовый бочонок.

— Это от нас, король Ногрода. От людей Дортониона, — сказал Берен.

Бочонок зажег в глазах Мельхара огонь.

— Это то, о чем я подумал? С дымком, с дубком? То, что на днище — и вправду клеймо Реганов? Какая выдержка? (43)

— Десять лет, государь, — сказал Берен. — Это урожай последнего мирного года. Последний урожай. С тех пор Реганы не варили огненного эля.

— И правильно, — одобрительно сказал король Мельхар. — Для орочьих хлебал это питье слишком изысканное.

— Это питье теперь некому готовить, государь. Род Реганов пресекся. Погибли все. Может, в Дортонионе будут еще варить огненный эль, но так, как варили они — уже нет.

Государь сделал знак — слуга забрал шкатулку и бочонок. По кивку своего короля молодой гном сломал печать и начал читать письмо — медленно и нараспев. Видимо, такое чтение у гномов приветствовалось. Мельхар слушал, время от времени кивая в такт. По его лицу еще нельзя было понять ничего.

Финрод писал о великих опасностях, которые грозят с севера, в том числе и гномам, напоминал о прежних выгодах мирной жизни и свободной торговли, призывал Мельхара помочь горцам в их войне своим искусством ковалей, а если Мельхар захочет — то и воинов, и обещал за работу награду, которую не зазорно будет эльфийскому королю вручить, а гномьему — принять.

— И что же вам нужно от меня? — спросил Мельхар, когда безбородый гном закончил чтение и свернул письмо.

— Оружие, — сказал Берен. — Нужно вооружить отряд в тысячу человек, с небольшим запасом и быстро. А к зиме еще полторы тысячи.

— Стоило ли ехать так далеко?

— Нам нужно не совсем обычное оружие. Для начала — тысяча самострелов. Но не таких, к каким вы привыкли.

— Тысяча, да еще не таких... Да еще быстро... — подал голос один из гномов-

советников. — Это будет стоить недешево.

— Мы заплатим, — пообещал Берен. — Сколько?

— Не торопись, князь, — Мельхар слегка шевельнул усами. — Сначала ты расскажешь нам, что это за такие «не такие» самострелы. Потом наши мастера сделают тебе один, и ты скажешь, то ли он сделали, что ты хотел, и укажешь на ошибки, а уж потом мы назначим цену. И когда сторгуемся, заключим и подпишем договор.

— Договор? — Берен покосился на Кальмегила. До сих пор его понятия о соглашениях между правителями заключались во взаимном обмене клятвами.

— Договор, — подтвердил эльф. — Писаное согласие.

— Государь Мельхар не поверит моей клятве?

— Это обычай, Берен. Все важные дела гномы завершают писанным согласием. Егс подписывали и Тингол, и я, и государь Фелагунд. Твой прадед Боромир приложил свою руку, когда давал гномам право добывать каменное масло в Друне.

— Истинная правда! — Мельхар поднял палец. — «Написано на коже — золота дороже».

— Ну что ж, — Берен пожал плечами. — Договор так договор.

* * *

— Стремя? — удивился королевский мастер Дайн, когда Берен пальцем на песке начертил, чего хочет.

— Стремя, — подтвердил горец. — Приварить его вот здесь, спереди, чтобы натягивать ногой.

— Хитро, — одобряющим голосом сказал Мельхар. — А будет ли толк? Ты прежде делал ли такое?

— Такое-не такое, а вроде этого, — уклончиво сказал Берен. — Толк был.

— Ну? — Мельхар обратился к своему мастеру.

— Расход чтобы сильно увеличивался, так нет, — пожал плечами Дайн. — Я полагаю так: сталь черного звона, как обычно, да сталь бурого звона, да работа в половину этой цены, потому что срочно — и выходит, что с тебя за тысячу самострелов и припаса к ним — тридцать фунтов золотом. Ты желаешь, я слышал, также обычного оружия на такое же войско — это станет еще в двадцать. И всего с тебя — пятьдесят фунтов золотом.

— Ты кое о чем забыл, почтенный Мельхар, — сказал Берен.

— Да? — приподнял брови гном.

— О Друне. О каменном масле, которое было вам зачем-то надобно. О том, что вы куете оружие на то, чтобы отвоевать Друн.

— Я не забыл, — улыбнулся Мельхар. — Но я вот что подумал. Если вы отвоюете Друн, мои послы придут к тебе вот как ты ко мне. За каменным маслом и огненным элем. И тогда ты напомнишь мне, как я слупил с тебя за оружие, а я верну тебе часть цены, чтобы ты не лупил с меня за кровь земли. Ну, а если вы не отвоюете Друн — то я ничего и не потеряю, верно?

— Если мы не отвоюем Друн, да и весь Дортонион, государь Мельхар, ты потеряешь

многое. Покой, деньги, может быть — жизнь.

— Может быть, — согласился гном. — А может быть, и нет. Ну как, будет у нас договор?

— Договор у нас будет, — медленно проговорил Берен. — Но вот я еще о чем думаю... А что помешает мне, когда мы отвоюем Дортонион, отдать земляное масло Друна не Ногроду, а Белегосту?

— Как Белегосту? — вскинулся Мельхар.

— А почему нет? Они ведь прежде покупали его через вас. Думаю, теряли на этом, так ведь? Ну, а теперь будут покупать у нас прямо.

Мельхар потерял косичку в бороде.

— Я могу скинуть десять фунтов с условием, что Кардайн не получит Друна.

— Пятнадцать фунтов.

— Двенадцать, и покончим на этом. Иначе договора не будет. Ты не единственный покупатель, князь, а ради тебя многим придется оставить свою нынешнюю работу и заняться твоей.

— Договорились, — кивнул Берен.

Мельхар хлопнул в ладоши, и молодой гном с пергаментом, чернильницей и носильной доской для писания, возник как... ну да, как из-под земли. На написание договора ушло столько времени, что выгорел один светильник. Наконец, два примерника — договор и копия — были готовы. Нимрос прочитал оба, сверяя каждую закорючку — у самого Берена уже голова кружилась. Наконец, парень кивнул в знак того, что все правильно и можно подписывать.

— Окуни свой палец в чернила, князь, и поставь отпечаток вот здесь, — гном показал на нижний угол пергамента.

Берен, сжав губы, вытащил из-за уха у молодого гномишки перо и дважды вывел свою подпись. Потом рядом подписался Мельхар.

— Я невольно оскорбил тебя, князь, — сказал он, протягивая Берену его свиток. — Поэтому приглашаю отужинать со мной и лордом Кальмегилом, чтобы загладить вину.

— Благодарю, — сказал Берен. — И... я не оскорблен. Тебе нет нужды извиняться, государь Мельхар.

— Хорошо, — гном коротко улыбнулся. — Но приглашения я не отменяю. Правду говоря, давно хотел посмотреть, как вы сами пьете огненный эль, и так ли вы крепки на голову, как хвастаетесь.

— Пословица людей гласит, — подал голос до сих пор молчавший Кальмегил. — Что не следует состязаться в силе с медведем, бегать взапуски с зайцем и пить с горцем.

— Ха! — король гномов был явно задет. — Не верю. Не родился еще ни человек, ни эльф, ни гном, который бы меня уложил под стол.

— Я предпочел бы состязаться с тобой в мастерстве, — то ли подначил, то ли согласился Кальмегил.

— А мы и с этим еще не закончили, подожди! — они быстро шагали к королевским покоям. — У меня есть, что показать тебе, бессмертный, есть, — Мельхар хохотнул. — Ты будешь удивлен.

— Пожалуй, я тоже откажусь от состязания, — сказал Берен. — Я уже не мальчик, чтобы гордиться питейными победами.

— Ха! Прежде чем гордиться, победу нужно одержать!

— Ну, это труда не составит...

— Не составит? Да ты трусишь пить собственную отраву, человек! Что это ты там мне привез, а?

— Я выпью с тобой первый кубок, чтобы доказать, что привез не отраву, а старый добрый норпейх. Но больше не стану. Даже если я проучу тебя, государь, что я с этого поймею, кроме жестокого похмелья? Будь я юнец вроде него, — Берен кивнул на Нимроса, — я бы еще немножко потешил свою гордость. Но я уже давно не тешусь попойками.

— Ну хорошо! — прорычал гном. — А если мы побьемся об заклад? Ударим по рукам о чем-нибудь настоящем и поставим на кон? Тогда ты будешь пить со мной?

— Еще один договор? Нет, государь Мельхар, еще двух часов крючкотворства моя голова не выдержит.

— Да не договор! Просто ударим по рукам и все. Давай так: если ты свалишь меня под стол, я сделаю все за тридцать фунтов. И не попрошу масляных полей Друна.

— А чего ты хочешь с меня, если я проиграю?

— Отдашь Друн на десять лет даром.

— Я не хочу ловить тебя на слове, государь Мельхар...

— Ты поймай сначала, — оскалился гном, протягивая руку.

Берен, не долго думая, сжал пальцами его твердую, широкую ладонь.

— Лорд Кальмегил, разбей, — попросил он.

Слуги накрыли стол в одном из маленьких гротов недалеко от подземного ручья — Берен слышал перезвон воды по камням. На столе стояла всякая всячина — главным образом жареное и соленое — и знакомый Берену бочонок, уже готовый в дело: в боку провертели дырку, а в нее вставили бронзовую трубку. Прислуживать взялись Нимрос, Гили и какой-то молодой гном.

— И вот из этих наперстков мы будем пить, Государь? — недоверчиво спросил Берен, показывая на крохотный серебряный стакан высотой в палец, отделанный чеканкой и самоцветами.

— Это стаканы нарочно для огненного эля, — нахмурился Мельхар.

— Воля твоя, — согласился Берен, садясь за стол и протягивая юному гному большой стакан, предназначенный для воды или пива. — А мне, парень, налей сюда.

Юный гном если и удивился, то виду не подал. Наполнив стакан наполовину, он потянулся к кувшину с водой, но Берен резким жестом отказался.

— Так ты, князь, разбавлять не будешь? — спросил гном.

— Разве я дитя, чтобы разбавлять? Твое здоровье, государь Мельхар. Да не остынет вовеки твой горн, да произрастает твоя борода.

Берен выдохнул, мысленно вознес молитву ко всем Валар сразу и опрокинул стакан в себя.

...Огненный эль, называемый также норпейхом, варят из ячменного солода, высушенного над огнем. Для дыма в огонь бросают и зеленые сосновые ветки. После эль выпаривают, наливают в дубовые бочки и выдерживают несколько лет. Гномы пьют его так же как горцы, наливая в маленькие стаканчики и наполовину разбавляя водой... Но ведь Берен сошелся с Мельхаром в споре, а перепить гнома — задача ненамного проще, чем добыть Сильмарилл...

Скулы у него свело, а язык завязался в узел. Больше всего он боялся, что сейчас его

вырвет — однако же этого не случилось. Неизвестно, кто из Валар помог, но Берен снова спокойно вдохнул и выдохнул, сел, отхватил ножом здоровенный кус печеного мяса и вцепился в него зубами.

Проклятье! Гномы-повара не пожалели перца, а освежить пылающий рот сейчас было нечем. Рыжий, сукин сын, да не наливавай воды — ни к чему она сейчас!

По счастью, Руско кое-что сообразил — и на блюде перед Береном оказался ломоть пресного свежего сыра.

— А ну, и мне, — гном протянул слуге свой большой стакан. — И тоже не разбавляй.

Кальмегилу Нимрос по его просьбе разбавил питье.

— За твою удачу, князь Берен. И за твою победу, — провозгласил гном и выдохнул: — Хху!

Хотелось бы знать, подумал Берен, меня так же перекосило, или нет?

— Ох, — сказал король гномов, облизнув губы и переведя дыхание. — Славно... Ой как славно...

Берен обеспокоился. Он знал, как действует неразбавленный норпейх на людей — и не знал, как на гномов. Чтобы эльфы пили огненный эль — такого он вовсе не видел.

— Хороший подарок ты мне привез, — продолжал Мельхар. — И я хочу отдарить тебя. Проси... чего хочешь.

— Я слышал, — холодея от собственной наглости, сказал Берен. — Что король Фелагунд отдал Наугламир изваянием Аулэ из чистого серебра. Если ты хочешь одарить меня, государь Мельхар, позволь мне увидеть это изваяние.

— Ты попросил сразу и мало, и много, — король Ногрода качнул головой. — Ладно, пошли.

Они вышли из зала покоев и по лестнице спустились в зал совета. Храня благоговейное молчание, Мельхар слегка замедлил шаг.

В стене как раз напротив королевского кресла, находилась ниша, закрытая дверью из красного дерева. Петли и замок были сделаны из морийского серебра.

Мельхар достал из-за пазухи ключ на цепочке и, вставив его в замок, несколько раз повернул, но не так, как при открытии обычного замка, а каждый раз — в разные стороны, что-то отсчитывая про себя.

Дверь открылась. За ней была парчовая занавесь. Гном глубоко вздохнул — и отдернул ткань.

Высотой статуя была примерно в ярд. Ее расположили в нише так, чтобы серебряный Вала смотрел на гномов сверху вниз, но Берену пришлось встать на колени, чтобы заглянуть изваянию в глаза.

— Махал, — с любовью и почтением прошептал гном.

Конечно, Финрод изобразил Аулэ таким, каким помнил его — а не таким, каким Вала был во время сотворения гномов, когда Айнур еще не облеклись в одежды плоти. Но именно момент сотворения гномов запечатлела статуя: Мастер чуть подался вперед, опираясь на молот, напряженно вглядываясь в только что созданное: оно живо? Оно мыслит? Оно чувствует?

Берен знал, что произойдет в следующий миг — мучительно-радостное ожидание на лице Мастера сменится разочарованием, а потом — отчаянием, и молот в руке взлетит, занесенный для удара: он хотел создать живые и разумные существа, а не игрушки своей воли! Но Творения с криком разбегутся — так Аулэ узнает, что Единый даровал им

свободные души...

Финрод поймал миг-до-того, и серебряный Айну с любовью и ожиданием смотрел в глаза каждому, кто подходил к этой нише: ты живой? Ты мыслишь? Чувствуешь?

И все же — глядя на статую, ни на мгновение нельзя было забыть, Кто дал жизнь гномам, созданным Аулэ.

Ай да Фелагунд...

— Махал, — снова прошептал Мельхар, задерживая нишу и закрывая ее на ключ. — Ваш король — великий мастер. Ваять умеют многие — немногие умеют понимать.

Берен и Кальмегил молча вернулись с ним в королевские покои.

— Лорд Кальмегил, — сказал гном. — Воздашь ли ты честь подарку своего друга? Выпей огненного эля. Выпей хотя бы из вежества.

— Мы давно не виделись с тобой, почтенный Мельхар, — сказал нолдо, уводя разговор в сторону. — И я не знаю, как идут дела в Тумунзахаре и на востоке. Сумели вы вернуть Барашатурские шахты? Удалось вам восстановить связь с Казад-Думом? Вернулись ли люди востока к торговле с вами?

Гном досадливо крикнул.

— Чтобы не повторять трижды, скажу «нет» один раз на все сразу. Барашатур орки держат крепко, и там уже не только орки, но и тролли. Может, тебе будет интересно, но полтора года тому к Кардайну и ко мне приходили послы с Севера. Говорили сладкие слова и обещали в обмен на присягу Морготу вернуть нам Барашатур и Садурмаут, повыгонять всех орков к их орочьей матери. Но я их послал туда, куда Махал шлак сливает, и то же самое сделал Кардайн. Будут они мне мои же шахты в обмен на морготов рабский хомут предлагать! Ха!

— Что за посольство, государь Мельхар? — заинтересовался Берен. — Орки?

— Орков мы пустили бы не дальше первой же выгребной ямы, — поморщился король. — Люди. Высокие и статные, черноволосые, вроде тебя, князь Берен.

— И как они называли себя?

— Рыцарями Аст-Ахэ.

Берен и Кальмегил переглянулись.

— Я смотрю, для вас эти слова что-то значат, — Мельхар переводил взгляд с одного на другого. — Желаете, чтобы я рассказал о них подробнее?

— Нам было бы очень интересно, почтенный Мельхар, — проговорил Кальмегил.

— Ладно, слушайте. Появились они, как я уже сказал, полтора года назад. Поначалу — просто на торжище. Ходили всегда по двое, мужчина и женщина. Ничего худого не делали, только время от времени собирали вокруг себя народ и говорили им речи... Говорили так умно и красно, что многие их слушали. Наконец, их начали приглашать в сам Ногрод. И тут разговоры у них малость изменились. Прежде они все больше вели ученые речи о том, как устроен мир... Говорили много всяких полезных штук о металлах, об оружии... Дельного много — оттого их и позвали сюда, под своды Ногрода... Но оказавшись здесь, они повели иные речи... Сначала они попросили наших старцев пересказать им историю сотворения гномов. А потом начали помаленьку, исподволь, вести такие разговоры, что вроде бы как Отец богов принудил Махала уничтожить нас. А потом вроде бы как нас помиловал. Даже так дело обернули, что Отец богов... вроде как... насильничал над Махалом, — сказав это, гном большим пальцем правой руки быстро перечеркнул свой рот. — Поломал его волю. Вы поймите, это сейчас, в моих устах звучит кощунно, а тогда они все так поворачивали, что

вроде бы и не за что было к ним прицепиться. Самые злодейские мысли уже у нас в головах рождались, не у них на языках, и потому не за что было призвать их к ответу.

— И чем дело кончилось? — мрачно спросил Берен. — На что они выехали в конце концов?

— На то, что Махал пребывает там, за морем, вроде как в плену, вроде как в неволе. Но есть другой, говорили они, могучий и прекрасный дух, который мечтает дать всем свободу. А в первую голову — Махалу, своему старинному другу, да еще и отцу-создателю его самонаиразлюбимейшего ученика...

— И назвали они имя этого духа?

— Назвали, куда ж им потом было деваться: плыви или тони. Мелькор, Моргот... Вот, чьих прихвостней, я, оказывается, привечал...

— И что ты сделал, когда узнал правду?

— Вышвырнул их из города и повелел так же поступить с каждым, кто будет привечать их тайно.

— А таких много?

— А почему я знаю? Если такие и есть, так уж мне они этого не скажут.

Берен и Кальмегил переглянулись. Король гномов был мрачен и походил на нахохлившегося филина.

— Ты так сердит оттого, что многое из их слов и тебе казалось правдой, верно? — спросил Берен.

— Не сочти за грубость, князь, но твое ли это дело?

— Мое, — отрезал Берен. — Отвоевывать землю без толку, если Моргот завоюет души.

— Мою не завоюет, — резко ответил Мельхар. — Своего я Морготу ничего не отдам — ни земли, ни души. И никому другому. Выпьем, князь.

Гном наполнил стаканы. Кальмегил согласился еще раз глотнуть огненного эля — разбавленного.

— Чтоб сдохли все враги, — сказал король гномов. — Хху!

Второй стакан пошел у Берена легче, чем первый. Он знал, что самые большие трудности будут с четвертым.

— Что-то я не хмелею, — пожаловался Мельхар. — Отрава знатная, горло рвет, а я не хмелею.

Кальмегил, похоже, догадался, в чем дело и, чуть приподняв брови, покосился на Берена. Тот тихонько толкнул его под столом ногой и ответил Мельхару:

— Видно, твоя голова и в самом деле крепче моей, государь, и зря я втянул тебя в это состязание...

— Признаешь мою победу? — быстро спросил гном.

— Нет, — качнул головой Берен. — Я в плен не сдаюсь.

— Тогда пьем.

Слуги наполнили кубки.

— За вашего повелителя, чтоб ему всего на свете было, — сказал Мельхар. — Достойнейший из всех смертных и бессмертных, которых я видел.

Кальмегилу опять пришлось выпить.

— А со второго раза это не такая уж дрянь, — великодушно признал он.

— Не такая уж дрянь? — возмутился гном. — Да ты распробуй сперва!

— Привкус эля, немного хвойного дыма и много горьких масел, — проговорил

Кальмегил. — И очень мало воды... А вода призывает воду, запомни, Мельхар... Я... не лекарь... Не помню точно...

— Оно и видно, — проворчал гном.

— Вода... — снова попытался собраться с мыслями Кальмегил. Берен пнул его ногой под столом.

— Мне вот не дает покоя разговор о каком-то вашем споре, — быстро сказал он.

— Вот! — Мельхар поднял палец. — Напомнил, спасибо. Малый! Поди в мастерскую, принеси дуру. Тебе, — обратился он к Берену, — тоже интересно будет.

«Дурой» оказался удивительный самострел. На деревянном ложе покоился не лучок, а металлический желоб, внутри которого зачем-то лежали навитые стальные кольца. Приглядевшись, Берен увидел, что это не резанные кольца, а спираль.

— Стрелу, — сказал гном. — Гляди.

Вложив стрелу в желоб, он до упора оттянул спираль — теперь она змеей развернулась вдоль всей стальной дорожки, обвивая болт. Другой рукой гном загнал в паз стопорный винт.

— Все кыш оттуда, — показал он на кресло у стены. Гили опасно убрался.

— Вот, — сказал Мельхар и выдернул стопор. Освобожденная спираль взвизгнула, стрела со стуком вонзилась в спинку кресла.

Кальмегил, слегка пошатываясь, подошел к креслу.

— Она не пробилла дерево, — с неудовольствием заметил он, без усилия вытаскивая болт. — Вонзилась всего на три пальца... Доспеха она не пробьет.

— Мы разве об этом спорили, Звонкий Молот? Ты забыл, о чем мы спорили? Я тебе напомню...

— Не надо. Мы спорили о том, сможет ли закаленная навитая проволока выполнять то же действие, что и лучок самострела? И видим — не может.

— Чего? — сидя подался вперед Мельхар. Он уже был слегка в ударе, и получилось у него «чаво».

— Не может, Мельхар! Во-первых, эта штука, — кивнул он на гномий самострел, — не делает главного, ради чего лук заменяют самострелом. Она не пробивает доспех. Даже полуторадюймовую доску она не пробивает. Дальше. Ты не можешь управлять натяжением спирали — стопор всего один. На большее или на меньшее она не способна, стреляет всегда с одинаковой силой и всегда на одинаковое расстояние... Дальше. Усталость металла рано или поздно выведет спираль из работы. Сле-до-ватель-но... Эта... вещь... не может заменить самострел.

— Хрен! — возразил Мельхар. Берен удивился, до чего похоже начинают вести себя люди и гномы в подпитии. — О том, чтобы заменить самострел в бою, разговора не было. Разговор был какой? можно ли пружиной делать того же самого, что и лучком? А чего делает лучок? Стреляет. А эта штука? Она тоже стреляет. Стало быть, делает то же самое.

— Мельхар, — эльф покачал пальцем перед лицом. — Ты играешь словами. Разве это называется «стрелять»?

— А как же, козла тебе в плавильню, это называется?

— Это не стрельба, Мельхар. Ты мог бы пустить болт просто рукой — и сказал бы, что выиграл? Это не оружие.

— Оружие.

— Нет, не оружие...

— А я грю, саламандру тебе в горн, что оружие.

— А зачем мы спорим?

— Как это зачем?

— Я говорю, зачем мы спорим, если у нас есть судья?

Оба с интересом уставились на Берена.

— Князь Берен, — спросил Мельхар. — Рассуди нас: это оружие или нет?

— Рассуди, — повторил Кальмегил. Берен еще ни разу в жизни не видел ни одного эльфа таким пьяным. — Ты бы пошел с ним в битву?

— Не, — ответил он. — Не пошел бы.

— Вот! — Кальмегил поднял палец. — Вот...

— Но в другое дело — пошел бы, — кивнул Берен. — Хорошая штука. Можно спрятать под плащ... В сапог...

— Дзынь! — и прострелить себе ногу, — эльф махнул рукой.

— Какой прострелить? — обиделся Мельхар. — Стопор надежный как гора!

— Это оружие, — как можно тверже сказал Берен.

— Но не оружие воина, — почти жалобно возразил Кальмегил. — Оно не пробьет доспеха. Оно рассчитано на незащищенного человека. Это оружие убийцы...

— А я и есть, — проворчал Берен. — Будь у меня такая штука...

Кальмегил лицом и всем телом изобразил возмущение.

— Тогда бери, — гном сделал широкий жест. — Дарю.

— Сп... асибо, — Берен подгреб короткорылый самострел к себе.

— Оружие? — заглядывая ему в глаза, спросил гном.

— Оружие, — решительно кивнул Берен.

— П... одкуп судьи, — Кальмегила, похоже, разобрала та же икота.

— А если б не оружие, он бы и не к... упился, — резонно возразил гном. — П... роклятая икавка... Выпьем.

— Воды, — сказал Кальмегил.

— Хрен, — отрезал гном.

Все трое хватили неразбавленного норпейха. Кальмегил задохнулся.

— Бе... рен, — сказал он. — Нельзя же так... Поверь мне, это плохое питье... Из негс выпарены все жизненные соки... Одна горючая влага да горькие масла... Оно даже не идет...

— Идет-идет, — Берен снова пнул его ногой под столом. — Может, пива, лорд Кальмегил?

— Пива, — согласился эльф.

— Как ты, человек? — спросил Мельхар. — Еще не желаешь в кроватку?

— Разве что ты сейчас предоставишь мне мою *vanimelde*... И Сильмарилл для ее родителя.

— Тс-с! — Кальмегил оторвался от кружки повел пальцем перед глазами. — Сильмариллы — это страшная тайна. Никто не должен знать, что мы идем за Сильмариллами.

— А я никому и не скажу, — гном бахнул себя в грудь, гул пошел по всему залу. — Бороды мне лишиться — никому!

— Это — хорошо, — кивнул Кальмегил, и предложил: — Выпьем?

Берен не подал виду, что крайне изумлен этим предложением, исходящим от эльфа.

Слуги наполнили кубки.

— Чтоб мы и в пирушке и в драке ложились последними. Хху! — Мельхар перевернул кубок в рот.

Берен, подавляя тошноту, вцепился в хлеб. Похоже, гном и в самом деле намерен лечь последним... Может, сейчас? Нет, рано...

На государя Мельхара, как и на большинство гномов в подпитии, нашел приступ говорливости и бахвальства. Это еще можно было бы стерпеть, не потеряй он окончательно чувство меры и не начни рассказывать такое, чего ни в каких сказках не выдумаешь. Ладно, байку про морийское серебро, кольчуга из которого выдерживает любой удар, а весит при том не более тяжелой латницы — он когда-то слышал. Но вот байка о том, что далеко к югу за Морией никогда не бывает зимы и среди гиритрона блещут нимросы (44), а на деревьях в роще созревают золотые яблоки, которые сами собой, без ножа, распадаются на дольки. А люди в тех краях, заливался гном, с лица черны, как древесный уголь.

На такую басню можно было ответить только правдой, но такой, которая заткнет ее за пояс. И Берен с удовольствием принялся рассказывать, что слышал от мудрых: некогда, проходя через земли далеко к востоку от Мглистых Гор, беоринги повстречали диковинное племя:

— С виду — люди как люди, но росточка вот такого, — он показал четыре фута от земли. — Как дети.

— Знаю, — отмахнулся гном. — Нибин-наугрим, гномы-малютки. Отребье.

— Н-не, — Берен с оттенком торжества в голосе покачал пальцем. — Не гномы вовсе. Мы поначалу тоже думали. Однако ж. Бород у них не растет. Лица гладкие даже у старых. И ноги волосатые.

— Эка диво — ноги волосатые. У меня, к примеру, тоже волосатые...

— Да нет. Не такие волосатые. Не как у всех мужчин. Совсем. Наподобие заячьих или собачьих.

— Ну, ты даешь, — подался назад гномий король. — Ну ты сочиняешь, князь — мне за тобой не угнаться.

— Я? Сочиняю? А кто тут про черно... чернолицых рассказывал?

— Дак я-то правду говорил!

— И я правду.

— Да ну! И от кого ж ты ее знаешь? На собственные глаза-то ты видел своих, с собачьими ногами?

— А ты — свои головешки ходячие?

— Мир полон таких вещей, — вклинился в начинающийся спор Кальмегил, — которые порой даже мудрец не может увидеть во сне.

— Точно, — согласился гном. — Лучше выпьем.

Выпили.

Берен обнаружил вдруг, что рассказывает гному о тролле, которого убил его дед, Брегор Бешеный, причем гном одновременно рассказывает ему о найденном им в юности изумруде, и при этом обоих, похоже, такой разговор вполне устраивает.

— ...Быков душил, а людей так жрал...

— ...Тесно там, грю, и жарко, как у балрога в заднице...

— ...Дед туда-сюда, смотрит — потерялся...

— ...Я туда-сюда — ну, думаю, чушка свинцовая — застрял...

— ...Вокруг никого, если не считать тролля...

— ...А снизу пышет жаром и воняет — дракон, как пить дать...

— ...И тут он выходит — здоровенный что твой дуб...

— ...А как глаза попривыкли, смотрю прямо перед носом — сверкает... Вот такой, в кулак...

— ...Лег дед и притаился в камнях...

— ...А размахнуться негде — хоть плачь, хоть смейся, хоть зубами выковыривай... И драконом несет...

— ...И прямо через него перешагивает... Понял тут дед, что сегодня Тулкас прямо на него смотрит... И рубит тролля ровно через то место, где ноги вместе сходятся...

Гном вдруг умолк и подозрительно посмотрел на Берена.

— Зачем мне твой дед, князь? Я про этого тролля от него сто раз слышал. Ну, раза три — это точно. Ты про себя расскажи.

Не дожидаясь помощи слуги, он открыл трубку и плеснул и себе, и Берену.

— Выпьем.

— Чтоб нам только так и встречаться, — уже с некоторым усилием проговорил Берен.

Выпили. Берен знал, что, если ему сейчас понадобится в отхожее место, то своими ногами он не дойдет — придется опираться на плечи оруженосцев. На его счастье, голова у него была крепче ног.

Озорная задумка родилась в этой голове, и Берен с удовольствием ей поддался. С самым нешутейным видом он начал пересказывать историю о том, как ранил самого Саурана. Правду сказать, он сомневался в том, что раненый им громадный черный волколачище — сам Саурон; ничто не говорило в пользу этого — кроме того нестерпимого, животного ужаса, который тварюка распространяла вокруг себя. Однако же, никто из волколаков к себе не располагает — просто этот был больше и сильнее других, да какой-то особенно злобный дух горел в его глазах...

— ...И в окрестностях Гвайра мы встретились. До того я преследовал, а он уходил... Но когда увидели — он меня, я — его... Все обратно повернулось... это... кинулся он. Ростом — с коня, зубищи — м-мать моя честная женщина, что твои гвозди... А я... это... Нож... И копьё... Все...

— И что?

— Копьё — дрянь... Древко гнущее... Т-торопился... В плечо ему — раз! Здар-ровый... Зубами за древко... Хрясь — и пополам!

— Поклянись, что не врешь.

— Чтоб я сдох. Я бежать. Он за мной, понимаешь? Хромает, а идет. Слышу — воет... Своих созывает... И тут я, государь, смекнул, что не простой это волколак... Простой — не будет раненый по следу идти... Я в скалы... Успею — моя судьба, не достанут. Не успею — сожрут...

Берен надолго замолчал, вроде бы как собираясь с мыслями.

— Ну? — не выдержал король гномов.

— П-полез, — Берен стукнул кулаком по столу. — А в Гвайре я сроду не лазил. Ни одной скалы не знаю... Сорвусь — крышка. Лезу... А холодно, собаки его рви... Пальцы задубели... Гляжу вниз — тварюка уже там... Сидит, стерво, рану лижет и на меня зенки тарашит; а достать — уже никак...

— А дальше?

— Лезу, — уперто проговорил Берен. — Лезу, лезу, лезу... Пальцы в кровь содрал... Гляжу — мать моя честная женщина! — внизу уже трое. И тут у меня ногу свело... Сорвался я и х-х-хху-у-у! — вниз.

С этими словами Берен ударил по столу ладонью, а потом со стуком ткнулся в доски стола головой.

Краем глаза он увидел, что гном изумленно смотрит на него. Попытался выпрямиться и подпереть щеку ладонью. Голова была тяжелой и на руке не держалась.

— Ну и что?

— Чего что?

— Чем кончилось?

— Чего кончилось?

— Тьфу ты! Сорвался, упал — и что?

— Упал? А-а-а, упал... Насмерть, — сообщив это, он снова упал лицом вниз — но не на стол, а на сгиб своего локтя.

Мельхар какое-то время потрясенно молчал, потом в крайнем недоумении спросил:

— Как насмерть?

Берену уже не удавалось перебороть смех или сделать вид, что это пьяная икота. Вытирая слезы и содрогаясь от хохота всем телом, он поднял голову и откинулся на спинку кресла.

— Ты меня купил, — с какой-то почти детской обидой сказал король Ногрода.

— Я тебя купил, — сквозь смех согласился Берен.

— Ты меня купил... Я думал, что ты уже лыка не вяжешь, а ты так меня купил!

— Купил, — шепотом ответил Берен — от смеха свело живот и говорить в голос он не мог.

— Нет! — Мельхар грохнул кулаком по столу так, что подпрыгнул бочонок и вздрогнул Кальмегил. — Нет, ты меня не купил! А ну, пьем дальше.

— За что? — Берен взял из руки мельхарова слуги стакан.

— За всех наших друзей. Хху!!!

«Ой, как мне плохо...» — Берен решил, что пора. Больше неразбавленного норпейха он не выдержит...

— Налей воды, парень, — протянул он стакан Руско. — Твои повара, государь Мельхар, знают как развести горнило у человека в глотке. Ветчина славная, но как же пить охота...

— И мне, малый, — гном подставил стакан под кувшин. — Твоя правда, пряная ветчина любит много пива...

Берен пригубил, усиленно изображая, что жадно пьет. Мельхар и в самом деле опорожнил свой стакан.

— Дорогой гость, — сказал гном, вытирая усы и отдуваясь. — Я тебя покину, иначе вот-вот лопну. Без меня не пей.

— Не дерзну, — кивнул Берен.

Мельхар выбрался из-за стола и, поддерживаемый юным гномом, направился к двери.

Хмель сразил его на пороге.

«Вода любит воду», — вспомнил Берен слова Кальмегила. Покосившись на эльфа, он увидел, как тот грустно улыбается.

Неразбавленный норпейх действительно не пьянит — слишком крепок. Можно выпить довольно много — и захмелеть не более чем от обычного эля. Но если после четвертой-

пятой доли выпить воды или пива — хмелеешь так же мгновенно, как теряешь сознание от удара по черепу.

Юный гном не удержал своего государя — и тот завалился на спину, стукнувшись головой об пол.

Теперь, одержав победу в этом глупом поединке, Берен стыдился того унижения, которому подверг короля гномов — настолько, насколько вообще пьяный способен чувствовать стыд. Немного утешало то, что выпить воды все равно придется и ему — никуда не денешься.

Юный гном крикнул на помощь — и несколько слуг, прибежав, подняли Мельхара на руки. Свидетелей береновой победы было достаточно. Берен, «последний устоявший», взял со стола кувшин с водой и, опираясь о стол, поднялся.

— Нимрос, подставь плечо.

Юноша, высокий и крепкий, шагнул вперед и дал Берену о себя опереться.

— Тебе помочь? — спросил эльф.

— Не надо.

— Скажи, если я выпью воды — со мной будет то же самое?

— Ты ж сам сказал — вода любит воду...

— Но я пока не знаю, насколько любит... Что за безумие... Зачем я принял участие в этом самоистязании?

— Ты мне крепко помог. Государь Мельхар стремился от тебя не отставать.

Берен сделал два шага, стараясь не особенно виснуть на юном барде.

— Веди меня туда, куда не дошел король Мельхар. Руско, носи воду, — князь ткнул кувшин в руки своего оруженосца. — В «Наставлениях юным» сказано, что недостойно блевать на стол... Когда я, Руско, был твоих лет, мне все хотелось спросить у сочинителя: а под стол — достойно? Жаль, сочинитель помер давно... Да теперь и самому ясно, что когда подступает — о достоинстве не думаешь. Донести бы до места... А ты, Нимрос, держи меня, чтобы я сам не ухнул... куда Махал шлак сливает... Ишь устроились, дети снисхождения — водичка бежит все время... Интересно, кто у кого выучился — эльфы у них или они у эльфов?

Нимрос прислонил своего князя к стене, чтобы перевести дыхание. Потом они продолжили путь. Берен болтал не переставая и остановиться не мог.

— Вот кто бы мне сказал, отчего норпейх развязывает мне язык, а пиво завязывает? Что бы нам поспорить о пиве... Нет, нет, на пиве я не устоял бы... Намо, хранитель правды, свидетель — эта победа далась мне не легче прочих — Нимрос, как насчет сложить о ней песню? Сам знаю, не нужно... Стоять!

Этого можно было не говорить — они пришли.

— Воды, Руско! — Берен выдернул из рук Гили кувшин, осушил его, проливая на грудь и на плечи и уронил — бронза с колокольным звоном покатила по камням.

— Отсюда вы меня понесете, — сообщил Берен и еле успел развернуться к дыре, под которой действительно бежал ручей — его вывернуло. Раз и другой и третий.

— Глупая была затея, — простонал он. — Тридцать фунтов... Все равно глупая...

— Руско, еще воды, — сказал Нимрос, удерживая его за шиворот от позорнейшего падения. Впрочем, Берен уже не чувствовал стыда — вода сделала свое дело, огненный эль помрачал его разум с быстротой невероятной.

Его желудок еще дважды завязался узлом, выжимая остатки гномьей трапезы,

нерастворившийся огненный эль и горькую желчь — а потом он почувствовал как в губы ткнулась солоноватая бронза: Руско принес еще воды. Несколько глотков — и Берен потерял сознание.

Очнулся он на постели, раздетый и вроде бы даже умытый. Гили дремал рядом, в кресле, поджав одну ногу и склонившись лбом на колено. На столике перед ним стоял кувшин, немного еды, под кроватью — хе! — таз.

Берен сел, подавив стон. Голова болела, брюхо, естественно, тоже. Пьяным он себя не чувствовал, но знал: глоток-другой воды — и он опять окосеет.

Он поднялся с постели, держась за столбик алькова. Руско моментально проснулся. В его улыбке Берен прочел без всякого осанвэ: «Есть глупости, которые никто за тебя не сделает».

— Попробуй скажи что-нибудь, — проворчал он, показывая кулак. — Вот только попробуй...

* * *

Сколько молотов зазвенело о наковальни после договора и памятной пирушки, сколько гномьих кузниц выполняло заказ — Берен не знал, но на третий день после попойки ему принесли образец самострела.

— Тетиву сам натянешь, князь? — спросил Мельхар. — Или подмогнуть?

— Не надо, — Берен вставил ногу в стремя, поддел тетиву крюком и, разгибаясь, оттянул ее назад, до стопора. Вложил стрелу. Прицелился в пустой бочонок, указанный государем как мишень. Спустил тетиву.

Стрела не вышибла чоп, как он хотел, а прошла обе стенки насквозь.

— Руки дрожат? — мрачно спросил король гномов. — Вот, выпей.

— Это что? — спросил Берен, глядя на дымящуюся струйку густо-черной жидкости, наливаемую слугой из кувшинчика.

— Это кава, — с гордостью сказал гном. — Ее собирают те самые люди с черными лицами, в которых ты не поверил. Зерна ее приходят сюда через седьмые руки, и стоят мне золота по своему весу. Ты — первый из людей, который попробует этого напитка. Не рассказывай потом, что Мельхар скуп.

— Не буду, — пообещал Берен, отхлебнув обжигающего, бодряще-горького питья.

Правду сказать, напиток не показался ему стоящим золота по весу заварки. И это лишний раз доказывало, что там, где дело касается королевского достоинства и желания пустить пыль в глаза, гномы скупердьями не бывают.

Изготовление остальной тысячи самострелов и припасов к ним заняло меньше двух седмиц. Видимо, у гномов многое было в состоянии полуготовности — когда кто-то приходил с заказом, оставалось только доделать.

Летнее солнцестояние они встретили еще на торжище в Ногроде, но на третий день уже двигались с обозом в сторону моста через Аскар, что гномы построили у Сарн Атард. Укрытое холстиной и переложенное сеном, на возах дремало оружие.

Переехав через мост, они двинулись гномьим трактом через степь, к Аросу — той самой

дорогой, которую Гили проделал с купеческим обозом три луны назад. Тогда он шел пешком за возом, в самодельных опорках и полукафтани из самого грубого сукна; сейчас он ехал по левую руку от Берена, держа его копье и щит; на нем был шлем, по-эльфийски повязанный платком, кольчуга и хороший плащ, крепкие и красивые сапоги, у седла приторочена лютня. Тогда Алдад хотел сделать его своим рабом — а сейчас ему пришлось бы при виде их поезда снять шапку и посторониться, убирая свой обоз с дороги — господа рохиры не желали плестись в хвосте у торговцев.

Изменилось многое. Изменился сам Гили. Сейчас, вернувшись на свою старую дорогу и сделав круг, Руско понимал, насколько иным он стал. Дело было даже не в доспехах и не в новой одежде, и не в коне, и не в том, что он возвысился до княжеского оруженосца — все это было где-то «снаружи», поверх него; а внутри себя он чувствовал какую-то твердость; словно позвоночник усилили стальным прутком, как в одной из сказок горцев, где мать выковала герою железный хребет и железный череп, стальные руки и ноги, чтобы враг не мог поразить его... Сказка заканчивалась печально: героя уходила коварная девица, заставив его съесть хлеб, начиненный иголками, и эти иглы пронзили его сердце.

Руско покосился на Берена — своего господина, героя, сердце которого было пронзено иглами.

Все изменилось, но не взгляд, которым Берен окидывал край земли и неба там, где темной, еще тонкой полоской лежал меж небом и землей Дориат. Этот взгляд обещал еще лиги и лиги пути, сражения и смерти, победу и славу. И старая боль была в нем, и нестареющая любовь.

Урожай собрали обильный — одни говорили, оттого, что весной в предгорьях были щедрые дожди, другие — оттого, что ни одна орочья банда не застигла земледельцев на полях во время жатвы. Нынче Бретиль стерегла не тяжелая на подъем Халмирова дружина, а ребята куда более лихие. Неведомо, откуда взялись деньги на то, чтобы собрать и вооружить этакую ватагу — полторы тысячи горцев, главным образом юнцов — но те, кто видел ребят из ватаги вблизи и разговаривал с ними, знали, что командуют там уже тертые вояки.

Ездили они все на конях, но дрались в пешем строю. Хотя «дрались» — не совсем то слово: попавшиеся им орочьи ватаги они просто расстреливали. Их отряды — по тридцать человек — разъезжали между Миндебом и Малдуином, и если замечали орков на дневке — догоняли и истребляли. А поскольку до Димбара от Анаха или Теснины Сириона никак нельзя пройти, не встав на дневку хотя бы раз, то ни одна орочья шайка не потревожила халадин этим летом.

Называли себя эти молодцы «Бретильскими драконами». С какой-то радости им понадобилось брать имя чудовища — неведомо; самым простым объяснением было то, что оружие у большей их части было клеймено свернувшимся драконом, знаком одного из самых больших ногродских цехов.

Жили они в кошах, на северной границе леса, на берегу Сириона. Командовал ими какой-то Эминдил, звавший себя Безродным, правой рукой его войска верховодил Рандир Фин-Рован, левой — Дарн дин-Креган с Химринга, а серединным знаменем — Брандиц Фин-Роган. В самом Бретиле эти люди показывались редко. Лишь однажды их видели всех четверых вместе — зачем-то они приезжали к вождю Халмиру. Один из богатых халадинов, говоривших в совете у Халмира, долго таращился то на Безродного, то на его оруженосца — молчаливого рябого паренька, но так и не решился к ним подойти и заговорить.

Этой осенью все было спокойно — и никто не удивился, когда Драконы купили пива на всю ораву: им было за что пить.

* * *

Там в лесу есть поляна у быстрой реки,

Цвети, ячмень, цвети!

Где эльфийские девы сплетают венки,

Цвети, ячмень, цвети!

Там волшебные кони пасутся в полях,

И солдаты пьют за честь короля,

Цвети, ячмень, цвети! (45)

Костер горел жарко, песня звучала громко, и Гили, горланя вместе со всеми, впервые радовался своей игре, а не стеснялся ее.

Конечно, две луны — не срок, чтобы научиться играть на лютне, за две луны можно научиться только «грести по струнам» — самое пристойное из выражений, которыми Берен

вознаграждал игру своего оруженосца. Обычно играл Нимрос, а Гили хозяин приказывал петь его песни, потому что голос у Нимроса был слабый... Когда собирались начальники над этим мальчишечьим войском, так и происходило: Нимрос играл, Гили пел. Но здесь, в кругу простых стрелков, то, как играл Гили, ни у кого не вызывало нареканий. Тут не было знакомых с эльфийскими певцами; тут никто не слышал ни Маглора Бледного Господина, ни даже Вилварина — и всем нравилось, как играл Гили.

Ну, так сядем же вместе за праздничный стол -

Пьяни, ячмень, пьяни!

Пусть наполнится песнями древний дол -

Пьяни, ячмень, пьяни!

И пусть вечность не ждет нас с тобой впереди,

Нам в веселии должно свой век провести -

Пьяни, ячмень, пьяни!

— Руско тебя господин кличет, — ткнули его в спину.

Это могла быть и шутка — а заодно и способ занять место у огня. Но отмахнуться и послать шутника Гили не мог. Кто угодно, но не он.

Немножко раздосадованный, он покидал круг пира и песни, а вслед ему летело:

Пусть по кругу кружку эля!

Пусть по кругу кружку эля!

Сложил эту песню Нимрос, совсем недавно — и почти никогда сам ее не пел, хотя среди стрелков ее очень любили. Но так уж вышло, что сдержанный, прохладный Нимрос всеми простыми щитоносцами воспринимался как начальство, а Гили — нет. И оттого если затевали петь «Ячмень», то играть звали Руско.

Крыша коша была низкой: жилища Драконов представляли собою наполовину землянки. Так что все входящие волей-неволей кланялись.

Берен сидел возле очага и чертил кончиком ножа на земляном полу. В последние дни он был задумчив и вспыльчив — Гили знал, почему: разведчики, посланные на север, не возвращались. Неужели вернулись? — подумал он; но тут же сообразил, что тогда первым делом хозяин послал бы за Рандиром, Дарном и Брандиром, и, наверное, за Нимросом — чертить карту. А самого Гили вообще не позвали бы. А раз послали за ним, других же никого нет, стало быть, не вести с севера пришли, а Берен от шальной тоски сейчас велит заседлать коня, помчится на восток и будет гонять вдоль границ Дориата...

— Государь вернулся, — тихо сказал Берен, поднимая голову. В глазах его плясали радостные огоньки.

— Откуда знаешь, господин? — Гили оглянулся по сторонам, не сидит ли на лавке незамеченный им гонец.

— Знаю, — ответил Берен. — Сегодня в сумерках поедem к нему. Принеси мне все чистое и сам оденься в новье.

— Слушаюсь, — Гили вышел из коша.

Стирала им одна баба с ближайшей заимки — увидела однажды, как мальчишка возюкается в речке с цветной рубахой из тонкого полотна и только что не рвет ее, выругала его и согласилась стирать им троим за дичину. Гили рад был избавиться от такой работы — не то чтобы он ленился, а просто до того имел дело только с грубым льном и сукном самого простого тканья.

У этой же бабы Гили держал все нарядные вещи. Потому что Берен надевал первое что

под руку подвернется — будь это расшитая тонкая рубаша или грубая некрашенная ряднина; а приспичит — и лез во всем этом в колючие кусты или в болото, затевал бороться или играть в мяч — и все, нет больше рубахи; берись, Руско, за иглу. Так лучше пусть дерет и пачкает суровый лен, чем тонкое полотно, а нарядные вещи полежат в безопасном месте.

Ги́ли надел сапоги, опоясался скатой, сунул за пазуху пяток яблок на дорогу — и пошел на ближайший хутор.

— Чистые рубахи вам? — спросил хозяйка. — А чего твой господин в ней делать-то будет, в чистой? Оленьего быка свежевать или по болоту за птицей шнырять?

— В гости поедет, — сказал Ги́ли. И сразу спохватился: чего это он должен за князя отчитываться перед халадинкой? — Не твоего бабьего ума дело.

Женщина засмеялась и вынесла их рубахи — те самые, подаренные в Химринге — и полукафтаны тонкого сукна, которые им справила княгиня Эмельдир.

Вернувшись, он оседлал коней, и они с Береном поехали к речке. На берегу увязали одежду в узлы, перешли Сирион там, где было что-то похожее на брод — саженой двадцать, правда, пришлось проплыть, держась за седла — и на другом берегу оделись в чистое.

Ги́ли дивился тому, как хозяин знает, куда ехать, не будучи заранее уведомлен. С кем же пришла весть? С эльфом? С человеком? С ученой птицей?

Уже смеркалось, когда они въехали в густой молодой березнячок. Тоненькие стволы отливали червонным золотом, подвыгоревшая трава на поляне была скошена — а между деревцами, где косо́й не размахнешься, стояла в пояс.

— Стой, — сказал Берен и сам, остановившись, спешился. — Стреножь лошадей.

Ги́ли выполнил указание.

— А теперь что, ярн?

— А что хочешь, — позволил Берен. — Я тебя от чего, от брэнчания оторвал? Давай, брэнчи, если еще охота не пропала.

Ги́ли покраснел: он хоть и колебался — а все-таки взял с собой лютню. Мало ли что, придумал он себе оправдание. А вдруг Вилварин захочет ее обратно?

Стараясь не глядеть на Берена, он расчехлил лютню, подстроил ее, спустил с плеча полукафтаны.

— Не глуши струны, — неожиданно попросил Берен.

Ги́ли постарался не подать виду, что удивлен — в этом он почти научился подражать беорингам. Обычно Берен от его музыкальных потуг только плевался. Сам он пел здорово, голос у него был сильный и, хоть слегка надтреснутый, а все же красивый. А вот играл он хоть и лучше Ги́ли, но ненамного. Ги́ли однажды видел, хоть и скрывал это, как Берен попытался перетянуть струны на его лютне под свою левую руку, попробовал играть — но за те десять лет, что он не касался инструмента, пальцы уже забыли, как переходить из одного согласия в другое, утратили быстроту и ловкость. Берен расстроился чуть ли не до слез, дважды ударил кулаком по срубу, перетянул струны обратно и даже настроил сызнова, как будто бы и не брал.

Итак, просьба не глушить струны была странной для Берена; однако же Руско выполнил ее. Правда, это теперь обязывало его играть аккуратнее.

— Чего играть?

— А ту, про ячень, — Берен растянулся на траве, закинув руки за голову.

Ги́ли еще до середины не дошел, когда увидел эльфа. Точнее, эльф дал себя увидеть.

— Айменел! — радостно крикнул Руско и вскочил.

— Aie! — так же радостно крикнул эльф. — Ярн Берен! Руско! Meneg suilad!

— Воистину, — откликнулся, поднимаясь, Берен. — Видишь, Руско, как быстро нас нашли по твоим воплям. Даже быстрее, чем я думал.

— Я люблю, когда Руско поет, — возразил юный эльф. — Это хорошо, что он взял лютню. Король попросит его спеть.

— Да ну, — смутился Гили. — Вы же много лучше поете... зачем вам...

— Как ты можешь говорить лучше-хуже, если мы поем совсем иначе? — удивился Айменел. — Говорить лучше-хуже можно только когда то же самое. Если два эльфа поют одно, можно сказать лучше-хуже. А если два эльфа поют разное, уже трудно. У вас другие песни, и вы, когда поете, ищете совсем другого. Как можно говорить?

— Но ведь мы не можем как вы, — попытался спорить Гили.

— Не надо как мы! — горячо возразил эльф. — Умеете иначе. Это хорошо.

— Хватит языком болтать, — Берен сунул Гили в ладонь поводья его лошади. — Идем. Нас ведь ждут, нет?

* * *

Волшебство.

Под листьями горели разными цветами эльфийские светильники. Это были не настоящие фиалы, которые способны столетиями гореть негасимым огнем — а маленькие шарики из чего-то, похожего на стекло. Днем они вроде как впитывали в себя свет, а ночью начинали гореть, если согреть их в руке, и могли гореть до рассвета, если прежде пролежали весь день на ярком свете. Этим секретом владел только Дом Финарфина. У Лютиэн было несколько таких шариков — подарок лорда Ангрода. Очень удобно, если нельзя разжигать огонь. Жаль только, что со временем шарики умирают и превращаются в холодные мертвые стекляшки.

Все эльфы полукругом сидели под деревом, и отблески ровного золотистого света падали на их лица.

— A laita, Aran Findarato, — Берен преклонил колено. — Верно ли я понял, что ты звал меня?

— О, да, — согласился Финрод. — И рад видеть. Ну так сядем же вместе за праздничный стол, — он улыбнулся, показав рукой перед собой. — Руско, налей господину вина.

Прямо на траве была расстелена скатерть, а на ней — хлеб, мясо, два пузатых дорожных меха с вином... Гили развязал горло одному из них и наполнил протянутый ему Айменелом кубок, уловив запах яблок. Свежее яблочное вино, полученное в этом году, в крепких новых мехах, клейменных значком-корабликом.

Вино из Гаваней...

И слова из песни Король произнес не просто так — дал понять, что они здесь уже не первый день и успели присмотреться и прислушаться.

Гили вдруг заметил среди уже знакомых эльфов новое лицо. Берен тоже.

— За встречу, — сказал он, поднимая кубок. — И я рад видеть вас здесь. Успел

соскучиться по вам, эльдар, верите ли... А разве лорд Гвиндор решил к нам присоединиться?

Новый эльф ничего не ответил — молча поднес свой кубок к губам и начал пить. Берену пришлось последовать его примеру.

— И все же, — он, поставив кубок, не желал бросать начатые расспросы. — Мне хотелось бы получить ответ.

— Нет, *ernil* Берен, — холодно произнес Гвиндор. — Напротив, я послан господином моим Ородретом, чтобы просить короля вернуться.

— В Нарготронде может быть лишь один король, — тихо сказал Финрод. — И этот король — Ородрет.

— Ородрет готов отказаться от короны, — так же тихо сказал Гвиндор. — Он тяготится ею. Он никогда не любил насилия, а феаноринги наглеют все больше. Вернись, король. Без тебя скоро станет совсем худо.

— Разве я отрекся от Нарготронда? — Финрод сверкнул глазами. — Нет, Нарготронд отрекся от меня. Городской совет не пожелал даже выслушать одного из вернейших моих вассалов. Человека, сражавшегося за наши земли даже тогда, когда все мы сложили руки. Если с моей волей не посчитались однажды — как же я смогу быть королем теперь?

— Теперь все изменилось. Тогда мы посчитали твое решение приступом безумия... а сейчас...

— Сейчас до вас дошли слухи, что Фингон и Маэдрос собирают союз, — горько сказал Финрод. — Теперь ваши пограничники увидели, как Бретильские Драконы в течение одной луны уничтожили почти десяток орочьих ватаг. Теперь вы знаете, что хадоринги и эльфы Хитлума приняли план, который вы даже не пожелали. Теперь даже гномы не хотят оставаться в стороне... Так вот, говорю я вам, теперь — поздно. У меня нет больше веры в Нарготронд. Я кую эту цепь, и я не желаю вставлять в нее слабое звено. Если я буду жив, когда все закончится — я вернусь. Но корону от Нарготронда не приму.

— Почему, *aran*?

— Потому что мои слова не перчатки и не чулки; их нельзя заткнуть за пояс и вывернуть наизнанку. Нарготронд отрекся от моей власти, и я не стану властвовать в Нарготронде. Вы послушали феанорингов — пусть же вам достанет мужества идти за ними.

— Они ведут нас к гибели.

Финрод опустил ресницы. Видно было, что хоть и горько ему, а решения он не изменит.

Гвиндор покосился на Берена. Очень, очень не хотелось ему вести этот разговор при смертном, но Финрод в свою очередь всем своим невозмутимым видом как бы говорил: этот человек со мной в одной лодке, мои дела — его дела. Берен был ему благодарен.

— Скажи, Гвиндор, ты задумывался, отчего когда я решил построить город — столь многие пошли за мной и признали меня своим королем? Отчего они не остались с Финголфином, не ушли с Маэдросом, отчего синдар покинули свои леса и присоединились к нам? Скажи — ты ведь помнишь, как все начиналось.

— Тебя многие любили, — сказал эльф.

— Эта любовь не вдруг проснулась — она была и раньше. Но до какого-то времени никто из вас не говорил мне: пойдём, ты будешь нашим королем.

— Мы начали говорить это, когда почувствовали твою силу.

— А где она пряталась до того? Подумай, Гвиндор, ответь.

Эльф не мог — либо же не хотел ответить.

— Тогда я скажу тебе. — Финрод разломил хлеб. — Каждый из нас выбрал того вождя,

который искал наиболее желанного. Маэдрос — мести. Финголфин — мирной жизни. Кирдан — радости дальних странствий. А я искал надежды. Не просто на то, что Моргот будет разбит когда-нибудь — на нечто большее. То, что найдем мы вместе — нолдор, синдар, авари... Люди... Гномы... Все свободные народы Средиземья, сколько нас ни есть.

Я долго ждал вестника этой надежды. И когда он появился, Нарготронд не принял его. Показался ли он вам слишком невзрачным для человека, ради которого расступятся времена? Или вам дикой была мысль о браке смертного и эльфийской девы? Или вас прогневала мысль о Сильмарилле? Нет. Противление, оказанное вами, вовсе не было противлением ненависти. Я не знаю никого из вас, кто презирал бы смертных, вожделем Сильмариллов или особенно любил сыновей Феанора. В другой раз, начни Келегорм такие речи, его бы прогнали в шею. А тогда выслушали более чем благосклонно — почему? Вы испугались, нолдор. Не войны, не осады. Вы испугались выбора. Того, какой огромной будет ошибка, если я все же ошибся.

— А если ты все же ошибся?

— Тогда вместе со мной выпьют чашу те, кто согласился на это добровольно. И больше никто. Мы знаем цену, Гвиндор. Она не станет меньше, раздели ее хоть на двенадцать, хоть на тысячу, хоть на сто тысяч.

— Тогда прощай, король, — Гвиндор коротко коснулся его руки. — Прощай...

Он поднялся, подхватил с земли свою котомку и шагнул за границу света. Лишь одиножды зашуршали, смыкаясь, ветки за его спиной. А через несколько мгновений где-то близко раздался удаляющийся мягкий звук — копыта по многолетней подстилке из сухих слежавшихся трав, по палой листве...

— Айменел, сын, налей вина всем нам, — сказал Кальмегил после недолгого молчания. — В конце концов, он принес нам и радостные вести: с нашими близкими в Нарогарде все хорошо.

— Лорд Берен, — улыбаясь, сказал Вилварин. — Одолжит ли твой оруженосец мне лютню на этот вечер?

— Она же твоя, лорд Вилварин! — юноша протянул лютню ему.

— Подарки не возвращают, — сурово прошептал Берен, ткнув Гили локтем в бок.

— И я не лорд, — добавил Вилварин, принимая лютню. Он провел пальцем по струнам и уголок его губ недовольно опустился. Гили покраснел — он знал, что эльфийский слух тоньше человеческого, но все равно ему было стыдно своей грубой настройки — но тут эльф ему подмигнул.

Подкрутив колки, Вилварин заиграл. Лоссар, достав из-за голенища маленькую флейту, подыгрывал — и все вместе звучало как ветер в тростнике над звонким ручьем.

Nilmo vanwa ar hecil vantala,

Haryan ha'iyā-vaha'iyā mi'rie:

Lo'te loctala, su're lindala,

Alassenya na' alat sinome.

Na'n hlaranye i simpa Yavio,

Telpine ilmenyelli tingala,

Na'n cenanye i fanya pantala

We i alquo ra'mar mi Fanyamar,

Ar enyalan i nyere oiale,

Nyere ya'n ena'nye i neuro,

Ar no'anya Nu'menna hlapuva,
Ar hendinyar topuvan matinen. (46)

— А спросить можно? — решил Гили, когда Вилварин закончил петь и слишком уж гнетущей стала тишина.

— Да, Руско?

— Отчего в человеческих песнях есть склад, а в эльфийских нет?

Эльфы изумленно переглянулись.

— Ты находишь наши песни нескладными? — спросил Лоссар.

— Если говорить о песнях Вилварина — то не он один, — хмыкнув, заметил Лауральдо.

— Нет, нет! — смутился Гили. — Я не об том... Просто... у нас концы словно бы паруются, сходятся похожими словами...

— Я понял, — сказал Нэндил. — Это называется «рифма», Руско. Когда одни слова перекликаются с другими как эхо, верно? Этого и в самом деле нет в квэнийских стихах. Законы языка этому препятствуют, в нем не так много слов, достаточно похожих по звучанию. Хотя в синдаринских песнях рифма уже часто есть.

— Они рифмуют окончания с окончаниями, — слегка поморщился Лоссар. — *diriel — miriel...* Струится-серебрится... «девятнадцать» — «двадцать»...

— Это женские песни, — Гили еще не научился точно по голосу эльфов понимать их настроение, но, похоже, Аэглос осадил Лоссара. — Таков их строй и таковы законы, по которым они слагаются.

— Тут не о чем спорить, — король слегка потянулся. — Законы и строй стиха всегда таковы, чтобы перелить в слова то, что сокрыто в самой глубине сердца. Одно от другого неотъемлемо.

— Инглор, но ты же не станешь отрицать, что корявая песня, будь она стократ проникнута глубинными стремлениями сердца, никуда не годится, — возразил Эдрахил, и по вырвавшемуся у эльфа домашнему, семейному имени короля Гили вдруг понял, что дружба этих двоих старше, чем королевское достоинство Финрода. Он откинулся немного назад, чтобы оглядеть всех, и мгновенно, каким-то наитием, выделил, кроме Эдрахила, еще Менельдура, Кальмегила и Эллуина. Что связывало этих пятерых там, в сказочном Заморье? И как оно переменялось здесь, когда одному из них сказали: «Отныне ты — наш король»?

— Корявая песня так же мало способна выразить глубинные устремления сердца, как кривое зеркало — отразить облик, — сказал Финрод. — И ты не хуже меня это понимаешь. Потому спор не имеет смысла.

— Имеет, — возразил Лоссар. — Слагая песню, мы ищем слово, наиболее точно соответствующее смыслу того, что ты хочешь сказать — а не то, которое укладывается в размер и имеет подходящее окончание.

— Это свидетельствует лишь о том, что ты не понимаешь женщин, — покачал головой Эллуин. — Попробуй сказать вышивальщице, что она должна подбирать не тот цвет ниток, который нужен для узора, а тот, который наилучшим образом передает ее, хм, глубинные устремления. Она окажет тебе большую милость, если не поднимет тебя на смех — ведь ей хочется вышить именно узор, в этом и есть ее устремления. Женщины любят упорядоченное, повторяющееся и ритмичное. Для них противоречия о котором ты толкуешь, просто не существует. Когда они заставляют перекликаться и переплетаться окончания слов — это и есть то, чего желает их сердце. Они хотят, чтобы ты слушал не слова, а речь, как ты слушал биение сердца матери в утробе, когда это был единственный в мире звук для тебя. (46)

— Нолдор, — проворчал Аэглос. — Кузнецы у вас судят о словосложении, мужчины — о женских устремлениях... Неудивительно, что бардам и королям остается только помалкивать, когда вы раскрываете рты.

— Ты мне бах, я те хряс, ты мне в нос, я те в глаз, — проговорил Берен себе под нос.

— Вот вам зарифмованные человеческие песни, — засмеялся Лауральдо. — И вполне мужские. Вилварин, оставь их с их раздорами — эти раздоры старше, чем лемешной плуг. Спой еще.

— Чтобы подвести черту под этим спором, — Вилварин взял согласие на лютне, проиграл начало мелодии, и Гили узнал горскую песню о мотыльке.

— Я переложил ее на нолдорин, — сказал эльф. — Потому что о моей любимой gwilwileth сложено до обидного мало песен. Мне пришлось зарифмовать ее, потому что изначально она была зарифмована, и — увы, Лоссар! — я рифмовал окончания, как синдарская женщина, ибо другого способа не изыскал.

Он запел, и очарование старой горской песни словно бы заиграло новыми красками. Гили улавливал в нолдоринском напеве только отдельные знакомые слова: nauq, camland, bein... Почему так странно, подумал он — ведь эльф поет песню, столько раз слышанную от горцев, но в устах Вилварина это как будто новая песня, и опять хочется плакать, как в первый раз...

— Это и в самом деле черта, — вздохнул Лауральдо, когда песня умолкла. — Но мне отчего-то кажется, что эту песню сложила женщина.

— Так оно и есть, — подтвердил Берен. — О многих песнях неизвестно, кто их сложил, но эту сочинила еще там, за горами, Гварет, Скворушка. С ней приключилась скверная история — она полюбила мужчину, который был к ней холоден, и, чтобы приворожить его, купила у ведьмы зелья. А ведьма давно хотела отомстить ей за одну злую и насмешливую песню — и продала вместо приворотного зелья отраву. Возлюбленный Гварет погиб у нее на глазах в страшных муках, называя ее убийцей. Она сложила на его погребение песню — не «Мотылька», другую — а после похорон покончила с собой, утопилась.

Он склонил голову и сначала тихо, а потом, подняв лицо, громче и увереннее, пропел:

С запада и с юга,

С севера и с востока

Бегут четыре дороги,

Встречаются у колодца.

Растет над колодцем яблоня.

Серебряные у ней ветви,

Хрустальные у ней листья,

А яблоки золотые.

С запада и с юга,

С севера и с востока

Примчались четыре ветра,

Трепали они мою яблоню,

Сорвали с нее все листья,

Сломали на ней все ветви,

Цветы с нее все осыпались,

Один лишь цветок остался.

Остался и завязался,

Осыпался, отяжелел,
На солнышке грелся, грелся,
Пока не налился яблоком.
Упало в колодец яблоко -
Кто мне его достанет?
Сижу и роняю слезы:
Пошло ко дну золотое.
Зачем родилась на свет я?
Вот день закатился долгий,
Луна над горами встала.
Смотрю я — вот мое яблоко!
Но как же его достать мне?
Высоко до неба, высоко,
Ни лестницы нет, ни веревки.
Гляжу я тогда в колодец,
И вижу — на глади водной
Другая луна покоится.
А вода — она близко, вот она.
Склонилась я над колодцем,
А луна мне и шепчет, шалая:
«Склонись еще ниже, девочка».
Склонилась я еще ниже -
Уж косы в воде набухли,
А луна все бормочет, желтая:
«Еще, еще ниже, милая!»
Склонилась я еще ниже -
Упала на дно колодца,
Утянули меня мои косы.
Жалели меня люди добрые:
"Свалилась в колодец, глупая,
Пьяна была, бестолковая..."

— Как много отчаяния, — прошептал Аэглос.

— Да уж не больше, чем в песнях Маглора, — заступился Лауральдо. — Вот кто умеет безупречно отливать в слова движения своей души. Но лучше бы он умел похуже. После победной песни на Аглареб он не сложил, кажется, ни одной веселой. А когда такой мастер задается целью вогнать всех окружающих в тоску, у него это получается. Маглор один сумел бы повергнуть Моргота, если бы пробрался в Ангбанд и спел там одну из своих последних — Бауглир тут же сдох бы от тоски. Право же, я рад, что прожил последнее время не в Химринге. Мне не понравилось, как наши изменились после Браголлах. Отчаянием там пропитано все.

— Они не замечают этого, — вздохнул Нэндил, — как рыба не замечает воды. Но насчет Бауглира ты ошибся. Ему доводилось слышать песни, пронизанные отчаянием еще сильнее.

— Не от наших ли пленных? — нахмурился Аэглос.

— От своих приспешников, — сказал Финрод. — Ты не застал то время, когда они

приходили к нам. Еще до построения Нарготронда. Тогда-то я и решил основать Дом бардов — чтобы как-то противостоять этому.

— А у нас они ничего не пели, только говорили, — заметил Берен.

— Да, тут все дело в их языке, — кивнул Нэндил. — Он похож на квэнья, понятен нам, но... он страшен. Его певучие звуки словно бы баюкают разум. Даже понимая, его невозможно выучить, потому что успешно общаться на нем может лишь тот, кто перенял образ мысли Врага.

— Это как? — насторожился Берен.

Финрод перехватил его взгляд.

— Помнишь, ты говорил, что его легенды — это оружие, отточенное против людей? Его язык — это оружие, отточенное против эльфов. Молодых, наслаждающихся речью. Пробующих слова на вкус и играющих с их значениями... Берен, в этом языке «выбирать» и «принимать» — одно и то же слово. «Просить» и «научить» — тоже одно слово. «Освободить» и «прощать» — одно слово.

— Но так же ничего не поймешь. Если бы, скажем, меня скрутили и приволокли к Морготу, и я знал бы их язык, и попросил бы отпустить меня...

Он остановился, не закончив, с полуоткрытым ртом. Финрод улыбнулся.

— Ну, продолжай рассуждать.

— ...То тем самым признал бы себя виновным, ибо невиновный о прощении не просит. Ловко.

— Они прекрасно понимают друг друга, — сквозь зубы сказал Нэндил. — Но только так, как он хочет, чтобы они понимали друг друга.

Ги́ли вдруг почувствовал гнев барда, и, видимо, изумление отразилось на его лице. Нэндил разжал кулак и голос его смягчился, когда он обращался к Руско.

— Наши прародители называли себя квэнди, «говорящие», когда проснулись на берегах Куивизэнен и нагими бродили по лесам той далекой страны. Только по нашему умению нарекать вещи именами и говорить этими именами друг с другом мы отличали себя от сего прочего животного мира. Тот, кто ругается над речью — ругается над разумом и душой. Можно сковать мне руки и ноги, опустить на самое дно унижения и погрузить в муку — я все равно останусь собой. Но если бы Морготу удалось вложить в меня свой язык... Язык, который подменяет и смешивает смыслы... Я был бы уничтожен. Гномы посмеиваются над нашей любовью к речи и словам, но если отнять у мирроанви умение говорить и мыслить словами — мы будем животными.

— Пока я не познакомился с этим языком, я полагал совсем лживыми легенды об эльфах, которые якобы служили Морготу, и были истреблены в Войну Сил, — добавил Финрод. — Но я переменял свое мнение, когда разобрался с этим наречием. Если Моргот захватил кого-то смолоду, и сумел заставить мыслить на этом языке... То они были. И они погибли все. Боюсь, именно потому, что не знали разницы между «выбирать» и «принимать»...

— Но не так же, как там написано! — возмутился Берен.

— Нет, не так. То была война сил, некогда разверзавших землю для морей и поднимающих ее горами, и те, кто помнил, рассказывали нам, детям и внукам, о зареве на севере и о том, как дрожала земля... Там не могло остаться никого живого, — король помолчал и обратился к Руско. — Спой теперь ты, мальчик. Пой песни своей родины, я мало знаю песен востока.

Гили запел грустную песню о девице, которую отдали замуж в дальние края. Она мечтает стать птицей, чтобы ненадолго слетать домой к родным и уговаривает ветер принести ей вести из дому.

Вилварин и Аэглос подхватили мелодию и довели ее до конца.

— Как странно, — сказал Менельдур. — Мы такие разные, а мечтаем об одном и том же.

— О, нет, — закатил глаза Лауральдо. — Я думал, ты с этим покончил.

— Я покончу с этим не раньше, чем добьюсь своего, Аларко, — Гили понял, что Менельдур назвал Лауральдо его «материнским» именем. Очень трудно разобраться, кто кому кем приходится, когда почти все выглядят ровесниками и лишь Айменел явно младше.

— Так ты, Менельдур, полагаешь, что человек или эльф способен летать как птица? — спросил Берен.

— О, нет. Это было бы невозможно, да и просто глупо. Я думаю, что человек или эльф должны летать как человек или эльф.

— Это как? — заломил бровь Берен. — Я, к примеру, один раз летал как человек. Это было недолго и под конец больно, а если бы не сугроб внизу, я бы вообще вам об этом не рассказывал.

— Вайвэи отыскал целых семь способов летать, — со смехом сказал Лауральдо. — Жаль, что ни один из них нельзя применить на деле.

— Я весь превратился в уши, — Берен даже хлеб отложил в сторону.

— Хорошо, — Менельдур тоже положил еду и сплел пальцы. — Первый способ таков: ветер и вообще воздух обладают некоей упругостью — иначе ветер не надувал бы паруса. В Валиноре дети и взрослые порой забавлялись тем, что пускали ветряных змеев. Если бы можно было сделать такого змея, чтобы он, поднявшись на высоту, летал сам, без бечевки? Мне удалось такого построить. Но обычный змей неуправляем, и без лесы способен летать лишь на слабом ветру и лишь по прямой. Я взял его за образец и построил нового, большого, который мог бы нести подростка. Так что есть на свете эльф, который летал... — он улынулся.

— Тоже недолго, — вставил Лауральдо. — Нет, Берен, ничего такого: змея испытывали на утесе над морем. На ветру ребра змея сломались, меня достали из воды благополучно.

— Он был очень хрупок, а укрепить его нет никакой возможности — если использовать более толстое дерево, змей будет слишком тяжел для полета, — кивнул Менельдур.

— Я все понял про змея! — Берен поднял руки ладонями к спорщикам. — А дальше?

— Дерево плавает по воде, — продолжал Менельдур. — Так же будет плавать и пузырь, наполненный маслом, ибо масло легче воды. А теплый воздух легче холодного. Если наполнить большой пузырь теплым воздухом и привесить к нему корзину, можно поплыть по ветру как по воде. И плыть, пока воздух не остынет.

— Это два способа, и оба они мне нравятся, — с воодушевлением сказал Берен. — А третий?

— Ты видел, как падает кленовое семечко? — Менельдур покрутил в воздухе пальцем. — Можно сделать большие лопасти наподобие него, и если быстро вращать их, они будут подниматься вверх.

— Три способа летать! А четвертый?

— В океане обитают спруты, у которых восемь ног и все растут из головы. Они набирают в себя воду и с силой выталкивают ее, при том продвигаясь вперед. Если бы что-

либо могло так же набирать в себя воздух и с силой выталкивать — то оно бы летало.

— Кому-то придется съесть очень много гороху. Нет, я не смеюсь над тобой, продолжай! Я узнал четыре способа летать, и гадаю, каким же будет пятый!

— Пятый способ пока является плодом только моей игры ума. Все тела падают вниз так или иначе — мудрые говорят, что существует некая земная тяга. Если бы существовала тяга небесная, а земной бы не было, мы бы взмыли к небесам, и не только мы, но и все, что есть на земле, кроме деревьев. Одни говорят, что небесной тяги нет, другие — что она есть, но слишком слаба. Я думаю все же, что небесная тяга есть, ибо приливы и отливы, связаны с тем, как ходит по небу Итиль. Если бы можно было изыскать чары, и при помощи их уговорить землю отпустить меня, то Итиль притянула бы меня как воду.

— Ну, этот способ только для эльфов, ибо людям чары недоступны, — пожал плечами Берен. — Наверное, и шестой способ такой же?

— Нет, он немного походит на первый. От земли поднимаются теплые токи воздуха. Если сделать змея из прочного полого дерева, которое здесь не растет, такого змея, который представлял бы собой как бы одно большое крыло, то он лег бы на эти потоки и поднимался вместе с ними.

— Да, звучит получше, чем чары. Ну, а седьмой и последний?

— Есть вещества, что расширяются при нагревании. Если запаять котел и поставить его на огонь, то пар разорвет котел и куски разбросает в разные стороны. Однако если в котле при этом сделать маленькую дырку, а сам котел будет легким, то его швырнет в сторону, противную той, куда ударит струя пара. Если бы найти вещество, которое расширялось бы еще быстрее, чем вода, но сделать так, чтобы оно расширялось не все сразу, а понемногу, высвобождаясь как бы выдохами...

— Проще отрастить себе перья и полые кости, — Лауральдо заложил руки за голову и вытянулся на траве.

— Не нужно насмешек, доблестный рохир! — вступился за Менельдура Берен. — Первый, второй и шестой способы показались мне вполне осуществимыми. К какому же из них ты прибегнешь, когда мы закончим со своим делом?

— Не знаю, — Менельдур пожал плечами. — Наверное, к восьмому...

— Восьмому? — изумился Берен. — Каков же он?

— Только тело нуждается в чем-то, что оторвало бы его от земли, — хрустальным голосом сказал эльф. — Феа невесома и бесплотна. Когда тело мое погибнет, она воспарит в заоблачный предел и сама собою поплывет на Запад, чтобы найти покой в чертогах Мандоса.

— Мне не нравится этот способ, о нолдо с крылатым сердцем, — покачал головой Берен. — Остановись лучше на любом из первых семи.

* * *

Эльфы проснулись раньше и, проснувшись, растворились в рассветной золотистой мгле. Лютня, заботливо уложенная в чехол, была подсунута под руку Гили, а нераспитый мех яблочного вина — Берену. Кони паслись неподалеку, в гриву Лаэроса был вплетен бубенчик

— и больше ничего не говорило о том, что вечером и ночью здесь эльфы праздновали встречу.

Отзвук последней песни, кажется, до сих пор блуждал в утреннем тумане. Тревожить его словом ли, громким ли топотом копыт — не хотелось. Поэтому они ехали молча. Берен все время вертел что-то в ладони, Гили только под самый конец пути разобрал что: погасший, умерший шарик-светильник.

По утреннему холоду лезть в воду они не стали, отъехали вниз по течению почти на лигу, где был в запруженном, заболоченном месте брод — коням по брюхо. Берен храбро направил свою Митринос скачком с довольно высокого берега, и туча грязных брызг, поднятых кобылой, заляпала его красивую чистую рубаху. На что он по своему обыкновению не обратил ни малейшего внимания.

* * *

Разведчики вернулись на четвертый день.

Берен знал о них, как и о приезде Финрода — заранее, каким-то одному ему ведомым способом. Кое-кто замечал серебристое свечение ночью из-под занавески, а утром Берен выходил к людям бледноватый и немного вялый. Оттого пошли разговоры, что князь вызывает к себе в спальню закуток луну, и она рассказывает ему все, что видела, обходя дозором небо, он же платит ей за это своей кровью, оттого и бледен по утрам.

Тем утром, когда он проведал о возвращении разведчиков, он тоже был бледен — но возбужден. Велел Гвайрской тридесятке седлать коней, Гили тоже приказал в седло — и повел отряд на северо-восток.

Разведчика они встретили, когда солнце поднялось на всю осеннюю высоту и начало крепко припекать, вышибая пот. Они были в поту, а разведчика знобило и шатало, и все подивились мудрости князя: не прикажи он поднять отряд, разведчик мог бы и не дойти.

...Звали его Аван, и был он из рода Дреганов, лучших охотников и следопытов Дортониона, исходивших горы вдоль и поперек и чувствовавших себя за линией вечных снегов так же легко и свободно, как у родного очага. Однако и ему эта разведка далась нелегко: одежда висела на нем мешком, лицо обгорело и облезало клочьями, и на ногах он держался с трудом.

Один из Драконов посадил его на своего коня и привязал к себе дирголом. По дороге к кошам Аван потерял сознание.

Придя в себя на постели, напившись мясного отвара, Аван рассказал самое главное: Анах плотно стерегут орки и волки. Нахар — тоже. Второго из их тройки, Дирмада, убил волколак, третий, Садор, погиб уже в горах: они уходили через Тийлирскую седловину, через снега — и Садор, ослепнув от белого блеска, сорвался в пропасть.

Рассказав это, Аван снова провалился в сон — и спал два дня и две ночи без просыпа.

На вторую из этих ночей Гили снова заметил серебристое свечение из-под занавеси.

А утром Берен ушел охотиться один.

Солнце грело уже по-осеннему: припекали лучи, а воздух оставался холодным. От лагеря они отъехали довольно далеко. С первой встречи Финрод так ничего и не сказал о Бретильских Драконах, а Берен не спрашивал, пока терпение не лопнуло.

— Ну так что же, гсударь? — сказал он. — Как тебе мои ребята? Ты знаешь, сколько орочьих банд мы уничтожили? И скольких человек при этом потеряли?

— Девять отрядов разной численности, — ответил Финрод. — Потеряв четыре человека. За лето ты сделал из этих мальчиков настоящее войско, Берен. Они умеют биться и не знают страха, потому что еще не ведали поражений. Мое золото не пропало зря, ты доказал, что за зиму Хурин и Фингон успеют подготовить несколько таких отрядов... Маэдрос доволен... Это хорошо...

Берен остановился, зацепив ногой и подняв в воздух ворох палой листвы.

— И все? Нет, король мой, я не ждал, что ты придешь в восторг — но, честное слово, ты говоришь сейчас таким тоном, словно я, самое меньшее, пропил твое золото. Что случилось? Где я не прав? Где не прав князь Маэдрос?

— Олень, — Финрод показал глазами на подлесок.

Берен увидел его — красивый широкогрудый бычок, ветвистые рога. Оба — и человек, и эльф — плавно натянули луки. Олень, уже знакомый с этим движением, развернулся прыжком и кинулся в кусты — стрелы сорвались одновременно, судорожный бросок и короткий рев зверя показали, что самое меньшее одна попала в цель. Финрод и Берен побежали по кровавому следу.

Олень был ранен тяжело и не прошел даже тысячи шагов. На холме среди молодых осинок он упал — и теперь умирал, глядя на охотников без гнева и без мольбы, с одной болью. Стрела Берена вошла ему в плечо, стрела Финрода — в печень, а значит, добить животное должен был эльф, и трофеей принадлежал ему.

Вырубив слегу и привязав на нее тушу, они пошли к ближайшему ручью, неся оленя на плечах.

— Я знаю, — горько улыбнулся Берен, сощурившись на солнце. — Ты не веришь в военную победу. Ну, может быть, считаешь, что на этот раз мы отобьемся, но не веришь, что мы сможем взять Ангбанд. Так?

Финрод на миг повернул голову.

— Даже в годы нашей силы, — сказал он, — после Дагор Аглареб, во время осады — мы не могли разбить ворота крепости Моргота. Маэдрос верит, что на этот раз получится... Что ж, лучше такая вера, чем никакой. Но проигравшая сторона неизбежно потеряет все.

Они подошли к ручейку и сняли оленя со слегы. Разделали его быстро и ловко — у обоих был большой опыт. Потом развели костерок — зажарить сердце и печень, пока будет стекать кровь.

— Я знаю, что тебе нужно, — проворчал Берен, оттирая руки травой в воде ручья. — Чудо тебе нужно.

Финрод не стал возражать, и Берен продолжил:

— Чтобы я подошел к воротам Ангбанда, постучался: так и так, Моргот, позарез мне нужен Сильмарилл, хоть с моста в реку мне без него. Поэтому вызываю тебя на честный бой,

на кулачки, пока один не ляжет. Моргот тут начнет жидко гадить и со страху мне Сильмарилл отдаст. Или, что вернее, лопнет от смеха, и в такой вот способ мне достанутся все три Камня.

Финрод засмеялся, встал, отряхнул мокрые руки.

— Ну, может, не так... — Берен тоже поднялся. — Но чего-то в этом роде ты ждешь. Чуда. Того, что ни с чем нельзя будет спутать. Верно? Или я ошибаюсь?

Фелагунд вернулся к костру, сел на землю, поворошил угли палочкой, перевернул прутики с нанизанными кусочками мяса, достал из поясной сумы мешочек соли.

— Сила Мелькора, — сказал он, — Пронизывает и разрушает всю Арду. Этого уже не изменишь. Даже если убить его, даже если разрушить Ангбанд — его сила пребудет в Арде до ее конца. И исцелить Арду возможно, только исцелив Мелькора. Или уничтожив его полностью, вместе с его могучим духом. Арда же Исцеленная будет выше Арды Изначальной, Неискаженной...

— Ном, государь мой, — Берен опустил на траву напротив него. — Может быть, ты и прав. Но тогда я действительно совсем не то, чего ты ждал. Я — просто человек. Воин. Не инголемо, не истьяр... Может, я сумел бы исцелить кого-то, будь я целителем. Но я не умею — и не хочу, если вести речь о Мелькоре. Мне нужен Сильмарилл, и я не вижу другого пути до него добраться, кроме как снять с Моргота его корону вместе с головой. Исцелить? После того что он сделал со мной и с моей жизнью, с моей землей? Да пусть сдохнет, и будет проклят, и горит вечным пламенем! А уничтожить его — не в моих это силах.

Финрод ничего не ответил. Солнце было чистым, воздух — прозрачным. Последняя улыбка лета перед лицом наползающей осени.

— Я много чего видел, — помолчав, сказал Берен. — Я верю в Единого и в Валар, верк в судьбу. Но не верю в чудеса. Прости, король...

— Когда ты возвращаешься? — спросил эльф.

— В конце нарбелет, — сказал Берен, и в груди у него заныло, как обычно при мысли о возвращении под Тень.

— Через Анах? — король ткнул прутиком в сторону выбеливших виднокрай гор Криссаэгрим.

— Нет. Через Ущелье Сириона.

С полминуты они молча смотрели друг на друга.

— Сколько людей будут с тобой?

— Я один.

— Ты не пройдешь...

— Я бы не прошел, если бы взял с собой отряд. Один — пройду.

— Почему там?

— Я посылал разведчиков... Кайрист и Болдог, они ведь не пальцем деланные. Все проходы через Криссаэгрим или Эред Горгор стерегут, во всех ближних деревнях по доносчику... Саурон настороже, он ждет... Через перевалы не пройти, а через горы... Ты ведь поднимался на Одинокий Клык, ты знаешь, каково это. Когда я спущусь, мне нужно будет несколько дней просто отлеживаться — за это время кто-нибудь меня найдет. Нет, Ущелье Сириона безопаснее как раз потому, что там никто не ждет подвоха. А разьезды там ненамного плотнее, чем во всем остальном Дортонионе. Туда-сюда постоянно шляются банды кочевников, лазутчики и прочая мелкая сволочь... Прорвусь... Но даже если попадусь — и тогда у меня будет возможность остаться в живых. Саурон... похоже, он желает меня

больше живым, чем мертвым.

Финрод кивнул.

— Саурон никогда не убивает тех, кого можно использовать. Живой, но предавший своего короля и свою веру Берен Беоринг намного лучше послужит замирению Дортониона, чем Берен мертвый или казненный. Люди, верные тебе и твоему дому, вслед за тобой присягнут Морготу, люди, верные нам, от тебя и твоего дома отвернутся и опустят руки. А после того как ты вместе с остальными предателями искупаешься в крови людей и эльфов Хитлума, обратной дороги тебе не будет... Ты же, в свою очередь, рассчитываешь обмануть Саурона, присягнув ему на словах, а на деле продолжая подготовку к восстанию. Это ошибка, Берен, страшная ошибка — думать, будто Гортхаура можно провести таким образом. Саурон или добьется от тебя полной верности, или получит хотя бы то, что можно получить: прилюдно казнит в Каргонде. Я знаю, для тебя есть вещи дороже жизни... Но если Саурон возьмется за тебя — сможешь ли ты сохранить в тайне все те сведения, которыми набита сейчас твоя голова?

— Смогу, — твердо сказал Берен. — А еще вернее — накормлю его половой по самую завязку. Скажу ему... — он засмеялся. — Скажу, что иду в Ангбанд, добывать Сильмарилл! Расскажу и про Люттиэн, и про Тингола... И мне даже не нужно будет притворяться вконец обезумевшим от любви, потому что я и в самом деле почти готов плюнуть на все и пешком идти в Тангородрим... Самое меньшее — десять лет... Десять лет, прежде чем мы будем готовы наступать... Я за это время сойду с ума.

— Давай поедим, — предложил Финрод. — Что-то подсказывает мне близость решения. А когда решение близко, и при этом нет никаких новых сведений, которые помогли бы его принять — следует на время перестать обдумывать задачу, отпустить свою мысль в вольный поиск.

— ...И распустил пояс, — добавил Берен, снимая с огня прутик с нанизанными кусочками мяса. На миг блеснула в синеве летящая паутинка. Молчалив и светел был лес, чист и холоден ручей.

— В Валиноре бывает бабье лето? — спросил Берен.

— На севере, в Арамане — да... Я редко бывал там, и никогда — в эту пору. Но... там все иначе.

— Лучше?

— Иначе... Я очень люблю это время в Белерианде, эти десять дней на излете увядания. И сегодня как-то особенно хорошо.

— Удачная охота.

— Не только. Это как последняя трель вашей горской флейты — звук угасает, но тихое придыхание звучит какое-то время. Если бы я мог остановить это мгновение... Таким, какое оно есть, сейчас — пусть застынет, и ничего больше не нужно... — эльф прикрыл глаза.

— Да... Еще пива баклажку, и — ничего больше не нужно. Если Саурон и в самом деле зацапает меня, я о многом пожалею... И не в последнюю очередь — о том, что сегодня у нас не нашлось пива для такого славного оленя.

Эльф какое-то время молча глядел на него, потом засмеялся.

— Как все-таки забавно порой разнится наше мышление, Берен... Я только что подумал нечто подобное, но подумал совершенно иначе. Такой хорошей охоты у меня не было давно, и вряд ли нечто подобное повторится в ближайшие годы. Я подумал: вот если бы можно было сказать времени: «Замри! Остановись сейчас — лучше не бывает, и больше ничего не

хочу!»). И в этот самый миг ты вслух пожалел о пиве.

Берен развел руками.

— Но мне и впрямь жаль, что я не захватил того эля, что мои парни купили у халадин. Разве плохо было бы?

— Было бы хорошо — но если бы у тебя был эль, ты пожелал бы, чтоб это было вино, а если бы это было вино, ты пожелал бы, чтоб нас было больше, чтоб здесь были твои друзья и мои эльфы, и этот мальчик, Руско, а когда здесь собрались бы все, кого ты хочешь видеть, ты пожалел бы, что нет второго оленя... Я неправ?

Берену пришлось признать поражение.

— Уж такой мы народ, государь мой, что дареному коню норовим глянуть в зубы, а к меду требуем ложку. Редко, очень редко бывает так, чтобы человек был всем доволен и ничего больше не хотел, и никому не завидовал. Хорошо это или плохо, я судить не возьмусь.

— Как и все в Арде, я думаю, первоначально это было хорошо, а впоследствии подверглось искажению. Мне нравится в людях их неутолимая жажда бытия... И не нравится, что порой... чаще, чем можно подумать... она превращается просто в неутолимую жажду. И такая жажда пожирает человека, ничего не оставляя после себя.

Трапеза их прошла в молчании — оба думали об одном, но каждый по-своему. Потом, забросав кострище, вымыв руки и напившись воды, Финрод спросил:

— Твой недуг, от которого тебя излечила Лютиэн, больше не давал о себе знать?

— То есть, не случилось ли со мной приступов забвения? Нет, король Ном. — Берен отбросил в кусты последнюю палочку с остатками мяса, встал на колени у ручья и погрузил руки в холодную воду по локоть. — А славно было бы, если бы эта болезнь по моему желанию приходила и уходила. Правда, по словам Лютиэн, она пришла как раз по моему желанию... А вот чтобы выгнать ее, госпоже моей пришлось потрудиться.

Финрод разом посерьезнел, и обед они закончили в молчании. Потом забросали костер и увязали оленя на слегу.

— Мне кое-что пришло на ум, — сообщил эльф, когда они прошли полпути до лагеря. — Давай сбросим ношу и я тебе расскажу.

Они положили оленя и сели на землю.

— Я тебе говорил о строении человеческой памяти. О том, что вы на самом деле не забываете ничего, просто накручиваете новые витки событий на старые, это и называется у вас «за-бывать».

— Так.

— Не думаю, что память обнаружит разницу между истинными событиями и наложенными на них видениями.

— Так, — до Берена постепенно доходила суть замысла.

— Но действовать ты должен со своей настоящей памятью. И если дела пойдут совсем плохо, ты не сумеешь сам соткать ложную память... Наверное, ни один воплощенный не может создать ложную память для себя. Я думал. И решил, что ложная память может быть уже создана — но как бы спать... Это возможно... наверное. Она пробудится от сказанного слова — словно ключ откроет замок — и спрячет под собой память настоящую. До времени.

— Государь, — спросил Берен, чувствуя между лопатками холод. — А не страшно тебе от твоей собственной силы? Ведь если ты сумеешь сделать так, чтоб я забыл, что было, и помнил, чего не было — то сумеешь это сделать с любым из людей. А сумеешь ты — сумеет и... тот, кто сильнее тебя и меня. А ведь это власть. Страшная власть, государь.

— Поистине страшная, — согласился Финрод. — Но вот на что я надеюсь. Даже Тот, Кто сильнее всех, никогда не вторгнулся в то святилище, где царит свободная воля. Всемогущий, Он мог бы с легкостью сорвать этот замок — но не желает. А значит, не желает, чтобы это мог сделать и любой другой. Потому ключ от замка отдан нам и только нам, и ничто не может переломить свободной воли, если она тверда. Против твоего согласия, ни я, ни кто-либо еще не сумеет сделать с тобой того, чего ты боишься.

— И то верно, — согласился Берен, поднимаясь и берясь за свой конец шеста. — Если все обернется так гадко, что я попаду к Саурону в лапы, никакой риск не будет слишком большим. Даже если ты выдумашь что-нибудь, чтобы я мог сказать слово — и забыть все, что происходило в последний год, даже в бреду не проболтаться — уже будет хорошо. Однако же человеческая воля — солома, король Ном. Ключом, что доверил нам Единый, мы распоряжаемся, как нерадивая хозяйка — ключом от мужнего амбара. Люди продадут свободу за обещание счастья.

— И оттого если задуманное удастся мне, я потребую от тебя клятвы — не выдавать нашей тайны, Берен. Любой ценой.

— А я, хоть и ненавижу клясться — поклянусь, государь. Ради такого случая — поклянусь.

* * *

— Господин? — спросил Гили, приподняв голову на шорох.

— Ты что, не спишь? — недовольным голосом спросил Берен.

— Нет, господин, — Гили дремал, но вполглаза, и оттого почти не соврал.

— Ладно, может, оно и к лучшему. Вставай.

Гили поднялся с постели. По прохладному времени все уже носили нижнее платье и спали, не снимая его. Штаны и сорочка были здесь же, положены под голову. Берен не зажигал каганца, и в темноте Руско сначала надел рубаху задом наперед. Нащупал вырез на затылке, высунул руки из рукавов и поправился.

— Как обуешься — позови сюда Рандира и этого парня, Авана, — Берен нырнул под занавес и зашуршал своей постелью.

Гили натянул вязаные чулки, подвязав их под коленями, сунул ноги в башмаки и, завязав их на ощупь, выскочил из коша.

Луна светила в полглаза. Гили пересек вырубку и сунулся в первый от края леса кош — там со своими ребятами жил Рандир.

— Стой, кто таков? — окликнул его ночной стражник, сидевший на земляной крыше. Их там было двое, оба завернуты в бурые овчинные плащи — так что поначалу Гили их и не заметил среди торчащих из крыши палок, на которые были натянуты для просушки разные вещи.

— Руско, — отозвался он. — Своих не видишь?

— А-а, точно Руско. Чего тебе среди ночи?

— Князь требует Рандира.

Один из стражников спрыгнул с крыши, нырнул в дверь — и не успел Гили сосчитать

пять дюжин, как из коша, зевая во весь рот и застегивая на ходу кафтан, вышел Рандир. Часовой вновь полез на крышу, а Руско пошел к другому кошу — вызвать Авана.

Наконец, все трое были в коше у Берена. Тот уже затеплил каганец, поставил на стол ковш с элем, развернул холстину с резаной холодной олениной.

— Ешьте, если кто хочет — я сыт.

— Мне выйти? — спросил Гили, не дождавшись приказа. Иной раз он присутствовал на таких совещаниях, но чаще его выставляли.

— Остайся, — строго велел Берен.

На столе лежало еще что-то, накрытое холстиной. Когда Рандир и Аван отпили по глотку эля — есть никто не стал — Берен снял холст, закрывающий странный круглый предмет.

Руско и Рандир при виде его не сумели удержать удивленного вздоха. Это было что-то вроде светящегося стеклянного шарика — только больше, примерно с голову младенца. Каганец отражался в темном стекле, и тени оно отбрасывало тонкие, потому что было очень чистым. Берен взял темный кругляш в ладонь, слегка подбросил — и по увесистому шлепку Гили понял, что шар тяжел.

— Вы никому не расскажете об этой штуке. Под пыткой или при смертной угрозе вы должны молчать о ней. Потому что если она попадет в руки Моргота — ничто в Белерианде не сможет укрыться от его глаз, — Берен не думал, что все будет так ужасно, но нагонял страху на всякий случай.

Гили замер, в животе у него похолодело, когда темный шар на ладони Берена осветился изнутри серебристым сиянием.

— Подойдите ближе и смотрите, — сказал он.

Все они сделали шаг вперед, как зачарованные. Сияние шара уже не было серебристым — это был свет яркого осеннего дня в горах. В глубине кристалла им навстречу летели вершины Эред Горгор.

— Когда в середине хитуи окончатся осенние бури, вы трое должны будете пересечь Эред Горгор в том месте, где пересек его ты, Аван. Вы понесете эту вещь с собой. Что бы ни случилось, вы пойдете и возьмете ее с собой. Узнаете ли вы эти места?

В глубине шара заблестала синевой озерная гладь.

— Тарн Аэлуин, князь... — сказал Рандир.

— Тарн Аэлуин, — повторил Берен. — Западный берег. Маэд и Гваэд, — над озером возвышались два покрытые лесом холма. — И распадок меж ними.

Теперь все в шаре виделось как бы с высоты человеческого роста.

— По весне и по осени этот распадок легко найти из-за вейдх. Там, где над распадком смыкаются деревья — найдите каменный курган.

Курган был высок, выше человеческого роста; весь обомшел и местами был обвит тонкими побегам симбелина.

— Здесь вы спрячете шар, — сказал Берен, — В этом кургане. И будете оставаться неподалеку, пока я не отыщу вас.

Сияние в шаре померкло, а потом и вовсе погасло.

— Никто не должен знать о нем, — напомнил Берен. — Даже никто из наших. Если я... не смогу прийти. Если вы не будете знать, где я — оставайтесь в Дортонионе всю зиму, а весной, перед сходом снегов, пусть любой из вас вернется на то место и возьмет шар в руки, как это делал я. Смотрите в него пристально и думайте о князе Маэдросе. Сосредоточьте на

нем все свои мысли, и когда он появится в шаре — говорите с ним. Но делайте это только если за зиму так и не узнаете ничего обо мне. Или если узнаете доподлинно, что я мертв или же в плену. И — никому, никогда не выдавайте тайны шара. Если вам будет суждено умереть — путь она умрет вместе с вами. Клянись мне в этом.

— Клянемся, — Гили немеющими губами повторил это за двумя другими.

— Сейчас я скажу вам то, что объявлю завтра всем: я уйду. Возвращаюсь под тень. Готовьтесь и не ослабляйте бдительности, потому что время близко. Я отправляюсь поднимать Дортонион. Если мне не удастся — это будет вашим делом. Теперь идите.

— Хозяин, — в растерянности проговорил Гили.

— Молчи. Идите, фэррим, а ты, Руско, ложись спать.

Аван и Рандир покинули землянку, а Берен спрятал потухший шар в изголовье постели.

— Дар государя Финрода, — сказал он. — Когда я уйду — береги его пуще глаза, Руско.

— Ты же сказал, что возьмешь меня с собой, мардо, — Гили было стыдно признаться себе — но он испытал облегчение когда узнал, что придется идти еще не скоро.

— Я передумал. Там, куда я пойду, ты не пройдешь со мной. Кроме того, я пойду быстро. Как эльф.

— Медленно полетишь?

— Ага.

Увидев, как Гили приуныл, Берен потрепал его по подбородку.

— Я разрешу тебе проводить себя до того места, где оставлю коня. Оно и хорошо, что Митринор не придется самой искать дорогу назад. Жаль было бы, если бы такая кобыла попалась волкам.

Гили не мог уснуть в эту ночь. Он ворочался, слушая, как за загородкой всхрапывают кони, кутался в одеяло и лишь перед рассветом задремал.

* * *

Листва уже сделалась желтой и ломкой по краям, но держалась на деревьях.

— Когда она облетит, я уйду, — сказал Берен.

— Мудрое решение, — согласился Финрод. — После этого как раз выпадет несколько теплых дней. Предгорья Криссаэгрим поросли лесом — тебе будет где укрыться. Нет лучшей постели, чем листья, недавно опавшие.

— Есть, — непонятно зачем возразил Берен. — Хороший стог сена. Но орки не мечут сено в стога...

Они сели на берегу реки. Желто-зеленые листья время от времени срывались с ясеня и плыли по воде корабликами, или семена, кружась, тревожили гладь Миндеба. На другом берегу — словно облако висело над подлеском — возвышались дубы Дориата.

— Будем дожидаться ночи? — спросил Берен.

— Нет нужды.

Как тогда, в летнюю ночь, из котомки появился Палантир.

— Что мне делать? Куда смотреть? — спросил Берен, сжимая камень в ладонях.

— В себя. В прошлое, — ладони Финрода легли сверху. — Странствуй дорогами своей

памяти, растворишься в ней и исчезнешь, не думай больше ни о чем.

...Это была радость — но радость далась ему нелегко. Какой-то частью себя он все время помнил, что переживаемое им — не более чем яркие, зримые образы предельно обостренной памяти. Больно было заново переживать встречу — уже зная о предстоящей разлуке. Словно бы раздвоившись, Берен с одной стороны следил за своими странствиями и метаниями, а с другой — блуждал заколдованными тропинками, обретал речь при обжигающе страшной мысли о том, что Лютиэн сейчас уйдет, бродил с ней по лесным полянам и бежал из дома своего заточения, чтобы признаться ей в любви. И дальше, дальше... Финрод предупредил, что скрывать ничего будет нельзя. Это условие он произнес едва ли не с большим трудом, чем Берен на него согласился. Но теперь ему было все равно. О, что это была за сладкая отравка. Какая радость, что он не додумался до этого сам и раньше — кто знает, а вдруг слабость одолела бы и он бы позволил Камню выпить всю свою жизнь...

Беседа с Келеборном, гнев короля Тингола и смыкающиеся за спиной ветки лещины над Аросом... Берен напряг все силы — и вырвался из видения. По щекам его бежал щекотный и теплый пот, рубаха промокла в подмышках.

Финрод тоже был бледен. Свои пальцы он оторвал от Палантира словно бы с усилием.

— Ложись и отдыхай, — Финрод встал. — С закатом у тебя будет песнь. Какие слова ты хочешь сказать или услышать, чтобы чары вступили в действие? Это не должны быть слова, которые можно услышать в любую минуту, но не должны быть и такие, которые нельзя сказать почти в любую минуту, чтобы не вызвать подозрений...

— Я придумал, — сказал Берен, и назвал гномскую поговорку, слышанную от Мельхара. Финрод не стал сдерживать смех.

— Хорошо, это подойдет, — он разом посуровел. — Теперь же отдыхай.

Какое-то время Берен просто валялся на сухой траве, глядя в небо и следя за колышущимися на ветру паутинками. Потом его сморило. Но вечерний холодок еще не успел прокрасться под плащ, как Финрод разбудил его. Над плечом эльфа горели две ранних звезды — словно пристроилась незримая ясноглазая птица.

— Просыпайся, Берен. Пора.

Горец вскочил и встряхнулся.

— Будешь ли ты тоже погружать меня в чародейский сон, как это делала Тинувиэль?

Финрод улыбнулся.

— Песнь сложена и пропета, Берен. Ты просто забыл — потому что должен был забыть.

— Обидно, король. Твоей лучшей песни так никто и не услышит...

— И хорошо, — отрезал Финрод. — Ее не должно было слышать никому. Ее и петь-то не стоило...

— Что будет теперь? — спросил Берен. — Если боги сохраняют от плена — так я и буду с этим ходить до конца жизни?

— Есть слово-замок и слово-ключ, — сказал Финрод. — Замок в твоей власти, а вот ключ ты должен доверить еще кому-то, кроме меня. Ты можешь сказать его даже многим, не объясняя его смысла, — эльф назвал слова ключа.

— Заклятие снять будет легко: ты должен сказать замок, а потом кто-то скажет ключ. И ты свободен. Если я не ошибся, ты будешь помнить эту песнь как песнь.

— А под заклатьем?

— Если бы я мог знать это твердо... Я все сделал для того, чтобы под заклатьем ты

помнил песнь как нечто, поистине происходившее с тобой. А так оно будет или нет — боюсь, что не узнаю, прежде чем все кончится.

Они обо многом переговорили, пока ночь не сгустилась — последняя теплая ночь этого года.

* * *

«Ничего не бойтесь, потому что Валар с нами, пока мы правы», — слова эти все еще звучали у Гили в сердце, хотя Берен сказал их утром, а теперь день переломился на вечер.

...Листья опали в одну ночь, словно сговорившись: утром Руско вышел из коша, глядь — а на земле их больше, чем на деревьях. Золотой их цвет был таким живым и свежим, что не верилось в их скорое умирание.

У Гили замерло сердце — Берен назначил свой отъезд на день листопада.

...Луна выходила теперь рано, и долго висела на небосклоне вместе с солнцем. Она уже пошла на ущерб, и смахивала то ли на круг жирного желтого сыра, то ли на лицо толстой старухи, которую перекосило от зубной болячки. Словом, нехороший у нее был вид, совсем не такой, когда она шла в рост — полупрозрачная пепельная белизна. Она скользила за деревьями с той же скоростью, с какой Митринор и Лаэрос перебирали копытами, бледный ее свет пугался в темном кружеве ветвей и словно бы отражался в оставшихся листьях.

Выехали они не так чтобы очень рано — Берен не хотел, чтобы все, кто будет его слушать, пребывали в дреме спросонья. Все утро он проговорил с командирами, а прощальное свое слово сказал уже с седла.

— Будьте бдительны, — говорил он. — Потому что я и сам не знаю, когда вернусь. Не ослабляйте внимания ни в какой день, ни в какой час. Ибо не знаете, кто раньше придет с Севера — я или орки. Будьте готовы в два дня собраться и скакать, куда я позову. Будьте готовы отразить удар, если я не вернусь. Надейтесь на Валар и призывайте их каждый день; чтите короля Ородрета и князя Халмира, слушайте командиров, остальным же спуску не давайте...

Смерти не бойтесь: от нее никто единожды не убежал и дважды не потерпел. Знамений не ищите, слухам не верьте, на гадания плюйте в левую сторону. Только на север поглядывайте.

Что ни день — упражняйтесь в ратной науке, бейтесь для потехи друг с другом, стреляйте в цель. Пусть ни один ремень не сгниет, ни одна тетива не отсыреет, ни один меч не заржавеет. Пусть я найду вас более сильными и умелыми, чем покинул.

— Пусть удача пребудет с тобой, ярн, — сказал Брандир, оставленный за самого старшего.

Берен кивнул ему.

— Не в последний раз видимся.

Наподдал Митринор пятками и, не дожидаясь, пока откроют ворота в ограде, махнул прямо через нее.

Если бы Гили попытался выкинуть такую штуку, его конек повис бы на кольях палисада с распоротым брюхом; так что он спокойно дождался, пока парни вынут подпирающие

ворота кольца и отодвинул бревенчатую загородку в сторону.

С ним никто не прощался: ему ведь предстояло вернуться.

Теперь они ехали вдвоем через прозрачные перелески. По правую руку сквозь деревья временами поблескивала холодная сталь Сириона, по левую — дымчатое переплетение ветвей скользило по пухлой Луне. Гили не пришлось напрягаться, запоминая дорогу — Сирион послужит путеводной нитью. За день Берен так и не сказал ему ни слова, хотя и не молчал, почти все время тихо напевая себе под нос.

Ночевать стали там, где Сирион сливался с Орнолином, небольшой речкой, бегущей со склонов Эред Ветрин. Отсюда были уже видны сами вершины Сумрачных гор, ярко горящие вечерним огнем. Но их сияние затмевали царящие над всей этой местностью пики Криссаэгрим.

Берен и Гили остановились в густой рощице, в сени старых вязов. Это была уже почти граница охраняемых земель, костра здесь разводить было нельзя.

Лишь на привале Гили решился завести разговор.

— Лорд, — сказал он. — А ты Брандиру что-нибудь говорил про... ну, про эльфийский шар?

— Нет, — ответил Берен, слегка приподняв брови, словно удивляясь такому глупому вопросу. — Брандир знает, что вы — разведка. Все прочее ему знать незачем. О чем еще спросить хочешь?

Гили поворошил ногой сухую листву.

— Я думал — неспроста ты меня с собой взял. Хотел чего-то сказать. Потому что Митринор ведь... она и сама дорогу нашла бы.

— А еще что думал?

— Да больше ничего вроде... А почему я, а не Рандир и не Аван?

— Потому что ты, Руско, с виду — сущий теленок, не в обиду тебе, и те, кто будут ждать подвоха от Авана или Рандира, никак не будут ждать его от такого вот сельского лопуха.

Берен потянулся, потом плотнее завернулся в плащ.

— Если я буду жив, но в плену, — тихо сказал он. — На Авана с Рандиром будет мало надежды, потому что меня будут стеречь. А вот ты, может, и сумеешь до меня добиться. И вот тогда ты споешь: «В злой час пала тьма, изменив всех нас». Помнишь эту песню?

Гили помнил.

— И что тогда будет?

— Если ничего не будет — сделаете с Палантиром как я сказал. А если что-то будет, то я уж дам тебе знать.

— ...А чья песня, ярн? — вдруг спросил Руско.

— Моя... Сложил, когда был немногим старше тебя, о нисхождении тьмы на Валинор... Потом, когда воевал, вспоминал часто. Кто вышел из горнила таким же, каким вошел в него? И желает ли руда огня, который сделает ее металлом?

Руско промолчал — да не ему этот вопрос и задавался.

— Ярн, — сказал он немного погодя. — А что мне делать, ежели я... ну, это... Поймают меня если?

— Кто, орки? — глаза Берена блеснули из-под капюшона. — Так, лопухом, и держись. Если повезет — избыют да бросят. Если я не ошибся в тебе — ты из тех, кто внутри крепче, чем снаружи.

— А если я на чем-то... горячем попадусь?

Берен прикрыл веки, словно вспоминая. Воспоминания были нелегкими: губы князя сжались, от крыльев носа к углам рта порезались морщины.

— Первое, — сказал он, помедлив. — Умри. Думай о себе так, словно ты уже мертвый. Прямо сегодня и начинай. Тогда не будет страха, не будет стремления сохранить жизнь. Ибо все мы от рождения обречены смерти, а день ее прихода ничего не значит.

Второе: ненависть. Пусть живет в тебе только ненависть, потому что ее дух силен, а плоть слаба. Помни: единственный способ отомстить — это удержать свою тайну.

Третье: молчи. Игры с палачами — опасное дело, не для тебя они. Уста и душу замкни накрепко. Позволишь вырваться одному слову — вытянут и все остальное. И — никому из них не верь. Будут обещать жизнь, сулить награду, знай — все ложь.

— Я боюсь идти под Тень, — со вздохом вырвалось у Гили.

Берен рассмеялся коротко и невесело.

— Как будто я не боюсь. И не в том даже дело, Руско, что меня могут поймать или убить... Самый воздух там словно бы отравлен. Гнет к земле... Там забываешь о надежде, парень...

— Ярн, а может, все-таки ты бы вместе с нами через горы пошел? Ведь в самую пасть путь держишь...

— Руско, Руско! — в голосе хозяина послышалась тоска. — Молчи, соломенная твоя голова. Нет другого пути: я через этот волшебный шар облазил там все тропинки... Везде ловушки. Закрыты горы для меня.

— А мы как же?

— Вы — другое дело. Когда вы будете переходить, Саурон уже доподлинно будет знать, что в горах меня искать нечего, и дозоры ослабит. Ты на этот счет не бойся — бойся лучше в горах замерзнуть.

Гили и этого боялся. Горы и манили, и пугали его своей ледяной чистотой. С путешествия через Эред Ветрин он знал, что горы с трудом терпят чужих.

— А ежели я в горах погибну?

— Тогда, как в пропасть лететь будешь, постарайся парням заветное слово прокричать, — Берен улыбнулся. — Да нет, не погибнешь ты там. Ты чистая душа, Руско, удача таких любит. Недаром ты эльфам понравился. И моя душа, едва я тебя увидел, сразу к тебе легла.

Гили смутился.

— Не красней, не девица. Я и не собирался тебя дальше хвалить — чтоб ты не возгордился. Давай, завернись в плащ, выставь нос наружу и сопи. Пока Дева не покажется — я постерегу...

Он караулил до середины ночи, потом разбудил Гили, и тот стерег до утра — точнее, до того часа, когда холод сделался нестерпимым, и плащи, и груды опавших листьев уже не хранили тепла.

Холод гнал странника в дорогу. Берен нацепил заплечную сумку, которую вчера вез у седла, пристроил меч по-дорожному — на другое плечо, приласкал напоследок Митринор, скормив ей горстку семечек анарилота и взъерошив гриву, а потом попрощался с Руско, по-настоящему, по-горски, сцепившись согнутыми в локте руками.

Ужас ожидания отступил. Гили вдруг ощутил себя сильным и храбрым настолько, что дерзнул попросить:

— Возьми меня с собой.

Берен покачал головой.

— Сделай как я велел. Не обмани моей надежды, Руско. Тогда, если мы победим, я назову тебя своим младшим братом.

Он уже совсем пропал из виду (а шаги его стихли еще раньше), когда Руско слегка отошел от этих странных слов.

Поразмыслив обратным путем, парнишка решил, что это все-таки шутка.

* * *

Эльфы нагнали Берена там, где путь преграждал еще один приток Сириона, и орков можно было ждать в любой момент. Горец подозревал их присутствие еще вчера — но боялся верить своим ощущениям. Несколько раз он пускал коня в галоп, чтобы отделаться от ощущения слежки — но стоило проехать шагом час, как оно возвращалось. Накануне от таких перемен Руско совсем запыхался. К вечеру от слежки вроде удалось отделаться, но поутру она возобновилась.

Поначалу он думал, что это эльфы из пограничной стражи Нарготронда — но зайдя довольно далеко вверх по Орнолину в поисках брода, понял, что это не так: пограничникам нечего было делать здесь.

Догадка бросила его в холодный пот. Нет, подумал он, не может того быть...

Но все-таки сел на землю, лицом в ту сторону, откуда чувствовал направленное на него внимание, скрестив ноги и положив перед собой свой мешок.

Долго ждать не пришлось. За ветвями и высокой сухой травой возникло движение — и оттуда появились, словно бы из воздуха и солнца соткались эльфы. Все десятеро — и Финрод с ними.

— Аіуе, — мрачно сказал Берен, поднимаясь. — Не надо вам следовать за мной, эльдар.

— Ты погибнешь без нас, — сказал Финрод.

— Вы погибнете со мной.

Финрод покачал головой.

— Ты погибнешь без нас, — повторил он. — Я знаю, ты смотрел в Палантир и искал дорогу. Тебе кажется, что иного пути, кроме как через Ущелье Сириона, нет. Ты ошибался: этого пути тоже нет. Мне было дано прозреть будущее. Без нас ты не пройдешь.

Берен сглотнул вставший в горле ком. Душа его словно бы разорвалась на две половины: одна радостно кричала: да, да! Народ Дортониона воспрянет, если вместе с Князем вернется Король! И твои скитания по лесам не будет одинокими. Соглашайся, дурень, что же ты медлишь! А другая протестовала: нет! Ты знаешь, что для эльфа мука — каждый лишний час, проведенный под Тенью. Ты не можешь, не должен так рисковать; своим другом — еще куда ни шло, но своим королем — никогда. Он и так сделал для тебя больше, чем ты мог бы просить.

— Это моя война, эльдар, — сказал он хрипло. — Нельзя эльфийскому королю рисковать собой ради эдайн.

— Может быть, эльфийский король сам решит, что ему делать? — ледяным голосом спросил Финрод.

Берен понял, что сдержал, но назад осаживать уже не собирался. Уж лучше оскорбить короля, чем послужить причиной его гибели.

Отчего мрачные сомнения разом заполнили сердце — он не знал. Только что, идя, по словам Финрода, на верную смерть, он ничего не предчувствовал и знаков судьбы не различал, занимая свой ум только поисками брода. Теперь же, глядя королю в глаза, и отказываясь принимать у него помощь, он твердо знал, что впереди гибель, что бы Финрод себе там ни думал — спасения ему не будет.

— Государь, — тихо сказал он. — Ном, опомнись. Это не предвиденье было тебе, это фэйр гонит тебя на смерть.

— Какое тебе дело, — так же тихо и чеканно произнес Финрод, — до того, как я различаю знамения. Какое тебе дело до этого, Берен, пока ты называешь меня своим королем, а я тебя — своим вассалом? Я говорю, что желаю идти на север; что желаю первым из воинов нашего союза ступить на свою землю, захваченную врагом. Я хочу своим мечом провести вновь те границы, защищая которые, пали мои братья. Такова моя королевская воля. И что же я слышу от тебя? Те же речи, что и в тронном зале Нарогарда. Так значит, и ты отрекаешься от меня?

Берен почувствовал, как смертная тоска обступает сердце, а кровь от лица отходит.

— Ном, — прошептал он. — Если я должен отречься от тебя, чтобы спасти — я это сделаю. Пусть ты будешь меня презирать, пусть ты проклянешь мое имя — но ты будешь жить. Ты же подарил мне жизнь — как я могу рассчитаться за нее смертью? Ты протянул мне нить надежды — пусть и тонкую. Как же я могу повести тебя на гибель? Нет, король Ном, беорингам ведома благодарность.

— Вот как? — теперь Финрод тоже шептал. — Тогда почему ты отказываешь мне в моей надежде? Почему предлагаешь то, на что согласится только трус — жизнь? Чем ты соблазняешь меня, лицемер? Тем, что сам презрел, согласившись на условие Тингола?

— Ты знаешь, что без нее я не смогу жить.

— А я не смогу жить, зная, что все клинки и крепости этого мира не спасут меня и мой народ от Рока Нолдор. Или ты мнишь себя единственным любящим на этом свете? Тебе ведомо, кого покинули мы — там, на самом дальнем и прекрасном из берегов? Кого покинул я? Ты знаешь, как страшно это звучит в устах Владыки Судеб: никогда? Поистине, я рад, что мой верный вассал так заботится обо мне: его кровью я куплю себе еще несколько тысяч лет, полных тоски — пока моя плоть не сгорит дотла в огне моей души!

Последние фразы он произнес громко — и некоторые эльфы невесело засмеялись. Громче всех — Лауральдо: так смеются обреченные; так смеялся сам Берен в тронном зале Тингола.

— Так вы ищете смерти, эльдар? — спросил он, обведя всех их взглядом, особенно задержавшись на Аэглосе, который был и синдар, свободных от проклятья Мандоса, и юном Айменеле.

— Не смерти, Берен. Избавления, — ответил Эдрахил.

— В доспехах Судьбы есть брешь, — словно бы сам себе сказал Кальмегил.

— И вы знаете, куда бить? — не веря себе, спросил человек.

— Туда же, куда и ты, — улыбнулся Нэндил.

— Да вы обезумели, бессмертные!

— А! — весело сказал Менельдур. — Он заметил. Ты был прав, Инглор: они быстро соображают. Всего лишь пять раз обновилась луна.

Берен махнул рукой — он чувствовал себя набитым дураком.

— Может быть, я и найду треклятую щель в доспехах судьбы, — проворчал он наконец. — Хотя и не знаю, где она. Находит же собака травку, когда мается животом — хоть и не училась у знахарки. Однако есть тут задачка посложнее всех этих ваших нолдорских мудрствований, а именно: где здесь брод?

Эльфы переглянулись.

— Конный брод выше по течению, если выступить сейчас — достигнем его к полудню, — сказал Эдрахил. — Но зачем он тебе — разве кто-нибудь из нас верхом?

— Я вижу ольху и вяз, которые тянут ветки через поток так, словно хотят обняться, — сказал Лауральдо. — А для меня брод всегда там, где есть два крепких дерева на разных берегах — и веревка.

— Если Берену понадобятся две веревки, — сказал Нэндил (улыбка его была щедрой на вид и терпкой на вкус, как рябиновая гроздь). — То есть и у меня.

— А если три... — вставил Аэглос.

— Три мне понадобятся, когда я ослепну, охромею и потеряю все зубы! — прорычал Берен, уже измученный насмешками. — А пока с вашей милости обойдусь и одной!

Сам он не стал брать веревку, потому что не умел как следует вязать хитрые узлы, выдерживающие сильное натяжение, но распускающиеся при искусном рывке. Оставлять же за собой следы в виде веревки — не хотел.

Его слова об одной веревке были в немалой степени бравадой — по канату он бегал довольно давно. Но, ступив с ветки на чуть упругую под его весом серую веревку, он с облегчением понял: тело помнит, как проделывало эту штуку. Единственная слабость, которую он себе позволил — балансировать одолженным у Вилварина копьём.

Он переправлялся предпоследним. Последним был Айменел. Глядя на его тонкий, хрупкий стан — всего несколько мгновений, пока он перебегал между деревьями — Берен вспомнил песнь о девушке, которая ходила за своим возлюбленным в страну мертвых, и перебежала пропасть по волоску богини, протянутому между скал.

Айменел, высвобождая из развилки вяза копьё Кальмегила, дернул за веревку особым образом — и волосок богини оборвался, серебряной змейкой щелкнув по воде...

* * *

Не успели они отойти от переправы и на лигу, как ветер сменился и принес запах гари.

Айменел взобрался на высокий клен и увидел, что немного восточней и в самом деле что-то горит. Более того, сказал Аэглос, это явно дым горящего жилища.

Берен с удивлением понял, что все ждут его решения.

— Туда, — сказал он, предчувствуя худое.

Отклонение с пути предвещало задержку на полдня, но Берен не так торопился в Теснину Сириона, чтобы горевать по этому поводу. Ближе к вечеру они достигли источника дыма.

Это была землянка «вольного охотника», завершавшего свой промысел и собиравшегося возвращаться зимовать на какой-нибудь хутор. Здесь были уже опасные места, эльфийские

стражи границы и Бретильские Драконы схлестывались тут с орками — и оттого селиться к северу от реки на время летнего промысла решались только отчаянные головы: беглые рабы, конокрады, убийцы, скрывающиеся от кровной мести, соблазнитель, сбежавшие с чужими женами, прокаженные или меченые страшным проклятьем...

Кем были этот человек и две его женщины, Берен не знал. Скорее всего, он промышлял кражей молодого скота по весне, когда подсчитать приплод трудно даже бывалым пастухам, летом выпасал его вдали от княжеской и королевской власти, а по осени продавал, обеспечивая себе зимовку, перебиваясь между делом охотой, бортничеством и продажей сплетенных женщинами корзин. Попадись троица Бретильским Драконам — Берен заключил бы их под стражу и справился бы о них у Халдира, и, буде кто-то окажется нарушителем закона — выдал бы их халадинам головой. Но теперь они были мертвы, и вопросы об их прегрешениях предстояло решать Намо Судии, а Берен должен был решить: мстить за них или нет.

Опытным глазом он быстро прочел все знаки, что оставили орки, уходя. Мужчину убили сразу. Над его трупом уже потрудились лисицы и муравьи. Женщин заставляли готовить на всю ораву, время от времени насиловали... Часть орков жила здесь два дня или три, часть подалась на юг, где у них была стычка. Видимо, хотели сделать несколько набегов, опираясь на эту стоянку — но в первом же потерпели поражение. Оттуда принесли двоих раненых. Один из них догорал вместе с крышей землянки — самый сложный погребальный обряд, на какой оказались способны драпающие орки. Второй, видимо, нашел в себе силы подняться и идти. Погони за орками или не было, или им удалось оторваться — во всяком случае, они провели здесь какое-то время, пользуясь раненых и глумясь над женщинами. Если бы не вызванная поражением досада, обе остались бы живы. Может быть, даже свободны. Но оркам хотелось сорвать на ком-то злость — и обеих несчастных распяли на земле, приколов их деревянными кольшками, а потом насиловали до смерти. Затем орки перерезали весь скот, и какой не смогли унести на себе — бросили туда же, на крышу горящей землянки.

Берен посмотрел на Эдрахила. Тот пожал плечами.

— Это твоя война, — ответил он на незаданный вопрос.

Горец сжал зубы. Погоня за орками не отняла бы много времени — шайка двинулась в ту же сторону, куда они и сами собирались. Но... Не случится ли так, что в дурацкой стычке погибнет кто-нибудь... особенно ценный? Стиснув зубы от ненависти к себе, он признался, что сейчас делает то, что ненавидит в других — подсчитывает стоимость собственной жизни. Да нет, тут и думать не о чем — догнать мразь и искрошить в мелкий мак... Тем паче, что кто-то из них может что-то знать...

Как ни противно было Берену — но он палкой разгреб зловонную кучу и осмотрел дымящийся труп. Орк был большого роста, почти с Берена, если бы выпрямил свою согнутую спину. Кто-то славно угостил его: ребра рассечены ударом тяжелого и острого лезвия. Орки ободрали с мертвого товарища почти все, прежде чем бросить его в огонь. На нем не было ни оружия, ни доспехов, ни украшений. Орки побрезговали только нижним тряпьем, да еще насквозь пропитанной кровью кожаной безрукавкой. И именно она кое-что сказала Берену.

Такие носили вместо доспехов младшие чины Волчьих Отрядов. Значит, здесь бузила не обычная шайка, а Болдогова разведка. Значит, кто-то из них действительно что-то знает.

В дюжину ножей могила для людей была выкопана быстро. Берен пожертвовал легкой осенней накидкой, чтобы собрать в нее останки мужчины. Женщин эльфы завернули в один

плащ — обе были худые и небольшого роста. Одна — много старше другой, но похожи: может быть, сестры, может быть — мать и дочь... Берен совершил на могиле торопливое возжигание — и началась погоня. Горец наконец-то понял, чем вызвано его томление; что наполняет сердце свинцом: их двенадцать. Как тогда в отряде отца — двенадцать... Пес возвращается к своей блевотине — правда, дэйди?

Двигаться вместе с эльфами, с той же скоростью и так же тихо, человеку было трудно, хоть он и хвалился небрежно этой способностью перед Руско. К вечеру он чувствовал себя совершенно вымотанным, уже с закрытыми глазами дожевывал свой кусок солонины и заснул как убитый. Едва небо стало хоть сколько-нибудь светлеть, как холод разбудил мстителей — и погоня продолжилась.

Поначалу они бежали за орками след в след, но потом — сошли с тропы: орки вышли на торную дорожку, а значит — перестали бояться, почувствовали себя вольготно. Эльфы продолжали преследование, держась от тропы чуть в стороне, готовые в любой миг затаиться при приближении орочьего отряда.

Берен обнаружил еще одну странность. По меньшей мере один из орков был болдоговым разведчиком, а вот остальные... гадили они где попало, как северные кочевники, никакого порядка не признающие. О сокрытии следов не заботились вовсе. Даже поджог землянки вовсе не был похож на действия разведчиков: орки Болдога режут, их волки рвут на части — но поджигают они только тогда, когда хотят призвать свидетелей жестокой резни, сделать из уничтоженной деревни урок всем прочим. Делать это в отдаленной заимке было даже не глупо — вовсе бессмысленно. Единственное, чего добились убийцы — возмездия на свою голову.

Объяснить это было нельзя никак, потому что болдогова разведка состояла сплошь из уруг-ай, здоровенной сволочи с северных отрогов Эред Луин, а склонность к бессмысленной резне и нежелание отойти на два шага с дороги, чтобы справить нужду в кустах, была свойственна как раз урух, мелкорослому кочевому племени, жившему в северной части Ард-Гален, а после Дагор Браголлах — в Лотланне. Чтобы урух и уруг-ай оказались в одном отряде — Берен не мог представить себе этого даже в бреду.

Загадка разрешилась к вечеру следующего дня, когда преследователи настигли убийц, вставших лагерем на давно облюбованной, уже хорошо утоптанной стоянке с многолетним кострищем. Действительно, две трети отряда были из урух. Чувствуя себя уже почти дома и в безопасности, они не выставили часовых и собачились на весь лес. Их лагерь находился на одном берегу узкой и быстрой безымянной речки, впадающей в Сирион, а эльфы и Берен сидели в камышах на другом — и уже через полчаса они знали, что там у орков произошло.

Было два отряда: разведка Болдога и кочевые урух. Первые пересекли Анах, будучи посланы, чтобы... об этом, впрочем, их командиру Харрафу хватало ума не орать, хотя об остальном он орал громче всех. Отряд же урух, под началом какого-то Нэхмара, был одной из тех беспорядочных банд, которые Саурон гнал из Дортониона на юг, потому что ни к какому делу их приспособить было нельзя. Им разрешалось кочевать к северу от Эмин-на-Тон, но выжженная земля не могла прокормить их тощие стада, и оттого они постоянно дрались между собой и нападали в беспорядке на Хитлум (чего Саурону и было надо). Также их беспрепятственно пропускали через Ущелье Сириона, если кому-то хотелось попытаться счастья в Димбаре.

У этих все счастье закончилось при встрече с Бретильскими Драконами. Часть их шайки уцелела только потому, что так и не высунулась на равнину, наблюдая из кустов за

тем, как истребляют товарищей. Болдоговцы же пострадали от дориатской пограничной стражи, потеряв всех волков и большую часть отряда. Они скрылись в Нан-Дунгортэб, и только там эльфы перестали их преследовать. Пересечь горы в этом месте они не решились, вернуться через Анах не получилось: подходы стерегли какие-то конники (Берен подсчитал — вышло как раз на тот день, когда он снарядил отряд за Аваном). Подолгу отсиживаясь в лесах, двигаясь ночами, орки все-таки пересекли Димбар и добрались до одинокой заимки, где встретились с кочевниками. Встреча прошла не мирно: кочевники уже закончили развлекаться и подожгли землянку (по дыму их и нашли уруг-ай), кто-то сделал им замечание, слово за слово — и урух убили одного из разведчиков. Дальнейшая дорога прошла, как и этот привал, в непрестанных ссорах. Уруг-ай было вдвое меньше, но бились они куда лучше. При равных силах начать новую поножовщину никто не решался. А может, в этих местах и те, и другие были уже ведомы волей, более мощной, чем их собственная...

Уже сейчас они могли бы перебить из луков половину отряда — но тогда другие успели бы убежать и скрыться в лесах. Нет, действовать следовало иначе — тихо окружить шайку, и лишь после этого атаковать.

— Главного берем живым, — шепнул Финрод.

Берен кивнул — и они, выбравшись из камышей, тихо пошли через воду: в самом глубоком месте было по бедра. Костер очерчивал крохотный круг света, за пределами которого увидеть что-либо мог лишь тот, кто долго сидел, отвернувшись от костра и вглядываясь в темноту. Среди орков таких не было: все внимание их захватил жарящийся на угольях баран, а все мысли были заняты тем, чтобы разделить его поровну.

Эльфы почти не скрывались — Берен видел Кальмегила и Вилварина слева и справа от себя, видел, как те натянули луки, и сам, зажав нож в зубах, достал стрелу и наложил ее на тетиву. Остальные девятéro без шороха, без звука растворились в зарослях.

Берен остался под обрывом, перехватил лук по-вастакски — теперь стрела лежала на дуге — и прицелился в одного из уруг-ай. Большой, желтолицый, в черном плаще похожий на упыря, тот беспокойно елозил на месте, словно близкая смерть щекотала ему лопатки. «Так оно и есть», — беззвучно прошептал Берен. — «Намо свидетель, так оно и есть...» Холодная вода по колено, орки в изменчивом свете огня — все это так живо напомнило ту, давнюю охоту в Топях Сереха, что кровь помчалась по телу бешеными рывками и все жилы зазудели от напряжения.

— Кугу-ху! — прокричал горлицей Финрод.

— Что за дурная птаха орет ночью? — поднял голову один из орков. Товарищ не ответил ему: упал в костер со стрелой Берена в боку. Вторая стрела вонзилась спрашивающему в открытое горло. Свистнули еще десять стрел, упали еще восемь орков — в некоторых попали сразу двое. Остальные бросились врассыпную: четверо урух и вожак уруг-ай.

Бежал он прямо на Берена и тот, не поднимаясь на обрыв, саданул его луком по ногам. Орк упал в реку совсем не так как собирался: лицом вниз, больно треснувшись о мелкое дно. Берен отбросил лук и прыгнул ему на спину, не давая подняться. Одной рукой он прижал голову орка ко дну, держа врага за волосы, другой нашарил на его шее что-то роде гайтана и закрутил, сжимая петлю вокруг горла. Орк вырывался и бился, но Берен был тяжел и силен, а вожак после удара о дно, не имея возможности вздохнуть и нахлебавшись воды — слабел. Берен вовремя заметил его попытки достать нож и прижал коленями его локти. Орк затих, и Берен приподнял его голову над водой — не утопить бы совсем... Сильный рывок назад...

Берен оглянулся — Менельдур связал орку ноги и потянул за веревку.

— Хватить купать его, чище он уже не будет, — сказал эльф.

За ноги они вытянули орка на берег. Пока он плевался и хрипел, ему стянули руки ремнем, а когда он продышался — заткнули пасть собственным кнутовищем и завязали кнут вокруг головы.

Остальных орков Финрод приказал раздеть и бросить в ближний овраг, засыпав валежником. Их доспехи, оружие и тряпки свалили в кучу. Айменел занимался угасающим костром. Берен подсел к нему — посушиться.

— Что ты задумал, Ном? — при орке он не хотел называть ни титул, ни имя Финрода.

— Увидишь, — улыбнулся король. — Но сначала мы поедем.

Баранью тушу, упавшую в костер, очистили от золы. Лоссар и Лауральдо достали большие фляги — нолдорское «зимнее вино». Трапеза прошла быстро и в полном молчании. Каждый понимал, что отныне они находятся под вражеской тенью и должны, если хотят выжить, иметь уши летучих мышей и глаза на затылке.

Даже легкая победа не радовала. Еще десять лет назад и помыслить нельзя было, чтобы эльфы здесь скрывались и нападали из засады на разгуливающих свободно орков. А впереди был Тол Сирион, и когда-то выстроенный Финродом гордый дозорный замок Минас-Тирит...

Покончив с трапезой, Финрод заговорил о том, как он думает пройти через сауроновы владения.

Замысел его по дерзости граничил с безумием, но в этом безумии было то самое благородство, которое удача любит. Но Берена изумило то, что Финрод говорил, не отдавая приказания, а словно советуясь.

— Может и получиться, — сказал он, когда Финрод закончил свою речь. — А ведь и вправду, может получиться, эльдар!

Но, обведя эльфов взглядом, он не заметил и следа воодушевления.

— Ты... не понимаешь, — прошептал Аэглос. — Это... это ужас.

— Ужас? Ужас будет, если Тху нас зацапает. Или переодеваться врагом противно вашей чести?

— Допустим, если бы нам удалась эта затея, я не стал бы хвалиться, — мрачно усмехнулся Нэндил. — И никто из нас не стал бы. Но дело даже не в этом, Берен. Орк... это то, чем каждый из нас боится стать. Боится больше, чем смерти.

— Но ведь это только притворство! — Берен посмотрел на Финрода. — Ном, ведь так?

— Не совсем, — Финрод сжал пальцы чуть ли не до хруста. — Будь это всего лишь притворством, я бы просто отдал приказ. Чтобы я мог создать чары, а прочие — воспринять, всем нам придется... обратиться мыслями к тому, что в нас есть низкого.

— Не понимаю, — Берен сжал губы. — Я знаю, приятного мало. Ведь мне приходилось прикидываться пьяным и валяться в навозной жиже, чтобы меня не узнали в одном из замков, и обвязываться тухлым мясом, чтобы сойти за прокаженного... Но ведь для дела, и только на время, чтобы избегнуть самого худшего!

— Мы понимаем разное, когда говорим «самое худшее», — нахмурился Аэглос.

Берен почувствовал призыв Финрода к осанвэ и отозвался.

«Я попробую объяснить тебе через то, что для большинства из нас вообще непредставимо, а вы сами называете это извращением. Вообрази себе, что ради своей цели — сбора сведений или убийства — ты должен обольстить мужчину как мужеложец. Не

совершить мерзости, нет, просто притворяться какое-то время... Выглядеть и вести себя как...»

— Ном... — Берен потер лицо. — Хватит. Я понял. Эльдар, я был дураком и прошу прощения. Меня извиняет только то, что я думал — это просто как тряпки переменить, и все. Наверное, государь, быть по-моему: преврати в орка меня одного и уводи остальных. Если уж ты не смог требовать этого от своих вассалов, то я не могу и просить.

— Не торопись, — поднял ладонь Нэндил. — Ведь никто из нас еще не сказал «нет». Нам просто трудно решиться.

— На самом-то деле мы решились, — Эдрахил коротко рассмеялся. — Некоторые из нас, по крайней мере. Будучи здесь, уже глупо поворачивать назад.

— Верно, — Лауральдо решительно сломал о колено палку для костра. — Время колебаний прошло. Я твой, Финрод. Думаю, даже твоих сил не хватит на то, чтобы сделать из меня настоящего орка, а остальное я как-нибудь перетерплю.

— Незачем тянуть, — Кальмегил поднялся. — Айменел, натопи в котелке бараньего жира, я натолку угля. А орочьи тряпки неплохо бы очистить хотя бы немного от паразитов.

— Попробуют эльфийской крови и сами передохнут, — усмехнулся Лауральдо.

— Я бы не рассчитывал на это, — заметил Лоссар, беря из кучи первую попавшуюся куртку и вытряхивая ее над костром.

— А ты, Берен, займись пленным, — распорядился Финрод. Кажется, нарочито громко, чтобы орк слышал.

— Будет сделано. — Перешагнув через бревно, Берен приблизился к связанному орку. Сел рядом, четырежды хряпнул о колено крепкую палку, взятую из валежника для костра, положил на землю четыре получившихся колышка, а пятый, самый длинный и толстый, принялся затачивать до копейной остроты, время от времени поглядывая на орка и улыбаясь, словно прикидывая что-то.

Орк завозился, беспокойно косясь в его сторону.

Берен заточил колышек с двух сторон, потом закалил кончики в костре. Теперь, если вбить его в землю, он торчал бы ладони на две. Покончив с первым, Берен взялся за второй колышек. С этим дело шло быстрее, потому что его заточить требовалось с одной стороны.

Орк глухо зарычал, кусая кнутовище.

— Да, друг мой сердечный, — проговорил человек, и голос его был как у сытого кота. — Угадал. Эти четыре — тебе в руки и в ноги. А куда пятый, самый толстый, — тоже угадал?

Орк что-то прорычал. Даже сквозь кляп Берен разобрал: «Имел я тебя и твою мать».

— Ну, это ты, положим, врешь, — спокойно ответил он, принимаясь за третий колышек. — Тебя, стерво, я в первый и в последний раз вижу, а та женщина матерью мне не была. Однако же она была женщиной моего народа, и в сердце своем я поклялся, что рассчитаюсь за ее смерть. Сделаю с главарем отряда то же самое, с поправкой на мужские статьи. Ты так громко орал на всех, что сразу стало ясно: ты — главарь и есть. Тебе, стало быть, и ответ держать.

Он сунул третий колышек в костер, а потом поднес его, дымящийся, к лицу орка.

— Посмотри, сучков нет? Внимательно смотри: не кому-нибудь, тебе в ногу вгоню.

— Берен, — тронул его за плечо подошедший Финрод, — стоит ли уподобляться орку, глумясь над пленным?

Это было против обычая: пленника взял Берен, и только он мог решать его судьбу.

Однако по глазам Финрода Берен понял, что тот разгадал его замысел, и подыграл.

— Если бы там были ваши женщины, эльдар, — сказал Берен, не трогаясь с места, — и если бы вы надумали из него крошку сделать — я бы вам слова не сказал.

Орк глядел на него расширенными глазами.

— Ну, что вылупился? — бросил ему горец. — Знакомое имечко услышал? Да, это я и есть: Берен, сын Барахира. Знаешь такого? Вижу, знаешь: перекосило тебя как от хрена с перцем. Про Сарнадуин тоже слыхал? Как думаешь — чешутся у меня руки с вами рассчитаться?

Он снова улыбнулся орку. Тот замотал головой.

— Говоришь, тебя там не было? Знаю, не было. Всех, кто там был, лесные духи порвали на куски. Но если бы ты, ползучий гад, был там — делал бы то же, что и все. У эльфов в обычае убивать вашу сволочь быстро и милосердно — ну, а я за десять лет такого нагляделся, что милосердие мое все кончилось.

Харраф снова зарычал. Человек внезапно уловил эхо его мятущихся мыслей. Если бы Берен орал на него, колотил, если бы в глазах человека орк прочел знакомую жажду крови, он испугался бы меньше. Но сейчас человек напоминал ему того, кого Харраф боялся больше смерти. Тот тоже не повышал голоса и всегда улыбался, отдавая приказы о пытках и казнях.

— Он может что-то знать, — «настаивал» Финрод. — А ты только зря его замучаешь.

— Не может он ничего знать, — отрезал Берен. — Эта шваль всегда выполняет приказы вслепую. Если снять с него шкуру, выдубить ее и натянуть на барабан — от стука будет больше толку, чем от его слов.

— Я все-таки хочу попробовать допросить его.

— Зряшная возня, — проворчал Берен — но отложил свои колышки в сторону, и развязал орку рот, оставив кнут обмотанным вокруг шеи.

— Разинешь пасть шире, чем надо — придушу враз, — объяснил он. — Но не до смерти, не надейся.

Финрод присел рядом. Орк повернул в его сторону перекошенное ненавистью лицо.

— Ты, колдун, отойди от меня со своими страшными глазами! Пусть лучше он меня пытается — он того не выдумает, что можешь ты!

— Слышал, Ном? Я ему больше нравлюсь, — Берен на всякий случай затянул петлю на горле пленника потуже. — Можно и закончить разговор.

— Если ты заговоришь, мы оба оставим тебя в покое.

Мысли орка читались теперь ясно и четко. Даже то произвольное *avanige*, на которое были способны люди, ему оказалось несвойственно. Он «говорил» все время, сам того не сознавая.

Берен огляделся и увидел, что Нэндил тоже сидит близко и прислушивается.

— Ты знаешь, что я слышу твои мысли? — спросил Финрод. Берен плотно зажмурился на миг: ну почему Король даже с орком не может не быть честным?!

— Ты врешь, колдун, — прошипел Харраф. — Только Великий может слышать мысли, да еще Гортхауэр!

— Считай так, если хочешь, — пожал плечами Финрод. — Кто послал вас на юг и зачем?

— Сейчас я тебе скажу, — фыркнул орк. — Ты, горец драный — тащи свои колья.

Но в мыслях его бился страх и мелькнуло название: Нарогард.

— Сколько вас было? Кому вы служите, кому подчиняетесь? — продолжал допрос

Финрод.

Орк только скрипнул зубами — но мысли его снова хлынул потоком: только успевай вылавливать имена.

— Приказ о разведке на Юге отдавал Болдог? Не Саурон?

— Не скажу! Не скажу, колдун!

Болдог. Медный знак, успел разглядеть — Корона и Камни... Приказ с самого верха...

Приказ разведать Юг был получен Болдогом через голову Саурона, от самого Моргота. У Берена сжалось нутро. Будь приказ отдан Сауроном — это могло означать только сиюминутную военную надобность... Но Моргот!!!

— Как вы двигались и что видели по дороге?

Анах... Димбар... Эльфы... Стрелы из-за кустов, страшные сияющие мечи во мраке... Бегство... Дневки в перелесках. Всадники вдаль. Не пройти... Добить раненых. Унгал братишка... Двигаться ночью... Ни добычи, ни развлечений... Кормить волков нечем. Перебить... Вдоль Сириона... Кочевники... Дурачье, ублюдки! Так хотелось отдохнуть хоть немного, так хотелось теплой бабьей плоти... Драка, мечи и топоры, Сарнах убит... В костер — зарывать некогда. Из-за недоумков сейчас сюда припрется половина эльфийских пограничников...

— Мы нашли вас по дыму, — усмехнулся Финрод.

— Скоты! — не выдержал орк. Проклятие явно относилось к кочевникам. — Мы ничего там не сделали. Ничего... Помешать хотели... Это правда.

— Но не вся. Я ведь знаю, зачем вы хотел им помешать.

— Он слышит твои мысли, мразь, — напомнил Берен.

Мысли... Мысли, будь они прокляты, куда их спрятать? Как не думать о Михуре, Нарваге, о Владыке?

— Какой гарнизон держит ваш Владыка в замке на острове?

Не думать! Сотни полторы, или хрен его знает: эти недоноски из Росомах со своего острова не очень-то любят высовываться...

— Где ходят разъезды? Как часто меняются караулы? Какие слова для прохода?

Не знаю! Как ему, колдуну, сказать, что не знаю — ведь не поверит, отдаст человеку, а тот натянет на кол...

Финрод вздохнул.

— Все. Больше с ним нечего делать.

Ни Берен, ни орк не уловили его движения. Орк дернулся и затих, оскалив зубы.

Финрод вытащил у него из-под челюсти длинный и тонкий нож, несколько раз вонзил в землю, счищая кровь. Берен облизнул разом пересохшие губы.

— Ты мог бы и не делать этого... сам, — сказал он.

— Да, — Финрод сунул нож в голенище. — Приказать тебе и не пачкать чистых до сих пор рук... Оставим этот разговор. Раздень труп и брось его в овраг.

Берен принялся расшнуровывать куртку орка. Поймал на себе пристальный взгляд Нэндила, срезающего тесьму со своей рубахи.

— Я не собирался его пытаться, — сказал он. — Правда.

— Я знаю, — ответил бард.

— Если мне нужно было что-то знать, я выбивал это очень быстро. Не грозил долгими мучениями.

— Почему ты оправдываешься?

Берен вскочил, хлопнул о землю скомканной курткой.

— Я не орк!

— Знаю.

Берен снова встал на колени возле тела и принялся стаскивать с него сапоги.

— Он дерьмо, — сказал горец сквозь зубы. — Он тридцать раз заслужил смерть. Но почему я чувствую себя так, словно...

— Словно истязал калеку? — подсказал Нэндил.

Берен на миг задумался, а потом сказал:

— Да... — и тверже: — Да.

— Он и был калекой, — пояснил Нэндил. — Все они страшно искалечены. Ты заметил: у него нет *avanire*. Обратная сторона: он не может «слышать». Только «говорить».

— И что?

Лицо барда слегка напряглось, и эхо внутренней боли донеслось до Берена.

— Они ведут свой род от искалеченных Мелькором эльфов. В их крови живет память о том, что они «слышали». И имели второе зрение. Они хотят «слышать» — но их искалеченные *самаг* не улавливают слов. Только крик. Поэтому свою тоску по чужому голосу они утоляют мучительством. Только на пределе страданий живое и разумное существо становится им слышно. Они терзают других, потому что иначе терзаются сами.

— Это им не оправдание, — отрезал Берен.

— Да, — согласился Нэндил. — Но если мы уподобимся им хоть на миг — наша вина будет стократ тяжелее их вины.

— Ты хочешь сказать, что их нужно убивать хотя бы из милосердия?

— Это лучше, чем убивать из ненависти...

Он помолчал и добавил:

— По законам государя Финголфина, тот, кто заражен скверной и не желает исцеляться — повинен смерти.

— А вы еще удивляетесь, что иные люди боятся вас едва ли не больше, чем их, — проворчал Берен.

Вдвоем они взяли мертвеца за руки и за ноги, оттащили к оврагу и зашвырнули в темноту.

Потом вернулись к костру.

— Итак, в последний раз подумаем, — сказал Финрод, когда все сели в круг, кроме двух часовых (но слушали и они). — Никто не хочет оспорить моего решения?

— Не о чем говорить, — тряхнул головой Эллуин. — Как ни противно влезать в их шкуры — а лучшего способа пройти Тесниной я не придумал бы.

— И отпадают трудности с переправой. Мы просто перейдем по Ангродовым Гатям, — вставил Лауральдо.

— Что ж, — Финрод вынул из волос заколку и бросил ее на расстеленный у костра плащ. — Начинаем.

Эльфы и Берен не оставляли на себе ничего такого, что не могло быть захвачено в бою или снято с убитого. Орки-кочевники были меньше ростом, их обувь эльфам не подходила — пришлось измять, перепачкать и искалечить свои сапоги. С нижних рубашек (надевать орочьи все-таки было выше сил) срезали тесьму и вышивку. Штаны (трое орков были такими мелкими, что их штаны не подошли даже Айменелу) топтали ногами в пыли, и после надевали, отрезав тесьму и застёжки. Какое-то время колебались: брать или не брать с собой

эльфийский припас...

— У меня есть еще лембас, — сказал Нэндил. — Всего три штуки, но...

Он протянул эльфийские лепешки королю.

— Да, — сказал Финрод. — Там они нам не пригодятся.

Каждую из лепешек он разломил ровно пополам и еще пополам. Двенадцать четвертинок легли в протянутые ладони, но есть никто не торопился. Все повернулись к Западу, скрытому полночной тьмой.

— Пусть мужество не покинет нас, — тихо сказал Финрод. — И надежда наша исполнится.

— И мы узнаем прощение, — промолвил Лауральдо.

— И судьба обернется милостью, — добавил Нэндил.

— И мы снова встретимся с теми, кто нас ждет, — Кальмегил укрывал лембас ладонью так заботливо, словно кусочек хлеба был живым существом.

— И останемся верны, — опустил ресницы Менельдур.

— Даже когда... если все будет совсем плохо, — голос Айменела слегка дрогнул, как показалось Берену.

— Будем помнить наши песни, — прошептал Вилварин.

— И наши клятвы, — сурово сказал Лоссар.

— И будем тверды на своем пути — во имя всего, что нам дорого, — вскинул голову Эллуин.

— И сохраним в сердце любовь, — в свете костра волосы Аэглоса отливали алым.

— И постигнем самую последнюю из истин, — выдохнул в темноту Эдрахил.

— И она сделает нас свободными, — закончил Берен.

У лембас был вкус земляники с молоком и медом...

Закончив переодевание, Финрод, нелепый в куртке и плаще орочьего вожака, распустил волосы, зачерпнул немного черного жира и провел рукой по голове, превращая свои волосы, красота которых дала ему имя, в нечто, приличествующее орку: черные, грязные лохмы-сосульки, заплетенные тремя неопрятными косами... Берен тихо ахнул: такое поругание красоты было трудно оправдать даже словами «так надо». То же проделали над собой другие, кому это требовалось: Лауральдо, Аэглос, Айменел, Вилварин, Кальмегил и Менельдур...

Лоссар ничего не сделал с волосами — они и так были как смоль; но он вычернил себе лицо, шею, грудь и руки соком ореха. Его примеру последовали Финрод, Вилварин и Лауральдо.

И все же — эльфы не походили на орков. Они походили на эльфов — хоть и грязных, одетых в вонючее отрепье, с кое-как искромсанными волосами — но все-таки эльфов.

Свои вещи, украшения, оружие они сложили в яме, вырытой под корнями вяза.

— В круг, — велел Финрод.

Еще не понимая толком, в чем дело, Берен встал в круг между Нэндилом и Эллуином. Они положили руки ему на плечи, он — на плечи им. Его пальцы встретились с пальцами стоявших дальше — Кальмегила и Аэглоса. Сплетенные руки образовали плотное кольцо, соединив двенадцать воедино...

И тогда Финрод бросил что-то в огонь, присоединился к кругу и запел.

Он пел на человеческом языке, как тогда, над чашей — но эта песнь была быстрой, дикой, и Берен не запомнил из нее почти ни слова — только резкий, скорый ритм, который

они выбивали ногами в пыли, кружа над костром страшный хоровод. Из костра пахло паленым волосом — и чем-то сладким, источающим едкий белесый дым. В кольцах этого дыма лица друзей дрожали и изменялись — а может, у Берена просто слезилось в глазах? Глотку резало, голос сделался низким и хриплым. Плечи налились неведомой прежде тяжестью — его словно пригнуло к земле, и одновременно он ощущал силу; силу и восторг. По жилам мчался ледяной огонь, мышцы напряглись так, что казалось — вот-вот треснут кости. Пальцы, лежащие на его плечах, затвердели и впились в его плоть, и он сам сжал чьи-то плечи до хруста в суставах кисти. Причинял ли боль он, причиняли боль ему — было все равно. Жирная, желтая луна текла сквозь голые ветки и хохотала над танцующими. Хохот... Резкий, страшный хохот примешался к песне — еще, еще... Берен вдруг понял, что хохочет, улюлюкает и воет сам, запрокинув лицо к луне, как... как...

Как орк!

Финрод крикнул, костер вспыхнул и погас — и Берен сумел наконец расцепить руки. Ноги не удержали его — он упал на колени. Рядом, точно так же тяжело, опустился на бревно Эллуин. Кто-то в темноте глухо стонал, словно его тошнило — Берен узнал голос Айменела.

Горсть свежего хвороста в угли — и языки пламени осветили орочью морду. Раскосые глаза горели недобрым огнем из-под нависших бровей, зубы скалились в усмешке, вывороченные ноздри раздувались... Но что-то в очертаниях лица оставалось прежним, что-то позволило Берену узнать...

— Вил... Вилварин?

Эльф улыбнулся... Орк оскалился...

— Я... тоже? — Берен тронул свое лицо. На ощупь оно было прежним: узкие губы, длинноватый прямой нос с небольшой горбинкой — сломал в детстве...

— Ты тоже, — сказал Вилварин.

Пламя разгорелось ярче, и теперь Берен видел всех. У костра сидела орочья шайка. Слишком тихая для обычной орочьей шайки — ни перебранок, ни понуканий — но все же орки орками. Пятеро уруг-ай: Берен, Финрод... Нет, Унгал и Харраф, Михур и Сарнах Дугуш... И семеро кочевников, более мелких и легких: Нэхмар, Вадра, Риш, Лашан, Ивур, Мейдра и Вох.

Песнь Финрода, творящая чары личин, впечаталась в разум особым образом: им легко и привычно было думать о себе как об орках...

— А теперь спать, — голос Финрода тоже сделался низким и хриплым.

— Не так, — поправил его Берен. — Спать, лошачьи дети!

* * *

Они шли беспрепятственно почти весь следующий день. Дважды им встретились орочки разьезды с волками — и, обменявшись знаками приветствия, пропускали без слова. Но на третий раз более многочисленный отряд — тридцатка, «ранк», как это называли орки Болдога — задержал их.

— Сука удача, — проворчал Берен себе под нос.

— Кочевнички! — ослабился ранкар (48). — И куда ж это вы идете, э? Домой, к своим вонючим бабам задницы уносите? А кто вам позволил, э?

— А ты что за хрен с горы, что мы тебе должны отвечать? — рыкнул в ответ Финрод. Берен даже удивился — откуда такая сноровка в беседах с орками?

— А я такой хрен с горы, что могу твою задницу пополам порвать, и ничего мне за это не будет! Я — Тэврах, ранкар Волчьей Стражи, и если ты zenки еще не залил, то вот этот знак должен бы узнать!

— А ну, погляди тогда на эти знаки, — Берен ткнул пальцем в свой нагрудный значок, потом — в значок Финрода. — Мы — не кочевники, мы с Севера, а этих недотеп прихватили по дороге, чтобы веселее идти было. Нас ждут с докладом, а ты на дороге стоишь! Отвали, пока не получил.

Орки Саурана зашумели, но командир поднял руку.

— С докладом, говоришь, э? Ты что же, не знаешь, что все, кто здесь идут, обязаны Повелителю Воинов докладываться в первую голову?

— Время дорого, — Берен посопел. Это и в самом деле был просчет.

— А что ж мы вас раньше тут не видели, а, разведчики? — спросил десятник.

— А мы через Анах шли, дурья твоя башка. Мы бы и вернулись туда, ежели бы нас в Димбаре не поприжали. Лично Вождь Болдог нас послал, а ты тут из себя большую шишку строишь...

— Ну и славненько, — Тэврах гоготнул. — И пойдете с нами. Потому как ваш Болдог должен не сегодня-завтра здесь быть. Так что вперед, кочевнички-разведчики, и с песней!

— Да пошел ты знаешь куда! — взвился Финрод, но тридцать луков, наставленных на их отряд, по два на каждого, а на кого — и по три, заставили его поникнуть. — Ладно, ладно...

— Вот это мы попали, — прошептал Нэндил.

— Отбредемся, — сквозь зубы ответил Берен, не особенно на это рассчитывая.

Глава 10. Саурон

К Тол-и-Нгаурхот прибыли вечером, бежали весь оставшийся день без остановки. Берен отчаянно искал возможности побега — их не было. Ранк Тэврах почти сразу же соединился с другим ранком, сменявшимся после недельного патрулирования, и теперь за дюжиной задержанных присматривали почти шестьдесят пар глаз. Присмотр был плотным: орки и вообще-то не любили друг друга, так теперь это накладывалось и на распри между племенами, и на тщательно подогреваемое Сауроном соперничество разных частей его армии. Волчьи Отряды не любили Стражу Росомах, полагая тех бездельниками и трусами, Росомахи презирали Волчьи Отряды, недоумков, которым нельзя было поручить почетную и ответственную охрану Аст-Алхор, так что годны эти дураки лишь по лесам за мятежниками бегать... Одним словом, пограничники Росомах не могли упустить возможности поунижать разведчиков Волчьего Отряда, а уж издеваться на таком быдлом, как кочевники, им и сам Моргот велел.

У подвесного моста на Остров Тэврах и Урвег, командир второго ранка, долго препирались с тамошней стражей — не столько по делу, сколько потому что командиру охраны моста тоже охота было показать себя важной особой.

Берен от всей души надеялся, что их сейчас бросят до утра в какую-нибудь яму, где можно будет лечь и ненадолго забыться сном, после чего на свежую голову состряпать подходящую сказку. Рауга с два: полчаса во внутреннем дворе тюрьмы Тэврах ругался с местной охраной, требуя «самого главного» для доклада.

— Кого тебе еще главного? Повелителя Гортхауэра, что ли? — отбивался тюремный сотник. Но потом сдался — как видно, и в самом деле мог сам принять задержанных. Появился высокий, одетый в черное человек, который выслушал Тэврах и увел его с собой. Через десять минут они вернулись, и орков-пограничников по кивку человека сменила тюремная охрана — только ранкар их сопровождал.

Их вели по коридорам куда-то вверх, и Берен скосил глаза на Финрода: узнает ли тот свой собственный замок? Лицо эльфа — точнее, морда орка — было непроницаемо.

Светловолосый человек в черном с серебром сидел в простом высоком кресле у камина — кроме него и охраны в зале, куда их привели, никого не было. На нагрудном знаке человека были выбиты корона и три молнии — корна-таэро (49) войск Моргота.

— Кто такие? — спросил человек.

— Харраф меня зовут, — ответил Фелагунд на той грубой смеси синдарина с талиска, что была в ходу между людьми, — а это брат мой по отцу, Унгал. Мы из Волчьего Отряда, господин, посланы с разведкой в Бретиль и к границам Нарогаста луну тому назад. Было нас полтора десятка, да все погибли.

— А остальные?

— Кочевники, сволочь. Их в Димбаре пощипали, так они прибились к нам.

Человек кивнул — видимо, потери и похождения кочевников его не волновали. Сколько их ушло и сколько вернулось — всем было безразлично: становища в Лотланне исправно возмещали урон, а большого толку от них не ждали — главное было удерживать границу в постоянном страхе.

— Отчего без доклада? — на сей раз человек обратился к Берену. — Почему обходили заставы?

Тот прочистил горло и ответил то, что успел придумать:

— Урух не любим. Сами мы уруг-ай...

— Я вижу это по вашим мордам, — перебил человек. — Кого вы не любите, меня не волнует. Есть порядок. Все, кто следуют на Север мимо Аст-Алхор, должны докладываться. Или вы там, в Волчьем Отряде, особенные? Для вас порядки не писаны? Чего молчишь Унгал — язык проглотил?

— Никак нет, господин... А только мы ж не собирались на Север идти, мы через Димбар хотели вернуться... там нас и прижали — еле мы ноги унесли.

— Кто, сколько?

— Бретильская пограничная стража. Недобитки эти горские, — покривился Фелагунд. — Мало мы их резали...

— Потому что вы больше баб да щенков били, — встрял Тэврах. — А как война увидите, сразу кучу под себя и бежать.

— А ну, заткни хайло! — огрызнулся Берен.

Человек с силой ударил хлыстом по ножке кресла — резкий звук оборвал свару.

— Здесь вам что, базар? — нахмурился корна-таэро. — Тэврах, не можешь держать язык за зубами — откуси его. Будешь говорить, когда я спрошу, а пока... — он оборвался на полуслове, вскочил с кресла и согнулся в поклоне.

На вошедшем были по-простому расстегнутая куртка, темная рубашка, кожаные штаны для верховой езды — ни одежды, ни знака, выделяющего начальника. Кроме царственной осанки да взгляда.

Он был по-настоящему высок, на пол-головы выше Финрода, если бы тот выпрямился — а тот и по-орочьи скрюченный не был маленьким. Очень похожий на нолдо: темные волосы, светлые, почти прозрачные глаза. Закатанные рукава открывали мощные предплечья и тонкие запястья: руки мечника.

Точеные эльфийские черты играли улыбкой — не только рта, но и всего лица — глаз, чуть приподнятых бровей. Но Берен сомневался, что эта улыбка выдает истинные мысли — скорее, прячет их. Вошедший казался опасным, и опасность завораживала, как танец змеи. Простота и легкость манер только усиливали страх: противник был настолько уверен в себе, что не находил нужным как-то подчеркивать свое положение при помощи одежд или спесивого надувания щек. Его губы улыбались, ибо не было ему нужды в грозных гримасах: и так все понимали, кто здесь хозяин.

Саурон Гортхаур...

Он сел в кресло, которое освободил корна-таэро, с веселым любопытством оглядел Финрода и Берена.

— Ну, Альфанг, и кто же они?

Человек вкратце изложил ему то, что рассказали «орки». Саурон кивнул, потом обратился к Финроду напрямую.

— Как далеко вы продвинулись к Нарготонду?

— Мы остановились в виду Амон Руд, Повелитель, — Фелагунд встал с колен, поклонился. Его примеру последовал Берен. — Дальше идти никак было не можно.

— И что же вы там видели?

— Войско собирают в Нарогасте, господин. В приграничных фортах шевеление. Не иначе как хотят воевать Остров.

— У меня иные сведения... Я слышал, там был мятеж и король Фелагунд изгнан. Там

теперь правят сыновья Феанора.

— Там правит Ородрет! — не выдержал Айменел. Эдрахил треснул его по уху.

— Не разевай пасть не в свой черед, — прошипел он. — Простите, господин...

— Ородрет там правит, — поддержал эльфа Берен. — Вроде бы Фелагунда и взаправду поперли, но правит там Ородрет, а не феаноринги.

— Много же вы знаете — особенно если учесть, что в Нарогарде не были.

— Поймали одного, да язык ему и развязали, — осклабился орк-Финрод, да так правдиво, что у Берена мурашки по коже пошли от этой усмешки.

— Вы расспросили его о делах в Подгорном Королевстве, узнали, что там собирают войско — но не вывели пути проникнуть туда?

— Не успели, — зло бросил Берен. — Сдох.

Тэврах символически сплюнул. «У меня бы не сдох» — было написано на его морде.

— Скверно, — покачал головой Саурон. — Так значит, они собирают войско, идти и воевать со мной? Когда?

— Через год, после сбора урожая, как они смогут вывести в поле всех, кто может держать меч, — напропалую врал Берен. — Надоело им, видать, в своих укывищах отсиживаться, — он захохотал, остальные орки — даже Тэврах — его поддержали.

— Ну что ж, я желаю им удачи, — Саурон встал, обошел Берена и Финрода кругом, цепко всматриваясь. — Потому что за последнее время было не так много веселого. А вы мне по нраву, уруг. Вы кажетесь хорошими, верными ребятами. Я даже подумываю переманить вас у Болдога. Как вы на это?

— Воля твоя, Повелитель, — пригнул голову Финрод, — а только не больше ли мы пользы принесем на службе у Вождя Болдога? Мы к разведке, к слежке привычные — не к охране...

— Такие головастые ребята да чтобы не научились новому делу? — Гортхаур как будто ускорял шаги. — Но верность ваша Болдогу мне по душе. Да, поистине, верность — великое благо и заслуживает награды, а предательство — кары. Вероломство точно ржа, разъедает изнутри и сердца, и города, заражая души злом. Ледяная пустота проникает в мир живых, обращаются в ничто их творенья, их награды, обволакивает ядом, и в глаза ей заглянув — устрашишься ты и дрогнешь, и растают твои чары, и надежда твоя рухнет, как трухлявый старый ствол, что внутри изъеден гнилью...

Сказав последние слова, он остановился и глянул прямо в глаза Финроду, пронзив — Берен почувствовал это — обманную оболочку в виде орочьей шкуры. Казалось, миг — и Ном действительно дрогнет и упадет. Берен дернулся было — но почувствовал, что двинуться не в силах, что как будто бы вмерз в воздух и даже дышать способен еле-еле.

Фелагунд действительно дрогнул — но лишь на миг. Орочья морда сползала с него, он распрямлялся, волосы трепал ветер — откуда здесь ветер?

— Кто полон душой и горяч, ледяной пустоты не убоится. Кто светел — тот и во Тьме останется светлым. Кто верен и смел — не устрашится, ни боли, ни смерти. Кто все потерял, но сберег незамаранной душу, за краем Земли для того есть иная надежда. Надежда, что выше бранных земных соблазнов — звонче золота, ярче камней драгоценных, прекрасней пения женщин, пьянее вина и слаще любого яства. В ее огне сомненья и страх выгорают, десятикратно в бою прибывают силы, рождается твердость в сердце плененного телом, а тем, чей свободен дух — не страшны и цепи, — краем зачарованного разума Берен понял, что Финрод перешел на квэнья, и слова Высокой Речи звучали в этих стенах такой музыкой,

что дрогнули оконные витражи — словно замок вспомнил своего прежнего хозяина и потянулся к нему, как старый, полупарализованный пес. Не диво, что Саурон поспешил перехватить напев и повести его в свою сторону:

— Ты о какой надежде поешь здесь, жалкий? Кто из Великих, когда ее пообещал тебе? Тюремщик, что собирает бездомные души, тащит к себе в подпол, как крыса амбарная? Воистину только там у тебя надежда есть — в серых покоях мертвых, без звука, без памяти — здесь же, на Волчьем Острове, раб мой, нет ее: в муках и ужасе, нолдо, ты будешь корчиться, Тьма поглотит тебя и изложет разум твой, брат здесь брата предаст лишь за призрак спасения, огненной цепью тело твоё будет сковано, холодом страха душа твоя будет стиснута — вот тогда и поймешь, кто хозяин твой — жизни и смерти твоей, самой души твоей...

— Не хозяин ты мне, Саурон, не Владыка душе моей, ни душам друзей моих, ни эльфов, ни смертных людей. Бессильна злоба твоя, смешна гордыня твоя. И тем, кто в твоих руках, не волен ты повелевать, так что говорить о тех, кого ты не в силах взять? Помню — стоит на высоком холме белокаменный гордый город. Помню — ласкает берег живое зеленое море. Помню — лежит за морем прекрасный край, неподвластный Тени. Помню — поют, сливаясь, лучи светоносных деревьев... В этом краю мастерство сильнее времени, светлая радость любви — сильнее боли... Сладки холодные воды ручьев прозрачных, рвутся в небо стволы корабельных сосен, в гавани волны перебирают гальку, белые корабли дремлют у пирса, гордые кони волны — в ожидании странствий... Помню — капли росы на ладонях листьев. Помню — песни дев на Слиянии Света...

Валинор, — видение было явственным, у Берена даже дыхание перехватило. Стены замка мелко дрожали, он слышал этот гул — замок помнил тот город, с мыслью о котором строил его Финрод, и стряхивал с себя то, что наложил на эти стены Саурон. Прямо здесь, под ногами Берена трава побережья обрывалась к морю глинистым склоном — а берег в двух саженях внизу пестрел галечной мелочью, и за спиной шумел сосновый лес, а свет был незнакомый — расплавленное золото и серебро, смешанные в одном небе, сполохами перетекающие одно в другое... Аман, благословенная земля... Дом, которого у меня нет...

— Серебряный свет померк, золотой — задохнулся. Тьма непроглядная пала на стены белые, красен огонь факелов, красны клинки в ночи — кровью зайтись морю в Лебязьей Гавани! Нет больше песен дев, ни нолдор, ни тэлери — крики, предсмертный хрип, стали звон да стрел свист. Мертвым удел — сумрак покоев Мандоса, выжившим тяжкий рок — вражда и предательство. Где та надежда, которой ты пугал меня? В Альквалондэ она, кровью горячей пенится, в Хэлкараксэ она — с криком под лед ушла, в заливе Дренгист она жарким сгорела пламенем, в Тангородрим она — в сырых подземельях скована, нет надежды для вас, нолдор — навеки вы прокляты!

Нет! — молча крикнул Берен — Он лжет, все совсем не так, Финрод, не сдавайся!

Поздно...

С последними словами Саурон вскинул руки — и истаяли видения, стихла дрожь пола и стен. Неведомое нечто, сковавшее Берена неподвижностью, отпустило — и он рухнул на застеленный соломой пол, лицом вниз. В глазах запеклась темнота.

Когда помутненное сознание опять сделалось прозрачным, словно лед перед тем, как вскрываться, Берен понял, что лежит на боку, что под его щекой камень и солома, а темно не у него в глазах, темно вокруг...

Саурон дышал как старый мерин после часовой пробежки. Финрод, распростертый на

полу, как будто не дышал вовсе.

Пошатываясь, опираясь руками о спинки кресел, Саурон прошел к окну, высунулся в проем едва ли не по пояс. Кроме него, никто в зале не стоял на ногах — все, как и Берен, как и Финрод, лежали на полу. Один из стражников тихо стонал, сжимая ладонями виски. У второго носом шла кровь, черная в заливающим зал лунном свете — и камин, и факела погасли.

Дробный топот ног по коридору.

— Повелитель!!!

— Оставьте... — прошатавшись от окна к креслу, Саурон сел — а точнее, упал в него. — Вы бы ничем не помогли... Соберите ребят, отнесите в хэссамар... Завтра все они отдыхают... Выдать по кружке красного вина... И этим тоже... Я не хочу, чтоб они подошли... раньше времени...

— Повелитель, а если...

— Нет, — мотнул головой Саурон. — Уже нет. Он сделал попытку, теперь он в моей власти... А было неплохо начато... Финарато Атандил... Я угадал? Гордись... Ты меня почти достал... почти...

Больше он не говорил ничего. Слуги знали свое дело. Последнее, что помнил Берен — как его волокли под локти вниз по лестнице.

* * *

Камера была достаточно большой, чтобы лежать, вытянувшись во весь рост. И достаточно маленькой, чтобы, сидя на соломе в одном углу, сплевывать горечь в поганое ведро, стоящее в другом. Но в основном Берен все-таки лежал: силы вышли все, без остатка, и восстанавливались медленно. Хотя приказание Саурана выполнили, и свою кружку разбавленного красного вина Берен получил. Сил оно не прибавило, но сделало жизнь сносной — настолько, насколько может быть сносным ожидание скорой и страшной смерти.

Стража сменилась четырежды, один раз приносили еду — чашку с пресным месивом, которое доброжелательно настроенный едок назвал бы ячменной кашей. Берен не был доброжелательно настроен, но был очень голоден, съел все, и теперь плевался от привкуса гнили, никак не желавшего уходить. Вина больше не приносили, принесли воду. Тут жаловаться не приходилось: отличная колодезная вода.

Время текло медленно, и торопить его было бы глупостью. Раскаленные клещи, дыба и крючья ждали его несколько лет — подождут еще немного, не заржавеют. Он уже перенес однажды ужас и позор пытки — перенесет и еще раз. Страх занимал в сердце не главное место — Берен за десять последних лет привык к мысли, что умрет не своей смертью. Боль причиняла досада: Финрод... Да, это была честная попытка — но она провалилась. Если ты шел над пропастью и сорвался — то какая разница, на последнем шаге или нет? Боль причиняли мысли о Тинувиэль... Берен знал, что еще не дошел до настоящего отчаяния, до полного равнодушия к жизни. Еще готов рыдать, биться о камень и проклинать судьбу. А значит, силы еще есть, и надобно пустить их на что-нибудь полезное: к примеру, на размышления. Когда, где, как он допустил роковую ошибку?

Он все-таки должен был идти через горы. Обессиленный, голодный, полуслепой — попался бы, конечно. Но попался бы один, без эльфов...

Крохотная ниточка, что сплели они с Финродом — поможет ли? Заклинание ложного облика Саурон сорвал легко. Сумеет ли разгадать ложную память? И захочет ли? Берен вспомнил советы, которые давал Руско, и усмехнулся: если он собирается пустить эту выдумку в ход — то придется делать все ровно наоборот. Самому затеять опасную игру, и выиграть ее, помня, что ставкой — жизнь Короля.

Но если играть — то помнить все. Ложная память соткана для того, чтобы продержаться до конца и быть уверенным, что даже в бреду он не сболтнет и не помыслит того, что всех погубит. Если играть, то ключ говорить нельзя.

Играть, решил он. Иначе это бесчестно — ведь эльфам никто не поможет хранить молчание.

...Наконец, ожидание кончилось. Открылась дверь, приказали выходить. Орки, двое, здоровые, как бугаи, — и ними волк, матерый вышколенный гаурище.

Он ждал увидеть в застенке Саурона — и ошибся. Только орки — двое стражников, палач и подручный.

— Ну чего, сам разденешься или помочь?

От запоздалого страха свело челюсти. Быстрым, змеиным движением Берен выдернул цепь из рук орка-охранника, и ударил ею вправо, в то время как сам скользнул влево...

Он не учел, что и это предусмотрено — пленники далеко не всегда были безучастны и безропотны, попадая в эту камеру. При виде нехитрых, но действенных приспособлений даже у самых робких порой прорезался бойцовский дух. И на этот случай у каждого стражника к запястью крепился туго набитый песком кожаный мешочек, что обрушился на затылок Берена при первом же резком движении.

Мир дернулся и пошел гончарным кругом, который крутанули со всей силы. Берен упал и лежал смирененько-смирененько, чтобы с круга не сорваться, пока тот не остановится. Орки расклепали на нем цепи — между тем вращение мира замедлилось. Берен решил попробовать еще раз и сумел зацелить одному коленом по скуле. Тот, вроде бы даже не особо обидевшись, взял из угла короткую толстую дубинку и несколько раз со всей силы ахнул Берена по спине, вышибая волю к сопротивлению вместе с дыханием.

Беспомощного, его раздели. Из темного угла выбрался высокий худой человек с убитыми глазами. На левой щеке темнело клеймо — руна «сильме нукерна», означающая, видимо, «снага», раб. Одетый в какую-то рвань, он вонял хлевом — но длинные и тонкие пальцы говорили, что когда-то он занимался высоким ремеслом. Человек послушал, как бьется его сердце, выслушал дыхание — значит, целитель, — и посмотрел, как на свету сужается зрачок, после чего обрадовал орков известием, что пленник здоров, подышать в ближайшее время не собирается и получил по голове не слишком сильно — все понимает и может отвечать на вопросы.

Услышав речь этого несчастного — твердые "х" и мягкие "р" — Берен внутренне дрогнул: раб-нестар был горцем. Удружил землячок... Где и когда его взяли? Мог он узнать своего князя или нет? А если узнал — выдаст или промолчит?

Орки взялись за дело — и Берену пришлось худо. Его ни о чем не спрашивали — просто проверяли на прочность. Хорошо, если человек заговорит сам и сразу же — но если нет, не страшно: впереди еще много дней и ночей. Когда вздергивают — приятно мало, правда? А если к ногам подвешат груз? Тогда его рукам не поможет ни этот недоумок в углу, ни даже

сам Повелитель Ортхэннер. И до конца своей жизни — а этот конец близок — он не сможет даже сходить по нужде без посторонней помощи, и пожрать тоже сам не сможет. А если ему на это начхать — пусть подумает о других развлечениях, которых здесь хватает. О раскаленном железе, тисках и клиньях, о бичах и кипящем масле... Эти стены видели много таких, кто считал себя крепче кремня — и все они или сдохли, или превратились в такое вот, как этот трясущийся костоправ.

Берен не отвечал и даже не ругался — прикусил прядь волос и молчал. Он не собирался состязаться в остроумии с этими вырожденками: ему нужен был Саурон... В конце концов он лишился чувств. Не в первый раз за этот день; но прежде орки быстро возвращали его из забытья при помощи холодной воды и оплеух. На сей раз он пришел в себя на лавке — нестар вправлял ему плечо. Орки шумно переговаривались в углу и не обращали на них внимания.

— Эльфы, — прошептал Берен. — Ты... видел?

— Да, — быстро сказал костоправ. — Трое были здесь. Один — золотоволосый, другой — черные волосы, очень светлая кожа, третий — совсем юный. Они молчат.

Больше говорить было невозможно, орки снова обратили на них внимание.

— Ну, скоро ты там? Бабу отыметь — и то нужно меньше времени.

Нестар отошел в сторону — дело было сделано, сустав — вправлен. Орки стащили Берена со скамьи, снова связали руки, перекинули веревку через блок. Вздергивать его не спешили, но веревка все же была затянута и закреплена так, чтобы не дать ему упасть, если от слабости подкосятся ноги. Дверь открылась — вошел тот, кого Берен ждал.

На этот раз Повелитель Воинов был в серой рубахе, кожаном полукафтани без рукавов и кожаных же штанах. Сквозь запахи застенка пробился острый лошадиный дух — Саурон куда-то ездил или просто катался.

Здесь, в подвале он уже не глядел таким душой-парнем, как там, наверху. Серые глаза сверкали холодно и ровно. Легкая улыбка вызывала страх. Берен вдруг понял, что если Гортхаур подойдет, если коснется... это будет хуже всего, что могут придумать орки. Ключ, ключ! — нашептывала трусость. Но эльфы страдали так же, как он, а то и сильнее — и у них не было спасительного заветного слова... Воспользоваться подарком Финрода сейчас было бы бесчестно.

В руке Гортхаура была кружка с пивом. Бочонок стоял в углу, и палачи прикладывались время от времени — работенка не из легких. Видимо, хорошее пиво, раз не брезговал сам Саурон.

— Он что-нибудь уже сказал? — спросил Повелитель, усаживаясь в деревянное кресло с ремнями на спинке и ножках.

— Никак нет, — отозвался палач. — Разреши, господин, попробовать что-нибудь другое или хотя бы груз повесить? Это ему за игрушки, он даже не стонет.

— Молчание порой говорит о многом. Простой воин уже начал бы говорить.

— Простой воин тебе сказал бы, кем была твоя матушка и чем занималась в хлеву с рабом-полуорком, — прохрипел Берен. — А я знаю, кто ты есть. И знаю, что даже такой матери у тебя не было, упырь.

Саурон улыбнулся — брань не виснет на воротах, особенно если ты можешь как следует отплатить за каждое слово. Гортхаур сделал палачу еле заметный знак бровями — Берена вздернули.

...Отпустили, дали продышаться...

— У тебя в котомке нашли точильный брусок, завернутый в обрывок горского плаща. Родовые цвета Беорингов. Ты служил им?

Берен промолчал. Веревка слегка натянулась. Он изготовился к новой муке...

— Тебе лучше отвечать, — спокойно сказал Саурон. — Молчать бессмысленно.

Он встал и приблизился, взял Берена за подбородок и поднял его голову так, чтобы смотреть глаза в глаза, не отрываясь.

Холодный пот между лопаток. С каждым шагом Саурона сердце человека обрывалось, а с прикосновением Гортхаура он словно одеревенел до нутра. Чувствовал, как стынет позвоночник, как желудок завязывается узлом, как мужское отличие словно бы сжимается в кулак, чтобы утнаться в тело, спрятаться, как улитка в панцире...

— Я могу читать каждую твою мысль, человек. Я могу проникнуть в твой разум так глубоко, как ты сам не проникал.

«Врешь, гадюка. Аванир тебе не пробить».

— Итак, кто ты?

...Словно холодный ветер срывал кожу и мясо с костей — это была смерть при жизни. Он сейчас не мог ответить, даже если бы и захотел — не повиновался голос, не слушался ни один мускул, казалось, остановилось сердце. Он на какое-то время даже перестал ощущать боль, из всех чувств сохранилось одно: бесконечное смятение, переходящее в ужас — до безумия, до полной потери власти над собой...

...Закоченевшие пальцы скользили, разжимались и он падал, падал среди ледяного крошева, ударяясь о стальные, иссиня-зеленые стены ледовой трещины, у которой не было дна... Единственной опорой был взгляд, единственной надеждой и спасением — сказать правду, даже не сказать — открыться, впустить эти глаза в себя, позволить им найти то, что они хотят...

Но где-то глубоко внутри оставался еще островок тепла, и он обратился к нему напоследок, в надежде обрести — нет, не спасение, но мужество и достоинство перед лицом неизбежного...

Тинувиэль.

Ее взгляд, ее смех, ее голос... Прости, *vanimelde*, я не сумел — но я, по крайней мере, попытался... Выходит, все, что осталось — это память... А ее у меня не отнять, даже Саурону...

— Зря, — спокойно сказал Саурон. Его пальцы разжались, миг — и Берен понял, что свободен... — Будет хуже, человек.

Горец сипло засмеялся. Хуже всего — пройдя через боль, умереть несчастным обманутым предателем. Как Горлим или этот бедняга-лекарь.

— От тебя не требуется говорить. Никто не скажет, что ты предал Финарато. Ведь над мыслями своими человек не властен, особенно в миг страданий. Просто — открой свой разум. Впусти меня.

— Моя голова, кого хочу, того и пускаю. Попрошайничай у Моргота.

Саурон подал знак — палач крутанул ворот. В мире перестало существовать все, кроме холодных серых глаз врага и вывернутых рук, готовых выскочить из суставов в любой момент.

— Болтай, болтай. Рано или поздно скажешь то, что нужно. Итак, кто... эти... эльфы... Зачем... вы шли... на север...

Тинувиэль, — подумал Берен. Мысль о ней рождала искру тепла и света в остывшей

груди. Лютиэн Тинувиэль... Такая мягкая трава...

— Вы... шли... на север?!

Хруст... Крик, раздавленный о стиснутые зубы. Холодный пот по всему телу.

«Тинувиэль!!!»

Солнечный зайчик... Лавина черных волос над ним — как шатер... Ее лицо смеется, глаза смеются... Солнце пробивается сквозь волосы как сквозь ветви, но лицо в тени... Смеясь, она отбрасывает волосы за спину и открывается солнцу вся...

Хруст! — слишком больно для таких воспоминаний; легче ненавидеть...

Прошло время. Только демоны боли, да еще Гортхаур знали — сколько... Берен очнулся на полу.

Саурон сидел в кресле, закинув ногу на ногу. Каким нужно быть дураком, спросил себя Берен, чтобы и дальше раздражать его? Таким как я.

— Ну, что присел, ублюдок? — просипел он. — Замучился меня пытаться?

Саурон какое-то время оставался все так же невозмутим, а потом встал и подошел к человеку, глядя сверху вниз, как на коровью лепешку.

— Смелости у тебя больше, чем ума — в этом ты истинный беоринг. Сейчас я тебя кое-кому покажу... Думаю, он по достоинству оценит твои шутки. Вы с ним на одном уровне.

Он отдал вполголоса распоряжение — стражник побежал куда-то. Потянулись минуты ожидания. Стражник вернулся, а следом за ним дверной проем загромодила жуткая фигура: огромный орк с лапами едва ли не до земли, большими желтыми глазами и продавленным носом.

Увидев Саурона, орк отвесил почтительный поклон. Заметив Берена, растекся в широченной усмешке, словно увидел старого друга, которого давно считал погибшим.

— Ну, здравствуй, сукин сын! — почти что нежно воскликнул он. — Попался, сукин сын!

— Так ты знаешь его, Болдог?

— Я его знаю как гвоздь в сапоге, Повелитель, как занозу в заднице. Это Берен, мать его так, сын Барахира. Ты себе не представляешь, Беоринг, как я мечтал тебя увидеть. Именно здесь. И именно в такой позе.

— Только не обмочись на радостях, я тебя прошу.

— Ты за меня не волнуйся, я уже большой, — Болдог щелкнул пальцами, подручный палач подал ему кружку.

— Болдог, ты точно опознал его?

— Сомнений нет. Вот особые приметы. Смотри, айан-таэро, — он с размаху пнул Берена под вздох носком сапога и, когда тот сложился вдвое, пригнул его за волосы к самому полу. — Его спина. Работа тех придурков в Сарнадуине. А вот ожог на груди, в форме подковы. «Подкова на счастье», как эти недоумки сказали. Они все очень хорошо запомнили — такое вовек не забудешь. Только двоим удалось бежать от лесных духов, и один потом спятил. Этих доказательств хватит?

— Вполне.

Болдог подтянул и закрепил веревку, заставив пленника встать.

— Ну, как тебе у нас в гостях, на Волчьем Острове? Хорошо угощают? Пивка хочешь?

Берен изловчился и плюнул в кружку. Орк зажал ему нос, запрокинул голову и сунул кружку в зубы, заставляя пить. Палач, подручный и двое стражников следили с заметным сожалением: на это пиво у них были свои виды.

— Можно ли спросить, Повелитель: как его взяли? — спросил Болдог, покончив с забавой.

— О, это было весело. Я увидел дюжину орков, идущих на север. Странные какие-то орки. Не мои, одна из кочевнических банд. Но почему так нагло, без доклада? Приказываю — привести. Ранкар Тэврах со своим отрядом приводит: точно, кочевники. Двое выдают себя за разведчиков из твоей команды. Расспрашиваю их и чувствую — что-то не так. Бросаю заклятие — и вижу, что тут не дюжина орков, а одиннадцать эльфов и человек. Один из этих эльфов оказался — кем бы ты думал? — Финродом Фелагундом, и не скажу, что мне было легко с ним справиться.

— А чего они шли к Аст-Ахэ?

— Мне самому интересно. Эльфы молчат. Берен молчит.

— Отдай его мне, повелитель, — улыбнулся Болдог. — Он заговорит, клянусь.

— Нет, Болдог, — покачал головой Саурон. — Ты слишком... заинтересован. А мне не нужен его труп, мне нужны сведения. Снимите его, — обратился он к оркам. — Развяжите, и пусть этот им займется.

Один стражник отцепил крюк и перетащил пленника на лавку, второй помог палачу развязать Берена. Нестар снова осмотрел его. Горец лежал перед лекарем и палачами как мясная туша перед поваром. Его даже не привязали, да и незачем было — он сейчас свечки плевком не погасил бы. Один из орков придерживал его за руки — так, для порядка.

Поймав взгляд Болдога, Берен зажмурился от унижения. Но даже сквозь стиснутые веки он увидел — узнал? Почувствовал? — как к нему склонился Саурон. Сквозь веки можно разглядеть солнце — а Саурон виделся пятном тьмы...

— Берен, — голос Гортхаура был мягким, как шорох змеи по камню, — Я знаю, ты не боишься смерти... Во всяком случае, веришь, что не боишься ее. Но ведь смерть бывает разной. Я не говорю сейчас — тяжелой или легкой. Но она бывает славной. А бывает и позорной.

— Позорная — это смерть предателя? — процедил Берен. — Спасибо, что напомнил.

— Ты дрожишь. — Саурон был так близко, что у человека снова свело живот. — Правду сказать, ты весьма жалок, горец. А ведь ты провел здесь не больше трех часов...

«Сколько?» — ужаснулся в своих мыслях Берен. Он точно сказал «три часа»? Не три недели, не трое суток — три часа?

— ...И ведь я еще приказывал не калечить тебя. Я могу отменить приказ... Ты хочешь этого? Хочешь умереть здесь — нагим, в крови, в муках?

— Эла, — Берен попробовал усмехнуться. — Я родился нагим, в крови и в муках. Чем ты думаешь меня удивить?

— Хотя бы вот этим...

Берен ждал удара — и ошибся. Это пришло изнутри. Рот наполнился тягучей предрвотной слюной, желудок вывернулся наизнанку — даже выдрессированный стражник брезгливо отдернул руки, отпуская пленника, когда тот скорчился от резкой боли и свалился с лавки. Лежа на боку, уткнувшись лицом в едко вонючую лужицу, он захлебывался горечью, забыв даже про только что вправленный вывих. По всему телу прокатывались ледяные волны. Второй спазм заставил его выbleвать свернувшиеся комки крови.

— Насколько все-таки вы, смертные, зависите от своего hroa... — сказал Саурон где-то вдалеке. — Насколько просто, управляя им, воздействовать на вас...

Легким толчком он перевернул узника на спину, коснулся прохладной рукой лба —

скрутивший тело сухой спазм отпустил.

— Ну как?

— Как после хорошей попойки, — простонал горец. — Тоже мне удивил...

— Так ты ищешь новых знаний? Изволь. Ты знаешь, сын Барахира, что собой представляет боль? Это подобные волнам колебания, которые распространяются по телу, по тончайшим, тоньше волоска, волокнам, пронизывающим каждый дюйм hgrondor. Они связаны с позвоночным столбом, а через него — с головным мозгом... На самом деле боль ощущает не hroa — ее ощущает мозг. Ты мог видеть людей, которых в бою поразило в висок. Но при этом они остались живы. Они перестают чувствовать боль, потому что та часть мозга умерла. А можно подвергнуть мирроанви обратному действию: твоему телу не причиняют вреда, но боль ты ощущаешь полной мерой. И кому ты докажешь потом, что предал не из страха и не из корысти, а потому что не смог вынести вот этого?

Тонкие пальцы майя коснулись шеи пленника, сомкнулись, Берен почувствовал рывок и помимо воли встал на колени. Саурон, видимо, не хотел нагибаться — и теперь удерживал его почти на весу легко, как кутенка за шкирку. И тут — накатило...

Это было — как если бы из него живого вынимали становой хребет. Зажмурил глаза, стиснув зубы до звона в ушах, Берен кричал на вдохе и на выдохе. И с каждым вдохом и выдохом он умирал. Но умереть Саурон ему не позволил.

— Сознание того, что это окончилось — сладостней, чем возлежание с женщиной. Так говорили те, кто пережил мое прикосновение. Это правда, Берен?

Это было почти правдой. Такого острого счастья, как счастье прекращения этой муки, он не знал... Почти... Но Саурон прежде облезет, как змея по весне, чем услышит это от него.

«Проверь сам, если ты не трус и не евнух», — хотел сказать человек, но язык не повиновался. Тело предало его в этом; предало и в другом: скользнув пальцем по его щеке, Саурон снял каплю влаги. Поднес палец к глазам своего противника, потом мазнул по его губам, заставляя ощутить соль собственной слезы. Улыбнулся. Отпустил шею Берена. Тот упал как бревно, не в силах даже выставить перед собой руки, чтобы уберечь лицо.

— Умойте его. Оденьте и верните в камеру.

Окатив водой и одев — правда, из одежды оставили только нижнюю рубаху и штаны — Берена снова заковали в цепи и бросили в ту же камеру. Через полчаса он начал дрожать от холода, зарываясь в солому — беда только, что ее было слишком мало...

Стража сменилась шесть раз. Ни еды, ни воды не приносили. Цепи выпивали из тела остатки жалкого тепла. Скверно. Берен знал, что холод, голод и жажда подтачивают человека медленно, но наверняка.

Он слизывал сырость со стены, когда дверь открылась и в низкий проем вошли двое — человек и орк.

— Выходи, — скомандовал человек. Берен выполз. Его поволокли по ступеням вверх, к посту, где ждала высокая женщина в черном плаще, скелетом фибулой в виде летучей мыши. Эльфийка. Берен слишком устал, чтобы изумляться. Она оттиснула свой перстень на какой-то восковой печати и тюремщики передали Берена ей и ее подручным. Снова наверх, по винтовой лестнице — они вышли из тюрьмы. На выходе женщина и стражник обменялись значками, похожими на монеты.

Они пересекли двор и вошли в другую башню. Поворотам и переходам Берен потерял счет, но из редких окон, мимо которых его тащили быстро, он видел уже не каменные дворы,

а... сад? Да, сад... Его вели по жилой части замка, в высокую башню Минас-Тирит.

— Сюда, — эльфийка распахнула дверь.

В глазах у Берена помутнело, в груди сперло дыхание, на лбу выступил пот...

В жарко натопленной комнате стояла густая пелена ароматного пара, сквозь которую еле-еле пробивался свет четырех ламп. Пар исходил от огромной лохани с водой.

— Разденься, — скомандовала эльфийка.

— И даже не поцелуешь для начала?

— Не смешно, — слова женщины сопровождались сильным тычком в спину.

Дергаться смысла не имело. Он дал сорвать с себя одежду и полез в лохань; вымылся кое-как, потом двое мужчин натянули ручные кандалы, а женщина, намотав его волосы на руку, выскоблила ему подбородок острейшей бритвой, жестко и тщательно. После этого цепи расклепали, дали холстину — вытереться — и гребень. На лавке лежала новая одежда: черные штаны, темно-зеленая рубаха, черная шерстяная свита и легкие башмаки с мягкой подошвой. Он оделся.

— Ну, вот и все, — женщина надела курточку и набросила плащ. — Идем.

Они прошли еще несколькими коридорами и попали в узкий маленький зал. Окна были завешены, в камине трещал огонь. Зал был пуст, лишь во главе длинного стола из каменного дуба сидел человек... Нет, не человек.

Жестом Саурон отпустил охрану.

— Вы уверены, повелитель? — спросила женщина.

— А что он мне сделает? — заломил бровь Саурон. — Убьет?

Стражники поклонились и вышли за дверь.

— Садись, — Гортхауэр сделал жест в сторону стола. — Куда хочешь. Второй прибор — для тебя.

— А третий? — Берен сел, не мудрствуя лукаво, там, где лежала тарелка. Скулы свело, рот затопило слюной — под столом Берен до боли сжал пальцы, чтобы сохранить неподвижное лицо.

— Для твоего государя. Он скоро присоединится к нам. Хочешь вина? Нан Татрен, урожай пятьдесят пятого года.

— Захватил вместе с замком?

— Да. Здесь отличные погребки. Угощайся. Заяц, запеченный в сметане, грибы... Ты любишь грибы?

Наверное, на другом берегу реки было слышно, как Берен сглотнул. От запаха жареного мяса его мутило.

— Благодарю, я не голоден.

— Насколько я знаю, последним, что ты ел, была миска ячменной каши из прелого зерна. Более двух суток назад. Так что не рассказывай мне сказки, Берен, ешь. Сыр, буженина, зелень... выбирай! Или ты боишься, что я отравлю тебя? Согласись, что это было бы непоследовательно. Я мог бы убить тебя более простым... Или более затейливым способом.

— Саурон, ты знаешь, что по нашим обычаям если ты преломил хлеб со своим врагом — значит, ты все ему простил?

— Знаю, Беоринг. Именно это я и имею в виду. Я готов простить тебе все.

— Ага... Только вот в чем штука: я не готов тебе простить ничего.

Саурон развел руками.

— Я признаю, у тебя есть причины держать на меня сердце. Но и у меня есть причины испытывать к тебе самое меньшее — неприязнь. Люди, которых ты убивал, были моими друзьями, учениками, да хоть бы и подчиненными — все равно я за них в ответе. С самого начала мы оказались по разные стороны одного меча, и я этому совсем не рад. Пролилось слишком много крови, чтобы можно было так просто примириться... Но поверь, единственное, чего я хочу — это мир.

— Весь? — выскочило у Берена.

Саурон засмеялся.

— Гортхаур, мир между нами будет, когда один из нас уберется за край последнего берега. Так оно все обернулось, что это, наверное, буду я. Мы по разные стороны одного меча, рукоять держишь ты — не тяни осла за хвост, я готов.

Саурон задумчиво поиграл вилкой.

— Ты думаешь, — сказал он, — что это — какая-то жестокая игра? Что я пригласил тебя к обеду в качестве главного блюда, поиздеваться над твоей беспомощностью? Берен, я знаю, что обо мне говорят эльфы. И не буду спорить — я действительно жесток. Но я никогда не творил бессмысленных жестокостей, не делал зла ради зла. Разве самому тебе не приходилось быть жестоким? Вешать мародеров, чтобы не разлагалась армия? Убивать пленных, которых нечем кормить и некому охранять? Пытать захваченных солдат противника, чтобы узнать, не ждет ли вас засада? Всем, кто хочет добиться какой-то цели, приходится быть жестокими. Это как жар во время лихорадки. Когда проходит болезнь — спадает и жар. Мне нет необходимости быть жестоким на севере: там никто не бунтует. Насколько я буду жесток с Дортонионом — зависит от того, как скоро Дортонион прекратит бунтовать. Съешь хотя бы хлеба, Беоринг...

— Спасибо. Не хочу отвыкать от тюремной пищи. Я ведь наперед знаю, какую песню ты запоешь, Тху. Ты скажешь, что наилучшим образом я послужу своей стране, если стану там наместником Моргота и присягну ему на верность. Ты как дважды два объяснишь мне безнадежность эльфийского дела, а Финрод, измученный голодом и пытками, будет сидеть тут в подтверждение твоей правоты. Ты предложишь мне выбор: ты или Болдог, вернуться в подвал, на воду и ячменную кашу, собственной шкурой проверить мастерство твоих палачей — или каждый день наслаждаться вот такой едой и вином, спать на мягком и страдать только от запора или похмелья. И я знаю, что я выберу, поэтому не хочу отвыкать от тюремной еды. Выблевывать на дыбе прелый ячмень мне будет — не скажу, что приятней, но как-то проще.

Саурон, откинувшись в кресле, молча слушал его и Берену стоило большого усилия смотреть майя прямо в глаза — зная, что эти глаза способны сделать с ним.

— Мне очень жаль, Беоринг... — проговорил Гортхаур, небрежно вертя вилку в левой руке. — Мне очень жаль, что такой человек как ты, сражается против меня — а не за. Мало кто может выдержать мое прикосновение и мой взгляд. И когда я заглядываю к человеку в душу, большей частью я вижу там трусость и малодушный быстрый поиск того, что можно мне продать в обмен на свою жизнь. У тебя же есть какой-то щит... Крепкий, как адамант... Любовь? Кто она?

— Саурон, я запомнил — про твою матушку я уже говорил, нет? А еще болтают, будто первых орков породили не порченые эльфы, а ты, когда был Морготу женой...

Гортхаур встал, отодвинул коленом кресло.

— На мои вопросы отвечают иначе, Берен. У тебя могут быть заблуждения насчет своей

особы, но сейчас я легко их развею. Тхуринэйтель, где наш второй гость?

— Здесь, повелитель, — эльфийская женщина распахнула дверь, пропуская Финрода и двух охранников.

Фелагунд тоже был вымыт, причесан и одет в чистое. И выглядел таким же спокойным и холодным, как всегда, однако слегка прихрамывал. Волосы его были срезаны коротко, так, что открывали уши, и не совсем ровно.

— Ну, здравствуй, Пещерный Ваятель, — улыбнулся Саурон. — Не прошу присоединиться к обеду, дело прежде всего. Ведите этих двоих за мной.

Берен встал, обошел стол и последовал за Сауроном под охраной двух стражей. Отодвигая одно из кресел, якобы освобождая себе путь, он глазами спросил Финрода: сейчас? Тот еле заметно качнул головой.

Они снова шли коридорами — вроде бы в обратном направлении, к казармам. Финрод, строивший эту крепость, в свое время позаботился о том, чтобы в любое помещение можно было попасть, не высовывая носа на улицу: здесь были злые осенние дожди.

Когда они достигли конечной цели своего пути, Берен внутренне одобрил свое решение не есть: сейчас бы его непременно вырвало. В этом дворике, мощеном камнем, воняло как на бойне.

Саурон вышел на закрытую галерейку, опоясывающую двор. Их вывели следом. К двум конвоирам присоединилось еще двое, Берена и Финрода крепко взяли за руки и подвели к перилам.

— Ах ты... — вырвалось у Берена. Фразу он не закончил — не из страха перед Сауроном, а потому что не нашел достаточно скверного ругательства: все известные казались ему слишком мягкими.

Дворик по периметру был уставлен деревянными столбами, давно утратившими свой первоначальный цвет: верхушки их потемнели от дождей и ветров, а по низу они были густо вымазаны, скорее даже пропитаны, чем-то бурым...

К двум из этих столбов были привязаны эльфы — Кальмегил и Вилварин; руки заломлены за голову, одежда изодрана, волосы обкромсаны. Им никто не предлагал купания и обеда.

— Вы знаете, что здесь? — не глядя на Финрода и Берена, спросил Саурон. — Площадка для обучения молодняка. Молодые волчата должны попробовать крови. Волки — ты знаешь это, Берен — обучены кидаться на горло или, если есть приказ брать кого-то живым — валить и кусать за руку. Но молодые волчата этого не умеют. Они будут кусать куда попало. Поднимите решетку!

Где-то внизу, внутри здания, загрохотала цепь, наматываясь на ворот. Берен почувствовал жжение в горле и холод в животе. Он посмотрел на Финрода — тот не изменился в лице, но глаза стали больные.

Решетка напротив галерейки перекрывала длинный низкий проход, и сейчас об эту решетку разбилась волна серых мохнатых тел, голодных желтых глаз, острых белых клыков...

Это были вислоухие щенки размером со среднюю овчарку. Достигнув полного размера, они перерастали телят. Сейчас они сгрудились у решетки, чуя добычу; задние запрыгивали на спины передним, покусывали тех за плечи и за уши, чтобы пробиться вперед; передние просовывали сквозь решетку морды и лапы и поскуливали, требуя свое...

Берен готов был сам завить волком от бешенства и собственного бессилия. Словно почувствовав его отчаяние, стражи сильнее заломили ему руки, прижав к перилам. Эльфы

стояли у столбов, склонив головы; ни один не посмотрел ни в сторону волчат, ни на галерею — то ли обессилели, то ли не хотели потешать врагов и вводить друзей в искушение мольбой, промелькнувшей на лице.

— Беоринг, — обратился к нему Саурон. — Я мог бы сейчас приказать поднять и вторую решетку и заставить вас обоих любоваться тем, что волчата сделают из ваших друзей. Хотя бы в уплату за твои слова. Я знаю, что Финрод при этом не дрогнет. Эльфы имеют свой взгляд на вопрос заложника, вспомни историю с Маэдросом. Он не дрогнет, даже если у этого столба окажется его родной отец, не говоря уж о тебе. Ему будет очень больно, но он не заговорит. Как не заговорил бы ни один из этих эльфов, окажись там, у столба, Финрод. Такова их природа и их понятия о чести. Я знаю, что у тебя эти понятия другие. Ты, конечно, можешь молчать, тебе это ничего не будет стоить. Только им. Твое геройство обойдется тебе дешево: ценой десяти смертей. Ты туда не отправишься и тебя не будут пытаться, даю слово. Только они. Итак. Я повторяю вопрос: куда вы шли и зачем? Или ты говоришь, или я велю поднять решетку.

— Берен, — неподвижным голосом сказал Финрод. — Его слово не стоит ничего. Пока мы в его руках, он всегда сможет заставить тебя ответить на второй вопрос и на третий — до конца; а потом скормить волкам всех нас, а тебя — казнить в Каргонде. Заговорив, ты нас не спасешь.

— «Нас» — это неверно сказано, Финрод, — усмехнулся Саурон. — Тебя я тоже не собирался отправлять на корм. Ты рискуешь только чужими жизнями, ты покупаешь молчание Берена не за свой счет.

— Он хочет использовать меня как живую отмычку к Нарготронду, — Финрод на миг прикрыл глаза. — Берен, если ты заговоришь, это может стоить свободы и жизни всем жителям города.

Берен напрягся всем телом, остро чувствуя свое бессилие. Стражи тоже приложили усилие к тому, чтобы его удержать.

— Не будь ты так горд, — издевка в голосе Саурана была хорошо скрыта, — Поешь ты хоть немного... может быть, тебе удалось бы своротить эти перила, как тогда, в Сарнадуине, ты своротил коновязь... Ты бы прыгнул вниз и даже успел бы кого-то убить... Ну, а что дальше?

— Ном, — просипел Берен. Голос изменил ему. — Я так не могу. Я... буду... говорить. Прошу тебя, Гортхаур, отпусти их...

— Что-что? Из-за этого лая я не расслышал. Ты сказал, что будешь говорить — а дальше?

— Отпусти их.

— Нет, там было еще что-то...

— Прошу тебя.

Гортхаур улыбнулся.

— Как не внять смиренной просьбе.

Волчата за решеткой зашлись бешеным лаем, увидев, как их пищу отвязывают и уводят. По кивку Саурана Финрода с Береном повели обратно в столовую. Зубы у горца стучали.

Они сели за стол: Саурон — во главе, Финрода посадили по левую руку, Берена — по правую.

— Рассказывай, — Гортхаур постукивал пальцами по крышке стола.

— Сейчас... Во рту сухо, — Берен взял бутылку и кубок, плеснул себе вина, выпил. Он не

ел почти сутки — проймет быстро... — Вот ведь как бывает... Обгадишься один раз — а засранцем называют всю жизнь...

Едва он договорил — в глазах померкло.

«...так вот, значит, как оно...»

Темнота, глухая и какая-то смрадная... Берен мотнул головой, устранив от источника вони, чихнул...

— ...напряжение душевных и телесных сил. Молва обычно приписывает такие обмороки женщинам, хотя я по опыту знаю, что они свойственны скорее мужчинам.

Ох и вонь... От крохотного флакончика, что держала под его носом сауринова эльфийка, несло так, словно туда сто лет мочились все орки севера.

Саурон. Допрос. Волчата. Эльфы...

Берен попробовал что-то сказать — горло исторгло слабое рычание.

Он был в обмороке не дольше нескольких мгновений — вино, растекшееся по столу из опрокинутого им кубка, все еще капало на пол. Но за эти мгновения мучительно изменился целый мир. В чем здесь дело — понять он не мог. И не пытался.

— Посадите его и налейте еще вина, — распорядился, поднимаясь, Саурон. — Итак, Берен, вернемся к предмету разговора: куда вы шли и зачем?

Миг паники: куда мы шли? Зачем? Берен забыл. В самом деле, без дураков — забыл! Он рылся в памяти как голодный волк в куче листьев, где живут мыши-полевки. И нашел... О, счастье — нашел!

— Мы шли в Ангбанд... За Сильмариллом. Я правду говорю! — крикнул он, увидев, что Саурон собирается отдать какое-то распоряжение.

— Я не верю тебе.

— Проверь. Сделай как хотел тогда, загляни мне в мысли — я откроюсь!

— Берен, не надо... — прошептал Финрод. — Ты погубишь Нарготронд.

— Он, конечно, твой король и его приказ закон, — улыбнулся Тху. — Но вот о чем подумай, Берен: еще неизвестно, помогут ли мне добытые у тебя сведения погубить Нарготронд — а что я отправлю всех, кроме вас двоих, на площадку молодняка — это точно. И вы будете смотреть. Волчата все так же голодны. Выбирай.

— Ном, — голос изменил. — Прости...

— Нет, — ответил Финрод.

— Ты готов? — спросил Саурон.

— Давай.

...Если можно сравнивать — то, наверное, так женщины чувствуют насильника. Саурон вперся в сознание, что называется, в сапогах со шпорами. Он шел напролом, безошибочно отбрасывая ненужное и выщелкивая главное, как зернышко из ореха. Побойсье в заимке... Погоня и месть... Назад... Нарготронд... Келегорм и Куруфин... Назад... Дориат. Тингол. Тинувиэль...

Смех...

Смех?!!

Саурон хохотал как человек — закрыв глаза, запрокинув голову. Он не видел, как Берен метнулся в его сторону, не заметил, как охранник ударил горца лицом о стол, заломив руку, и прижал к столешнице. Другой охранник, ухватив Финрода за волосы, приставил к его горлу нож.

— Значит, ты поймел Лютиэн Тинувиэль? — Саурон снова захохотал. — Много бы я

дал, чтобы посмотреть на лицо Тингола в тот миг, когда он узнал, что его дочь спала со смертным!

— Я много о тебе слышал, Гортхауэр, — холодно произнес Финрод. — Что ты убийца, палач, клятвопреступник и оборотень. А ты еще и любитель подглядывать в щелочку.

— Я сказал «лицо Тингола», а не что-то другое. — Саурон вытер рукавом проступившие слезы. — О, Пламя вечное, такого нарочно не придумашь...

— Я хочу тебе сказать, — прохрипел Берен, — Что я его лица в тот миг не видел и показать не смогу, чем бы ты ни угрожал эльфам. Остальное — да, тут я в твоей воле. Ты что, ни разу не делал этого с женщиной? Или, творя себе hroa, кое о чем подзабыл?

Саурон сделал знак — их с Финродом отпустили.

— Тинувиэль и Сильмарилл, — задумчиво сказал майя, переводя взгляд с одного на другого. — Это слишком невероятно для лжи. Так глупо и нелепо не лжет никто, значит, это — правда. Тингол заносчив, глуп и... неважно. Итак, Серебряный Плащ действительно послал тебя на верную смерть? Действительно потребовал принести Сильмарилл?

Берен молча кивнул.

— А что если мы загоним Тингола в его собственную ловушку?

Вот так это и происходит, понял Берен. Ты не успеваешь вовремя убрать глаза — и на миг в них проглядывает согласие, словно любопытная тетка высовывает нос из окошка. И противник успевает это заметить, и ты уже попался... Предателем ты становишься не тогда, когда вслух принимаешь предложение врага — сначала становишься предателем в сердце своем...

— Тинувиэль... — задумчиво сказал Саурон. — Тинувиэль и Сильмарилл. Я могу дать тебе и то, и другое...

— Берен, — вмешался Финрод, и лицо его было таким, словно на ресницах вот-вот выступит иней. — Мелькор — отец лжи, а ты говоришь с лучшим его учеником.

— Ты говоришь, что мы лжем? — Саурон развернулся к эльфу. — А знаешь, почему ты проиграл наш поединок? Потому что сомневался в своей правоте. Кого имеет право обвинять во лжи тот, кто не верит сам себе? Финдарато Инголдо, ты запутался в собственных сетях. Ну же, будь честен сам перед собой: почему ты занимаешься соединением Берена и Лютиэн, с каких пор ты заделался свахой? Да потому что тебя мучит совесть, ибо ты развалил союз Айканаро и Андрет. Я читал, Финдарато, любопытный трактат, захваченный в Каргонде. Запись твоей беседы с одной старухой... Очень, очень возвышенно — особенно учитывая, что ты не позволил брату жениться на ней... Посмотри, Берен, он прячет глаза!

— Я не прячу глаз, — Финрод впервые проявил какие-то чувства, похожие на гнев. — Просто мне противна, Саурон, на твою проповедь с ножом у горла. Зачем лицемерить? Ты достаточно унижил нас обоих. Ты можешь добиться от Берена того, чего хочешь, выжать из него все, а потом — убить. Что ж, действуй. Не ищи себе оправданий — ведь ты и так прав в своих глазах, а в наших глазах не будешь прав никогда.

— Говори за себя. Только за себя, Финдарато. Ты торгуешь не своей жизнью, и твое благородство стоит дешево. Даже если я прикончу всех вас — вы пройдете через Чертоги Мандоса и возродитесь в благословенном Амане. А Берен не знает, возродится он или нет, здесь или где-то в кругах иных миров. А если он уйдет в черное ничто, его феа исчезнет без следа? Ты требуешь от него гораздо большей жертвы, чем от себя.

— Берен, запомни: если Саурон обещает тебе ничто после смерти, за службу ему ты

получишь именно ничто.

— Фью! — Гортхауэр присвистнул. — Меня, лучшего из учеников Отца Лжи, обвиняют в том, что я сдержу свое слово!

— Ибо это слово очень легко сдержать, Саурон. Ничто — такое добро, которого хватает на всех, — заметил Берен.

— Я хочу обратить твое внимание на то, что разговоры о ничто с одной стороны и об Исцелении с другой не подкреплены ничем. Это исключительно размышления Финрода, изложенные им в «Атрабет». С того света еще никто не возвращался, Берен. Никто не знает что случается с вами после смерти. Он говорит — вы уходите за пределы Эа, чтобы принять участие в Третьей Теме. Я говорю: это дар моего Учителя, и вы не привязаны к Третьей теме, а вольны творить каждый свою. Он говорит: отдай жизнь за эльфов. Я говорю: бери от жизни все, что можешь. Он обещает спасение после смерти? Я обещаю Сильмарилл при жизни. Через год, ровно через год ты получишь его и отдашь Тинголу, а Финрод и эти десять уйдут на свободу. Все, что мне от тебя нужно — год службы. Не вся жизнь, только год. Я не требую от тебя вассальной верности — только подчинения. Сделка, Берен. Год службы — в обмен на Сильмарилл и свободу эльфов.

— И ты не будешь пытаться найти Нарготронд?

— Плевал я на Нарготронд. Все эти Нарготронды, Гондолины, Дориаты уже обречены. Не мной, не Мелькором — самим ходом истории. Полувеком позже, полувеком раньше — какая разница? Если они будут сидеть в своих горах и не высовываться — они нам не нужны и не опасны. А если они высунутся — мы их накроем в два счета. Мне не нужны сведения о Нарготронде, и я даю тебе слово, что не буду добывать эти сведения. Надо ли добавлять, что в случае твоего отказа именно их добычей я и займусь? По правилу «с паршивой овцы — хоть шерсти клок»? Итак, дай мне слово верно служить в течение года и одного дня — и я клянусь, что, окончив службу, ты получишь Сильмарилл, а эльфы — свободу.

— Что клятва тому, кто уже нарушил другую, — безжизненным голосом сказал Берен. — Давай поступим иначе, Гортхаур. Давай заключим писанный договор, как делают гномы.

Саурон щелкнул пальцами.

— Бумагу и перо!

Человек с повязкой на левом глазу принес письменные принадлежности.

— Пиши, — Саурон прошелся вдоль стола. — "Я, Ортхэннер Гортхауэр, Айан'Таэро Айанто Мелькора именем его и во благо Короны Севера заключаю с Береном, сыном Барахира из рода Беора этот договор.

Со своей стороны обязуюсь:

— Не причинять никакого вреда одиннадцати эльфам, которые на год и один день остаются в Тол-и-Нгаурхот пленниками в залог исполнения Береном сыном Барахира его части договора. Обязуюсь содержать их так же, как своих воинов и служащих, не притесняя ни в чем, ограничивая лишь их свободу. Перечисли пленников по именам, Берен, чтобы не было путаницы: уговор есть уговор.

— Финдарато, — послушно проговорил Берен. — Айменел, Эдрахил, Кальмегил, Менельдур, Лауральдо, Вилварин, Эллуин, Аэглос, Нэндил, Лоссар...

— По истечении года и одного дня, считая со дня заключения договора, обязуюсь отпустить всех заложников на свободу, — продолжал Саурон, когда список имен был составлен, а Берен проверил написание. — Если Берен, сын Барахира, выполнит условия

договора со своей стороны. Обязуюсь также предоставить Берену, сыну Барахира, один из трех Камней, именуемых Сильмариллами, в его полную и безраздельную собственность, с какой он может поступать по своему усмотрению, по истечении года и одного дня считая со дня заключения сего договора.

С его же стороны требуется:

— Год и один день служить в Дортонионе в дхол-лэртэ (50) Армии «Хэлгор».

— Я не буду убивать своих людей, — глухо возразил Берен. — Лучше уж...

— Я не настаиваю. Напиши: должность и обязанности Берен сын Барахира волею выбирать по своему усмотрению. Хоть писарем, Берен, хоть кухарем — если гордость позволит, мне все равно. Главное, чтобы ты находился при голове армии.

В случае попытки бегства, самоубийства или бунта со стороны Берена, сына Барахира я, Ортхэннер Гортхауэр, оставляю за собой право поступить с ним и с заложниками по своему усмотрению.

— Дураком меня считаешь, Саурон? Что тебе помешает перебить их на второй же день, обвинив меня в попытке к бегству?

— ...Но лишь после того, как вина Берена, сына Барахира, будет установлена при помощи осанвэ. Отказ от осанвэ рассматривается как признание вины.

— А если меня втихаря удавит Болдог, а тебе скажет, что я покончил с собой?

Саурон поднял палец.

— В случае возможного самоубийства допросу с осанвэ будут подвергнуты все окружавшие Берена в последние три дня. Отказ от осанвэ приравнивается к признанию в убийстве.

Свобода передвижения Берена, сына Барахира, в пределах Дортониона не ограничивается никак, но надзиратель, назначенный мной, Ортхэннером Гортхауэром, должен следовать за ним повсюду. Попытка избавиться от надзирателя дольше, чем на полчаса кряду, приравнивается к попытке к бегству, вина или невиновность будут установлены мной при помощи осанвэ. Попытка уклониться от осанвэ рассматривается как признание вины.

Берен, сын Барахира, обязан следовать всюду за дхол-лэртэ Армии «Хэлгор». Отказ приравнивается к попытке бунта.

Берен сын Барахира обязан хранить в тайне существование этого договора. О нем должны знать только он и назначенный мной надзиратель. Нарушение этого пункта договора приравнивается к попытке бунта.

Нарушение мною, Ортхэннером Гортхауэром, хотя бы одного из пунктов договора снимает с Берена, сына Барахира, все его обязательства по этому договору. Обратное также верно — нарушение Береном, сыном Барахира, его обязательств, снимает с меня все обязательства по данному договору. Ниже: Я, Берен, сын Барахира из рода Беорова, будучи в здравом уме и твердой памяти, признаю за собой все обязательства по этому договору. В знак согласия со всеми пунктами договора — вот моя рука.

Саурон взял у одноглазого перо и красивыми, размашистыми знаками Феанора — надстрочные и подстрочные хвостики были непомерной длины — вывел свою подпись. Потом снял с пояса кинжал — дивной работы, острейшее лезвие отсвечивало синевой, две змейки переплетались на рукояти — легонько черкнул по ладони — выступила кровь. Вложив кинжал в ножны, провел большим пальцем по кровавой дорожке, оттиснул отпечаток на бумаге рядом с подписью, пододвинул документ Берену. Писарь протянул

перо.

Финрод встретился с Береном глазами — и отвернулся.

Перо клюнуло чернильницу и вывело подпись: Beren ion Barahir.

— Ты левша? — удивился Черный Майя.

— Левша... — подтвердил Берен. — Кривая душа...

Саурон протянул кинжал, лезвие обожгло. Кровь отпечаталась на бумаге прихотливым узором большого пальца.

Канцлер свернул бумажку и засунул в кожаный футляр. Берен налил себе полный кубок вина.

— Поешь, — предложил Саурон.

— Нет... Ортхэннэр Гортхауэр... Есть я не хочу. Я теперь хочу надраться. По-настоящему.

* * *

Гортхауэр встретил их на дороге, там, где начинались Ангродовы Гати, проложенные через Топи Сереха. Илльо почувствовал теплую благодарность: до предела занятый Гортхауэр мог послать к ним навстречу кого угодно — Альфанга или Махтаура... А пришел сам...

Дорогой он беспечно, как бы небрежно расспрашивал новоприбывших о делах в Аст-Ахэ, но Илльо видел за этими вопросами больше, чем Гортхауэр хотел показать. Беспокойство.

Велль давно пытался проложить новую гать через топкую трясины недоверия, что пролегла между Учителем и Учеником. Учитель считал, что эльфов следует наконец-то оставить в покое, что после такого жуткого урока, каким была Дагор Бреголлах, они не опасны... Ортхэннэр полагал, что опасность от них перестанет исходить лишь тогда, когда падет последнее из их королевств и лишь разрозненные поселения эльдар останутся в Средиземье. Сыновья Феанаро не успокоятся — а значит, не успокоится Гортхауэр. Велль пытался примирить Ортхэннэра и Мелькора между собой, но не преуспел.

Они занялись каждый своим — Учитель делами мира, Ученик — делами войны. И стоит ли удивляться, что среди прочих учеников тоже пошли шатания, ибо рано или поздно каждому приходилось выбирать...

Илльо выбрал после смерти Артаира. Нет, были и другие причины — но эта сработала как спуск самострела. Ортхэннэр прав — нужно как можно скорее кончать с этой войной. Сейчас настало время перебираться сюда — окончательно впрячься в дела дхол-лэртэ армии «Хэлгор».

Он взял с собой Эрвега — для связи и особо важных поручений; Солля — писмоводителя, способного обнаружить любую ошибку и расхождение в отчетах; даром, что мальчишке не исполнилось и девятнадцати; Этиль, целительницу и Даэйрэт, ее ученицу. Эту последнюю не очень-то хотелось брать, девчонка была не из самых надежных, хотя и талантлива, и проявляла явные склонности к пути Видящей и Помнящей... и немного любопытно было, как она, урожденная горянка, найдет свою некогда родную землю... Но

все же она была слабым звеном. Илльо с удовольствием оставил бы ее, если бы Этиль согласилась ехать одна, но они как раз проходили то время обучения, когда учитель и ученик неразлучны. Что ж, придется смириться с ее длинным языком, ее спесью, и — самое неприятное — ее девчоночьей влюбленностью, с которой Илльо просто не знал, что делать. Это было его слабое место: он понятия не имел, что делать с безнадежно влюбленными женщинами. Обет безбрачия, о котором знали все, избавлял его от необходимости говорить «нет», но что делать с плохими стихами, которые он находил порой в комнате, с вышитыми платками, где в нитки вплетены девичьи волосы, с этим вечно восхищенным и пристальным взглядом?

Правда, после шести дней конной езды стало легче — уставшей до предела Даэйрет охи и вздохи как-то не шли на ум.

День прибытия все же был испорчен одной неприятной встречей: в Аст-Алхор находился Болдог, прибывший за пополнением своим волкам. Звери должны были привыкнуть к новым проводникам, и Болдог со своей сотней носился по окрестным лесам и горам уже две недели. Ради спокойствия, сказал Ортхэннэр, разумно будет, если в Дортонион отправятся все вместе: Болдог с отрядом и они шестеро.

Илльо не возразил, хотя Болдог был последним в списке тех, с кем ему хотелось бы разделить дорогу.

Ортхэннэр вздохнул, разгадав выражение его лица.

— Нужно потерпеть, — сказал он. — Болдог — далеко не худший из них, и очень скоро ваши дороги разойдутся.

Илльо кивнул. Использовать иртва — это была печальная необходимость, и Болдог действительно был не худшим из них, но от этого он не делался приятнее. Говорили, что его пояс сплетен из человеческой кожи — и это были еще не самые мерзкие слухи о командире Волчьего Отряда. Илльо не знал, соответствует ли эта сплетня истине. Люди Барахира убили названного брата Илльо, но... есть предел любой мстительности.

Прошло два дня пустого ожидания, Эрвег и Даэйрэт понемножку начинали беситься, когда приехал Велль.

Он покидал Дортонион, Илльо ехал ему на смену. Это было уже известно и оговорено.

Разговор вышел тяжелый. Велль устал.

— Помнишь, когда-то мы принимали айр, — глухо сказал Велль. — Клинок рыцаря Аст-Ахэ не обагрится кровью старика, женщины или ребенка? Я сломал айр, Илльо. Я отдавал приказы убивать стариков, женщин и детей. Потому что у стариков находились силы пускать в спину стрелы из засады, женщины травили вставших на постой солдат беленой, а дети поджигали конюшни... Мне кажется, эту страну невозможно замирить. Они не боятся оружия и не понимают доброты. У нас только один выход: вырезать в этом краю всех, до последнего младенца — иначе все начнется сначала. Я знаю, что говорю страшные вещи, но когда ты каждый день кого-то теряешь... Они хуже орков. Хуже эльфов... Они как... как волки Болдога, обожающие тех, кто впервые познакомил их с кнутом и дал попробовать крови. Мы потеряли из тайро-ири восемь человек за последние три года — две из них были женщинами! Ученые, целители, описатели земель, как Тавьо или Артаир... им все равно, кого пырнуть ножом. Мы — враги, они не хотят ни задуматься, ни прислушаться... Ты слышал про норпейх, огненный эль?

— Нет, а что?

— Хмельной напиток юго-восточных горцев, секрет которого передается от отца к сыну

в клане Реганов. Мар-Реган убил своего сына и покончил с собой, чтобы мы не узнали тайны... Глупо... Как будто ради эля мы стали бы пытаться их... Это было восемь лет назад — они до сих пор поют об обороне замка Реганов как о великом воинском деянии... Боги неба и земли! Героическая песнь о том, как четверо пьяниц до последней капли крови защищали винный погреб!

— Да, глупо... — согласился Илльо. — Но ведь кое-кто нам верен. Удалось же набрать целых восемь знамен пехоты из местных жителей, и орудейная обслуга состоит из них больше, чем на три четверти...

— Угу... А что ты еще знаешь? Например, знаешь, что в эти части набраны те, чьи деревни объявлены деревнями-заложниками, и при малейшем признаке бунта будут уничтожены?

— Да. И я прекрасно понимаю, насколько это ненадежно. Не беспокойся, я давно ищу другие решения.

— И много нашел?

— Пока не очень...

— Надеешься на детишек?

— И на них тоже. Когда они начнут возвращаться десятками — а не единицами, как сейчас... Поднимутся ли у них руки на своих детей?

Велль тяжело глянул исподлобья.

— Боюсь, что не только поднимутся, но и опустятся.

Он встал и пошел к выходу. Уже открыв дверь, добавил:

— Фрекарту не доверяй ни в чем. Это редкостная мразь.

Илльо остался один. Налил себе еще эля и встал у окна, разглядывая реку и ее гористые берега сквозь витраж.

Велль... С ним было хуже, чем думал Илльо. Что ж, иногда ломаются и сильные.

Корни дуба крепки,

Но пурпурный вереск

Покрыл их...

Значит, ему и в самом деле пора на север...

Илльо не услышал ничего нового из его уст. Да, беоринги покоряются с трудом; да, смерть или уход их вождя Берена ничего не изменили — точнее, перелом наступил до того как Берен исчез. Да, в их надежности, скорее всего, придется сомневаться до самого конца... Ошибка Велля и многих других в том, что они не любят эту страну. Они собирают здесь войска и подати, а сами думают — скорей бы отвоевать и домой.

С Илльо было иначе. Он сумел полюбить и хотя бы отчасти сумел понять. Еще тогда, когда они брали укрепления Барахира в долине Ладроса, при замке Кэллаган — он успел влюбиться в эту страну. Горцы умеют любить самозабвенно и яростно, так же, как рыцари Аст-Ахэ... Но они — варвары, и не умеют нарядить свою любовь в высокие слова. Она предстает им во всей своей нагой простоте, и действуют они просто: это наша земля, мы ее любим; а раз любим — режь северян. Можно даже сказать, что они ревнуют свою землю к чужим... Илльо нравилась баллада об огненном эле. Он тоже не уступил бы врагам секретов своего мастерства.

Конечно, дело портили такие отбросы, как Фрекарт и Болдог. Первое время они были нужны, но сейчас... Сейчас пора отказываться от насилия как от главного инструмента. Учитывая то, что на один случай оправданного насилия приходится десять случаев

неоправданного. Фрекарт думает только о том, как набить сундук и брюхо, Болдог... Ладно, Болдог и его волки на какое-то время понадобятся...

Гортхауэр по дороге сюда намекал на то, что легче будет внушить дортонионцам новую любовь, если отнять у них старую, и как будто у него есть способ это сделать... Но Илльо по дороге сюда ничего не знал о секрете Гортхауэра и рассчитывал только на себя. На свой ум, на свою способность внушать любовь и уважение, на... да что там — и на свою кровь тоже. Он эльф обликом, на Севере это ему поначалу мешало. Пока он не попал в Аст-Ахэ, приходилось бороться за право на жизнь. Но здесь, в южных землях, где народ воспитан в духе почтения к эльфам... Здесь это должно ему крепко помочь.

«Я люблю тебя, Дортонион», — прошептал он, глядя на восточный берег. — «И ты тоже полюбишь меня»...

* * *

— Вот так это делается, почтенный Болдог. И неплохо будет, если ты этому научишься. Потому что мертвый враг — это всего лишь мертвый враг, а живой и правильно использованный — подобен дыханию чумы в лагере противника. Дортонион будет усмирен тем же оружием, каким он оказывал нам сопротивление: личной и вассальной преданностью жителей. Вооруженные силы по сравнению с этим — ничто, ибо оружие держат в руках люди, а людьми движут их страсти. Нужно только найти самую крепкую из этих нитей — и потянуть за нее. Ты переломал бы Беорингу все кости — но не добился бы ни слова. Я, не повредив ни дюйма кожи и плоти, получил ценные сведения о Нарготронде и Дориате, об отношениях между эльфийскими королевствами, и заложил основу одной из грядущих побед.

— Повелитель воинов, — вздохнул Болдог. — Я — всего лишь старый орк, головорез и рубака... Но на этот счет и у меня есть свои мысли, и я тебе их выскажу, если ты мне позволишь. Отправлять Беоринга в Дортонион, как ты задумал — это все равно что кидать дрожжи в выгребную яму. Не спорю, есть люди, которых можно использовать. Большая их часть — такова. Но не Беоринг. Ты же видел его, Повелитель. Он — сумасшедший.

— Ты хотел сказать — одержимый или что-то в этом роде? — вмешалась Тхуринэйтель.

— Молчи, женщина... Пусть будет одержимый. Неважно. Я гонялся за ним три года — и не мог его взять, потому что никогда нельзя было сказать, где он появится и что будет делать. Нельзя было понять, что у него на уме... Хотя бы взять историю его бегства из Дортониона — никто и представить себе не мог, что через Горгорат и Нан-Дунгортэб можно пройти. Что можно укрыться в Дориате... Что можно пойти в Ангбанд добывать Сильмарилл малым отрядом... да еще втравить в это дело эльфийского короля... Когда ты рассказал — я поверил тебе сразу, потому что на Берена это похоже: делать такое, что на уши не натянешь. Но именно поэтому, Повелитель — убей его как можно скорее, насади голову на кол и поставь у ворот Каргонда — тогда, может, он и послужит к нашей пользе.

— Не оставляешь мыслей свести с ним счеты, а, Болдог? — спросила Тхуринэйтель.

— А тебе чешется затащить его в постель? Не волнуйся, после Тинголовой дочки он и пальцем не коснется такой волчьей суки, как ты.

— Заткнись, старый кобель.

Гортхауэр грохнул по столу основанием оловянного кубка.

— Заткнитесь оба, — сказал он. — Я понял твои возражения, Болдог. Можешь идти.

Тхуринэйтель, останься.

Женщина бесшумно пересекла комнату, села в кресло, которое покинул хлопнувший дверью Болдог.

— Ты, конечно, доложишь обо всем, что здесь произошло.

Уголки узких, бледноватых губ приподнялись. Женщина кивнула — одними веками.

— А ты бы пожелал это скрыть, Айан'таэро? От Владыки?

— Я не намеревался скрывать этого, — раздраженно проговорил майя.

— Но хотел бы сначала сделать желаемое, а потом поставить Владыку перед свершившимся. Это объяснимо.

— Тебе не понять. — Глаза его сверкнули из-под нарочито беспорядочной копны черных волос — многие, многие девицы в Аст-Ахэ вздыхали по этим волосам; многие юноши тоже.

— Ты хочешь его?

Тхуринэйтель снова улыбнулась одними уголками губ, снова кивнула одними веками.

— Возьми, если сможешь.

Женщина удивленно приподняла ресницы.

— Мне кажется, ты держишь его, используя приманкой эту его эльфийскую любовь...

— Мне нужно, чтобы под конец он был от нее свободен. Не сразу. У него долго не было женщин, поэтому Лютиэн... произвела сильное впечатление. Ты должна оказаться сильнее.

— Это хороший подарок, — промурлыкала красавица.

Рука Гортхауэра черной змеей метнулась вперед, Тхуринэйтель вскрикнула от неожиданности. Гортхауэр рывком притянул ее к себе, глаза его оказались близко-близко.

— Это не подарок, запомни. Если ты возьмешься за это — а ты вызвалась на это добровольно — ты должна будешь добиться своего. И горе тебе, если ты при этом повредишь ему.

Тхуринэйтель немного подумала.

— Я могу брать его только так, как женщина берет мужчину?

— Ты можешь брать его как угодно, — улыбнулся Гортхауэр. — В том числе и тем способом, который тебе нравится больше всего. Но только с его согласия, и никак иначе. И не увлекайся. Он нужен мне живым. Он должен прожить еще долго.

— Он проживет долго... — промурлыкала она. — Если ты мне разрешишь обменяться с ним кровью...

— Не разрешаю! — отрезал Гортхауэр. — Он должен остаться человеком по плоти. До конца.

— А если я спрошу Владыку? И он разрешит мне другое?

— Попробуй только, — глаза Гортхауэра сошлись в узкие щелочки. — Попробуй!

— Учителю кое-что известно о твоих делах, — проговорила Тхуринэйтель. — Как ты думаешь, он может решить, что ты стремишься обойтись без него?

— Ступай и доноси, — процедил сквозь зубы Гортхауэр. — Если Владыке что-то известно, то от меня. Если он вздумает меня допросить, он не узнает ничего, о чем бы я не сообщил сам. Но если я узнаю, что мои неприятности имеют причиной твоё донесение...

— Достаточно, — сказала Тхуринэйтель. — Ты меня убедил. Итак, Беоринг мой...

— Да. И если ты испортишь дело, наказание — тоже твое.

Тхуринэйтель кивнула — и выскользнула из комнаты. Легкие ножки не издавали ни звука — только ткань шелестела на ходу.

* * *

Берен пил уже три дня. Вина с едой доставляли вдоволь — не для того, чтобы нализаться в стельку, как ему хотелось бы, но вполне достаточно для легкого звона в голове. И уже не так мучительно было сознание собственной низости.

В надзиратели ему назначили эту эльфийскую женщину, Тхуринэйтель. Что-то с ней было не так, Берен никак не мог понять что... Он не спрашивал — боялся — что с ней сделали, чтобы она служила Морготу. Она была верна Саурону, иначе ей не быть надзирателем — но беоринг не мог прекратить смотреть на нее как на товарища по несчастью. И не мог при этом смотреть на нее только так...

Она сказала, что в глазах всех непосвященных они должны быть любовниками. Только так можно было оправдать их постоянное пребывание вместе. И было видно, что она и в самом деле не прочь. Берен знал, что, угрожая жизни того, кто тебе дороже всех — или почти всех — можно сломать любого. Тем паче женщину, хоть бы и эльфийскую. Но чем, какими чарами можно сделать эльфийскую женщину похотливой?

А своего желанья она не скрывала. С первого же дня, когда, проспавшись, он обнаружил себя раздетым в постели, а ее — рядом, на неразобранной половине кровати, в темно-красном платье из тонкой ткани, в серьгах и запястьях. Он не решался вылезти из-под одеяла, потому что одежда его была на лавке, далеко, а она, посмеявшись над его смущением, напомнила, что уже видела его в бане, и ничего удивительного он ей не покажет, хотя и красив, и хорошо сложен, и нравится ей — она сама не знает, почему.

Самым скверным во всем этом было то, что он к ней чувствовал то же самое. Даже если бы она не призывала — его все равно влекли бы линии ее стройных бедер под узким платьем, маленькие тонкие ладони и ямка между ключиц, открытая вырезом воротника.

Он решил, что будет бороться с этим. Нужно сохранить верность хоть кому-то. Хоть в чем-то...

Вместе с ней, с позволения Саурона он проверил, как содержат эльфов, заточенных в башне. Саурон сдержал свое обещание: эльфы не подвергались ни унижительному обращению, ни лишениям. Их комнаты были тесными, но светлыми, окна — в глухих решетках, но узников не держали в оковах, каждому дали теплую постель и хорошую одежду. Их не пытали и не морили голодом, еду доставляли с солдатской кухни — грубую и однообразную, но сытную. Берен не знал, изменится ли это положение, когда он уедет. Надеялся, что до какого-то времени — нет.

Но, несмотря на отсутствие лишений (кроме свободы), эльфы были... даже не печальны... Берен не знал, как это назвать. Если бы кто-то из людей проводил время как они — часами, сутками, сидя на коленях или скрестив ноги, с закрытыми глазами или направив взгляд куда-то в неведомое — Берен решил бы, что такой человек сошел с ума или желает уморить себя, полностью истребив свою волю к жизни. Но Саурон успокоил его, сказав, что

такое сосредоточение для эльфов — обычное дело. Многие из них способны даже отказаться от пищи и воды на целые недели, замедлив дыхание и сердцебиение настолько, что казалось — перед тобой мраморная статуя или мертвец. Мыслями они в это время странствуют в прошлом.

— Ты можешь войти. Попробовать поговорить, если хочешь.

Берен вошел в камеру к Финроду. Заключение не шелохнулся, когда дверь открылась. Не сказал ни слова, и даже ресницы не дрогнули, когда Берен сел с ним рядом на постель.

Человек коснулся его руки — нет, эльф не замедлял хода своей крови, рука его была теплой. Но от всего мира он отрешился.

Он не знал, о чем говорить. Беседу подслушивали, поэтому ничего по-настоящему важного говорить было нельзя. У Берена было такое чувство, что по-настоящему важных вещей он и не знает. Темная, давящая воля Саурона, мгновенно проникала в разум, стоило только на миг ослабить сопротивление — и Берен боялся говорить с Финродом мыслями. Постоянно пребывая в средоточии сауронової воли, горец впервые в жизни пожалел орков.

— Вы остаетесь в заложниках, — сказал он.

Эльф не ответил.

— Пройдет год и день — и вас отпустят. Я не знаю, можно ли верить в этом Саурону. Но мне больше ничего не остается, кроме как поверить ему.

Ни слова.

Берен изнывал от отчаяния. Если бы Финрод обозвал его предателем, плюнул в лицо, съездил по уху — ему стало бы легче. Наверное.

— Ты знаешь, почему я согласился. Это ради вас, — беспомощно проговорил он.

Эльф не двинулся, даже дыхание его не участилось.

Тхуринэитель разбудила его ночью — сказала, что он стонал и метался во сне.

С этого дня вернулись ночные кошмары. Эльфийка готовила сонное зелье, заставляла пить. Иногда помогало, иногда нет.

...На этот раз еду не принесли в комнату. Пришла Тхуринэитель.

— Повелитель зовет к обеду, — сказала она. — Он желает кое-кого тебе представить...

* * *

— Я познакомлю тебя кое-с кем, — сказал Гортхауэр. — Предупреждаю, это будет испытанием... для вас обоих.

— Почему? — спросил Илльо. — Кто он?

— Он — человек... Из народа Беора... — Гортхауэр явно не хотел говорить больше. — Он много пострадал в ходе этой войны... Для него она длилась очень долго. Он ненавидит нас.

Ортхэннер поднял голову, и взгляд его — открытый, даже распахнутый — обдал Илльо словно порывом свежего ветра. Гортхауэр действительно хотел спасти эту душу. Действительно нуждался в помощи.

Илльо в сердце своем поклялся, что поможет ему. Кем бы ни был этот человек, хоть головорезом из шайки Барахира.

— Идем, — сказал Ортхэннер.

По дороге в обеденную залу он продолжал говорить.

— Он был захвачен недавно, и мне пришлось... обойтись с ним жестко. Ты сам понимаешь, как он теперь относится ко мне. Поэтому — я не могу. Кроме тебя, мне положиться не на кого... Эрвег слишком горяч, Солль — еще мальчик, Этиль... У нее лучше получается убеждать примером, чем словами... А главное...

Илльо внутренне напрягся.

— Он ведь из эдайн, — продолжал Гортхауэр. — У него своего рода слабость к эльфам...

Илльо кивнул.

...В деревне поначалу было трудно: невежды болтали о «проклятой», «порченной» крови. Мальчишки собирались всемером на одного и били. Пришлось потрудиться, чтобы заставить принимать себя всерьез, уважать и со временем — даже любить. Он мог бы даже наследовать отцу, хотя поначалу всем казалось, что об этом не должно быть и речи. Умри отец вскоре после матери — младенца Илльо зарезали бы в первый же день. Но уже в десять лет он верховодил всеми мальчишками деревни. Он мог бы наследовать отцу, сделаться вождем Белых Лис — но он отказался в пользу сводного брата, ибо желал большего.

В Аст-Ахэ Учитель принял Илльо по особой просьбе отца, не в четырнадцать лет, как обычно, а в десять. Твердыня была совсем иной. Там никто не попрекал эльфийской кровью, ее признаки вызывали скорее доброжелательное любопытство, даже некоторый интерес у девушек. И у юношей. Илльо долго не мог понять природу этого любопытства — эльфы созревают поздно. А впрочем, это было неважно: вступая в Орден, Илльо дал обет безбрачия.

Корни аира,

Пронзая бесплодный песок,

Чистую влагу пьют.

Все сочли это порывом высокого благородства. Илльо рассуждал немного иначе: семья тяготила бы его. Связь без семьи — этому противилась его природа.

Поначалу он изо всех сил хотел быть человеком. Да и как он мог бы быть эльфом — рожденный от человека, воспитанный в Твердыне... Но в мыслях, движениях, в разных мелочах, заметных порой только ему — прорывалось... что-то. И он научился это использовать. Он любил тайну, прохладный папоротник. Тайнственность, одновременно влекла людей и удерживала их на некотором расстоянии. А внешность, бесспорно эльфийская, добавляла ему тайнственности.

В трапезной уже присутствовали все остальные. Эрвег, Солль, Этиль, Дазйрет.. Человек, с которым собирались познакомиться Илльо, вошел почти одновременно, через другую дверь. Тхуринэйтель сопровождала его.

Выглядел он как... как обычный беоринг. Высокий, немного сутулится, но смотрит открыто, не пряча глаз. Серые глаза, темные волосы, прорезанные седыми прядями. Ранние морщины — в углах глаз и между бровей.

— Suilad, — полуэльф решил сделать первый шаг. — Меня зовут Илльо.

— А меня — вот так зовут, — человек показал, как подманивают пальцем, потом с грохотом отодвинул стул и сел. Илльо последовал его примеру, не желая, чтобы первая же дерзость сломала трапезу и беседу.

— Это Берен, сын Барахира, — легко, почти небрежно сообщил Ортхэннер.

Дазйрет уронила вилку. Самая младшая, она хуже всех держала себя в руках.

— Наемный убийца нолдор... — вырвалось у нее.

— Ошибаешься, малышка, — Берен, как ни в чем не бывало, обмакнул кусок хлеба в подливу. — Наняли меня Гортхаур, а для нолдор я убивал по зову сердца.

Илльо взглядом в упор вызвал Берена на встречный взгляд.

— Я рад тебя видеть, — сказал он.

— Здесь все были рады. Болдог чуть не прослезился.

— Давно мечтал скрестить с тобой меч, — поддел Илльо, и горец вскинул голову.

Есть! Попал.

— У тебя будет случай, — широко улыбнулся Гортхауэр. — Пойти танцевать с мечами можно хоть сегодня, через час-другой после трапезы.

— А зачем ждать? — вдруг сказал Илльо. — Я, например, не хочу есть.

— Я тоже, — Берен поднялся одновременно с ним. — Пойдем.

Илльо взглядом спросил разрешения у Гортхауэра и тот кивнул: можно. Эрвег не смог устоять перед соблазном посмотреть, и, само собой, увязалась Дазйрэт. К ним присоединилась и Тхуринэйтль.

Дорога в зал для занятий была Илльо знакома — он застал этот зал еще таким, каким его покинули эльфы, и проследил за тем, чтобы там ничего не изменилось. Чтобы орки не тронули деревянных болванов на цепях, не разворовали затупленные учебные мечи и не загадили пол. Им здесь вообще не давали воли — Гортхауэр, штурмуя этот замок, хотел его взять целым и невредимым, со всеми запасами и сокровищами.

Илльо никому не уступил первенства. Он выбрал длинный и тонкий эльфийский меч, и, еще не глядя на Берена, знал, что тот выбрал такой же. Этот зал не обогревался ничем, кроме тепла разгоряченных поединками тел, и сейчас в пустом и полутемном помещении было холодно; с дыханием из губ вырывался пар, но Илльо сбросил куртку и рубашку, чтобы они не пропахли потом, и то же самое сделал Берен. На его груди и животе было несколько синяков — кто-то недавно бил его под вздох. Похоже, двигаться ему это не мешало. Гортхауэру действительно пришлось обойтись с ним жестко — но в целом ему повезло: Илльо встречал людей, с которыми Гортхауэру пришлось обойтись еще жестче. Хорошо, если через месяц лечения они вставали на ноги. Что поделать, война есть война.

— Шлемы, наручи? — спросил Илльо.

Берен пожал плечами.

— Что мы, щенки?

Илльо обрадовался. Он не любил на учебном круге пользоваться защитными приспособлениями. Лучше все время сражаться так, словно доспехов, даже самых легких, на тебе нет. А Берен едва ли настолько неумел, чтобы убить его случайно и настолько глуп, чтобы убить его нарочно.

С первых же звонких ударов он понял: перед ним мечник далеко не средней руки. Берен двигался быстро, наносил удары сильные и хлесткие, Илльо отбивал их не без труда. Отбивал и радовался тому, какой хороший противник ему достался. Он умел радоваться таким вещам.

По его знаку Эрвег отпустил с крюка первого болвана. Без предупреждения, без слова — но Берен вовремя заметил несущуюся к нему тень и увернулся. Отразил два выпада Илльо — болван понесся обратно на закрепленной в потолочной балке цепи. Берен шатнулся, пропуская его перед собой, и, восстанавливая равновесие, ударил по нему мечом. Потом

отскочил и держался так, чтобы болван раскачивался на пути Илльо, мешая тому сражаться.

Эрвег и Даэйрэт отпустили еще двух болванов — те были закреплены в других местах и раскачивались по другим линиям. Совместное движение всех трех стало настолько непредсказуемым, что Илльо первым пропустил одного и получил вскользь по левому плечу. Упав в опилки, он тут же откатился подальше: Берен не собирался великодушничать, позволяя ему встать; а впрочем, по неписаным правилам учений в Аст-Ахэ так и должно было поступить: ведь в настоящем бою тоже не будет игр в благородство. Откатившись, Илльо вскочил и снова кинулся в атаку. Тени металась в такт рывкам факельного пламени. Клинки разбрасывали искры. У обоих противников было уже по два поражения. Берен нападал очертя голову. Неужели он и в настоящем бою держится правила «лучше два трупа, чем ни одного»? Едва ли. Так он не протянул бы в одиночку четыре года.

Манера боя у него была похожа на эльфийскую — что неудивительно — однако он больше, чем эльфы, полагался на рубящие удары. Эльфы только в общей свалке рубили сплеча, в поединке они предпочитали глубокие колющие выпады, нацеленные в сочленение доспехов. Если такой удар поражал насмерть — то смерть была мгновенной, если он ранил, рана выходила чистой и легкой. А в рубке острый меч размахистым ударом кромсает все: доспехи, плоть, кости... И хорошо, если быстро истекаешь кровью — а ведь можно умирать часами...

Но колющий удар — это роскошь, которую может себе позволить только мастер. Берен был мастером, но не был любителем роскоши. Ему было все равно, как достать противника, главное — достать. Действенность подобных ударов он когда-то познал на себе: от плеча через всю грудь тянулся шрам.

Однако же уставать он начал первым. То ли беседы с Гортхауэром не прошли так просто, как он поначалу показывал, то ли он скверно выпался, потому что начал сбиваться с дыхания. Чтобы не унижать его поражением, Илльо прекратил поединок. Закончить вовремя, так, чтобы никому не было обидно — тоже искусство.

Когда Берен ставил меч в прорезь стойки, Илльо увидел на его спине старые рубцы и свежие синяки: широкие и длинные, как от дубины. Илльо понял горячность, с которой противник кидался вперед: тот знал, что быстро ослабеет от боли.

— Это было прекрасно, Беоринг, — Эрвег несколько раз хлопнул в ладоши. — И я хочу.

— Как-нибудь в другой раз, — проворчал Берен, надевая рубашку. — Благодарю тебя, Илльо.

— И я тебя, — рыцарь Аст-Ахэ улыбнулся.

Вчетвером они поймали и снова закрепили под стенами всех болванов.

— Ну что, мы вернемся к ужину или подождем, пока все совсем остынет? — недовольным голосом спросила Даэйрэт.

За ужином Беоринг был чуть-чуть дружелюбней. Илльо не знал, как его взяли, но легко было догадаться: захват и допрос оказались унижительными, и воин почувствовал себя ничемным. Чтобы воспрянуть духом хоть немного, ему требовалось ощутить ладонью тяжесть пусть и учебного, но клинка — и в поединке с настоящим противником выбить из себя накопившуюся глухую ярость.

Но теперь испортить обед решил Эрвег.

— Ты знаешь, кто мы? — спросил он, когда все ели мясо. — Ты когда-нибудь убивал таких, как мы?

Берен прожевал и кивнул:

— Я убил четверых ваших.

— Ты, наверное, не помнишь среди них золотоволосого юношу, почти мальчика...

— Я помню каждого, кого убил, — тихо сказал Берен. — Орки не в счет. Этот золотоволосый погиб от удара в лицо, так?

Эрвег сжал в кулаке свой кусок хлеба.

— Да.

— Рубился он как большой, — Берен налил себе пива. — И убил его не я, а Хаталдир. Тоже совсем зеленый. Когда вы загнали нас в леса, ему и семнадцати не сравнялось.

— Артаир был моим побратимом.

— Я схоронил двоих побратимов. Если не говорить о братьях и об отце.

Илльо поймал взгляд Ортхэннера, сидящего во главе стола. Тот слегка пожал плечами: «Я же говорил...» Когда Берен и Тхуринэитель удалились, Гортхауэр наконец-то объяснился.

— Я знаю, вы все удивляетесь, как он оказался здесь, этот человек. Я и сам удивился, когда орки привели его две недели назад. Его схватили не так далеко отсюда, он шел на север. Орки... ну, вы знаете, что такое орки. Однако им не удалось заставить его говорить. Это сделал я. Вы знаете, что эдайн воображают меня чудовищем — смердящим ходячим мертвецом. Когда Тхуринэитель лечила его, а я приходил — он еще не знал, кто я такой. Молчать он просто устал, и поведал мне свое горе, рассчитывая, что когда Тху — то есть, я, — узнает, кто он, и зачем идет на север — то казнит его немедленно.

Гортхауэр обвел всех взглядом.

— Мы знаем, что осенью он пропал из Дортониона. Оказывается, ему удалось пересечь Горы Страха и Дунгортэбскую пустошь. Его приключения по ту сторону гор еще удивительней, чем то, что он творил по эту. Случай занес его в потаенное королевство Дориат...

— Не может быть! — вырвалось у Дазйрэт.

— Помолчи, — шикнул Солль.

— И там, в Дориате он встретил дочь короля Тингола, Лютиэн Тинувиэль, которую эльфы считают прекраснейшей в Средиземье... — Гортхауэр снова обвел всех взглядом. — И Берен полюбил ее. Это кажется невероятным, но она тоже полюбила его. Лето они провели там, но прежний воздыхатель Лютиэн выследил их и выдал ее отцу. Берену пришлось сделать то, что он и так собирался сделать — попросить у Тингола ее руки.

Легкая насмешка просквозила в словах Гортхауэра. Усмехнулись и слушатели: спесь Тингола была известна широко.

— Государь Тингол, — Гортхауэр сейчас был ядовитой скорпиона. — Послал Берена за свадебным выкупом. «Принеси мне Сильмарилл из короны Моргота», — так он сказал, — «и тогда моя дочь станет твоей женой».

— Тингол... — скривил губы Эрвег.

Элу Тингол, один их трех проклятых. Не самый виновный — тот уже мертв — но все же...

— Он послал его на верную смерть? — не веря своим ушам, спросила Этиль.

— Он же эльф! — напомнил Солль. — Для них брак с человеком ничем не лучше скотоложества.

— Солль, — Эрвег явно пнул его ногой под столом. Солль посмотрел на Илльо, понял, какую глупость сморозил и извинился, покраснев.

— Итак, — Илльо решил поскорее заболтать эту глупость. — Берен покинул Дориат и в одиночку отправился обратно на север?

— Да, — кивнул Гортхауэр. — Но не через перевалы, а через Теснину Сириона.

— Что за любовь, — вздохнула Этиль.

— Что за глупость, — фыркнул Эрвег.

— Он знал, что горы хорошо охраняются, а здесь стражи меньше, — вступился за Берена Гортхауэр. — А что я вижу всю долину — не знал... И орки схватили его.

— И что с ним будет дальше? — спросил Солль.

Никого не удивил рассказ Гортхауэра. Нет, известие о любви человека и эльфийской принцессы было, конечно, потрясающим, а что до всего остального — юные рыцари Аст-Ахэ знали не одну историю о пленниках, потрясенных великодушием Гортхауэра и мудростью Учителя...

— Я хочу дать ему Сильмарилл, — просто сказал Гортхауэр. — Я условился с ним, что он будет мне служить в течение года и одного дня, а по истечении этого срока получит Камень.

— А Учитель знает? — спросил Илльо. Гортхауэр развел руками:

— Мне пришлось пообещать за него. Но я почти уверен, что он согласится.

Илльо кивнул. Такое решение было не просто благородным, но и в высшей степени разумным. Последствия передачи Камня Тинголу и брака обращенного дортонионского князя Берена с дочерью короля синдар он представил себе мгновенно. И пятидесяти лет не пройдет, как Камень вернется...

— А он обратился? — спросила Этиль.

— Да ты что, кто же обращается в такой короткий срок? — вскинул брови Эрвег.

— Он всего лишь обязался служить. Обращение — дело времени. И ваше тоже, Этиль. Он поедет в Дортонион вместе с вами. Не торопите его, не принуждайте участвовать в вечерних Беседах... Просто ведите себя так, как подобает Рыцарям Аст-Ахэ...

Гортхауэр встал и подарил всем еще один взгляд.

— Я надеюсь на вас, — сказал он.

— Наши сердца в ладонях Учителя, — ответили они, вытянув сложенные вместе ладони вперед.

Все вышли. Илльо получил мысленный приказ — останься — и задержался. Гортхауэр неспешно ходил по комнате, сложив за спиной руки — ожидал, что Илльо заговорит первым.

— Ты не все сказал, — поделился своей мыслью Илльо.

— Верно, — Гортхауэр повернулся, и на лице его была улыбка.

Он достал из рукава свернутый трубкой пергамент и протянул его Илльо. Тот пробежал глазами первые строчки — он знал синдарин: «Я, Ортхэннер Гортхауэр, Айан'таэро Айанто Мелькора именем его и во благо Короны Севера заключаю с Береном, сыном Барахира из рода Беора этот договор...» — потом начал читать дальше...

— Невероятно, — прошептал он. — Финрод и в самом деле здесь, у тебя?

Гортхауэр кивнул.

— Ключ к Нарготронду, — прошептал Илльо.

— Да, — согласился Гортхауэр. — И ко многим другим эльфийским секретам.

— Учитель знает?

— Узнает... скоро... Не думай об этом, Илльо, это наши с ним дела. Думай о Беоринге,

это одна из твоих задач. Я показал тебе договор, чтобы ты до конца понимал, что Беорингом движет. Любовь и отчаяние — да, несомненно; но еще — верность. Все остальные могут заблуждаться на его счет, но не ты.

— Кто еще знает?

— Тхуринэйтель. Она — надзиратель от Учителя. Но она будет молчать, и ты не подавай виду, что знаешь больше остальных.

— Ему придется нелегко... — Илльо вернул Гортхауэру свиток.

— Несомненно. Но и тебе тоже. Илльо, ты видел когда-нибудь, как холостят быков?

Илльо покачал головой.

— Поучительное зрелище. Быка запрягают в ярмо, к которому привязывают тяжелый груз... Все равно какой — бревно, камень... Стреноживают и отрезают ядра. А потом одним ударом топора разрубают путы на ногах — и бык прет... Не разбирая дороги, ничего не видя перед собой, выставив рога — морда в пене, глаза налиты кровью и кровь стекает по ногам... Прет до тех пор, пока не выбьется из сил. И вот тогда любой ребенок способен взять его за кольцо в носу и вести куда угодно: он уже не бык, он вол, тихий и покорный...

Гортхауэр подошел к сидящему Илльо и легко коснулся его плеча свитком договора.

— Главное — не пропустить тот момент, когда бык попрет, Илльо.

Сон ей приснился — длинный, тяжкий и страшный, как ноябрьская ночь.

Ей снились глаза. Светло-серые, в синеву, прозрачные и пристальные — смотрели, не мигая, словно ощупывали железными пальцами душу — и душа в страхе билась о своды разума, грозя сломать балки и вырваться в ледяной простор смертного безумия.

Она попробовала освободиться — но не сумела. Она прислушалась к своему телу — тело, скрученное веревками, отозвалось болью. Это было не ее тело. Она была не собой. Где-то рядом ощущалось присутствие других, но очень глухо, потому что Глаза держали неотрывно, и кроме них, в ее мире ничего не могло существовать.

Не-она срывалась в ужас. Ледяная могила оскалилась под ногами, обрушился сбитый наст, понеслись мимо-вверх ледяные стены, соскользнули судорожно вцепившиеся в лед пальцы. Когда-то не-с-ней это приключилось на самом деле. Когда-то не-она застряла меж льдом и камнем как клин в пазу. Чтобы остаться в этой трещине — с морозным облачком дыхания вырвался стон, почти вой — НАВСЕГДА!

Глаза обещали спасение. Твердую, надежную опору. Требовалась лишь малость — дать согласие. Открыться навстречу, позволить вытащить себя из безнадежности. Такая малость...

И Не-она всем своим существом обратилась к Ней, обращение было ясным, словно громко позвали по имени:

— Тинувиэль!

Она знала: принимать спасение от Этого — нельзя. Никакой ценой.

И знала, что Глаза не лгут: они действительно способны были раздавить, сокрушить, уничтожить...

Но гибель была единственным выходом для...

Для Берена.

Ясно-ясно, как будто сорвали дымную завесу — она увидела, что Не-она — это Берен.

Он звал ее. И что она могла ответить? «Держись»?

Держись, сказала она. Не пускай его в себя, потому что смерть, которой он грозитя — это дар Единого, а то, что он сулит — это хуже смерти.

Ей было больно это говорить. Она плакала.

Это была своя боль, а потом пришла его — издалека, но очень явственно, и она закричала, хотя он сдержался.

И Не-она сказала его голосом:

— Ну, что присел, ублюдок? Замучился меня пытаться?

Лютиэн крикнула — и проснулась.

В спальне было холодно, но она вспотела, как в бане. Сердце билось болезненно и часто. Руки дрожали, отголоски боли пробегали по ним от плеч до пальцев.

Лютиэн не сомневалась ни мгновения: сон, приснившийся ей — правда. Один из тех вещей снов, которые проникают в прошлое или будущее. Встав, набросив на плечи теплый плащ, она выбежала из спальни и быстрыми шагами понеслась по залам дворца Менегрот. Она ничего не искала — шла без цели, кружа по лабиринтам и анфиладам наугад, равнодушным взглядом скользя по гобеленам и фрескам, бездумно касаясь колонн, мозаик и резной мебели...

— Мучают сны? — спросил чей-то голос издалека. — Скверные сны?

Лютиэн развернулась — в конце коридора бледнела другая женская фигурка, тоже закутанная в плащ поверх ночной сорочки. Золотые волосы ловили и отбрасывали то ничтожное количество лунного света, что просочилось в этот коридор через высокие узкие окна под потолком.

— Галадриэль? — окликнула ее принцесса.

Нолдэ приблизилась неслышно. Галадриэль уже с месяц гостила в Менегроте — точно так же, как Лютиэн до этого прожила лето в Тарнелорн.

— Почему ты не спишь? — Лютиэн сжала ее ладонь.

— Десять лет назад было что-то очень похожее, — Галадриэль на миг стиснула губы. — Мгновенный ужас, боль — и пламя... Мне снилось пламя. Это была ночь Дагор Браголлах.

— А сейчас? Что тебе приснилось сейчас?

Галадриэль долго медлила, прежде чем ответить:

— Тьма. Что-то страшное случилось с моим братом.

— С кем? С кем из двух?

— Боюсь себе в этом признаться — с Инглором... А что выгнало из постели тебя?

Лютиэн боялась отвечать. Она не знала, что ответить.

— Твой любимый? — продолжала спрашивать Галадриэль. — Что с ним? Отчего ты так бледна?

— Не знаю и боюсь узнавать! Галадриэль, *gwathel*, мне страшно — неужели жестокий замысел отца исполнился?

— Ты спрашиваешь не у той, у кого следует, Лютиэн. Твоя мать — майя, она говорит с Ардой ее языками. Узнай у нее.

— Холодно, — Лютиэн обняла золотоволосую нолдэ, заключив ее в теплую ограду. — Скажи, Галадриэль, отчего так печально и больно — любить?

— Разве только печально и больно? Ничего больше?

— О, нет, сестра... Конечно, нет... Но сейчас все эти радости кажутся такими преходящими — словно ничего и не было.

— Если бы не было ничего, ты бы не чувствовала потерю так остро. Пойдем ко мне в комнату, я согрею вина.

...Галадриэль затеплила масляную лампу, над ней поставила маленький треножник с бронзовым кувшинчиком. Лютиэн сидела, поставив локти на стол и склонив голову на руки.

— Отчего отец был так несправедлив... — прошептала она. — Наше счастье и без того было бы недолгим, а он лишил нас и этого.

— Он хотел тебе добра, как он это понимал. — Галадриэль разлила вино.

— Я знаю, *gwathel*, но сердце болит. Сколько же в мире зла от того, что кто-то хочет другим добра, как он это понимает?

— А сколько зла от того, что кого-то вовремя не остановили, не вмешались...

Лютиэн подняла на подругу глаза — голосом Галадриэль говорила старая боль. На миг в глубине зрачков промелькнули и алые отблески факелов на Эзеллохар, и мертвенное сияние клинков, откованных Феанором, и холодный белый блеск льдов Арамана.

— Скажи, Артанис, — нарушив запрет отца, Лютиэн назвала нолдэ ее валинорским именем. — Если бы Келеборн пришел к твоему отцу просить твоей руки — разве Арфин усладал бы его на поединок с Морготом?

Галадриэль покосилась на дверь, за которой спал ее муж.

— Вряд ли мой отец так поступил бы, — с улыбкой сказала она. — Хотя бы потому что он хорошо знал свою дочь... Я отправилась в Эндорэ за... гораздо меньшим, чем любовь.

Лютиэн ничего не сказала на это — но задумалась.

* * *

Силы своей матери она себе не представляла, хотя обладала частью ее — а кто знает до конца хотя бы и свои силы? Лютиэн была созданием Арды, и одновременно — дочерью существа, пришедшего из-за пределов Арды. Она могла черпать силы и знания прямо из Арды, слушая ее стихии. Но тот, кто пробовал хоть раз, тот знает, как легко заблудиться в потоках бытия и времени. Она обратилась к Мелиан лишь тогда, когда ее собственный поиск ничего ей не дал. Голос души и памяти Берена терялся в хоре агонии, которым были северные земли. Не в силах его отыскать, Лютиэн пришла к матери — как давным-давно приходила за советом и помощью. Маленькой девочкой — разбив коленку, подростком — теряясь перед первым поражением в попытке передать свои мысли и чувства искусством, девушкой — смущенная признанием Даэрона... Мама, что мне делать?

— Где он, матушка?

— Ты и в самом деле хочешь знать? Знание подчас тяжелее неведения.

Сердце сжалось.

— Да, Владычица. Я хочу.

— Хорошо, будь по-твоему. Он на Острове Оборотней, в руках Саурана Гортхаура. На его руках — оковы, его разум помрачен едва ли не сильнее, чем сердце. И в этом мраке он думает о тебе.

— А мой брат? — выступила вперед Галадриэль. — Что с моим братом, Высокая?

— Он тоже в этом плену... Сейчас их жизни сплетены, и один зависит от другого, как если бы, связанные одной веревкой, они шли над пропастью. Но спасения для них я не вижу. Лютиэн беспомощно оглянулась на Галадриэль.

— Разве эльфы Нарготронда не торопятся на помощь своему королю? — прошептала она. — Неужели две слабые женщины должны идти спасать тех, кто им дорог?

Мелиан ничего не ответила, лишь посмотрела на дочь с любовью и тоской — и Лютиэн кинулась прочь от этого взгляда — задыхаясь от слез, спотыкаясь от горя...

Она миновала мост, ведущий из Менегрота, и бежала, пока не иссякли силы.

Осенний лес окружал ее. Матово-серое небо лежало на ветвях мэллорнов и тополей. Листва под ногами поблекла и пожухла — дни бабьего лета миновали, и золотисто-бурый ковер хранил влагу осенних дождей. Плотная, мягкая слежавшаяся подстилка поглощала шум ее шагов, пружинила, приглашая пробежаться. Лютиэн брела, не откликаясь на этот призыв, касаясь ладонью засыпающих деревьев, тревожа своей тоской их дремоту.

Пройдет зима, и новые листья появятся на ветвях. Деревья, очнувшись ото сна, будут перешептываться в сумраке и пить теплый ветер, напоенный влагой далекого Сириона. Но некому будет прийти в этот лес, чтобы танцевать с ней среди зарослей болиголова, говорить с ней о вещах простых и странных, смешных и страшных, охотиться в камышах у Эсгалдуина, любить ее на поляне в безлунную ночь... Обхватив руками серебристый тополь, чувствуя

щечкой и ладонями гладкость коры, она вспоминала, как странно сочеталась в его любви жажда обладать с желанием поклоняться. Как это пугало и захватывало... И как безнадежно это кончилось...

«Но ведь он еще не мертв — а значит, надежда есть...»

Развернувшись к дереву спиной, Лютиэн прижалась к нему, сцепив руки в замок позади ствола. Да, он еще жив — но разве плен у Саурона — это не хуже, чем смерть? Она вспомнила свой сон — и снова тоска сжала сердце: обнаженное тело во власти палачей, незащитная душа — под бичами ужаса.

«Он звал меня, но что я могу сделать?»

Расцепив руки, она опустилась на землю, склонила голову на колени. Пойти к Галадриэль? Ведь Финрод — брат ей...

«Ну почему, почему я думаю только о себе и о Берене! А ведь Финрод тоже в плену, и тоже обречен на гибель».

Она вспомнила своего родича — каким видела его в последний раз. Его феа была сгустком света, легкого и пронзительного. Казалось, он вобрал в себя все лучшее, что было в трех народах эльдар: спокойную мудрость ваньар, неукротимый дух нолдор, тонкость и богатство чувств, присущие тэлери... И сколько она его видела — ее не оставляло ощущение того, что живет Финрод, глядя далеко вперед, живет ради чего-то высокого и прекрасного, что он провидит в тумане будущего... Неужели ради смерти в застенках Тол-и-Нгаурхот?

— Нет, — прошептала она. — Нет...

Она брела вперед бездумно, не выбирая дороги, но когда услышала где-то вдалеке тихий, тонкий призыв флейты — поняла, что ноги несли ее к одинокому лесному озерцу, у которого любил проводить время Даэрон. Лютиэн услышала флейту — и побежала снова.

Она знала теперь, что собирается сделать и о чем его попросит — знание это пришло к ней в тот миг, когда звуки флейты пробились через путаницу голых ветвей. Ей вдруг стало радостно — она снова могла действовать!

Как странно — со дней своей ранней юности она не покидала Дориата — и не испытывала в том нужды. Каждый год деревья радовали ее новой листвой, а трава — цветами, каждый соловей пел новую песню, а нитки под руками сплетались в новый узор — к чему уподобляться нолдор, которых вечно что-то куда-то гонит, причем не сама дорога — это было еще понятно — а какая-то цель, которую они готовы преследовать даже ценой жизни? Но вот теперь она поняла смысл этой гонки, эту жажду действия, сжигающую сердца пришельцев из-за моря. Делать хоть что-нибудь! — но делать!

— Даэрон! — крикнула она. — Даэрон!

Она выбежала на берег озерца, а он сидел на стволе ольхи, склонившейся над водой. Вода была темной, как отвар луковой шелухи, которым красят ткань, а Даэрон, отражавшийся в ней, был в серебристо-сером.

— Сегодня словно что-то позвало меня сюда сегодня, — сказал он, отняв от губ флейту. — Погоди немного — я приду к тебе.

Пока он шел — еле слышно шуршали ветки — Лютиэн о многом успела передумать. Ей снова было стыдно того, о чем она собралась просить, но кто, кроме Даэрона мог ей помочь? Белег? Он смел и горяч, но всецело предан Тинголу. Маблунг? Он слишком рассудителен. Келеборн? Он все бы сделал для Галадриэль, кроме одного: Тингола он никогда не предаст. Никто другой ей и на ум не приходил: то, что она задумала, было не под силу обычному эльфю.

— Принцесса, — Даэрон остановился напротив. — Ты искала меня?

— Даэрон, помоги мне, — Лютиэн сжала его руки между ладоней. — Берен в беде. Мне был вещий сон, я видела, что он в плену у Тху, и Финрод с ним там.

— Вот как... — певец опустил голову. Какое-то время он молчал, а потом коротко и невесело засмеялся. — Так значит, противник мой, похититель твоего сердца мертв... Что же я не радуюсь? Хочу — а не могу...

— Видимо, ты слишком благороден для этого, Даэрон. Я не ошиблась в тебе. Берен еще не мертв, говорю тебе, он жив.

— В плену у Тху? Это все равно что мертв. Чего ты хочешь?

— Идти в Нарогард, просить помощи... Ты же бывал там, ты знаешь дорогу!

— Ты придешь в Нарогард и скажешь, что видела во сне, как их короля захватил Тху? И попросишь военной помощи, и тебе дадут войско, чтобы вести его на Тол-и-Нгаурхот?

— Я не лгу и не ошибаюсь.

— Боюсь, лордов Нарогарда придется долго в этом убеждать.

— Я... Я не знаю, что делать, Даэрон! Если мне откажут в помощи — клянусь, я пойду к Тол-и-Нгаурхот одна! Но мне страшно. Даэрон, мне нужен кто-нибудь...на чью защиту я могла бы положиться... Кто-то, кто стал бы мечом, пока я буду словом. Даэрон, мне больше некого об этом просить! Я знаю, как низко я поступаю с тобой, на что прошу решиться — но... я умру, если он умрет...

— Какая злая насмешка, — менестрель горько улыбнулся. — Что мне Берен? Если бы речь шла о нем одном — я ни вдоха бы не проронил, узнав о его смерти. А потом просто подождать... Я долго ждал — и научился ждать. Рано или поздно ты бы пришла ко мне...

— Даэрон, как ты можешь так говорить? Если Берен покинет этот мир — я уйду вслед за ним.

— Вы и там не будете вместе.

— Но Мандос подарит мне покой. Избавит меня от боли.

— Скажи, ты бы просила его идти в Нарогард или в Тол-и-Нгаурхот ради меня?

Лютиэн опустила глаза.

— Ради тебя, — нашлась наконец она, — выступили бы Маблунг со своими копейщиками, и Белег со своими лучниками, и мой отец не пожалел бы за тебя выкупа золотом. А Берен совсем один.

— Финрод — король Нарогарда. О его спасении должен думать его народ. Берен — князь горцев. Пусть его люди его спасают.

— Но никто не любит их так, как я! И никто не знает, что они в плену! Даэрон, ты идешь со мной или я иду одна?

Менестрель вздохнул.

— Я вижу — ты решилась, и что мне остается делать, кроме как хранить тебя, пока хватит моего дыхания?

— Ты... Ты согласен? — Лютиэн, не отпуская его рук, бросилась в танец, закружив Даэрона. — Ты согласен! Великодушнейший и храбрейший из эльфов — так о тебе станут петь отныне!

— О, нет... — Даэрон остановился и ей пришлось остановиться тоже. — Я не великодушен и не храбр. Просто за тебя я боюсь больше, чем за себя, а за себя я боюсь очень сильно. В отличие от твоего возлюбленного, я не герой. Но я клянусь, что не позволю никому обидеть тебя — пока я жив. У тебя сухой лист в волосах, — он осторожно протянул

руку и сбил листок на землю.

— Когда, Даэрон? — спросила она, задыхаясь. — Когда мы выйдем в путь?

— Отдохнем в эту ночь перед дорогой, а завтрашний день затратим на тайные сборы, — сказал певец. — И послезавтра, перед рассветом, я буду ждать тебя здесь.

Лютиэн, смеясь, побежала прочь.

* * *

Очень многое предстояло попросту украсть. Например, лембас — из тех, которые готовили для пограничной стражи. Их пропажу никто не заметил, никто и никогда не пересчитывал лембас — но все равно Лютиэн было стыдно. Точно так же ей было стыдно перед юным пажом Гилрином, у которого она попросила «на время» охотничье платье и высокие сапоги. Оставалось утешать себя тем, что она честно все ему вернет, если останется жива. А уж как было стыдно перед матерью и отцом — Лютиэн старалась просто не думать о том, что случится, когда ее побег обнаружат...

Утром, до рассвета, когда туман затопил низины, она выбралась из Менегрота через одну из верхних зал, имевших выход на склон горы. Спустилась вниз, перебежала через мост и помчалась что есть духу к лесному озеру, где Даэрон обещал ее ждать.

Он и в самом деле ждал ее.

Не один.

Увидев воинов Маблунга, она беспомощно оглянулась. Дорога назад тоже была отрезана: семеро стражей замкнули кольцо.

— Как ты мог? — тихо проговорила Лютиэн, пытаясь найти взгляд Даэрона — а тот все отводил глаза...

— Как ты могла? — раздался властный голос слева.

Из-за дерева выступил отец. Краска бросилась Лютиэн в лицо.

— Я... поклялся, что не позволю, пока жив, обидеть тебя... — Даэрон говорил глухо, как бы через силу. — Прости... если сможешь.

— Ты пойдешь сама или мне приказать вести себя силой? — голос Тингола ломался, как сухой тростник.

— Пойду сама, — глухо ответила Лютиэн.

...Три дня она провела взаперти в своей комнате. Отказалась от пищи, воды и сна, погружившись в мрачное оцепенение. Свет, темнота — ей было все равно. Она не хотела покончить с собой, не хотела отпустить свою феа к Мандосу — но ей как-то нужно было перенести время тягостного бездействия, и она не придумала ничего лучше... Лютиэн знала, что отец не хочет ее смерти, что это заточение должно спасти ее от опрометчивых шагов... Но неужели он не видит, что худшей участи, чем это бездействие в безвестии быть не может!

Когда на четвертый день он пришел — она уже знала, о чем он ее попросит.

— Поклянись, — сказал он. — Дай слово, что не покинешь Дориат, не побежишь на помощь к своему сумасшедшему смертному.

Лютиэн покачала головой. Из груди Тингола, из самой глубины, вырвался вздох.

— Что ж, будь по-твоему, — сказал король Дориата.

Ее вывели из Менегрота и подвели к Хирилорну — она засмеялась увиденному. Князя Буков назначили служить узилищем королевне эльфов.

Там, где могучий ствол разделялся на трое, построили талан. На нем утвердили крепкий домик. Наверх вела веревочная лестница. Один из стражей, поднявшись вслед за Лютиэн, отцепил лестницу и сбросил вниз, сам же спустился по веревке, перекинутой через блок и предназначенной для подъема пищи.

Внутри домик был украшен ее любимыми вещами из Ивовой Усадьбы. Жаровня, гобелены и шкуры, покрывала, шерсть, иголки и ткань. Можно было заняться шитьем, можно было плести тесьму, можно — рисовать или писать — наверное, это Даэрон позаботился о бумаге, перьях и чернилах. Можно было делать все... Кроме того, что ей действительно хотелось делать.

Лютиэн вынесла постель на талан, легла на шкуры и укрылась одеялом, глядя в небо. Со стороны казалось, что она впала все в то же оцепенение. На самом деле мысль ее работала лихорадочно и споро.

Бежать. Непременно бежать, и чем быстрее, тем лучше.

Принять решение было легче, чем найти способы к его осуществлению. Ее стерегли, не смыкая глаз. Стражи сменялись по четверо, ни одна из сторон великого бука не оставалась без внимания. Теплой одежды у Лютиэн не было: греться приходилось в домике, а на талан выходить, завернувшись в два шерстяных покрывала. Если бы она затянула песню сонных чар, стражи подняли бы тревогу. Каждого, кто приходил к Лютиэн, обыскивали почтительно, но неуклонно. Впрочем, она никого не принимала. Иногда принимала подношения: свитки от Даэрона, от него же — вино и маленькое серебряное зеркальце. Гребни и новое платье — от подруг. Подарков было неожиданно много, так много, что она вынуждена была отказываться от них, потому что иначе ей негде было бы поместиться. Лишь одно подношение она принимала всегда: ленты. Но украшала ими не свои косы, а ветви Хирилорна вокруг талана. Уронивший почти все свои листья, князь деревьев расцвел вскоре сотнями разноцветных лент, потом к ним прибавились бусы и бубенцы, что звенели под ветром... Ей каждый день присылали по десятку-другому новых — так эльфы Дориата могли выразить ей свою любовь.

Лютиэн сидела в домике и шила. Если ей не дают теплой одежды — что ж, она может сделать себе и стеганый кафтан, и две пары теплых штанов, и меховую накидку из одеяла. Волчья шкура на полу просто предназначена стать сапогами. С тех пор как она начала украшать Хирилорн лентами и бубенцами, ей приходилось забираться все дальше и дальше. Стражи перестали обращать на это внимание — равно как и на то, что она все время привязывает что-то к веткам. Если привязать достаточно крепкую веревку к одной из облюбованных ветвей, а потом, держась за нее, прыгнуть с талана, правильно рассчитав длину — то маятником ее перенесет на другой берег Эсгалдуина, а там уже — Нелдорет, ее родные, знакомые леса. Правда, лучникам Белега они знакомы тоже, поэтому чем позднее ее хватятся, тем лучше... Но для того, чтоб обеспечить себе это, ей нужна была Галадриэль...

Она пришла лишь на восьмой день заточения. Лютиэн услышала голос часового: «Госпожа Галадриэль! Прикажешь ли принять ее, принцесса?». Обычно она молчала, и стражник, принеся гостю извинения, отсылал его.

В этот раз она крикнула: «Да!». Слишком поспешно, как ей показалось.

Галадриэль просунула ногу в петлю, к которой крепили корзину с едой, взялась одной рукой за веревку — и стражи подняли ее наверх, в объятия подруги.

Бубенцы и мониста звенели на ветру.

— Свет не видывал более нарядного бука, — улыбнулась Галадриэль. — Как тебе пришло в голову украшать дерево? Мои nissi передали тебе уже столько лент, что хватило бы нарядить всех женщин Нарготронда... Все рассказывают о том, как ты хотела бежать на выручку возлюбленному... Вот-вот найдется какой-нибудь юный и горячий глупыш, который вздумает освободить тебя...

— О, нет! Ему не сносить головы тогда, а я не хочу, чтобы кто-то страдал из-за меня.

— Это все твои ленточки-бубенчики, — улыбнулась нолдэ. — Ты молчишь — а они зовут на помощь и упрекают всякого, кто проходит мимо. Твой отец уже устал выслушивать просьбы о твоём освобождении. Три девы не желают принимать у себя своих возлюбленных из-за того, что те состоят в твоей страже.

— Это глупо, — поморщилась Лютиэн. — Они всего лишь исполняют свой долг перед отцом.

— И никому из них это не нравится. Они, кажется, предпочли бы сидеть под замком сами, чем сторожить тебя.

— Твои сны к тебе больше не возвращались?

Галадриэль покачала головой.

— А к тебе?

— Нет. Но я чувствую, что он жив... Мне отчего-то кажется, что время готово потерпеть. Что Саурон уже не хочет убивать его...

— Как знать... — начала было Галадриэль, но Лютиэн ее перебила:

— Молчи! Я знаю, что ты хочешь сказать: не лучше ли было бы ему умереть сразу — я так и вижу, как все об этом думают. Нет, не лучше, говорю тебе!

— Тише, тише! — Галадриэль улыбнулась. — Не то стража сбежится на твой крик. Я вовсе не то хотела сказать. Я хотела сказать тебе, что если бы тебя не держали здесь, а дали свободу, но не прекращали следить, как за мной, то было бы хуже. А всего хуже было бы, если бы отец взял с тебя клятву не бежать.

— Я отказалась дать ее.

— А я дала, — нолдэ вздохнула. — Я принесла подарки — от меня и от королевы.

Она сняла с запястья вышитый мешочек и протянула Лютиэн. В таких мешочках Мелиан держала травы.

— Она сказала, что тебе, наверное, захочется вымыть голову.

Лютиэн развязала мешочек. Там действительно был сбор трав для мытья волос — но в него были подмешаны сонные травы. Сердце Лютиэн забилося чаще. О чем мать догадывается? Что она знает?

— А это от меня, — Галадриэль велела стражам поднять свое приношение, развернула холст — и Лютиэн ахнула. То был ткацкий станок, маленький и простой, вырезанный из белого клена. И веретенце...

— Я бы принесла тебе и твой ткацкий станок, — вздохнула Галадриэль. — Но его трудно сюда втащить. Хммм... Что сапоги из волчьей шкуры будут теплыми — я не сомневаюсь... Но вот выглядеть они будут ужасно. И промокнут, если пойдут дожди.

Лютиэн закусил губу. Галадриэль не могла не заметить отсутствия волчьей шкуры на полу — но Лютиэн не думала, что она так скоро поймет, что к чему.

— А кстати, — продолжала нолдэ, — кажется, я забыла свои охотничьи сапоги в тех пещерах, где мы ночевали с тобой в ночь звездопада. И свое охотничье платье тоже. Надо бы

сходить проверить, не случилось ли чего. Что ж, главное — ты в добром здравии и хорошем расположении духа. Так я и передам Келеборну — он беспокоится о тебе... До свидания, сестрица, — Галадриэль обняла ее на прощание и, выйдя на талан, продела ногу в петлю.

— Опускайте! — крикнула она, берясь за веревку. Вороток заскрипел, и Галадриэль легко спустилась вниз.

Лютиэн снова осталась одна. Несколько минут она смотрела на подарки, колеблясь между сомнениями и уверенностью — в самом ли деле они означают то, что она думает? Потом взяла кочережку и несколько раз ударила ею по медной жаровне, привлекая внимание стражи.

— Чего желает принцесса? — спросил старший в четверке.

— Принцесса желает мыться! — крикнула Лютиэн. — Подайте мне большую бадью, принесите вина и горячей воды!

Стражи посоветались.

— Может быть, мне следует испросить у короля разрешения сопроводить тебя в баню, королевна? — спросил старшина.

— Ну уж нет! — Лютиэн, изображая ярость, топнула ногой. — Раз заточили так заточили! Бадью мне, ведро и горячую воду!

Она разожгла огонь в жаровне и вскипятила воду для заварки трав. Сердце трепетало от страха и восторга. Если она все поняла правильно — то сумеет проложить себе дорогу на свободу. Пройдет туда по тоненькой нити за веретеном...

Стражи достали большой котел, в котором варилось мясо для больших королевских пиров, вдвоем (в одиночку полный котел не мог поднять никто) принесли воды и, подвесив котел на толстенной слеге между грубых козел, развели под ним огонь. Потом одна из девушек королевы принесла из дворца большой чан, в котором Лютиэн смогла бы даже сесть, поджав ноги, и стражи подняли его наверх. Потом по одному подавали наверх ведра с горячей водой — а тем временем у Лютиэн настаивался отвар для мытья волос. Лютиэн заварила сразу весь мешочек — ее длинным смоляным косам требовалось много отвара... Пропуская прядь между пальцами, она вздохнула. Сколько времени понадобится, чтобы снова отрастить такие волосы?

Она распустила завязки платья и сбросила его, потом стянула через голову нижнюю рубашку. Нагая, распустила косы и растрепала их...

Потом взяла кубок с вином, процеженный настой из трав и глиняный кувшин...

Настой и вино полились в кувшин вместе. И под звук льющейся воды началась песня — поначалу еще без слов: Лютиэн пробовала, нащупывала мелодию, искала образы и темы...

Кувшин наполнился, кубок и ковш опустели. Лютиэн отложила ковш и вновь начала переливать смесь в кубок. Трижды девять раз нужно было это сделать, чтобы смесь получилась такой, какой нужно. Трижды девять раз — для трех тем, которые сплетутся неразрывно в одно мощное заклятие, создающее волшебный предмет — высочайшее искусство, доступное не каждому...

Тянется, тянется
Песнь Высокой
На голом холме,
На пустой земле,
Юной, безлесной.

Реки текут,
И ветры выются,
И солнце сшивает
Землю и небо
Златыми нитями:
Есть им начало,
Нет им конца.
Долгие, долгие,
Тянутся дни,
Тянутся ночи
Зари Творения.
Тянутся травы,
Тонкие пальчики
Нежных стеблей
Сквозь мертвую землю
Тянутся, тянутся...
Такие мягкие,
Что не сломать их,
Такие хрупкие -
Не одолеть их,
Не победить...
Корнями пронзают
Земную твердь,
До самого сердца,
До темных недр,
Где дремлют Пасынки,
Длиннобородые,
Где Червь грызет
Земные корни -
Вьются, свиваются
Кольца бессчетные,
Горные цепи
От края до края
Дрожат и крошатся,
Когда выгибает он
Спину могучую...

С кубком в руке, продолжая петь, она перешагнула через край бадьи и опустилась в нее.
Струйки пара текли вверх по ее телу.

В Пророчестве сказано -
Повергнет страшного
Ульмо, владыка
Всех вод земных,

Стелется, стелется
Плащ его синий,
Плащ зеленый,
Плащ серебряный,
Взора не хватит
Окинуть воды
От края до края,
Измерить реки
Какой великан
Сумеет шагами?
Долгая, долгая,
Борода его тянется,
Белопенная,
Переплетенная
Темными травами.
Распустила дочь его
Длинные косы,
Уинен, прекрасная -
Темные косы.
Плывут, плывут,
На волнах колышутся
Погожей ночью.
Сквозь толщу воды
Со дна протянулись,
Где спит красавица.
Тонкие, тонкие,
Тянет руки
Луна-притворщица,
Серебряным гребнем
Ей волосы чешет,
Играет волнами,
Пронзает воды
Лучами-спицами...

Настой потек по волосам Лютиэн, пропитал их насквозь, растворился в воде... К пару примешался винный дух... Не прекращая петь, Лютиэн мыла волосы, снова и снова обливая их и полоща.

Долгие, долгие
Тянутся годы,
Север и ночь,
Сумрак мира,
Кто укротит его?
Кто согнет

Сильного вдвое?
Кто пригнет
Гордую голову
К твердым коленям?
Цепи какие
Могут сковать
Силу Темного?
Крепкая, крепкая
Скована цепь -
Крепче смерти,
Звенят нерушимые
Звенья стальные.
Длинная, длинная -
Трижды тридцать раз
Охватила она
Плечи Могучего,
В силе восставшего...

Заклятье вступило в силу... Темные, тяжелые от воды волосы Лютиэн поползли, как змеи, через край бадьи. А она все пела, все черпала кубком воду и перебирала прядь за прядью, пропуская их между пальцами.

Темное, темное
Заклятье брошено.
Долгие годы
В глубоком сне,
В темнице черной
Пробудет сильный.
Тяжкие, тяжкие
Объемлют голову
Сны бескрылые.
Змеям, змеям
Они подобны,
Червям подземным,
Грызущим камень
В вечном сумраке.
Спать, спать -
Труба не грянет,
Не выйдет солнце,
Не тронет ветер
Тяжелых век.
Крепки оковы,
Ангайнора звенья -
Но крепче замки

Дремоты свинцовой,
Узы нежные,
Необоримые...

Страх объял бы каждого, кто вошел бы сейчас в домик и увидел нагую женщину, что стоит по колена в воде, обвитая клубами пара, облитая лунным светом и блестящая от воды; стоит, колеблется в медленном танце, как змея на хвосте, тонкой струей поливая из кубка свои волосы, что ползут все дальше и дальше, растекаясь по полу смоляным ковром.

Узы незримые,
Неощутимые -
Легче ветра,
Нежнее перышка.
Слышат ли уши,
Как сон крадется?
Трава не колышется,
Ветви не гнутся.
Глаза ли видят,
Как черный плащ
Распускает Лориэн?
Никто не видит,
Никто не слышит,
Никто не ведает,
Чему подобна
Во тьме идущая,
Снами укрытая,
Легкими, легкими,
Крепкими, крепкими,
Длинными, длинными,
Тонкими, тонкими...

Чувствуя, что теряет силы, Лютиэн перешагнула через край бадьи. Кубок выпал из повисшей руки, плюхнулся в воду. Шатаясь и без конца повторяя шепотом последние слова, Лютиэн повалилась на постель. Холод вступил в свои права. Последнее, что она успела сделать, сраженная своим же заклятием — натянуть на себя меховой покров...

* * *

Ее разбудил голос стражника.
— Королева! Ответь мне, все ли с тобой хорошо?

— Да! — крикнула она, испугавшись, что сейчас он войдет и увидит плоды ночного колдовства — распущенные по всему полу длинные космы.

— Мы хотим подняться, чтобы унести холодную воду...

— Не желаю! Я... Оставайтесь внизу, я сама вылью ее.

— Как скажешь, королева...

Лютиэн дотянулась до ножниц и принялась обрезать еще не совсем подсохшие волосы как можно ближе к голове. Закончив, взяла маленькое зеркальце и засмеялась сама себе. Как, оказывается, забавно торчат уши, если волосы не обрамляют лица! И каким оно кажется... обнаженным... И худым... Да нет, не кажется — она и впрямь похудела, слишком много сил отдав колдовству... Но зато можно быть уверенной, что чародейский плащ удастся на славу.

Натянув рубаху, она собрала свои волосы в корзинку, потом вытащила бадью на талан и с криком:

— В стороны! — приподняла ее край. На далекую землю хлынул сущий водопад. Стражам, разбежавшимся из-под нежданного дождя, было не до того, чтобы задаваться вопросом, отчего принцесса натянула на голову покрывало.

В последующие дни она не выходила на талан, даже чтоб повязать на ветки присланные ленты. Ее одиночество нарушал только Миэо, большой серый кот, забиравшийся к ней в домик по стволу дерева. Он часто проводил с ней дни — а ночью убегал на охоту, потому что мышей в домике не водилось.

Лютиэн пряла, свивая свои волосы и темную шерсть тонкой нитью. Вскоре у нее было много тяжелых мотков, и тогда из остатков волос она свила веревку длиной в тридцать четыре локтя — ровно столько было отсюда до земли. После этого принялась за ткань. Постукивали кленовые перекладины, и день ото дня все длиннее было темное полотнище, стекавшее с них к ногам Лютиэн.

Приходил Даэрон. Она не впускала его наверх — но не возражала, если он садился под деревом и играл. Флейта сплетала то заунывные, сумрачные мелодии — то выводила тонкие, легкие летние напевы. Лютиэн подпевала и тем, и другим, бросая уток поперек основы туда-сюда.

Она немилосердно жгла масло, досадуя, что осенние дни все короче. Ей казалось, что работает она медленно, слишком медленно. Что каждая минута, потраченная на сон или еду или хлопоты по нехитрому хозяйству — украдена у Берена.

В одно она верила твердо: он жив.

Когда однажды от усталости она выронила уток и спутала нить, она поняла, что так дальше нельзя. Что пользы, если она сделает плащ — но вконец загонит себя этой работой? Как она завершит ее, если руки будут дрожать, куда она потом побежит, ослабев от голода? Она заставила себя есть и спать больше.

В две недели работа была закончена. Широкий, просторный плащ из восьми клиньев — черный, как ночь, и тяжелый, как грозовая туча. Накинув его на плечи, Лютиэн прошла по комнате. Никто, кроме нее, не мог бы надеть этого плаща. А если бы кто-то решился — тотчас же свалился бы в глубоком сне.

А еще не всякий мог в этом плаще увидеть ее. Даже кто-нибудь из высоких эльфов, сведущий в искусстве чар, увидел бы ее только приложив усилие. Обычный же эльф, гном или человек прошел бы мимо, не заметив.

Лютиэн решила бежать без отлагательств. Она проспит эту ночь и хорошо подкрепитя

завтра днем, а что не съест — увяжет в покрывало. И убежит, ускользнет на крыльях сна и ночи, как пепельная бабочка с рисунком мертвой головы на мохнатой спине...

Следующая ночь была дождливой и темной — словно Сулимо и Ульмо решили помочь Лютиэн. Дождь не хлестал тяжелыми струями, а моросил мелко, даже ласково. Стражи не смыкали глаз, но забились под талан, прижавшись к стволу дерева.

Лютиэн оделась. Набросила плащ поверх самодельной накидки из покрывала. Перебросила через плечо узелок с самым необходимым и вышла на талан с веревкой в руках.

Шум дождя заглушал звук ее шагов и тихую песнь, которую она завела, обходя талан кругом, распуская веревку. Колыхаясь над головами стражей, черный шнур навевал темную дремоту.

Лютиэн сделала сорок кругов, по десять раз играя веревкой над каждым из стражей. Потом решила, что пора, и крепко привязала ее к одной из веток. Захлестнула свободной петлей вокруг пояса и шагнула с талана, бесшумно заскользив вниз, как паучок на паутинке.

Внизу она еще раз обошла всех стражей — теперь те сидели, склонив головы на руки, опираясь на воткнутые в землю копья. Лишь один до последнего вглядывался вверх, в темноту — так и заснул со вскинутым лицом. Лютиэн присмотрелась — и узнала его: то был Дионвэ, заснувший, когда сторожил Берена.

— Бедный, — улыбнулась королева, рывком развязывая веревку. Свернула ее, бросила в суму, перебежала через мост и помчалась к месту, названному ей Галадриэлью.

К утру она достигла этих пещер. Слова нолдэ она поняла правильно: там и в самом деле лежали ее охотничьи высокие сапоги. Больше того: там было ее платье, скроенное по образцу мужского, оружие — длинный и тонкий нож — и узелок с пищей — яблоки, орехи в меду, и лембас. Лютиэн, недолго думая, сбросила женскую одежду, уже успевшую изрядно промокнуть, и переделась в платье Галадриэль, препоясавшись широким ремнем и прицепив на него кинжал.

Сделав это, она прошла в глубину пещеры, к проточенному водами небесному окну, сквозь которое они с Галадриэль наблюдали падающие звезды.

Под окном в известковой промоине собралась вода. В чистом озерце отразился юный эльфийский воин, перенесший плен и лишившийся длинных волос. Губы его улыбались, но глаза были печальны. Просторная одежда была явно с чужого плеча: рубаха спускалась ниже колен, а штаны мешковато болтались над сапогами. Лютиэн засмеялась над этим незадачливым воякой, потом набросила на плечи плащ — и юный воин исчез...

* * *

Шесть дней она пересекала Нелдорет, и еще пять шла через Димбар. Четырежды на этом пути она встретила с искавшими ее следопытами и воинами. Тогда она просто заворачивалась в плащ и ждала, пока погоня пройдет мимо.

— Только Мелиан могла бы найти дочь Мелиан, — услышала она однажды, затаившись от них. — Но королева ничего не хочет делать.

— Если Лютиэн Тинувиэль не погибнет, — ответил другой следопыт, — то совершит великие дела.

Оставив погоню в стороне, Лютиэн усмехнулась. Бежать ей удалось успешно, а вот насчет великих дел она сомневалась. Правду говоря, она просто не знала, что ей делать и куда идти. Может быть, горцы, соплеменники Берена, живущие в Бретиле, знают, где их князь?

Она отправилась в Бретиль.

Почти целый день провела она на северной окраине леса, отыскивая тот дом, который люди в разговорах между собой называли Бар-эн-Эрнит, Дом Княгини. Ближе к вечеру вышла к нему — высокому срубам в два поверха, даже с башенкой, что возвышалась над всей деревней. Закутавшись в плащ, дождалась темноты, и в сумерках проскользнула в закрывающиеся ворота.

...Княгиня Эмельдир занималась обычным женским делом: шила рубаху. Вглядываясь в ее черты, эльфийская королева искала то, что унаследовал от нее Берен. Длинные ресницы — от нее. И серые ясные глаза — от нее. А все остальное — наверное, оставил ему отец, спящий под камнем у озера Аэлуин...

Встав перед ней, Лютиэн отбросила с головы капюшон и распахнула плащ.

— Suilad, Ernith.

На мгновение женщина испугалась, но не вскрикнула. Только отложила шитье в сторону, с достоинством поднялась и спросила:

— Кто передо мной? Не дочь ли Тингола явилась в ночи? Или я вижу призрак?

— Это и вправду я, Лютиэн. Коснись моей руки, госпожа, и убедись, что я из плоти и крови, — Тинувиэль тронула женщину за пальцы.

— В таком случае, желаешь ли ты есть, elleth?

— Благодарю тебя, княгиня Эмельдир. — Лютиэн ела за стол.

— Ты пришла тайно, так что мне не стоит звать девушек. Я сама прислужу тебе.

Госпожа Эмельдир спустилась в кухню, принесла половину круглого и плоского хлеба, эль и холодное жаркое. Лютиэн хотела съесть ровно столько, чтобы соблюсти приличия, но вошла во вкус и ела, пока не насытилась.

— Благодарю тебя еще раз, госпожа Эмельдир, — сказала она, окончив ужин. Женщина молча кивнула в знак того, что принимает ее благодарность, но продолжала сидеть так же прямо и разглядывать Лютиэн так же пристально, как и во время трапезы.

— Так вот, значит, какая ты, — проговорила она медленно. — Да, тебя по праву зовут прекраснейшей девой Белерианда. Даже мне хочется склониться перед тобой, хотя в моем сердце великая обида на тебя. Говорят, что мать всегда будет ревновать сына к невестке — это правда.

— У нас такого нет, — робко возразила Лютиэн.

— У вас много чего нет и много чего есть другого, — покачала головой Эмельдир. — Ты назвала его своим мужем, но как вы собирались жить? Заставить его жить у эльфов, прихлебателем при дворе твоего отца? Или разделить с ним смертную жизнь? Разве не за этим ты пришла?

— Я пришла узнать о Берене. Где он сейчас, смогу ли я его найти?

Женщина призадумалась. Она явно что-то знала.

— Зачем он тебе, королева? Твой отец услал его добывать за тебя свадебный выкуп. Ты знаешь это, должно быть, лучше меня. А если нет, если мужчины не посвятили тебя в свои дела — то тем более не посвящена я, старая женщина. Негоже молодой девушке в одиночку бегать по лесам — вернись в дом своего отца и там дождись Берена. Или же вестей о его

смерти...

Какое-то время Лютиэн колебалась — не сказать ли этой ледяной женщине свой сон? Но тут она заметила, как дрожат пальцы княгини, теребящие теплый наплечный плат — и решила уберечь ее от черной вести.

— Но ведь он не мог уйти, не повидавшись со своей матерью, с тобой, княгиня. Куда он отправился? Кто был с ним? Давно ли они ушли?

Эмельдир на миг сжала губы, размышляя, потом сказала:

— В последние солнечные дни нарбелет, которые зовутся бабьим летом, мой сын покинул Бретиль. Больше, госпожа Тинувиэль, я ничего не могу тебе сказать. Его пути для твоих белых ножек слишком извилисты и тернисты. Если ты избрала себе в мужа смертного — жди, как ждут жены смертных.

Лютиэн склонила голову.

— Благодарю тебя и за это, матушка, — сказала она. — Теперь же прощай и пусть хранят тебя Валар.

— Куда ты на ночь глядя? Или ты решила меня обидеть? Остайся и переночуй здесь, а я соберу тебе припасов в дорогу и найду провожатого...

— Не нужно, госпожа моя, — Лютиэн взяла ее за руку. — Я безопасно добралась сюда под сенью чар — а если пойду с твоим человеком, невольно подвергну его опасности.

Завернувшись в плащ, принцесса исчезла в тени, а Эмельдир позвала девушек и приказала принести постель, в которой королева провела время до рассвета — немного поплавав, немного поспав.

С рассветом она оделась, поцеловала руку спящей Эмельдир, взяла собранный ею узелок, невидимой вышла за ворота и ушла из деревни.

Эмельдир не сказала ей того, что знала, да и вряд ли она знала много. Где же могут знать больше?

Нарготронд, решила Лютиэн.

Еще три дня она шла на юго-запад, скрытая тенью своих чар. Сама же смотрела в оба, чтобы не пропустить лучников из нарготрондского пограничья.

Берен покинул Бретиль в последние теплые дни нарбелет. С тех пор минул месяц, по ночам уже прихватывали морозы, и Лютиэн приходилось ночевать в человеческих домах — без ведома хозяев. Но здесь человеческие поселения кончались, а первая же ночь в лесу не принесла ничего хорошего — Лютиэн замерзла, а волки перекликались где-то совсем близко... Для Лютиэн было бы лучше как можно быстрее найти нарготрондского эльфа и попроситься на ночлег.

Но так уж вышло, что первой нашли ее.

Сначала она услышала вдали охотничий рог. Приникла ухом к земле — и различила дрожь от стука копыт. Высокая трава Талат Дирнен уже полегла от дождей и ветров — поэтому Лютиэн решила спрятаться в ближайшей рощице и посмотреть, что за всадники тревожат покой этой долины.

Но ее нашли не всадники. Привыкнув к своей невидимости, она потеряла бдительность и забыла, что на этой земле не только высокие эльфы могут видеть ее...

Не успела она достичь зарослей — как прямо перед ней кусты расступились и огромное, жемчужно-серое чудовище, сверкнув золотыми глазами, кинулось на нее.

Чудовище было быстрым — быстрее ветра, быстрее молнии. Лютиэн еще и испугаться как следует не успела — а лохматая тварь прыгнула, ударила ее плечом в грудь. Лишившись

дыхания, Лютиэн упала на спину. Свет в глазах померк, и чувства оставили ее.

...Тряско и холодно... Лютиэн чувствовала себя странно — словно бы ее голова и ноги были ниже, чем ее поясница. Мгновенье спустя она поняла, что так и есть: чудовище несло ее, перекинув через спину, осторожно придерживая зубами за шиворот. Размашистыми плавными скачками несло оно над землей. Насколько Лютиэн сумела разглядеть — это был пес. Огромный серо-белый пес.

Собака остановилась и сбросила Лютиэн наземь. Капюшон с нее упал, плащ распахнулся...

Она встала. Перед ней были всадники, эльфы, два десятка с небольшим. Одетые в охотничью одежду черного и красного цвета, с копьями и луками в руках. Лютиэн увидела у двоих переброшенную через седло добычу: окровавленные шкуры волков, почти таких же огромных, как поймавший ее белый пес.

Двое всадников, в богатых плащах, восседали на вороных конях чуть впереди всех. Нолдор...

Первый из них был красив. Лютиэн знала, что смертным все эльфы кажутся красивыми, хотя они и находят их красоту слишком женственной. Но этот был красив так, что любой эльф, не задумываясь, назвал бы его прекрасным. Очертания губ, в меру твердых, и глаз, в меру больших, ровного носа и высокого лба, бровей, подобных распластавшимся в прыжке соболям — все было таким, словно сам Феанор или даже Аулэ изваял это. Длинные черные волосы возле лба были собраны в две косы и охватывали голову как бы венком, а остальные густым водопадом сбегали на спину.

Второй был не столь хорош собой, но его живое, выразительное лицо таило огонь. Он был схож чертами лица с первым — Лютиэн поняла, что они братья. Но черты, дивно совершенные у первого, у второго были немного, самую малость, для глаза незаметную, несоразмерны. Глаза могли быть и побольше, нос — покороче, губы — не такие узкие. Может быть, дело в том, что он почти все время щурился и слегка улыбался?

— А я-то думал, зачем Хуан так сорвался с места, — усмехнулся он. — Неожиданная добыча.

Его выговор отдавал металлом, как у всех нолдор, даже у Галадриэль и Финрода поначалу.

— Кто ты, мальчик? — спросил тот, прекрасный. — Назови мне свое имя.

Свою ошибку он понял тут же. Спешился, прижал руку к груди и склонился перед Лютиэн.

— Прошу прощения, госпожа моя. Возможно, тебе легче будет назвать себя, если первым назовусь я. Ты, без сомнения, слышала обо мне и раньше: я — Келегорм, сын Феанора.

— О! — только и нашла что сказать Лютиэн.

— А это, — (второй тоже спешился), — брат мой Куруфин. Мы счастливы приветствовать... — он вопросительно поднял брови.

— Лютиэн Тинувиэль, дочь Тингола, — сказала она, обрадованная встречей.

Она стремилась в Нарготронд — а ведь сыновья Феанора нашли приют именно в Нарготронде после разгрома в Браголлах! Учтивость и красота Келегорма заставили ее забыть о вражде синдар с домом Феанора.

Келегорм от удивления резко выпрямился, и брови его поднялись еще выше.

— Что же ты делаешь здесь одна, без свиты? Куда ты идешь? И кто, — он протянул руку

к волосам Лютиэн, но не решился коснуться их, — так тяжело оскорбил тебя?

— Я иду в Нарготронд, — сказала Лютиэн. — Чтобы увидеться с Финродом или Ородретом. И свои волосы обрезала я сама.

— Я слышал, что люди обрезают волосы в знак жалобы по умершему, — вмешался в разговор Куруфин. — Но впервые вижу эльфийскую деву, последовавшую этому обычаю.

— Считай это жалобой по живому, Куруфин Феаноринг, — Лютиэн взъерошила густую темную «шапочку» своих волос, и вдруг поняла, что это жест, появившийся у нее недавно, похож на жест Берена.

— Я думаю, нам следует продолжить разговор в тепле, за ужином и кубком эля, — сказал Куруфин, поднимаясь в седло.

Келегорм подержал стремя для Лютиэн, потом вскочил на коня позади нее. Всю дорогу он держался так, словно боялся потревожить ее грубым прикосновением и хотя бы дохнуть слишком близко к ней. Он был вовсе не так надмен, этот сын Феанора, как говорила о нем молва.

Кони понеслись галопом; охотничья дружина растянулась вереницей.

— Скажите, эльдар, известно ли вам что-то о Берене, сыне Барахира?

Вопрос услышали только Келегорм и Куруфин. Лютиэн показалось, что братья переглянулись.

— Что именно ты хочешь знать, королева? — спросил Куруфин. — Мне известно, что он великий воин, молва о его подвигах дошла даже до Скрытого Города.

— Но был ли в Нарогарде он сам? Если вы знаете, то не мучайте меня — это недостойно таких благородных князей!

— Если бы я знал, где искать сына Барахира, я бы сказал тебе, — Куруфин натянул поводья и конь его свернул в сторону.

— Моего брата утомила охота, — извиняясь, сказал Келегорм. — Да и беседовать на полном скаку неудобно. Дай нам сначала добраться до города...

Лютиэн покусывала губы от нетерпения, но молчала. Спина ее скоро устала и Келегорм позволил ей откинуться к нему на грудь. Какое-то время спустя его конь перешел на рысь, а потом — на шаг...

— В чем дело, брат? — повернув коня, Куруфин подъехал к ним.

— Она спит, — третий сын Феанора поднял на брата глаза, до того обращенные на Лютиэн, и в них светилась неизъяснимая нежность.

— О, Элберет... — вырвалось у Куруфина. — Неужели ты...?

— Может быть, — прошептал Келегорм. — Может быть...

* * *

Лютиэн не помнила, как ее привезли в Нарготронд. Начала просыпаться, когда Келегорм нес ее вверх по какой-то лестнице. Почувствовав себя в сильных, уверенных руках, спросонья она позвала:

— Берен?

Услышав в ответ короткий вздох, похожий на стон, проснулась окончательно. Ни

твердые, и при том нежные руки, ни щекотавшие ей лоб темные волосы Берену не принадлежали.

Огромный серо-белый пес шел по ступеням следом за хозяином. Увидев Лютиэн, он замахал хвостом, точно знаменем.

— Отпусти меня, лорд Келегорм. Я уже могу идти сама.

— Мы пришли, — Келегорм опустил ее на пол и раздвинул занавеси у входа в маленькую комнату.

Эту палату проточила в известняке вода. Промоину в потолке превратили в окно-колодец, заделав слюдой в узорном свинцовом переплете. Стены не украсили ни гобеленами, ни шкурами, потому что камень здесь был чудесных оттенков. Окаменелые раковины виднелись в нем, словно маленькие резные украшения; пол же был устелен соломой. На ложе под балдахин, на богатых покрывалах, лежала женская одежда, а на стене висела вещь дорогая и красивая: стеклянное зеркало размером с небольшой круглый щит.

— Не откажись быть моей гостьей, королева, — сказал Келегорм. — Это — лучшая из малых комнат, отведенных нам и нашей свите.

— Почту за честь, — Лютиэн вошла и села в кресло. Пес, подойдя, тут же лег по правую руку, а Келегорм, опустившись на колени, начал расстегивать на гостье сапог.

— О, не нужно этого делать! Право же, я могу разуться сама...

— Позволь мне сегодня послужить тебе, — попросил феаноринг.

Не слушая дальнейших возражений, он разул Лютиэн и, подставив ей под ноги таз, налил туда теплой воды из медного кувшина. Усталые ноги Лютиэн погрузились в такую чудесную воду... Она старалась не смотреть на Келегорма, потому что была смущена до крайности: синдар позволяли себе так приближаться к женщине только если ухаживали за ней. Но, может быть, у нолдор — другие обычаи, и Келегорм проявляет не более чем учтивость и заботу?

— Ты стерла ноги, госпожа Соловушка, — он провел пальцами по содранным мозолям. — Сапоги тебе непривычны, а ты проделала в них долгий путь. Разве можно так истязать себя?

Сняв с плеча полотенце, он вытер ее ступни — так осторожно, как будто бы вытирал новорожденных детей. Потом подал ей чулки и мягкие сафьяновые башмаки — и отступил к двери.

— Откуда же ты бежала, и что было тому причиной? — спросил нолдо, но ответа не получил. Тогда он сменил предмет разговора: — Что ты желаешь сейчас — сначала отдохнуть и поесть или пойти в купальню прежде чем выйти к ужину?

Лютиэн страшно хотелось вымыться и переменить одежду.

— В купальню, лорд Келегорм.

— Я покажу тебе дорогу и прикажу накрывать стол. В трапезную тебя отведет Хуан.

Услышав свое имя, пес поднялся и ткнулся носом в руку девы. Она потрепала его за ухом. Сейчас уже казалось далеким и странным — как она могла принять такую красивую и благородную собаку за чудовище?

— На равнине Талат Дирнен стали появляться волколаки, — рассказывал Келегорм по пути к купальне. — Мы убили двух, а выследил их Хуан. Сейчас опасно ходить в одиночку даже вооруженному мужчине.

Лютиэн вдруг поняла, что, выйдя из Дориата, ни разу не боялась, что встретит орков

или волков. Даже не думала о них — все ее мысли занимал Берен.

— Ты полагаешься на чары своего плаща? — полюбопытствовал Келегорм.

— Скорее на судьбу и удачу, — призналась Тинувиэль.

Они спустились по лестнице и вышли на открытое место — в котловину, куда выходили окна, ворота домов и веранды Нарготронда. В сумерках уже горели огни факелов и фиалов, и Лютиэн ахнула при виде открывшегося ей великолепия.

По мраморной лестнице они спустились к реке, потом поднялись по берегу ручья в пещеру, где были купальни. Здесь Келегорм поклонился, прижав руку к груди, и передал Лютиэн чистое платье и полотенце.

— Я жду тебя к ужину, принцесса Лютиэн. Грязную одежду оставь на краю купальни, ее найдут.

Она выбрала маленькую круглую купальню, закрытую от других природной стеной. Хуан улегся у входа, спиной к ней, и не двигался, пока она, покончив с купанием и переодевшись, не тронула его за холку. Он тут же поднялся и, помахивая хвостом, прошествовал по мраморной лестнице обратно, но свернул не налево-наверх, а в другой проход — к трапезной.

Он шагал величаво и гордо. Шерсть его была длинной и темной на спине и загривке, снежно-белой и короткой на брюхе и морде; на груди же она росла так густо, что можно было спрятать руку. Хвост походил на опахало. Лапы у Хуана были длинные, но не как у борзой. Он был боец и сторож, а не загонщик. Лютиэн могла, не нагибаясь, опереться локтем о его спину, а голова его была почти на уровне ее головы. Более красивой и достойной собаки она в жизни не видела. То был не обычный пес — от него словно исходили свет и сила Амана, откуда он был родом.

В трапезной она думала встретить Ородрета, но там были только лорды феанорингов. Она поприветствовала сначала Келегорма и Куруфина, потом — тех, кого видела на охоте, а потом уже — всех остальных, и, приняв руку Келегорма, прошла на почетное место — во главе стола, между ним и братом.

— Если ты немного подкрепилась, расскажи нам о своих невзгодах, королева, — сказал Куруфин, когда она съела немного мяса и хлеба. — Что привело тебя на равнину Талат Дирнен, что заставило покинуть родной край и пренебречь опасностями странствия?

Лютиэн не собиралась ничего скрывать, но ей не хотелось повторять рассказ дважды — для феанорингов и Ородрета.

— Я думала, король будет здесь, — сказала она.

— Он занят, — Келегорм положил на ее тарелку кусок пирога. — Если тебе тяжело говорить о своих страданиях, принцесса — не говори нам. Дождись встречи с ним.

— А когда я смогу с ним встретиться?

— Через день или два. Он сейчас где-то на восточной границе.

— О! — вырвалось у Лютиэн. — Возможно, это из-за меня...

Братья и их приближенные переглянулись.

— Мне и вправду лучше обо всем рассказать сейчас, — Лютиэн собралась с духом. — Месяц назад мне приснился страшный сон. Вещий сон. Приснилось, что Берен, сын Барахира, которого я избрала себе в мужа, попал в руки Жестокого и терпит страшные муки.

— О, Элберет! — вырвалось у одного из эльфов. Он хотел сказать что-то еще, но умолк под гневным взглядом Куруфина.

— Я хотела уйти искать Берена или хотя бы что-то дознаться о его судьбе. Но отец узнал об этом и заточил меня на вершине Хирилорна, великого бука перед дворцом. Недавно я бежала оттуда, свив из своих волос веревку и соткав из них волшебный сонный плащ.

— Ах, вот оно что... — задумчиво проговорил Келегорм.

— Что ж, отдохни пока у нас, королева, — Куруфин осторожно, ободряюще коснулся ее руки. — Не бойся, мы не выдадим тебя отцу... да Тингол и не станет говорить с сыновьями Феанора. За это время наши разведчики или разведчики Ородрета, узнают что-нибудь о судьбе сына Барахира.

— У меня ничего нет, кроме благодарности. Примите хотя бы ее.

— Куруфин, — сказал старший брат. — Если Ородрет действительно поехал на переговоры с Тинголом, он может согласиться на требование Элу выдать его дочь едва та появится в Нарготронде. Может быть, нам лучше не говорить пока, что мы нашли принцессу?

— Какова на то будет воля принцессы? — улыбнулся Куруфин.

— О, если так — то лучше мне и в самом деле скрыть мое здесь присутствие. Если отец заставит Ородрета дать слово, тот ведь не сможет его нарушить...

— Решено, — Келегорм встал. — Слушайте все!

Трапезная затихла.

— Лютиэн Тинувиэль, королева Дориата, отдается под нашу защиту и покровительство. Она не желает возвращаться к отцу, и поэтому, на случай, если Ородрета обяжут выдать ее, узнав о ее появлении в Нарогарде, мы должны скрыть от Ородрета ее присутствие, пока не узнаем, с чем он вернулся из этой поездки. За пределы этой трапезной не выйдет ни одна тайна.

— Будет так! — крикнули эльфы.

* * *

«Ты не Финрод...»

Он читал это в каждом взгляде, обращенном к нему. Слышал в каждом «Король...»

Или он просто слишком мнителен?

С уходом Финрода из города словно ушла его душа. Все было по-прежнему, и — все не так. Дело не в том, что Ородрет не справлялся с управлением — он справлялся; дело именно в том, что отсутствие Финрода очень болезненно чувствовалось всеми. Раньше он был везде и во всем. Даже если неделями не выходил из мастерской, уезжал в Дориат, или отправлялся в скитания по Белерианду, уезжал в Оссирианд на несколько лет — он все равно был здесь. Каждый коридор напоминал о том, как, обвязавшись веревками они, четверо братьев, изучали показанные Тинголом пещеры, спускались в каменные колодцы и пролезали извилистыми трещинами; о том, как Инглор, склонившись над шелковой картой, чертил изображения этих ходов и накладывал одно на другое, чтобы показать, как пещеры сообщаются на разных уровнях; о том, как он, повязав голову платком и раздевшись до пояса, чтобы каменная крошка не набилась в волосы и за шиворот, вместе с гномами вырубал камень, расширяя и выравнивая своды... Он присутствовал здесь, в каждой зале, в каждом

коридоре. Если не везде была приложена его рука, то везде — его разум и душа. Как горели его глаза, когда он водил их троих по этой, еще дикой и заросшей кустарником, котловине, которую приток Нарога проточил в известковых скалах... Как звучал его смех в пустых пещерах, выеденных водой, похожих на дырки в сыре... Как властны и вдохновенны были движения его руки, когда он рисовал на мокром песке у ручья: здесь будет то... а здесь — вот это... И умолкал, приглашая их поспорить, и они спорили, потому что невозможно было не загореться его страстью к будущему городу, а загоревшись, невозможно было не обрести свое видение... Тогда же и Турондо объявил, что будет строить город... О, Ородрет не сомневался, что город этот великолепен — Турондо показал себя прекрасным зодчим еще там, в Тирионе. Почти наверняка Гондолин — подобие Тириона... Но Нарготронд был не просто городом — это был их дом здесь; дом который спокойно можно покидать и куда хочется вернуться...

Пока там жил Финрод.

«Как глупо», — думал порой Ородрет. — «Его отлучки длились по несколько лет, мы не знали, где он и что с ним — но я его замещал, и мне было не в тягость. И никто не упрекал меня в том, что я — это не он. А теперь его нет всего полгода, мы до недавнего времени знали, что он жив и с ним все в порядке — и все-таки с самого начала было плохо...»

Когда Гвиндор передал ему ответ брата, он понял все. Финрод отрекся от Нарготронда. Пока это не было сказано, можно было тешить себя надеждой на возвращение к прежней жизни. Они попросят — и Инглор вернется. Теперь этой надежды больше не было. Как бы ни закончилось безумное предприятие брата, в Нарготронд он не вернется. А значит, придется привыкать к городу, из которого ушла его душа...

— Государь...

— Да, Гвиндор?

— Твоя просьба исполнена. Лорд Куруфин здесь. Правду сказать, он хотел этой встречи не меньше, чем ты.

— Я иду к нему.

Он взял с треножника венец и надел его на голову. Финрод, скорее всего, так не сделал бы. Финрод не нуждался в знаках своего королевского достоинства, когда хотел явить свою королевскую волю...

«Ты не Финрод», — сказал ему взгляд Гвиндора. Ородрет стиснул руки.

«Да, я не Финрод. Но будь я проклят, если это помешает мне поставить феаноринга на место!»

Он пошел в малую залу — одну из тех, что сообщались с залом королевского совета, куда лорды или барды удалялись на совещание при необходимости.

— Король Нарготронда, лорд Куруфин, — сказал Гвиндор впереди. И повторил: — Король Нарготронда.

Видимо, сын Феанора обнаглел до того, что не пожелал подняться навстречу. Но когда Ородрет вошел, он все-таки стоял, и сел только по знаку короля.

— Я вернулся от восточных границ, куда вызвал меня по просьбе короля Тингола благородный Даэрон, — сказал Ородрет. — Я встретился там с королем Дориата.

— Я пришел сюда, чтобы поговорить об этом, — с легким поклоном ответил Куруфин.

Он не преступал границ учтивости в разговорах с Ородретом, но все время пробовал их на прочность. Он был сыном Куруфинвэ Феанаро, которого называли (и по праву) величайшим мастером из эльдар. И именно Куруфин вместе с именем унаследовал и

мастерство отца, и его пытливый, ненасытный ум, и, увы, его властность и неразборчивость в средствах. Феанор был старшим и любимейшим сыном Финвэ, короля нолдор; Арфин — третьим, и хотя отец любил всех своих детей, все же... Он не раз говорил, что не пережил бы гибели Феанора. И никогда не говорил так о других своих сыновьях и дочерях. Итак, Куруфин был четвертым сыном — но первого, самого старшего, известного, любимого; Ородрет — вторым, но — третьего, прославленного больше мудростью и миролюбием, нежели мастерством и доблестью. Как двоюродные братья они любили друг друга... По крайней мере, там, в Амане, пока тень не упала на те земли... Как потомки королевского рода, они соперничали — по крайней мере, здесь, в Эндорэ, куда они пришли, чтобы сражаться... Куруфин был старше, и по праву своего старшинства, по праву старшинства своего отца — должен был занимать более высокое положение. Необходимость подчиняться Ородрету раздражала его, и он этого не скрывал. Оказывая знаки учтивости, он словно бы делал одолжение: ладно, братец, поиграем в игру «Ты король», но ведь оба мы знаем, что к чему на самом-то деле...

— Король Дориата опечален, — сказал Ородрет, следя за лицом Куруфина. — Его постигло несчастье: принцесса Лютиэн бежала из Дориата, чтоб отыскать Берена Беоринга.

На лице Куруфина не отразилось ничего.

— Король Тингол полагает, что она может отправиться в Нарготронд. Он требует, чтобы мы выдали ее, как только она появится.

— Ах, он требует, — Куруфин усмехнулся.

— Кстати, как она себя чувствует?

— О ком ты?

— О королевне Лютиэн.

— Кто тебе сказал, что я знаю, как она себя чувствует?

Ородрет стиснул зубы. Куруфин в совершенстве владел искусством лгать, не говоря ни слова лжи.

— Куруфин, кто бы ни сказал мне, что она у вас — я это знаю доподлинно. Ты взял со своих вассалов клятву молчать, но кое-кто из них успел кое-что рассказать до того, как дал клятву. Поэтому не унижай себя притворством, а меня — обманом.

— Gwanur (51), — Куруфин поднялся из кресла и зашагал по комнате. — Поверь, если я что-то делаю, то ни в коей мере не затем, чтобы унижить тебя или кого бы то ни было. Подумай сам, в каком положении ты окажешься, если Тингол вынудил у тебя клятву вернуть ему дочь, а она всеми силами не желает этого возвращения. Кто-то из них станет тебе врагом: отец или дочь. А ведь оба они родня тебе. Нам же все равно, что испытывает к нам этот лесной король: большей вражды, чем уже есть, между нами быть не может.

— Может, — возразил Ородрет. — Между вами еще не дошло до крови.

— Но дойдет, если безумие беоринга и твоего брата каким-то чудом принесет ему Сильмарилл. Итак, нам незачем бояться ссоры с ним: мы и так в ссоре. И если бы королева попросила у нас убежища, не разумно ли с нашей стороны было бы скрыть ее присутствие в Нарготронде даже от тебя? Ведь ты ничего не знал бы о том, что она здесь, а мы не обещали отцу выдать ее. Более того, если бы даже ты узнал, что она здесь, и потребовал бы от нас ее выдачи — мы бы не выполнили этого требования, потому что дали бы ей слово оберегать ее, а сыновья Феанора не разбрасываются своими словами.

— Слишком много «бы», gwanur. Тингол не вынуждал у меня этой клятвы, поэтому вам нечего бояться, что я выдам ее отцу. И прежде всего мне хотелось бы поговорить об этом с

ней самой.

— Она у нас попросила убежища, — упрямо наклонив голову, сказал Куруфин.

Ородрет поднялся, чтобы не говорить с ним снизу вверх.

— Но здесь я король, — тихо сказал он. — И если вы хотите иметь какие-то сношения с другими королями втайне от меня, то лучше вам будет покинуть город и отправляться к своим братьям. Оставив здесь Лютиэн — потому что не вам, а мне она приходится родственницей.

«Ты не Финрод», — сказала ему усмешка Куруфина.

— Да, я не Финрод, — тихо, яростно проговорил он. — Но я от него получил корону и я заставлю всех, кто не желает ей подчиняться, либо признать мою власть и примириться со мной, либо покинуть мои владения. Если королевна Лютиэн сегодня не появится здесь и не скажет мне, что она действительно добровольно просила у вас убежища, я буду считать, что вы захватили ее обманом или силой, и предприму кое-что для ее освобождения.

Куруфин попытался поклоном скрыть свое изумление — и это удалось ему хуже, чем он думал.

— Сегодня вечером Лютиэн Тинувиэль придет сюда, — сказал он.

— Пусть она приходит в мастерскую Финрода, — попросил Ородрет.

* * *

— Кто ты?

Она не отвечала, да и не могла ответить — матовая теплота мрамора была лишь наваждением, созданным искусной рукой ваятеля...

— Одна из перворожденных, покидающих Воды Пробуждения.

Лютиэн обернулась на голос:

— Государь Ородрет...

Он вошел, на миг опустил голову — простая рабочая сорочка, рукава закатаны до локтей, кисти наскоро вымыты, но на предплечьях — следы шлифовального порошка.

От колен и ниже статуя была все еще не отшлифована.

— Я... не хотела отрывать тебя от работы. Прости, государь.

Он улыбнулся краем рта.

— Я ведь сам настоял на том, чтобы ты пришла именно сюда. Выпей со мной квенилас.

Лютиэн приняла его руку и прошла под арку, в нишу, где на столике дымился носатый кувшинчик с заваркой. В кресле сидела нолдэ, похожая на Ородрета — его дочь Финдуилас, которую Лютиэн помнила совсем юной. Она родилась не в Амানে, ее матерью была женщина из народа Кирдана. Сведущая в чарах, жена Ородрета погибла, когда Саурон штурмовал Минас-Тирит и все, кто мог противостоять Силе, вышли на стены.

Сейчас Лютиэн увидела на плече Финдуилас маленькую серебряную брошь в виде арфы. Значит, дочь пошла по стопам матери и сделалась бардом. Это был замысел Финрода — барды Нарготронда, судьи между синдар и нолдор, а также в делах, которые касаются чар и вражеской скверны.

Поднявшись, Финдуилас поприветствовала гостью, потом, придерживая крышку

кувшинчика, наполнила сначала чашку Лютиэн, потом чашку отца. Ответив на благодарности легким поклоном, удалилась.

— Ты виделся с моим отцом, государь Ородрет?

Светловолосый нолдо кивнул. Глаза его на миг подернулись печалью.

— Он в большом горе. Неужели все в самом деле из-за какого-то сна?

— Это был не просто сон, — Лютиэн сжала горячую чашку. — И мать моя это подтвердила. Берен и Финрод действительно в темнице. «Сейчас их жизни сплетены, и один зависит от другого, как если бы, связанные одной веревкой, они шли над пропастью. Но спасения для них я не вижу» — вот доподлинно ее слова.

Ородрет на миг закрыл лицо рукой.

— Я понимаю, почему ты бежала, — сказал он наконец, открыв лицо. — Берен и в самом деле был здесь.

— Расскажи мне! — Лютиэн была слишком захвачена новостью, чтобы возмущаться умолчанием сыновей Феанора.

— Он появился в конце весны, в канун Виниглоссэ. Рассказал о своих злоключениях, о том, как попал в Дориат, как встретил тебя и как твой отец потребовал Сильмарилла в обмен на твою руку... У него был какой-то замысел, но на совете никто не пожелал слушать его, едва лишь узнали про Сильмарилл. Тогда Финрод пришел в ярость и сказал, что если город не хочет слушать своего короля и предпочитает феанорингов — тогда и он отрекается от города. За ним пошли десятеро верных. Больше в городе мы их не видели.

— Но ведь это не все... — с надеждой промолвила Лютиэн.

— Не все... На протяжении лета до нас стали доходить слухи. Сначала мы узнали, что Фингон и Маэдрос заключили военный союз. Потом на северной оконечности Бретилия появились ватаги молодцов, называющих себя Бретильскими Драконами. После этого Финрод снова дал знать о себе, и я послал к нему Гвиндора с просьбой вернуться в город. Увы — он оказался тверд в своем намерении отказаться от короны. Однажды он и десятеро верных исчезли. Ты с тех пор — первая, кто принес нам о них весть.

— Увы, нерадостную.

— Ты еще не все знаешь. Твой отец заподозрил Галадриэль и Келеборна в помощи тебе и изгнал их.

— О! Они здесь?

— Они вместе с теми, кто им предан, ушли во владения Галадриэль, на востоке пределов Нарготронда. Совсем по соседству с лесом Бретиль. Тингол позволит им вернуться только когда с ними будешь ты. Он требовал от меня немедленной твоей выдачи, едва ты появишься в моих владениях. Говорил мне речи, которые я назвал бы дерзкими, услышь их не от брата своего деда. Я не давал ему никаких обещаний, ибо он настаивал на своем, и в то же время отказывался снять опалу с сестры... Он честил меня как нашалившего мальчишку — боюсь, что и я повел себя не лучшим образом...

— Что ты сказал ему?

— Ничего или почти ничего. Я сказал, что подожду, когда его рассудок возьмет верх над его скорбью, развернул коня и удалился.

Они долго молчали, глядя на статую.

— Он попросил меня закончить, — наконец сказал Ородрет. — Я не сразу решился... Приняться за работу означало бы признать, что он ушел навсегда.

Ородрет протянул руку к статуе, провел пальцами по воздуху, словно касаясь ее.

— Правда, красиво?

— Я не видела ничего лучше, — призналась Лютиэн.

— Он был равно одарен многими умениями — там, за морем. Но здесь, в Смертных Землях, именно этот дар открылся с пугающей силой. Хочешь, я расскажу тебе, как Финарато сделался мастером?

— Расскажи, Ородрет, — Лютиэн устроилась в кресле повыше и подогнула под себя ноги, обхватив колени и сплетя пальцы.

— Это было вскоре после того, как Фингон привез Маэдроза из Тангородрим. Майтимо... он был не в себе. Не говорил ни с кем, а глаза его были словно повернуты в прошлое. Безучастный ко всему вокруг, он вновь и вновь переживал то страшное время... Разум его был закрыт наглухо — он закрылся от Моргота в первый же день плена, а боль словно бы заморозила его в таком состоянии. Никто не брался вернуть ему душевную целостность — никто не знал, возможно ли это. Ведь доселе ни один эльф не сходил с ума... В конце концов рассудили, что время может все поправить. Братья приводили Майтимо на берег озера по утрам — и уводили вечером. Он сидел на камне, смотрел на воду — казалось, что в эти часы ему становится легче. Через какое-то время туда начал приходить и Финарато. Ни слова не говоря, он садился на тот же камень, плечо в плечо, так же упирался локтями в колени и смотрел в ту же точку... И так — целые дни.

Лютиэн представила это ясно, как будто видела своими глазами: двое — в золотистых бликах Митрим, скованные страданием и состраданием... И волна шуршит галькой, и ветер запускает свои лапы в волосы сидящих, забавы ради переплетая порой темно-рыжие и золотые...

— Мы сближались постепенно, народ Финголфина и народ Феанора. Приходили синдар. Угасали взаимные обиды — как-то неловко было поминать старое после того, что сделал Фингон... А эти двое сидели на берегу изо дня в день... Но что делает Финрод по ночам, отчего у него горит свет — мы узнали только позже... Он накопал красной глины на берегу и взялся лепить образ Майтимо. Для того, чтобы понять, что же творится в его голове — раз уж нельзя было пробиться через глухой панцирь аванирэ... Сидя на берегу с Маэдрозом, копируя его позу и то выражение, которое было впечатано в его лицо, отображая потом это в податливой глине, он понял то, чего не могли понять самые искусные из целителей, ибо это было не просто ново — дико для нас... Непредставимо... Финрод понял, отчего Маэдроз страдал. Не от того, что его пытали. От того, что пытка закончилась.

Лютиэн изумленно распахнула глаза. Это действительно было непредставимо.

— Тебе страшно? — Ородрет взял ее за руку. — Мне тоже стало страшно, когда я услышал объяснение. Это странное свойство наших fear — не знаю, проклятие или дар. Если нас терзает нечто, что мы бессильны изменить, и неспособны перенести — мы со временем начинаем испытывать от этого некое извращенное удовольствие. И избавление от страданий потом кажется нам мукой... Видимо, иначе не выжить; видимо, это свойство природы — нам на благо... но если мучения длятся слишком долго — потребность в них делается неистребимой. В это сложно поверить, не испытав на себе... Речь не только о Майтимо — многие нолдор, особенно в последнее время, начали чувствовать что-то вроде этого... Они полюбили жизнь, которую мы здесь ведем — но не так, как любите вы, синдар. Они упиваются сознанием своей обреченности и своей волей к смерти. Таких особенно много в войске сыновей Феанора... Но я отвлекся. Однажды утром Финрод, придя на берег, вместо того, чтобы сесть рядом с Маэдрозом, поднял его и повел к себе. Тот подчинился — он

подчинился всем... И там, в своей комнате, Финрод сдернул с изваяния покрывало. Он слепил только грудь, голову и плечи — но напряжение каждого мускула, эту почти судорогу — Финрод передал верно. Майтимо взгляделся в свое лицо, провел по нему рукой — а потом схватил молоток и ударил в изваяние. Еще раз, еще... И после этого — пробудился для мира. Заговорил, позволил коснуться своего сознания... И дал себя исцелить. А я понял, что мой брат сделался Мастером. Он много ваял после этого, и в Минас-Тирит, и в Нарготронде... И это было много лучше того, что выходило из-под его рук в Валиноре. Ты знаешь, как в раковине рождается жемчужина?

— Нет...

— Туда, в середину, попадает песчинка. У моллюска нет рук, чтобы вытащить чужеродное тело — а песчинка раздражает; моллюску больно, и он начинает обволакивать ее своим перламутром: слой за слоем, слой за слоем... Моллюск не думает, что творит красоту — он просто жаждет избавиться от непрестанно саднящей боли...

Ородрет встал, пересек мастерскую и остановился перед статуей, вглядываясь в лицо мраморной девы.

— К чему-то можно прийти только ценой потерь, принцесса. Посмотри, как безмятежно ее лицо. Она откинула волосы назад, она впервые смотрит на мир... Неужели нужно было потерять все это, чтобы осознать, как мы все это любим? Я поставлю ее у малого фонтана, там тихо и светло... Нолдор будут приходить и вспоминать о тех годах, когда мы были безмятежны... А какие мысли она будит в тебе, Лютиэн?

— Он ушел — а она осталась там, в Валиноре?

Ородрет улыбнулся.

— Я-то видел ее и потому заметил сходство. А как узнала ты?

— Это ваял тот, кто любит — вот, как я узнала.

— Да, королева. Она осталась там, за морем. Ждет его... И будет ждать, пока он не вернется.

— Отчего она не последовала за ним, если так любит? Испугалась?

— Только не за себя, Соловушка... Мало кто... Да нет — никто не остался бы из одного только страха. Меня порой посещают бесплодные размышления — а если бы поход Феаноро стал тем, чем должен был стать... Не бунтом — а священной войной ради обретения Первозданного Света... Разве стали бы удерживать нас Валар и разве отказали бы в кораблях тэлери? Не страх заставил повернуть тех, кто повернул. Просто очень важно порой чувствовать свою правоту. Ее страшил не путь, который разделил Финарато — а проклятье, понесенное им. Да он и сам не хотел бы для нее того, через что прошел. Нам очень важно знать, что кто-то там ждет нас... Ждет и любит...

— Но если ожидание бесплодно, и нет надежды свидеться — кроме той, что сам сотворишь для себя? Ородрет, государь, твой город прекрасен, но меня здесь ничто не держит. Мое самое горячее желание — уйти искать Берена.

Ородрет взял ее за руки и снова усадил в кресло, из которого она вскочила.

— Безумная дева, — почти шепотом сказал он, — куда ты пойдешь, если тебя отпустить? На Волчий Остров? В когти Тху? Ты найдешь там смерть — и ничего больше. Разве Берен пожелал бы тебе такой участи?

— Тогда прикажи собрать полки, — прошептала Лютиэн. — Разверни знамена и веди войска к Тол-Сирион, отбери крепость, которую он у тебя вырвал! Пусть сыновья Феанора на деле, а не в праздных охотничьих забавах покажут свою доблесть!

— Ого! — улыбнувшись, он стал похож и на Галадриэль, и на Финрода сразу. — Я слышу голос сестры моей, Нэрвен Артанис! Я сделал бы это, знай я точно, что брат мой — пленник на Волчьем Острове. Но я ничего не знаю о том, где он сейчас. Может быть уже в Ангбанде. И еще. У Финрода, Берена, Фингона и Маэдроса были определенные намерения. Если... кто-то из пленников не смог хранить молчание — Саурон знает об этих планах. А я — нет. Открыть свои силы Саурону, действуя вслепую, подставить город под удар — я не могу. Я хочу увидеть, как будет действовать Тху — из этого я пойму, что он знает.

— Тогда рассылай разведчиков!

— Я уже сделал это. К границам, следить за перемещениями врага, ушли и мои эльфы, и эльфы феаноригов. Поверь, если что-то откроется — я узнаю первым.

— Кого ты хочешь успокоить, король — меня или себя?

— Не знаю, — опустил ресницы Ородрет. — Не думай, будто брат не дорог мне. Я уже потерял двоих, новая утрата будет втрое горькой... Но мое сердце подсказывает мне, что путь, который Инглор избрал для себя, я изменить не смогу. Когда мы виделись с ним в последний раз, он был как стрела на дуге напряженного лука. Он целился собой — во что? Он один знает; а потом сделал выстрел, и ничто сейчас не в силах отклонить эту стрелу с ее курса. Мне страшно, Соловей. Миг достижения цели станет последним мигом стрелы.

— И это — повод бездействовать?

— Считаешь меня слабым? Пожалуй, ты права. Я слаб, и слабым меня делают размышления. Дух и воля бойца — это не мой конек; что ж, я не скрываю этого и не стыжусь. «Тень Финрода», — бросил мне однажды... не буду говорить, кто. Я не умею действовать быстро, мне всегда недостает времени. Размышляя, я принимаю верные решения, и мне хватает твердости следовать им. Когда я действовал по наитию, повинуюсь чувствам — это редко заканчивалось хорошо, вот почему я не пытаюсь играть в ту игру, в которой не силен. Не торопи меня, Лютиэн, прошу. Я часто думаю, чего хотел бы Финрод... Поверь, меньше всего он хотел бы мятежа в Нарготронде.

— Мятеж, мятеж... Я никогда не слышала этого слова до знакомства с нолдор. Власти моего отца никто никогда не оспаривал. Финрод был так мудр — и позволил мятежу вспыхнуть в своем городе... Отчего Келегорм с Куруфином не искали убежища у своих братьев?

— Спроси у них.

— Спрошу!

Ородрет тихо засмеялся.

— Я, кажется, знаю, кто решился оспорить власть Тингола. Сестра моя — можно мне называть тебя сестрой? — прошу, не торопись. Дождемся возвращения разведчиков, выслушаем всех, и примем то решение, которое будет наилучшим. Отчего ты смеешься?

— Я кое-что вспомнила... А если окажется, что я права, брат? И Финрод — пленник в Волчьем замке? А Келегорм и Куруфин скажут, что он сам пал жертвой безрассудной клятвы, откажутся идти за тобой в этот поход?

— Пусть попробуют. Я на королевском совете напомню, как Финрод приютил их в трудный час, как дружны были они с Ангродом и Аэгнором, кровь которых все еще призывает мечь — а они пусть попробуют возразить — перед всеми лордами Нарогарда, перед своими воинами, которые уважают в них силу и неукротимую ярость.

Голос его стал твердым, глаза блеснули — и Тинувиэль ощутила надежду.

Даэйрет возненавидела эти места сразу, как только вдоль Сириона всадники до Топей Сереха, а там по Ангродовым Гатям вышли в долину Ривилия, ступеньками спускающуюся с нагорья к равнине. Она не помнила точно, в каком именно краю этой страны родилась, детство осталось в памяти чем-то совсем зыбким, в основном — мешаниной запахов и звуков. Но где бы ни оказалась ее родина, она была благодарна Учителю и рыцарям Аст-Ахэ на то, что ее вытащили отсюда, из этого полудикого края, и вырастили в Твердыне.

Она знала местное наречие — в Аст-Ахэ им не давали забывать «талиска». Они должны были вернуться сюда и нести свое Служение здесь. Но ее пугала мысль о том, что ей придется провести здесь самое меньшее полгода.

«Бери пример с Этиль», — сказала себе она. Сдержанная, строгая, коса убрана под шапочку, Этиль ехала рядом, порой они даже задевали друг друга ногами. Целительница ничем не выражала своих чувств по поводу погоды и таких сомнительных попутчиков, как Болдог и Берен.

«Еще неизвестно, кто из них хуже... И вот это — мой князь. О, Тьма!»

Чем выше они поднимались, тем больше походила на зиму поздняя осень, охватившая землю от края и до края. Миновав лесистые берега Ривилия, они преодолели последнюю «ступень» — и оказались в темной, безрадостной ложбине, стиснутой между скальными обрывами южных склонов Сосновых Гор — и относительно пологими в этих местах предгорьями Криссаэгрим.

Ложбину точно посередине пересекала река, бегущая меж камней — мелкая и быстрая, изменчивая, коварная, как все реки Дортониона. Битая дорога вела по ее правому — если двигаться вглубь нагорья — берегу.

Ничего не росло в этом месте — только вереск, бурый и сухой, плотно покрывал долину, и у всех сделалось смутно на душе. Казалось, время застыло здесь в молчании — даже ветер ворошил вересковые заросли тихо, почти бесшумно. Место это словно бы не знало погожих дней. Всегда здесь висели тучи, а у прихваченных ледком камней курился туман.

В сером небе парили два орла — почти не взмахивая крыльями, описывая ровные круги. Орки поглядывали на них беспокойно, переговаривались, тыкая пальцами в небо. Присутствие орлов заставляло их поторопиться.

— Мерзкие птицы, — поежилась Даэйрэт.

— Что за мрачная долина, — не выдержала Этиль. — Я надеюсь, что здесь мы не заночуем...

— О, нет, леди, здесь мы не заночуем. Единственное место, где тут можно было заночевать, развалено и сожжено полтора года тому. Когда мы поднимемся во-он на тот холм, мы увидим развалины... — Болдог улыбнулся неизвестно чему.

— Что за развалины? — Эрвег заинтересовался.

— Замок Ост-ин-Гретир, — охотно ответил Болдог. — Когда беоринги пришли сюда, эту долину получил род Гретиров, больших друзей старого Беора... Бора Гретир был его тестем, сестра его тоже была замужем за Гретиром... Короче, тракт, самое хлебное место, получили свойственнички Беора. Но был другой род, более знатный и достойный... Род Болдуингов...

Орк сделал длинную паузу, и неожиданно для всех в эту паузу вклинилась песня.

...И Фродда Болдуинг так сказал

Однажды: "Не в добрый час

Беор эту землю Гретирам дал,

Их сделав богаче нас!

Но тот, кто смел и тот, кто силен,

От эльфов земель не ждет.

Он признает только свой закон

И сам что хочет берет!"

И так сказал ему старший сын:

"Но Гретир сильнее нас!

Когда мы выйдем один на один -

Нас всех перебьют тотчас".

И Фродда ответил: "Тогда к нему

Должны мы войти в друзья,

Напасть по-тихому, по уму,

И дом его хитростью взять..."

И средний сын так сказал ему:

"Гретир и сам умен.

И, если судить по его уму,

В дом нас не пустит он".

И Фродда ответил: "Но есть закон,

Обычай — в Долгую Ночь

Не смеет никто, кем бы ни был он,

Прогнать прохожего прочь".

«Ты злое дело задумал, отец» -

Сказал ему младший сын.

"Так не поступит ни вождь, ни мудрец -

Только лишь враг один.

Не стоит ради клочка земли

Пятнать и Закон, и честь.

И если другого нам нет пути -

Пусть все остается как есть".

И Фродда ответил: "Мой милый сын!

Позволь мне обнять тебя!

Ты честь мою бережешь один,

Меня горячо любя".

И, стиснув шею сына в руках,

Он крепко ладони сжал,

И тот забился, как птица в силках,

И вскоре уже не дышал...

Берену, казалось, было все равно, что все на него смотрят — он пел как будто сам для себя, тихо, глядя не на спутников, а на вереск вдоль дороги. Оборвав песню, как понял Илльо, даже не на середине, а в самом начале, он умолк.

— Ничего себе знатный и достойный род, — протянула Дазйрэт.

— Болдуинги, может, и не были единственными вождями эдайн, но они заслуживали права называться вождями больше, чем этот выскочка Беор! — у орка даже уши слегка прижались. — До перехода через горы он был вообще никто и ничто, у него не было своего рода и своих цветов. Его сделали вождем, потому что он больше всех якшался с Финродом и если что — эльфы мигом порубили бы в капусту тех, кто не согласится считать этого худородного правителем!

Никому не хотелось возражать Болдогу. Вместо этого Этиль спросила:

— А что же было дальше, лорд Берен?

Тот не ответил.

— Дальше? — вернулся в разговор Болдог. — Дальше Болдуинги сделали все как и собирались: в ночь зимнего солнцестояния Фродда и его сыновья поехали к Гретирам — мириться... С подарками и угощением, ха. И Гретир не смог выставить их за двери, потому что слишком чтит обычаи. И, видимо, рассудил, что от троих безоружных ему не будет опасности... Может быть, ты споешь, князек?

Берен усмехнулся.

— Нет, почтенный Болдог, перебивать тебя я не буду. Разве что ты уж слишком заврешься...

— Так он что, на самом деле убил своего младшего сына? — Даэйрэт слегка ерзала в седле.

— Благородная леди, — вздохнул Болдог. — Когда ты подрастешь, ты поймешь, что не всегда благородство имеет смысл. Если твое благородство будет стоить жизни твоим друзьям и родичам, то к чему оно?

— О жизни речь не шла! — возмутилась Даэйрэт. — Болдуинг собирался захватить чужую землю, а его младший сын ему помешал!

— Болдуинг хотел вывести свой род из незаслуженного унижения, — прорычал орк. — Потому что милости и хорошие земли от эльфов получали те, кто к ним подлизывался, а тем, кто не хотел от них зависеть, доставались пустоши!

— Ну так расскажи господам из Аст-Ахэ, каким способом Болдуинг возвысил свой род. И до чего он его возвысил... — Берен сидел в седле прямо и говорил безо всякого выражения.

— Ночью, когда Гретиры перепились, трое Болдуингов зарезали привратников и открыли двери своим людям, — произнес орк. — Из Гретириков никто не уцелел, господа рыцари, ибо в обычае у беорингов кровная месть, и если уж ты хочешь кого-то убить — убивай весь клан. Насколько я знаю, на севере у вас то же самое, да и подобных историй ваша земля хранит немало...

— Об этом сейчас речи нет, — возразил Эрвег. — Итак, Болдуинги захватили Ост-ин-Гретир, но, думаю, не разрушили его — в этом не было бы никакого смысла. Что же случилось, что долиной теперь никто не владеет, а замок пуст и разрушен?

— Извольте. Когда весть о случившемся дошла до Беора, он очень горевал о своем любимчике Гретирике. И вот что он сделал: запретил водить караваны через долину Хогг. Вся торговля шла лишь через Перевал Аглон, либо через Ладрос, либо через Анах. Все три пути были длинными и неудобными, но Беор наплевал на удобство своих подданных — лишь бы лишить Болдуингов дохода от пошлин. Болдуинг попробовал взять свое силой оружия, но Беора поддержали эльфы. Эльфы! — Болдог сказал это, как сплюнул. — Болдуингов просто заперли в долине. А хлеб в ней в этом году не уродился. Все лето в долине шли проливные

дожди, и зерно погибло. Болдуинги не могли вернуться на свои старые земли — их объявили изгнанниками вне закона, верных им людей выгоняли из домов, их землю Беор забрал себе... Скот Болдуингов он тоже забрал, а что не смог — тех зимой частью съели, потому что нечего было есть, а частью поразил мор. И на следующее лето хлеб не уродился тоже, и караваны все не шли... А в Ост-ин-Гретир завелись призраки убитых, и люди Болдуинга принялись сходить с ума. Трусливые и слабые, поджав хвост, побежали к Беору — каяться. А сильным и верным — им пришлось уйти...

— Куда? — спросила Этиль.

— Этого, благородная леди, никто не знает, — орк усмехнулся. — Но ушло их гораздо меньше, чем умерло от голода и болезней. Земля в долине не родит до сих пор, и никакого замка здесь уже нет — камни брали для строительства застав, что держали князя из рода Беорингов. Все лето идут проливные дожди, все время здесь пасмурно и растет только вереск.

— Ужасно, — сказала Этиль. — Мне несколько не жаль этого Болдуинга, но пострадало столько невиноватых... женщины и дети...

— Таково милосердие эльфов, госпожа. Эльфов и их верного слуги, Беора.

— А как насчет женщин и детей Гретиров? — тихо спросил Берен. — Их тебе не жаль, госпожа целительница?

— Конечно, жаль... Но разве, преумножая убитых, можно научить людей добру?

— Беор простил тех Болдуингов, кто покаялся и признал свою вину.

— И отрекся от своего имени, — фыркнул Болдог. — О, да! Как милосердно! Приползи на коленях, грызи пыль, привселюдно откажись от себя и добровольно надень на шею рабский обруч — тогда мы тебя простим!

— А чего ты хотел бы, Болдог — чтобы он простил их за так? Чего бы тогда стоили и правда и закон?

— Законы устанавливают сильные! — Болдог сжал поводья так, словно это было горло противника. — Вот правда!

— Для волков и орков — может быть, но не для людей, — вмешался Эрвег. — И потом, в конечном счете восторжествовала сила. Беор и эльфы, объединившись, силой одолели Болдуинга.

— Слабые собрались в кучу и целой кучей отстаивают порядок, при котором могут диктовать свою волю сильным — вот, что такое этот закон! — Болдог скривился. — Тут обошлось не без колдовства. Я уверен, что тучи над долиной — дело рук эльфов. Смотрите, как хмурится небо! Бьюсь об заклад — сейчас пойдет снег.

— Снег? Здесь, в эту пору?

— Это уже горы, господин айкьет'таэро (52). В Эред Горгор снег уже лежит, а с вершин он и не сходил. Зима приходит сюда рано.

Они поднялись на холм — и увидели развалины замка Ост-ин-Гретир.

— Ой, — удивилась Даэйрэт. — А я думала — замок...

— Замок как замок, — пожал плечами Берен.

Ост-ин-Гретир представлял собой скорее одинокую башню. Когда-то, прикинул Илльо, она поднималась над холмом ярдов на тридцать, теперь — перекрытия обрушились, стены разобрали на укрепление застав вдоль Ривиля... Остаток башни — фундамент и стены из неотесанного камня в человеческий рост — зарастал вереском.

— Как интересно, — сказал Эрвег. — Если это постройка времен Переселения, то...

Посмотри, Илльо, как похоже на строения наших горных кланов — Ворона, Кречета... Такой же квадратный фундамент, квадратный створ ворот, окна начинаются высоко над землей... Готов побиться об заклад, что там, в середине башни, колодец...

Берен опустил голову. Не хотелось верить, как видно, что беоринги, пусть и дальняя — но все же родня людям Севера. Но спорить со здравым смыслом невозможно: даже внешне они с Эрвегом были похожи.

Тучи сгустились и пошел мокрый снег, который тут же таял и расплзался в грязи. Берен всей кожей чувствовал ненависть родной земли, обрушенную на пришельцев — и на него. Теперь он был ничем не лучше. Такой же. Враг.

— А почему бы не отстроить замок и не учинить здесь приемный двор? Переход был бы немного короче, — рассудительно спросил Илльо.

— Попробуй, господин айкьет'таэро, — пожал плечами Болдог. — Что же до меня, то я на этом приемном дворе не остановлюсь даже если снаружи будет метель. Вы что, не чувствуете, какое это злое место?

— Если мы будем торчать здесь и заниматься изысканиями прошлого, — подала голос до сих пор молчавшая Тхуринэитель. — Мы до вечера не попадем на ночлег.

— Высокая госпожа права, — поддержала ее Дазэрэт. — Я уже мерзну, а пехота нас обогнала.

Они надали коням пятками и обошли по обочине нестройную колонну орков — кхарн Волчьего Отряда. Дазэрэт поджимала ноги, проезжая мимо гауров, почти достававших холкой до стремени. Она знала, что обученный гаур страшен только тому, на кого спущен, но все же ей было страшно.

Снег сделался гуще, задул крепкий ветер — они все порядком промерзли прежде чем достигли стоянки — замка Линдвин у границы Моркильского леса. Еще одна приземистая, квадратная в основании башня — так, наверное, выглядел замок Гретиров, пока был цел. Нижний поверх — колодец, погреб, конюшни, кухня. Второй — сенник, кладовые, комнаты слуг. Третий — каминный зал, господские комнаты. Четвертый — оружейная, кладовая, комора — и комнаты самых близких слуг. Выход на крышу. Узкие окна-бойницы. Блок с веревкой и дыры в полу на всех четырех поверхах — подавать в трапезную из кухни еду, а при нужде, с той же кухни на крышу — кипящее масло и смолу...

Рыцарям Аст-Ахэ отвели лучшие покои. Орков и волков разместили частью внизу, частью — в ближних постройках: пустом сарае для хранения шерсти и опустевших хижинах. Башня мгновенно наполнилась отвратительным ревом, гоготом и нескончаемой перебранкой. То и дело щелкали кнуты командиров — но, затихнув в одном месте, ругань возобновлялась в другом.

— Горячей похлебки и вина, — распорядилась Тхуринэитель, бросая бледной выцветшей женщине котомку с едой. На обязательный к хранению в каждом замке войсковой запас рассчитывать не приходилось — они были не первыми посетителями замка за эту осень. Орки тоже не рассчитывали на него, и вскоре деревня заголосила: солдаты Волчьего Отряда начали отбирать себе в кормежку овец.

— Что за твари, — Эрвег покачал головой, развешивая мокрый плащ поближе к камину. — Не могут без драк и грабежа. Этиль, милая, когда отогреешь пальчики — сыграй нам что-нибудь. Хочется очистить уши от их ругани.

— Хорошо, Эрви, — мягко улыбнулась женщина.

Она нравилась Берену сильнее прочих. Небольшого роста, с каштановыми волосами и тонким, немного вздернутым носом, она все время казалась печальной, хотя часто улыбалась и никогда не плакала. В ее присутствии даже Болдог начинал напускать на себя какое-то достоинство, и чувствовалось, что он по-своему уважает ее.

Целительница. Аст'эайни — Берен так и не знал, что означает это ее звание. Но в том, что она тоже воин — не сомневался. Просто оружие ее — другого рода; не то, против которого он привык сражаться. А значит, она в чем-то опаснее Эрвега и Ильвэ вместе взятых.

Глядя на нее, он не мог забыть другого целителя — изможденного, изломанного раба в подвалах Волчьего Замка. Таких, как она, не допускали в эти подвалы. Эрвег и Илльо были вояки, они готовы были признать пытки и казни хоть и злом — но все же необходимым злом. Временным, но неизбежным. И оба тщательно оберегали от этого знания и Этиль, и дурочку Даэйрэт. Берен не понимал, зачем. В этом была некая жестокость, природу которой он не мог ни понять, ни объяснить. Вслух говоря, что мужчины и женщины равны в своих правах, рыцари Аст-Ахэ молча, не сговариваясь, признавали за женщинами некую врожденную слабость, из-за которой они не могут и не должны стоять лицом к лицу с этим миром. Они выращивали души своих женщин такими хрупкими, что, казалось, грубое дуновение ветра способно их сломать. И это не спасало положения: Этиль была чувствительна к малейшим переменам настроения у других и страдала от чужих неприятностей как от своих собственных. Берен чувствовал, что сейчас, здесь, в этом разоренном замке, ей плохо. Плохо оттого, что орки обижают людей внизу, плохо оттого, что у женщины, накрывающей на стол, руки в красных цыпках, оттого, что в ее глазах спрятана ненависть, а нож, которым она нарезает хлеб, искушающе удобно ложится в ее руку... Этиль была Целительницей, и это будило в ее спутниках почти священный трепет, но это же рождало отчуждение.

Берен никогда бы не подумал, что такие, как она, способны существовать в войске Моргота, в его стране, как они выживают и зачем они такие Морготу нужны. Но они были, и это приходилось признавать.

Еще он подумал — она единственный здесь человек, который что-то мог бы объяснить насчет его странных снов. Нет, не вещей, как сон о Горлиме. Других.

Он помнил то, чего не мог и не должен был помнить. И не помнил того, что, вроде как, помнить должен. Например, он не помнил, как они покидали Нарготронд, он и Финрод со своим отрядом. Зато он почему-то помнил Нан-Дунгортэб. Он были вместе с эльфами, а еще с ними был рыжеволосый мальчик, лицо которого, усыпанное веснушками и изрытое оспой, было некрасиво, а голубиные карие глаза — прекрасны. Это было несовместимо — Нан-Дунгортэб, эльфы и этот мальчик. Но в памяти его это было именно так.

Таких обрывков, клочков, осколков — много еще валялось в закоулках разума, и хотя здравый смысл вопил о том, что нужно бросить их, если Берен не хочет сойти с ума — его разум почему-то не хотел удовлетворяться ровной, стройной картиной, которую представляли собой его воспоминания от Дориата до Тол-и-Нгаурхот. Он находил какую-то почти болезненную радость в том, чтобы собирать их и пытаться составить что-то более-

менее целостное. И понимал при этом, что ничего хорошего из успеха этого дела не выйдет. А главное — именно потому что Этиль здесь одна способна его в этом понять, нужно скрывать это от нее как можно тщательнее.

Отогрев руки у огня, Этиль расчехлила маленькую флейту, которую возила в своем мешке.

Там, в Тол-и-Нгаурхот, Берен уже слышал, как она играет. Тихий, прозрачный и чистый звук рождался где-то внизу, на том самом пороге, ниже которого человеческое ухо уже не ловит звуков. Потом — плавным переливом — мелодия взлетала, и начинала трепетать и переливаться, как бабочка-уголек под лучами солнца. У нее не было четкого ритма и строя, как нет его у шума ветра и течения реки, но Берен, наверняка назвавший бы эту музыку — с чужих слов — бессвязицей, слушал, не отрываясь, и в груди у него замирало сердце.

Но на этот раз Этиль заиграла не то, что играла обычно. Один Мандос знает, где она взяла эту мелодию — услышала мельком от напевающей себе под нос рабыни? Напел ветер? Нашептал вереск? — а только заиграла она старинную горскую песню, мотив которой был знаком Берену с колыбели:

Мотылек мой, мотылек,
Как затейлив твой полет!
Не лети на огонек -
Огонек тебя сожжет...

Для Этиль это была просто интересная музыка, незатейливая канва, на которой можно вышивать прихотливый узор вариаций. Для Берена это был — нож в сердце.

Чтобы не терзаться, слушая, он подошел к Илльо и сел на лавку рядом.

— Ильвэ, — Берен называл его на эльфийский лад, и Илльо это слегка льстило. — Поговорить хочу.

— Я слушаю тебя.

— Хочу спросить, да все никак не соберусь... Что ты мне посоветуешь, чем заняться, когда приедем в Каргонд?

— А чем ты занимался прежде, когда был сыном князя? — спросил айкьет'таэро.

— Да главным образом гонял орков по Ард-Гален, — Берен поморщился. — Почти до самой Дагор Браголлах. Видишь ли, я набедокурил и отец услал меня на север. Ну, а что я делал после Браголлах — ты знаешь не хуже меня.

— Думаю, все-таки хуже, — улыбнулся Илльо. — Итак, ты не умеешь ничего, кроме войны?

— Выходит.

— Значит, будешь заниматься войной. Я сам хотел предложить тебе вот что: Айанто Мелькор желает знать, так ли на самом деле обстоят дела в новых войсках, как ему докладывают. Поэтому я еду с подробным списком того, что нужно проверить, и предлагаю тебе сопровождать меня. Ты знаешь здешние места и здешних людей, поэтому можешь заметить то, чего я не найду.

— Мне нравится, — кивнул Берен. — Благодарю. Позволишь задать один вопрос?

— Да?

— Ты похож на эльфа...

— Я — эльф наполовину, — кивнул Илльо. — Моя мать — из пленных синдар.

— И много вас... таких... там?

— Я один.

— Как ее зовут?

— Звали... Она умерла вскоре по моем рождении, я так ее и не помню. Ее имя было — Алфирин.

— Алфирин, — тихо повторил Берен. — Ты знаешь, что оно обозначает? Цветок бессмертника.

— Да, я слышал.

— От других пленных эльфов?

— Нет... За исключением Тхуринэйтель, они со мной не говорят. От отца.

— Значит, от отца... — Берен встал и перебрался в другой угол комнаты.

— Этиль! — вдруг воскликнула Даэйрет. Все взгляды обратились сначала к ней, а потом — к флейтистке. Та сидела неподвижно, устремив взгляд перед собой, сжимая флейту обеими руками. Берен вскочил — такой взгляд и такое застывание он видел у припадочных перед тем как их швыряет на землю в корчах. Он схватил со стола ложку — сунуть ей в зубы, чтоб она не откусила себе язык. Но она не упала, захлебываясь пеной — продолжала сидеть, неподвижно глядя перед собой.

— Что с ней? — спросил Берен у черных рыцарей. — Что с ней?!

Ответом ему был негромкий, с почтительным придыханием, возглас Даэйрет:

— Она видит...

Всеобщее внимание сосредоточилось на застывшей, женщине. Та и впрямь что-то видела своими остекленевшими глазами — по ее лицу пробегали тени, она то сжимала, то открывала губы, и ноздри расширялись, словно ее видения вызывали в ней гнев и ужас.

— Говори, — прошептал Эрвег. — Этиль, милая, говори.

— На север, — произнесла женщина каким-то чужим голосом. Умолкла еще на два длинных вдоха и повторила: — На север, на север... Серебряная звезда в колдовском сумраке...

Глаза ее распахнулись, брови сдвинулись.

— Нолофинвэ!

Берен вскинулся, точно ударенный бичом, но промолчал.

— Король Нолофинвэ, Аракано Аран Этъанголдион, король изгнанников, король без королевства, король, чье слово — пепел на ветру... Он не надеется победить Бессмертного, но лучше пасть в бою, чем ждать, пока псы Моргота затравят его, точно красного зверя... Ярость, ледяная ярость — холоднее льдов Хэлкараксэ: на север, на север, на север...

«Одержимая» — ужаснулся Берен.

Солль и Даэйрет смотрели во все глаза, словно им это было в новинку. Эрвег и Илльво вполглаза присматривали за Береном. Он нарочито небрежно бросил ложку на стол и отошел к окну, отвернулся, опираясь локтями о подоконник, а подбородком о кисти рук. Внешне он изо всех сил старался казаться спокойным, но внутри него гнев и страх сошлись как лавина и лесной пожар. Он закусил костяшки пальцев, чтоб не выдать себя.

Болдог то ли прикидывался равнодушным, то ли слово Видящей и в самом деле не трогало его.

Этиль встала и вытянула руку вперед, сжимая флейту так, словно это меч.

— Я пришел взять виру за смерть отца! — голос ее раскатился под сводами. — И ты заплатишь мне, Моргот — своей кровью!

— Мне не нужна твоя смерть, — голос изменился. — Сначала нужно убить меня! — Ты думаешь, это мне не под силу? Ответь мне, Нолофинвэ Аракано Аран Этъанголдион, чего ты

желаешь больше — мести? Красивой и бесполезной смерти в поединке с Врагом? Или мира для своего народа?

Даэйрет хлюпнула носом:

— Учитель...

— Разве твой раб не передал тебе мое слово? Думаю, у него хватило времени, — продолжала Этиль голосом, в котором Берену слышался металл. Голосом Финголфина, несомненно. «Еще немного — и я прокушу пальцы до костей».

— Тебе не следовало этого говорить — снова голос, исполненный Силы. Затем — собственный голос Этиль:

— Щит... черный щит... отбросить... слишком тяжел для больных, сожженных рук...

— Так какого хера ты за него схватился! — не выдержал Берен. Даэйрет зло сверкнула на него глазами, Эрвег сжал кулаки, но сдержался, Этиль, конечно, ничего не заметила.

— Ты хотел поединка? — сказала она за Мелькора. И за себя: — Черный меч рассек кольчугу, как тонкую ткань... Больно! Ожог чужой боли... Он думает, что Учитель смеется, передразнивая его движение... он не знает... Нолдо не стерпит насмешки ни от кого, тем паче гордый до безумия король Нолофинвэ... Гнев — как удар плети! С яростным криком эльф бросается вперед, и Учитель еле успевает отклонить удар, нацеленный ему в сердце...

Он смеется, глядя, как расплывается на одеждах Валы кровавое пятно... Его все же можно ранить... Можно... Может, можно и убить... Теперь нолдо бьется яростно, не ощущая боли от ран, наносимых Врагом... — Я еще отмечу тебя так, что ты не скоро забудешь эту встречу!

— Да, — прошептал Берен, и лицо его исказилось. — Он не скоро забудет...

— Замолчи! — крикнул Эрвег.

— Он метит в лицо и горло, — продолжала Этиль. — Длинная рана рассекает руку Учителя от локтя до запястья, до тяжелого железного браслета... Он еле держит меч... он теряет кровь — и впервые бьет всей Силой...

— А, дерьмо, — одними губами прошептал Берен. На этот раз слышал один Илльо и, может, еще Болдог.

— Светлый клинок сломан! — Этиль уронила руку с флейтой, — и нолдо падает навзничь в исчерна-серый пепел Анфауглит... Он чувствует на груди тяжесть ноги Врага... Видит ледяные, нестерпимо горящие глаза... — Что он тебе сказал? Что ты один из немногих нолдор, с кем я хотел бы говорить? Он говорил с тобой о мире? — Страшный голос, тихий и яростный, и взгляд, лишаящий сил, ломающий волю... Медленно, бесконечно медленно рука короля Нолдор ползет к обломку меча... Медленно... — Он говорил о мире, предлагал мир тебе и твоему народу, как пытался сделать и я... А ты — ты ответил ему ударом меча... Ты проиграл, Нолофинвэ Аран Этъанголдион, твоя жизнь в моей руке... И что мне делать с тобой?

— Вот дерьмо, — процедил Берен. — Ложь. Все ложь...

— Рукоять сломанного меча ложится в ладонь Нолофинвэ... Король вслепую наносит удар, сталь рассекает связки, распарывает ногу глубокой раной... Изначальный опускается на колено подле эльфа...

Берен стиснул руками виски, опустил на лавку. Нужно... нужно... Он сам не знал, что должен сделать, а только все это надо было прекратить.

— Ты сам выбрал... Ты умрешь так, как умер он... — Этиль сжала свободную ладонь, потом судорожно раскрыла ее и вцепилась пальцами в свой живот. — Сила, темная,

страшная сила, боль, рвущая внутренности — жидкий огонь, вливающийся в тело, словно залили живот и грудь расплавленным металлом изнутри — вся боль, бесконечные часы агонии Гэлторна — вся боль, перетекающая из теряющего жизнь тела в обожженные ладони, вся боль души, не ведающей, что ждет ее за гранью смерти — вся боль... Король нолдор кричит...

— Замолчи, — почти простонал Берен. — Замолчи, сука, а то я сам тебя заткну...

Ильвэ напрягся, обменялся короткими взглядами с Эрвегом, дал тому понять, что Берена он удержит в случае чего. Но Берен не собирался бросаться на Этиль. Он по-прежнему сидел, растирая пальцами виски, силясь найти в себе то, что разрушит чары.

— Учитель поднял окровавленное, изломанное Силой тело Короля... — Этиль уже задыхалась и вздрагивала. — Пусть... лежит... на вершине черных гор... Там будет его могила... Огромная тень падает вниз: орел хватает тело Короля Нолдор, удар острых когтей рассекает лицо Мелькора... — девушка согнулась от боли, закрыв лицо растопыренной ладонью, потом пошатнулась и упала.

Эрвег и Солль не дали ей свалиться на пол, подхватили, усадили в кресло.

— Ты что-то хотел сказать, Берен? — спросил Эрвег.

«Нашел!»

— Да, — горец поднялся с лавки, засунув большие пальцы рук за пояс. — Все брехня от первого слова и до последнего.

— Во что же ты веришь? — у Эрвега побелели скулы и кончик носа. — В то, что Учитель был тридцати футов роста, а его щит нависал над Финголфином как грозовая туча? В то, что ваш король бегал у него между ног, как мышь?

— Ты сказал! — Берен ткнул в Эрвега пальцем. — И она сказала. Если бы орел Манвэ полоснул когтями любого человека обычного роста, да хоть бы и нолдо, он оторвал бы голову по самую грудь, с плечами вместе. Здешние орлы гаура перекусывают пополам, вы сами их видели.

— Вот как? — Эрвег поджал губы. — И что же еще ты скажешь?

— Скажу, что если бы меня свалили, сломав меч, и наступили ногой на грудь, я никак бы не мог ударить равного мне по росту противника под коленку, а зацелил бы ему, куда ты и сказал, Эрвег: между ног. Да так оно и вернее всего.

— И больше ничего?

— А еще — правду ли говорят, что Учитель ваш сед?

— Да. Он поседел в одночасье от горя, глядя на смерть своих учеников.

— Эла! А я думал, волосы его белы от того, что Торондор нагадил ему на голову!

Эрвег растерялся. Такая злая и глупая подначка заслуживала вызова на поединок — но Берен, как видно, был неприкосновенен по приказу Гортхауэра, а ответить ему в том же духе остолбеневший от ярости Эрвег не мог.

Вот, на что боги наделили меня злым языком, — подумал горец. Насмешка, вот чего они не терпят.

— Я так много слышал о вашем Учителе, что сложил песнь в его честь, — Послушайте.

У Моргота, владыки Мрака,

Ужасно разболелась...

Шея.

И он, от боли стервенея,

Выл как последняя собака.
Он лорда Маэдроса, как зайца,
Подвесил на скале...
За руку.
Фингон, придя на помощь другу,
Не сразу знал, за что и взяться...

Илльо растерялся. Ответить Берену такой же откровенной похабенью означало уронить достоинство т'айро-ири, а как иначе пресечь поток сквернословия — он не сообразил сразу. Болдог оказался быстрее: одним прыжком оказался рядом и ударил Берена тыльной стороной кисти по губам. Тому случалось получать удары и посильнее, но от этого тоже брызнула кровь, а горец упал задом на скамью и треснулся затылком о стену.

— Вот так, господа рыцари, это делается, — сказал орк. — Если в другой раз вам будет не с руки заткнуть чей-то черный рот, зовите старого Болдога...

Он хотел добавить еще что-то, но не успел, потому что Берен оставался в долгу не дольше, чем брошенная в камин горсть опилок сопротивляется огню. Вскочив со скамьи, он отвесил Болдогу смачную плюху, а потом они покатались по полу, сцепившись в самой безобразной из всех драк, которым Илльо был свидетелем. Трещала одежда, летели брызги крови, но сами противники не издавали ни звука, если не считать, коротких выдохов, сопровождавших каждый нанесенный или полученный удар. В своей внезапно прорвавшейся ярости они друг друга стоили, человек и орк, даже трудно было поверить в то, что перекошенное и разбитое лицо Берена принадлежит сыну человеческому, а не орочьему отродью. Никто не успел вмешаться и, если честно, было страшновато — эти двое раздавили бы любого пожелавшего встать между ними и их счетами. Какое-то время казалось, что горец одолевает: Болдог пропускал все удары подряд, заботясь лишь о том, чтобы ответить на каждый. Берен сумел повалить его и, лежа сверху, прогнувшись в спине сколько мог, обрушился на него, целя лбом в переносицу. Если бы он попал куда метил, он мог бы и убить Болдога, но тот подставил под удар лоб. Казалось, у обоих противников искры брызнули из глаз. Наконец, собрав все силы, Болдог сумел вывернуться из-под человека и отшвырнуть его в сторону. Не давая противнику ни мгновения передышки, он вскочил и с размаху ударил его носком сапога в грудь. Берен попробовал задержать удар или отвести его в сторону, не смог — и повалился на пол. Орк добавил другой ногой, но на обратном движении горец, хоть и задыхался, сумел его подсесть — и Болдог тоже упал.

Илльо, наконец, сумел преодолеть оцепенение и кинулся на Берена, который, нажав коленом орку на промежность, целился вырвать ему глаза. Особенный захват под мышки и за шею, руки в замок на затылке противника — Илльо оттащил дортонионца в сторону. Ни на что больше его не хватило — Берен был очень силен. Он бы вырвался, но Болдог, радуясь неожиданной подмоге, пнул своего врага ногой в пах. Следующий удар достался Эрвегу, вставшему между орком и его соперником. Неизвестно как бы обернулось дальше, но тут с нижнего поверха на вопль Дазйрэт — а она не прекращала вопить с начала драки — примчалась Тхуринэйтель.

Неуловимо быстрая, она пронеслась через всю комнату и всей силой своего веса и своей скорости толкнула Болдога на стену. Ударившись, орк слегка потерял подвижность, а Тхуринэйтель воспользовалась этим, чтобы вывернуть и заломить ему руки. Это казалось

невероятным, но было очевидным: пусть и довольно высокая, и довольно крепкая, но все же женщина в одиночку удерживала огромного орка, Балорха Болдога.

— Остыл? — спросила она, когда тот перестал вырываться.

— Да, леди, — процедил орк сквозь зубы.

— Вот и хорошо, — Тхуринэитель разжала руки. — Оботри с лица кровь и покинь нас. Твой отряд нуждается в присмотре.

— Слушаюсь, — Болдог сплюнул в камин.

Проходя мимо Берена, уже перетащенного в кресло, он задержался, чтобы сказать:

— В другой раз держи язык за зубами, князек.

— Я еще станцую на твоей могиле, — прошипел Берен, изо всех сил стараясь не уткнуться головой в колени. Тхуринэитель, приобняв его, гладила по плечам.

— Сейчас из тебя плохой танцор, — оскалился орк.

— Кто начал драку? — спросила эльфийка, когда спина Болдога исчезла внизу.

— Болдог, — ответил Эрвег. Орк не попал ему каблуком туда, куда попал Берену, но по бедру ударил очень больно.

— Нет! — вдруг вмешалась Дазйрэт. — Болдог ударил его первым, это правда! Но он... Он заслужил удара! Он... такие мерзости говорил про Учителя!

— Какие, дитя мое? — спросила Тхуринэитель.

— Могу повторить, — прокричал Берен.

— Право же, не стоит, — поежилась Этиль. В руках у нее уже был платок, которым она собрала снег с подоконника, и теперь стирала кровь с лица Берена. — Это было мальчишество самого дурного толка, и все тут были хороши: и ты, и Эрвег, и Болдог... И ты, Илльо.

— Я? — изумился каррант.

— Да, ты. Ты мог прекратить это сразу, когда Эрвег и Берен только начали браниться.

— Не мог, — Берен с видимым удовольствием подставлял лицо под влажный платок. — Потому что я не стал бы молчать, а Болдог не искал бы других способов заткнуть мне рот. Между нами счеты, которые закончатся только тогда, когда один другого убьет. Он лишил меня отца и братьев, я его — сына...

— Разве нельзя решить дело миром? — спросила Этиль. — Расчесться вирой?

— Я возьму с него виру только кровью. Он с меня — тоже. Спроси у него, из чего сделан его пояс. Из какой кожи.

— Тем не менее вам придется забыть о своих счетах, Берен, пока ты в армии Айанто Мелькора, — жестко сказал Илльо. — Я не стану повторять дважды. О следующей драке я оповещу Гортхауэра, и он не станет разбираться, кто ее начал — вы оба пожалеете о том, что взялись выяснять отношения. Ваши горские обычаи, когда дело решалось поединком, отошли в прошлое. Теперь между всеми тяжущимися дела решает суд Айанто. Когда весенний поход закончится, вызови Болдога на суд. Любой другой способ свести счеты я буду рассматривать как бунт. Ты понял?

— Понял, лорд-наместник, — кивнул Берен. — Благодарю тебя, госпожа целительница.

— У тебя порвана рубашка, — сказала Тхуринэитель. — Пойдем, зашью.

Берен поковылял за ней к огню. Женщина достала из отворота плаща иглу, а из сумки — нитку, продела, завязала узлом и начала пришивать полуоторванный рукав. Горец сидел на полу у ее ног в совершенно замороженной, деревянной позе — словно боялся касаться ее лишней раз.

Как странно, подумал Илльо. Очевидно, что его тянет к ней. Тхуринэйтель невероятно хороша собой и любит мужчин...

Илльо от матери досталась прохладная эльфийская кровь. Но Берен не был полуэльфом, и совершенно напрасно пытался скрывать, что Тхуринэйтель волнует его. Он пытался вести себя как эльф-однолюб, совершенно неестественным для человека образом, и это прямо бросалось в глаза. Вот — одно из главных отличий между нами, подумал Илльо: эльфы калечат людей, переделывая их по своей мерке. А люди не могут жить эльфийскими правилами, и поэтому вынуждены лицемерить. Подобно Берену, который спит с Тхуринэйтель, но в остальное время делает вид, что между ними ничего нет и даже старается не касаться ее.

Он набросил плащ и поднялся на крышу замка.

Что ж, все не так плохо, как он ожидал поначалу. А чего он, собственно, ожидал? Что Берен окажется лохматым грязным дикарем, будет рычать на всех и непрестанно браниться? Вот была бы несусветная глупость... Нет, он ждал и боялся другого: что Берен — либо расчетливый негодяй, либо просто мясник. О нем говорили и то, и другое, но Гортхауэр, похоже, в нем не ошибся... Если не считать странностей в отношениях с Тхуринэйтель и прорвавшейся сегодня вражды с Болдогом — вполне объяснимой, надо сказать — то Берен вполне достоин стать рыцарем Аст-Ахэ. Его насмешки над Учителем, довольно грубые... Да, они ранили, но не были опасны. Глупо ожидать, что в такое короткое время полностью изменится образ мыслей. Вот если бы у Берена ни разу ничего подобного не прорвалось — тогда стоило бы насторожиться.

Гортхауэр прав, уже в который раз. Эту душу стоит спасти; ее необходимо спасти.

Илльо повернул лицо на восток. Там, в сердце страны, над перекрестком двух больших дорог, лежала их конечная цель — крепость Каргонд. Родной дом Берена.

Илльо думал, что многое откроется именно в Каргонде. Что стены заставят человека, наглухо закованного в броню равнодушия и насмешки, немного приобнажиться. Открыть душу тому, кто желает исцелить ее.

«Учитель, помоги мне!» — мысленно воззвал рыцарь.

Когда он вернулся, все спали. На широкой лавке возле дымохода — Этиль и Даэйрэт. Чуть подальше, тоже под одной овчиной — Берен и Тхуринэйтель. Илльо предстояло лечь рядом с Эрвегом. Тот, как всегда, раскидался на всю постель.

Илльо нашел место, где сесть, снял сапоги и пояс, но, глядя на Берена, задержался.

Тот не спал. Тхуринэйтель спала, положив руку ему на грудь, а он — нет. Дыхание было как у бодрствующего, и веки дрожали.

— Берен? — тихо позвал полуэльф.

— Да...

— Что с тобой?

— Почти ничего... Уснуть не могу. Понимаешь, Болдог мне крепко наподдал...

— Ты сможешь завтра ехать верхом? — забеспокоился Илльо.

— Смогу, не волнуйся... А вот уснуть сегодня — не сразу, если ты мне не поможешь.

— Не понимаю.

— Ильвэ... Я лежу в обнимку с женщиной. У которой все на месте. И которая прижимается ко мне изо всех сил потому что холодно. Давай поменяемся. Ты ляжешь с ней, а я — с этим парнем. Надеюсь, никто ничего плохого про вас не подумает.

— Я согласен, — Илльо перебрался на его место. — Ткни Эрвега пальцем в бок и

скажи: «подвинься».

— Подвинься, — Берен последовал совету, и Эрвег подобрался. — Спасибо, Илльо.

— Не за что... Раз уж мы заговорили об этом... Не нужно притворяться, что между тобой и Тхуринэйтель ничего нет. Вас никто не осудит. В Аст-Ахэ смотрят на женщин, которые сами выбирают себе пару, немного иначе, чем у вас.

— Ах, вот как... — пробормотал Берен. — А на мужчин-клятвопреступников как у вас смотрят?

— Но ведь ты уже переступил через свою клятву.

— А, ну да... Так чего ты хочешь? Чтобы мы не стеснялись целоваться и тискаться на глазах у всех?

— Чтобы ты перестал вздрагивать при ее прикосновении так, словно тебя касается жаба. Не более того.

— Договорились. Спокойной ночи, Ильвэ.

* * *

Каргонд... На закате замок и вправду был пламенно-алым. Выстроенный из красного гранита над обрывом, четырехбашенный Каргонд бойницами смотрел на все четыре стороны света. А под холмом был перекресток двух дорог, по которым шло все передвижение в Дортонионе. Одна вела через Ущелье Ладроса, стиснутое отрогами Эмин -на-Тон и Эмин Гвайр, в сердце страны, равнину-чашу, а оттуда — к проходу Анах, отсекающую Эред Горгор от Криссаэгрим. Другая, та, по которой они приехали, поднималась Ступенями Ривилия в долину Хогг, пересекала Моркильский Лес и, свернув ненадолго к Каргонду, бежала почти прямо до масляных полей Друна, втискивалась между двумя пиками на востоке Горгората и дальше поднималась все выше и выше, петляя по долинам, до того самого перевала, где берет начало Арос, и откуда рукой подать до прохода Аглон. Неудивительно, что в ущелье под Каргондом вырос поселок ремесленных и торговых людей — именно здесь был самый большой в Дортонионе торг. Берен смутно помнил, что где-то видел торг намного больше и богаче, но таких смутных воспоминаний, бессвязных, как сны, в последнее время было много, и он привык их от себя отгонять.

Впрочем, торг захудал даже по сравнению с прошлыми годами. Приглядевшись, Берен увидел, что торгуют одни орки. Видимо, никто не желал везти товар туда, где любой мог отобрать его просто так. Или его уже отобрали те, кто продавал здесь...

Они поднялись по тропинке, обвивающей гору, по предъявленному Илльо ярлыку въехали в ворота, отдали лошадей слугам...

Берен поднялся по ступеням замка и переступил через порог.

Чужой, — сказала высокая резная дверь.

Чужой, — колыхнулся гобелен на стене. Чужой, — скрипнула лестница.

Берен вошел в каминный зал и остановился посередине.

— Эла! — кресло шаркнуло по полу, извергая огромную, оплывшую фигуру. — Кого я здесь вижу! Да не иначе как это сам светлейший князь Берен!

Влажный плащ тяжело спадал почти до земли, скрывая руки — видимо, Фрекарт был

убежден, что под плащом кандалы или путы.

— Заждались мы тебя, князь, заждались, — Кайрист слегка согнулся в шутовском поклоне. — Не прикажи казнить, прикажи говорить!

Двое бесшумно отделились от стен и встали по бокам у Фрекарта. Верзилы с мечами, в одинаковых дирголах — сине-желто-коричневые полосы Дэррамаров.

Правда, и без дирголов Берен узнал бы, что эти двое — Дэррамары, и приходится друг другу двоюродными братьями.

— Очень многие здесь жаждут поговорить с тобой, — словно поймав его мысли, сказал Фрекарт. — Например, двое моих охранителей. Ты их знаешь?

— Борвин и Дайрвег Дин-Дэррамары. Осужденные на смерть за убийство, грабеж и насилие над женщиной.

— Точно, князь, — Борвин ощерил прореженный ряд желтых зубов. — Твой же отец нас и осудил. И наше счастье, что одна добрая душа сумела передать в яму напильник... Так что разговор нам с тобой предстоит долгий...

— Фрекарт, — Берен под плащом положил руку на рукоять скаты. — Если эти горлорезы не уйдут от меня подальше, твоя рожа станет еще больше походить на задницу, потому что я развалю ее надвое.

Меч свистнул в воздухе, поймав отблеск свечей, и замер. Дэррамары отступили, Фрекарт переводил растерянный взгляд с Берена на Болдога.

— Я забыл тебе сказать, — орк откровенно веселился. — Он не пленник.

— Ах-х... Как?

— А вот так! Наш князек теперь в составе армии «Хэлгор», и вы с ним должны стать лучшими друзьями.

— Обидно, да? — Берен вложил меч в ножны, оттер плечом одного из Дэррамаров и прошагал по лестнице вверх, туда, где когда-то была его и братьев спальня.

...Захватив Каргонд, черные не разграбили его — видимо, здесь сразу же поселилась их верхушка. Берен не знал, чему был бы рад больше — войти, как сейчас, в ставший чужим дом или найти груды камней и обгоревших бревен. Так, попади Андис в плен, а не в могилу, он то ли радовался бы — пусть и в чужих грязных лапах, но она бы жила! — то ли желал бы ей смерти.

Он отстегнул меч и, поставив его у изголовья, лег на покрывала лицом вниз.

Легкое колебание воздуха, а не звук шагов, подсказало ему, что в комнату кто-то вошел. Берен не поднял лица.

— Ты сразу нашел мою спальню, — Тхуринэйтель села на другой край кровати. — Или это была твоя спальня?

Он не ответил.

— Хорошо. Мы будем жить и спать вместе. Ты еще не решил, что будешь делать здесь?

Он снова не ответил.

В дверь робко постучали.

— Войди, — Тхуринэйтель мгновенно устроилась рядом полулежа, поглаживая волосы Берена. Тот дернулся было — но замер.

Слуга переступил через порог, но в комнату входить не стал.

— Баня готова, — сказал он.

— Идем, милый, — ласково произнесла Тхуринэйтель. Берен не хотел оставаться в долгу, но как-то ничего не пришло в голову.

Он задержался в отхожем месте дольше, чем была в том надобность, хотя и знал, что морготова эльфийка его обязательно дождется. Небось не княжна Айад... Не хотелось идти туда сейчас, но и встречаться в бане с ребяташками из Аст-Ахэ тоже не хотелось. Он вздохнул и поплелся в баню.

Слуга ждал в предбаннике. Один из мальчиков Фрекарта. Дернулся было снять с нового господина сапоги, но Берен его оттолкнул, отрезав:

— Я еще не калека.

Паренек мялся, не зная, что делать дальше.

— Господин велел спросить... не нужно ли чего.

— Нужно, — сказал Берен, бросая рубашку в корзину. — Увидеть твою спину по ту сторону двери. И чтобы дверь за ней закрылась.

Это приказание слуга выполнил в точности — и, как показалось Берену, с облегчением.

Баня была натоплена жарко и сухо, светильники горели неярким пламенем, красным, как угли в очаге, и в этом свете тело Тхуринэитель казалось отлитым из бронзы. Пахло какими-то травами, и была в этом запахе сладкая тревога.

Полка, на которой она растянулась, по счастью, была не единственной. Но вторая находилась ровно под ней, ступенькой. Берен сел там, стараясь не смотреть на то, что очутилось прямо перед его носом и с таким знанием дела было выставлено напоказ: пару длинных стройных ног, крутые бедра, плоский, но не мускулистый живот, маленькие круглые груди. Он досадовал на себя за то, что сердце так колотится и радовался, что предусмотрительно обмотался полотенцем.

Где-то он был даже благодарен Болдогу за тот удар: в последние две ночи, едва искушение давало о себе знать, как кара следовала немедленно. Он сам не понимал, что с ним, почему при этой порченной эльфийке он чувствует себя как кобель по весне. Такого, чтобы он совершенно был холоден к женщине и умом и сердцем, но до одури желал ее телом — такого не было прежде. И не было этого жгучего чувства близкой гибели, стыда и мерзости, и упоения всем этим. Даже с Андис, которую он ввел в грех и с которой согрешил сам, даже с ней это все было куда чище, потому что их все-таки влекло друг к другу, а не к самому греху. Они и рады были бы сделать все так чтобы греха не было, чтобы не приходилось рисковать честью трех домов, Креганов, Броганов и Беорингов... К Тхуринэитель же его тянуло так, словно само падение было желанным.

— Еще полчаса нас никто не побеспокоит, — промурлыкала женщина. — Я слышала, как ты выставил мальчишку.

— Ну и что с того. Я грязный. От меня так разит конем, что оглядываются кобылы в стойлах. Я хочу помыться.

— Горячая вода вон там.

— Благодарю, — он ногой придвинул ведро и смешал горячую воду с холодной.

— Фрекарт боится тебя.

— Правильно делает, — Берен облился из ковша и обмакнул мочало в мыльную воду. — Если он не будет слишком часто попадаться мне на глаза, я забуду, что у него на два яйца больше чем надо.

— Давай я потру тебе спину.

— Обойдусь.

— Чего ты стыдишься? Следов бичевания? Я их видела. Или ты смущен тем, что я тебе нравлюсь?

— Ты? Мне? Да ты грезишь.

— И это тоже греза? — неуловимым движением она соскользнула на его лавку и, поддев пальцами полотенце, сбросила его на пол. — Ты слишком голый, чтобы притворяться равнодушным.

— Это не душа. Это по-другому называется. Сказать, как, или сама знаешь?

Женщина засмеялась, протянув руку. Берен перехватил ее запястье.

— Водички холодненькой? — спросил он. — Помогает.

— Зачем, — она приблизилась вплотную. От нее пахло травами — сладко и тревожно. — Ты ведь желаешь меня. Глупо это скрывать. Все равно все думают, что мы любовники. Так почему бы не стать ими? Тебя так беспокоит твоя верность Лютиэн? Но в ее глазах ты все равно будешь изменником. И потом, скажи, разве от нее убудет? Ее нет здесь, Берен. Есть ты и есть я. К чему кривить душой, я не люблю тебя и не нужна мне твоя любовь. Но мы можем подарить друг другу наслаждение, не причиняя никому вреда. Ты хорош собой, я тоже далеко не уродина. Может быть, лицом Лютиэн меня прекраснее, но телом я ей не уступлю и не буду так холодна, как она. Я ведь знаю много такого, что ей и в голову не придет. Почему ты отводишь глаза? Скажи, что такое есть у нее, чего у меня нет?

— Сердце, — ответил Берен. Ее объятья был крепкими, но он еще был весь в мыле, и высвободился легко. Ведро холодной воды само попало под ноги, ледяное крошево, плавающее на поверхности, еще не успело растаять. Студеный поток обжег его кожу, Берен задохнулся от холода. Действительно помогло.

А ведь еще минута — и он бы сдался. Один Моргот знает, что было в этой женщине, но сопротивляться ей удавалось с огромным трудом.

Он взял сухое полотенце и принялся вытираться.

— Дурак, и упрямый к тому же! — Тхуринэйтль, вскочив с лавки, топнула ногой. Сейчас она была изумительно хороша, но что-то словно подтачивало эту красоту изнутри. Казалось, еще миг — и ее личико исказится безобразно.

Да никакая она не эльфийка, — вдруг понял Берен. Где мои глаза были?

— Каукарэльдэ, — вырвалось у него, и как зверь своим криком выдает охотнику, что он ранен, так Тхуринэйтль коротким сильным вдохом выдала свое поражение.

— В чей труп ты влезла? — Берена передернуло, но с омерзением смешивалась темная радость: он чувствовал, что чары рассеялись и он свободен от своего вождения. Да разве можно ощущать страсть к мертвецу, оживленному темным колдовством? На миг Берену показалось, что он видит высохшие, проваленные глазницы, восковую мертвую кожу и пятна разложения... Когда она заговорила, и это наваждение сгнуло.

— А хотя бы и так, — прошептала она, а потом заговорила громче: — Ты что, еще не понял, что ты — слуга Гортхауэра, а я — надсмотрщик над тобой? Ты забыл, что твой король в моей власти? Если я скажу Ортхэннеру, что ты строишь планы побега, ты получишь правую руку Финрода в корзине. Ты этого хочешь?

— Я все помню, сука. Знай: если кого-то из эльфов искалечат по твоему навету, я в этой самой бане посажу тебя на раскаленную каменку — может, хоть это уймет твой жар. А если мне по самое не могу приспичит посадить кого-то на свой колышек, то чем лечь с тобой, ведьма, я лучше найду козу.

— Не сомневаюсь, — прошипела Тхуринэйтль. — Что ты знаешь о чем говоришь. Я много интересного слышала о вас, горцах. Надо думать, ты именно в такой способ утолял свое желание, когда таскался по горам и лесам. Ты, твой отец, твои братья... Или вы

забавлялись друг с другом? Или...

Берен поднял второе ведро холодной воды и вылил его женщине на голову. Следующее предположение захлебнулось.

— Думай что болтаешь, — сказал он, выходя. — Я не всегда такой спокойный.

Не успел он закрыть дверь и взяться за чистые штаны, как в предбанник вошли Эрвег, Илльо и Этиль.

— О, ты уже здесь, — улыбнулся полуэльф. — Какой жар?

— Как для меня — так чересчур. Два ведра холодной воды извел.

— Как раз то, что я люблю, — Этиль, не смущаясь, принялась раздеваться. Рыцари Аст-Ахэ относились к своей и чужой нагоде спокойно, как эльфы. — Ой, как же хорошо наконец согреться и вымыться. Берен, а ты весь красный!

От жара ли, от ледяной ли воды или еще от чего — но кровь действительно прилила к коже. Поэтому предательский румянец не выдал смущения. Берен спокойно завязал тесемку на штанах и натянул длинную, ниже колен, рубашку.

Дверь открылась и из бани, томно потягиваясь, вышла такая же покрасневшаяся Тхуринэйтель. Она разыграла все мастерски: и неловкость при виде друзей, и якобы украдкой брошенный на Берена стыдливый взгляд, и легкую истому, свойственную женщинам после любовного соединения, и повернула все так, что даже его спокойствие стало выглядеть напускным и нарочитым. Все трое — «братья» и «сестра» — обменялись взглядами, говорящими: «все ясно». Берен скрипнул зубами: наедине он мог что-то выигрывать, но при зрителях Тхуринэйтель неизменно брала верх.

— Где мое платье? — спросила она, растираясь полотенцем. — Я скажу слугам, чтобы подбавили огня.

— Не нужно, — Эрвег исчез за дверью. — Эге, а вот холодная вода будет совсем не лишней! Берен, когда оденешься — свистни там кого-нибудь.

— Хорошо, — пробормотал горец. Он как раз сломал зубец у гребня, расчесывая спутанные волосы.

— Дай я, — Тхуринэйтель, уже в нижнем платье, взяла гребень у него из рук. Он на миг-другой прикрыл глаза. Этиль, входя в баню последней, конечно, истолковала это по-своему.

Движения руки, расчесывающей ему волосы, были осторожны и почти нежны.

— Ты не такая уж страшная, если не знать, кто ты, — сказал Берен вполголоса, когда дверь за целительницей закрылась. — Покрути своим задком тут, в Каргонде, — может, и найдешь того, кто захочет с тобой спать. Фрекарт же находит.

— Я не забуду, — промурлыкала Тхуринэйтель, заплетая его волосы в косу. — И ты проклянешь тот день, когда я тебе напомню.

* * *

— Ой-йо... Бедная моя старая задница, — Болдог вытянулся на лежанке, поставив на живот кружку подогретого эля. — Что ни год, то все хуже она переносит верховые прогулки. Фрекарт, вели своему мальчишке подать мне ветчины с хлебом. У Повелителя изысканно

готовят дичину, а я соскучился по обычной свиной ляжке...

— Какие новости у Повелителя? -торопливо спросил Мар-Фрекарт. Слишком торопливо.

Орк сверкнул в его сторону желтым глазом.

— Новости? Погоди, Фрекарт, дай насладиться покоем... Мр-рак, я уж совсем было забыл, когда в последний раз вытирал нос соплякам из Аст-Ахэ... Спасибо Повелителю — напомнил...

— Что они делают здесь?

— Как что? Ты забыл, Кайрист — мы вроде как готовимся наступать! Вроде как армию тут собираем. Или при виде Беоринга из тебя со страху вышли дерьмом последние мозги? Как Берен на порог — так ты живо вспомнил, зачем тебе дырка в заднице, да?

— При чем тут... — пробормотал Кайрист. — С чего бы это мне бояться... Я не убивал его отца.

— Кроннаган тоже не убивал Барахира — это ему помогло? Его нашли повешенным в отхожем месте собственного замка. Наверяд ли Беоринг покончит с таким манером — мало какой ремень и мало какая потолочная балка тебя выдержат. Но это ничего, он парень в таких делах на редкость головатый.

— Зачем? — Фрекарт принялся ходить по комнате от окна к окну. — Он же теперь за нас... Он теперь с нами, верно?

— Нет, дружок, твой отец точно ошибся дверцей, когда делал тебя. Оттого у тебя в голове дерьмо, не считая прочих склонностей. Подумай сам, зачем Повелитель хотел его живым? Зачем отпустил живым, когда получил? Подумал?

Кайрист отвернулся от окна.

— Да! — сказал он. — Но... Этого же быть не может! Он же — враг...

— Уже нет, — Болдог сел на лежанке и поставил пиво на стол. — Он принес присягу... Как и ты в свое время... За верную службу ему обещано не что-нибудь, а Сильмарилл... Он — законный князь Дортониона, чуешь? А вот ты Фрекарт, теперь становишься как бы и ни к чему.

— Что же мне делать, — вырвалось у наместника.

— Фрекарт, — ласково прищурился орк, — с какой это радости я буду советовать тебе что делать? У тебя была возможность перерезать ему глотку. Ты ею не воспользовался. Прогадил ее.

— Нет! — от ярости толстяк весь пошел волнами. — Это твои орки обгадили все дело! Ваша проклятая жадность и жестокость — из-за них он сумел сбежать тогда, в Сарнадуине.

— Ладно тебе! — рыкнул Болдог. — Оба мы обделались. Но вот со мной немножко получше чем с тобой. Потому что Волчьи отряды нужны будут и в весеннем походе, и после него. А вот ты, после того как Беоринг возьмет на себя все дела, очень быстро станешь пришей к жопе рукав. Поэтому думай сам, как будешь выпутываться.

— Ты... не поможешь? Я заплачу!

— Не-ет, — засмеялся Болдог. — Поверь, за удовольствие убить Беоринга я еще и сам бы приплатил. Но я не могу его убить. Случись с ним что, подозрение в первую голову ляжет на меня, и Повелитель этого мне не спустит. А я не спущу тебе. Понял?

— А если он погибнет... случайно?

— А эта стерва Тхуринэйтль — тоже случайно? Она не отлипает от него ни на минуту, разве что ему требуется отлить. Если и она погибнет «случайно», Повелитель с меня

«случайно» сплупит шкуру. Оставь эти мысли.

— Но что же мне остается? — пискнул Кайрист. Болдог поглядел на него с выражением, похожим на брезгливую жалость.

— Подсказываю, — прошептал он. — Повелитель очень плохо посмотрит на него, если он попытается бежать.

— Бежать?

— Да. Если он сбежит, причем Тхуринэйтль это засвидетельствует. А мы устроим на него облаву, и во время этой облавы — с ним ведь всякое может случиться?

— Болдог, — улыбнулся Кайрист. — Балорх... Слов нет, как я тебе благодарен...

— Засунь себе свою благодарность сам знаешь куда, — усмехнулся орк.

— Но как же... подбить его на побег...?

— Это уже без меня. Мне все равно, когда и как ему свернут шею. Я всяко до него доберусь, а вот ты будешь уже спать в холодной и жесткой постельке. Поэтому занимайся им сам. Спасибо за пиво. Вели своим босякам не класть в другой раз столько перца.

* * *

Илльо проснулся раньше чем собирался — его растормошил Берен. Горец был в одежде охотника, в подбитом мехом кафтане, черном башлыке, которые горцы носили вместо шапок, в дирголе своих цветов и при оружии.

— Ты едешь или нет? — спросил он.

Илльо поднялся не без труда.

— К чему такая спешка?

— Ты хочешь узнать, как на самом деле обстоят дела? Тогда поехали сейчас.

— Я назначил поездку на послезавтра...

— Ага. И об этом уже все знают. Вставай, одевайся — кони заседланы и ждут.

Илльо оделся, по настоянию Берена, не в одежду рыцаря Аст-Ахэ, а в платье обычного северянина, спрятав свой знак айкьет'таэро и полученный от Гортхауэра браслет под одеждой.

Первым делом они поехали на север, к Бар-эн-Эмин, где была одна из главнейших сборных точек. Во всяком случае, Илльо надеялся, что там стоит орудийный раэганон, и орудия собираются вовсю.

— Командовать им назначен некто Финвег Мар-Мэрдиган, — сказал Илльо. — Ты знаешь его, Берен?

— Если это тот самый Финвег Мар-Мэрдиган, которого я знал как Финвега Фин-Мэрдигана, то да.

— И что ты можешь о нем сказать?

Берен пожал плечами.

— Если в хэло, то он хорош в обороне — для нападения ноги коротковаты, и дыхание тоже. Если на поясах, то меня он валял — ловкости и силы хватало. Птицу был плохо, на медведя ходил два раза, охотился на волков...

— Илльо имел в виду не юношеские забавы, — Тхуринэйтль перебила Берена так

бесцеремонно, что даже айкьет'таэро стало неловко.

— А если он говорит о настоящем деле — то в настоящем деле я его и не видел. В последний раз мы встречались при Кэллагане... — Берен вдруг нахмурился, потер лоб, словно у него кружилась голова.

— При Кэллагане, — повторил он наконец уверенно. — Но меня тогда один ретивый стрелок приколол стрелой к седлу. Скверная была рана, я после нее долго валялся... А Финвег думали, погиб, оказалось, попал в плен... Переметнулся к вам... Когда я бегал по здешним лесам, хотел его поймать, свернуть ему шею. Хотя против него самого за душой ничего не имел.

— Что он за человек, если не говорить о его боевых качествах? Умен ли, смел ли, добр?

— Ильвэ, о чем ты спрашиваешь? За десять лет и камень мхом обрастает. Мэрдиган был добрым, великодушным и не особенно умным. Каким его сделали ваши рудники — один Моргот знает...

— Берен, я прошу тебя не употреблять этого слова в моем присутствии, — сухо сказал Илльо. — Если тебе доставляет удовольствие причинять мне боль, ты, конечно, не прекратишь называть Учителя оскорбительным именем, данным ему эльфами, но я хочу тебя предупредить, что я — не Болдог и не девочка вроде Даэйрэт. Ты не подобьешь меня на драку и не заставишь расплакаться.

Он не глядел на Берена, говоря эту отповедь, но на смех горца с изумлением обернулся.

— Так ты думаешь, я называю Моргота Морготом только чтобы достать тебе до печенок?

— Не знаю, что и думать. Поначалу я думал, что ты говоришь это просто по привычке. Но тебе несколько раз намекнули, что эта привычка оскорбляет окружающих — неужели ты так ничего и не понял? Остается только считать эти оскорбления умышленными.

— Ильвэ, — процедил Берен. — А тебе не приходило в голову, что я и в самом деле могу считать вашего Учителя тем, кем я его и называю — Черным Врагом? От всего сердца?

— Если твое мнение противоречит мнению окружающих, лучше держать его при себе.

Они ехали на запад, и по сторонам дороги тянулся мрачный ельник. Небо было не ясным и не пасмурным, а словно бы в дымке — прозрачные облачка заволокли его от вершин Криссаэгрим до вершин Гвайр. Любая дорога в Дортонионе была дорогой вверх или вниз, и сейчас она шла вниз. Дортонионский тракт пролегал ровно по дну долины, и им предстояло его пересечь.

— Но как же, — не выдержал Илльо, — ты можешь служить Учителю, считая его своим врагом?

На лицо горца легла тень.

— Он купил меня, — глухо сказал Берен. — Я обязан подчиняться и служить, телом и разумом. Но души я не продавал, и любить его я не обязан.

Тхуринэитель, все время державшаяся чуть позади, хохотнула. Илльо тоже улыбнулся. Их было несколько таких — кого судьба забросила на ту сторону разделившей эдайн и северян стены. Все они начинали одинаково: ваш Учитель — черный Враг, убийца и негодяй. И заканчивали тоже одинаково: встретившись с Учителем лицом к лицу, они рано или поздно начинали его любить.

Они не торопились, и к Бар-эн-Эмин добрались только к вечеру. Дорогой встретили небольшой отряд орков, женщин, мывших в ручье одежду, обоз с фуражом и стадо, что гнали три десятка безоружных молодых мужчин, почти мальчишек, под конвоем орков. И, уже

въезжая в ограду одного из лагерей, окружавших Бар-эн-Эмин, увидели виселицу с двумя трупами, а под ней — козлы с привязанным к ним, избитым в кровь человеком.

Он был рыжим и, как большинство рыжих, белокожим, поэтому рубцы и потеки крови пламенели так, словно были нарисованы киноварью. Он дрожал от боли и холода, свесив голову на грудь.

Краем глаза Илльо увидел, что Берен закусил губы. Орк из Волчьего отряда даже не покосился в их сторону — в них не узнали рыцарей Аст-Ахэ.

Беспрепятственно они проехали по всему лагерю, и Илльо мысленно сделал первую пометку. Потом он сделал еще несколько: при виде безобразной свалки перед орочьим кошем, покосившейся изгороди, явно подвыпившего полуорка... Лишь когда он спешился, чтобы войти в палатку начальника, айкьет'таэро этого знамени, двое людей скрестили перед ним копья.

Илльо показал свой ярлык (53), и его пропустили. Командир, северянин, судя по виду — с примесью восточной крови, обедал. Рядом с ним за столом сидел орк — десятник, командующий здешним звеном Волчьего Отряда.

— Кто такие? — резко начал человек, но при видя ярлыка подобрался, вскочил и отодвинул блюдо в сторону, одновременно приглашая, отведать что послали боги. Айкьет'таэро Аст-Ахэ стоял на ступень выше айкьет'таэро коронных войск.

— Благодарю, мы сыты, — хотя это было неправдой, Илльо намеревался поужинать только в Бар-эн-Эмин. — Ты командуешь этим знаменем?

— Истинно так. Мое имя — Улад, сын Лейва. По высокому промыслу Учителя и приказу Гортхауэра собрал знамя из дортонионских добровольцев...

— Что ж они у тебя бегут, добровольцы-то? — глухо спросил Берен. — Кормишь плохо?

— Это быдло как ни корми, а оно все будет в свои норы удирать, — проворчал орк.

— Тебя спрашивали? — снизив голос до полупшепота, Берен приблизился к нему. Орк выбрался из-за стола.

— Ты, я смотрю, той же породы, — сказал он. — Что, и тебя поучить уму-разуму?

Орк взялся за плеть, и Берен позволил ему даже развернуть и занести ее — прежде чем молнией вылетела из-под плаща ската. Первым же ударом Берен отсек орку руку, а потом нанес еще несколько ударов, сопровождая каждый выкриком:

— Никогда! Больше! Не смей! О нас! Так! Говорить!

Орк не ожидал удара с левой руки, он вообще не думал, что Берен вооружен, так как диргол полностью скрывал ножны. Умер он быстро, ибо каждый из нанесенных Береном ударов был смертелен сам по себе. Земляной пол впитывал кровь, но ее было слишком много — и ручеек потек под ноги Илльо и Тхуринэитель. Те отстранились брезгливо. Стены палатки тоже были забрызганы, как и лицо, и плащ Берена.

Он расстегнул пряжку у пояса и снял изгаженный диргол. Вытер им лицо, вытер скату, вложил ее в ножны, а плащ швырнул на мертвое тело. Потом перешагнул через скамью, пододвинул к себе миску с ложкой, хватил ячменной каши и кислой капусты, после чего сказал:

— Продолжаем беседу. Ну так отчего бегут твои добровольцы? Это же беглых ты развесил возле ворот?

— Ты... Ты... — северянин переводил взгляд с него на его диргол, валяющийся на полу. Двое стражей, вбежав в двери, топтались, не зная, что делать.

— Я, я, — улыбнулся Берен. — Истинно так, это я. В дирголе своих цветов, не

скрываясь проехал в твой лагерь. Только что на лбу не написал «Берен Беоринг». И тебя разделал бы как зайца, и ушел бы, и вы бы еще долго искали в ущельях ветра. Господин из Аст-Ахэ уже полюбовался на твои порядки. Если он только пальцем сейчас кивнет — отправишься следом за этим орком.

— Вы двое, — сказал Илльо стражникам. — Привести сюда коморника, и быстро. Потом — всех командиров, от десятников и выше.

Едва те вышли из палатки, как послышался топот — вбежали орки.

— Вовремя, — Илльо показал ярлык. — Заберите эту пададь и унесите из лагеря. Командный знак — мне.

Орки поняли, что возмездия не получится и унесли зарубленного командира.

— Господин, — севшим голосом спросил северянин. — Как так вышло, что он...

— Гортхауэр, Повелитель воинов, взял его на службу, и хватит об этом.

Первым явился коморник, и Илльо поначалу велел показать все прибыточные записи, потом все расходные, потом отчитаться в них, а уж на после он отложил осмотр кладовых. Начали по одному стягиваться командиры.

— Все здесь? — спросил Илльо.

— Все, кроме одного.

— А где он?

— Под виселицей, — мрачно ответил кто-то.

— Отвязать и привести сюда, — скомандовал Илльо. — Если его вина велика, наказание мы потом возобновим.

Рыжий оказался ранкаром стрелков. На ногах он держался нетвердо, но все-таки держался, и сесть ему Илльо не позволил.

— Сейчас, — сказал он, — вы соберете свои отряды при полном оружии и доспехе. Я желаю знать, как скоро это будет сделано. Идите.

Когда все разбежались, Илльо взял коморника чуть ли не за шиворот и поволок его осматривать погреб с запасами. Айкьет'таэро, Берен и Тхуринэйтель пошли следом.

Илльо обнаружил большую недостачу в солонине, прель в сухарях и горохе и гниль в соленой рыбе. Капусты, меда и яблоч, предписанных в прибыточной записи, не было вовсе. Коморник плакался, что в записях это есть, а на деле не привезли. Илльо спросил, отчего он не жаловался по начальству, и услышал в ответ, что некому жаловаться, поскольку как раз начальство-то все и разворовало. Илльо взял коморника за бороду и несколько раз ткнул лицом в прелый горох, а потом запер в погребе и пошел на поле, где построили солдат. Дорогой, проходя мимо котлов, где варилась солдатская еда, он сунул нос в один из них и тут же зажал его. Берен, понюхав в свою очередь, сказал, что если уж тут взялись варить с кашей онучи, то надобно брать не прошлогодние, а третьего года: прошлогодние недостаточно сальны. Кухарь пожал плечами — видно, что-то в этом духе ему говорили по семь раз на дню.

Построенное знамя выглядело лучше, чем Илльо ожидал. Вот только доспехи были не у всех.

— Не привезли сколько надобно, — ответил командир на вопрос лорда-наместника. Илльо даже не стал спрашивать, отчего он не жаловался по начальству — зато еще один вопрос добавился к списку тех, которые он собирался задать в Бар-эн-Эмин.

— Сколько времени они уже здесь? — спросил он вместо этого.

— Без малого шестьдесят дней.

Встав сбоку от строя, Илльо скомандовал:

— Перед вами враг, наступающий конной лавой. Пятистрельный залп и «изгородь».

В строю началась суета. Как обычно у новичков, копейщики замешкались со щитами и копьями, как обычно, самострелы передавали вразнобой, и вместо пяти страшных волн каленого железа вышла беспорядочная стрельба, длившаяся минуты полторы. За это время воображаемые конники уже смяли и раскрошили копытами весь строй, и лишь когда это произошло, не подозревающие о своей смерти копейщики встали и выставили «изгородь», направив упертые тупым концом в землю копья вперед и вверх и подперев их ногами.

Лишь на левом фланге все сумели сделать вовремя, и то не весь полк, а только один ранк.

— Кто командир? — спросил Илльо.

Командиром оказался тот самый, поротый рыжий. Он подковылял на призыв, опираясь на копьё. Кожаный доспех на нем был надет как попало, нигде не застегнут — и даже так причинял сильную боль.

— Как тебя зовут? — спросил Илльо.

— Анардил Фин-Риан, господин.

— За что ты был наказан?

Стрелок опустил глаза.

— Он взывал к демонам, — ответил за него иэро-кано.

— К демонам? — не понял Илльо.

— Я призывал Валар, — признался Фин-Риан.

— Зачем?

— Так сразу и не скажешь... Когда я хочу получше прицелиться, я всегда их призываю... Манвэ, Оромэ и Тулкаса...

— Демонов-убийц, — сплюнул Улад.

— И как, действует? — с неподдельным интересом спросил Илльо.

— Нет... уже, — рыжий опустил голову.

— Ну и дурак же ты, фэрри, — фыркнул Берен. — Зачем тебе получше целиться, ты же будешь стрелять в плотный строй.

— Может, и дурак, — Фин-Риан снова склонил голову. Как бы не потерял сознание, подумал Илльо.

— Возвращайся в свою палатку, ложись и отдыхай, — приказал он, а сам распустил строй, объяснив им, что они после конной атаки мертвы как поленья, и вместе с командирами отправился к палатке.

Итак, лучшего из командиров этого знамени избили едва не до полусмерти, потому что он по привычке призывал Валар. А меж тем в лагерь мог попасть любой встречный-поперечный, кашу варили с гнильцой и к настоящему бою знамя готово не было, хотя прошло две трети срока, отведенного для обучения, и через месяц следовало распускать солдат на зиму по домам. Илльо уже знал, что будет делать.

Остальных командиров он выстирал с песочком. Выбрал сотника, под командой которого служил Фин-Риан и назначил его командиром. Фин-Риана же определил в сотники. Коморнику отдал в подчинение четырех солдат и велел перетрясти все запасы, выбрав и выбросив гнилое. Пообещал, что если во время следующей проверки унюхает онучи в каше — сованием в гнилой горох дело не ограничится. Привязал айкъет'таэро к стремени и пошел так в Бар-эн-Эмин. Там, догадывался он, будет еще больше работы.

Когда они отъехали от лагеря, Берен поднял голову.

— Они узнали меня, — тихо сказал он.

— Да, — Илльо был холоден. У него все не шел из головы раскромсанный, как туша, орк.

— Ты за этим меня и взял с собой. Меня узнали здесь, потом — в Бар-эн-Эмин... Ты будешь таскать меня и по другим лагерям... Потом эти люди на зиму вернутся по домам, и расскажут обо мне всем... Вот стыд...

— Ты мог умереть, — пожал плечами Илльо. — Ты мог честно избрать смерть. Не жалуйся.

— Верно, — согласился Берен.

Он не оправдывается, — улыбнулся про себя Илльо. — Он действительно хорош.

* * *

Трижды сменилась седмица, пока они объехали все лагеря. Где-то было больше порядка, где-то меньше, но идеально устроенного войска — такого, каким было войско рыцарей Аст-Ахэ — Илльо так и не видел. Возможно, этот идеал был недостижим в армии, набранной из полурабов, за которыми надзирали орки и волки. Не виданных ранее где-либо размеров в этой армии достигало воровство. В половине лагерей пришлось повесить коморника, и в одном месте ему сказали, что это уже четвертый коморник, повешенный за три месяца. У Илльо накопилось много вопросов к верховному подскарбию армии Хэлгор и к правителю Мар-Фрекарту. Единственный выход, который он видел — это расставить на все места коморников рыцарей Аст-Ахэ. Можно даже женщин — важно, чтобы солдаты и командиры вовремя ели, вести войска в бой от коморника не требуется.

Через две недели по их возвращении в Каргонд пришла зима — настоящая зима, очень прохладная на те зимы, что Илльо видел дома. По эту сторону Гор Ночи такие зимы были разве что здесь, в Сосновом Краю. Ниже — снег идет редко и скоро подтаивает, покрывая землю хрустящей сероватой коркой, а бывает — вместо снега идет дождь, и тут же замерзает, превращая и без того неважные дороги и вовсе в песок во что... Наверное, дальше, где лежат земли эльфийских королевств, и вовсе не бывает настоящих зим — пять месяцев тянется унылая серая осень...

Здесь, в Дортонионе, снег просыпался щедро: облака, задержанные стеной Эред Горгор, вытряхнули весь свой груз над Сосновыми Горами — и расточились, открывая бессонным глазам зрелище зимнего неба во всей его красе.

Утром Илльо посмотрел в окно — и увидел, что уже зима.

Он не смог отказать себе в удовольствии немного поездить верхом — сейчас, пока пушистый, девственно-белый снег еще не испятнан грязью, помоями, конским навозом и мочой, не выветрился и не сбился плотно. По утрам, когда морозный воздух бодрит и пьянит — хорошо думается.

Пока он одевался, отроки оседлали вороного. Илльо, забежав на кухню, прихватил ломоть хлеба с сыром и спустился в подвал, чтобы наполнить флягу вином — благо, коморник вставал раньше всех. Подбитый мехом плащ, стеганые куртка и штаны, перчатки...

Шапок он не любил и завел себе, по примеру Берена, башлык... Вороной, взнузданный и оседланный, похоже, не очень-то рад поездке... Илльо вскочил в седло и тронул коня: вперед!

Отъехав от замка на четверть лиги, поднявшись на склон соседней горы, Илльо залюбовался Каргондом в лучах встающего солнца — ржаво-красный на белом, замок походил на диковинного алого зверя, прикорнувшего на снежном склоне. Право же, удивительное сходство: надвратная башня — голова, две малых башни — плечи, стены первого круга — лапы, стены второго круга — хребет... И вдруг Илльо понял, что сходство не случайно, что именно его эльфы, строившие замок, и добивались. Зверь на вершине горы... Страж, недремный хранитель... Полуэльфу стало неудобно.

Он снова тронул коня — и поехал вниз, любуясь зимним лесом, но думая о своем. О тех письмах, что он составит и отошлет сегодня — Учителю и Гортхауэру.

"Да будет Тебе известно, Учитель, что я нахожусь в Сосновом Краю уже пятую неделю и совершенно составил себе представление о здешних делах. Очень много мне в том помог Велль, на замену которому я прибыл, немалой была также помощь Солля, писмоводителя дхол-лэртэ. Именно он, опытный не по своим летам, подсказал мне, где искать огрехи и ошибки в первую очередь.

По сведениям за последние два года, население Соснового Края составляет около сорока пяти тысяч человек. Исходя из этого, Повелитель рассчитывал набрать здесь около восьми тысяч воинов. Увы, его расчеты не оправдались: молодых и здоровых мужчин, достаточно надежных для поступления в войско, здесь найдется едва ли две трети от требуемого числа. Не хочу говорить плохих слов о Болдоге и его отрядах, но нехваткой пополнения мы обязаны и ему тоже.

Дабы набрать потребное число воинов, следует не только полностью использовать трудоспособное мужское население, но и освободить большое количество коронных трэлей, занятых на оловянных и медных рудниках к востоку от Каргонда. К слову, узнав об их числе, я нашел его неоправданно большим. Правитель Фрекарт, который является старшим над этими рудниками, похоже, рассматривает их как свою собственность, а не принадлежность Короны, и стремится выжать из них больше, чем требуется Короне, в ущерб настоящим интересам Севера — созданию боеспособной армии. Я полагаю, большую часть трэлей на этих рудниках и медных плавильнях вполне можно заменить лошадьми и эльфами, и даже если работы останутся на зиму и часть весны — ничего страшного не произойдет. Ибо все, что нам сейчас нужно — победа для достижения дальнейшего мира.

Тебе, Учитель, наверняка уже известно о той победе, которую одержал Гортхауэр — незаметной, но решающей победе. Поначалу я сомневался в правильности его решения, но чем больше я приглядываюсь к действиям князя Берена, тем яснее вижу, что Гортхауэр был прав, стремясь обрести его для нашего войска. Помощь такого человека действительно неоценима. Это он обратил мое внимание на истинное число трэлей в рудниках Фрекарта и на то, что Кайрист продолжал продавать женщин на восток уже после того, как на это был наложен Твой строжайший запрет. Я подозреваю, а Берен говорит открыто, что тут не обошлось без пособничества Болдога, но в отсутствие доказательств я ничего утверждать не могу. Когда верность лорда Берена Твоей короне станет несомненной, я буду просить Тебя о подтверждении его прав на дортонионское владение. И если Ты утвердишь его в правах, Кайрист будет отстранен от дел и отдан под следствие незамедлительно. Если подозрения в отношении его справедливы, то он — еще худший твой враг, нежели Берен в бытность свою

лесным воином, худший, нежели отец его Барохир. Ибо они враждовали с нами открыто и доблестно, а подобные Фрекарту подтачивают нас тайно и бесчестно, и подлежат беспощадному уничтожению.

Берен и Эрвег последнее время были заняты устройством военного лагеря в Бар-эн-Эмин. Впереди у них — еще лагерь в замке Хардинг, сбор войска и боевое обучение. Оба они уже показали себя людьми знающими и умелыми, но меня не оставляют смутные подозрения: а что, если Берен все-таки готовит таким способом мятеж? Собрать армию нашими же руками и поднять ее против нас — именно так я поступил бы на его месте. Его любовь к эльфийской принцессе так же велика, как и его верность своему королю, и страх за жизнь оного, но беспокойство меня не оставляет. Сложность в том, что нельзя вбивать клин между ним, его армией и его народом — Гортхауэр прав, пока не сменилось поколение, исповедующее беор, нужно его использовать. Как мне было бы спокойно, если бы Берен обратился во Тьму с чистым сердцем... В ближайшее время я попытаюсь заговорить с ним об этом — пусть Твой дух пребудет со мной, Учитель, пусть Твое слово сумеет зажечь его душу..."

— Эла! — крикнул кто-то вдалеке. Илльо посмотрел через полонину и увидел Берена, махавшего рукой с седла своей лошади. Тхуринэйтель была с ним — следовала за ним везде, неотступно.

Их разделяло огромное расстояние, но стены полонины многократно усиливали крик. Илльо ответил Берену:

— Эгей!

Какая-то озорная радость наполнила его, и он показал рукой вниз — мол, встретимся там. Берен помахал в знак того, что понял его жест и направил своего коня вниз.

Они встретились на дне полонины, где начинался густой лесок сплошь из молодых сосенок. Старые, сказал Берен, вырубил на постройку.

Снег так обильно навалился на лесочек, что ветви стонали под его тяжестью, а ветра освободить их не было.

Они поехали шагом сквозь этот соснячок — Берен знал тропинку.

— Я как раз мысленно составлял послание Учителю, — сказал Полуэльф.

— Валар в помощь, — бросил Берен, но тут же засмеялся нелепости сказанного. Засмеялся и Илльо.

— Меня пороть не велишь? — ухмыльнулся горец. Происшествие почти месячной давности выцвело у Илльо в памяти и он не сразу понял, на что тот намекает.

— Это привычка, которая исчезнет сама собой, — сказал он. — Ты заметил, что и «Моргот» выскакивает из тебя реже?

— Нет.

— Я хотел тебя спросить в связи с этим посланием: почему ты возразил против того, что я предложил на свете армии и управления? Против облегчения податей и повинностей? Я думал, ты первый поддержишь меня — это же твой народ... Ты обещал объяснить мне наедине — вот, мы одни.

— Дело в чем, — Берен остановил коня. — Посмотри на эту ветку. Снег пригнул ее почти к самой земле, и все же не сломал. Если стряхнуть немного снега... — Берен ладонью сбил часть белой шапочки — и она рассыпалась пылью. Равновесие между тяжестью снега и упругостью ветки нарушилось — и она выпрямилась, сбрасывая с себя весь остальной снег. Падая, он приводил в движение тот снег, что был на нижних ветках, те тоже встряхивались и

освобождались, от их движений приходило в дрожь все деревце, рассыпая кругом алмазную холодную пыль — и вот уже сосенка стоит свободная и зеленая, в еще курящемся слегка искристом вихре.

— А если хоть немного усилить гнет, — Берен коснулся другого деревца, слегка пригнул одну из веток ниже — и снег соскользнул с нее, а сама она вырвалась у князя из руки. И через несколько мгновений еще одно деревце вскинуло ветви, освободившись от снега.

— Урок наглядный и красивый, — улыбнулся Илльо. — Так ты считаешь, что ни облегчать, ни усиливать повинности нельзя?

— Сейчас — столько, сколько нужно, — кивнул Берен. — Эй, Илльо, хочешь устроить скачки, нет?

— По незнакомой тропинке? В снегу, в лесу, на горе? — изумился Илльо.

— Никак трусишь, рыцарь? Хэй! — Берен ударил свою лошадь пятками.

Илльо и сам не помнил толком, что в нем приняло этот вызов — но через какое-то мгновение он обнаружил себя несущимся в головоломной скачке рядом с горцем и орущим во всю глотку так же, как он, и телом и душой упоенно предаваясь морозному воздуху, снегу и еле уловимому запаху хвойного леса. На скаку они задевали ветви сосен и те распрямлялись пружинами, взметывая в воздух целые лавины снега. Их путь можно было бы проследить издалека по белому облаку, вздымавшемуся за их спиной, и время пролетело быстрее, чем один миг.

— Ох, и славно, — Берен переводил дыхание, а конь его танцевал передними ногами. — Знаешь, когда мне было восемнадцать и я был сорвиголова, я любил здесь скакать зимой... И со мной скакали Хардинг и Мэрдиган...

Лицо его омрачилось.

— Ах, Полуэльф, я вдруг почувствовал себя как человек, к которому в дом вошел его друг, давно погибший... Человек поначалу радуется от всего сердца нежданному чуду, хочет обнять потерянного товарища, но обнаруживает призрак или того хуже — мертвеца, вызванного к жизни темным колдовством...

С этими его словами из леса выехала Тхуринэйтель.

— Юность моя мертва, Илльо, — со вздохом закончил Берен.

— Все мы взрослеем, — Илльо не совсем понимал, что Берен имеет в виду. — Возвращаемся?

— Нет, — горец покачал головой. — Я хочу еще поездить.

— Ты недостаточно наездился за минувшие недели?

— Когда я ездил, была осень... А теперь — зима. Я давно не ездил по родной земле так, чтобы не приходилось ни от кого скрываться... Вернусь вечером.

Илльо кивнул и хлопнул коня по шее, приказывая трогаться.

Берен действительно вернулся вечером, причем затемно. С его возвращением был небольшой переполох, который, кроме всего прочего, заставил Илльо еще раз подивиться — как ловко Берен отыскивает приключения себе на седалище...

Что самое удивительное — въезжая в долину Улма, он не испытывал ничего, предвещающего неприятности. Видно, Феантури совсем отвернулись, если ничем не предупредили об одном из самых черных дней его жизни.

...Их до времени скрывал холм, и когда Берен и Тхуринэитель свернули за поворот, они столкнулись чуть ли не носом к носу с этими тремя: высоким стариком в потрепанном красно-желтом дирголе Рованов, сидящим на старом кауром коньке, и двумя его пешими слугами.

Старик поднял самострел и прицелился. Банг! — сказала тетива. В-вуг! — сказала стрела.

— Ак-кх-х... — сказала женщина, заваливаясь на спину и падая с коня.

Стрела глубоко вошла ей в ямку между ключиц. Тонкие белые руки несколько раз дернулись, а потом успокоились на снегу, подплывающем кровью. Берен как сидел в седле, так и застыл — болван болваном.

Мар-Рован отбросил самострел и пнул свою конягу. Жеребчик дернул ушами, неохотно повинаясь, словно против своей воли неся хозяина навстречу спасенному им князю. Берен не видел, как Раутан Мар-Рован подъезжал. В глазах его огненным узором стояли буквы договора: «Свобода передвижения Берена, сына Барахира, в пределах Дортониона не ограничивается никак, но надзиратель, назначенный мной, Ортхэннером Гортхауэром, должен следовать за ним повсюду. Попытка избавиться от надзирателя дольше, чем на полчаса кряду, приравнивается к попытке к бегству, вина или невиновность будут установлены мной при помощи осанвэ. Попытка уклониться от осанвэ рассматривается как признание вины»...

Он должен будет сдать Рована, чтобы его признали невиновным. Сдать Рована, чтобы выжил Финрод...

Желудок свело — Берен согнулся в седле. В голове словно колокол раскачивался, мерно ударяясь о било: нет! Нет! Нет! Нет!

Отдать Рована. Старика, рискнувшего жизнью ради спасения своего князя, не поверившего в его предательство.

Или — обречь Финрода.

Кого же мне предать?

Кого?

— Ярн, — Рован подскакал вплотную, поклонился. — Бежим. Эта сука мертва, а ты свободен. Я не верил, что ты можешь предать. Я ждал. Диргол носят на одном плече.

— Нет, Раутан, — Берен поднял голову, и старый Рован увидел в его глазах слезы. — В такой паршивый холод бывает, что натягивают и на два.

Рован понял все и сразу. Понял раньше, чем сталь вошла ему в сердце. Двое слуг, стоявших на опушке, увидели, как ярн обнял своего спасителя — и за те мгновения, что длилось объятие, Раутан успел услышать.

— Я верен Финроду, а он в заложниках у Тху. Я не могу ни бежать, ни отпустить тебя. Прости, Раутан.

Слуги этого не слышали — но увидели, что Раутан упал с коня — тяжело, даже не взмахнув руками — как глухарь с ветки падает в сугроб. Они тоже поняли все — и, повернувшись, побежали к лесу.

Но пеший от конного уйти не может. Первого слугу — он был, как и Раутан, уже старик

— Берен нагнал в три лошадиных скачка, второго — на полпути между местом первой смерти и лесом.

Потом он бросил меч и сошел с коня. Молчало небо и молчала земля.

«Что я наделал...»

Берен лег в снег — как лежали все вокруг него. Он хотел бы умереть, как и они. Не чувствовать пронизывающей муки от сознания своей мерзости. Казалось, если он поползет — снег за его спиной будет черным. Земля должна разверзнуться и поглотить такую мразь. А впрочем — носит же она Саурана и Моргота.

Берен встал на колени и погрузил руки в снег. Крови на них было немного. Он зачерпнул снег горстью и спрятал от молчаливого неба пылающее лицо. Между пальцами закапала вода, потекла за шиворот. Легче не стало — он набрал снега еще раз и снова со стоном вlepился в него своей бесстыдной рожей.

Убийца.

Убийца и предатель.

Какое-то жалкое, но трогательное в своей незащитности создание кричало внутри него, что он не виноват, что он это сделал, повинувшись высшему долгу — долгу верного вассала и любящего друга, что он не мог поступить иначе. Создание это требовало права голоса, точнее — требовало, чтобы умолкли все другие голоса, и какая-то часть Берена склонялась к этому, потому что чем дальше, тем больше он был себе мерзок, и понимал, что с сознанием этой мерзости жить не сможет, и умирать тоже не имеет права, а значит — необходимо самооправдание. Он сам не понимал, чем ему так дорого ощущение собственной низости, и почему он должен его сохранить любой ценой — но тут замысел Саурана встал перед ним во всей простоте и ясности. Сначала он будет убивать своих, чтобы спасти Финрода от смерти, а их — от страданий. Потом он будет убивать эльфов, чтобы спасти их от пыток, а потом он и в сердце Финрода вонзит нож, причем уже без сомнений и колебаний. Один раз оправдав себя, он будет оправдывать себя всегда — пока не превратится в верного Сауранова слугу. Это было предрешиено. Если бы не подвернулся старый Рован, виноватый только в том, что не слишком умен — Саурон подстроил бы что-нибудь нарочно.

Берен лег, глотая снег. Он не мог жить виновным — и не имел права себя оправдывать, и не должен был умирать. Он больше ничего не мог с собой сделать. Он просто ждал, что же будет дальше...

Темнело. Загорались звезды и окна замка на дальнем склоне. Берен услышал какую-то возню и поднял голову.

Тхуринэйтель была жива. Она дергалась, дрожала и хотела что-то сказать ему. Берен поднялся на ноги, подошел к каукарэльдэ — она, выгнувшись на снегу, царапала пальцами грудь, пытаясь схватить и выдернуть стрелу. Горца поразил ее совершенно осмысленный взгляд.

Увидев его стоящим над собой на коленях, женщина прекратила свои попытки выдернуть стрелу, схватила Берена за руку и поднесла его ладонь к торчащему из ее груди металлическому стержню.

— Ты умрешь, если я это сделаю, — сказал он.

Тхуринэйтель оскалилась и зашипела. «Дурак», — прочел он по губам. — «Я умру, если ты этого не сделаешь».

Он желал ей смерти, но помнил об осанвэ. Что ж, если она умрет — он, по крайней мере, будет не виноват. Он выполнял ее просьбу.

Ухватившись за стержень, Берен резко дернул стрелу на себя. Наконечник сопротивлялся — видимо, был зазубрен. Но проталкивать стрелу тоже не имело смысла — на своем пути она встретила бы позвоночник. Он рванул так быстро и резко, как только смог, с хрустом и брызгами крови болт высвободился. Тхуринэйтель рванулась и забилась на снегу, а потом снова затихла. Берен разорвал на ней платье и осмотрел рану. Странное дело: крови почти не было, а там, где металл соприкасался с плотью, тело словно обуглилось. Видимо, сама стрела причиняла каукарэльдэ большую муку, чем рана. Когда стрелу вытащили, женщине полегчало.

Горец рассмотрел снаряд: наконечник был откован из серебра и исписан эльфийскими рунами. Нолдор использовали такие, чтоб отбиваться от нечисти. Раутан знал, КТО будет сопровождать Берена. Илльо, рыцарь Аст-Ахэ, не знал этого, а Раутан знал... До чего же скверно все это пахнет...

— Берен, — тихо позвала Тхуринэйтель. — Я умираю.

— Я говорил тебе.

— Я умру... если не получу крови... Гортхауэр узнает. И Финрод... тоже умрет. Где... этот старый пес?

— Нет, — замотал головой Берен. — Ни за что. Не его...

— Ты... отпустил его?

— Я его убил. Его кровь уже остыла.

— Иди ко мне.

Берен не двигался с места. Он смотрел в лицо Тхуринэйтель и видел, что она улыбалась.

— Иди. Иначе твоим эльфам конец.

— Ты лжешь.

— Твоя воля, — она закрыла глаза и сжала губы. Потом, не открывая глаз, все-таки добавила: — Тогда... зачем же ты... убил... этого несчастного... старого... недоумка...?

Онемевшими, деревянными пальцами Берен размотал башлык и расшнуровал ворот. Поднял женщину за подмышки, обхватил и прижал к себе, укладывая ее голову на свое плечо.

— Помнишь... что ты сказал мне... тогда, в бане? — почти нежно прошептала она. — А я ответила, что не забуду. И напомню... когда настанет день.

— Ненавижу тебя.

— Я знаю, — ее губы уже касались его шеи, и по их движению он понял, что она улыбнулась. — В этом-то... вся и прелесть...

Это было не большей мгновенного ножевого удара. А потом стало хорошо. Так отвратительно хорошо, что он обеими руками держался за вину и страдание. Он слабел, а женщина делалась сильнее. Через минуту уже он оседал на снег, а она удерживала его. Становилось все холоднее, но ее руки согрелись и пробрались к нему под рубашку — горячие, сухие. Она тихо смеялась. Он кусал губы, чтобы не стонать от острого, животного наслаждения.

Наконец, Тхуринэйтель — с некоторым усилием — оторвалась от него и вытерла губы. Он лежал без сил. Чувствовал, как его кровь стекает по шее и капает на землю, но не делал ни малейшего движения, чтобы остановить ее. Женщина сняла с себя накидку, обмотала Берену шею, снова запахла отвороты капюшона.

— Вставай, — она протянула руку. — Я помогу тебе сесть в седло.

Он поднялся, опираясь на нее, прошатался до своего коня. Позорно взгромоздился на

седло, подпираемый сзади окрепшими руками ведьмы. Она вскочила на седло, обняла пленника, перехватывая поводья, свистнула, подзывая свою лошадь.

— Что меня больше всего забавляет в вас, мужчины, — она произнесла это на талиска, поэтому Берен не понял точно: «мужчины» она сказала или «люди». — Так это то, что вы полагаете, будто вы хозяева своим чувствам и ваше наслаждение в вашей собственной воле. Что за глупость — если против воли человека можно причинить ему боль, то, наверное, не сложнее доставить и наслаждение.

Берен промолчал. От испытанного им удовольствия уже не осталось и следа — только слабость, пустота внутри и тошнота.

* * *

Смутное беспокойство, которое Илльо испытывал, расставаясь с Береном и Тхуринэйтель, оправдалось в полной мере: Берен вернулся раненым. По словам эльфийки, на них напали трое горцев-мстителей, господин и двое слуг. Сначала они склоняли Берена бежать, потом попытались убить.

Посылать людей в долину Улма было бессмысленно — уже стемнело. Расспросить Берена тоже не было никакой возможности — он готов был в любой миг потерять сознание, и, видимо, собирался сделать это, добравшись до постели. Что самое удивительное, больших ран на нем не было.

— Куда ты ранен? — забеспокоилась Этиль, услышав это пугающее известие.

— В задницу, — грубо ответил Берен. Потом, видимо, все же устыдился, и, еле ворочая языком, попробовал объяснить: — Царапина... Яд... паучий...

Тхуринэйтель и Эрвег помогли ему доплестись до постели. Эльфийка сказала, что сама займется им — собственно, заниматься-то было и нечем: если человек не умер от паучьего яда, то ему достаточно просто отлежаться.

Но кое-что настораживало Илльо. Во-первых, паучьим ядом пользуются не убийцы, а похитители — он обездвиживает жертву, а не убивает ее. Во-вторых — Этиль заметила это первой — если Берена действительно ранили туда, куда он сказал, то у него первым делом должна временно отняться нога. А он не хромал. Шатался и повисал на других — но не хромал. В-третьих, наутро по приказу Тхуринэйтель ему подали красного вина. Илльо еще не сталкивался с таким способом лечения. Паучий яд быстрее перестает действовать, если поить человека молоком. Красное же вино помогает при большой потере крови.

Он поехал с людьми в долину Улма, едва рассвело. Там они нашли троих зарубленных: старика в желто-красно-коричневом дирголе и двоих его слуг ненамного младше. Валялся самострел и стрела с эльфийским наконечником. Кто-то лежал в снегу и вытирал кровь со своих рук и одежды... Еще кто-то лежал неподалеку, по тому как был разбросан снег там, где ноги — видно: корчился в муке. Потом второй подполз к нему на коленях и приподнял, удерживая руками... Потом...

У следопыта, Илльо и Солля, старательно записывавшего все, что те читали на снегу, полезли глаза на лоб: до того дико выглядел отпечаток рядом.

Выглядел он так, словно мужчина и женщина занимались здесь любовью. Он лежал на

спине, она сидела на нем верхом. Ее колени четко отпечатались рядом с его боками.

И здесь тоже были пятна крови. Но текла она ни в коем случае не из того места, которое было названо Береном как место поражения. Кстати, в этом случае никакая любовь была невозможна: паучий яд начисто обездвигил бы не только ногу.

Илльо попробовал добиться ответа от Тхуринэйтель, но не смог. Оставив Берена на Этиль, забрав у Солля его записи, она набросила свой кожаный плащ, обернулась летучей мышью и улетела. Настоящие чары Сотворения, вроде тех, что были доступны Учителю или Гортхауэру, намного превышали ее возможности, но и то, что она умела, поражало.

Однако Илльо сейчас удивило не ее превращение, а то, что она сочла необходимым о чем-то лично доложить Гортхауэру. Неужели простая стычка в долине того стоила? Значит, это была не простая стычка...

Илльо приказал выставить трупы на торге в нижнем городе и объявил награду тому, кто их опознает. Берена разговорить было невозможно. Он поднимался с постели только по нужде, а все остальное время лежал, даже глаз не открывая, и, похоже, не притворялся, а действительно спал. Этиль пожаловалась ему на еще одну странность: он уже дважды выбрасывал окровавленные бинты, а ведь при поражении паучьим ядом кровотечение останавливается очень быстро, этим даже лекари пользуются. Кроме того, Берен, хоть и был стыдлив сверх меры, как все эдайн, но не допускать до себя лекаря...

Илльо приказал Этиль не настаивать и поднялся к Берену сам. Тот лежал все в том же тяжелом сне. Рядом с ним на лавке стояла чаша с вином.

Илльо осторожно протянул руку и расшнуровал ворот его рубахи. Пусть кому-нибудь другому рассказывают про ранение в мягкое место — следы на снегу ясно говорили о ране в плечо или в шею.

Так и есть. Шея была перевязана. Сверху — грубо обмотана шерстяным платком, под ним — льняное полотно, сквозь которое опять проступила кровь.

Повязка была наложена как попало, слабыми руками тяжело раненого человека. Поэтому Илльо легко сдвинул ее вниз и застыл в ужасе и недоумении. На шее горца, ниже уха, темнело пятно, оставленное — никаких сомнений — губами, засосавшими кожу и плоть. Из четырех маленьких ранок продолжала сочиться кровь. Понемножку, по капельке — но до сих пор текла...

То, что напало на Берена и Тхуринэйтель в долине Улма — не было ни человеком, ни эльфом. Но почему тогда Берен зарубил своих людей? И этот странный след... Догадка стучалась в его разум, но была слишком страшной, чтобы он позволил ей войти. Сначала он поговорит с Береном. И с Тхуринэйтель.

Илльо вернул повязку на место, вернул и скрывающий ее платок. Позвал Этиль.

— Поставь его на ноги как можно скорее. Нам предстоит долгий и серьезный разговор.

— Он наврал про свою рану, это я уже давно поняла. А что еще?

— Он потерял много крови. Я хочу услышать, как он ее потерял.

Появился вестовой и доложил, что какой-то бродяга опознал убитого старика: Мар-Рован из замка Рованов и его слуги. Илльо спросил, не знает ли кто-нибудь, где замок Рованов, и его вызвали туда провести. Три дня занял бы путь туда и обратно, еще день уйдет на расспросы... Проклятье, проклятье...

Но, по крайней мере, за эти три дня Этиль поставит Берена на ноги и от него можно будет чего-то добиться.

— Седлайте коня, — приказал он.

Финрод не знал, почему за ним пришли и куда ведут. Гортхауэр отдал приказ — обращаться с ним как можно мягче и почтительней. Иногда это было способом сбить пленника с толку, внушить ему уверенность в безопасности — тем страшнее бывало потрясение, когда после вежливой беседы и дружелюбного расставания его швыряли в застенки. Да, иногда Гортхауэр так и делал... Но не сейчас. Во-первых, на Финрода это бы не подействовало: по словам соглядатаев, тот ни на миг не ослаблял бдительности. Во-вторых, Саурон сейчас хотел добиться своего не силой, а убеждением. Или, если хотите, хитростью. Добрым словом и дубиной можно достигнуть большего чем просто дубиной... Или просто добрым словом...

Эльфа ввели. За все время, прошедшее после того, как Берен подписал договор, он не произнес ни слова — вот уже несколько недель. Впрочем, Гортхауэр пока и не добивался от него слов.

Всего второй раз за всю войну в плену оказался князь из Дома Финвэ — и Гортхауэр пока еще не решил, что он будет делать с такой добычей. Прежде следовало бы присмотреться к нему. Одно уже было понятно — Финарато Инголдо, сын Арафинвэ, ни в чем не был сходен с Нэльофинвэ Майтимо, сыном Феанаро. Медноволосый сын Феанора был полон белого пламени, пылал яростью и ненавистью к убийце своего деда и отца. Ему хватило ненависти и презрения к врагам, чтобы выдержать все и выжить. Этот же был иным, более спокойным, холодным, как кристалл-светильник, внутри которого переливается голубоватое ледяное пламя, по сравнению с ярким, обжигающим пламенем факела...

Слуга распахнул дверь, и Финрод возник на пороге, сопровождаемый двумя стражниками. Эльф был одет в простую черную рубаху и штаны, но отчего-то казалось, что он облачен в незримый доспех. Однако для тех, кто умел видеть, замкнувшиеся, окружившие себя защитой эльфы часто и в самом деле виделись фигурой в темных доспехах. Дело было за малым — найти в доспехе щель, дожидаться, пока он опустит свой непробиваемый щит... Или вынудить его это сделать.

— Добрый вечер, — сказал Гортхауэр, когда Финрода ввели. Ответа, понятно, не получил. Мановением руки отпустил стражу.

— Садись, король, — Гортхауэр кивнул в сторону маленького столика и двух кресел. — Будь как дома... Ты же дома?

Финрод молча прошел к креслам и сел.

— Подожди немного, пожалуйста, я закончу с делами, — дружелюбно сказал Гортхауэр. — Впрочем, думаю, тебе тоже будет интересно узнать новости, тем более что они касаются твоего друга Берена...

С равным успехом он мог бы обратиться к мраморному барельефу. Одноглазый письмоводитель поморщился, видя такую невежливость.

— Читай, — велел Гортхауэр, подходя к сундуку, стоявшему возле дальней стены.

— Подробное изложение событий, бывших в долине Улма в Сосновом Краю о четвертом дне Алхора, Черного Волка... — мерно, отчетливо начал письмоводитель. -...

Находясь в области замка Каргонд, князь Берен и госпожа-консорт Тхуринэитель подверглись нападению злоумышленников из местных племен, каковое князь Берен мужественно отразил... Осмотр места происшествия подтвердил, что мятежники были зарублены собственной рукой князя Берена. Первый, еще сидя в седле, был заколот ножом, второй и третий — спасались бегством, и были убиты... В ходе боя князь Берен был тяжело ранен отравленной стрелой, смазанной ядом паука...

— Он убивает своих старых друзей, — сказал Гортхауэр, роясь в сундуке. — Как тебе это понравится?

Финрод сидел неподвижно, его руки покоились на резных подлокотниках кресла.

— Убивает ради тебя, — из недр сундука появилась небольшая шкатулка. — Ты бы так не смог, а? Но хватит о делах, я не затем хотел тебя увидеть.

Повинуясь знаку, письмоводитель свернул письмо и с поклоном удалился.

— Я заскучал, — доверительно сказал Гортхауэр. — И вспомнил, что слышал о тебе как о непревзойденном среди эльфов мастере «башен». Хладнокровном, рассудительном, умном... Подумал: почему бы нам не сыграть?

Он снял со столика скатерть, открывая поверхность крестообразной доски, расчерченной на восемьдесят безымянных полей, объединенных в двадцать больших полей с именем и поделенных по сторонам света. Чтобы передать скатерть слуге, ему пришлось поставить шкатулку на стол, и Финрод первым выбрал из нее фигуры — вырезанные из зеленоватого оникса, белую армию.

Первая из фигур — башня. Вторая, сплетение языков полупрозрачного пламени, в котором угадывается смутная крылатая фигура и лицо — вала. Его черный, агатовый соперник проступал из камня — видно, мастеру, сделавшему эти фигурки, нравилось противопоставление огня и камня. Эльф в длинной мантии с венцом на голове — аран, не самая сильная, но важная фигура игры. Следующей была фигурка женщины в доспехе поверх длинного платья, с мечом на поясе и уложенными вокруг головы косами — нэрвен. Рассказывали, что многие такие белые фигурки имели черты Артанис, дочери Финарфина, а черные — Ар-Фейниэль, дочери Финголфина, но так ли это — Гортхауэр не знал. Рохир — вопреки имени, эта фигурка изображала пешего воина с мечом и щитом. И маг-истар, поднявший руку ладонью вперед, здесь тоже был с мечом у пояса.

Финрод не раздумывал над первым ходом — он поставил свою башню на срединное поле, в квадрат «умбар», предоставляя Гортхауэру преимущество.

Настолько уверен в себе? Или без стеснения показывает, что выигрыш и проигрыш ему равно безразличны? Скорее второе.

Гортхауэр сел за доску, оценил позицию Финрода. Поставил башню на поле «форменанга», в неубиенную позицию, оставляющую противнику только два пути для подхода.

— Я хочу предложить тебе заклад, — сказал он, расставляя на краю столика свою маленькую армию. Он не знал, кому ранее принадлежали эти фигурки, вырезанные из агата и оникса, найденные в одной из башен этого замка. А кто играл ими раньше — простой воин, книжник-инголмо, кто-то из лордов Ородрета или, может, сам Ородрет, бежавший от Гортхауэра, бросив этот замок — неважно.

Начиная игру, можно было расставлять фигуры как угодно. Игрок, расставляющий фигуры вторым, мог разгадать позицию первого — поэтому первый должен был быть осторожен. Второй, впрочем, тоже — ведь первый открывает не всю позицию сразу, а по одной фигуре, и замыслы хорошего игрока не так просты, как кажется новичку; даже

опытный игрок не всегда может с первого взгляда оценить силу расстановки фигур противника.

— В случае твоего проигрыша ты мне должен будешь... маленькую дружескую беседу, — продолжил Гортхауэр. — Даю слово, что ни о Нарготронде, ни о тайнах твоего родича Тингола... и всех других твоих родичей спрашивать не стану. Это будет маленький athrabeth, игра ума, столь милая нам, ingolmog... А в случае твоего выигрыша я освобожу одного из твоих товарищей. На твой выбор. Ты называешь имя — и он идет на все четыре стороны. Как тебе такие условия?

Эльф, не отвечая, протянул руку за следующей фигуркой.

Финрод слишком умен, чтобы попасться на такой простой трюк. Но недостаточно умен, усмехнулся про себя Гортхауэр, чтобы вовсе отказаться от игры. А ведь в игре он приоткроется, никуда не денется... Игра, как и война, показывает, кто чего стоит.

Но пока по лицу Финрода ничего невозможно было прочесть — оно было безукоризненно спокойно. Пожалуй, Гортхауэру случалось видеть эльфов с более красивыми, тонкими и правильными лицами. Но именно этого молва звала Прекрасным. И дело было даже не в светлых волосах, которые нолдор считают признаком исключительной красоты. А может, все дело было в редкой гармонии черт и облика. Сам Гортхауэр не избрал бы для своего воплощения этот тип — слишком спокойный, слишком простой, лишенный той незавершенности, неправильности, непредсказуемости, которая придает жизнь и остроту любой красоте.

Когда Финрод поставил валу на поле «нумен-вала», Гортхауэр почувствовал какой-то подвох. Обычно вала, самая сильная из фигур, оставалась прикрывать башню. Разумно было бы и валу поставить на срединное поле. В крайнем случае — на краешек поля «формен», где она могла бы одновременно угрожать башне Гортхауэра.

Сам он решил не рисковать и поставил валу в сильную позицию: на поле «формен», но почти на границе с срединным полем, в квадрат «харма».

Пришла очередь истара. Финрод поставил своего на поле «ромен-ламбэ». Гортхауэр не верил своим глазам. И вала, и истар в такой дали от башни? В этом должна быть какая-то эльфийская хитрость. Ну что ж, пусть Финрод не расстраивается, если перехитрит сам себя — Гортхауэр поставил истара на срединное поле, в квадрат «орэ», настолько близко к башне Финрода, насколько это позволяли правила, запрещающие ставить фигуру так, чтобы башню можно было взять первым же ходом.

Своего арана Финрод поставил на поле «хьярмен-тинко», чем окончательно сбил Гортхауэра с толку. Нет, это ловушка: Финрод не может быть настолько плохим игроком... Гортхауэр решил не ловиться на такие странные подначки, следовать своим замыслам. Темный король пошел на поле «нумен-вилья».

— Согласись, игра в «башни», пусть даже с врагом, куда интереснее, чем созерцание прошлого. Или ты не согласен с этим?

Финрод выставил следующую фигуру — рохира. Гортхауэр понял, что один из них не в своем уме. И понял, кто именно.

Позиция рохира была слабой. С таких позиций начинают ученики. Им кажется, что это очень дерзкий и умный замысел — выставить рохира поблизости от вражеской башни. Рохир действительно фигура подвижная, хоть и легкая, но башню он в одиночку не берет; только вместе с королем или нэрвен. Лишь вала и истар могут взять башню без поддержки — поэтому плохие игроки первым делом стремятся лишить противника сильных фигур.

Конечно, разменивают на валу и истара всех, кроме рохира и нэрвен... И наблюдают — а больше им ничего не остается — как вражеские рыцарь, дева и король берут их башни...

— Эй, — обратился он к слуге, отправляя своего рохира на «ромен-нолдо» — заблокировать белого истара. — Принеси вина.

И уже не удивился, когда Финрод поставил последнюю фигуру — нэрвен — на поле «хьярмен-алда». Видимо, так выразилась его воля к гибели.

Свою нэрвен Гортхауэр поставил на поле «формен-андо» — сковывать действия вражеского рохира. Позиция была закончена.

Слуга принес узкогорлый кувшинчик с вином и пару кубков, поставил перед игроками. Гортхауэр пригубил вино и откинулся на спинку кресла с кубком в руке.

Вечерний свет за окном угасал. Сумерки заливали комнату. Слуга, мягко ступая, принес и поставил рядом со столиком подсвечник. Для его глаз было уже слишком темно, но игроки, похоже, не особенно нуждались в свете — ни Повелитель, ни этот эльф, лицо которого слуга, несмотря на сумрак, видел так отчетливо, словно оно светилось само по себе. Глаза эльфа тоже светились — опасным белым огнем. Но Гортхауэр сделал небрежный жест, свечи разом вспыхнули, и наваждение пропало.

Финрод сделал ход. Белый король переместился на поле «сулэ». Гортхауэр усмехнулся: король в одиночку не бьет истара... Потом бросил на доску еще один взгляд, и рука его застыла в воздухе.

Проклятье! Ведь «башня» — тоже фигура, и король вблизи башни вполне может угрожать истару... Можно было бы отступить на поле «ламбэ», попутно убив белого истара, но это значило неминуемо подставиться под валу. Неужели Финрод хочет разменять «истар-истар»? И впрямь, замашки новичка...

— Между прочим, о том, что Берен на нашей стороне, уже известно по всему Дортониону, — заметил Гортхауэр, отставляя кубок.

Он следил за лицом Финрода. Оно не менялось. Казалось, эльфа полностью занимает игра. Для него словно не существовали ни свечи, ни кубок с вином — только доска, только судьба ониксовых и агатовых фигурок, которая сейчас была в руках игроков.

Белый вала убрал черного короля. Ах так, сказал себе Гортхауэр, и следующим ходом все-таки снес истара. Финрод передвинул своего короля на поле «эссе». Рохир его теперь не брал, брал истар, но это значило, что следующим ходом истара возле башни возьмет вражеский рохир. Терять истара в обмен на короля не хотелось.

Гортхауэр понял свою ошибку. Слабая позиция башни Финрода усиливала его фигуры, а это требовало от него наступательной, горячей игры. И такой же игры — от противника.

Гортхауэр пустил в ход истара и под прикрытием валы снял белого короля с доски.

— Угроза башне, — улыбнулся Гортхауэр.

Финрод двинул вперед нэрвен. Снес темного рохира и...

Истар оказался под угрозой с двух сторон: светлый рохир и нэрвен вблизи башни. И Гортхауэр, что самое обидное, ничего не мог поделать: если бы своим валой он забрал рохира, то следующим ходом своего валы Финрод разбил бы его валу, а на втором ходу — взял башню — ведь вала берет башню в одиночку, если остается в ближнем поле на протяжении двух ходов.

Гортхауэру пришлось смириться с жертвой истара.

— Давно не играл я со столь достойным противником, — сказал он. — Молва права — ты искусен не только в чарах, но и в «башнях», Ваятель.

Гортхауэр вывел нэрвен в поле «нгвалмэ». Теперь подход к его башне был прочно запечатан. Как же будет ходить Финрод, у которого остались вала, рохир и нэрвен?

Финрод переместил валу на поле «сулэ». Теперь, если бы вала Гортхауэра попытался взять его рохира и башню, ему пришлось бы сначала снести белого валу.

— Я все хотел узнать, — сказал он, выкраивая себе время подумать. — На что же вы рассчитывали? Допустим невозможное: тебе удалось меня победить... Нет, допустим еще более невозможное: я не заметил вашего отряда и пропустил вас на север. Вот вы приходите в Твердыню. Что дальше?

Он начал злиться. Ему приходилось теперь разрушать свою собственную непробиваемую позицию. И Финрод был теперь на рохира сильнее... Но если его вала попытается войти в поле «формен» — то поддержки от своей башни у него не будет...

Гортхауэр сделал пустой ход — ему нужно было отдать Финроду инициативу. Он предпочитал, чтобы его противник, действуя, раскрылся и сам забрался в расставленную ловушку...

Финрод переместил рохира на поле «сильмэ». Похоже, он не собирался пробивать позиций Гортхауэра...

— Я не допрашиваю тебя, — сказал тот, передвигая свою нэрвен на «орэ», вызывая валу или рохира на удар. Ведь один шаг его валы — и Финрод принужден будет действовать... Сам Гортхауэр ничем не рисковал — его башня была надежно прикрыта.

— Это всего лишь праздное любопытство, — продолжал он. — Рассказав мне, ты никому ничем не навредишь...

Финрод переместил рохира на поле «алда», усиливая его башней. Безумие, подумал Гортхауэр — переходить к оборонительной манере сейчас, когда требуются решительные действия?

— Твое молчание удручает меня, — вздохнул он, выдвигая вперед валу. — Угроза башне.

Финрод взял валой темную нэрвен.

Ну что ж, напросился сам... Гортхауэр взял валу валой.

Финрод передвинул рохира на поле «нолдо».

Безумец.

Гортхауэр двинул валу вперед, ничем не рискуя: нэрвен так быстро не передвинется вперед, а в одиночку рохир башню не возьмет.

— Угроза башне, Финрод.

Эльф шагнул рохиром на поле «нгвалмэ». Бесплезный ход: в одиночку рохир не берет башню...

Если не...

Проклятье!

Финрод снял своего рохира с доски и заменил королем. Посмотрел Гортхауэру в глаза, слегка улыбнулся.

Пройдя все пять полей, рохир может стать королем...

Вала Гортхауэра уже не мог угрожать башне, он ведь находился не между рохиром, нэрвен и башней, а между башней, нэрвен и королем! Следующего хода у него не было. Нэрвен взяла его с ходу.

Оставался один формальный, пустой ход, — белые рохир-король и нэрвен против башни. Гортхауэр смешал фигуры, избавив Финрода от необходимости делать этот ход.

Затем хлопнул в ладоши, призывая стражу.

— Уведите, — приказал он. Стражники встали по бокам Финрода. Эльф поднялся из-за стола.

— Скажи, ты не жалеешь, что отказался выиграть для одного из вас свободу?

Серые глаза эльфа взглянули на него сверху вниз без торжества или насмешки, серьезно и отстраненно.

Гортхауэр махнул рукой стражникам и проводил взглядом облеченную незримой броней фигуру.

* * *

Илльо получил ответ раньше, чем думал. Как только вернулся из поездки в Ост-ин-Рован.

Замок пришел в запустение. Старого Рована и его слуг не облагали ни военными, ни трудовыми повинностями — но и не снабжали пищей и одеждой. Старики побирались у бывших своих вассалов. Жалкий конец для пожилого рохира; неудивительно, что он решился на столь отчаянное предприятие.

Утром, входя в трапезную Каргонда, он увидел вернувшуюся Тхуринэйтль. Та что-то пила из кубка — пила как воду, жадно. Но эта жидкость была краснее и гуще, чем вода...

Илльо взял ее кубок, понюхал то, что поначалу принял за старое красное вино...

— Значит, это все-таки ты, — похолодев, он поставил кубок на стол. — Ты пила его кровь... Чью ты пьешь на этот раз?

— Свиную, — пожала плечами Тхуринэйтль. — Перевоплощение отнимает много сил. Она необходима мне, чтобы нести службу...

— Зачем, Тхуринэйтль?... Зачем?

— Ты о том случае? Посмотри сюда...

Она расшнуровала ворот, обнажив шею и то место, где сходились ключицы. Там темнело пятнышко, словно от ожога.

— Это не Берен был ранен. Это я была ранена, — сказала она. — Смертельно заколдованной стрелой с серебряным наконечником. Чтобы выжить, я должна была выпить крови...

— И ты...?

— Такова моя судьба, Илльо. За то, что я овладела тайными знаниями, скрытыми от нас Валар, я расплачиваюсь тяжело. Знание Тьмы сжигает — ты помнишь это? Жизнь плохо держится в моем теле. Ее нужно подпитывать свежей кровью, время от времени. Обычно это свиная кровь. Скажи, чем это хуже кровяной колбасы?

— Но в тот раз свиньи под рукой не было, так? — ледяным голосом спросил Илльо.

— Послушай, — Тхуринэйтль ласково коснулась его руки. — Он вызвался сам. Добровольно. Одни только болтают, что готовы отдать возлюбленным всю кровь, а он сделал это... Если не веришь — спроси у него.

— Я спрошу, — пообещал Илльо.

Случай предоставился этим же вечером. Обычно по завершении всех дневных дел

рыцари Аст-Ахэ сходились в трапезной. Сдвинув все кресла и скамьи поближе к камину, пели или читали стихи, или вели благородные беседы. Как правило, кроме них никто этого участия не принимал — у горцев были другие развлечения, у орков тоже. Но в этот раз что-то задержало в трапезной Болдога и после трех дней отлеживания спустился из своей комнаты Берен.

Он продолжал попивать вино, сидя в кресле, и Илльо казалось, что он слишком уж усердствует. Когда вино кончилось, Берен взял кувшин и отправился на кухню.

По прошествии недолгого времени из кухни донесся грохот, стук падения чего-то тяжелого, громкое ругательство.

— Не иначе как наш князек на ногах не устоял, — хмыкнул Болдог.

— Не нужно было отпускать его одного, — покачала головой Этиль. — Он еще слишком слаб после ранения.

— Он уже слишком пьян, — поправил орк.

— Я схожу за ним, — Эрвег встал и направился в кухню.

Через пять минут он появился. Берен висел на его плече, свободной рукой удерживая кувшин. Волосы его были в пыли и паутине, тыльная сторона кисти — рассажена в кровь.

— Он свалился в винный погреб, — Эрвег осторожно сгрузил горца в кресло. — Кажется, разбил руку.

— Это мелочи, — миролюбиво заметил Берен. — Главное — кувшин я удержал. Мастерство, Эрвег, не пропивается.

Даэйрэт, собравшаяся было играть, надув губки, барабанила пальчиками по льаллю, который только с этой оказией сумела отобрать у Эрвега. Она собиралась поиграть сама, но происшествие расстроило ее планы — все интересовались только Береном. По глазам девушки было видно, что она собирается сказать какую-то колкость, но как-то все не может подобрать слова к случаю.

— И долго ты будешь пить? — спросил Илльо.

Берен поставил кувшин на стол.

— Здесь — четверть линтера, — сказал он. — Если мне никто не поможет, то это я растяну до второй стражи.

— Тогда налей мне, — протянула кубок Тхуринэйтель.

— С удовольствием, госпожа, — горец налил вина в ее бокал. Илльо заметил, что руками он действует еще довольно ловко, а вот слова проговаривает уже слишком быстро, словно смазывая отдельные звуки.

— Ты же знаешь, — Берен вернул кубок эльфийке. — Мне для тебя ничего не жалко.

— Тогда уж и мне, — сказал Болдог.

— Был бы ты такой же ладной бабенкой, я бы тебе налил, — все с тем же пьяным миролюбием сказал Берен. — А так обходись сам.

— А я подумала, ты решил сделаться виночерпием, — наконец нашлась Даэйрэт.

— Я? Виночерпием? Отчего бы нет... Милая леди, после того как я побывал карателем, мне и должность золотаря не покажется слишком обидной.

— Так за чем же дело стало? — Болдог налил вина и себе. — Начинай, а хоть завтра.

— Это дело зимой не выгребают, Болдог. А впрочем, откуда тебе знать, вы же его не выгребаете вообще никогда.

— Ну, хватит, — оскорбилась Даэйрэт.

— Да, хватит, — поддержала ее Этиль. — Мы собирались послушать песню.

— Молчу и слушаю, — Берен поднял перед собой открытую ладонь. В другой руке он держал стакан. — Я весь превратился в уши.

— И увял заранее, — пробормотал Эрвег.

Даэйрэт отвесила ему взгляд, тяжелый и острый как болт самострела. Но ничего не сказала, ударила по струнам и начала петь.

Голосок у нее был приятный, и играла она неплохо, но вот слова в песне были — хуже некуда. Девчонка описывала гибель героев такими выпренными словесами, какие может употреблять только тот, кто ни разу не бывал в настоящем бою или хотя бы вблизи. Тот, кто бывал, найдет слова простые и верные, как лезвие меча, и напрочь отсечет ими правду от неправды. Он не будет смаковать подробности гибели героев, он просто скажет: они погибли — но споет, как стойко они держались, и сколько врагов унесли с собой. И если кто-то сумел выжить и рассказать о последних словах героев — бард не выронит из рук ни единого, все вплетет в песню, как искусный мастер находит, куда вставить, плетя ожерелье, темно-красные гранаты... И, чтобы спеть так, побывав в бою, нужно знать людей, которых ты потерял. Нужно сидеть с ними у одного костра и есть из одного котла, и даже о тех, кто не был тебе другом, помнить только самое хорошее...

Кончилась песня, кончилось и вино у Берена в кубке. Остался глоток или два.

— Ну что? — Даэйрэт, видимо, показалось, что пауза затянулась.

— Хотел я промолчать, — вздохнул Эрвег. — Но раз ты так просишь... Дерьмо стихи. Извини меня, но когда Иэллэтх в первый раз сравнила руки Учителя с белыми ирисами, это была поэзия. Когда ты делаешь это в двадцатый раз — это пошлятина. И больше занятий с лютней. Разрабатывай пальчики. Конечно, можно истошно колотить по струнам, выдавая это за душевный надрыв, но я предпочитаю мастерство.

— Я знаю, — усмехнулась бардесса. — Ты везде предпочитаешь мастерство. Чувства тебя не волновали никогда.

— Меня никогда не волновали сопли. Чувства и сопли — разные вещи, Даэйрэт. Избыток первого иногда влечет за собой избыток второго, но к искусству это не имеет ни малейшего отношения.

— Я не люблю холодного искусства.

— Ах, ты разбиваешь мне сердце. Илльо, а что скажешь ты? Это ведь твоих слов с таким нетерпением жаждет наша звездострадалица.

Илльо промолчал, послав Эрвегу как можно более строгий взгляд. Он находил влюбленность девушки из рук вон плохим предметом для разговора.

— Меня, конечно, никто не спрашивает. — Берен с удивлением услышал голос Болдога. — Но о красоте умирания может петь только тот, барышня, кто ни разу не видел, как умирают другие.

— Перед знатоком я умолкаю, — оскорбилась Даэйрэт. — О чем мне дискутировать с великим воином Болдогом, который, говорят, спать не ляжет, если не посмотрит, как умирают другие.

— Осторожнее, барышня, — оскалился Болдог. — Осторожнее... Я не обидчив по натуре, но соломинка, говорят, проломила хребет ослу.

— Ты угрожаешь мне, оруженосцу Аст-Ахэ? — девчонка приподнялась в кресле.

— Угрожать? Спаси меня Владыка. Я, конечно, в поэзии ни шута не понимаю. Старый Болдог понимает свое копьём-коли-щитом-бей, а поэзия — это не для меня, разве что по пьяни песню какую-нибудь загорланить, но не для ушей таких нежных и образованных

барышень. А вот среди нас есть дока и по той, и по этой части. И головы мечом раскраивать, и рифмы кроить. Князек, ты понимаешь, о ком я? Что ты-то скажешь про песенку?

Берен, не поднимая глаз, почувствовал, что все смотрят на него. Ну и наплевать. Допив последнее вино в кубке, он налил себе еще, сделал в сторону Дазйрэт приветственный жест и сообщил:

— Мне понравилось.

— Да ну? — недоверчиво приподнял брови Эрвег.

— Некоторые строчки очень хороши... Знаешь, я готов даже перевести их на талиска.

Как там начинается — «Ты видишь, Тано, окружает нас рать...»?

Болдог, запрокинув голову, разразился гоготом. Прочие ограничились легкими усмешками. Дазйрэт стала что твой маков цвет.

— Когда князь Берен выпивает пятый стакан, он везде слышит одно и то же, — скривив губы, процедила она.

— Пятый? Ты обижаешь меня, Дазйрэт. Я как начал третьего дня, так до сих пор и не просыхаю.

— Это заметно.

— Стараюсь. А чем ты недовольна? Я же сказал: мне стихи понравились. По-моему, твой Учитель как раз таких и заслуживает.

— На этот раз осторожней будь ты, — Солль весь подобрался. — Я не имею ничего против тебя, Берен, но порой ты заходишь слишком далеко.

— А хоть бы и так? — усмехнулся Берен. — Что ты мне сделаешь? Пожалуешься Гортхауэру? Он даст тебе пинка под зад. Спустить на меня Болдога гордость тебе не позволит. А у самого тебя, рыцаренок, кишка тонка.

Болдог заржал еще раз, увидев, как окаменел лицом молодой рыцарь.

— Ну что, господа, уел вас князек? — поинтересовался он, отсмеявшись. — Он не так прост и не так пьян, как делает вид. Мы с ним — два сапога пара, и оба — с потайным каблучком. Верно, Беоринг?

— Может быть, мы и два сапога, Болдог, — Берен отпил еще вина. — Но тот, кто захочет составить из нас пару, здорово сотрет себе ноги.

— Красиво сказано! — Орк одним шагом оказался у кресла Берена и, опираясь о подлокотники, приблизил свое лицо к лицу человека. Тот, не шевелясь, встретил его взгляд. — Поистине, меч из благородного металла хорошо звучит даже когда он сломан. Правда, больше ни на что он теперь не годится, кроме как красиво брякать. — Болдог взял из безвольной руки Берена кубок, мощно отхлебнул, а остатки выплеснул горцу в лицо. После этого орк в меру сил изобразил светский поклон в сторону дам и вышел, хлопнув дверью.

Берен вытер лицо рукавом, взял кубок с подлокотника, куда поставил его Болдог, налил из кувшина еще вина и снова замер в оцепенении.

На этот раз паузу нарушила Тхуринэйтель.

— Эрвег прав, Дазйрэт. Тебе нужно больше работать. Пойди, позанимайся с лютней. — Последняя фраза была уже приказом. — А мы с тобой, Эрвег, проверим лошадей. Пошли.

— Ты просто утерся — и все? — спросила поэтессочка, проходя мимо Берена.

— Могло быть хуже. Он мог плюнуть в кубок, и тогда мне пришлось бы тащиться искать другой. Твое здоровье.

Дазйрэт резко отвернулась и вышла, простучав каблучками по галерее. Следом зал покинула Этиль. Берен остался с Илльо вдвоем.

— Тебе помочь дойти до своей комнаты? Или ты справишься сам? — спросил рыцарь Аст-Ахэ.

Берен взвесил на руке кувшинчик.

— Он полон почти наполовину. Так что я пока посижу. Спасибо на добром слове.

Илльо сел напротив, налил и себе.

— Я видел твою рану, — сказал он. — Расскажи, как она была нанесена.

Берен прикрыл глаза.

— Тхурингвэтиль умирала... А позволить ей умереть я не мог. Она сказала, ей нужна кровь. Все.

Ильвэ слегка царапнула по сердцу обидная кличка, которой Берен назвал Тхуринэйтель. «Тхурингвэтиль», «скрытая губительница». Но ведь не она, а он убивал в тот вечер!

— Ты доброй волей отдал ей свою кровь?

— Само собой, — Берен усмехнулся.

Илльо облегченно вздохнул. Тхуринэйтель не чудовище, а просто несчастное существо, силы которого подорваны магией. О, будь проклят он, Эрэ, Пламя, создавший эльдар такими хрупкими, так плохо переносящими любое нарушение своей неизменности... Из-за этого они умирают вблизи от Учителя или вынуждены, как Тхуринэйтель, поддерживать себя кровью... Он посмотрел на Берена — ведь теперь-то он уже должен все понимать; как же он может служить владыкам Запада?

— Что ж, это упрощает дело, — сказал он. — Я хочу предложить тебе великую честь, Берен. Немногие из эдайн достаивались ее...

— Ну? — грубовато спросил горец.

— Я предлагаю тебе сделаться рыцарем Аст-Ахэ.

— Твою мать... — изумленно проговорил Берен. — После всего, что я вам сделал?

— Да, после всего, — кивнул Илльо, пропустив «мать» мимо ушей. — Ты показал, что способен драться за дело, которое считаешь правым, до конца. Что ты верен в дружбе и в любви, что ты готов отдать свою кровь — всю, до капли — тем, кто тебе дорог.

— Твою мать, — так же ошарашенно повторил Берен — и вдруг рассмеялся, затрясся беззвучно, прижав стакан к столу, чтоб не расплескать.

Илльо вышел из себя.

— Берен, — сказал он. — Я требую, чтобы ты прекратил упоминать мою мать. Я знаю, что оба раза ты произнес это бездумно, но тебе пора научиться задумываться над своими словами. За такое убивают в поединке.

— Что ж, вызови меня и убей, — глаза Берена сверкнули.

О, силы Эа! — понял Илльо — он и вправду ищет смерти!

— Берен, это не выход.

Горец усмехнулся.

— У нас рассказывают такую потешку: если ты идешь пасти овец, то у тебя два выхода: лечь спать или не лечь спать. Если не ляжешь — это хорошо, а если ляжешь, то овцы могут разбежаться. Если не разбегутся — это хорошо, а если разбегутся, то тогда у тебя два выхода: идти их искать или не идти. Если не пойдешь — ты их потерял, а если пойдешь, у тебя два выхода: встретить тролля и не встретить. Если не встретишь — это хорошо, а встретишь — два выхода: или ты его, или он тебя. Если ты его, то ты — герой, а если он тебя, то тут уж будет только один выход: через задницу. Твое здоровье.

— Я не понимаю, — сказал Илльо. — Что с тобой?

— У меня руки чешутся подражаться, Илльо. Все просто. Твою мать.

— Моя мать умерла, — хрипло сказал Илльо. — Твой черный язык не может осквернить ее памяти.

— Как же ты можешь служить ее убийцам? — так же хрипло и низко сказал Берен.

— Ее убийцы на Западе, — Илльо сжал кулак. — Это их работа — искалечить эльфа так, что знание Тьмы сжигает его.

— Илльо, — голос Берена выдавал безмерное удивление. — Ты и впрямь так считаешь? Да что такого особенного в этом знании Тьмы? Чем ваше знание отличается от нашего? Что вы такого особенного умеете, чего не умеют эльфы? Я видел ваше оружие, ваши ткани и ваши украшения. Они хороши, но ничем не лучше тех, что делают эльдар! Даже в ваших оберегах нет ничего особенного. Эльфов сжигает не знание Тьмы, а мука, которую причиняет им Моргот! Твоя мать умерла по сути дела под пыткой.

— Она любила отца! — Илльо готов был ударить его, он уже занес руку. — Или ты — ты! — будешь вслед за своими учителями твердить, что эльфы выше людей настолько, что такая любовь невозможна?

— Бей, — сказал Берен. — Но послушай хотя бы раз в жизни. Эльфы выше людей намного, и лишь потому такая любовь возможна. Да, я верю, что она его любила — иначе ушла бы раньше, до твоего зачатия. Эльфы не переживают насилия. Она так его любила, что поняла: еще немного — и она погубит ради него свою душу. И ушла. Эльф может уйти своей волей, понимаешь? Это против их природы — швырять Создателю в лицо его дар, жизнь... Но чтобы эльф решился на это, его нужно измучить так... я не знаю как. Поначалу она, наверное, так исстрадалась, что любое облегчение в ее судьбе казалось ей просветом в тучах... Из рабыни сделалась возлюбленной, потом женой, потом его семя разбудило жизнь в ней...

— Замолчи, — Илльо стиснул руки в «замке». Но Берен был безжалостен.

— Она не перенесла другого. Того же, отчего сейчас надираюсь я. Ей пришлось смотреть на рабство и унижение сородичей. Быть женой одного из их палачей... Носить ему сына...

— Ты... — Илльо ударил его по щеке. Берен вскинулся было, но удержал себя в руках. Илльо стало стыдно.

— Прости. Ты сам понимаешь, что городишь чушь. Тхуринэйтель — опровержение твоих слов. Она — эльф, и она не умирает. Она любит тебя...

— Мать... моя честная женщина, — Берен снова противно засмеялся. — Ни хрена она не эльф. Она — каукарэльдэ. Оборотень, злой дух, вселившийся в мертвое тело. Чтобы поддерживать в нем жизнь, ей нужна живая кровь.

— Которой ты поделился с ней добровольно, — съязвил Илльо.

— Говорю тебе: я не мог позволить ей умереть.

Илльо стряхнул с себя наваждение. Берен наговорил так много чепухи, что Илльо чуть не начал верить в нее только из-за ее количества. Глупо.

— Мое предложение остается в силе, — сказал он. — И у тебя действительно только один выход, — сказал он. — Но не тот, о котором ты упомянул. Берен, ты должен стать рыцарем Аст-Ахэ. Единственный возможный путь — для тебя... и для Лютиэн.

— А вот теперь я скажу: осторожнее, Илльо. Я пьян и плохо держу себя в руках.

— Гораздо лучше, чем ты хочешь показать. Или ты стерпел бы пощечину от Болдога?

— Может, и стерпел бы. Болдог может одним ударом загнать мой нос мне же в плотку.

А ты — нет.

— Это спорный вопрос... Но однажды ты не испугался сойтись с ним на кулаках.

— И больше не хочу.

Илльо вздохнул.

— Рыцарский орден Аст-Ахэ — это не просто часть армий Короны. Воины среди нас составляют даже меньшую часть. Есть ученые, судьи, целители... Ты сам видел Этиль, Солля... Ты сможешь стать всем, чем захочешь. И принести огромную пользу своей стране. Ты ведь не станешь отрицать, что Дортонион нуждается в правителе получше, чем Кайрист.

— И куда вы денете Кайриста?

Илльо сжал губы.

— Наступает пора большого очищения. Те, кто позорят Северный Союз и власть Учителя перед лицом новых подданных, должны быть уничтожены.

— Ага... — протянул Берен. — Болдог и Кайрист сделали свое дело, залили эту страну кровью... А теперь приходит добрый малый Илльо, Полуэльф в страну, где от века эльфов любят и чтят, сажает на престол законного лорда, и подданные, обливаясь слезами умиления, присягают вслед за ним на верность Морготу.

— Берен, при всем моем уважении к тебе — не называй Учителя этим словом.

— О каком уважении ты говоришь, Илльо? Я три дня подряд напиваюсь до бровей, чтобы забыть, как убил своего друга и двух его слуг. Я терплю издевательства Болдога, не поднимая головы, как раб. Потому что я и есть раб. О каком уважении к рабу может говорить благородный рыцарь — я не понимаю, потому что сам не стал бы уважать раба ни в коем случае.

— Рабы так не говорят, Берен. Так говорят рыцари в ситуации, которая кажется им безнадежной. Они надеются рано или поздно вызвать своих врагов на удар — потому что единственным выходом представляется смерть. Но на самом деле есть другой выход. И я не предложил бы его рабу. Я предлагаю его рыцарю.

— Если я действительно рыцарь — то я сейчас должен в ответ на твое предложение наплевать тебе в лицо. Потому что ты сидишь в моем замке, в том самом кресле, где любила сиживать мать — а за этими окнами именем твоего господина творятся страшные дела, и я навеки проклят, потому что присоединился к вам. Но я не плюю тебе в лицо, а продолжаю потягивать винишко, мое собственное вино, которое мне пришлось клянчить у вашего коморника. Потому что я раб, пусть даже самый дорогой раб Моргота. Раба незачем упрашивать стать рыцарем Аст-Ахэ. Пленникам и рабам приказывают. Если вам так нужно чучело на троне — можно просто приказать. Я сделаю что угодно.

— Послушай, — Илльо снова начал раздражаться, — я понимаю, откуда эта поза. При той игре, которую тебя заставили вести, ничего другого тебе не остается. Ведь я один, да еще Тхуринэитель, знаем, за какую цену на самом деле тебя купили. В глазах всех остальных ты действительно наемник. Но нам не нужен наемник. Нам нужен человек, который разделяет наши взгляды. Искренне и полностью.

Берен покачал головой.

— Чего-то вы недопонимаете, ребята, — сказал он. — Это что, обычное для вас дело — попав в плен, разделять взгляды врагов, потому-де, что другого выхода нет?

— Для нас обычное дело — до конца хранить верность своим убеждениям, — выпрямился Илльо. — Потому что эти убеждения истинны; каждый из нас приходил к ним по-разному, но каждый их выстрадал, они не были вбиты нам в голову с детства, с

бездумного возраста.

— Ага, — сказал Берен. — Поэтому вы им изменить не можете. А я — могу и должен изменить своим, потому что усвоил их в детстве, в бездумном возрасте. Их вбили мне в голову, как гвозди в подкову, и пора наконец прийти к вашим убеждениям, которым я уже буду оставаться верен до конца. Осталось только выслушать тебя, что же это за убеждения, во имя которых убивают и умирают рыцари Аст-Ахэ. Потому что Болдог убивает из жажды крови, а Кайрист — из жажды денег, а Саурон — из жажды власти. Ради чего же убиваешь ты, Илльо?

— Ради будущего, — ответил айкьет'таэро рыцарей Аст-Ахэ. — Ради того прекрасного нового мира, который мы создадим на этих землях. Мира счастья, свободы, любви.

— Мир, в котором живет Болдог, в котором есть Волчьи Отряды и орочьих банды, не может быть миром счастья, свободы и любви.

— Время Болдога проходит. Скоро отпадет надобность в Волчьих Отрядах и орочьих бандах. Кстати, именно от тебя зависит — как скоро. Мы не хотим вас покорять силой — десять лет лесной войны показали, что это ошибка. Мы хотим вас учить, лечить, защищать закон и порядок. Мы хотим покончить с голодом и болезнями, нищетой и беспорядком. Построить новый мир, мир справедливости... Мир равных возможностей для всех... Тот, кто способен с умом править, получит это право, кем бы он ни был по рождению. Тот, кто на это не способен, будет сыт, одет, дети его будут учиться в школе, а храмовые лекари будут готовы помочь ему бесплатно. Если ты думаешь о благе своего народа — скажи, разве это будет плохо для него?

— Откуда я знаю, Илльо? Я ничего этого не видел. Все, что вы принесли на нашу землю — война, разруха и смерть!

— Хватит попрекать меня этим! — Илльо слегка хлопнул ладонью по столу. — Я молчал и не рассказывал тебе, как была разрушена крепость Хэлгор, как Темных Эльфов убивали на равнине Скорби, как Эллери Ахэ были казнены в Валиноре! Нам тоже есть в чем упрекнуть Валар и тех, кто им служит. Но я молчал — из уважения к твоему горю и твоей скорби.

— Ничего, нашлись те, кто сказал. Только я не верю ни капли. Трогательных историй можно придумать выше головы, а дурочки вроде Даэйрэт будут проливать над ними слезы. Только все это было давно, если и было, а волки рыскают по лесам здесь и сейчас, и Кайрист продает людей в рабство здесь и сейчас, и Саурон в своих подвалах скармливает пленных волчатам — здесь и сейчас!

Илльо некогда было опровергать вранье про волчат.

— Ну так я же и хочу покончить со всем этим, упрямая твоя голова! Орден создан, чтобы со всем этим покончить! Мы сметем нечисть — как пену, как мусор — и Ортхэннер вернется к мирным делам. Если бы ты знал, как ему противна эта война!

— А мне он просто скажет «извини, друг, так вышло»?

— А чего ты хочешь? Чтобы он повалился вам в ноги и умолял о прощении, заливаясь слезами?

— Я хочу умереть, Илльо. Это все, что мне нужно.

— Он принял на себя всю боль мира, Берен. Добровольно согласился на клеймо вселенского преступника и злодея — чтобы уберечь вас. Даже тех, кто ему не подчиняется и не хочет. Откуда это стремление переложить вину на другого? Разве люди не сами творят преступления?

Берен молчал. Он вспоминал страшные рассказы Андрет — Моргот требовал людских жертв. Что скажет на это Илльо, если сообщить ему? Скорее всего скажет, что то был не Моргот, а кто-то другой из Валар — Манвэ, или Оромэ, или Тулкас... Или скажет, что Учитель говорил аллегорически, но его тогда криво поняли и принялись во славу его творить дела, о которых он вовсе не просил. Как говорится, заставь дурака стричь овцу — он с нее шкуру снимет. Надсмотрщики с плетями на гномьих плавильнях — люди... Вастаки, украшающие частокол головами орков — люди... В конце концов, Кайрист, дерьмо над дерьмом — тоже человек, да еще дортонионец, да еще хорошего рода... Сами, сами все над собой делаем. Не один Моргот тому виной. Добровольная жертва, говоришь? Боль мира, говоришь? Ради нас, стало быть?...

— Врешь, — сощурился Берен. — И вот где. Ладно, твой Учитель убил Финвэ потому что тот был первый среди эльфов убийца и палач. Ладно, он увел Сильмариллы потому что на самом деле их придумал не Феанор, а этот, как его... Ну, ты знаешь, кто. Ладно, он Деревья прикончил, они испускали какой-то там не-свет... Или не-тьму, пес вас разберет... Но почему он позвал с собой такую мразь, как Унголианта — а какая это мразь, я знаю не из легенд? Зачем было приводить в мир этакую дрянь, когда дряни и без нее хватало? Уж больно этот поступок с деревьями напоминает мне... одного мальчишку, которого вздул двоюродный брат; а мальчишка со зла написал брату в сапоги. Ни дать ни взять. Погоди бледнеть, Илльо. На самом деле твой Учитель все точно рассчитал. Деревья он убил для того, чтобы сразу же, на месте была замечена пропажа Сильмариллов, чтобы Валар попросили их у Феанора, а он сам увидел, какие они сукины дети; чтобы союз между Нолдор и Валар сразу стал невозможен. Но и это еще не все. Он обчистил сокровищницу Форменоста, убил Финвэ и утащил Сильмариллы, чтобы Нолдор не могли остаться в Валиноре. После такого плевок в лицо они обязательно пошли бы в поход, а хоть на край света. И знаешь, зачем ему это было нужно? Чтобы Валар не развалили его крепость во второй раз, как они это сделали с Утумно. Виноват, Хэлгором. Нолдор — вроде как заложники, пока они здесь, Валар пальцем не шевельнут чтобы свалить Моргота. Это он привел нолдор на эти земли. И все разговоры о добровольной жертве и о том, что он хотел спасти нас от эльфов — ничего не стоят.

Илльо стукнул кубком о стол.

— Ты просто повторяешь то, что в тебя вдолбили с детства! — сказал он. — Бездумно и заученно! А ведь ты можешь работать своей головой, можешь! Но не желаешь. Потому что так проще. Проще верить, что эльфы — святые и непогрешимые, а Учитель — источник всякого зла...

— Илльо, ну что ты болтаешь, чего не знаешь сам? Ты что, залезал ко мне в голову? Видел, что там творится? Я знаю эльфам цену. Они могут творить гадости, и творят; могут ошибаться, и ошибаются... Но они не заставляли меня убивать своих друзей.

— Так мятежники — твои друзья? И отбив срок своей службы, ты все-таки к ним вернешься?

— Разве я не доказал вам свою верность? — горько усмехнулся Берен.

— Учитель редко дает обещания, но всегда держит их, когда дает. Поэтому ты получишь Сильмарилл. И вот он покажет, чего ты стоишь, Берен. Ибо ради блага эльфов его нельзя отдавать Тинголу. Твои драгоценные эльфы перегрызутся из-за Камня, Белерианд изойдет кровью, а мы просто тихо подождем, пока они сами сделают за нас нашу работу. Когда Сильмарилл будет у тебя в руке, ты сможешь решить судьбу Средиземья. Ты сумеешь

отказаться от Лютиэн, отдать камень сыновьям Феанора?

Берен не поднимал головы. Он знал ответ, и знал, что Илльо его знает.

Рыцарь встал за креслом и положил руку ему на плечо.

— Послушай меня внимательно и не кидайся сразу, Берен. Моя мать — эльфийка, мой отец — человек. Я хочу, чтобы такие союзы стали обычным делом. Чтобы никто не называл себя Старшими Детьми и Младшими Детьми, потому что еще неизвестно, кто старший. Чтобы никого не заставляли идти на край света за своей смертью. У эльфов как у народа нет будущего. И они сами это прекрасно понимают, из раза в раз воссоздавая в своих городах прекрасное прошлое, свой Валинор. Дивные, но застывшие формы. Смертность — залог вечного обновления. У эльфов единственный выход: полное слияние с людьми. Твой союз с Лютиэн ценен для нас еще и поэтому: первый случай преодоления предрассудков в вашем лагере, первый мостик между двумя народами, проложенный при помощи того, кого называют Врагом. Любовь, которая остановит войну. Символ.

— Я — не символ, — скрипнул зубами Берен. — Я, сто балрогов всем вам в зубы, человек. Живой. У меня от этих разговоров голова не на месте. И сердце не на месте.

— Все правильно, — согласился Илльо. — Кажется, что мир рушится и ты падаешь в бездну среди обломков... Я видел, как сходили с ума и кончали с собой сильные духом, умные люди — они видели крушение своих надежд. Но обратись, Берен — и узнай, что такое истинная надежда. Настоящая любовь и свобода.

— Любовь — это ошейник. А свобода — это длинная цепь.

Берен одним долгим глотком допил вино прямо из кувшина, размахнулся и бросил посудину о стену.

— Ненавижу себя, — сказал он. — Предал все и всех. Если ваш орден и в самом деле таков, как ты расписывал — мне там не место. А если он таков, каким его вижу я — то я туда не хочу.

Илльо встал, тщательно подбирая слова для конца разговора.

— Ты проходишь сейчас через страшное время. Ты изменил всему, что было основой твоего "я". Оно разрушено, и сейчас ты пытаешься довести дело до конца, разрушив тело пьянством. Но ведь обломки можно собрать. Обращение даст твоему "я" новую основу. Прежний Берен умрет? Да, но он уже мертв. Родится новый, который никак не сможет назвать себя предателем. Ибо быть слепым и прозреть — не значит изменить темноте. Быть парализованным и начать двигаться не значит изменить болезни. Это значит всего лишь вернуть то, что принадлежит тебе по праву. Ни больше, ни меньше. Твой последний довод побит, Беоринг. Спокойной ночи, я иду спать.

Глава 13. Отчаяние

Конь Нимроса был серым, как этот теплый снег, что слипался в тугие мокрые комья и проникал водой везде — в сапоги, под одежду, в жилища... И когда Нимрос был далеко, казалось, что он плывет по воздуху, потому что не виден был серый конь на сером снегу.

Он молча въехал в ворота, спустился с седла и передал повод Гили.

— Ну? — не выдержал Брандир. — Что ж ты молчишь? Говори, что сказала княгиня.

— Княгиня сказала... — Нимрос запнулся, потом сглотнул и продолжал. — Сказала, что сына у нее больше нет. Что с нами будет — ей все равно. От ярна Берена она отреклась, справила по нем тризну и обрезала косу как по мертвому. И тут же слегла. Боги сотворят чудо, если она доживет до весны.

— Что у нее за хворь? — спросил кто-то.

— Воля к смерти, — ответил Нимрос. — Лекарств от нее я не знаю.

Толпа стрелков загудела, и в этом гудении преобладал вопрос: что делать будем, фэррим?

Гили ушел в свой кош. Голова его разламывалась надвое и казалось, что если бы он умер — было бы легче.

...Известие о предательстве Берена пришло полторы седмицы назад — издыхающий орк швырнул эту новость в лицо смертельно ранившему его стрелку. Ему не поверили — мало ли чего скажешь, чтобы позлить врагов. Но три дня спустя появились двое беженцев из Дортониона и подтвердили: правда. Своими глазами видели его среди врагов.

После этого началось рауг знает что. Слухи не то что поползли — полетели. «Драконы» не знали, на каком они свете. Прискакали гонцы от Маэдроза и Гортонна — слухи докатились уже и в Химлад. Последней каплей стало то, что княгиня Эмельдир отреклась от сына.

Гили сначала сидел на лавке, потом лег и натянул на голову кожух. Это было невозможно. Немыслимо. Даже если бы сто гонцов с севера говорили в один голос, свидетельствуя против Берена, Гили не мог бы этому поверить. Берен избавил его от рабской участи, свел с эльфами и самим Государем Фелагундом, сделал воином из подпaska. Гили видел своего хозяина и в радости, и в гневе, и в печали, слышал, как он поет, смеется, орет на своего оруженосца, выкрикивает боевой клич, кидаясь в схватку... Он не находил слов, чтобы объяснить, почему Берен не может быть предателем — он просто знал, что это не так...

Сомнения долго раздирали его надвое — наконец он устал, задремал и не слышал, какое решение принял тинг Драконов.

— Эй, малый! — в кош спустился Рандир Фин-Рован. — Затопи очаг.

Гили встал, пошел на улицу и принес поленьев.

Он не задал вопроса, но новость и сама не удержалась у Рандира на языке.

— Мы отдаемся под руку государя Ородрета, — сообщил он, протягивая руки к огню.

В кош спустились Нимрос, Брандир, Дарн, расселись по лавкам... Гили вдруг почувствовал себя неловко — и какое-то время не мог понять, почему, а потом понял. Все теперь смотрели на него, словно чего-то ждали. Гили не привык быть средоточием внимания и хотел было отступить в тень, взобраться на свою постель. Но Брандир приказал ему:

— Стой.

Гили повиновался.

— Ты был его оруженосцем, делил с ним хлеб и покров, — Брандир сощурил глаза. — Скажи, бывало ли такое, чтобы он ездил на какие-то тайные встречи и переговоры?

— Нет, — сказал Гили. — Он всюду меня брал. Кроме как в Нарготронд, да еще к Государю Фингону на совет, да еще к лорду Маэдросу, да еще к вастакам когда ездил. Но к вастакам — это вовсе не тайно было. Он тогда на глазах всей заставы поехал.

— Но встречался с вастаками наедине, — проворчал Брандир.

Гили смотрел на Фин-Рована и ждал вопроса о Палантире. Но его не было. Гили еще немного порасспрашивали о делах Берена с вастаками и гномами, о встрече с северянами в Нан-Дунгротэб, и отпустили. Точнее, сами вышли из коша, оставив его в одиночестве.

Берен жил в длинном коше, где размещался целый отряд вместе с лошадьми, но помещение князя было отгорожено бревенчатой стеной и имело отдельный вход. Здесь в загородке стояли две лошади — Митринор и Лаэрос; лежало сено. Когда Берен ушел, Гили остался здесь один, и никто не предложил ему перебраться в общий кош вместе с лошадьми и пожитками. Да Гили и не стал бы, потому что здесь, под постелью Берена, находился тайник с Палантиром, кольцом Барахира, странным самострелом — гномовским подарком... Он ходил за лошадьми, упражнялся с мечом и самострелом, когда один, а когда вместе со всеми, но если бы он этого не делал — приказал бы ему кто-нибудь или нет? Забросить свои обязанности ему и в голову не приходило, но порой было любопытно — а все-таки?

Он жил тем, что ждал известий от Берена. Вот, дождался...

Прежде одиночество его нисколько не тяготило, но сейчас вдруг сделалось невыносимым. Огонь в очаге угас, но Гили и не подумал разводить его снова. Он — скорее по привычке, чем по необходимости — вычистил коней, сменил им подстилку и, взяв лютню, через маленькую дверку в стене прошел в общий кош.

Там былолюдно, душно и шумно. Кто-то, как Гили только что, чистил лошадей, кто-то чинил сбрую и обувь, кто-то прилаживал наконечники к стрелам (охотиться Драконы предпочитали с обычными луками), кто-то сажал топор на новое топорище, кто-то просто так валялся на своем сеннике. Посередине горел очаг, висел котелок, и один из парней, Артад дин-Кейрн, помешивал в нем черпаком. Варилась, как понял Гили по запаху, бобовая похлебка с копченым салом — погуще мясного отвара, пожиже каши, ровно так, чтобы не возиться и с жидким, и с жарким.

— Здорово, Руско, — кивнул ему Артад. — Поиграть пришел? Славно. А ну, дерни про косаря и пастушку.

Гили подстроил лютню и «дернул». Песенка была не из тех, которые знатные господа просят спеть для своих леди, но Драконы не отличались чрезмерной разборчивостью. Со второго куплета десятка полтора ребят с удовольствием подпевало.

— Артад, а ты знаешь песню, где припев — «В злой час пала тьма, изменив всех нас»? — спросил Гили, закончив.

— Знаю, — Артад поднес черпак к губам, подул, обжигаясь, выловил ртом боб и, держа его в зубах, прошепелявил: — Это когда-то ярн шочинил. Она длинная и мудреных шлов в ней многовато, вот я и не упомянул вшу... — остудив боб дыханием, он принялся его жевать.

— Балда, — донесся с лежака чей-то басок. — Это же трит-найвен, низка слов.

— Это как? — не понял Гили.

— Долинник, — фыркнул басок. — Это когда один начинает, а другие на это начало нанизывают свои слова. Ярн ее не в одиночку сочинял, а с лордом Хардингом, Дэрвином Фин-Таркелем да Мэрдиганом-предателем.

— А теперь он и сам предатель, — проворчал кто-то в другом углу.

— Лжа! — басовитый парнишка вскочил и запустил в тот угол сапогом. — Не верю я этому и не поверю ни в жисть!

— Ладно ругаться-то, — Артад прожевал. — Пospели бобы, щас трескать будем.

Близость ужина примирила спорщиков. Все полезли за своими ложками, самые благовоспитанные даже подоставали чашки, чтобы есть свою долю отдельно. Артад стукнул черпаком по котлу, прекращая разговоры, и в тишине вознес благодарность Валар, сотворившим по воле Отца богов землю и воду и все их плоды и всех живых тварей. От первой ложки полагалось вкусить богам, поэтому сначала Артад плеснул из черпака в очаг.

Но после ужина, когда миролюбивый Кейрн ушел мыть котел, а к Гили подсел басовитый Морсул дин-Эйтелинг, и они стали вместе разучивать песню — ссора разгорелась с новой силой.

Гили готов был понять того, кого это взбесило — Морсул фальшивил безбожно, да еще и пугал слова, так что Гили песню настолько же разучивал, насколько и досочинял. Звучало это малопривлекательно и скучно, но вряд ли было единственной причиной началу свары.

— Ты, прихлебатель рыжий! — по ту сторону очага воздвигся ворчун, Форлас Фин-Тарн. — Долго ты будешь терзать мне уши своим вытьем? Катись откуда пришел, на восток! Обрежь волосы и ходи за своей сохой, это тебе больше пристало, чем эльфийская лютня! Или убирайся на Север, к своему хозяину — такой же подстилке, как и ты!

Все затихли. Долговязый Тарн нанес Гили несколько оскорблений, которые среди людей постарше непременно привели бы к поединку насмерть. И если после обвинения в рабском происхождении еще можно было уладить дело добром, то после обвинения в мужеложестве отступать было никак нельзя. Такие слова следовало вбивать обидчику в глотку, чтобы ни у кого не возникло соблазна их повторить.

Должен был последовать вызов на поединок, и Тарн ждал его, зная, что Гили на шестах против него не сдюжит. Руско был уже не тем беспомощным новичком, которого избили под стеной Барад-Эйтель, но Тарну уступал, и намного.

Единственным, кому все эти соображения не пришли в голову, был Гили. Намеки на свое низкое происхождение он сносил спокойно, а фразы о подстилке просто не понял, но зато очередное оскорбление, брошенное Берену, уязвило его в самое сердце, и без того растравленное и измученное сомнениями. И он повел себя совсем не так, как повел бы себя на его месте горец. И совсем не так, как повел бы себя вчера или завтра. Он вскочил, бросил лютню на колени обалдевшему Морсулу и пнул ногой поленья в очаге так, что часть их полетела Тарну в лицо. Тот заслонился руками, и Гили, прыгнув прямо в очаг, ударил его ногой в пах, а когда он скорчился — схватил за уши и швырнул вперед. Тарн упал на спину, Гили вскочил ему на грудь. Снова схватив противника за уши, он бил его головой об землю, пока их не растащили.

Все было как в тумане. Лица Брандира, Нимроса, Аргона, командира этой тридцатки мелькали перед его глазами, то появляясь из тумана, то снова растворяясь. Что ему говорили — он не слышал. Кто-то — кажется, Рандир, — отвесил ему оплеуху, чтобы привести в чувство, но добился своего лишь отчасти: Гили слышал, что они толкуют ему о наказании, но не понимал, о чем идет речь. Лишь когда он оказался в своем закутке, один, и дверь

снаружи подперли бревном — он понял смысл сказанного: в наказание он проведет здесь три дня на хлебе и воде.

Ему было все равно.

Со временем он пришел в себя окончательно. Так вот, что зовется боевым безумием... Было это оно или нет, но Гили предпочел бы не впадать в него снова. Каким бы дураком ни был Тарн, как бы ни кичился своей знатностью — а все-таки Гили не хотел убивать его.

— Я больше так не могу, — пробормотал он в сенник. — Мне правда нужна...

Он вдруг понял, что выдержит все, кроме этого дурманящего неведения. Когда, каким образом Берен успел сделаться для него если не светом, то дорогой к свету? Он должен знать правду. Хоть он разорвись пополам — должен. Даже если Берен и в самом деле перекинулся, даже если он прикажет убить своего оруженосца перед своими глазами — все равно это будет лучше, чем изводиться незнанием.

Он помнил получение, данное Береном ему, Рандиру и Авану. И поручение, данное ему одному.

«...Когда в середине хитуи окончатся осенние бури, вы трое должны будете пересечь Эред Горгор в том месте, где пересек его ты, Аван. Вы понесете эту вещь с собой»

Сейчас была не середина хитуи, а самый конец нарбелет, и в Горгороте вовсю бушевали ветра. Сейчас срываться и идти никакого толку не было. Наверное, потому и молчали Аван и Рандир — до хитуи у них еще будет время поговорить спокойно...

Он встал с лежанки, подошел к коням и обнял их обоих за морды.

Когда стемнело, принесли хлеб и воду. А короткое время спустя кто-то из ребят просунул под дверь замотанный в тряпицу кусок сыра.

Гили вытолкнул его обратно.

* * *

Лютиэн искали — а она сидела под обрывом у озера не подавала голоса. Хуан был с ней рядом, а больше ей никто не был нужен...

Когда же это началось, спросила она себя. Когда же Нарготронд сделался ей невыносим? В тот день, когда Келегорм вошел в комнату, где она и Финдуилас трудились над ковром?

Они сдружились с дочерью Ородрета. Финдуилас, такая же задумчивая и молчаливая, как отец, такая же мудрая, как ее мать, понимала Лютиэн с полуслова... Принадлежа двум народам, она могла кое-что объяснить Лютиэн, порой не понимавшей этих неукротимых нолдор. Именно ее позвали потом, когда появился пленник из Дортониона... Но в тот день никто еще не думал ничего худого. Они с Финдуилас кропотливо вывязывали узелок за узелком и говорили о Гвиндоре, влюбленном в дочь короля.

Гвиндор был последним, кто видел Финрода и Берена вместе. Именно ему сказал Финрод слова, из-за которых весь Нарготронд омрачился: вы отреклись от меня, и я к вам не вернусь. Гвиндор не любил Берена, считая его виновником безумия, охватившего короля. Видимо, поэтому же он сторонился и Лютиэн, и когда пришел, то не остался с ними в комнате, хотя проявил все необходимое вежество, а вышел с Финдуилас в сад. Лютиэн

видела их в окно — окна в ткацкой были огромные и светлые, без цветных стекол, чтобы не сбивать работающих с толку при подборе цветов.

Лютиэн знала, что Гвиндор уже давно желает взять Финдуилас в жены, но все никак не посвящается. Может быть, не приди Берен, их свадьба уже состоялась бы. Минули семь лет после гибели матери Финдуилас — она умерла в Минас-Тирит, во время осады — и сроки печали по умершей прошли, но тут в Нарготронде появился смертный, охваченный любовью и мстью — и увлек за собой короля. Сейчас в Нарготронде не играли свадеб, хотя траура по Финроду никто не объявлял.

Глядя на Гвиндора и Финдуилас, она испытывала легкую досаду. О, как же они медлят! Так медлят, как будто у них впереди века. Как будто мир по-прежнему спокоен и юн. Она не говорила это ни ей, ни ему — знала, что ее слова покажутся странными. Она на многое стала смотреть глазами Берена, и теперь видела время не потоком, омывающим жизни Детей Единого, а чудовищем, пожирающим их.

В дверях появилась какая-то тень. Это не могла быть Финдуилас — она все еще стояла в саду с Гвиндором, опираясь на каменную ограду... Тогда кто? Почему-то Лютиэн боялась оглянуться, но тут послышался звук, яснее ясного назвавший ей имя гостя: легкий цокот собачьих когтей о каменный пол... Хуан, везде сопровождавший хозяина, подошел к Лютиэн и положил свою белую лобастую голову прямо поверх нитей основы, напрашиваясь на ласку.

— Я искал тебя, королевна, чтобы пожелать доброго утра, — сказал Келегорм. Лютиэн оглянулась, продолжая трепать Хуана между ушей. Нолдо стоял в дверях, строгий и даже печальный в своем темно-красном наряде.

— Только за этим? — улыбнулась ему Лютиэн.

— Нет. — Эльф набрал в грудь воздуха как перед прыжком в воду. — Я хотел бы поговорить с тобой.

— О чем? — в груди Лютиэн что-то болезненно сжалось от дурного предчувствия.

— О Берене... о тебе... и обо мне.

Сказав это, Келегорм наконец-то переступил через порог, подошел к Лютиэн и сел на место Финдуилас.

— Когда я услышал из его уст, что он полюбил тебя и ищет твоей руки, я счел это признаком великой дерзости, а его слова о твоей взаимности — самое меньшее, плодом его бурных мечтаний. Я не из тех, кто презирает людей, но мне казалось невероятным, чтобы дочь Тингола взяла себе в мужья смертного. Но после твоих слов я узнал, что это правда. А глядя на тебя понял, почему смертный настолько забылся. Любой забылся бы, кем бы он ни был. Я знаю, ты любишь его — иначе не покинула бы дом. И я хотел бы спросить тебя: что в нем есть такого, ради чего ты презрела всю разницу между вами, и пошла на гнев отца, на опасности дороги и на неизбежную скорбь, которая ждет тебя в случае его смерти?

— Зачем тебе это знать, лорд Келегорм? — прошептала она.

— Потому что затем я хотел бы спросить — есть ли во мне что-нибудь, за что меня могла бы полюбить такая женщина как ты?

Лютиэн опустила голову на мгновение, потом снова посмотрела в глаза Келегорму.

— Я полюбила его за то, что он полюбил меня, — сказала она. — За то, что страдал, тая свою любовь, но был отважен, открывая ее. За то, что он предлагает мне себя всего искренне и без остатка, как жертву, полностью раскрыв ладони, не пытаясь ничего удержать и оставить себе; а меня он принимает как благословение, не требуя того, что сверх моих сил, но и не пренебрегая ни единой малостью. Люблю остроту его разума, неистовство чувств,

мощь воли, которая повела его в этот безумный поход... Я люблю его за то, что он — это он; потому что я — это я. Вот, пожалуй, и все...

— Значит, — подытожил Келегорм, — Если бы... его не было... Ты могла бы полюбить того, кто отдал бы тебе всю свою жизнь, без остатка? Был бы в любви так же неистов, но дожидался бы знака твоей благосклонности, как скованная льдом река ждет весеннего ветра, чтобы вскрыться? Творил бы во имя твое прекрасные безумства? Презрел бы все, что судьба воздвигла между ним и тобой? Принимал бы все, что ты соблаговолишь подарить ему — как дар, не требуя большего? — с этими словами он коснулся ее руки. Его дыхание пресеклось, и когда он заговорил снова, голос был тихим, как шелест травы:

— Могла бы ты полюбить меня, королевна?

Она отняла руку — горячие пальцы Келегорма, казалось, оставили на коже следы, как на покрытом изморозью стекле.

— Могла бы ты за меня выйти замуж, если бы он не стоял между нами?

— Если бы его не было, — твердо сказала она, — и если бы ты каким-то чудом преодолел горы страха и пустыню одиночества, чтобы попасть ко мне... то может быть. В тебе есть многое из того, что я люблю в нем. Но если бы его не было, я никогда не покинула бы Дориата, и мы не встретились бы с тобой — к чему терзаться пустыми мечтами?

— А если его... не станет? — спросил Келегорм. — Ты знаешь, ямы Саурана — это место, откуда не возвращаются.

— Лорд Келегорм, — Лютиэн встала. — Ты опасно приближаешься к границам вежества и чести. Не пересекай их, прошу тебя, потому что я питаю к тебе самую искреннюю признательность, и не хочу, чтобы ты ее разрушил словом или делом прежде, чем она переросла в дружбу.

— В дружбу... — вздохнул нолдо. — Ну что ж... Я возьму пример с твоего возлюбленного, буду довольствоваться тем, что ты даришь мне и не просить большего. Только один вопрос, королевна — прежде, чем я уйду...

Он встал.

— Ты сказала, что во мне есть много из того, что ты любишь в нем. А что у него есть такое, чего нет у меня?

Лютиэн пришлось немного подумать над ответом.

— Самоотречение, — сказала она наконец.

Келегорм расхохотался внезапно, громко и страшно. Даже Хуан, свернувшийся было кольцом у ног Лютиэн, вздрогнул и вскочил.

Нолдо смеялся как безумец — так смеются отчаявшиеся и обреченные, которым ничего больше не осталось. Так смеялся Берен в тронном зале Менегрота...

Мгновение спустя Келегорм овладел собой, подавил свой смех, в кровь кусая губы — но плечи его продолжали содрогаться. Так, смеясь, пряча искаженное лицо в ладонях, он и вышел, сопровождаемый изумленными взглядами Гвиндора и Финдуилас...

Келегорм пришел один раз после того разговора, сказал, что отныне стражем ее покоя он делает Хуана (от кого этот покой охранять здесь, в Нарготронде?) — и не появлялся больше. Прошла неделя, началась другая. Лютиэн бродила по залам, переходам, улицам, мостам и пещерам города, поражаясь искусству нолдор, их умению чувствовать и раскрывать красоту камня. Но все же она оставалась пленницей: Хуан неотступно следовал за ней, и стража вежливо заворачивала ее, если она пыталась покинуть пределы города. Как жестоко и остроумно подшутила над ней судьба: теперь Лютиэн подвергалась такому же вежливому,

но унизительному заточению, что и Берен когда-то, в ее лесах...

Ей все здесь сделалось ненавистным — учтивая стража, красота убранства покоев, сады... Только озеро, схватившееся ледком, в венце из ив, напоминало ей о Дориате... Она любила приходить сюда, в этом тайном уголке она и пряталась сейчас от всего мира, время от времени опуская пылающую руку в воду и зачерпывая ее горстью вместе с крошками льда, чтобы остудить лоб и щеки...

— Это неправда, — шептала она Хуану. — Неправда...

...Едва Келегорм постучал в дверь ее спальни, едва она, открыв, увидела в его глазах затаенное торжество, как сердце ее забилося и завывло, как бьется на сворке и воев охотничья сука, друга которой только что запорол клыками кабан. Она не знала, что за весть он принес, но, не зная, уже противилась ей всем сердцем.

— Что ты хочешь сказать мне, лорд Келегорм?

— Я хотел пригласить тебя в зал совета, госпожа Тинувиэль, — Келегорм протянул руку. — Тебе лучше услышать это из первых уст.

«Мне отчего-то кажется, что лучше вовсе этого не слышать», — но она приняла его ладонь и пошла следом. Ладонь его была холодной и сухой, как змея.

Зал королевского совета был почти пуст — чуть меньше двух десятков эльфов расположились на скамьях нижнего круга. Ородрет сидел на троне, Финдуилас — по правую руку от него, Лютиэн отвели место по левую. Рядом с Финдуилас стоял Гвиндор. С правой стороны от короля сидели пятеро бардов, две женщины и трое мужчин, и несколько холдор из дома Красного Щита, одной из младших ветвей арфингов, состоявшей в родстве с тэлери. С левой стороны от короля занимали места сыновья Феанора и их свитские.

— Введите, — сказал Ородрет.

В сопровождении стражи вошли двое эльфов. Оба шагали твердой походкой, и одеты были в новую, свежую одежду, но лица их были сумрачны и измождены, а волосы обрезаны коротко. Голова одного была повязана платком. Оба не носили оружия и украшений, но даже если препоясать их мечами и надеть знаки вождей, все равно согбенные плечи, тяжело висящие руки и привычка прятать глаза выдали бы в них вчерашних рабов. Лютиэн стиснула пальцы на подлокотнике кресла. Она знала обычай — до того, как выяснится, нет ли на беглом пленнике скверны, держать его под стражей, следя, чтобы он не причинил зла ни себе, ни другим.

— Вы находитесь в Нарготронде, перед судом короля Ородрета и его бардов, — сказал Гвиндор. Беглецы и сами знали, где они, но, видимо, обычай бардов требовал перед началом разбирательства объявить о месте и участниках. — Назовите свои имена.

Эльф с повязанной головой поднял глаза и прежде чем ответить, оглядел весь зал.

— Я — Телкарон из дома Красного Щита, сын Андавара и Телперанто из Альквалондэ. Моя мать осталась на том берегу, мой отец погиб в Дагор Аглареб. Мой брат Эрегиль жив и находится здесь, он подтвердит мои слова.

— Здесь ли Эрегиль из дома Красного Щита?

Со своей скамьи поднялся эльф, сходство которого с узником не вызывало сомнений: они были братьями. По знаку короля Эрегиль спустился в круг.

— Я подтверждаю, что вижу перед собой своего брата и слышу его голос, — громко сказал он. Получив знак, отошел в сторону и сел на одну из скамей нижнего круга.

— Узнаешь ли ты меня? — спросил Ородрет у пришельца.

— Конечно, Артаресто Арафинвион, — ответил эльф высокой речью. — Но когда я

покидал Нарготронд, ты еще не носил королевской короны.

— Ты бежал из плена? — продолжал расспрашивать король.

— С оловянных рудников в Эред Горгор, в бывшем владении Хардинга из народа Беора.

— Как ты попал в плен?

— Мы с женой и детьми жили в поселении Берит на севере Сосновых гор, — четко проговорил эльф. — Огонь Браголлах до нас не дошел, но мы поняли, что заставы пали и нужно ждать нападения. Жену и младших детей я отправил в Бар-эн-Эмин, а мы со старшим сыном взяли в руки мечи и присоединились к войску человека, которого звали Борвег Мар-Броган. Нас было девяносто четыре, тех, кто сражался вместе с людьми в долине Ладроса. Сейчас живы еще двадцать шесть — кроме меня. Я был ранен и захвачен тогда же, когда пал их князь Бреголас; мой старший сын в этой битве погиб. Им удалось прорвать наши заслоны, но взять замка Кэллаган, закрывавшего долину, они не смогли, а через несколько недель осады на помощь прибыл Гортон, один из коненов Барахира... Все это я узнал уже будучи в плену.

С этими словами эльф снял повязку. На лбу его темнел страшный знак: клеймо, выжженное раскаленным железом. Корона с тремя точками в ней. Корона Севера и три Сильмарилла...

Обернувшись кругом, медленно, чтобы видели все, зажмурившись и склонив плечи под тяжестью своего позора, эльф снова показал всем свое лицо. Со скамей послышался возглас жалости — женский голос.

Снова повернувшись к королю, эльф надел платок и резко, яростно затянул узел на затылке.

— Как тебе удалось бежать? — спросил Ородрет.

Эльф вздохнул.

— Я не обольщаюсь своей ловкостью, — сказал он. — Подозреваю, что мне просто позволили. Мы пытались несколько раз, но им прежде всегда удавалось ловить беглецов или тех, кто готовит побег... Они умирали под пыткой — такова обычная кара за это. Я решился, потому что унижений больше выносить не мог. Надеялся скорее на смерть, чем на удачу: удача дело неверное, а смерть — она ведь приходит, рано или поздно.

— Благодарю тебя за ответы, — сказал Ородрет. — Назови нам свое имя, — обратился он ко второму беглецу.

— Почему я должен это делать? — резко спросил тот. — Я охотно назвал бы его друзьям, родичам, если бы они встретили меня с раскрытыми объятиями, усадили за стол и налили полную чашу в честь моего освобождения. Но здесь я снова узник, а своим тюремщикам я на вопросы не отвечаю.

— Мы не тюремщики, — подала голос невысокая нолдэ в синем плаще барда. — Мы стражи Нарготронда, призванные следить, чтобы зло не проникло в него. Наше оружие, как и оружие нашего противника, незримо. Лучший способ убедить нас в том, что ты не несешь с собой зла — это ответить на наши вопросы. Ты, пришелец, — перед королем Нарогарда, и он спрашивает тебя.

— Ради короля я отвечу, — сказал беглец. — Я Хисэлин, сын Иорвэ из Тириона. Мои родители остались по ту сторону моря, когда я отправился сюда на кораблях Маглора, сына Феанора. Я был в его дружине, и пять лет назад, когда орки штурмовали Химринг, меня захватили в плен. Я был на тех же самых рудниках, что и Телкарон, и бежали мы вместе с ним. Мы не решились переходить поздней осенью через Эред Горгор, и лесами пробирались

к проходу Анах. Телкарон уговорил меня пойти с ним в Нарготронд, и я согласился, потому что испугался в одиночку идти между Дориатом и Нан-Дунгортэб. Теперь жалею об этом. Лучше бы меня сожрали пауки, чем терпеть унижение от арфингов.

— Если все происходящее кажется тебе унижительным — ты волен перестать терпеть это и покинуть Нарготронд, — сказала все та же нолдэ. — Если ты чист, тебе повезло. Если ты осквернен — ты унесешь скверну с собой, и горе твоим близким. Пройти очищение никто никого не может заставить — но нельзя заставлять других подвергаться риску скверны.

— О какой скверне ты говоришь, Эленхильд из дома бардов? — поднялся со своего места Келегорм. — Нет скверны, кроме предательства, а предательства Хисэлин не совершал.

— Мне известно твое мнение по этому вопросу, лорд Келегорм, — Эленхильд была невысока ростом и ей пришлось немного вскинуть голову, чтобы встретить взгляд феаноринга. — Я знаю, что сыновья Феанора не признают ни скверны, ни очищения. Но здесь, в Нарготронде, другие порядки. Они установлены государем Финродом и не вам их менять, хоть вы и изгнали государя.

— Довольно, — сказал Ородрет. — Эленхильд сказала правду, Хисэлин: таков здешний закон. Ты должен пройти через очищение или покинуть Нарогард.

— Подчинись, друг, — сказал Куруфин. — От расспросов здешних бардов, как от шума ветра, не хорошо и не худо.

— Спрашивайте, — Хисэлин отвесил королю и бардам внешне почтительный, но полный скрытой издевки поклон.

— Как ты думаешь, с какой целью могли тебя отпустить?

— Отпустить меня? Я не ждал, чтобы меня отпустили. Унижаться, как Телкарон, я не буду: свободу мы добыли себе ловкостью и силой. День за днем мы прокапывали в одной из рабочих штолен ход наружу, эта работа заняла почти год — и вы говорите, что нас «отпустили»?

— Хорошо, Хисэлин: вы почти год копали лаз — и никто ничего не заметил, — сказал один из бардов. — Но припомни: не случилось ли в последнее время чего-то такого, что ты назвал бы важным?

— Случилось, но я не вижу, как это могло быть связано с побегом. Пусть говорит Телкарон, это ближе ему.

Король повернулся к Телкарону и эльф на короткое время прикрыл глаза.

— Мне тяжело говорить об этом, потому что это касается не только меня...

— С того момента, как ты пересек границу Нарогарда, здесь все касается не только тебя. Говори.

— В конце лассэ-ланта к нам приехали с проверкой от самого Моргота, из Ангбанда. Я много слышал о людях, которые служат Морготу преданнее всех, о тех, кто называет себя Рыцарями Твердыни Тьмы. Но прежде я никогда не слышал, чтобы среди них были эльфы...

— Эльфы? -переглядываясь, несколько раз повторили барды. Ородрет снова поднял правую руку, останавливая шум.

— Говори.

— Двое, государь. Первый — мужчина. Он молод. Похож на синдо. Вторая — женщина, похожа на нолдэ, но только наружностью. Ее феа — тьма. В Незримом она похожа на чудовище, притаившееся в темном облаке. Насколько я могу судить, она — каукарэльдэ.

— Зачем они приезжали?

— С ними был человек, который должен был найти на рудниках своих знакомых и освободить тех из них, кто покажется надежным ему и его господам. Он... из народа Беора... — эльф прикрыл глаза ладонью, нажал большим и средним пальцем себе на виски, вспоминая. — Поначалу я надеялся, что ошибся. Но потом я переговорил с другими из наших, кто знал его в мирные годы Дортониона... Тогда он был еще юношей по людскому счету, а по нашему — совсем мальчиком. Они так меняются, эти смертные... Я думал, что этот просто похож на него, но потом я увидел вблизи его глаза... Глаза у них остаются прежними, государь. Мне горько так говорить, но я видел там Берена, сына Барахира.

— Не может быть, — вырвалось у Лютиэн.

— Горе мне, прекрасная, чьего имени я не знаю, горе мне, что я приношу эту весть — но это так. Горе и тебе, если ты связана с ним дружбой или узами более крепкими. Я видел его в стане врага, в одежде врага, с оружием врага. Люди, знавшие его, сложили легенду о том, что это не он, а сотворенный колдовством Тху подменьш. Но я не смог в нее поверить.

— Почему? — спросила Финдуилас.

— Когда он ходил среди нас и выбирал людей, он не смотрел нам в глаза. Едва ли Тху сотворил бы подменьша, способного испытывать стыд.

Все молчали. Телкарон задал наконец вопрос, который давно хотел, но не решался задать.

— Государь Ородрет, сейчас ты должен спрашивать, а я отвечать, но нетерпение жжет мне нёбо. Я шел сюда, ожидая увидеть на этом троне Финрода Фелагунда. Где он и почему ты занимаешь его место?

Прежде чем Ородрет успел открыть рот, Келегорм вскочил и сказал:

— Король Фелагунд ушел отсюда этой весной. Ушел в сопровождении Берена, сына Барахира — и с тех пор его никто не видел живым.

— В мое время, если кто-то хотел говорить в совете, — он спрашивал позволения у короля, — не глядя в его сторону, проговорил Телкарон. — Или хотя бы ждал некоторое время, чтобы убедиться, что он ни у кого не перехватывает слово.

— Сыновья Феанора, — голос Ородрета был похож на раствор, которым вытравливают узор в металле: на вид — прозрачен и безобиден как вода, а на деле — жидкое пламя. — Настолько возвеличены в своей безмерной мудрости, что полагают себя вправе никого ни о чем не спрашивать. Что ж, я уступаю им честь рассказать, почему ушел мой король и брат. Им есть о чем поведать.

Если у Келегорма есть хоть капля ума и чести, подумала Лютиэн, он сейчас попросит прощения и умолкнет.

Но ненависть к удачливому сопернику и радость о его падении пересилила все, что было в Келегорме доброго.

— Берен, — сказал он, и имя слетело с его уст как плевок. — Пришел сюда требовать помощи в разрешении своих сердечных дел. Ибо когда он сбежал из Дортониона, какими-то судьбами его занесло в Дориат, где он ухитрился добыть любовь принцессы Лютиэн Тинувиэль, но не сумел получить согласия ее отца на брак. Элу Тингол послал его за свадебным выкупом, за Сильмариллом, но, видимо, не подумал, что смертный втянет в это и Финрода.

Телкарон слегка покачнулся, словно получил удар.

— Так это правда, — сказал он. — Орки, не скрываясь, болтали об этом: за год и один день верной службы Моргот пожалует Берену, сыну Барахира, Сильмарилл. Свадебный

выкуп за дочь Тингола... И цена крови короля Финрода...

Лютиэн не могла больше терпеть. Закусив губу, чтобы не крикнуть, она вскочила с высокого кресла и выбежала из зала.

И вот теперь она сидела на берегу, не зная, что ей делать и как жить дальше. Хуан время от времени поднимал голову и лизал ей руки, красные и бесчувственные от холодной воды. Она знала, что рано или поздно ее найдут, и потому не двигалась. Пусть они сами сделают свою работу...

— Лютиэн? — под обрыв спустился эльф из свиты Ородрета. — Король ищет тебя, королевна. Он желает поговорить с тобой наедине.

— Передайте ему, что я иду, — вздохнув, она поднялась. Хуан встряхнулся и зашагал следом.

Ородрет, когда она вошла, кивком удалил всех, показал рукой на стол, где было простое угощение — печенье и яблоки. Лютиэн села, взяла одно, но есть не стала, а только бездумно вертела в руках.

— Все не так просто, — сказал Ородрет после долгого молчания. — Телкарон признает, что не столько ловкость и удача помогли ему бежать, сколько пощущение Саурона. Это значит, Саурон желает, чтобы мы знали, в какую беду попал Берен. И чтобы мы гадали мучительно, в какую беду он вверг моего брата...

— А что будет с ним? — спросила Лютиэн. Ородрет сразу понял, о ком она.

— Телкарон пожелал пребывать в Бар-эн-Бейрдд, покуда не отдохнет и не исцелится душой и телом. Финдуилас уехала туда... И его нужно расспросить еще... о многом.

Лютиэн вздохнула. Ородрет так и не решился сказать прямо: «о Берене».

— Я очень прошу тебя не принимать сейчас опрометчивых решений, — Ородрет встал перед креслом Лютиэн и взял ее за руки. — Будь спокойна и мужественна... Нет, лучше оставайся женщиной. Не поддавайся слабости мужчин: гневу.

— Ородрет, — прошептала она, сраженная внезапной догадкой. — Но ты знал, прежде чем начался совет... Ты откуда-то знал...

— Неделю назад ко мне приходили вестники из Бретиля. Лес гудит, как растревоженный улей. Саурон хорошо позаботился о том, чтобы пошли слухи...

Ородрет вздохнул и продолжил:

— Летом Берен собрал в Бретиле ватагу молодцов для весеннего наступления на Дортонион. Это они присылали ко мне вестников. Они отрекаются от своего князя и просят меня принять их под свою руку.

— И ты согласился?

— Ничего другого мне не остается. Они будут нужны. Чем бы ни стал Берен, отступить поздно — нужно довести до конца то, что они начали с моим братом... Послушай, что я скажу тебе. — Он откинулся в кресле, сложив руки перед грудью «домиком». — Берен и Финрод вышли в путь в последних днях нарбелет. Сейчас гиритрон. Если они в плену, то были схвачены в первые же дни своего пути — Саурону ведь мало заполучить Берена, он должен был еще и удостовериться в нем. Как он может положиться на того, кто так долго был его врагом?

— Если способы есть, то кому их и знать, как не ему, — горько проронила принцесса.

— Тогда горе всем нам, потому что Саурон знает и о Союзе Маэдраса, и о Бретильских Драконах, и о многом другом. Я не могу поверить, чтобы он заставил Берена служить себе и не заставил говорить.

— Но тогда Саурон должен что-то предпринять для предотвращения опасности.

— Верно. Либо отказаться от наступления на Хитлум и за одну зиму измыслить что-то иное. Либо следовать своему прежнему плану, усилив армию для охраны южных границ... Так или иначе, но перемещениями войск он выдаст себя. Меня же удивляет еще одно. Мой брат у него в плену — а о его судьбе ничего не слышно. Почему? Весть о его пленении или казни потрясла бы эльфов куда сильнее, чем весть о предательстве Берена. У всех еще жива память о расправе с Маэдросом...

— Расправа с Маэдросом сплотила нолдор, — возразила Лютиэн. — Вдруг он не хочет повторять ошибку своего господина.

— Он не повторил бы ее теперь. Ведь Финрод попал в плен только потому, что отправился вместе с Береном за Сильмариллом, а феаноринги так запугали народ в его городе, что эльдар предпочли предать своего короля. Сильмарилл расколет наш народ, а не сплотит его. Будь Финрод казнен из-за Камня, феанорингов бы изгнали из Нарогарда, и это привело бы к ссоре с Маэдросом, возможно, распался бы их с Фингоном союз... Объявив Финрода заложником, Саурон мог бы потребовать выкуп или отступное. Потянуть время, поторговаться... Почему он этого не делает? Я думал, и не нашел другого ответа, кроме как — он все-таки держит Финрода в заложниках, но только для Берена. Или — самое худшее, о чем мне не хочется и думать: он отослал Финрода в Ангбанд...

— А может, и то, и другое, — Лютиэн сжала кулак. — Если Финрод у него в руках, то он хозяин положения и может делать что пожелает.

— Теперь я хочу спросить у тебя, сестра — и подумай хорошенько, прежде чем ответить, потому что здесь ты лучше всех знаешь Берена. Скажи, может ли Берен пожертвовать своим королем, чтобы освободиться?

Лютиэн задумалась. Вопрос был страшным, а ошибаться ей нельзя.

Она вспомнила все, что Берен говорил ей о Финроде. Выражение его лица во всех этих случаях. Его голос. Наконец, его слова.

— Нет, — сказала она наконец. — Финрод для него... Я не знаю, кто для него теперь Финрод, а тогда он был как бог его народа. Как дух предка-хранителя, в которых они верят — он рассказывал мне о таких. Только Финрод еще и воплощен, близок и знаком... Берен не тот человек, кто предает своих покровителей.

— Значит, угрожая жизни Финрода, Тху мог бы добиться от Берена многого? Неужели люди не понимают, что верить ему нельзя, что он никогда не ограничится чем-то одним, если может получить все?

— Это не так просто, как ты думаешь, Ородрет. Над Береном тяготеет одно страшное воспоминание. Однажды его схватили... и он отказался сказать оркам то, о чем его спрашивали. Даже не отказался — он этого просто не знал, это были всего лишь слухи, что Барахир спрятал где-то свое золото. Они угрожали жителям той деревни, где взяли его... И выполнили свою угрозу. Он видел, как за него умирают те, ради кого он ничем не поступился.

Оба снова умолкли на несколько мгновений.

— Скажи, Ородрет... А ты не допускаешь мысли... не веришь, что Берен мог и вправду продаться за Сильмарилл?

— Нет, — решительно качнул головой Ородрет. — Я колебался до какого-то времени, но вскоре после того как ты ушла, я распустил свидетелей и родичей и продолжил допрос только с бардами. Телкарон рассказал одну важную подробность. На дортонионских

рудниках вместе с ним был Элвители, один из ближайших друзей и военачальников Ангрода. Элвители не было с моим братом в день его гибели, он вел отряд на северные заставы, на подмену... Они сражались потом в войске Бреголаса, и Элвители, как мы думали, погиб. Если бы враги, взяв его, узнали, кто он — то казнили бы его страшной казнью или отправили в Ангбанд.

Король вздохнул и продолжил:

— Берен хорошо знает его, ибо служил под его началом на северной границе. Если бы он продался и хотел выслужиться — он выдал бы Элвители, когда приезжал на рудники. Но он промолчал. Поэтому я верю, что он служит по принуждению, а не охотой. А теперь, сестра, иди, оставь меня думать одного.

Лютиэн покинула Дом Королевского Совета, все еще держа в руке яблоко. Хуан, стороживший у двери, последовал за ней.

«Что ж», — думала она. — «Теперь я, по крайней мере, знаю, где он. Мне не нужно идти на Волчий Остров, всего лишь в Дортонион. Он пересек горы, Телкарон сумел это сделать — смогу и я».

Она знала, где взять еды, а вместо великоватых сапог Галадриэли ей сшили крепкие зимние башмаки — как раз по ноге, подбитые изнутри мехом и выложенные войлоком. И теплая одежда была у нее, и даже оружие она могла бы взять, если бы захотела. Но решила не брать ничего, кроме своего ножа.

Ранним утром — так рано, что летом еще только начало бы блекнуть небо, а сейчас стояла и вовсе густая темень — Лютиэн покинула свою комнату и спустилась вниз по лестнице. Неслышно перешагнула через спящего Хуана, беззвучно шепнула ему слова прощания и направилась к известному ей выходу из города — маленькой пещере, такой узкой и низкой, что двое мужчин с трудом могли бы разойтись в ней, а коней можно было провести только в поводу. Этой пещеркой пользовались для своих охотничьих вылазок братья-Феаноринги, и эльфы из их свиты стерегли вход в нее, наружный же выход держали эльфы Ородрета. Затаив дыхание, Лютиэн прошла мимо первой стражи. Плащ, как она и думала, надежно укрыл ее от взгляда. Осторожно касаясь руками стен, она двигалась вперед медленно, чтобы не налететь на охранников снаружи. Она уже почти вышла, как вдруг...

Сзади послышался громкий собачий лай.

— Хуан! — крикнул один из эльфов Келегорма. — Ты что, не в своем... Ай! — видимо, огромный пес просто сшиб его на бегу.

— Да что с ним! — крикнул другой. — Кого он там нашел?

— Эй, что случилось? — это уже наружная стража вошла в пещеру. Голоса заметались под сводами, а Лютиэн, разом обессилев, стояла беспомощно и только смотрела молча на белую тень с золотыми глазами.

Тень и разом сделалась очень плотной — и толкнула ее. Сбежавшиеся с обоих концов стражи обнаружили принцессу лежащей на спине, на полу пещеры. Плащ раскрылся, делая ее видимой, вещи валялись кругом в беспорядке, а Хуан лежал на ее ногах, всем своим немалым весом прижимая их к земле.

— Королевна? — изумился эльф из ородретовой стражи. — Ты хотела покинуть город? Зачем?

— Это фэйр, — ответил ему один из феанорингов. — Она повредила в рассудке из-за любви к смертному. В отличие от любой другой заразы хилдор, эта на нас действует.

— Отпустите меня, — прошептала Лютиэн, зажмурившись от унижения. —

Отпустите...

— Ее нужно отвести к королю, — нерешительно сказал арфинг.

— Скорее к бардам, для исцеления, — феаноринг протянул руку вперед, но Хуан зарычал на него. — Бесполезно. Пес не стронется с места, пока не придет Келегорм.

«О, нет», — подумала Лютиэн; и тут милосердный Ирмо послал ей забытьё.

Очнулась она от того, что Хуан лизал ей руку. Ее вынесли из пещеры и держали на руках, сплетенных «замком», кругом была уже толпа — Келегорм, Куруфин и их воины, эльфы Ородрета, их начальники — Гвиндор и Эрегон... Все полуодетые, в кафтанах и плащах поверх рубашек; все говорили разом, ничего нельзя было разобрать.

— Хватит пустой болтовни! — голос Эрегона перекрыл шум, заставив всех умолкнуть. — Королева попыталась покинуть город государя Ородрета, а значит, это дело должен решать сам государь!

— Но королева — наша... — вскинулся Келегорм.

— Ваша... кто? — мрачно усмехнулся Гвиндор.

— Наша гостья, — Куруфин отеснил брата в сторону. — Поэтому именно мы препроводим ее в ее комнату. Я не вижу никакой нужды во вмешательстве Ородрета, потому что границ его города принцесса не покинет.

— А что за право у нас удерживать ее здесь? Почему ты решаешь за государя, лорд Куруфин? Может быть, король Ородрет отпустит ее восвояси.

— Куда, Гвиндор? В Ущелье Сириона, на растерзание волкам и оркам? — крикнул Келегорм.

— Что здесь происходит?

Эльфы расступились и перед Лютиэн оказался Ородрет. Он придерживал на плечах соболиную накидку, но из-под нее выглядывало простое нижнее платье. Лютиэн высвободилась из заботливых рук и встала перед ним.

— Ты все-таки решила уйти, — горько сказал он. — Я же просил тебя...

— Почему ты не хочешь меня отпустить? Почему вы все не оставите меня моей судьбе?

— Потому что я люблю тебя, сестра, — просто ответил Ородрет. — Но если твоя воля такова и ты отвергаешь мой совет — иди.

— Ты не смеешь! — все онемели от изумления: в присутствии короля Келегорм обнажил меч. — Что бы ты ни говорил, Ородрет, а я ее не отпущу.

— Лорд Келегорм, я сама распоряжаюсь своей судьбой, — Лютиэн попыталась сделать шаг вперед, к Ородрету, но чьи-то крепкие руки перехватили ее за плечи.

— Келегорм, я тебе когда-нибудь говорил, что меня раздражает твоя вспыльчивость? — Гвиндор тоже выхватил меч. — Ты остынешь, если в тебе окажется немного холодной стали?

Прежде, чем он умолк, за оружие схватились все, кто был вооружен. Лютиэн и Ородрет оказались в кольце мечей, а в спины им дышали воины, распаленные старой враждой и готовые драться до смерти: одни — за нее, другие — за своего короля.

— Если ты, Ородрет, попытаешься отобрать Лютиэн, я забуду, что ты мой родич, — сдавленным голосом проговорил Келегорм.

— Я верю тебе, — пар, вырывающийся изо рта короля от дыхания, должен был бы тут же осыпаться кристалликами инея. — Я помню, что забывать такое тебе не впервой.

— Но на сей раз, — Эрегон выступил вперед, заслоняя короля собой. — На сей раз и у родичей есть мечи.

О, Элберет! — Лютиэн почувствовала болезненную тяжесть в животе и поняла, что такое настоящий страх. Это будет вторая резня в Альквалондэ, и, как тогда, победителем не выйдет никто. Если воины Нарготронда перебьют феанорингов, то городу никогда не войти в Союз Маэдроса, потому что Маэдрос этого не простит... А если победят феаноринги, то союз расторгнет Фингон...

— Хватит! — она вскинула руки. — Хватит, я устала от всего этого. Я не желаю, чтобы кровь эльфов лилась здесь. Вот вам мое решение: я остаюсь пленницей лорда Келегорма. Спрячьте оружие.

Зашуршала ползущая в свое логово сталь.

— Ты доволен теперь? — в улыбке Куруфина смешались учтивость и насмешка.

— Нет, — честно ответил Ородрет. — И я дождусь своего дня, Куруфинвэ Феанарион. Ждать я умею.

— Ну так жди, — усмехнулся Куруфин. — А действовать предоставь тем, кто на это способен.

— Ты стерпишь это, государь? — тихо спросил Гвиндор, когда Куруфин удалился.

— Пока — да, — кивнул Ородрет.

* * *

Куруфин боялся, что еще несколько дней в обществе Лютиэн — и братец кого-нибудь убьет, поэтому и устроил охоту вблизи от северных пределов. Пусть этим кем-то будет орк или волколак.

Однако ни орк, ни волколак им не достался.

Охота без Хуана — это была совсем не та охота. Псы выследили волка и подняли его, лигу или две гнали — и под конец обнаружили убитым вблизи берегов Тейглина. Удачливые охотники находились тут же — ватага юнцов с самострелами. Их кони стояли неподалеку, а те пятеро, что удерживали их за уздечки, были уже совершеннейшими мальчишками.

Волк был истыкан болтами самострелов и изрублен топорами — но перед этим успел покалечить двух собак. Оруженосец Куруфина, соскочив с коня, добил несчастных животных.

— Проклятье! — Келегорм швырнул на землю лук и изломал стрелу. — Кто позволил вам вмешиваться в нашу охоту?

— Прощения просим, господин, — вперед выступил высокий юнец. Волосы его на висках были заплетены в косы, в ухе он носил серьгу, а щеки его покрывала поросьль, которую он, наверное, считал бородой. — Но мы подумали: если волк порвет собак и переправится через Тейглин, то вы потеряете его след, а в наших землях он натворит много беды. Вам забава, а нам горе.

Он говорил на хорошем нолдорине, но проговаривал слова не так, как эльфы: совсем не смягчал согласных, так что получалось «гаспадын» или «Тэйглын». Кроме того, "х" он произносил всегда как «харма», даже там, где должно было звучать «аха», а "р" — глухо, как нолдор Валинора.

Пока он говорил, юнцы перезарядили самострелы и встали в два ряда по правую руку от

своего вождя. Куруфин понял, кто это: мальчишки-горцы, собранные Береном в войско и стоящие станом где-то поблизости. Он знал, что недавно Ородрет выезжал в один из фортов у Нарога — для переговоров с их главарями. Когда пришла весть о пленении Финрода и предательстве Берена, Бретильские Драконы — так это щенячье войско себя называло — попросилось под его руку.

— Ты прав, — Куруфин сильно толкнул ногой пятку Келегорма, чтобы тот не успел сказать или сделать какой-нибудь глупости. — Безопасность людей Бретиля должна быть много важнее охоты сыновей Феанора. Скажи, юноша, кто ты?

— Я Форлас Фин-Тарн, сын Фарада Мар-Тарна, — юнец поклонился.

— Достойное имя, — сказал эльф. — А я — Куруфин, сын Феанора. Со мной Келегорм, мой брат.

Юнец поклонился еще раз. Куруфин не собирался проникать в его разум с помощью осанвэ, но чувствовал: мальчишку так и распирает от гордости.

«Чего ты хочешь?» — услышал Куруфин мысль брата.

«Не мешай мне», — Куруфин пока и сам не знал, чего хочет, ему было просто интересно.

Он вдруг понял, что недооценивал людей. Мальчишки, набранные Береном, действительно были войском, и этим войском из-за пренебрежения братьев-Феанорингов к людям сейчас распоряжался Ородрет... А почему?

Сделать так, чтобы молодой горец пригласил их в стан, да еще и почел это для себя великой честью, не составило труда. Стан представлял собой землянку, врытую в берег реки, так, что двумя стенами служил обрыв, а третья была насыпана из той земли, которую вынули, углубляя и разравнивая дно. От людей и лошадей в землянке сделалось тесно, но эльфам тоже удалось поместиться. Развели огонь, согрели эль. Форлас много говорил, и Куруфин умело поощрял его.

...Вести о предательстве Берена, конечно, дошли и до его людей. До его собственной матери. Форлас говорил, что она угасает, отходит — и уже перестала есть и пить. Так Беоринг, ко всему прочему, в скором времени должен был сделаться и матереубийцей. Форлас говорил о своем бывшем князе с такой ненавистью, что Келегорм безошибочно узнал в ней бывшее обожание. О, да, в этом смертном были задатки вождя, и немалые. Его должны были любить. Но если его так любили — то его не могли возненавидеть все, и сразу... Должны были остаться и верные.

— Да, — кивнул Форлас в ответ на заданный вопрос. — Он подобрал где-то на востоке хундорного мальчишку, оруженосца. Этот паршивец на днях сбежал — то ли не вынес позора, то ли заскучал по своему хозяину. Еще двое исчезли с ним — один из них был командиром нашего хэрта, и хорошо, что он сбежал сейчас, а не ударил в спину, когда началось бы настоящее дело. А другой — оборванец из Дреганов. Осенью он ходил на разведку в Дортонион... Наверное, через него Берен сносился со своими господами...

Куруфин подумал, что паренек вовсе не прочь сам командовать хэртом.

Они провели с Драконами ночь, поделились с ними своим хлебом, яблоками и вином, похлебали их варева из ячменя и копченого сала, поучаствовали в бдении на страже между часом волка и часом пса, и перед рассветом расстались — люди поехали своей дорогой, эльфы своей. Куруфин был доволен тем, как они провели время.

— Может, хоть сейчас ты скажешь, что у тебя на уме? — Келегорм, дувшийся и молчавший до полудня, наконец не выдержал.

— Может, и скажу, — прищурившись, Куруфин улыбнулся серебряному солнцу. День был не ясный и не пасмурный — небо заволочла ровная, легкая дымка, сквозь которую просвечивала глубокая синева. Куруфин любил такую погоду. — Ты заметил, как этот мальчишка, Форлас, ненавидит Берена?

— Никто не ненавидит его сильнее, чем я.

— Ошибаешься. Ты ненавидишь не столько его, сколько того, кто владеет сердцем Лютиэн. Тебе не важно, Берен это или нет — как всем нам неважно, кто владеет Сильмариллами. А вот Форлас ненавидит именно его. Такого, какой он есть. И знаешь, за что?

— Внимаю тебе, мой велемудрый брат, — процедил Келегорм.

— За то, что тот обманул его надежды. Несчастный мальчик любил своего вождя. Примерно так же, как жители Нарготронда любили Финрода. Но любовь не прощает обмана. Стоило обмануть их в их самой сокровенной надежде — и вот о Финроде никто слышать не хочет, о Берене тоже. Какими муками, угрозами или посулами вырвали его предательство — все равно... Он обманул надежду, которую сам же и пробудил — горе ему!

— Ты думаешь? — с надеждой спросил Келегорм.

— Я знаю. — Куруфин улыбнулся одним краем рта. — Это дело времени. И только. Она его не просто забудет — она его возненавидит. А вот ты, брат — ты делаешь огромную ошибку, что попадаешься ей на глаза сейчас, когда в ней пробуждается ненависть. Ты предоставляешь ей для этой ненависти удобный предмет.

— Я не могу не видеть ее!

— Тогда смотри за ней так, чтобы она тебя не видела... Но это просто к слову. Главное — не дать Ородрету опереться на людей Берена.

— Это мальчишки, — поморщился Келегорм.

— Это воины, — отрезал Куруфин.

— О чем ты только думаешь!

— О том же, о чем и ты, Келегорм — с той лишь разницей, что тебе все подавай здесь и сейчас. А так можно только погубить дело. Ородрету не хватает воли, но он не глуп. Он — ветвь от того же ствола, что и мы. Когда он поймет, что прижат к стенке, он от страха может вдруг сделаться решительным.

— А что, если и так? В Нарготронде слушают нас.

— Но не только нас. Там слушают, например, бардов... Вес в совете имеет голос Гвиндора и отца его Гвилаина... А за Гвиндором стоят стражи границ... Дома, что в родстве с тэлери Гаваней, никогда не присоединятся к нам...

— За нами все равно немалая сила.

— Она должна быть не просто «немалой». Она должна быть такой, чтоб им и в голову не пришло пробовать крепость наших клинков. Чтобы Ородрет сразу понял: сопротивляющийся обречен.

— Неплохо сказано. И ты хочешь заполучить смертных?

— Я хочу всех, кого только можно.

Келегорм на миг поднял голову, глянул в подернутое дымкой небо — но не выдержал, спрятал глаза.

— А я хочу только тебя, Соловушка, — еле слышно проговорил он.

Дни тянулись гораздо медленнее, чем в заточении на вершине Хирилорна. До рукоделия, даже самого простого, Лютиэн не допускали — Келегорм боялся, что она измыслит какие-нибудь чары и попытается бежать. Несколько раз он пробовал вынудить у нее слово не делать попыток к бегству, но всегда она отвечала одно и то же: каждый узник имеет право искать освобождения — и Келегорм не ослаблял стражу. Лютиэн искала пути к их сердцам, пыталась с ними говорить — они не отвечали; она пела вечерами, тихо и скорбно, но никто не входил, разве что на ее просьбы — и тогда она замечала время от времени, что ресницы входивших слегка влажны. Однако это были феаноринги. Они могли плакать, слушая песню, но не могли нарушить верность своим лордам. Лютиэн вспоминала слова Ородрета — да, именно упоение страданием было видно во многих из них.

Хуан казался более благодарным слушателем, и Лютиэн говорила с ним, если не читала. Хуан казался более благодарным слушателем, и Лютиэн говорила с ним, если не читала. В Дориате искусством письма кроме Даэрона, владели немногие. Это была забава — превращать речь в цепочки рун. У нолдор и это было иначе. Они писали хроники событий, записывали повести о своих и чужих делах, и даже песни свои перелагали на безмолвную бумагу и на пергамент. Нолдор словно бы стремились запечатлеть себя, оставить свои мысли и слова для тех, с кем никогда не встретятся лицом к лицу. Ей приносили из книгохранилища множество свитков, поначалу дело шло медленно, так как она с трудом читала тенгвар, но когда она освоилась с непривычными чертами и дугами, дело пошло на лад.

Книги принесла ей та самая женщина-бард, Эленхильд. Рожденная в Средиземье, она питала тягу к валинорской мудрости, и когда Финрод пожелал создать хранилище книг и записей, среди первых взялась за эту работу. Она объяснила Лютиэн правила чтения тенгвар и по ее просьбе принесла из книгохранилища записи Финрода о людях.

Эленхильд не скрывала, что считает заточение Лютиэн делом несправедливым, но помочь ничем не могла. Стражи не имели права запретить ей, барду Нарготронда, входить к Лютиэн, но всегда присутствовали при их встречах и следили, чтобы, кроме книг, ничто не перешло из рук в руки.

Лютиэн читала записи Финрода о людях, изложение их легенд и перевод на эльфийские языки их песен. Лютиэн узнала одну из легенд, слышанную некогда от Берена: будто бы Аладар, отец их народа, был так силен и горд, что соперничал с богами. Боги же тогда воевали с Мэлко, но, зная, что их удачи на это не хватит, приготовили большой котел с удачей, чтобы выпить на пиру и на другой день одолеть. На этот пир они собрались позвать и Аладара, но Мэлко испортил богам их затею: он рассказал Аладару, что боги замышляют убить его, дабы править миром без помехи от людей. Они поднесут ему чашу с удачей, но сами выпьют больше, и одолеют его. Аладар в гневе явился на пир, по праву гостя получил большую чашу с удачей первым и осушил половину чаши одним глотком, а остальным осталась только вторая половина на всех. Мэлко предложил Аладару союз, но тот с презрением отверг его — после того, как его удача равнялась удаче всех богов, он считал, что ему нечего бояться. Тогда хитрый Мэлко, который боялся и богов, и Аладара, предложил богам переговоры. На переговорах он сказал, что Аладар желает изгнать всех богов за круги

мира. Боги обеспокоились, и Мэлко посоветовал им изготовить точно такую же чашу, но с неудачей. Боги сделали по его совету, и снова на пир явился предупрежденный Мэлко Аладар, и получил чашу первым, и уполовинил одним глотком... И в этот миг ноги его подкосились и голова отяжелела так, что он упал навзничь и свалился с той высокой горы, где было обиталище богов. С тех пор, гласит человеческая легенда, удача и неудача ходят за людьми вместе, и нет такого счастья, за которое не пришлось бы платить горем.

Приписка Финрода гласила: «Как и многие легенды и сказки людей, эта не является достоянием Мудрых, но представляет собой всеобщее знание. Иные говорят, что такого рода сказки нарочно выдуманы, дабы вводить в заблуждение простецов, но я думаю иначе. В самом деле, Мудрые видят причину человеческих несчастий совсем в другом, но и эта легенда повествует о соблазне от Мэлко: отец людей пожелал сравняться силою со всеми богами вместе взятыми. Здесь есть зерно от некоей истины, которую в чистом виде не хранит ни одно людское предание, но каждое — по ее осколку. Некогда люди прогневили Отца, и стыд за это гнетет их так, что напрямую рассказать об этом они не в силах, но выражают свою печаль об утраченном блаженстве образно».

Лютиэн отложила свиток. Берен, Берен, что же ты наделал? Что с тобой сейчас, чем они тебя держат? Должна ли я отправиться за тобой в стан врага, как княжна Айад из твоих сказок — за своими семью братьями? Или тебя уже не спасти? Где Финрод? И что с ним сделали?

Она легла и лежала, пока ее дыхание не выровнялось, потом опять встала и возложила на столик свиток — первый попавшийся. Это снова был почерк Финрода. На мгновение Лютиэн словно увидела его сосредоточенное, даже суровое лицо, склоненное над бумагой. Как обычно, описывая беседы с людьми, Финрод писал о себе в третьем лице.

"И вот вышло так, что однажды весной Финрод гостил в доме Белемира; и разговорился он с мудрой женщиной Андрет, и зашел у них разговор о людях и об их судьбах. Ибо незадолго до того (вскоре после праздника Середины зимы) скончался Борон, владыка народа Беора, и Финрод был опечален.

— Горестно мне видеть, Андрет, — говорил он, — что народ ваш уходит так быстро. Вот ушел Борон, отец твоего отца; ты говоришь, что для человека он прожил долго, но я едва успел узнать его. На самом деле, мне кажется, что совсем недавно повстречал я Беора на востоке этого края, однако же он ушел, и сыновья его тоже, а вот теперь и сын его сына.

— С тех пор, как мы перешли Горы, — сказала Андрет, — прошло больше сотни лет. И Беор, и Баран, и Борон прожили за девяносто. Прежде, чем мы пришли сюда, мы уходили раньше.

— Значит, здесь вы счастливы? — спросил Финрод.

— Счастливы? — переспросила Андрет. — Человек не бывает счастлив. Уходить, умирать — всегда горестно. Но здесь мы увядаем не столь быстро — хоть какое-то утешение. Тень чуть-чуть рассеялась".

Лютиэн вздрогнула, поняв, что держит в руках. Тот самый свиток, по копии которого Берен учился чтению и письму — ведь Финрод не мог не отдать Андрет запись беседы с ней. Андрет была неграмотна, вспомнила она, и Берен пересказывал ей этот athrabeth наизусть. Каждое слово этой беседы он носит в своем сердце... Лютиэн пододвинула к себе светильник, сделала пламя поярче и начала читать внимательнее.

"— Все вы, эльфы, думаете, будто мы умираем быстро от природы. Будто мы хрупкие и недолговечные, а вы — могучие и бессмертные. В ваших легендах говорится, что мы —

«Дети Эру», но мы и для вас — всего лишь дети. Вы нас, конечно, любите, но мы — низшие создания, и вы смотрите на нас сверху вниз, с высоты своей мощи и мудрости, и снисходительно улыбаетесь — или жалеете нас — или качаете головой.

— Да, ты близка к истине, — вздохнул Финрод. — Это можно сказать про многих моих сородичей. Но не все так думают. Я так не думаю. Но пойми, Андрет — мы не в шутку зовем вас Детьми Эру: этим именем мы не шутим, и не поминаем его всуе. Мы говорим так, ибо знаем — а не потому, что так говорится в наших легендах. Мы считаем вас своими родичами, и родство наше (и в hroa, и в fea) теснее, чем общая связь, что объединяет нас со всеми прочими тварями, живущими в Арде, и этих тварей между собой. Мы любим всех, кто живет в Средиземье, по мере их достоинства: зверей и птиц, что дружат с нами, и деревья, и даже прекрасные цветы, что увядают быстрее людей. Когда они уходят, мы тоже жалеем о них, но мы считаем, что это — часть их природы, такая же, как их рост или цвет. Но о вас, наших ближайших родичах, мы скорбим куда сильнее. Но ведь в Средиземье все недолговечно, так почему же мы не можем думать, что и ваша краткая жизнь — часть вашей природы? Разве сами вы думаете иначе? Из твоих слов, из горечи, что слышится в них, я понял, что вы считаете, будто мы заблуждаемся

— Да, государь, — сказала Андрет, — я думаю, что вы заблуждаетесь, как и все, кто думает, как ты, и что само это заблуждение — от Тени".

Так вот, какую рану носит в сердце Берен... Если он держался той же веры, что и его родственница — то должен полагать людей бессмертными изначально, как и эльфы... Но это какая-то нелепица — бессмертные Смертные... Она читала внимательно, стараясь не пропустить ни единого знака. Так же жадно, наверное, Финрод слушал речи Андрет — та загадка, которая таилась в людских легендах, обещала открыть перед ним разгадку...

«Ведь из легенд истину (если она там есть) приходится вымолачивать, как зерно из снопа. А в обмолоченном зерне всегда остаются плевелы, а вместе с плевелами часто бросают на ветер и зерно. Но в моем народе, от мудреца к мудрецу, через вековую тьму, передается предание, будто люди теперь не такие, как были раньше, и природа их не та, истинная, что была вначале. У мудрецов народа Мараха говорится об этом больше — они еще хранят в памяти имя Того, Кого вы зовете Единым, а мой народ почти забыл о Нем. Так учила меня Аданэль. У них ясно сказано, что люди недолговечны не от природы — их сделало такими коварство Владыки Тьмы, которого мы не именуем».

Она читала и читала — пока не выгорело масло в светильнике. Но даже и тогда тенгвар пылали на изнанке ее век: «Так вот зачем пришли люди — не последыши, а наследники, завершающие начатое, — выправить Искажение Арды, предвиденное прежде, нежели были они замыслены, и более того — явить величие Эру, возвысить Песнь и превзойти Видение Мира! Ибо Арда Исцеленная будет выше Арды Неискаженной — и все же это будет именно Арда Неискаженная!»

Лютиэн поняла, почему не верит в предательство Берена. Такую надежду нельзя было предать. Невозможно — прежде душа разлучится с телом.

Она найдет пути бежать и проникнуть в Дортонион.

Сама того не заметив, она погрузилась в сон — и приснились ей горы. Никогда раньше она не подходила к ним близко — а теперь она продвигалась вверх по снежному склону; продвигалась медленно и с трудом, по колено увязая в снегу — но все же вверх и вверх...

Вверх и вверх — а потом гребень — и вниз... А потом снова вверх и вверх — по крутому склону, иногда помогая себе руками... А голова болит и кружится, и заплечный мешок невыносимо тянет плечи. Они пылают... Словно лямки сделаны из железа и раскалены докрасна... Бедра тоже горят... А от коленей и ниже ноги — две бесчувственные колоды, которые уже и боли не ведают... Башлык сбился на самый нос... Гили приподнял его — и глаза тут же залепило снегом.

Аван был далеко впереди.

— Не отставай! — Рандир ткнул его в спину. — Нельзя нам друг друга потерять в этакой-то каше!

— А-ха... — выдохнул Гили и поплелся дальше.

Они догнали Авана, когда вышли на гребень — он отдыхал, опираясь на свой посох. Гили упал на снег, зачерпнул ладонью горсть и кинул в рот. Пить хотелось все время, невыносимо — но снег долго не таял на языке, оставаясь холодной колкой пылью.

— Спустимся туда, — сказал Аван. — И переждем этот снегопад.

— А если он зарядил на три-четыре дня?

— Тогда застрянем здесь и подохнем все. Но не должно быть так. В это время года — навряд ли.

— Идем, — Аван поковылял вперед.

Ветер здесь бил не в лицо, а в спину — и снега было меньше. Но все трое так устали, что продвигались еле-еле. Пот замерзал на волосах, бородах старших горцев и ворсинках шерстяных капюшонов. Не отпускала тошнота.

Горы были огромны. Больше, чем те, отрезающие Хитлум от Нижнего Белерианда. Они ползли по одному только склону два дня — а он все не кончался и не кончался... Теперь они вышли наконец на гребень — и будут ползти еще два дня по другому склону... А там будет крутой перевал, и лишь за ним — спуск в Дортонион.

Гили спросил, когда они только отпустили лошадей и начали подъем — правда ли, что здесь Берен переходил горы?

— Не, — ответил Рандир. — Ежели он шел прямо и спустился ровно в Дориат — то здесь он идти не мог, а взял восточнее. Там и вовсе непроходимая круть, и если ярн выжил, то вели его боги, не иначе. А этот перевал зовется Нахар. Пройти здесь можно, если зима мягкая. В межвременье никак — ветра злые.

«Злые ветра?» — думал теперь Гили, ежась под ударами вьюжных порывов. — «А это какой — добрый?»

Поначалу с ними были три вязанки хвороста. Теперь осталась одна.

— Если завтра не перейдем Нахар — сгинем здесь все, — сказал Аван. Гили с легкостью поверил ему — он не знал, переживет ли эту ночь.

Они забились в щель между двумя каменными глыбами, а с третьей стороны, от ветра, набросали снега. Пока бросали, варежки Гили промокли совершенно, но он не жаловался. Забрался внутрь, снял мокрые варежки и, заткнув их за пояс, начал согревать руки дыханием. Потом начал обламывать хворост — самые тонкие веточки.

Последняя вязанка. Если завтра они не перейдут Нахар — им конец, сказал Рандир. Они

замерзнут здесь.

Аван после долгих попыток все-таки запалил трут. Пламя лизнуло нащепанные прутики, разгорелось ярче. Сделали очаг из двух булыжников, Рандир нагреб снега в бронзовый котелок. Гили уже знал, что на этой высоте кипящая вода все равно не согреет. И — странное дело — ни пить, ни есть не хотелось, хотя он и чувствовал себя вдребезги усталым и совсем больным. Нужно было заставляться себя. Каждый из них должен выпить по котелку воды, если не хочет умереть, сказал Аван.

Жевать и пить воду — это была такая же работа, как и перебирать ногами, протаптывая дорогу в снегу. Жесткие куски вяленого мяса не сдавались зубам, распухший язык не чувствовал вкуса меда. Гили прежде не мог себе представить такого — чтоб его да не обрадовал мед...

— Ты первым, — сказал Аван, когда вода начала шевелиться в котле. Гили покорно принял котелок. Даже благодарность была лишней: сейчас все трое были одно. Они поверили надежде, которую Берен вложил, уходя, в сердце своему оруженосцу. На дне котомки Гили хранил пряжку в виде весеннего цветка, Палантир и самострел — подарок государя гномов. На шее, на крепком кожаном шнурке — кольцо государя Фелагунда. А на дне души у него было слова из песни, которую ярн когда-то сложил. И все они шли сейчас затем, чтобы Руско добрался до того, кто заповедал это им, и сказал эти слова.

В общем-то, любой из них мог бы это сделать — после ухода Гили доверил тайну старшим; но оба горца, не сговариваясь, решили, что гонцом может быть лишь он. Ну, разве что в самом крайнем случае...

Гили ушел ночью, никого не спросив. Аван и Рандир должны были встретить его в условленном месте, якобы отстав от погони. Они решили никому больше не открывать своей тайны — даже на Нимроса положиться было нельзя. На кого Гили не смотрел, на том видел печать безнадежности. Даже те, кто не верил в предательство Берена, считали, что он мертв — а как же иначе? Гили долго колебался даже в отношении Рандира и Авана — открыться или нет?

...Там уже, наверное, нашли коней и все поняли про побег троих. Погони можно было не бояться — они ушли далеко, запутали следы в Нан-Дунгротэб, а здесь их и вовсе замела вьюга. Но все-таки Гили мучила порой мысль о том, что их тоже теперь сочтут сумасшедшими или предателями...

Он все-таки немного согрелся. Кипяток был достаточно горячим, чтобы привести его в чувство. Аван бросил туда какие-то травки. Вчера у них хватило сил и дров приготовить мясной отвар из солонины. Сейчас все решили, что ну его к раугам. Устали. Смертельно устали.

— А лютню завтра пустим на растопку, если снег не утихнет, — проворчал Аван.

— Не дам! — испугался Гили.

— Не бойся, шутит он, — Рандир хлопнул мальчика по плечу. — Ты что, Рыжий! Мы ж понимаем, что твоя лютня — она вроде эльфийского плаща-невидимки. Ты с ней где хочешь пройдешь. Пей, — он протянул Гили варево: котелок уже совершил полный круг, нужно было допить остатки и наполнить его снегом сызнова.

— Завтра ты, Рандир, дорогу пробиваешь первым, — сказал Аван, вымачивая в тающей снежной каше сухарь. — Потом я. А Руско не будет, он и так еле идет.

— Я могу, — еле ворочая языком, заспорил Гили.

— Утихни, долинник, — Рандир толкнул его в колено. — На перевал нужно будет

подниматься первому ползком, а двум другим на веревке. Так что ты пойдешь сзади, и налегке, чтобы сберечь силы. Понял?

Когда хворост догорел, и все трое кое-как напились и насытились, они забились все на один плащ, укрывшись двумя другими, и заснули холодным, неудобным сном, не обещавшим ни отдыха, ни покоя.

Гили приснился государь Фелагунд. Один, в холодной и темной пещере, закованный в цепи, он ждал смерти. Гили кинулся было к нему на помощь, но чем быстрее он бежал, тем меньше становился — и сам Государь, и пространство, разделявшее их, росли, и вскоре Гили уже не мог охватить взглядом ни свою цель, ни бескрайнюю холодную равнину, что лежала между ними... Но он все бежал и бежал, выбиваясь из сил — пока не упал, зарывшись лицом в снег.

Он проснулся. Снег набился в нос и в рот. Ветер надул на камнях над ними снежную «шапку», а потом смахнул ее на спящих. Аван откашливался, Рандир ругался.

— Ладно, — сказал он, закончив браниться. — Все равно надо уже вставать и идти. Часом больше, часом меньше...

Они шли впереди: Рандир протапывал тропу в навалившем за ночь снегу, Аван волок все пожитки. Гили налегке плелся сзади. Его рукавицы так и не высохли и взялись коркой льда, и руки он прятал в рукава. Ходьба немного согрела, но голова была еще мутной и тяжелой: ночной сон не принес отдыха.

Когда рассвело, потеплело. Гили увидел, что облака плывут вниз, точно верхушки диковинного леса. Солнце показало свой край — и по облакам, как по воде, пробежала огненная дорожка. Гили ахнул — такая красота распахнулась вокруг него. На мгновение он забыл, как измучено этой дорогой его тело, как болит и кружится голова — зрелище облачного моря, в котором купается солнце, и охваченных рассветным пламенем вершин повергло его в трепет. Даже Аван и Рандир приостановились.

— Истинно велик Единый, Отец богов, — Гили не сразу понял, что это слова песни. — Соткавших небо, отливших землю в горниле, изводящих Солнце из бездны, и Месяц из чрева ночи. Eglerio! — сказав это на одном дыхании, Аван сбросил с плеч пожитки и сказал: — Меняемся.

Рандир поднял мешки и распределил их: два за спину, один — на грудь.

— Эй, малый! — обратился он к Гили. — А посмотри на Небесного Коня!

Гили глянул туда, куда он показывал пальцем: на вершину Нахар, получившую имя в честь божественной лошади, на которой скачет Оромэ-Таурон, Охотник, которого люди зовут Ндар.

Вершина не зря получила свое имя: очертаниями она и вправду походила на благородное животное, вставшее на дыбы и прижавшее голову к шее. Даже острое ухо у нее было — треугольный скалистый выступ, скованный льдом. Ясно, что перевал, проходящий через «спину» этого коня, невозможно было называть иначе как Седло.

Восхищение Гили через миг сменилось унынием: как же они еще далеко! Им предстояло спускаться по гребню почти до линии облаков, а там уже выходить на перемычку, ведущую к Седлу... перевалив через Седло, они будут уже в Дортонионе — но сколько лиг придется идти там до первого жилья или хотя бы лесочка?

Почувствовав его настроение, Рандир хлопнул Руско по плечу.

— Не трусь. Глаза пусть боятся, а ноги пусть топают. Вперед!

На перемычку они вышли куда раньше, чем думал Гили — к полудню. Тучи здесь не

скрывали солнца, и Гили скоро согрелся до того, что размотал и снял башлык, широкие завязки которого закрывали лицо, оставляя только для глаз узкую щель. Это была ошибка, которую он понял только на следующий день, когда уже расхлебал последствия первой своей ошибки — не высушенных вчера рукавиц.

Руки он сильно повредил, когда полез на Седло. Для этого друзья и берегли ему силы: чтобы он мог вскарабкаться по очень крутому, хотя и не отвесному, склону, цепляясь за лед двумя чеканами, и скинуть оттуда веревку, по которой друзья смогут влезть с барахлом. Веревка была длиной в сорок локтей, и им приходилось проделывать это шестикратно: Гили поднимался на сорок локтей вверх, находил куда вбить железный штырь, привязывал к нему веревку и отдыхал, пока товарищи взбирались по ней и втаскивали мешки. Потом отдыхали они, а он выбивал штырь изо льда и лез выше.

Шесть — хорошее число: седьмого подъема Гили бы не вынес.

Руки его одеревенели под конец до того, что когда ладонь примерзала к камню, а он отдирали ее с кожей — боли не чувствовал. Гили надел мокрые рукавицы — хоть они и не грели, но все-таки не своя кожа. Если бы не рукавицы, путь троих был бы отмечен кровавым следом.

— Для долинника неплохо, — одобрил Аван, когда они выбрались-таки на Седло. Гили сипло дышал, не в силах исторгнуть ни звука из глотки — кажется, ледяной воздух спалил ему горло.

«Насовсем?» — пришел он в ужас. Тогда и впрямь хоть на растопку пускай лютню! Нет, нет... — он попробовал успокоиться. Это пройдет. Это обычная простуда.

От Седла вниз склон шел пологий. Снега здесь нападало меньше, и у Гили появилась надежда еще до заката спуститься в ложбину между Нахаром и безымянной треугольной вершиной, где змеился ледник. Склон казался таким пологим и мирным — хоть садись на задницу и катись до самого низа. Но Аван и Рандир обвязались веревкой и третьим «нанизали» Руско.

— Здесь под снегом хренова уйма трещин, — объяснил Рандир. — Ухнешь и не заметишь.

Аван шел впереди, длинной палкой прощупывая дорогу перед собой. Палки были у всех троих с начала путешествия, но Гили свою бросил, когда полез на Седло. Что ж, вряд ли его, новичка в горах, пустят первым... А если пустят — Рандир или Аван поделятся посохом...

Идти делалось все труднее и труднее — но не потому что Гили устал и не потому что теперь он сам волок свой мешок, а потому что начали болеть руки. Онемевшие на Седле, они словно решили отыграться на Гили за надругательство над собой, и теперь прорастали изнутри сотнями тысяч ледяных игл. Руско терпел сколько мог. Шатаясь, как в бреду, он тащился за Рандиром, то утыкаясь в его широкую спину, то заставляя веревку натянуться почти до предела. Закат облил горы смородиновым соком, но Гили не видел этой красоты, потому что в глазах его плыли слезы. Наконец, сам не понимая почему, он не смог больше двинуться с места — и лишь когда Рандир взял его за плечи, понял, что лежит на боку.

— Да ты, малый, совсем из сил выбился, — пробормотал горец. — Вставай, фэрри. Мы не сможем тебя нести, мы тоже на последнем вдохе.

— Ру... ки... — двумя рыданиями выдохнул Гили. Аван содрал с него рукавицы — пришлось приложить усилие, потому что овчина примерзла к окровавленным ладоням.

— Стонадцать раугов тебе в печенки! — прорычал Рандир, увидев, на что похожи руки юноши: содранная клочьями мраморная, иссиня-белая кожа. Кровь запеклась на сгибах

пальцев, но в самих пальцах не было ни кровинки.

Рандир велел Гили вытянуть руки вперед и несколько раз ударил по ним сложенной вдвое веревкой. Гили увидел, как вспухают синюшные рубцы, но не почувствовал боли. Точнее, не почувствовал новой боли, потому что кисти его рук были полны собственной. Они, казалось, налиты были расплавленным свинцом и шипели, сгорая. Гили плакал и не мог прекратить.

— Ты еще руки мне потеряй, — Рандир в сердцах не удержался и отвесил Гили подзатыльник. — Почему молчал, орясина, что руки мерзнут? Ладно, дело поправимое. Аван, развяжи ему мотню.

С последними словами он поднял Гили и посадил его на склоне.

Аван раскрыл на Гили плащ, расстегнул кожух и свиту, добрался до завязки штанов... «Зачем?» — одурело думал Руско.

— Есть, — Аван развязал тесемку верхних штанов, и распустил тесьму подштанников. Потом взял обе руки Гили, свел их вместе, крепко сжал у запястий и засунул в штаны, между бедер, в то самое место, где в любой холод сохраняется хоть немного тепла. Сделав это, он крепко сдвинул колени Гили вместе и зажал между своих коленей — как показало ближайшее время, эта мера не была лишней.

Прикосновение двух заледеневших кистей обожгло пах. Гили вскинулся было, чтобы высвободить руки, но Рандир крепко держал его сзади, обхватив ручищами и плечи и грудь, а Аван сжал его колени, не давая развести бедра. Холод, вонзившийся в мошонку, заставил Руско сипло, беззвучно вскрикнуть.

Но когда руки начали отогреваться, он завопил так, что прорезался голос. Казалось, что каждый палец выдергивают из суставов, обдирают с него кожу и поджаривают на угольях. Ресницы Гили смерзлись от слез.

— Малый! — проревел ему в ухо Рандир. — Тебе матушка не говорила, что от рукоблудия на ладонях появляются бородавки?

Грубая шутка заставила паренька рассмеяться сквозь рыдания. «Я должен вытерпеть», — думал он. — «Если я не смогу вытерпеть это ради своего блага — то как я мог бы вынести пытку? Я должен...»

Он перестал вырываться, и Рандир с Аваном отпустили его. Теперь он своей волей удерживал руки в тепле — до тех пор, пока боль не утихла. Точнее, она осталась, но это была уже обычная боль ссаженной кожи и ушибленных мышц, а не отчаянный вопль гибнущей плоти. Гили вынул руки из штанов и посмотрел на них — синюшно-красные, кровоточащие, они походили теперь на два куска освежеванного мяса. Но пальцы слушались — настолько, что Руско смог сам завязать штаны.

Пока он отогревал руки, замерзло все остальное. Нужно было снова подниматься и идти. Хотя бы до ледника.

Руско оглянулся и увидел цепочку следов — они петляли по всему склону, огибая трещины. После заката, понял он, здесь нельзя будет передвигаться. Идти нужно сейчас, и как можно быстрее.

Он встал, засунул руки в рукава и поковылял на веревке за Рандиром. Аван, тоже бросив беглый взгляд на следы, обронил:

— Нужен снег. Сегодня ночью.

— Но не раньше, чем мы спустимся, — пробормотал Рандир. — О, Валар, не раньше.

Они ступили на каменную насыпь ледника точь-в-точь когда солнце ушло за дальний

хребет. Ковылять по валунам, которые ледник снес сюда со склонов горы, в полумраке было опасно: недолго сломать ноги, а то и шею. Они снова забились в расщелину между камнями.

— В двух с половиной лигах отсюда есть пастушья хижина и кошара, — сказал Аван. — Завтра мы доберемся туда и отсидимся какое-то время. А сейчас попробуем отдохнуть.

Сначала небо было ясным, и такие щедрые звезды раскатились по его густой синеве, что у Гили перехватило дух. Гномья Дорога, пересекавшая небо, была красива и из Нижнего Белерианда, но здесь сияла как отмытая. Вереск стоял непривычно высоко, и Пес скалился, сверкая своим раскаленным до голубизны Оком. Луна, объята радужным сиянием, была прекрасна как невеста, и Аван, увидев ее в венце, сказал:

— Завтра будет морозный день.

— Только бы не такой, как за год до Браголлах. Помнишь, Дреган — до самого Солнцеворота холода стояли такие, что струя замерзала на лету?

— Не помню, — качнул головой Аван.

— А, ну да, ты же совсем был щенок, — Рандир поплотнее завернулся в плащ.

Вскоре небо подернулось туманом — его пряди повисли, казалось, над самой головой, подернули и Нахар, и дальние вершины. Туман густел и густел, все плотнее застилая небо и горы, и Гили сообразил: здесь колыбель облаков, здесь они рождаются, чтобы пролиться дождем или просыпаться снегом... Едва он это подумал, как первые снежинки упали на его рукава. Он сидел, скрючившись, держа руки не только под плащом, но и под кожихом, и смотрел, как снег наметает на его коленях небольшой сугробчик.

Спать ни у кого не получалось, да и нельзя было: боялись во сне замерзнуть насмерть. Горцы тихо пели и заставляли петь Руско, хотя тот мог только сипеть, как вода на сковородке. Он понял, почему горские баллады такие длинные, и припев в них все время повторяется: чтобы те, кто сторожит ночью, могли петь, и даже тот, кто слов не знает, мог подпевать. Он слишком устал, чтобы оценить другие достоинства этих баллад: все болело — кроме ног, замерзших до бесчувствия.

К рассвету он уже бредил, но они вышли в путь еще до рассвета, едва стало можно различить дорогу.

Как они прошли те две с половиной лиги, о которых говорил Аван — он диву давался. Если бы он упал и не встал, он бы умер — горцы сами ослабели так, что не могли его нести даже вдвоем. Каждый шаг, каждый вдох стоили отдельного усилия воли. Рандир отдал ему свою палку, и он подолгу отдыхал, опираясь на нее, почти повисая и думая только об одном: не падать.

После, вспоминая, он отмечал: да, рядом с ледником появились редкие кусты, а потом и деревья — но в те часы

то, что ловил его взгляд, ускользало от сознания. Он видел только спину Авана впереди, думал только о том, как не потерять равновесие и не упасть.

Снова пошел снег — и Гили привязали веревкой, чтобы он не заплутал и не погиб в белой круговерти. Ему было уже все равно, будет он жить или нет.

Последнее, что он запомнил перед тем, как потерять сознание — закопченный потолок курной хижины, которую устроили, возведя каменные стены под низко нависающим скальным «лбом».

— Орки, — ворчал Рандир, выгребая сор из хижины. — Насрали до самой крыши. А весь кизяк спалили, скоты... или сожрали... я уж не знаю, что они тут жрали... Или они думают, что их дерьмо на растопку годится?

...За хворостом приходилось бегать пес знает куда — чуть ли не в соседнюю долину. Обычно, объяснил Рандир, пастухи здесь топят коровьим кизяком — больше нечем. И запас его остается где-нибудь в углу даже зимой. Как раз на случай, если нужда погонит кого-то зимой через горы. Но человек, если у него есть совесть, сжигает столько топлива, сколько ему надо. А тут, судя по тому, как загажена хижина, жили орки, и жили долго — несколько недель; они сожгли все подчистую.

— Ярна стерегли, — заключил Аван. — И ушли, когда он был схвачен. Больше не придут.

— Похоже на то, — Рандир согласился. — А иначе нам гаплык.

В то утро, когда Гили, отдохнув и отогревшись, пришел в себя, и принял участие в обсуждении дальнейших действий, он с удивлением понял, что двое, мужчин, один старше на десять лет, другой — почти вдвое, ждут окончательного решения от него, пятнадцатилетнего мальчишки. И с не меньшим удивлением понял, что так было с самого начала их похода, с того дня, когда они трое собрались впервые и решились заговорить о тайне, которая мучила каждого. Именно Гили тогда произнес: «Я иду, что бы там ни было. Потому что я принес ярну беор, и вложил руки в его ладони». «Да ты пропадешь один», — сказал Рандир, а Аван поддержал: «Если идти, то всем».

— Ну так куда? К Тарн Аэлуин или в Каргонд? — спросил Рандир.

— А как далеко до того и другого?

Рандир почесал в затылке, прикидывая:

— Да где-то поровну. Если не рвать штаны, но и не плестись как мокрая вошь, то где-то четыре дня пешим дралом.

— До Друна туда ведет одна дорога, — уточнил Аван.

— Но не с такими же рожами соваться в Друн.

Они переглянулись. Изможденные, худые, с облезавшими носами и обветренными губами, их лица яснее ясного говорили, что эти трое пересекли горы. Хуже всего было с Гили: аукнулось то, что, радуясь солнышку, он размотал башлык. Теперь лицо было обожжено и пошло мелкими пузырьками. Рандир сказал, что еще через день под ними нарастет молодая кожа, и тогда они лопнут и облезут. Когда молодая кожа потемнеет, Гили будет не рябее своего обычного вида.

О красоте Руско уже привык не думать, а вот что лицо болело и зудело — в этом не было ничего приятного. Кроме того, им действительно нельзя спускаться в густонаселенный и забитый орками Друн, пока их вид выдает в них пришельцев. Им нужно где-то отсидеться и отъесться.

Хижина для этого не годилась: во-первых, далеко было идти за топливом, во-вторых, подходили к концу взятые с собой запасы. Но спускаться в селения было рискованно. Аван знал в здешних местах многих — именно тут были владения Дреганов, даже эта хижина была ими выстроена — но он долго перебирал в уме тех, кому можно было довериться и

прикидывал, кто из них может быть еще жив.

— Вот что, — сказал он наконец. — Завтра я пойду на разведку. И если не появлюсь до послезавтрашнего полудня — значит, я убит или в плену. Тогда уходите. Попробуйте сунуться к Тейрну Фин-Дрегану, это второй честный и твердый человек, которого я тут знаю. Если я не вернусь, то первый, значит, или скурвился, или мертв. Я смогу молчать только один день, если все пойдет совсем плохо. Не полагайтесь на мою твердость, уходите.

— Где живет твой Фин-Дреган?

— В хижине у развалин замка Дреганов. Спуститесь по долине, сверните к рукаву Эрраханка — и дальше вниз.

— Допустим, ты вернешься. Что потом?

— Потом мы отсидимся у него дома и решим, куда идти дальше — к Тарн Аэлуин или в Каргонд.

— Я думаю так... — прочистил горло Гили.

Голос к нему еще не вернулся, только время от времени сквозь шипение пробивался совершенно цыплячий писк.

— Когда мы будем выглядеть как все здесь, и голос ко мне вернется, мы спустимся вниз и разделимся в Друне. Я пойду в Каргонд, по дороге зарабатывая себе на хлеб пением и игрой... А вы идите к Тарн Аэлуин, к тем двум холмам... Но прячьте Палантир не там, где сказал князь, а в другом месте. Чтобы я о нем вовсе ничего не знал.

Эта затея не так чтобы понравилась Рандиру, а Аван только буркнул: «Посмотрим».

На следующий день Аван ушел, а Гили, набравшись сил, вместе с Рандиром полез через гребень в соседнюю долину, за хворостом и дровами. Это была та еще вылазка, к ее концу Руско опять был весь вымотан и даже есть начал только поле того, как Рандир пригрозил запихивать в него еду силком.

Они сготовили мясной отвар из солонины, сдобренный мукой. Гили скорее пил его, чем ел, Рандир скорее ел, чем пил. Делалось все это неспешно, и по ходу Рандир рассказывал Гили о Дортонионе, вдвоем они сочиняли, что Гили будет врать в Каргонде, а потом Рандир заставлял Гили несколько раз повторить все, что они придумали.

К полудню третьего дня Аван вернулся и принес сыра, хлеба и эля. Человек, к которому он ходил, оказался жив и верен, а деревня — свободна от орков, потому что тропинки засыпало снегом, и никто не торопился пробивать их заново. Это не значило, что орки не нагрянут когда захотят — но, по крайней мере, можно будет заметить, если кто-то поплетется им доносить.

Спустившись в деревню, Гили понял, почему Аван не распространялся о своем «верном человеке» — это была женщина, звали ее Файрэт, и Аван, похоже, согрел ей постель прошлой ночью. Во всяком случае, она ни капли не удивилась, когда он и на вторую ночь забрался под одеяло к ней. Рандир и Гили поместились за загородкой, с тремя ее детьми — курносым и чернявым мальчишкой чуть помладше Гили и двумя девочками — одиннадцати и девяти лет. Авана девочки звали дядей, а мальчишка, полагающий себя уже взрослым — по имени.

Маленькая деревня жила тихо, словно провалившись в зимнюю спячку. Люди не общались друг с другом больше, чем того требовали дела, не ходили в гости и не устраивали, как в мирное время, зимних посиделок с прядением, тканьем и шитьем. Рандир, Гили и Аван прожили у Файрэт неделю, не высовывая носа на улицу, и покинули ее дом ночью, как и пришли.

За это время у них зажили руки и ноги, сошли ожоги на лицах и Файрэт перешла им старые вещи своего мужа, которые берегла для сына. Теперь они выглядели так, как и должны были: трое обносившихся крестьян, покинувших зимнюю голодную деревню в поисках лучшей доли. Нищие или разбойники, или то и другое по очереди.

Они спустились в Друн и благополучно миновали его, хотя там было полно орков. Добыча земляного масла двигалась ни шатко ни валко, хотя зимой оно лучше всего: чистое как слеза, вязкое как смола и горит почти без дыма. В Друне на постоялом дворе Рандир полюбопытствовал о виденном неподалеку от масляных полей: диковинные орудия на сгоревших дотла телегах — словно бы разорванные и покореженные огнем бочки.

— Это мудрилы с севера мастерили железных драконов, деревня, — с удовольствием ответил местный житель. — Свистели они — страх, и огнем пыхали, только что-то у хитрецов не заладилось. Пыхнет ихний дракон огнем раз, другой — да и разорвет его от пламени. Народу погибло — уймища. Так они и бросили эту затею. Уже, почитай, год как бросили — а эти дуры там все торчат. Проклятые они.

— Ага, — Рандир дал самый объемистый и дурацкий ответ из всех возможных. От них тут же отстали.

Наутро они попрощались и разошлись. На всякий случай Рандир еще раз объяснил, как отыскать Тарн Аэлуин. По его словам, найти озеро было так же просто, как найти дырку в заднице, потому что и то и другое существует только в единственном числе. Если держать от Каргонда на северо-восток, то первое же озеро, которое откроется с холма, и будет озером Аэлуин, потому как других озер в Дортонионе нет.

Гили не оглядывался, когда уходил — боялся, что если оглянется и увидит Рандира с Аваном, идущих по другой дороге — не сможет продолжить путь.

Он собрался с духом лишь через несколько тысяч шагов, когда понял, что совсем один. Другая дорога была пуста, Рандир и Аван исчезли в холмах. Теперь между небом и землей не было никого, на кого Гили мог бы положиться в трудную минуту. Через одно его плечо была переброшена лютня, через другое — диргол Рована, скелотый у пояса пряжкой, доставшейся Берену от Лютиэн (пряжку нарочно закоптили над костром и слегка погнули, чтоб скрыть ее благородное происхождение). В голове была байка, сочиненная в пастушьей хижине и в доме Файрэт, да песня, на которую Гили полагал сам не знал какую надежду. В животе пусто, в коленках дрожь.

— Вперед, волчье мясо, — подбодрил он сам себя, тряхнул головой и зашагал по дороге.

* * *

Зимнее солнцестояние...

По преданию, зимой особенно злы волки Моргота, об эту пору они входят в силу, прячась в облаках от жара Анар, подбираются к ней вплотную, и она стремится как можно быстрее проскочить небесную дугу. Но в день зимнего солнцестояния, когда особенно длинна ночь, все переламывается: Тилион начинает набирать силу и гоняет волков своим небесным копьем, и Анар, набравшись смелости, с этого дня начинает задерживаться на небе подольше...

В ночь зимнего солнцестояния нехорошо быть одному. Полагается собираться всей семьей, звать гостей, пить и есть, музыкой отгоняя злые силы, и горе тому, кто в этот вечер откажет в ночлеге путнику: не будет ему в жизни ни радости, ни удачи. Кем бы ни был гость, хоть орком, нельзя оставлять его за порогом, и уйти он должен поутру безвозбранно. Но и сам гость обязан оказывать хозяевам всякое почтение, хотя бы те были его кровниками...

Один лишь раз нарушен был обычай: вечером Солнцестояния Болдуинги постучались в ворота дома Гретиров...

Берен по обычаю стоя плеснул из первой чарки немного вина на пол. В День Солнцестояния, в память о Долине Хогг. Находящиеся в зале дортонионцы встали и последовали его примеру. Кроме Кайриста, который, ухмыляясь, выглушил свой кубок до дна.

— Достойные обычаи надо уважать, — Илльо тоже поднялся и плеснул немного вина через плечо.

— А потом — мыть полы, — Даэйрэт скривилась.

— Память есть память, — Этиль тоже поднялась и капнула вином на пол.

Эрвег, улыбаясь, выплеснул остатки своего — он уже успел осушить кубок.

И, как ни странно, прежде чем пригубить, плеснул вином на пол Болдог.

Впрочем, понятно, почему он это сделал: в пику Берену. И добился чего хотел, окончательно изгадив настроение «князьку».

Илльо поначалу казалось хорошей мыслью отпраздновать по старому горскому обычаю день Солнцестояния, совпадающий с днем Элло, днем Звезды, который празднуют на Севере. Это была полностью его задумка, которая ему нравилась. Хороший повод созвать в Каргонд уцелевших представителей старых родов, которые были все еще чтимы в народе, и на завтра показать им деяние справедливости, задуманное и подготовленное уже давно.

Берен одобрил его мысль, хоть и не знал подоплеки. Впрочем, Илльо подозревал, что Берен одобрил бы любую попойку...

Ему это страшно не нравилось, но сам он поделаться ничем не мог, а Тхуринэйтель, похоже, не собиралась. Они с Береном явно рассорились и тот напивался каждый день. Утром он просыпался совсем больной и злой, но, как ни странно, именно по утрам лучше всего способен был работать. Голова его была совершенно ясной, и мыслил он быстро. Но расположение духа при этом было мерзким. Он дерзил Илльо, дразнил Даэйрэт похабными песенками, ругался с Болдогом и орал на Солля.

Они с Эрвегом уже распустили по домам ополченцев, и сейчас обучали тех, кто остался — командиров — и завершали сбор вооружения и пищи для армии. Сам Берен был, в общем-то, ничего не обязан делать, но Эрвег брал его с собой, потому что он знал местность и людей. Похоже, между ними сложилось нечто вроде дружбы. Берен даже отпустил себе бороду как у Эрвега (а может, просто ленился бриться).

Эрвег рассказывал, что в поездки Берен запасает фляжку норпейха и к вечеру выпивает ее всю. Этого ему хватает, чтобы прийти в веселое расположение духа. Утром он обычно склонен карать (и провинившиеся орки и даже двое-трое людей уже успели в этом убедиться), днем — миловать.

Вечером, вернувшись в замок, Берен вооружался уже кувшином, и к ночи напивался в лежку. Порой так, что засыпал прямо за столом. Один раз — прямо в винном погребе. Прятать от него хмельное было бесполезно: слуги боялись его так, что по первому же слову добывали «проклятый» всеми правдами и неправдами. Он был не злым и не жестоким

господином — но когда ему отказывали в выпивке, им, по его же собственным словам, завладевали злые духи, которых он звал «раугами», бесами. Тогда он разбивал скулы и ломал челюсти. Кроме того, с утра он мог придрататься к чему угодно и вздуть слугу так, что тот лежал пластом три дня, а вот вечером трудно было найти более добродушного человека, чем пьяный Берен. Поэтому слуги сами стремились его напоить, и чем скорее, тем лучше.

Сейчас он уже перешагнул через стадию озлобленности на весь мир, обрел равновесие и, если виночерпий будет продолжать с прежней прытью, скоро придет в добродушное состояние. Рыцари Аст-Ахэ, в которых начало было пробуждаться уважение к нему, теперь его презирали — все, кроме Эрвега и Илльо. Эрвег, видевший его в работе, скорее жалел. А Илльо знал, что в вине Берен пытается утопить свою боль, которая все еще не покинула его.

— ...Неплохой обычай, — Эрвег подставил кубок виночерпию. Илльо отвлекся от своих размышлений и понял, что речь идет о горском обычае убежища в эту ночь. — Я предлагаю пускать сегодня в ворота замка всех, кто попросил об ужине и ночлеге. Кто бы они ни были — право убежища и право неприкосновенности им обеспечено.

— А вы не боитесь кончить как Гретиры? — спросил Кайрист.

Илльо старался на него не смотреть — отвратительное зрелище; отвратительное вдвойне, потому что Илльо не любил смотреть на обреченных. Берен, Солль и Эрвег собрали уже достаточно свидетельств против этого борова. Илльо был склонен подождать до начала месяца Совы, вообще казнить кого-либо в Элло и месяц Лиса — скверная примера, год не начинают с крови. Но позавчера Берен потребовал смерти Фрекарта. Дело было утром, Берен был решителен и зол: первым из верхушки армии Хэлгор он узнал, что один из мальчишек Фрекарта повесился в конюшне. В Аст-Ахэ не осуждали (хоть и не поощряли) любовные отношения между мужчинами, но Фрекарт все в своей жизни делал по-скотски, и это тоже. Илльо понял, что еще несколько дней — и Берен просто зарубит Кайриста как нашкодившего орка. А его смерть не должна быть такой — деяние справедливости и деяние примирения с горцами, она должна произойти по закону.

Завтра Мар-Фрекарта поднимут с постели стражники, завтра будет суд и быстрая, справедливая казнь. А сегодняшний пир можно считать последним ужином...

— Мимо нашей стражи никто с ножом в голенище не пройдет, — Даэйрет подняла свой кубок. — Эрви, я тебя поддерживаю.

По приказу Илльо стражу обязали пропускать в пиршественный зал всех, кто пожелает. Предварительно — обыскивая. Илльо сильно сомневался, что кто-то решится переступить порог Каргонда, невзирая на соответствующее распоряжение страже. О том, что такое Болдог и Кайрист, знали все, а рыцарей Аст-Ахэ мало кто еще видел, и еще меньше было тех, кто понимал, что они собой представляют.

И все-таки один нашелся.

* * *

Берен уже был заметно пьян, когда стражники впустили замурзанного подростка в драпом и засаленном до невозможности дирголе, латаных-перелатаных штанах, худых сапогах и куртке с чужого плеча. Судя по расцветке диргола, паренек принадлежал к

северной ветви Рованов. У пояса плащ был сколот...

Берен мгновенно протрезвел. Плащ был сколот пряжкой в виде цветка нифредила. Погнутой и потемневшей от времени — но, несомненно, той самой пряжкой, которую подарила ему Лютиэн, а он потерял — как ему казалось, по дороге в Нарготронд... Память играла с ним мерзкие шутки — он уже ни в чем из своей жизни не мог быть уверен. А если это не та пряжка, просто похожа?

Берен пригляделся к мальчишке попристальной, когда тот снял с головы башлык. Пригляделся — и закусил губы до боли: перед ним был тот самый мальчик его снов; рыжий, изуродованный оспой паренек с оленьими глазами.

Мальчишка встретился с ним взглядом и испуганно попятился. Странно: среди Рованов, вроде бы никто не был рыжим — откуда у пацана такие роскошные вихры цвета старой меди? Ясноглазый, стройненький — был бы красив, если бы лицо не побила хвороба. Кайрист, жирный скот, уже облизывается...

У паренька была с собой лютня. Бродячий музыкант. Харчевни, купеческие и армейские стоянки, замки — а что еще, не просить же милостыню в открытую...

Кто же он? Кто? Почему он снится Берену по ночам?

— Ты у нас, кажется, интересуешься народными обычаями, Эрвег, — поддела парня Даэйрэт. — Эй, менестрель, как тебя зовут?

— Гили, госпожа, — паренек поклонился. — Гиляд дин-Рован.

— Ну, так сыграй нам и спой, Гиляд дин-Рован... — Илльо показал рукой на середину аулы. — Но сначала сядь и поужинай.

Мальчишка ел — как за себя кидал, а из поданного кубка с подогретым вином плеснул немного на пол, и лишь потом — отпил. Сколько ему было лет во время Дагор Браголлах? Четыре, пять — от силы шесть. Как вышло, что он не ушел с семьей? Как он умудрился уцелеть — после налетов восточных орков, после «красных просек» дор-дайделотской армии, после работорговцев и вербовщиков на «коронные работы»? Ни денег, чтобы откупиться, ни родичей, чтобы защитить — Берену вдруг стало больно за мальчишку как за себя.

Поев и допив вино, Гили отодвинул тарелку и обошел стол, выходя на середину зала.

— Что благородные господа желают послушать?

— Мы здесь гости, — улыбнулась Тхуринэйтль. — Решать хозяевам.

— Спой нам нашу старую, — сказал один из стариков, тощий и крючконосый Хардинг из младшей ветви клана. — «Вспоминай меня». С разрешения лорда, конечно...

— Пой, — сказал Берен.

Гили поклонился, подстроил струны и взял согласие.

Когда я уйду — вспоминай меня

Когда я уйду — вспоминай меня

Не плачь, не горюй — вспоминай меня

Не грусти — вспоминай меня...

Это была простая песня — простые слова, простая музыка; длинная пастушеская баллада, знакомая всем с детства, с бесчисленным количеством куплетов, в которых менялась только первая строчка.

Растают снега — вспоминай меня

Растают снега — вспоминай меня

Не плачь, не горюй — вспоминай меня

Не грусти — вспоминай меня...

Голоса разделились. Несложная мелодия оставляла много простора для вариаций, и каждый повел ту партию, которая ему нравилась, слаженный хор из нескольких десятков голосов, текущих по разным руслам — одни считали, что так людей научили петь эльфы, но Берен думал иначе: хадоринги теснее общались с эльфами, но пели в один голос. Просто у того, кто вырос в горах, кто с детства слышал эхо, это получается само собой...

Затеплится день — вспоминай меня

Затеплится день — вспоминай меня

Не плачь, не грусти — вспоминай меня

Не горюй — вспоминай меня...

Берен изумленно услышал в хоре высокий, весенний голос Этиль и звучный, чистый — Эрвега. Простецкие слова хороши были тем, что присоединиться мог любой, кто пожелает, даже если слышит песню в первый раз. Берен перевел взгляд на другой край стола — и увидел, что Кайрист слегка обескуражен таким поворотом дел. Ну да, мы же стараемся быть большим северянином, чем сам Учитель-Моргот... А тут такая неожиданность: поют и рыцари Аст-Ахэ, и грубоватый эр'таэро, простой северянин, и Мэрдиган, не говоря уж о стариках, роняющих слезы в кружки.

Опустится ночь — вспоминай меня

Опустится ночь — вспоминай меня

Не плачь, не горюй — вспоминай меня

Не грусти — вспоминай меня...

Болдог молча щерился, Илло тоже не пел. Берен усмехнулся про себя, выдохнул стоящий в горле ком — и присоединился к хору. Куплета этого не знал никто, но со второго раза подхватили все — кроме черных:

Промчался огонь — вспоминай меня

Промчался огонь — вспоминай меня

Не плачь, не горюй — вспоминай меня

Не грусти — вспоминай меня...

Песня закончилась.

— Кисловато, — сказал Болдог. — А что-нибудь веселенькое, а?

Юный менестрель шмыгнул носом и оторвал «веселенькое» — граничащую с непристойностью песенку о косаре и пастушке. Потом, воодушевленный успехом — еще одну, о развеселой дочке кузнеца. Затем он спел длинную печальную балладу о резне в долине Хогг, и еще одну — о смертельной вражде братьев Мэрдиганов, Кервина и Элдора, из-за демоницы, принявшей облик женщины.

— А знаешь ли ты, юноша, — медовым голосом спросила Дэйрэт. — хоть одну из песен своего князя?

Паренек испуганно заглядывался.

— Не трясись, — Болдог бросил ему монетку. — Сегодня можно. В другой раз снимем башку, а сегодня можно.

— Воля ваша, — паренек опять шмыгнул носом. Потом глубоко вздохнул и спросил:

— А еще глотку промочить нельзя?

Дэйрэт протянула ему свой кубок, менестрель отпил и с поклоном вернул. Потом выпрямился и ударил по струнам.

Чувствовалось, что пареньку хотелось не столько пить, сколько дернуть для храбрости.

Берен вздрогнул: с этого согласия (проигранного парнем в сильно упрощенной форме) начиналась... он не мог вспомнить, какая песня. Бывает ли такое — чтобы сам забыл собственную песню?

Ни слезы, ни заклятья
Вернуть не в силах свет
Дано сотворить -
Не дано повторить
Ни Йаванне, ни Элберет.
Зал качнулся у Берена перед глазами.
Что со мной?!
ЧТО СО МНОЙ?!!

Стих сломался, Берен почувствовал нечто сродни безумию, охватившему его в последние дни странствий по Нан-Дунгортэб... Смешались времена и места, он был здесь и все-таки не здесь... А где же?

Печальных чаек плач
Накрыл берега, точно шелковый плащ,
Море окутала мгла,
Полная страхов и зла
Молнией треснуло небо,
В ответ застонала земля.
Свершилось черное дело -
Моргот убил Короля.
В злой час
Пала тьма, изменив всех нас
В злой час
Пала тьма, изменив всех нас
В злой час
Страдание пришло в бессмертный край...

Закрыв глаза, Берен вцепился пальцами в столешницу, надеясь, что ему удастся удерживать лицо и хранить аванирэ. Дело было не в песне... Не в ней как таковой — он вообще ее не слышал. Точнее, слышал, ее пели дружинники Роуэна в замке Химринг... Память обрушила такую лавину образов и событий, что казалось — голова вот-вот треснет. Хурин... Хитлум... Фингон... Маэдрос... Фарамир... Роуэн...

Гили!!!
О боги! — малыш пришел сюда, не побоялся... Зачем? Неужели...
Как долго рыдать нам во тьме?
И кто сказал нам, что путь закрыт?
Оставим тоску в золоченой тюрьме -
Восток зовет нас, Восток горит!

...Да, понимал Берен, так оно все и есть — час настает... Ключ вложен и повернут, замок открылся, и обвалом посыпалось тяжелое золото воспоминаний... Потому что час близок...

С болью в сердце, с огнем в очах,
Скорбь сама,
Ярость сама -

Мы клялись отомстить!

Сжимая в ладони серебряный кубок, Берен не замечал, что сминает пальцами круглые бока, сдавливая их, как бумагу... Существовали только песня — и память: пыльные покровы слетали один за другим, точно их срывал ураганный ветер. Это было почти больно...

В злой час

Пала тьма, изменив всех нас

В злой час

Пала тьма, изменив всех нас...

В злой час

Страдание пришло в бессмертный край!

Последний перебор разлетелся вдребезги — с лязгом по полу покатился измятый кубок. Берен, откинувшись назад, стукнулся головой о спинку кресла — а потом упал лицом на стол. Возникла суматоха, все повскакали с мест, кто-то оттаскивал кресло назад, Берен почувствовал, что лежит уже на полу, и воротник на нем разорван... Аванирэ! Только бы эта упыриха не догадалась, в чем дело... Только бы не...

— Лорд опять соизволили надраться... — поджав губки, сказала Даэйрэт.

— Нет... Нет!... — он вырвался, сел, обхватив руками голову... — Душно... здесь...

— Это да, — Болдог протолкался к ним. — Начадили как хрен знает что... Эй вы, там! Открывайте окна, дышать нечем! И принесите воды — князьку поплохело... Не иначе как от его собственной песенки. Где мальчишка? Где этот засранец?

— Не трогать! — Берен вскочил, растолкав всех, внезапная слабость была отброшена. — Болдог, животное, ты сам приказал ему петь! Илльо, пусть ублюдки Кайриста уберут от него руки! Это... Это бесчестно!

— Спокойно! Спокойно, князек! — Болдог показал желтые зубы. — Никто его не тронет, раз я обещал. Все в порядке. Слышите, вы? — обратился он к двум головорезам, уже схватившим паренька под руки — на побледневшем носу обозначилось вдвое больше веснушек, чем было до того. — Я сказал, не трогать! Руки прочь!

— Это все-таки мои люди, Болдог, — Кайрист выплыл из-за стола, вынес свое брюхо на середину залы и положил руку мальчику на плечо. — Ночь Солнцестояния есть ночь Солнцестояния, и я не буду оспаривать права на убежище... Мальчик безопасно останется здесь на ночь и безопасно утром уйдет. Ведь тебе нет дела до того, где он будет спать?

— Кайрист, — сквозь зубы выдохнул Берен. — Лучше тебе отойти от мальчишки подальше. Лучше тебе убрать от него лапы.

— Ну, если мой лорд приказывает, — сладким голосом пропел толстяк. — Если он сам положил на оборвыша глаз...

Кайрист полагал себя в полнейшей безопасности: чтобы добраться до него, Берену пришлось бы обойти стол, где его наверняка задержали бы северные военачальники, а если нет — то Дайрвег и Борвин уже успели бы обнажить мечи.

Кайрист просчитался: Берен не собирался обходить стол. Он вскочил на столешницу, схватил бронзовый подсвечник и как копьё метнул его в Борвина — и увернуться Борвин не успел. Штырь, на который нанизывалась свеча, пропорол ему грудь. Затем Берен одним прыжком оказался рядом с Дайрвегом. Тот уже успел обнажить меч и ударить, но Берен еще в прыжке подогнул ноги и упал на колени, проскочив под мечом. Вскокивая, он головой ударил Дайрвега в челюсть и выхватил меч из ослабевшей руки. Взлет клинка! — ската

осталась в груди разбойника; Берен даже поленился ее вынуть ради Фрекарта. Одной рукой он ухватился за толстую золотую цепь, свисающую на пузо Кайриста, другой отвесил наместнику крюк в челюсть. Тот уже успел принять защитную позицию кулачного бойца, но не успел сообразить, что противник — левша. Берен почувствовал, как под его рукой челюсть выламывается из сустава. От удара голова Кайриста откинулась назад, цепь натянулась и в шее толстяка хрупнуло. Берен отпустил цепь — и труп ровно, как колода, грохнулся на пол.

Илльо был потрясен тем, как быстро все произошло. Он понял теперь до конца, почему за Береном гонялись четыре года, а он безнаказанно совершал убийства то здесь, то там. Он был не просто ловким и быстрым убийцей — он сам был оружием, молниеносным мечом в чьей-то незримой руке — и горе тому, кто вздумает испытать силу этой длани. Он удивительно точно чувствовал миг — и разил как раз тогда, когда ему ничто не могло противостоять.

Оцепенение было мгновенным — а затем все мгновенно пришло в движение. Завопили женщины, на Берена навалились одновременно и орки Болдога, и ребята из Аст-Ахэ, Гили оттерли в сторону Тхуринэитель и Этиль, дортонионцы похватались за предметы обстановки, северяне — за оружие. Берен, видя, что вот-вот здесь начнется кровопролитие и ужасаясь тому, на каком волоске все повисло, заорал изо всех сил:

— Всем стоять! Замри, не шелохнись!

Он попал почти слово в слово с Болдогом и Илльо, их голоса перекрыли начинающийся шум — даже бабы перестали визжать. Северяне мгновенно овладели положением: на галерейку высыпали стрелки с самострелами, в дверь вбежали стражники с бердышами, горцы при виде их бросили то жалкое оружие, которым намеревались воспользоваться: стулья, ножи для разделки мяса, треноги и подсвечники, кочерги и каминные щипцы.

Берена все еще держали, но уже не так плотно, потому, что он перестал вырываться. Болдог присел на корточки рядом с тушей Кайриста, бесцеремонно взял того за щеку, оттянув толстую складку плоти, повернул лицом вверх, отпустил, с интересом глянул на Берена:

— А ведь ты его убил, князек. Шея сломана.

— Не рассчитал спяну, — во рту у горца было сухо и горько. — Хотел только челюсть ему своротить.

— Собаке собачья смерть, — Илльо обошел труп (его легче было обойти, чем перешагнуть) и, мгновенно примерившись, отсек голову еще дергающегося и стонущего Борвина. — Уберите падаль.

Какую-то женщину вырвало.

— Мне кажется, господин мой Берен и вы, господа рыцари, что пир испорчен, — заключил, вставая, Мэрдиган. — Пора расходиться.

Берена отпустили наконец-то и он подошел к телу Фрекарта. У всех на виду снял с его шеи золотую цепь. Когда-то она принадлежала Бреголосу, и горцы об этом знали.

— Где пацан? — он выпрямился, намотав цепь на руку. Руско, Руско, не приведите боги, если с тобой случилось несчастье!

— Мальчика никто не тронет, — успокоил его Илльо. — Если ты боишься, вы с Тхуринэитель можете взять его к себе на ночь. Или оставьте с Эрвегом и Соллем.

— Тут других извращенцев нет, — подтвердил Болдог. — Разная шушера есть, но таких, как этот — уже нет.

Полтора десятка солдат вынесли трупы, молчаливый слуга вытер с пола кровь.

— Расходитесь по домам, мои верные подданные, — повернулся к горцам Берен. — Желаю приятно провести оставшуюся ночь. Злая судьба любит поселяться под той крышей, под которой в ночь Солнцестояния пролилась кровь. Я не хочу, чтобы ее дурной глаз упал на вас, уходите.

Он проследил, чтобы всех выпустили за ворота и никто не последовал за ушедшими, после чего вернулся в опустевший зал и налил себе вина. Армейское начальство со своим бабьем, Болдог и орки тоже куда-то убрались, остались только рыцари Аст-Ахэ.

— А менестрель? — спросила Даэйрэт. — Не боишься, что и его постигнет злая судьба?

— Самая злая судьба в эту ночь — не иметь крова и вина, — Берен взял мальчишку за плечо и усадил напротив себя за стол. — Злее нет. Вряд ли я сумею накликать на паренька еще большие горести — по сравнению с теми, что он уже имеет. Верно, Гили?

Мальчик кивнул, прижимая к себе лютню — единственное богатство, то, без чего он умрет с голоду.

Берен лихорадочно думал, как же можно с ним поговорить так, чтобы только они двое все поняли. Может быть, удастся прикинуться таким пьяным, что сам не могу добраться до отхожего места? Тхуринэйтель брезглива, она меня туда не потащит. Догадается ли мальчишка вызваться ему посветить и поддержать? Должен, ума в этой рыжей голове довольно. Но чтобы поверили, нужно высушить еще полкувшина.

— Ты — наследник клана... А кто теперь глава?

— Дядя, — Гили шмыгнул носом. — Только он калека. Может, ты его помнишь, князь. У него одна рука, а волосы как у меня...

Маэдрос? Его послал Маэдрос? Ох, как мальчишка рискует... Илльо же не дурак, он может расспросить о Рованах, он как раз недавно расспрашивал об их западной ветви! Нет, нет, не надо было так! А впрочем, никто особо не насторожился. Разве что Илльо, хитрый и прекрасный как горный пардус, умеющий прятать свои мысли...

— Это дядя послал тебя петь?

Медные кудри качнулись — парень помотал головой.

— Нет. Я сам... Дома... и не знает никто. Они думают, лучше смерть, чем такой позор...

«Я и сам так думаю, братишка... Да что уж теперь сделаешь!»

— Можешь оставаться до весны.

Рыжая голова снова качнулась в жесте отрицания.

— Что так? Тебе есть куда идти?

Гили промолчал.

— Значит, некуда. И что же ты будешь делать?

— Петь в городе... У хэссамаров... Если позволят.

Берен покосился на Илльо — тот безразлично пожал плечами: пусть попробует.

— От меня как раз сбежал слуга. Останешься на ночь со мной и госпожой Тхурингвэтиль... виноват, Тхуринэйтель, к утру что-нибудь придумаем. Не бойся, этот жирный хряк действительно был здесь единственным извращенцем. К слову, Илльо, кто у нас теперь главный, после того как я прикончил наместника?

— Как ты любишь выражаться, Берен — твою мать. — Илльо сверкнул глазами. — Ты мне все испортил! Завтра, завтра я должен был судить его и казнить принародно, по справедливости!

— По справедливости? — Берен фыркнул. — Много чести собаке.

Полкувшина... Не слишком торопиться... Полкувшина.

Мучительные полчаса...

Есть.

Пошатываясь, он поднялся из-за стола. Ухватился за кресло, чтобы сделать шаг. Поймал удивленный взор Илльо — и это я тут только что так споро рубился? Ага, я. Он самый я.

— Эй ты, рыжий, как тебя там... Фили?

— Гили, сударь.

— Да, Гили. Посвети мне.

Тхуринэйтель вздохнула с облегчением — она не любила сопровождать его туда, куда даже короли ходят пешком. Приятного мало — слушать, как его рвет.

А его и впрямь мутило.

— Слушай и запоминай, Руско, — прошептал он, навалившись на паренька, когда они вышли во двор. — Государь Финрод в плену у Саурона, в заложниках. Саурон думает, что теперь я совсем ручной. Ты останешься здесь дня на три, а потом я тебя поколочу и выгоню. Я должен много тебе рассказать, а ты запомнишь и отправишься в Химринг. Все остается в силе между мной, Маэдросом и Фингоном. Когда они выступят, здесь будет мятеж.

— А Государь? — в ужасе выдохнул Гили, останавливаясь. — А Айменел?

— Молчи, дуралей, — Берен стиснул его плечи, и Гили услышал слезы в голосе лорда. — Молчи...

Тьма кромешная... Недолго и свалиться вниз, сломав шею. Вот было бы обидно...

Да нет, чушь. Он никогда не свалился бы с этих ступенек. Он, ползавший по ним, когда был еще слишком мал, чтобы ходить... Мать рассказывала, что поначалу, взбираясь на эти лестницы на четвереньках, он дрожал как осиновый лист. Дрожал, а все равно лез, и, взобравшись, принимался орать, потому что не знал как спуститься. Мысль о том, что спускаться надо задом вперед, в голову не входила. Один раз попробовал вперед лицом — и, ясное дело, скатился кубарем... Чудом не погиб и ничего не сломал себе — Валар берегут младенцев и пьяниц.

...А все-таки зря он даже свечи не запалил.

На самом верху голова и плечи уперлись в деревянный створ. Берен приналег, люк сдвинулся — и горец оказался на крыше западной башни.

Светать еще не начало. Отлитые из лунного олова, белели горы. Покатые, мохнатые спины Эмин-на-Тон, не шевелясь, застыли под снегом, точно медведи в берлогах. Во все остальные стороны тянулась и пропадала во мраке лесистая долина — и Берен мог только знать, но не мог видеть, как на западе пики Криссаэгрим вспарывают отвисшие животы снежных туч; как на юге Эред Горгор вонзаются в густую синь; как на Востоке Гвайр громоздят гранит на гранит, выстраивая невысокую, но отвесную стену. Дортонион, сердце Белерианда, сам по себе был крепостью. Финрод это знал, доверяя его во владение своим братьям, и знал Саурон, вторгаясь сюда после того, как передовые заставы на Ард-Гален смел огонь. Пока темные сидят в Дортонионе, эльфы ничего не сделают. Отобьют атаку Саурона на Хитлум — он подготовит еще одну. И еще одну... Столько, сколько нужно — укрепившись за стенами этих гор, наглухо закрыв Ущелье Сириона, надежно защищая два прохода, через которые только и можно провести войско: Анах и Ладрос.

Саурон начал строить оборонительные укрепления в разломе Анах и отстраивать замок Кэллаган — но потом понял, что людей ему не хватит для наступления, и обе стройки забросил, ограничившись тем, что в Анах обрушил в одном месте дорогу, а при Кэллагане обновил укрепления Барахира. Но даже так — туго придется тем, кто будет вести сюда войска, если не...

Если защитникам этих долин не ударят в спину.

Берен усмехнулся, вспомнив, как он додумался до своего же собственного плана. Однако и тогда, и сейчас, в плане было слабое место, которого он, размышляя летом, не брал в счет.

Заложники на Тол-ин-Гаурхот.

Самое смешное было то, что он и вправду не нарушал договора — ведь тот был недействителен, Берен подписывал его якобы «в здравом уме и твердой памяти», а на самом деле было не так... Но вряд ли Саурон обратит внимание на такую крючкотворскую тонкость. Вот Берен и взобрался в эту черную рань на башню, не запалив даже плохонького светильника — позавчера Тхурингвэтиль, насосавшись его крови, опять улетела к хозяину, рыцарята спят, а в тишине и в холоде зимнего утра хорошо думается. Нужно только слегка приложиться к фляге...

Берен откупорил фляжку, плеснул себе в рот, и, зажевав вино горстью снега, сообразил: а ведь он и в самом деле нуждается в выпивке. Не прикидывается, а нуждается.

Он вспотел, хотя даже под меховым плащом было совсем не жарко. Вот с какой стороны он и не ждал опасности. Он боялся чего угодно: что Илльо или Тхурингвэтиль проникнут в его мысли, что Руско поймают черные или под горячую руку казнит Маэдрос, что за какой-то его мгновенный промах кто-то из заложников заплатит головой — и вот об этом только он ни разу не подумал: что к тому времени, как надо будет действовать, он вправду сопьется.

Первым побуждением было швырнуть фляжку с башни вниз — и послушать, как она будет гроыхать, восемьдесят футов вдоль стены и еще шестьсот — с обрыва. Но нет. Проклятье. Если он резко бросит пить, рыцарята что-то заподозрят. Он должен пить при них... Но не должен пить при них больше, чем это нужно для запаха... И не должен пить в их отсутствие. Но теперь искушение будет настоящим...

Проклятье!

Было от чего хотеть напиться. Он тревожился не только о Финроде и о себе — теперь еще и о Руско. Сейчас — середина нарвайн, по северному счету — конец иллайн, месяца Совы. Руско ушел через четыре дня после Солнцестояния. Сейчас, если с ними — о, боги, услышьте меня! — ничего не случилось, они с Аваном должны уже выйти в Химлад. А Рандир должен добраться до своих владений и найти там старосту по имени Лэймар...

Если он вообще захочет что-либо делать, узнав о гибели своего отца... Хорошенький же груз взвалил он на плечи Руско, вкуче со всем прочим.

Берен зажмурился. Сейчас, когда он знал, что не спятил и не предал, стало полегче. Сейчас он видел выход — даже для Финрода. Но выход был — уже игольного глазка, и чудо будет, если они смогут проскочить в этот глазок...

Бежать из Каргонда нужно так, чтобы побега не заметили два-три дня. Дело даже не в погоне, скрываться не впервой — а в том чтобы они не сообразили послать вестника к Саурону.

Но это невозможно — бежать так, чтобы побега не заметили. Он не имеет права отрываться от надзирателей дольше, чем на полчаса. Будь здесь Тхурингвэтиль — он не рискнул бы даже вылезти сюда, на крышу.

Единственный выход — бежать так, чтобы тебя считали мертвым. И чтобы невозможно было с ходу разобраться, самоубийство это, убийство или несчастный случай. Конечно, лучше всего было бы обставить это как убийство и свалить все на Болдога. Подбросить улику, говорящую о его виновности. Пусть не очень крепкую — но такую, чтобы в первое время ни о ком ином и не подумали. Однако следует брать в расчет и то, что такой возможности не будет.

Конечно, Саурон все равно сможет казнить пленников... Остается питать надежду лишь на то, что в суматохе выступления к Хитлуму ему будет не до того, да еще на то, что он понимает, как важны Финрод и Нарготронд. Даже если он поубивает всех остальных (Эдрахил! Айменел! Кальмегил! Нэндил! Десять ножей в сердце!) — он будет щадить Финрода сколько сможет, Берен готов был голову прозакладывать за это.

Итак, допустим, у него будет два-три дня. За это время нужно сделать так, чтобы вестник к Саурону не попал. Самый быстрый из вестников — Тхурингвэтиль. Значит, все должно происходить в ее отсутствие. Потом она прилетит и узнает, что ее подопечный мертв. А потом... Илльо однажды в своих мыслях сказал это, не закрывшись — когда армия Хэлгор выступит, Тхурингвэтиль полетит докладывать об этом Морготу. Значит, и о смерти своего подопечного она доложит тоже... Это даст еще два дня. Но затем... Затем нужно сделать так, чтобы через долину Хогг не проскочила ни одна зараза.

Ярн Берен, а не попробовать ли тебе вычерпать ситом Тарн Аэлуин? Это будет проще...

Он не заметил, как светает. Когда поднял глаза, небо уже поблекло, а над западным его краем пылала зубчатая полоса — вершины Криссаэгрим. Они первыми ловили солнце, когда оно восходило, и последними отпускали, когда оно садилось.

Берен, ухватившись за край зубца руками, оперся ногой о нижний торец бойницы и взобрался на зубец, как делал в юности. Страх высоты в нем и во всем его роду не было. Сев на край, он свесил ногу, другую подогнул. Чтобы согреться, отхлебнул из фляги. Позволил это себе.

Он знал теперь, что сладит с искушением и будет готов действовать, когда это нужно. Сдаться означало бы предать Финрода, живого или мертвого.

Теперь второе — Мэрдиган, Леод, этот рыжий Риан и другие, чьи близкие в заложниках. Их верность будет обретена, если заложников удастся освободить. Или если...

Если слуги Саурона убьют их в нарушение своих обещаний. Нет, о нет...

Берен вспомнил свой разговор с Мэрдиганом.

Мэрдиган командовал орудийным корнаном, тридцатью двумя метательными машинами, шестнадцать из которых метали копья, восемь — камни по крутой дуге и еще восемь были исполинскими пороками для пробивания крепостных ворот и стен. Перед своим уходом из Дортониона Берен застал последние испытания этих страшных орудий — они пристреливались по развалинам замка Хардингов. Давно сожранная изнутри пожаром, башня обрушилась, едва выдержав пять попаданий. Стены Барад-Эйтель были много крепче, но упорному многодневному обстрелу сдались бы и они.

Мэрдиган родился, когда Аулэ отвернулся на мгновение от своих гномов и зачем-то кинул взгляд в сторону людей Дортониона. Иначе Берен не мог объяснить сообразительную, почти гномью мастеровитость его рук. С детства Финвег мастерил маленькие водяные мельницы и хитрые ловушки на птиц и зверей. Ему достаточно было кинуть на устройство взгляд, самое большее — ощупать руками — чтобы понять, как оно работает. В семнадцать лет он выстроил настоящую запруду и настоящую водяную мельницу — а его отец велел своим людям принести ручные мельницы к нему в замок и замостил ими двор. Люди кинулись с жалобой к Бреголосу, и пока тот думал, что делать, крестьяне спалили мельницу Мэрдигана и разобрали свои мельницы обратно. Оруженосцу Мэрдигана по ходу дела крепко намяли бока, и между Мэрдиганом и его крестьянами едва не началась кровная вражда — по счастью, оруженосец выжил. Обе стороны подали жалобу Бреголосу. Берен помнил ссору между отцом и дядей: Барахир считал, что содеянное Мар-Мэрдиганом подпадает под действие Беоровой Правды, запрещающей брать у человека в залог не только мельницу, но даже один жернов — а значит, крестьяне не должны понести наказания. Насколько же хуже, тихо и яростно говорил он, отобрать мельницы, чтобы ссыпать себе в карман не только законную десятину лорда, но и лишнюю долю сверх того! Бреголос спорил, что закон запрещает только брать мельницу в залог — и правильно, ведь семья должника не должна голодать; но если лорд на свои средства выстроил мельницу, сберег женщинам долгие часы труда — то отчего же он не имеет права брать плату за помол? Брать плату имеет право, настаивал Барахир, а отбирать мельницы — не имеет. Пусть люди своей волей решают, хотят они молоть зерно сами или отдавать на мельницу лорда.

Бреголос согласился дополнить закон такой правдой, но не без скрипа. Берен был уже достаточно взрослым, чтобы понять, почему упирается дядя: если бы затея Мэрдигана-старшего удалась, а крестьяне были наказаны, многие лорды, в чьих уделах есть реки,

построили бы запруды и мельницы, и с этого дела можно было бы взять новую подать... Но для Барахира справедливость была важнее выгоды, а настаивать на своем он умел...

Финвег Фин-Мэрдиган все-таки отстроил свое детище, но по новой правде было запрещено заставлять крестьян носить зерно на помол, а своей волей никто не пришел, ибо жители Гвайра славятся трудолюбием и скупостью.

В командиры армии «Хэлгор» Финвег попал благодаря своему отцу. На рудниках Ангбанда, куда оба угодили после Браголлах, старший Мэрдиган испугался, что черная работа убьет сына и рассказал, какие золотые у него голова и руки. Он хотел устроить сына на чистую работу, а вышло, что тот попал в застенки.

Из Мэрдигана вытянули все, что он знал, а потом, вконец сломанного, подлечили и велели показать умение: заново навести Ангродовы Гати для штурма Минас-Тирит.

Когда он справился с заданием, ему позволили свидеться с семьей. И после этого дали кое-какую свободу и назначили командиром орудийного корнана. Он должен был построить орудия для битвы в поле и орудия для осады.

И он сделал это, и сделал хорошо. Под его началом служили главным образом такие же, как он, вчерашние рабы с убитой гордостью, с родичами в заложниках. Берен знал, что эти люди не примут его сторону так легко. В них гнев почти убит страхом. А еще — нужно что-то делать с волчьим отрядом, назначенным стеречь орудийников...

При встрече с Мэрдиганом, уловив момент, он небрежно бросил:

— Помнишь наш последний разговор?

— Разговор? — Мэрдиган и бровью не повел — так научился скрывать свои мысли. —

При нашей последней встрече ты главным образом стонал.

— Врешь. Не стонал я.

— Ты сам не слышал, был в полубеспамятстве. Стрела в бедре — не шутка.

— Ну так я о другом разговоре. О судьбе.

— А, да... — равнодушно сказал Мэрдиган. В ту ночь, когда Берен приставил нож к его горлу, с уст обоих слетело слово «судьба». — Ну, и кто из нас оказался прав?

— Я, — улыбнулся Берен краем рта.

Мэрдиган снова не повел и бровью. Тогда он сказал: «Если ты и выживешь в горах, то не сможешь собрать армию». «Смогу», — ответил ему Берен.

— Пусть так, — Мэрдиган тоже криво усмехнулся. — За Фрекарта спасибо. Он был гад.

Фрекарта ненавидели даже те, кто, подобно ему, перешел на службу к северянам — в отличие от них, сделавших это из страха за жизни родных, или сломленных пытками и рабской участью, Фрекарт сделал это добровольно. За день до битвы при Кэллагане он покинул ряды горцев и перешел с небольшим отрядом к Саурону.

Мэрдиган немного помолчал, потом добавил:

— За эту мразь я тебе прощаю то, что было между нами.

— Это теперь ничего не значит, — вздохнул Берен.

Эрвег, присутствовавший при разговоре, конечно, пристал с расспросами, что все это значит, и Берен с показной неохотой объяснил, что Финвег Мар-Мэрдиган был братом жены Уртела Фин-Брогана, старшим братом которого был Борвег Мар-Броган. Если бы у Борвега не было детей, все унаследовал бы Уртел с женой, но так вышло, что Борвег женился на Андис, дочери Крегана-Полутролля. Уртелу это не понравилось, и он очень обрадовался, когда прознал, что Андис крутит с юным Береном. Он выслеживал их так и сяк, и когда, наконец, готов был предъявить обвинение в прелюбодеянии (а это значило, что Борвег ради

своей чести должен прогнать жену, чего Уртелу только и надо было) — и тут Берен к чему-то придрался, вызвал его на поединок и убил. Жена его, ясное дело, не простила этого княжичу, и долго трепала Финвегу душу, чтобы он отомстил за шурина. Финвег был не такой дурак чтобы убивать княжьего племянника, но и Маэндис могла прогрызть спину кому угодно. Так что у Мэрдигана была причина Берена не любить.

— И вот только сейчас он тебя простил? — фыркнул Эрвег. Берен только пожал плечами.

Эти два месяца Мэрдиган, должно быть, провел, раздираемый мучительным страхом и мыслями: сказал Берен Саурону о том, что его планы выданы Мэрдиганом Беорингу или не сказал? Если не сказал — то как ему это удалось? А если сказал — то почему Мэрдигана до сих пор не схватили и не поволокли в пыточную? Он должен был уже смертельно устать бояться...

Что он услышал? Что он понял? Как улучшить минуту для того, чтобы наедине сказать друг другу главное?

— Руско, — прошептал он беззвучно, глядя на парящие над темнотой крылатые льды Криссаэгрим. — Возвращайся, мальй. Ты мне смертельно нужен.

...Сначала были тихие шаги вниз, потом — скрип лестницы, и потом осторожное:

— Берен?

Он обернулся — из люка по пояс высунулась Этиль.

— Ты оставил его открытым, — немного виновато сказала она, поднимаясь.

— Это чтоб вы знали, где меня искать.

— Не сиди там, — она заметила фляжку в его руке. — Особенно если пьешь.

— Хорошо, — он встал на зубце, спиной к пропасти.

— Берен! — Этиль тихо и укоризненно ахнула, когда увидела, что он опирается на одни носки, свесив пятки над бездной. Потом она затаила дыхание, видимо, боясь, что сейчас он сорвется.

— Ни трезвый, ни пьяный я отсюда не упаду, — он прыжком оказался рядом с ней. — Гляди, как здесь хорошо. Разве эта земля не стоит того, чтобы ради нее умереть?

Этиль огляделась — видимо, чтобы сделать ему приятное.

— Кстати, о смерти, — сказала она. — Орк умер этой ночью.

— Какой орк? — Берен вовремя спохватился, что нужно сыграть пьяное «А-чего-вчера-было-то?».

— Ты не помнишь?

Он покачал головой и прочел на ее лице живейшее отвращение.

— Орк, в которого ты запустил скатой.

— Только не говори, что я попал.

— В спину. Он бежал от тебя, Берен. Бежал...

— Вот проклятье... Верно, я принял его за крысу.

— Как можно орка принять за крысу?

— За здоровенную крысу.

— Не оправдывайся. Тебе просто уже все равно, кого и за что убивать. Ты превращаешься... в Болдога.

— Ужели? — Берен снова хлопыстнул норпейха и заел горстью снега. — А разве не этого хотел от меня Тху?

— Ты сам знаешь, что не этого. Тебе была предложена высокая честь, Берен...

— Я говорил, что я ее недостойн.

— Да. Теперь я вижу. Спускайся, тебя ждут к столу, — обдав его презрением с головы до ног, она спустилась в люк.

Заложники, думал он. Прежде чем думать, как их вытащить, нужно хотя бы вытянуть у Илльо — где они...

* * *

Переступая порог аулы замка Химринг, Гили дрожал, как осиновый лист, хотя в зале было натоплено, а высокие окна, пустые летом, были заставлены узорными переплетами со стеклом разных цветов — Гили не знал, как это называется, но это было очень красиво. Стены завесили коврами и шкурами, а под ногами шелестел толстый слой резаного камыша.

Лорд Маэдрос сидел в резном кресле, обе руки — настоящая и железная — покоились на украшениях подлокотников, головах химерных зверей с телом кошки, крыльями летучей мыши и мордами змей. Темно-рыжие волосы были гладко расчесаны и схвачены венцом из черненого серебра с черными камнями. На плечах лежала соболиная накидка.

По правую и по левую руку от него сидели еще четверо братьев-Феанорингов — Маглор и Карантир, Амрод и Амрос. Еще десятка полтора эльфов заняли места у стен — лорды Маэдроса, его высшие советники.

Под суровыми взглядами пятерых братьев Руско смешался и едва не споткнулся.

— Держись, — тихо сквозь зубы бросил ему Хардинг.

Хардинг поверил, Гортон — нет.

Гили остановился на подобающем расстоянии, поднял голову и выдержал взгляд Маэдроса. И лишь после этого поклонился.

— Я... рад приветствовать хозяина этого замка, — сказал он. — От имени своего господина, Берена сына Барахира из рода Беорова.

— Я помню тебя, юный оруженосец, — сказал огненный нолдо. — И сказать, что рад тебя видеть, не могу. Я не знаю даже, стоит ли выслушивать дело, с которым твой господин прислал тебя, ибо среди нас есть такие, кто не счел нужным разговаривать с послом предателя...

Карантир выпрямился так, что сразу сделалось ясно, кто именно требовал прогнать Гили в зашей, не выслушав.

— Но за тебя поручился Хардинг, и ради моего верного вассала я тебя выслушаю. Чем быстрее ты все изложишь, тем лучше для тебя. И советую говорить только правду. Мы сможем узнать, когда ты лжешь.

— Я быстро, лорд Маэдрос. — кивнул Гили. — Тут не о чем долго говорить. Мой господин сделал то, что сделал не ради Сильмарилла, как об этом болтают орки, а ради жизни государя Финрода. Саурон держит короля в заложниках, угрожая ему пытками и смертью, если князь Берен не будет выполнять условия соглашения, навязанного ему.

Среди советников пронесся легкий шепот.

— Ты поверил ему? — спросил Маэдрос у Хардинга.

— Да, мой лорд. Государь Финрод пропал без вести, и ниоткуда не пришло вестей о его

пленении, казни или переправке в Ангбанд. Потому я решил, что насчет заложника — правда.

— Как странно... Прежде Моргот торопился сообщить, что в руках у него важный заложник, — Маэдрос прикрыл глаза. — Отчего же сейчас не идет ни единого слуха об этом?

— Саурон не желает возмущать нас прежде, чем осуществит свои планы, — предположил Амрод.

— Возможно, — голос Карантира был звонок как медь. — Но что это меняет? По доброй воле Берен служит или по принуждению, неважно. Он изменник. Если Саурон заставил его, угрожая Финроду — а я в это пока не поверил — то это всего лишь слабость смертного. Мы не играем в игры с заложниками, жаль, твоему лорду это неизвестно. Каждый эльф знает, что ни на одно предложение Саурона и Моргота нельзя соглашаться, ни на каких условиях.

Ги́ли вспомнил свой сон в горах и прикусил губу. Государь Финрод, такой мудрый, красивый и светлый...

— Наверное, вы правы, лорд Карантир, — тихо сказал он. — Но, как я знаю своего лорда — для него государь был вроде... отца или брата. Нам, людям, другой раз проще поступиться честью, чем знать, что мучается брат. Зовите это слабостью, если хотите.

Кровь прихлынула к лицу Карантира, растекаясь от высоких скул до самых корней волос и кончика носа. Казалось, он готов вскочить с места, но Маглор сказал несколько слов на языке Амана — и Карантир остался неподвижен, хотя лицо его пламенело от гнева.

— Чем бы ни оправдывал ты своего лорда, — сказал Маэдрос. — и как бы ни назвал его поступок, Союз действительно предан. Саурону известны наши намерения, значит, он хозяин положения.

— То-то и оно, что неизвестны, лорд Маэдрос, — покачал головой Ги́ли. — Он ничего не узнал.

— Мне трудно поверить в это, — эльф сжал пальцами подлокотник. — Саурон не предоставил бы Берену даже относительной свободы, не вывернув того наизнанку. А я знаю, как он умеет допрашивать.

— Но ты-то сумел молчать, — как бы невзначай бросил Маглор.

— Я эльф.

— А он человек. Он из того народа, о котором мы никогда не узнаем всего.

— Роуэн, — Маэдрос обратился к беорингу. — Почему ты поверил?

Роуэн тихо кашлянул.

— На то есть четыре причины, лорд Маэдрос. Первая — я знаю Берена. Он хитер как снежный пардус. Но если он кого-то любит, то ради него согласится дать содрать с себя шкуру. Если кого-то можно нагнуть, угрожая другу или брату — то его. Но если кто-то и способен перехитрить Саурона — то опять же он.

Последние слова вызвали у Маэдроса усмешку, но он кивнул: продолжай.

— Вторая причина — то, что все тут на живую нитку нанизано. Они пришли ко мне в дом вчера, оба оборванные и замерзшие дальше некуда, десять раз могли сгинуть, выходя к Аглону зимой... И что они рассказали: что сами сбежали от Драконов и перебрались через Нахар, что рыжий в одиночку дошел до Каргонда и песней снял с Берена заклятие беспомощности, что это заклятие загодя наложил государь Финрод... Да кто поверит в такие рассказы? Нет, если бы тут была рука Саурона — он такую бы выдумал байку, что комар

носа не подточит. А такая чушь не может не быть правдой. Третья причина — с ними был еще один человек, которого я знаю, Рандир Фин-Рован. Будучи под заклятием, Берен убил его отца, Раутана Мар-Рована. Если бы Фин-Рован был в сговоре — зачем стали бы убивать старого Раутана? А если он не в сговоре — то как Берен мог рассчитывать на его верность после такого? Только если он соблюл верность государю Финроду сам. И четвертая причина, лорд Маэдрос, такая. Если не поверить ему — то останется только сесть и ждать смерти. А уж за ней не придется долго скучать.

Медноволосяй эльф кивнул, сделал знак железной рукой — и Роуэн по этому знаку отошел в сторону. Гили остался один в полукруге феанорингов и их советников, и вопросы посыпались на него, как удары палки тогда, в Барад-Эйтель. Вскоре он не мог сообразить, кто о чем спрашивает.

— Что за заклятие беспамятства?

— Я не знаю. У князя было мало времени, чтобы все мне объяснить.

— Как оно действует?

— Не знаю.

— Как его снять?

— Песней. Ярн назвал мне свою песню.

— Когда?

— Осенью, как уходил.

— Он знал, что попадет в плен?

— Нет, но боялся этого.

— Кто сложил заклятие?

— Наверное, Государь.

— То есть, доподлинно ты не знаешь?

— Нет.

— Почему же ты взялся за это дело?

— Я верю своему лорду.

— Как ты попал в Дортонион?

— Через Нахар.

— Ты знал дорогу?

— Нет, но знал Аван.

— Кто такой Аван?

— Охотник из дома Дреганов.

— Ты условился с ним заранее?

— Ярн условился с нами тремя.

— Кто третий?

— Рандир Фин-Рован.

— Тот, чьего отца убил Берен?

— Да.

— Где он?

— В Дортонионе.

— Зачем?

— Ярну надобен человек, который пойдет к верным людям и скажет, что они должны делать.

— И этот человек — сын того, кого ярн убил?

— Он сказал, у него не было иного выхода. Разве что взять Рована живым.

— И тот принял такое оправдание?

— Да, — Гили сглотнул: ему легче был через горы пройти, чем сказать это Рандиру.

— Но подтвердить твои слова он не может?

— Нет.

— Какое несчастье. Где содержат Берена?

— В его замке.

— Без стражи?

— При нем женщина, с которой ему запрещено разлучаться дольше, чем на полчаса.

Она... — Гили снова сглотнул. — Она страшная. Ведьма.

— Как ты попал к нему?

— Я притворился менестрелем, поющим за плату. Меня впустили в замок по обычаю Долгой Ночи.

— Когда это было?

— Я ж говорю — в Долгую Ночь!

— Солнцестояние, — подсказал, кажется, Маглор.

— С тех пор прошло три недели. Как ты попал сюда?

— Через долину Вийюл и перевал Дэрраван вышел к Аглону.

— Ты знал дорогу?

— Аван знал...

— Что еще Берен велел передать тебе?

— Много чего. Какое войско и где стоит... Это рассказ надолго.

— Тогда потом. Откуда ты знаешь, что он сказал тебе правду о заклятии?

— Я видел его... Что с ним случилось, когда я пропел...

— Ты не слыхал о нем как о ловком притворщике... Хитром как снежный пардус?

— Слыхал...

— Но поверил?

Гили вспомнил задыхающийся шепот, раздавленное рыдание: «Молчи, дуралей!»

— Я верю своему лорду, — твердо сказал он.

— Ты был уверен, что заклятие поможет?

— Нет.

— Ты ведь мог попасть в руки врагов.

— Я не знаю ничего такого, чего не рассказал бы сам лорд Берен, раз уж его заставили говорить...

...В конце концов у Гили закружилась голова, он потерял счет повторявшимся вопросам и тому, сколько раз он ответил, что верит своему князю. Он знал, какой это слабый довод и чувствовал все меньше уверенности: а вдруг Берен и в самом деле оказался не таким, каким был с виду? А вдруг то, что он показал Гили — ловкий обман; ведь пятнадцатилетнего оруженосца легче надурить, чем темного лорда. Руско уже не знал, чем питать свою слабую, полумертвую веру — когда эльфы умолкли и Маэдрос велел ему рассказывать о Сауриновых войсках.

Гили вытряхнул из котомки то, что у него было с собой для памяти: корки хлеба, ссохшиеся головки чеснока, горох и чечевицу, рыбы головы, подметочно-твердые ошметки солонины... На резном столике со знаками для мудреной игры содержимое нищенской сумы выглядело ничуть не уместней блевотины.

Гили быстро накрыл все горстью, не давая гороху раскатиться и потеряться в соломе. Потом осторожно разобрал все и начал рассказывать. Доска помогала. Пусть нижняя часть — будут владения Креганов, предгорья Эред Горгор и Друн. Тогда сюда — восемнадцать зеленых горошин; восемнадцать длинных сотен копыеносцев, и девять чечевичных зерен, девять длинных сотен стрелков; и две хлебные корки — две Волчьи Сотни; и семь черных бобов — семь сотен северян, и десяток шматочков солонины — десять сотен орков... Западное поле пусть будет предгорьями Криссаэgrim и Моркильским лесом. Тогда здесь — восемь чесночинок, восемь осадных орудий, и двадцать четыре соломинки, двадцать четыре полевых. И при них — шесть зеленых горошинок и шесть чечевичных зерен, назначенных их защищать, и две корки хлеба, чтобы их стеречь, а сколько в обслуге — Берен не знал.

Пусть срединное поле будет замок Каргонд и окрестности. Тогда здесь у нас пять бусинок — ведь могут у бродячего менестреля в суме завалиться бусины? — пять длинных сотен Рыцарей Аст-Ахэ. Одна белая, все прочие — красные. Одна сейчас там, четыре придут в канун весны.

А еще — три хлебные корки.

А еще — восемь кусочков солонины.

А еще — десяток бобов.

Пусть северное поле будет — Эмин-на-Тон. Тогда там разместятся двадцать три зеленые горошины и десять зерен чечевицы, и девять черных бобовинок, и шесть хлебных корок, и семь кусков солонины.

— Это далеко не все, если вспомнить, что он говорил летом, — заметил Маэдрос.

— Он сказал, что не может точно счесть орков. А еще он сказал, что только на севере войско сочтено и набрано полностью. К весне они закончат дело на юге — и тогда армия людей будет насчитывать две тысячи длинных сотен — а все остальные будут орки.

Маэдрос встал со своего кресла и подошел к столику. Железные пальцы легли на плечо Гили.

— Чем ты подтвердишь, что сказал правду?

Гили вздрогнул от того, каким голосом это было сказано и от того, какой взгляд Маэдрос вонзил в его душу.

— Мне нечем подтвердить мои слова, господин, — тихо сказал он. — Кроме моего честного слова. Если ты сомневаешься в нем, вели пытать меня — я и тогда расскажу то же самое. Ничего другого я тебе предложить не могу.

Огневолосый эльф отпрянул, словно услышал смертельное оскорбление, но овладел собой и усмехнулся:

— Я подумаю над этим. Ты сам уберешь свой мусор или кликнуть слуг?

Гили, покраснев, смел все обратно в котомку. Он жалел о словах, которые сорвались у него с языка в последний миг. По лицам окружающих эльфов было видно, что Маэдрос обратил его предложение в шутку. А может, и нет? Кто их знает, этих нолдор из народа Феанора... Во всяком случае, если бы государь Финрод усомнился в словах Гили, тому и в голову бы не пришло ляпнуть этакое.

— Приготовьте ему комнату для ночлега и поставьте стражу, — распорядился Маэдрос. — Он останется здесь, пока я не приму решения. Лорд Роуэн, доставьте сюда и второго — этого Авана.

Хардинг проводил Гили до комнатушки, которую назначили ему для ночлега, и разделил с ним простой, но сытный ужин.

— А здорово ты уел лорда Карантира, — с одобрением заметил он по ходу разговора. — Я думал, он лопнет от ярости.

— А что я такого сказал? — удивился Гили.

Лорд Хардинг поперхнулся.

— Эла! Так ты что — не знаешь даже, какую шпилью вогнал ему в седалище? Рыжий, да ты совсем телок. Где Берен тебя нашел?

— В купеческом обозе...

— И купцы тебе, стало быть, не рассказывали, как лорд Маэдрос потерял руку?

— Я сначала думал — в бою... Оказывается, в плену, да?

Хардинг кивнул.

— Когда эльфы только прибыли из-за моря, — сказал он. — И Феанор велел сжечь корабли, после этого нолдор становились на берегах озера Митрим, и на них напали орки. Эльфы быстро обратили их в бегство и пустились в погоню. Феанор оторвался далеко, был окружен и жестоко изранен. Сыновья вынесли его с поля боя, но он погиб от ран. Моргот, видя, что дело плохо, решил потянуть время и предложил братьям переговоры. На переговоры поехал старший, лорд Маэдрос, и был захвачен в плен. Держа его в заложниках, Моргот потребовал, чтобы братья убирались из Белерианда. Нолдор, надо тебе сказать, уже не были к тому времени девственниками по части всяких подлостей. Те корабли, что они сожгли в Лосгаре — это ведь были корабли, отобранные у сородичей, и отобранные через силу и кровь. Я тебе расскажу как-нибудь, или кто другой. Но не бывало того прежде, чтобы захватывали заложников и чего-то вымогали. Братья рассудили так: если они согласятся на морготовы посулы, то ведь Враг все равно не отпустит их брата... С Морготом нельзя идти на сделки, он всегда нарушает свое слово, ибо он отец всякой неправды. Они отказали Морготу, и тогда тот велел подвесить лорда Маэдроса за руку на скале. И тот висел аж покуда его не снял наш нынешний государь Фингон.

— Ах, вот оно что... — пробормотал Гили.

— Эге ж, — согласился Хардинг. — Может, у эльфов и не заведено торговаться за заложника, но вот лорда Маэдроса будет трудненько убедить в том, что это самая правильная дорога. Ладно, рыжий, спи — завтра у тебя день будет длинный.

Назавтра и вправду был длинный день. Как понял Гили, эльфы уже успели расспросить Авана и сейчас со старыми вопросами перемежались новые. Гили снова и снова рассказывал о том, что он видел в замке Каргонд, и лишь для еды и для выхода по нужде прерывались расспросы. Руско устал, и когда все закончилось — не поверил своим ушам и глазам. Эльфы ушли, оставив его в комнате одного.

Ненадолго. Один из нолдор снова привел его в аулу — где уже ждал Аван, которого держали и допрашивали отдельно. Они обменялись приветствием — переплели руки. Потом по приказу Маэдроса их вывели на балкон.

— Посмотри мне в глаза, мальчик, — велел лорд Маэдрос. — И попробуй открыть мне свой разум.

— К... как? — не понял Гили.

— Отвечай мне мыслью, когда я буду говорить мыслью тебе.

Гили посмотрел в глаза лорда Маэдроса — серые, как дикий камень — и внезапно он почувствовал присутствие силы — огромной и страшной, чистой и беспощадной, как горы. «Мальчик!» — услышал он сквозь гул этого потока — и в страхе отступил. Он не мог отвечать лорду Маэдросу мыслью и не хотел слышать, когда тот спрашивает. Он понимал,

как это важно, и всем сердцем хотел попробовать — но страх был сильнее доброй воли. Чем сильнее он пытался прислушаться и ответить, тем больше нарастал гул Силы, тем страшнее ему становилось и верней было отторжение. За несколько мгновений этой борьбы с собой Гили вымотался больше, чем за весь день.

— Он неспособен к осанвэ, — с тяжелым вздохом Маэдрос выпрямился. — Мальчик, неужели я так страшен?

— Простите, — опустил голову Гили.

— Дело не в страхе, — сказал Карантир. — У него есть веские причины противиться осанвэ. Ведь есть, человечек?

— Нет, — Гили почувствовал, как на глаза наворачиваются слезы. — Но я не знаю, как сделать так, чтобы вы мне поверили...

Маэдрос шагнул к Гили, снова положил руки ему на плечи — и, подчиняясь его руке, Гили шагнул к самому краю балкона, к перилам.

— Когда-то, — сказал Маэдрос, — мы с твоим господином стояли на этом самом месте. Ты говоришь, что веришь ему, и мне остается только поверить. Но прежде я испытаю твою веру. Посмотри вниз.

Гили бросил взгляд в пропасть, начинавшуюся в полуфуте от его носков, и поневоле дернулся в сторону, но та рука Маэдроса, что была из плоти, не уступала крепостью железной.

— Как мне поступить, Гили без рода и племени, храбрый и верный оруженосец? Сбросить тебя и Авана вниз, но сделать по твоему слову, или отпустить вас обоих восвояси и ничего не делать для Берена сына Барахира? Выбирай сейчас. Как ты выберешь, так и будет.

У Гили упало сердце. Оно билось где-то в самом низу живота, и от этого очень хотелось по малому делу. Вниз... В туманную белую мглу... Разлететься на леднике — алым грязным пятнышком на белом снегу. О, нет... За что?... Он был готов умереть — в горах, в пропасти, даже в руках орков — но ведь не от руки эльфийского лорда! Отчаянно скосив глаза на Авана, он увидел, как тот коротко кивнул, не меняясь в лице. Он был готов к смерти. Но ведь Аван почти старик, ему целых двадцать пять лет... Валар, где ваша справедливость? Где ваша милость? Я же знал, что не гожусь в герои... Что я трус...

Готовый расплакаться или обмочиться, или и то и другое сразу, он несказанно удивился, обнаружив где-то глубоко внутри себя неожиданную твердость и ясность. Они в самом деле мог погибнуть двадцать раз, куда более нелепо. От дурной заразы или от голода, от меча и воды... И никто не предложил бы ему выбирать между жизнью и смертью. И никто не сказал бы, что от его смерти будет какой-то толк. Пусть так. Здесь высоко, первый же удар о скалу убьет его. Он не будет мучиться на дне пропасти часами.

— Если таковы твои условия, лорд Маэдрос, сын Феанора, — голос звучал не так твердо и звонко как хотелось бы, — то сбрось нас вниз, но прежде дай слово послать войска в Дортонион. Я знаю, что эльфы не отрекаются от своих слов.

— Я даю слово, что весной пошлю войска в Дортонион, — чеканно сказал Маэдрос.

Гили отвернулся от него и положил руки на перила. «Наверное, они хотят, чтобы я прыгнул сам». Сил оттолкнуться от пола не было, руки обмякли. Гили понял, что сейчас сомлеет и все-таки упадет — нужно только небольшое движение вперед, чтобы упасть куда нужно...

«Прощай, ярн» — шепнул он беззвучно. — «Прощай, государь Финрод...»

Со звонким щелчком железные пальцы сжались на его воротнике, рубаха врезалась в

горло — и в одно мгновение Гили оказался в двух саженьях от перил.

— Я дал слово и не требую жертвы, — сказал эльф. — Мне нужно было только испытать твое доверие к князю, о котором ты столько говорил. Оно испытано, маленький оруженосец. Счастлив князь, которому служат такие люди. Проклят он небом и землей, если предаст их доверие и доверие тех, кто доверился им.

Обнимая Гили здоровой рукой за плечо, он вернулся в зал; за ним последовали все остальные.

— Пей, — Маэдрос пододвинул Руско полупустой стакан.

Гили не сумел донести его до рта: руки задрожали, темная жидкость перехлестнула через край, по залу поплыл пряный и резкий запах «зимнего вина». Резко, со стуком, обливая пальцы, мальчик поставил стакан на стол, упал в кресло и наконец-то заплакал. Слезы успокоили его — и через несколько минут он покинул зал, кутаясь в просторный диргол Хардинга.

Маэдрос сидел в другом кресле. Те, кто хорошо его знал, прочли на лице вождя желание поговорить с братьями наедине — и постепенно аула опустела. Остались только пятеро, связанные воедино родством и клятвой.

Братья молчали, лишь треск пламени в камине нарушал тишину зимнего покоя. Наконец, старший заговорил — но сказал совсем не то, чего от него ждали.

— ...Он предложил мне проверить его слова под пыткой. Во что же я превратился, если мне предлагают такое... и я почти соглашаюсь.

— Маленький наглец, — фыркнул Карантир. — Он знал, что ты не согласишься, вот и все. Он ничем не рисковал.

— Неужто? — усмехнулся Маглор. — А мне показалось, он рисковал свернуть себе шею.

— Он знал, что Майтимо его остановит.

— Ты плохо знаешь смертных, брат, — возразил Амрос. — Они способны лгать языком, но не телом. Мальчик и в самом деле думал, что приговорен.

— Он честен, в этом никаких сомнений быть не может, — подвел итог Златокователь. — Но он может быть обманут, Майтимо. Эта опасность остается, и пренебрегать ею нельзя. А ты уже дал согласие. Дал слово.

— Вот именно! — подхватил Карантир. — Брат, что с тобой происходит? Сначала к тебе приходит этот безумный Беоринг — и ты, вместо того чтобы спустить его с лестницы, вступаешь с ним в союз. Потом оказывается, что он перекинулся к Морготу — что ж, туда и дорога. Договор можно считать расторгнутым, собственные люди Беоринга отреклись от него! Но нет, к тебе пришел оборванный рыжий щенок — и ты растаял как масло в кипятке. Что с тобой, брат?

— Вот это, — Маэдрос вскинул железную руку. — Она болит, Морьо. Ночами мне снится, что она у меня есть. По-прежнему сильна и послушна. Я рисую ею, брат. Я вывожу иглой по воску тончайший узор — а потом осторожно обливаю поверхность кислотой и смотрю, как пузырится серебро... А потом я граню камни и вставляю их в глаза зверей и в чашечки цветов, и они играют на солнце, как красное и белое вино, и заклятье по ободу кубка делает запах и вкус питья острее и глубже... Но сны уходят, наступает утро... Я открываю глаза и вижу на подставке у постели — вот это мертвое железо... Я устал ждать, брат.

— Но это не повод кидаться без оглядки в драку! А если посланное тобой войско пойдет

прямо в западню?

— Тогда это будет моя последняя битва, — спокойно ответил Маэдрос. — Никого из вас я с собой не зову: слово давал я один.

— Ну уж нет, — Амрод и Амрос сказали это в один голос, как в детстве, и все пятеро, как бывало, не удержались от смеха.

— Вместе мы хоронили деда и клялись, — проговорил Маглор. — Вместе хоронили отца и повторяли клятву. Вместе замарали руки кровью родичей, а души — предательством. Если судьба решила посмеяться над нами, и предатели в свою очередь окажутся преданы — мы и это разделим на всех.

— Я против, — Карантир встал и зашагал по комнате. — Не говоря уже о том, что вы забыли спросить мнения средних. Или их мнение больше ничего не значит?

— Не то чтобы они часто беспокоили нас своими советами, — как бы в сторону проговорил Маглор. — Что ж, ты, Карантир, останешься, и еще двое — чтобы исполнить Клятву...

— Как кстати ты вспомнил о Клятве! — Карантир на миг застыл, издевательски-картинно воздев руки к небесам. — Может быть ты вспомнишь еще и о том, что смертному за верную службу обещан Сильмарилл? И он, как бы то ни было, намерен завладеть одним из Камней?

— Пока Сильмарилл не в его руке — нам он не враг, — напомнил Амрод.

— Сильмарилл никогда не будет в его руке, потому что Моргот скорее расстанется с жизнью, чем с Камнями! Кто-то из нас сходит с ума, братья. Почему сейчас? Если тебе так уж не терпится подраться, Нэльо, если тебе вконец надоела жизнь, Кано, если Wenin все так же готовы за вами в огонь и в воду — то почему именно сейчас, когда все воняет предательством? Почему не немного позже, не тогда, когда все станет ясно?

— Ты слишком много общался с гномами, Карантир, — сощурился Маэдрос. — И, как видно, заразился от них жадностью и осторожностью. Никогда не бывает все ясно. Или, если хочешь, так: все ясно становится лишь тогда, когда слишком поздно что-либо менять. Когда колышутся трупы на волнах, или горят корабли, или поганый орк запихивает тебе в рот кнутовище — вот тогда все ясно: не надо было делать того, что ты сделал. Беда лишь в том, что действуешь ты или ждешь — все равно становится слишком поздно. Я предпочитаю действовать.

— Ну что ж, — Карантир остановился; лицо его было темно, ноздри раздувались. — Если я слишком много общался с гномами, то ты, брат мой — со смертными. Вспомни, куда это привело Финрода, — и, развернувшись, он вышел, не позаботившись закрыть за собой дверь.

* * *

Сирион не замерзал. Тонкие, ломкие края льдов, сковавших берега, тянулись друг к другу через реку — но не могли сойтись, разделенные протоком быстрой, темной воды.

Не соприкоснуться,

Не встретиться

Нашим рукам,
Как стеблям осоки
Не переплестись.

...Илльо глядел в окно, ожидая, задаст ли Гортхауэр еще один вопрос о делах в Дортонионе или отпустит его наконец-то. Оставался только один предмет, который они еще не обсудили...

— ...Ну, а что наш подопечный? — спросил Гортхауэр.

— Он пьет, — поморщился Илльо.

Это был именно тот вопрос, которого он ждал и боялся.

— Надо думать, он еще и ест, — пошутил фаэрни (54).

Илльо улыбнулся — Гортхауэру не так часто удавались шутки, понятные смертным.

— Он сделал вместе с Эрвегом все, что мог. Если бы ты позволил мне дать ему под начало хотя бы сотню стрелков...

— ...То он бы скоро имел сотню людей, всецело ему преданных, — с улыбкой сказал Гортхауэр.

Илльо сам понимал, что это рискованно.

— У него было бы меньше времени бездельничать и пить. Он превращается в полное ничто, Гортхауэр. В... Этиль сказала — в Болдога, и я с ней согласен. Неужели ты этого хотел?

Гортхауэр поднялся из кресла и подошел к Илльо, встав рядом с ним у окна.

— Илльо, — мягко сказал он. — Тебе не в чем себя винить. Ты сделал все, что мог. Предложил ему величайшую в мире честь — он отказался. Кого винить? Либо он принял бы твое предложение, либо стал тем, чем становится сейчас. Может быть, это покажется тебе жестоким, но мне все равно. Я хотел, чтобы он послужил Короне — и он послужит. Способ он при этом выбрал сам. Ты ведь объяснял ему, что долго он не продержится?

Илльо кивнул.

— Беда многих людей в том, что они думают, будто можно наполовину остаться верным, — Гортхауэр зашагал по залу в обратном направлении. — Вслух они произнесут то, что от них требуется, будут делать, что прикажут, но там, в глубине, в душе — сохранят верность своим прежним убеждениям... Когда они поймут, что не получается — уже слишком поздно. Убеждения, которые они так заботливо хранили, сами судят их, сами приговаривают и сами казнят. Берен уже мертв, Илльо. Нельзя сохранить половинку души, можно только сжечь то, чему поклонялся и поклониться тому, что сжигал. Запомни это на всякий случай.

Илльо снова кивнул.

— Конечно, где-то мне жаль... — Гортхауэр развел руками. — Конечно, и мне хотелось бы видеть его рыцарем Аст-Ахэ. Но ты ведь не можешь отрицать, что он выбрал сам. И не можешь не уважать право человека на выбор. Теперь к делу. Снега в Дортонионе сойдут в последние дни Ворона; здесь немного раньше, и будет сушая каша вместо земли. Однако ко Дню Серебра все подсохнет. Илльо, в День Серебра мы должны выступить.

Илльо внутренне собрался. Прежде Гортхауэр не называл точно день выступления.

— Ты помнишь, что я говорил: внезапность важна, но мощь — важнее. Пусть они заметят наши перемещения — это неважно. Важно, что мы обрушим на Серебряную Седловину такой удар, какого они не выдержат и прорвемся в Митрим. Сколько будет держаться Эйтель-Сирион — не имеет значения. Мы все равно возьмем ее. Поэтому: мне не

нужны наспех сляпанные осадные орудия, которые хрястнут после первых пяти выстрелов. Пусть Мэрдиган немного припозднится — в конце концов, крепость никуда не убежит. Главное: собрать стрелков, копейщиков и орков. Они мне нужны в первую очередь. В девятый день Единорога они должны уже переправиться через Ангродовы Гати. Это крайний срок. Илльо, твои честь и жизнь поручкой этому.

— Я принимаю, — улыбнулся Илльо.

— Кстати, вот здесь мне понадобится и Берен. Я хочу, чтобы он был с тобой. В последние дни Дракона запретишь ему пить. Если надо — свяжешь и запрешь, и под страхом смерти запретишь проносить к нему питье. В День Серебра он должен прийти в себя и быть готовым отправиться за армией.

— Ты дашь ему людей?

— Сначала он понадобится мне здесь, — качнул головой фаэрни. — Но потом... Когда прорыв будет закончен и мы займем Хитлум, нужен будет его опыт. Ты ведь понимаешь, что там появятся люди вроде Барахира... И совсем нелишним будет человек, знающий, как с такими воевать. Я дам Берену под начало Волчий Отряд.

— Орков? — Илльо не поверил своим ушам.

— Так будет лучше всего. Он сумеет удержать их в руках, но никогда не добьется их преданности.

— А... Болдог?

— Я предвижу, что с Болдогом случится что-то плохое этой весной.

Илльо сжал зубы. Берен — это потеря. Он не мог заставить себя смотреть на горца так, как смотрел на него Гортхауэр.

— А... Лютиэн?

— Это после окончания срока службы.

— Но он... Он изменится. Станет совсем другим.

— Тебя волнуют его сердечные дела? — глаза Гортхауэра сверкнули холодно и жестко. — Илльо, как ты полагаешь — когда он получит Сильмарилл, он сумеет удержать его в руке? Эльфы делали Сильмариллы для себя. Камень сожжет смертную плоть.

— Гортхауэр, — тихо сказал Илльо. — Это же бесчестно...

— Нет. Все честно. Я обещал дать ему Сильмарилл — и Учитель согласен. Но никто не обещал, что Сильмарилл ему помогут дотащить до Дориата. Камень его — если он сумеет унести...

Какое-то время они молчали. Отблески огня соперничали ало-золотистой яркостью со светом закатного солнца, летящего в витраж.

— Илльо, — сказал Гортхауэр. — Я понимаю, как тебе тяжело. Но помни — он выбрал сам.

* * *

Илльо возвращался проездом через Минас-Моркрест, чтобы взять письмо у жены Мэрдигана, заложницы, и передать его мужу в Бар-эн-Эмин. Заодно отдать распоряжение Гортхауэра и проверить, доставлено ли то, что просил Мэрдиган для работы:

десятисаженные дубовые бревна.

Ехать в Каргонд на ночь глядя не хотелось, и он остановился в лагере Риана. Народу там сейчас было мало: простых стрелков на зиму распустили по домам. С началом Тхэнно, Дракона, — разослать нарочных собирать людей, напомнил он себе.

Антары и харма-таэри чувствовали себя здесь больше пленниками, чем хозяевами. Илльо знал о нескольких драках с орками — но в последнее время людям такие драки сходили с рук, а виновных орков вешали, и драки сошли на нет.

Анардил Фин-Риан уступил ему свою камору в землянке и велел подать еды. Ему налили из общего котла, но это было уже не вонючее варево, а вполне пристойная похлебка на солонине и пшене. Эль, отметил Илльо, был самодельный и свежий.

— Где взяли ячмень? — спросил он.

— На еде сберегли, — признался сотник. — Другой раз выпить хочется, а нечего.

— Как нечего? — удивился рыцарь. — Опять коморник ворует?

— Нет, господин. Просто в нескольких бочках эль протух. Нельзя свежий эль наливать в старые бочки, разве что в них прежде норпейх держали.

Илльо поморщился — опять мелкое вредительство, одно из многих, где нерадения больше, чем злого умысла. Горцы как будто не понимали, что плодами их работы будут пользоваться такие же люди как они, их соплеменники — и делали дело спустя рукава. И даже наказывать кого-либо за это не имело смысла — иначе Дортонион скоро обезлюдел бы.

Он остался один и улегся отдыхать, не раздеваясь и не снимая сапог, покрыв немудреную постель сотника сверху попоной.

Чуткий сон продлился недолго — Илльо проснулся от смеха и пения за стеной. Горцам было некуда торопиться и они не устали с дороги — поэтому рыцарь, скорее всего, просто перевернулся бы на другой бок и заснул, если бы ему не показался знакомым один из голосов. Чистый, грудной, этот голос принадлежал или молодой женщине, или юноше-подростку. Женщин приводить в лагерь было запрещено...

Илльо сразу же узнал песню, долгую горскую балладу «На поле золотом».

Вспоминай меня среди ячменя,

Когда гуляет ветер,

И лежит закат, точно алый плат,

На поле золотом.

Вспоминай, пока не пройдет тоска,

Когда гуляет ветер,

Я к тебе приду, и в траву паду

На поле золотом.

Будешь ли со мной, будешь ли моей,

Когда гуляет ветер?

Я тебя возьму и к себе прижму

На поле золотом...

Как это нередко бывает в горских песнях, чередование искусных образов — «закат, точно алый плат» и самых простецких, переходящих из песни в песню, изобличало не одного творца, а искусство целого народа. Илльо поднялся и приоткрыл дверь в соседнее помещение. Горцы сидели в круг у очага, слушая певца и тихонько подпевая.

Ну да. Можно было смело закладывать свою голову против бочонка протухшего эля —

Илльо правильно узнал голос. На лютне все так же неумело тренькал рыжий мальчик с изъеденным оспой лицом, приходивший в Каргонд в день Звезды, взятый было Береном в услужение, но уже на третий день крепко побитый и бежавший. Значит, он выжил. Значит, так и шатается по всей стране, получая в крестьянском доме или в солдатском лагере то кусок хлеба и чашку похлебки, то пинка...

Илльо притворил дверь и вернулся на постель. До утра, рассудил он, мальчишка никуда не денется, а сейчас — спать...

Утром, едва проснувшись, он выбрался в общую и нашел мальчишку в закутке под сеном.

— Вылезай, — сказал он, потерев паренька за плечо. Голос его был совершенно спокоен — он уже знал, что такого голоса боятся больше всего ибо не знают, чего ждать — гнева или снисхождения.

Паренек выбрался, дрожа и ежась. Услышав возню, проснулся и сотник.

— Разве посторонних не запрещено пускать в лагерь? — спросил Илльо.

— Моя вина, — сказал Фин-Риан без колебаний. — Холод на дворе, а мальчишка один... Не к оркам же его гнать. Опять же, учений стало меньше и работы... Скучно бывает вечерами, господин рыцарь.

— Вы будете наказаны, — Илльо крепко взял паренька за плечо. — Я велю в десять дней выложить из камней ограду вдоль дороги отсюда до тракта, высотой по колено. Мальчишку я забираю с собой.

— А зачем ограду? — спросил Фин-Риан. Илльо беззвучно вздохнул: он уже понял, что из горцев не выбить привычку переспрашивать и уточнять приказы, сколько плетей ни изведи.

— Низачем, сотник. В каменной ограде нет никакой надобности — кроме того, что вы должны сделать ее в наказание. Через десять дней я вернусь и проверю — и если окажется, что вы опять скучали вечерами, то вас развеселят бичом.

— Малый ни в чем не виноват, — опустил голову Фин-Риан.

— Потому я и забираю его собой, а не оставляю вместе с вами строить ограду.

Они вышли на двор, Илльо подвели коня, он сел в седло и велел мальчишке держаться за стремя. Проезжая мимо орочьего лагеря, айкъет'таэро довел свой приказ до сведения командира орков.

Отъехав от лагеря шагов на триста, Илльо спросил паренька:

— Твое имя — Гили, я правильно помню?

— Да, господин Ильвэ. Только все называют меня Руско.

Руско, лис... Илльо улыбнулся — в мальчике не было ничего от хитрой, хищной рыжей молнии полей. Разве что цвет волос, торчащих из-под башлыка. Мордашка у него была хоть и не глупая, но совсем простецкая.

— Ты ведь из Рованов, Руско?

— Из долинных Рованов, сударь.

Илльо так и не научился как следует разбираться в хитросплетениях родословных беорингов. Чем долинные отличаются от горных?

— Как поживает мардо Берэг? — спросил он наобум.

— Вы о ком, господин Ильвэ? — удивился мальчишка.

— Ни о ком, — Илльо улыбнулся. — Я проверил, тот ли ты, за кого себя выдаешь.

— А, — грустно сказал мальчик.

— Ну, а твой дядя, посылавший тебя за милостыней?

— Я его давно не видел. Не то чтобы он меня любил...

— А я слышал, что все вы держитесь друг за друга и кровные связи для вас много значат.

— Так оно так, господин Ильвэ, только... я байстрюк, вот оно что. И родня меня знать не хочет. Пока была жива мать, ее родичи меня как-то терпели, а сейчас...

Обида, уловил Илльо. Но не сильная. Похоже, мальчик не злопамятен.

— Понятно. Давно умерла мать?

— Той весной, как снега ушли.

Скорбь мальчика была неподдельной.

— Сколько тебе лет? — продолжал допрос Илльо.

— Четырнадцать, — соврал паренек. Страх, сопровождавший эту ложь, немного позабавил Илльо.

— Не бойся, я не продам тебя вербовщикам. Я — Голос Айанто Мелькора, глава дхоллэртэ армии. А не торговец рабами.

— А я и не боюсь, — паренек шмыгнул носом. — Это мне просто холодно.

На самом деле он боялся, и немало.

— Как ты думаешь, что я сделаю с тобой в Каргонде?

— Не знаю, сударь. Я думал, раз я сбежал, то я теперь беглый раб. Значит, что захотите, то и сделаете.

Илльо прислушался к его чувствам. Это была не слепая и тупая покорность. Это было какое-то скрытое мужество. Мальчишка хотел в Каргонд, как бы ему ни было страшно. И двигался к своей цели.

— Берен не объявлял тебя своим рабом, — Илльо забросил пробный шар и тут же попал в цель. При имени князя паренек ощутил теплое, почти родственное беспокойство.

Когда ни только прибыли в Дортонион, Илльо часто чувствовал, как оно исходит от горцев при виде Берена или при упоминании его имени. Потом, когда Берен начал опускаться — все реже и реже... Но с мальчишкой это было странно — он ведь видел своего князя в худшие минуты, был им даже крепко избит... А впрочем, этого мальчика наверняка колотили в жизни не раз, а вот спасение от такого мерзавца как Фрекарт, могло значить много.

— А что ты скажешь, если я верну тебя ему? — небрежно спросил Илльо.

Хлоп! — как будто с грохотом сошлись створки ворот. Руско замкнулся. Невозможно было прочесть его чувства.

Нет, одно читалось.

Страх.

— Прибьет он меня, — сказал мальчик.

Нет, он боялся не побоев. Кстати, — Илльо прикинул время прибытия в Каргонд. За полдень. Берен уже успеет заложить за ворот, но еще не упьется до полного свинства. Будет весел, добродушен и отходчив. Нет, своего сбежавшего слугу он не тронет — по меньшей мере, до вечера, когда ему начнут мерещиться крысы размером с орка... А вот тогда за жизнь любого малознакомого ему человека нельзя будет дать и горсти пшена.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Словно уловив мысли Илльо, Руско тихо сказал:

— Болтают, что ярн — уже не живой человек...

— Вот как? — Илльо слышал нечто в этом роде, но не из первых уст. — Как такое

возможно?

— Ну, вроде бы как Сау... виноват, Повелитель Гортхауэр колдовством и мукой вынул из ярна душу, а в тело поселил семьдесят семь раугов.

— Ровно семьдесят семь? — Илльо постарался вложить в вопрос побольше насмешки и яду. — Не больше и не меньше?

— Ну, я не знаю... Я не считал.

— А сам ты как думаешь? Своя-то голова у тебя есть, и своего князя ты видел своими глазами. Человек он или нет?

— Тогда был человек, а сейчас не знаю, — мальчишка передернул плечами. — Болтают еще, что госпожа консорт — живой мертвец, и ночами пьет из людей кровь.

Илльо насторожился. В болтовню невежественных селян проникла капля истины.

— Это чушь, Руско, — сказал он. — И если я услышу, что ты повторяешь ее, я буду вынужден приказать тебя высечь. Госпожа Тхуринэйтель — такой же человек как ты и я.

— А вы разве не эльф, господин Илльвэ? — мальчик поднял глаза.

— Только внешностью, юноша. Душой я — человек.

— А разве так бывает?

— Мой отец — человек. Но даже если бы я не унаследовал человеческой природы от отца, Учителю дана власть освобождать души эльфов от вечного плена в круге этого мира. Освободил бы он и меня.

Похоже, паренек не понял, о ком идет речь, и Илльо уточнил:

— Вы называете Учителя Морготом.

Так и есть. Мальчик испугался еще сильнее. Илльо подумал, что он сейчас попытается бежать — ничего подобного. Он шел вперед все тем же твердым быстрым шагом.

— И что, — спросил он время спустя. — Мор... то есть...

Ему зримо было трудно выговорить «Учитель».

— Ты можешь называть его Владыкой, — подсказал Илльо. — Айанто — так это звучит на нашем языке.

— Айанто может и обратно сделать? Из человека — эльфа?

— Мог бы, несомненно, если бы пожелал. Но не пожелает этого никогда.

— А почему?

— Потому, юноша, что бессмертие — это проклятье эльфов. Их рабство. Запереть душу в пределы мира до его конца было бы жестоко без меры. Ты не находишь?

— Не знаю, — пожал плечами паренек. Но изнутри пробилось твердое отрицание.

— Я понимаю, — сказал Илльо. — Ты где-то видел эльфов — они ведь жили здесь, так? Ты разглядел только внешнее: вечную юность, красоту и силу... И не понял внутреннего: они лишены возможности расти и развиваться душевно. Пребывают такими же, какими пришли в мир — прекрасными внешне, застывшими, мертвыми внутренне...

Илльо пресекая, поймав чувства паренька. Пятнадцатилетний сопляк в драном дирголе и выгоревшем до серого башлыке испытывал к нему, рыцарю Аст-Ахэ и голосу Учителя в этих краях, жалость с оттенком презрения, как к убогонькому.

— Ты думаешь, я заблуждаюсь или лгу, — холодно сказал он. — Но ты ошибаешься. Впрочем, ты еще молод. Ты сообразительный паренек, Руско — не хочешь ли отправиться со мной в Аст-Ахэ?

— Куда? — не понял рыжий.

— В Ангбанд, — бросил Илльо.

Парнишку затопил такой страх, что Илльо передалась его дрожь в поджилках. Но он не попытался бежать и не остановился.

Илльо понял, что мальчик нравится ему все больше и больше. Жаль, что его проглядели, когда собирали детей для отправки в Аст-Ахэ. Если бы его подобрали вовремя, толку из него вышло бы гораздо больше, чем из Даэйрэт. А впрочем, и сейчас еще не поздно. Скоро приедут с Севера ребята. Мальчик немного попоет им — в отряде многие по части игры и пения дадут ему два кьона вперед, но в этих простых горских песнях есть свое очарование, которое нельзя не оценить, а голос у мальчугана красивый... так что его будут кормить. Потом он убедится, что они не звери и пойдет в услужение к кому-нибудь... не такому взбалмошному, как Берен... А потом окажется в Аст-Ахэ, и поймет, что страшные сказки с Морготе — пустая болтовня...

— Не бойся, — сказал он. — Учитель не ест детей.

— Я уже не дитя, — Руско снова шмыгнул носом.

— Взрослых он тоже не ест. Ты бы многое увидел своими глазами... Тебе было бы над чем подумать.

Он услышал, как поет в страхе сердце юного певца и вздохнул.

— Это не приказ. Я не собираюсь никуда отправлять тебя насильно. Я тебя вообще не удерживаю — ты свободен и можешь идти куда угодно.

Они уже давно вышли на тракт и были довольно близко от перекрестка.

— Я хочу в Каргонд, — упрямо сказал парнишка.

— Почему?

— Там торг и харчевня. Хорошо подают.

— А в замок со мной — не страшно? Или боишься, что снова сделают слугой?

— Если опять отдадите ярну — сбегу, — предупредил паренек.

Илльо прислушался к его чувствам. Страх был искренним, но страх он испытывал постоянно, и немудрено: «Морготов Голос» здесь боялись. А вот что было под страхом — Илльо понять не мог. Неужели радость? Да, радость.

— Чему ты радуешься, хотел бы я знать.

Паренек немного подумал прежде, чем ответить.

— Ну... С прошлого раза... Я знаю, что у вас не обидят, а на торге — запросто могут. Даже если ярн — то ненарочно, и спяну. А там... Меня побили один раз, все что было отобрали, спасибо хоть лютня цела осталась.

— У тебя красивая лютня. Сильно попорченная снаружи, но красивая.

— Эльфийская.

— Я заметил. Откуда?

— От мертвого эльфа.

Парнишку снова передернуло, и сквозь страх пробилась жалость. Как и большинство людей Дортониона, он испытывал любовь к эльфам и непонятное перед ними преклонение. Видимо, зрелище «умершего бессмертного» оставило в душе ребенка неизгладимый след.

— Итак, ты принимаешь мое предложение?

Мальчик колебался.

— Поверь, нам хватает слуг, — ободрил его Илльо. — В лишних руках нет нужды, а беседа с тобой скрашивает мне дорогу. И мне действительно нравится, как ты поешь.

— Хорошо, — сказал паренек. — Я пойду в замок, господин, но только ежели оставите на ночь. Потому что после захода меня в городище никто на ночлег не пустит.

— Идет, — согласился Илльо.

Дорогой они продолжили беседу. Паренек был довольно молчалив и на вопросы отвечал кратко, но по сравнению с бирючинными повадками других горцев его ответы были просто образцом красноречия. Илльо знал, что между собой горцы болтливы, но добиться от кого-нибудь, кроме Берена, занимательной беседы он так за истекшие месяцы и не смог. Руско можно было занести в список вторым.

Несколько раз мальчик по его просьбе пел без музыки. И в общем дорога в Каргонд оказалась не только полезной, но и приятной.

Илльо отдал лошадь конюшним, в нижней палате сбросил плащ — слуги поднимут и вычистят, — отряхнул обувь и поднялся в аулу.

К своему удивлению, он застал там Даэйрэт и Берена — пару, которая ни при каких обстоятельствах старалась не оставаться наедине. Стоило им оказаться где-то вместе, и не было конца грубым шуткам Берена, пока юная оруженосица не начинала реветь или не убегала с жалобой к наставнице. Первое время она обязательно старалась огрызаться (и будем честны: в половине случаев она выступала зачинщицей свар), но по части острословия Берен обходил ее безо всякой натуги даже если был сильно пьян.

Так что удивление Илльо усилилось, когда он обнаружил, что оба погружены в свое дело и сосредоточенно молчат: Даэйрэт что-то пишет, а Берен чистит песком и мелом какие-то бронзовые бляхи.

— Приветствую, — сказал он. — Что это ты делаешь, Берен?

Прежде чем ответить, горец открыто и нагло ухмыльнулся ревнивой гримаске Даэйрэт: ну как же — Илльо обратился не к ней первой.

— Отыскал на чердаке боевое снаряжение прадедовских времен, — сказал он. — Двух не хватает, я велел отлить по образцу, — он показал кругляш шириной в ладонь, с какой-то жутковатой личиной. — Нравится?

— Это доспех? — уточнил Илльо.

— Угу. Нашить на кожаную основу — и будет доспех.

— Старье, — бросила сквозь зубы Даэйрэт. — Дополни его двумя мисками с кухни.

— Миски плохо блестят, — оскалил зубы Берен. — А я, как и всякая блядь, люблю дешевые блестящие штучки.

Он провел пальцем по звеньям золотой цепи, снятой с Фрекарта, и добавил:

— Дорогие тоже люблю.

— Ты знаешь хотя бы одно приличное слово? Или в вашем дикарском языке таких вовсе нет?

— А как это ремесло зовется по-вашему? Путь Продающейся и Ласкающей? Или как-то еще?

— Тихо! — Илльо грохнул кулаком по столу. — Даэйрэт, почему ты не с Этиль?

— Она велела мне описать сделанное вчера исцеление открытого перелома с раздроблением. По памяти.

— Отправляйся в вашу спальню и описывай там. Берен...

Горец поднял на него глаза и удивление Илльо сделалось вовсе безмерным. Берен был трезв. Совершенно. Это раз. Два — он был бледен. Три — ворот его рубахи был снова наглухо зашнурован, и высокая темная повязка охватывала шею до самого подбородка.

— Ты же не будешь рассказывать мне, что бережешь горло от простуды, — тихо проговорил Илльо, когда Даэйрэт ушла.

— Не буду, — подтвердил Берен, склонив голову и глядя в стол.

— Где она?

— Она... улетела вчера... И то, что сделала... Не дыши так часто, Ильвэ. Привыкай. Это гораздо лучше, чем винище. Теперь ей часто нужно будет летать... А так она за меня спокойна — после такого я день лежу пластом, доглядывать меня не надо, я и до горшка ползком добираюсь...

— Когда она вернется?

Берен открыл было рот, чтобы ответить, но тут его глаза распахнулись: в дверь сунул нос Руско.

— Ба, — сказал князь. — Вот уж кого не ожидал увидеть... Что, малый, твой дядя прогнал тебя?

Паренек несмело качнул головой из стороны в сторону.

— Послал сюда? Побираться?

Руско медленно кивнул.

— Проклятье, — Берен тяжело поднялся, уронив медную бляху. — Ильвэ, убери его отсюда. Сегодня же. Она возвращается этой ночью, убери отсюда пацана!

— Перестань, — попробовал успокоить его Илльо. — Ему ничего не грозит.

— Хрена с два ему ничего не грозит, — прорычал Берен. — Поллюбопытствуй, сколько людей в округе найдено мертвыми, начиная с этой осени. Поллюбопытствуй, какой смертью они умерли. Поспрашивай хоть о чем-нибудь кроме своих военных дел!

— Мне некогда собирать сплетни на торгу, — холодно ответил Илльо. — Но ладно. Если это успокоит тебя то ладно. Я пообещал мальчику ночлег, и не могу выгнать его на дорогу — но если ты боишься за него, я отправлю его в дом к слугам таэро-ири. Ты доволен? Она не узнает. Даю слово.

— И завтра чтобы духу его здесь не было, — потребовал Берен.

— Хорошо.

Когда его распоряжение было выполнено, и юный певец отправился развлекать слуг воинов Аст-Ахэ, Илльо вернулся в аулу. Берен все с тем же сумрачным видом наводил блеск на древние доспехи.

— Почему тебя так беспокоит судьба этого мальчика? — спросил Илльо. — И его тоже беспокоит твоя судьба, как видно по нему. Вас связывают какие-то узы, о которых ты промолчал?

— Ты бы сам о них догадался, если бы подумал хоть немного. Мальчишка — из Рованов.

— И что же?

— А то, что из-за меня ни один Рован больше не погибнет. Хватит с меня крови старика.

— Я все еще не совсем понимаю...

Берен оторвался от своей работы и вздохнул.

— Другому бы никому не сказал, но тебе — так и быть. Тогда, в первый раз, пацан приходил за моей смертью, — вообразил себя моим кровником.

— Из-за старика?

— Из-за него... Но в Долгую Ночь он не хотел меня убивать. Думал, что его оставят при замке хотя бы на два дня. Правильно думал, да? Но тут случилась эта штука с Фрекартом. Получается, я спас ему жизнь. Теперь он не может мстить раньше, чем оплатит долг чести.

То есть, спасет жизнь мне.

— Спасти тебе жизнь, чтобы потом убить? — уточнил Илльо.

— Эге. Наши легенды полны баек о таких делах. В старых балладах за это время герои успевали накрепко сдружиться, делались побратимами и прощали друг другу обиды... Бьюсь об заклад — у пацана в голове немерено старых баллад.

— И ты вытурил его, чтобы не предоставить ему такого случая? — улыбнулся Илльо.

— Я не хочу, чтобы еще один Рован погиб от моей руки, — Берен опять выронил бляшку и ругнулся. — Не хочу однажды проспаться и найти мальчика зарубленным или забитым насмерть. Пусть бродяжничает или возвращается к себе домой.

Он сделал движение, чтобы выбраться из кресла, но Илльо успел подобрать бляшку первым.

— Если ты все понимаешь, то почему же ты пьешь? — спросил он.

— Потому что если я не буду пить, я помру от стыда.

— Но сегодня ты трезв.

— Не удержал в себе, тошнит. Ничего, завтра наверстаю.

— Если ты будешь продолжать пить, ты сделаешься именно тем, кого больше всего ненавидишь.

Тихое «шур-шур» ветоши по металлу, под которое шел весь разговор, прекратилось. Берен поднял от своего занятия глаза и посмотрел на Илльо.

— А тебе не все равно?

Илльо сжал кулак под столом.

Ему было не все равно. Если и в самом деле Тхуринэйтль без особой надобности... о, Тьма!

— Почему она сделала это?

— Потому что ей этого хотелось, — прошептал Берен. — Я ей нравлюсь больше, чем случайные бродяги. Не волнуйся, меня она не убьет: меру знает.

— Я прикажу ей прекратить.

— Прикажи, если сможешь. Только я не думаю, что она послушается.

— Берен, послушай... Это совсем уже в последний раз, завтра может быть поздно... Остановись. Сделайся рыцарем Аст-Ахэ, выбери жизнь и честь, а не смерть и позор. Ведь ты гибнешь...

— Эла! Ильвэ, ты еще мне скажи, сколько пальцев у меня на руке. Я гибну... Да я уже мертв.

Илльо оперся локтями о стол положил подбородок на сплетенные пальцы. Берен думает, что мертв, и Гортхауэр думает, что он мертв, и Учитель, похоже, думает так же. Учитель и Гортхауэр прежде не ошибались никогда, но... но первый вовсе не видел Берена, а второй видел его только в худшие часы и дни его жизни. Этиль после беспричинного убийства орка убеждена, что в Берене уже нечего спасать, Даэйрэт была убеждена в этом с самого начала, а Эрвег встал на эту сторону совсем недавно, после того, как Берен, приглашенный в общество рыцарей Аст-Ахэ, явился пьяный до рвоты. И лишь Илльо был уверен, что спасти его можно и нужно. Только потому, что понял, как он спасал от себя самого рыжего бродячего певца.

Берен возился со своими медяшками до темноты, а потом побросал их в ящик и отправился на двор.

Илльо остался в ауле, дожидаться Эрвега. Не забыть, отметил он себе, расспросить, что

за мертвецов находили в окрестностях.

Берена не было долго. Дольше, чем того требует любая надобность. Он еще плохо себя чувствует; потерять сознание в отхожем месте — мало что может быть позорнее... Илльо кликнул слугу и велел ему пойти поискать князя, а если его не будет поблизости от нужника — искать возле дома таэро-ири: в последнее мгновение ему пришло в голову, что Берен мог пойти поговорить со своим несостоявшимся убийцей, а ныне — кровным должником.

Слуга вскоре вернулся и доложил, что князя сейчас принесут слуги таэро-ири.

— Что с ним случилось? — встревожился Илльо.

— Что и всегда, — развел руками слуга.

— В такой короткий срок?!

— Он с утра не евши.

Илльо послал проклятие небесам. Это надо было предусмотреть.

Берена втащили — одежда и волосы в снегу, лицо мокрое от талой воды. Запах браги летел впереди него, как герольд впереди войска. Лицо — только что красивое и благородное — сделалось бессмысленной пьяной маской. Илльо скрипнул зубами. Да, вот в эти минуты верилось, что спасать тут некого.

...А завтра будет все то же самое. Он выползет из комнаты злой, дыша перегаром, потребует опохмелиться и ему дадут. Он немного придет в себя, повозится еще с этим старинным панцирем, но чем ближе к вечеру — тем глупее будут шутки и тем меньше останется твердости в пальцах. Но кулак будет еще достаточно быстр и резок, чтобы своротить скулу некстати подвернувшемуся слуге или орку. Когда он выходил из себя, сладить с ним могли только Болдог и Тхуринэйтель. Однако этого, скорее всего, не случится — к часу Змеи он будет пьян до неподвижности. И так — до конца месяца Тхэнно. И то, что придет в себя на пятый день трезвости, Береном уже не будет...

Илльо дождался возвращения Эрвега и велел собирать дхол-лэртэ армии. Следовало наконец-то назвать верным день выступления; День Серебра.

* * *

— Ты? — Рандир облапил мальчишку и втянул его за собой в хибару при кузне. — Не ждал так скоро. Ну, заползай!

Руско, попав с холода в жарко протопленное строение, набив живот пшенной кашей, слегка осоловел и заговорил не сразу.

— Я князя увидел раньше, чем тебя, — сказал он наконец.

— Ну? Как же так вышло?

— Меня на тракте перехватил наместник, Ильвэ.

Рандир несколько раз обалдело моргнул, потом выдернул из рук Гили котелок и ложку и велел:

— Докладно рассказывай.

Гили рассказал все, начиная с того дня, как перебрался с Аваном через Анах, запутал следы, уходя от банды орков и расстался с товарищем, направляясь в Каргонд. Дорогой надо было навестить еще одного человека, которого Берен полагал верным: командира стрелков в

одном из лагерей. Там случай и свел с морготовым полуэльфом. Тот приволок его в Каргонд — Гили умолчал о том, каких страхов натерпелся дорогой — и там он встретился с ярном. Тот задал ему два вопроса о Маэдресе: выгнал ли его эльф? — Гили ответил «нет». Послал сюда? — Гили ответил «да». Тогда ярн устроил так, чтобы Гили выперли в хэссамар для рыцарских слуг, и там он потешал эту братию за кормежку и ночлег. Сам ярн выследил его, когда он выходил по нужде, и тут уж они сумели перекинуться несколькими словами. Ярн велел искать Рандира при кузнице у Эйтелингов, и сказал, когда черные выступят в поход: в первый день последней недели гваэрона. Черные зовут его «Днем Серебра».

— А мы здесь — Днем Медведя, — хрипло засмеялся Рандир. — Поверье такое: в этот день медведь выползает из берлоги. И кто его повстречает в этот день, Руско, тому ой не поздоровится!

Глава 15. День Серебра

Даэрон еще не видел своего короля в таком гневе. Даже в тот день, когда смертный пересек порог Менегрота и потребовал руки Лютиэн, даже тогда Тингол не был так взбешен.

Он отказался встретиться с послами сыновей Феанора лицом к лицу — ни один нолдо из Дома Феанора не мог переступить границ Дориата. Даэрон был посредником между Хисэлином, приехавшим даже не требовать руки Лютиэн для своего господина, а просто уведомить Тингола, что Келегорм берет его дочь в жены.

Тингол метался по тронной палате, как капля воды по раскаленной сковороде, излагая Даэрону все, что он думает о сыновьях Феанора и их безумном отце, обо всех нолдор вообще, об их чести, законах и нравах, брачных обычаях и языке. Он принимал по три решения в минуту: идти воевать Нарогард. Вызвать Келегорма и Куруфина на поединок. Потребовать у Маэдроса головы обоих. Нет, у Ородрета. У того и другого...

Ужас и гнев короля не давали ему остановиться и успокоиться. Даэрон терпеливо ждал. Он знал, что сейчас Тингол не примет никакого решения, потому что все, приходящие ему в голову, одинаково плохи, и он это понимает.

Наконец король упал в кресло, уперев локти в подлокотники и положив голову на руки.

— Она ведь в опасности, Даэрон, — проговорил он тихо, с мукой. — Она не пойдет за него. А он такой же сумасшедший, как и его отец. Он может ее убить.

— Ородрет этого не допустит, — возразил Даэрон.

— Ородрет, — фыркнул Тингол. — у него сердце из воска. Даэрон, иди туда. Иди в Нарготронд, освободи ее. Грози им войной, проклятием Мелиан, моим гневом... Выкради ее, подстрой побег, если надо — вызови и убей Феаноринга. Мне больше не на кого надеяться, кроме тебя.

Даэрон изумленно поднял брови. Он впервые слышал от короля признание в том, что даже на себя тот не надеется.

— Ты согласен? — устало спросил Тингол.

— Ты знаешь, мой король, что я сделал бы это ради нее, если не ради тебя.

— Когда ты выйдешь в путь?

— Сейчас же, если будет на то твоя воля. Что передать Хисэлину?

— Ничего, — Тингол улыбнулся зло. — Он сам сообразит, когда пройдут все мыслимые сроки ожидания. Иди ко мне, Даэрон; обними и прими мое благословение. Может быть, хоть теперь эта безумная поймет, в ком ее счастье.

«Едва ли», — подумал Даэрон, склоняя голову под руку короля.

* * *

Все неправильно.

Хуан понимал речь, но не нуждался в ней сам. Если бы можно было отлить в слова его мысли, они были бы именно таковы: все неправильно. Хозяин поступает неправильно, он становится все больше и больше похож на тех, чьи грязные мысли были ненавистны Хуану

едва ли не больше, чем смрад их немых тел. Хозяин поступал с Госпожой Плохо. Почти так же Плохо, как тот Плохой, кого Хуан ненавидел больше всего, чей запах и ненависть были расплесканы повсюду в мертвом доме Феанора, а особенно в тех покоях, где лежало тело Финвэ. Хозяин причинял Госпоже такое же горе, какое Плохой причинил ему.

И это было уже не в первый раз, когда Хозяин поступал как Плохой. Первый раз был там, далеко на Западе, в городе, где пахло морем. Второй раз в жизни Хуан почуял в воздухе запах крови эльфа — и эта кровь была пролита Хозяином, его Отцом и Братьями. Хуан совсем ничего не понимал, он сходил с ума: если Хозяин поступает как Плохой — значит, он сам стал Плохим? Значит, он больше не Хозяин?

Хуан бегал по воде, трогал носом лежащих на берегу эльфов — а вдруг это игра? Но нет: запах моря мешался с запахом крови, и эльфы были мертвы — как звери и птицы, которых Хозяин убивал на охоте. Но звери и птицы умирали иначе; их жизнь растворялась в другой жизни, а эльфы умерли так, как будто их жизнь из жизни вырвали. Хуан плакал на берегу, а потом Хозяин отыскал его — уже не Плохой, а почти прежний Хозяин, только и из его жизни тоже что-то вырвали. Он плакал вместе с Хуаном, уткнувшись лицом в его шею, набрав полные горсти его шерсти. Там были они одни, никого больше. Хозяин не хотел, чтобы Братья знали, что он тоже умеет плакать. Он старался походить на Отца — такого же решительного, не знающего ни сомнений, ни раскаяния. Любимый Брат походил на Отца сильнее, но Хозяин больше старался...

Второй раз Хозяин поступил как Плохой, когда Отец приказал сжечь корабли. Хуан не понимал, почему это Плохо, но читал это в сердце Хозяина. Однако Хозяин хотел быть как Отец, а Отец смеялся, и Хозяин смеялся тоже, и потом он заставил себя забыть о том, что это Плохо. Хозяин забыл — а Хуан помнил. Потому что это Плохое тоже оставило след, и еще сильнее. В этом было высокое и странное, чего Хуан не понимал, но принимал: Хозяин помнил первое Плохое — и оно пребывало хотя и с ним, но не в нем. А второе Плохое Хозяин постарался забыть — и оно попало в него, внутрь, в самое сердце.

А сейчас Хозяин даже не хотел понимать, что делает Плохое. Поэтому Хуан был доволен, что его оставили при Госпоже. Все чаще и чаще ему приходили мысли: как было бы хорошо, если бы Госпожа стала ему Хозяйкой. Но это было невозможно. Хоть Госпожа и жалела Хозяина, у Госпожи был Человек, которого она любила. Госпожа часто говорила Хуану о нем. Иногда пела. Хуан знал, что этот Человек смел и добр. Что он любит Арду почти как эльф, но совсем иначе. Что он тоже охотник, как и Хозяин, но охотится для пропитания, а не для забавы. У него были раньше собаки — здешние, немые и смертные собаки, чьи мысли были мыслями животных. Собак звали Морко, Клык и Крылатый, одну из них убил кабан, а других — Ненавистные. Человек много сражался с Ненавистными и ушел сражаться дальше, хотя очень любил Госпожу. Потом он исчез. Одни говорили, что Ненавистные убили его, другие — что Ненавистные держат его в неволе и мучают. Госпожа пошла его искать, и вот — угодила в неволю сама.

Хуан чувствовал, что узы между ним и Хозяином слабеют. Не только из-за Госпожи и ее песен, но из-за того, что Хозяин истаивал. Каждый раз, когда он делал Плохое, из его души кто-то вырывал кусок. Если дальше так пойдет, Хозяина не станет совсем — и кому тогда будет служить Хуан?

Он помнил руку Владыки, в которой полностью помещался щенком. Помнил, как Владыка дарил его Хозяину, как Хозяин нарекал ему имя, и это имя связало узами троих — Хозяина, Владыку и Хуана. Но эти узы могли порваться вот-вот. Ибо хозяин замыслил такое

Плохое, что даже его тело воспротивилось этому, и понадобилось измыслить многие чары, чтобы сделать задуманное возможным. Особенно сильные чары, такие, чтобы одолеть чары Госпожи. Брат Хозяина долго думал, но все-таки сумел их сплести.

Хуан слышал разговоры: когда она уснет, Брат Хозяина наденет ей на голову венец, что сделает ее покорной. Пока венец будет на ней, она, как бы в полусне, не сможет сопротивляться; а потом в ней будет ребенок Хозяина и венец можно будет снять. Ни одна женщина не сделает плохого своему ребенку.

Это все было так Плохо, что хуже некуда. Ради блага самого Хозяина нельзя было позволить ему совершить задуманное. Ибо, совершив это, Хозяин перестанет быть собой, а сделается кем-то вроде Ненавистного. Но как? Стеречь Госпожу во сне, чтобы никто не вошел и не надел на нее зачарованный венец? Но и Хуану нужно когда-то спать. И даже если он встанет на защиту Госпожи против Хозяина, тот убьет его легко, ибо Хуан Хозяину вреда не причинит ни за что.

Все было неправильно и Хуан не знал, что ему делать. Оставалось одно: воспользоваться Даром, похитить плащ Госпожи и увести ее из Города.

Но это значило предать Хозяина.

Если бы все было правильно, Хуан и не помыслил бы о том, чтобы предать Хозяина.

Но сейчас все было неправильно, и предать Хозяина — единственный способ спасти его.

Бывает ли так: предать — единственный способ спасти?

Когда все правильно — не бывает.

Но сейчас...

Хозяина не было в Городе. Но он должен был вернуться со дня на день, и совершить задуманное сразу по возвращении.

Значит, и действовать нужно немедленно. Хуан встал и встряхнулся, и в него вошла уверенность: именно на такой случай он получил свой Дар. Ошибки быть уже не могло.

Госпожа не умела следить ход его мысли. Потому, когда он встал, встрепенулся и заговорил, она тихо вскрикнула от изумления и закусила рукав, чтобы больше не издать ни звука.

— Надо. Бежать, — сказал Хуан.

Язык его и глотка были плохо приспособлены для речи — но все же трижды мог он заговорить, такой был дан ему Дар. И по тому, как легко сейчас повиновался ему язык, Хуан понял, что поступает Правильно; поступает так, как хотел бы Владыка.

Лютиэн протянула руку вперед, как бы не веря своим глазам и желая убедиться, что именно этот белый пес говорит сейчас с ней, а не морок берет измученную душу. Пальцы ее коснулись густой шерсти на груди собаки, прошли сквозь нее как гребень...

— Когда? — прошептала Госпожа, склоняясь к самой морде пса.

— Завтра. Ночь. Потом. Поздно.

— У меня нет теплой одежды, песик; а сейчас, хотя зима повернулась к лету, еще холодно. Нет моего плаща. И еды в дорогу тоже нет.

— Будет.

— Ты принесешь? Ты знаешь, где?

— Хуан. Знает.

— Хорошо, мой милый, — Лютиэн обняла его за шею. — Тогда я буду ждать тебя. Ты ведь не умеешь обманывать.

Ее смех прокатился по сердцу Хуана как серебряный бубенчик, и он обрадовался.

* * *

День Серебра...

Берен угадал его, а не узнал. Но чем ближе был этот сверкающий серебром день, тем явственней Берен понимал, что угадал он верно. Войска стягивались к месту несения службы, спешно доразвозилось, где чего не хватало. Припасов было впритык: на хитлумской земле армия должна была начать кормить сама себя. Даже те, кто не хочет воевать с хадорингами, чтобы не умереть голодной смертью, должны будут драться за свой хлеб. Хитер Саурон.

Берен связывался с Рандиром через старую Раэнет, которая возила в Каргонд молочное. Раэнет и Форвега Мар-Эйтелингов он получил первыми, сразу после Долгой Ночи, когда он свернул шею Фрекарту. Руско тогда пошел к ним в дом с вопросом: готовы ли они поддержать князя? — и получил в ответ решительное «да». Старики устали от унижений и не боялись смерти. Рандир сейчас жил у них при кузнице как закуп, и к нему приходили все, кто был в деле; либо же он сам ходил в нужный конец страны — якобы по поручению Эйтелингов. Руско и Аван исходили весь Дортонион. Берен знал два десятка человек, на которых мог положиться в любом случае, и рассчитывал на многие и многие сотни, когда начнется буза и станет известно, что на выручку движется Маэдрос, а через Анах идут Бретильские Драконы и (правда, тут можно было полагаться только на удачу и на сообразительность Государя Ородрета) нарготрондское войско.

В последние дни перед Илсэ, праздником северян, Берену запретили пить. Под угрозой заточения в комнате и даже связывания. Ни от кого из слуг нельзя было добиться ни капли — им пригрозили смертью за это.

И в эти же дни Раэнет принесла известие: объявился Руско. Последним его заданием было — побывать в Минас-Моркрест и кое-что проверить. Руско не удалось проникнуть в замок: там сидели рыцари Аст-Ахэ и порядок они знали; но, шатаясь по окрестностям, мальчик многое разведal и подтвердил еще одну догадку Берена: заложники из знатных семей, главы которых служили в армии «Хэлгор», находились именно там.

Догадаться-то было нетрудно: за время странствий с Эрвегом Берен побывал во всех уцелевших после войны замках — кроме этого. Если двое рыцарей Аст-Ахэ при нем говорили об укреплениях в Дортонионе, то именно про этот замок почему-то «забывали». Ильвэ был умен, но здесь он просчитался. Порой молчание говорит не меньше чем слова — и все же Берену нужны были не догадки, а уверенность.

Теперь у Берена было все, что нужно для мятежа — кроме свободы. И он, выжидая, добросовестно чередовал припадки ярости и часы тупого сидения, болван болваном, в кресле. От него никто ничего не требовал, он никому не был нужен. Ильвэ дольше всех не верил, что Берен превратился в полную развалину, но в конце концов поверил и Ильвэ. Оставалось только ждать подходящего случая. Это была сушая мука — все равно что держать натянутым лук — часами, сутками. На второй день ожидания он начал бояться, что устанет, выдохнется, перегорит к тому моменту, когда нужно будет прыгнуть на загревок удаче и,

вцепившись руками и ногами, держаться что есть силы.

Он никогда не смог бы объяснить, почему именно в этот миг, не раньше и не позже, сказал себе «сейчас». К Берену так привыкли за эти два дня, что почти перестали замечать. Рыцари Аст-Ахэ сходились в зал на общую трапезу дважды в день, и расходились — только Берен не покидал своего места. Он и теперь сидел в кресле, в ауле, и мельком слышал, что Тхуринэитель сегодня покинет замок. Значит, вечером потребует его к себе в спальню. С тех пор как все привыкли, что он напивается до беспамятства, она ослабила надзор — что толку стеречь того, кто сидит или лежит бревно бревном; если он валялся в винном погребе или засыпал в зале, она даже не всегда приказывала перенести его в постель — так хорошо ему удавалось быть противным. Но уже три дня он не пьет, а ей улетать; значит, она захочет напиться крови, и не будет пробавляться свиной, когда предоставляется случай угоститься человеческой. Она пошлет за ним. Его будут искать. И найдут в винном погребе.

Теперь было особенно трудно сдерживаться. За ужином притворяться безразличным и равнодушным ко всему. После ужина оттащить свое кресло к очагу и снова усесться там с тем же осовелым видом, дожидаясь, пока опустеет кухня и все же стараясь не проворонить минуту. Пока в кухне много народу — слишком рано. Когда Тхурингвэтиль позовет его — будет слишком поздно.

Наконец он услышал, как шум в кухне стих. Только рыцаря Аст-Ахэ, напомнил он себе, вставая. Никто другой не годится.

Гребень в сумке-калите, нож — на поясе, сало, хлеб, сыр и сажа — в кухне, норпейх — в погребе, надежда — в сердце, а сила — в руке.

Он пошел вниз, так, как обычно выходил в отхожее место — не глядя ни на кого вокруг, совершая все действия равнодушно и бессмысленно, как вол. В кухне было двое служанок, подметавших полы, да старый истопник, но никто ничего не сказал — его боялись.

— Вы меня не видели. Пошли вон, — приказал он, и все трое тихо вышли.

Среди кухонных рабочих у него не было своих людей: слишком покорными и забитыми для этого были здешние рабы. Он не сомневался, что они на допросе скажут: вышли за водой или по нужде, и не видели, кто сбил с винного погреба замок.

Он совершенно спокойно вырезал из окорока жирный кусок, запалил светильник, наскреб немного сажи из дымохода в плоску, взял с поленницы старый сломанный топор — его здесь держали щепать лучины — и одним ударом сковырнул замок. Дверца была маленькая — раз в двадцать лет заново вносили сюда полные бочки, и ради такого случая стену ломали. Берен спустился по крутой лесенке, забрался в дальний конец погреба в проем между бочками — и в ожидании того, кто придет первым, принялся за дело.

Перво-наперво он смешал в плоске масло из светильника и сажу, и начал чернить волосы, укладывая их гребнем. Зеркала у него не было, и он не знал, хорошо ли ему удалось закрасить всю седину, но на ощупь вроде бы все волосы удалось зачесать и уложить гладко, как у половины из здешних морготовых рыцарей. Собрав волосы в подобие конского хвоста на затылке, Берен сколол их костяной заколкой, украденной у Эрвега. Затем Берен приоткрыл чоп одной из бочек, набрал норпейха в кружку — и опрокинул ее, словно бы кто-то выпил полкружки, а вторую половину пьяный разлил. Чоп он заткнул плохо, и норпейх сочился, капая на пол. Каганец Берен прикрутил так, что тот еле— еле светился — только чтоб не погаснуть.

Покончив со всем этим, он снял сапоги, бросил их на пол так, чтобы вошедшему от двери казалось — человек лежит на полу лицом вниз — отошел к двери и залез на

ближайшую к ней бочку.

Сердце колотилось часто и яростно. Он вновь чувствовал себя как тогда, в годы, отданные мщению, выслеживая жертву, радуясь жестокому азарту охоты на человека — потому что больше радоваться было нечему...

Он умел ждать. Он ждал, как унгол в засаде — тугой узел в меру напряженных, готовых к действию мышц.

И он дождался.

— Берен? — дверь отворилась. Он затаил дыхание.

Бочка была высока, выше человеческого роста, и свет каганца не доставал до того места, где Берен скорчился между запыленной хребтиной бочки и ребром потолочной балки. Но, как обычно, Берену казалось, что он виден целиком, что взгляд любого, кто войдет, будет устремлен прямо на него.

Паника накатила и отхлынула — как всегда, это был только миг. Вошедший — а это был Эрвег — шурясь, смотрел на точащие из-под бочки сапоги.

— Он все-таки упился, — Эрвег спустился по ступеням. — Илью мне открутит голову...

Берен затаил дыхание. Плохо будет, если Эрвег сейчас повернется и уйдет за подкреплением. Очень плохо...

Эрвег потоптался на месте, потом сделал шаг вперед — и оказался к Берену спиной.

Время!

Горец прыгнул — неотвратно. Обрушился на противника, сминая и бросая на пол, вниз лицом, не давая ни крикнуть, ни вздохнуть... Эрвег был оглушен, и прежде чем пришел в себя, Берен захлестнул пояс на его горле.

Но Эрвег был силен, и боролся до последнего вздоха. Берену казалось, что он никогда не умрет. Что эта мука для двоих будет длиться вечно, что они уже мертвы оба и находятся в тех чертогах Судьи, где убийца без конца, без отдыха, до треска в мышцах, до сумасшествия осужден затягивать ремень на горле жертвы, хрипящей и бьющейся под ним, царапающей его руки...

Он проклинал себя за то, что не может забыть лицо и голос Эрвега. Сколько раз он убивал — вот так, тихо, тайно, бесчестно и страшно — людей, которых он знал, которых он даже когда-то любил? Не менее десяти раз. Но он всегда делал это быстро. Он знал, что если промедлит хоть одно лишнее мгновение, не сможет довести дело до конца. О, если бы он сейчас мог выбрать нож!

Но он не мог. Он не знал, насколько сильно окажется изуродовано тело, и не хотел рисковать.

Он заставлял себя вспомнить о Финроде, о Раутане, о Мэрдигане и его родичах, об эльфах на рудниках в Гвайр и об умиравших от голода детях... обо всех, кто страдал и погибал в ожидании завтрашнего дня...

И даже когда Эрвег перестал биться и дышать, Берен долго не верил себе и не ослаблял хватки. Лишь поняв, что тело остывает под его руками — он позволил себе разжать ладони и утереть со лба пот, заливающий глаза.

Шатаясь, добрал до двери и плотно закрыл ее. Потом вернулся и взялся за сапоги. Но отложил их в сторону и потащил сапоги с Эрвега.

Не нужно было тратить времени на бритье — и то хорошо...

Он надел рубашку Эрвега, пояс, украшения, кафтан — и шапку надвинул чуть ли не на

самый нос. Надел перстень-ярлык на средний палец, как носил Эрвег.

Мертвое тело обрядил в свою одежду.

Выдернул чоп из ближней бочки. Подставил флягу и набрал норпейха до самого верха, так, что, когда затыкал — пролилось на пальцы.

Из бочки текло на пол, и под телом Эрвега собиралась лужа.

Помни о Финроде, — сказал он себе, стиснув зубы. Взял из каганца пылающий фитиль — и поднес к луже. Подвал осветился обманчиво холодным, страшным голубым пламенем. Берен отступил от подтекающей под ноги горячей жидкости, вышел из погреба — совсем не той походкой, к которой привыкли новые обитатели Каргонда. Легкий, звонкий шаг Эрвега — это давалось ему легко. Куда труднее было бы подражать походке Илльо.

Он запер дверь — замка не было, но у печи было полно щепок, которые годились в качестве клиньев. Убедившись, что дверь прикрыта плотно — пошел наверх, в комнату, которую Эрвег делил с Соллем и еще одним северянином.

— Не видел Беоринга, Эрви? — спросили его по дороге.

— В нужнике, — Берен назвал самое удаленное от кухни место, и спрашивающий побежал вниз. Не потому что так уж спешил найти его — Берен знал этого парнишку, он всегда передвигался бегом.

Солль раздевался ко сну, его товарищ уже спал. Берен схватил с одежного крюка плащ Эрвега и взял его меч.

— Ты куда? — спросил Солль.

— Потом, — бросил Берен, исчезая за дверью.

Итак, его уже искали, но не слишком рьяно. А потом будет не до этого. Набрасывая плащ, он спустился к конюшне.

Эрвегу принадлежала Астэ, стройная гнедая кобыла, с белыми чулками и белой полосой от лба до носа. Берена она узнала за время их поездок, и ни капли его не испугалась.

Сняв с крюка седло, он положил его на спину лошади.

— Господин? — с дальнего конца заспешил конюх. — Позвольте мне...

Как и все другие, он разглядел в полумраке шапку Эрвега и бороду Эрвега.

— Запасную, — резко оборвал его Берен.

— Какую, господин?

— Любую! — горец скопировал яростный шепот Эрвега. Он не мог настолько изменить голос, чтобы не выдать себя длинной фразой, но короткие и быстро сказанные слова ему удавались.

Конюший убрался, а Берен метнулся к крюкам со сбруей. Там у него был тайник, приготовленный для побега. Среди засмальцованных пустых дорожных выюков валялся один — не совсем пустой... Берен нащупал добычу не сразу, и на какое-то время губы его онемели при мысли о том, что кто-то нашел и стащил припасы. Если это один из конюшенных рабов, он наверняка сожрет еду, а старинный доспех попытается выменять... и будет за этим занятием пойман, и наверняка расскажет, где он взял то, что взял...

Тут пальцы Берена наткнулись на искомый выюк и, выдернув его из кучи барахла, он вздохнул с облегчением. Приторочив сумку к седлу, вывел Астэ из денника; конюший уже вел к выходу подседланного Кирьо, смиренного и выносливого длинношеего мерина. Берен принял чомбур из его рук, взлетел в седло и стукнул Астэ пяткой, направляя к воротам.

— Открывай! — он сунул привратнику ярлык под самый нос. Грохнул засов, заскрипели створки. Берену стоило некоторого усилия воли выехать со двора шагом и не понестись

вскачь, а поехать бережливой ровной рысцой.

Сердце его билось теперь реже, но сильнее и ровней. Он наконец заметил то, на что не обращал внимания в последние дни: в Дортонион пришла весна.

Нет, он, конечно, замечал, что дни стали теплей, а дороги раскисли, что в долинах снег сошел, а в горах все чаще обрушивались лавины — но не этим были заняты его голова и сердце. Лишь сейчас он позволил себе ощутить запах травы. Лишь сейчас он смотрел вокруг не прикидывая, какая дорога короче и пройдут ли по ней кони — а просто смотрел вокруг...

Бархатное небо к закату светлело и над горами Криссаэгрим было раскалено докрасна. Орлиные пики бросали тень, накрывавшую весь Моркильский лес и достигавшую тракта. В долинах пошла в рост трава, а в горах то и дело вытаивали и обрушивались с грохотом камни, и снег был прорезан жилками ручьев. Сосны выбросили на кончиках ветвей пучки юных, мягких игл — Берен сорвал один из них, растер в ладони и вдохнул всей грудью хвойный запах. Стланик, облепивший каменистые кручи, зеленел упругими, твердыми клювиками новых листьев.

Берен держал путь на восток, к замку Эйтилингов.

Замок этот отделяли от Каргонда три часа пешего пути, а Берен хотел успеть до темноты — и едва Каргонд скрылся из глаз за поворотом, пустил коней вскачь. Небо над Криссаэгрим еще было горячим и светлым — а зенит уже усыпало звездами, и во всех долинах лежала густая тьма — когда Берен постучал в ворота замка — верней, того, что от него осталось.

Замок Эйтилингов в свое время горел, и северяне не сделали ничего для его восстановления, ибо не видели в том никакой оборонной ценности. Замок представлял собой все ту же горскую башню, ныне пустую внутри как гнилой зуб. Худо-бедно восстановили перекрытия второго и третьего поверха, чтобы было где жить и куда складывать сено, в прочем же жилище Эйтилигов было бедней и холодней, чем хижины их бондов.

В щелях ворот мелькнул огонек светильника, и дребезжащий опасливый голос:

— Кто там?

— Именем Айанто Мелькора, — сказал Берен на всякий случай, — Откройте.

Стукнул засов, ворота приоткрылись, и на Берена уставилось старушечье лицо, в морщинах которого тени залегли, казалось, уже навсегда.

— Ярлык покажь, — попросила Раэнет. Берен спешился, откинул башлык и снял шапку.

— Вот мой ярлык, магушка, — сказал он, поднося ее руку со светильником к своему лицу.

Она открыла рот в радостном вскрике, но сумела промолчать.

— Черные есть? — спросил он, входя и вводя лошадей.

— Нету, — мотнула головой Раэнет и задвинула засов.

— А Руско здесь?

— Здесь, здесь. Извелся весь: не ест и не спит.

— Непорядок, — Берен почти на ощупь нашел вход в стойло и ввел коней туда.

— Лорд? — спросил откуда-то из темноты Руско. Голос его слегка дрогнул: похоже, мальчишка боялся поверить сам себе.

— Я, я.

— Так что же, ярн, дождались? — спросила Раэнет. — Сегодня?

— Завтра, если уж совсем точно, — Берен прошел в общую комнату, зацепился коленом

за лавку, ругнулся и сел. Руско вырос перед ним из темноты, кутаясь в одеяло и часто, радостно дыша.

— Тебя ищут?

— Сейчас узнаем.

— Разбужу старого, — Разнет двинулась было за печь, но Берен жестом вернул ее.

— Същи мне лучше Рандира, матушка, и Бойна — он назвал имя бонда, который был с ними в деле. — А ты, Руско, поднимись наверх, и глянь в сторону Каргонда — что там?

Маленький, да еще и сгоревший, замок Эйтелингов не был виден из Каргонда: его скрывали леса; зато Каргонд, поднимавшийся на скале над лесом, с равнины и со склонов ближних гор просматривался отлично. Гили поднялся на второй поверх и оттуда — на крытые дерном хлипкие бревна перекрытия. По венцам сгоревших балок дошагал до окна и высунулся, высматривая замок.

Обычно по ночам, когда гасили огни, долго приходилось всматриваться, прежде чем удавалось различить слепое пятно Каргонда на покрытом звездами небе. Но сейчас две башни замка были освещены так, словно там шла гулянка-дым коромыслом.

Да нет же, понял Гили с опозданием. Горит замок. Каргонд горит!

С этой вестью Гили спустился вниз, и Берен, выслушав его, кивнул:

— Значит, меня не ищут, и долго еще им будет не до того.

Снова стукнул засов — и в башню вошли Рандир и Бойн. Оба, увидев Берена, молча преклонили перед ним колени.

— Встаньте, — сказал ярн. — Рандир, подойди ко мне.

Он поднялся навстречу своему вассалу.

— Между нами кровь твоего отца, а мне сейчас нечем уплатить тебе виру. Но если мы победим — примешь ли ты в дар владения Фрекарта?

— Князь, — ответил Рандир с легким поклоном. — Я не торгую кровью родичей. Тех, кто мне должен за кровь, я доселе убивал. Но мой отец погиб ради Государя Финрода, и ради Государя я тебя простил. Да ты и сам наверняка догадался — ведь я помогал тебе всю эту зиму.

Они обнялись. Потом Берен сказал:

— Час настал. Ты, Рандир, как начнет светать, двинешься на север — к Лэймару. Пусть зажигает огни на вершинах, и пусть все, кто хочет стряхнуть с себя это дерьмо, двигаются к Тарн Аэлуин. Бойн, ты зажжешь огонь здесь, на вершине Тунн Бесс, а потом поведешь туда же, к Тарн Аэлуин, тех, кто готов драться. Я жду всех там, где Фреридуин впадает в озеро, в теснине, у переправы.

— Все верные пойдут туда, — проскрипела Разнет. — Все мужчины, способные убить и зачать, все женщины, кроме тех, кто носит и кормит — все верные этого дома пойдут туда.

Берен обнял ее. Он знал, какому разорению подвергся дом Эйтелингов — всех верных, если не считать стариков, детей и беременных с кормящими, наберется здесь от силы семь человек.

— А мы что будем делать, князь? — спросил Гили, когда Бойн и Рандир вышли.

— Я буду спать до света, — сказал Берен, расстегивая пояс и передавая ему мечи, чтобы он поставил их на лавке в головах спящего. — И ты спи. Потому что впереди у нас нелегкая дорога.

Он напился кислого молока и лег спать, не раздеваясь, не снимая сапог. Разнет пообещала разбудить его, когда небо станет светлее чем лес, и выполнила обещанное. Берен

поднялся и растолкал Руско, а одна из девиц Раэнет — женщины поднимаются рано — принесла им воды умыться. Другая выволокла из-под печки мельницу и принялась за обычный утренний женский труд. Форвег Мар-Эйтелинг проснулся под этот шум и заворчал: в прежние-де времена, когда господские комнаты находились высоко над людскими, можно было поспать чуть подольше, а сейчас девки мелют чуть ли не у него на голове...

— Молчи, старый, — одернула Раэнет. — Посмотри, кто к нам приехал.

— Эла! — Форвег протер кулаком глаза и обнаружил, что Берен не снится ему. — Настал, значит, день... Дождались, значит...

— Дождался, почтенный, дождался, — засмеялся Берен.

Ножом Эрвега Берен сумел-таки выскрестись до нужной гладкости. За зеркало, которого Эйтелинги не имели, был Руско, державший светильник так близко, словно хотел выжечь бороду хозяина, и показывавший, где Берен пропустил клочок волос.

Увидев Берена бритым и словно помолодевшим, Форвег даже слегка прослезился, а Раэнет, уже начинавшая слепнуть, позволила себе даже коснуться его лица.

— Ну, чисто эльф, — всхлипнула она, — как и войны не было...

— Ты еще увидишь эльфов, матушка, — Берен обнял ее, а потом отпустил, чтобы взять руки Форвега, которые старик вложил ему в ладони, встав на колени. Руско тем временем вывел из стойла коней (надеясь, что за ночь те не слишком объели четырех коров, составлявших единственный источник пропитания стариков) и отворил ворота.

— Не в последний раз видимся, — сказал напоследок Форвегу Берен, сцепившись с ним локоть о локоть.

Хотя Берен был князем, а Форвег — вассалом, Берен называл старика «мардо», а его жену — «матушка», и Гили знал, почему: Форвег был товарищем Брегора и воспитателем Барахира, как Кеннен Мар-Хардинг в свое время — воспитателем Берена. Как Кеннен был ему вторым отцом, так Форвег — вторым дедом. Это Гили узнал еще зимой, когда старики приютили его, якобы сбежавшего из Каргонда. И он понял тяжелый вздох князя, когда темная, выглоданная громада полусгоревшего замка за их спиной исчезла в утреннем полумраке, скрытая лесом и склонами горы.

Саурон не повторяет своих ошибок. Старики уцелели в войну, потому что слуги Гортхаура сочли их слишком незначительными. Но если восстание погибнет — то весь Дортонион зальется кровью, от Гвайра до Ступеней Ривилия. Не будет пощады ни старому, ни малому. И Эйтелингам — тоже.

С утра, как обычно весной, подморозило, и хрупкий ледок, что подернул дорожную грязь, хрустел и ломался под копытами коней. Но это был уже не зимний холод, уже пахло в воздухе свежей травой.

Они выехали из ущелья — и им снова открылся Каргонд. Жутких отсветов пожара уже не было видно, но над башнями по-прежнему курился густой черный дым. Сквозь окна одной из них, когда клубы дыма делались пожиже, просвечивало небо — Руско понял, что там внутри все обрушилось, как и в Ост-ин-Эйтель.

— Чего смотришь, — проворчал Берен. — Или сам не сжег своего зараженного дома?

Гили так и поступил, когда уходил — навалил сена и поджег сруб с четырех концов, чтобы ветер не разнес заразу дальше. Но ведь в его доме все уже было мертво...

— Ходу, малый! — Берен хлопнул его коня свернутой плетью по крупу. — Чем дальше мы отъедем от Каргонда, тем лучше.

Огонь вырвался из распахнутой двери винного погреба как бешеный пес и одним глотком сожрал обоих стражников, даже не остановившись в своем рывке по коридору. Занялись деревянные лестницы и закопченные балки, гобелены и циновки...

Замок Каргонд запылал. По ауле огонь перекинулся в другую башню, но, по счастью, ветер был с юга, и две башни, южная и западная, уцелели.

Илльо, Этиль и Даэйрэт успели выскочить и спастись. Солль, которому огонь отрезал путь, выпрыгнул из окна, выбрав менее мучительную смерть. Болдог рвал на себе волосы: дотла сгорела волчарня и полсотни зверей. Человеческих жертв было меньше — многие спаслись на стенах.

Потушить не смогли и под утро. Илльо послал в ближайшие лагеря за людьми — помогать в разборе завалов. Пересчитали живых. Недоставало одиннадцати человек из слуг и войска. Из верхушки армии «Хэлгор» не хватало Эрвега и Берена.

Расспросив всех, кто бодрствовал в эту ночь, Илльо немного успокоился насчет Эрвега: его видели покидающим замок. Правда, что ему понадобилось, Илльо никак не мог взять в толк, и намеревался строго с него спросить. Но хоть за его жизнь можно было не волноваться.

К рассвету огонь утих, но не благодаря жалким усилиям людей, а из-за ветра, заставлявшего пламя пожирать самое себя. Выглодав в двух башнях все, что там могло гореть, огонь утихомирился и лишь изредка пробивался из-под развалин.

По расчетам Илльо, выступив ранним утром, хэрт стрелков из Моркильского леса должен был оказаться здесь к полудню. Они ведь и так находились уже не в лагере, а на тракте. Но полдень миновал, а хэрта все не было. Но подтянулись другие стрелки, и там, где огонь уже угас, решено было разбирать завалы.

Разобрав завалы, пересчитав трупы и сличив их с живыми, обнаружили, что не хватает одного — Берена Беоринга.

Его нашли в винном погребе, обгоревшим местами до костей. Ильвэ мог только догадываться что произошло: он забыл забить чоп, норпейх вытек и собрался на полу лужей, а потом, когда свеча догорела... или он спяну опрокинул ее...

— Жаль, — сквозь зубы процедил Болдог, услышав известие. — Хороший был враг, пока не начал на дерьмо спиваться...

Орк помолчал еще немного, потом сказал:

— Это ничего не меняет. Выступаем.

— Конечно, — согласился айкъет'таэро.

Тхуринэйтель улетела к Айанто с кратким отчетом и об этом нелепом и страшном несчастном случае. Илльо зубами скрипел от злости: из всех способов умереть Берен избрал самый бездарный.

Но это, как сказал Болдог, ничего не меняло. Следовало выступать.

Илльо назначил выход на другой день: сегодня было уже поздно.

Подходило все больше и больше стрелков, но Илльо уже не требовал людей для разбора завалов. Хэрти должны были уходить по тракту на северо-запад по мере того, как собирается полностью их состав; командиры приводили поселян из деревень. В лагере под горой

Каргонда было уже больше полутора тысяч человек, а ни один хэрт еще не собрался полностью. Эрвег, отвечающий за это дело, исчез; Берен, на которого это можно было бы свалить, погиб. Погибли в огне записи о составе войска — и погиб Солль, который знал их почти на память. Илльо и Айо, командир каргондской полутысячи рыцарей Аст-Ахэ, не находили времени перевести дыхания. За всю следующую ночь они так и не сомкнули глаз.

На другое утро начали подтягиваться последние тридцатки и полусотни — и вот первое знамя стрелков, сопровождаемое пехотой Аст-Ахэ, Волчьей Сотней и двумястами полудиких орков, выдвинулось по тракту в сторону долины Ривиля.

Илльо, спровадив их, решил подремать, но ему удалось вырвать для сна совсем немного времени. Пришел его оруженосец, Эннор, с вестью, что добрали второй хэрт. Ильвэ, найдя на склоне снег и растерев им лицо, спросил, что с третьим. Эннор позвал командира-северянина — и тот сообщил, что к хэрту все еще не пристала длинная сотня стрелков Фин-Риана.

Илльо насторожился. Эту сотню он ждал первой, нарочно послав за ней. С той поры прошло больше суток. Промедление после сигнала на сбор грозило командиру наказанием, а опоздание более суток — смертью.

— Позови мне Болдога, — скомандовал Илльо.

Болдог явился — желтые глаза уже горели в предвкушении драки.

— Пошли кого-нибудь отыскать сотню Фин-Риана, — сказал Илльо. — Стольких, скольких сможешь, возьми живыми. Если не сдадутся — принеси мне головы командиров, от корнара до антара.

— Слушаюсь, — Болдог преклонил колено, ударил кулаками в землю и пошел поднимать свой отряд.

— Ждать не будем, — сказал Илльо командиру хэрта. — Выступайте.

Эннор оседлал и подвел ему коня. Покидая лагерь, Илльо вдруг сообразил: а ведь Эрвега тоже нет больше суток. Эрвег не мог исчезнуть так надолго, не сказавшись, зачем. Значит, с ним что-то случилось.

Он повернул коня, вернулся в лагерь и нашел Болдога.

— Отыщи мне Эрвега, живым или мертвым. Ступай за ним сам, не поручай никому из своего отребья. Если он мертв — найди, кто и... делай, что хочешь.

— Да, господин! — Болдог свистнул, чтобы к нему подвели его жеребца.

Он был слишком велик и тяжел, чтобы ездить на волке или бегать так быстро, как бегают орки-степняки. Его мышасто-серого битюга специально обучали не бояться орков и волков.

Илльо снова ударил своего коня пятками — подковы разбрызгали мокрый снег.

Он должен был обогнатьдвигающееся по дороге войско и первым прибыть в лагерь у тракта, чтобы проверить, как там устроились орудийщики с Мар-Мэрдиганом во главе.

Конь преодолел уже три четверти пути, когда у въезда в Моркильский лес Илльо заметил преследователя. Маленький всадник в плаще и шлеме рыцаря Аст-Ахэ скакал во весь опор. Илльо придержал коня.

Запыхавшаяся, усталая и потная, к нему подъехала Дазйрэт.

— В чем дело? — жестко спросил айкьет'таэро, пообещав себе не пожалеть ремня, если это просто выходка влюбленной взбалмошной девчонки.

— Этиль... Письмо... — тяжело выдохнула она.

...Илльо не собирался давать Этиль поручение вскрывать обгоревшее тело Берена —

слишком много было пострадавших, слишком она устала, а со смертью горца все было ясно. Но Этиль сделала это сама, по своему желанию. И, едва закончив работу, тут же взялась за перо.

Илльо показалось, что от клочка ткани, на котором написано письмо, несет паленым мясом.

"Друг мой Илльо. Я знаю, как много тяжких обязанностей, в дополнение к тем, что и так возложены на тебя Учителем и Ортхэннером, ты несешь после происшедшего пожара. Поверь, если бы не чрезвычайная важность происшедшего, я не решилась бы беспокоить тебя письмом сейчас, но речь идет о преступном небрежении долгом, если не о предательстве.

Едва у меня появилось свободное время, я вскрыла тело Берена. Я знаю, как ты сочувствовал этому человеку, и охотно верю, что некогда он был достойным воином — но к тому, кто по глупой неосторожности сжег замок, у меня не было ни капли уважения. От чего он умер — меня не волновало бы, если бы не твоя к нему привязанность. Я хотела найти хоть что-то, способное оправдать его хоть немного. Может быть, болезнь сердца или мозга.

Нашла же я преступление. Человек, которого мы нашли в подвале, не погиб от несчастного случая. Он был убит. У тех, кто сгорел заживо, в легких есть частички сажи. У этого человека — нет. Конечно, он мог бы умереть от естественных причин прежде, чем сгореть — например, в силу опьянения упасть и разбить голову или сломать шею. Поэтому я тщательно исследовала его череп и позвоночник. Они были целы. Я вскрыла его сердце, ища незримые пороки — смерть могла наступить от сердечного удара. Сердце его было здорово. Здоров был и мозг — нигде ни следа старых или новых кровоизлияний. Зато я обнаружила, что гортань его раздавлена. На шее, под левым ухом, один участок кожи не обгорел, и там я увидела борозду удушения. Душили, судя по всему, широким кожаным ремнем, скорее всего — поясом. Его кто-то убил и поджег погреб, чтобы замести следы. Я не хочу клеветать, но подозреваю Болдога. Ни для кого из нас не тайна, что между этими двумя была дикая вражда.

За каждое из своих слов я готова ответить, Илльо, а ты поступай с этими сведениями как знаешь".

Илльо сжал письмо в кулаке. Посмотрел на Дазйрэт, исходящую потом, и на ее кобылку, готовую пасть в любой миг. Посылать ее обратно с требованием вернуть Болдога было просто бесчеловечно. Следовало добраться до лагеря, найти коня там и послать гонца...

Гонца...

Со всем этим было что-то не так. Илльо подумал, что, даже прибыв в лагерь, не будет посылать гонца, пока не поймет, что его такстораживает.

— Поезжай за мной, — велел он Дазйрэт.

Они тронулись шагом.

— Ты знаешь, что в письме?

Девчонка кивнула и, слегка побледнев, хрипловатым голосом сказала:

— Я там была. Помогала ей.

О, Тьма... Илльо надеялся, что девчонку вырвало не больше двух раз. А впрочем, путь целителя не для неженки, тем паче — путь Видящих и Помнящих. Пусть узрит войну воочию прежде, чем узнает ее в видениях.

— Ты тоже думаешь на Болдога.

— Конечно. Он же орк.

Ну да, поморщился Илльо. Он же орк — этим все сказано. Он ненавидит Берена лютой ненавистью, это известно всем. Берен убил его сына, ребенка от Прародительницы... Кто бы ни нанес Берену удар — он знал, что подумают на Болдога.

Но если так — зачем поджигать замок? Зачем обрекать множество людей страшной смерти? Чтобы замести следы? Но зачем их замечать — подумают ведь все равно на Болдога! Тем более, убийца рассчитывал, что смерть примут за естественную: Берен упился и опрокинул свечу.

Представлять смерть Берена как естественную мог только тот, кому не хотелось, чтобы подумали на Болдога.

То есть, сам Болдог.

Или... сам Берен? Его договор с Гортхауэром не касался тех случаев, когда смерть была естественной или от несчастного случая. Берен мог обставить свое самоубийство как несчастный случай? Нет, вздор! — Илльо потрянул головой. Ты слишком устал. Ни один человек не в силах раздробить себе гортань. Тем паче, Берену это было ни к чему — он мог просто напиться вусмерть и опрокинуть свечу перед тем, как провалиться во тьму забвения.

Впереди показался лагерь — наскоро насыпанный вал с частоколом, козлы из заостренных кольев вместо ворот. Илльо показал стражникам ярлык — впрочем, его знали в лицо — въехал с Даэйрэт в лагерь, спешился и велел принести чего-нибудь поесть себе и девочке.

Хлебая гороховое варево на копченых ребрах, он знал, что уже близок тот миг, когда события сами собой выстроятся в цепочку.

Поздно вечером вспыхивает пожар... Гибнут Берен и Солль, и еще несколько людей и орков... Наутро пожар все еще не удается погасить... А между тем надо выступать и собираются войска... Один отряд так и не появляется... Исчезает Эрвег... И оказывается, что Берен был убит...

Клац! Две мысли сошлись как кремь и кресало.

Исчезает Эрвег... Берен был убит...

А если напротив — исчезает Берен, а убит Эрвег?

Илльо поперхнулся элем.

— Даэйрэт, — спросил он. — Ты видела тело?

— Илльо, я же ем, — жалобно сказала девочка, с трудом проглотив то, что было у нее во рту.

— Это очень важно, — сказал Илльо.

Даэйрэт вздохнула.

— Как вы узнали его? Лицо не очень... пострадало?

— Лица не было. По его золотой цепи — она... — Даэйрэт вдруг зажала рот рукой и опрометью кинулась к ближайшим кустам.

Вернулась через несколько минут, прополоскала элем рот, сплюнула в сторону и закончила с того места, где начала:

— Она прикипела к его плоти. И пряжки, и зарукавья — все было его. Ты доволен? Добился чего хотел?

— Извини, — тихо сказал Илльо. — Значит, вы узнали его по тому, что осталось от одежды и украшений... Это не Болдог. Это Берен, Даэйрэт...

— Берен? Убил сам себя?

— Нет! Нет... Убит был Эрвег, понимаешь? Беоринг сбежал. Убил его, подбросил тело — и сбежал в его одежде и на его коне...

— Какая мразь... — у Даэйрэт раскрылись глаза, потом в них задрожали слезы.

— Не время плакать. Скажи, ты выдержишь еще одну дорогу до Каргонда?

Даэйрэт слегка поморщилась и сделала рукой движение — потерять задок, набитый во время бешеной скачки, но удержалась.

— Для тебя все что угодно, — сказала она.

— Эннор! — крикнул Илльо. — Свежего коня для Даэйрэт!

— Слушаюсь!

— Коморник! Тальир!

Тальир отыскался не сразу.

— Что-нибудь для письма. Пергамент, бумагу, что угодно! — Илльо отцепил от пояса походную чернильницу, пересыпал немного порошка в крышку и набрал в нее воды, помешивая тонкой кистью.

Тальир принес пергамент, уже использованный с одной стороны. Илльо не придирался.

"Этиль, т'айрэ. Я подозреваю в убитом не Берена, а Эрвега, Берена же подозреваю в убийстве. Если Болдог уже вернулся — немедленно отошли его искать не Эрвега, а Беоринга. Есть малая возможность того, что Беоринг все-таки мертв, а Эрвег жив и скрылся либо стал жертвой разбойного нападения — но эта возможность ничтожна.

Если ты еще не погребла тело — похорони его как рыцаря Аст-Ахэ".

Он запечатал письмо, вручил его Даэйрэт и подержал ей стремя. Эннор передал всаднице поводья коня.

— Не останавливайся, — сказал он. — И торопись... Если ты и вправду меня любишь.

— О, Илльо... — Даэйрэт сморгнула слезинку, дважды беспомощно раскрыла ротик, но так и не нашла что сказать — повернула коня и понеслась вскачь к открытым воротам. Ей пришлось перепрыгнуть через телегу казавшегося бесконечным обоза и наградить парой ударов плети неповоротливых погонщиков.

Илльо оглядел суматошный лагерь. Корна-таэри Рысей и Медведей соединились с Волками и Зубрами, стоявшими доселе у Бар-Эн-Эмин. Обоз вползал в ворота со скоростью улитки, слышалось мычанье волов — Мэрдиган привез осадные орудия, чудовища из бревен, каждое из которых, будучи разобранным, требовало для перевозки четырех воловьих упряжек или стольких же сдвоенных лошадиных. У самых ворот стояли лагерем рыцари Аст-Ахэ — как обычно, их палатки были выстроены в ровную линию; горские стрелки расположились беспорядочными кучами, сбиваясь кружками вокруг костров, где варили пищу, а за оградой нашли пристанище орки. Это было уже немалое войско, и Гортхауэр без него не сумеет обойтись.

Неужели все — псу под хвост? Куда подался Беоринг? К Бар-эн-Эмин, ответил он сам себе. Там все еще стоят многие отряды с высокой долей дортонионских солдат. Он будет именно там искать себе поддержки.

— Айо! — крикнул он.

— Я здесь! — раздался голос откуда-то от ворот.

Какой я дурак, бормотал Илльо себе под нос, едва ли не бегом спеша на отклик. Какой же я беспросветный осел, как дешево Берен купил меня! Как легко я поверил в его пьяное ничтожество...

Впереди промелькнул плащ одного из корнанов.

— Стой! — крикнул Илльо, вспоминая имя. — Стой, корнан, как тебя там!

Тот остановился.

— Бервин, сударь, Зубры...

— Найди всех, кого сможешь — корна-таэри, айкьет'таэри, всех командиров — пусть идут сюда. Бегом!

Человек кивнул и умчался. Илльо вошел в большой шатер — и встретился взглядом с Мэрдиганом.

— Корна-таэро Мэрдиган... — Илльо обнажил меч. — Ты временно задержан. Оружие на стол.

Горец встал со скамьи, молча расстегнул пояс с мечом и ножом, снял перевязь — и положил оружие на стол. Остальные в изумлении смотрели на Ильвэ.

— Что случилось? — откинув полог, в палатку шагнул Тильх, командир Медведей. — Опять пожар, а, Ильвэ?

— Кажется, Беоринг не сгорел, а бежал. Пока не болтайте об этом. Я даже не знаю, стоит ли посылать весть к Ортхэннеру. Мне нужно, чтобы орки и добровольцы из людей отправились к Бар-эн-Эмин и перехватили его там, если он появится.

Мэрдиган сидел ни жив ни мертв. Его ската и нож лежали перед ним на столе, все были так огорошены, что никто не сообразил взять у него оружие. Это сделал Илльо.

Не нужно было допрашивать старшину орудийщиков, чтобы понять: он непричастен к побегу Берена. Лицо его говорило само за себя: пористой бледностью оно могло бы соперничать с рыхлым весенним снегом, сохранившимся в оврагах. Поэтому Илльо отдал его под стражу рыцарям Аст-Ахэ, а не оркам.

— А если Беоринг подастся на восток, а не на запад? — спросил Тильх.

— Тогда орки Скулгура сожрут его, чтобы заморить червячка, — хмыкнул один из северян. — Господин айкьет'таэро прав, надобно молчать, чтобы не было смуты.

— Когда Скулгур будет здесь? — спросил Айо.

— Завтра он пересечет Фреридуин, — ответил Илльо. — А послезавтра будет здесь. Волчьи всадники двигаются быстро.

Нескольких человек слегка передернуло при воспоминании о жутковатых союзниках. Орки Синих гор и Лотланна, низкорослые, как гномы, но сильные и злобные, приручающие громадных волков, людоеды на зверях-людоедах, украшающие плащи скальпами, а шлемы — черепами людей и эльфов... Гортхауэр обещал им новую добычу и новые, более плодородные, чем Синегорье, земли: Хитлум.

У Илльо был тайный приказ от Гортхауэра: когда задача будет выполнена — перебить Лотланнских орков. И давно пора было, добавил он про себя, подумав об этом.

— А Беоринг знает о Скулгуре? — спросил кто-то.

— Конечно знает, — Илльо с досадой ударил кулаком о ладонь. — Мы же чесали при нем языки как при бревне, когда он прикидывался похмельной свиньей!

— Да... — криво усмехнулся Айо.

На лицах тех командиров, что не принадлежали к ордену Аст-Ахэ, ясно читалось: «Дали вы маху, господа рыцари». Из почтения к воинам Твердыни это не произносилось вслух.

— Тогда на восток он не пойдет, — заключил Айо. — Не дурак же он. И не безумец...

— Лорд... — Руско наконец отважился задать вопрос, который вертелся у него на языке с самого утра. — Мы ведь на восток идем?

— Угу, — ответил Берен сквозь краюху лепешки, отрывая и протягивая Гили сердцевинку.

— А войско, где служат наши люди, собирается на западе? — исходив страну, юноша знал расположение всех отрядов.

— Угу.

— Я думал, — Руско покосился на шумящих у очага стрелков Анардила Фин-Риана, — мы остальных пойдем собирать...

— Зачем? — Берен откусил новый кусок, прожевал и проглотил, запил элем. — Пусть Ильвэ собирает.

Вначале Берен собирался прихватить только стрелков Мар-Леода, но боги послали им навстречу Фин-Риана с его длинной сотней. Их сопровождала тридцатка орков.

Не будь это Фин-Риан, Берен не рискнул бы подбить сотню на атаку. Но это был тот самый рыжий Анардил, которого жестоко высекли за то, что он призывал Валар, и который сделал свою сотню лучшей во всем знамени.

— Так эти храбрые воины идут на север, бить наших злейших врагов? — спросил Берен, выслушав отчет орочьего старшины.

— Да, господин, — ответил орк. Берена он не узнал, так как видел его редко, заросшим и опустившимся.

— И им ведомо, что их князь верен нашему повелителю? — продолжал расспрашивать Берен.

— Да, господин.

— Пусть рыжий ответит: готов ли он следовать за своим князем туда, куда князь прикажет?

— Диргол носят на одном плече, — Анардил поднял голову, словно спрашивая глазами, верно ли он понял. — Куда князь позовет, туда я пойду. Как сделает он, так и я.

— Тогда за мной! — крикнул Берен, выхватил скату и рубанул орочьего старшину.

Тогда Гили впервые увидел, как убивает Берен. То есть, он и прежде видел, как Берен спускает тетиву самострела, но на этом все и заканчивалось. С тем Береном, каким тот был в схватке, Гили так и не познакомился, а, познакомившись, решил, что это страшно, и что в бою лучше быть у такого человека за спиной, чем меч в меч. Гили слышал прозвище, данное Берену здесь еще тогда, когда он скрывался по лесам: Ирхараз, «молот орков». Теперь он понимал, за что дано это прозвище. Берен разил наповал, и если один удар достигал цели — второго не требовалось.

Он бился двумя мечами, держа длинный в левой руке, а скату — в правой, и оба меча были подобны серпам, собирающим жатву плоти и крови. На долю Гили так и не осталось противника. Даже гномий самострел, взведенный с самым началом разговора и прикрытый плащом, не пригодился.

Стрелки покончили с орками, не потеряв ни одного человека, побросали трупы в овраг и забросали валежником. Берен и Фин-Риан сцепились локтями и продолжили путь на

восток вместе.

Каррант рассказал, что его призвал гонец, помогать тушить пожар в Каргонде.

— Пусть горит, — усмехнулся Берен. — Завшивевший кожух сжигают.

Вечером они подобрали сотню Мар-Леода. Их перемещение кое-кто заметил, но для всех это были две длинные сотни стрелков под началом рыцаря Аст-Ахэ. Никто не спрашивал рыцарей Аст-Ахэ, куда и по какой надобности они идут. Правда, трудненько пришлось бы, повстречай они кого-то из настоящих рыцарей Аст-Ахэ: те знали Берена как облупленного. Потому Берен увел отряд с прямой дорогой и двинулся проселками.

Сейчас они сидели в опустевшем лагере Леода, и Руско не знал, куда ляжет их дальнейший путь. Берен велел устроить здесь обед, и сейчас со вкусом ел то, на что хватило времени: пресную лепешку и соленую рыбу.

Еще до наступления вечера они должны были сняться и дойти до рудников, что на северном склоне Делла, недалеко от замка Хардингов. Ночью, сказал он, мы нападём на рудники и освободим тамошних рабов, людей и нолдор. Леод и Риан были согласны.

— А что потом? — спросил Фин-Риан.

— Потом мы встретимся с деревенскими и беглыми, которых должен собрать Лэймар, — объяснил Берен. — А потом все вместе дадим просрать Лотланнским оркам, которые завтра-послезавтра подтянутся к Бешеному Броду.

— Лотланнские орки? — переспросил Леод.

— Я что, не прожевал, когда говорил? Да, Лотланнские орки. Или ты хочешь, чтобы они прошлись по твоей деревне?

Леод скрипнул зубами. Он не хотел, но...

— Но нас же всего две длинных сотни.

— Два года тому я был вовсе один, — Берен встал. — Кончай со жратвой, собирай людей.

На рудник они пришли уже после темноты, и охрана прозевала тот момент, когда еще можно было сопротивляться. Рубка была страшной, выбегавших на шум охранников рассекали на части, потому что ярость горцев была велика. Потом победители сбили замки на дверях барачков, где ютились рудничные рабы. С факелом в руке Берен ворвался внутрь. Многолетняя вонь на миг заставила его задохнуться. Груды затхлого, грязного тряпья на полу, поверх сбитых в твердый пласт нескольких слоев загаженной соломы — где-то во всей этой дряни люди и эльфы спасались от холода весенней ночи.

— Лорд Элвитель!? — позвал он.

Тряпье на полу зашевелилось, как могильная земля, разрываемая изнутри мертвецом, послышался звон цепей, и в свете факелов сверкнули несколько пар затравленных людских глаз. Шагая среди шевелящихся тел и заглядывая в лица, Берен звал:

— Где ты, лорд Элвитель? Ты жив еще?

— Кто зовет меня? — послышался голос из дальнего конца. — Не ты ли, Берен, сын Барахира? Зачем ты пришел?

— За тобой, — Берен зашагал на голос. — За всеми вами. Рубите бревно, ребята.

Всех узников на ночь приковывали к одному бревну, пропуская длинную цепь через их ножные кандалы и несколько раз прикрепляя к вбитым в бревно штырям.

— Свобода, фэррим! — орали стрелки, расколачивая бревно и цепь топорами. — Свобода!

Берен сам сбил оковы с Элвителя, попутно рассказывая ему все, что произошло за

последнее время.

Элвитель, как и большинство нолдор, и в рабстве сохранил достоинство, присущее Старшим Детям Эру. Хотя его темные, слегка вьющиеся волосы были коротко обрезаны, а худые плечи покрыты дерюгой, глаза его сияли все тем же ровным светом. Освобожденные нолдор в первую очередь собрали себе оружие охранников и хорошую обувь, и только потом присоединились к тем, кто начал недолгий, но буйный праздник освобождения. Берен зашвырнул взятый у Эрвега меч в шахту, а себе взял меч охранника — похуже, но без черных заклятий на клинке. Взломали камору с припасами и выгребли все, кроме норпейха: его Берен велел вылить на землю, и никто не осмелился послушаться. Над рудником до утра стоял винный дух, но пили только эль, и только разбавленный: почти всем хотелось драться. Хотя Гили, рассмотрев рудничных, усомнился в том, что они много навоюют. Даже эльфы, которых здесь было десятка четыре (а способных к бою — и того меньше) выглядели усталыми и примученными, а уж люди — и вовсе одни мослы. Если бы не стрелки, тут же взявшие под охрану склад с пищей, они бы сначала передрались, потом объелись до хвори и перепились до полусмерти. Но Берен отдал раздачу еды стрелкам и эльфам, и рудничные, хоть и недолго, и глухо, но какое-то время ворчали, хотя ни один стрелок и ни один эльф не приступили к пище, пока не оделили ею каждого из рудничных — даже тех, кто уже не мог подняться со своей подстилки, и о ком забыли их товарищи.

Гили, ходил по баракам, вкладывал сухари в тощие, черные руки с изъязвленными запястьями, но старался не смотреть рудничным в глаза. Ему было и мерзко и страшно — неужто можно довести человека до такого? И ведь в охране были не одни орки, люди тоже. Такие же, как эдайн. Почему же так получается, почему эльфы могут сохранять в заключении, в рабстве, этот внутренний свет, а люди — далеко не все; один на сотню, и то будет хорошо? Разве можно так бросать своего товарища? И что теперь делать с ними со всеми?

— Треть их здесь оставим, — услышал он краем уха рассуждение Берена — тот собрал вождей возле одного из костров. — Самых слабых, которые могут идти — но недалеко. Кто не угонится за нами, пусть здесь заботится о больных и лежачих. Еды и эля тоже оставим, чтобы они могли отлежаться и окрепнуть. Пошлем сюда баб из тех деревень, где будем проходить. Больше сделать все равно не успеем и не сможем...

Берен, Элвитель, Риан и Леод провели всю оставшуюся ночь в разговоре. А Гили вместе с одним из антаров Фин-Риана — в дороге, из которой вернулись лишь под утро, почти загнав коней и устав смертельно. Берен забрал у Гили тяжелый и круглый сверток и показал им на воз, где можно было лечь и поспать.

Проснулся Руско за полдень, и совсем не там, где засыпал. Рудник остался позади, на зеленой скатерти долины далеко внизу продолговатым серебряным блюдом лежало озеро Аэлуин, а воз катился по дороге вдоль реки, влекомый двумя волами.

Гили сел. На миг ему показалось, что он тоже плывет по реке — пестрой, бурной и шумливой людской реке, состоящей из горцев разных кланов, рудничных рабов и стрелков. Эта река катилась вверх по течению другой реки, по обрыву над ней, и перекрывала ее шум, гомон горного потока в пору таяния снегов.

— Куда мы едем? — спросил Гили, продрвав глаза.

— Это ты едешь, лентяюга, а мы идем! — отозвался поселянин в двух свитах, надетых одна поверх другой — видимо с тем расчетом, чтобы целые места на верхней прикрывали дыры на нижней и наоборот. Через плечо у поселянина был диргол в цвета Рованов.

— Здоров, Руско! — крикнул откуда-то сзади Рандир. Растолкав народ, он пробился к возу. — Только что миновали Бешеный Брод, а теперь идем к Божьей Мельнице.

— Какой? — не понял Гили.

— К Божьей, — пояснил оборванец. — До войны Мэрдиган-предатель хотел, чтобы боги ему тут жернова крутили, и построил запруду.

— Большое дело будет, Руско, — оскалил зубы Фин-Рован. — Большое дело...

* * *

Тяжесть и холод Палантира были последним телесным чувством, когда Берен погрузился в его ровное, молочно-белое сияние. Мысленно он призвал в память издавна знакомую дорогу — мимо Кэллагана, вдоль Ладроса. Сосредоточился.

Кругом прояснилось — Берен увидел пологие склоны холмов, обступивших Ущелье Ладроса, и тени облаков на них. Бурные, пенные воды реки заполнили вейдх целиком, неслись вскачь, способные сбить с ног не то что человека — коня. Фреридуин был еще злее в эту пору: его более крутое ложе мчало воду вовсе с бешеной скоростью, а она из года в год прорывала его все более глубоко. Через Ладрос даже сейчас шло несколько бродов, через Фреирдуин — лишь один, называемый Бешеным.

Дух Берена, как сильная и зоркая птица, летел над рекой, встречь ее течению, но врага еще нигде не было видно. Развалины Кэллагана остались позади, а потом река обмельчала и распалась на десятки рукавов, уходящих в Гвайр, к ледникам и снегам, и вот последний из них свернул на юго-восток, в скалистые ущелья, а дорога бежала дальше, к тому месту, где почти смыкались отвесные стены Гвайр и пологие склоны Эмин-на-Тон. Взлетев на гребень холма, поднималась она над зеленым морем Лотланна — и вот там, вдали, Берен увидел, наконец, то, чего ждал: подобную толстой, темно-серой змее, вооруженную толпу, что вереницей двигалась по пастушьей тропе. Он сосредоточился на ней, птица его духа словно бы снизилась — теперь он мог в подробностях разглядеть каждого низкорослого всадника на волке, каждого пешего раба, волокущего воз или гонящего овец.

Это было не кочевье — когда орки двигаются с кибитками, с женщинами и детьми, и не трогаются с места, пока не опустошат и не выжрут всю округу. Это был военный поход: только мужчины под знаменами из скальпов, с черепами на шлемах, с ожерельями из зубов.

Они будут здесь завтра, решил Берен, прикинув расстояние и скорость, — и перенесся мыслью в другое место.

Лагерь в Моркильском лесу продолжал наполняться людьми. Признаков движения на Север пока не было. Берен внимательно присмотрелся к возам, образовавшим нечто вроде дополнительной стены с юга — да, это были они, тяжелые осадные машины. Легкие, по видимости, — вон те, стоящие на телегах уже собранные и укрытые холстиной. А где Мэрдиган? Он представил себе лицо бывшего друга, бывшего врага — и увидел, что тот сидит своей палатке под стражей, а его воинов караулят орки.

Значит, о побеге Берена Ильвэ уже знает. Но не ищет его: не до того. Саурон ждет.

Он понесся мыслью дальше: к топям Сереха. Сейчас они должны были подсохнуть слегка, ибо в Нижнем Белерианде снег сошел давно, а со склонов Криссаэгрим, что были

выше, чем Эмин-на-Тон и Гвайр, сходить еще не начал. Илльо должен тронуться с места прежде, чем Хогг вздуется и заполнит долину — а это значит, что у него не больше шести дней.

Саурон назначил выступление на День Серебра. Не самое удачное время, чтобы перемещаться по дорогам Дортониона — все плывет и течет. Но Саурону, по всей видимости, плевать — он хочет успеть перетащить армию через Топи Сереха до того, как они вздуются. В самом Тол-Сирион войско невелико, и из Хитлума можно проследить за замком — так что Гортхаур не будет там собирать войско, а встретит его уже за Ангродовыми гатями. Это значит, что отряды Моргота уже идут туда через Анфауглит, ибо время таяния снегов — единственное время, когда Анфауглит можно пересечь конно, и воды хватит на всех.

Они будут держаться далеко к востоку от Эйтель-Сирион, чтобы их не разглядели со стен — Берен возносился над серой, безрадостной равниной, которой даже ясный день не мог придать красок.

Вот они. Вот они...

Это было уже не орочье войско — северяне, общим числом тысяч семь, включая рыцарей Аст-Ахэ. Никаких ужасов — черепов со скальпами и зубами, жутких волчьих морд. Они походили на эльфийское ополчение — так слаженно было их передвижение, так ровен конный строй.

Ударная сила. После того как горцы и орки — плохо вооруженные, голодные и злые, имея за спиной Волчьих отряды, которые терзают беглецов и ослабевших — своими телами вымостят дорогу к победе, отдав по две-три жизни за жизнь каждого хадоринга, в игру вступят эти — умелые, надежные, верные...

Хрен вам.

Берен сосредоточился на Эред Ветрин, на замке Эйтель Сирион. На воспоминаниях, в которых остался Государь Фингон. Призвал его, устремившись к нему волей — и увидел.

Фингон был в плавильне — длинные волосы повязаны мокрым платком, короткая и во многих местах пропаленная рубаха без рукавов тоже почти вся промокла от пота. Он следил за тем, как все новые и новые корзины угля летят в печь, и в глазах его металось отраженное пламя.

В руках его был плавильный ковш на длинной ручке. Проба металла. Белая, горячая струя коснулась дна глиняной формы, полетели искры, пошел дым... И в этот самый миг Фингон почувствовал зов. Закончил лить металл в форму, бросил ковш в бочку с водой, огляделся кругом, быстрым шагом вышел из плавильни и остановился, поднявшись на травянистый склон. По его лицу Берен понял, что он пытается различить — был ли это подлинно зов или мгновенное наваждение. И позвал еще раз и еще, настойчиво и упорно: пойди в башню, к Палантиру, Государь — вассал твой призывает тебя.

Фингон что-то крикнул тем, кто последовал из плавильни за ним — ему подали воды умыться, принесли хорошую рубаху, кафтан и плащ. Одевшись, он зашагал от плавильни по склону вверх, к жилым помещениям замка.

Быстрее взгляда — лишь мысль. Берен чувствовал, что внимание и воля его слабеют — и призвал еще одного владыку.

Маэдроса он застал на дозоре, к северу от Рубежа, и почувствовал несказанное облегчение вкупе с беспокойством. В последнюю неделю зимы он послал туда Авана с вестью — на свой страх и риск — что собранные в Дортонионе войска выступят в День

Серебра. Если Маэдрос находится к северу от границы — значит, он там с войском, значит, Аван донес весть и ей вняли. Однако где же Палантир? Что, если Маэдрос оставил его в Химринге?

Он позвал и повторил зов, чтобы Маэдрос не думал, будто ему помстилось. И Маэдрос, услышав, развернул коня и помчал его к лагерю.

Берен, почти лишаясь чувств, уронил Палантир и откинулся спиной на камень. О, нет. Только не упасть в беспамятство сейчас, когда он должен... столько всего должен...

Внизу шумела ватага, которую он собрал из стрелков, рудничных, поселенцев ближних деревень, а также тех, кого привели издалека Рандир и Лэймар, деревенский староста, помогавший ему еще в те черные годы. То и дело приходил кто-то новый — и все равно их было мало. До обидного мало. А Маэдрос, даже если тронется с места сейчас, все равно на полдня пути дальше, чем орки. Значит, битву придется принимать им одним...

О, боги, — взмолился он, с трудом поднимаясь и становясь на колени лицом к камню, опираясь на него ладонями, — не оставьте меня сейчас. Когда угодно, но не сейчас. Путь я узнаю поражение и стыд, пусть меня подвергнут худшей муке — но сейчас мне нужна победа. Отец богов, прикажи своим Детям прийти мне на помощь, мы ведь тоже Твои дети, и смертные, и бессмертные. Манвэ, справедливый, помоги мне — ведь над нами десять лет чинили беззаконие. Варда, добрая, помоги мне — ведь ты истребляешь всякое зло. Аулэ, владыка гор, помоги мне, это же твоя земля, ты поднял ее над твердью и обручил с небом. Ульмо, хозяин вод, помоги мне, ведь в этой реке твоя сила, а ты ненавидишь орков. Астальдо, доблестный, король храбрых, помоги мне — ведь ты вдыхаешь мужество и в душу ребенка, если это нужно. Оромэ, славный, помоги мне — ведь моя война против того, кто и тебе противен...

Он умолк, пытаясь в дуновениях ветра услышать ответ, в танце теней и лучей разглядеть знамение — и тут почувствовал зов.

Сначала у него возникло чувство, что на него пристально смотрят — а это чувство редко его обманывало, иначе он уже был бы мертв. Он огляделся, вскочив на камень, окинул взглядом шумную стоянку — но понял, что на него смотрят не отсюда. И словно голос, тише младенческого вздоха, но настойчивый и твердый, позвал: взывавший ко мне! Возьми Палантир!

Он спрыгнул с валуна, взял Палантир там, куда уронил его, снова напряг волю, пристально вглядываясь — и перед ним возник Маэдрос.

Эльф находился в палатке, и нимало не изменился в лице, увидев, что призвал именно Берена.

«Я почему-то так и подумал, что это будешь ты».

«Смотри!» — Берен выпрямился и повернулся спиной так, чтобы Маэдрос мог разглядеть лагерь. — «Мы выступили и будем сражаться. Оказать нам помощь вы не успеете, даже если тронетесь в поход сейчас. Но если мы погибнем — успеете отомстить. Проследи дорогу отсюда до входа в Дортонион из Лотланна. Осмотри чрез Палантир Лотланн — увидишь войско орков».

«Фингон знает?»

«Узнает сегодня».

«Где Саурон?»

«Пока еще не выступил. Войско, набранное здесь, собирается в Моркильском лесу. Если мы падем в завтрашней битве, оно останется на твою долю».

«Ородрет»?

«Не знаю. Я не могу смотреть в Камень часами — быстро теряю силы».

«Мы выступим сегодня же, как только будем готовы», — Маэдрос прервал связь.

Берен укрыл Палантир холстиной и сел, ожидая призыва Фингона. Внизу шла работа, к которой он намерен был присоединиться, едва отдохнет.

«До темноты не успеть» — подумал он. — «Надо приказать женщинам и мальчишкам наделать факелов...»

* * *

Гили казалось, он никогда не сможет заставить себя снова войти в холодную воду. У него и так стучали все зубы, на промозгом ветру он, казалось, ледяной коркой покрылся — и снова в реку!

— Уйй! — сказал щербатый крепкий паренек, заходя в реку рядом. — Й-о-о! Х-хорошо-то как!

Его зубы тоже клацали, он посмотрел на Гили — и чему-то рассмеялся. Гили рассмеялся тоже.

— Кончай ворон ловить! — женщина сунула Гили в руки камень, он передал булыжник дальше... Еще камень... Еще...

Вода прибывала.

— Ежели оно так пойдет, — ворчал следующий в цепочке. — Мы и до утра не управимся... Ох-хо...

— А хоть бы и так! — по рукам пошло небольшое бревнышко. — Тебе что, не терпится с волчьими орками схватиться? Я лучше камни буду ворочать.

— Еще не наворочался? — оборванец с клеймом на щеке закашлялся и харкнул в воду. — Ну, давай, таскай... Я на руднике — вволю натаскался. Жду не дождусь утра — посмотреть, как орк изнутри выглядит.

— Еще кольев! — крикнули снизу. — Кольев, грю, давайте, ежли не хотите, чтобы раньше времени прорвало!

— Будут тебе колья! — гаркнула с берега женщина. — Сейчас обтешу, не дави на шею!

— Это разве колья? У меня — и то свайка толще!

— Ну так своей свайкой и подпирай!

— Не, Бельдис, у него ничего не выйдет! Скукожилось у него от холода-то!

— Как еще твой язык не скукожился? На, забивай!

Плеск воды, стук топоров, отблески факелов и костров в черной запруде... Вода прибывала — теперь она доставала Гили до пояса. Ноги болели от холода...

— Камней!

...Мычали в упряжке волю, трещала под тяжестью булыганов телега...

— Быстрее, быстрее!

— Гили! Руско! Где тебя балроги носят? Ярн зовет!

— Иду! — Гили выскочил из воды. Ветер обжег еще злее, Гили побежал, чтобы разогреть кровь.

— Кто тебя просил лезть в воду? — напустился на него Берен, забыв, что сам же велел помогать... — Ладно, обсохнешь, пока добежишь. Смотри! — он показал на вершину одного из холмов, похожую на странное лицо с длинным носом и без губ, черное на темно-синем небе. — Поднимешься туда, будешь смотреть за долиной. Найдешь палку подлиннее, сделаешь себе знамя, — в руки Гили ткнулся сверток белой ткани. — Как только верховые будут отбиты, а пехота как следует ввяжется в бой — крепко ввяжется, ты понял? — маши им со всей дури! Если они сломают наши ряды — не думай о нас: подавай сигнал. Оружие при себе? Тогда — бегом!

Гили помчался бы во все лопатки, даже не будь этого приказа: от холода спасало только движение. До холма было не меньше мили, и предстояло еще спуститься с Ущелины и подниматься на вершину... Аккурат к рассвету он там и окажется...

Поднявшись к верхушке Ущелины, он в последний раз оглядел запруду в пламени костров и мятущихся факелов. Вода заполняла теперь каменную впадину странной формы — словно какой-то великан ткнул в землю кулаком. Перехлестывая через плотину, она все так же срывалась вниз водопадом, заливая и норовя сбить с ног людей, подпирающих плотину бревнами. Что с ними будет, если прорвет сейчас или в ближайшее время — Гили боялся себе представить.

Он сбежал с холма и потрусил вверх по склону следующего.

* * *

Ранним утром боевые порядки горцев выстроились на склоне под Ущелиной, напротив Бешеного Брода. Воинов в этом войске было — всего ничего. Даже свободных данов там оказалось совсем мало — все больше те, кого вожди поколения Барахира не посчитали бы за войско: батраки, рабы с рудников, юнцы, старики и женщины. Оружие было под стать ополчению: кирки, молоты, косы, загнутые торчком, топоры и дубье.

В первую линию Берен все же наскреб достаточно людей — две с половиной сотни воинов с боевым опытом, вооруженных мечами и щитами, кое-как одетых в доспехи. Правым флангом он поставил командовать старосту Лэймара, левым — старшину рудничных. За ними выстроил стрелков — благодаря подъему долины те могли стрелять прямо поверх голов. Сам же он собирался возглавить серединное... как бы это поточнее сказать... Если бы речь шла о настоящем войске, он сказал бы «знамя». С ним были нолдор Элвителия — около трех десятков — и те поселяне, которых он находил самыми крепкими и лучше всего вооруженными. На их долю выпадало оттеснить орков поближе к стремнине.

Первому ряду из всех воинских добродетелей нужнее всего была твердость духа, и Берен искренне надеялся, что не ошибся в тех, кого поставил туда. Оставалось надеяться, что и в Скулгуре он тоже не ошибся. Но на всякий случай он выбрал несколько десятков особенно горячих юнцов и послал их на всхолмие по левую сторону от лощины, подкрепив тридцаткой стрелков Леода. Скверно сработанные, слабые охотничьи луки годились разве что позлить противника. Самострелов там было штук тридцать.

— Делайте что хотите, — наставлял он свежееиспеченных вояк. — Хоть задницы им показывайте, но чтобы они обозлились и начали переправляться.

Страшно гордые порученным заданием, стрелки полезли на холм. Остальные сосредоточились в долине. То тут, то там загорались костры — вымокшие за ночь люди сушились и грелись у огня, спали, пекли еду — главным образом тут же пойманных сурков или простые лепешки.

Берен не имел ничего против, но проследил, чтобы все расположились там, где они должны будут стоять.

Солнце уже вошло высоко, когда с холма сбежали двое мальчишек, посланных предводителями стрелков.

— Они едут, ярн!

Берен скомандовал построение, Лэймар затрубил в рог. Люди поднялись, затапывая костры, построились в ряды за небольшой засекой, стараясь держаться кучками — по селам, по родам, по бревнам, к которым их из года в год приковывали на ночь надсмотрщики...

— Если мы не сдержим первый натиск, это воинство накинует пятками, — тихо сказал Леод.

— Ну так давайте же сдержим, — ответил Элвитиль.

Когда на другом берегу Фреридуина показался авангард орочьей колонны, по рядам людей прошел гомон. Боевой задор, полыхавший ночью, свели на нет усталость и холод; даже те, кто откопал из-под земли завернутые в просаленную тряпку мечи и доспехи, теперь, сравнивая свое неказистое вооружение с блестящим на солнце вооружением всадников Скулгура, испытывали страх. Но больше чем сами всадники, пугали людей волки под ними. Не такие умные и большие, как твари болдоговых отрядов, они все же были велики и свирепы.

Берен вскочил на коня и свистнул в два пальца, призывая к молчанию. Потом, подняв руку, он проехал вдоль строя из конца в конец, и те, на кого он смотрел, чувствовали, как страх сменяется уверенностью и твердостью.

Голой до пояса, князь был защищен только старинным доспехом, обшитым бронзовыми бляхами. Все видели, что на нем нет ни шлема, ни наручей, ни поножей. Простые кожаные штаны были в грязи и в сосновых чешуйках после ночной работы, а лицо он, по обычаю древних, разукрасил углем и красной глиной так, чтобы издали было видно: он собирается или умереть, или отправить всех врагов на Запад по красной дорожке. Диргол, перекинутый через плечо, прикрывал правую руку.

— Люди народа Беора! — крикнул Берен, вернувшись к середине строя. — Я знаю, о чем вы думаете, глядя на выроdkов, гарцующих на том берегу. Вы думаете, что вы — голодны, раздеты и скверно вооружены, а они — откормлены, закованы в железо и у каждого — щит, меч и пика. Так вот, ни хрена это им не поможет! Мы голодны потому что они жрали от пуза. Мы вооружены хрен знает чем, потому что десять лет горбатились в кузнях, вооружая их — себе же ковали только цепи. Мы одеты как попало, потому что они забирали себе и шерсть, и шкуры, и кожи, и лен, а если им что-то нравилось из нашей одежды — не брезговали вытряхивать нас из последних рубашек. Мы терпели это десять лет, горцы! Десять лет они у нас вот тут — как клещи, они сосут нашу кровь! — он похлопал себя рукой по затылку. — И сегодня мы поступим с ними как с клещами. Мы раздавим их. Мы их смоем. Мы страхнем их с себя, или я сын не своего отца! Слушайте, горцы. Пусть тот, кто боится, покинет строй и идет домой! Я не хочу танцевать со смертью в компании трусов. Если мне суждено сегодня умереть — я уйду на Запад с людьми, ни один из которых не пожалеет о жизни раба! У них железные панцири? Отвага будет нашим доспехом! У них

шлемы? Наша правда защитит нас лучше всякого шлема! У них копья? Наша хитрость — вот наше острое копьё! А когда мы разделаемся с ними, мы заберем все, что захотим! Поживимся тем, что у них в обозе, наденем хорошие сапоги, которые сделаны из шкур наших волов руками наших жен! Тот, кто сегодня умрет, никогда больше не будет голодать и работать на Моргота, воя под ударами бича! Тот, кто сегодня победит, наестся досыта, возьмет хорошую добычу и вернется домой героем! Но тот, кто сегодня побежит, не получит ни шиша! Ну, горцы! Кто из вас идет домой, стирать штаны?

Молчание было ему ответом.

— Кто останется здесь, со мной?

Восемь сотен оборванцев подняли рев, от которого, казалось, сухая трава пригнулась к земле.

— Добро! — когда вопли начали затихать, Берен поднял руку. — Смотрите же, горцы. Вы выбрали. И помните: от нас сейчас не требуется чудес мужества. Не больше, чем мальчишкам при охоте на унголов! Мы здесь не для того, чтобы устраивать благородные поединки — мы просто прикончим ублюдков, и вся недолга! Но мы сумеем их прикончить, только если задержим здесь, где стоим! — он показал пальцем в землю. — Задержим на короткое время — не больше, чем требуется мужчине, чтобы уговорить не слишком благодравную вдову. Но если они прорвут наш строй — нам конец. Поэтому я еще раз повторяю: кто боится — может уходить. Мне не нужен сукин сын, который побежит и своей трусостью погубит всех. Всех, горцы! Потому что от волчьих всадников мы убежать не сумеем, мы сможем только перебить их, стоя здесь! Заклинаю вас вашими же шкурами: если будет страшно, можете дрожать, можете кричать, можете напустить в штаны — все равно мы все мокрые до нитки — но не смейте бежать! Стойте, как бы ни было страшно! Пока мы стоим — ни хрена их волчьи всадники нам не сделают, а знаете почему? Потому что, — он показал на землю, где лежали, дожидаясь своего часа, заостренные сосновые колья. — У нас кое-что подлиннее, чем у них!

На этот раз эхо в долине покатило по склонам раскаты смеха.

* * *

— Что это они там веселятся? — поморщился Скулгур. — Неужели этот размалеванный шут рассказывает что-то очень смешное? Борги! Поезжай на тот берег, остановись на полпути между нами и этими голодранцами. Вызови этого весельчака на разговор и спроси его, что такого смешного он сказал своим людям. Может быть, и мы повеселимся. Заодно передай, что если они хотят унести свои задницы отсюда целыми — у них на это есть ровно столько времени, сколько первый отряд будет переправляться через реку. Иначе мы проложим сквозь них алую просеку, а их скальпы украсят наши знамена, и тогда мы посмеемся еще раз.

— Слушаюсь! — молодой орк тронул свою волчицу, заставляя ее войти в воду. Бешеный Брод обмельчал, но течение все равно было сильным, а волк — не конь, там, где коню по брюхо, волку — по горло. Скулгур поднял руку — за Борги последовали все остальные.

Фреридуин был жадной, злой речкой. Опасной, как все эти горы. Бешеный брод не зря

получил свое название — не проходило года, чтобы здесь, на переправе, не тонул кто-нибудь. Только двое всадников могли перейти брод плечом к плечу, так что тридцатка переходила через реку, вытянувшись колонной по пятнадцать, а длинная сотня — колонной по шестьдесят, а знамя — колонной по двести сорок.

Увидев, что переправа будет делом неспешным, Скулгур отдал приказ надеть шлемы и затянуть ремни на доспехах. Они передвигались в состоянии половинной готовности, никто не ожидал такого подарочка. С другой стороны, подумал Скулгур, парням будет полезно размяться перед настоящей дракой. Повторить урок — как бить пикой бегущего человека, чтобы оружие не увязло в теле, как рубить сопротивляющегося пехотинца, как брать в кольцо и резать, словно овец... Стадо взбесившихся рабов — подходящий предмет для такого урока.

Борги остановился на полпути между войском Скулгура и горцами, поднял над головой пику и помахал бунчуком.

Волчица под Скулгуром внезапно дернулась и твякнула, пытаясь достать что-то зубами из плеча. Кто-то выругался. Кто-то вскрикнул. Орк увидел, что в плече его зверюги болтается, зацепившись наконечником, стрела.

Он поднял голову.

— Орк! — крикнули с одного из холмов, выпятивших свои груди в речку. — Орк, сын шюхи и вора! Косоглазая тварь, недоумок! Зачем ты взгромоздился на суку, ты же мерин!

Увидев, что ему удалось привлечь внимание Скулгура, горец — совсем мальчишка — повернулся к нему задом, спустил штаны и нагнулся. Потом опять надел штаны, развернулся, свистнул в пальцы и швырнул в орков камень, подобранный тут же. Его дружки с луками и самострелами выпустили новый жиденский залп. Стрелы никого не убили и даже не причинили серьезных ранений, но они раздражали. Гораздо опаснее были камни: они реже долетали, но, падая с высоты, набирали большую силу и били больно даже сквозь доспех.

— Эй, ты! — крикнул Скулгур. — Зачем ты показал мне задницу? Хочешь познакомить ее с моей плеткой?

— Какую задницу, орк? Я показал тебе зеркало!

— Спустись вниз — я сделаю с тобой то же, что делал с твоей матерью и с твоим отцом!

— То есть, вылижешь мне сапоги и поцелуешь меня в зад? Если ты так хочешь — поднимайся сам! Что ж ты не идешь, орк — запутался в соплях? Или своими косыми глазами не видишь, кто из нас я?

Орки ответили потоком ругательств, несколько стрел полетели вверх — и, потеряв при наборе высоты силу, по дуге опустились в траву и камни на холме. Только одна попала в цель — вонзилась пониже спины одному из насмешников. Орки поприветствовали свою удачу свистом и улюлюканьем, но тут на них обрушился целый град камней. Скулгур, хрипя от злости, выкрикнул самое страшное оскорбление, какое только смог выдумать:

— Твою мать имели эльфы!

Ответом был громкий смех. Камни полетели еще чаще. Больше всего эти камни досаждали тем, кто уже начал переправляться на ту сторону: попадая в воду слева и справа, они пугали зверей, а волк, оступившись на переправе Бешеного Брода, вполне мог уйти в омут и утянуть за собой всадника, а мгновение спустя течение отнесет их на двадцать футов от переправы, и никакой возможности спасти их не окажется — здесь крутые берега и есть только один спуск к воде.

Всадники переправлялись, подняв над головой щиты. Пока Скулгур переехал на ту сторону, в щит ему попали трижды. Те стрелки, что успели переправиться, спешили и начали стрелять в горцев. Когда двое или трое оборванцев упали ранеными, стало полегче — они уже не так нахально подходили к самому краю, и кидали камни неприцельно. Зато, приблизившись, всадники Скулгура дали им возможность выбирать булыжники весом побольше, и этой возможностью мерзавцы немедля воспользовались.

Орки переругивались с горцами, обмениваясь стрелами и непристойными жестами и все сильнее входя в раж. Скулгур тоже начал распаляться: никогда еще этот скот не вел себя так дерзко!

Вернулся Борги, более обеспокоенный, чем можно было ожидать после встречи с вожаком шайки босоногих недоумков. Скулгур увидел, что предводитель горцев отъехал к своим и спешил. Кто-то увел его коня за строй.

— Рассказывай, — велел Скулгур. Другие вожди, Кхэру и Орту, подъехали поближе, чтобы слышать.

— Я сказал ему, как ты велел, кхэнно, — Борги поклонился. — Сказал, что если они сложат оружие и сдадутся на милость Повелителя Воинов, то, возможно, сохранят свои жизни. Сказал, что это лучшие условия мира, которые мы можем им предложить...

— Короче, — перебил его Скулгур.

— Он ответил, что они пришли сюда биться, а не мириться. Сказал: «Передай своим хозяевам, что сегодня мы так или иначе положим конец всем нашим обидам и унижениям. Если они хотят остаться в живых — пусть сложат оружие здесь и убираются к Морготу. Если они хотят умереть — пусть нападают: мы встретим их лицом к лицу».

— Пока что они показывают нам только задницы, — засмеялся Кхэру.

— Что же это за пес? — под нос себе проворчал Орту.

— Это Берен, сын Барахира, — ответил Борги. — Я узнал его, господин, да он и сам назвался.

— Он же за нас! — удивился кто-то из вожаков помельче.

— Он предал, — оскалился Орту. — Я знал, что этим горцам нельзя доверять! Кто перекинулся один раз — перекинется и в другой!

— Да наплевать и растереть, кто бы он ни был! — Скулгур дотронулся до рукояти меча. — Посмотрите, что за сброд! Рабы с рудников, лапотники, даже бабы! Мы разбросаем их кишки отсюда до озера Айлуин, а те, кто останется в живых, будут завидовать убитым.

— Арра! — подхватили орки, слышавшие эту речь; но ликование было испорчено: со скалы, откуда горцы бросали камни, кувыряясь в воздухе, в самую гущу конников полетел бочонок. Возникло короткое замешательство, те, на кого летел этот снаряд, попытались отклониться, а поскольку не было ясно, куда именно он летит, случилась некоторая суতোлка, и когда бочонок грянулся о землю, он все же перед тем задел по щиту одного из всадников, сбив того с волка и сломав ему руку. Но унижение было куда хуже потери: разбившись, бочонок разбрызгал на всех окружающих свое содержимое — зловонную жижу, состоящую главным образом из конского навоза — но не только из конского.

Скулгур не мог этого стерпеть. Он был воином от рождения, никогда в жизни его руки не касались орудия, которое не было оружием. Он презирал тех, кто занимается ручным трудом; для таких в орочьем языке было только одно слово — «снага», раб. И ни один снага не смел даже смотреть в глаза воину. Скулгур презирал эдайн за то, что у них воином могут назвать каждого, кто способен держать оружие; за то что их князья не чуждаются работы и

отсылают своих наследников пасти овец вместе с простыми мальчишками. Если у этого народа такие обычаи, значит, это народ рабов, и то, что какая-то их доля зовет себя воинами — всего лишь досадное недоразумение. Уже за то, что эти ублюдки не падают ниц при виде его отряда, они заслуживают смерти. За то, что осмеливаются бросать ему вызов и угрожать — заслуживают смерти дважды. Трижды — за то, что они поднимают оружие против воинов Мелькора!

Полностью переправиться успел только один хэрт. Что ж, разметать по долине этот жидкий строй — одного хэрта вполне хватит. Скулгур отдал команду, вожди подняли своих воинов, развернули четыре ряда по длинной сотне в ряд. Более широкого строя все равно бы не вышло в этой узкой долине.

Две сотни всадников на волках должны были прорвать строй — горские недоноски уже сбились на своей жалкой засеке в линию, загородившись щитами. За всадниками следовала пехота. Скулгур не собирался ждать, пока переправятся все — слишком большая возникнет толчея. Сначала — расчистим место...

Он поднял голову и завыл по-особому, отдавая команду волкам. И волки ответили таким же воем. А потом — прыгнули вперед, свесив языки. Перепрыгнуть укрепление, смять, свалить, раздавить жалкую шеренгу щитоносцев — и начнется кровавый пир...

Бывало и так, что при виде атакующих волчьих всадников противник просто не выдерживал и показывал спину. Скулгур почти рассчитывал на это. Почти. Поэтому перехватил пику, чтобы нанести первый удар — сразу, как только волк перемахнет через препятствие и своим телом пробьет строй.

Вражеские ряды приближались... Орк уже мог различить их рожи — размалеванные красным и черным; уже видел, как блестят белки глаз. Остались считанные шаги, когда безумные полурабы вдруг отбросили щиты и подхватили с земли...

Волк прыгнул!

...подхватили с земли, выставляя перед собой, длинные заостренные колья.

Визг, биение черного мохнатого тела, всем своим весом налетевшего на пронзающее дерево... Скулгур перелетел через голову своего животного и упал в середине вражеской толпы — под мечи, под топоры, под крестьянские вилы...

Волчья атака захлебнулась. Огромные твари еще корчились на кольях — их рубили в куски как можно быстрее: подбегала пехота. Первый ряд снова подобрал щиты, войско качнулось вперед — трупы волков сами собой образовали второй уровень засеки — и сшиблось с накатившей лавиной пехотинцев.

* * *

Гили видел все это с холма — и волчий бросок, и то, как он был встречен в колья, и завязавшуюся рубку.

Берен сказал — когда пехота как следует ввяжется. Это — то, о чем он говорил? Как следует или не как следует?

Гили поднял с земли знамя, из выданной хозяином ткани и найденной на месте палки, отчаянно закрутил белым полотнищем в воздухе...

* * *

— Налегай-ай! — заревел Фин-Рован, увидев сигнал. Погонщики стегнули волов, сотня рук напряглась в бешеном усилии: люди и животные тянули так, что казалось, толстенные канаты сейчас не выдержат. Один и вправду лопнул, ударив и отбросив погонича, оторопевшие вола проскакали несколько шагов вперед, не понимая, что случилось — но все остальные канаты и веревки выдержали: бревна, подпирающие плотину, вылетели все разом. Какое-то время казалось — ничего не изменится: все так же текла, перехлестывая через край плотины, вода, все так же рокотал Фреридуин — но еще сердца не успели отсчитать десятков ударов, как к этим звукам прибавились другие: треск бревен, лишенных подпорки и выгибающихся под напором воды, скрежет камней по гальке... Эти звуки нарастали, нарастали, и — все произошло в один миг: какое-то бревно лопнуло с оглушительным звуком, за ним — другое, третье, а потом — волна снесла всю плотину разом: так большой и сильный человек одним движением плеч рвет ветхие веревки. Злая река, Фреридуин, высвободилась из плена — и кинулась к Бешеному Броду огромной волной в два человеческих роста высотой.

* * *

Горцы какое-то время, казалось, готовы были сломаться, дрогнуть и побежать. Но в следующий миг все переменилось: прогнувшийся было горский строй качнулся в другую сторону, выгнулся клином — уже направленным в гущу атакующих — и пошел вперед. Орки откатились к реке, люди продолжали теснить — и на переправе случился затор. Отступавшие смешались с теми, кто только что переправился и рвался в бой, те оттеснили назад переправлявшихся, переправлявшиеся начали отступать и падать в воду, течение немедленно увлакивало их прочь... На другом берегу передние, которые уже готовились вступить в воду, попытались отступить, но задние, еще не совсем понимая, в чем дело, теснили их вперед... Гили закричал от радости и еще яростнее замахал флагом. Можно было этого и не делать — он увидел промельк белого на вершине дальнего холма и знал, что сигнал получен — но он не мог с собой справиться. Следовало бросать здесь знамя и бежать к месту боя, если он хотел еще на что-то успеть — однако Гили не мог удержаться от соблазна увидеть, что же будет дальше.

Прошло еще сколько-то времени — Гили не знал, сколько. Горцы, оттеснив врагов вниз по склону, остановились там, где Берен вел переговоры с орком-посланником. Орки наконец-то разобрались, где у них что и готовились к новой атаке.

И в это время вниз по реке пошел белый вал высотой в два человеческих роста. Ветер донес до Гили вопль отчаяния, вырвавшийся из полутора тысяч орочьих глоток — прежде чем смерть, накатившаяся пенной кипенью, поглотила черное войско. Бревна, камни,

смытая с берегов грязь — все это летело вниз по течению со скоростью бешеного коня, снося все на своем пути — словно не хватило бы той дикой силы, которую таила в себе освобожденная вода.

Не более трех сотен орков осталось в живых — те, что были в первых рядах атакующих: вода не добралась до них. Зато горцы, едва схлынул вал, бросились на врага, не раздумывая и не давая ему опомниться.

Ги́ли, увидев, что исход сражения ясен, побежал вниз. Когда он, обливаясь потом, добрался до Бешеного Брода, все уже было кончено. Трупы волков и орков сбрасывали в поток, от Ущелины двигался Фин-Рован с теми, кто городил и разрушал запруды.

Ги́ли был узан — его рыжие вихры примелькались.

— Ярна ищешь, парень? Вон там я его видел, — показал рукой один из воинов — деревенский парень, деловито обдиравший с убитого орка кожаный панцирь. Парень был в меру худым и костистым, орк — в меру крупным, так что панцирь мог и сойтись, если распустить ремни. Видимо, парень не собирался в ближайшие дни покидать войско, а орочий кожаный панцирь — лучше, чем никакого.

Берен и в самом деле был там, где показал горский парнишка — у реки. Опустившись на колени на плоском камне, он смывал с лица жуткую раскраску, и, видимо, делал это довольно давно, причем без всякого успеха. Диргол его был обмотан вокруг пояса, старинный бронзовый панцирь валялся у реки на земле. Пластины, еще утром ярко блестящие, теперь были покрыты кровью и грязью. Ги́ли присмотрелся — не ранен ли Берен — но, кроме нескольких пустяковых царапин и ссадин на руках, ничего не увидел. Князь был от колен до макушки забрызган кровью — но, хвала всем Валар, не своей. Как он ни искушал судьбу, выйдя на врага почти без доспеха — судьба хранила его сегодня.

— Удача с тобой, князь, — сказал Ги́ли, кашлянув.

— Знаю, — проворчал Берен. — Посмотри, я все отмыл?

Ги́ли посмотрел и покачал головой. Как ярн ни старался, а вокруг глаз все еще было черно и красно — только черное и красное перемешались, образуя темно-бурое.

— Ну так иди сюда и помоги мне!

Ги́ли, перепрыгивая с камня на камень, добрался до него и, обмакнув в воду рукав, принялся смывать краску. Разведенная на смальце, холодной водой она снималась очень плохо.

— Вроде все, — сказал Ги́ли, закончив.

Берен поднялся и направился к берегу. Уже в шаге от него остутился, поскользнувшись на мокром камне, и оказался по колено в воде. Даже не выругался — вышел из воды и поплелся вверх по долине, по пути подобрал и забросив за спину свой древний панцирь.

Горцы утомились настолько, что не стали даже хоронить своих мертвых — просто сложили их у засеки. Шесть рядов по двенадцать человек.

— Вот так, — услышал Ги́ли голос Фин-Рована. Обернулся — здоровяк стоял совсем рядом. — И не узнали мужики, что победили.

Не только мужики — среди убитых были две женщины. Одна — совсем молодка, другая — уже с проседью в волосах. Седая была убита пикой, молодой проломил голову чем-то вроде палицы. Было и четверо эльфов...

— Как много, — удивился Ги́ли.

— Много? Ты, парень, не знаешь, что такое «много»! Я думал, будет больше... Раза в два, а то и в три! Но на нас сегодня все Валар смотрели, не иначе.

— Рандир! — Берен обернулся. — Отбери из своих людей тех, кто посвежее и поставь их в караул. И... когда вода спадет, можно будет послать кого-нибудь, узнать, как ваши пощипали орочьих обозников. Когда обоз доставят сюда — дай людям ровно столько, чтобы один раз поесть, но до отвала. Остальное — стеречь как зеницу ока. Всем, кто не занят — отдыхать. Когда солнце присядет на горы, буди меня и всех, кто сейчас завалился спать. Мы вас сменим.

— Будет сделано, — кивнул Рандир.

— В ином случае... Ладно, сам поймешь. Руско, иди за мной.

Гили побежал за ним — к тому месту в камнях, где они оставили коня и вещи. Берен развернул узел, достал из плаща рубашку и куртку, оделся. Обернулся дирголом по плечам, сбросил сапоги и лег на расстеленный плащ, головой на седло.

— Ложись и отдыхай, — сказал он, уже закрыв глаза.

Гили не нужно было просить дважды — он тоже разулся и лег рядом.

Конь бродил чуть в стороне — пофыркивал, пощипывал молоденькую траву. Воздух был холодный, но земля уже прогрелась, камни источали тепло, и Гили разнежился, как ящерка. Чтобы солнце не било в глаза, он прикрылся рукой.

Это и есть — война? Это и есть — победа? Он слишком устал, чтобы радоваться, а Берен и те, кто бился с ним, устали еще больше. Ведь многие из них перед тем как пойти в бой, ночь не спали, громоздили плотину... А он так и не поел... Здесь, наверное, мало кто поел, и совсем нет тех, кто поел досыта... Нужно будет, проснувшись, поискать чего-нито, а то живот к спине присох. Орочьи обозы... Вот бы добраться до них...

Кто-то начал тормошить его за плечо. Да что это такое, рассердился Гили, он еще и уснуть-то не успел, а уже будят.

— Рыжий, вставай, баран сам к тебе не поскачет — он жареный!

— Ка... ы-ы-э... — зевнул Гили, садясь -...кой баран?

— Обыкновенный! Четыре ноги, одна голова. — Рандир начал злиться. — Орочьи припасы принесли, чуешь?

Над долиной плыл вкусный дух — дым, пар и жареное мясо. Гили окончательно проснулся и потрянул головой. Солнце ушло далеко на запад — они спали никак не меньше трех часов.

— Ярн, — он потормошил Берена. — Проснись. Тебе вечеря готова.

— Пошел вон, — ответил тот, почти не разжимая губ и совсем не просыпаясь.

— Это все, — сказал Рандир. — Я, думаешь, не пробовал? Другого от него сейчас сам Саурон не добьется — так его эта битва уходила.

«Не битва», — подумал Гили, вспомнив серебристое сияние Палантира во мраке землянки.

— Жаль, я не видел! — сокрушался Рандир, когда они спускались к костру. — Ох, говорят, хорош был наш лорд! Меч в его руке разил так быстро, что не разглядеть клинка, а вражеские лезвия отскакивали от ярна как от заговоренного, хоть он и был почти без доспеха. Нехорошо это — держать обиду на своего лорда, а все же я на него малость в обиде, что поставил меня там, на плотине, а не здесь. Но ничего... Хвалить Валар — это битва первая, но не последняя.

Они подошли к костру, где и в самом деле пекли на углях целого барана. Рядом с вертелом, на поперечине поменьше, висел над огнем котел с похлебкой. Двое эльфов — Элвитиль и еще один, с выжженным на лбу клеймом, сейчас скрытым повязкой, резали

ложки.

Костры горели по всему лагерю, люди ели и пили — орки везли припасов на двухтысячное войско, а горцев и тысячи здесь не было. Берен обещал, что победители вдоволь насытятся — и не солгал. Не солгал и в другом — те, кто не погнушался обобрать трупы, сменили свое рубище на крепкую и новую одежду, разжились доспехом и оружием. Весь металл с орков и волков ободрали тщательно — железо уже само по себе было ценной добычей, пусть даже и орочье, дрянной ковки.

— Садись, — Рандир показал пареньку на свободное место. Гили сел, и только сейчас заметил, что у этого костра собралось что-то вроде головы войска: Лэймар, Элвитель, Рандир, Мар-Леод... Гили не знал остальных, но они, видимо, тоже были чем-то вроде ватажков.

Эльф протянул Гили ложку. Похлебка еще не доварилась, но за барана принялись — отрезали с бедер ломти, еще сырые внутри, уже подгоревшие почти дочерна снаружи. Гили взял свою долю на листе лопуха и принялся жевать.

— Я вот что думаю, — начал Рандир, как бы ни к кому не обращаясь. — Этот отряд двигался на запад, к Бар-эн-Эмин. Туда сейчас стягиваются все сауроновы войска — кроме всякой швали, которую собираются оставить здесь на хозяйстве.

— По всему Дортониону горят костры на вершинах гор, — прищурился Лэймар. — Этим, которые на хозяйстве, будет солоно.

— Так-то оно так, — согласился один из мрачных мужиков. — Но что делать с войском? Соберет его наместник, и двинет на нас...

Гили понял, зачем его позвали. Этот разговор должен был состояться. Скоро угар победы пройдет, и люди поймут, что они, даже если соберутся вдесятеро большим числом — не армия. Вожаки это уже поняли. Они хотят знать, что делать дальше. Хотят знать, что собирается делать Берен.

— Не двинет, — сказал паренек, когда все взгляды сосредоточились на нем.

— А почему ты знаешь? — недоверчиво спросил кто-то из рудничных.

— У меня есть два глаза и два уха, — Гили удивился, поняв, что говорит, как горец. — Я толкался возле войсковых и пел по хэссамарам. Все говорят о наступлении на Хитлум.

— Верно, — поддержал Рандир. — Ярн тоже говорил о наступлении на Хитлум.

— Хитлум — рыба в озере. А мы — рыба в ведре, — заспорил рудничный. — Которую легче споймать?

— Которая сама в руки плывет, — пробормотал мрачный мужик.

— К чему ты клонишь? — не поворачивая в его сторону головы и не прекращая жевать, спросил Лэймар.

— Бежать надо. До Аглона — день пути, оттуда — еще три дня ходу до Химлада. Здесь нам жизни не будет. С Дортонионом кончено.

— Я так не считаю, — заговорил клейменный эльф. — Эарн Берен никогда не походил на человека, склонного к поступкам необдуманным. Отчаянным — возможно, но даже отчаянные поступки он продумывает как следует. Посмотрите на то, что мы сделали сегодня. Почему мы победили? Потому что не могли не победить — так эарн построил битву. Мы не совершали усилий сверх необходимого, не творили чудес — но справились с армией, которая была вдвое больше и сильнее.

— Такая удача два раза не выпадает.

— Да причем здесь удача! — рыкнул Лэймар. — При чем здесь удача, когда он сюда

ехал, уже заранее зная, что будет делать и как! Он и дальше знает, не беспокойся!

— А я и не беспокоюсь, — огрызнулся рудничный. — Чего мне беспокоиться. Мы тут утопили две тысячи орков — и радуемся, как дураки, а к Бар-эн-Эмин стягиваются двадцать без малого тысяч войска — так чего мне беспокоиться? Наш ярн дунет, плюнет — и всей этой оравы как не бывало! Он же, едрена вошь, все знает и все может.

— Рандир, — поднял голову Леод. — А что ты скажешь?

Гили осмотрелся. Все ждали ответа Рована.

— Он говорил, что у нас будет войско, — прогудел Рандир. — Поверьте ему. Разве обманывал он вас когда-нибудь?

— Нет, — Лэймар потрогал бороду. — Меня — нет.

— Меня тоже, — тихо сказал Леод.

— И меня, — опустил ресницы Элвитель. — Он вернул нам свободу. Наше право — ею распорядиться.

— Я в руднике не подох, — прохрипел мужик. — И здесь подыхать не хочу. Что цепи сбил — спасибо ему. Я их долго носил и новые надевать не тороплюсь. Мы, рудничные, так думаем: дрались мы не хуже прочих, и нас тут — треть от общего числа. Значит, треть добычи — наша. Мы ее забираем и уходим через Аглон.

Гили почувствовал, как Рандир ткнул его локтем в ребра, поймал взгляд Леода — и тихонько отполз от костра на заднице. Рудничные не обратили на него внимания — так, подошел мальчишка мясца погрызть... Убедившись, что никто на него не смотрит, Гили не торопясь пошел туда, где отдыхали стрелки.

Все они спали, раскинувшись на траве. Бодрствовал только Фин-Риан. Чтобы не заснуть, он балансировал на «живом» камне и тянул себе под нос песню.

Руско он узнал издали.

— Что нужно лорду?

— Приказано разбудить стрелков, но только тихо.

— Будет сделано.

— Рудничные хотят отбить треть добычи и уйти через Аглон. Нельзя отдавать им обоз.

— Ясно, — Анардил соскочил с валуна и ткнул носком сапога двух храпящих товарищей. — Хэл, Падда! А ну, вставайте, только без шума.

Гили пошагал дальше. Эльфы расположились лагерем почти у самой воды.

— Юный оруженосец лорда? — удивился тот, что стоял на страже. Остальные — как и не спали — показались кто откуда. Их было мало, но Гили уже знал, что сила эльфов — не в том, что они берут числом.

— Это, — Гили не смог им соврать, что говорит от имени Берена и по его приказу. — Только что там, у костра, старшина рудничных сказал, что они хотят захватить обоз, взять треть добычи и уйти через Аглон. Вот...

Эльф-стражник кивнул и, повернувшись к остальным, что-то быстро сказал на нолдорине. Эльфы снова попропадали куда-то. Но Гили знал — они укрылись не для того, чтобы отоспаться.

К деревенским он решил не ходить: они народ шумный. Он не сомневался, что в нужный момент они примут сторону Берена против рудничных: в их домах было пусто и голодно, и отдавать треть добычи тем, кто унесет ее за Аглон, они не станут. Гили поспешил к Берену.

Тот спал все так же крепко — пинком не поднять.

— Ярн, — позвал оруженосец, снова тормоша его за плечо. — Проснись, бунт проворонишь.

— Пошел вон, — промычал Берен, переворачиваясь на другой бок.

Ги́ли — была не была — нагнулся над ним и дунул что есть силы прямо в ухо. Берен дернулся, сгреб паренька за шиворот и отвесил ему затрещину. Вернее, почти отвесил — задержал руку в последний миг.

— Что случилось?

— Рудничные трэли хотят уходить и забрать часть добычи, — сказал Ги́ли.

— Повешу, — Берен обулся, перепоясался мечом и перебросил диргол через плечо. — За то, что выспаться не дали — повешу.

Народ в котловине уже шумел. Стрелки Мар-Леода, заняв высоту и укрывшись за камнями, держали под прицелом окруживших орочий обоз рудничных, по другому склону выстроились эльфы — молча, без угроз и страшных гримас, но дела с ними иметь все равно не хотелось — а самый обоз защищали деревенские, из которых выделялась высокая горластая женщина, чья юбка была соткана в цвета Эйтилингов: коричневый, красный, белый. В руке у нее был цеп, а за поясом уже торчал орочий клинок.

— Хотите уходить — проваливайте! — кричала она. — А припасов не отдадим! Мы их тоже с бою брали, у нас дети с голоду пухнут, так что грабли-то свои сюда не протягивай!

На минуту свара стихла — спорщики увидели Берена.

Он повел себя довольно странно — вместо того чтобы сразу идти к очагу начинающейся драки, сел на коня и сначала поднялся на холм, с вершины которого долго смотрел на юго-восток. И лишь после этого неспешно спустился к котловине.

— Что случилось? — он не въехал в толпу, но остановился вплотную, и видел всех, и все видели его. — Из-за чего ссора?

— Справедливости, ярн! — крикнула женщина, потрясая цепом. — Справедливости! Что ты нам говорил, когда приехал в село? Говорил, что избавишь нас от орков и вернешь нам хоть часть того, что они у нас награбили. Вот, ты сдержал слово. Скажи: это все и взаправду принадлежит нам?

— Справедливости, ярн! — захрипел, вскакивая на камень рядом с ней, старшина рудничных. — Мы сражались не хуже прочих! Нам тоже принадлежит какая-то часть добычи!

— Эта добыча принадлежит ополчению народа Беора, — спокойно сказал Берен. — И каждый, кто будет идти с ополчением, получит в ней часть. Чего ты хочешь, человеке? Чтобы мы двигались по своей земле как орки, обирая всех подряд и обрекая детей на голодную смерть?

— Мы хотим уйти! — закричали несколько десятков голосов вразнобой. — Против настоящего войска нам не выстоять! У нас больше нет здесь домов, нет семей — чего ради мы должны подыхать?

— Неблагодарный скот! — рявкнул Мар-Рован, но Берен жестом заставил его умолкнуть.

— Кто хочет уйти? — спросил он. — Пусть те, кто желает остаться, расступятся и покажут мне тех, кто собирается уйти.

Люди расступились. Рудничных, собравшихся бунтовать, теперь сторонились как чумных.

— Фригга, — Берен, оказывается, помнил имя ватажка трэлей. — У тебя, ты сказал,

больше нет дома в Дортонионе. Но у тебя нет дома нигде в другом месте. Почему же Дортонион кажется тебе хуже других краев?

— Потому что Саурон, когда узнает про бунт, прикончит тут всех.

— Ты не знаешь этого наверняка.

— Знаю! Или я не бился при Кэллагане? Вспомни, ярн, если ты тоже там был: твой отец не сумел задержать их войско, а ведь у него были настоящие бойцы! Что же мы можем сделать, если среди нас воинов — раз два и обчелся? Я еще крепок с виду, но уже харкаю кровью. Я хочу пожить еще. Я имею право уйти.

— Хорошо, — кивнул Берен. — Уходи.

— Не лицемерь, ярн! Ты знаешь, что без съестного мы далеко не уйдем, ослабнем и помрем по дороге!

— Тогда оставайтесь, — так же спокойно ответил князь. — Но если ты еще раз назовешь меня лицемером, даю слово — я смеряю твое лицо вот этим аршином, — он положил руку на рукоять меча.

— Почему ты не даешь нам права жить?! — высоким, срывающимся голосом крикнул еще один бывший раб из рудников. — Почему мы можем выбирать только между голодной смертью в горах и гибелью под мечами черных?

— Вы можете выбирать, — возвысил голос Берен. — Это — единственная привилегия свободного человека. Ты что, собирался жить вечно? Даже эльфы знают, что их жребий измерен — почему же ты жалуешься? Всех нас ждет успокоение в конце, и только одно мы вольны выбрать — с честью мы ляжем в землю или без чести. Говорю вам: те, кто сегодня останется со мной, могут погибнуть — но могут и победить. Говорю вам — мы сметем войско Моргота! И ради этого я не пожалею своей головы. В последний раз спрашиваю: кто из вас остается со мной? Пусть они отойдут к остальным. А те, кто желает уйти, пусть не трогаются с места.

В толпе рудничных произошло брожение — с сотню человек отделилось от нее, присоединившись к деревенским. Гили напряженно ждал исхода: даже две с половиной сотни отчаянных рудничных трэлей могли наделать бед. Они знают, что уйти без припасов — верная смерть. Неужели будет кровопролитие?

Фригга, судя по всему, тоже хотел его избежать. Он знал: если что — рудничных положат всех, до единого. Но он знал и то, что Берен всячески будет стремиться избежать бойни: каждый человек был него на счету. Сейчас эти двое вели битву за человеческие души.

— Люди! — крикнул Фригга, повернувшись к толпе. — Скажите, почему вы верите ему? Десять лет назад мы поверили эльфам и Беорингам, и что получили? Цепи! Тогда они тоже говорили о победе, о том, что сметут войска Моргота — и что же? Кто кого смел-то? Глаза откройте, люди: те, кого мы сегодня покидали в реку — то были орки с Синих Гор, вахлачье! А те, что ждут вас впереди — настоящие вояки! На себя-то гляньте: что мы за воины? Сабельное мясо. Кто принесет нам победу? Где настоящие бойцы?

— Вон! — громко закричал Гили, показывая на другой берег Фреридуина. — Вон они идут!

И, словно в ответ ему, в ущелье затрубил хриплый горский рог.

Они приближались, не скрываясь, во всей своей красе, в пестрых дирголах поверх доспехов, и ветер трепал знамена: черно-белого Орла Креганов, красно-желтую Башню-со-Щитом Хардингов, копье и меч Гортонов, Черную Деву Мэрдиганов, Алого Быка Кардуинов, Рябиновую Гроздь Кейрнов... Завидев людей, горнист снова протрубил в рог — и Берен

погнал коня к воде. От приближающегося войска отделился один всадник, помчался к Фреридуину, и остановился лишь на самом берегу — видимо, тоже знал нрав Бешеного Брода. Этот человек был невысок, но плечист и даже грузен, хотя осанка выдавала в нем молодого, пусть и не юного, мужа. Он крикнул что-то, пропавшее за шумом реки — и Берен крикнул в ответ. Почти по плечи в воде, кони пошли навстречу друг другу — и на середине реки всадники обнялись.

Глава 16. Долина Хогг

В Белерианде неистовствовала весна.

Слишком много времени Лютиэн провела под замком, слишком редко выходила гулять в крохотный садик, в который ей позволено было выходить, и слишком мало внимания обращала там на свежую зелень, сбрызнувшую деревца. Сердце ее, обычно чуткое к перемене времен, было сожжено страданием. И лишь сейчас, вдыхая весну, оно стало возрождаться к жизни.

Хуан пришел ночью, принес ей теплую одежду и плащ; хлеба, что она ukrала на кухне, сыру и орехов должно было хватить на несколько дней. Она вышла тем же путем, каким пыталась совершить зимний побег — но на этот раз Хуан помогал ей, а не выслеживал ее. Стражи выпустили его без всяких подозрений: все привыкли, что по своим собачьим делам он ходит за город когда хочет.

Сейчас Лютиэн отдыхала, лежа на мягкой, нежной траве и щурясь на утреннее солнце. Хуан бегал где-то поблизости, описывая круг около фарлонга в поперечнике: сторожил. Устали он не знал, и даже с Лютиэн на спине мог бежать еще долго — однако она устала первой. И так-то она была неважной всадницей, а теперь, без седла и узды, изо всех сил сжимая ногами ребра огромного пса и вцепившись руками в его густой загривок, она уставала еще быстрее, чем на лошади. Он старался как мог, но даже плавная рысь требовала от нее немалого напряжения сил.

Перевернувшись набок, Лютиэн приложила ухо к земле. Нет, земля не гудела под копытами эльфийских коней. Она была полна своего собственного, весеннего шума — ровного тихого гула, подобного звону басовой струны. То, пробудившись к жизни, жадно пили воду деревья и травы.

Лютиэн отыскала ручей и поела хлеба, запивая его водой. Минутой позже подбежал Хуан, устроился ниже по течению и принялся лакать. Потом, увидев, что она наелась и просто сидит, подбежал и ткнул ее носом в колено.

— Да, ты прав: надо идти, — согласилась Лютиэн и поднялась.

Хуан прилег, подставляя спину, но она потрепала его между ушами:

— Нет-нет, мой хороший, я не буду утомлять тебя, пока не придет крайняя нужда, и мне понадобится вся твоя и сила и вся быстрота.

Хуан поднялся с видом молчаливого согласия. Лютиэн уже научилась разбираться в оттенках его настроения. Если бы он настаивал, он бы какое-то время еще полежал, и тронулся бы с места только тогда, когда она ушла вперед.

Они зашагали рядом: дева в мужской одежде, с мешком за плечами, и огромный, величественный пес. Вот так и попадаешь в людские легенды, подумала Лютиэн: идешь себе по своим делам, ни о чем, кроме них, не думаешь, через сотню лет глядь — а о тебе уже сложили сказку.

— Наш побег, наверное, уже заметили, — сказала она Хуану. Тот коротко рыкнул: ясное, мол, дело. Уши его были настрожены все время и поворачивались из стороны в сторону: не гремит ли охотничий рог? Не слышно ли всадников Нарготронда?

— Я только и делаю, что бегаю, Хуан, — улыбнулась принцесса. — Иногда мне кажется, что мои пути, словно насмешливая араукента, повторяют пути Берена. Он бежал из родной страны, ставшей чужой — и я бегу. Потом он попал в плен — и я попала. Вот только

в третий раз нам придется бежать двоим. Как ты думаешь, в какой срок мы доберемся до Дортониона? Десяти дней на это нам хватит? А сколько времени уйдет на то, чтобы пересечь горы? Ах, хотела бы я иметь крылья. За них сейчас я могла бы отдать свое бессмертие и сделаться как человеческая женщина. Вот только кто предложит мне такую цену? Моя болтовня не надоела тебе, о суровый охотник Амана? Я понимаю, что там, в Нарготронде, нам обоим некуда было деваться друг от друга, ты был тюремщиком, а я — узницей, и тебе волей-неволей приходилось меня слушать... Уж не для того ли ты устроил мне побег, чтобы хоть немного от меня отдохнуть? Ай!

Пес ткнул ее головой пониже спины так, что ей пришлось несколько шагов пробежать. Это означало, наверное, «Не говори глупостей!» Задышавшись и смеясь, она повалилась в траву. Хуан склонил голову набок и свесил язык.

Лютиэн поднялась, потрепала пса за ушами — и они продолжили путь.

— Интересно, что сейчас дома, — Лютиэн посмотрела на восток. Дориат не был отсюда виден, и одинокая громада Амон Руд казалась не больше яблочного зернышка, еле заметного в голубоватой мгле, что полагает предел даже самому острому взгляду.

— И что в Нарготронде...

Холмы Нарога были удручающе близко, и эта близость заставляла Лютиэн и Хуана петлять, держась возле перелесков, и не снимать плаща, а если попадается ручей — идти по воде столько, сколько можно.

Ближе к полудню случилось то, чего они оба ждали и боялись. Земля загудела под копытами — и Лютиэн с Хуаном затаились в лесочке. Она забралась на дерево и замерла, завернувшись в плащ, а он залег под кустом, в глубокой промоине.

Отряд феанорингов со сворой гончих псов пронесся по равнине как вихрь. Лютиэн засмеялась про себя: они то ли потеряли след, то ли так на него и не напали; этот бешеный наскок был рассчитан, видимо, на то, чтобы испугать ее и выманить из укрытия.

Она поняла, что ее могут найти разве что случайно: увидят Хуана, когда они будут пересекать равнину.

Придется делать это ночами, подумала она. Значит — терять время. Я потеряю много времени прежде чем выберусь из владений Нарготронда.

А что же в Дортонионе и как там Берен? Чутье подсказывало ей, что там тоже творится нечто важное, к чему она должна успеть вовремя. Вот только успеет ли?

* * *

Появление воинов с горы Химринг под водительством Гортонна и Хардинга переменяло все. Их было две тысячи, все — конные, полностью вооруженные, с заводными лошадьми и припасами, все свежие, готовые в бой хоть сейчас. На фоне их великолепия даже победа при Фреридуине как-то померкла, и, наверное, Берен правильно сделал, что не надел сейчас же привезенный Хардингом богатый доспех и красивый плащ. Все в той же оборванной после драки одежде с плеча кого-то из морготовых рохиров, черной с серебром по вороту, все в том же дирголе, он словно не желал отделять себя от тех людей, которые, как ни крути — а расчистили дорогу этому великолепному войску, достойному эльфийского князя.

А вот Фригга и его люди поняли, что прогадали. Самые умные из них уже успели смешаться с толпой, и вокруг зачинщика осталось не более трех десятков.

— Я предупреждал вас, — сказал Берен, когда все приветствия закончились. — Я говорил, что вы вольны выбирать. Вы выбрали. Идите же избранным путем. Я изгоняю вас из Дортониона. Если вы появитесь здесь — вы вне закона и любой может убить вас. Прежде заката вы должны пересечь Фреридуин, и если кто-то из вас появится на этом берегу — будет убит немедленно.

Фригга побледнел.

— Наша кровь — на твоих руках, — сказал он, кусая усы.

— Только на ваших собственных, — покачал головой Берен.

Один из сподвижников Фригги, парень чуть старше Гили, заплакал, но лица тех всадников, что, подталкивая их в спину копьями, довели до берега и помогли переправиться, дав подержаться за стремя — лица этих всадников не дрогнули. Так и ушли бунтовщики — мокрые, кое-как вооруженные, согбенные и жалкие.

И хотя до заката произошло еще очень много чего, Гили крепче всего запомнилось именно это: ссутуленные спины изгнанников.

— Ну, Руско, помнишь, как мы с эльфами говорили про добро и зло? — Берен положил руку ему на плечо. — Как ты полагаешь, добро я сейчас совершил или зло?

Гили опустил голову. Он не знал, что сказать.

— Если так было надо — то добро, наверное? — спросил он.

— Нет, Рыжий. В том-то и дело, что зло. У меня не было иного выхода, и я совершил зло. Меньшее, чем совершил бы, позволив им остаться или унести часть добычи, но все-таки зло. Запомни: пока человек, творя зло, понимает, что он творит — он человек еще не совсем пропащий. А вот когда начинаются разговоры, что добра и зла не существует или что каждый сам себе придумывает, что есть добро и зло — вот тогда все, тогда душа погибает.

Гили обернулся и посмотрел ему в глаза.

— А почему нельзя было оставить их? — спросил он.

— Потому что тогда каждый здесь начал бы думать, что можно начать бунт, а если дело сорвется — получить прощение. А когда каждый начинает так думать — конец войску. Вождь должен это знать.

— Так я-то не вождь.

Он выдержал взгляд Берена, и тот, отпустив плечо своего оруженосца, сказал:

— А ну, пошли.

Гили не стал спрашивать — куда. Воины Гортонна привезли с собой просторный шатер, и разбили его под скалой. Туда Берен и шел.

— Где коморник? — остановил он первого попавшегося отрока-оруженосца. — Зови сюда. Скажи: нужен кубок и вино. Ты помнишь, Руско, что я тебе обещал?

У палатки он отловил еще нескольких отроков, которые ничем не были заняты, и велел им раздобыть деревянную колоду и сложить из жердей и попон маленький шалаш с двумя выходами. Потом он нашел в шатре рог и, выйдя, трижды протрубил в него, собирая весь лагерь.

— Что ты надумал сделать? — спросил Роуэн Мар-Хардинг, который был в то время в шатре и вышел вместе с Береном.

— Сдержат слово.

— И кому же ты его дал?

— Ему, — ярн показал на Гили. Хардинг посмотрел на паренька так, что тот покраснел. Он совершенно не понимал, в чем дело.

Колода отыскалась на реке — из тех, что послужили строительству плотины и были отнесены сюда волной. Чтобы пронести ее к шатру, отрокам пришлось протолкаться сквозь толпу.

— Сойдет, — сказал Берен, осмотрев корягу.

Чуть попозже был готов и шалаш — длинный, низкий, такой, что войти можно было только согнувшись. Гили все еще ничего не понимал.

— Иди сюда, — скомандовал Берен, показывая на место рядом с собой. У Гили пересохло во рту — он сделал два шага и остановился.

— Люди! — громко сказал Берен. — Я позвал вас, чтобы потом никто не говорил, что он не видел и не знает. Руско, мой отрок и оруженосец, вам всем знаком. Он не бился сегодня с вами, но верьте мне — не будь его, не было бы ни этой битвы, ни этой победы. Он совершил подвиг, о котором не сложишь песню, но все равно это был подвиг. И этот подвиг не останется без награды. Я пообещал ему, что, если мы останемся живы после первого сражения — я назову его своим братом. Будьте же свидетелями!

Гили даже потерял дар речи. Он с трудом вспомнил, как и когда это обещание было дано, и, если честно, он ведь не принял его всерьез...

— Поставь правую ногу на колоду, — шепнул Хардинг.

Гили подчинился. Берен тоже поставил ногу на колоду и взял из руки коморника нож.

— Заверни рукав, — сказал он.

Гили закатил правый рукав. Коморник подставил чашу, на четверть полную вином.

Берен разрезал себе руку — коротким движением по направлению от кисти к плечу, опустив локоть вниз. Гили послушно подставил свою руку, вздрогнул от мгновенной боли. Берен поднял руку ладонью вверх, растопылив пальцы, и Гили понял, что нужно сделать: он соединил с его ладонью свою и они сжали пальцы в «замок», соприкоснувшись предплечьями. Кровь, смешиваясь, стекала в чашу.

Все происходило так быстро, что Гили не успевал понять, когда же оно начинается. Вот — вокруг уже поют без слов, отбивая ритм, схожий с ударами сердца, мечами о щиты — но кто первым затянул песню и кто ударил мечом о щит?

— Делай, как я, — шепнул Берен, отнял свою руку, расстегнул пояс и снял куртку с рубашкой. Гили последовал его примеру.

Раздевшись до пояса, они снова взяли за руки и Берен нырнул в шалаш, ведя за собой Руско. Полог за ними то ли закрылся сам собой, то ли его кто-то задернул — на миг Гили оказался в кромешной темноте, где даже вдохнуть было как следует нельзя — такой стоял лошадиный дух. Он сделал, согнувшись в три погибели, два шага, а потом Берен раскрыл полог второго входа и вытащил его на свет.

С той стороны уже ждал Гортон с чашей в руках. По лицу одноглазого вождя было видно, что происходящее ему не очень-то по душе.

Берен принял смешанное с кровью вино, сделал несколько глотков, потом протянул чашу Гили:

— Пей до дна.

Когда Гили сделал последний глоток и отнял чашу — умолкли и песня, и грохот щитов. Берен взял из рук Хардинга свой диргол, взявшись вдвоем за углы, они растянули плащ; кто-то подал скату, и Берен одним движением рассек полотнище диргола точно пополам. Одной

половиной он накрыл плечо Гили, другую набросил на себя.

— Ты теперь мой брат, — сказал он. — Ты — Беоринг. Обними меня, Руско.

* * *

Илльо совершенно напрасно послал орков к Бар-эн-Эмин — Берен там не объявлялся. Скулгур тоже не появился в рассчитанный день, и высланные вперед разведчики их не видели. Зато они принесли другие вести: Дортонион восстал. В деревнях бьют назначенных старост и начальников округов, горцы уходят неведомо куда, включая баб и детей, и несколько отрядов, не явившихся к месту сбора, вряд ли стоит ждать.

Люди разбегались и из тех отрядов, что по-прежнему были под командованием Илльо. Сколько он ни вешал, ни рубил голов — на одного попавшегося беглеца каждую ночь приходилось десятка полтора беглецов успешных. Время работало на Беоринга: он мог позволить себе просто сидеть, копить силы и ждать, пока Илльо снимется. Он знал, что Илльо не предаст Гортхауэра, и знал, что к девятому дню Горностая Гортхауэр будет ждать за Ангродовыми Гатями. Нужно было выдвигаться — Илльо ожидал только Болдога и его отряда.

Наконец, Болдог вернулся, — как Илльо почти ожидал, без Беоринга.

— Приветствую, — он вошел в палатку, за ним — двое из его отряда: орк и человек. Что-то они несли... Илльо едва не затошнило: в руках карателей был мальчик лет двенадцати, избитый в кровь. Левая нога волочилась по земле в таком положении, что сомнений не было — сломана.

— Прошу любить и жаловать: Фрори из Бер-Адун. Баловался на вершине вон той горы огнем. Вчера ночью.

Мальчика отпустили — он упал безвольно, как мешок с костями. Только слабый стон выдал, что он еще жив.

— Расскажи, Турог, — приказал Болдог.

— Значт, эт самое, — шмыгнул носом орк. — Вчерась ночью вас тут не было, а мы разглядели костры на вершинах-то: одна вон там, поближе горка, а другие две уже оттуда было видать. Ну, побегли, значит, туда... Ага, сперва никого не нашли, а потом волков по следу пустили — они нам этого крысеньша и доставили, — орк пнул паренька ботинком в бедро.

— И что? — спросил Айо, командир знамени Медведей.

— А вот что: он тут строил из себя героя, но под конец все нам выложил... Ночью прискакал какой-то охляп... Он не знает, кто, но в деревне все аж на голову встали. Отец велел мальчишке подниматься на гору да запалить поленницу, которую там загодя приготовили. Более он ничего не знает, знал бы — сказал...

— Вы, конечно... — Илльвэ сглотнул слюну. — Уже... побывали в этой деревне?

— А то! Деревня пуста, как выеденный орех. Две другие в округе — тож. Если б этот дурачок не задержался полюбоваться кострами, мы бы и его не зацапали. Дозвольте облаву с волками?

— Погодите, — сказал Илльо. — Есть еще кое-что...

— Отведите щенка на край лагеря да повесьте повыше, — приказал Болдог. — Теперь с ним уже нечего делать. Так что у тебя, господин айкьет'таэро?

Илльо открыл было рот, но посмотрел в желтые, с узкой щелочкой зрачка, глаза Болдога — и промолчал.

Мальчика, уже безучастного ко всему, вытащили из палатки, пропустив внутрь еще четверых корна-таэри, оторванных от дел и потому страшно злых, и Мэрдигана.

— А Тхурингвэтиль уже вернулась?

— Нет.

— Сука. Как раз когда она нам нужна. Лучше не придумашь...

Сам того не заметив, Болдог назвал фазрнэ той кличкой, что дал ей Берен.

— Значит, — жестко заключил Айо, — в тот самый момент, когда мы выдвигаемся для удара и наиболее уязвимы — у нас за спиной поднимается мятеж?

Все взгляды уперлись в Мэрдигана.

— Что ты знаешь об этом, горец? Говори, о чем ты стакнулся со своим князьком?

— Ни о чем! — Финвег Мэрдиган сделал шаг назад. — Он ничего мне не говорил, даже не подходил ко мне!

— Сомневаюсь я, — Болдог похлопывал кнутом по голенищу сапога. — Сильно я сомневаюсь, Мэрдиган! Тебе придется очень постараться, чтобы разубедить меня в этом!

— Болдог, остановись! — приказал Илльо. — Что ты собираешься сделать?

— Что сделать? Поговорить с нашим корнаном по душам, вот что.

— А ты подумал о его людях? Что они станут делать, если узнают, что мы взяли в застенок их командира?

— Всех туда. Чего проще, — посоветовал Тильх.

— Мудро! — кивнул головой Айо. — Только бунта в орудийном реганоне нам и не хватало. Как раз накануне выступления.

— Мои жена и дети у вас в заложниках, — помертвевшим голосом сказал горец. — Вам это кажется недостаточным подтверждением моей верности?

— Ну и что? — рыкнул Болдог. — У Повелителя в заложниках Финрод — помешало это Беорингу сбежать? Ей-право, я выдерну этому эльфу печенку... Ну, что уставился на меня, корнан? Ах, да, ты же не знал... Ты же думал, что его купили за Сильмарилл, что он с нами ради этой эльфийской потаскухи... Говорил я Повелителю, говорил, что его нельзя посылать в Дортонион целиком — только по частям! Нет, он меня не послушал... У нас, дескать, кнут тяжелый, а пряник сладкий... Арргх!

— Перестань бесноваться, — одернул его Илльо. — Ты обеспечишь надзор за орудийным знаменем и за корна-таэро Мэрдиганом на марше. Силами Волчьего Отряда.

— На марше?

— Да. Выдвижение мы не можем ни остановить, ни отложить, Гортхауэр ждет нас. Поэтому мятеж мы подавим по возвращении. Да, Айо, пошли, наконец, гонца в Аст-Алхор. Повелитель должен знать, что произошло. Выступаем завтра, на рассвете.

Илльо вышел из палатки, чувствуя, что-то недоделанное и недосказанное. Дойдя до обоза, вспомнил: Этиль и Даэйрет. Позавчера он послал за ними Эннора, сегодня они должны были быть уже здесь. А Гортхауэр ждет, у него на счету каждый день... И где Скулгур? Что Берен сделал с ним? Как ему это удалось?

На очень многие вопросы удалось бы получить ответ, если бы здесь наконец-то появилась Тхуринэитель. Илльо страстно желал, чтобы она прилетала поскорее. Он воззвал в

мыслях к Учителю: если она все еще у тебя — высылай ее! Сейчас он готов был примириться с ее жутким пороком, готов был скормить ей парочку беглецов-неудачников по возвращении — только пусть бы возвращалась!

— Ах, — пробормотал он, садясь в седло своего коня, — Если бы мне самому иметь крылья.

* * *

— Ешь. Поешь немного, — попросил Гили.

Старшая из женщин ничего не ответила, младшая процедила сквозь зубы:

— Уйди, предатель.

Он попробовал покормить ее из ложки, и она начала есть — но последние две ложки похлебки просто забрала в рот и выплюнула ему в лицо.

Гили разозлился и треснул ее ложкой по лбу — как, бывало, сам получал от матери, если за столом вел себя непотребно. Глаза у девицы мгновенно оказались на мокром месте.

— Ну и реви, раз такая дура, — проворчал он, умываясь у ручья и смывая похлебку с одежды.

Ему было обидно, что девица проявила такую неблагодарность после того, как он спас ее от насилия и наглой смерти. И ладно бы просто гордо отказалась, как старшая, а то ведь все съела, а после наплевала в лицо.

— Ишь, какая! — смеялись горцы. — Такую целовать не вздумай — язык с корнем откусит!

— А бы и что другое с ней делать поостерегся — а ну как у ней и там зубки?

— Хотела бы я, — пропыхла девица, пытаюсь высвободиться из веревок, привязывающих ее к дереву. — Хотела бы я иметь там зубы... Хотела бы я дышать огнем и всех вас сжечь, проклятые предатели!

Ее восклицание было встречено бурной лавиной хохота.

— Эй, Младшенький! Держи ухо востро! Подходи до ней токмо сзаду, как до нравной кобылы!

— Так ить лягаться будет...

— А стреножить!

Гили уже слышать не мог этих кобелиных шуточек. Начало им положили те самые оборванцы, которым он не дал надругаться над девушками — Гили теперь жалел, что убил только одного из них. Вышло это так: Берен послал его с поручением к отряду Хардинга, который отправил в Друн, а на обратном пути Руско и двое его охранителей — юный Хардинг и один стрелок — налетели на ватагу повстанцев, только что перехвативших каких-то всадников из Каргонда. Мужчину, черного рыцаря, убили в схватке, женщин пощадили — увы, не по милосердию, а для утоления своей похоти.

Ватажников было десятка полтора, и Гили с друзьями никак не мог рассчитывать на победу, если бы дошло до драки. Задним числом он испугался, поняв, что до драки было совсем чуть-чуть, и если бы он не убил заводилу, то предотвратить ее не удалось бы. Остальные кое-что соображали, разглядели и диргол на плече у Гили, и перстень на его шее,

на гайтане — Берен отдавал ему кольцо Фелагунда, когда посылал куда-то своим Голосом.

— Не можно убивать княжьего побратима, — робко сказал один из ватажников. — Князь за него голову оторвет.

— Да как он узнает?

— Узнает, фэррим. Он вещей, знает и ход птицы в небе, и путь рыбы в воде. А когда в глаза вот так смотрит — прямо в душу глядит.

— Точно, — поддержал другой. — И не было такого, чтобы он оставлял вину своим кровникам.

— Бабьи сказки! — прорычал ватажок, и без того глупый, так еще и пьяный. — Князь такими байками пугал оркоту, да мы поумнее будем. На мечях-то он хорош, но нету у человека такой власти, чтобы в сердцах читать. А это, — вожак махнул в сторону Гили — и вовсе не князь, а его охвостье. Ни капли княжьей крови в нем не...

Дзынь! Пружина гномьего самострела сократилась, выбрасывая стрелу — и болт попал точно в лицо ватажку: пробил скулу возле носа, нёбо и не в меру болтливый язык, вошёл концом в дыхательное горло.

Дело доделал юный Радруин дин-Хардинг. Своей скатой он отмахнул ватажку голову — и это решило вопрос. Ватажники без разговора уступили женщин и последовали за победителями в лагерь под Тунн-Азар, одной из вершин Эмин-на-Тон.

Надо было их прогнать, сокрушался про себя Гили. Не слушаться Гилмора, который сказал, что дюжина топоров, даже грязных — это дюжина топоров. Вот, теперь расхлебывай...

Его нынешнее положение — названный брат князя — было достаточной порукой тому, что девушки в безопасности. Однако же что скажет, вернувшись, Берен?

Взяв с собой сорок самых умелых бойцов, он поехал в Минас-Моркрест, выручать заложников из числа знатных семей. Без этого нечего было и думать, что Мэрдиган и еще десятка три командиров из числа горцев решатся перейти на правую сторону. Минас-Моркрест, эльфийский замок, был прекрасно укреплен и хорошо охранялся, но Берен полагал взять его в один день. Гили почему-то думал, что у него получится. Он ждал и слегка боялся.

Привыкнуть к своему новому положению он никак не мог. К тому же он знал, что Гортон этого не одобрил, и Хардинг отнесся с прохладой, и вообще все горцы с Химринга решили, что Берен в своей благодарности перешагнул меру. Ведь узы, которыми он связал себя с бездомным крестьянским парнишкой были узами не простого побратимства, они считались узами родства перед законом. Гили не мог бы только унаследовать княжеский престол и замок Каргонд после Берена — если бы тот умер, не оставив наследника, горцы избрали бы нового князя. Но вот избираться в князья наравне с другими Гили теперь смог бы, если бы захотел. Он унаследовал бы от Берена родовые земли беорингов, лежащие к северу от Каргонда. Он мог бы посвататься к девице из знатного рода, и должен был бы, как вождь клана, выводить по призыву князя людей на войну. Словом, он становился не просто беорингом, принявшим беор — а Беорингом из Беорова рода, и кое-кто считал, что это слишком большая честь для него.

И все-таки ему подчинялись, пусть и без охоты. Были и те, кто подчинялся с охотой — стрелки, набранные в морготово войско. Те, кто знал его с зимы, ждал его вестей и любил его песни. Это были большей частью молодые ребята из Эмин-на-Тон, с Беоровых земель. Братья Рианы, Анардил и Турвин, и их люди. Деревенские, стекавшиеся к Тунн-Азар. Эльфы,

освобожденные с других рудников и лесных вырубок. Ни один голос не возвысился против, когда Гили привел женщин в лагерь.

Но пошли шепотки и пересмешки за спиной.

Руско видел обеих женщин в Каргонде, и на пиру, и во второй свой приход. Первая, русоволосая и зеленоглазая, казалась еще тогда печальной и строгой. Темные кудри второй вились мелко, и Гили все время хотелось их потрогать — вправду ли они такие пушистые, какими выглядят? А глаза у нее были серые, как у горянки.

Она оказалась на редкость бойкой — сразу же попыталась бежать. А этого нельзя было допустить, ведь если враг узнает о лагере под Тунн-Азар, то лучше Гили не жить. Он громко велел стрелять по каждому, кто попробует покинуть лагерь — а там уж разбираться, свой это был или нет. И на всякий случай приказал связать обеих девиц спина к спине, потому что очень ему не хотелось гибели черненькой. В конце концов, он не мог заниматься пленницами все время — у него была куча других дел...

Идя к стрелкам, он бросил последний взгляд на связанных девиц. Старшая, опустив голову, что-то бормотала про себя. Молилась, наверное...

— ...Ты ведешь себя глупо, — тихо сказала Этиль. — Мы узнали об этом лагере, и теперь хотя бы одна из нас должна добраться до Илльо и все рассказать. Перестань оскорблять этого юношу. Попробуй вызвать его на разговор. Уговори снять веревки.

— Почему не ты? — прошипела Даэйрет. — Я его ненавижу. Мы пустили его в замок, кормили, поили — и вот как он нас отблагодарил.

— Да. Он спас нам жизнь.

— Он такой же, как те. Видела бы ты, какими глазами он на меня смотрел.

— Вот и хорошо. Попробайся уговорить его уединиться с тобой.

— Ты что, с ума сошла?

— Нет. Я думаю о наших. Об Илльо.

Даэйрет вздохнула.

— Но ты же красивее, — попробовала она последний довод.

— Ко мне он равнодушен. Попробуй в следующий раз поговорить с ним, вместо того, чтобы плевать ему в лицо.

— Хорошо.

Случай предоставился незадолго до сумерек. Солнце еще не начало как следует садиться, но Тунн-Азар уже бросила в ущелье свою тень. Девушки порядком продрогли, но ни одна не подавала голоса, боясь привлечь к себе внимание.

Гили подошел к ним сам, с двумя парнями немного постарше его. У обоих в руках были плащи — не горские, носимые на одном плече, а шерстяные, теплые, черные, подбитые белым заячьим мехом. Зимние плащи рыцарей Аст-Ах, снятые с мертвецов...

— Мы пришли пригласить вас поесть, — сказал Руско. — Сейчас мы развяжем вам ноги и отвяжем друг от друга. Потом, у огня, опять свяжем ноги и развяжем руки, чтобы вы могли поесть сами. Извините нас.

Он начал развязывать ноги Даэйрет, а второй парень — ноги Этиль. Третий развязывал веревку, стянувшую девушек вместе. Потом, когда они с помощью горцев встали, он набросил каждой на плечи плащ.

Обеих пришлось поддерживать по дороге к трапезному котлу — девушки с трудом передвигали затекшие от ходьбы ноги. Молодой стрелок, посадив у огня, связал их более милосердно, чем прежде: затянув по веревочному кольцу на каждой ноге, поверх сапожка,

чтобы девушки могли переступать, хоть и не широко. Руки им развязали. Кровообращение восстанавливалось постепенно — Этиль молча разминала руки сама, а Даэйрет протянула к Гили затекшие передавленные запястья:

— Посмотри, что вы наделали!

— Прощения прошу, — смутился Руско.

— Помоги мне растереть их.

Гили закатил ее рукав и принялся осторожно мять покрытое пролежнями от веревок предплечье. Кто-то в кругу у котла фыркнул, Руско покраснел.

— Меня зовут Даэйрет, — сказала девушка. — Ты... прости меня за сегодняшнее.

Последние слова дались ей с видимой натугой, но Гили так и просиял.

— Ложку, госпожа, — один из горцев протянул Этиль свежую, только что из-под ножа, ясеневую ложку. Вторая такая же досталась Даэйрет. Девушки сдержанно поблагодарили.

За едой Этиль тихонько толкнула Даэйрет ногой и показала ей, что ступню из сапожка можно попытаться высунуть. У нее самой были слишком большие ноги, чтобы пройти через стянутое веревкой голенище, но у Даэйрет могло получиться.

Она попробовала и поняла, что получится, если будет чуть-чуть побольше времени.

— Ты еще не назвал своего имени, — сказала она рыжему. — Неудобно. Ты вроде как спас мою жизнь и честь...

— Гиляд, — проговорил паренек. — Вообще-то, ты его слышала, госпожа.

— Не могу же я запомнить имени каждого бродяги, — девушка пожала плечами. — А из какого ты рода?

— Из рода Беора, — засмеялся один из горцев. — Он теперь Младшенький. Высоко залетел наш Руско.

Даэйрет так и не поняла, насмешка это или одобрение. Гили, похоже, и сам не понял.

— Все называют меня Руско, — объяснил он. — Это из-за волос. Руско по-эльфийски — лис.

— А на нашем языке — Алайо.

— Тоже красиво.

— Можно я буду тебя так называть?

— Ого! — вставил, на миг оторвавшись от похлебки, другой горец. — Младшенький, да ты чародей. Научи меня привораживать девчат.

— Это несложно, сударь, — подала голос Этиль. — Нужно всего лишь выйти втроем против дюжины насильников.

— А, понял. Так и сделаю другой раз, — горец показал кривые зубы и снова полез ложкой в котел.

— Не надобно меня так называть, — сказал Гили. — Алайо на эльфийском языке значит «здравствуй».

— Смотри-ка, — улыбнулась Даэйрет. — Ну ладно. Послушай, Руско, что вы с нами сделаете?

— Не знаю, — честно признался Гили. — Как решит князь.

— Берен? А разве он не здесь? Я думала, что увижу его.

— Увидишь, госпожа.

— А где он сейчас?

— О том мне говорить нельзя, госпожа. Простите великодушно.

Этиль улыбнулась. Мальчик еще раньше показал, что прекрасно умеет не говорить

лишнего.

— Ладно, — Даэйрет помолчала. — Руско, что бы вы с нами ни сделали — можно нас больше так не связывать? Возьми с нас клятву или запрети где-нибудь. У меня так болели руки...

— Я подумаю, — пообещал Гили. — Клятвы с вас я не возьму, потому что знаю — вам придется ее нарушить. Вы ведь хотите предупредить своих. И запретить мне вас негде, но, может быть, Нарис сумеет вас связать как-то полегче.

— И на том спасибо, — вздохнула Даэйрет.

— Как-нибудь попозже, когда... когда отпадет нужда — вас вовсе развяжут, — продолжал Гили. — Но сейчас — я не могу.

— Благородные девицы уже поели? — спросил, подходя, старший горец.

— Можно нам еще посидеть у огня? — голос Этиль был почти жалобным. — Мы так замерзли...

— Я не о том, барышни. Я насчет ложки попросить.

— Не боишься? — глаза Этиль блеснули из-под ресниц. — Заразиться от черных слуг Моргота порчей...

— Не, — покачал головой горец. — Я пять лет на руднике для орков медную руду ломал. Кровью плююсь. Мне никакая порча не страшна.

— Тогда возьми, — Этиль протянула свою ложку.

Новые и новые люди подходили к костру, ели и уходили, пока не опустел котел — только двое парней, что были с Руско, сидели рядом с пленницами. Даэйрет поняла, что это их стража. Потом женщины унесли котел мыть, и снова принесли полным воды, и оживили угасающий огонь. Этиль и Даэйрет оставались возле костра, пока ушедший было Руско не вернулся.

— Идем, — сказал он.

Девушки встали и пошли за ним. Руско привел их к маленькой пещере, вход в которую был загорожен поваленным деревом.

— Вот, — сказал он. — Мы можем оставить вас здесь под стражей.

— Хотя бы по нашей надобности вы отпустите нас ненадолго? — тихо спросила Этиль.

Руско качнул головой.

— Только под охраной. Здесь есть женщины, я попрошу их...

В это мгновение поднялся шум. Даэйрет и Этиль, мгновенно забыв о своей надобности, вытянули головы, стараясь разглядеть в сутолоке хоть что-нибудь.

— Это Берен вернулся! — тихо и радостно воскликнул Гили — и, оставив девушек под стражей, помчался навстречу.

Этиль сжала зубы. Последние недели она считала Берена ничтожеством; мертвецом при жизни, нелепейшим образом превратившимся в настоящего мертвеца. Но теперь она знала правду и с ужасом ждала, кого же увидит сейчас. Она понимала, что это будет не тот Берен, которого представил им Гортхауэр в трапезной Аст-Алхор. Это будет не тот Берен, который мрачно спивался, глядя вечерами в пламя очага. Это будет Берен, которого она доселе знала лишь по рассказам и слухам; тот, кто четыре года в одиночку наводил ужас на весь Дортонион. Берен, злой, хитрый и беспощадный, как здешние поджарые медведи.

Он приближался. Этиль угадывала его перемещения по тому, как расступались перед ним люди и какой радостный гомон поднимался вокруг. Увидев его, она вся внутренне сжалась. И без того высокий, в доспехе он казался просто громадным. На покрытом копотью

лице потеки пота нарисовали жуткую маску, кровавый мазок на щеке довершал образ демона. Черные, грязные волосы липли ко лбу и к щекам, выбившись из-под заколки, и белки глаз были иссиня-серы и покрыты красноватой сетью прожилок — точно в этих глазах до сих пор стояло то ли пламя, то ли море крови. Кровью был покрыт спереди его нарамник, кровью был забрызган диргол.

— Эла! — улыбнулся он, отдавая Гили шлем и латные перчатки и делая шаг вперед. — Кого к нам занесло на огонек. Гости в дом — боги в дом.

Эта улыбка испугала Этиль. Так он, наверное, улыбался, убивая Эрвега — подумала она.

— Тано, — сами собой произнесли ее губы. — Мэй эстье тэи, ар тэи эстье мэи. Кори'м о анти-этэ (55)...

Берен кинулся вперед, но ее слово было быстрее. Она уронила голову на грудь, покачнувшись, словно вот-вот упадет, и ее подхватили под руки — но она устояла и так. Подняла голову, двигаясь странно, точно бы ее кто-то поднимал за волосы. Стражники отшатнулись в испуге, но она продолжала стоять, странно покачиваясь, как гадюка в брачном танце. Глаза ее были мертвецки пусты, но зрачки блуждали, ища кого-то, и Берен стоял ни жив ни мертв под этим взглядом. Медленно, медленно Этиль поднимала голову, и горцу казалось, что он каменеет там, где ее взгляд ползет по нему, и было он не в силах сдвинуться с места до тех пор, пока их глаза не встретились.

Зеницы глаз Этиль, прежде черные, как у всех людей, сейчас были полны белого огня. Если она и видела Берена — то не очами своего тела. Но взгляд этот верно нашел цель и поразил ее холодом и страхом — почти до боли.

— Берен... — бледные губы раздвинулись в дикой улыбке. — Берен, сын Барахира, вот я и увидел тебя воочию...

Голос ее сделался низким, почти в рык.

— Кто ты? — на миг сбросив оцепенение, крикнул горец. Тот, кто вошел в Этиль, рассмеялся.

— Ты хотел обмануть меня, — грудь девицы расширилась большим вдохом, и Берен понял, что сейчас она крикнет. Он верно угадал: на крике ее голос взлетел до пронзительного визга:

— НИКТО! И НИКОГДА! НЕ ПОХВАЛИТСЯ! ТЕМ! ЧТО ВЗЯЛ! НАДО МНОЙ! ВЕРХ!

Даэйрэт в ужасе повалилась наземь, зажав уши ладонями. Берен сумел овладеть собой на короткое время, а этого времени ему хватило на то, чтобы выдернуть меч и взмахнуть им. Даэйрэт снова завизжала, когда голова Этиль, скатившись с плеч, упала ей на спину, а оттуда — в траву. Тело девушки еще стояло мгновение-другое, словно раздумывая, куда ему упасть — и повалилось вперед, под ноги Берена. Движение крови в сосудах уже остановилось, и оттого она не ударила вверх горячей струей, а ровным потоком потекла горцу на сапоги.

Берен отшагнул в сторону и вдруг, двинувшись вперед, занес меч над Даэйрет.

— Ну а ты?! — рявкнул он.

Даэйрет тонко взвыла. Меч пошел вниз страшным серебристым крылом.

— Мама! — взвизгнула девочка, ожидая неостановимого удара.

А удара все не было...

Даэйрет решила открыть глаза и увидела, что Берен держит меч кончиком у самого ее горла. Все вылетело у девушки из головы — Учитель, узы т'айро-ири, Гортхауэр — остался только ужас: мама, мамочка, Я НЕ ХОЧУ!!!

— Ладно, — Берен убрал меч, вытер его полкой накидки и спрятал в ножны. — Живи, сопля зеленая. Живи ради нашей сегодняшней радости.

Радости и вправду было много: заложников освободили, а убитыми потеряли всего четверых. Горцы не видели ничего позорного в том, что взяли замок хитростью. Возле костров по сотому разу рассказывали, как закрытыми в душных бочках горцы ехали до замка, как одетые мытарями погонщики ругались с охраной, требуя впустить подводы с сеном, овсом и элем, как во дворе замка Берен первым вышиб днище своей бочки ногами и с криком «Райадариан!» бросился рубить охрану, как в последний миг кто-то из стражей успел поджечь сеновал под башней с заложниками, но Марах дин-Кейрн набросил на себя мокрую попону, прошел сквозь огонь в башню и сумел всех собрать в комнате на третьем поверхе, как Берен, не растерявшись, велел сгребать под окно этой комнаты с телег сено и мешки, под которыми прятались бойцы, а Марах бросал на это сено детей и женщин, и прыгнул последним — кольчуга его раскалилась так, что под ней тлела шерстяная стеганка. Заложники все были живы и невредимы, кроме одной толстой дамы, жены Маура Мар-Крегана, которая не смогла оттолкнуться как следует, промахнулась мимо сена, упала на одного из беорингов и сломала себе ногу, а ему ребра.

Отмечать победу было особенно нечем, кроме танцев, потому что из замка уходили быстро и кладовую опустошить не успели. Зато уж танцевали, кто хотел, до упаду.

Гили не танцевал. Он видел, как устал Берен и пошел за водой, чтобы тот мог вымыться и поесть. Лишь после того, как Берен смыл копоть и кровь, снял доспех и умял целый хлеб, Гили решился подступить к нему с вопросом:

— Лорд... мардо, почему ты не убил ее?

— Кого? — сначала не понял Берен. — А, эту писуху? Да пес ее знает...

Он подумал немного, потом сказал:

— Если бы она призвала не мать, а Моргота — убил бы.

Гили еще помолчал, потом снова спросил:

— А как ты думаешь, ярн... это кто был?

— Да как бы не сам... — Берен поморщился. — Проклятье. Зачем ты их притащил?

Гили рассказал, как нашел девушек. Берен слушал полулежа, закрыв глаза и откинувшись на седло.

— Что сделано, то сделано, — наконец сказал он. — Ты добрый малый, Руско, и что нас увидел Моргот — не твоя вина. Но теперь нам нельзя медлить и нельзя здесь оставаться. Утром двинемся к долине Хогг. Ильвэ не будет нас дожидаться.

Морщась, он поднялся и выбрался из палатки. Побрел, не обращая внимания на радостные возгласы, обращенные к нему, в сторону ближних кустов. И уже там, как нередко бывало по ходу дела, загляделся на небо.

Небо сегодня было пасмурным — верхушки Криссаэгрим, встречаясь с гонящим облака восточным ветром, ветер пропускали, а облака задерживали. Брюхатые дождем, они сбивались во все более толстые тучи, но еще не проливались — копились и копились, расплзаясь к востоку сплошным серым ковром, который еле-еле пробивало копиями лучей тяжелое закатное солнце.

И вот где-то там, между этих копий, к северу, мелькнула черная точка, движение которой заставило сердце Берена удариться тяжело и глухо. Он завязал штаны, но на открытое место не вышел, а продолжал смотреть из зарослей. Что-то в движениях летучей твари было такое, не располагающее к близкому знакомству. Тварь приблизилась, и Берен

понял: это не птица. Птица так крыльями не машет. Так машет крыльями нетопырь. Но таких больших нетопырей не бывает, если только не...

Он понесся обратно в лагерь и, вскочив на воз, начал выкрикивать Анардила Фин-Риана. Тот объявился — и при оружии. Берен показал ему тварь, летающую над лагерем рывками — влево-вправо. На нее уже многие смотрели.

— Сбить ее можешь?

Анардил покачал головой.

— Сейчас нет: самострел не дотянет. Ежели б она спустилась.

— Спустится, — Берен хлопнул его по плечу. — Будь готов.

— Чем ж ты ее приманишь, ярн? — усомнился стрелок.

— А ты видал, как кречетов на живца ловят?

— Ярн! — но Берен уже не слушал, уже бежал вверх по склону Тунн-Азар.

«Она должна заметить», — думал он. — «Я один и безоружен, она думала, что я мертв, Саурон должен был бы оторвать ей голову за это... Она захочет искупить свою вину, обязательно захочет убить меня...»

Переводя дыхание, он остановился на вершине. Тяжелые облака висели сейчас так низко, что казалось — он руками может отщипнуть от тучи прядь. Наверное, оттого Тхурингвэтиль и спустилась так низко.

Он напрягся, не увидев ее в небе, но тут в лагере крикнули в один голос: черная тварь вынырнула из низкой тучи и пошла на него, словно бы даже не летела, а просто росла, и Берен не успел вздохнуть во второй раз, как уже видел ее чудовищные когти и зубы словно костяные иглы. Раскрыв пасть, она испустила пронзительный короткий крик, Берен упал на спину и когти сомкнулись впустую, а кожистые крылья обдали человека холодом. Тварь развернулась и пошла на второй заход, и Берен встал, чтобы вернее раздражить ее, чтобы она не могла бросить своей добычи.

Гили внизу умирал от страха, глядя, как огромный нетопырь — как ему показалось — сшиб Берена с ног. Но князь поднялся, и люди внизу подняли ликующий крик.

— Чего радуетесь, остолопы, — пробормотал Фин-Риан, лихорадочно перезаряжая самострел. Это был северный самострел, тут нужно было крутить вороток, чтоб натянуть тетиву, и первый промах означал, что князю придется плясать на вершине, пока стрела не ляжет в желобок. На Фин-Риана орали, что он дурак и предатель, что он погубит князя, но тот не обращал внимания и только бормотал себе под нос:

— Манвэ, Фаррован-громовержец, помоги мне. Варда Светлая, Берайн, помоги мне Ндар-охотник, помоги мне. Аидар, сердце битв, помоги мне...

За это время еще несколько человек успели выстрелить, но в начале захода стрелы не попадали в быструю черную тварь, а в конце стрелки боялись попасть в князя.

Наконец он перезарядил и поднял к небу свое оружие. Продолжая бормотать, прицелился, как показалось Гили, в Берена. Он знал, что Анардил отлично стреляет, но все равно закусил себе пальцы от волнения.

— Ндар, не знающий промаха, направь мою стрелу. Фаррован, поражающий зло, донеси ее. Берайн, Светлая, очисти мой взор...

Банг! Анардил опустил самострел — и все, подняв головы, ахнули: с обрыва, вереща и ломая крылья, катилась черная тварь, и крик ее был женским.

Берен исчез — видимо, побежал вниз.

Тварь упала среди камней, к ней побежали и столпились вокруг, так что Берену

пришлось расталкивать их локтями. Он протолкался и увидел.

То и вправду была Тхурингвэтиль. Изломанная, но еще живая, она лежала среди камней, испятнанных ее кровью, и скалила зубы на толпу. Зубы ее остались зубами нетопыря но, когда она увидела Берена и заговорила, рот ее вновь сделался женским.

— Все-таки не достала тебя...

Берен бессознательно дотронулся до разорванного когтями левого плеча и она, заметив это движение, усмехнулась.

— Финрод умрет, — прошипела она, сделав движение к Берену.

— Принесите мне меч, — приказал он. Руско побежал за оружием.

— Ты поднимешь меч на женщину? — усмехнулась она.

— Ты не женщина.

— У тебя и с женщиной неплохо получилось, — Берен с удивлением обнаружил в этой толпе Даэйрет и двух ее стражей. Видимо, им так хотелось поглазеть на убитую тварюку, что они приволокли девчонку с собой.

Берен оттолкнул тех, кто стоял между ним и девчонкой, взял Даэйрет за шкурку и подтащил к Тхурингвэтиль, медленно принимавшей людской облик.

— Смотри, — прорычал он, чуть ли не носом тыкая юную оруженосицу аст-Ахэ в крыло нетопыря, медленно сжимающееся до человеческой ладони. — Смотри, кто служит твоему... Учителю!

— Ты все равно хуже любого чудовища! — провизжала она. Берен оттолкнул ее прочь.

Руско принес меч — тот самый, с рудников, кривоватый, как у орка. Берен терпеть его не мог, но Дагмор могли доставить только Бретильские Драконы, а до тех пор приходилось биться этим.

— Хотела бы ты перед смертью примириться с богами? — спросил Берен, обнажив лезвие.

— Хотела бы я, чтобы воды поглотили Валинор, — Тхурингвэтиль плюнула в Берена кровью. — Хотела бы я сожрать тебя заживо, медленно, по кусочку. Хотела бы я, чтобы вся болдогова орава имела твою эльфийскую потаскуху по три раза в день каждый. Вот чего я хотела бы.

— Тогда погибай без прощенья и возжигания, — Берен дал знак положить Тхурингвэтиль шеей на камень и отсек ей голову.

В тот миг, когда голова ее слетела с плеч, тело окончательно преобразилось в эльфийское, а кожистые крылья стали кожаным плащом тончайшей выделки. Толком не зная зачем, Берен выдернул из-под нее плащ и, сложив его, перекинул через руку — и вдруг тело вновь начало меняться — словно разом проходили для него все те годы, что оно должно было провести в земле: ссыхалась плоть, трескалась кожа, ввалились и высохли глаза, губы раздвинулись в вечном оскале. Не прошло и минуты — а перед глазами изумленно умолкших горцев лежал старый иссохший труп.

— Сожгите это, — велел Берен, поворачиваясь к телу спиной. — Завтра мы снимаемся и идем к долине Хогг. Ждать больше нечего.

Финрод сопротивлялся, когда за ним пришли — понял или почувствовал. Поэтому его избили, хотя Гортхауэр этого еще не приказывал. Порой, осознав свою обреченность, узники с визгом кидаются на палачей, а дикий страх удесятерит их силы. Но в этом случае сопротивление было обдуманное, рассудочное — видимо, эльф надеялся, что его приведут в непригодное для допроса состояние; или сопротивлялся из принципа — и, надо сказать, заметил Гортхауэр, здесь был свой резон: если бы каждого узника приходилось выволакивать из камеры с таким боем, в тюремщики никто бы не торопился.

Уже закованный в цепи, уже усаженный в жутковатого вида кресло, с руками, упрятыми в нечто, очень похожее на латные перчатки, Финрод был снова спокоен, холоден и тверд. Алмазная броня аванирэ защищала его сознание.

— Ты всегда был хорошим игроком, Атандил, — майя уселся в кресло напротив. — Жертвуем короля, проводим в короли рохира и захватываем башню. Именно этого ты хотел с самого начала?

Финрод промолчал.

— Ты знал, что этот человек предаст тебя? Или он преподнес тебе такую же неожиданность, как и мне, Инголдо? Нет, не думаю, чтобы у него хватило ума составить такой план. От начала и до конца это твоя работа. Узнаю руку, привыкшую создавать безупречные формы. Руку ваятеля.

Эльф, прикованный к креслу, вскинулся и дернулся в ремнях — охватившее его руки приспособление на подлокотниках пошло в ход. Орк-подручный повернул пока только один рычаг.

— Я и не думал, что можно обмануть осанвэ. Я хочу знать: как вам это удалось?

Молчание.

По кивку хозяина орк пустил в ход второй рычаг... Третий, четвертый, пятый...

Глухой скрип ремней в такт рывкам. Молчание.

— Кто-нибудь поддержит Берена или нет? Кто это будет? Нарготронд? Фингон?

Ни звука.

— Или же это в самом деле выходка сумасбродного князька? Но не мог же я так ошибиться. Ты ему был дороже почти всего. Разве что эльфийская красотка волновала его сильнее. Так что же?

Щелчки рычагов, лязг цепей — ни крика, ни стопа.

— Как вы сумели обойти осанвэ? Только это, Финрод — и я прикажу прекратить.

Молчание.

Прошло еще немного времени. Несколько коротких отрывистых стонов — вот и все, что он слышал. Гортхауэр был не новичком в таких делах и знал, что Финрода будет проще заставить кричать, чем говорить. Он подал знак палачу прекратить, встал, обошел кресло, встал за его спинкой, облокотившись, скрестив руки у эльфийского короля над головой.

— На что ты рассчитываешь, Инголдо? На свое мифическое Спасение? Или на простец отряд под командованием Берена? Он бросил тебя, нолдо. Он тебя предал. Использовал в своей игре как разменную фигуру — и нарушил наш договор, забыл о тебе ради своего овечьего княжества. Он не придет. А если придет — я все равно убью тебя раньше. Или... — он бросил камешек наугад, — вы с Фингоном считали, что эти пастухи свяжут боем армию «Хэлгор», пока я буду перебираться через Топи? Армия «Хэлгор» разбрасает их по кочкам. Говори, Инголдо. Говори, каким способом вы смогли обойти осанвэ.

Молчание.

— Ты не представляешь, как мне тяжело отдавать этот приказ, — он дал знак.

Финрод коротко засмеялся — и тут же умолк, выгнулся весь, до предела натянув ремни, сжав и закусив губы. Гортхауэр, не отрываясь, смотрел в искаженное лицо, потом дал знак — прекратить. Золотая голова поникла. Мелкие, как морось на стекле, капли пота на лбу, на висках и над верхней губой, собирались в более крупные и текли по лицу эльфа.

— Дела требуют моего присутствия. От тебя зависит — уйдем мы отсюда вместе или я уйду один. Чтобы ты не скучал — я могу прислать твоих спутников. Хоть всех вместе, хоть по одному. Развлечений хватит на всех.

Чистая, спокойная и холодная ненависть серых глаз. Как жаль, подумал Гортхауэр. Как глупо, что эти двое — не за меня, а против.

Он пожал плечами и покинул застенки.

Весть о бунте горцев ему принесли на пятый день Единорога. В первую минуту Гортхауэр был взбешен, но потом рассудил, что все не так страшно. Когда у них будет Хитлум, Дортонион сам собой упадет в протянутую ладонь. Хитлум — гораздо лучшее прикрытие для Аст-Алхор, чем Дортонион, потому что из Дортониона в Ущелье Сириона можно попасть только кружным путем — через Долину Хогг, Ступени Ривиля и Ангродовы Гати, а из Хитлума есть прямой путь — Серебряная Седловина. Илльо успеет привести армию — пусть и поредевшую после мятежа, но вполне достаточную. Гортхауэр верил в Илльо.

Он спустился в аулу и вызвал к себе Махтаура, распорядителя, и Альфанга, начальника над охраной замка.

— Мы выступаем. О дортонионском мятеже — молчать. К Илльо отправить гонца с приказом продолжить выдвижение любой ценой. Если здесь появится Тхуринэитель — взять ее под стражу до моего возвращения. Финрода пытаться до моего возвращения или до особого приказа, но так, чтобы его жизнь была вне опасности. Прочих эльфов пытаться, но только единожды, в глазах Финрода, а потом — в волчью яму. Если кто-то что-нибудь скажет — гонца ко мне. Гонцов от Илльо переправлять ко мне. Я выезжаю к переправе. Альфанг, распорядись о лошади.

* * *

— Долина Хогг... — Хардинг сплюнул. — Проклятое местечко.

— Один вход, один выход. Самое то, что надо. — Берен спешился, потянулся с хрустом. — Станем лагерем здесь и будем ждать остальных.

Неподалеку чернели развалины Ост-ин-Гретир, но никому и в голову не пришло предложить остановиться там.

Долина Хогг тянулась три лиги с юго-востока на северо-запад. Как обычно, южные склоны холмов обрывались круто, почти отвесно, а северные взбегали к вершине полого. Здесь крутые, почти отвесные, стены скал огораживали пространство долины в одну десятую лиги шириной, как две ладони. Речка Хогг прокладывала себе дорогу через дортонионские взгорья, вбирая ручейки и ручьи, сходящие с ледников Криссаэгрим, и эта дорога была

единственной дорогой на Ард-Гален. Посередине меж камней бежал Хогг — курица вброд перейдет; но горцы знали, как обманчив вид этой речки: со дня на день в Криссаэгрим могли пойти дожди, и тогда Хогг взбесится, разливаясь на пол-долины, ворочая камни и с корнем вырывая деревья.

— Армии «Хэлгор» придется поспешить, чтобы успеть пройти долиной до начала дождей. А нам придется ее задержать. Это единственный путь, — повторил Берен. — И этот путь закрываем мы.

— И они пройдут здесь по нашим телам, — мрачно сказал Гортон.

Никто не возразил ему. Даже с возвращением эльфов и горцев с Химринга, посланных в Друн, армия Берена насчитывала не больше трех тысяч человек. Противостояла же ей армия в восемнадцать тысяч копий, десять из которых будут надежны, как ни повернутся дела.

— И половина driщет кровью, — добавил Гортон. — И ходит без штанов, чтобы не терять зря времени.

— А с другой стороны, — возразил Берен, — половина все-таки не driщет.

Люди пили сырую воду, мутную после дождей, потому что эля и норпейха на всех не хватало. Берен надеялся лишь на одно: что у Ильвэ в лагере творится то же самое.

— Болдог может попытаться свернуть в долину Фойн, — заметил Леод. — Пройти берегом Кардуина...

Берен с усмешкой скосил на него глаза.

— Попытаться-то он может. Единый свидетель — я дорого бы отдал, чтобы он попытался пробиться именно там! Но он, к сожалению, не такой дурак...

— Кого ты высматриваешь? — спросил Хардинг. — Ильвэ?

— Не-а, — Берен продолжал щуриться. — Роуэн, глянь-ка на юг. Ты видишь то же, что и я или что иное?

Хардинг всмотрелся, и Гортон прищурил свой единственный глаз.

— Всадники, — сказал он. — Со знаменем... Чтоб мне больше света не видеть — дракон!

— Вперед, — скомандовал Берен, направляя лошадь с холма. Гортон, Хардинг и трое оруженосцев двинулись за ним.

Бретильские Драконы ехали ровной, размашистой рысью, в открытую и в полном вооружении. Выглядел отряд далеко не так блестяще, как дружина Гортон и Хардинга: простые кожаные доспехи, деревянные щиты и незамысловатые ножны из дощечек. Но ехали они тем строем, которому обучил их Берен: разбившись по тридцаткам, готовые в любой миг спешиться, построиться и принять бой. Чем-то их повадка напоминала повадку морготовых ополченцев; да, собственно, у них такой способ собирания войска и был украден Береном.

Увидев своего вождя, Драконы остановились. Вперед выехали двое: Брандир и... Берен отказывался верить своим глазам: Даэрон?

— Добрая встреча, — сказал он, скрещивая с Брандиром руки. — Долго же выковырялись.

— Дорога через Анах развалена, ярн, — виновато опустил голову Брандир. Потом покосился на Даэрона и добавил: — Две новости для тебя, и обе скверные.

— Ну, говори, — выдохнул Берен.

— Твоя мать умерла незадолго до Медвежьего дня...

Берен закусил костяшки пальцев и застыл так на несколько мгновений.

— От чего? — спросил он наконец, разжав зубы.

— От смерти, — вперед выехал Нимрос. — Не смотри так на Руско, князь. Он сказал ей Он свидетельствовал о тебе и сделал все, что мог. Она не поверила. Она сказала: нечистому нельзя продать половинку феа.

— Ну, а вторая скверная новость? — спросил Берен; перехватил взгляды юношей, скрестившиеся на Даэроне; лицо его исказилось и он крикнул:

— О, нет! Даэрон!

— Она жива, — сказал эльф. — Это главное. Позволь мне поехать в твой лагерь, там я тебе все объясню.

В лагере стоял такой запах, что было ясно: больные уже не тратят времени не только на то, чтобы спустить штаны, но и на то, чтобы отойти подальше. Видимо, поэтому Даэрону кусок не полез в горло. Берен же поел с удовольствием и хватил норпейха перед тем как выпить воды — он все время так делал, потому что твердо намеревался умереть от меча, а не от позорной хворобы. Из вежества предложил и Даэрону — хотя эльфу это было ни к чему, их не брала зараза. Даэрон понюхал фляжку и отказался.

Он рассказал об осеннем побеге Лютиэн, о долгих бесплодных поисках, которые вели разведчики Белега и о том, как в начале зимы к раздавленному горем Тинголу прибыли гонцы от Ородрета. Тингол потребовал вернуть дочь, Ородрет ответил, что Лютиэн остается в его владениях по доброй воле. Тингол просил Даэрона то уговаривать родича-нолдо добром, то грозить войной. Пока шла эта вялая перепалка, началась весна и прибыли гонцы от Келегорма. Феаноринг даже не просил руки Лютиэн — он просто ставил Тингола в известность. Тингол пришел в бешенство, да и сам Даэрон тоже.

— Так она в Нарготронде? — Берен с силой лязгнул эфесом меча о ножны.

— Не спеши, — сказал Даэрон и продолжил свою речь.

Выйдя на равнину, он наткнулся на пограничников Гвиндора, кого-то искавших. Они не собирались делать тайны из того, что ищут Лютиэн. Даэрон понял, что в Нарготронде ему делать нечего, и стал думать, куда могла бы пойти королева.

Зимой ходили слухи о том, что Берен в Дортонионе. Даэрон решил расспросить его соплеменников и отправился к Бретильским Драконам. Опоздай он на день — и уже не застал бы их.

Они получили от Маэдроса весть с ученой птицей, как это было меж ними условлено, и едва получили ее, как начали готовиться в поход. У них еще при Берене было заведено, что выступить весь отряд сможет не больше чем за сутки с начала сбора. Даэрон узнал о восстании в Дортонионе — и решил отправляться туда. Во-первых, в надежде найти Лютиэн, во-вторых, желая заручиться поддержкой Берена против Келегорма.

Он уже понял, что Лютиэн здесь нет. И понял, что поддержки от Берена не дождется с течение ближайшего времени, потому что у Берена за спиной висит армия черных.

Он закончил свой рассказ, и Берен, все эти время слушавший с зубовным скрипом, вскочил и начал браниться.

— Ну, пусть я только выйду из этой переделки живым, — рычал он сквозь зубы. — Он у меня дождется, этот Тьелкормо... Я ему оторву то, что там у него слишком быстро встает. Я ему переломаю обе ноги, чтобы не бегал так споро за чужими невестами...

— Чудная мысль, — словно бы сам себе сказал Даэрон. — И как она мне самому не пришла в голову...

Берен осекся и перестал метаться по пятачку между палаткой и коновязью, вернулся, сел на седло и уронил голову на руки.

— Даэрон, — тихо сказал он из-под ладоней. — Не там ты ищешь себе подмоги. Из нас, собравшихся здесь, мало кто останется в живых к завтрашнему вечеру. А я так и вовсе ни на что не надеюсь, потому что если боги даруют мне завтра победу и не возьмут за нее жизни, я пойду туда, где только чудом смогу уцелеть. Поэтому возвращайся, Даэрон. Найди ее прежде, чем найдет ее Келегорм, верни ее в свои леса... Пой ей песни, играй на своей флейте так, чтобы она забыла меня. Все было напрасно. Я тешил себя глупыми надеждами, потому что глупые надежды — утеха смертных.

— Я не понимаю, — сказал эльф. — Ты больше не любишь ее?

Берен опустил руки и поднял лицо.

— Я больше не люблю ее? Да как твой язык повернулся. Но... есть то, что больше любви, Даэрон. Это смерть.

— Не понимаю.

Берен поднялся, сделав знак следовать за собой. Даэрон пошел за ним.

Лагерь в скалах был совсем небольшим. Они прошли мимо ратоборцев с горы Химринг, разбивших палатки, мимо немногочисленных уже крестьян, устроивших укрытие под возами, мимо эльфов, расположившихся в пещере, и вчерашних стрелков Моргота, чьи одежды и шапки ради отличия от одежд врага были украшены сосновыми ветками. Поднялись на холм, на тысячу шагов отошли от лагеря — и там Даэрон увидел вкопанный в землю торчком камень, длинный светло-серый гранитный валун. Перед ним на коленях стоял юноша в серо-красно-зеленом дирголе, и Даэрон понял, что он творит молитву. Оба, эльф и человек, остановились, скрывшись за скалой, и юноша их не заметил. Закончив молитву, он достал нож, обнажил грудь, разрезал себе кожу напротив сердца и, вымазав ладонь кровью, оставил на сером камне красный отпечаток. Встал, прижал рану чистой тряпицей, зашнуровал ворот и ушел другой тропой.

— Подойдем ближе, — сказал Берен. Даэрон подошел к камню и увидел, что кровавых отпечатков на нем много, более сотни. Тот, что был выше всех, оставила не правая, а левая рука.

— Что это значит? — спросил эльф.

— Это жертвенный камень, вкопанный Беором Старым и Мар-Гретиром, первым хозяином этой долины, — тихо сказал Берен. — Завет между двумя людьми некогда скреплялся кровью жертвенного животного, потому что в свидетели призывали богов, которых вы, Старшие, именуете Силами. Но завет между людьми и богами должен быть крепче. Поэтому в старое, темное время его скрепляли человеческой жертвой.

Даэрона передернуло.

— Те времена прошли, — продолжал Берен так же тихо. — Еще до встречи с государем Финродом мы знали, что человеческие жертвы — мерзость перед богами. Ничью жизнь нельзя пожертвовать богам — кроме своей. Если что-то тебе важнее жизни, то ради этого можно пожертвовать ее богам. Верхний отпечаток — мой, Даэрон. Я больше не принадлежу себе. Я в руках богов, и что они пожелают сделать со мной, тому и быть. Это страшный обет. Такой же страшный, как клятва Феанора и его сыновей. Я не давал его ни перед битвой при Кэллагане, ни после смерти отца. Человек, давший такой обет, для всего мира умирает. Ты говоришь с мертвым, Даэрон.

— Для мертвого ты весьма красноречив, — Даэрон повернулся к нему спиной и зашагал с холма.

— Уходи сегодня, — Берен пошел следом. — Пока еще не поздно. К ночи они

подтянутся сюда и заткнут выход из долины.

— Я не уйду, — спокойно ответил Даэрон и свернул к пещерке, облюбованной эльфами.

* * *

— Навались! — скомандовал Фин-Рован. — Навались друженько!

Ребятки навалились друженько — шаткая пирамида из валунов с грохотом покатила вниз, увлекая за собой по дороге камни, камешки, гравий, снег и лед... Снизу слышались крики — поздно. Обвал отрезал передовой разъезд, обрушился на одну из воловьих упряжек. Тяжко, насадно заревело искалеченное животное, кричали испуганные кони. Трое из шестерки Фин-Рована быстро похватили еще несколько камней и сбросили вниз — больше на испуг, чем на поражение. Остальные сделали по выстрелу из самострелов — с тем же успехом. Наслаждаться содеянным было некогда.

— Смазываем пятки! — скомандовал здоровяк.

Бретильские стрелки, обернувшись веревкой, длинными скачками спустились по отвесной скале к тропе. Последним спустился Фин-Рован, дернул за веревку — хитрый узел мигом распустился и соскочил с вбитого в скалу клина.

Повскакав в седла, десятка рванула вверх во всю прыть, какую может выдать конь на горной тропе.

— ...Значит, еще ни разу не вступив в бой, мы уже потеряли свыше двух десятков убитыми и ранеными. Думаю, на этом нужно оставить попытки пройти берегом Кардуина.

— А зачем? — не понял Гаутрунг, командир второго знамени Волчьих Отрядов. — Мы ведь можем разделить. Отправить берегом Кардуина тех, кого можно пустить в обход... ударить с тыла, внезапно. Да пошлите в эти горы наш отряд — выкурим мерзавцев на раз!

Ильо не стал даже отвечать на такое предложение, Тильх фыркнул.

— Болваном ты родился, Гаут, болваном помрешь, если не поумнеешь, — Болдог цыкнул зубом. — Чтобы удерживать эти высоты, Беорингу достаточно отправить сюда две-три сотни человек. Даже не воинов, а сброда, которого сейчас полно в его армии — чтобы забрасывать нас камнями, не обязательно быть воином. Ему будет не в тягость перекрыть нам этот путь, а мы за каждого засранца в драном клетчатом плаще будем отдавать десятерых ребят — да как раз этого беоринги от нас и хотят, и чтоб я сдох, если стану поступать по их хотению! И о каком неожиданном ударе с тыла ты говоришь, когда у каждой из этих долбанных скал есть глаза и уши, и служат они Берену. Нет, мы пройдем прямо по долине Хогг, навяжем им тот бой, которого они не выдержат: лоб в лоб. Вряд ли у медвежатника есть хоть две тысячи человек, которых можно назвать пехотой... А нас здесь — семнадцать тысяч, и мы, хоть и без конного довеска — армия «Хэлгор».

— Болдог, — заметил дхол-таэро (56) рыцарей Аст-Ахэ, — а ведь орков Лотланна эта «не-пехота» спустила в воду Фреридуина.

— Потому что Беоринг умный, а Скулгур — дурак. Потому что Беоринг выбрал место не высоте, а Скулгур попер на колья. Потому что за ночь он навалил плотину. Но теперь неожиданные подарочки у Беоринга кончились. Он весь как на ладони: тысячи три отребья,

две тысячи этих конников, еще две-три сотни ублюдков, бежавших от нас... Эх, говорил я Гортхауэру, что отправлять Беоринга в Дортонион — это все равно что кидать дрожжи в выгребную яму! Мы пройдем по ним... Пройдем. Стопчем их в грязь.

Илльо вовсе не был так уверен в успехе. Во-первых, любая попытка проложить себе выход из долины — это потери, а каждый потерянный здесь воин — это уцелевший в Хитлуме враг. Во-вторых, разгром волчьих всадников показал, что Берен не растерял своей военной хитрости. У него должны быть какие-то потайные ножи. Илльо разослал разведчиков во все стороны. К самому лагерю Беоринга они подобраться не смогли, потому что на дозоре стояли эльфы, но днем видели, как в ту сторону проехали тысячи полторы всадников. Илльо не мог заступить им дороги, но к вечеру стянул свои силы ко входу в долину, и теперь никто не мог прийти на помощь Беорингу.

Речка Хогг текла через лагерь, и Илльо подумал: жаль, что ее нельзя перегородить плотиной и смыть армию Берена. речка была — в самом глубоком месте по колено.

Поднявшись на один из холмов, Илльо видел построенные беорингами засеки. Штурмовать их, имея метательные орудия, было сущей глупостью. Но ведь и Берен знал об орудиях. Он не мог ничего не предусмотреть на этот счет. Человек, так ловко подделавший собственную смерть, не мог...

Какой-то шум прервал его размышления. Шум... Схватки? Да, схватки! Илльо бросился к выходу и, отдернув полог, столкнулся грудью в грудь с одним из т'айро-ири

— Брат! — крикнул тот. — Орки поймали человека из лагеря беорингов. Они... там... Там бойня, брат...

— За мной, — Илльо потянул меч из ножен. — Айо, Тильх, Тальбир!!! Где вы???

Драка шла возле орудий. В темноте было непонятно, кто кого рубит, и рыцари Аст-Ахэ шли вперед, сбивая щитами и протыкая копьями каждого, кто пытался сопротивляться. Самые благоразумные побросали оружие. Остальных перебили.

Мятежников — а ими были орки и орудийщики — согнали в ложбину и уложили на землю лицами вниз, орков отдельно, людей отдельно. Илльо вызывал и допрашивал по отдельности, начав с Мэрдигана и Болдога.

Выяснилось, что орки изловили у орудийщиков лазутчика от беорингов. По крайней мере, под пыткой человек признался в том, что был лазутчиком беорингов. Илльо не сомневался в этом: в руках Болдога кто угодно признался бы в чем угодно — кроме рыцаря Аст-Ахэ, разумеется. Мэрдиган же орал, что этот человек просто отстал от обоза, и у беорингов сроду не был. Правды выяснить уже было невозможно: орки распяли человека на бревне, и начали полосами снимать кожу с его груди и рук, оставляя ее болтаться — это называлось у них «алый ворон»; кто-то из стрелков, не выдержав, убил несчастного, орки завопили «Сообщники!» и ринулись рубить стрелков и орудийщиков.

Илльо чувствовал, что здесь не то. Мэрдиган боялся. То есть, он боялся все время, в последние дни — особенно, но сейчас его ужас был на той грани, за которой человек или превращается в трясущееся создание без разума и воли, или обретает безрассудную смелость загнанного вепря. Ни то, ни другое ему не было нужно, особенно сейчас. Он был на краю терпения. Он готов был удавить Болдога за его бессмысленное зверство.

— Какого пса, когда твои головорезы ловят лазутчика, я узнаю об этом последним! — гремел он. — Когда лазутчик уже мертв! Когда двести человек порублено!

— Он предатель! — рычал в ответ Болдог. — Посмотри ему в глаза, господин айкьет'таэро: он в сговоре!

— Как я могу быть в сговоре!?! — кричал Мэрдиган в ответ. — Когда все эти дни с меня не спускают глаз? Когда я не знаю и не могу добиться, что с моими родными?

— Заткнитесь оба! — Илльо пришлось рубануть мечом по доске, что была вместо столешницы — лишь тогда они умолкли.

— Сейчас, — тяжело сказал Илльо, — мы подсчитаем убитых среди орудийщиков и заменим всех, кого убили. А завтра ты, Финвег, выдвинешь орудия к их засеке. А ты, Болдог, будешь с ним рядом. На передней линии. Ты, твои головорезы и твои волки. При малейшем признаке колебания — вы знаете, что делать.

Мэрдиган дернулся и вышел из палатки. Болдог еще немного потоптался у входа, потом тоже ушел.

Илльо остался один, зачерпнул горсть муки из мешка и рассыпал по столу.

Итак. Долина Хогг, — он начертил пальцем по муке. Проход Фойн, по которому можно пройти конницей налегке и который нельзя упускать из виду. Значит, на этом холме выставим дозорных — в общем-то, уже стоят, — и приготовим знамя конников Аст-Ахэ на случай отражения нападения. Здесь — долина сужается, и здесь беоринги поставили свою первую засеку. Дрянная засека, ненадежная. Камнеметы разобьют ее, Беоринг не может не понимать этого. Но если в чем Илльо пришлось непрестанно сомневаться — так это в надежности своих камнеметчиков. Особенно сейчас.

Орудийщики были самой затюканной, самой бесправной частью войска. Оружия им не полагалось, кроме ножей и молотков, потребных для быстрой починки орудий. Топор был у одного человека на десяток. Боевые орудия были страшны, и десятка полурабов-орудийщиков могла уничтожить полсотни вражеских воинов, если делала свою работу слаженно и четко. Но сами по себе, без орудий, эти люди не могли ничего. Илльо постарался сделать так, чтобы в орудийную службу не попало ни единого человека с боевым опытом — кроме командиров начиная с антара. Эти люди по мысли Гортхауэра не должны были быть храбрыми — напротив, чем сильнее они будут бояться стражей из Волчьего Отряда, тем лучше. Верность же командиров обеспечивалась заложниками.

Однако мудрый план Гортхауэра не учитывал одного: что в первом настоящем бою камнеметы придется направить против их же соплеменников. С той же легкостью орудия можно направить и в другую сторону. Соблазн вовсе исключить из боя камнеметчиков велик. Очень велик.

Проклятье. Если человек, приходивший к орудийщикам сегодня — лазутчик Беоринга, то нужно признать, что хитрость Берена почти удалась. Он, Илльо, раздумывает, стоит ли выводить орудийщиков из боя. С тем же успехом он может думать, стоит ли рубить себе перед боем правую руку...

Нет, на Болдога можно положиться. Пока здесь Болдог со своими волками, пока родичи командиров под замком в Минас-Моркрист — можно твердо быть уверенным, что орудия будут повернуты туда, куда надо.

Расстановка сил... Чем-то это напоминало эльфийскую игру в «башни». На первый взгляд намерение Берена представляло чистым безумием: с тремя тысячами бойцов задержать семнадцатитысячное воинство. Но по размышлению в нем оказывалось куда больше здравого смысла: половина армии Илльо была ненадежна. Эти люди до сих пор не решились бежать только потому, что боялись орков, а к Берену не приставали единственно из-за неверия в его победу. Но едва лишь весы качнутся в его сторону...

Как и в «башнях», тут шла в расчет не только сила фигур, но и мастерство противника.

Это было даже важнее. Более опытный и умный игрок действует так, что навязывает менее опытному и умному его ходы. Его руками кует свою победу...

Большинство командиров армии «Хэлгор» считали Берена дураком. Исключением были Илльо, покойный Эрвег и Болдог. Болдог полагал Берена умным безумцем. Илльо смотрел на расчерченные по муке наброски долины, холмов и засеки и пытался представить себе, что сам делал бы на месте Берена, насколько умно-безумный план сумел бы построить. На что вообще рассчитывает Берен? Мятеж в Дортонионе обречен, по окончании хитлумской войны Гортхауэр направит сюда столько войска, сколько будет нужно, чтобы покончить с этой страной. Воинов перебьют, прочих в цепях погонят на север, землю отдадут или оркам, или переселенцам из северных и восточных земель. Если только Берена не поддержат эльфы... Но Фингону будет не до этого, а Маэдрос... Гортхауэр и Илльо в свое время сделали все, чтобы Маэдрос узнал о Сильмарилле. Остается Нарготронд. Темное, тайное королевство. Но Нарготронд отрекся от Берена и Финрода. Нет, поддержки Беорингу ждать неоткуда.

Если представить себе, что пойманный орками человек действительно лазутчик беорингов... то Берен может рассчитывать на раздор в лагере. Собственно, раздор в лагере он уже получил. Тогда, скорее всего, он рассчитывает на то, что орудийщиков завтра не пустят в бой. Однако же он не дурак, и что-то наверняка придумал на случай, если орудия все-таки отправят на поле. Значит... Значит, нужно заставить его поверить, что орудий не будет, и вызвать именно на такие действия... Ох-хо, не перехитрить бы себя самого... Ни на что мы его не вызовем, вот в чем дело. Мы болтали без умолку, а он сидел и слушал, сидел и слушал... Он знает, что Гортхауэр будет нас ждать еще три дня, с него достаточно просто сидеть там и не пускать нас. Он замрет, затаится. Он мастер выжидания и засады.

Итак, орудия — к бою. Разбить засеку. И затем в наступление — стрелков. А если Берен против стрелков пустит конницу? Нет, смысла нет. Никто не держит конницу за засекой, и вообще эта узкая глотка ущелья — неудобное место для конницы. Нет, конницу Берен проведет там, где мы не смогли пройти — долиной Фойн, благо он держит все господствующие над этой местностью вершины. Он проведет ее там, чтобы ударить нам в тыл, и вот тут эта конница должна встретить заграждение... Заграждение из возов с частями тяжелых метательных орудий — все равно сейчас мы тащим их с собой мертвым грузом. Здесь им нужно дать бой и здесь разбить их. Значит, конное знамя должно ударить им в бок. Проклятье, конницы у меня слишком мало... А теперь вдобавок ее придется отвести слишком далеко от места битвы — к западу от долины Фойн...

А если Берен предвидит и это? Зачем ему, собственно, бросать на заграждения своих лучших бойцов, если стрелки большинстве своем — опять же беоринги... Нет, он будет вести битву за души, а не за тела; сделает что-то такое, чем попыбует покорить свое войско...

Нужно сделать так, чтобы он напал. Чтобы не мог не напасть, чтобы его люди прокляли его, если он не нападет...

Выход пришел на ум сам собой. И был этот выход настолько мерзким, что Илльо перекосило всего. Но ничего другого не оставалось...

Он крикнул своего оруженосца — нового, взятого взамен убитого Эннора — и приказал ему позвать Болдога...

Происходящее было так любопытно Даэроу, что на краткое время он даже перестал бояться за Лютиэн. Прежде он никогда не занимался делами военными, ибо враг не мог пересечь пояс Мелиан, а если применить силу требовалось вне Дориата — это делал Маблунг. В былые же времена, когда тэлери странствовали под звездами к берегу последнего моря, в войне ничего от искусства не было. Оружием эльфов и их врагов, орков, были луки, копья и палицы, битву же выигрывал тот, кто лучше стрелял, метал копье, находился не в очень сильном меньшинстве и при этом знал местность и использовал ее особенности. Сейчас же война больше напоминала Даэроу нолдорскую игру в башни, а Берен походил на игрока, расставляющего свои фигуры на доске.

— Они выдвинут против нас орудия, — напротив линии, что изображала засеку, он поставил в грязи несколько точек кончиком прута. — Двадцать четыре шуки. Шестнадцать из них назначены для того, чтобы стрелять в сомкнутый строй. Восемь — метать камни через препятствие.

— И эту засеку они сметут, как кабан паутину, — проворчал Гортон. — Ярн, какой дурак строит такую хлипкую засеку, да еще там, где ты ее поставил?

— Да, — согласился Берен. — Только такой дурак, который согласится ее отдать. Что нам нужно? Чтобы они вошли в долину. Чтобы потеряли себя от ярости. Втянулись в погоню. Поэтому мы отдадим засеку и будем отступать.

— Докуда? — спросил Роуэн.

— Досюда.

— Ого. Ты им пол-долины отдаешь.

— Отдал бы и больше: здесь самое удобное место. Риона, пока у нас есть время придумать что-нибудь другое, ответь сейчас: тебе хватит смелости?

Риона ин Финвег Мар-Мэрдиган, статная женщина с проседью в черных косах, молча кивнула.

— Хорошо, — сказал Берен. — Смотри же: я на тебя полагаюсь.

— А если... — тихо проговорил Рандир. — Если он...

— Если так, — столь же низким голосом ответил Берен, — то не зря же конники ездили в Друн.

— Ох, не зря, — согласился Роуэн. — И в бурдюках везли, и в бочках, только что за щеки не набрали этой дряни. Место узкое, должно хватить...

— И вереск, — добавил Гортон. — Потому, фэррим, держаться надо другим берегом речки.

— Это верно, — согласился Берен. — Тогда Бретильские Драконы садятся на конь, а из вас, фэррим, — кивнул он Гортону и Хардингу, — каждый берет на седло по стрелку. И мы переползаем долиной Фойн. Если Ильвэ не дурак — а он не дурак, — он укрепит выход из долины. С деревом у него то же самое, что и у нас, посему он использует телеги. И тут важно помнить, что верховым наскоком мы дело не решим, а только сами все поляжем. Верховые нам понадобятся, если Ильвэ выведет из-за возов свою пехоту, а до того — щитники и стрелки.

— Хорошо, — кивнул Гортон. — Тогда берем другое: не станут орудийники стрелять в

своих баб и детей.

— Тогда у них там должна начаться крепкая драчка, — сказал Берен. — Ибо Ильвэ приставит к стрелкам орков, а успеем мы помочь им отбиться или нет — я не знаю. Брандир, — Берен показал прутиком на молодого командира стрелков. Бей по оркам. Вы, — прутик указал на дортонионских стрелков Фин-Риана, — вперед, защищайте баб и детей. Орки же, как пить дать, на них кинутся. Перебейте орков, заберите женщин и детишек — и назад. Все оттуда назад, едва услышите рог. Попробуйте взять орудия; не сможете — пес с ними, все равно как только рог — назад. Лорд Элвитель, не молчи. Мне же нужно знать, что ты обо всем этом думаешь.

Все взгляды обратились к Элвителю, с чьим мнением Берен считался больше, нежели со своим. Этот эльф с необыкновенно синими, синее неба, глазами говорил мало, но всегда оказывалось, что он прав. Годы плена сделали его лицо более угловатым и жестким, чем обычно бывают лица эльфов, и гораздо более непроницаемым — трудно было понять, что он думает и чувствует, если он не желал этого сказать. Глаза он обычно прятал под ресницами все по той же привычке узника, и поначалу всем показалось, что он был погружен в себя и не услышал слов Берена — но тут он вскинул голову и обвел всех взглядом, подарив каждому теплый синий блик.

— Я думаю, что Ильвэ захочет вызвать тебя на нападение. Сделает что-нибудь такое, чего вы не сможете спустить ему с рук. Тебе придется очень сильно удерживать своих людей.

— Благодарю...

Элвитель кивнул и снова опустил ресницы, как будто задумавшись. Его эльфы теперь представляли собой еще более грозную силу, чем раньше. После Минас-Моркреста у них появились лучшие доспехи и оружие — правда, далеко не каждый меч северян можно было брать в руки, но эльфов было немного, и им хватило. Заклятое оружие Берен по совету Элвителя побросал в огонь, храня от соблазна своих людей. На этом оружии, сказал нолдо, бывает порча, которая переходит и на хозяина. Доставшись врагу, такой меч навлекает на него злую удачу.

Потом все ушли, а Даэрон остался.

— Странно, — сказал бард Тингола. — Я прежде не знал, что это так похоже на игру.

— Угу, — отозвался Берен, чертя палочкой по грязи. — И мы выиграем.

— А после?

— А после я уйду, куда зовет меня долг... — он поднял голову. — Даэрон, а ведь я дурень.

— Неужели?

— Да. Идем!

Широченными шагами он бросился через весь лагерь. Если на пути попадалось препятствие вроде воза — не тратил времени на то, чтобы обогнуть его, а брал в два прыжка: вверх и вниз. Даэрон порядком отстал, и, когда подошел к палатке, (у полога Руско и какая-то коротко стриженная темноволосая девочка ели сухари), Берен попросил его задержаться снаружи.

Прошло какое-то время — Даэрон почувствовал рядом напряжение сил Арды, как от чар нолдор, а в щели полога мерцало серебристое сияние. Затем оно померкло, и вскоре Берен вышел из палатки, улыбаясь и вытирая лоб.

— Она жива, — сказал человек. — Не здесь, а где-то в Димбаре. В каком-то ельнике

устроилась на ночлег. Стриженная, как мальчик-оруженосец, и с нею серо-белый пес, огромный, сущий теленок. Я так и не смог понять, где это. Но она жива и на свободе, слава богам.

— Это пес Келегорма. Странно, — прошептал Даэрон. — Берен, она ищет тебя. Не кого-нибудь. Не меня. Тебя. Неужели ты ее оставишь?

— Синда, — хрипло сказал Берен. — Она на свободе. Она жива. А Финрод — в темнице, и если он жив, то это такая жизнь, что лучше смерть. Я боюсь... искать его. Боюсь — вдруг Саурон увидит меня... Я больше не принадлежу себе. Попробую взять Тол-и-Нгаурхот... Чтобы ей ничто не грозило... А ты найдешь ее... Найдешь и скажешь... что я...

— Что ты мертв? Никогда. Ищи себе другого горевестника.

* * *

Рассвет пробрался в Долину Хогг как нищий, который боится, что на него спустят собак. Лишь на миг солнце высунулось из-за виднокрая — и шмыгнуло за тучи. Долина постепенно наполнилась вязким, серым светом, который оставляет тени густыми и размытыми. И, едва развиднелось настолько, что лошади не рисковали сломать себе ноги, Илльо приказал выступать.

Впереди двигались рыцари Аст-Ахэ, строем, сомкнув щиты и держа наизготовку копыя. За ними катили орудия — шестнадцать копьеметов, четыре — для метания камней — и повозки со снарядами. Орудия установлены были на двуколках, и каждое волокла его собственная команда, и за каждым еще одна команда тащила двуколку со снарядами.

Вместе с орудийщиками шли орки и волки. Потому людям и приходилось самим тащить орудия, что лошади боялись волков.

А в середине этого передового войска катили на отдельном возке жуткое знамя: прибитое к столбу бревно с распятым на нем человеком, из которого орки сделали «алого ворона».

Головы нескольких казненных мятежников орки несли на пиках, еще несколько десятков сложили в возки, чтобы бросать из камнеметалок. Илльо всего коробило от того, что он разрешил это Болдогу, но иного способа выманить беорингов из-за укрытий и вызвать их на бесполезную атаку он не знал.

Самого Болдога он, подумав, все-таки оставил позади, с тем отрядом, что приглядывал за стрелками засадного знамени. Здесь был главный помощник Болдога, Гаутрунг, его правая рука и главный виновник вчерашней резни. Илльо решил, что если его здесь убьют — а это было вполне вероятно — то особого вреда войско не понесет.

Перед засекой беорингов войско остановилось. Из-за укрытия, наспех наваленного за один день, послышался крик, когда горцы разглядели, что за знамя орки катят на возке.

— Головы, — приказал Гаутрунг.

Орудийщики остановили свои телеги, подперли их кольями и зарядили головами бунтовщиков.

— Давай! — скомандовал бледный Мэрдиган.

Слаженным усилием обслуга налегла на рычаги. Страшные снаряды вылетели и по

крутой дуге полетели за линию засеки.

— Головы, — снова рявкнул Гаутрунг.

Опять в метательные сетки орудий легли человеческие головы, опять взлетели над долиной и упали среди обороняющихся.

— Хватит, — одернул Гаутрунга Илльо. — Теперь камни.

Нужно заставить их напасть... выбежать вперед из-за линии укрепления и кинуться на стоящих ровными рядами рыцарей Аст-Ахэ...

А эти ряды расступятся, и в нападающих ударят огромные стрелы-копья, предназначенные для тех, кто наступает или обороняется сомкнутыми рядами, без засеки...

Камни были тяжелее голов, и — Мэрдиган прицелился правильно — ударили в засеку, кроша в щепки возы. Из-за укрытия послышались новые звуки: крики боли. Камни, попавшие туда, проламывали головы, разбивали щиты, крушили тела...

Впрочем, раненых наверняка было немного — ведь за один залп орудия выбрасывали всего восемь камней, и большая часть их попадала все-таки в засеку.

— Они не нападают, — Айо высказал то, что думал и сам Илльо. Горцы слали из-за засеки проклятия, но не шли в бой.

Копьёметательные орудия были бесполезны.

— Разбивайте укрытие, — приказал Илльо.

Им некуда будет деваться, — подумал он, видя, как в сети загружаются более тяжелые камни.

И в самом деле — после первого же залпа в засеке образовались некоторые прорехи. Но и это не заставило горцев наступать.

— Они бегут! — в крайнем изумлении воскликнул Айо.

Илльо не хотел сначала верить своим глазам, но ничего другого не оставалось: беоринги действительно покинули укрытие.

Илльо поднялся на засеку первым, и увидел, что на другом берегу речки Хогг горцы перестраивают свои боевые порядки. Теперь можно было использовать копьеметы, но следовало сначала разобрать завал и подтащить орудия сюда. Он отдал команду, пехота Аст-Ахэ перевалила через укрытие, и тут...

Илльо снова глазам своим не поверил, но поверил своему чутью, заставившему его броситься наземь...

Потому что горцы, бежавшие во все лопатки, развернулись и выпустили правильный пятистрельный залп. Первый ряд, бежавший последним, спустив тетиву, падал на одно колено, затем стрелял второй поверх их голов, и тоже падал, и так до пятого — а потом все снова вскочили, развернулись и побежали.

Среди рыцарей Аст-Ахэ и орков, растаскивавших завал, появились убитые и раненые. Ответить на это коварство было пока нечем — стрелки держались сзади, а копьеметы еще не подтащили.

Рыцари Аст-Ахэ снова построились. Легко раненые заняли свое место в ряду, тяжело раненые отползли в стороны, смертельно раненые предали свои души Учителю.

— Вперед! — скомандовал Айо. Оруженосец протрубил сигнал к наступлению, и рыцари Аст-Ахэ двинулись вперед, прикрывая щитами лучников, а за их спинами орки орали на орудийщиков и дортонионцев, растаскивавших завал, лупя их плетью и мечами плашмя.

На берегу речки бегущие горцы остановились, перезаряжая свое оружие. Илльо смотрел во все глаза: у них были самострелы, но не привычные ему, с воротом, а со стремением,

приколоченным к ложу. В одну руку стрелок брал крюк — и, упершись ногой в стремя, натягивал лучок самострела. Быстрее и намного проще, чем с воротом.

— Готовься! — проорал Айо. Рыцари Аст-Ахэ постарались спрятать головы за щитами.

Щитов на таком расстоянии стрелы горцев не пробили, но кое-какие попали в зазоры между щитами и ранили кое-кого из второго ряда.

Воинство Аст-Ахэ снова двинулось вперед.

— Ты понял? — спросил Илльо. — Эти горцы обучены стрелковому бою. И это не наши. Тогда кто?

— Не знаю.

— Их обучили загодя. У них все было условлено заранее, — оскалился Илльо. — У него и у Финрода.

— Того не может быть. Айан'Таэро читал в его душе. Это невозможно...

— Как видишь...

Больше горцы не стреляли, смешались с толпой своих. Илльо приказал остановиться на берегу реки — и начался достаточно бессмысленный обмен стрелами. Илльо не хотел потерь и держал своих людей на таком расстоянии, на котором стрелы беорингов не могут причинить весомого вреда. Но почему бездействует Берен? Он же знает об орудиях... Илльо думал, как сам бы поступил на его месте. Да, конечно... он...

— Приготовьтесь к конной атаке! — скомандовал он Айо — и побежал посмотреть, как там дела с орудиями.

Берен знает, как много времени нужно на то, чтобы перезарядить копьемер. И знает, что эти орудия будут выдвинуты вперед, ведь никто не станет стрелять сквозь свои ряды. А в конницу попасть труднее, чем в пехоту. Шестнадцать копьемеров свалят шестнадцать человек — а остальные довершат атаку...

Он прикинул место, где можно поставить копьемеры — чуть на возвышении, как раз напротив небольшого войска горцев, построившегося чрез речку. Айо, прекрасно знавший свое дело, перестраивал ребят для отражения конной атаки — встретить в копыа, опрокинуть, подставить под лучников...

— Вперед-вперед! — наконец-то. Гаутрунг гонит орудийщиков. Все так торопятся, что даже орки помогают волочь телеги. Мэрдиган тоже толкает телегу, весь в поту.

— Стреляй по пехоте! — Илльо тряхнул его за плечо, чтобы тот вернее понял. — Конница — не твое дело. Стреляй по пехоте!

Конница могла атаковать орудия только из одного места: проскакав по руслу реки. Берен все-таки ошибся: он построил своих людей так, что орудийщики могли расстрелять их, не ослабляя рядов пехоты Аст-Ахэ: поверх голов, с горки.

Илльо оглядел поле. Итак, под холмиком, где расположились орудия, стояло готовое к отражению конной атаки знамя Совы. За ним находились орудия, там же толпились и орки, а войско Берена находилось через реку, наискось от них, открытое стрельбе. Берен где-то там, на том берегу, уже должен был понять свою ошибку. Пришел ли он в отчаяние? Или вот сейчас будет предпринята последняя, бешеная попытка пойти на прорыв силами пехоты? Илльо ждал именно ее, и на этот случай было готово знамя Горностая.

И еще три тысячи человек стояло за его спиной, готовых к битве, но ненадежных. Илльо знал, как все зависит от успеха первых мгновений боя...

— Прикажи стрелять, — скомандовал он оруженосцу — и тот поднес к губам рог.

Из-за холма показалась конница беорингов. Но с ней было что-то странно... Что-то не

то...

Илльо не успел задуматься. Протрубил рог, в ряды беорингов должен были ударить залп копий, но...

— Там женщины! — крикнул изумленный копьеносец.

Действительно, там были женщины. Шли вброд через Хогг, иные держа на руках детей... Рядом с каждой шагало два щитника.

Да, это похоже на Беоринга. Он уже один раз выиграл подлостью... Но вот что это за подлость? Расчет на то, что орудийщики не будут стрелять в женщин и детей своего народа? Нет свои жены в Минас-Моркрест им дороже...

— Стрелять! — прокричал Илльо оруженосцу. — Я приказываю стрелять!

Тот снова протрубил сигнал, Илльо услышал, как орки кричат на орудийщиков, как визжат бичи... Орудийщики падали под ударами, но не стреляли.

— Финвег! — прокричала женщина, шедшая впереди всех. — Ты и вправду будешь стрелять в меня? Будешь стрелять в свою жену? Ну так стреляй же! Или мне подойти поближе? Чтобы ты из своей ведьмовской штучки попал наверняка? Стреляй, вот моя грудь!

А конница беорингов меж тем приближалась, и знамя Совы заняло позицию: копьа вперед, подпереть ногой...

Женщина разорвала на себе рубаху, показав грудь. Она была уже так близко, что Илльо видел, как она бледна.

Какой-то ребенок поднял рев...

Илльо, похолодев, все понял в один миг. Это заложники. Родичи орудийщиков. Матери, сестры и жены с детьми. Какие-то демоны помогли Беорингу их освободить. Угрозой их жизням орудийщиков заставили служить. Они не будут стрелять... Илльо увидел, как кто-то из лучников целится в женщин, и, мгновенно представив себе, что сделают орудийщики, имея в руках шестнадцать копьеветов, когда увидят как убивают их жен и детей...

— Не стрелять! Не стрелять скоты! — заорал он.

Лучники все-таки выстрелили — но неуверенно; прицел был сбит. Женщин не убило, щитники успели закрыть их.

— Брать их живыми! — крикнул Илльо. — Живыми — и сюда!

— Вперед! — прокричал вдалеке голос, который Илльо узнал бы из тысячи. Голос Берена.

Конница беорингов приблизилась... развернулась...

И на Знамя Совы обрушились стрелы.

Это были те же самые люди, что обороняли засеку; что стреляли и бегали — и сейчас они выпустили по одной стреле и поскакали прочь, потому что перезарядить самострелы, сидя в седлах, не могли. Но по одной стреле от каждого из полутора тысяч всадников — это по две-три стрелы на каждого из Знамени Совы.

Некогда было этим заниматься. Айо справится, — подумал Илльо. А сейчас нужно перехватить женщин.

Передние ряды уже бежали по воде, когда беоринги поравнялись с заложницами и скрыли их. Еще несколько шагов — и знамя Горностая схлестнулось с войском Берена. Раза два Илльо казалось, что он видит своего врага — высокого, в длинной кольчуге и дирголе поверх нее, в шлеме гномьей работы...

Горцы пробивались к орудиям, а орудийщики бились с орками. Сейчас, увидев, что их родные в безопасности — во всяком случае, если Берен победит — они дрались как

бешеные. Обступив орудия, они не подпускали к ним орков, отбиваясь ножами, топорами и рычагами для зарядки. Что-то свистнуло в воздухе, в Знамени Горностая несколько человек упали, пронзенные страшным копьем — Мэрдиган перенацелил орудие на свои же ряды. Ударили еще два копья — а потом Мэрдиган и еще двое стрелявших упали. Илльо не видел, что с ними — но видел, что горцы проложил-таки свой коридор к орудийщикам.

Рубка была страшной. Горцев оттеснили назад — а впрочем, захватив было холм с орудиями, они отступили сами. Илльо не знал, сколько орудийщиков убито, а скольких унесли и увели живыми. Горцы постарались оттащить с собой даже трупы. Копьеметы были испорчены безнадежно, камнеметалки — нет, потому что строение их было донельзя простым. Уничтожить камнеметалку можно было только порубив ее на дрова.

Конные стрелки продолжали терзать Знамя Совы своими наскоками, но, когда отступила пехота, отстали и они. Айю пробрался к Илльо.

— Что дальше? — прохрипел он.

— Дальше? — Илльо выругался. — Дальше они будут терзать нас вот таким способом. Наскакивать и отступать.

— Раздавить их одним ударом, — Тальир косился на свои отряды.

— Ты что, еще не понял? Они отступят, — Илльо прищурился. — Отступят в долину Фойн...

— И пусть! Нам ведь всего-то и нужно — пройти.

— Оставив их у нас за спиной? Ну, нет... Сколько человек они потеряли?

— Пять сотен... Я думаю...

— А мы?

— Не меньше тысячи. Проклятые предатели...

— Берен тянет время в расчете на одно: вызвать бунт в наших собственных рядах, — Илльо слегка встряхнул Тальира, чтобы тот лучше понял. — Один раз ему это удалось.

— Но ты подумай, кто с нами остался, — Айю показал на стрелков. — Трусы.

— Вот именно. Но они верят в удачу своего князя. И пока что эта вера подтверждается. Они не пойдут в атаку, пока мы ее не подорвем.

— А как?

— Нужно убить Беоринга.

— Хорошо сказано. Осталось только уговорить его прийти и дать себя убить.

Илльо улыбнулся.

— Я уговорю.

* * *

— Спину порвал, — прошипел сквозь зубы Берен, сваливая свою ношу наземь. — Как есть порвал. О-оухх! Мэрдиган, разъялся ты на саурановой службе! Рожа — хоть котят бей.

Мэрдиган, жестоко искушенный, еле нашел в себе силы слабо улыбнуться.

Из орудийщиков спасли шесть человек. Шесть. И неизвестно, будут ли жить четверо из них. А впрочем, если битва будет проиграна, жить не будет никто. Зато испортили все копьеметы. Берен вспомнил, какого труда стоило удержать парней, чтобы они не бросились

из-за засеки на эти жуткие орудия. Головы... Распятый на столбе «алый ворон». Ильвэ, Ильвэ, прекрасный и гордый рыцарь, любимчик доброго Учителя...

— Ну все, Мэрдиган, мы квиты. Ты меня вынес под Кэллаганом, я тебя — здесь. Прощай. Будет удача — свидимся.

Он вернулся туда, где ждали своего князя Рандир и Лэймар, Анардил и Бойн.

— Ну, что теперь? — спросил Фин-Риан.

— Теперь мы поджарим им пятки, — оскалился Берен. — Пока они не унюхали, что у них под ногами. Руско! — Гили появился, как лист перед травой. — Скачи к Драконам, вели готовиться и ждать моего сигнала.

Гили кивнул и исчез. На левом берегу реки изготовились к бою, на правом началось какое-то шевеление и протрубил рог.

Рыцари Аст-Ахэ расступились, пропуская двоих всадников. Подъехав к реке, оруженосец снова затрубил.

— Полуэльф, — одними губами проговорил Лэймар.

— Берен, сын Барахира! — всадник поднял коня на дыбы, заставив его протанцевать по реке. — Я, Илльо из рода Белых Лис, зову тебя на поединок! Если ты мужчина, а не трус, выходи на бой!

— Не ходи, ярн. — Рандир схватил его за руку. — Не ходи, убьют они тебя.

— Как же я не пойду, когда по обе стороны реки мои люди, Рандир. В другой раз захочешь сказать что-нибудь в этом духе — откуси свой язык. Нимрос!

— Я здесь, князь.

— Труби ответ. Коня мне, и сам — в седло.

Берену подвели Митринор. Бретильские Драконы привели ее с собой, и Берен обрадовался ей тогда как старому другу.

Он вскочил в седло, принял копьё из рук Нимроса и взял щит. Нимрос поднес к губам рог и протрубил трижды в знак того, что вызов принят. Люди расступились, пропуская Берена. Перед тем, как тронуться с места, он повернулся к Рандиру.

— Подавай сигнал, когда поединок кончится. Не раньше. Чем бы ни кончился.

Он миновал свои отряды и поехал шагом к реке. Нимрос держался чуть сзади.

Илльо запомнился ему с того их поединка отличным бойцом. Тогда Берен выдохся быстро, дали себя знать и голодовка, и побои. Сейчас... Сейчас его, пожалуй, хватит надолго. Вот только спина... Порвать-то не порвал, но потянул изрядно. Кабан этот Мэрдиган. Нет, спина — глупость. Он выстоит. Он должен. Боги не могут того допустить, чтобы Илльо его убил сейчас.

— Как ты думаешь, Нимрос, кто победит? — спросил он.

— Тот, кто прав, мардо.

— Вот и я так думаю.

А все же сердце его колотилось, когда он въезжал в речку.

Илльо ждал на самой середине, на маленьком островке, намытом водами Хогт. Позади него держался оруженосец — этого сероглазого парнишку Берен помнил еще по Каргонду. Он направил Митринор к островку и сошелся с Илльо лицом к лицу. Оба войска умолкли.

— Ну что, — тихо сказал рыцарь Аст-Ахэ. — Будешь ты драться честно или у тебя и на этот случай припасены какие-то хитрости?

— Вас здесь впятеро больше, чем нас, — голос Берена звучал так же тихо и глухо. — А там, на Острове, твой повелитель терзает моего. Так о чем ты, о честности? Да, я буду

драться честно.

— Ты сам предал своего повелителя, Берен.

— Ты так ничего и не понял? Я не предавал его, я исполнил его волю. Я был мечом в его руке, и остаюсь им. Давай, Ильвэ. Решим все это между нами, здесь, на островке.

Илльо пожал плечами, отъехал в сторону и послал коня в разгон. Берен сделал то же самое.

Удар! Равные по весу и силе, мастерству и скорости, оба сумели отразить щитом удар копья противника, так, что копья сломались — и в следующий миг кони уже неслись в разные стороны.

Берен остановил и развернул Митринор, потянул из ножен Дагмор — Илльо обнажил меч одновременно с ним, словно каждый был зеркалом другого.

* * *

— Хорош, — проговорил Брандир. — Очень хорош...

Достойных мечников среди Бретильских Драконов было — раз, два и обчелся. Брандир мог хотя бы оценить то мастерство, которое являл сейчас морготов рыцарь. Гили понимал только, что он теснит Берена.

Он вспомнил шутейный поединок Берена и Финрода. Тогда мечи мелькали — не уследить. Сейчас было то же самое. Ветер с запозданием доносил звоны, других звуков бойцы не издавали — ни боевые кличи, ни проклятья не размыкали им уст. Гили слышал — хотя и понимал, что не может слышать из такой дали — только тяжкое, отрывистое дыхание.

— Не послал бы какой-нибудь гад ему стрелу, — опасно проговорил Аван.

— Быстро движется, — успокоил его Брандир. — А на ярне ногродская кольчуга. Стрелу удержит.

— Болт из самострела его наземь сбить может. Или кобылу ранить... А! — последний вскрик относился к тому, как Митринор взбрыкнула, сбросив Берена в мелкую речушку.

— Черные стреляли! — Брандир ударил себя ладонью по бедру. — Вот скоты!

Митринор была ранена несильно, но стрела, царапнула ей зад, как шпора, и кобыла поскакала прочь, оставив Берена пешим.

Черный рыцарь послал своим какое-то проклятье, и спешился, восстанавливая свою и войска честь. Берен свистнул, подзывая Митринор, но теперь и он не мог сесть в седло. Они продолжали бой пешими.

Все затаили дыхание. На обоих противниках был хороший доспех. Оба сражались мечами дивнойковки и были мечниками большого мастерства. Чья возьмет при таких условиях — никто не знал. Иные говорили — случай. Иные — справедливость, которую блюдут боги.

Берен упал.

* * *

...Упасть должен был Ильвэ. Берен, когда они рубились верхом, нанес ему рану в бедро, и она кровоточила. Но вот толку! Ильвэ дрался так, точно ничего не чувствовал. Берен рассек ему ногу чуть повыше колена, эта рана должна была причинять невыносимую боль, и при каждом шаге Ильвэ оставлял кровавый след, но он словно бы и не заметил ее. Оба дышали хрипло, по лицам из-под шлемов бежал пот. Каждое соударение мечей отдавалось у Берена в спине резкой болью. Пр-роклятый Мэрдиган...

А меж тем плотный песок островка, где они дрались, будучи не раз взрыт копытами и каблуками, стал расползаться полужидкой грязью. Не раз и не два каждый из них поскользнулся, с трудом удержавшись на ногах. И в какой-то миг эта скверная неверная земля предала, провалившись под каблуком. Берен потерял равновесие и упал на спину.

Шел бой насмерть, и на сей раз Ильвэ не стал щадить противника, давая ему подняться. Берен лежа отразил обрушенный сверху удар и откатился с островка в ледяную воду, чтобы отыграть у Ильвэ хотя бы сажень и подняться на ноги.

Ильвэ дал ему подняться только на колено. Еще один обмен ударами — Берен сумел встать. У колен бойцов кипели бурунки, у Ильвэ бурунок подплывал красным.

Холодная вода словно бы влила в Берена силы. В глазах прояснилось, отчаяние ушло. Ну и что, что у него при каждом ударе словно шило в хребтине проворачивают, а Ильвэ не чувствует боли? Зато он не видит и не замечает, как теряет кровь. Берен, сопротивляясь течению, сделал два шага назад, чтобы оставить Ильвэ между собой и его людьми. Но долго в воде находиться нельзя — ноги потеряют чувствительность и он снова оступится. Сумеет ли в этот раз подняться — неизвестно...

— Ну же, — тихо сказал он. — Ильвэ, нападай. Нападай, потому что иначе Саурон не дождет тебя. А может, ты ему уже и не нужен? Может, он уже дал стрелача от Фингона? Бежит во все лопатки к своему Морготу, забыв о тебе.

Ильвэ без единого слова бросился вперед. Удар! Еще удар! Все, время. Берен сцепил зубы, готовясь сплести узор шагов, блоков и ударов, известный как «Пылающий вереск». «Пылающий вереск...» — он невольно усмехнулся. Это стелющийся узор, двигаться нужно близко к земле... к воде... А Ильвэ будет отступать, пятясь задом, не видя дна под ногами... Подпрыгивать, пропуская меч под собой...

Косой удар снизу... Отражение... шаг вперед с выпадом... Ильвэ отбил, переход в низкую стойку, колющий удар в пах... Ильвэ отбил, отмашка, шаг с выпадом, рубящий удар по ногам...

Ильвэ подпрыгнул, но недостаточно высоко: помешали вода и рана. Берен задел его. Не ранил на сей раз — попал в поножи — но сбил с ног. Ильвэ упал спиной на островок.

Берен шагнул к нему и в широко раскрытых глазах увидел отражение близкой смерти...

Он все-таки ударил — лежа, как и Берен, в пах — но кончик меча соскользнул с пряжки пояса и лезвие прошло по боку, разрубив несколько колец кольчуги и разрезав кожаную куртку под ней.

Ильвэ попробовал встать, откатиться — тело изменило ему. Слишком много крови вытекло. Ильвэ улыбнулся белыми губами, прикрыл глаза...

— Тано... кори'м...

— Нет! — заорал Берен, опуская меч. — Умри как человек!

Он не знал, сумеет ли отсечь голову или пробить сердце раньше, чем Ильвэ закончит призывать Моргота, и пронзил мечом его рот, вогнав острие в небо и мозг и еще на три

вершка в землю. Казалось, это потребовало больше сил, чем вся схватка. Берен упал рядом с мертвым Полуэльфом на колени и прохрипел:

— Намо Судия, прими его душу!

Тут молчавшие доселе ратники с обеих сторон подняли крик. Берен выдернул свой меч и тупо посмотрел на стрелу, которая, отскочив от его доспеха, упала на тело Ильвэ. Он бы схлопотал вторую прямо в глаз, если бы не Нимрос, въехавший на коне между ним и стрелками. Конь Нимроса вскинулся, раненый, а Берен пришел в себя, вскочил на Митринор, и оба понеслись к горцам, сопровождаемые стрелами и проклятиями. Проклятия скоро перестали достигать их, а стрелы — и того раньше. Приближаясь к рядам своих, Берен увидел, как Рандир поднимает на пике красный плат — сигнал для Бретильских Драконов.

«Пылающий вереск»...

— Настала наша очередь устроить кое-кому Дагор Браголлах, — пробормотал он.

* * *

— Есть! — закричал Брандир. — Зажигай!

Гили побежал вдоль первого ряда стрелков с факелом. Намотанная на стрелы пакля, пропитанная каменным маслом, занималась, и, когда Гили закончил свой пробег, сотня огненных птиц сорвалась и полетела в сторону морготовцев.

Гили побежал в другую сторону, проводя факелом по кончикам стрел. Передний ряд, упав на колени, уже тушил о землю загоревшиеся капли каменного масла, которыми запачкались самострелы. Второй ряд выстрелил...

Гили перевел дыхание и увидел, что стрелы первого ряда уже сделали свое дело.

Там, где вчера ночью было разлито каменное масло, оно пропитало мягкую подложку, которая всегда появляется на вересковом поле, где год за годом вереск роняет листья на протяжении десятилетий. Это были широкие пятна, и они полыхнули кострами, когда огненные стрелы попали в землю. Пламя охватило вереск, сухие листья и соцветия передавали его от куста к кусту, а дорожки каменного масла уходили под ноги морготова войска, и за какие-то мгновения черные оказались в огне.

Гили поджег еще один ряд стрел, и перестал — это было уже не нужно. Теперь стреляли простыми болтами, и Гили, схватив свой самострел, заряжал и стрелял, потому что глядеть на то, что происходило в огне, было невыносимо. Люди и орки метались, сбивая друг друга с ног, кидались в реку, катались по земле, но это было еще не все...

— Они... Они идут! — крикнул кто-то.

Гили взглянул пристальней — и замер от ужаса. Горящие люди переходили через реку. Они не падали в воду, не пытались сбить с себя огонь — шагали напрямик, на береново войско, с обнаженными мечами, и пламя на них было — как парчовые ризы утренних облаков. Они переступали через тех, кто спасался в воде, если им мешали — прикальвали короткими, точными движениями клинков — и шли дальше.

— Демоны! — в страхе крикнул кто-то из бретильских драконов. — Раутрим! Демоны идут!!!

Гили услышал позади себя топот копыт и увидел, что несколько сотен Драконов

спасаются бегством.

— Стойте! — заорал Брандир. — Стойте, трусы!

Но сам он был бледен, как беленая холстина.

— В-вереск горит, — челюсти Руско прыгали, когда он обратился к командиру. — Нужно уходить... на т-т-тот б-берег...

— Да, — Брандир пошел к своему коню, который уже храпел и вздрагивал при виде близящегося пламени. — Ярну там туго.

Берену действительно приходилось туго. Он и не думал, конечно, что поджог уничтожит морготово войско или обратит его в бегство — это было сделано лишь для того, чтобы расстроить безукоризненные ряды пехотинцев Аст-Ахэ. Наступая косым клином, они проходили любой строй людской пехоты. Удержаться против них могли разве что эльфы.

Цели своей Берен, можно сказать, добился: рыцарям Аст-Ахэ и в самом деле не удалось удержать ровный строй, то и дело переступая через кого-то, катающегося в воде или отпихивая кого-то щитом. Но на этом все хорошее закончилось: увидев, как морготовы воины наступают, охваченные огнем, дортонионские бонды обратились в бегство. Берен, идя к броду, уже через полсотни шагов увидел, что рядом с ним идут только эльфы Элвителия, да Рандир где-то сзади ревет, раздавая зуботычины: «Куда?! Дерьмо! Трусы! Назад! В бой!», да время от времени кто-то из рыцарей Тьмы валится со стрелой Даэрона в глазу или в горле.

Они сошлись — и Берену пришлось солоно. Рыцари Аст-Ахэ рубились ненамного хуже эльфов, и было их больше. Берен совсем уже простился с жизнью, как вдруг, разбрызгивая воду, и сшибая наступающих, по руслу реки промчался конный отряд. Берен услышал голос Руско, который пел, сбиваясь и захлебываясь, песню о Фингольфине, и сердце его снова возрадовалось и ожило. Он подхватил песню, насколько стало дыхания, и продолжал рубиться. Через минуту понял, что стало полегче — справа и слева появились люди, он мог уже перестать, отойти назад, перевести дух. Так он и сделал и, поднявшись на холмик к Даэрону, огляделся.

Устыженные тем, что в бой кинулись мальчишки, самому старшему из которых не было и двадцати, бонды и стрелки вняли призывам Рандира и вернулись к битве. А вот Бретильским Драконам их порыв дался дорого. Рыцари Аст-Ахэ умели сражаться пешими против конного, а Берен мальчишек конному бою не обучал — да и когда было? Поэтому не меньше полусотни из них сейчас истекали кровью в реке. Под другими были убиты кони.

Морготовцы на том берегу тоже слегка пришли в себя. Пламя опало — не настолько, чтобы кто-то решился пересечь полосу горячей земли и прийти на помощь рыцарям Аст-Ахэ, но достаточно, чтобы с правого берега начали стрелять. Орочья банда в беспорядке двигалась вниз по реке, оглашая долину яростными воплями.

— Нимрос! — крикнул Берен, срывая голос.

— Я здесь! — оруженосец, вытирая пот с лица, протолкался к нему. Берен оглядывался, высматривая Гили, и увидел: Бретильские Драконы спешили и заряжали самострелы, ожидая подходящих орков, и Руско был там. Они заняли неудачное место, и было их всего-то вроде полутора сотен. Два залпа — а потом орки накатят и сомнут пацанов.

Не отдавая приказа, он выдернул рог у Нимроса из рук и протрубил сигнал для Роуэна и Гортонна. Потом сунул рог обратно.

— Подведи мне туда коня! — крикнул он, и побежал вниз — собирать всех, кто мог вступить в бой на стороне Бретильских Драконов.

...Бояться было некогда. Гили зарядил, выстрелил, упал на колени, чтобы не попасть

под свои же стрелы и, спрятавшись за спиной щитоносца, достал болт самострела и вложил его в желобок, зацепил тетиву пристегнутым к поясу крюком.

Это был последний болт. Руско оглянулся и увидел Хатли, присевшего за его спиной, а через их головы стрелял последний ряд.

— У тебя стрелы есть? — спросил Хатли. Гили качнул головой. — И у меня нет... Слушай... если что... скажи матери... где я...

Первый ряд поднялся, выпрямился, натягивая тетивы и зацепляя их рычагами, вскинул самострелы... Залп! Гили увидел, как несколько бегущих к ним орков упали. Мало, очень мало...

Теперь была его очередь. Он выпрямился, усилием разгибающейся ноги натянул тетиву и зацепил ее рычагом, поднял самострел, прицелился в одного из передних орков и спустил рычаг. Снова падая на колени, успел увидеть, как орк опрокинулся на бегу, точно невидимая веревка дернула его сзади за шею.

Хатли выпустил третью стрелу поверх его головы, потом выстрелил четвертый ряд, и это было уже все: набежали орки.

Щитоносцы первого ряда встретили их скатами и топорами, Гили достал из ножен свою скату и попытался достать кого-нибудь поверх головы щитника, а в следующее мгновение понял, что ему уже не нужно тянуться через голову: щитник упал. Он отбил одно лезвие, второе, третье, достал кончиком скаты во что-то мягкое и податливое, получил удар по рукам — но наручи выдержали. Хатли был уже не сзади, а сбоку, и ревел, как олень по весне. Гили достал еще кого-то, потом был орк, которого они ударили одновременно с Хатли, а потом Хатли куда-то пропал, а Гили сшибли с ног. Он упал на спину, ударился головой и, сквозь муть в глазах увидев над собой кривой меч, подумал: «Ну, все!» — а бояться по-прежнему было некогда — как вдруг сзади кто-то с криком: «Райадариан!» врубился в строй орков всем весом — своим, клинка, доспеха и щита.

В глазах Гили мелькнул сине-черно-белый диргол — а потом юноша ненадолго потерял сознание.

Очнулся он от того, что его макали головой в воду. Точнее, затылком он лежал в воде, а лоб ему кто-то поливал, зачерпывая ладонью.

Он открыл один глаз, увидел рядом полуобгоревший труп, и это соседство ему так не понравилось, что он зашевелился и сел.

— Идти можешь? — спросил Рандир.

— Где... ярн? — выдохнул Гили.

— Там! — Рандир показал на вход в долину. — Он собрал нас и повел к вам на помощь, но эти гады осмелели и так поперли, что нам бы всем конец, но тут, хвалить Валар, появились наконец ребята с Химринга. Проскакали по реке, опрокинули орков, врезались в ряды стрелков... Такое началось! Они, скоты, вспомнили, наконец, на каком плече диргол носят, и давай просить пощады: ярн, кричат, ярн, мы же свои! А он им: тогда рубите орков! Рубите орков! Тут уж я от них отстал — эта лава быстро вперед покатила, а здесь работы тоже хватало. Да и сейчас хватает: оркоты недорезанной полно, вон там рубятся... Я туда пошел, а ты возьми своего рыжика и поезжай за ярном. Там твое место. Если, конечно, ты можешь в седле удержаться.

Гили уже заметил своего Лаэроса, рассеянно пощипывающего сухой вереск. Встал, пошатываясь... Самострел? Самострел потерял... Руско взялся за седло, вставил ногу в стремя...

— Эй, Младшенький! Ничего не забыл?

Гили оглянулся. Рандир протягивал ему шлем и скату.

Он поблагодарил, сунул скату в ножны, надел шлем и поехал вперед.

Поле и русло реки были усеяны мертвыми телами так густо, что Хогг начал искать себе обходных путей. Воняло горелым мясом и этот запах мешался в воздухе со свежим запахом дождя. И едва Гили подумал про себя «дождь», как на щеку ему упала капелька. Впереди, у входа в долину, на месте старой засеки еще рубились — ветер доносил крики бойцов и звон железа — но по всем остальному было видно, что битва кончилась. Кое-где она еще тлела, как и огонь на черной проплешине, там, где раньше стояли орудия, но это был уже не пожар, а последние всполохи...

Руско проехал то место, где лежали убитые Бретильские Драконы. Их был так много, что он удивился — кто же еще остался в живых, кроме него? А сам он так устал... Казалось, что в теле нет ни единой мышцы, которая не болит...

Он подъехал к месту схватки и сквозь грохот железа услышал:

— Руско!

В голосе были боль и радость пополам, поэтому Гили остановился. Его звал юный Радруин Дин-Хардинг.

— Здорово, рыжий, — Радруин лежал на спине, одна нога его была кое-как перевязана поверх штанины, но и повязка, и штанина уже набрякли от крови; другая нога была придавлена конем. — Славно поиграли мы на этот раз, э? Вынь меня из-под коняги, фэрри...

Гили спешился, взял его подмышки, потащил, напрягая все силы и чувствуя, что сам Радруин помогает как может... Когда его нога высвободилась, оба упали, и Радруин лишился чувств. Гили собрался оставить его здесь и ехать, но тут он снова открыл глаза.

— Тебе еще чем-то помочь?

— Не... Если наши одолеют, меня заберут, если наши проиграют — я все равно далеко не уйду...

— А наши еще могут...?

— Да хрен знает... Эта предательская сволота вроде бы начала орков рубить — но я им не верю... Слушай, пить хочется...

Руско снял шлем с одного из убитых и принес Радруину воды.

— Все, ехай, — напившись, сказал юный горец. — Ты часом не ярна ищешь, Младшенький?

Гили кивнул.

— Так его нет там. Вон на тот холмик он поехал. Поле глазом окинуть.

— Я... — Руско и раненого не мог оставить просто так, и Берена бросить. — Слушай...

— Ехай, ехай... — Радруин отполз назад на локтях, положил голову на шею убитой лошади и закрыл глаза.

* * *

Все было кончено — Болдог это понял прежде, чем началась драка у возов. Он видел

Беоринга, слышал, как трусливое быдло умоляет его: «Ярн! Пощады, ярн, мы свои!» — и его крик: «Тогда рубите орков! Бейте передних!»

Конечно, они били, трусливая лживая сволочь. И все было решено — поэтому Болдог бросил обоз и тяжелые орудия, которые Илльо приказал ему защищать. Он должен найти Беоринга и свести с ним счеты.

Болдог потребовал коня и ему подвели коня, не спрашивая, зачем. Фарг, его слуга и копыеносец, отправился с ним на волке, Шазге.

Не было смысла сейчас рваться в битву и искать Беоринга там. В лучшем случае он только зря растратит силы, в худшем — будет убит, так и не подержавшись за глотку Берена.

Болдог молился сейчас о том, чтобы Берен уцелел в этой последней стычке. Он не знал, кому молится — в Учителя он больше не верил, в Валар и подавно, и уж совсем глупой сказкой полагал Единого, о котором толкли и эльфы, и рыцарята из Аст-Ахэ. Но надо же кому-то молиться иногда, когда от тебя ничто не зависит... И Болдог молился, если это можно было назвать молитвой.

Он ехал без наугад, не зная, куда двинется Беоринг и где его можно будет встретить. И вдруг увидел холм, господствующий над долиной — видел-то он его много раз, но увидел впервые. И, увидев, понял: здесь. Сюда Берен поднимется, чтобы в последний раз глянуть на остывающую битву. Он не закончит, пока не доделает все до конца. Медведь не бросает улья, пока не выжрет все соты, а горец не бросит драки, пока жив хоть один враг.

— Сюда, — сказал Болдог и направил коня вверх по склону.

Повелитель ошибся, и Болдог знал, где именно он ошибся. Повелитель умен, повелитель мудр — и поэтому он не понимает, что такое иметь дело с безумцем. Безумно влюбленным в эльфийскую девку. Безумно преданным эльфийскому королю. Повелитель думал, что за эту любовь и за эту преданность он сможет удерживать Беоринга, как за кольцо, протетое в ноздри вола. Это было умно; беда в том, что безумная любовь и безумная преданность — совсем не то, что обычная любовь и обычная преданность...

Болдог знал, что такое безумная любовь — он безумно любил Стиггу.

Другим своим ублюдкам от орочьих и человеческих женщин он даже счета не вел. Но Стигга был сыном Прародительницы (57). Болдог вспоминал, как соединился с ней в одном из самых глубоких, жарких подземелий Ангбанда. Она была прекрасна. Огромные желтые глаза, светящиеся в темноте и раскосые, как у кошки, широкий рот и полные губы, высокие скулы, мускулистое, бледное тело, полное животной силы и красоты, покрытое со спины нежным мехом, в который на затылке переходила пышная грива волос. Совершенное творение Владыки, она была матерью Болдога и должна была стать матерью его сына. Пока он шел к ней — он боялся, но едва увидел ее и ощутил ее резкий, пьянящий запах — забыл о страхе и о самом себе. Она не носила одежды, не понимала, что это такое. В ней вообще не было ни капли разума, она была животное, и все ее стремления были — животная похоть; и это было прекрасно. Она выпила Болдога досуха. Она была мучительно сладкой. Болдог не понимал — как он мог выйти на свет такими тесными воротами...

А через три года к нему привели Стиггу, и он воспитывал сына в своем доме, на севере Синих Гор... Это был хороший мальчишка, сообразительный и ловкий, и с детства умеющий подчинять себе других... И какая злосчастная судьба понесла его в тот день в Сарнадуин?

Тот орк, что уцелел после нашествия лесных демонов и не спятил, перед смертью рассказывал: Берен, пытаясь высвободиться из пут, сорвал с коновязи поперечину, к которой был привязан, и этой поперечиной ударил Стиггу в лицо. Проломил скулу и висок.

Болдог искал Беоринга так, как голодный пес не ищет жратвы. Но сука-удача изменила: Беоринг ушел один раз. Ушел и в другой раз, по глупости Тхурингвэтиль и по упущению рыцарят. Но теперь-то не уйдет, если есть на свете справедливость.

Болдог поднялся на холм, спешил и оглядел усеянную трупами долину. Вдали, где кончались Ступени Ривилия, темнели развалины Ост-ин-Гретира. Долина Хогг — хорошее место, подумал он. Самое место для того, чтобы свели счеты последний Беоринг и последний Болдуинг...

* * *

— Ярн! Ярн!!!

Берен оглянулся. К нему приближался Рандир на какой-то крепкой кобыленке, судя по ангбандскому седлу — сменившей хозяина.

— Руско не видел? — спросил Берен.

— Уехал тебя искать! — Рандир с досадой хлопнул себя по бедру.

Только что он и несколько бывших стрелков догнали и выбили небольшую ватагу спасающихся орков. Стрелки пошли обирать убитых северян, а Рандир решил поискать своего князя, но, чтобы не тыкаться дурно куда попало, собрался подняться на холм, что нависал над долиной Хогг, над левым берегом реки. И оказалось, что Берен тоже поднимается на этот холм на своей Митринор, только с другого боку, со стороны Долины Фойн.

— Что это там за всадник? — Рандир показал на вершину холма.

— Не видно против солнца, — Берен прислонил руку ко лбу, но и это не помогло: конь все равно виделся как черная дырка, вырезанная в закате.

Они ехали вместе, плечо о плечо, и Рандир натянул самострел, а Берен не стал вкладывать меч в ножны. Кто бы этот одинокий всадник ни был — вдвоем они должны справиться.

— Солнце-то садится уже, — сам не зная зачем, сказал Рандир. — И дождь начинается. Вовремя, а, ярн? Если бы с утра — не загорелся бы вереск...

— Угу, — выдохнул Берен. Он уже не смотрел на коня, он смотрел вниз.

А Рандир смотрел на закат, обжигающий снизу жирные тучи.

— Ежели солнце может так заглядывать под подол к облакам, — улыбнулся он, — Стало быть, облака где-то кончаются... Оно приятно так думать, потому что ежели смотреть в другое время — конца-краю им не видать, и кажется, что все время небо так и будет пасмурным...

— Добрая встреча, горцы, — Всадник развернулся и Берен узнал Болдога. Из-за камня с самострелом в руках выскочил еще один орк, верхом на волке. — Не ждали, э?

И пяти ударов не отсчитало сердце Берена с того мгновения как все началось — до того, как все закончилось. А билось оно в этот день очень быстро.

Фин-Рован и спутник Болдога спустили стрелы одновременно — и волк, пораженный в лоб, свалился; упал со стрелой в груди и Фин-Рован. Берен остался один против двоих, и у Болдога был в руках заряженный самострел, а у Берена — не было, и гномий ручник, взятый

утром у Гили, он достать из сапога тоже не успевал — пришлось бы бросить щит. Ударом пяток он послал вперед Митринор и рубанул слугу Болдога, почти не глядя, больше уделяя внимания тому, чтобы не словить стрелу...

Дзанг! — тяжелый болт вонзился в лоб Митринор. Вскинувшись, лошадь завалилась на бок — Берен еле успел соскользнуть с ее крупа, и уронил щит, удерживая равновесие.

— Вы победили, — Болдог отбросил самострел и спешил. Не потому что хотел драться с ним на равных, понял Берен, а потому что проткнуть его копьем на скаку или застрелить — это было бы слишком просто. Болдог хотел не просто смерти ему — но смерти постыдной. — Наплевать, Беоринг.

Тем лучше, подумал Берен. Тем больше у меня возможностей выкрутиться из этого...

— Наплевать, — повторил орк, обнажая меч. — На самом деле важно только это: я и ты.

Берен так не думал. Выяснить отношения с этим сукиным сыном ему хотелось в последнюю очередь. И он не думал, что это имеет какое-то значение. Значение имеет победа. Скорость. Финрод.

Болдог приближался, а Берен отступал. Он был не готов к поединку. Он устал как пес — а орк еще свеженький... Горец оглянулся вокруг — они были слишком далеко от общей свалки, некого позвать на помощь.

Дождь посыпался чаще.

— Куда ты бежишь, Беоринг? Позади — обрыв, отступать тебе некуда. Дерись — или встань на колени и подставь свою шею.

— Чума на тебя, — Берен сплюнул скрипевший на зубах песок. Он не бросался в атаку, ждал, когда нападет Болдог. И тот не заставил его ждать долго.

Движения орка были на удивление стремительны для такой туши. Дважды лязгнула сталь, противников отнесло друг от друга. Ухмыляясь, Болдог выписал своим кривым мечом «морского змея».

— Ты устал, Беоринг. Ножки подкашиваются, ручки трясутся. Это хорошо.

Он снова бросился — и на этот раз, отбив удар, Берен перешел в нападение. Узор, что он плел, назывался «шестнадцать шагов Тулкаса» и в конце ее следовал резкий, неумолимый, неотвратимый как смерть, выпад, который противник, измотанный пятнадцатью предыдущими выпадами, не успеет отразить...

Болдог успел.

Из-под ответного удара его сабли Берен вывернулся в последний миг, отскочил в сторону, вышел за пределы досягаемости клинка.

Орк дышал так же легко, как и пять минут назад. Он вынослив, с отчаянием подумал Берен. Он сильнее. Он когда-то набил мне морду как щенку. Он не рубился полдня в переднем строю. Варда Элберет, да есть ли у меня хоть какая-то возможность одолеть его? Ни малейшей. Но я должен — ради Финрода...

— Я сразу... Сразу понял, что ты за зверь, — орк прыгнул вперед и рубанул, и тут же, почти змеиным движением прянул назад, так что клинок Берена рассек только воздух. — Повелителю не следовало мудрить с тобой. Таких как ты, нельзя приспособить к делу. Можно только убить.

Лязг клинков отдавался у Берена в плечах, надсаженной спине и в затылке. Орк не поддавался на обманные выпады, с полувзгляда вычислял, куда в действительности направлен удар и отражал его коротким, мощным движением, навязывая противнику свою

ВОЛЮ.

— Я держал в руках меч, когда твой отец еще был семенем твоего деда. На такие штучки как «шестнадцать шагов» меня не поймаешь.

И Болдог начал наступать — так двигалась бы, наверное, гора, если бы решила прогуляться. Огромной саблей он орудовал легко, как повар — тесаком, при столкновении вороненого лезвия с эльфийским клинком искры летели россыпью, дождь уже хлестал, грязь чавкала под ногами, снизу тянуло гарью и паленым мясом, а сверху ветер гнал сырые тучи.

...Первый удар заставил Берена шагнуть назад, второй развернул и едва не свалил его, так что пришлось сделать пируэт, после которого он еле-еле отбил третий, четвертый вышиб его из ритма, пятый — бросил на колено, шестой — пробил защиту и пришелся по левому плечу.

Ногродская кольчуга выдержала; треснула ключица. Берен вскрикнул и, перехватив падающий меч правой рукой, уже не заботясь о защите, ударил Болдога в пах. В глазах стояло красно-черное, и что этот удар тоже отбит, он понял только по упругому отзвуку металла о металл. В следующий миг меч вылетел из его руки.

Беоринг откатился назад, выхватывая нож из-за пояса. Безнадежно. Левая рука болталась и дергалась как висельник в петле. Метнуть правой не удастся, и вряд ли Болдог окажется настолько глуп, чтобы подпустить его на расстояние ножевого удара.

Орк, усмехнувшись, шагнул вперед и поднял меч, замахиваясь от левого плеча. Берен выставил вперед левую ногу, готовясь поднырнуть под удар, сойтись вплотную и ткнуть Болдога ножом под нагрудник.

«Если он меня не располовинит сразу, может, что и получится...»

Меч обрушился — но совсем не так, как ожидал Берен. Орк ударил рукоятью, яблочком. Кинувшись вперед, горец налетел лицом прямо на кулак Болдога, усиленный весом меча и латницы. Голову пронзило огнем от скулы до затылка, защитная кольчужная сетка вмялась в щеку, нож отлетел далеко в одну сторону, Берен — далеко в другую.

Ворочаясь в грязи, которую они с орком уже хорошо вымеси́ли ногами, Берен пытался подняться хотя бы на четвереньки. Сквозь гул крови в висках, сквозь буханье сердца он слышал шаги Болдога. Сапоги смачно чавкали, и нужно было подниматься быстрее, пока это чавканье не зазвучало прямо над головой...

Шлем, вдруг ставший неподъемным, гнул к земле. Берен рванул ремень, потрянул головой — шлем остался в грязи. Это, конечно, был бездумный поступок, но Берену сейчас не нужно было думать, ему нужно было встать...

— Помочь? — Болдог вцепился ему в волосы и рванул кверху, поднимая на колени.

Все, конец. У горла Берен почувствовал холод и остроту клинка.

Что-то выпирало из сапога, больно давя на ногу... Гномова игрушка...

Надежда трепыхнулась в сердце Берена, как лягушонок в крынке со сливками. Он попробовал ухватить штучковину — куцапые пальцы латной перчатки соскакивали...

Орк намотал его волосы на кулак, сильнее надавил лезвием на горло. Берен попытался перехватить меч за лезвие левой рукой, хоть и понимал, что попытка это жалкая. пальцы не слушались, не сгибались.

Еще миг! Снять перчатку — ну?!

— Пощади, — выдохнул Берен. — Прошу, не убивай, не надо... отдай ему меня живым...

— Вот этого я ждал, — по колебаниям кольчуги под щекой Берен понял, что орк

смеется. — Беоринг, если бы ты знал, как я ждал услышать от тебя именно это и ответить: нет! Ну, может, скажешь еще чего на прощание?

— Эла, ублюдок... — Берен поднял трубку самострела, направив ее назад, и спустил «собачку».

Короткий визг пружины, хруст входящей в плоть и кость стрелы. Какой-то миг было похоже, что Берен упадет вперед, а орк — назад, но вес орка и запутавшиеся в его латнице волосы горца решили дело: оба повалились на спину. Два раза Болдог дернулся под Береном — и затих.

Рыхлые облака нисходили дождем, и капли, что прибивали последнее полудохлое пламя, солнце выкрасило в цвет крови. Взяв меч из руки орка, Берен срезал запутавшуюся в его доспехе прядь волос, встал, примерился и отсек Болдогу голову. Болт самострела торчал у орка под подбородком. Если бы я не был таким дураком, подумал Берен, если бы я вспомнил про ручник, я бы застрелил его сразу. В памяти всплыло утро, тот момент, когда, поколебавшись — братъ, не братъ? — он все-таки принял у Руско и пихнул бесполезную игрушку за голенище: ладно, есть она не просит, а пригодиться — может... Вот и пригодилась.

Он взял шлем орка за гребень — голова удерживалась внутри на подбородочном ремне — повернулся, подошел к краю обрыва и поднял, высоко держа в руке, свой страшный трофей. Кровь сыпалась в сухой вереск частой дробью.

Внизу догорало пламя и дотлевала битва. На черной, выгоревшей равнине остатки Горностаев и Белых Волков, прижатые к скальному взлету и возам, защищались из последних сил. Отчаянный вой, поднявшийся с одной стороны и победные крики — с другой показали Берену, что внизу заметили его и его ношу. Размахнувшись, он швырнул голову Болдога вниз, и та покатила по скале, глухо ударяясь о камень, разбрызгивая кровь...

Беоринг почувствовал тошноту, подкосились ноги. Падение вниз, вслед брошенной голове, было бы плохим завершением торжества, поэтому он развернулся, сделал один шаг — и упал лицом в прошлогоднюю сухую траву.

— Ярн! — услышал он издалека. Отозваться не было сил. — Ярн!

Подбежав, Гили упал на колени, попробовал перевернуть Берена на спину — единственное, чего он добился — это растравил сломанную ключицу.

— Не трожь, — простонал Беоринг сквозь зубы. — Скажи... Роуэну... Пусть перестанет терять людей в рукопашной. Подтащите орудия, какие остались, позовите бретильцев — и расстреляйте их всех. Всех! Пошел!

Гили шмыгнул носом и побежал вниз. Берен остался один — с мертвыми Рованом и Болдогом, со своей усталостью и болью. Нужно было встать. Подобрать меч и кинжал. Подозвать лошадь Болдога, мирно гуляющую неподалеку и скакать вниз. Доигрывать сражение...

Но разбитая голова болела так сильно, что не было никакой возможности оторвать лицо от грязи, смешанной с кровью — такой восхитительно холодной грязи... Пусть кто-нибудь другой — Мэрдиган... Леод... Элвитиль... Брандир... Кто-нибудь, не такой уставший...

Лошадь Болдога всхрапнула над самой головой, Берен чувствовал на щеке ее дыхание. Протянул руку, поймал повод и, проклиная все на свете, поднялся. Конь, шарахнувшись назад, помог ему.

— Тихо, скотинка, тихо... — горец потрепал мышасто-серого жеребца по морде. — Где-то здесь мой меч. Пойдем поищем...

Когда Берен спустился в долину, все было уже кончено. Даже раненых доби́ли. Воины собирали с убитых оружие, упряжь, одежду и сапоги: от дождя Хогг должен был вскоре подняться и залить всю равнину, унося трупы. В княжеской палатке не было слышно никаких признаков радости — подогретый эль пили молча, как на поминальной тризне. Победа была не из тех, о которых слагают песни — это понимал каждый.

Но каждый понимал и другое: какая ни есть, а эта победа несла Дортониону свободу.

Берен, так же ни слова не говоря, позволил Гили снять с себя перевязь и отереть лицо, большую часть грязи и крови с которого уже смыл дождь. После чего молча подсел к бочонку и взял протянутую кем-то кружку, в то время как Гили побежал за Нимросом.

Риона, жена Мэрдигана, Брандир, Хардинг, Гортон, Элвитель с рассеченной рукой и Фин-Леод, Турвин, младший брат Фин-Риана, и даже Даэрон подняли кружки в безмолвном приветствии. Берен ответил таким же жестом. Слова были не нужны.

Ночью река Хогг вздулась и желтая, грязная вода пошла алыми и черными разводами, заполняя всю долину. Пепел, сажа, обгоревшие и порубленные тела, трупы лошадей, обломки мечей, копий, самострелов и орудий — все скрылось в бурой кипени, каждый год заполнявшей мрачную долину Хогг, отмеченную проклятьем предательства и убийства. Бурный поток подхватил то, что смог и понес вниз, к Ривиллю, к Топям Сереха. Мертвецы, уплывшие по течению, были единственными солдатами армии «Хэлгор», сумевшими добраться до тех мест, где ждал их Саурон.

Глава 17. Волчий Остров

— Возьми меня с собой.

Гили так и подавился. Он чего угодно ждал — но не этого.

— Как же я тебя возьму... — растерялся он.

— Отдай мне свой старый плащ! — Даэйрет заговорила быстро и горячо. — У тебя же есть запасная лошадь, меня никто не узнает, подумают, что я мальчик, вы же тут все одеты одинаково...

Это да. Все, кто собирался ехать с Береном, две сотни выбранных и вызвавшихся, оделись в то, что получили на службе Саурону или сняли с убитых. То есть, одежда-то на каждом была своя, но в армиях Моргота было заведено носить поверх доспеха черные нарамники с белыми знаками своих войск и знамен. У Даэйрет такой был. Завернувшись в плащ и натянув башлык до самых глаз, она могла бы сойти за одного из Бретильских Драконов. На время.

— Ты не в себе, — Гили мотнул головой. — Берен меня повесит, если я тебя возьму.

— Он же как будто побратался с тобой.

— Ну и что.

— А с кем ты тогда меня здесь оставишь? Что со мной тут сделают?

Это был самый сильный довод в ее пользу, и на него Гили совершенно не знал, что ответить.

У него никого не было, кроме Берена да товарищей, приобретенных благодаря Берену. Можно было бы отослать девочку к Эйтелигам, но это было далеко, не меньше трех дней пешего пути, по дорогам, кишущим недобитыми орками и повстанцами. Если ее отправить одну, с ней скоро случится то, что случилось бы четыре дня тому, если бы не Гили. Кому ее доверить — он не знал. Аван ушел рано утром и его Гили прохлопал, Рандир погиб, а будь он жив — поехал бы с Береном, Нимрос, Мерет и Брандир ехали с Береном, Хардингу и Гортону не было никакого дела до пленницы, Радруин лежал раненый, Гвадор и Артад погибли. Оставить Даэйрет здесь, с ранеными, которые еще не разобрались, уходить им за край заката или оставаться пока здесь, он боялся по той же причине. Пока она жила в палатке Берена и считалась пленницей княжеского брата, никто не смел покушаться на нее — но что будет, когда она лишится защиты? У Берена же он не решался просить совета, потому что, когда он находился в добром духе, советы его были непристойными. Во время перехода к долине Хогг он спросил — что ему делать с девушкой? «Делай что хочешь, это пленница твоего копья», — пожал плечами Берен. — «Хотя я бы ее все-таки отмыл сначала, а потом уж делал что хочу». А сейчас... словом, сейчас судьба пленницы была не самым подходящим предметом для разговора.

Сегодня все утро хоронили мертвых, и Берен, несмотря на покалеченную руку, носил в шлеме землю, насыпая курган. «Черных», которых не смыла река, хоронить не хотели, но князь уперся: всех людей.

Ильвэ, лорда-наместника, зарыли отдельно. Рандира Мар-Рована похоронили поблизости от Ост-ин-Гретир, рядом с другими погибшими вождями: старостой Лэймаром дин-Рованом, двумя эльфами из маленькой дружины Элвителия, Анардиллом Фин-Рианом, молодым Форласом Фин-Тарном. А Болдога Берен велел зарыть там, где он лежит — хотя всех прочих орков просто побросали в одно из ближних ущелий ниже по течению. «Эту

пададь еще хоронить?» — возмутился Роуэн, но Берен тихо спросил у него: «Хардинг, ты обо мне слышал, что я кому-то что-то обещал и не сделал?». «Только не говори, что обещал Болдогу похоронить его», — проворчал Роуэн. «Вели своим людям его закопать», — настоял Берен, и Роуэн, хоть и продолжал ворчать, отдал приказ.

Берен поднялся на холм вместе с могильщиками, за ними увязалась небольшая толпа. Орка зарыли. «Ну, а теперь что?» — недовольно спросил один из Хардингов, зарывавший могилу. «А теперь разойдитесь кругом!» — скомандовал Берен. Недоумевая, горцы расступились, давая ему место, и он пошел вдоль цепочки людей, хлопая в ладоши, хоть и морщась при этом от боли. Еще не совсем понимая, что к чему, два или три человека подхватили ритм — и тогда Берен прошелся по могиле в танце. Раскинув руки, он кружился на ходу, после каждого полного оборота падая на колени и снова вскакивая. Хватило его только на один такой проход — потом он остановился, задыхаясь, весь в поту — но горцы пришли в восторг от его затеи: сплясать на могиле своего старого мучителя. Танцы продолжались до ночи. Гили участия в них не принимал, потому что бился над хитрой загадкой: как накормить Берена, который не может жевать из-за того, что орк раскроил ему скулу. Эльфы залечили эту трещину в кости, но так, наскоро зарощенные кости очень болят, он это помнил еще по давнему разговору с Айменелом.

В обозе нашлась коза, и Гили не дал ее зарезать, — но что такое козье молоко для мужчины, восстанавливающего силы для нового боя? Жевать пресное лепешки и сухое мясо, как все вокруг, Берен не мог и в сердце своем бесился, что вынужден, как младенец, пить молоко или, как старик, глотать полужидкую овсяную похлебку.

Кроме того, у него была сломана ключица. Помогая ему вчера выбраться из кольчуги, Руско узнал много новых ругательств, а после князь повалился, как показалось Гили, без чувств. Нимрос снял с него стеганку и рубаху, осмотрел и ощупал посиневшее плечо и пробормотал себе под нос:

— Ключица сломана.

— Ну, спасибо. А я-то думал, грыжа выпала, — пробормотал сквозь зубы Берен, как-то незаметно пришедший в себя. — Сам знаю, что ключица. Как быть?

Нимрос соорудил из двух ремней подобие сбруи и затянул это на плечах у Берена, скрепив пряжкой между лопаток. Теперь эта штука держала его плечи все время развернутыми, чтобы ключица срослась правильно. Но натирала она немилосердно, и эльфы сказали, что Берен должен продолжать ее носить, потому что быстро зарощенная ключица может поломаться так же легко. Ну, о чем можно говорить с человеком, когда у него не людски болит скула, плечи стертые и живот к спине присох? А если с ним заговорить — что он хорошего скажет?

Гили перевел Дэйрет в обоз при раненых, теперь она жила на крытом холстиной возу. Хотя на других таких возах раненых размещали по двое-трое, с ней никто не хотел жить бок о бок.

Сначала она жила в палатке Берена вместе с Гили, но, во-первых, она боялась князя, да и он ее, кажется, тоже — хотя эльф Диргель, тот самый, клейменный из товарищей Элвителия, сказал, что морготовой скверны на ней нет, и Берен поверил ему. Но все-таки им в присутствии друг друга было не по себе. А во-вторых, Гили трудно было спать с ней вместе — а приходилось, ради тепла. Когда они ложились втроем под два плаща, Берен и Дэйрет ни в какую не хотели оказаться рядом. А мучился Гили.

— Ты почему перестал есть? — спросила Дэйрет.

— Не хочется больше, — соврал Гили. — Ты ешь.

— Ну и глупо, — она сунула его ложку обратно ему в руки. — Он не может есть, это ладно, а почему ты должен голодать?

— Да я честно не хочу.

Его вранье было отчасти правдой: он словно бы разделился. Рот его хотел есть, а желудок почему-то не принимал пищи, подступала тошнота. Он поначалу испугался, что захворал на брюхо, как другие здесь, но вовремя сообразил, что у прочих болезнь начиналась с иного: принимать-то пищу живот принимал, да вот удержать не мог.

Он догадывался, что здесь никто не предложит Даэйрет поесть, а сама она ни в жизнь не попросит, потому и принес ей котелок из княжеского стана, похлебку с настоящим мясом. Сам он тоже успел проголодаться за день, но отчего-то кусок в горло не лез.

Руско повесил котелок на гвоздик снаружи телеги, чтобы не опрокинуть ненароком. Можно было бы и уйти; нужно было бы уйти, по-хорошему, но он не хотел уходить.

Даэйрет помолчала немного, потом глянула исподлобья и спросила:

— Вы пойдете на Аст-Алхор?

— Не могу знать, — снова соврал Гили.

— Дурак. И хозяин твой дурак.

— Брат, — поправил Гили, и сам себе удивился. Прежде он и в сердце своем не решался называть Берена братом, не то что вслух.

— Пусть брат, все равно вы дураки. Гортхауэр вас убьет, едва вы покажетесь в виду Острова.

Гили смолчал о том, что Берен твердо полагает не застать Саурона на месте. Даэйрет мало знала о делах своего господина — она была маленьким человеком в войске, с ней не советовались, а сама она не настолько была умна, чтобы прислушиваться к разговорам старших.

— Тебе-то что, — проворчал Гили. — Ты небось сама и станцуешь на радостях.

— И станцую, если убьют Беоринга. И всех его эльфов.

Гили вздохнул.

— Ладно, Берен на тебя мечом замахивался, — сказал он. — Но эльфы-то чего тебе плохого сделали?

— Они сами зло, — сверкнула глазами Даэйрет. — Если бы ты умел смотреть и видеть, ты бы заметил, как они высокомерны и холодны.

— Они не холодны, — Гили потрогал гранатовую сережку в ухе. — Они... другие.

— Они считают нас низшими существами.

— Неправда. То есть, может, такие и есть, но я не видел. Государь Финрод... он делил со мной хлеб, ел из одного котла... А когда я пел... один раз... он плакал, честно.

— Твоя игра кого угодно заставит заплакать, — фыркнула Даэйрет.

— Я тогда не играл, — грустно заспорил Гили, сам не зная зачем. — Вовсе не умел играть. А Государь...

— Финрод — самый лучший из них, это даже Учитель говорит, — согласилась Даэйрет.

— Государь Фелагунд — самый лучший на свете, — горло у Гили сжалось. — Никого нет такого как он.

Даэйрет отчего-то разозлилась.

— Ему легко быть добреньким и внушать любовь к себе. Он бессмертный, навеки застывший в своей юности. Он сначала напускает на себя величие, а потом вы таете, если он

снисходит до вашей трапезы и вашей песни. А это он должен гордиться дружбой с людьми, он должен учиться у людей быть свободным. Посмотри, сколько мерзостей Берен совершил в его имя и ради власти, которую он дал Беорингам над этой землей. А сам он не запачкал белых ручек, и получит назад свой лен, не шевельнув и пальчиком...

— Дура! — не выдержав, Гили ударил ее по губам, и Даэйрет, упав на спину, увидела в глазах его слезы. — Он в темнице, на Волчьем Острове, и кто знает, что с ним сейчас делает твой Саурон! А ты... Ты тут треплешь языком, как коровье ботало! Я... я был никто, ничто, мальчишка с мертвого хутора, меня хотели продать в рабство — а Берен меня взял к себе потому, что я хотел быть воином. И Государь... Он не спросил, высокого ли я рода, и кем был прежде, и мы с ним ломали один хлеб, и его оруженосец учил меня биться на мечях, потому что я совсем ничего не умел! А ты говоришь — они высокомерны и холодны! Он плакал, когда я пел о доле смертной женщины — а ты говоришь, они застыли! Не болтай о том, чего не смыслишь!

— Ты... — Даэйрет вскочила, задыхнулась... — Я думала, ты не такой как они! Думала, ты благородней всех... А ты такой же! Ты ударил меня! Ударил женщину! Да как ты посмел!

— А ты! Если ты женщина, то и веди себя как женщина! А то: «Я воин! Я оруженосец Аст-Ахэ!». Воин отвечает за свои слова! Если бы ты была воином, я бы тебя за то, что ты сказала о Государе... Вызвал бы и зарубил!

— Ну, вызови, вызови, заруби! Что, боишься? Боишься драться с женщиной?

— Нет, — Гили охватило чувство слишком сильное, чтобы он мог остановиться и подумать, как оно называется. В нем все смешалось — и ярость на эту дурочку, и обида на ее слова, и то, что он давно уже испытывал в ее присутствии, но в чем боялся себе признаться. А вот теперь боязнь отступила, как и тогда, с Форласом, который тоже думал, что Гили можно оскорблять безнаказанно. Но Форласа он поколотил, а Даэйрет, несмотря на всю ее дурость и дерзость, ему колотить не хотелось. Он шагнул вперед и, схватив девушку за ворот свиты, выдохнул:

— Раз ты женщина, то я и поступлю с тобой, как с женщиной.

И, прежде чем она успела опомниться, бросил ее на сено. Она завопила, а он, упав сверху, прижал ее к днищу возка и запечатал ладонью рот.

Они возились на телеге, не задернув холстину, их мог увидеть всякий, кто проходил мимо, если бы обратил внимание, но Руско было наплевать. Восторг, смешанный со злостью, бушевал в нем, как вино, и чем сильнее сопротивлялась Даэйрет, тем чаще билось его сердце.

Если бы она попыталась защитить свою честь так, как это делает женщина, пришедшая в крайнее отчаяние — она бы заставила его отступить. Ведь по-настоящему решительную женщину можно взять, лишь избив до беспомысленности, а на это Гили не был готов. Но девчонка защищалась плохо — только оцарапала его лицо да попробовала хватать его за запястья. Даже кричать она перестала — видимо, сообразила, что, если сбегутся люди, она дождетса только нового потока похабных шуток.

Руско, повалив ее и запустив руку ей за порванный ворот, наслаждался новыми ощущениями долго — целых три минуты, а может, и все пять. Он раньше видел украдкой, как старшие парни хватали девиц за все мягкое и упругое, но никогда не думал, что это будет так приятно; и что удивительно — хватаешь рукой, а приятно совсем в другом месте. Он понял теперь, почему отец стонал, а иногда даже плакал, делая матери детей.

Руско попробовал поцеловать Даэйрет, но его губы нашли холодное мокрое, соленое на

ее щеках... и он отступил.

Прощения он не просил, во-первых, потому, что она была сама виновата, а во-вторых... во-вторых, забодай его бык, отступить все-таки было тяжело.

Он сел рядом с всхлипывающей Даэйрет, подтянул колени к груди, положил на них подбородок и задумался.

Ее нельзя было оставлять здесь. Уж если он не выдержал, с ее дурным языком и ее... всем остальным...

— Вот навязалась ты мне на голову, — с горечью сказал он. — Хуже порванной уздечки: и приспособить не к чему, и бросить жалко.

— Что ж ты... не... приспособил... — она хлюпнула носом.

— А чего ты ревешь. Я так не могу.

— А что мне, смеяться? Думаешь, когда насилуют — приятно?

«Смотря кому», — чуть не ляпнул Гили, но прикусил язык.

— А что... — осторожно спросил он. — Сейчас... совсем-совсем не было приятно?

— Дурак. Ты мне знаешь как больно на ребра давил!

— А если б не давил?

— Дубина...

— Это потому что у меня такое лицо, да? — спросил он.

— При чем тут твое лицо. Я и не видела, какое у тебя лицо, фонарь-то погас... Вы... я... Я любила Илльо...

— Полуэльфа? Тю. А сама же говорила на эльфах...

— Он человек, балда ты! Он принял путь человека из рук Учителя... — она снова хлюпнула носом. — Жаль, что я не успела принять Путь. Тогда я отдала бы Учителю свою жизнь, как Этиль. Или обрела бы Дар, и тогда сражалась бы без страха.

— Если бы Моргот успел испортить тебя, Берен тебя убил бы.

— Я знаю. Ему человека зарезать — проще, чем свинью.

— Да перестань ты! Ну, подумай хоть немного — если бы это было так, стал бы он тебя щадить? Если ему проще было снести тебе голову — зачем он позвал эльфов, попросил их осмотреть и расспросить тебя? Пойми ты наконец, он хотел оставить тебя в живых.

— Теперь я знаю, зачем, — ехидно проговорила Даэйрет.

— Ну и... коза! Все, раз ты хочешь, чтоб с тобой обращались как с парнем, я и буду колотить тебя как парня.

— А девушку обязательно нужно насиловать, да?

— Нет, — Гили набрал полные горсти сена, и сжал их в кулаках, радуясь, что в темноте не видно, как пылает его лоб. — Просто... ну, не удержался я, потому что ты... красивая. А я... я нет. Знаешь, я ведь только один раз обнимался с девчонкой, и то... ну, она здорово выпила, я тоже...

— Какие вы странные, южане... — проговорила Даэйрет. — В Твердыне все не так. Там женщина не чувствует себя целью для чужой похоти. Она — друг, товарищ, т'аэрэ... Брат по Служению.

— Но ведь у вас девки не воют.

— Оружие — это не только меч, — важно произнесла Даэйрет. Гили не любил, когда она говорила таким голосом, потому что явно было — говорит она с чужих слов, и понятно — с чьих. — Оружие — это знание. Это искусство.

— Ты умеешь лечить, я знаю. Даже Нимрос сказал, что ты хорошо умеешь. Но и у нас

многие женщины умеют. Для этого не обязательно называться мужиком.

Даэйрет фыркнула — мнение Нимроса она ставила невысоко.

— Опять же, тебе незачем с нами ехать, — сказал Гили. — Тут раненых полно.

Мэрдиган между тем и этим светом мечется...

— За ним ходит его жена. Я, между прочим, тоже не сидела сложа руки.

Это было правдой. Даэйрет помогала лечить раненых, и показала в этом немалую сноровку.

Гили вздохнул.

— Останешься здесь, и покончим на этом.

— Не надо! — вдруг она обхватила его руками за шею и повалилась вместе с ним на дно возка. — Пожалуйста, не оставляй меня здесь! Я боюсь. Руско, не уходи, ты, ты... ты один здесь меня не ненавидишь... Остальные боятся... Говорят — порченная Морготом!

— Ну и зря... — Гили не знал, куда себя деть, вот притча! Только что она от него отбивалась, а теперь обнимает сама... Что у этой девчонки в голове? — Эльфы же сказали, что порчи на тебе нет...

— Эльфы сказали, а веришь один ты... Прошу тебя, делай что хочешь, не уходи только...

Гили снова как будто разделился на две половинки. Одна хотела немедленно сделать то, что он хочет, пока Даэйрет не передумала. Другая снова заартачилась, видя недостойное в том, чтобы пользоваться слабостью и страхом девицы. Этой другой, надо сказать, было скрутненько, потому что Руско за прошедший год успел навидаться всякого и побывать в самых лапах смерти не однажды. А назавтра ему предстояла дорога, из которой — Берен этого не скрывал — вернутся немногие. Поэтому... недостойно... да... (Даэйрет поцеловала его и обхватила его ногу своими ногами) оно, конечно... (его руки словно сами собой — он даже удивился — пробрались под ее рубашку) недостойно... но...

— Послушай, — сказал он, с трудом отрываясь от нее. — Послушай, так нельзя. Получается, я тебя покупаю. Нельзя так.

— Если бы меня не взяли в Аст-Ахэ, меня, наверное, уже выдали бы замуж, — прошептала девушка.

— Меня, наверное, тоже бы женили в этом году, — согласился Гили. — Но ты же не захочешь меня в мужья. В тебе не любовь сейчас, а страх. Во мне тоже, наверное. Я ж не знаю, вернусь ли.

— И я не знаю... Руско, прошу тебя, не уходи...

Видя, что он колеблется, девчонка приподнялась и стянула через голову свою рубаху, а его рубаху задрала до подмышек и прижалась кожей к коже.

«Дурит она тебе голову, ох, дурит!» — прозвучал где-то далеко в сознании голос, очень похожий на голос Берена.

Но Гили пропустил этот голос мимо ушей.

* * *

Нарготронд кипел, как тогда, чуть меньше года назад, когда Берен стоял перед этим

самым тронем, на котором сейчас сидел Ородрет. Но не было сыновей Феанора, и совсем не так уверенно чувствовали себя их вассалы, занимавшие свои места по левую руку от входа.

Это собрание началось как-то странно, вроде бы само по себе. Ородрет не созывал его, хотя знал о нем и втайне был доволен. После того, как бежала дочь Тингола, сыновья Феанора обвинили в этом Эленхильд, приносившую ей книги, а она в ответ обличила братьев в намерении совершить насилие над дочерью Тингола.

— Это ложь, — холодно ответил Куруфин, — А ты, верно, безумна, что повторяешь ее. Unat ненарушим.

— О, Куруфинвэ! — голосом, полным меда и яда, ответила на это Эленхильд. — Я подлинно знаю, что ты посылал в Дориат гонцов с вестью о том, что твой брат женится на Лютиэн Тинувиэль. А ее побег сам собой говорит, что она не хотела этого брака. Как же он полагал добиться взаимности?

— Умолкни, женщина! — крикнул Келегорм.

— Я не умолкну, ибо говорю сейчас от имени закона! — а меж тем в зал Совета набивалась толпа. — Закона моего короля, который гласит, что приневоливший другого чарами, повинен изгнанию или смерти! Короля вы заставили уйти, но закон остался! И бойся преступить его!

Куруфин холодно улыбнулся и покинул зал, за ним ушел и брат. Через час они выехали на равнину искать Лютиэн. Эленхильд ничего не могла сделать им, но и они ей — тоже.

По Нарготронду пошла слухи. Содержание разговора передавалось из уст в уста. В человеческом племени оно еще и обросло бы по дороге немалыми подробностями, и время спустя никто бы не отличил ложь от правды, но эльф рассказывает только то, что сам слышал, и ничего не добавляет от себя. И в самом деле: если Келегорм посылал к Тинголу гонцов с вестью о браке, а Лютиэн этого брака не хотела, то иного объяснения нет, кроме как: Келегорм и Куруфин собирались приневолить ее — не было.

Страсти до того накалились, что кое-кто требовал смерти сыновей Феанора. И тут пришло еще одно известие: стражи северных границ донесли, что горцы снимаются с мест и через Анах идут в свою страну. Мужчины и юноши, все при оружии. Дортонион восстал, в этом не было сомнений. Беоринги сражались за свою землю.

И вот тут Нарготронд ужаснулся себе, вспомнив, что безумный смертный, ради которого король оставил свой город, сдержал слово; а народ Нарготронда, некогда клявшийся королю на верность — нет. Король же сейчас томился в темнице некогда выстроенного им замка, и некому было прийти на подмогу. Феаноринги, так много говорившие о безопасности Нарготронда, покрыли город позором и умчались искать эльфийскую деву, с которой намеревались обойтись, как с норовистой кобылой — успокоить чарами и свести с кем хотят. Для Финрода, приютившего их после разгрома в Браголлах, они не хотели шевельнуть и пальцем

По мере того, как эта весть распространялась по городу, эльфы стекались к Залу Совета. Никто не сговаривался, это вышло само собой: вестей и вестников ждали там, новостями обменивались там. И ближе к вечеру раздавались голоса: «А где же король? Что скажет король? Что будет делать король?». А король все не выходил из своих покоев.

Настала ночь, и собрание продолжилось при свете факелов, и многие в тот день вспомнили первые страшные сумерки Валинора.

Эльфы, Нарогарда, жившие в дальних концах владений Финрода, начали прибывать на второй день, и тоже сразу направлялись в Зал Совета, чтобы предстать перед королем. Они

приходили в полном доспехе, вооруженные, многие — со своей свитой, с малыми дружинами, полностью уверенные, что после таких известий король прикажет идти на Тол-и-Нгаурхот. Из северных пограничных фортов прибывали гонцы — там собиралось ополчение.

На закате второго дня сбившаяся у зала и в самом зале толпа зашумела, пропуская кого-то. «Король? Король идет?» — спрашивали друг у друга те, кто еще не мог ничего разглядеть. И ответом на их вопрос был волной прокатившийся по залу почтительный гул: «Леди Нэрвен!» — и сдержанный грохот стучающихся об пол ножен: мужчины преклоняли колена перед сестрой двух королев Нарготронда.

Леди Нэрвен шла рука об руку с князем Келеборном, как и он, одетая в кольчугу и опоясанная мечом, и оба они были прекрасны — золотая воительница и серебряный воин, и нараменники у обоих были из двух полотнищ — белого и серого цвета, и на груди у нее была золотом вышита Лаурэлин, а на его груди серебром — Тэльперин.

Юные оруженосцы несли за ними их шлемы, а следом шагали два десятка синдар — в облегченном доспехе из кожи и железных пластин, с луками и стрелами за спиной. Страж дверей, ведущих из зала в королевские покои, без слов открыл перед ними вход, закрытый для всех прочих. Галадриэль и Келеборн вошли, а их свита осталась снаружи.

Последовав за Келеборном в изгнание, эти эльфы сохранили повадку дориатских затворников, ни с кем не вступали в разговоры и делали вид, что не понимают нолдорина. Расспрашивать их о чем-либо было бесполезно.

Прошло столько времени, сколько горит восковая свеча толщиной в палец и длиной в три — и большой колокол в нише возвестил о приближении короля. Эльфы расступились, разошлись из серединного круга и, кому хватило места, расселись — однако же места бардов по правую руку от короля оставались свободными.

Вошел Ородрет — и радостный крик раскатился по залу: король был одет в кольчугу. За ним шли Финдуилас, Галадриэль и Келеборн, и барды в синих с золотом плащах.

Ородрет подошел к трону, сел и поднял руку, призывая к тишине. Кресло справа от него заняла дочь, слева — сестра.

— Чему вы так радуетесь? — тихо спросил Ородрет, когда все умолкли. — Тому, что Нарготронд выступает последним? После того, как беоринги рассеяли армию Саурана, после того, как Фингон прижал его самого к топям Сереха, а Маэдрос изгнал орков из Лотланна?

По залу снова пронесся гул, на сей раз — изумленный: оказывается, Ородрет знал намного больше, чем казалось.

— Так чему же вы радуетесь? — продолжал король. — Тому, что феаноринги наконец ушли и можно говорить у них за спиной то, что вы не решались говорить им в лицо? Тому, что эльфийская дева, которой они готовили насилие, не дождавшись от нас помощи, сбежала сама? Тому, что, даже спеша к Тол-Сирион со всех ног, мы не застанем там Финрода живым?

Он медленно обводил взглядом ряды, и те, на ком взгляд останавливался, опускали глаза.

— Мы выступаем, — проговорил наконец Ородрет. — Мы уже всюду опоздали из-за своей трусости и неверности. Дортонион отвоевали без нас и Саурана разбили без нас. Дней за семь мы успеем добраться до Тол-Сирион. Может быть, на что-нибудь сгодимся.

Саурон или не знал об этой дороге, или так и не сумел приспособить ее для военных надобностей, и не диво: дорога была на редкость пакостная. Она ныряла в горы Криссаэгрим прямо из Моркильского леса, и если бы не Элвитиль, балрога с два кто-нибудь ее бы нашел, так она заросла. Правда, Гили подозревал, что тут не обошлось без чар сокрытия, на которые эльфы горазды. Ведь не могли же люди прожить в Дортонионе полторы сотни лет и ни разу не налететь даже случайно на короткий путь к перевалу Анах. Нет, не всем он открывался, не всем.

Итак, дорогу через лес пришлось прокладывать заново, но там, где лес кончился, начался сущий ад: русло речки, рассекавшей перевал, пробившее себе между отвесных скал ступени высотой по колено лошади. Чуть ли не полдня поднимались по нему против воды, ведя коней в поводу, и, когда выбрались наконец на взгорье — каждый просто упал где стоял и какое-то время валялся на стланике, отдыхая. Все промокли до костей.

Дальше стало полегче, дорога, кружа и петляя по ущельям и распадкам, поднималась полого и можно стало ехать верхом. Но немногие воспользовались этой возможностью — на ходу они быстрее согревались. Гили тоже грелся движением, и поэтому, когда объявили стоянку, готов был опять свалиться где стоит и заснуть. Но нет — все пошли собирать сухие ветви кустарника, чтобы развести огонь и согреться, потому что никто еще не подох окончательно и все замерзли.

Сухой и ломкий мертвый стланик обещал сгореть быстро и жарко — а значит, чтобы обогреть отряд, понадобятся целые стога. Руско собирал его огромными охапками — они страшно затрудняли спуск и почти ничего не весили — и стаскивал их в общую кучу. Куча быстро вымахала в здоровую копну.

Здесь еще можно было шуметь и жечь костры без опаски — заметить их могли разве что орлы Фаррована, что расселись на высоких утесах — даже отсюда было видно, какие это громадные твари. А вот завтра, сказали эльфы, придется держаться тихо и без огня: перевалив через водораздел, они окажутся там, где бывают орочьи отряды.

Гили делал уже, как он решил, последнюю ходку — как вдруг раздался звук, заставивший его похолодеть: короткий и пронзительный женский крик.

Он бросил стланик и бегом, рискуя свернуть себе шею, помчался вниз, к речке, откуда крик доносился.

— А вот и ты, — услышал он мрачный голос Берена, протолкавшись сквозь толпу стрелков. — Вовремя. И как ты это объяснишь: — он встряхнул за шиворот... Даэйрет.

— Ты что здесь делаешь, — в ужасе выдохнул Руско. — Я же оставил тебя там!

— Стало быть, тебя вешать я обожду; да здесь и негде. Ну, красавица, отвечай мне, почему ты надумала удостоить нас своим обществом и как это тебе удалось.

— Ты дурак, — прошипела Даэйрет. — Ты велел десятникам проверить своих людей, но никого не проверил сам. Каждый думал, что я из чужой десятки.

Берен окинул ее беглым взглядом. Да, принять ее за мальчишку было куда как просто. Среди Бретильских драконов половина еще не брила бороды, а свою уже не девчоночьей грудью она, видимо, стянула повязкой. После того как все оставили горскую одежду и набросили плащи и шапки морготовцев, она в черном мужском платье и сером плаще,

затерялась среди прочих.

— Дурак я, что не зарубил тебя сразу. Ничего, зарублю, как только услышу ответ на второй вопрос: зачем ты с нами увязалась?

— Я... — Даэйрет беспомощно заглядывалась кругом и взгляд ее остановился на Руско. — Ты сегодня утром велел всем женатым, у кого еще нет детей, покинуть отряд и возвращаться домой...

Берен кивнул. Он и вправду не хотел брать с собой никого, чья гибель была бы для семьи невосполнимой потерей: ни единственного оставшегося в роду сына, ни молодого отца, ни только что женившегося юношу. Когда утром на его призыв отозвалось более пятисот человек, десятники, родичи и друзья называли имена тех, кто не может поехать — и так из пяти сотен остались полторы. Но эта сопливка всяко не имела к делу никакого касательства.

— И что? — подтолкнул он умолкшую было Даэйрет.

— Один такой не покинул отряд.

— Да ну?

Даэйрет показала пальцем на Руско.

— Он — мой муж, — сказала она. — Вчера вечером и ночью он лежал со мной как с женой. Я его не оставлю.

Берен какое-то время переводил взгляд с одного на другого, приоткрыв рот, и был в это время страшен — с прищуренными воспаленными глазами и черной, разбитой скулой.

— Ты что, — прошептал он наконец, — думаешь, что я тебе поверю? Тогда ты еще глупее, чем мне казалось.

— Думай что хочешь! — взвизгнула Даэйрет. — Убей меня, если хочешь, но я туда не вернусь!

— Слышать этого не могу, — Берен толкнул ее в грудь так, что она села на гальку. — Руско! То, что она сказала — правда? Ты и в самом деле жарил свою колбасу в ее печке?

Горцы переглянулись и удивленно зашумели. Большинство из них считало, что Гили свою пленницу «того» еще в тот день, когда девиц захватили, и для Берена это не тайна, раз они спят в одной палатке.

Хотя Гили не прятал глаз, лицо его сделалось от смущения темнее волос, и это выдало его прежде, чем он сказал:

— Да.

Берен немного покусал нижнюю губу, потом спросил:

— Ну и как ты считаешь, ты в ответе за нее?

— Да, — снова сказал Руско.

— Что же нам с ней теперь делать?

— Привязать к коню и пустить обратно, — буркнул кто-то.

— Тебя не спрашивают, — бросил ему Берен. — Руско, говори.

— Если ее отослать — она ведь не найдет дороги назад... — сказал Гили.

— Верно, — согласился Берен.

— И проводник у нас всего один, — продолжал юноша.

— Что ни слово, то золото, — ухмыльнулся Берен.

— Ее нужно или взять с собой, или убить на месте, потому что это милосердней, чем оставлять ее здесь умирать с голоду. Но если ты надумаешь убить ее, тебе придется вместе с ней убить и меня, потому что я буду ее защищать, — с этими словами Руско взял Даэйрет за

руку и завел ее себе за спину.

Берен снова покусал губы.

— Как ты полагаешь, Руско, если я нарек тебя своим братом, смогу я поднять на тебя меч или нет?

Гили ответил не сразу.

— Полагаю, что сможешь, ярн, потому что для тебя сейчас главней всего — государь Фелагунд, а страшней всего — предательство.

— Что ж, хорошо, что ты это понимаешь, — Берен почти шептал, а это значило, что он убийственно серьезен. — Итак, ты в ответе за нее. Если она нас предаст, словом ли, делом — взыщу я с тебя. Теперь слушай, ты, — обратился он к Даэйрет. — Руско мне дороже, чем десяток коз вроде тебя. Если его медведю понравился твой улей, это его дело — хотя ты не та невестка, которой я себе хотел бы. Но если ты просто заморочила ему голову, чтобы предупредить о нас Саурона — клянусь мечом, ты переживешь Руско ненамного. Ты мне ответишь за его кровь, да так, что лучше бы тебе не родиться на свет, потому что я и в самом деле люблю его как своих потерянных братьев. Ты слышала меня?

— Да, — процедила Даэйрет сквозь зубы.

— Вот и славно. А теперь садись у того же костра, что и он, и держи себя тихо.

...На ночь Гили связал Даэйрет руки и лег с ней так, чтобы связанные, они находились у него за спиной, словно бы обнимали его.

— Зачем? — спросила она. — Все равно здесь некуда бежать.

— Откуда я знаю, — зло сказал он.

— А если мне понадобится отойти?

— Разбудишь меня и сделаешь все свои дела со мной об руку. Думать было надо, за кем увязываешься.

— Почему ты такой злой?

— Потому что ты обманула меня. Ты знала, что я не дам тебя убить, раз ты моя жена.

— Мог бы и не признаваться, — пожалала она плечами.

— Он мой лорд. Он мой брат. Как я мог ему солгать?

— Но ты же не сказал ему накануне, что лежал со мной.

— Я думал, что ты меня хоть немножечко... что я тебе нравлюсь. Что ты сделаешь как обещала — останешься в лагере, поедешь к Эйтилингам. А ты... как я теперь поверю, что ты не хочешь предупредить Саурона?

— А если ты не веришь — почему не убьешь меня?

Гили посмотрел ей в глаза и спросил:

— Ты этого хочешь?

И что-то в его лице заставило ее прикусить язык, больше не дразнить его и не подзуживать.

— Нет, — холодея, сказала она.

— И покончим на этом.

На следующий день Гили связал вместе их коней чомбуром, а свою пленницу привязал к седлу. У нее не было ножа, чтобы разрезать веревки, и все время за ней кто-нибудь следил. А прочем, бежать пока и вправду было некуда: вейдх петляла по горам так затейливо, что Даэйрет и назад-то вернуться не смогла бы. А в небе, в синем проеме скал, кружили громадные орлы, на которых Берен показал ей рукояткой плети и не без удовольствия сказал, что эти птички только и ждут, как бы кто-нибудь отбил от гурта — лошадь ли,

человек... Только отстанешь — они тут как тут...

— Орлы Манвэ не убивают людей, — бросил проезжавший мимо эльф.

— Ну, Диргель, что за охота была испортить мне музыку! — Берен разозлился вроде бы в шутку. — Я ее совсем было напугал... К тому же, я не говорил, что пташки ее убьют. Просто остерегаю. Боюсь... поседет наша красавица в тот же способ, что и ее... Учитель.

Видимо, в этой шутке был какой-то особенный смысл, потому что Берен расхохотался. Смеялся он сейчас тоже жутковато: короткие беззвучные выдохи через кривую усмешку. А вот Даэйрет как-то съежилась и заплакала.

На привале Руско оставил ее с Брандиром и Нимросом, чтобы поговорить с Береном один на один. Тот сидел на седле, снятом с Астэ, и пытался есть. Кусок вяленого мяса он щепал ножом, как дерево, отрывая по маленькому кусочку, и держал эти кусочки во рту, пока он не становились достаточно мягкими, чтобы их проглотить.

— Ты сердишься на меня? — спросил он, садясь напротив.

Берен послал ему мрачный взгляд.

— На тебя — почти что нет, — сказал он. — А вот на эту бестолочь...

— Ты думаешь, она и вправду хочет нас предать?

Князь вздохнул, повел плечами, поморщился.

— Беда не в том, что она хочет нас предать, — проговорил он. — Если бы оно было так, я бы знал, что с ней сделать. Беда в том, что она сама не знает, чего хочет. Про иных людей говорят: «душа из воска», но воск все-таки застывает, у этой же что ни минута, то в новую сторону лежит душа. Говорит она одно, делает другое, думает третье и все это называет «быть самим собой». Диргель сказал, что порчи на ней нет, Моргот не успел поставить свое клеймо — но он, по всему видно, уже постарался сделать ее душу пожиже, чтобы отлить по своей форме, когда придет срок. Я охотно верю, Руско, что она подалась с нами не потому что все еще любит Саурана, а потому что ей в одно место ударила кровь, но я не знаю, куда она ударит, когда мы спустимся по ту сторону Криссаэгрим. И поэтому боюсь. Шкурой я чувю, Руско, что удача отвернулась от меня, и все мои несчастья случались из-за женщин.

— Тогда почему ты...

— Не убил ее? — Берен сжал кулак. — Послушай, маленький. Я убиваю тех, кого я ненавижу. Тех, кто называет себя моим врагом. Тех, кто заслужил. Но я никогда не убиваю тех, кто всего лишь может мне помешать. Лишь однажды я поступил противно себе — и, наверное, за это Судия с меня взыскал, почти лишив руки, когда она так мне нужна... Нет, Руско, я больше не буду его гневить и убивать для пользы дела. Будь что будет.

— Спасибо.

— Не за что. Я это делаю больше ради себя, чем ради тебя или нее.

Он покосился в ту сторону, где, сгорбившись, сидела у огня девица.

— Ты и в самом деле в нее влюбился по уши?

— Не знаю, — признался Гили. — Когда я... ну... я и сам себя не понимал.

— Ага... Будь это в другое время, в другом месте, я бы слова не сказал. Но сейчас, Руско, мне очень нужно, чтобы ты не терял головы. Я знаю, что мед в этом дупле сладкий — но уж больно пчелы злые. Если бы ты начал лазить за ним немножко раньше, ты бы уже знал, что пасека большая, есть из его выбирать. Но по первому разу всегда кажется, что рыба есть только в одной речке, а в другие не стоит и удочку забрасывать. И из-за этого мужчина начинает делать глупости... А иной раз — и подлости... — он помрачнел. — А, вот и лорд Даэрон идет. Присаживайся, певец Тингола. Есть эль и вяленое мясо, угостись.

— Не хочу, — Даэрон сел рядом на камень. — Берен, я слушаю, о чем говорят твои люди, и мне это не нравится.

— О чем же они говорят?

— Они болтают, что твой названный брат обезумел от любви, а ты не решаешься принудить его бросить здесь морготову девицу. Болтают, что она — кхайрэт, демон, посланный вам на соблазн и раздор.

— Я им сейчас покажу соблазн и раздор, — оскалился Берен и, вскочив, крикнул: — Брандир! Мерет! Поднимайте людей! Лорд Элвитиль, командуй эльфам в седла, мы едем дальше! Засиделись.

— Ярн, лошади устали, — несмело возразил Мерет. — Они падут, едва мы перевалим через Анах.

— Значит, бросим их и поскачем на запасных. Время дорого!

Элвитиль не зря срезал путь — тропка вывела отряд на самую середину перевала Анах, верхнюю точку водораздела. Узкая тропка шла меж стеной и пропастью, и лошадям обматывали головы плащами, чтобы они не боялись шагать, но когда страшная дорога осталась позади, им открылся ровный, почти пологий широкий спуск в Нижний Белерианд. Здесь брала начало река Миндеб.

— Даэрон, — конь Берена поравнялся с конем эльфа. — Я так понял из твоих слов, что на Тол-и-Нгаурхот ты с нами не пойдешь.

— Мне нечего там искать. Мой король послал меня за своей дочерью.

Берен кивнул.

— Тогда у меня будет к тебе просьба. Прихвати девчонку, доставь ее в Бритиах.

— Ты меня с кем-то путаешь, князь Берен, — Даэрон повернул к нему холодное неподвижное лицо. — Я не сторож сумасбродным человеческим девицам, не твой вассал, которого можно гонять с поручениями, и не наемник.

Берен сжал зубы, насколько это позволяла разбитая скула, но удержал себя в руках.

— Даэрон, я сейчас говорю о жизни или смерти. Если эта дурочка что-нибудь выкинет, мне или Руско придется ее убить, и его сердце будет разбито, потому что он любит ее, а я его люблю как брата. Есть в тебе хоть капля милосердия, Даэрон? Ты же сам знаешь, что такое любовь — мыслимо ли заставлять человека выбирать между возлюбленной и братьями по оружию. Лучше смерть, чем такая мука.

— И ты смеешь напоминать мне о любви?

— Смею, Даэрон — я ведь ухожу, а любовь оставляю тебе. Слушай, ну что тебе стоит — ведь все равно ты едешь туда, раз не нашел ее здесь!

— Я полагаю, это лишний разговор, Берен. Она будет задерживать меня, а любое промедление в этих поисках подобно смерти.

— Проклятье, — горец стегнул коня и обогнал Даэрона.

Они скакали весь день — так, что несколько коней пало, и тем, кто на них ехал, пришлось пересест на запасных; а на ночь они остановились в месте, называемом Кирит-Мегил, Ущелье Меча. Мало кто знал о нем. По преданию, здесь Астальдо бился с Морготом, ударил врага мечом, промахнулся и проложил лезвием это ущелье в гряде Криссаэгрим.

Ущелье и вправду было прямое, а стены его — отвесные, словно вырубленные исполинским мечом. По дну ущелья пролагало песчаное русло речки, наполнявшейся только во время дождей — она так и звалась: Сухая речка.

Это была предпоследняя ночевка — послезавтра их поход завершился победой или

гибелью. Послезавтра на закате они должны были брать Тол-и-Нгаурхот.

* * *

— Их около полутора сотен, — сообщил Хисэлин. — Люди, ни одного орка. Костров не жгут, караулы стоят у входа в ущелье.

— Больше ничего не видели? — спросил Фейнарин.

— С ними есть темноволосая женщина небольшого роста, — решительно сказал Линдо, разведчик.

Он долго думал, говорить это Фейнарину или нет — подобраться ближе и наверняка разглядеть, кто она, не сумел, уверенности в том, что это Лютиэн — не было, но и твердо сказать, что это не она, Линдо не решился бы.

— Ты видел ее?

— Мельком, — нолдо глядел в глаза своему вождю прямо и твердо. — Ее стерегли двое. Лица не видно. Короткие черные волосы. Ее охраняют, очень похоже, что она пленница, хотя и не связана.

— А пес? — как можно спокойнее спросил Хисэлин. — Пса ты заметил?

— Хуан никогда не позволил бы взять ее, будь он жив, — Фейнарин ломал в пальцах сухую веточку.

Чем дальше он находился рядом с Хисэлином, тем больше ему казалось, что тот ищет не Лютиэн, а банду орков, с которыми можно было бы славно подраться. Это ему не нравилось. Не нравилось и смутное ощущение беды, исходящее от Хисэлина. Не то чтобы Фейнарин верил в морготову скверну, о которой говорят барды — но в беглых пленниках и в самом деле порой было... нечто. Фейнарин знал одного такого, еще там, на востоке. Он был удачлив, странно удачлив. Захваченный во время разведывательной поездки через шесть лет после Аглареб, бежал на девятом году плена... Присоединился к Маэдросу, хотя сам был из нолфингов. И несколько раз чудом спасался во время рейдов в Синие Горы, сталкиваясь с превосходящими силами орков. Все, кто был с ним — гибли, а он — спасался...

Хисэлин был не такой, но... чем-то похож. Никто из охотников не зашел так далеко на север, как они. Здесь было опасно, здесь свободно чувствовали себя орки и волколаки, и если что и можно было найти скорее — то именно драку. Однако они отыскиали все разом. Отряд в полторы сотни всадников так просто королевну не отдаст.

— Кано, мы не можем рисковать, не зная, она это или нет, — Линдо словно прочел мысли своего вождя.

Фейнарин покосился на друга.

— Только Враг знает, сколько сейчас у него отрядов вокруг. Если придет подкрепление — оно придет к ним, а не к нам.

— Не можем рисковать? — вскочил Хисэлин. — А если это она, и еще до завтрашнего вечера ее доставят на Волчий Остров? Я не вижу риска: это вояки, набранные Морготом из горских предателей, мы перебьем их сонных.

— Все это странно, — качнул головой Фейнарин. — Они сейчас в своей земле — отчего же они боятся разжечь огонь?

— Что они вообще здесь делают? — поддержал Линдо. — Это горские наемники Саурана: зачем они торчат в предгорьях Криссаэгрим?

— Здесь начались какие-то странные дела, а Нарготронд остался в стороне. — Хисэлин всмотрелся в пасмурную темноту на северо-востоке. — Когда мы проезжали, Бретиль гудел, как растревоженный улей, а между тем ни одной орочьей банды не показывалось... Неужели Саурон начал свое наступление?

— Это никак не объясняет, почему и зачем этот отряд оказался здесь, в Кирит-Мегил. Если он — часть армии — то где армия?

— Какая, будь оно все проклято, разница?! — чуть не взвыл Хисэлин. — Если мы возьмем одного из них живым, мы спросим его, кто они, куда шли и зачем! Сейчас мы знаем главное — это враги, это люди Моргота и у них дочь Тингола.

— Мы не знаем, она это или нет.

— А кто это еще может быть? Кого еще они могли захватить здесь в плен, скажи? Или мы боимся? — Хисэлин обернулся кругом, оглядев тесный круг эльфов. — Или наши луки стали бить мимо цели, а мечи затупились? Их всего в три раза больше и они спят. Они служат Морготу — разве это не причина убить их?

Эльфы молчали, но сердца их исполнялись решимости. Всем уже надоело гоняться за девицей, и служить мишенью для насмешек. Всем хотелось честного боя и победы либо гибели — довольно уже шепчутся о том, что Феаноринги и их вассалы горазды воевать только против своих.

— Мы клялись бить Врага там, где увидим его, — тихо сказал Фейнарин. — Будь по-твоему, Хисэлин: ударим по ним! Разум говорит мне, что нужно пользоваться всяким случаем нанести Врагу урон — а сердце подсказывает не делать того, о чем мы потом можем пожалеть...

— Если ты боишься, Фейнарин — оставайся здесь, — бросил Хисэлин. Нолдо вспыхнул.

— Если я и боюсь, то не ран и не смерти, — ответил он. — И я иду с тобой.

Эльфийский лагерь пришел в движение, и меньше чем через пять минут нолдор, разделившись на два отряда, отправились к Кирит-Мегил, и лесистый склон бесшумно поглотил их — только дюжина осталась стеречь лошадей и следить за тылом.

* * *

Гили разбудил звук, ставший кошмаром последних дней: свист рассекаемого стрелой воздуха и глухой, влажный удар, с которым стрела входит в тело.

— Тревога! — заорал кто-то. — Трево...

На Гили обрушилось бьющееся тело, в живот ткнулось оперение стрелы.

— К укрытию! — крик Берена перекрыл шум суматохи. — Под стены, берите щиты!

К счастью, люди еще не успели запаниковать по-настоящему: большинство расслышало приказ и, как Гили, осознало его смысл: стрелы летели с отвесных скальных стен, и, чтобы вырваться из-под перекрестного огня, нужно было искать укрытия под любой из них, прикрываясь щитами от стрел, летящих сверху, полагаясь на то, что от лучников с другой стороны их защитит подлесок.

Гили дотянулся до своего щита, выбрался из-под трупа и кинулся туда, куда бежали все остальные. Стрелы сыпались дождем, тот, кто бежал впереди Гили — кажется, Дэрвин — упал, так что Руско едва не споткнулся о него.

— Даэйрэт! — крикнул он, задыхаясь от бега и страха.

— Я здесь! — откликнулся голосок неподалеку.

Даэйрэт спала с Береном и эльфом Элвитилем, потому что прошел слух, будто среди горцев бросили жребий, кому ее убить. Видимо, зажатая между страшным князем и не менее страшным эльфом, она так и не уснула.

— Разбежаться, не сбивайтесь в стадо! — командовал Брандир. — Вперед, к расселине!

Главное было — вырваться из-под перекрестного огня, из-под смертельного ливня. Никто не обращал особого внимания на то, какие летят стрелы.

Даэйрэт бежала рядом с Береном, укрытая его щитом — но в них никто не стрелял. Стрелы снимали свой урожай вокруг — но эти двое словно были очерчены волшебной линией... Некогда было задумываться, почему и отчего.

— Брандир! Хоть кто-нибудь сохранил оружие?!

— Обижаешь, ярн! Почти что все.

— Стрел мало! Мало стрел!!!

— Делитесь с теми, у кого нет! На выходе из ущелья — сколачивайте строй, бейте по стрелкам! Ты! — Берен остановил Даэйрэт и развернул ее, толкая к скале. — Бери щит и стой здесь. Руско!

— Я, господин... — Гили остановился, с удивлением обнаруживая, что тоже сохранил свой самострел.

— Стереги ее. В рукопашной от вас все равно никакого толку, — Берен исчез, только голос его доносился из темноты, резкими, короткими командами превращая бегство в подготовку к бою.

— Это эльфы, — упавшим голосом сказала Даэйрэт.

— Чего? — не понял Гили.

— Погляди на стрелы. Это эльфийские стрелы, нас убивают ваши хваленые друзья!

— Ой, матушки, — спохватился Гили. — Откуда ж им тут взяться?

— Я знаю? — разозлилась Даэйрэт.

— Нужно ярну сказать. Стой здесь! Если попробуешь убежать, тебя-то точно убьют.

— Что ты делаешь?

— Морготовские лохмутки скидываю! Они же не разбирают, что мы свои, мы же одеты как черные!

— Тебя будет видно!

— Так я ж того и хочу, — голый до пояса, он сунул девушке в руки кольчугу, куртку и рубаху и побежал на звон начинающейся рубки. Что-то подвернулось под ноги, Гили упал, услышал надрывный мучительный стон — он споткнулся о раненого.

— Фэрри, — проклекотал тот. Одна стрела пробила ему плечо, вторая вонзилась в живот и вышла через позвоночник. — Фэрри... братишка... добей...

— Я... я не могу, — Гили в ужасе вскочил. — Мне... нечем... некогда!

— Сука... сво... лочь...

На звук выстрелили — раненый выгнулся и обмяк: стрела поразила его в лицо. Следующая не убила Гили только потому что стрелявший предполагал в нем рост мужчины, а не мальчика — просвистев над головой, она вонзилась в гальку. Гили выдернул ее и снова

побежал.

— Ярн! — Орал он во всю глотку, проламываясь через кустарник.

— Ты что, спятил? — к нему повернулись сразу несколько человек.

— Что ты здесь делаешь? Почему снял доспех? — заорал Берен, увидев своего оруженосца. — Я тебе что приказал?!

— Эльфы это! Эльфы нас за черных приняли, понятно? Стрелы! На стрелы смотрите, стрелы эльфийские!

— Мать твою, — сказал кто-то. В этой сумятице, где всех заботило в первую очередь — выжить, а во вторую — разделаться с нападающими, на стрелы никто и не подумал обратить внимание.

А тем временем лучники прекратили стрельбу. В подлеске возникло движение...

У эльфов было слишком мало лучников, поэтому главные силы — вооруженная мечами пехота — перекрывали нижний выход из разлома, ведь от морготовцев совершенно естественно было ожидать бегства в сторону Тол-и-Нгаурхот. Когда же враги побежали совершенно в другую сторону, эльфам ничего не осталось, кроме как погнаться за ними, чтобы перебить прежде, чем они успеют собраться и дать осмысленный отпор. И сейчас они бежали по ущелью, обнажив мечи — почти неслышные смертоносные тени.

— Самострелы опустить! — как можно громче крикнул Берен, выступая вперед, пытаясь в движении среди ветвей различить хоть чью-то фигуру, хоть чье-то лицо... — Эльдар, остановитесь! — он перешел на синдарин. — Своих же бьете!

Копье ударило его в грудь и он упал. Брандир отчаянно крикнул:

— Я-а-арн!!! — и спустил собачку самострела, его примеру последовали остальные. Второго залпа они сделать не успели: эльфы кинулись вперед.

— Стойте! — Гили встал над Береном, раскинув руки, спеша подобрать синдаринские слова, которые рассыпались в его сознании мелкими стеклянными бусами. — Мы свои, эльдар, мы...

Высокий, невозможно красивый эльф сделал быстрое движение — и Гили ощутил пронзительный холод в груди. Опустив глаза, он увидел лезвие меча, что до середины погрузилось в его грудь, как раз под левым соском, точно и легко войдя между ребер и выйдя под лопаткой.

Эльф сделал обратное движение, рванул меч на себя — и с этим обратным движением пришла боль, и хлынула кровь, но Гили уже не видел этого и не чувствовал: меч поразил его точно в сердце.

Он упал на тело Берена — и над ними железо ударило о железо...

* * *

Подарок короля Мельхара во второй раз спас Берену жизнь, но удар копья — это удар копья. Горец пребывал на грани потери сознания, в состоянии той странной раздвоенности, которую вызывают сильное опьянение или сильная боль: воспринимая почти все происходящее, он не мог ничего поделать, потому что тело не повиновалось — копье выбило из него дыхание.

Руско упал сверху, заливая его кровью. Вверху шла рубка, железо высекало искры, падали убитые и раненые, эльфы теснили — им, опытным мечникам, противостояли мальчишки... И вдруг — над звоном оружия, над криками и стонами поднялась песня. Высокий, чистый голос заполнил собой теснину, перекрыв шум схватки — и слова высокого валинорского языка отразились от гранитных стен...

А! Белопенная гавань, жемчужные берега -
Не смеется море, скорбит;
Не поет ветер: стонет.
Плачет Уинен.
Ответь мне, брат мой,
Что на руках твоих?
Вино ли багряное?
Сок ли ягод лесных?
Скажи мне, брат мой -
Что на клинке твоём?
Ржавчина ли пожирает
Сияющий меч?
Ответь мне, брат мой -
Что на лице твоём?
Брызги ли волн?
Капли дождя? Роса?

"А Даэрон-то, оказывается, знает «Нолдолантэ...» — промелькнуло у Берена в голове, и тут еще несколько голосов подхватили песню: Элвитиль и те, кто был с ним.

Слезы, брат, слезы
Текут по щекам моим.
Не возратить бегущего времени,
Не исправить того, что сделано.
Кровь, брат, это кровь
Запятнала клинок мой,
Руки мои запятнала,
Имя мое.
Худшее горе, брат мой,
Постигло Бессмертный Край.
Не на врага — на друга руку я поднял.
Кровью брата меч запятнал.
Не коснется нога моя больше
Жемчужного берега,
Не увижу я
Тирион на белом холме -
Тьма Эндорэ уделом станет моим.
Битвы и скорбь — избравшим неправый путь.

А! Тает берег, исчезает во мраке,
На чужом берегу нам искать искупления.
Суждено ли найти?

Битва остановилась. Даэрон знал, что делал: горше всего терзались своим падением нолдор из народа Феанора. Берен слышал, как Брандир, Элвитель и Даэрон умирят Бретильских Драконов.

Наконец, вернув себе дыхание, он смог подняться. Руско безжизненной куклой сполз к ногам своего лорда и брата. Неподвижные карие глаза смотрели в ничто.

— Ярн... — кто-то подбежал, скрипя сапогами по каменной крошке. Рудвег и Мерет. — Так ты чего, живой?

— Да, фэррим, — прошептал Берен, поднимая мальчика и слегка встряхивая, словно он спал и мог проснуться. — Я живой...

Даэйрэт, скорчившись у скалы, сдавленно выла.

* * *

Горцы потеряли убитыми тридцать два человека, ранеными — сорок семь. Из них выжить могло не больше дюжины: нолдор, атакуя превосходящий отряд, воспользовались отравленными стрелами.

У эльфов погибло пять и было ранено восемь бойцов.

— Радуйтесь, нолдор, — сказал Берен одному из их командиров, синеглазому эльфу по имени Фейнарин. — До сих пор Бретильских Драконов не бил еще никто.

— Ты не ранен? — спросил эльф.

— Если ты думаешь, что твое копьё прибавило мне здоровья, то ошибаешься. Однако меч твоего друга нанес мне худшую рану.

Фейнарин поднял глаза от маленького холмика, возле которого Берен стоял на коленях — земля, песок и мелкий щебень... И простой серый камень безо всяких знаков...

— Если я могу что-то сделать, чтобы искупить свою вину — я это сделаю, — ответил он.

Берен посмотрел ему в глаза.

— Ни от какой помощи я сейчас не откажусь, кано Фейнарин, и слова твои запомню.

— Кем он был? — эльф встал на колени и коснулся камня.

— Моим братом. Самым смелым парнем отсюда до Синих Гор.

— Я не слышал, что у тебя есть брат, — удивился нолдо.

— Мы смешали кровь десять дней тому. Недолго живет моя родня...

Он схватился за голову, вцепился пальцами в волосы.

— Как вы могли не разглядеть эльфов среди нас? Где были ваши глаза?

— Они держались как люди.

— Вы могли послать еще одну разведку... Трижды все перепроверить!

— Могли, — нолдо кивнул. Что проку было объяснять? Как он мог высказать ту досаду,

давно копившуюся ярость и боль, что толкнули их на это дело? Что помешало им быть осторожнее?

Отчаяние.

Берен поднялся и сказал:

— Пойдем.

После драки оставаться здесь нельзя было. Шум мог привлечь одну из орочьих банд, а те, даже если бы не решились ввязываться, могли привести Волчью Стражу из Тол-и-Нгаурхот. Берену предложение перебираться на эльфийскую стоянку нравилось не больше, чем всем остальным, но более разумного решения он не видел.

В молчании эльфы и люди похоронили мертвых. Влажный песок и мелкая галька поддавались легко, даже такой мало приспособленный для рытья инструмент, как меч, быстро справлялся с задачей. Берену приходилось рыть и более глубокие могилы, и в менее податливой земле — в промерзший суглинок у Тарн Аэлуин он схоронил двенадцать человек. А валунов — чтобы до мелкой ямы не дорылось зверье — и здесь, и там было предостаточно.

Точно так же, в тишине они покинули Кирит-Мегил. У всех на сердце было гадостно.

Но по мере приближения к долине, где встали на ночь эльфы, у него начали возникать вопросы, на которые он рассчитывал получить ответ.

Уже восток слегка посветлел, и зубцы гор обозначились на сером небе, когда они вышли на поляну, где паслись эльфийские кони. Берену хотелось пить и спать, он устал как собака, и болела ушибленная копьем грудь, но нельзя было укладываться, не поговорив с феанорингами.

Брандир и Рудвег устраивали раненых. Не сговариваясь, люди остановились на своем краю поляны, не смешиваясь с эльфами, а посередине встали Элвитель и его маленький отряд. Еще одна кровь между нами, подумал Берен. А где Даэрон?

— Брандир!

— Слушаю, ярн.

— Не видел Даэрона?

— Он здесь, мардо. Идем со мной.

Даэрон находился с ранеными, помогал пленнице и другим эльфам, как элвитилевским, так и нечаянным убийцам. У Даэйрет глаза все еще были на мокром месте. Видно, она все же успела полюбить паренька, — Берен прикусил губы. Да как его можно было не полюбить?

Увидев Берена, девчонка насупилась еще больше и резко отвернулась, с остервенением разрывая на полосы чью-то рубаху: временные повязки, наложенные на скорую руку, следовало заменить постоянными.

Неподалеку опять рыли могилу — кто-то из раненых не выдержал пути. Проклятье...

Даэрон молча поднялся и вслед за Береном и Брандиром проследовал к нолдорскому лагерю.

— Ты не собираешься отступить от своего замысла, верно? — спросил он, когда они были на полпути.

— Не собираюсь.

Брандир вздохнул.

— Ярн, ты рассчитываешь на помощь нолдор?

— По-моему, они нам кое-что должны.

— Феаноринги не любят платить свои долги, — глядя прямо перед собой, заметил Даэрон.

— Если они откажут нам в помощи, я при всех назову их трусами.

— Они убьют тебя.

— Посмотрим.

Нолдор пропустили их, Фейнарин пошел им навстречу. Элвитиль находился здесь же, и даже не поднялся с места. Он был бледен и слаб, потому что отдал силы раненым, заговаривая им кровь и выводя яд из ран. Теперь он мог помочь только советом — сражаться и идти куда-либо он был не в силах.

Оказалось, они с Хисэлином знают друг друга: Хисэлин и еще один эльф, Телкарон, бежали поздней осенью с того самого рудника, где был и Элвитиль.

Линдо уступил свое место Берену, кто-то из нолдор принес сиденья для Брандира и Даэрона. Какое-то время двое вождей, ни слова не говоря, смотрели друг другу в глаза.

— Нехорошо получилось, Хисэлин, — сказал наконец Берен.

— Я уже сказал, что сожалею о происшедшем, — ответил эльф.

— Одних сожалений мало. Между порядочных эрухини принято платить виру за случайно убитых.

— Что ж, — нолдо вскинул голову. — Называй свою цену.

— Я не думаю, что эта цена чрезмерна. Видишь ли, я вел отряд к Тол-и-Нгаурхот, чтобы освободить Финрода и его спутников. Они в заложниках там, полностью в воле Саурона, который не знает ни милосердия, ни чести. Завтра мы собирались взять ворота замка, но из-за вас, эльдар, мой отряд сократился больше чем вполовину. Будет справедливо, если вы займете место тех, кого вы убили, — он выпрямился и осмотрелся, стараясь взглянуть в глаза каждому из эльфов, собравшихся в круг возле своих вождей.

Расчет оказался точен. Он задел нужную струну: почти у всех в глазах было одобрение.

— Твое требование справедливо, — после короткого раздумья сказал Хисэлин. — Но мы не можем идти с тобой, пока не узнаем всех обстоятельств дела. Как вы оказались здесь, горцы? Почему вы одеты в платье слуг Моргота? Пойми мою осторожность, Берен: последнее, что я о тебе слышал — что ты предатель на службе Саурона, что ты продал свою честь за Сильмарилл... Я видел тебя в их рядах своими глазами — и кажется, на тебе был тот самый плащ и тот самый накольчужный кафтан, что я вижу сейчас.

— Ты знаешь правду, но не всю. Мне действительно обещали Сильмарилл за верную службу — и обещали предать Финрода лютой смерти, если я проявлю непокорность. Суди сам, как мне нужно было поступить. Я уже условился с лордом Маэдросом и с государем Фингоном, что подниму в Дортонионе мятеж, едва Саурон начнет наступление. Я это сделал, войско морготова наместника, Ильвэ-Полуэльфа, рассеяно, Болдог мертв, волчьи отряды истреблены.

— Ты хочешь сказать, что в Дортонионе идет битва?

— В Дортонионе она уже кончилась. Восьмитысячное войско Саурона сейчас должно было проследовать к Эйтель-Сирион. Если все идет правильно, их перехватят и разобьют у Топей Сереха. Если кому-то из них удастся прорваться обратно к Ангродовым Гатям — а иначе Топи сейчас не пройти — они вернутся сюда, в Тол-Сирион: Саурон обязательно попытается удержать эту крепость... Поэтому важно напасть сейчас, пока их там мало, пока самого Саурона в замке нет.

— Так ты подлинно знаешь, что его там нет?

— О, Валар!... Да, знаю.

— Откуда?

— Это моя и короля Финрода тайна, она уйдет со мной на Запад.

— Ты начал мятеж, иными словами — обрек Финарато на смерть. Так, может быть, он уже убит?

— Там будет видно, эльдар. Я должен взять Тол-и-Нгаурхот как можно быстрее. Армия «Хэлгор» рассеяна, Маэдрос и Гортон добивают остатки, но я не стал к ним присоединяться. Мятеж начался всего неделю назад, Саурон может еще ничего не знать, и тогда Финрод жив. Возможно, все еще живы — мы спешили как только могли.

— Нет сомнения, мы должны их поддержать, — горячо сказал Фейнарин.

— А что будет с ранеными?

— Оставьте нас здесь, — сказал Элвитель, и, как обычно, его ровный тихий голос заставил всех умолкнуть и слушать. — У вас на счету каждый меч. Скольких вы могли бы оставить с нами без ущерба для себя — пятерых? Десятерых? Если искать нас выйдут орки, эти десятеро нас не спасут. Умрем мы или выживем — зависит от вашей победы или поражения. Так что берите всех, кто сможет драться.

Хисэлин кивнул и повернулся к Берену.

— Как ты собрался брать Волчий Остров с тремя полусотнями мальчишек?

— Хитростью, — сказал Берен. — Саурона сейчас там нет, и его основные силы — на севере, за топиями Сереха. Замок удерживает Стража Росомах, общим числом — не более четырех сотен, большинство — орки. Мы думаем сделать так: ночью к мосту подъедет небольшой отряд — якобы, беглецов из тех, кого мы разбили в долине Хогга. С отрядом буду я — для виду связанный, но так, чтобы мгновенно освободиться от пут. Узнав, что я схвачен, мост опустят обязательно. Проникнув в замок, мы захватим мост и надвратную башню, впуская основные силы, которые до времени затаятся. Они пойдут в атаку, едва начнется рубка.

— Звучит неплохо, — согласился Хисэлин. — Но хватит ли у нас сил? Ты представляешь себе, насколько хороши укрепления замка?

— Вполне. Я же был там не раз. — Он развернул на коленях тряпицу с чертежом Тол-и-Нгаурхот, что сделал Нимрос с его и Элвителия слов.

— Вот здесь они устроили тюрьму, — Берен показал на внутреннюю башню в кольце стен. — От ворот сюда можно пройти двумя путями: или через вот этот переход, или по стенам. Лучше, конечно, по стенам... И лучше, эльдар, если это сделаете вы. Мы ведь не собираемся рубиться в переходах, тесный строй врага мы будем брать на самострелы.

— У них тоже есть самострелы, — заметил Хисэлин.

— Но мы стреляем вдвое быстрее.

Брандир, все время разговора молча чертивший что-то наконечником болта на земле, поднял голову.

— Мы не ищем здесь чести — куда нам до государя Финголфина... Мы просто хотим покончить с ублюдками и освободить тех, кто ради нашей свободы рискнул всем.

— Ты говоришь, что Государь Фингон действует в согласии с лордом Маэдросом, но откуда мне знать о правдивости твоих слов? — приподнял брови Хисэлин. — Мне лорд Келегорм ничего не сообщил — почему? Разве брат утаил бы от него свой замысел?

— Спроси у него, — ядовито откликнулся Берен. — Я знаю то, что я знаю: Маэдрос с Финродом и Фингоном сочли нужным не вмешивать Нарготронд вообще, зная, что за

перемещениями его войск Враг будет следить с особой тщательностью.

— Откуда мне знать, что вы не заманиваете меня в ловушку? Откуда я знаю, что вы — не отряд разведчиков, посланный в Хитлум?

— Ты смеешься? Ты бы послал в такую важную разведку самого ненадежного из своих командиров?

— Пообещав ему Сильмарилл — почему бы нет?

— Нолдор, вы меня знаете, — вступил в разговор Даэрон. — Стал бы я на одну сторону с настоящим предателем?

— Я устал спорить, — Берен поднялся. — Слушайте меня, нолдор! Хоть вы и проредили мой отряд, завтра я пойду на Тол-и-Нгаурхот. Потому что мне введома благодарность, и еще — ради любви к тому, кто вывел из тьмы мой народ. Оставайтесь здесь, если ваша кровь не так солонa, как кровь смертных. Мы победим — или погибнем — без вас.

— Постой-постой, — Хисэлин, вскочив, удержал Берена за плечо. — Мы верим тебе. У Даэрона нет причин тебя любить, и если уж он ручается за твою верность — какие основания у нас тебя подозревать?

— Вот еще одна вещь, о которой я хотел поговорить, — Берен встал над Хисэлином, и тому пришлось подняться. — Это правда, что ваш господин держит в заточении Лютиэн Тинувиэль, намереваясь силой взять ее в жены?

— Эльдэ нельзя взять в жены силой, ты должен бы это знать, — проговорил Хисэлин.

— Это было правдой десять дней назад, — тихо отозвался Фейнарин. — Она бежала и мы ищем ее. Мы уже почти отчаялись ее найти, и собрались повернуть назад — когда увидели вас, скрывающихся на ночь в Кирит-Мегил, и с вами — женщину, похожую на нее.

— Так это... — Берен задохнулся. — Это из-за нее вы...

Не договорив, он кинулся вперед — молча, страшно, с перекошенным черным лицом. Брандир не знал, что он собирается сделать — то ли придушить эльфа, то ли надавать ему затрещин, то ли перегрызть плотку — а может, просто отшвырнуть его в сторону и бежать расправляться с Даэйрет; выяснять это было некогда, Брандир действовал быстрее, чем думал: выхватив у одного из эльфов копье, он ударил Берена по ногам пониже колен, и, поймав этим ударом на встречном движении, повалил. После чего прыгнул ему на спину, заламывая руки.

Берен обезумел. В него вошел тот самый медвежий дух, что входил в его деда, Брегора Бешеного, этот дух утраивал его и так немалые силы, и если бы не Элвители и Даэрон, один из которых уселся ему на ноги, а второй — на плечи, он бы скинул Брандира и сделал, что хотел, тем самым окончательно погубив себя и других. Какое-то время казалось, что он сможет раскидать и троих, но Элвителию и Даэрону передали ремни, они связали Берену руки и ноги и держали его так, пока он не прекратил рычать, браниться и вырываться.

Какое-то время он лежал спокойно, но его не спешили отпускать и развязывать. Наконец, он испустил длинный выдох и сказал из-под Даэрона:

— Все. Уже все. Слезай с меня, синда, плечо болит.

Его отпустили, Брандир и какой-то эльф развязали ремни. Берен встал, пошатываясь, тяжело дыша и пытаясь сквозь кольчугу нащупать — все в порядке с его плечом или нет?

— Кто первым ударил меня? — спросил он, оглядываясь.

Эльфы не отвечали.

— Кто первым ударил меня? — повторил он свой вопрос.

— Я, — Брандир опустил на колено.

Берен поднял его, обнял здоровой рукой и тихо сказал:
— Спасибо.

* * *

Удивительным образом повернулась судьба: десять лет назад точно так же, весной, сквозь вздувшиеся Топи Сереха пробивался к Ангродовым гатям Финрод, разбитый у этих болот, вот в этом же самом месте, где Гортхауэр застрял, как разбухший клин в пазу.

Теперь уже сомнений не было: Финрод и Берен состояли в сговоре. Конечно, никто из них не собирался попадать в плен. Но на самый крайний случай, на самый худой конец у них была припасена какая-то хитрость...

Берен если не знал, то догадывался, почему Саурон хочет его живым больше, чем мертвым. Беор доставлял много неприятностей Повелителю Воинов, а еще ему интересно было понять, как это повернуть себе на пользу. Он хотел создать нечто вроде уз т'аэро-ири, чтобы привязывать к себе верных людей, как то желал Мелькор. Но Мелькор не спешил ему открывать эту тайну, и Гортхауэр довольствовался верностью подонков, замешанной на корысти и страхе. А у беорингов было нечто особенное, и Гортхауэр хотел это иметь. На самый худой конец — разрушить.

То, что Финрод попал в его руки, было огромной удачей — ведь без этого неизвестно, сколько пришлось бы потрошить Беоринга. Используя Финрода, он быстро подчинил Берена себе, и был доволен. Но как, как он мог купиться на сказочку о любви? А ведь это казалось ему правдой, потому что слишком глупо было для выдумки... И ведь Берен открыл ему свой разум. Гортхауэр знал, что можно сопротивляться осанвэ, и что нежелание вступать в мысленную беседу непреодолимо, если воля Створенного сильна. Но это не было нежеланием — Берен не скрывал ничего, не сопротивлялся, а просто-таки выворачивался наизнанку! Значит, он или знает, какой-то новый, неизвестный доселе способ сопротивления, или это чары, наложенные Финродом...

Это занимало его сильнее, чем поражение. Когда он встретился с сильным отрядом эльфов, ожидавшим его сразу по выходе с Топей, он понял, что Илльо не придет, что он попался в ловушку, приготовленную заранее. Спасать было нечего: оставалось вернуться в Аст-Алхор и закрепиться там.

Аст-Алхор им не взять.

* * *

— Ну что, — Брандир размотал длинную конопляную веревку. — Давай руки, ярн.

Берен, вздохнув, завел руки за спину.

— Смотри же, Брандир, вяжи так, чтобы я мог сразу освободиться. Если я запутаюсь — нехорошо получится.

— Не волнуйся, лорд, все будет как надо. Сейчас проверим. Держи конец.

Горец стиснул в кулаке разлохмаченный конец веревки.

— Проверим, — он потянул — и хитрый узел развязался, путы мгновенно спали с рук и плеч. — Давай еще раз.

Морщась, он свел запястья за спиной.

— Не туго? — озабоченно спросил Рагнир.

— Ничего, так даже природнее получится. С чего это вам со мной нежничать?

— И то верно, — согласился Брандир. — Смотри, ярн, меч вот где, у седла закреплен.

— Ага.

— Ну, боги с нами.

Двое стрелков подхватили Берена за ноги и перебросили через лошадиную спину, Рудвег придержал за шиворот. Берен скрипнул зубами.

— Вперед, — сказал Брандир, и отряд двинулся вперед, под прикрытием леса, в ветвях которого густели сумерки.

Они вышли к Сириону и потрусили вдоль берега — растрепанные останки битой армии. Усталые, замызганные лошади, измученные грязные люди в поврежденных доспехах — все выглядело как надо. Если бы все еще и прошло как надо...

В другое время, в другом случае — он непременно залюбовался бы красотой этого места: справа и слева — горы, позади — обманчивая изумрудная гладь Болот Сереха, впереди — подобный рыбьему плавнику остров, разделяющий Сирион надвое — и, в свою очередь двоящийся в зеркале воды, увенчанный короной замка.

Сейчас было не до этого.

— Есть, сказал Рагнир. — Опускают мост...

— Ходу! — крикнул Берен, запретив себе думать о том, что сейчас будет с его плечом и грудью.

Они подъехали к мосту, когда первый патрульный ранк уже вошел в ворота, а сменный — только выходил.

— Стоять, кто такие!?! — крикнули с башни. Патрульные схватились кто за самострелы, кто за мечи.

— Армия «Хэлгор»! — крикнул Брандир.

— Что, вот так прямо и вся армия? — недоверчиво спросил ранкар.

— Не знаю я, где вся армия, — огрызнулся Рагнир. — Из нашего хэрта мы одни спаслись.

— Быстрее прочих драпали, трусы? — закричали с башни.

— Важного пленника везем! А ну, пропустите!

— Что еще за пленник-то?

Берен испытал несказанное облегчение, когда его тем же порядком, за ворот, сбросили с коня.

Ранкар патруля приблизил к его лицу факел. Берен узнал его: это был Тэврах, задержавший их осенью.

— Ты гляди! Обрато, значит, тебя сюда приволокли, Беоринг, предатель? Не иначе как у тебя задница с ручкой: ежели тебя за нее берут, то берут крепко!

Орки громыхнули гоготом, горцы их поддержали.

— И обрато мне удача выпала на тебя налететь, — продолжал Тэврах. — Ты знаешь, в прошлый раз меня наградой-то обнесли. Сказали: когда б я доставил тебя как Беоринга, так

и получил бы награду за Беоринга. Ты как думаешь, теперь наградят?

— Чего это? — возмутился Рудвег. — Мы его взяли и награда наша!

«Феаноринги», — подумал Берен. — «Если бы вы сейчас, пока мы треплемся, начали выдвижение — вышло бы это очень ко времени...»

— Ваша награда будет, если вам головы не снесут за бегство с поля, — прищурился на человека орк.

— Ты в замок нас пропустишь или нет? — нетерпеливо спросил Брандир. Начинать драку на мосту, рискуя попасть под обстрел со стен, ему не хотелось.

— А куда это ты торопишься? На виселицу? Беоринг, кто это тебе такую сливу под глаз подвесил?

— Покойный Болдог.

— Ух ты! А ну как я тебе для красоты под другой глаз сливу подвешу?

— Тогда я и тебя убью, — слова Берена вызвали новую лавину хохота. Тэврах сжал кулак и залепил Берену плюху в правую скулу.

— Слушай, ты! А ну, не трожь нашего... Пленника нашего не трожь! — зарычал Рудвег.

— Был ваш — будет наш. Бей их, ребята!

Берен дернул за конец веревки — и освободился. Меч был закреплен за седлом у Брандира — рукоять легла в ладонь правой руки, немного непривычной к этой работе... Но и тем, кто противостоял ему, до Болдога было далеко. В смысле, как до мечника, — потому что Тэврах, которому Берен снес голову первым же ударом, сразу составил Болдогу компанию.

— К воротам! — крикнул Беоринг. — К воротам!

Двое стрелков упали, скошенные стрелами орков. Ответный залп нанес оркам гораздо больший ущерб, и сразу же остальные прикрыли щитами перезаряжающих самострелы. Шарахнулась в сторону раненая лошадь, со стен и из бойниц надвратной башни посыпались стрелы, из ворот на помощь избиваемой команде Тэвраха ломанулось еще с полсотни орков.

Все пошло наперекосяк, а перестраиваться было некогда: оставалось лишь пробиваться к воротам и удерживать их до подхода остального отряда.

Берен не знал того, что знали феаноринги и Даэрон, наблюдавшие с возвышенности: от Топей Сереха движется большой отряд, часть армии, разбитой Аратанором у Ангродовых гатей.

* * *

«Это конец», — подумал Даэрон, увидев, что на мосту началась рубка. — «Видимо, разъезд что-то заподозрил. Нужно поворачиваться. Ехать и искать Лютиэн... Я не обязан...»

Фейнарин крикнул и послал своего коня в галоп вниз по склону. За ним бросились десятков пять нолдор и Бретильские Драконы. И к удивлению своему Даэрон тоже послал коня вперед и потянул из ножен меч.

«Что я делаю?» — думал он с восторгом и ужасом. — «Я обезумел, как и Беоринг, как и эти бешеные нолдор. Они там, на мосту, еще не знают, что к ним движется войско, а мы знаем, и знаем, что оно больше нашего, вряд ли мы успеем проскочить в замок вперед них и

закрепиться. Но мы все равно скачем и я, умалишенный, скачу! Мне-то что до них, и до Беоринга, который лучше бы и не родился, и до этих, помешанных на своих Сильмариллах и своей мести? Еще не поздно повернуть коня и ехать на поиски Лютиэн — почему же я не поворачиваю?»

Воздух, бьющий в лицо на скаку, наполнил его легкие, и с выдохом у него вырвался боевой клич.

— Tinuviel! An Tinuviel!

Берен и Брандир сумели прорубиться к воротам, но от их отряда осталось всего восемь человек, и о том, чтобы захватить их — не могло быть и речи. Горцы дрались спина к спине, встав в тесное кольцо, под самой створкой ворот...

«Феаноринги предали. Сволочи», — Берен совсем было собрался умирать, но тут по мосткам загрохотали копыта, и в гущу орков, окруживших Бретильских Драконов, врубилась вторая часть отряда, а за ней — нолдор Фейнарина.

Это было первой ошибкой. Бретильские Драконы, спешиваясь и вступая в бой, навязывали тот же способ боя нолдор, которые могли бы смести орков с моста конной атакой. Так было потеряно время.

Берен, Мерет и Фейнарин, соединив свои силы, возглавили штурмовую колонну, но и орки, защищавшие ворота, сбились в плотный строй.

— Мы должны взять башню и закрыть ворота! — прокричал Фейнарин. — Сюда идут черные — сотня или больше!

Он не знал, расслышал ли его Берен в грохоте железа — но что-то горец услышал и понял. По крайней мере, он кивнул...

«Мы должны взять башню», — Берен рубился как бешеный. — «Ясный хрен, должны!» — он кивнул эльфу, мол, сам знаю — а вторую часть его слов просто не расслышал.

Они прорвались через ворота, и четверо из стрелков Мерета налегли на ворот подъемного моста.

— На стены! — крикнул Берен. — Убивайте стрелков!

Лестницы, ведущие на стены, везде устроены одинаково: поднимаются справа налево. Так устроено для того, чтобы штурмующему мешала рубиться стена.

«Ах, Болдог, какую же ты мне собаку подложил...».

Берен потерял счет убитым оркам — но с каждым ударом становилось все труднее поднимать меч. Час боя! — он сжал зубы. — Боги, прошу вас: я должен выдержать еще час боя, и тогда уже больше ни о чем не буду просить до конца своих дней!

Они с Фейнарином вырвались на верхнюю площадку башни, и тут Берен увидел то, с чем Фейнарин пытался ему сказать: на полном скаку по берегу мчался конный отряд — не менее сотни! Он увидел и другое: к мосту, который уже почти подняли, подошел отряд Хисэлина, и Даэрон — с ними!

— Опустить мост! — закричал Фейнарин. Берен кинулся вниз, почти болезненно чувствуя, как уходит время. Некогда было объяснять ребятам у ворота, что происходит — он просто раскидал их в разные стороны, и ворот, раскрутившись, обрушил мост обратно.

И в этот миг передовые рыцари Аст-Ахэ схлестнулись с отрядом Хисэлина. Берен видел, как Даэрон, приняв на щит удар копья, слетел в воду, как оступился и упал с моста конь Хисэлина — черные напирали умело и жестко, это были уже не орки, а отборные бойцы, самые сливки армии Моргота. Они отбросили от моста нолдор, прижали других к башне, и оставалось одно: отрезать их воротами и обстреливать со стен из самострелов.

Фейнарина не нужно было ничего говорить: он и сам был не пальцем деланный. Решетка ворот опустилась, почти точно разделив погоню и преследуемых: только двое рыцарей Аст-Ахэ оказались внутри, но каждый получил по два болта. Стрелки, придя в себя, принялись высаживать залп за залпом сквозь решетку, рохирам Моргота не осталось ничего, кроме как отступить — и тогда горцы снова налегли на ворот, поднимая мост.

Они захватили надвратную башню, стены и передний двор. Нолдор уже бежали по верху вперед, ко второй башне, соединявшей стены внешнего и внутреннего круга. Берен и Брандир выстроили свой отряд — и бегом повели в переход, сквозь ворота, которые орки, удирая, не успели закрыть.

Эльфы, захватив башню без боя, открыли им вторые ворота.

— Две плохие новости, хилдор, — сказал Фейнарин. — Похоже, орки бежали только для того, чтобы собраться где-то большим числом. Сколько вас?

— Неполных три десятка, — ответил Берен. — А вас?

— Сорок два. Первый двор и башню мы не удержим и не сможем захватить замок.

— Пока они не поняли, что к чему, пробиваемся на юг, к тюремной башне, — Берен показал рукой. — Этот бастион довольно легко будет оборонять, сколько бы сил против нас ни бросили. А вторая плохая новость?

— С ними Саурон.

Берен опустил меч и устало выругался без звука.

— Они сумеют открыть ворота, — заметил один из эльфов.

— Мы перерубили цепи, — сказал Брандир. — Так что им понадобится время...

— С ними Саурон, — повторил эльф. — Они откроют ворота.

— Тогда — погибнем достойно.

— Воистину, — Фейнарин поднял меч, и эльфы, издав боевой клич, повторили этот жест.

«Я иду, Ном!»

* * *

— Сколько их?

— Не меньше сотни, господин!

— И среди них — Беоринг?

— Да, господин! Я узнал его в лицо. Он бьется как ахэрэ, я еле-еле ушел...

— Заткнись... — Альфанг осторожно выглянул в бойницу. — Если это действительно Беоринг... То первым делом он будет пробиваться к тюремной башне. Айвэн, собирай отряд там! А ты, — корна-таэро поморщился, смерив орка взглядом, — гони своих ублюдков навстречу. Задержите их. Я не требую от вас невозможного, но вы должны их как следует измотать. Да, еще! Беоринга взять живым. Только живым! Я лично срублю голову тому, кто его убьет!

— Слушаюсь, — орк поклонился и выбежал из зала.

Что за мразь, — Альфанг взял из рук оруженосца шлем, надел. И кто бы мог подумать, что орочья тупость и жадность послужат к спасению замка — ведь, сложишь все как было

задумано, Беоринг взял бы ворота и башню с гораздо меньшими потерями, а то и вовсе без них... Но судьба послала ему Тэвраха, который всю зиму таил в себе обиду за то, что не получил обещанной награды. Тэврах решил, что делиться с горцами-изменниками ни к чему и приказал их перебить — будь это действительно горцы-изменники, Альфанг о них несколько бы не пожалел. Те тоже схватились за мечи, поднялась тревога — пока что все это было в рамках обычной бузы из-за добычи или награды, и Альфанг догадался, что к чему лишь когда на мосту застучали копыта эльфийских коней. Теперь рыцарей Аст-Ахэ приходилось собирать не для подавления мятежа, а для отражения атаки извне. Но тут опять случилось то, чего ни Беоринг, ни Альфанг не предвидели: у ворот показался отряд Рыцарей Аст-Ахэ. Возможно, горцы и эльфы рассчитывали прорваться к тюремной башне, освободить пленников и скрыться с ними. Теперь же — им некуда бежать и неоткуда ждать помощи.

Альфанг вышел во двор, где ждал отряд. Айвэн отсалютовал мечом.

— Вперед, — скомандовал лэртир замка Аст-Алхор. — Покажем им, где зимуют орки.

* * *

Под конец осталось двое: Берен и Фейнарин.

— Сдавайтесь! — крикнул им кто-то из черных.

Нолдо оскорбительно засмеялся, Берен плюнул в сторону кричавшего.

Это были уже не орки — черные рохирь Моргота, рыцари Аст-Ахэ. Они дрались хорошо — и о стену их щитов разбилась последняя атака, два десятка эльфов и людей, пробившихся к тюремному двору.

Их тоже сколько-то было убито и ранено — но они были свежими, хорошо обученными и брали не только умением, но и числом.

Берен понимал, что жив лишь по воле командира этих рохиров, приказавшего брать его живым. Что ж, это приказание будет стоить головы еще нескольким...

— Похоже, смертный, пришел наш час, — сказал Фейнарин, вытирая пот и кровь с рассеченного лба. Он дважды был ранен, и силы покидали его.

— Мой — пришел уже давно. Просто я долго и умело выкручивался.

Фейнарин снова засмеялся.

Рыцари Аст-Ахэ, рассыпавшись кругом, начали сжимать кольцо.

«Руско погиб, Рандир и Даэрон, а сейчас — мой черед», — Берену стало горько. — «А Келегорм жив... Намо Судия, пусть же ему не обломится. И пусть она живет еще много-много лет...»

— Я иду, братья, — тихо и хрипло сказал Фейнарин. — Я иду просить у вас прощения...

Берен запел:

Идем же без страха на пиршество стали,

Ибо иной надежды нам не осталось.

Будем мужественны и отважны,

Ибо славы себе не отыщем.

На рассвете увижу я край тропы

На рассвете достигну края тропы
На рассвете взмолюсь на краю тропы
На рассвете шагну с края тропы.

Он ждал атаки — но вместо этого рыцари Аст-Ахэ расступились. Берен ощутил холод, поднимающийся по его ногам к животу — словно каменный двор заливала ледяная вода. Фейнарин вдруг ссутулился и опустил меч, а сам Берен несколько раз с силой вдохнул и выдохнул сквозь зубы, чтобы не завопить от пронзительного страха и тоски.

Мимо рыцарей Аст-Ахэ шагал Саурон.

Берен выдернул из-за ремня поножей гномий ручник, указательным пальцем сбросил предохранительную скобу со спуска, а большим отпустил пружину. Саурон сделал небрежное движение — словно отмахнулся от комара — и стрела с серебряным эльфийским наконечником оказалась в его руке.

Он опустил эту руку и поднял другую — ладонью вперед. Что-то похоже на безболезненный сильный удар бросило Берена на колени и повалило бы совсем, если бы он не оперся на меч. Но Дагмор сломался с коротким железным стоном. Опираясь кулаками о землю, из последних сил сопротивляясь обмороку, он увидел вдруг, как, резко выпрямившись, Фейнарин вскинул меч и шагнул вперед. На мгновение Берену показалось, что доспех и меч эльфа сияют, как будто сделаны из белого серебра и отражают полуденный свет, а сам он словно бы вдвое выше ростом. Но и его противник увеличился и был подобен башне, а из ладони его исходил смертельный черный вихрь.

Эльф крикнул и рассек вихрь своим мечом — и тут все кончилось. Пропали сияние и тьма, нездешняя смертная тоска отпустила Берена, а Фейнарин повалился лицом вниз, разом сделавшись мертвее камня, и меч его Саурон пинком отшвырнул в сторону.

— Возьмите его, — сказал майя.

У Берена выбили самострел и обломок меча, свалили на землю и принялись избивать ногами и древками копий. Их ярость спасла его: они не стали тратить время на его доспехи, и кольчуга со стеганкой смягчала удары, которые иначе переломали бы все ребра. Берен не сопротивлялся, только закрывал здоровой рукой лицо и голову.

Наконец, гнев противников немного утих и они вспомнили, что Берена велено взять живым. Удары и пинки прекратились. Горец перевернулся на спину, открыл один глаз — и в разрыве облаков увидел Карнил.

«Я пришел, Ном...»

Откуда-то издалека донесся звук — точно со всего маху врезали сапогом по мешку с гвоздями. Карнил обрушился вниз, обернулся огненным всадником, в котором Берен узнал Оромэ-Ндара — и пронзил горцу левый бок раскаленным копьем.

* * *

Рыцари Аст-Ахэ — не орки, и не в их обычае издеваться над пленными.

Но Берен был предателем — поэтому на него правила чести не распространялись. Он обманом проник в замок — поэтому его избивали, как раба. Он опозорил одеяние рыцаря Аст-Ахэ — поэтому с него сняли не только доспех, но и всю верхнюю одежду, оставив ему

холодной весенней ночью лишь нижнее платье. Он предал Учителя и Гортхауэра — поэтому его заколотили в колодки на дворе перед орочьим хэссамаром.

Колодка потемнела и слегка рассохлась — видимо, ее давно использовали для наказания провинившихся орков. Саурон слишком ценил своих людей, чтобы так их унижать. «Коснись моих ран и смой мою кровь», — повторял Берен про себя слова древней молитвенной песни, с которой обращались к Элберет попавшие в плен войны. — «Дай мужество мне. Никто моих слез не увидит...»

Мир сузился до квадрата из девяти камней брусчатки — ровно столько он мог разглядеть, не поворачивая головы. Эти камни — выщербленный, вытертый ржаво-красный гранит — что-то ему напоминали. Ах, да. Тот самый гранит, из которого сложены стены Каргонда. Проигравший, плененный и униженный — Берен стоял на своей земле.

Эти камни добывали в разломе неподалеку от перевала Нахар. Эльфы размечали огромные каменные плиты мелом, в каких-то местах, лишь мастерам известных, молотком и зубилом выбивали дыры — и забивали в эти дыры деревянные клинья, которые непрерывно поливали водой. Разбухшее дерево разрывало камень на почти ровные ломти — и тогда вступали в дело каменотесы: раскалывали эти ломти блоками, выравнивая края. До того горцы складывали башни из неотесанного камня — эльфы научили человеческих мастеров находить в породе эти линии наибольшего напряжения, места, где камень сам хочет расколоться — так, что скол порой получается такой ровный и гладкий, словно камень уже отполировали...

Эльфы — где они? Живы ли? Как давно Саурон узнал о мятеже? Что он с ними сделал?

Что Саурон сделает с самим Береном — его почти не волновало. Он так отупел от усталости и глухой сердечной муки, что перестал бояться. Мышцы горели, а спасительное беспмятство никак не приходило. Хотелось пить. Постоянного голода он уже не замечал. Донимал холод: плетеная льняная рубашка хорошо впитывала пот, но плохо сохраняла тепло, если не была поддета под кожаную куртку.

Орков разогнали на починку моста и на отдых, как понял Берен из обрывков разговоров. Сменился охранник — теперь это был высокий белокурый парень, совсем еще молодой; его чистый голос до рези в горле напомнил голос Руско.

Пытка неподвижностью длилась, и вскоре началась вторая: после полуночи (Берен слышал удары колокола, отмечающие стражи) хлынул дождь. Сначала горец пытался повернуть голову, ловя высохшим ртом капли, слизывая их с мокрых волос — потом стало слишком холодно. Он вымок до нитки, вода под ногами собралась в лужу, холод пропитал каждую частицу тела — порой ему казалось, что он сросся с колодкой, такой же холодный и безразличный ко всему, как эта деревяшка. Порой же холод был как тысяча ножей, кромсающих тело на ломти. Берен вспоминал все, что было теплого в его жизни: потрескивание дров в очаге, длинный пастушеский плащ из овечьей шерсти, бархатистые бока лошадей, белую, полупрозрачную чашку квенилас в ладони, солнечные лучи в серебряных кронах деревьев Нелдорета...

Тинувиэль...

Это, последнее воспоминание принесло облегчение — а потом и забытье.

Он очнулся оттого, что стало суше и теплее. Стражник сменился — и, вернувшись, накрыл пленника попоной.

— Зачем? — спросил новый часовой. — Он заслужил все, что получил. Даже больше.

— Но мы же не орки, — сказал молодой.

— Повелитель все равно казнит его.

— Так что, тебе хочется помучить его перед смертью?

— Никто не разрешал тебе укрывать его.

— Никто и не запрещал.

— А, делай что хочешь

Берен хотел поблагодарить белокурого — но губы не слушались.

Время стало чередой бесчисленных провалов в черноту обморока — и возвращений к черноте бытия, нарушаемой только отсветом фонаря на мокром граните. Он терял сознание, голова повисала, передавливалось горло — и, задыхаясь, он снова приходил в себя.

Когда это случилось в последний раз — свет фонаря разбавили розоватые отсветы восходящего солнца, отброшенные в Ущелье Сириона вершинами Эред Ветрин. Дождь прекратился — и стражник скинул с заключенного попону.

Берен продержался до настоящего рассвета, и совсем уж было собрался снова в обморок — как вдруг обнаружил перед собой того самого белокурого стражника. Склонившись к нему, парень подносил к его губам чашку с похлебкой из солонины. Горец выпил — и на этот раз сумел прохрипеть слова благодарности. Белокурый, скатав попону, перебросил ее через плечо.

— Не думай, что я делаю это ради тебя, — сказал он. — Это просто во имя человечности.

— Эльфы, — выговорил Берен. — Заложники. Что с ними?

— Я слышал, что их обезглавили, когда пришла весть о мятеже. Ты напрасно спешил сюда.

Берен уронил голову. Теперь ему было все равно, что случится дальше.

Белобрысый воин ушел — и вскорости за пленником пришли двое орков и одноглазый слуга Саурана. Орки разомкнули колодку, один из них пнул пленника в бок: вставай. Тот не мог ни встать, ни выпрямиться. По приказу одноглазого орки подхватили Берена под руки и поволокли.

Они миновали переход, вошли в башню и потащили горца по лестнице не вниз, а вверх — не в застенок, а куда? В аулу? Саурон разделается с ним в ауле? Впрочем, за эти семь лет аула Минас-Тирит, наверное, всякое видела.

Он не ошибся — стражники остановились в высоком двенадцатиугольном зале с прозрачным, остекленным куполом, бросающим на пол двенадцать бликов диковинным цветком. То самое место, где он когда-то, мальчишкой, принял меч из рук Финрода. Орки остановились в «сердцевине».

Дальняя дверь открылась, и Берен собрался с силами. Он знал, кто вошел в зал, он узнал походку — тяжелую и упругую, как удар меча о меч. Сейчас каждый шаг сопровождался глухим позвякиванием, будто встряхивали кошель с медяками — на Сауроне была кольчуга. Майя не собирался покидать свое тело, попав под шальную стрелу.

Подойдя к Берену вплотную, он засунул за пояс большие пальцы и остановился, покачиваясь с пятки на носок. Он был бесстрастен, и Берен порадовался, что онемевшее от холода и синяков лицо позволяет ему хранить такую же бесстрастность, хотя бы внешне.

«Дай мне сил умереть хорошо», — попросил он у Элберет.

— И вот ты снова у меня в гостях, князь, — проговорил Саурон. — И снова без приглашения. Как тебе встреча, дорогой мой гость и вассал? Нет ли каких обид?

— Не скажу, что прием был слишком теплый, — горец облизал губы. — Но и что он

был слишком сухой — тоже не скажу.

— Ты знаешь, почему все еще жив?

Берен усмехнулся. Еще бы не знать.

— Я не Маэдрос, — сказал он. — Я быстро сдохну.

Саурон покачал головой.

— Нет, горец. Не так быстро, как ты думаешь. Ты, конечно, не эльф, но и человек может вынести довольно много. Ты не умрешь, пока я не захочу. И ты заговоришь.

Берен не мог сомкнуть зубы так плотно, как хотел — болела залеченная чарами скула.

Он ждал вопросов о Дортонионе, о мятеже — но Саурон спросил:

— Как вы смогли обмануть осанвэ? От того, как ты ответишь, зависит как ты умрешь.

Берен встретил взгляд майя таким же пристальным взглядом, пытаясь прочесть по лицу Саурона, как много тот уже знает. В том, что вопрос об осанвэ окажется не единственным, он не сомневался.

Саурон склонился к нему, приблизил лицо так, что Берен чувствовал тепло кожи Гортхаура.

— Говори, — прошептал Саурон. Берен, тоже шепотом, ответил:

— Есть верный способ... Во время допроса... я держал в кармане фигу.

Ему показалось, что голова отлетела, покатила по плитам пола, которые в бешеном кружении сменялись резными фигурами потолочных балок. Потом кружение остановилось, и Берен обнаружил, что его голова по-прежнему на плечах, только он уже не стоит, а валяется. Никак не получалось поднять голову, не хватало сил. Не хватало сил даже закрыть рот — кровавая слюна тягучей каплей ползла по щеке.

Саурон брезгливо снял запятанную перчатку и бросил ее на пол. Он еще никогда не опускался до ненависти к своим жертвам. Он сражался, пытал, использовал и убивал хладнокровно, творя лишь необходимое зло. И едва ли не впервые в жизни ему захотелось раздавить кого-то лично, своими руками — и это желание почти ставило его на одну доску с такими низменными орудиями его воли, как Болдог или Скулгур.

По его знаку горца снова подняли на ноги. Берен, преодолев слабость, поднял голову, вытер рот о плечо и улыбнулся. Второй затрешиной майя точно снесет ему голову, и на этом все мытарства закончатся.

Он искал подходящее слово, обидное, как спица в зад, но не находил.

— Итак, Берен, парень, простой, как полено, храбрый, но недалекий... Преданный сюзерену до самоотречения... Влюбленный до беспамятства... Я долго думал, что сделаю с тобой. Чтобы при воспоминании об этом у всех кровь стыла в жилах, а ты в крике сорвал глотку.

— Вели кому-то вроде Тхуринэитель затрахать меня до смерти. Клянусь, буду орать как резаный.

— Твое пещерное остроумие меня не волнует, горец. — Майя разжал кулак и отошел. — Ты не произведешь впечатления ни на кого здесь, никто не донесет до твоих пастухов весть о том, с каким достоинством, и в каких мучениях погиб сын Барахира. Хотя ты сам понимаешь, что какое тут, к собакам, достоинство. Так что ты не старайся, тебе не для кого собирать душевные силы. Ни для друзей, ни для врагов. У твоей смерти не будет свидетелей. Вообще.

— Что, и ты не придешь полюбоваться?

— Нет. Думаю, что я буду очень занят, если не смогу купить покой за шкуру Фелагунда

— твоя стоит слишком дешево.

Берен оказался сбит с толку.

— А кто сказал тебе, что Финрод мертв? — с морозной усмешкой произнес Саурон. — Не всем верь, горец, ты же не вчера родился. Хотя, скорее всего, ваши друзья наплевали и на Финрода. Сбросили со счетов по разряду необходимых жертв. Они пересекут Топи, начнут штурм — и здесь погибнут все, до последнего. Кроме меня — я, понимаешь ли, бессмертен.

— Я об этом жалею больше твоего, Тху.

Все хладнокровие Гортхаура исчезло как по волшебству: рука снова сжалась в кулак, кулак влетел горцу под дых. «Саурон» и «Гортхаур» ему хоть как-то льстили, но в «Тху», «вонючке» — не было и намека на почтительность. Удар был таким, что оркам пришлось отступить на шаг назад. Потом Гортхаур схватил Берена за волосы и дернул вверх, заставляя выпрямиться.

— Ты об этом еще больше пожалеешь... Нет, но скажи, зачем? Зачем?! У тебя было бы все — власть, сила, свобода! Ты бы стал первым Королем среди людей! Чего ради ты все это предал? Чего ради ты послал все псу под хвост? Ради этой эльфийской юбки? Так ты получил бы свою девку! Ты мог бы взять ее лишь мечом, потому что даже с Сильмариллом Тингол не отдал бы ее тебе, как ты не отдал бы дочь за трэля! Ты для нее был игрушкой, минутной прихотью, неутомимым в постели жеребцом, каких не водится среди этих полуевнухов-эльфов! Она забыла тебя на следующий день после твоего ухода из Дориата! Берен, ты глупец, ты просрал свой единственный шанс! Почему?

— Саурон, ты не поймешь, — простонал Берен. — Болдог понимал, а ты не поймешь.

— Вот как? И чего же я не пойму?

— Ты родился не от плоти и крови. Будь ты хоть орком, будь у тебя хоть какая-то мать, понял бы. А так — нет. Делай что собирался. Скоро я буду свободен, а ты когда-нибудь захочешь подохнуть — и не сможешь.

Он думал, что Гортхаур снова ударит, но ошибся. Саурон сгреб его за грудки и, встряхнув, посмотрел в глаза. Смотрел своим знаменитым взглядом — и опять холодные порывы запредельного ужаса рвали сознание человека в куски.

— Ты так в этом уверен? — пропел Гортхаур. — Ты так уверен в том, что достиг успеха и жертвы не напрасны? Глупец! Я могу потерять Дортонион, потерять этот замок — легко, ибо эта потеря временная. Силы нолдор и эдайн тают год от года, а наши — растут. И там, на Востоке, все больше и больше прислушиваются к голосу с Севера, а о вас никто даже не знает! Эта мышьяная возня в Белерианде занимает Айанто и меня лишь постольку, поскольку нолдор болтаются слишком близко от Аст-Ахэ и все время пугаются под ногами. Там, за Синими Горами, лежат огромные земли, и эти земли — наши. Вы, Три Племена — всего лишь жалкая горстка отщепенцев, отправившихся на Запад ради тупой преданности старым богам, и ради нее же принявших сторону обреченных. Ибо нолдор обречены, Берен. Единственная их надежда на Западе, а Запад их проклял, вам же он вовсе ничего не обещал. Ты отыграл для Дортониона пять, ну десять лет — не больше. И знай, когда мы придем в Дортонион второй раз — мы не оставим там живой души. Вот — единственный итог твоей борьбы. Ты — худший и несчастнейший из предателей, ибо своим предательством не смог послужить никому. Финрод умрет, и в его смерти повинен ты. Умрут эльфы — по твоей вине. Пытаясь взять замок, ты погубил множество людей без всякой пользы, и еще многие погибнут до следующего заката. Новое покорение Дортониона будет стоить вам бесчисленных жертв, и это тоже твоя заслуга. Поистине, ты превращаешь в дерьмо все, чего

касаешься. Ты еще можешь спасти последнее оставшееся: скажи, каким образом можно обмануть осанвэ — и эльфы будут жить.

Возможно, Саурон мог бы таким образом чего-то добиться — тогда, в первый раз, когда уничтожающее сознание своей предельной низости было Берену внове. Но теперь само его отчаяние истрепалось — он слишком устал. Он пережил все, что, как он думал, невозможно пережить, он прошел через бездну унижения, через поражение и предательство, смерть друзей и утрату надежды. Он отомстил. Он готовился встретить смерть. Саурону было нечем его пугать — и Саурон это понял.

— Я догадался, почему ты молчишь, — прошептал он. — Ты не боишься страданий — ты их хочешь. Мечтаешь, чтобы раскаленные клещи заставили тебя забыть, как глупо и бездарно ты упустил то, что само шло в руки. Предал доверие Финрода, а потом — наше, все потерял и ничего не получил взамен. Вот об этом ты надеешься забыть под пытками. Не надейся. Я оставлю тебе то, что мучит тебя всего сильнее: память и совесть... Я лишу твою смерть смысла, Берен.

Саурон отпустил его, обошел кругом, и в его голосе зазвучала горечь.

— Увидев тебя впервые, я решил, что наконец-то передо мной человек, способный думать своими мозгами, а не глядеть в рот эльфу, разинув варежку. Теперь я вижу, что ошибся. Ты — достойный потомок Беора, гордившегося тем, что носит имя «Слуга»!

Саурон не дождался ответа. И тогда, положив ладонь на голову пленника, он затянул заклинательную песнь. Горец попробовал стряхнуть ладонь — легче, кажется, было бы терпеть вцепившегося в волосы унгола. Одноглазый, стоявший и молчавший до сих пор, не дал ему это сделать, крепко взяв за подбородок и за волосы. Песня пронизывала все существо Берена — он закрыл разум, но заклинание было обращено против hroa. Короткие слова, длинные строки — ах'энн; смысл непонятен, да и есть ли он? Внутри что-то менялось: зрение стало невыносимо острым, слух тоже сделался чутким до предела — теперь глухо, монотонно произносимые слова песни давили на барабанные перепонки. Он попробовал закрыть глаза от света, сделавшегося вдруг ярким за пределами — и не смог. Тело охватило нечто сродни параличу, но действующее в другую сторону: там ты не можешь пошевелиться, а здесь — ослабнуть, упасть, повиснуть на руках врагов, закатиться в обморок.

Песня смолкла, но тише не стало. Зал вдруг наполнился сотнями разных звуков, неразличимых прежде. Голос Саурона звучал громом:

— Ведите его за мной.

Саурон развернулся на каблуках и, позвякивая, направился к двери. Охранники поволокли Берена следом.

По коридорам и галереям — в тюремную башню, а там — вниз. Берен узнал тот коридор, где прежде была его камера, потом, двумя витками лестницы ниже — застенок; но и здесь они не остановились. Еще два оборота спирали — Берен даже не думал, что ниже что-то есть. В воздухе было холодно и сыро, со стен капало — они должны были находиться на уровне реки, если не ниже.

«Яма» в языках эдайн была не столько именно ямой, сколько тюрьмой вообще. Яма могла быть и на верхушке башни.

Но здесь, в Тол-и-Нгаурхот, действительно была яма, подземелье, каменный мешок. Одна из природных пещер, приспособленных Финродом для отвода подземной воды и стоков — кое-как была перестроена в тюрьму, склеп для погребенных заживо. Их тела не выносили отсюда, их кости гнили в темной густой грязи, покрывающей пол.

Саурон вставил в замок двери свой перстень, повернул, с усилием толкнул дверь — ржавый визг резанул уши Берена. Ручеек смрадного воздуха сочился из щелей между дверью и камнем, а когда Саурон открыл камеру — вонь хлынула густым потоком, даже факела словно задохнулись на миг.

Саурон шагнул в проем и растворился в черноте. Ему, майя, не нужен был свет — даже на такой опасной, узкой и скользкой лестнице. Свет не нужен был и Берену — силой Саурина заклинания он видел в темноте. Правда, видел ровно то, на что был направлен его взгляд, чуть в сторону — и все терялось во мраке; но очертания того, на что он смотрел, были резкими почти до боли.

— Финрод! — крикнул орочий десятник. — Эй, голуг! Тебя еще не сожрали? Смотри, кого я привел! Твой самый верный пес пришел к тебе на выручку — может, я еще услышу, как вы вместе воете.

Горца вытащили на середину ямы, осветили ему лицо факелом — сунув огонь чуть ли не в нос. Пламя ослепило, но Берену и не нужно было видеть, кто перед ним. Он знал.

Колдовское зрение постепенно приспособлялось к темноте — но одни узники как будто слегка светились, если смотреть не прямо, а чуть в сторону, другие же были темны и неподвижны, и Берен понял, что темные — мертвы.

— Вот так-то, — продолжал орк. — Надеяться тебе, эльф, больше не на кого, поэтому давай, открывай пасть и говори. Не жди, пока зубы вцепятся в задницу.

Финрод оставался безмолвен.

— Упертая скотина! — десятник вроде бы замахнулся, но бить не стал. — Может, у тебя, Беоринг, ума поболее, а? Покажите ему, ребята, что с ним будет, ежели он не станет поразговорчивее!

Берена повернули в другую сторону, осветив факелами то, что висело там на цепях.

Увидев это при свете, он не смог удержать сдавленный стон отчаяния, и орки засмеялись, водя факелами вверх и вниз, чтобы от глаз человека не укрылись ни искаженное мукой лицо эльфа, ни разодранный живот, ни вскрытая грудь, ни до костей обглоданные ноги.

Это был Аэглос.

— Драуглин, — сказал орк. — Она сейчас отсыпается, но ты ее еще увидишь. Еще налюбуйся. Она, дружок, ужас какая здоровенная, и страшно любит подзакусить. Когда она закусывает, слышать аж наверху.

— Помолчи, — велел Саурон. — И займись делом.

Берена раздели, подтащили к стене, руки развели в стороны, просовывая в стальные кольца. Проушины колец заклепали кусками железной проволоки. Берену пришлось встать — иначе его руки оказывались задранными над головой, а сломанная ключица причиняла такую боль, что он непременно лишился бы чувств, не будь его сознание натянуто на заклятие, как беличья шкурка на распорки меховщика.

Эльфы были прикованы к стене таким же образом. Там, где низкий свод пещеры опускался почти к самому полу, была дыра — оттуда появлялся кто-то — наверное, волколак. Полоумная старая ведьма не ошиблась, смерть Берена жила в пасти волка.

— Финарато, — сказал майя. — Ты его ждал? Ну вот, он здесь. И надеяться тебе больше не на что. Во сколько тебе уже встало твое упрямство? — Саурон огляделся. — Пятеро. Пятеро уже мертвы. Берен по дороге сюда положил еще сотню людей и эльфов.

«Полторы сотни», — подумал горец.

Пока Саурон говорил, один из орков поигрывал ножом, проводя лезвием то по лицу горца, то по животу, то упирая острие ему в пах. Игра оказалась неинтересной: жертва не хотела пугаться. Другие орки молча тянули друг у друга рубашку пленника. Берен от души надеялся, что они подерутся, когда Гортхаур уйдет. Может, даже до смерти.

— Стоит ли оно того, Финрод? — продолжал Саурон. — Вот, вы называете меня бессердечным — а есть ли сердце у кого-то из вас? Ведь эти эльфы были тебе друзьями. Ради тебя они оставили Нарготронд, добровольно ушли за тобой в изгнание. А ты — равнодушно смотрел на их гибель, спокойно слушал их крики... Или все-таки не спокойно, Финрод? Все-таки твое сердце болит? Ты не думал о том, что будет, когда придет твоя очередь? Если ты и размышлял о смерти — то ведь не о такой. Не здесь, в подземелье собственного замка, по уши в волчьем и собственном дерьме. Без света, без воздуха, без надежды. Тебя все еще не интересует смерть быстрая и достойная? А то и жизнь, Финрод — в отличие от меня, Учитель благороден и великодушен. Он может простить тебя и просто так, безо всяких условий.

Финрод коротко, прерывисто застонал. Нет, понял Берен, — засмеялся.

— Или ты полагаешь, что эти сведения настолько ценны, что я оставлю тебя в живых — чтобы и дальше добиваться этих сведений пытками? Думаешь, что ты, эльф, сумеешь перенести все и выжить? Нет, Финрод, этого шанса я тебе не дам. Нарготронд мне интересен — но ты не первый и не последний пленник из Нарготронда. Рано или поздно кто-то сломается. О дортонионском мятеже мне уже все известно. Я хотел бы знать тайну осанвэ, но меня устроит и ее гибель вместе с тобой. Она не так уж и нужна мне — просто я любопытен

Самый лучший способ обмануть обманщика, — вспомнил Берен — сказать ему правду.

— Саурон, — позвал он. — Я один все это придумал. Ты напрасно их терзаешь, оборотень, они здесь ни при чем.

— Я тебе не верю, — Саурон даже не обернулся.

— Какие же вы все-таки забавные, — нарушил молчание Нэндил. — Вы все время твердите о превосходстве людей над нами — и не верите в то, что именно человек оказался способен вас обыграть

Удар! — Нэндил, выворачиваясь наизнанку в жутком кашле, повис на цепях.

Берен увидел его лицо — зрение наконец-то прояснилось — и скрипнул зубами: вместо глаз у барда были две раны.

— Если Берен действительно что-то знает, пусть говорит, — Саурон подошел к лестнице и поставил ногу на ступень. Орки-факельщики сгрудились за его спиной, так что теперь майя возвышался над всеми — и пленными, и охранниками — величественным черным изваянием, очерченным сполохами пламени.

— Отпусти всех эльфов — и я скажу тебе. Обещаю, — Берен смотрел туда, где прятались под навесом глубоких глазниц невыносимо-голубые глаза Саурона.

— Говори сейчас, — велел майя. — Я не торгуюсь.

— Я торгуюсь, — оскалился Берен. — Ты слышишь? Моя цена — их свобода. Или убей их сейчас, на месте, быстро и легко.

— Ты лжешь, — спокойно сказал Саурон — и поднялся по лестнице до двери. — Я не думаю, чтобы тебе была известна тайна осанвэ. Но если все-таки известна — начинай говорить тогда, когда сочтешь нужным. Я услышу.

— Ублюдок козы и собаки, — плюнул Берен ему вслед. Саурон, не оглядываясь, вышел.

Факела исчезли за дверью, все поглотила тьма.

Обостренное заклиниванием зрение Берена скоро проникло через ее пелену. Он увидел мертвых, он увидел живых — и в горле забились рыдания. Чтобы выгнать их, он большими вдохами глотал холодный спертый воздух.

Аэглос. Лоссар. Менельдур. Эдрахил. Кальмегил.

Они умерли страшно.

Они умерли напрасно.

И живые, и мертвые были отмечены следами истязаний, и нельзя было сказать, кому пришлось хуже. Наверное, Лауральдо, который был жив, но без сознания. Берен понимал, что если сейчас забиться в цепях и завывать, то ничего не изменится. Но биться и выть хотелось чем дальше, тем больше. Безумствовать, кричать, браниться и колотить головой о стену — что угодно, только не это зябкое, молчаливое ожидание...

— Берен, — тихо окликнул его Айменел. — Скажи мне, что с Руско?

— Руско убит, Тинвель... Он помнил о тебе.

— Я знаю, — голос Айменела был ровным, но по лицу покатались слезы.

На его глазах чудовище растерзало его отца. И через какое-то время — придет за ним. А он по эльфийским меркам даже не считается взрослым. Он еще не принял длинный меч, носил экет... Последний оруженосец Финрода Фелагунда — в ожидании гибели он думал не о себе.

— Эльдар, — сказал Берен, обведя взглядом живых — истерзанных, остриженных, как рабы, погребенных заживо в вонючей яме, назначенных в корм чудовищу. — Утешьтесь: Саурон получит свое. Хитлум отбил, а Дортонион свободен.

— Это хорошая весть, — сказал Вилварин.

— Не для тебя, — раскатилось где-то под сводами. — Берен, это совсем не то, что мне хотелось услышать. А пустой болтовни я не люблю.

Изостренный до предела слух Берена уловил шевеление в глубине норы. Пахло смрадом (хотя Берен уже решил, что сильнее, чем в этой яме, смердеть не может). Берен не мог ни закрыть, ни отвести глаз. Он слышал тихие, неразличимые обычным слухом, шаги мягких лап, почти неуловимый скрежет когтей по камню... В проеме логова смутно засветились два мертвенно-зеленых огонька. Берен подобрался весь, прижавшись спиной к стене.

Послышалась возня — гаурица протаскивала свою тушу через лаз. Когда она выпрямилась, фонари ее глаз оказались на уровне груди человека. Волчица подошла к нему неторопливо, обнюхала, ткнувшись холодным носом в бедро и в живот — он не закричал только потому что от страха свело горло. Тварь поводила башкой из стороны в сторону, потом потянулась и зевнула, обнажив кроме торчащих из пасти клыков — в палец длиной каждый — все прочие зубы, самые маленькие из которых были с фалангу пальца взрослого мужчины.

Все эльфы подняли головы, встали, постарались выпрямиться — кроме Лауральдо. Никто не знал, чья смерть выбралась из вонючего логова. Айменела била дрожь, но он держался.

Финрод, все это время сидевший неподвижно, тоже подтянулся на цепях и встал. Берен, прикованный напротив, отвернулся, чтобы не смотреть ему в лицо. Это было легко — взгляд неодолимо притягивала волчица. Вот она делает круг по подземелью — грязь чавкает под ногами... Вот она останавливается, выбрав жертву. Вот — обнюхивает перед тем, как

броситься...

— Прощайте, друзья, — сказал Вилварин. И тварь прыгнула.

* * *

Драуглин никогда не давали столько мяса.

Она была уже старая, и больше не могла рожать. Но Повелители не стали убивать ее, как других — а отправили сюда, в яму. Повелители поступили с ней плохо, но, наверное, она это чем-то заслужила — ведь Повелители не могут быть неправы... В яме было темно и все время воняло, а мясо давали редко. Драуглин была постоянно голодна и порой, выбираясь сюда, в пустой колодец, громко выла, жалуясь на свою злосчастную судьбу. Лучше бы Повелители убили ее, чем доживать свои дни здесь.

Слишком долго выть было нельзя — Повелители могли прийти и наказать ее. А еще ее могли наказать, если она с голоду разрывала какого-нибудь неосторожного орка. У Повелителей была Боль. Поначалу, когда она была еще щенком, ей часто делали Больно — пока она не поняла, как отличить мясо от Повелителей. Мясо и Повелители были очень похожи, но Повелители носили черные шкуры, и в руках у них была Боль, а мясо было раздетым и привязанным. Но на этот раз мяса было много. Не такого, какое она особенно любила — это быстро портилось, делалось совсем-совсем сухим и невкусным. Его можно было есть только пока оно живое. Но все равно — его было много. Никогда прежде не было столько. Наверное, она чем-то заслужила. Наверное, были хорошие щенки. А может, мяса стало слишком много и его нужно давать, пока оно не испортилось? Неважно. Мясо. Много. Ей одной.

Повелители любили ее, когда она была молодой. Не заставляли бегать на Задания, не обучали при помощи Боли — только кормили вдоволь, позволяли играть и приводили самцов. Дважды Драуглин сводили с ее собственными сыновьями. Последним плодом такой случки был Кархарот — самый красивый, самый лучший И он же истощил ее. Он был такой большой этот Кархарот, она думала, что ее бедра лопнут, когда рожала его. Она долго не могла ходить после этого, но ее не убили, а кинули сюда, в яму. Свежий сквозняк, шум и новый запах разбудили ее. Она сначала не решалась показываться — Вожак Повелителей был там, и он мог прогнать ее. Но новый запах ее тревожил. Так пахло мясо, которое она очень любила. Которое, даже будучи мертвым, не портилось, а становилось еще лучше на вкус. Этот запах разжигал ее любопытство, и когда Вожак Повелителей ушел, она решила выбраться из норы и полакомиться.

Но, уже обнюхивая свое любимое мясо, Драуглин ощутила железную хватку Воли. Вожак ушел, но Воля его оставалась здесь, и эта воля запретила трогать любимое мясо, пока не будет приказано. Драуглин расстроилась: послушаться Воли было невозможно, это было еще хуже, чем Боль. Она подчинилась — и схватила то мясо, на которое Воля ей указала. Мясо закричало. Оно почти всегда кричало...

Когда крик Вилварина сорвался и умолк, когда смолкло и чавканье волчицы, когда она протиснулась в отвор и снова исчезла надолго, Финрод закрыл глаза, опустился на колени и остался наедине со своей болью.

Боль имела форму. Он изваял бы ее из обсидиана — изломанное, взорванное изнутри нечто, сплошные острые грани, иглы и лезвия — и переход в тяжкое, тягучее, тяжелое, черное...

Боль имела вес — руки выламывались из суставов, подкашивались ноги.

Боль имела вкус и запах — вкус рвотной желчи, запах крови.

Она была вещественна — а значит, преодолима.

Финрод боролся.

Это был обычный для него способ справляться со страхом перед неизвестным — придать неизвестному форму, осознать как нечто зримое, вещественное. Он любил, размышляя, разминать в руках комков воска или водить грифелем по доске — то, что выходило из-под его рук, зачастую было странно на вид и не проживало более минуты — ему хватало этого времени, чтобы рассмотреть ту форму, которую неизвестное обрело. Проникнуть в суть, познать взаимосвязь — после этого страх отступал перед восхищением многообразием и великолепием форм бытия...

Осознать... Он стал тем, кого называют Мастером — в тот день, когда его руки стали таким же инструментом мышления, как и его разум.

Он научился придавать страстям форму, его резец повторял не только движения тела — движения души, его руки прощупывали в воске, глине или алебастре чьи-то черты — прокладывая дорогу от чужой души к его душе, он отображал лицо и тело — но постигал разум.

Его руки...

Сейчас они могли нащупать только форму боли.

Саурон знал, какая пытка вернее всего измучит не только тело его, но и душу. Изуродовать руки, изломать пальцы — и мастер-нолдо изведется в отчаянии.

Лишь в одном он просчитался. В том, что Финрод был не просто мастером — но Мастером, разгадавшим тайну воздействия fea на hroa. Мастером исцеления.

Один раз за эти четверо суток он уже попытался исцелить свои руки — и потерпел поражение: боль оказалась слишком сильной. Финрод надолго потерял сознание, потому что до конца не хотел отступать. Он не успел из-за этого попрощаться с Эдрахилом, но, придя в себя, обнаружил, что руки немного восстановили подвижность. Сломанные кости начали заживать. Пальцы должны были срастись неправильно — некому было их вправлять. Цепи вделали в стену так, что одной рукой дотянуться ни до другой, ни до лица или тела было невозможно. С пальцами приходилось полагаться на удачу. Что ж, в Мандосе ловкость рук ему не понадобится. Пусть пальцы восстановятся ровно настолько, чтобы выдержать бой с чудовищем и расклепать цепь Берена — о большем Финрод не просил.

Предстояла вторая попытка самоисцеления. Возможно, думал он, в этот раз будет полегче.

Когда привели горца, Финрод подумал было, что это конец. Берен не сумел довести

свою игру до победы, Дортонион и Хитлум пали. Но в голосе Саурана он не заметил былой уверенности. Саурон не спешил похвастаться победой. И Берен не был похож на окончательно побежденного.

Весть, за которую расплатился жизнью Вилварин, была все же радостной вестью. В этом была надежда. Не на то, что ему удастся выжить — Финрод знал, что найдет свою смерть в этом подземелье — но на большее.

Берен должен был спастись. У него одного оставались силы. Его, видимо, избili, когда брали — но и только. Он сумеет не дать умереть остальным... Если кто-то еще останется...

Финрод попытался разобраться в природе заклинания, опутывающего человека. Эти чары были ему известны: Саурон использовал нечто подобное, когда пытал их — с поправкой на эльфийскую сущность. Финрод, Эдрахил, Эллуин и Нэндил умели защищаться от такого, а с прочими он не злоупотреблял, зная, что это заклинание может истощить fea до того, что она покинет тело. Но с Береном было иначе: Саурон уже не берег его жизнь, и заклятие, лежащее на нем, было жестким и неразрушимым, как цепи на руках. Берен не мог потерять сознание, пока — Финрод понял суть заговора — пока жив хоть кто-то из эльфов. Но вряд ли Саурон подарит ему ту смерть, которую приносит это заклятие: безболезненное, мгновенное угасание. За Береном придет волк. А значит, Саурон все же хочет сохранить жизнь Финроду — до последнего. Значит, время еще есть.

Он закрыл глаза и начал про себя тихую, длинную заклинательную песнь. Саурон лишил его власти над всем, что было вовне его, но над собой Финрод по-прежнему был властен. И он знал, что именно совершит, когда заживит руки и сумеет открыть те тайные кладовые своей силы, которых нельзя касаться без крайней нужды.

Здесь не было воздуха и света, но кругом был камень, а в нескольких футах, за стеной пещеры, бежал Сирион. Эльфа невозможно лишить доступа к Стихиям Арды, как бы ни старался Моргот это сделать. Сила Аулэ и сила Ульмо должны ему помочь — он не сомневался в том, что сумеет воззвать к ним и получит согласие.

Но, проходя через него, эти силы сожгут его плоть. Он сделает больше, чем может вынести hгоа — и расплатится за это жизнью. У него была всего одна попытка. Всего одна.

Пальцы Финрода снова нащупали форму боли. Началось исцеление.

* * *

Это уже было — однообразные мучительные усилия для своего освобождения. Движение за движением он расшатывал коновязь, чтобы вырвать ее из земли...

На этот раз Берен пребывал в сознании, он не мог уйти в беспамятство, но время от времени проваливался в безумие. И тогда ему казалось, что он один во тьме, не в подвале Тол-и-Нгаурхот, а на деревенской площади, и руки не прикованы к стене, а привязаны к бревну, и он пытается расшатать и выдернуть не вбитый в стену крюк, а врытый в землю столб.

Но потом смерть приходила за кем-то из эльфов — и он выпадал из жуткой грезы прошлого в жуткое настоящее.

Тварь убивала одного — и успокаивалась на какое-то время. На сколько — Берен не

знал. Он пытался вести времени счет по ударам сердца — но очень скоро оказалось, что это доводит до сумасшествия. Он сбивался и сознание мутилось. Порой казалось: наступает спасительный обморок — но нет. Саурон знал свое дело.

Он дошел до безумия далеко не сразу. Сначала — были отчаянные попытки освободиться.

Он сумел скрутить цепь на правой руке — кольцо достаточно вольно ходило на запястье. Резко налегая на скрученную, напряженную цепь всем своим весом, он ждал, что вот-вот не выдержит одно из звеньев, либо же крюк выскочит из стены. Семь мучительных рывков, один за другим — и долгий отдых. Аладар лежит под землей, и его верный пес Дхейран одну за другой процарапывает семь крышек его каменного гроба — но, дойдя до восьмой, выбивается из сил, и тогда крышки одна за другой срываются. Ах, если бы у Дхейрана хватило сил процарапать восьмую. Он несколько раз пытался, преодолев себя, рвануть цепь в восьмой раз — сломанная ключица не давала. Боль он презирал — но одновременно с ней приходила мерзкая слабость, от которой даже ноги подкашивались. В эти минуты он ненавидел себя, свое смертное тело, свою жалкую природу, которой бессильна овладеть воля. Будь он эльфом — его тело не предавало бы его так жестоко.

За Вилварином погиб Лауральдо — так и не придя в сознание. Берен завидовал ему.

Он не в силах был смотреть, как тварь жрет — и не в силах был не смотреть. А Финрод висел на цепях, не поднимая головы. По его телу время от времени прокатывалась судорога — и снова он замирал неподвижно. Он уже не встал, когда волчица подошла к Лауральдо.

От недосыпа, усталости, холода, боли — Берен соображал очень плохо. Он видел, что Финрод сначала что-то шептал, а потом опустил на колени, закрыв глаза и кусая губы — но он никак не мог связать эти события воедино, никак не мог вспомнить, где и когда он видел нечто похожее. Все усилия его мысли, души и тела сосредоточились в скрученной цепи, которую он дергал и тянул.

Бесплодно.

Наверное, эльфы тоже пытались так освободиться. Эльфы, которые сильнее и выносливей. Берен не понимал, ради чего он продолжает безнадежные попытки — то ли внутри еще жива глупая надежда, то ли он просто хочет загнать себя до смерти.

Сколько прошло времени? Часы? Или дни? Все так же капала вода, все так же воняло, и тьма поглощала все звуки.

Вскоре снаружи раздался новый звук — шумели орки. Берен гадал: пришли они кого-то сюда швырнуть или кого-то вытащить. Оказалось не то и не другое. Раздался стук камней и скрежет мастерка.

Их замуровывали.

Потом наступил черед Эллуина. Крик долго звенел под сводом, а потом смолк — слышалось только чавканье, и Берен в исступлении рвал цепь, проклиная себя за то, что сведенные холодной судорогой мышцы отказывают все чаще и рывки все слабее.

Наконец, насытившись, волчица прямо возле болтающегося на цепях трупа раскорячилась и принялась опорочиваться. Берен, парализованный очередным приступом слабости, висел на цепях и плакал от беспомощной ярости. Может быть, даже бранился, выл и бился головой о стену — он не помнил.

«Я должен это прекратить. Пусть мы подохнем здесь — но не ТАК».

Оставалось только налегать на цепь в однообразном мучительном ритме: семь рывков, один за другим, снова и снова рассаживая запястье в кровь — и отдых. Он смотрел на крюк

— появилась ли какая-то слабина? Должно быть слабое звено, заклепанное вхолостую — ведь не приносили сюда наковальню! Он пытался ощупать пальцами стыки звеньев — расходятся или нет? Замерзшие пальцы не слушались.

Берен не понаслышке знал, что гаур может голодать без особого риска целую неделю. На тварь явно наложили заклинание: человек не мог потерять сознание или покончить с собой, волчица не могла успокоиться. Она не столько жрала, сколько рвала в куски.

Количество рывков сократилось до шести. Пяти. Четырех. Потом и на четвертый не хватило сил. Колени подломились, но упасть в полужидкую грязь не позволила скрученная цепь. Берен снова повис, и боль впиалась ему в плечо. В миг просветления он сумел встать и раскрутить цепь обратно. Теперь можно было упасть на колени — что он и сделал.

Безумие снова завертело его в своем колесе. Вися на бревне, он старался напоследок напоить свои глаза синевой и думал, что ему выпало умирать в удивительно хороший осенний день.

А потом он умирал — и синее небо подергивалось алым.

— Мама, зачем орки привязали дядю к коновязи? Его будут убивать?

— Нет, хиньо. Его будут пытаться. Убивать будут нас.

— Это так же больно, как бьют?

— Больнее. Но не так долго. А после этого мы будем свободны и ночью уйдем по лунной дорожке на небо.

— И увидим там дэйди?

— Да, сынок.

Он странствовал в безвременье своей памяти, пока не настал черед Нэндила.

Он пытался вырвать себе глаза, чтобы не видеть, как Нэндил умирает. Он бы сделал это, если бы цепи позволяли дотянуться до лица рукой.

Он погрузился в тягостное, невыносимое оцепенение, когда Нэндил умер.

Кто-то пытался достучаться до его мыслей — но Берен не понимал того странного чувства, которое тревожит какой-то еще живой кусочек его сознания. Он забыл, что это и как это делается.

Кто-то звал кого-то по имени.

— Айменел! Не делай так, не нужно!

Финрод впервые заговорил в этой яме.

— Я... — глухо сказал Айменел, — Не могу больше. Я боюсь. Прости, король.

— Айменел, остановись. Надежда еще есть. А если бы ее и не было — ты не можешь оборвать свою жизнь, ибо не ты ей положил начало.

— Да... знаю... Но я больше не могу. Прощай, государь. Прощай, Берен.

— Прощай, — тихо сказал горец.

— Берен, скажи ему что-нибудь! Останови его! Айменел, если ты так сделаешь, ты поступишь бесчестно — ведь Берен не может умереть по своей воле!

Айменел всхлипнул и — было видно — заколебался. Но Берен не смог удержать стоны.

— Зачем? — проговорил он. — Ты думаешь, мне радостно будет смотреть, как вас рвет волк? Или думаешь, что я не поступил бы так, будь это в моей воле? Саурон назначил нас служить друг другу орудием пытки — почему ты хочешь удержать того, кто бежит от этой службы? Прощай, Айменел.

Он никогда прежде не видел, как это происходит, хоть и слышал о таком — юный эльф закрыл глаза и легкое, золотистое сияние жизни, которое окружало эльфов — померкло, а

вскоре и вовсе погасло. В глазах Берена Айменел сделался серым и холодным, как камень, к которому был прикован. Дыхание прервалось еще раньше. Сияние в последний раз пробилось вспышкой — так сполох пробегает по угольку, если на него подуть — и умерло совсем. Цепи звякнули — Айменел повис.

— Вот это, — тихо сказал Финрод. — Мне будет очень трудно тебе простить.

— Я сам себе не прощу. Не этого — а того, что обгадил все дело и не смог вас выручить.

— То было не в твоей воле. А это — в твоей.

— У каждого есть право на достойную смерть.

— А право на жизнь?

— Мы не выживем.

— Откуда ты знаешь, что произойдет через час?

— Через час тварюга примется за кого-то из нас. Если за меня — я поблагодарю всех богов.

— Ты просишь смерти, Берен?

— Я только о ней и молюсь, — ответил человек — и запоздало сообразил, что Финрод этого вопроса не задавал.

— Ты знаешь, как ее поторопить. Слово, Берен. Всего несколько слов.

Горец посмотрел на Финрода. Он лишь теперь заметил, что король стоит прямо и делает то же самое, что он делал бесконечное время назад — скручивает цепь. Но не посолонь, как делал Берен, помня, что эльфы обычно нарезают «хитрые гвозди» именно так — а противосолонь.

— Хорошо, — внезапно сказал эльф. — Хорошо, Берен. Скажи ему то, что он хочет услышать. Скажи.

Берен очень плохо соображал, но тут словно кто-то вложил понимание ему прямо в голову и в сердце.

— Гортхаур! — крикнул он, не особенно притворяясь находящимся у последней черты безумия. — Я ничего не знаю об осанвэ! Это все Финрод. Это он придумал заклятие, которое дало мне ложную память. Я не знаю, как это делается, клянусь.

От хохота, казалось, по подвалу пошел сквозняк — хотя это только казалось. Берен уже знал, чем вызвано это движение воздуха. Он выпрямился и подобрался снова.

— Раз ты не знаешь — тебе незачем жить, — сказал Саурон. — Прощай, человек.

Его давящая воля покинула подземелье. Из черного провала показалась огромная голова, блеснули глаза. Волчица пропикивалась через дыру, в которую она прежде проходила свободно.

Но Берен не смотрел на нее. Он смотрел на Финрода.

То ли это произошло только что, то ли Берен прежде был слеп — но сияние жизни, окутывающее эльфа, пылало как раскаленный горн. На лбу короля нолдор выступил пот, тело напряглось в усилиях, которого Берен не мог не то что сделать — вообразить.

Финрод рванулся только раз — и один крюк вылетел из стены, а звено цепи, закрепленное за второй — лопнуло...

Драуглин обманули. Повелители обманули Драуглин! Она не знала, что ее закроют здесь вместе с мясом насовсем. Не знала, что ее заставят жрать мясо — а если она попробует не жрать слишком долго, изнутри придет Боль. Это было так Неправильно! Повелители — лжецы. Она не хотела жрать даже то свое любимое мясо, на которое получила разрешение — но Воля была над ней и она, стеной от ярости, поползла в яму.

Она не знала, что здесь будет Повелитель, что Повелитель ударит ее цепью.

Это было Больно!

Откуда была цепь, откуда шла Боль — она не могла понять. Повелители — лжецы, они наказали ее, обрекли на смерть, но за что? Что Драуглин сделала плохого? Разве не свирепых, не сильных рожала она щенков? Разве не кормила, не ласкала их? Разве ослушалась хоть раз Повелителей? Разве они сами не разрешили ей брать это мясо — да не то что разрешили, заставили! И теперь за это бьют?!

Повелители! Предатели! Убийцы!

В отчаянии Драуглин кинулась в сторону — и обида обожгла ее еще больше. Это не Повелитель, это мясо било ее цепью! Драуглин уже не хотела, не могла жрать — но она разозлилась. Мясо не может ее бить — оно не может бить вообще никого, оно может только кричать и умирать, или умирать молча! Мясо, которое бьет гаура — это Непорядок, это страшный Непорядок!

Драуглин бросилась...

* * *

...лопнуло, и Финрод упал на колени и локти — вес высвободившейся цепи бросил его вперед. Не давая себе передышки, эльф вскочил на ноги и бросился к волчице, ударив ее по голове цепью.

Слишком быстро двигалась она и слишком медленно — Финрод. Удар пришелся по спине, тварь взвизгнула и, выгнув хребет, развернулась. Прянула вперед, получила еще один удар — и свалила Финрода с ног.

Берен, увидев, что она подошла близко, со всей силы наподдал ей ногой по заду.

— Сюда! — крикнул он. — Иди сюда, чтобы ты мной подавилась!

Тварь повернулась к нему — и тут Фелагунд прыгнул ей на спину, захлестнув горло цепью.

Все произошло быстро, очень быстро... Финрод оказался под волчицей... Выворачивался и бился, подставляя под клыки скованные запястья — и вдруг исхитрился схватить ее за челюсти. И тут уже перестал выкручиваться из-под нее, наоборот — обхватил ее ногами, сжав колени. Сам Берен мог бы так задушить человека — но сомневался, что раздавить ребра гауру сможет пусть даже эльф. Видимо, Финрод тоже это понял — со всей силой, что была в руках кузнеца, строителя, ваятеля — он начал раздвигать челюсти чудовищной твари. Волчица билась, рычала, таскала своего противника по всему подвалу, пыталась перекатиться через него, чтобы раздавить, полосовала эльфа своими когтищами — но не могла заставить его разомкнуть хват или ослабить давление на челюсти. Ее рык

сменился отчаянным воем, потом перешел в тонкий жалобный скулеж — впервые в жизни она почувствовала себя жертвой... В последней попытке освободиться она повалилась на бок и рванула когтями грудь и живот Финрода. Он закричал — но не отпустил зверя. А потом закричала волчица — почти как человек. Челюсти хрустнули, лопнули губы, хлынула кровь, тварь задергалась и забилась, ослабев от боли — и Финрод одним движением свернул ей шею.

Берен почувствовал, что сам весь в поту — как будто это он выдержал схватку. Финрод неподвижно лежал под дохлой грудой шерсти и мяса, и его кровь смешивалась с кровью зверя.

— Аран! — крикнул горец, испугавшись, что тот умер.

Король Фелагунд поднял голову. Его волосы были в грязи и в крови, но глаза горели ясно.

Кровь из страшных ран больше не текла — эльфы умеют останавливать ее усилием воли.

Только сейчас Берен понял, какую постыдную ошибку допустил, позволив Айменелу покончить с собой — Финрод уже знал, что сможет освободиться, лишь ждал прихода волчицы. Они двое еще могут выжить. Могли бы и трое — не окажись Берен так малодушен.

— Аран, — снова сказал он, не в силах благодарить.

— Ты сможешь встать на ноги и удержать меня? — спросил Финрод.

— Да.

— Хорошо, — эльф выполз из-под волчицы. — Все просто. Очень просто, — сказал он неизвестно кому. Все так же, не поднимаясь, подполз к Берену и обхватил его рукой за шею.

— Давай.

Берен поднялся с колен. Не то чтобы это было легко — но по сравнению с тем, что сделал Финрод, это было просто ничто.

Тело эльфа оказалось горячим, как печка.

— Ты почти расклепал слабое звено, — сказал он. — Скрути цепь и потянем ее вместе, всем нашим весом.

Берен сделал как он просил.

Они налегли изо всех сил, потом Финрод сказал:

— Все, — и, опираясь о стену, отсоединил цепь от слабого звена. Берен обхватил его за пояс. Вовремя — как раз успел не дать ему упасть, опустил осторожно, усадил спиной к стене.

— Дальше — сам, — тихо сказал Финрод. — И поспеши. Я буду жить сколько смогу.

Это была нелегкая работа, тут нужна не просто сила, тут нужна ловкость и чувствительность пальцев — а пальцы у Берена изрядно задубели. Как тогда, в Эред Горгор, — и, как тогда, на кончиках пальцев висела его жизнь. Проволока продета через проушину несколько раз, концы ее закручены и склепаны щипцами — если бы их заклепали молотком, может быть, надежды и не осталось бы вовсе... Может быть, ее и сейчас нет — той надежды, которую эльфы называют амдир. Но была еще эстель — и Финрод сумел вырвать цепь из стены и одолеть волчицу. Потому что у него была эстель. Он просто должен сделать все, что в его силах и все, что он сможет выжать из себя, когда силы кончатся... Потому что Финрод — смог.

Время шло. Обламывая ногти, используя звено оборванной цепи, Берен сумел отогнуть прижатые к проушине и закрученные концы проволоки, развести их в стороны, разобраться,

как их закрутили — по солнцу или против.

В Дортонионе лазать по скалам — любимое занятие мальчишек. Разорять птичьи гнезда, высматривать отбившихся от стада овец, срывать для девушек редкие цветы нимбесс, да просто хвалиться своей удалью... Наука пригодилась позже: взобравшись наверх, наблюдать за передвижением врага, оставаясь для него невидимым; сбросить камень или поразить стрелой как бы ниоткуда; по неохраняемой скальной стене пробраться в замок к предателю, убить — и исчезнуть бесплотным призраком; подняться к линии вечных снегов, перебраться через предвершинную седловину и спуститься по другому склону горы, сбивая волков со следа... У всех горцев очень сильные кисти и пальцы. Берен мог согнуть пополам монетку. Сейчас требовалось нечто обратное — разогнуть толстую проволоку, туго скрученную щипцами...

На середине работы он остановился, упираясь лбом в стену, отогревая пальцы во рту.

— Берен, — эльф, сидевший неподвижно, уткнувшись головой в колени, поднял лицо — Прощу тебя, не останавливайся. Я не знаю, сколько еще проживу. А если ты потеряешь сознание сейчас — ты потеряешь руку — самое меньшее.

— Ты еще тысячу лет проживешь... еще меня похоронишь, — ответил Берен, снова принимаясь за дело.

— Я не собираюсь этого делать. Поторопись.

— Ты выживешь, эльф. О другом и думать не смей — теперь-то. Тварь ты убил, кровь остановлена, замерзнуть я тебе не дам... Нас вытащат, вот увидишь.

— Да... Да, конечно...

Наконец — последний виток проволоки поддался. Берен высвободил руку из оков — и плюхнулся в грязь рядом с королем.

— Все хорошо, — сказал он. — Теперь все будет хорошо

— Да, — Финрод слабо улыбнулся — и вдруг его скрутило в судороге, он начал заваливаться набок.

— Аран! — горец подхватил короля, прижал к себе, положив его голову себе на плечо — эльфа продолжало крутить, не отпускало.

— Нет, — пробормотал Берен, растирая ему щеки и плечи, — Нет, не надо Ты же победил, Финрод, ты ее одолел, и кровь у тебя не идет больше — что с тобой?

Жизнь короля уходила. Берен чувствовал это — и ничего не мог сделать. Эльф дрожал так сильно, что можно было сказать — метался.

— Оставь, — Финрод стиснул его руку. — Не спасет... Трупный яд... Слишком много даже для меня. Лучше так. Знаешь... мне... уже... почти... не больно...

Берен знал. Последний подарок агонии: потеряв много крови, боль перестает чувствовать. Но это наступает только перед самым концом.

— Что мне делать, Ном? Что мне делать, чтобы ты жил?

— Пой.

— Что?

— Пой про мотылька. И возьми меня за руку.

Это было безумием. Но Берен запел — и словно просторнее, теплее, светлее сделалось в подвале Тол-И-Нгаурхот, Тол-Сирион, старинной башни Финрода Фелагунда.

Мотылек мой, мотылек,

Как затейлив твой полет!

Не лети на огонек -

Огонек тебя сожжет

Король сжег себя, — понял Берен. Дело не в ранах, не в потере крови и не в трупном яде — а в тех трех усилиях, в которые он вложил свою жизнь. Разорвал цепи, одолел волчицу и освободил своего друга и вассала, сына своей души Цена не могла быть меньшей — но кто потребовал этой цены?

Мотылек мой, мотылек,

Ты не слушаешь меня -

Как прекрасен и жесток

Золотой цветок огня...

Берен умолк — и Финрод тихо вздохнул. Дрожь прекратилась — но не потому что ему стало лучше. Финрод угасал, как угас Айменел. Король отправлялся за своим оруженосцем.

— Каждый платит сколько может, — проговорил он, сжимая ладонь. — Не больше. И не меньше. Каждый сам выбирает плату.

— А как же я рассчитаюсь с тобой за свою жизнь?

Финрод положил пальцы ему на губы, а потом уронил руку.

— На рассвете... шагну... с края тропы... — прошептал эльф на талиска. Потом перешел на квэнья. — Там, за морем... Не знаю, увидимся ли... в жизни... в смерти... Но я... буду... надеяться... Прощай.

— Прощай, — ответил Берен. — Namarie...

Или последнее слово Финрода было не прощанием, а — именем?

Берен почувствовал, как ослабевают пожатие рук, как леденеют пальцы короля...

Он остался один. Ничто не имело смысла.

«Финрод мертв. Все мертвы. О какую стенку мне теперь расшибиться?...»

В этот миг заклинание утратило свою силу — и сознание Берена захлебнулось в ледяном мраке.

А наверху вошло солнце...

Глава 18. Штурм

Лютиэн вышла на эту поляну, когда ночь перевалила за середину. Луна проливалила свое живое серебро одинаково щедро: и на мохнатые, как лисьи хвосты, верхушки сосен, и на темные стволы, ровные, словно струны, и на неподвижные тела, лежащие на ковре из сосновых иголок. Иные были мертвы, иные живы. Мертвых было больше.

В этом месте было много смерти. Лютиэн спросила Арду — и Арда сказала: резня произошла поблизости около суток назад. Ни волки, ни птицы пока не прикоснулись к убитым — лишь один из них был покрыт словно чешуей из вороненой стали, матово поблескивающей и шевелящейся в свете луны. Лютиэн рассердилась и строго приказала муравьям оставить мертвеца, кто бы он ни был.

А был он солдатом Моргота. Черная корона Севера тремя белыми глазами Камней Феанора смотрела с его нарамника.

Хуан заворчал — нашел живых. Двоих эльфов, мужчин, лежащих в глубоком забытии. У обоих волосы были коротко и неровно острижены, а у одного еще и лоб повязан платком — точно так же, как у Телкарона. Несколько людей — тоже раненых, мужчин гораздо моложе, чем Берен. И еще одного спящего человека — целую и невредимую юную женщину, лет... Лютиэн не могла сказать точно, но девушка уже вошла в брачный возраст, потому что в ее теле были сейчас две fear.

Она лежала в обнимку с юношей явно из народа Берена — темноволосым, высоким и худощавым — но этот юноша не был отцом ее ребенка, и вообще между ними ничего не было: она просто отдавала ему тепло. А тепло ему было нужно, потому что его лихорадило. И причиной лихорадки была отравка, которую нолдор иногда использовали для своих боевых стрел.

Лютиэн прислушалась к земле — земля стонала. Земле не нравилось принимать в себя столько крови. Лютиэн прислушалась тщательнее — но не услышала того, кого искала здесь — и теперь не хотела найти.

— Берен, — она заметалась, закружила по всему лагерю. — Берен, где ты?

Глухо и коротко тьякнул Хуан. Тинувиэль подбежала к собаке.

Юноша, над которым, свесив язык, стоял пес, пришел в себя. Это был тот самый, что спал в обнимку с девушкой.

— Кто здесь? — простонал он, жестом незрячего вытянул руку перед собой и тут же отдернул ее, нащупав холодный нос Хуана и немалые клыки. Потом еще раз вытянул руку и обшарил всю покорно подставленную голову пса.

— Ты точь-в-точь как волкодав, но для волкодава слишком велик, — сказал юноша. — Разве что боги послали тебя с небес против морготовых волков.

— Почти так, — сказала Лютиэн, опускаясь на колени рядом с ним. — Он из стаи Таураса.

— Ты говоришь как эльф, госпожа, — юноша протянул руку к ней и она позволила ему дотронуться до своего лица. — Да, ты эллет. Что ты делаешь здесь, Высокая? Это мест смерти.

— Ты выживешь, я знаю это.

— О, да, — он улыбнулся. — Все, кому суждено было умереть, уже умерли. Если в дождь мы не простынем насмерть, и орки не найдут нас, мы выживем. Разве что Бервин

может умереть... И, может быть, Даэйрет выведет нас отсюда...

Лютиэн понимала весь ужас их положения. Эльфийский яд, даже при малейшей царапине, даже эльфа надолго валил с ног. Придя же в себя после двух или трех суток забытья, раненый еще с седмицу был слеп и не мог согреться.

«Легких» ран от таких стрел не было — даже если наконечник прошивал только мякоть руки или ноги, хотя бы дырявил кожу — спасти человека можно было только одним: быстро взрезать рану и отсосать кровь. А дальше все было в воле судьбы. Но какая судьба ждет слепого и слабого после ранения человека всего в одном дне езды от Тол-и-Нгаурхот?

И тем, кто выжил, и тем, кто умер, кто-то оказывал помощь. Здесь был хороший лекарь — где же он сейчас? Почему покинул их? Тоже погиб?

— Что здесь случилось? — спросила она. — Кто вы и почему вас оставили здесь, в таком опасном месте?

— Сначала назови свое имя, госпожа. Я должен знать, с кем говорю.

— Я — Лютиэн, прозванная Тинувиэлью, дочь короля Тингола. Мой спутник — Хуан, пес Келегорма Феаноринга.

— О, боги! — юноша был потрясен. — Тогда узнай же, аранэль: я — Нимрос, пиесец, целитель и бард князя Берена.

Лютиэн охнула.

— Дай мне напиток, — попросил он, — и я все расскажу тебе.

Лютиэн нашла поблизости кожаное ведро и принесла воды. Раненый высвободил руку из-под головы девушки, но она так и не проснулась.

— Это Даэйрет, — сказал юноша, проведя ладонью по темным спутанным волосам спящей, неосознанно выбрал из них несколько сосновых иголок. — Устала, бедняжка. Она из слуг Темного, подумать только. Поначалу я боялся, что она пойдет в Тол-и-Нгаурхот и выдаст нас. Но она осталась и ухаживала за нами. А я, дурень, заразился ядом. Думал, что через рот он не берет. Тхурингвэтиль, упыриха, столько крови не сосала, сколько мне пришлось высосать. До сих пор горит язык. Видно, во рту у меня была ранка...

Он взял у нее ведро, выпил немного воды и продолжал:

— Значит, так. Ярн Берен взял нас, полторы сотни человек, и повел на выручку государя Финрода. Сама видишь, аранэль, как мы одеты. Он думал обманом проникнуть в замок. Но в несчастный день за нами увязалась эта девица... Увязалась то ли из-за Руско, княжеского побратима и оруженосца, то ли еще зачем-то... И поблизости отсюда, в ущелье Кирит-Мегил, нас встретили эльфы из Феанорова дома. Они искали тебя, аранэль, и приняли ее за тебя. Начали стрелять и перебили многих... Но после, когда они поняли свою ошибку... они согласились идти за ярном на Волчий Остров... Если сейчас ночь, то сейчас они сражаются. А может статься, сейчас ночь следующего дня, и дело решено так или иначе...

Лютиэн почувствовала слабость в ногах и села на пятки. Берен. С малым отрядом людей и эльфов. Но Волчьем Острове. О, безумец! И вместе с тем она ощутила странное облегчение. Значит, Берен все же не предал своего Короля. Значит, он остался прежним Береном, верным и в дружбе, и в любви, верным до конца...

...До самой смерти.

— Послушай, — сказала она. — Я не смогу задержаться с вами долго. Но я помогу вам, чем смогу.

— Не надо туда ходить, Высокая, — Нимрос взял ее за руку. — Сердце говорит мне, что дело решилось не в нашу пользу. Удача отошла от князя — иначе не валялись бы мы здесь

слепыми. Ах, мне бы глаза! — я бы пополз туда...

— И бросил остальных здесь? — Лютиэн чуть сильнее сжала пальцы, чтоб подбодрить его. — Не бойся, потому что все, что должно было случиться, уже случилось.

— А ты? — спросил он. — Ведь ты же отправишься туда.

— Я — его судьба, — Лютиэн слегка надавила юноше на лоб ладонью, заставляя его лечь, и взмахнула над ним своим плащом. — Спи...

Потом она занялась тем, кто был сейчас между жизнью и смертью. Умирал он не от яда — ему грозила гибель от потери воздуха, потому что жидкость из легких, кровь, сукровица и гной мешали дышать. Лютиэн подняла его, а Хуан прилег на землю за его спиной и подпер так, чтобы раненый полусидел. Водя пальцем вокруг ранки, королевна зашептала заклятие — и отравленная, порченная кровь вперемешку с прочими соками hгоа потекла наружу. Лютиэн продолжала чародействовать, пока рана не очистилась, а потом остановила кровь и наложила новую повязку, оторвав подол от своей рубахи.

Осталось еще одно. Лютиэн встала посередине поляны запела погребальную песнь. Всей тоской, всей своей болью она заклинала землю принять мертвых в себя до срока — и земля отозвалась. Трава проросла сквозь сосновые иглы, сквозь ткань, сквозь тела, укрыла лица зеленым бархатом, земля расступилась, поглощая кровь и кости — и белые, белые звездочки алфирина покрыли поляну. Тогда Лютиэн достала из сумы веревку из своих волос, закрепила ее узлом на одном из деревьев и, тихо напевая новую, охранную песнь, обнесла шнуром все пространство, на котором спали раненые и девица, что была с ними. Теперь посторонний взгляд не мог их увидеть, не приблизившись вплотную. Их обнаружил бы только тот, кто случайно налетел бы грудью на веревку и прорвал заклятие, но случайно мало кто мог бы сюда сунуться — ни человеку, ни зверю, ни орку не захотелось бы свернуть именно в этот уголок леса...

А Лютиэн, закончив песню, вскочила на спину верному Хуану — и они помчались на север.

* * *

...Они бежали всю ночь, потому что не было другого способа согреться. Была ли погоня — ни Даэрон, ни Хисэлин не знали; а впрочем, если и была — они ничего не могли сделать, кроме как бежать. Их оружие осталось на дне реки, только Даэрон сохранил нож.

Хисэлин не выплыл бы, если бы не Даэрон. Теряя дыхание и силы, он сумел снять шлем и поножи, сбросил сапоги, но остальной доспех тянул на дно, и Хисэлин, чувствуя ногами водоросли и мягкий ил, уже прощался с жизнью — как вдруг чьи-то сильные руки подхватили его за подмышки и потянули вверх. Он был слишком тяжел, и понимал, что если не будет помогать своему спасителю — тот не выгребет. И они вдвоем трепыхались, пока не вырвались из холода воды на холод сумрачного воздуха и не втянули рвущимися легкими режущий ветер, полный топота, звона клинков и предсмертных воплей.

После этого Даэрон снова нырнул, и продолжал погружаться, делая ногами сильные, резкие гребки, подобные гребкам лягушки. Все их спасение было сплошной чередой нырков, пока сильное течение Сириона не вынесло их на отмель, где река поворачивала, и, выползая

на берег, в последний раз оглянулись на Остров, где остались обреченные.

Хисэлин избавился от кольчуги, и они побежали прочь. Возвращаться было незачем, уцелел ли еще кто-нибудь — было неизвестно, и страх погони пересиливал усталость и боль в груди. Хисэлин не боялся смерти в бою, но еще один плен? Лучше сто смертей... Пусть его ославят трусом — кто там не был, тот не поймет, как унижение день за днем уничтожает душу.

Впрочем, это было у него не в мыслях, а во всем его существе, когда они бежали по ночному прибрежному лесу. Он не объяснял себе, чего боится и почему бежит — просто спасался, как олень от гончих.

А когда рассвело, они с Даэроном повалились отдохнуть в траву. И впервые поглядели друг другу в глаза, и долго не решались произнести вслух то, что было у каждого на языке:

— И что же теперь?

— Вернемся к раненым, — предложил Хисэлин. — Хотя бы там еще нужна наша помощь.

Даэрон покачал головой.

— Я искал Лютиэн, — сказал он. — Я пошел за ней, а вместо этого уже трижды дрался за дело, которое меня не касается. Ее кровь будет на моих руках, если с ней что-то случится. Я завидую Берену — для него так или иначе все скоро закончится. Почему я тратил время на него, надеясь, что он поможет мне против Куруфина? Он был безумцем, а я — глупцом. Я иду вдоль реки вниз, golda. Постараюсь спасти то, что еще можно спасти.

— Как хочешь, — у Хисэлина не было сил спорить, он просто пожал плечами. — Как хочешь...

Они с Даэроном расстались. Бард короля Тингола пошел вниз по течению, а Хисэлин свернул к горам, к тому месту, где они оставили раненых. Он брел вверх по склону, оступаясь на сосновых шишках, глубоко увязших в слежавшейся подстилке из бурых игл, пошатываясь от усталости, превысившей предел даже сил эльфа. И, когда выбрался к знакомому месту, остановился, моргая в недоумении: прямо перед его носом лежала еле заметная тропка к Кирит-Мегил, к могилам, а полянку он умудрился как-то, незаметно для себя, миновать...

Он развернулся и пошел медленно, внимательно — и вот тогда-то увидел, что искал: черный шнур, натянутый меж деревьями на уровне его груди. Полянка была здесь, но на шнур кто-то наложил крепкие чары; такие крепкие, что любой, кто не знает, чего здесь искать, проскочит мимо.

Он проскользнул под шнуром и бесшумно выбрался из-за кустов. Полянка преобразилась. Несколько холмиков, покрытых буйной травой и алфирином, поднимались там, где недавно лежали смертельно раненые. Кто их похоронил, если юноши беорингов сами пребывали на грани смерти, маленькая целительница не владела искусством чар, а Элвитель и Диргель, лечившие раненых, были и вовсе без сил?

Спиной к нему, в каких-то двух шагах Нимрос и юная горянка меняли повязки человеку с простреленной грудью. Нимрос помогал девушке, удерживал раненого сидя, и по его виду Хисэлин понял, что яд все еще действует — молодой лекарь напряженно прислушивался, как все незрячие. Хисэлин нарочито громко хрустнул веткой, попавшей под ноги.

— Кто здесь? — Нимрос повернул к нему лицо.

— Эльф, нолдо, — проворчала девица. — Я так и знала, что это просто болтовня — про их бесшумное появление...

— Я вернулся, — сказал Хисэлин. — Выжило нас только двое, но вернулся я один. Дай я подержу его, adaп...

Нимрос осторожно передал ему раненого, а сам ощупью перебрался к другому и положил ладонь ему на шею. И вдруг упал рядом, дрожа и рыдая.

— Нимрос! Нимрос! — Даэйрет спешно закончила перевязку и бросилась к нему. — Ну, перестань... Нас же не бросят... Вот, Хисэлин вернулся, и Лютиэн пошла за помощью... Кто-нибудь нас найдет, а если нет, я вас выведу — ведь Элвитель уже приходил в себя, и Дорон тоже...

— Замолчи, — Нимрос нашел ощупью ее рот и зажал его ладонью. Хисэлин на миг остолбенел, а потом положил раненого на подстилку из игл, и спросил:

— Лютиэн Тинувиэль была здесь?

— Этой ночью, — сказал Нимрос. — С нею был пес, огромный, ростом с мула. Они отправились на север — и я боюсь, что она тоже отыщет там свою смерть...

Хисэлин засмеялся — беззвучно и страшно.

* * *

— Так что застряли они, эарн Хурин, там, у речки-безымянки. Речка — тьфу, вброд курица перейдет, так ить весна, половодье. А дура там, я вам скажу, здоровая...

— Короче. — Хурин отрывистым жестом оборвал сотника. — Сколько им нужно людей и лошадей, чтобы перетащить? И когда они будут здесь?

— Говорят, — пожал плечами сотник, — что ежели дадите десяток коней, то к завтраму полдню будут здесь.

— Поздно, — стукнул кулаком Хуор. — Слишком поздно! Сколько мы можем дать коней, брат? Десять — мало: двадцать? Ты, как тебя — Эрмил! Возьмешь два десятка лошадей, но чтобы они были здесь до света! Хэл, проследи!...

— Э-э, никак не можно, князь, — покачал головой сотник. — Хоть три десятка коней дайте, хоть сорок — дело ж не только в этом, а в том, что брод узкий. Десять будет в сам раз, а остальные — без толку...

«Все равно» — скрипнул зубами Хурин. — «Все равно это их не спасет. Даже если они еще живы, до завтрашнего полудня Саурон десять раз успеет их убить — медленно и с расстановкой, как он это умеет».

Он отдал распоряжение дать все, что можно — Хэлмир вышел с сотником проследить за выполнением.

Люди Хитлума, перейдя Серебряную Седловину, вышли на западный берег Сириона, э эльфы из Барад-Эйтель, разгромив войско Саурона в Топях Сереха, должны были по Ангродовым Гатям выйти на восточный. Но тяжелое осадное оружие, разобранное и увязанное на целый обоз, сильно замедляло их продвижение, а без него штурм Тол-и-Нгаурот не имел смысла.

Хуор метался по палатке так, что Хурину пришлось прикрикнуть на него.

Он знал, почему так бесится брат — вина... В предательство Берена Хурин так и не поверил до конца, тешил себя тем, что виденный в Дортонионе человек — подменщик, а то и

живой мертвец — все лучше, чем предатель. Хуора же это известие как молнией ударило. Хуор не мог простить себе своей слепоты, а главное — не мог смотреть в глаза любимой, Риан, и Морвен — тоже не мог. Пропадал подолгу в горах, на заставах, подставлял по-глупому свою голову — и орочки головы снимал, говорят, десятками.

А Хурин ждал. Ждал, потому что эльфы, как ничего и не случилось, продолжали начатое летом, после отъезда Финрода. И ничего другого не оставалось.

В Барад-Эйтель для людей были откованы новые самострелы, по образцу ногродских. Хурин, по совету Берена, поделил войско на знамена, знамена — на длинные сотни, а длинные сотни — на тридесятки. Обучил по-новому держать строй, немного разбил землячества — иначе пришлось бы биться по старинке, ватагами. Дважды собрал свои одиннадцать знамен ополченцев — поздней осенью, после сбора урожая, и зимой, на что-то вроде игр. Сильно поистратился, но дело того стоило. Ополчение стало сильнее походить на дружину, хотя по сути осталось ополчением.

Да, внутри все сперва кипело, потом просто дымилось от отчаяния — но ничего иного не оставалось: им предстояло драться, что бы там ни случилось с Береном и Финродом. Оставалось только верить. И он верил.

И оказалось — был прав, хотя эльфы и скрывали это. Хурину было немного обидно, но сердца он не держал. Знал, что слишком прост для той игры, которую они вели за спиной Саурана. Никогда не умел по-настоящему прикидываться, скрывать те чувства, которые есть, и изображать те, которых нет. Что ж, есть люди хитрые и люди простые, хитрые нужны на одно, простые — на другое...

Снаружи палатки послышался какой-то шум. Хурин раздернул полог, выглянул — люди бежали в сторону нижнего лагеря. Не роняя своего достоинства, правитель Дор-Ломина сел на пень у входа. Чем бы ни оказалась вызвана эта суматоха — сейчас к нему подойдут и доложат.

Действительно, так оно и вышло. К Хурину подвели худого, заросшего до самых глаз бородой, оборванного и невыносимо воняющего человека с рабским клеймом на щеке. Тот дико озирался, а при виде Хурина повалился на колени.

— Господин! Господин, скажите им, пусть меня не убивают!

— Говори, кто ты и как оказался здесь.

— Послал... Повелитель Ортхэннэр меня послал, сказал, иди и передай... — человек запнулся.

— Что?

— Дайте слово, что не убьете.

Хурин смерил жалкую фигуру взглядом.

— За кого ты меня принимаешь? За такого же кровососа, как твой прежний господин? Отвечай, что он велел передать.

— Берен и Финрод, так он сказал... Если вы начнете штурмовать крепость — они умрут.

— А если мы отменим штурм? — горько усмехнулся Хурин. — Саурон отпустит их и всех пленников? Передай ему: мы не будем штурмовать Тол-и-Нгаурхот, если он сдаст его добровольно, освободит всех пленников и рабов, а сам выйдет ко мне с веревкой на шее. Вот наши условия.

— Нет! — посланец затряс головой. — Я не вернусь, нет! Он сказал — как только я выполню поручение, я свободен, могу идти куда хочу. С рассветом на мосту его посланец

будет ждать ответа — он так сказал. Все. Я сделал дело. Не убивайте меня, господин. Отпустите. Я хочу уйти...

— Прости, парень, но пока — нет. Ты тут слишком много видел, придется тебе погостить в лагере денек-другой. Арвег, — обратился Хурин к своему сенешалу. — Пусть кто-нибудь накормит этого человека, даст ему мыло и приличную одежду... Как тебя зовут, горе-герольд?

Человек открыл было рот, чтобы ответить, но вдруг дернулся, страшно закричал и повалился на землю, раздирая ногтями одежду и грудь. Дружинники Хурина, сгрудившиеся вокруг, и простые воины, толпившиеся за их спинами, шарахнулись в стороны. Посланец Саурана через короткое время затих, истошные крики умолкли, а руки упали. Кожа лопнула, как шкурка на жареной колбасе, и оттуда вышел голубой огонь. Пламя сожрало грудь и живот, проклюнулось в глазах и во рту, а потом погасло. Пополз удушливый смрад, Хурин почувствовал, как волосы на голове и борода с усами встают дыбом, к горлу подкатывает тошнота, а между ногами все холодеет и сжимается. Кого-то из зрителей тошнило, кто-то тихонько выл, кто-то поминал Варду Элберет и всех Валар самым непочтительным образом.

Хурин сумел овладеть собой быстрее всех.

— Саураново колдовство, — сплюнул он сквозь зубы. — Оно мне не в диковинку, и саурановы зверства тоже. Похороните этого несчастного.

Двое попрошаек из тех, что вечно таскаются за армиями, понукаемые каким-то десятником, завернули тело в старую попону и унесли. Хурин вскочил на пень.

— Ты пугаешь нас, Гортхаур, потому что сам боишься нас до свинячьего визга! — крикнул он, повернувшись в сторону Острова Обратней. — Ты пугаешь, да мне-то не страшно! Потому что десять лет назад я видел огонь посильнее и побольше этого — и все же не повернулся к нему спиной! Завтра, ты слышишь, завтра мы спросим с тебя за все, и за этого беднягу — тоже! И за Берена, и за Государя Финрода, и за эльфов из Нарготронда! Лучше бы тебе их не трогать — потому что в ином разе я твою шкуру натяну на бубен!

Лагерь взорвался громовым «Ала!» и «Айе!», люди били в щиты мечами и обухами топоров. Хурин поднял кверху свой топор, поймал лезвием лунный блик:

— Клянусь топором Хадора Златовласого, что завтра он попробует на прочность не меньше полусотни шлемов Черных! Вспомните песню Берена: «Надежды нет, но осталась месть!» Отомстим так, чтобы враги закаялись появляться в Белерианде!

— Алаааа!!!

— А теперь! — Хурин спрятал топор и поднял руку. — Всем расходиться и отдыхать. Спать, я говорю! Пускай эти там ворочаются, а мы тут будем спокойно спать, потому что завтра нас ждет работа не из простых.

Толпа рассосалась. Хурин вернулся в шатер.

Он знал, что ему заснуть, скорее всего, не удастся...

* * *

— Повелитель!

— Да, Айвэн...

— Эльфы пересекли Ангродовы Гати. Сейчас они двигаются восточным берегом Сириона. У них есть осадное оружие. Прикажешь вылазку?

— Нет. Позови ко мне Сэльо.

Стук удаляющихся шагов. Гортхауэр снова сосредоточился на Серебряной Седловине.

Как и следовало ожидать, Хурин отверг посланника. Что ж, этому негодному рабу теперь было незачем жить; кроме того, надлежало преподать Хурину урок. Гортхауэр взял со стола восковую фигурку с замешанными в воск частичками волос и кровью раба, и бросил ее в огонь очага.

Не меньше четырех тысяч перевалило сегодня через Эред Ветрин и встало лагерем на склоне. Подумать только, если бы все пошло по первоначальному плану, именно эти четыре тысячи были бы сметены первым ударом. Берен ЗНАЛ, вот в чем все дело. Он откуда-то знал о сроках весеннего наступления и разнес эту весть по всем прежде чем он, Гортхауэр, спохватился... Ну, можно ли было так ошибаться, можно ли было поверить, что Берен потерял это время в объятиях эльфийской девки? Можно было, и очень легко — настолько ярки и сладки были его видения... Настолько глубока тоска...

Гортхауэр прислушался к замку, к самому темному, затхлому его уголку. И так, Хурин не готов отменить или хотя бы отложить штурм. Гортхауэр вызвал старшину орков и приказал замуровать эльфов и Берена в подземелье.

— Я здесь, господин... — Сэльо, разминувшись со старшиной, вошел и согнулся — хотя и без того был согбен от рождения. Гортхауэр гордился им, своим воспитанником. Это он заметил в одной из деревень хилого мальчика-горбуна, обладавшего удивительным даром слышать животных и говорить с ними. Для Мелькора ребенок не годился, рыцарь Аст-Ахэ должен быть прекрасен душой, разумом и телом, но Гортхауэр взял мальчика к себе, воспитал и выучил. Сэльо был волчьим мастером.

— Садись, — велел Гортхауэр. Другого он заставил бы стоять, но Сэльо не нуждался в уроках покорности, кроме того, у него были слабые ноги.

— На другом берегу реки — осадная машина, которую катят сюда эльфы, — Гортхауэр сразу заговорил о главном. — Они отстали от своего войска, но ни человек, ни орк не сумеют миновать это войско незаметно...

— Я понял, господин...

— Нужно уничтожить всех, кто при оружии. Всех, кто может его наладить и стрелять из него.

— Да, господин.

— Иначе погибнем мы все. И ты, и твои волчата, и беременные суки... Поэтому подумай как следует, кого из малышей лучше послать.

Малышами они называли юных волков, достигших полного роста, но еще ни разу не спаривавшихся.

— Я думаю, Акхара, — улыбнулся Сэльо. — Он хороший боец.

— Приведи его ко мне.

Сэльо поковылял к двери, но задержался.

— Повелитель?

— Да...

— Эти убитые эльфы... и люди... они ведь... низачем тебе не нужны, верно?

— Нужны, Сэльо, — спокойно ответил Гортхауэр. — Иди.

— Но ведь... — Волчий Мастер мялся в дверях. — Ведь что-то останется... что не

годится оркам...

— Орки не имеют к делу отношения. Волков нельзя кормить, Сэльо, потому что впереди у нас битва, а не по какой-то иной причине. И нам может понадобиться вся их ярость.

— Но... щенки, Повелитель! И две кормящие суки... Ах, если бы ты видел, какими глазами они смотрят, когда я прихожу, и как жалобно скулят! У меня прямо сердце разрывается.

— Сэльо, — Гортхауэр повернулся к нему, раздраженный тем, что пришлось сделать лишнее движение. — Если ты сейчас же не покинешь меня, твое сердце пойдет в пищу тем, кого ты так трогательно жалеешь. Иди и приведи мне Акхара...

Прежде чем Сэльо вернулся, Гортхауэр изменил свое решение: волкам нужно будет бросить один труп, чтобы они перед битвой попробовали крови и раззадорились, но не отяжелели. Однако Сэльо он ничего не сказал. Никто из подданных не должен думать, будто по его слову господин переменит свою волю. Пусть Сэльо, когда в волчьи загоны принесут труп, увидит в этом милость Владыки, а не свое настояние.

Волчий мастер подвел огромного волка к креслу Гортхауэра и тот положил ладонь на широкий покатый лоб зверя. Темные, голодные мыслишки метались под этим черепом, между желтых глаз, умных и злых. Гортхауэр улыбнулся этим мыслям и направил в волка свою волю.

Они с Сэльо пытались вывести зверей, достаточно разумных для того, чтобы можно было отдавать им сложные приказы голосом — но ничего не получалось. Волки понимали только самые простые команды, и наилучшим образом действовали тогда, когда привыкали к поведке своего проводника-орка или человека, становились с ним единой волей. Но это делало невозможным использование одного только волка, без проводника. Поэтому Сэльо держал несколько необученных «малышей», проводником которых была воля Гортхауэра.

Он вложил в волка направление и цель, а потом Сэльо разомкнул ошейник и повел животное к воротам.

Кстати, о трупах и волках... Гортхауэр обратился мыслью к подземелью... Он решил попытаться счастья еще раз.

Как и следовало ожидать, Берен сломался. Как и следовало ожидать, Финрод выстоял. И тогда Гортхауэр отдал Драуглин приказ.

Вспышка, подобная беззвучной молнии, ослепила его. Что-то пошло не так. Финрод сумел высвободить и задействовать силы Арды. Гортхауэр сам непрерывно чувствовал ненавистную силу, пронизывающую Арду и связующую ее воедино. Эта сила изменялась, проходя через Валар, как изменяется свет, проходя через кристалл, но оставалась одной и той же, как и свет, преломившись, остается светом. О, как бы он хотел овладеть этой силой, подчинить ее себе! Он бился над этим уже долго; собственно, все, что они с Мелькором делали здесь, в этом мире, конечной целью имело подчинение силы. Гортхауэр помнил Исток, давший ему жизнь через эту силу, помнил Его уверение: вне Истока Силы нет. Но Мелькор убедил Гортхауэра в обратном: Исток — лишь проводник Силы, которая исходит откуда-то из-за Его пределов; нужно лишь туда прорваться, и тогда они овладеют и Силой, и Истоком. И Гортхауэр поверил: если не поверить, то какие могут быть надежды на то, чтобы перехватить Силу у Истока и Творить независимо от Его воли?

Но сколько Мелькор ни искал — он не нашел выходов за пределы Истока и Его творения, а собственные силы Мелькора и Гортхауэра, оторванные от истока, растворенные

в плоти Арды, были огромны — но не бесконечны. И со временем Гортхауэр начал ощущать ненависть не только к Истоку, подчинившему Себе Силу, но и к самой Силе, и к Валар, которым не приходилось воровать ее у Творения, и к Творению, столь неохотно с Силой расстававшимся.

Чтобы получить у Могуществ то, что так легко получил Финрод, — комок жалкой плоти, сколько ни называй его королем, — Гортхауэру пришлось бы разрушить, изнасиловать и камень, и воду. Он и этот замок подчинил себе не без труда, и был вынужден пребывать в нем или поблизости, чтобы замок устоял, и держал его силу, и выполнял его волю. А с Финродом они поделились добровольно, хотя это наверняка стоило ему жизни. Плоть, улыбнулся Гортхауэр. Слабая, ничтожная плоть, которой скованы Воплощенные — она не могла бы вынести прохождения через нее такой мощи.

Он не видел Финрода — весь тот участок подвала был покрыт мраком после этой вспышки — но знал, что Финрод мертв. Гортхауэр усмехнулся. Теперь в холодном сердце Аст-Алхор тлела только одна жизнь, но и ей осталось совсем недолго...

Майя встал у окна, в которое уже прицелилось восходящее солнце. На обоих берегах Сириона расположились армии, готовые к штурму, и тот путь к отступлению, каким воспользовался семь лет назад Ородрет, тоже был закрыт. Впрочем, Гортхауэр не собирался отступать. Финрод прекрасно построил замок, в подвале которого нашел свою могилу. Оба моста — и наплавной, соединявший замок с западным берегом, и подъемный, лежащий на каменных опорах — были убраны. На стенах несли караул стрелки — люди с луками и орки с самострелами. Несмотря на то, что Мелькор поощрял использование самострелов в пехоте, рыцари Аст-Ахэ признавали только луки. На башнях западной стены, кроме того, стояли камнеметы — самого простого устройства, но большой силы, вполне годные для того, чтобы топить лодки и разбивать плоты, если кто-то попытается высадиться на берег.

Сам Гортхауэр взял замок, используя Силу. Не ту Силу, которая исходила от Истока, но свою. Против эльфов он призвал ужас, безотчетный невыносимый страх, наподобие того, который пробуждал в жертвах своим касанием, и призраков, порожденных ужасом и темнотой. Слабые бежали, сильные теряли сознание. Ородрет оказался достаточно слаб, чтобы удрать и выжить...

Увы, Гортхауэр не мог использовать это сейчас — не выдержал бы замок. Это оружие годилось в наступлении, не в обороне. Только в том случае, если другого выхода не будет... — решил он, отошел от окна и спустился во двор.

Там уже собирался в свой последний бой Кийто. Гортхауэру, конечно, донесли, что он в дождливую ночь укрыл пленного Берена попоной. Майя похвалил юного воина — и в самом деле, иначе Берен мог и не дожить до разговора; впрочем, он ничего интересного не сказал, но, по крайней мере, понес свою кару. Гортхауэр выразил восхищение милосердием Кийто, и попросил его — ни в коем случае не приказал, только попросил — принять ответ Хурина.

Кийто знал, что не вернется с этого задания живым — ведь нельзя давать противнику возможности прорваться к воротам; а значит, мост будет поднят сразу же, как только посланник проедет по нему.

Кийто согласился и сейчас, надев доспех и держа в руке шлем, ждал благословения Повелителя Воинов.

Гортхауэр подошел к нему, и Кийто опустил на колено. Гортхауэр ласково поднял юношу и взял его руки в свои ладони. Это делалось именно так — ведь рыцари Аст-Ахэ, ученики Мелькора, как йэллх дэи соотэ-танно, по своему положению были равны Первому

Ученику, и благословение должны были принимать как от равного — а если становились на колени, то лишь потому, что хотели так выразить свое почтение к нему, Айан'Таэро, Первому среди Равных.

Гортхауэр сжал руки Кийто в своих и сказал:

— Я буду с тобой.

Лязгнули цепи, ворота поползли вверх, и юноша, надев шлем, вскочил в седло. Подняв руку, уже одетую в латницу, он приветствовал товарищей и заставил лошадь протанцевать кругом. Ворота поднялись достаточно, чтобы выпустить всадника. Затем начал раскручиваться другой ворот — выпускающий наплавной мост. Лучники и стрелки изготовились к бою на случай, если враги попытаются захватить средство переправы.

Остров изобиловал пустотами, проточенными водой, и Финрод умело это использовал. Пловучий мост полностью скрывался в неглубокой протоке, которую эльфы расширили. Сейчас он выползал из-под ворот как язык из пасти, и Кийто заставил коня перепрыгнуть на него. Рассветное солнце бросало от замка длинную тень на Сирион, и как раз там, где кончалась эта тень, начиналась устойчивая часть моста, протянутая с другого берега на каменных опорах. Не дожидаясь, пока наплавной мост пристанет к ней, Кийто послал коня в разбег (по заводи пошла такая крутая волна, что ноги Гортхауэра захлестнуло водой, а дно затона почти обнажилось) и перепрыгнул с понтона на мостки.

По знаку сигнальщика мост пошел назад...

* * *

— Кто здесь Хурин, сын Галдора? — выкрикнул черный всадник, гарцующий на мосту. — С кем говорить мне от имени Повелителя Воинов?

— Я Хурин, — откликнулся князь Дор-Ломина, выступая вперед и шагая к мосту. — Что ты хочешь услышать от меня?

— Вчера Повелитель передал тебе условия. Что ты ответишь?

— Я смотрю, он обрекает на смерть всех своих посланцев — посмотри, куда уплыл мост.

— Меня это не беспокоит, тем паче тебя. Скажи, что вы решили: отступите от замка или нет?

— Пусть твой Повелитель выглянет в бойницу пополудни и на закате — в блеске солнца на наших копьях он увидит ответ.

— Тогда защищайся, Хурин, сын Галдора — или прикажи своим слугам убить меня бесчестно, — всадник сошел с коня.

Хурин вышел к нему навстречу с секирой в руках, но без щита. Рыцарь Моргота тоже оставил щит у седла. Хурин не боялся честной схватки. Они вступили в бой без единого слова, как только сошлись — черный воин успел к этому времени обнажить меч. Дважды прозвенела сталь — Хурин отразил удар окованной частью рукояти, а потом ударил сам. Мост был достаточно широк для боя, и этому оставалось лишь радоваться, потому что Хурину много приходилось уворачиваться. Будучи невысоким, он с юности избрал своим главным оружием топор, меньше пригодный для отражения ударов, чем меч, но наносящий

при должном искусстве более верное поражение. Хурин искал случая нанести такой удар и случай предоставился: уклонившись от вражеского меча, Хурин вонзил секиру в бок противнику.

Лезвие разрубило кольчугу, плоть и ребра — и Хурин отступил, ожидая, что противник сейчас упадет. Невозможно было получить такую рану и остаться на ногах.

Но это произошло. После мгновенного замешательства черный рыцарь снова кинулся в бой. Вскрикнули от изумления воины Лор-Ломина и Хитлума, следящие за схваткой — а витязь Моргота не издал ни единого стога, только дыхание его сделалось словно бы затрудненным.

Хурина сделалось страшно, как вчера вечером. Вспомнились жуткие легенды о живых мертвецах, которые бьются в войске Моргота, и холодный пот побежал между лопаток. Но умирать от ужаса было некогда — следовало продолжать бой. А при более пристальном взгляде на соперника увидел, что бок его кровоточит, и очень сильно. Кровь заливала кольчугу, и, стекая по ноге, пятнала мостки.

Хурин воспрянул духом. Противник истекал кровью — значит, он был живой человек, а не покойник, и терял силы. Он недолго устоит при таком ранении.

Черный рыцарь и сам это знал, оттого и нападал на Хурина с удвоенной яростью. Тот еле успевал уходить от одних ударов, другие в прыжке пропускать под собой, а третьи отбивать лезвием секиры и окованной частью рукояти. Он был уверен в своих силах, и вновь ждал случая нанести более верный удар — но теперь уже вовсе не хотел рисковать, зная, что и вторая рана не свалит противника так скоро, как он думал поначалу, а с другой стороны — и первая может свалить его в любой миг.

Он улучил мгновение — и ударил вражеского воина по шее. Промахнувшись, угодил в плечо... Снова сталь врубилась в железо, в плоть и кость... На этот раз воин Моргота упал на колени — таков был удар. Какое-то мгновение казалось, что он все-таки сможет подняться — но тут меч выпал из его разжавшейся ладони, а сам он, качнувшись, опрокинулся в воду.

В этом месте было неглубоко, и, когда ил, поднятый телом, улегся, Хурин увидел, как черный рыцарь без движения лежит на дне, а кровавая струйка поднимается и курится, как дым, над его раной. Выдохнув с облегчением, он столкнул в реку ногой меч черного воина и зашагал по мосту к своему радостно орущему войску.

— Ну, — проворчал он, когда крик улегся. — Чего было орать? Экая невидаль, зарубили морготова воина. А дело когда сделаем?

— Сказали — к полудню будем готовы.

— А эльфы когда? — Хурин бросил взгляд на восточный берег.

— Не знаем. Можно отписать...

— Так отпишите, за чем же дело стало.

Оба лагеря — эльфийский и человеческий — могли обмениваться сообщениями, либо переправляя гонца на лодке — выше по течению на четыре фарлонга, где Сирион был уже — либо просто привязывая послания к стрелам и пуская их на тот берег.

Артанор уже знал, что произошло позавчера днем. Его воины вчера нашли неподалеку, в камышах, раненого нолдо, назвавшегося Арфалом из отряда Хисэлина. Он лежал там больше суток, по горло в воде, сначала ожидая, пока орки перестанут рыскать по округе, потом — просто без сознания. Когда ему обмыли и перевязали рану, а лекарь сказал, что его жизнь вне опасности, Каримбэ решил привести его в чувство, чтобы поговорить. Он рассказал о

случившемся в Кирит-Мегил и указал место, где они, выступая к Тол-и-Нгаурхот, оставили раненых. Артанор, не медля, направил туда отряд, Арфал же снова впал в беспамятство, так и не поведав о том, что случилось дальше — но из того, что Тол-и-Нгаурхот был по-прежнему во власти черных, Каримбэ заключил, что затея Берена не удалась. Жив или нет был он сам — оставалось неизвестным, пока лучник не перебросил с западного берега письмо от Хурина, рассказывающее о посланце Гортхаура и страшной смерти, его постигшей. По его словам, Берен был все еще жив, и Финрод тоже, а впрочем, и то, и другое могло оказаться сауроной ложью.

С рассветом оба войска стояли на берегах, на безопасном расстоянии от каменнотельных орудий, в полной готовности, на случай, если Саурон решится на вылазку. Штурм имело смысл начинать только одновременно, и только после того, как эльфы на своем берегу соберут осадное орудие и разобьют восточные ворота. За сбор этого орудия они взялись еще вчера с вечера, и было это сущее чудовище. Хурин видел его в испытаниях и не сомневался, что ворота Тол-и-Нгаурхот не устоят. У Саурона была одна надежда — на успешную вылазку, на то, что орудие удастся сокрушить прежде, чем оно сделает хотя бы один выстрел. Это понимали и эльфы — оттого и были в полной готовности.

Артанор Каримбэ ждал атаки. Он видел поединок на другом берегу, Саурон его тоже видел, а значит — не может больше рассчитывать на примирение и не станет торговаться о заложниках. Артанор не боялся, что Саурон решится на вылазку. Он боялся другого — что Саурон прибегнет к колдовству.

Но Саурон сначала попробовал иное.

На обоих берегах поднялся крик и стон, когда орки принялись на глазах осаждающих издеваться над телами людей и эльфов, попавших в ловушку вместе с Береном. Сначала из метательных орудий в людей Хурина полетели отсеченные правые руки. Это тянулось долго, и люди Хитлума насчитали восемь десятков, терзаясь вопросом — живы или мертвы те, у кого их отрубили. Потом через реку полетели левые руки, а какое-то время спустя орки развесили на крепостной стене с эльфийской стороны изуродованные тела эльфов и людей. Воины Артанора ответили на это поругание могильным молчанием. После гнева и ужаса, вырвавшего у них крик, пришла ярость, немая и беспощадная, как сталь.

Артанор понимал, что Саурон делает это, чтобы вызвать противников на атаку, заставить раскрыться. Сидя за стенами замка, он ничем не хотел рисковать. Каримбэ надеялся, что Хурин тоже это понимает и не позволит вызвать себя на бой раньше времени. Слишком долго они готовили все это, слишком дорого было уплачено за то, чтобы покончить с сауриновым гнездом в верховье Сириона. С осени придумывали и мастерили осадную машину и плавучий мост. Нельзя, чтобы все сейчас пошло насмарку. Нельзя... И все же он с застывшим сердцем ждал самого страшного — что вот-вот на стену вынесут нагое тело Финрода, и, отрубив руки, сбросят вниз, привязанным за ноги...

Он был странно уверен в том, что Финрод мертв. Ведь неспроста же так мрачен этот рассвет, неспроста молчат птицы.

Прежде Артанор не задумывался о том, как много значит для него сын Арафинвэ. Артанор был из другой ветви, он принадлежал нолфингам, и ради верности Нолофинвэ, своему другу и побратиму, пошел за ним через льды. В Валиноре старший сын Финарфина мало чем проявил себя. Он многое умел делать неплохо, но именно неплохо. Его скорее любили, чем уважали... Во всяком случае, Артанор не мог припомнить из тех времен ни единого случая, чтобы кто-то из мастеров или инголмор, в споре или в мастерстве сослался

на Финарато. Он довольно много времени проводил в свое время с Мелькором — из-за чего после побега мятежного Валы сыновья Феанора посматривали на него косо. Он был, насколько Каримбэ мог знать, послушным и любящим сыном. Словом, когда Финрод не повернул в Валинор вместе со своим отцом, а продолжил поход, это было для Артанора полнейшей неожиданностью, и еще большей — то, что во льдах он проявил себя отважным и решительным вождем. Многие думали, что верховодить у арфингов будет Артанис, сильнее всех поддержавшая Феанора в его намерении вернуться в Эндорэ, или даже Ангрод, вопреки старшинству, но вот поди ж ты — после Альквалондэ в них словно что-то угасло, а вот в Финарато — разгорелось.

И теперь Артанор чувствовал себя как тогда, десять лет назад, когда узнал, что его король раздавлен сапожищами Моргота. Имя Маэдроса для всех эльфов Средиземья было именем отваги и самоотречения; имя Финголфина — именем чести, имя же Финрода... Артанор не знал, как называется та добродетель, которая сделала Финрода вождем. Это была некая мудрость, отличная от мудрости *ingolmor*, мудрость духа и сердца. Она породила странное благородство и порой казалась безумием.

Пожалуй, он один был ее обладателем, хотя со временем многие начали подражать. Но никто так и не понимал, что же заставило короля выступить в этот отчаянный поход — когда союз эльфов и людей был заключен, когда снова забрезжил впереди признак победы... Чего ради он это сделал, ведь клятва, данная смертному, обязывала его только помочь — и, соединив союзом Хитлум и Химринг, король исполнил ее? Артанор понимал, что ни смертный, ни Финрод ему уже не скажут.

Финрод мертв! — это было так, словно умерло само милосердие.

Но, умирая, оно пробудило к жизни отвагу и месть. Артанор, беспокоясь об успехе штурма, ни единого мига не сомневался в нем. Он знал — это было больше, чем вера — что никакие хитрости сегодня не помогут Саурону. Он слышал это в молчании своих эльфов, в тихом стуке случайно соприкоснувшихся щитов, в шепоте реки.

...Саурон перенацелил свои орудия. Теперь они стреляли в эльфов. Что-то круглое, вращаясь на лету, тяжело ударилось в песок.

Это была человеческая голова — отрезаны уши и нос, на лбу вырезано непристойное слово.

Круглые снаряды полетели один за другим.

— Что делать, Каримбэ? — тихо спросил один из эльфов. — Это невыносимо...

— И все же нужно вынести, — ответил Артанор. — А уж потом мы запустим голову Саурона так высоко, что ее полет увидят из Ангбанда. А пока что — собирайте их; позже мы их похороним.

* * *

Хуан убил волка так же быстро, как кот убивает крысу: прыгнув сверху, опрокинул на спину и одним движением челюстей перекусил глотку.

Это был уже второй волк, и Хуан убил его так же, как и первого: когда тот вылезал из воды. Это случилось почти в середине ночи, а сейчас был близко рассвет.

— Куда он посылает волков? — тихо спросила Госпожа, глядя в сторону темного острова. — Посмотри, они спускаются вниз по течению и поднимаются на берег в одном и том же месте, возле этой заводи. Что же здесь?

Хуан немного побегал кругами, понюхал воздух внизу и вверху, но ничего не обнаружил. Ветер дул со стороны реки, и его запах говорил Хуану только две вещи: во-первых, на острове полно Волков и Ненавистных; во-вторых, на другом берегу реки люди жгут костры. Отсюда огней было не видно, их скрывал мыс, но над водой плыл человеческий запах — дыма, жареного мяса, вареной рыбы, хлеба, коней и старого пота, многократно пропитавшего одежду под доспехом. Запах этот был настолько слаб, что ни человек, ни эльф не различили бы его, и даже не всякая собака почуяла бы что-либо кроме дыма, но Хуан знал, что там, за мысом, на другом берегу — большой лагерь.

Но к рассвету ветер переменился, и в стекающем с гор потоке воздуха Хуан поймал другой запах — запах эльфов.

Коротким тьяканием он пригласил Госпожу следовать за собой, и вскоре они нашли тех, кого искали волки.

Сирион бежал меж двумя горными цепями, и склоны предгорий начинались сразу от берегов. Для того, чтобы установить ту огромную штуку, которую эльфы принесли с собой, требовалась довольно большая ровная площадка, откуда был бы виден замок и его ворота. Такая площадка отыскивалась, и подступы к ней защищал небольшой отряд лучников-нолдор, а на ней самой кипела работа.

— Вот оно что, — проговорила Госпожа. — Мне кажется, что в ближайшее время следует ждать еще волка. И, возможно, не одного.

Хуан согласился с ней. Он не понимал смысла этой Штуки, но чувствовал, что Ненавистным она не понравится и причинит им много вреда. Конечно, Саурон попытается с ней что-то сделать.

Госпожа сбросила капюшон плаща-невидимки и шагнула на поляну, где нолдор устанавливали Штуку. Хуан вышел за ней следом.

Лучники не дремали — Госпожа и Пёс тут же оказались под прицелом, но, увидев эльфа, нолдор опустили луки. Остальные застыли, прервав работу.

— *Alayo, vanimelde!* — вырвалось у одного из них. — Кто ты, дева, и как оказалась здесь?

— Или это морок, или этот пес — Хуан, волкодав Келегорма Феаноринга! — воскликнул другой. — Но я прежде не слышал, чтобы он покидал хозяина.

Госпожа назвала себя и вкратце рассказала, что с ней приключилось, как и зачем она оказалась здесь. Нолдор в изумлении переглянулись.

— Если Берен там, — сказал один из них, — Так уж, наверное, его нет в живых. Ты должна остаться с нами, королевна, и дожждаться конца сражения.

— Внизу, на склоне, в зарослях лежат два волка, — сказала Госпожа. — Убил их Хуан; мне кажется, они были посланы за вами.

Трое лучников тут же снялись с места и пропали в лесу. Вернулись они скоро, неся с собой две волчьи головы.

— Нам есть что бросить Саурону в ответ, — сказал их старшина. — Заодно и пристреляемся.

Один из эльфов отвел Госпожу в сторону, к костру, и угостил ее похлебкой. Другой побежал вниз, в лагерь — известить Артанора о прибытии высокой гостьи и о том, что на

расстоянии дневного перехода оставлены беспомощные раненые, за которыми ухаживает одна-единственная девица. Остальные вернулись к работе, Хуан же лег у ног Госпожи.

Работа близилась к завершению, когда Хуан почуял волка. И не одного — много! Яростно залаяв, он вскочил и заметался по площадке, а затем остановился, рыча в ту сторону, откуда чувствовал напасть, и тут же лучники повернулись туда.

Одновременно над всей рекой раздался глухой удар, и тот эльф, что сидел верхом на Штуке, которая успела со времени начала работы стать довольно высокой, закричал, указывая на Остров:

— Мост опустился! Они опустили мост! Саурон пошел на вылазку!

* * *

Лютиэн опомниться не успела, как двое нолдор с беличьей ловкостью взлетели на полусобранное орудие и втащили ее за собой, чтобы обезопасить от волков. Дозорный эльф перехватил ее за подмышки и втащил еще выше.

— Раудан, сиди здесь и защищай госпожу! — крикнул ему один из мастеров, соскакивая и обнажая меч.

Раудан был совсем молодым, едва достиг совершенных лет, но вел себя весьма уверенно. Колчан он повесил на какую-то выступающую деревяшку, чтоб был под рукой, одну стрелу наложил на тетиву, две других взял в зубы. Лютиэн смотрела в сторону Волчьего Острова. Грохот, который она услышала, и вправду был грохотом опустившегося моста. Затем ворота поднялись и по мосту поскакали всадники, черные рыцари Моргота. Их было не более полусотни, но полсотни конных воинов, закованных в броню — это страшная сила.

— Волки! — крикнул Раудан, стреляя куда-то вниз. Лютиэн посмотрела туда и действительно увидела волков: огромные, ненамного меньше Хуана, черные твари бесшумно выпрыгивали на поляну из-за стволов. Лучники, вскочив на телеги, стреляли в них, нолдор-мастера, которые ладили орудие, заняли оборону внизу, вооружившись мечами и топорами.

И начался бой.

Волки бросались, имея одну цель — уничтожить мастеров и их защитников. Никто из войска Артанора не мог прийти на помощь, потому что вслед за конницей по мосту бегом наступала пехота, не меньше четырех сотен человек и орков. Лютиэн впервые в жизни видела настоящий бой так близко, он занимал ее даже сильнее, чем схватка, кипевшая у ее ног — правду говоря, ей было слишком страшно смотреть вниз. Она слышала крики эльфов, волчий рык и собачий лай, звон тетив и свист стрел, порой в поле ее зрения попадала та или иная картина драки: вот поваленный на землю эльф, не имея простора для замаха, топориком защищается от волчьих зубов... Вот Хуан сцепился с вожаком волков... вот лучник, спрыгнув с воза, ножом добивает чудовище... Но ее внимание было сосредоточено на берегу, где черный клин наступающих всадников увяз в обороне эльфийской пехоты.

* * *

Это была единственная возможность: прорвать эльфийскую оборону и уничтожить осадную машину, после чего — отступить, закрыться в замке и ждать подкрепления из Аст-Ахэ. Но затея не удалась: из верхнего покоя башни Гортхауэр видел, что конница увязла в эльфийской обороне. Оставалась еще маленькая надежда на то, что совместными усилиями рыцарей Аст-Ахэ и пехотинцев удастся эту оборону проломить, но...

Опасность возникла совсем в другом месте. По реке, плыло хитрое сооружение из соединенных веревками винных бочек, похожее на огромную гусеницу, на «голове» которой установлен большой сбитый из досок щит — от стрел и болтов со стен, грозящих плотогонам. Гортхауэр понял, что будет дальше: когда «голова» войдет в канавку плавучего моста, «хвост» за канаты притянут к берегу, а потом бросят на бочки широкие доски и побегут по ним — четверо в ряд... Кто же это у них там такой умный? Фингон? Хурин?

Дружное «Й-йэхх!» на стенах — орудийные команды рванули рычаги. Камни, способные потопить лодку, не разбивали бочки, попадая в них — вода смягчала удары, по округлым бокам камни соскальзывали, и даже если бы удалось разбить одну бочку, плот остался бы на плаву. Щит, за которым укрывались плотгоны, был достаточно крепок. Гортхауэр отдал команду беречь снаряды до причаливания плавучего моста — обстрел обретет смысл, когда по мосткам тесно побегут враги.

Устроить вылазку в ту сторону было невозможно: сил не хватит. Оставалось одно: стрелять со стен, по крутой дуге, стараясь достать плотгонов сверху.

Гортхауэр отдал лучникам приказ и те изготовились, ожидая, пока плот подплывет на расстояние выстрела.

В бою бывают такие минуты, когда командующий может только ждать, чем кончится дело. И Гортхауэр ждал.

* * *

В бою бывают такие минуты, когда командующий может только рубиться вместе с другими, надеясь на лучшее, а там — будь что будет. И Артанор рубился, разя направо и налево. Он боялся двух вещей: что их оборона будет пробита и черные сумеют разрушить орудие — и что Саурон отзовет свое войско слишком рано, прежде чем Хурин перебросит своих людей на Остров. А значит — нужно дразнить его ложной надеждой, и до последнего беречь спрятанное в зарослях засадное знамя.

О, это было тяжело. Рохиры Моргота не ведали ни страха, ни боли.

Почувствовав усталость, он позволил подменить себя в первых рядах, отступил назад, прикрываясь щитом, поднялся по склону, оказавшись слегка над схваткой, и огляделся. Замок заслонял от него происходящее на другом берегу Острова. Зато другой берег просматривался с того места, где устанавливали орудие, и Артанор задолго до начала боя отдал приказ: просигналить засадному знамени, как только Хурин будет готов.

Правда, если оборона эльфов будет здесь опрокинута — засадное знамя вступит в битву, не дожидаясь сигнала...

Артанор спрятал голову за щит, повинувшись какому-то наитию — и в щит тут же

вонзились две стрелы. Третья ударила его в ногу, но соскользнула по ноговице. Один из лучников ответил морготовым стрелкам, но сам упал, раненый. Артанор передал свой щит оруженосцу и взял из рук раненого лук. Его называли «Орочьим мечом» но и с луком он умел обращаться неплохо.

* * *

Все было кончено с волками. Шесть трупов валялись на площадке, четверо уползли, израненные, троих потом нашли поблизости, а четвертый исчез. Но это было уже после того, как Раудан с криком: «Mahta Hisilome!» выдернул из земли копьё с привязанным к древку полотнищем знамени и, снова взобравшись на орудие, несколько раз помахал, описывая круги, широким платом красного шелка.

И Лютиэн увидела, как из ближайшего леса бегут вниз по склону нолдор в полном доспехе, со щитами и копьями. Они шли уже в наступление, и командир морготовской конницы понял, что не устоит. Он потерял много людей и лошадей, и если бы его отряд был сейчас разбит окончательно, то Саурону некого было бы послать на защиту других ворот — тех, к которым мост проложил Хурин. Несколько черных рыцарей остались на мостках, а за их спиной подняли мост и закрыли ворота. Эльфы старались прорваться к замку быстрее, чем мост будет поднят — но смертники защищались очень храбро и умело. Теперь Саурон был загнан в ловушку — но эта ловушка служила ему и укрытием. Крепким, почти неприступным.

Войско Хурина переправлялось по плавучему мосту под градом камней. Людей было много, больше, чем эльфов Артанора, и если даже камень сшибал кого-то мертвым в воду, в бегущих по мосту рядах людей не делалось бреши. Берег острова, куда высаживался Хурин, был песчаным и пологим, не таким, как другой, где стоял Артанор. И последние из людей несли с собой вязанки хвороста.

— Они хотят поджечь речные ворота Тол-и-Нгаурхот, — сказал старшина мастеров. — Раудан, беги к Каримбэ, скажи ему: это плохая затея. Они заплатят многими жизнями, а толку не будет: в Речном Дворе есть еще одни ворота, крепче первых. Пусть пошлет им весть.

— А можно я? — спросила Лютиэн.

— Почему?

— Раудан может помочь вам в работе; я — нет. Я лишняя здесь.

Старшина нолдор заколебался.

— Со мной Хуан — разве может мне угрожать большая опасность, чем другим? — настаивала она. Этот довод подействовал.

— Беги, — согласился нолдо. — И возвращайся.

Лютиэн вскочила на спину Хуану, и пес огромными скачками понесся по склону вниз.

* * *

— Повелитель, — плакал Сэльо, лаская истерзанную шкуру Драуглуина. — Повелитель...

— Прекрати хныкать, — оборвал его Гортхауэр.

Огромный волк, сын прекрасной и сильной Драуглин, подышал на брусчатке Волчьего Двора. Положив ладонь ему на голову, Гортхауэр разглядел запечатлевшийся в убогом сознании твари образ — здоровенный жемчужно-серый волкодав из своры Оромэ.

— Хуан здесь, — сказал он вслух, и погасил жизнь волка.

Так значит, это из-за пса волчья атака на нолдор-мастеров не удалась. Но раз Хуан здесь — то где его хозяин, Келегорм Феаноринг? Пес был неразлучен с ним; значит, здесь и сыновья Феанора. Значит, эльфы заключили союз. Крепкий союз, объединивший всех изгнанников...

А снаружи уже трещало пламя — люди пытались поджечь речные ворота замка. Воины на стенах передавали друг другу вверх по лестнице ведра с водой, другие стреляли в людей Хурина из луков и самострелов, сбрасывали им на головы камни и бревна. И, едва Хурина заставили отступить по песчаной косе, как случилась новая напасть. Раздался звук, точно выстрелили из огромного лука, и что-то черное, бесформенное и страшное, взлетев над эльфийским берегом, по дуге понеслось к Аст-Алхор, ударилось о стену тюремной башни и тяжело шмякнулось во двор. Сэльо, приковылявший туда последним, снова разрыдался, увидев трех своих питомцев, изрубленных в схватке и изуродованных ударом о стену.

Эльфы еще дважды стреляли телами волков из своего осадного орудия. Со второго выстрела волки ударились в крышу Дозорной Башни, проломив черепицу. С третьего — перелетели через восточную башню и упали в сад.

Между каждым выстрелом проходило столько времени, сколько нужно, чтобы сгрызть яблоко.

— По направлению они уже пристрелялись, — сказал Ульв, корна'таэро. — По дальности будут пристреливаться дальше... Но когда пристреляются — снесут ворота.

— Повелитель! Повелитель! — закричал один из орков с вершины Речной Башни, показывая рукой вниз.

Гортхауэр поднялся на стену и осторожно выглянул между зубцов. Плотогоны Хурина отцепляли свой плавучий мост от мостков другого берега. Гортхауэр понял: люди Хитлума хотят переправляться к эльфам. Готовится штурм.

— Соберите всех, кто свободен и не ранен, — приказал он ближайшему антару. — Пусть громоздят укрепление между казармой и конюшней.

Гортхауэр дошел до Дозорной Башни и поднялся в покои под аулой, когда эльфы выстрелили в четвертый раз. Круглый каменный снаряд взлетел над рекой — как показалось Гортхауэру, медленно и плавно — на мгновение завис в воздухе маленькой луной — и полетел на замок, ускоряясь и увеличиваясь в размерах. Гортхауэру казалось — хоть он и знал, что это не так — будто камень летит прямо в окно, и именно в то, против которого он стоит.

Мнимость быстро развеялась: камень упал в реку, и вода от его падения взметнулась выше крепостной стены.

— Недолет, — сказал Раудан. — Нам понадобится еще песок.

Он побежал вниз, и вскоре от реки начали передавать шлемы, полные мокрого речного песка. Песок ссыпали в плотные конопляные мешки, каждый из которых вмещал двадцать фунтов.

«Времени будет мало, — говорил своим ученикам и соратникам Таурамел, мастер-плотник. — Оно будет дороже всего, поэтому то, что может быть сделано заранее, должно быть сделано заранее».

Поэтому были выгесаны три дюжины каменных ядер одинакового веса, поэтому было рассчитано, какой мешок вмещает в себя ровно двадцать фунтов влажного песка (ведь его не будут тащить с собой от Эйтель-Сирион). Поэтому отыскивали тех, кто со времени постройки Тол-Сирион помнил точные расстояния — от одного берега до другого, по прямой, по наклонной...

— Предмостье отсюда в трех фарлонгах и сорока шагах, — сказал, глядя на расходящиеся по воде круги, Таурамел. — Считай, Раудан.

Раудан, несмотря на молодость, был мастером счетных рун, и в свое время ездил учиться в Нарготронд (Таурамел нахмурился) — к Эдрахилу...

Видимо, юный эльф тоже вспомнил о своем учителе, потому что вздохнул, берясь за стило... Вес ядра, исходный вес противовеса, расстояние, на которое полетел снаряд, требуемое расстояние... Расстояние в фарлонгах и вес в фунтах... И — *санта*, постоянное начертание, в которое подставляются эти переменные значения...

— Нужно еще двести шесть фунтов, — сказал он — и тут же присоединился к тем, кто наполнял мешки из выросшей за какие-то минуты немалой кучки песка.

Он заметил, что принцесса Дориата смотрит на него и улыбнулся. Ему нравилось восхищение его искусством. В нем не было никаких чар, что бы там ни думали смертные, но оно было красиво и действенно. Ворота Тол-и-Нгаурхот не могли открыть ни хитрость, ни доблесть, ни чары — ключом к ним станет мастерство и разум...

— Сто тридцать, — заряжающий клал в корзину противовеса один мешок за другим. — Сто сорок... Сто пятьдесят...

Последний мешок Раудан наполнил чуть больше четверти и шмякнул в корзину сам, после чего, отряхивая руки, подошел к Лютиэн.

— Ты дивишься искусству счетных рун, *hiril*?

— Дивлюсь, — согласилась Лютиэн. — Ты и вправду при помощи этого расчета надеешься попасть со второго выстрела?

— Со второго — нет, — честно признался Раудан. — Ведь расстояние мы прикидываем на глазок, а значит, мои расчеты неверны. Я думаю, снова будет недолет, в лучшем случае мы попадем в предмостное укрепление. А еще может оказаться, что по направлению мы прицелились неверно, и тогда придется разгружать противовес и сизнова передвигать орудие... С третьего выстрела, может быть, с четвертого...

За их спиной раздался удар топора — обухом выбили железный стопор. Корзина противовеса упала вниз, метательное плечо орудия взлетело вверх — и круглый тесаный камень полетел в сторону крепости.

Удар был страшным. Каменная кладка под воротами, куда угодило ядро, брызнула крошкой, осколки ударили по воде. Само ядро тоже разлетелось вдребезги, на месте его попадания осталась щербина в камнях — такая большая, что Лютиэн полностью поместилась бы в ней, если бы свернулась калачиком.

— Что ж, по направлению верно, — задумчиво сказала Лютиэн. — Значит, с третьего раза ты попадешь в ворота?

— Вне сомнений.

— Тогда мы с Хуаном пойдем вниз, — принцесса положила руку на загривок пса.

— Постой госпожа! — Раудан попытался взять ее за рукав. — Когда ворота будут разбиты, там начнется сражение. Что ты будешь делать?

— Сражаться, — улыбнулась королева, оглядываясь на ходу. — А вдруг там окажется противник, который не по силам Артанору?

Раудан собрался было бежать за ней, но лучник остановил его.

— Оставь, — сказал он. — Каримбэ не пустит ее в бой...

Раудан поморщился, потом приказал:

— Прибавить еще сорок фунтов...

* * *

Лучники заняли позиции на стенах и в надвратной башне, стрелки выстроились в три ряда за воротами под прикрытием щитоносцев. Обе стороны замерли в ожидании — пресловутое затишье перед бурей.

— Когда они ворвутся в ворота — выпускай молодняк, — приказал Гортхауэр Сэльо.

— Слушаюсь.

Гортхауэр спустился со стены во двор — только первый двор после первых ворот. Да, Финрод строил этот замок на совесть... Если бы Ородрет оказался покрепче — Минас-Тирит дался бы ему десять лет назад большой кровью. Терять такой хороший замок было обидно — Саурон успел к нему привязаться, а его — привязать к себе. Намертво. Фингон может отобрать замок — но не получить его. Гортхауэр усмехнулся.

На стене вскрикнули чуть ли не в один голос — он понял, что произошло: там, за скальным выступом, взметнулось плечо осадного орудия.

Началось...

Гортхауэр осторожно выглянул в бойницу. Снова возникло чувство, что огромный каменный шар летит прямо в него — скорее всего, так оно и было бы, знай эльфы, что он именно за этой бойницей над воротами. Но эльфы метили ниже.

Удар был ужасен и на сей раз верен — ворота хрястнули, решетка подалась назад и прогнулась, было ясно, что следующего удара они не выдержат.

Внизу, перед воротами, выстроились лучники; орки с самострелами встали на стенах, готовые дать отпор тем, кто пойдет на штурм. Тягостное ожидание прервалось несколькими ударами — у орудий на башнях, перенацелив их на восточный мост, выбили стопоры, и снаряды полетели в выстроившееся у воды эльфийское войско. Но прицелиться как следует там не могли — замок закрывал обзор. Камни падали в воду и в лес вокруг, лишь один из них

рухнул в середину войска.

Удар! — решетка не выдержала и слетела с цепей, зазвенев по камням. Одна из створок ворот подумала и упала наружу, образовав нечто вроде моста. Лучники начали плотный обстрел людей и эльфов, бросившихся на мост, послышались первые крики, звуки падения в воду — с той стороны. Гортхауэр обнажил меч, его примеру последовали рыцари Аст-Ахэ. Он уже различал впереди, за пастью вывороченных створок и выломанной решетки, людей, стоящих на досках, передающих по рукам новые... Обстрел не мог их остановить — на месте одного появлялся другой, хотя уже десятка с два бултыхалось в воде, пытаясь ухватиться за мост или освободиться от тянущих ко дну доспехов...

— На мосту! — крикнул Ульв — и подавился железом. Чудом перед Гортхауэром успели в последний миг поднять щит — следующий болт получил бы он.

Вражеские стрелки били из самострелов, стоя на плавучем мосту — и стреляли втрое быстрее, чем стрелки Гортхауэра. Потому что они не крутили ворот, а натягивали самострелы, упираясь ногой в стремя...

Отстреливаться от лучников стоячего моста и вести огонь по плавучему мосту одновременно не получалось — майя выругался. Эльфы и люди сумели устроить более плотную «стальную завесу», и их было больше.

— Назад! — крикнул он. — Назад, в ворота!

Ему было проще, чем многим другим командирам разных времен и народов — солдаты чувствовали его, майя, волю. Лучшие из них подчинялись ей так же быстро и верно, как части его тела.

Хитлумцы, бежавшие во главе, уже миновали мост и ступили на остров. Гортхауэр заметил двоих: первый, сбивал воинов первых рядов в колонну для наступления. Шлема на нем не было, и по спутанным волосам цвета потемневшего золота майя определил, что это Хурин. Второй, в черном эльфийском шлеме, шишак которого горел на солнце хрустальным огнем, командовал стрелками на мосту. У обоих одинаковые щиты — красное с золотом, цвета Дома Хадора. Братья... После головы Берена их головы были самым дорогим трофеем. Теперь Гортхауэр убеждался все больше, что Мелькор продешевил — эти головы стоили больше, причем на плечах... Нет, второй раз он не допустит этой ошибки... Их можно использовать только полностью выпотрошенными и обращенными, нельзя жалеть на это ни времени, ни средств...

С лязгом, криками, жутким первобытным рыком сшиблись первые ряды. Гортхауэру, мастеру меча, никогда не нравилась такая рубка — в тесном строю, бок в бок, неуклюжие попытки ткнуть противника поверх его и своего щита в то время как тебе мешают твои же товарищи...

Хадоринги напирали мощно — даже Гортхауэр, стоявший в пятом или шестом ряду, обменялся с кем-то ударами: первый же натиск прорвал оборону. Но, пробежав с полсотни шагов вперед, штурмующие оказались под обстрелом с крыш хэссамаров, а дорогу им преградило нагромождение бочек, столов, телег, скамей и прочего барахла, наваленное посреди прохода аж до второго поверха. Клин, прорвавший ряды, был смят.

Часть лучников, стоящих на стенах, перенесла огонь во двор, часть наступающих бросилась к лестницам и побежала на стены. Орудийные команды взяли за топоры, и кто-то уже хрипел под сапогами своих же товарищей, а кто-то падал со стены, и его крик обрывался мощным глухим ударом...

Гортхауэр видел, как в самой гуще драки орудует гномьей секирой Хурин. Отступившие

было воины снова сплотились вокруг вождя — и хадоринги опять начали теснить Волчью Стражу и рыцарей Аст-Ахэ.

Загрохотали цепи, опуская язык моста — хадоринги захватили надвратную башню.

Пора, решил Гортхауэр. Почувствовав его волю, в дальних помещениях Сэльо поднял решетку волчарни. Воля Саурона вела серую лавину по проходам и дворам — и когда волчья стая выплеснулась из вторых ворот, воины Дор Ломина дрогнули еще раз...

Пора... В кипении боя это осталось не замеченным почти никем, никто не смог сказать потом, куда девался майя, только что стоявший в самом вихре событий — высокий, в черных доспехах, с черной дланью на шлеме... Шлем нашли и доспех нашли — но не было тела...

Саурон обернулся волком, когда двор накрыла волчья волна — и эта волна вынесла его вперед, на мост: не опущенный мост замка, по которому наступали все новые и новые отряды, а плавучий, почти свободный от людей. Огромный волк легко проскочил мостки и выбежал на берег, опрокинул ударом плеча стрелка, успел увернуться от второго болта и, прыгнув на высокого воина в черном шлеме со звездой, свалил того с берега в воду. Расчет был точен: всем хватало забот помимо того, чтобы преследовать гаура. Сотни волков, вырвавшись на свободу, задали работы и стрелкам, и копейщикам...

Молнией промчавшись через боевые порядки хадорингов, он исчез в прибрежных камышах. Нужно было переправиться на другой берег — и бежать волком через Анфауглит...

Смертные говорят — нет худа без добра. Что ж, сегодня вечером можно будет вспомнить хотя бы одно приятное ощущение: силу и мощь волчьего тела. «Волк-Одиночество» — он сам приложил руку и сердце к этой квэнте, и она вышла хорошей, много людей были покорены ее мрачным очарованием. И ради этого чувства нельзя было писать того, о чем написать более всего хотелось: быть волком приятно... До ужаса приятно...

Он побежал к лесу...

...А из леса навстречу ему выскочил громадный, жемчужно-серый волкодав из своры Оромэ...

Гортхауэр ни на миг не замедлил бега — не сделал этого и пес. Им обоим не нужен был животный ритуал — они знали друг друга. Хуан помнил, и Саурон знал, что ему суждена смерть от клыков самого большого и страшного из волков Моргота...

«Самый большой и страшный — это я!» — мыслью крикнул Гортхауэр. Пес услышал — но не ответил.

Они сшиблись и сцепились так, что полетела шерсть. Гортхауэр мог одолеть и разорвать любого из волков своей стаи, но здесь он столкнулся с куда более сильным противником. Несколько раз ему как будто бы удавалось вцепиться псу в горло или загривок, но белая шерсть забивала ему рот так, что прокусить шкуру он уже не успевал: пес выворачивался, оставляя у него в зубах клочья меха, и сам ранил его клыками. Гортхауэр ужаснулся — пес одолевает... Нужно было не искать этой встречи, бежать от нее — поздно! Хуан вцепился волку зубами в горло и не отпускал...

Гортхауэр рванулся несколько раз, полоснул когтями собачий бок — и убедился, что когти Хуана не короче и не мягче его собственных. Вконец озлившись, он решил прибегнуть к волшебству и принял свой привычный облик — теперь оказалось, что пес одним движением может перекусить ему шею. Гортхауэр прохрипел заклятие — оно... Оно ушло в ничто, как стрела в воду: было — и нет. Над его волей была чья-то другая воля; над его силой — чья-то другая сила... Хуан крепче сжал челюсти — и полузадушенный Гортхауэр мог

только еле-еле тянуть воздух сквозь зубы.

Она возникла в поле его туманящегося зрения — небесный лик в обрамлении коротких черных волос, точно отражение в волшебном зеркале... «Мелиан?!!» — на миг сердце остановилось. Нет, нет. Не Мелиан... Тинувиэль, ее дочь...

— Если не хочешь, чтобы твой обнаженный дух был заперт в самую жалкую из оболочек и приполз к Морготу слизняком на брюхе — отдай сейчас же мне власть над Островом! — в пламени своего гнева она была почти майя, и Гортхауэр не усомнился ни на миг: едва псина убьет его, как колдунья уловит его дух в свои сети и упрячет в ближайшую жабу. Не смертельно, но... неприятно. Он прислушался к тому, что творилось на Острове — ведь связь не разрывалась, он по-прежнему был частью — там.

...Передний двор был устлан трупами орков и волков. Люди отступили дальше, теперь бой шел в крытом переходе от казарм к дворцовым помещениям. Хадоринги ломали, на помощь им пришли эльфы Каримбэ-Голой Руки. Да, отдать власть сейчас — это будет очень кстати... Потому что девчонка власть над Островом не удержит, и в последний миг перед падением ощутит, как это будет — стены Минас-Тирит рухнут, погребая и хитлумцев, и эльфов, и орков, и рыцарей Аст-Ахэ, и останки ее любовника...

— Бери, — сказал он, перебрасывая на нее ту связь, которая сплела воедино его волю и замок Аст-Алхор: от первого воина до последнего кирпича. Девчонка вскрикнула, рухнула на колени — но власть над замком удержала...

Дешевый зубоскал Берен, будь он жив, сказал бы, что у Гортхауэра сегодня неудачный день.

Хуан разжал челюсти. Задыхаясь и кашляя, зажимая руками шею, майя поднялся на колени. Со стороны, — прошмыгнула дурацкая непрошенная мысль, — они похожи на двух молящихся...

— Иди, — просипел он (голосовые связки проклятый пес тоже попортил). — Иди, похорони его кости! Если разберешь, какие из обглоданных костей — его!

Глядя прямо перед собой, она молча поднялась и побежала вниз, к реке. Хуан, коротко рыкнув на истекающего кровью майя, скачками понесся за ней и вскоре обогнал, заступил путь, подставил спину... Гортхауэр сплюнул, от вкуса крови его тошнило. Последнее усилие, — сказал он себе, избирая форму, в которой ему, ослабленному, предстояло теперь застрять надолго — форму летучей мыши.

Роняя кровь, он пронзил влажный утренний ветер визгом — и понесся вверх на черных кожистых крыльях...

* * *

Как это тяжело — и помыслить она не могла, пока не взяла это на свои плечи. Сердце замка, его средоточие — теперь была она, и у нее внутри происходило сражение, и что-то раздирало ее, распирало — так цыпленок ломает скорлупу... Быть этим, терпеть это — было ужасно, но еще ужаснее было — перестать быть этим: только ее воля удерживала стены замка от немедленного разрушения. То, что Саурон один из сильнейших майяр, проделывал играючи, давалось ей великим трудом.

Если бы не Хуан — неизвестно, смогла бы она или нет добраться до берега и переправиться на Остров. Хуан вез ее, она должна была только держаться за его ошейник... Уже на берегу она спохватилась: следовало прекратить сражение, ведь это было в ее власти, воля сражающихся была — ее волей!

Держась за ошейник Хуана, она спешила и пошла по мосту, и голос ее возвышался в песне, умиряющей опьяненных кровью людей, парализующей орков и волков, частью существа которых тоже стала та сила, что отдал ей Саурон... Хадоринги, не в силах сразу остановиться, прорывались по коридорам и переходам, убивая уже не сражающихся — беззащитных; но сила подействовала и на них, хотя они и не зависели от нее.

Тинувиэль ничего не видела перед собою: шла вслепую, ее поводырем был Хуан. Времени оставалось мало — силы ее подходили к своему пределу.

— За мной! — крикнула она. — За мной, ломайте двери подвалов, выводите всех! Замок рухнет скоро!

* * *

Хуор решил поначалу, что сама Элберет пришла сюда, в Тол-и-Нгаурхот. И мысли не было о том, чтобы послушаться ее: плечом к плечу с белобрысым парнем, с которым только что рубились — из этих, из черных рыцарей, — он бросился туда, куда вела она: в боковой проход и вниз по винтовой лестнице. Никто не задерживал их, никто не пытался заступить дорогу и биться: орки лежали замертво, люди прижимались к стенам, пропуская их, потрясенные — или присоединялись... Язычком светлого огня она плыла впереди, держась за ошейник огромного пса — и казалось, что идет она очень медленно, спокойно, словно лебедь плывет по воде — а ведь Хуор бежал за ней со всех ног и не мог догнать...

Стены замка дрожали мелко и страшно, кое-где шли трещинами.

Очередной внутренний двор открыл перед ними двери тюремной башни. Протянув руку, богиня пропела короткий приказ — и створки тяжело обвалились с петель.

— Факела! — крикнул Хурин, первым сообразивший, в чем дело.

Факела передавали из рук в руки, зажигая один от другого, бежали вперед и вниз, и вверх по лестницам, мечами и топорами сбивали замки и цепи, выводили наружу каких-то исхудавших, грязных, измученных... Казалось, конца этому не будет — где же последний коридор, последнее подземелье?

— Уходите! — пела богиня. — Уходите, уводите их прочь! Где ты?! Где, отзовись, я не слышу тебя! Нет! — она уперлась руками в тупик, в стену. — Нет, нет!

Пес зарычал, встал на задние лапы, царапая стену когтями — ни Хурин, ни Хуор не понимали, в чем дело, пока их не растолкал плечом, пробиваясь к стене, оборванный изможденный эльф. Он выдернул факел у кого-то из руки, провел пальцами по наплывам раствора, осветил ссохшиеся грудки песка и извести у себя под ногами:

— Этой кладке не больше двух суток. Здесь кого-то замуровали.

— Они, наверное, мертвы уже давно, — предположил один из воинов Дор-Ломина. — А камни-то дрожат как... Послушаем, что говорит благородная госпожа, бежим отсюда, пока нас тут не завалило, зарн!

— Беги, если кровь у тебя пресная, — Хуор отобрал у него топор, развернул клевцом и ударил в стену, целясь попасть между камнями. Хурин присоединился, прибежал кто-то еще, кладку крушили уже десятки рук — пес и женщина отошли в сторону, прижались к стене... Выбитые камни передавали по рукам и бросали в одну из пустых камер. Пролом расширился настолько, что туда стало можно просунуть голову — и оттуда шибанула густая вонь — Хуору поначалу даже показалось, что вдохнул он горсть раскаленных гвоздей. На миг пришлось остановиться — но, переведя дыхание, он продолжил работу с удвоенной силой.

— Хватит! — стену разобрали, скovyрнули замок с двери, что была за ней. Хурин принял у кого-то факел и, пригнувшись, вошел в пролом. В спертom, гнусном воздухе факел почти задохнулся...

— О, боги... — выдохнул Хурин, осветив пространство перед собой. Женщина устремилась туда же — но Хурин застыл в проеме, загородив его своей широкой спиной.

— Не нужно, высокая леди, — пробормотал он. — Не нужно тебе на это смотреть. Ох, ты ж...

Вождя Дор-Ломина согнуло пополам в приступе рвоты.

Хуор, переборов страх перед величием и силой колдуньи, остановившей бой и взявшей Тол-и-Нгаурхот, отстранил ее и вошел в проем следом за братом — посмотреть, от чего же может стошнить человека, чей топор покрыт запекшейся кровью так, что сухого места нет. Увидев, он почувствовал, что и его желудок сжимается в кулак. Такое... Такое никто не может... не должен делать. Даже Саурон.

— Что там? — мимо них протолкался белобрысый «черный».

— Смотри! — Хурин, выпрямившись, схватил его за ворот. — Смотри!

Рыцарь Моргота поскользнулся в грязи, упал на четвереньки.

— Нет... — прошептал он, оглядываясь... — Нет... Не может этого быть...

Хурин сплюнул и повернулся к остальным, сгрудившимся у пролома.

— Чего встали? Щиты, копы для носилок! Сбивайте цепи — не можем же мы их так оставить, даже мертвых!

...Их вынесли на свет — Берена, Финрода, остальных эльфов... То, что от них осталось... «Быстрее», — умоляла светлая госпожа. — «Быстрее, я не могу удержать!» Хуор нес ее на руках, и была она легкая как перышко — но доспех давил на плечи, и казалось, не будет конца лестнице из подземелья.

— Быстрее!

...Они бежали по коридорам, недавние враги, преследуемые нарастающим внутри замка гулом...

— С дороги! — орал Хурин, расталкивая тех, кто двигался слишком медленно.

...по переходам, внутренним дворам, которые только что брали с бою, под осыпающимися штукатуркой и каменной крошкой арками ворот, волокли раненых...

— Быстрее, дурачье!

...воины, слуги, узники — тысячи подкашивающихся ног, тысячи взмокших спин, тысячи осипших глоток — поток беглецов: так, наверное, ужас гнал отсюда эльфов Ородрета, когда замок брал Саурон.

Они выпрыгнули на берег, перебежав по мостам, опустили на землю свою ношу — и развернулись, прикованные к месту жутким в своем величии зрелищем: замок оседал в нарождающуюся у его подножия тучу пыли, рушились гордые потемневшие башни, цепи подвесных мостов взлетали прощальным взмахом, как руки падающих в пропасть людей,

разноцветным ливнем осыпались витражи стрельчатых окон, изломанными костями открывались буковые балки и скалились в бесстыдной усмешке двери внутренних покоев, обнажающихся на миг — перед тем как обвалиться в клубящийся, грохочущий хаос...

Хуору казалось, что все это происходит совершенно бесшумно — но позже он понял, что грохот стоял невероятный, и уши отказались его слышать.

...Камни катились в реку, поднимая тучи брызг, облако пыли переползало через Сирион и добралось почти до другого берега. Тучей вились над рушащимся замком нетопыри, и крысы живым ковром катились в реку, спасаясь от гибели под развалинами. Женщина-богиня в руках Хуора поникла, он решил было, что она лишилась чувств — но нет, слабым движением красавица дала понять, что хочет высвободиться — и он ослабил хватку.

Неверными шагами она подошла к одному из мертвецов, опустила на колени, ладонями отерла грязь с посеревших щек, сжала руками его руку.

— Я опоздала, — в отчаянии прошептала она. — Что же мне теперь делать — разве умереть вместе с тобой? Но ведь и там мы будем в разлуке — Берен, за что судьба так обошлась с нами?

Хуор узнал будущего свояка только после этих слов — обескровленное лицо его было разбито и грязно, а черные волосы выгорели до цвета тусклой стали, цвета волчьего подшерстка. Холодный и неподвижный, он не отвечал ей — а она и не ждала ответа. Силы, которых и так оставалось немного, покинули ее — она упала рядом с опущенными на траву носилками. Не богиня, не валиэ, не майя — Хуор уже понял, кто она такая. В молчании столпились кругом люди и эльфы, победители, пленники, узники, хитлумцы и рыцари Моргота. Беззвучно плакал, опустившись на землю у тела Финрода, Артанор Голая Рука. Хуор сбросил на землю шлем и перчатки, спустился к воде и долго пил, зачерпывая ладонью...

Огромный, жемчужно-серый пес взвыл длинно и так печально, что казалось — человек оплакивает того, кто был ему ближе отца или брата.

* * *

Тела эльфов забрали эльфы, чтобы похоронить по своему обычаю, а тело Берена братья велели отнести к своей палатке, обмыть, обрядить и приготовить лодку для погребения. Когда смыли кровь и грязь, не нашли ран, которые могли оказаться смертельными — лишь синяки и ссадины покрывали тело, да запястья были разодраны до мяса. Смерть обидная и нелепая — он просто замерз, потеряв сознание.

Его обрядили в чистую, длинную погребальную рубашку из некрашеного льна, укрыли одеялом и положили в маленьком шалашике из лапника. Хурин еще не решил, что с ним делать — хоронить здесь, возле развалин Тол-Сирион, отнести в Хитлум, чтобы Берена погребли последние его родичи, или отдать горцам, которых доставили сюда эльфы Артанора. Правда, половина из этих двенадцати горцев еще не стояла на ногах, а другая половина видела лишь при ярком дневном свете и лишь размытые тени. Только один был в сносном состоянии — то есть, мог отличить дерево от человека в десяти шагах, а к завтрашнему вечеру обещал и вовсе поправиться: Нимрос, молодой бард Берена, учившийся

когда-то у эльфов.

Вот он, этот самый полуслепой Нимрос, и обнаружил, что Берен жив.

Вышло это так: поверх погребальной рубахи ничего надевать не положено, как знак того, что не по одежде Мандос судит человека — разве что нет времени и надо хоронить как есть, в том, в чем человек и умер. Но уж больно безобразно выглядели разодранные запястья Берена, и слуги обмотали их черной тканью, а сверху закрепили ее двумя золотыми зарукавьями, которые снял с себя Хуор. Нимрос же принес драгоценность, подаренную Барахиру Финродом — перстень валинорской работы. Эта вещь не могла принадлежать никому, кроме Берена или того, кому он сам подарил бы ее; Берен же, уезжая на Волчий Остров, оставил ее Нимросу — но только на хранение. И вот Нимрос ее возвращал, и, взяв правую руку Берена за запястье, чтобы надеть на нее перстень, под пальцами почувствовал заскорузлую ткань. Черная повязка почти вся пропиталась кровью, а мертвец так не кровоточит.

Хорошо, вовремя заметили — не хватало еще доделывать за Саурона испартаченную им работу. Хурин, не поверив своим ушам, вынул кинжал и поднес к губам Берена. Поначалу казалось, что Нимрос обманулся — сердце Хурина успело отсчитать с десятков ударов прежде, чем лезвие затуманилось — но все-таки затуманилось же!

Привести его в чувство не удавалось — вливали в рот и вино, и воду, растирали щеки, ладони — не помогало ничего. Нимрос, сказал, что душа князя сейчас сама выбирает между жизнью или смертью, и никто на этот выбор повлиять не властен, однако же есть один способ: можно сесть с ним рядом и все время ему говорить что-то, убеждая душу остаться здесь.

— Ты, что ли, будешь над ним сидеть? — Хурину эта затея показалась глупостью.

— Да, буду, — кивнул Нимрос.

Но Хурин на этом не успокоился. Послали за эльфийским лекарем на другой берег. Эльфийский лекарь только подтвердил то, что уже сказал человеческий: нужно оставить все как есть, и дальнейшее будет зависеть лишь от того, захочет дух Берена вернуться к жизни или пожелает отправиться на Запад, а затем — на Неизведанный путь.

То же тяжелое беспмятство охватило и госпожу Лютиэн, но с этим было яснее: она устала, сказал целитель, и проснется, когда отдохнет. Борьба с темной волей Саурона истощила ее силы. Нужно время.

Время...

И тут Нимрос предложил такое, о чего у Хурина даже рот открылся — но эльфийский лекарь поддержал юношу: нужно, чтобы Берена и Лютиэн положили рядом — пусть первым, что увидит очнувшийся, будет любимое лицо — если им суждено очнуться.

* * *

На следующее утро Финрода и остальных эльфов, а также всех, кто погиб при штурме, похоронили на зеленом холме неподалеку от развалин замка. С покатою, почти плоской вершины срезали дерн, вырыли яму и сложили в ней из камней и бревен высокую постель для Короля. Ниже положили десятерых верных, а еще ниже — всех, кто отдал жизнь за Тол-

Сирион, врата в свободные земли.

Погребальные одежды и венки из первоцветов, надетые на голову и шею короля, почти скрыли раны, нанесенные Финроду волком, но не могли скрыть следов истязания — руки Финрода, против обычая, были спрятаны под покровом, чтобы не было видно, что пальцы его переломаны и срослись как попало. И оттого, что лицо его и в смерти осталось прекрасным, всем, кто смотрел, казалось, что поругана и убита сама красота. И когда над мертвыми клали кровлю из бревен, хотелось то ли хватать могильщиков за руки, умоляя не прятать его под землю, то ли помогать им всеми силами — пока сердце не разорвалось от жалости при виде его.

Из камней и земли эльфы и люди насыпали над павшими высокий курган, снова покрыли дерном, и уже к утру следующего дня курган этот пророс густой травой и покрылся белыми цветами. Когда эльфы пели над погибшим королем Нарготронда, Хуор впервые в жизни увидел, как плачет его старший брат. Говорили, что Хурин плакал в день смерти отца, но Хуора с ним тогда не было.

Допрашивая пленных, которые все не могли понять, как и почему они сдались, внезапно прекратив бой, Хурин восстановил события и пересказал их Артанору.

Берен и вправду решился штурмовать замок, но хитрость его не удалась, во-первых, из-за орочьей алчности, а во-вторых, из-за того, что в этот же вечер в замок вернулись остатки разбитой у Ангродовых Гатей армии. Не будь во главе ее Саурана, может, Берену и удалось бы продержаться, но Саурон колдовством открыл ворота. О том, как защищался Берен, рассказывали не только пленные, но и синяки на теле горца: он ими был покрыт весь, от затылка до пят — то есть, взять его смогли только тогда, когда измолотили как сноп. Саурон, устроив пленнику короткий допрос, отправил его в камеру смертников, где уже находились эльфы. Хуор спросил о следах истязаний, на телах — никто ничего не знал или боялся признаться. «Это, наверное, орки», — сказал один из тех, кто называл себя рыцарями Аст-Ахэ. Второй не видел ничего дурного в том, чтобы живьем скормить мирроанви волку: по его мнению, они этого заслужили, а мучительная смерть была признанием заслуг врага. Хурин дал ему в ухо — разговаривать с таким было бесполезно. Был еще один выродок, который смотрел за волками. Только о них и убивался — ну, так ему снесли голову. Но таких было мало... Прочие вели себя пугающе странно: словно угасли в них какие-то огни. Безразличные ко всему, они были покорны и молчаливы: не требовали еды, не бунтовали, не пытались бежать. Ударишь — смолчат, пошлешь — пойдут... Это вызывало презрительный смех одних и ужас других — что же нужно сделать над человеком, чтобы после падения своего господина он полностью утратил волю к борьбе и к жизни? Хуор сравнивал их с эльфами и людьми, спасенными из тюрьмы Волчьего Острова — и сравнение было далеко не в пользу черных. Спаси Единый от такого, думал Хуор, глядя на них. Даже обреченные страшной смерти, замурованные в подвале, — Финрод и Берен нашли в себе волю освободиться от пут и сражаться с сауроновою тварью... Они боролись, пока одного не оставила жизнь, а другого — все силы... Отчего же эти — не скованные, не подвергавшиеся пытке, многие даже не ранены — час за часом теряют дух?

Под вечер того дня, когда похоронили Финрода, эти пленные начали умирать. Нет, не так страшно, как умер несчастный сауранов посланник — просто ложились на землю, закрывали глаза и души их отлетали. Эльфы сказали, что ничего тут сделать не могут: это порча. Хурин приказал на всякий случай сжигать их тела — и всю ночь с подветренной стороны от лагеря горели костры, и весь следующий день тоже.

Вот в этот день Берен и пришел в себя.

* * *

Очнувшись, он долго не мог понять, отчего видит над собой не каменную крышку, а серое полотно, слегка колеблющееся, немного дырявое — лучи солнца били сквозь эти дырки, как стрелы. Голова работала плохо.

«Я мертв. Должен быть мертв...»

Шум, который доносился до него сквозь стены палатки, был знаком с детства: беззлобная брань, звон молота в походной кузне, ржание лошадей, треск хвороста в кострах — шум военного лагеря. Запахи подтверждали догадку. Пахло рыбной похлебкой и дымом, конским навозом, раскаленным металлом и застарелым потом, много лет впитывавшимся в войлочные куртки, надеваемые под доспех.

Значит, это не эльфийский лагерь. В эльфийских лагерях пахнет иначе.

И тут ледяной водой нахлынул ужас воспоминания. Финрод... За его жизнь заплатил жизнью Финрод. Умер, угас в его бессильных руках. Как все, кого он любил — отец, Андис, Руско... Все, кроме...

На миг мелькнула безумная надежда — а вдруг заточение в волчьей яме было тем же, чем и казалось — жутким сном? Берен поднял руки — широкие белые рукава погребального одеяния упали к локтям.

Боль, пронзившая плечо, перевязанные запястья — все сказало: нет. Это была явь.

— Но ради чего? — тихо, сквозь зубы простонал он, поворачивая лицо в сторону.

Лютиэн!

Это точно сон. Уже стоя рядом на коленях, касаясь ее лица ладонью, уже прижимаясь ухом к ее груди, чтобы услышать биение сердца, уже целуя ее глаза и призывая: проснись! — он не мог поверить, что видит ее здесь наяву.

А когда поверил, забыл обо всем на свете. Сейчас самый большой ужас был — она умирает, она не проснется, не откроет глаз!

О, нет. Потерять ее теперь, после всего, держать в руках и чувствовать тот же мертвый холод, что затопил и тело Финрода — нет, нет!

Превозмогая боль в плече, Берен рывком поднял любимую на руки и поднялся. Пошатываясь, вышел из тесной палатки, и зашагал через онемевший разом, как будто вымерший лагерь. Он не замечал никого вокруг, видел только запрокинутое лицо Лютиэн, чувствовал лишь ее вес.

Спустился к реке и упал на колени.

— Mell! — прошептал он, окуная руку в воду и смачивая деве лоб. — Quio, mell! Очнись, милая, дыши — посмотри, какая весна. Я же прокляну ее, если ты не очнешься.

Веки Лютиэн дрогнули, а потом она открыла глаза и взглянула на Берена. Коснулась ладонью его лица и попыталась что-то сказать, но только выдохнула.

Берен прижал ее голову к своему плечу, погладил, пропуская волосы между пальцами, и задал дурацкий вопрос, который сам собой прыгнул на язык.

— А что же случилось с твоими косами?

Она снова попробовала что-то сказать, но Берен положил ей палец на губы:

— Я сейчас угадаю... Ты сплела из них сеть, чтобы уловить Саурона, а потом вынула ею меня из подземелья, как княжна Айад своих братьев?

— Почти так, милый, — Лютиэн спрятала лицо на его груди. — Почти так...

Глава 19. Возвращение

— Эльфы уходят завтра, — сказал Хуор.

Строго говоря, это была не совсем правда. Уходили не все эльфы, а только дружина, которую привел Артанор. Кроме них здесь были еще двое из отряда Берена, Элвители и Диргель, и десятка полтора эльфов, спасенных из тюрем Тол-и-Нгаурхот. Эти, насколько понял Хурин, не собирались уходить вместе с братьями. Что они собирались делать — темна в реке вода; во всяком случае Хурину они об этом ничего не говорили.

Лагерь они, когда немного оклемались, разбили себе в стороне, отдельно и от других эльфов, и от людей Хурина, на том самом мысочке, откуда сплавляли мост. Кроме эльфов, там жила дюжина уцелевших из беренова отряда, сам Берен со своей королевой, и еще одно дивное создание — девица из Морготова войска. В общем, десятка три народу. Среди них еще были двое неходячих раненых, остальные либо плохо видели в сумерках, либо едва таскали ноги — так натерпелись в сауоновых подземельях. Словом, не хотелось их ни оставлять здесь одних, ни отпускать — и куда там они собрались? Но и торчать здесь, пока у них все не придут в себя, Хурин не мог. Он уже отпустил ополченцев, потому что пришла пора пахать и сеять, погода ведь не будет ждать; дружина тоже не могла находиться здесь долго, припасы должны были скоро подойти к концу. Самое лучшее было бы — забрать всех, и здоровых, и раненых, в Хитлум. Но...

— Он же с места не сдвинется, — сказал Хурин, пропуская всю цепочку рассуждений, потому что брат его всегда понимал с полуслова.

— Как раз в это время, — сказал Хуор, — по рекам идет лосось... Прет против течения и прыгает через водопады Кирит Нинних... а потом, поднявшись к истокам, выметывает всю икру и тихонечко подышает... Когда он приехал к нам в первый раз, казалось, что его, как лосося, идущего на нерест, ничто не может остановить...

Он не стал продолжать свою мысль — и так все было понятно.

— Пойди поговори с ним.

Хурин посмотрел в сторону Острова. Можно было и не глядя сказать: Берен там. Если его не видно, значит, он просто лежит, прижимаясь к земле щекой и кроша в пальцах цветы алфирина. И он будет там до самого заката — лишь когда солнце уползет за зубчатую стену Эред Ветрин, он поднимется, побредет к берегу и по шаткому плавучему мосту перейдет в свой лагерь.

— Уже говорил. Иди ты.

— Ты старший. И тебе все равно надо.

Хурин вздохнул. Да, когда один и тот же сон снится три ночи подряд — это неспроста. Будь он дома, непременно поговорил бы о том с Морвен. А здесь — с кем? Беоринги издревле умели толковать сны, и можно было бы попробовать сунуться к Нимросу барду — но Нимрос был почти ровесник, а Хурину хотелось услышать слово от кого-то старше себя и... мудрее, что ли.

Правда, не сомневаясь в мудрости Берена, он сильно сомневался в здравом смысле последнего. Например, он бы на месте Берена, раз уж удалось выйти живым из пасти волка, не убивал себя голодом. Скорбь скорбью, но не есть от рассвета до заката, и еще как раз тогда, когда нужно отъестся и отлежаться — этого Хурин не понимал. Если это и мудрость, то какая-то нездешняя и людям непонятная.

— Либо здесь его дождись, — предложил Хуор.

Хурин снова посмотрел на остров и хлопнул себя ладонью по бедру:

— Пойду.

Он уже знал, что когда Берен уходит с Острова, с ним поговорить наедине и вовсе невозможно: он не расстается со своим людьми и со своей королевной. Хурин и этого не понимал. После их встречи он думал, что теперь этих двоих будет конями не растащить, однако же ошибся. Берен почти не проводил времени наедине с нею — либо среди толпы, либо один, как перст, на Острове.

За прошедшие дни каждый из эльфов и многие из людей побывали там, но Берен нашел себе место, где его никто не беспокоил. Он поднимался с другой стороны холма, до середины, и сидел там лицом на юг, глядя на бегущую воду, спиной к каждому, кто поднимался до могильного камня, ясно показывая всем своим видом, что беседовать не желает.

Но на этот раз беседовать желал Хурин. Он обошел курган и поднялся с той стороны, где сидел Берен. Молча сел рядом на траву. Какое-то время они просто сидели бок о бок, и Хурин не знал, как начать разговор. Любой предписанный обычаем зачин — «добрая встреча» или «радуйся» — казался ему невыносимо натужным и дурацким, поэтому он не нашел ничего лучшего чем начать с того же, что и брат.

— Эльфы уходят завтра.

— Знаю, — безучастно ответил Берен.

— Нам тоже нужно уходить. Завтра, самое позднее — послезавтра.

— Хорошо, *otorno*. Обними за меня сестер.

Хурин наконец-то не выдержал.

— Да что ж тут хорошего?! Ты останешься с ними — а сколько из них народу видит в сумерках и ходит, не хромая? Сколько из них вообще ходит? А берегами все еще шныряет недобитая оркота. Берен, пора уже в себя прийти! Или ты думаешь, что один горюешь?

— Нет, *otorno*. Я этого не думаю.

— А похоже на то! Ходишь сюда, как на поклонение или на стражу... Эльфы так часто сюда не ходят, подданные его и друзья не просиживают здесь от сумерек до сумерек! Чего ты хочешь, Берен? Чего ты здесь высиживаешь?

Хурин встретил взгляд Берена и осекся. Глаза горца были темно-серыми, как у младенца. Того цвета, какой бывает у нижнего края грозовой тучи.

— Ответы, Хурин... — прошептал Беоринг. — У меня много было вопросов к нему... Мне нужны ответы.

— Мертвецы не ответят тебе, — Хурин покачал головой. Глаза Берена испугали его почти так же, как молчание темного рыцаря, пораженного в бок.

— Тогда мне незачем жить.

— Ты в своем ли уме? А Дортонион? А королевна Тинувиэль? Берен, за что ты сражался? За что умер Финрод? Все они, — Хурин показал рукой на курган, — за что?

— Вот и я о том же, брат... За что? Пройдет еще полсотни лет, а может, и того меньше. Там, за горами, Моргот накопит сил... Дортонион падет... Падет и Хитлум. Я не доживу, на свое счастье, но по моему сыну проскачут их черные кони... Наши дети и внуки падут под мечами, а Запад будет все так же молчать. За что же умер Финрод? За что мы умираем здесь все вместе, эльфы и люди? Не одним ли мы становимся прахом? — он схватил немного серой земли, густо смешанной с песком, вскочил, и бросил золистую супесь под ноги

Хурина. — С этого холма высоко видно, брат. До самых гор Тангородрим, до самых глубин. Мы дали Сауруну под зад и радуемся, глупцы. Говорят, ты свалил в поединке черного рохира — сумеешь ли ты своей секирой рассечь подземный огонь? Наложить ли цепи на смерть, забьешь ли чуму в колодки? Пронзишь ли копьем северный ветер, стрелой — засуху? Что мы можем сделать, Хурин, если мир сражается против нас?

— Если даже и так — то что же, — глухо проговорил Хурин. — Склонить голову и идти к Морготу с повинной?

— Нет. Потому что Финрод знал все это; он знал все это лучше меня — и сражался. Эльфы, что сейчас со мной, задают себе вопрос: почему он пошел со мной сюда? Неужели — затем лишь, чтобы сложить здесь свои кости? Они не решаются спрашивать меня — а я и не знал бы, что ответить. Финрод... — Берен посмотрел на Хурина странно, словно бы сквозь него, и очень тихо сказал:

— Финрод умер за меня, и я не могу сделать для него меньше. Но я хочу знать, к подножию какого дерева положить мне свою жизнь. Люди и эльфы не могут мне на это ответить — пусть скажут боги.

— Боюсь, что у богов ты не выпросишь ответа.

— Выпрошу? Я не прошу, брат — я требую, — Берен положил руки ему на плечи, и Хурин взмок — так страшен был взгляд горца. Его серые волосы трепал ветер — но почему-то Хурин не чувствовал ни малейшего дуновения.

— Да ты обезумел, — проговорил он. — Как ты сможешь заставить богов отвечать? Их власть над нами, они держат нас в своих руках по воле Отца Богов, зачем ты уподобляешься Морготу, восставая против них?

— Я против них не восстаю. Я принес им свою жизнь, а они не приняли ее. Я всего лишь хочу знать: что мне делать и как жить дальше, чтобы не сгореть впустую. Неужели я требую так много?

— Не знаю, брат. Я никогда не пытался призвать богов к ответу. Я знаю, что должен делать: сражаться; и я буду сражаться, хотя бы весь мир кричал мне, что это безнадежно. По моему, тебе не хватает решимости, а не знания. Ты требуешь с богов ответа лишь потому, что недоволен ответом, который знаешь сам: бейся до конца, а там будь что будет. Саурон напугал тебя, брат.

— Думай так, если хочешь, — Берен разжал руки и плечи его поникли. — Но тогда скажи мне — какого совета у меня ты пришел просить?

Он снова поднял глаза и Хурина пришлось отступить на шаг назад. После речей Берена он не хотел уже говорить ему о своих снах — но теперь Берен сам заговорил об этом.

— Ты о чем? — спросил он, сделав вид, будто не понял.

— О том, что снится тебе третью ночь подряд. Ну же, Хурин? Кто из нас тут упрекал другого в том, что ему не хватает решимости? Кого из нас испугали?

— Я не баба, чтобы бояться снов и пророчеств. — Хурин передернул плечами, пытаясь избавиться от цепящего наваждения. — Хорошо, слушай же...

Во рту у него вдруг пересохло, и пришлось перевести дыхание.

— Говори, — подбодрил его Берен.

— Мне снилось, будто ступаю я... — Хадоринг потер виски пальцами. — Ступаю по лицам. Иду босыми ногами по мертвым головам, сваленным в кучу, в курган больше этого, и намного... Я поднимаюсь к вершине, и мне открывается поле, все заваленное трупами. Здесь была такая битва, какой Средиземье до того не знало, и закончилась она не нашей победой,

потому что иначе я по этому кургану бы не шел...

Он запнулся, но после длинного вздоха продолжил:

— И страшно мне, Берен — так страшно, хоть вой... Я не боюсь того, что случится со мной, я боюсь... Ты не поверишь — боюсь оглянуться. Что-то у меня за спиной такое, о чем даже думать неохота... Я этот сон видел трижды, и на другой и третий раз думал — совладаю с собой, оглянусь непременно... Не смог...

— Сможешь, — тихо, но твердо сказал Берен. — Ты оглянешься и согласишься ему в глаза, и найдешь, что ему сказать...

— Кому? — уже зная ответ, спросил Хурин.

— Морготу... Тому, кто у тебя за спиной... За спиной у всех нас...

Он вдруг посмотрел себе под ноги, и лицо его изменилось, словно он увидел что-то ужасное. Он бросил взгляд на север, и побледнел, и страх опять отразился в его глазах. Потом он посмотрел на восток, и смотрел туда дольше, а затем снова опустил глаза — и поднял их к западу с надеждой и мольбой. Но и там словно бы виднелось что-то, что погасило надежду в его глазах. Он ненадолго сомкнул веки, а потом повернулся и пошел прочь.

Хурин остался стоять на кургане. Потрясенный, он не мог двинуться, и с усилием поднял руку, чтобы вытереть пот со лба.

Берен спустился к плавучему мосту, но не ступил на него, а вошел в реку по колени и плеснул себе в лицо водой. И до Хурина дошло: он сказал не только то, чего Хурин никак не думал услышать, но чего Берен и сам никак не думал говорить. И сказанное ошарашило его не меньше, чем Хурина. Толкователь оказался поражен своим же толкованием.

Берен поднялся на мост, перешел на другой берег и свернул в свой лагерь. И лишь когда он скрылся из виду, Хурин смог двинуться с места.

* * *

В это утро Дазйрет твердо решила утопиться. Жить дальше сил не было, и если раньше она завидовала тем, кто мог отдать свои души Учителю, то теперь радовалась, что лишена такой возможности. Однако нужно было что-то делать с собой. Ведь вся ее жизнь была в Учителе, а Учитель сказал: кто слушает Гортхауэра — слушает меня. А Гортхауэр оказался... Дазйрет могла не верить Берену, могла не верить эльфам, могла не верить другим людям — но собственным глазам и собственному сердцу она не поверить не могла. Гортхауэр оказался чудовищем. Убийцей еще похлеще, чем Берен.

Она своими глазами видела, как готовили к погребению тела эльфов. То, что оставалось от них. Своими ушами слышала захлебывающиеся оправдания пленного Сэльо — и ничуть не пожалела о нем, когда один из эльфов взмахнул своим мечом... Кормить волков людьми... нет, это не могло быть сделано по приказу Гортхауэра, ведь Учитель сказал, что Гортхауэр — это его Руки, его Голос... А Учитель — самый добрый на свете, принявший на себя всю боль этого мира... Нет, нет, Сэльо врал... Но тогда получается, что Гортхауэр глуп, что за его спиной орки и волчий мастер делали что хотели... Одно из двух — Гортхауэр, первый и любимый Ученик — дурак или подлец. Но как Учитель мог не

распознать дурака или подлеца? Он безмерно доверчив, он может быть обманут — обманул же его негодяй Курумо... Однако если Учителя эта ошибка ничему не научила — получается, что он тоже...

От всех этих мыслей голова прост разламывалась и разрывалось сердце. А главное — ей не с кем было поделиться. Не с эльфами же. И не с Нимросом. Если бы жив был Руско, она могла бы ему рассказать... Он, может, и не посоветовал бы ничего путного, и утешить бы не смог, но не стал бы ни презирать, ни смеяться.

Утром она спустилась к реке, вроде бы за водой, к присмотренной загодя быстрине. Там был обрыв, над которым нависала ива, и сразу под ней начиналась глубина. Даэйрет не умела плавать, а Сирион — река быстрая, и она в мгновение окажется отнесенной от берега со свисающими над водой ветвями. Решимости нужно ровно столько, чтобы разжать пальцы, сжимающие ветку... Ну! Еще чуть-чуть! Немножко!!!

Она отшатнулась от бегущей внизу воды и упала на колени, выворачиваясь наизнанку в приступе рвоты. Вчера было то же самое. Вчера ее тошнило с самого утра. Просто ужас какой-то. Умирать, чувствуя вкус собственной желчи... Нет, это мерзко. Это совсем не похоже на те описания героической и мученической смерти, которые были в ходу в Аст-Ахэ. Герой может страдать от боли — но не от поноса...

— Похоже, что ты не справишься, — услышала она голос над собой. — Я наберу воды.

У эльфа, который это сказал, было истощенное, заострившееся лицо и темные, коротко стриженные волосы. Даэйрет чувствовала себя слишком плохо, чтобы спорить с ним из-за ведра.

Эльф склонился над водой, почти повис на ветке, ловко зачерпнул ведром из потока.

— Ты выбрала хорошее место, adaneth, — улыбнулся он. — Здесь, на глубокой быстрине — чистая вода. Попей и сполосни рот.

И опять было глупо спорить, а главное — ей и в самом деле требовалось сполоснуть рот.

Вдвоем они поднялись в лагерь.

Освобожденные узники встали лагерем отдельно, не с эльфами и не с людьми. Они все были ранены, даже те, кто с виду казались почти здоровыми, как этот нолдо. Каждый носил в себе воспоминание о пережитом ужасе, и, наверное, легче всех приходилось тем двоим Береновым стрелкам, которые еще не оправились от своих ран и за которыми ухаживали почти все, по очереди. Их тела исцелятся, и на этом все самое плохое для них закончится.

Эльф перелил воду из кожаного ведра в котел. Нужно было делать обычные утренние дела. Варить кашу с солониной и травками... Даэйрет знала, что от запаха этой каши ее вытошнит еще раз, как вчера. Почему, ведь каша далеко не плоха?

«Я чем-то отравилась», — подумала она.

Забавная и странная мысль вдруг осенила ее: она окружена эльфами уже несколько дней, а не чувствует того, что ожидала. Удушливая, мертвящая алмазная пыль Валинора, холодные, неизменные формы, застывшие в своем совершенстве — это все оказалось... не про них. Нолдо, севший напротив, чем-то походил на Илльо. Точнее, если бы Илльо провел год в заточении, не видя солнечного света, голодая, подвергаясь унижениям и мукам, и остался бы у него после всего этого шрам, идущий через лоб и левую щеку — они были бы похожи.

Этого нолдо звали Айренаром, и освобожденные узники, не сговариваясь, признали его своим вожаком — как Элвителия признали нолдор с рудников. Впрочем, он старшим над

собой считал Берена и очень много беседовал с Лютиэн. Из пойманных обрывков ночного разговора этих троих не спавшая в палатке Дэйрет и узнала его историю.

Его захватили в плен здесь же, когда Саурон штурмовал Минас-Тирит. На башни серебрястой крепости Финрода Гортхауэр обрушил Силу. Она не могла понять, что это такое — эльф говорил на синдарине слишком быстро, и произношение было не то, к какому она привыкла. То, что она поняла — черная волна с многими лицами, которые одновременно шли и стояли, с глазами и когтями, разрывающими тело и душу: когда она накатила, все, кто был на стенах и еще мог стоять — упали, потом в бой пошли орки и он сумел подняться, и даже подобрать меч, хотя был очень слаб. Одрета понесли на руках по пылающему мосту — это было последнее, что он видел... Он не осуждал тех, кто бежал без него — всех вынести было невозможно; те, кто еще стоял на ногах — прорубились к плавучему мосту и, наверное, обрезали канаты... их не догнали, во всяком случае.

Потом Айренар попал в руки рыцарям Аст-Ахэ... И Гортхауэр, узнав в нем волшебника — так, во всяком случае, поняла Дэйрет, — начал добиваться... чего? И как? Этого она тоже не поняла. И не хотела. Ясно ей было лишь одно: десять лет он не видел солнечного света. Когда замок начал рушиться и крышу их камеры сорвало — он потерял сознание от радости. «Если бы я умер в тот миг — я бы умер счастливым», — так он сказал.

Дэйрет в палатке кусала губы и пальцы и жаждала лишь одного: НЕ ПОВЕРИТЬ. С теперь она понимала, что чувствовал Берен, слушая Этиль. Как бы она хотела набраться его смелости, выскочить из палатки и закричать: неправда, все — неправда! Но нет — не только в смелости было дело... Берен верил себе, вот почему он был так смел. Ну, пусть бы этот эльф хоть раз сказал что-нибудь такое, что она могла бы радостно назвать ложью и на этом основании опровергнуть все. Но ведь нет. Она сама там была, она видела, как их выносили из развалин — полунагих, в каких-то обрывках ветхого тряпья, исхудавших и израненных. Они плакали и жмурились от невыносимого солнца — а ведь был закат! А на следующий день они снова плакали, провожая гроб Финрода. Они пришли на Остров все — даже те, кто еле ходил. Эльфы Артанора пели на кургане — а эти не могли даже петь...

И все же Дэйрет не могла пожалеть этих эльфов. Что-то в них противилось жалости. Даже сейчас, еле-еле тянущие ноги, одетые с чужого плеча, они были полны достоинства — настолько, что порой казались такими же гордыми и высокомерными, как и их сородичи из войска, в ярких одеждах и сверкающих доспехах. Она не выдержала, когда увидела, как уходят рыцари Аст-Ахэ, подбежала к тем, кто был еще жив, трясла их и била по щекам с воплями: «Почему вы умираете, трусы? Как вы смеете умирать? Посмотрите на эльфов!» Люди Хурина оттащили ее, привели в лагерь бывших узников и посоветовали Нимросу забить ее в колодки. Нимрос (Берен в это время был на острове, как обычно) очень серьезно пообещал, что так и сделает, если она еще раз покинет стан.

А ночью к ней пришел эльф — не из пленных, нет, настоящий эльфийский колдун, глаза которого были полны синего огня — и спрашивал, спрашивал, спрашивал... Пока она не расплакалась — а он поил ее водой и спрашивал дальше. Она не помнила, чем закончился этот кошмар — наверное, она потеряла сознание, и он оставил ее в покое. Нет, помнила еще, как чья-то теплая рука погладила ее по голове.

Дэйрет теперь часто плакала, глаза все время на мокром месте. Она как будто разорвалась надвое: половина ее существа ненавидела окружающих за то, что никто не хочет ее утешить — хотя вторая половина понимала, что здесь каждый сражен своим горем, да еще вдобавок все придавлены смертью Финрода.

Вместе с ним похоронили больше двух сотен человек и эльфов, погибших во время обоих штурмов — половину складывали в могилу по частям, какие смогли собрать после глумления, учиненного Сауроном, и найти в развалинах; а ведь многих и не нашли — только руки и головы. Да еще десятеро найденных в подземелье. Но даже те эльфы или люди, кто приходил на курган оплакать своего родича, в первую очередь вспоминали о Финроде. Каждый человек, которого видела с берега Дазйрет, совершал два возжигания. О Финроде говорилось и пелось так много, что ей уже начало казаться — она знала его.

Как странно: единственный раз в жизни она видела его — уже мертвым, завернутым в похоронные холсты из небеленого льна. Но, едва глянув на его выцветшее, тронутое смертью лицо, она ощутила потерю так остро, как не ощущала ничьей потери. Ей хотелось бы застать его в живых... Хотелось бы, чтобы ее головы в свое время касались его руки, а не руки...

...МОРГОТА...

Тогда, над открытой могилой Финрода, она впервые про себя назвала Учителя этим именем. И сама себя испугалась — как она могла, это же Учитель! И все-таки — не находилось для него другого имени — сейчас, когда песок сыпался сквозь бревна кровли на лицо Финрода.

Она вспоминала все горестные легенды, которые слышала в Аст-Ахэ. Ученики, растерзанные орлами, алая кровь на белой скале... Крылья Изначального... Черные маки... А здесь вырастал под скорбные звуки песни тугой, упругий алфилин, горошинки соцветий лопались, обнажая белую изнанку маленьких цветков, и вскоре весь курган стал зелено-белым... Одиннадцать эльфов Финрода умирали не напоказ, не на белой скале, а во мраке подземелья, и если бы Лютиэн не успела взять замок, так бы и не нашли ни их, ни Берена, погребенного заживо — и не в садах Ирмо, а в смрадном склепе. Легенда Аст-Ахэ померкла.

«Он же предал их» — думала Дазйрет, глядя на поседевшего Берена, который единственный не плакал, восходя на курган. Вот уж кого ей почти совсем не было жалко. Бессердечный чурбан! Как он мог рисковать жизнью друга! И как Финрод мог отдать жизнь за такое чудовище... Да Берен здесь сгореть от стыда, если в нем есть еще душа! Его каждодневные походы на Остров казались ей особенно отвратительными. Кому и что он хочет доказать? Кому это нужно?

Но эльфы не осуждали его — ни в глаза, ни за глаза. Конечно, их изумляло деяние Короля, но при том никто Берена не винил. И Дазйрет поняла, что такое благородство. И после этого поняла, что ей незачем жить. Потому что Учитель — Моргот... Действительно Моргот... С ним она быть не хочет, с эльфами — не может. И вот сегодня утром ее намерение не осуществилось из-за этого нолдо, Айренара. Который...

Который уже второй день почему-то всегда оказывается там же, где и она...

Так он знал или догадался?

Она посмотрела, как он вытаскивает ножом ковшик из липы — и снова расплакалась, опустив голову, притворяясь, что дым ест ей глаза, ковыряя ложкой в котле... Вот, ей даже умереть не дают. Хорошо хоть этот страшный пес ушел после похорон Финрода. А то ложился и смотрел своими глазищами, не по-собачьи умными. Так и ждешь, что вот-вот скажет что-нибудь. Когда он в последний раз пришел к Берену и Лютиэн, королева так и сказала: Хуан пришел попрощаться...

Длинная, узкая, но сильная ладонь сжала руку Дазйрет поверх черенка ложки.

— Ты все время плачешь, — сказал Айренар, отложив свою работу. — И все время жалеешь себя. Мне не всегда понятно, почему смертные делают то или это, может быть, у

тебя есть причины желать себе смерти, хотя я их и не вижу... Но чем виновато дитя?

— Ка... кое дитя? — Даэйрет, отнимая у него руку, от изумления хватанула большой глоток воздуха, и ее мгновенно одолела икота.

— Разве ты не знаешь? Дитя, которое ты носишь под сердцем. Сам я не вижу, но Лютиэн сказала мне.

Даэйрет похолодела. Так эта тошнота... Она снова болезненно икнула, и Айренар, зачерпнув кружкой холодной воды, подал ей.

— Разве смертные женщины не знают, что зачали?

Даэйрет покраснела до корней волос. Ее же учили! Она должна была догадаться! И тут же она поняла, что и догадывалась, но не пускала эту догадку на поверхность. Потому что в этом случае — что ей делать дальше?

— Или тебе тяжело говорить об этом? Ты... подвергалась насилию?

— Нет! — Даэйрет даже воду расплескала от возмущения, а икота прошла сама собой. — Он... он хотел жениться на мне. Правда! А его убили...

Она не удержалась от того, чтобы ехидно добавить:

— Нолдор.

— Но скорбишь ты не о нем, — спокойно сказал эльф, и это спокойствие было ей как пощечина.

— Ну и что, — разозлилась Даэйрет. — Я была его пленницей... Я... я не знала, что будет завтра...

— Завтра наступило сегодня, — сказал эльф.

— Очень хорошо! И что же мне делать?

— Наверное, жить. Если ты оглянешься вокруг, ты насчитаешь нас около трех десятков — тех, которым нужно будет как-то жить, и которые пока не знают — как.

— Послушай, эльф! — Даэйрет вырвала руку. — Я не слепая и не дурочка! Я знаю, что всем вам пришлось много хуже, чем мне. Но вы... вам есть куда возвращаться. А мне некуда! У меня нет дома! И здесь меня все ненавидят.

— Почему ты думаешь, что все тебя ненавидят?

— Потому что я — оруженосец Аст-Ахэ. Порченная Морготом — вот, как вы считаете.

— Мне всегда казалось, что я лучше прочих знаю, как я считаю, — голос нолдо не похолодел нимало, он даже улыбнулся, но Даэйрет это и бесило. Неужели злоба ни разу не прорвется из-под этой безупречной маски? Или того хуже — это вовсе не маска, а лицо, и тогда... тогда это лицо настолько прекрасно, что его нужно или полюбить всем сердцем, или возненавидеть, а равнодушным оставаться невозможно. Неужели они все такие?

— Не скрою, — продолжал Айренар. — Порой ты раздражаешь меня. Но назвать это ненавистью? Я слишком хорошо знаю, что такое ненависть. То, что произошло с тобой, можно назвать и порчей... Но это вряд ли true, ведь сведущие в чарах ничего такого на тебе не нашли. Едва ли ты испорчена сильнее, чем весь род людской.

— Ага, — почти радостно сказала она. — Так я и думала: род людской порчен, да? Весь? Мудрые эльфы посоветовались и решили, что мы все порчены?

— Если ты здорова душой и телом, почему ты искала себе гибели?

— Потому что мне плохо!

— Хуже всех? Непереносимо?

— Чтоб ты пропал! — Даэйрет вскочила и пошла прочь от костра. Пусть сам доваривает, раз такой умный.

Она остановилась, подойдя к границе лагеря. Обещание Нимроса забить ее в колодки, если она нарушит эти границы, вспомнилось разом. Куда же пойти?

«Мне надо поговорить с госпожой Лютиэн» — вдруг подумала она.

Эльфийскую королеву можно было найти в трех местах: или в их с Береном палатке, или у раненых, или на берегу, откуда был виден остров. Дазйрет рассудила, что в утренний час она будет у раненых — и не ошиблась. Маленькая эльфийская колдунья была там, сидела у костра перед палаткой, оструганной палочкой помещивала травы в котелке... Дазйрет принялась — чабрец и чистотел. Обмывать раны, понятно. Прекраснейшая из эльфийских дев, как говорили о ней во всем Белерианде. Сейчас, одетая по-мужски и остриженная как мальчик, она сидела спиной к Дазйрет, и черные волосы открывали ее приостренные ушки. Но когда она повернулась на звук шагов, сердце Дазйрет против ее воли замерло от восхищения, в который уж раз — какова же Лютиэн была в королевских одеждах, блистая при дворе своего отца?

На деле, подумала Дазйрет, Берен просто бросил лагерь на нее. Ведь все на ней, она руководит и лечением тех, кто еще не встал на ноги, и готовкой пищи, и уборкой, она сносится с Артанором и Хурином, а Берен только торчит на острове целыми днями. Горюет, значит. Так привык в своей дикой стране, что женщина должна обхаживать мужчину и воина, что и не задумывается над тем, какая необыкновенная женщина его невеста и как многим он ей обязан. Просто принимает ее заботы как должное — чего еще от него ожидать...

Дазйрет вдруг подумала, что может ведь ни о чем с ней не говорить — просто найти в лесу родильный корень, заварить и выпить. В Аст-Ахэ считалось, что это право женщины — распоряжаться своим телом... Ведь еще неизвестно, есть ли у такого маленького... плода... душа. Где она там помещается — когда ребенок выходит на малом сроке, он и на рыбу-то не похож, не то, что на человека...

И вдруг одно это соображение — «в Аст-Ахэ считалось» — разом сделало для нее противным все намерение. И само намерение, и отвержение были мимолетными — но Лютиэн словно услышала это короткое внутреннее борение и подняла голову от котелка. Взгляд ее был внимательным и строгим, таким, что Дазйрет не могла ни отвести глаз, ни повернуться и уйти.

— Ты хотела поговорить со мной? — спросила принцесса. Двое эльфов — Элвитель и еще один из освобожденных нолдор — при ее словах поднялись и ушли.

— Садись, — Лютиэн показала на место, прежде занятое Элвительем, бревнышко-плавунец, выловленное вчера и положенное у костра на просушку.

Дазйрет села.

— Ты хотела спросить о ребенке?

— Ну... да. Получается, все знают, кроме меня. Глупо.

— Не все. Я, Берен и Айренар: ему я поручила проследить, чтобы ты не потеряла дитя. Я думала, ты знаешь тоже.

— Нет, не знаю. Я знаю только, что меня тошнит по утрам. Отчего это, только сейчас догадалась.

— Ты больна?

— Нет, так часто бывает, от этого еще никто не умер... — ей было немного приятно знать такое, чего не знает эльфийская волшебница, ей льстило, что дочь Мелиан внимательно ее слушает. — Нередко женщины так и догадываются, что тяжелы, раньше, чем

перестают кровоточить: по тошноте.

— Кровоточить? — снова удивилась Лютиэн.

— А что, Берен тебе не рассказал? — слегка язвительно спросила Дазйрет.

— Ему трудно говорить об этом с женщинами. Хотя между собой мужчины эдайн, похоже, говорят о чем угодно. Расскажи мне ты.

— Ну... меня так учили, — сама не зная почему, она сделала эту поправку. — Что женщина кровоточит каждый месяц потому, что из нее выходит несделанный ребенок. Луна пробуждает женщину, когда ей исполняется четырнадцать весен — или около того. В ней созревает одна половинка младенца, а в семени мужчины содержится вторая половинка, и если этой второй не будет, то несделанный ребенок выйдет. А куда ему еще деваться. А что, — ее одолело любопытство, — у эльфийских женщин не так?

— Нет, — покачала головой Лютиэн. — Чадотворное семя в нас спит, пока мы не выходим замуж. От любви оно просыпается. И выходит с кровью только если созрело не вовремя. Следующее созревает долго. То, что ты рассказываешь — ново и странно для меня. Берен говорил, что своих дней человеческая женщина не знает...

— Берен невежда, — фыркнула Дазйрет. — И мужчина. Дни женщины обычно наступают через десять-двенадцать дней после того, как пройдет кровь. И заканчиваются за неделю до того, как она придет.

— Но если ты знала свои дни, почему ты не знала о ребенке?

— Потому что не всякая стрела поражает цель. И... я вообще не думала о ребенке, когда... Ну, там было так страшно, и кроме Руско, все хотели мне смерти... Я думала: он бросит меня и что со мной будет?

На ее глаза навернулись слезы.

— Дазйрет, ты думаешь когда-нибудь о ком-нибудь, кроме себя?

Голос Лютиэн был мягким, но ранил как сталь.

— И ты туда же? — Дазйрет вытерла слезы рукавом. — Вы так говорите, как будто я самый плохой человек на земле! Разве я вам не помогала, разве я не ухаживала вместе с тобой за ранеными?

— Да, ты помогала, и я благодарю тебя за это. Но о ком ты думала? Что тебя заботило, кроме собственных переживаний? Я успела узнать людей и хуже тебя, я знаю и эльдар хуже тебя, но я еще не видела никого, кого бы так занимала своя особа.

— А твой Берен? — огрызнулась Дазйрет. — Что его занимает сейчас? С кем он коротает дни?

— С тем, что выше моего постижения, — серьезно ответила Лютиэн. — Мысли его заняты странным желанием; настолько странным, что очень немногие смогут и понять его. Сам Берен не может его понять. Я не уверена, понимаю ли я, а Финрод, который понял бы, теперь мертв. Мне страшно за Берена, потому что зов его сердца направлен сейчас за пределы этого мира; дальше, чем лежит Валинор, за стены чертогов Владыки, за край черного моря, что лежит по ту сторону рассвета. Туда можно уйти — и не вернуться.

— Но... почему ты позволяешь ему? — изумилась Дазйрет.

— А кто я, чтобы запрещать ему? Я владею его сердцем и разумом — но не душой. Его феа и моя принадлежат лишь Тому, Кто их создал. Но мы, эльдар, отданы во власть судьбе, мы дети Арды, Манвэ — князь над нами, Намо — его Судья. Я не могу проникнуть мыслью за предел рока. Берен... Он может хотя бы пытаться. Это страшит меня превыше всякой меры, но это же и дарит странную надежду.

Даэйрет ощутила словно бы дуновение холода, хотя над углями поднимался раскаленный воздух, и в его мареве казалось призрачным лицо эльфийской девы, одетой как человеческий мальчик.

— Учи... ну... ты знаешь, о ком я... говорил, что создал нас... я знаю, вы учите иначе, но это сейчас неважно... свободными от судьбы. Он говорил то же, что и ты. Что есть предопределенность, но люди могут покидать этот мир, и поэтому свободны от нее...

— Ты слышишь то, что тебе говорят или нечто иное? Не говори того, чего я не говорила. Нет предопределенности, есть судьба. Она есть и у людей, но она берет начало и имеет конец вне этого мира. Как мог создать вас свободными тот, кто сам есть худший из невольников? Как мог дать вам корни вовне тот, кто сам корнями пророс здесь?

— Он говорит иначе.

— А... Он говорит... — Лютиэн улыбнулась. — Ты слышала его слова и видела его дела. Чему будешь верить?

— Между прочим, я видела не только плохие дела. Меня учили быть лекарем, если бы Этиль не убили, я бы завершила свое обучение, а после посвящения ушла бы на три года в странствия с кем-нибудь из братьев по Ордену. Я бы ходила по деревням и лечила людей без платы, только за стол и кров. И так делают все в Аст-Ахэ, каждый отправляется в странствие и учит простых людей своему ремеслу, делает для них что-нибудь или лечит... Воины защищают их от орков. Ты видела только злые дела, а я еще и добрые. А твой Берен, между прочим, убил мою тарни, а еще он пропитал землю огненной смесью и поджег под ногами воинов Аст-Ахэ. Если бы не Дар Учителя, они умирали бы так же мучительно, как Финрод. Ваши люди тоже творят зло и ты мне не докажешь обратного.

— Я и не собираюсь доказывать обратное, — вздохнула Лютиэн. — Я знаю, что Берен сотворил в жизни много такого, что мучает его.

— Что-то по нем не было видно, чтобы он страдал.

— Да. Он не любит показывать свою боль, потому что полагает это слабостью. Но он сожалеет о совершенном. Прежде он верил в возможность искупления, но сейчас потерял эту веру. Бывшее не сделать небывшим. Финрод не вернется в Эндорэ.

— Берен убийца. Если бы он сожалел о каждом убитом так, как надо, он бы давно наложил на себя руки.

— А ты знаешь, как надо сожалеть? Велика же твоя мудрость.

— Сожалеть надо так, как о себе.

— Сожалеешь ли ты так о Руско?

Даэйрет закусила губу. С Лютиэн невозможно было спорить. Когда Даэйрет училась владеть мечом, чтобы защитить себя, она один раз попробовала фехтовать с Илльо... Тогда вокруг нее словно бы соткался стальной занавес, и меч касался ее то там, то там... Сейчас, как и тогда, ей оставалось только вскрикивать: «Мэй кьертайни!», «Я поражена!».

— Допустим, я плохой человек, — сказала она. — Но в Ордене было много людей гораздо лучше меня.

— И среди тех, кто сражался? Так почему же они не умерли от бесконечного огорчения?

— Потому что он... ты знаешь, о ком я... брал на себя их боль. Он страдал за них.

— А... вот оно что... — Лютиэн снова склонилась к котлу. — Мне нужно отцедить это и поставить остывать. Будь добра, принеси кувшин.

Даэйрет зашла в палатку, и увидела, что один из двух тяжело раненых, Дарн, уже

проснулся. Он был ранен в лицо, не стрелой, а мечом, который выбил три зуба и рассек челюсть. Дарн умер бы, если бы кость воспалилась — и, сращивая ее, спасая Дарна от воспаления и неминуемой мучительной смерти, Элвитель и Диргель отдали почти все силы и оттого еще и до сих пор оба они едва ходили, словно тяжелораненные. Но такое быстрое лечение костей имело последствием сильные боли в залеченных членах — Дарн теперь не мог есть твердую пищу, и весь исхудал. Он и говорить не мог, изъяснялся движениями.

Даэйрет вдруг поняла, что должна подбодрить его.

— Доброе утро, — улыбнулась она. — Вот, сейчас поставим остывать отвар тебе для умывания. А еда уже варится.

Он улыбнулся в ответ — настолько, насколько мог улыбнуться рассеченными и зашитыми губами. Поймал ее свободную руку, прижал к своему лбу и отпустил.

Выйдя из палатки, Даэйрет намеревалась возобновить беседу, но Лютиэн, похоже, не собиралась поддержать ее.

— Поговори с Береном о своем ребенке, — сказала она вместо этого. — Если я правильно поняла ваш обычай, ты — его невестка и должна как вдова его названного брата унаследовать пожалованный им замок.

— Замок? — изумилась Даэйрет.

— Да. Поговори с ним, когда... — Лютиэн вдруг осеклась. Поставила котел на землю, выпрямилась и посмотрела в сторону Острова. Даэйрет, одолеваемая любопытством, посмотрела туда же.

Ничего особенного. Берен и Хурин стоят друг против друга и, похоже, ссорятся. Берен кидается под ноги Хурину песком, потом хватает его за плечи, потом поворачивается и идет прочь, к реке.

Идет прочь???

Это что-то новенькое.

Берен остановился в воде, несколько раз плеснул себе в лицо, а потом вышел на берег и шагнул на мост.

— Дракон подох, — вслух сказал кто-то из Бретильских Стрелков.

Лютиэн смотрела на происходящее так, словно дракон и вправду подышал у нее на глазах. «Да что же она такое видит?» — с легкой завистью подумала Даэйрет.

Размашистым шагом, почти бегом, Берен вошел в лагерь (Хурин за его спиной сошел с моста и пошел к своим шатрам). Глаза его горели знакомым бешеным огнем. Он пожал руки Лютиэн и подмигнул Даэйрет со словами:

— Здорово, невестушка. Позови-ка мне Айренара. А вы, фэррим, кликните Элвителя, Диргеля и Нимроса.

Когда все названные (и с ними все обитатели лагеря) собрались, он объявил:

— Этой ночью мы уходим. Я отыскал коня, который бежит хоть и всегда в одну сторону, зато и днем и ночью, не зная устали, и может нести нас всех, а брат мой Хурин подарил нам седло для него. Мы могли бы сняться и сейчас, но я не хочу снова объясняться с нашими товарищами — они попытаются навязать нам охрану, оружие и всякое такое. Думаю, и вам не хочется объяснений.

Он обвел всех взглядом, ища, кто будет спорить. Никто не стал.

— Тогда я хочу, чтобы к ночи все были готовы.

Он знаком отпустил всех, и снова подмигнул Даэйрет.

«Почему ему так нравится меня дразнить?» — она поставила кувшин в палатке у Дарна

и Бервина и побежала к своему костру — посмотреть, как там варево.

Айренар снова оказался рядом.

— Он или спятил, или снова прикидывается, — сказала Даэйрет, помешивая и пробуя. — Или я чего-то не поняла. О каком коне он говорил?

— О том, который по правую руку от тебя, — улыбнулся эльф.

Даэйрет глянула вправо и мысленно обругала себя дурой. Там бежал Сирион — всегда в одну сторону, но без устали. И на волнах его слегка качался плавучий мост, способный держать несколько сотен вооруженных воинов в доспехе.

...Наутро Хурин, проснувшись, услышал шум — и, выйдя из шатра, увидел лагерь узников пустым, а плавучий мост исчез, словно его и не было. Часовые всеми богами клялись, что не спали — и все же ничего не видели и не слышали.

— Эльфийские чары, — с важным видом сказал один из сотников. Хурин мысленно с ним согласился.

* * *

Они плыли всю ночь, отталкиваясь шестами, если течение выносило плот к отмели. Сирион был быстрой рекой, и нужно было следить, чтобы громоздкая связка бочек не налетела на мель, потому что удар мог сбрасывать всех в воду.

Мимо проплывали темные холмы предгорий, и западные отступали все дальше, а восточные подступали все ближе и закрывали небо все выше. На воде отблескивал чешуйками звездный свет, но все — и берега, и небо, и река — были черны, хоть и разной чернотой.

Айренар лишился (он надеялся — на время) второго зрения, которое люди называют волшебным, но эльфийские глаза все так же остро видели ночью, а плавание на плоту по быстрой реке напоминало те дни, когда Финрод строил Нарготронд, и он с друзьями сплавливал по Гинглиту бревна для лесов и для обшивки каменных стен. Тогда — тогда можно было посмотреть в темную воду и увидеть реку до самого дна — стеклянисто-темные струи, переплетающиеся, переливающиеся от прозрачности и дымчатого хрусталя до густой, непрозрачной темноты, блеск живого серебра рыбьих спин, спящие под покровом ила матово-черные валуны, переплетение синеватых лент водорослей, тени и отсветы... Теперь вода была непроглядно-темна. И темный по темной воде невидимой реки, плыл плот, и холодный ветер ерошил стриженные волосы эльфа, вглядывавшегося в ночь.

Твердость и тяжесть шеста в руках была приятна — Айренар радовался тому, что может сосредоточить волю и внимание на чем-то вне себя, на деле, требующем силы и ловкости тела. Он наслаждался пьянящим ощущением свободы. Даже холод весенней ночи радовал — он был живым, простым, ясным, а не мертвым, равнодушно-стылым холодом умирающей крепости. Да, Минас-Тирит умерла под властью Тху, который стирал из ее камней память о прикосновении рук строителей, изгонял из покоев и переходов малейший отпечаток прежних хозяев, а стереть это — означало убить и разрушить. Но теперь все кончилось. Где-то — может, даже по берегам — разбежались саурановы волки, топтали землю орки, но посреди реки было безопасно. Кроме того, через текучую воду к ним не могла добраться

никакая нечисть, они не оставляли следов и не создавали шума.

Миновал самый глухой час ночи, выплыл из-за темной гряды на востоке сверкающий Лебедь. Айренар уступил место кормчего и шест Эсгелю-Тростинке, а сам завернулся в плащ и лег на доски, закинув руки за голову. Уже поднимался от воды туман, его млечные пряди скрывали звезды. Журчала вода под плотом, поскрипывали бочки и доски, кто-то застонал во сне... Сладкая дрема окутывала, убаюкивала — спи спокойно, не будет снов, терзающих ужасом душу, отдохни, доверься...

Только на миг он закрыл глаза — а когда проснулся, плот уже ткнулся в берег, и солнце ярко било сквозь молодую листву. Но раньше, чем он открыл глаза, на него упала тень.

— Просыпайся, нолдо, — сказал Берен. — Мы отправляемся на охоту.

Накормить нужно было три дюжины ртов, поэтому охотники по двое разбрелись во все стороны от стоянки. Айренар и Берен двинулись берегом реки вниз по течению.

Берен шагал почти так же бесшумно, как эльф, в руке у него было копье с ясеневым древком и кое-как прикрученной поперечиной. На правое плечо он накиннул волчью шкуру, которую подарили Лютиэн хитлумские нолдор в знак ее победы над Сауроном. Огромная черная шкура покрывала Берена как плащ, а выскобленный череп лежал у него на плече. По мысли Айренара, это было слишком мрачное одеяние, да и слишком жаркое по этому времени, но Берен в нем почти не потел, и когда Айренару случалось касаться его руки, он замечал, что его пальцы холодны. На поясе Берен носил нож, как и Айренар, а еще Айренар держал наготове лук: одна стрела на тетиве, другая между безымянным и средним пальцем, чтобы наложить и выстрелить быстро, добывая раненую дичь.

Они видели много уток, но стрелять не спешили, потому что, с одной руки, ни один не хотел лезть за птицей в холодную воду, а с другой — утка все-таки слишком тощая добыча по весне. И Берен, и Айренар хотели добыть что-то получше: гуся или оленьего бычка, спустившегося к водопою. Хотя самой лучшей и самой легкой добычей был бы токующий глухарь, если бы он нашелся здесь.

Глухаря они не нашли, но в камышах, которыми поросло дно оврага, услышали шорох и смачный храп, который мог издавать лишь кабан. Осторожно приблизившись к краю оврага, они увидели зверя: тот ворочался в грязи и жевал вырытые корни осоки, время от времени оглашая окрестности утробным хрюканьем, исходящим словно бы из самого сердца. По весеннему времени он был довольно тощ, но достаточно велик, чтобы накормить всех.

Как и вся тварь, кабан одурел от весны, иначе почуял бы охотников гораздо раньше и не позволил приблизиться к себе.

— Что скажешь, нолдо? — прошептал Берен еле слышно.

— Скажу, что сил нам может и не хватить.

— Но если возьмем его...

— Если! — Айренар надеялся, что горцу не нужно рассказывать о повадках вепрей. Свалить такого зверя с первого удара — неслыханная удача, а раненым он бросается не в бегство, как олень, а на охотника. Клыки же выдавали в этом борове не юного подсвинка, а матерого секача.

— Что самое трудное в охоте на кабана, знаешь? — спросил Берен все так же на ухо эльфу.

— Остаться в живых.

— Нет, нолдо. Самое трудное — это, когда он поперет на тебя, не усратья.

И, не дав Айренару и единого мгновения для того чтобы возразить или попытаться

удержать безумного смертного, Берен сбросил с плеч волчью шкуру, чтоб не сковывала движений.

— Lau! — громко крикнул Айренар, надеясь, что зверь бросится бежать и Берен оставит его в покое. Чего он не желал больше всего на свете — это принести Лютиэн окровавленное тело ее отчаянного жениха. Кабан дернулся, но Берен, вместо того чтобы остановиться, прыгнул в овраг, на лету перехватывая копьё наконечником вниз

Он промахнулся, хотя и не попал туда, куда метил, потому что кабан и правда рванулся вперед. Вместо того, чтобы вонзиться зверю в затылок, копьё пронзило ему спину и вышло из-под правой передней лапы, воткнувшись наконечником в землю.

Дикий визг раненого зверя пронзил барабанные перепонки Айренара. Потом он услышал страшный хруст — от рывка копьё сломалось у наконечника, и зверь сумел с него соскочить, опрокинув Берена, который так и не выпустил древка из рук. На какое-то мгновение вепрь пропал из виду — только веер черных брызг из-под копыт; потом кабан остановился на другом конце оврага и бросился назад, на врага, причинившего ему столько боли. Берен успел подняться на колено и выставить перед собой обломанный конец копья. Слепой от ярости, кабан наделся на него грудью, снова опрокинув горца и протащив его по грязи до обрыва, где другой конец древка, зажатый у смертного под мышкой, уперся в глинистый склон. Айренар отшвырнул лук: стрелой эту тушу было не остановить. Он уже не думал о дальнейшем и не помнил себя — главное было убить вепря раньше, чем он соскочит с копья и снова кинется. Выхватив нож, нолдо прыгнул в овраг, на спину зверю, вонзая нож туда, куда метил сначала своим копьем Берен: в черный щетинистый загривок. Несколько страшных мгновений он не знал, сумел ли достать до стеновой жилы — кабан сорвался с кола и бросился в сторону. Секач был так силен и тяжел, что не сразу обрушившийся сверху вес, равный собственному, остановил его, и эльф тащился на животе за кабаном по грязи, обеими руками вцепившись в рукоятку ножа, прежде чем животное с хрипом упало на бок и, несколько раз дернув ногами в воздухе, испустило дух.

Берен, лежа на спине, сказал несколько слов на человеческом языке, которого, как он думал, Айренар не понимает. Потом вытащил из груди зверя нож (упав, он успел еще раз ударить), вонзил, чтобы очистить, в песок, и, поднимаясь, сунул в ножны.

— Почему вы, смертные, бранитесь теми же словами, какими говорите о соитии и зачатии? — Айренар тоже встал, утираясь, и вынул из зверя свой нож.

— Потому что тех, кого мы браним, иной раз лучше было бы не зачинать и не рождать! — прорычал Берен. — Зачем ты спугнул зверя?

— Я не хотел, чтобы ты ранил его и разъярил. И не верил, что ты убьешь его с одного удара.

Берен усмехнулся криво и зло.

— Ладно, нолдо. Теперь я и сам в себя не верю, так что упрекнуть тебя не могу. Бери его за ноги. Подтащим к тому бревну и выпустим из него кровь. Хоть и трудненько будет его туда втащить.

— По твоим словам, с самым трудным ты справился. Или нет? — поддел Айренар.

— С этим, роквэн Айренар, я никогда не знал забот. Мужчина из нашего рода в свою шестнадцатую весну должен взять на рогатину медведя. Но вот купаться в грязюке мне сегодня совсем не хотелось... Так что великое тебе спасибо за это нечаянное удовольствие.

Они плыли еще день, и к вечеру оказались у того самого места, где в Сирион впадала река, у которой Берен встретил короля Финрода, откуда они отправились в свой последний поход. Но никому, кроме Лютиэн, он не сказал об этом, а только велел пристать к берегу на ночевку чуть ниже устья.

О пище можно было не думать, утренней добычи все еще хватало на всех. Нападений тоже, наверное, можно было не опасаться. Поэтому когда заметили исчезновение Берена и Лютиэн, рассудили, что не нужно пока идти искать их.

— Не то удивительно, что они ушли, — сказал Бервин. — А то удивительно, что они не ушли раньше. Шутка ли: не виделись целый год, а после того еще и денька не побыли с глазу на глаз.

— Если бы это были те места, где безоружные могут спокойно ходить по лесу... — вздохнул Элвитель. — Если бы это были леса во владениях Нарготронда или Тингола... я бы не беспокоился о них даже до следующего утра.

— Я думаю, — сказал Айренар, — если кто-нибудь пойдет в лес поискать целебных трав, которые нам по-прежнему нужны... И случайно на них наткнется, и с ними будет все хорошо, то он просто пройдет мимо, и не станет их беспокоить. А если с ними будет что-то не так, и они криком дадут знать об этом... то кто-то обязательно окажется рядом, чтобы вовремя прийти на помощь.

— Я смотрю, роквэн Айренар, тебе злосчастный кабан не дает покоя, — еще один юноша из бретильских стрелков похлопал прутиком по пекущейся на углях ножище. — Но кто и что может сделать госпоже Соловухе, победившей Саурана?

— Стрела в спину убьет ее, — сказал Айренар, сверкнув глазами. — Просто убьет.

— Князь сумеет ее защитить лучше нас всех, — не столь уверенно возразил юноша.

— Князь, считай, безоружен: посох да нож, — проворчал Бервин. — И хорошо, если он будет хотя бы в штанах.

Даэйрет фыркнула.

— По-вашему, мужчина наедине с женщиной только одним и может заниматься. Не судите обо всех по себе. Жеребцы.

— Да уж не кобылы, — отбил ее выпад Бервин. — А по ком судить, подскажи, госпожа? По тебе?

Бретильские стрелки заржали, Даэйрет ушла в палатку — плакать. Дарн, тот, у которого было рассечено лицо, почему-то встал и поплелся за ней.

— Ну, хватит, — Элвитель поднялся. — По твоему совету, Айренар, я пойду и поищу трав.

Айренар тоже поднялся.

— Я с тобой, — сказал он. — Лучше мы застанем их в неловком положении, чем застанем их мертвыми.

Еще несколько эльфов встали, но Элвитель сказал, что больше четверых не нужно. Взяв луки и стрелы, они исчезли в лесу.

Они шли уже довольно долго и зашли довольно далеко вверх по реке. Теперь, если бы с ними что-то случилось, никто в лагере на берегу не услышал бы их крика.

Берен пристально разглядывал окрестности, и вздохнул облегченно, увидев следы старого кострища. Он еще раз огляделся и обошел эту полянку кругом, а потом откуда-то из-за кустов донеслось его: «Ага!». Лютиэн не знала, следовать ли за ним, но он сам позвал ее.

Там была большая промоина, справа от нее росли деревья, два тополя, сомкнувшиеся кронами, засыпавшие всю землю своими серьгами. Берен ножом рыл землю возле корней одного из них.

Его руки углубились в землю выше локтя, когда под пальцами открылось что-то... Он подвинулся, показывая Лютиэн свою находку, что-то из хорошо выдубленной промасленной кожи. Потом он расширял яму, и Лютиэн помогала ему — и вскоре они вытащили из-под корней большой мех для вина или воды. Бок его был распорот, а потом вновь зашит суровой ниткой, и когда Берен разорвал ее, уже отсыревшую, в лучах вечернего света блеснуло золото и серебро — украшения нолдорской работы.

Мех лежал в тайнике сверху, а под ним был еще один слой ткани — завернутое в пропитанную жиром дерюгу оружие. Одиннадцать длинных мечей и один экет, десять ножей и восемь луков...

Ниже лежали доспехи, несколько легких походных кольчуг, да три кожаных панциря.

А еще ниже — одежда и прочие вещи, нужные в походе.

— Вы зарыли это, уходя на север? — поняла Лютиэн. Берен кивнул.

— Наверное, мы возьмем только оружие, украшения и кое-что из одежды, — сказал он. — Вернуть родичам... Остальное зароем: нам не унести.

Лютиэн согласилась, и они, сложив доспехи и одежду обратно в яму, вновь забросали ее землей и присыпали тополиными серьгами.

Из одежды Берен взял немного: вышитую речным жемчугом по вороту и рукавам рубаху такого размера, который подошел бы Лютиэн, несколько поясов и раскрашенных платков, которые нолдор любят повязывать на шею или на шлемы... Все это он отдал Лютиэн, и украшения тоже — но сначала какое-то время сидел на коленях, вертя в руках перстни и зарукавья, глядя их пальцами и рассматривая, словно вспоминая что-то.

— Я про мало что могу сказать, чье оно было, — промолвил он наконец. — Вот перстень Вилварина, вот зарукавье Аэглоса, этот камень в оправе как ладони, носил на шее Лоссар... Это книжица Менельдура... — он раскрыл маленькую, с ладонь размером книжку о тридцати двух листах, в отделанном серебром переплете, страницы покрыты счетными рунами и рисунками удивительных ветряных змеев. — Он хотел летать... А вот это серебряное стило Короля... Я узнаю также его меч, и меч Лауральдо — смотри, вот знак дома Феанора... Это экет, который носил Айменел, а это его платок... Он чаще подпоясывался им, как это делают синдар... Рубашка тоже его.

Он завернул украшения в платок и бросил в котомку Лютиэн, туда же — свернутые кольцами пояса и платки. Потом вновь завернул мечи в дерюгу и соорудил из перевязей нечто такое, на чем всю связку можно было нести через плечо.

— Даже сейчас, — сказал он, погладив мечи сквозь ткань. — Даже сейчас я не могу о

них плакать.

— Другие могут говорить что угодно, — Лютиэн положила на его руку свою ладонь. — Но я-то знаю, что твое горе не меньше, а больше слез.

Берен взял ее руку и поцеловал тонкие пальцы.

— Я бы умер без тебя, — сказал он. — Не знаю, как у вас, а у нас мужчины часто говорят такие слова, и почти всегда это ложь. Но сейчас — правда. Половинка моего сердца зарыта на Тол-Сирион, а вторая жива лишь потому, что ты держишь ее в своих ладонях. Коснись моих рук, mell, потрогай: они холодные. Это от того, что сердце мое заледенело, и хвала богам, иначе оно истекло бы кровью.

Они почти не говорили друг с другом наедине, с того самого дня, когда она очнулась на берегу в его руках. Они и впрямь были холодными тогда, но сначала она подумала, что это — от воды, которой он брызгал ей в лицо.

Но так же холодны они были ночами, когда она просыпалась от того, что его стальные пальцы впиваются ей в плечи — до боли. Она вздрагивала, и они сразу же разжимались, и беглой лаской просили прощения, а она знала, что просить прощения тут не за что: это вновь и вновь в глухой черноте его сна воскресал пережитый им ужас. Вновь и вновь тело Финрода коченело в его бессильных руках, и Лютиэн, разбуженная его медвежьей хваткой, рукавом вытирала ему лоб, пробуждая от кошмарной грезы.

Когда-то он положил меч между ней и собой, а теперь смерть Финрода лежала между ними — тяжелее и острее любого меча. Его руки и вправду были холодны с того самого дня, как их разжали силой, чтобы взять мертвеца. Его руки могли держать оружие и разить без оружия; могли ворочать камни и бревна, могли взять жизнь у медведя, вепря или сауронова волка — но бессильны были удержать душу друга в его теле. И Берен перестал верить своим рукам. Слишком слабым, чтобы взять Сильмарилл у Моргота; слишком нечистым, чтобы его удержать.

И самое худшее — что Лютиэн не могла найти слов утешения для него. О, как было просто, когда он потерял лишь память — но не честь и не радость! О, как было просто, когда он всего лишь подозревал себя. Тогда для утешения понадобилось всего лишь узнать и сказать ему правду. А что же сейчас, когда каждый миг его память кричит: виновен! Виновен! И это правда. Лютиэн осудила бы себя, если бы совершила то, что совершил он. Осудила бы дважды и трижды — а значит, оправдывать его она не могла. И осуждать тоже не могла. Могла только любить его и верить в него даже когда он утратил эту веру. Потому что если она перестанет — то кто же сохранит эту веру для Берена? И какое право она имеет перестать, если Финрод продолжал верить в него даже в застенках Тол-и-Нгаурхот, до самой смерти.

— Всему свое время, — прошептала она, взяв лицо Берена в ладони. — А ты знай: я буду верить в тебя, что бы ни случилось. Я найду, чем согреть твое сердце.

За те дни, что он не сбрасывал волосы на лице, они из щетины превратились в то, что уже можно было бы назвать бородой.

— Твои волосы посерели... — сказала Лютиэн.

— Да. А ведь болтали, что я с моим нравом не доживу до седин.

— Но борода осталась прежнего цвета...

— Она моложе.

Лютиэн обняла Берена за шею и поцеловала. Потом сказала:

— Пойдем.

Теперь они шли обратно к реке и Лютиэн думала, что до заката можно поспеть только если идти без отдыха. Но странное дело, ей вовсе не хотелось торопиться, и даже опасности она не чувствовала: земля здесь была спокойна, и раны, нанесенные ей орками, понемногу заживали.

Перелески сменялись широкими полянами и на одной из них, полого спускавшейся к речке, Берен остановился.

— Если бы мы не спешили, я бы сел здесь и повечерял тем, что у нас осталось от обеда, потому что есть очень хочется, — сказал он. — Но успеть, наверное, нужно до темноты, потому что ночь будет безлунной.

— Как и ночь нашей встречи год назад, — сказала Лютиэн. — Я не боюсь темноты. Давай посидим здесь и вспомним тот день.

— А ты будешь танцевать? — он опустил на землю свою ношу и мечи глухо звякнули.

— Как ты пожелаешь, милый.

Они сели на берегу ручья, и Лютиэн достала из котомки то съестное, что взяла с собой: холодное мясо, две лепешки и луковицу. Запивали «зимним вином» из береновой фляги, разбавляя его водой из ручья. Танцевали под простой напев, который Лютиэн подхватила за Береном, пока оба не запыхались и не упали в траву.

— Ты поцелуешь меня? — спросила Лютиэн.

— Ох... Я лука наелся.

Она засмеялась, подбежала к расстеленной на земле холстине со съестным, взяла оставшуюся половинку луковицы и откусила от нее как от яблока. Потом долго пила воду и разбавленное вино, а Берен вытирал ей выступившие слезы.

— Ну, теперь можно и поцеловаться, — они сомкнули губы, и тут она почувствовала исходящую от него печаль, глубокую и холодную, как воды Сириона.

Он прощался с ней, но пока ничего не хотел ей об этом говорить.

«Но ведь так же нельзя», — она склонила голову ему на плечо. — «Ты не мог решиться, пока была надежда, ты искал другие пути... Если ты пойдешь теперь — ты пойдешь просто умирать».

«Пока я искал другие пути, я погубил Государя. Тогда я думал, что силен... Что, собрав войска, мы опрокинем силу Моргота... Я ошибался. Мы сладили всего лишь с Тху — а цена? Дортонион обескровлен. Финрод погиб. Минас-Тирит разрушен. Хитлум... Хитлум тешится ложной надеждой»

«Ты отчаялся».

«Я решился».

«Но такая решимость ни за чем не нужна. Ты просто идешь на верную смерть».

«Как Финрод».

«Нет. Финрод жертвовал собой не зря, если его жертва ввела Саурона в заблуждение и послужила к его поражению».

«Но не к его гибели».

«К вашей победе!»

«Тщетной».

Она сжала его руки с неожиданной для него силой и посмотрела ему в глаза.

«Она и вправду будет тщетной, если и ты уйдешь во тьму ни за чем. Если бы ты хотя бы желал...»

«Я лишился права желать... чего бы то ни было...»

— Что ты видел там, на Холме? — спросила она, опускаясь на траву и понуждая его опуститься рядом с ней. — Что ты увидел такого, что тебе понадобилось остудить лицо после разговора с Хурином, а в Незримом Мире тебя словно бы охватил огонь? Прошрое? Будущее?

— Боюсь, что... настоящее... — Берен запустил пальцы в волосы, растрепав их и тут же небрежно пригладив. — Как будто бы... будто бы кто-то приподнял меня за шиворот и поставил над всем миром, сказав: «Смотри!» — и я увидел землю как бы прозрачной, до самых ее корней. Они были крепкими, эти корни, но в них копошились твари гнусного вида; такие, что я не смог туда смотреть, и поднял лицо, посмотрев на север. Я видел так далеко, как не видят орлы Манвэ, и мой взгляд пронзал толщу гор... Я увидел черных рыцарей, пирующих в Аст-Ахэ, и Моргота, сидящего с ними, подобно князю среди дружинников. Они смотрели и не видели, что он огромен ростом, черен и уродлив, а ниже, в бесконечных подземельях, копошились орки, и узники Ангбанда в цепях стонали под их бичами. А еще ниже снова гнездились жуткие твари — они сами были огонь и жили в огне... Одна такая могла бы разметать все войско, что я вывел в Долину Хогг... И тут — Моргот начал поворачивать ко мне свое лицо, то ли почувствовал что-то, то ли просто глянул на юг... Мне стало страшно и я снова опустил глаза, а потом посмотрел на восток. Там была непроглядная темнота, но мой взгляд пронзил и ее. Множество людей и множество эльфов живет там, и если эльфы хранят память о древнем свете, то люди совсем о нем забыли. В их преданиях все перемешалось и спуталось, и они торгуются с богами, вымаливая их ничтожные милости, но слышат их только прислужники Моргота, которых и там полно... Там нет надежды и никто не придет к нам на помощь... И я посмотрел на запад, желая хотя бы там увидеть признак спасения или только призрак его. Но запад открылся мне стеной слепящего света и я понял, что ни живой ни мертвый не смогу войти в это горнило, ибо даже отраженный в тебе этот пламень иногда палит меня, что же будет, если он охватит меня целиком? В сравнении с ним я даже не грязен — я грязь. Не в силах больше терпеть, я закрыл глаза. Но это не помогло: я видел сквозь веки. Земля снова стала прозрачной, но на этот раз я видел не тварей Моргота, грызущих ее корни, а мертвецов... Без счета их, упокоенных в чреве земли, в морях и в том сумрачном месте, которому я не знаю названия. Их больше, чем сейчас живых, и одни еще ждут чего-то, а другие уже перестали... И нет для них надежды по эту сторону рассвета... Ни для кого из нас — нет... Я думал, что умру в этот же миг, но Феантури сжалились надо мной и отпустили мою душу. И я пошел к вам, чтобы собрать вас в путь, потому что боги дали мне ответ, которого я хотел. Не тот, на какой я надеялся — но Хурин прав, с богами не спорят. Я верну живым тех, кто пока еще жив, а сам отправлюсь за мертвыми.

— Значит, ты думаешь, что Валар послали тебе это видение, чтобы отнять всякую надежду?

— Всякую ложную надежду...

— Но тогда где же истинная?

— Она не нужна. Хурин прав: что бы там ни было, нужно просто биться...

— Вот как... — Лютиэн опустила голову. — Расскажи мне кое-что.

— Что?

— Ту беседу Финрода и твоей родственницы, по которой ты учился письму. Ты ведь помнишь ее наизусть?

— Помнил когда-то... С тех пор прошло много лет, Соловушка... Я почти забыл ее, и...

мне будет тяжело.

— Но... я прошу тебя.

Он вздохнул.

— Ладно...

Снова вздохнул, прикрыл глаза и начал:

— И вот вышло так, что однажды весной Финрод гостил в доме Белемира; и разговорился он с мудрой женщиной Андрет, и зашел у них разговор о людях и об их судьбах. Ибо незадолго до того, вскоре после праздника Середины зимы, скончался Борон, владыка народа Беора, и Финрод был опечален. «Горестно мне видеть, Андрет», — говорил он, — «что народ ваш уходит так быстро. Вот ушел Борон, отец твоего отца; вы говорите, что для человека он прожил долго, но я едва успел узнать его. На самом деле, мне кажется, что совсем недавно повстречал я Беора на востоке этого края, однако же он ушел, и сыновья его тоже, а вот теперь и сын его сына...»

Поначалу он слегка запинался и путал вопросы и ответы, но потом голос его зазвучал уверенно, и Лютиэн уловила в нем даже попытку подражать Финроду в образе речи:

— «Но о вас, наших ближайших родичах, мы скорбим куда сильнее. Но ведь в Средиземье все недолговечно, так почему же мы не можем думать, что и ваша краткая жизнь — часть вашей природы? Разве сами вы думаете иначе? Из Ваших слов, из горечи, что слышится в них, я понял, что Вы считаете, будто заблуждаемся», — а затем в голосе его послышались другие краски, полные язвительной горечи, как надкушенная ею луковица:

— «Да, государь», — сказала Андрет, — "я думаю, что вы заблуждаетесь, как и все, кто думает, как Вы, и что само это заблуждение — от Тени. Но что до людей... Одни говорят так, другие — иначе, а большинство, не задумываясь, верит в то, что мир всегда был таким, как теперь, в краткий миг их жизни, и останется таким навсегда, нравится им это или нет. Но есть такие, кто думает иначе. Люди зовут их «Мудрыми», но редко слушают их. Ибо они говорят неуверенно и часто противоречат друг другу — они не владеют бесспорными знаниями, какими похваляетесь вы, эльфы; им поневоле приходится верить «легендам».

Но затем он снова начал запинаться, но не от того, что с трудом вспоминал, что должно следовать дальше (хотя и от этого тоже), а словно бы ему трудно было говорить эти слова:

— «Мы видели смерть, и боимся ее», — возразил Финрод. — «Ведь мы, Андрет, тоже можем умереть; и мы уже умирали. Отец моего отца убит... и смерть его была ужасна, и немало изгнанников последовало за ним. Мы гибли во мраке, в беспощадных льдах, в ненасытных волнах. Мы гибли и в Средиземье — в дыму и пламени... от... от яда и от беспощадных клинков... Феанор мертв, и Финголфин растоптан ногами Моргота...»

— Что? — изумилась Лютиэн. Этого ведь не могло быть, не было в рукописи...

— Я заговариваюсь, — простонал Берен. — Прошу, позволь мне остановиться.

— Нет, говори! Говори дальше!

— Ты... ты ведь... читала это? — догадался он вдруг. — Во время своего пленения в Нарготронде читала это? Тогда позволь мне умолкнуть. Не мучай меня!

— Исцеление порой бывает мучительным. Продолжай.

Он зарычал сквозь зубы, но продолжил:

— «А для чего? Чтобы повергнуть Тень. А если это невозможно — хотя бы не дать ей расползтись по всему Средиземью: чтобы спасти Детей Эру, Андрет, всех детей, а не только гордых эльдар!» — «А я слышала, что вы пришли отвоевать сокровище, что похитил у вас Враг. Но, быть может, дом Финарфина не заодно с сыновьями Феанора. А все же, как вы ни

доблестны, я спрошу снова: „Что знаете вы о смерти?“ Для вас это больно, это горько, для вас это потеря — но лишь на время, для вас это малая частица, отсеченная от изобилия, если правда то, что я слышала. Ведь вы знаете, что после смерти не оставите мир и сможете вернуться к жизни. А для нас все по-другому: умирая, мы умираем, уходим — и не возвращаемся. Смерть — это конец всему, невозвратная потеря. И она отвратительна, ибо ее навязали нам...»

Теперь он не подражал речи Финрода вольно или невольно, а говорил взахлеб, скороговоркой, стремясь как можно быстрее покончить с неприятным делом.

— «Ведь если этому верить, тогда... тогда феа, что лишь странница здесь, в Арде, связана нерасторжимым браком с роа из Арды, и разлука для них мучительна, но при этом оба должны следовать своему естеству, не подавляя друг друга. А это значит, что феа, уходя отсюда, должна забрать с собой роа. А ведь это означает, не больше не меньше, что феа сможет вознести роа, своего вечного супруга и спутника, к вечной жизни за пределами Эа, за пределами Времени! А через это Арда — хотя бы часть ее — могла бы не только исцелиться от порчи Мелькора, но даже освободиться от пределов, положенных ей в „Видении Эру“, о котором говорят Валар! Если этому верить, воистину великими были люди под рукой Эру, и падение их — ужаснейшее из всех преступлений... Так вот с чем людские феа сравнивают все, что видят, — видение замысла завершенной Арды, где все живые твари, и даже земли и моря, бессмертны и нерушимы, вечно прекрасны и вечно новы? А может, есть где-то иной мир, а все, что видим и знаем мы, эльфы и люди, лишь знаки, напоминания о нем?»

Тут он снова запнулся и как будто бы проглотил большой ком. Потом уже севшим голосом сказал:

— Дальше я не помню, но помню вот это: «Так вот зачем пришли люди — не последыши, а наследники, завершающие начатое, — выправить Искажение Арды, предвиденное прежде, нежели были они замыслены, и более того — явить величие Эру, возвысить Песнь и превзойти Видение Мира! Ибо Арда Исцеленная будет выше Арды Неискаженной — и все же это будет именно Арда Неискаженная! Ибо разум говорит, что нас ожидает именно это: когда Арда завершится, ей придет конец, а с нею — и всем нам, детям Арды; конец — это когда все долгие жизни эльфов останутся, наконец, в прошлом. И вдруг мне явилось видение Арды Возрожденной: вечное настоящее, где могли бы жить эльдар, совершенные, но не завершенные, жить и бродить по земле, рука об руку с Детьми Людей, своими избавителями, и петь им такие песни, от которых звенели бы зеленые доли, и вечные горные вершины пели, словно струны арфы, даже в том Блаженстве, превышем всех блаженств...»

И Берен умолк уже совсем, зажмурил глаза, стиснув и оскалив зубы, как будто слова этой давней беседы резали его изнутри.

— Но нельзя же все время петь? — шепотом проговорила Лютиэн. — А о чем бы вы говорили с нами?

— О... — простонал Берен и повалился навзничь, закрыв лицо руками. Та влага, о которой он просил так долго и бесплодно, прорвалась сквозь его ресницы, выкатилась из-под ладоней и, сбегав по вискам, скрылась среди серых и черных волос.

Потом он отнял руки от лица и плакал открыто, но как-то спокойно, без криков и рыданий, и дыхание его было свободно и ничем не стеснено — только слезы сочились между ресницами и катились все той же влажной дорожкой, и Лютиэн не мешала им, пока

они не иссякли.

После этого Берен еще какое-то время лежал тихо, как спящий, держа руку Лютиэн в своей руке. Но когда слезы на лице его высохли, он сел и прижал деву к себе в благодарном объятии.

— Чем я заслужил тебя?

— Лучше подумай о том, что мы теперь будем делать?

— Теперь... — он улыбнулся. — Теперь остается только одно: идти за Сильмариллом.

Она хотела что-то сказать, но низкий отдаленный рев донесся до них.

— Рог? — удивилась Лютиэн.

— Или ревет олений бык... Или все-таки рог? — он встал на колени и склонил ухо к земле.

— Я слышу топот многих копыт. Как будто сюда скачет конный отряд...

— Скроемся, — Лютиэн сунула ему в руки волчью шкуру и за рукав потащила его к ближайшим кустам. Там она распахнула над ними обоими свой плащ, и в ожидании они застыли. Это был не конный отряд, а стадо оленей — старый самец с ветвистыми рогами, трое молодых бычков, которым предстояло вскорости покинуть стадо и с десятков важенок, и все они пронеслись через поляну так, что гудела земля. Берен беззвучно рассмеялся.

— Всего лишь стадо, — сказал он. — Ах, попались бы они нам с Айренаром — мы бы обошлись без купанья в грязи...

Он вернулся к брошенным в высокой траве вещам и собрал их — холстину с едой и тяжелую связку мечей.

— Пора идти. О нас уже беспокоятся, почти наверняка.

* * *

— Вот это встреча!

Хисэлин и Элвитель изумленно смотрели друг на друга.

— Эта встреча лучше чем прошлая, — сказал Элвитель. — Но почему ты здесь?

— Потому что здесь мой господин... — Хисэлин оглянулся на небольшой, в дюжину копий, конный отряд нолдор, нараменники которых носили знаки Дома Феанора. — Наш господин...

Хисэлин отказался идти вместе с эльфами Артанора, когда те забирали раненых беорингов и попытался догнать Даэрона, чтобы сказать, что нет смысла искать Лютиэн ниже по течению — она идет к Тол-и-Нгаурот; а еще он хотел то же самое сказать Келегорму, который со своим отрядом носился где-то поблизости.

Он не нашел Даэрона и встретил Келегорма на четвертый день, но раньше встретил Хуана, который оставил Лютиэн и теперь возвращался к своему господину. Они вдвоем отыскивали Келегорма, Куруфина и их малый отряд, и Хисэлин рассказал о том, что произошло с отрядом Фейнарина и о том, что эльфы Артанора Каримбэ вместе с людьми Хурина штурмом берут Тол-и-Нгаурот, и Лютиэн пошла туда.

Эльфы Келегорма рассказали ему, что видели передовые разъезды армии Ородрета, которая движется на север. Келегорм был полон решимости двигаться к Тол-и-Нгаурот еще и

потому что не хотел уступать Ородрету славы.

С Хуаном Келегорм не разговаривал и делал вид, что вовсе его не замечает. На третий день братья продолжали путь на север. Они бы тронулись и раньше, но дожидались Келебримбора, и выступили только тогда, когда тот вернулся со своим отрядом. Всего же их было около сорока. Хисэлин, ехавший на запасном коне, думал, что это похоже на петляние в заколдованном круге: на север, к Острову Обратней, потом на юг, потом снова на север...

Никто из воинов не говорил о своих вождях за глаза, но на лицах других Хисэлин читал то же, что думал сам — Келегорм сходит с ума. Мало кто решился бы продолжать поход после такого явного признака злой удачи, как то, что случилось с Фейнарином. Хисэлин теперь боялся сам себя, боялся искушать судьбу, хоть и не показывал вида. А если вести речь о мести за смерть Финрода (в его и Берена гибели Хисэлин не сомневался), то следовало подождать войска Ородрета и присоединиться к нему. Но Келегорм, похоже, без меры воодушевился известием о том, что Берен ему больше не соперник. Он бы загнал коня, стремясь вперед, если бы Куруфин не сдерживал его все время.

И вот под вечер второго дня пути братья уже не выдержали напряжения — и, увидев оленя, послали Хуана за ним и сами бросились в погоню. Свита отстала, потому что ломать себе голову в скачке из-за зверя никому не хотелось, да и не было необходимости: догнав оленя, Хуан свалил бы его в одиночку. Братья гнались за ним лишь для того, чтобы выплеснуть нерастраченную ярость.

Неспешно продолжая свой путь, дружинники Келегорма и Куруфина наткнулись в лесочке на двух эльфов, и Хисэлин узнал Элвителия. Теперь настала очередь Элвителия рассказывать, как он попал сюда, и тот оказался перед нелегкой задачей. С одной стороны, от Хисэлина бессмысленно было скрывать, что Лютиэн он видел. Что она добралась до лагеря Артанора, феанорингу было известно со слов дружинников Каримбэ. Конечно, Хисэлин горел желанием узнать, чем кончился штурм, и Элвитель не мог солгать:

— Вы не найдете славы на Тол-Сирион, ибо замок взят и разрушен, — сказал он.

— А Финрод? — спросил Келебримбор. Он знал от Хисэлина, что Финрода освободить не удалось, и Саурон не мог оставить его живых — но все-таки не верилось, что он мертв. Мысль о его смерти вызывала в памяти тот страшный день, полный мрака; не благословенной мглы звездных лет Эндорэ, но того кошмара черноты и неизвестности, что свалился на эльфов с гибелью Дерев Света. Финрод словно хранил в себе немножко теплого сияния Лаурэлин.

— Государь наш погиб. Он и его спутники похоронены на Тол-Сирион. Гортхауэр бросил их и Берена в волчью яму.

— А что же наши? — спросил Келебримбор. — Что ты знаешь о Фейнарине, сыне Ганнелина?

Фейнарин был другом и побратимом внука Феанора — еще с тех светлых дней Амана, когда они не знали вражды и ненависти. Элвитель вздохнул.

— Увы тебе. Он погребен там же, вместе с эльфами и людьми, бравшими Тол-и-Нгаурхот. Саурон изуродовал его тело, как и тела всех, кто пал за стенами замка.

Этого можно было и не говорить, но Элвитель хотел, чтобы Келебримбор поменьше спрашивал о Берене и Лютиэн — пока Элвителью не будут окончательно ясны его намерения.

— Как же он ответил за это злодеяние? — бледнея от гнева, спросил сын Куруфина.

— Он лишен своей телесной оболочки и в обличьи летучей твари бежал на Север.

— Кто же победил его? Артанор? Хурин, сын Галдора? Или отыскался воин более могучий?

— Его победил Хуан, пес Келеборма.

Келебормбор покусал губы.

— Что ж, хотя бы позора ему достаточно. Но не говори мне, что ничего не слышал о Лютиэн Тинувиэль.

— Не скажу, — кивнул Элвитель. И в самом деле, было бессмысленно это отрицать. — Что за дело тебе до нее?

— Где она?

На миг у Элвителя возникло искушение послать сыновей Феанора в Барад-Эйтель, где им поневоле пришлось бы объясняться с Фингоном. Но лгать было противно, и даже полуправдой, ложью умолчания, в которой ему пришлось поднатореть за годы плена и рабства, он был сыт по горло.

— Я не знаю, Келебормбор.

— Не пытайся лгать мне.

— Ты обвиняешь нас? — выступил вперед Айренар.

У них двоих не было никакой возможности одолеть четыре десятка вооруженных и конных эльфов, но оставалась надежда на то, что перед лицом дружины никто не решится поступить бесчестно.

— Нет, — голос Келебормбора дрогнул. — Я... Я умоляю вас сказать мне правду.

— Ради твоего дяди? — спросил Айренар. — Королевне Лютиэн я обязан жизнью — а ему?

— Говори или мы заставим тебя! — крикнул один из нолдор.

— Как? — приподнял брови Айренар. — Вы можете угрожать нам чем угодно, феаноринги, но мы воистину не знаем, где сейчас Лютиэн Тинувиэль.

— Мы можем не только угрожать, — сказал тот же нолдо.

— Оставь, — оборвал его Келебормбор. — Послушайте, мы желаем ей только добра.

— Что вы понимаете под словом «добро»?

— Спасение жизни. Эти места опасны даже после падения Тол-и-Нгаурот. Посмотрите на себя: кто из вас сможет ее защитить, если нападут враги?

— У нее есть защитники.

— Но я обязан ее найти. Вы знаете, куда она пошла? Наверняка знаете, и это... это очень близко — если бы у нас не было надежды ее догнать, вы бы не запырлись.

Он подумал, немного прищурился, а потом приказал своим воинам:

— Река! Если есть лагерь, то там!

Какое-то мгновение он колебался, но тут Айренар словно бы в ужасе вскрикнул:

— О, нет! — и это решило дело.

Когда всадники скрылись с поляны, Элвитель и Айренар, мгновенно переглянувшись, поняли друг друга без слов. Надолго обмануть Келебормбора не удастся. Он узнает, что Лютиэн в лагере нет и узнает, что она там была. Никто ему ничего не скажет, и он продолжит поиски вверх по течению притока... Если повезет, они найдут Берена и Лютиэн раньше, чем Келебормбор, а до темноты совсем недолго. В темноте же они смогут водить феанорингов за нос до утра и если посчастливится — доберутся до войска Ородрета.

Этот обмен мыслями длился мгновение, а потом оба сорвались с места и что есть духу побежали в том направлении, где скрылись Берен и Лютиэн.

Красавец благородный олень застыл на миг, словно давая себя рассмотреть, а потом помчался прочь, размазанным пятном движения в серебристой листве, а за ним погнали коней Келегорм и Куруфин. Их спутники, зная своих сюзеренов, не стали ни удерживать их, ни гнаться. Охотничий азарт братьев не был утолен, Лютиэн маячила неясной тенью где-то в недостижимом пока отдалении, а дикий нрав требовал действия. Сломая голову феаноринги мчались по редколесью, перескакивая ручейки, низкие кусты и небольшие овражки, наслаждаясь биением встречного ветра, чересполосицей лучей червонного золота в колоннаде тонких стволов и опасностью бешеной скачки по незнакомой холмистой местности. Они скакали, не сбавляя скорости, даже тогда, когда поняли, что потеряли оленя — ради скачки, ради ветра и опасности.

Что ни говори, а удача все еще была с ними. Погиб соперник в борьбе за Сильмарилл и руку дочери Тингола, погиб Финрод, и теперь Нарготронд должен был сам упасть к ним в руки — ясно было, что слабый духом Ородрет его не удержит, а его надежда выдвинуться в качестве военного вождя пропала втуне: в лучшем случае он разделит славу с Ирмегилом и людскими князьями Хитлума. После смерти Берена люди, скорее всего, выберут своим князем Роуэна, а тот вассал Майтимо. Впереди последняя битва — славная битва, в которой решится все, и черная корона падет, а три Сильмарилла вернутся к тем, кому они принадлежат по праву... И, словно в подтверждение тому, что удача смотрит прямо на братьев, им открылся широкий луг, и на лугу они увидели медленно идущих, взявшись за руки, Берена и Лютиэн.

Увидев этих двоих, братья слегка опешили. Они как-то уже успели привыкнуть к мысли, что Берен убит.

Первым пришел в себя Куруфин.

— Смотри-ка, братец... — сладким голосом произнес он. — Смотри, кого посылает нам Владыка Судеб! Не иначе как это Берен, предатель, пособник Врага, дважды покусившийся на принадлежащее дому Феанора: на Сильмарилл и твою невесту. Неужели мы потерпим, что такая мразь поганит лик Арды?

— Не потерпим, — осклабился Келегорм. — Я затопчу его конем, а ты хватай Лютиэн на седло. Вперед!

И братья понеслись на всем скаку к беспечной паре.

Дальнейшие события показали, что если Намо и устроил эту встречу на поляне, то имел в виду совсем другое.

На веку Берена это была не первая попытка затоптать его конем.

— Беги! — сказал он Лютиэн, толкнув ее в сторону ближайшего леса и бросаясь в другую.

Она не тратила время на глупости вроде «Нет, я останусь с тобой!». Если Берену суждено драться с двумя, то пусть хотя бы по очереди, а не сразу.

Поэтому братьям пришлось разделиться. Куруфин догнал и подхватил Лютиэн. Берен бросил в ноги лошади Келегорма свою ношу, связку мечей, и на бегу краем глаза отметил

удачу: конь споткнулся и упал, эльф перелетел через его голову и грохнулся о землю.

Берен, все свои силы вложив в бег, догнал Куруфина, который пытался снова разогнать свою лошадь с ее двойным грузом, и одновременно справиться с отчаянно отбивающейся Лютиэн, и, бросив посох, в прыжке обеими руками вцепился в перевязь его меча, так что и Куруфин, и его пленница сшиблись наземь. Королевна осталась лежать без движения, а Берен за все ту же перевязь оттащил Куруфина в сторону от Лютиэн и смачно, с замахом от плеча, дважды треснул по лицу. Эльф лишился чувств. Берен выдернул из ножен его меч, выхватил его кинжал — и повернулся к Келегорму, который уже успел свистом позвать коня и вскочить в седло. Теперь он летел навстречу, отводя копьё для броска. Копьё Берен отбил мечом, лезвие отсекло наконечник — затес вышел длинный и гладкий. Келегорм отбросил копьё и снова развернул коня — на этот раз вытаскивая меч. Пешему против конного с мечом очень неловко — так что Берен бросил меч и, схватив обломок копьё, встречным тычком сшиб Келегорма с седла.

Феаноринг был в бешенстве. Противостоял им всего один человек, какой-то жалкий смертный с одной дубинкой, и вот уже Куруфин лежит на земле без сознания, а у него, Келегорма, от повторного удара о землю все двоится в глазах. Берен не поднял меча, он ждал, держа дубинку за середину, прямым одноименным хватом. По заносчивости своей Келегорм не знал, что дортонионские пастухи предпочитают посох любому другому оружию, и один умелый боец может отбиться им от двоих-троих с мечами — правда, если речь идет о не слишком умелых мечниках. В другой раз, может, Келегорм и одолел бы — но после двух падений он был ослаблен, а Береном владел тот убийственный дух, что провел его через восемь кровавых лет Дортониона. Эльф напал, Берен вывернулся из-под удара — и в следующий миг правая рука Феаноринга онемела от плеча до кисти, пальцы разжались и выпустили меч: размашистой «мельницей» Берен сломал ему ключицу. Келегорм сделал шаг назад — и упал: человек ударил его палкой по бедру и вернулся в исходное положение. Келегорм сделал движение левой рукой к мечу — посох метнулся как жало скорпиона, Келегорм вскрикнул от боли, правой рукой хватаясь за левую.

— Не скули, нолдо, — тихо сказал Берен. — Финрод умирал без стога.

— Мразь, — прохрипел Келегорм. — Ты поднял руку на сына Феанора...

— И опустил. И еще опуцу. Ты знаешь, почему я не взял ни твой меч, ни меч Куруфина? Потому что для такой сволочи как ты смерть от меча — слишком почетная смерть. Если ты еще раз дернешься — я забью тебя насмерть дубиной, как пастух забивает волка или бешеную собаку. Это будет достойный тебя путь в чертоги Мандоса.

С этими словами Берен слова ударил Келегорма — на этот раз в живот. Эльф скорчился и откатился в сторону.

Он увидел, что Лютиэн уже поднялась с земли и смотрит на них.

— Ты позволишь ему?! Ты позволишь?! — застонал он, отползая.

— Теперь ты у нее просишь защиты? — с этими словами человек вытянул Келегорма по спине.

— Тебе больно, эльф? Не стесняйся признаться. Я вот признаюсь, что мне было больно, когда меня били на дворе Черной Башни. И Финроду было больно, хоть он и старался не подавать виду. И Эдрахилу. И Аэглосу. Тебе перечислить всех поименно? По удару за каждого — не много? А по удару за каждого из Бретильских Драконов? Ты не выдержишь, феаноринг, хоть ты и эльф. Ты сдохнешь. Мерзавец, что ты хотел сделать с Лютиэн? Почему ты послал на нее воинов, как на вражьего лазутчика? Ты знаешь, сколько наших полегло от

их стрел?

Эльф лежал на спине, закрыв глаза. Стоя над ним, Берен поднял дубину, направив ее стесанным концом вниз, в лицо Келегорма. Лютиэн что-то кричала, но он не слышал. Весь страх за нее, вся ревность, что его измучила за эти недели, все пережитое унижение и вся боль утраты сошлись в этом стесанном конце древка. Саурон ушел от расплаты, Моргот был недосыгаемо далек, но Келегорм был здесь, у его ног, и он ответит. И тут эльф заставил себя смотреть в лицо смерти, открыл глаза. Огромные, серебряные — они сковали все внимание Берена. Он уже почти чувствовал, как в одно из этих озер света погружается заостренное дерево... Лица он уже не видел — только глаза. Яркие, светло-серые глаза потомка Финвэ...

Глаза Финрода...

Зажмурившись, чтобы справиться с наваждением, он опустил древко и сделал шаг назад. Ярость ушла и выпила всю силу. В глазах потемнело, и, чтобы не упасть, он оперся на древко.

— Живи...

Крик Лютиэн — «Берен! Берен!!!» — наполнился другим страхом. Огромная серо-белая тень закрыла мир, Берен ощутил страшный удар в грудь, пролетел сколько-то ярдов, приложился спиной о землю и обнаружил, что лежит глядя в золотые, каждый — с плоскую, собачьи глаза. Тяжеленные лапы, утвердившись на плечах, намертво прижимали его к земле, с мраморно-белых полупрозрачных клыков хрустальной нитью тянулась слюна.

— Хуан... — прошептал Берен.

Пес защищал хозяина, данного ему богами.

Кряхтя и постанывая, Келегорм поднялся с земли. Подковылял к своему мечу, оттолкнул Лютиэн и, припадая на одну ногу, поплелся обратно.

— Нет! — закричала Тинувиэль, но, поняв бесполезность уговоров, побежала и схватила меч Куруфина. Не успеет, подумал Берен. Он не чувствовал ни страха, ни горечи — только глухую досаду: обидно умирать от руки недобитого феаноринга...

Келегорм встал прямо над ним, широко расставив ноги и подняв меч — острием книзу. Лезвие было слепяще ярким. И наверняка острым. Пройдет через кости лица как сквозь масло. «Я даже не успею понять, что мне больно. Как Ильвэ».

Шерсть на брюхе Хуана, длинная и густая, мазнула Берена по лицу, когда собака подалась вперед. Следующим прикосновением был взмах хвоста. Хуан встал перед своим хозяином, глухо и громко рыча, защищая теперь Берена точно так же, как только что он защитил Келегорма.

— Ты совсем спятил? — крикнул эльф, делая шаг назад. — Хорошо, разорви ему глотку сам!

По Хуану было видно, что рвать Берену глотку он не собирается. Горец поднялся с земли, стряхивая собачью шерсть. Лютиэн, подбежав, отбросила меч и обхватила Берена за шею.

— Все, mell, — он осторожно погладил ее по волосам. — Уже почти все. Кажется, убить друг друга нам не дадут.

— О, нет, смертный, — прохрипел Келегорм, обходя Хуана по солнцу. — Между нами не может быть мира. Я убью тебя даже если мне придется сначала убить Хуана. Я знаю, что ему напророчено, но теперь не боюсь пророчеств и проклятий. Прочь, Хуан, предатель. Я хочу свести с этим смертным счеты, а ты мне мешаешь. Прочь, или я зарублю тебя.

— И меня? — Лютиэн встала рядом с собакой.

— Отойди, Тинувиэль, — Келегорм хрипел и сплевывал кровь.

— Тебе мало того, что ты предал Финрода? — Лютиэн шагнула к феанорингу. — Тебе мало, что твои воины погибли? Уйди, Келегорм. Забирай брата и беги отсюда. Я хочу спасти тебя только потому, что убийство мне еще более отвратительно, чем ты. И потому что не желаю навлекать на Берена кровную вражду с домом Феанора. Убирайся. Не испытывай терпение дочери Мелиан.

— Нет, дурочка, — феаноринг улыбнулся. — Нас двое, тех, кто ищет твоей руки и Сильмарилла — и один умрет. Только что мне было все равно кто. А теперь, смертный, я знаю, что это будешь ты. Спрятаться за ее юбки тебе не удастся.

— На ней штаны, — Берен оглянулся. — А ты изрядный сукин сын, Келегорм, не в обиду леди Нерданэль будь сказано.

В землю между ними вонзилась стрела с серым гусиным оперением.

— Брось оружие, Беоринг, и сделай пять шагов назад, — властный голос принадлежал эльфу из свиты Келегорма. Дюжины две эльфов в черном и алом виднелись против заходящего солнца темными силуэтами, неслышно появившимися из едва подернутого зеленой дымкой леса.

— Много болтовни. — Берен вонзил меч в землю и отступил. — Проклятое горское трепачество...

— Вы не тронете его, нолдор! — Лютиэн метнулась к Берену, заслоняя его собой. — Разве еще не довольно убийств? Или вы снова хотите проливать кровь друзей?

Берен прищурился, увидел знакомое лицо.

— Хисэлин, — сказал он. — Я рад, что ты жив... Пришел доделать то, что начал?

— Нет, — нолдо опустил лук. Некоторые лучники Келегорма тоже дрогнули, но остальные остались тверды. Они слишком далеко зашли, чтобы сейчас оставлять свидетеля. Берен, пятясь, отступал влево — пусть стреляют в него, а не в нее...

— Брось меч и ты, Келегорм, — раздался голос от опушки. — Опустите луки, феаноринги: наши тоже натянуты, и нас больше.

Берен оглянулся — по левую руку стоял неровный длинный ряд лучников, появившихся так тихо и неожиданно, как это умеют только эльфы. Вперед на гнедом коне выехал Ородрет. С седла одного из рохиров короля соскочил сидевший сзади Айренар. Еще двое всадников показались среди деревьев, и у одного из них волосы струились по плечам таким же чистым золотом, как и у Финрода. Облаченная в доспех, сестра сейчас разительно походила на погибшего брата.

Келегорм выругался и швырнул меч в Берена. Тот, не сдвинувшись с места, равнодушно проследил полет клинка шагах в трех справа от него.

Ородрет, приблизившись, спешил. Нолдор из свиты братьев подняли Куруфина, очумело поводящего глазами.

— Что же здесь произошло? — спросил король Нарготронда.

— А что тебе неясно, король Ородрет? Я шел с Лютиэн, увидел двоих мерзавцев, они были верхом и при мечах, я — пеший и безоружный, — дай, думаю, сведу с ними счеты. И подло напал. Ну, Келегорм, Куруфин! Разве не так все было!?

— Чтоб тебе бегом бежать к самой мучительной гибели, смертный... — пролепетал Куруфин, сплевывая кровь.

— Разве ты не знаешь, король, кто перед тобой? — процедил сквозь зубы Келегорм. — Разве тебе неизвестно, что он предал твоего брата, оставил его на милость Саурона? Что он

пособничал Врагу?

— Королю многое известно, — через линию лучников прошел высокий эльф в истрепанной дорожной одежде.

— Даэрон... — никогда еще Берен не радовался так своему второму сопернику.

— Ты ведь Лютиэн искал, Келегорм? — продолжал менестрель.

— А почему нет? — взвился сын Феанора. — Я должен был позаботиться о том, чтобы она не попала к Врагу, раз уж безумная страсть погнала ее в самое пекло!

— Твои дружинники убили моих людей! — закричал в ответ Берен. — Твой вассал прикончил моего оруженосца, безоружного, желавшего остановить бойню! Ему было всего пятнадцать, но в свои годы он лучше тебя знал, что такое мужество и верность!

Ородрет в изумлении смотрел то на одного, то на другого.

— Король Ородрет, — опережая брата, заговорил Куруфин. Язык его еще заплетался, но голова уже работала. — Здесь очевидцы тех событий, Хисэлин и Даэрон, они подтвердят мои слова... Да, наши дружинники искали Лютиэн. Не могли же мы допустить, чтоб она попала к Саурону. Да, они напали на отряд Берена — но он умолчал, что его люди были одеты как воины Моргота. Откуда нашим воинам было знать тогда, что предательство Берена — не более чем военная хитрость? Им ничего не оставалось, кроме...

— Кроме как напасть на них, потому что их пленницу вы приняли за Лютиэн. Ваш разведчик утратил чутье, а вы не пожелали, чтобы барды исцелили его. Довольно, — усталым голосом проговорил Ородрет. — Я знаю, как все было на самом деле. Посмотрите вокруг, сыновья Феанора: половина тех, кто целится в вас из луков, одеты в цвета вашего Дома. Услышав свидетельство Даэрона, они отреклись от службы вам и присягнули мне. Есть ли позор больший для потомка Финвэ?

Хисэлин отбросил оружие и, спешившись, подошел к Ородрету, преклонив перед ним колени. Его примеру последовали прочие спутники Келегорма и Куруфина.

— Если ты готов нас простить, — сказал Хисэлин. — Мы тоже присягнем тебе, король. Если ты не готов простить нас — мы примем наказание. Отрекаясь от своих лордов, мы не отрицаем своей вины...

— Встаньте, — Ородрет коснулся пальцами его плеча. — Я подумаю, как быть с вами.

Келегорм выхватил из-за голенища кинжал. Как он намеревался поступить с ним — осталось неизвестным: его схватили, выдернули оружие и бросили на колени, заломив руки за спину.

— Итак, вы напали на них, а он защищался, — подытожил Гвиндор, стоявший среди своих лучников. Лицо его выражало безмерное презрение. — И он один, пеший, с обломком копья, одолел вас двоих. Может, это был нечестный бой, но победа была честной. Я думаю, государь, что мечи и кони братьев принадлежат Берену по праву. Ангрист, кинжал гномской работы, что режет сталь — тоже, ведь им Келегорм хотел Берена заколоть.

— Я согласен, — кивнул Ородрет. — И, кроме всего прочего, Берену принадлежит право назначить виру за нападение, а Лютиэн — за нарготрондский плен. Говори, сын Барахира, что мне делать с этими двумя и с их слугами. Как скажешь ты, так мы и поступим.

— Давай, смертный, — голос Келегорма звучал как скрежет оселка по ржавому железу. — Отыграйся за все. Или я буду до конца твоих дней преследовать тебя, а потом — твоих детей... Если они у тебя будут.

Берен посмотрел на этих двоих, едва ли не злейших своих врагов — после Моргота и Саурона. Несколько минут назад он хотел смерти и Келегорму, и Куруфину, смерти не такой

мучительной, на которую обрек эльфов и Финрода Саурон — но позорной. Теперь же, когда бешенство схлынуло, он задумался о последствиях для себя и Ородрета.

— Государь Ородрет, если я приговорю к смерти этих двоих, между Домом Беора и Домом Феанора начнется кровная вражда, распадется едва-едва созданный союз и все труды твоего брата, государя Финрода, пойдут прахом. Вдвойне бессмысленной станет его смерть, ибо он умер ради того, чтобы Союз Маэдроса был создан и нанес удар по Врагу. Сердце подсказывает мне, что если оставить их живыми, то я или дети мои сильно пожалеем об этом, но убийства утомили меня. Виру за нападение на себя я возьму, как и сказал лорд Гвиндор, оружием и конями. Виру за свое пленение пусть королева назначает сама. В остальном я не вправе решать что-либо. Мой король был братом тебе — решай ты.

— Я прощаю их, — ответила Лютиэн на немой вопрос Ородрета. — Решай их судьбу без меня.

— Я не хочу иметь никаких дел с феанорингами, — качнул головой Ородрет. — Келегорм и Куруфин, я не подниму на вас руки — груз Проклятия и без того слишком тяжел. Но и терпеть вас в Нарготронде не намерен. Вы получите коней, припасы — и уедете сейчас же. Скачите к Маэдросу и скажите: сыновьям Феанара заказан путь в земли Нарготронда. Я не приму ни послов, ни беглецов. Нам не о чем говорить и нечего вместе делать.

Братьев отпустили, подвели им коней. Куруфин отыскал кого-то взглядом в толпе одетых в алое и черное.

— Келебримбор! — крикнул он. — Садись в седло и следуй за мной.

Келебримбор — он был среди тех, кто стоял за Ородретом — покачал головой. Они стояли друг напротив друга, отец и сын, и было видно, что неукротимый нрав Феанора проснулся в сыне так же, как и в отце.

— Я не пойду с тобой, — сказал он. — Финарато был тебе другом. Он приютил нас, когда пришлось бежать, а ты на совете восстановил против него город. Мне было противно участвовать в пленении королевы, но из сыновней верности я это делал. Мне было противно травить ее как зверя, но я и тут последовал за тобой, потому что решил — лучше ей быть пленницей в Нарогарде, чем в Ангбанде. Еще час назад я желал выследить ее, ибо не знал, что Берен жив. Но вы знали, вы видели их вместе — и пожелали довести до конца дело Саурона... Я не могу больше следовать за тобой, отец, ибо ты идешь путем бесчестия.

Куруфин сплюнул кровью.

— Я надеюсь, ты передумаешь, сын.

Келебримбор снова покачал головой.

— Ну так будь ты проклят. Будь и ты проклят, Ородрет, слишком слабый, чтобы позволить себе роскошь быть мудрым. Когда-нибудь ты горько пожалеешь, что связался со смертными. И тебе, Беоринг, мое проклятье: я не жалею ни о чем, кроме того, что Саурон все-таки тебя не убил. Предвижу, что умрешь ты скоро и нелегко. И тебя, Хуан, предатель, я проклинаяю, и желаю поскорее встретить своего волка.

— Какая бы смерть меня ни ждала, — сказал Берен, — с тобой я не поменяюсь, потому что свой неотступный палач — ты сам, и пытке твоей длиться всю жизнь, а у вас она долгая.

Куруфин промолчал, не спеша садиться в седло.

— Как я понял, — к Берену и Лютиэн подошел Даэрон. — Ты и собаку успел переманить...

— Нет, — Беоринг посадил возлюбленную в седло коня Келегорма. — Хуан — трофей Лютиэн. Кажется, он сам выбрал ее хозяйкой.

Подтверждая его слова, небесный пес ткнулся носом в стремя принцессы Дориата.

— Куда вы теперь? — спросил менестрель Тингола. — Ты не забыл, что клятва твоя еще не исполнена?

— Ступай к моему отцу, Даэрон, — ответила за Берена принцесса. — Может быть, я еще вернусь в Дориат, но только вместе с Береном. Может быть, лорд Келеборн с Галадриэлью захотят вернуться... Проси о них отца...

Даэрон коротко поклонился принцессе, Ородрету, Галадриэль — и исчез в лесу, словно растворился снова. Лютиэн вздохнула еле слышно.

— Прощай, государь, — Берен поклонился новому королю Нарготронда. — Раз ты здесь, я передаю тебе твоих подданных, спасенных со мной вместе, и уйду со своими. И... прости меня.

— За что? За то, что ты не сумел уберечь или спасти Финарато? В этом моя вина не меньше твоей, и у кого просить прощения — я не знаю. Прощай, сын Барахира. И удачи тебе. Если не боишься вступать в союз с феанорингами — удача тебе будет нужна. Прощай, принцесса Лютиэн. Я не смог помешать твоему заточению — простишь ли?

Лютиэн улыбнулась и кивнула.

...Они направили коней к опушке, плечом к плечу, Берен и Лютиэн. Беорингу не хотелось оглядываться, чтобы лицо не выдало его. Но любопытство пересилило — и, пойдя на детскую хитрость с самим собой, Берен склонил голову, чтоб боковым зрением уловить происходящее на поляне.

...И увидел, как Куруфин выхватил лук и стрелы у одного из воинов Гвиндора, пробежал несколько шагов и выстрелил в Лютиэн.

Хуан прыгнул, перехватывая стрелу в воздухе зубами — ни дать ни взять обычный пес, щелкающий челюстью на мух... К Куруфину рванулись одновременно со всех сторон — и Гвиндор, и его эльфы, и слуги Ородрета. Первого, кто успел, феаноринг сбил наземь ударом в лицо, потом пробежал еще немного вперед, на ходу накладывая стрелу, и снова прицелился... За оставшиеся доли мгновения Берен не успевал ничего. Кроме одного — оказаться на линии выстрела.

Это не так страшно, как кажется — Берен знал. Его ранили не раз. Сначала ощущаешь только удар. Самое лучшее — удержаться в седле: кони, почуяв кровь, впадают в страх и могут стукнуть тебя копытом. Удержаться в седле не так-то просто: стрела бьет с силой.

Берен еле удержался — он ведь шатнулся, почти прыгнул с седла, чтобы поймать стрелу собой или лошадью, когда древко прошило ему левое предплечье и грудь. Наконечник остановился где-то под лопаткой. Если бы не рука, стрела прошла бы насквозь. Был миг борьбы, когда он еле-еле оставался в равновесии — но тут конь резким движением назад помог ему: Берен вернулся в седло. Да что ж это такое, подумал он в отчаянии... Не успел починить ключицу — снова-здорово...

Куруфина повалили на землю, отобрали лук. Он молча отбивался.

Берену не хотелось дышать. В ушах громом водопада стоял стук собственного сердца. Лютиэн, подъехав, поддержала его в седле.

Пока не дышишь — еще не так больно. Но куда ж денешься, дышать-то надо...

Берен вдохнул.

Расперло грудь изнутри, настырно и зло. Во рту стало сухо, на лбу — мокро.

К ним, спеша, бежал эльф со знаком Дома Финарфина на синей с золотом накидке. Гвиндор.

Обхватив древко стрелы, Берен надавил — изо всех сил, чтобы не пришлось делать этого дважды. В глазах почернело, если бы не Лютиэн — он точно свалился бы. Вытаскивать стрелу нельзя, но и с пришитой рукой оставаться глупо. Наконечник вышел из спины. По счастью, не уперся в ребро. Согнувшись почти до луки седла, Берен обломил оперение и освободил руку.

— Будь проклят весь... феанорский... выводок...

— Уже, — тихо сказал Айренар, подбежавший с другой стороны и готовый подхватить Берена, если тот соскользнет в его сторону. Шутки нолдор порой бывали полны какой-то мрачной истины.

Теперь биение сердца отдавалось во всем теле. Боль расходилась, как круги по воде. Во рту было солоно. Он собрал себя воедино: предстояло еще доехать до ближайшего места, где Тинувиэль могла бы вытащить стрелу. Хотя бы до лагеря на берегу...

— Дай плащ... — в пол-дыхания попросил он. — Знобит...

Гвиндор снял плащ и передал его Лютиэн; тяжелая шерсть легла Берену на плечи. У того не было сил даже поблагодарить.

Вокруг собралась целая толпа. Они не отстали даже после того, как Лютиэн тронула коней. Кажется, там были Галадриэль и Келеборн — он не мог толком понять, так это или нет, потому что полностью сосредоточился на том, чтоб удержаться в седле. На какое-то время в его глазах прояснилось и он действительно увидел рядом Келеборна, а коня его вел в поводу Айренар. У седла висели трофеи — два меча работы Феанора. Когда Берен услышал слова Гвиндора, он подумал, что отдаст эти мечи сыновьям — а хотя бы и дочерям, если они будут таковы, как леди Нэрвен. Теперь — будут ли у него сыновья? Что за стрелами пользовался тот эльф, чей лук подвернулся Куруфину — отравленными или обычными? Скорее всего обычными, если он все еще жив... или... Почему опять так темно в глазах, ведь боль отступила? Нет, это не в глазах... Это солнце ушло в море, чтобы оттуда отправиться в опасный путь по ту сторону рассвета, у корней земли, где живут твари, сам вид которых страшнее смерти... В страну мертвых...

Справа и слева от него зажглись факела. О, сколько же их... Не увязалось ли следом все войско Ородрета? Как же он теперь один, бедняжка... Берен понял, что теряет ясность рассудка. Сколько еще осталось пути?

Всю его вторую половину он преодолел на одной решимости. И, лишь увидев лунную дорожку на волнах Сириона, отдал свое тело во владение слабости. Он упал с седла — но десятки подставленных рук не дали коснуться земли. Закрывая, наконец, глаза, он не знал, откроет ли их снова, и поэтому на всякий случай воззвал к Судье.

— Она умерла зимой, Берен. — Брегор прятал глаза. — Когда узнала, что ты... тебя... захватил Саурон.

— И заставил служить себе. Сделал предателем, — безжалостно закончил Берен.

Старый воин кивнул.

— Не стало бы тебе хуже, лорд...

— Хуже? Нет, вряд ли. Леди Галадриэль и госпожа Соловушка так просто меня на Запад не отпустят...

...Берен пришел в себя под утро, и понял, что находится на своем плоту: настил покачивался, пахло рекой. По правую руку сидела леди Галадриэль, по левую — Лютиэн. Он попросил пить, проглотил немного травяного настоя и заснул. Проснулся за полдень и понял, что жизнь его не покинет. Два следующих дня он провел вне палатки, полулежа на «корме» плота и любуясь окрестностями, в обществе уцелевших Драконов и эльфов из свиты Галадриэль.

Лорд Келеборн отправился берегом, а Галадриэль мысль о путешествии на плоту очень понравилась. А главное, заметила она с улыбкой, во всем Белерианде нет более гладкой дороги и более мягкой на ходу повозки для раненого. Они с мужем условились встретиться за сухой Речкой, у моста в Бритиах. Оттуда было совсем близко до нарготрондских владений Галадриэль, где она поселилась в изгнании, и куда пригласила Берена пожить до полного выздоровления. Он не смог ей отказать. За эти два дня он восстановил какие-то силы, и на вопрос Галадриэль — выдержит ли он еще один дневной переход в волокуше — ответил, что готов ехать и верхом. Хорошо, что у него хватило ума не цепляться за эту похвальбу: полдня в носилках измотали его вконец, и, увидев землянку «кленового охотника», Галадриэль решила заночевать в ней. Здесь их и отыскал Брегор.

Лютиэн вышла, оставив Берена наедине с его старым коненем, и Брегор, рассказывая о событиях зимы и о слухах, которыми кипел Бретиль, несколько раз промочил свои усы слезами горя и радости. Он радовался освобождению Дортониона и падению Саурона, скорбел о Финроде и о своем старшем сыне.

— Тебе ведь больнее, хэлди. Моя мать ушла в свой срок — а Брандира я не уберег...

Брегор развел руками — от этого движения хлипкая скамеечка под ним жалобно пискнула и шатнулась.

— Все под Мандосом ходим, — сказал старый воин. — Парень сам на войну рвался. А Государь Финрод... Тяжко мы заплатили за эту победу. Забрать бы тебя отсюда, ярн... — Брегор оглядел низкий закопченный потолок, затянутое бычьим пузырем окно и постель, на которой лежал Берен — охапку прошлогодней соломы, накрытую волчьей шкурой и плащами. Берена это, по правде говоря, беспокоило куда меньше — получать помощь приходилось и в худших условиях: и ничего, выжил. Хотя — одинокая, насквозь провонявшая дымом и патокой землянка «кленового охотника» была слишком ненадежным укрытием. Режьте, а в случайный выстрел на охоте Брегору верилось плохо.

Не говоря уже о том, что это место никак не подходило для госпожи Тинувиэль, их будущей княгини.

— За мной приедет лорд Келеборн, — успокоил его Берен. — Госпожа моя Артанис Галадриэль согласилась принять нас...

— У тебя все ж таки есть здесь дом, и есть люди...

— Я помню... Но и ты подумай, Брегор: госпожа Артанис пошла в изгнание ради Лютиэн. И отказать ей на ее гостеприимство я не могу. И... к ним все-таки ближе, а мне сейчас это важно...

Брегор повздыхал, пошаркал об пол деревянной ногой.

— Если позволишь, князь, я с тобой здесь останусь, — сказал он. — Пока лорд Келеборн не объявится. А то — ездят всякие по здешним лесам да стреляют случайно почему зря... Что ж ты не принял-то от государя Ородрета помощь?

— Да как же... Я принял. Его эльфы сопровождали нас по берегу, до этого места, да и сейчас, наверное, на страже — только ты их не видел. Сам же государь поехал дальше, к Острову — оплакать брата и заново провести границу.

Он отдохнул после такой долгой речи и добавил:

— Правду говоря, Брегор, мне лучше остаться как раз потому, что это я должен буду рассказать леди Галадриэль о последних минутах ее брата... И если бы мне дали выбор: это или еще одна стрела, я бы выбрал стрелу. Но такого выбора нет, и мне не отвертеться.

Брегор только головой покачал.

— Будь по-твоему, ярн. Послушай, многие, узнав об очищении Дортониона, собрались вернуться к своим старым домам... Пока что идет одна болтовня, но я принесу в собрание твое слово. Скажи, задержаться ли нам, чтобы ты возглавил поход, или позволить самым нетерпеливым идти сейчас?

Берен прикрыл глаза и призадумался. Потом сказал:

— Пусть идут. Хэлди, прошу, набрось на меня плащ, что лежит у меня в головах. Холодно опять...

Он был уже укрыт двумя плащами, но Брегор по себе знал, как холод мучает раненых.

— Крови ты много потерял, ярн, — он набросил плащ поверх двух других, вытер испарину со лба своего лорда.

— Нет... совсем мало... Своя кровь меня не греет, хэлди... Кажется, я на всю жизнь замерз в том склепе...

— Старый Мар-Реган — помнишь такого? — говорил: озноб здорово снимают...

— ...стакан норпейха и горячая бабенка... Помню, Брегор... Ни на то, ни на другое меня сейчас не хватит.

Брегор осмотрел хибару — нельзя ли развести огонь? — но увидел только курный очаг и рассудил, что дым повредит раненому больше, чем холод. Ох-хо, скорей бы приехали эти эльфы...

— Брегор... Позови девчонку...

Воин кивнул и вышел из землянки. Девчонка глазела на варку патоки. Брегор уже знал от других, что она из горских детей, похищенных морготовыми рыцарями и воспитанных в Ангбанде. Ярн помиловал ее потому что в преступлениях она не была замечена. По осанке и взгляду было видно, что думает она о себе слишком много, и зачем князю этакое сокровище — Брегор не понимал.

— Князь кличет, — сказал Брегор. Девчонка беспрекословно пошла за ним.

— Тебе плохо? — спросила она Берена. — Открылась кровь? Меньше болтать надо...

Брегор онемел от такой дерзости, а Берен подмигнул ему:

— Слышал? И так все время.

— Ты всегда первый начинаешь.

— Была бы ты моей дочерью, я научил бы тебя почтению, — насупился Брегор на девуцу.

— Вот и я о том же, — Берен кивнул и перевел дыхание. — Даэйрет, этот человек, Брегор Мар-Роган — отныне твой отец.

— Что? — вырвалось одновременно у старика и девушки.

— Твои сыновья погибли, внуков ты не увидел... — закрыв глаза, Берен переборол накотившую слабость, но не одолел ее, и заговорил быстро, чтобы закончить прежде чем она вернется. — Я даю ее тебе в дочери, потому что ни у тебя, ни у нее больше нет никого. Но скоро будет... Она в тягости, Брегор, от Руско, моего названного брата и оруженосца. Тот успел перед моим лицом и собранием назвать ее своей женой — а значит, она наследует замок Даллан, который я пожаловал ему за службу... и все земли Беорингов, если я уйду на Запад бездетным... Или ты против?

— Да будет так, — проговорил ошеломленный Брегор. — Девуца, подойди ко мне.

Даэйрет, такая же изумленная, подошла к старику. Брегор расстегнул пряжку диргола и сбросил его плеча, расправив в руках.

— Подойди ко мне, и пройди под плащом, так, чтобы оказаться между моих рук.

Даэйрет два раза моргнула на Берена, но тот прошептал:

— Делай что сказано, — и она исполнила просьбу. Брегор с головой накрыл ее плащом.

— Кого ты привел к лицу князя, Брегор Мар-Роган, — сына или дочь? — спросил Берен.

— Дочь, — Брегор откинул ткань с лица девушки.

— Да будет она достойной женой, — Берен улыбнулся. — Вот теперь можешь поучить ее уму-разуму.

Даэйрет отскочила от Брегора, словно испугавшись немедленного удара.

— Ты... Ты меня даже ни о чем не спросил! — она сжала кулачки и потрясла ими в воздухе.

— Ты меня тоже не спросила... желаю ли я тебя в невестки... Хлебай теперь свой кулеш и не жалуйся, что солон...

— Ты... я тебя...

— Уведи ее, Брегор. Мне смеяться больно, а на нее без смеха смотреть невозможно...

— Идем, дочка, — сурово сказал Брегор. — Не то я вытащу тебя за ворот, раз уж косы ты остригла.

Когда они вышли, Берен закрыл глаза и попытался заснуть. Но сон не шел, одолевали мысли.

Как ни удивительно это казалось ему самому — но за выстрел он не держал зла на феанорингов. За все прочее — да, а за выстрел — нет. Потому что невольно Куруфин сделал ему услугу, уложив в постель на несколько недель именно тогда, когда больше всего ему хотелось, во-первых, продлить пребывание с Лютиэн, а во-вторых, отлежаться и спокойно подумать о том, на что же он все-таки решился.

...Шаги, как всегда, были неслышны, но он почувствовал движение воздуха от рукавов и открыл глаза. Лютиэн села рядом, на ту же хлипкую скамеечку, и положила руку ему на грудь.

Берен взял ее ладонь и прижал к своей щеке.

— Все мои приключения заканчиваются одинаково: я валяюсь раненый. Но впервые я этому рад.

— Если так — то блаженна рана, которая держит нас вместе.

— А толку от нее, если я не могу поцеловать тебя, не задохнувшись? — проворчал он.

— Мне кажется, с дыханием у тебя стало получше за эти три дня.

— Где там! Я восстанавливаю его так долго, что хромая кляча могла бы за это время доползти отсюда до Амон Обел и обратно.

— О! Поэтому ты так много говоришь?

— Да провалиться мне! Вот проверь. Поцелуй меня и посмотри, как долго я буду сипеть.

— Стоит ли так рисковать? — улыбнулась она лукаво.

— Стоит, стоит, — Берен притянул ее к себе и поцеловал.

— Обманщик! Ты нарочно задерживаешь дыхание.

— Я? Побей меня гром, нет. Просто от твоих губ я весь немею.

— Тогда лучше нам перестать, потому что тебе и вправду вредно так напрягать грудь.

Она провела пальцами вдоль повязок, проверяя, не сбились ли.

— Если бы ты относился к своему телу с меньшим пренебрежением, твоих ран было бы вдвое меньше, — сказала она. — Почему ты так неосторожен? Разве кусок мяса стоит того, чтобы рисковать головой?

— Айренар разболтал тебе про кабана? О, длинный нолдорский язык...

— Ты ведь не брал с него слова молчать.

— И верно, не брал... Но это же не значит, что надо болтать!

— Кое-что я видела и своими глазами... Ты... словно бы доказываешь всему миру, что ты не боишься смерти.

— И не боюсь... — он скрипнул зубами. — Но тело мое боится ее порой до судорог... По счастью, я повелеваю им, а не наоборот.

— Не каждый хозяин так скверно обращается со своим слугой, — Лютиэн провела пальцами вдоль старого, еще с Браголлах, шрама, потом коснулась груди в том месте, где волосы так и не выросли после ожога.

— Не каждый слуга так своеволен, глуп, ленив и похотлив.

— «Любить тело — и презирать его, считая падалью — это, воистину, от Моргота» — тихо сказала Лютиэн. Берен втянул воздух сквозь зубы.

— Я не презираю, — сказал он. — Презирать его так же глупо, как... как презирать коня... Просто... когда я думал, что всецело управляю своим конем, я... делал всякие глупости... И мерзости...

Лютиэн положила палец ему на губы.

— Молчи. И спи... Оставь себя в покое хоть на один день.

Утром они продолжали путь, и к полудню прибыли в Феннен, усадьбу Галадриэль. Каменный дом с башенкой был скрыт в роще над истоком ручья, впадавшего в Малдуин. Просторный дружинный дом, женские покои наверху, горница и высокая аула с очагом посередине — Берен впервые увидел такое у эльфов.

Берену и Лютиэн отвели одну комнату в женской половине, где жили все семьи, последовавшие за четой изгнанников. Значило ли это, что леди Галадриэль признавала их супружество? Берен вспомнил, что в Тарнелорн, поместье Келеборна в Дориате, им отвели разные комнаты. Кажется, в этой паре решающий голос зависел еще и от того, кто на чьей земле... Здесь были владения леди Галадриэль, кругом жили ее вассалы из нолдор, дружинный дом ее дружина делила с дружиной мужа, и по-нолдорски были расписаны стены аулы: на северной были холодные звезды над вершинами Пелори, на западе —

золотой сад, на юге — белый город на холме, а на востоке — море, ни разу не виданная Береном серебристо-синяя равнина, и корабли — как птицы.

В этой ауле полторы недели спустя окрепший Берен рассказывал всем о гибели Финрода. Он попросил Галадриэль собрать всех, кого можно, чтобы не повторять печальной повести дважды. Прибыли родичи и друзья убитых, собрались спасенные с Тол-и-Нгаурхот и вассалы Галадриэль. В ауле яблоку негде было упасть — и Берен, стоя перед очагом, вспомнил, как говорил в эльфийском собрании Нарготронда. Тогда в глазах его рябило от пестрых и цветных тканей, богато украшенных вышивкой и драгоценностями, а сейчас три цвета наполняли зал: белый, серый и черный, и ни на ком не было украшений.

Рассказывая, Берен видел слезы на многих глазах, и сам не устыдился бы росы ресниц — но на этот раз слез не было. Они появлялись потом — невзначай, когда ему удавалось услышать чей-то плач о Финроде и о своих умерших. Родичи и друзья тех, кто погиб в Тол-и-Нгаурхот, нарочно прибыли сюда, чтобы услышать его рассказ об их последнем походе. Каждому из них Берен отдал то, что взял из тайника на память об убитом. Жене Кальмегила и матери Айменела — их мечи, рубашку и платок; отцу Лоссара — пояс, камень в оправе и оружие, и ему же — меч Лауральдо, потому что у этого феаноринга не было родных по эту сторону Белегаэр; жене Менельдура — его зарукавье, сестре — перстень, сыну — книгу и меч; дочери и жене Аэглоса — пояс, меч и платок; меч и перстень Вилварина — двоюродному брату; жене Эллуина — его оружие и серебряную гривну; сын сестры Эдрахила получил его меч, пряжку его плаща, пояс и резную заколку для волос; у Нэндила же никого не было, кроме подруги, барда Эленхильд. Она и взяла меч, два кольца и серьгу. Еще раньше Берен отдал Галадриэль серебряное стило Финрода, его меч, и кольцо в виде свернутой ивовой ветки, которое он носил на среднем пальце.

В тот вечер он выпил много вина — почти столько же, сколько он выпивал в Каргонде. В древности был жестокий обычай — убивать горевестника; но теперь Берен понимал, где лежат его истоки: иные вести таковы, что легче принести их и тут же умереть.

— Это будет саднить всю жизнь, — признался он Лютиэн, когда они бродили вдвоем по берегу ручья. — Я об отце так не печалился.

Лютиэн ничего не ответила на это, но печально сказала:

— Ты скоро уедешь.

Скрывать было бессмысленно. Берен вздохнул.

— Я хотел привезти тебя в Дортонион, — сказал он. — Хотел на руках внести как невесту в высокую аулу Каргонда, Алого Камня на груди горы... Но Каргонд сжег я сам, и даже если я привезу тебя в Дортонион и назову своей женой, скоро ты останешься там одна...

Он сел на землю, спиной к стволу тополя, и посадил ее между своих ног так, чтобы она могла откинуться ему на грудь как на спинку кресла. Сопровождавший их Хуан лег рядом.

— ...И если я сделаю это, боюсь, твой отец отречется от тебя совсем. И ты останешься без семьи, без друзей и без меня в разоренной земле... О, тебя будут почитать даже не как княгиню — как королеву... Но...

Она не видела его рук, но слышала хруст обламываемой коры — бессознательно он оторвал пальцами большой кусок омертвевшего древесного покрова.

— Дортонион не устоит, — сказал Берен горько. — Что бы они там себе ни думали... Я своими руками, обескровил его. Когда начнется война, тебе лучше быть подальше от Дортониона...

— Когда Моргот обрушится на нас всей силой, — спокойно сказала она, повернувшись, — не устоит никто. И неважно, далеко я буду или близко. Ты забываешь, Берен: я не человек, я не смогу умереть от старости в уверенности, что все может еще как-то обойтись без меня.

Берен потерся щекой о ее щеку. Поправившись, он сбрил бороду — кажется, в обществе эльфов она смутила его.

— Это верно, — сказал он. — Но я не хотел бы... Ты... — он сжал ее руку. — Ты свет всего этого мира. Не знаю, как там на Западе, в Блаженном краю — но эта земля... пока есть ты... она оправдана. Солнце существует лишь для того, чтобы согреть тебя. Луна и звезды — чтобы ночью давать тебе свет. Земля — чтобы кормить тебя и вода, чтобы поить... Сейчас я готов благословить и Моргота, потому что война свела меня с тобой. В моих глазах... это кажется мне или и в самом деле все было отравлено, пока я не встретил тебя? Но даже если Белегаэр смешается с небом и обрушит на Белерианд воды — а чтобы очистить его сейчас, понадобится, наверное, вся вода Великого моря... Так вот, даже если все эти земли канут в бездну, то и тогда этот мир будет благословен, потому что ты осветила его.

— Никто из живущих не достоин таких слов, — Лютиэн развернулась к Берену всем телом, сев на колени. — Никем из нас не может быть оправдан и спасен мир, разве что только в одних глазах, полных любви... Но и тогда оправдываем не мы, а любовь... Но любовь — это еще не все, Берен. Ты — всего лишь человек и я всего лишь эльф; и хотя вместе мы больше чем один человек и один эльф, но мы не больше мира. Превозносить сверх меры любовь так же глупо, как сверх меры превозносить другие дары и добродетели: силу, искусство, свободу или доблесть... Я могу сейчас лечь в твои объятия только потому что Финрод пролил за тебя свою кровь; но если бы ты мог выбирать, твоя жизнь вместе с этой любовью — или его — что бы ты выбрал?

— Ты же знаешь, — Берен закрыл глаза и откинул голову на мшистый ствол. — Я бы даже не колебался... Я из тех, кому принести жертву проще, чем принять ее... Потому что если ты приносишь свою жизнь — ты умираешь, и все... Даже если смерти предшествуют муки, сама смерть — только миг. Я топтался у самого порога и знаю, как он низок — один шаг, и ты на той стороне... А иначе... Я чувствую, что мне дано больше, чем я могу унести в одиночку.

— Ну так давай поделим это, — Лютиэн заглянула в его глаза.

— Нет, — он порывисто прижал ее голову к своей груди. — Никогда. Никогда больше из-за меня не погибнет тот, кого я люблю...

— Тогда ты будешь со своей ношей бродить по кругу, как вол, что вращает мельничный жернов, — Лютиэн высвободилась из его объятий, стряхнула с колен прилипшие травинки и пошла прочь.

Хуан поднял голову и посмотрел на Берена своими огромными золотыми глазами.

— Только не говори мне, о король собак, что я опять свалю дурака, — проворчал Берен. Хуан встряхнулся, повернулся к человеку задом и потрусил вслед за Лютиэн.

Берен сидел какое-то время, потом вскочил и побежал в другую сторону — к вершине холма, свободной от деревьев.

Через триста шагов остановился и оперся о дерево — боль разрывала грудь.

— Рано, — услышал он голос справа. — Слишком рано...

— Леди... Артанис... — Берен преклонил колени, и тут же подумал о том, какие жуткие рожи он продолжает корчить. — Прощу... прощения...

— Не за что, — Галадриэль села на траву, приглашая его сесть рядом. — Я пришла справиться о твоём здоровье.

— Ты сама видишь, aranel, — смертный развел руками. — Но как только я окрепну достаточно, чтобы взбежать на этот холм, я перестану злоупотреблять твоим гостеприимством...

В своём гневе она особенно походила на Финрода — точно так же чуть сжимались губы, и крылья бровей сдвигались, бросая тень на светлое лицо. В простом белом платье, одетом как знак скорби по брату, Галадриэль сделалась как ледяная вершина, суровая и неприступная. Ни слова она не сказала, но ее взгляд заставил Берена снова подняться и склониться перед ней.

— Прости, Высокая.

— Будем считать оскорбление невольным, — улыбнулась Галадриэль, сменив гнев на милость. — Хотя право же, мне неприятно было услышать это.

— Я сегодня дурак.

Она снова улыбнулась — еле заметно, одними уголками губ.

— Я хотела спросить о твоём здоровье вот почему. На северных окраинах моих владений объявились волки. Похоже, те самые, что сбежали из сауроновой псарни и разбрелись по всему свету. Мужчины готовят облаву. Я вижу, ты не можешь скакать с загонщиками — но слышала, ты неплохо стреляешь и не боишься встретить зверя на копье.

— О, длинный нолдорский язык, — проворчал Берен, обнаружив вдруг, что скучает по Айренару, накануне покинувшему Феннен вместе с остальными спасёнными с Тол-и-Нгаурхот. Они уехали на юг, в тайное место, известное как Бар-эн-Бейрдд, Дом Бардов, где эльфийские чародеи исцеляли раны душ и тел. Айренар чем-то был ему сродни — то ли склонностью к мрачноватым шуткам, то ли тайными ранами и сомнениями, рассекающими душу надвое. С ним можно было бы сейчас переброситься словечком-другим, а можно было бы вообще не говорить — и все понять...

Нимрос отправился туда за ним с разрешения эльфов и Берена, ибо хотел узнать, как они лечат раны, наносимые Морготом душе воплощённого. Берен спросил у Эленхильд — можно ли и ему поискать исцеления в этих покоях. Женщина-бард, улыбаясь, ответила, что с ним здесь остаётся лучший лекарь, какого можно найти по эту сторону моря.

Это была правда, и Берен никак не смог бы объяснить этой нолдэ, почему ему нужно покинуть Феннен. Большею частью оттого, что сам себе не мог этого объяснить.

Леди Галадриэль терпеливо ждала его ответа.

— Конечно, я пойду, — сказал Берен. — Не все же мне сидеть у ног Тинувиэль, наподобие Хуана, отличаясь от него лишь тем, что я могу расплетать пряжу, а он — нет.

— Тогда завтра утром, — Галадриэль поднялась, — Мы ждем тебя конного.

Она обернулась, чтобы уйти, но Берен окликнул ее:

— Aranel!

— Да? — остановилась она.

— Высокая... — Берен опустил голову. — Не хочу снова задеть тебя, но... Не тяжело ли тебе видеть меня и говорить со мной? Вот что я хотел сказать, невольно оскорбив твоё гостеприимство.

— Порой тяжело, — кивнула Галадриэль. — Но чаще мне приятно тебя видеть и говорить с тобой. Поначалу я позвала тебя в гости ради памяти брата, ради Лютиэн и ради милосердия. Но теперь ты просто нравишься мне, сын Барахира. И даже если при виде тебя

память о брате пронзает мое сердце — ты же и успокаиваешь эту боль. И в смерти Финрода я тебя не виню, — прибавила Галадриэль. — Многие винят, но это лишь потому, что они не знали Инглора. Он искал нездешнего. Остановить его было не проще, чем поймать рукой стрелу в полете — так сказал Ородрет.

— Порой... вот сейчас... ты так похожа на него, — тихо сказал Берен, — что вид твой тоже ранит мое сердце... Но, как ты сама сказала — он же и врачует рану... Я приду завтра, королевна.

Он поклонился, повернулся и пошел прочь, а Галадриэль еще какое-то время стояла, глядя вслед.

— О, если бы ты сам знал, как похож на него, — тихо сказала она. — Если бы ты видел это... Он словно поселился в тебе чудесным образом и смотрит на меня твоими глазами, все такими же ясными и вопрошающими о чем-то превыше меня... О, Берен, сын Барахира, ты сам сейчас — стрела на дуге лука, и коротким будет твой полет. Куда ты метишь и кого сразишь? Где стрелок, пославший тебя? Увы, я не спрошу его, ибо мне живой не проникнуть за стены чертогов Мандоса... О, Лютиэн, несчастная — ты не смертного полюбила, ты полюбила самое смерть...

...Поздно вечером они вернулись с охоты, везя на седлах волчьи шкуры. Берен был расстроен, даже мрачен.

— Что с тобой? — спросила Лютиэн его ночью в постели.

— Они... оберегали меня, — ответил Берен. — Так и не подпустили ко мне ни одного волка.

— Тебя унизила забота?

— Нет... Просто руки чесались: волков я не терплю. Где вижу, там и режу.

— Ах, вот оно что.

Берен не понял, о чем был этот вздох.

— Некогда мне было предсказано, что убьет меня волк, — прошептал он, крепко прижимая Лютиэн к себе. — Теперь я думаю — что это? Старая ведьма промахнулась, рассматривая в углях мою судьбу? Или Финрод встал между мной и судьбой?

— Я не знаю, — снова вздохнула Лютиэн.

В эти дни он много говорил — и днями, сидя в женской комнате, распутывая пряжу для нее или вертя дырки в заготовках для кожаного доспеха. Она ткала или шила — ей хотелось одеть его с ног до головы, и одеть как князя, — а он рассказывал ей о том, как провел этот год, обо всех странствиях, опасностях, победах и потерях... Ночами он тоже рассказывал — такое, чего нельзя было рассказать при чужих и при свете дня. Она ожидала еще одного тяжелого и долгого рассказа, но вместо этого он сделал то, чего она уже и ждать перестала: снял с нее рубашку.

— Пусть судьба убирается ко всем раугам. Пусть день думает о своих заботах, а сейчас ночь, — он разделся сам. Волновался он ничуть не меньше, чем тогда, в их первое утро на поляне у ее лесного дома — даже руки его сейчас были горячими. Это и смешило ее немного, и наполняло нежностью. Не испытывай он этого трепета перед ней — был бы рабом своей страсти, властным и даже жестоким. Лютиэн видела его однажды таким, каким он был во власти своих страстей: там, на поляне, где он разделался с феанорингами. Но сейчас, с ней — он был как ребенок, который боится спугнуть птичку, что залетела в его комнату и села на подоконник. Или даже — как эта птичка. Он становился беззащитней младенца, совлекая не только одежды, но и тот незримый панцирь, что носил под ними,

отрекаясь даже от собственной воли. Это давало ей власть, которая была бы страшной, вздумай Лютиэн ею пользоваться. Но она не собиралась, потому что любовь — это встречное самоотречение.

И они сошлись, соприкоснулись как две открытые ладони, как земля и небо, как жизнь и смерть сходятся воедино, сливаясь в единое целое, но не смешиваясь; когда каждый становится иным, оставаясь собой — чудо, которому за долгие века эльдар не нашли объяснения. Когда покорность дает власть и силу, когда нежность разит наповал, когда каждое "я" растворяется в единственном «ты» и утверждает его превыше могуществ Арды.

И когда эти два «ты» снова расходятся в темноте, и лишь тела соприкасаются в последней ласке, наступает долгое мгновение покоя.

— Каждый раз, — прошептал Берен, и его дыхание обожгло ей шею, — я дивлюсь тому, как я посмел.

— Что же делается с храбрым рыцарем, когда он оказывается один на один с женой? Неужели она страшнее Саурона?

— Нет, — он перевернулся на спину, перевернув ее вместе с собой. — Но к ней нельзя подходить ни силой, ни хитростью, ни с оружием, ни с подкупом, ее не взять ни доблестью, ни подлостью — вот и думай тут, как быть...

— А храбрый рыцарь не умеет иначе?

Улыбка Берена стала печальной.

— Я знавал одного эльфа, который изыскал семь способов летать по небу. Но пришел его срок — и он отлетел так, как ему велела судьба, а не так, как сам хотел. Вот и я вроде него, — Берен выдохнул. — В конце концов думаешь — будь, что будет — и ложишься в чью-то ладонь.

— ...И тот, в чью руку ты лег, обнаруживает себя сжимающим рукоять меча — и что ему делать с мечом?

— Разве меч может знать, что нужно с ним делать? Разве он может сказать?

— Помнится, ты разговаривал со своим мечом.

— Это был Дагмор... Мой новый меч — меч Келегорма; он молчит.

Берен положил руку Лютиэн себе на грудь и прижал ладонью сверху.

— Больше всего на свете я хочу забыть обо всем... Выпросить у леди Галадриэль немного земли, сделаться ее вассалом, построить дом и жить с тобой... Сеять хлеб, пасти овец и растить детей...

— Ты знаешь: что бы ты ни решил, я последую за тобой. Если ты хочешь прожить жизнь в уединении, со мной и нашими детьми — значит, такова и моя воля.

— О, да... Я могу пойти против воли всех королей Средиземья — но что я сделаю с тобой, когда ты ложишься мне в руку?

— А я — тоже меч?

— По-моему, да. И очень острый.

— Никогда о себе так не думала.

Прижав ее голову к своему плечу, он гладил ее волосы, пока она не уснула. Потом и сам забылся — коротким сном, который прервал рассветный холод.

Берен выбрался из-под одеяла, поежился и влез в нижнее платье. Для прогулки на задний двор сошло бы, но Берен, направившись к дверям, остановился на середине комнаты, вернулся к лавке, где была разложена его одежда и надел ее всю — и верхнюю рубаху, и эльфийский полукафтан без застежек, подпоясался и плащ перебросил через руку. Вышел за

двери и встретил изумленный взгляд Хуана.

— Береги ее, — тихо сказал Берен.

Пес поднялся со своей лежанки, подошел к человеку и, легко подпрыгнув передними лапами, положил их Берену на плечи так, что головы оказались вровень. Золотые глаза смотрели с укоризной.

— Я не могу иначе, пес богов. Я, как и ты, не выбираю, подчиняться или нет, а выбираю только — кому.

Хуан отпустил плечи Берена, сунул свою башку ему под руку для прощальной ласки и тихо вошел в спальню, лег, свернувшись у изножия кровати.

Берен вздохнул и закрыл дверь. Спустился в оружейную палату и снял со стены меч — длинный, узкий клинок с восьмиконечной алмазной звездой и золотыми языками пламени в перекрестии гарды — тот, что подлинней и потяжелей. Феанор ковал его для более высокого Келегорма, и Берен выбрал его себе, потому что привык к более тяжелым клинкам.

— У тебя все еще нет имени, — сказал он, сжимая тисненые ножны. — А я так и не придумал, какое бы тебе подошло...

Он вспомнил, как горело закатное солнце на этом лезвии, когда Келегорм хотел поразить его в лицо, и усмехнулся.

— Нарсил, вот как я буду тебя звать.

Он перепоясался этим мечом, пошел на кухню; ему было мало нужно, так — краюха вчерашнего хлеба на утро, да кружка воды. В Доме Княгини он думал подготовиться к дороге по-настоящему. Вышел из кухни через задний ход, прогулялся по обычному утреннему делу и пошел в конюшню.

Оба коня были там — высокие, длинноногие жеребцы, оба смешанной породы, как и Митринор, но с большей примесью валинорской крови. Берен взнуздal и оседлал того, что был потемнее, вывел из стойла и, повернувшись к выходу, увидел в дверях высокого эльфа.

— Лорд Келеборн, — человек слегка поклонился.

— Судя по мечу, ты собрался не на прогулку, — эльф вошел в конюшню и оперся о столб перегородки между денниками.

— Сегодня ночью, лорд Келеборн, я понял, что не могу здесь оставаться. Это место искушает меня своим покоем, еще несколько дней — и, кажется, я никогда не смогу ни на что решиться.

— А на что именно ты решился?

— Я должен принести государю Тинголу его свадебный выкуп.

— Если ты отправляешься на честное дело — почему уходишь тайно?

— Потому что прощания тяжело мне даются. Я оставляю свою кожу и плоть, как на железе в мороз.

— Что ж, иди... Скажешь ли ты мне какие-нибудь слова, которые я мог бы передать... тем, кого ты покидаешь?

Берен немного подумал, опустив голову.

— Нет, — сказал он наконец. — Соловушка я все сказал, что был должен, твоей леди — тоже... Благодарю тебя, лорд Келеборн.

— Тогда прощай, — коротко кивнул эльф. — Или мы опять не в последний раз видимся?

— Я надеюсь, — Берен вывел коня на двор и вскочил в седло.

Дортонионский тракт, заброшенный за десять лет войны, оживал. Покинув владения леди Галадриэль, Берен добрался до поселения горцев в Бретиле и, прибыв в имение Брегора, застал того в сборах. С новоявленной дочкой у него как будто все складывалось хорошо — ее дерзость не была старику в новинку, потому что потерянные сыновья покорностью не отличались, но и старик был кремень. Даэйрет, похоже, боялась его, но не очень. Теперь она была одета как горянка — в длинное нижнее платье из некрашеного льна и цветное верхнее, из дорогой тонкой шерсти. Берен с легким удивлением вдруг понял, что девчонка-то хороша собой. Совсем не то, конечно, что Морвен, которую звали Эльфийкой, так она была стройна и белолика. Даэйрет больше походила на Риан, после родов такие женщины обычно становятся толстушками. Но как раз против толстушек беоринги ничего не имели. Особенно против сероглазых чернобровых толстушек с тонкой кожей и красивыми округлыми губами.

Брегор купил своей названной дочери также маленькие серьги со вставленными гранатами — и Берен, похвалив их, с запозданием сообразил, что они куплены под гранатовую серьгу, подаренную Руско Айменелом: теперь Даэйрет носила ее подвеской на груди. Оба они мгновение-другое молчали об одном и том же, а потом глаза девчонки снова оказались на мокром месте, и Берен, обняв ее, прижал к себе, чтобы она могла незаметно утереть слезы и чтобы не заметила, как у него самого дрожат ресницы.

Подумав немного, он решил все-таки не присоединяться к Мар-Рогану: обоз, возглавляемый одноногим стариком и беременной женщиной, двигался бы еще медленнее, чем даже он со своей простреленной дыхалкой. Но каждый день, двигаясь на север, в сторону Тол-Сирион, Берен натыкался на два-три обоза и ночевал на их стоянках. Его узнавали: теперь он открыто носил свои цвета и перстень Барахира, а уцелевшие Бретильские Драконы уже успели распустить слух о том, что князь от невзгод поседел до времени.

На второй день пути он пожалел, что забыл в доме Галадриэль волчью шкуру, которую носил. Днем холод больше не беспокоил его, не было необходимости кутаться в плащ. Он мерз только по ночам — как и все люди.

Перед тем как покинуть Бретиль, он совершил возжигание на могиле Эмельдир. Потом останавливался на Сухой Речке, где были похоронены погибшие в злосчастной ночной схватке Бретильские Драконы и эльфы, и почтил огнем дух Руско. Поблизости была еще одна поляна могил — там умерли от яда те, кто был ранен в ту ночь. А когда впереди вырос из воды Тол-Сирион, Берен вздохнул и сказал в голос на пустой дороге:

— Весь мой путь — от могилы к могиле.

Но на этот раз он переправился к кургану не для того, чтобы требовать у богов ответа, а для того, чтобы дать им свой ответ.

Он побродил по берегу и нашел там много мелкого сухого плавника. Паводок спал, Сирион был теперь мельче и спокойней. Берен поднялся на курган, разложил кострище поверх старой золы и сел точить нож, чтобы сделать то, что собрался, быстро, не позоря

долгим ковырянием и себя, и Финрода, в память которого это делалось. Заточив нож, он попробовал его на руке, срезав, как бритвой, несколько волосков, и остался доволен. Дождался заката, кресалом высек искру и, раздув тлеющий трут, зажег поминальный костерок. Когда веселый огонь окреп и охватил самые толстые ветки, Берен поднялся и встал над костром во весь рост, с ножом в руках.

Однажды он уже клялся похожим образом — своей кровью; но боги не приняли той жертвы и той клятвы: из подвала Тол-и-гаурот он вышел живым, да еще таким образом, что вмешательство богов было явным. Он не смог посвятить им свою смерть, они не захотели — но теперь он собирался посвятить свою жизнь... им? Или Отцу богов и людей?

Это была новая мысль, очень странная. Нолдор говорили, что люди, скорее всего, не в воле Валар, но среди самих людей считалось, что взывать к Отцу через головы Могуществ — непочтение, которое может навлечь беду на человека, на его племя, на весь род людской. Но месяц назад на этом холме Берен понял, что Валар не помогут ему в его деле. И не потому что не желают, а потому что это превыше их сил. Если бы речь шла всего лишь о том, чтоб добыть Сильмарилл ради руки Лютинэн...

Если бы речь шла всего лишь об этом — то Сильмарилл можно было бы и не добывать. Можно было бы уйти в лес — во владениях Галадриэль или на Восток, к нандор, поселиться в виду гор, которые он так любил, в уединении и мире... Сделать так, как он сказал — построить дом, пасти овец... Только ради того, чтобы получить руку Лютинэн, не было смысла идти в самое сердце тьмы, потому что ее рука уже была в его руке, она уже лежала в его объятиях... Как бы это ни было прекрасно — это не стоило крови людей Дортониона и Хитлума, эльфов Барад-Эйтель и Нарготронда... Крови Финрода...

Но если даже Могущества Арды, которые настолько сильны, что люди зовут их богами, бессильны ему помочь в его тяжбе с Морготом — то кто в силах?

Он расстегнул заколку на волосах и бросил ее в сторону — теперь она была не нужна. Собрал волосы в пучок на затылке и резанул ножом. Как ни остер был нож, а с одного маха отрезать серую гриву не получилось — и Берен, морщась, провел лезвием еще несколько раз.

Свободные люди носили волосы длинными, и лишь два случая могли заставить их остричься, уравнившись по виду с рабами: глубокая жалоба о ком-то, любимом больше жизни, и нерушимый обет, который человек приносит и держит до тех пор, пока не исполнит. В каком-то смысле такой человек и есть раб: раб своей клятвы... В таких случаях обычно брали свидетелей, которые подтвердили бы, что человек остригся ради обета.

Берен не нуждался в свидетелях — ему было все равно, какие пойдут пересуды.

— Я не знаю, слышишь ли Ты меня сейчас. Не знаю, какими словами взывать к Тебе и какие приносить жертвы. Мудрые говорят, что наши жертвы не нужны и Силам, которых ты поставил над нами — они не едят мяса животных, не пьют крови с вином и не вдыхают дым сожжения. Тем паче, наверное, Ты, Своим словом давший всему существу жизнь. Чем я мог бы пожертвовать? Что у меня есть такое, чем Ты не владеешь? Только сам я, и то лишь потому, что Ты дал мне свободу, как вольноотпущеннику.

Он бросил отрезанные волосы в костер, и пламя на миг взметнулось так, что ему пришлось отступить, прикрыв лицо рукой.

— Моя свобода обернулась моим пленом, — продолжал он. — Кто-то ни за грош купил меня и всех нас. Разве Ты для того отпустил нас, чтобы мы умерли? Разве так Отец поступает с детьми? Кем бы ни был мой нынешний хозяин — я отрекаюсь от него, бегу от него. Мудрые людей обязаны предоставить беглому рабу убежище — неужели Ты более

жесток? Я не верю в это, а если я ошибаюсь, если ошибался Финрод — то лучше мне умереть. Иные скажут, что я совершаю здесь святотатство. Что боги обидятся на того, кто обращается к Королю через голову князя, которого король поставил. Хотя сам я не обиделся бы на вассала, обратившегося к государю Финроду тогда, когда я оказался бы бессилён в его деле. Если они объявили мне, что не могут помочь — на что же им обижаться? И не праведней ли они меня? Но если то, что я делаю, и впрямь святотатство, — то я не хочу, чтобы за мою гордыню боги покарали мой народ. Я умираю для него, я покидаю его — Дортонион больше не моя земля, и я не её князь. Я вернусь туда лишь для того, чтобы объявить об этом. Мне скажут, что я решился на безумие, превышающее все мои безумия вместе взятые. Может, оно и так. Но не большее ли безумие жить и знать, что умрешь, и попадешь в то сумеречное место без дна и края, и некому будет расцечь землю мечом, чтобы открыть то место и томящихся в нем вывести на свет? Я боюсь. Я хотел бы поступить иначе, я пытался... Но что-то жжет мое сердце и гонит вперед. Я иду, и я не сверну с пути. Моя жизнь в Твоих руках. Я ни на что не полагаюсь, и на себя тоже, подобно человеку, что поставил свою голову на кон в игре жребиев: если потеряю, то все и сразу. Я сказал.

Он отступил от костра еще на шаг, и вдруг что-то, подобное мягкому безболезненному удару, обрушилось на него — так сбивает с ног маленькая лавина. Костер погас единым духом, словно сверху его прихлопнули великанской темной ладонью — только звезды, белые и немые, сияли по-прежнему ярко. Берен лежал, прижатый к траве незнакомым прикосновением — и понимал, что, хотя оно и тяжело, все же оно нежно, это почти ласка. Удар этой длани уничтожил бы его с телом и душой, а касание наполняло каким-то странным блаженством, которое было почти мукой. Все звуки умерли на миг, растянувшийся в часы — и река, и трава онемели, само дыхание замерло в груди Берена.

И когда невидимая рука отпустила его, он испытал разом и горе, и такое облегчение, что закрыл глаза и уснул на месте, не спускаясь к подножию кургана, где остался его конь.

Утром, проснувшись, он бы не поверил, что происшедшее с ним не сон — если бы не обрезанные волосы и не нож, все еще зажатый в руке.

* * *

Тарганнат Беорвейн — Великое Собрание народа Беора. Со времени Беора Старого его собирали только трижды — при Беоре, когда делили между родами дарованные Финродом земли, при Боромире, когда приняли единый закон для всего народа, Правду Беора, и утвердили порядок установления аксаниров, знатоков закона и обычая, и при Брегоре, когда разрушили алтари темных богов.

Сейчас тоже было необходимо собрать этот великий тинг — потому что многие замки осиротели из-за гибели или предательства их хозяев, и многие так проявили себя в боях, что оказались достойны замка и земли...

А еще, думал Берен, Тарганнат Беорвейн должен будет избрать князя... Но заикнуться об этом до того как сход начнется, он не решался.

Минуло две недели, пока гонцы добрались до всех коненов и данов — и тех, кто жил в Дортонионе и тех, кто отселился в Бретиль и на гору Химринг; потом еще две недели —

пока они собирались на тинг, и еще две недели — пока добирались все те, без кого Собрание нельзя было начать.

Берен с дружиной Роуэна и со своими Бретильскими Драконами, которых от полутора тысяч осталось шестьдесят человек (остальные или погибли, или разошлись по своим деревням) жил все это время в уцелевшей башне Каргонда — когда не мотался по горам, исполняя свои княжеские обязанности. В первые же дни после очищения Дортониона от орков и северян пришлось наводить порядок среди бондов и данов: саурановы управители переделали землю и перенесли межевые знаки, уничтожив все старые записи — так что кое-кто попытался под шумок оттяпать у соседа клинышек земли, и кое-где из-за этого дошло до смертоубийства. Берен еще и сапог не успел снять с дороги, как обязанности верховного судьи навалились на него, как псы на медведя. Пока его не было, всем этим занимался Роуэн, совсем несведущий в законах, и через месяц такой жизни он уже волком выл, и дожидаться не мог Берена.

Питалось их малое войско тем, что доставляли из Химлада, и Берену это весьма и весьма не нравилось, потому что получалось — он у феанорингов в долгу. Видимо, Маэдрос посчитал, что Келегорм и Куруфин получили поделом, потому что единственный из семерых братьев, лорд Амрод, встретившись с Береном, ни слова не сказал ему о той стычке, лишь спросил — чем сыновья Феанора могут помочь?

Этот невысокий для нолдо, темно-рыжий эльф был загадкой для Берена. Будучи в Химладе, он почти не успел узнать Амрода, и теперь жалел об этом. Он знал, что Маэдрос и Маглор на его стороне — пока он не коснулся Сильмарилла — и знал, что Карантир готов убить его уже за одно высказанное вслух намерение завладеть Камнем, а Келегорм и Куруфин — еще и за другое. Но чью руку держит этот замкнутый эльф с волосами цвета старой бронзы — он не мог понять, и никакие осторожные расспросы ему не помогали. Со слов Роуэна он знал, что близнецы тянутся к старшим, а не к средним братьям, и больше к Маглору, чем к Маэдросу, но что думает сам Амрод обо всем этом деле — он так и не узнал. О сокрытии своих мыслей сын Феанора заботился так же тщательно, как и о точной передаче воли старшего брата и лорда.

Эльфы Химлада очистили Лотланн и собирались восстанавливать Рубеж Маэдроса, и вроде бы на земли Дортониона не посягали — но от Нарготронда не было сейчас никакой помощи, а от Химринга была; лорд Амрод даже предложил прислать мастеров для восстановления Каргонда, и готов был заплатить тем людям, кто после полевой работы пришел бы строить замок. Берен отказался от этой помощи, из-за этого и вышла первая ссора между ним и Гортоном. Узнав о том, что лорд Амрод предложил помощь, а Берен не принял, старик вспылил. Глупо отвергать сыновей Феанора сейчас, когда от них так много зависит! На что Берен содержит дружину сейчас? На что он будет содержать ее еще целый год — ведь урожай и приплода этого года людям еле-еле хватит прокормиться? Сколько замков еще нужно восстановить! Наладить работу рудников и торговлю с гномами — где Берен собирается брать работников? И чем расплачиваться с ними?

— Но мы не можем зависеть от феанорингов, — спокойно возразил Берен. — Да, мы были в союзе, но сейчас государь Ородрет не желает иметь с ними ничего общего, никаких дел. И если мы что-то затеем с ними, он будет в своем праве лишить нас этой земли.

— Тогда почему сам он нам не поможет? Ярн, когда ты поедешь в Нарготронд принести ему беор — сделай так, чтобы зерно и железо поступали к нам оттуда, тогда мы сможем порвать с Химрингом — хотя мне и не по сердцу порывать с лордом Маэдросом, который

был ко мне так добр...

— Гортон, — тихо произнес Берен. — Я не принесу ленной присяги королю Ородрету...

— А кому? — опешил Гортон. — Лорду Маэдросу?

— Нет, и не ему...

— Ярн! Если ты о том, чтобы выйти из повиновения у Ородрета и перейти под руку государя Фингона — то и сам Фингон этого не одобрит...

— Нет, Гортон, нет... Финрод был моим королем... И у меня не будет другого короля, кроме Финрода.

— Это как же понимать, ярн? — Фарамир изумленно распахнул глаз, потом прищурил его, словно пытался найти в лице Берена какую-то мелкую черточку, которая объяснила бы ему все. — Финрод мертв. Я понимаю, ты скорбишь, но нельзя же думать все только о нем! В твоих руках — беор, и ты должен принести его наследнику Короля Финрода!

— Гортон... Скажи, Гортон, ты предложил бы мне другого отца взамен Барахира?

Гортон не нашелся, что ответить — вышел вон и хлопнул дверью.

Молчаливым он никогда не был и всегда говорил что думал — видно, слухи о словах Берена дошли и до сыновей Феанора. Берен все силился понять, что же ими движет. Чтобы они хотели наложить лапу на Дортонион — было непохоже, они все-таки вели себя честно, и до такого беззакония все же не дошли бы; но Берен понимал и то, что на месте Маэдроса он очень хотел бы быть совершенно уверенным в преданности вчерашнего союзника. Слишком важное положение занимает Дортонион, чтобы та или другая сторона могла исключить его из своих замыслов. Единственным, кто по-настоящему устранился, был, кажется, один Ородрет.

Таким образом, на Тарганнат Беорвейн собрались люди, в большинстве своем уже сложившие мнение о том, что происходит. И даже те из них, кто готов был начать тяжбу из-за земли, скота или чего-либо еще, более всего волновались из-за того, что Берен все откладывал и откладывал на потом: кому принести беор и у кого просить помощи. А Берен не мог открыть ничего прежде, чем развяжется с менее важными, но не менее насущными делами: спорами из-за земли, из-за замков и скота.

И три недели шумело Собрание, обсуждая эти дела. Долина под замком Каргонд вся была покрыта палатками и шалашами, и мужи Дортониона собирались с раннего утра и расходились только после заката.

Первым делом распределили замки, и это было нелегко, так как мало осталось тех, чьи права на замок были бесспорны. Потом Берен решил споры из-за земли, и сделал это очень просто: объявил, что щитовой сбор отныне будет взиматься по тому, у кого сколько земли; охотники прирезать себе лишнего пропали мигом. Потом появились еще важные дела. И еще. И Берен понял, что его замысел — объявить о своем решении в самом конце, когда трудности с землей и владениями будут разрешены — никуда не годился. Каждое дело, закончившись, сменялось другим, не менее важным. Ссорились между собой бретильские горцы, горцы с Химринга и те, кто пережил рабство. Первые держали руку Ородрета, вторые — сыновей Феанора, третьи стояли за то, чтобы оставаться сами по себе, но их слушали мало, потому что полагали трусами. То и дело где-то вспыхивали ссоры, и лишь запрет приходить в Собрание с оружием предотвращал убийства. Половина времени уходила на то, чтобы примирять враждующих, и Берена это бесило. Брегор и Гортон смотрели друг на друга волками, и это разрывало ему сердце надвое. Барды с Химринга, такие как Белвин дин-

Броган, то и дело оспаривали решения законников из Бретиля, таких как Фритур Мар-Кейрн, и это замедляло все дела. Порой спор доходил до такой ругани, что ему хотелось соскочить со своего высокого кресла и привести спорщиков в чувство затрещинами, не разбирая ни возраста, ни рода.

В разгар одной из таких ссор как раз и приехал лорд Маглор.

Права голоса в совете беорингов он не имел — разве что с разрешения князя — да и не затем приехал, чтобы говорить в Совете. Он желал поговорить с Береном один на один, и Берен не без тайного удовольствия покинул совет для этой беседы, ибо сам чувствовал ее важность.

Они уединились в той комнате, которая прежде была дружинной комнатой рыцарей Аст-Ахэ, а теперь — чем-то вроде зала для малого совета, где Берен говорил с ближайшим своим кругом — Гортоном, Роуэном, Брегором, Белвином, Фритуром и Мэрдиганом. Он кликнул служанку и велел подать гостю эль, хлеб и холодное мясо. То, что Маглор с дороги не пожелал отдохнуть и омыться прежде чем перейти к делу, говорило о многом.

— До нас дошли разные слухи, — сказал он, когда Берен отослал служанку. — И я прибыл сюда, чтобы развеять подозрения моего брата, лорда Маэдроса.

— Я готов на многое для лорда Маэдроса, потому что его помощь была неоценимой, — кивнул Берен. — Спрашивай, Златокователь.

— Говорили, что ты срезал волосы, приняв какой-то обет, а еще говорили, что это — обет мести нашим братьям, Келегорму и Куруфину. Правда ли это?

— Нет, — Берен вздохнул облегченно. — Можешь успокоить лорда Маэдроса: я не стану взыскивать с них за свою рану.

— И тем не менее ты был ранен, — сказал Маглор. — Ранен тяжело. И Маэдрос считает нужным уплатить тебе виру за твое ранение.

Маглор снял с пояса кошель, который оттягивал ему ремень ничуть не меньше чем меч.

— Здесь сто гривен серебра, — сказал он. — Этих денег тебе хватит... на многое. Например, на восстановление Каргонда. Или на содержание дружины в течение года. Или — на что ты сам пожелаешь. Ородрет ничего не сможет сказать — ведь ты получил лишь то, что причитается тебе по праву.

Ах, вот оно что, — подумал Берен. И решительно отодвинул от себя кошель.

— Благодарю, лорд Маглор, но своим прощением я не торгую. Если я сказал, что не буду искать мести — значит, не буду. Таково мое решение.

Маглор потер ладонью лоб.

— Брат мой просил меня узнать — по-прежнему ли мы с тобой в союзе, лорд Берен, — тихо сказал он. — И если да — то как быть с решением Ородрета держаться в стороне от союза?

— Среди детей Финарфина нет глупцов, — так же негромко ответил Берен. — Ородрет понимает, что если мы пойдем войной на Моргота, то придется опираться на Дортонион и именно здесь собирать войска. Если на нас пойдет войной Моргот, мимо Дортониона он пройти не сможет. Но если Дортонион вступит в Союз, королевская власть Ородрета не защитит его

— Дортонион — одно дело, — качнул головой Маглор. — Ты — другое...

Берен отбил пальцами на столе ритм хэтты, которую он танцевал на могиле Болдога...

Рано или поздно надо решаться, подумал он. К чему тянуть, ведь попытка закончить все дела прежде чем уйти, провалилась... А сколько дел оставил незаконченными, уходя,

Финрод? — подумалось вдруг. Ведь Берен никогда, ни разу об этом его не спросил... Он вспомнил мраморную статую пробуждающейся Перворожденной и сказал:

— Лорд Маглор, ответ на этот вопрос ты сейчас получишь, если последуешь за мной в Собрание.

— Берен, — Маглор удержал его, когда он захотел подняться. — Не спеши и подумай еще раз. Дочь Тингола ради тебя покинула Дориат — зачем тебе теперь свадебный дар? Мы признаем ваш брак.

Берен молча смотрел на него, пока Маглор не отвел глаза.

— Я не собираюсь спорить с тобой. Я жду лишь твоего ответа — что будешь делать ты по поводу Сильмарилла.

— Лорд Маглор, ты услышишь мой ответ в Собрании. Ничего другого я сказать тебе сейчас не могу.

— Тогда идем! — Маглор встал.

— Забери свой кошель.

Маглор скривил губы, но ничего не сказал, забрал серебро и снова привесил к поясу.

Вместе они вышли на воздух, в забитый людьми двор Каргонда Берен с поклоном указал Маглору на почетное место справа от себя — кто-то из младших коненов уступил сиденье. При их появлении разговоры стихли, но Берен подошел к медному кольцу, висящему на крыльце, чтоб бить в набат, и ударил по нему медным прутом, обозначая, что будет говорить.

— Мужи Дортониона, — сказал он, обведя всех взглядом. — Я долго не решался сказать вам то, что собираюсь сказать сейчас, но, видно правы те, кто не велит оглядываться, ступив на дорогу. Слишком много узлов, что я пытался развязать, завязаны на мне самом, и что же мне делать? Вы все знаете о том, что я обещал королю Тинголу. Среди вас много таких, кто полагает, что я намерен исполнить обещание, в союзе с сыновьями Феанора и Государем Фингоном войдя в ворота Ангбанда силой. Но после смерти государя Финрода мне было открыто, что исполнить обет таким образом я не смогу. Отказаться от него не смогу тоже. Поэтому, фэррим, я должен уйти. Я уйду на север, добывать Сильмарилл из короны Моргота. Больше месяца я обманывал себя, говоря в своем сердце, что прежде нужно завершить свои дела здесь, чтобы передать преемнику княжество, а не руину. Но... дела эти таковы — и вы сами не хуже меня видите, фэррим — что растянутся лет на десять. Поэтому я уйду, и, так как не надеюсь вернуться — то хочу предложить Тарганнат Беорвейн лорда Мар-Хардинга своим преемником.

В собрании было так тихо, что звон какой-то залетной пчелы слышен был по всему двору Каргонда. Но долго такое оцепенение не могло длиться.

— Ты не можешь так поступить, ярн, — выдохнул Гортон. Голос его был таким, словно у него пересохло в горле.

— Я не могу поступить иначе.

— Да почему же? — вскочил Роуэн. — Берен, или рассудок совсем изменил тебе? Куда ты пойдешь? Что ты будешь делать с Морготом? Вызовешь его на поединок, как Финголфин? Или станешь биться с ним на кулачки?

— Я не знаю, Роуэн.

— А не знаешь — так почему болтаешь пустое? Что проку нам в твоей смерти? И что проку тебе в этом походе, если королева уже не живет с отцом, и об этом знаем мы все? Что тебе до воли Тингола, пославшего тебя на смерть? Здесь — твой народ, и ты его князь, и

она будет нашей княгиней, когда ты приведешь ее сюда! Оглянись вокруг — к чему избирать смерть, когда можно избрать жизнь? Зачем тебе идти туда, если можно взять королеву в жены и вложить руки в руки Ородрета?

Берен подошел к нему совсем близко и стиснул его запястья.

— Роуэн, — прошептал он, — Роуэн! — простонал он. — Мы с тобой лежали у одних грудей и я пил молоко твоей матери. С этих лет мы были вместе, где я — там и ты. Твой отец воспитывал меня и учил ратному делу, и даже драли нас на одной лавке, за одни проказы. Если тебе я ничего не могу объяснить, то кому же смогу? Поймешь ли ты, что это значит больше моего брака или вассальной клятвы Ородрету, больше Дортониона и всего Белерианда?

— От своей гордыни ты совсем спятил, — сквозь зубы вытолкнул Роуэн и, выдернув свои руки из рук Берена, упал в свое кресло. — Мы так полагались на тебя, а ты переменчивей ветра.

— Ты не прав, князь, — Фритур встал со своего места, бросив беглый взгляд на Маглора. — Может быть, и высокие стремления движут тобой. Но есть то, что превышает стремлений — это долг и честь. Долгом и честью ты обязан служить народу Дортониона, народу Беора. На том держится закон и порядок, что народ обязан князю повиновением, а князь народу — службой и соблюдением его прав. Иначе это не повиновение, а рабство, и не народ, а сброд. Иначе это не правление, а тирания, не князь, а угнетатель. Ты был прав — на тебе завязано много узлов, через тебя имеют силу законы, твоя власть хранит порядок силой твоей дружины и защищает границы от врагов. Не эта власть существует ради тебя и твоего удовольствия, а ты — ради нее и блага народа. Что было тебе открыто после смерти Финрода? Кем открыто? — я не знаю. Но всю свою жизнь я служу Намо и не ищу избавления от этой службы, как бы она ни была тяжела. Ты князь, ты несешь на челе печать Манвэ, хранителя законов, и ты не имеешь права бежать от своей службы, потому что око Манвэ настигнет тебя везде, хотя бы и во мраке подземелий Ангбанда. Каждый из нас в этом мире занимает свое место, и ты уже достаточно прогневил богов, вслух отрекаясь от своей службы. Смирись и услышь глас мудрости: сложи ленную присягу Ородрету, как твой отец Финроду. Женись на эльфийской королеве и введи ее в свой дом. Если ты этого не сделаешь, сыновья Феанора поневоле приберут эту землю к рукам — не могут они оставить ее без защиты. Ты этого хочешь? Лорд Мар-Хардинг держит их руку и слушается лорда Маэдроса больше, чем государя Ородрета.

— Что я хорошего видел от твоего Ородрета? — не выдержал Роуэн. — Он и своего замка-то не удержал!...

Старый спор был готов отправиться по десятому кругу, поэтому Берен снова схватил било и ударил по медному обручу с такой силой, что даже Маглор поморщился.

— Я выслушал и понял твои доводы, Фритур, и не собираюсь возобновлять ссору между вами, — сказал он, перекрывая нарастающий шумок толпы. — Ты говоришь, как князь ты обязан народу службой? Согласен. Но разве мало я послужил народу? Разве эта земля не полита и моей кровью? Среди вас есть те, кто бился в долине Хогг, при Бешеном Броде и даже при Кэллагане. Кто уличит меня в трусости? Кто скажет: вот, я видел Берена Беоринга бегущим с поля боя или побледневшим и опустившим меч перед лицом врага? Кто обвинит меня, глядя мне в лицо?

— Твою доблесть никто не оспаривает, — сказал Фритур. — Но князь не может поступать как поступаешь ты сейчас! Не может предать целый народ из-за клятвы, данной

одному эльфу!

— Но разве ты плохо расслышал меня, Фритур? Я не князь больше. Князь погиб в подвале Тол-и-Нгаурхот, зарыт в одной могиле со своим Королем. Вот цепь, которую Мар-Фрекарт снял с шеи последнего князя, Бреголаса, которую я вернул, сломав хребет предателю — я снимаю ее. Считайте князя погибшим и избирайте нового, по Правде Беора!

— Берен, — Маглору никто не давал слова, но никто не посмел прервать его, когда он заговорил. — Ты страшно ошибаешься. Мы четверо успели уже полюбить тебя, а теперь, когда тебе удалось то, о чем мы даже и не мечтали, мы почитаем тебя как никого из смертных, как мало кого из эльдар. Никому и никогда Маэдрос не предложил бы того, что тебе. Пусть знает весь народ Беора, старейшины которого собрались здесь — я приехал, чтобы предложить тебе, союзнику, Сильмарилл, когда мы возьмем Ангбанд!

Изумленное «Ах!» и «Эла!» из множества глоток наполнило двор после его слов. Мало кто расслышал тихие слова Берена:

— Мне уже предлагали Сильмарилл...

Маглор подождал, пока шум утихнет, поднял руку и продолжил:

— Это слишком большой дар, чтобы ты мог отвергнуть его так просто. Подумай еще немного, не позволяй своим чувствам решать за себя — поверь, такие решения дорого обходятся. Поверь хотя бы Финроду, если не нам. Подумай, даже если каким-то чудом ты осуществишь свое намерение — наша вражда перейдет и на тебя, и на Тингола, и на детей твоих. Я не хочу этого, не хочет Маэдрос и близнецы — но трое средних жаждут твоей крови, и мы уже не сможем защищать тебя больше. Даже сейчас, после того как ты всего лишь объявил о своем намерении — я не смогу защищать тебя, если они прискачут сюда за твоей головой. Пока еще не поздно, пока еще я смогу промолчать о том, что слышал.

— Да чего тут думать! — раздались крики. — Да славится вовеки великодушие лорда Маэдроса! Ярн, не будь дураком, не плюй в колодец!

— Благодарю за твое великодушие, лорд Маглор, — Берен поклонился без всякой насмешки. — Но есть слова, которые вырастают слишком большими, чтобы можно было загнать их обратно в рот. Я не понимаю, как вы можете отдать мне Сильмарилл, коль скоро поклялись именем Единого. И я дал свой обет — не тебе, лорд Маглор, а Тому, Кто больше тебя.

— О, что ты наделал... — Маглор опустил голову и его выдох был безмолвным рыданием. — Прости меня, Берен.

Берен невесело засмеялся, ибо что еще остается делать, когда убийца просит у жертвы прощения вперед?

«Но прежде вам придется прогуляться за мной до Ангбанда».

Маглор сошел с крыльца, ни на кого не глядя, принял повод коня из рук своего оруженосца и вскочил в седло, не скрещивая взглядов ни с кем из сотен людей, провожающих его глазами.

— Это все, — прохрипел Гортон. — Упрямец, глупец — теперь они вернутся за твоей головой!

— Они не посмеют, если только лорд Берен заручится поддержкой короля Ородрета и Государя Фингона! — возразил Брегор. — Очнись же, ярн — нет у тебя другого пути!

— Есть, — громко и спокойно сказал Берен.

Собрание взорвалось криком. «Безумие! Предательство! Фэйр!» — неслось отовсюду. Кровью Барахира и молоком Эмельдир заклинали его догнать Маглора и принести ему

извинение, пойти на мировую — либо же скакать к Ородрету и просить защиты. Берен взял медный прут и несколько раз хлобыстнул по набату — так, что у самого в ушах звенело после того как медь умолкла.

— Или вы еще не поняли, что я сказал? — спросил он. — Тут есть кто-нибудь, кто подведет мне коня?

— Радруин! — крикнул своему оруженосцу Роуэн, отняв руки от лица. — Подведи коня этому безумному и принеси с конюшни соли.

При упоминании о соли Берен вздрогнул. Он знал, что это означает. Радруин тоже знал, и поэтому замер в недоумении, глядя то на одного, то на другого.

— Иди, — кивнул Берен. — Доставь, что мы просим.

«Он думает, что я испугаюсь одной угрозы — и останусь с ними. Но ему придется пойти до конца. О, как же мне больно. Как же больно было Финроду...»

Радруин появился, одной рукой держа поводья эльфийского коня, другой — комкая тряпицу с завернутой солью. Берен взял у него и то и другое, ткнул соль в руки Роуэну.

— Делай что собирался.

— Берен, — тот сглотнул комок, в глазах у него стояли слезы. — Умоляю тебя, заклинаю всем, что для нас свято — подумай не только о себе. Финрод — покойник, а ты правишь живыми. Догони Феаноринга, чтобы взять все свои слова обратно, и правь нами как князь. Ты же знаешь цену крови — ужели наша ничего не стоит?

— Потому я и ухожу, Роуэн — если Феаноринги будут искать крови, то лишь моей.

— Ты не сможешь вернуться. Я прокляну тебя, если ты уйдешь. Не поступай так с нами.

— Делай что собираешься, Роуэн. Я ухожу во исполнение Древней Надежды. Угроза твоего проклятия ранит мое сердце, но ты меня знаешь: чтобы остановить, мало меня ранить: нужно убить.

Он обнял Роуэна и вскочил в седло.

— Так будь же ты проклят! — Роуэн разорвал тряпицу и бросил соль на то место, где Берен стоял только что. — Да не вырастет трава там, где ты стоял!

Слезы прокатились по его лицу и нырнули в бороду.

— Прощай, — сказал Берен и, развернув коня к воротам, послал его в галоп.

Он скакал до вечера, и уже затемно добрался туда, куда держал путь.

Замок Даллан почти не был разрушен — Берен подумал и об этом, когда дарил его Гили: ведь пятнадцатилетний парнишка не мог бы восстановить руины. Только некоторые пристройки были разобраны сверху — оркам требовались тесаные камни для метательных машин.

Берен спешился и несколько раз сильно стукнул в ворота. Прошло довольно много времени прежде чем в щелях промелькнул огонек свечи и девичий голосок спросил:

— Кто?

— Деверь, — громко сказал Берен. — Открывай, невестушка.

— Ой! — воскликнула Дазйрет и загрохотала замками.

Берен вошел в нижний покой — стойло, конюшню и двор с колодцем за раз, как и в большинстве горских замков. За спиной Дазйрет стояло трое — мужчина и мальчик с самострелами, явно отец и сын, и женщина, держащая в руках вилы.

— Тебя учили не выходить за черту стрельбы? — спросил Берен у Дазйрет, рукой делая знак мальчишке подойти и взять поводья. — Поясочек еще не тесноват?

Дазйрет фыркнула.

— Ты очень кстати приехал, мой князь — только-только у меня прошли тошноты, — отбрила она. — Брегор на этом вашем Собрании — зачем ты здесь?

— Что Брегор на Собрании, я и сам знаю, — сказал Берен. — Подай воды мне, женщина — с полудня во рту не было ни глотка. У коня, кстати, тоже...

Женщина отставила в сторону свои вилы и взялась за ведро колодца, мужчина разрядил свой и сына самострелы и начал закрывать ворота. Берен, дождавшись, пока ведро вытянут наверх, окунул в него голову, потом напился из горсти — и вылил воду коню в поилку.

— Идем наверх, — сказал он. — Я слюной исхожу, ожидая ужина, который моя невестка мне подаст.

Даэйретхватило терпения дождаться, пока он проглотит свою похлебку и только после этого спросить:

— Так что же все-таки случилось?

— Мне нужна твоя помощь.

— Моя?

— Разве беременные еще и глохнут? Да, твоя. Чему ты удивляешься?

— Да ничему особенно... Разве тому, что прежде ты скорее умер бы от жажды, чем попросил у меня глоток воды.

— Брось, даже деревья каждый год меняют листву, почему бы и мне не перемениться к тебе. А если без шуток — в таком деле, какое я задумал, мне не на кого, кроме тебя, положиться.

Берен рассказал ей обо всем, что произошло на Собрании, и чем дальше он рассказывал, тем шире раскрывались глаза Даэйрет, так что под конец он протянул через стол руку.

— Поймать их, когда выскочат, — объяснил он, и ее глаза снова сошлись в презрительные щелочки.

— Ты обезумел!

— О, боги! Если бы каждое слово о моем безумии превращалось в золотую песчинку, я был бы богаче гномьего короля. Я пришел просить тебя о помощи, а не слушать, что ты обо мне думаешь. Ты всю зиму мне рассказывала, кто я такой есть, верно?

— Берен... — что это у нее на глазах? Слезы? — Но... какой помощи тебе от меня нужно?

— Помоги мне собраться в дорогу. Два крепких меха с водой, шесть линтаров каждый. Двенадцать фунтов пищи — сушеные орехи и плоды; вяленое мясо. Потом, помнится, у тебя был плащик, который сняли с убитого рыцаря Аст-Ахэ. Он мне понадобится.

— Ты собрался пешком через Анфауглит?

— Да, и ты единственный на сорок лиг кругом человек, который не станет меня отговаривать, а позволит подохнуть спокойно. Я прав?

— Берен, ты не пройдешь! Ты не знаешь, что такое Анфауглит об эту пору! Восемьдесят лиг черного песка и пепла, и ни единая тучка за все лето не проходит над всем этим! Это не Эред Горгор и даже не Нан-Дургортэб! Зимой, весной ее еще можно пересечь — но не летом!

— И стало быть, летом сторожевых разъездов там нет?

Даэйрет упала лицом на руки, на стол, несколько раз ударив по столешнице кулачком:

— Почему вы все так стремитесь к смерти? Почему стоит мне кого-то... узнать... как он умирает?

— Только не говори, что жалеешь меня.

— Я? Тебя? — она поднялась. — Ни за что! Просто... ты... последний, кто меня знал...

Кто знает, что с нами всеми было... Больше ведь никого не осталось...

Берен понял, о чем она говорит. Так или иначе — но лишь они двое остались в живых из тех, кто зимовал в этом году в Каргонде. Кто знал Саурана как хозяина...

— Ты поможешь мне или будешь хлюпать носом? — спросил он.

— Помогу, — Даэйрет встала. — Постараюсь уладить все завтра, а сейчас, мой дорогой деверь — ложись спать.

— Что ты скажешь Брегору? — спросил он, остановившись в дверях.

— Ты ведь старший брат моего мужа, так? Я должна подчиняться...

* * *

Холмы здесь были черны и обнажены до каменных своих костей с одной стороны, а с другой — поросли густо низкой колючкой. Берен въехал на вершину самого высокого, расседлал коня, повесил ему на шею сумку с овсом. Вьюки глухо хлюпнули о землю — половина веса приходилась на два меха воды.

Последний рубеж.

Он положил седло на землю, сел. Сбросил куртку и диргол, расшнуровал ворот рубашки — Анфауглит дышала огнем. От подножия холма на север все было черно. Виднокрай плавился в сизом мареве, дрожали, сливаясь, небо и земля. Анфауглит. Берен помнил эту равнину иной — зеленая трава в пояс, а то и выше — когда он скакал верхом, соцветия стегали его сапоги, разлетаясь пылью. С севера катились тучи, прорезанные жилами синих молний и травы шли волнами, пригибаясь под тяжелым дождем — это было не страшно, после дождя они еще гуще вставали в рост. Ард-Гален, Зеленая Равнина.

Анфауглит. Корка спекшегося шлака, серый песок, больше похожий на пепел — таковы дела твои на этой земле, Моргот. Сколько бы ты ни трепал о своей любви к Арде — я вижу разницу, и волшебное зрение мне для этого не нужно.

Анфауглит... Считается, что сейчас, летом, в самое пекло, пересечь ее нельзя. Единственный путь — Кири'энн, как они говорят, «Дорога Колодцев» — или Менаксэ, дорога скелетов, как говорят в Хитлуме. Она охраняется. В остальных местах Анфауглит непроходима. Моргот надежно отгородился раскаленной черной плоскостью от эльфийских королевств — армия не выдержит такого перехода. Упорный и выносливый одиночка — выдержит. Восемьдесят лиг, двенадцать дней пешего пути — пешего, потому что конь не потянет... Дойти-то я дойду, хватит силы и злости. Что я буду делать там? Как я вернусь? Понятия не имею.

Следовало избавиться от княжеского платья. Берен быстро разделся до пояса, натянул рубашку, взятую в Даллане, затянул пояс, на рубашку, на грудь — внутрь, так, чтобы никто не увидел — пристегнул серебряный цветок нифредила. Надел чужую куртку, перебросил через плечо свернутый плащ. Какое-то время, сняв с пальца кольцо Фелагунда, думал, что же делать с ним — и надел снова. Завернул свои вещи в диргол, увязал в узел.

Солнце перевалило через зенит и пошло к закату. Теперь можно было идти — но Берен медлил. Внезапно важными стали всякие мелочи: что подумают, когда найдут его коня,

сбрую и одежду? Если решат, что он умер — не начнется ли смута? Не обвинят ли в этом феанорингов? Дойдет ли это до Люттиэн?

Какая разница. Пропасть не одолеть в два прыжка.

Берен снова сел на седло, лицом к северу. Черно-бурая равнина пошла золотыми отблесками. Небо из раскаленно-белого стало синим, и волновалось, и колыхалось как вода. Ветер дул в спину — сильный и ровный, поддувало безумного горна Анфауглит. Берен вынул из ножен меч, вонзил его в землю перед собой. Блеснула на солнце восьмилучевая звезда, вделанная в пересечение рукояти и гарды.

— Варда Элберет, — шепотом обратился он к звезде. — Я знаю, тебе ведома любовь. Когда Владыка Манвэ рядом с тобой, ты слышишь все, что происходит в Арде. Значит, слышишь и меня. Я — на границе Анфауглит, и собираюсь пересечь пустыню. Иду в Ангбанд, в самое логово Моргота, и мне страшно. Ты знаешь, я часто видел смерть на вершок от себя. Но только однажды шел прямо к ней, без надежды. Я знаю, каково это. Правда, это ничего не меняет, я все равно пойду. Сумел Финарато — сумею и я. Он не думал, что спасется, но шел, потому что верил в меня и в тебя, Элберет. Он стоял у меня за спиной — и я чувствовал себя сильным. Теперь я с судьбой один на один, и я слаб. Я так и не узнал, чего он хотел. Думал, что знаю, и ошибался. Теперь опять думаю, что знаю — а вдруг снова ошибаюсь? Пошли мне знак, если я делаю то, чего он хотел. Я не отступлю, клянусь, даже без знака. Я знаю, что меня ждет смерть, еще никто из людей ее не миновал, и дважды никто не умирал. Но знать, Элберет, хотя бы перед смертью — знать, что я не нарушил, а исполнил волю государя! Прошу тебя. Это важно.

Он взял меч, и, перед тем, как вложить его в ножны, прижался к звезде лбом. Этот меч знал свет Благословенного Края. Может быть, Варда видела эту звезду, даже держала меч в руках. Может быть — и скорее всего — его видел и Мелькор. Узнает ли? Впрочем, Берен отчего-то не сомневался: когда они с Морготом сойдутся лицом к лицу, это будет уже неважно. Он засунул меч в ножны, а ножны привязал на спину — походным порядком. Оседлал коня, приторочил к седлу торбу с овсом и выюк со своей одеждой, перебросил через плечо ремень котомки. Мехи с водой — длинные, наподобие колбасы — повесил на оба плеча и свел коня в поводу вниз, к подножию холма.

— Иди, лошадка, — сказал он, хлопнув серого по плечу. — Ты там не сдюжишь. Достанься хорошему человеку.

Конь тихо ржанул, сделал шаг к нему.

— Топай. Нечего тебе там делать. Там и мне делать нечего, но я должен, а ты — нет, так что давай.

Через тридцать шагов он оглянулся. Конь стоял на месте, понунив голову.

Берен натянул башлык на лоб, обернул лицо платком, так что наружу смотрели только глаза, и зашагал по выжженной земле.

Черная корка спекшейся глины впитывала солнечный жар — и отдавала его, кажется, втрое. Берен мигом вспотел, не успев сделать и сотни шагов. Вода зазывно плескалась в мехах, а сами мехи стали тяжелыми неимоверно.

Сто шагов — он перебрал одну бусинку. Всего их — мелких, шершавых сушеных рябининков — было сто и одна — деревянная пуговица. Он сам нанизал их для этого. Когда он доберет до пуговицы, значит, он прошел лигу. Если он не хочет остаться здесь, в этой пустыне — нужно делать не меньше семи с половиной лиг за один переход.

Когда-то это было просто легкой прогулкой — вскочить в седло и скакать полдня до

Драконьей Заставы, где вроде бы сто лет назад начинили стрелами морготова червя Глаурунга. Трава стлалась под копыта коню, либо же сухие высокие стебли трещали, роняя хлопья снега... Теперь под сапогами хрустел шлак, и даже сквозь подошвы земля обжигала. Берен оглянулся — позади колыхались и таяли предгорья Эмин-на-Тон. Справа и слева лежали холмы — бурые, безжизненные. Завершив дневной переход, он увидит, что осталось от Драконьей заставы.

...Солнце клонилось к закату. В Эред Горгор белый свет ранил глаза, здесь же все было красное и черное. Половину бусинок Берен уже перебрал. Солнце, помнил он, должно оставаться слева и сзади, потерять направление — это гибель. А держать направление было трудно: холмы пропали из виду, расплавились в пляшущих воздушных потоках, в мире осталось лишь два цвета — красное и черное. Во рту пересохло, но Берен твердо решил не пить, пока не будет пройдена одна лига, да и тогда — не делать больше двух глотков.

Ясность мышления тоже терялась в этой одуряющей жаре. Была легенда о том, что Мэлко обесчестил богиню Солнца — и сейчас в эту легенду легко верилось, таким разгневанным пламенем текла сюда Анар. Но даже гнев ее Моргот использовал себе на пользу.

Хрустящий шлак закончился, теперь Берен ступал по наносам белесой серой пыли. Тонкая, легкая, она поднималась после каждого шага медленными клубами, как поднимается ил в воде. Подхваченная горячими потоками воздуха, взлетала выше роста и долго висела за спиной. Берен обмотал лицо, чтобы уберечь его от солнечного ожога; теперь, когда солнце висело низко, оно было не так опасно — но покров все равно оставался совсем не лишним. Пыль, правда, проникала и сквозь него — не говоря уже о том, что набивалась в глаза.

Пальцы, перебрав ягоду, уперлись в дерево. Лига. Берен снял с плеча мех, развязал, отпил два глотка. Вода степлилась, во рту снова стало сухо — как и не пил. Берен надел мех обратно, перебрал большую бусину: вперед!

Проклятая пылюка тянулась еще пол-лиги. Потом снова пошла полоса спекшейся земли, идти стало легче. Когда Берен закончил вторую лигу, солнце коснулось брюхом края неба. Пустыня уже давно не накалялась — лишь отдавала накопленный за день жар. Это сделало путь менее мучительным — но не намного.

Третья лига пути — солнце село, лишь запад еще алел, а на востоке уже высypали звезды. Край неба уже не дрожал, чувствовалось движение ветра — Анфауглит остывала.

Третью лигу Берен закончил после наступления темноты. Теперь направление указывала Валакирка. Яркие, словно умытые звезды вели на север.

Берен засмеялся, открыв лицо ночному ветру и сбросив капюшон. Еще пол-лиги пройдено. Вскоре впереди должна была открыться Драконья застава — если идти, откуда он пошел, прямо на север, миновать это место было нельзя.

Его догадку подтвердил старинный пограничный знак — куча камней, наваленных неправильной пирамидой в человеческий рост или около того: орки таким способом обозначали границы владений племен еще до прихода людей. Эльфы растаскивать курган не стали — есть он не просил, зачем делать дурную работу. Подойдя к нему, Берен позволил себе еще два глотка воды: до Драконьей Заставы оставалось что-то вроде трети лиги.

Опять поднялась пыль, и Берен, ругаясь, снова замотался в платок, не дающий возможности наслаждаться ветерком и прохладой. Правда, этот ветерок поднимал пыль густыми клубами и гнал ее на север...

Воин и Дева выплыли из-за края неба, когда Берен добрался до цели перехода: оплавленной с одного края каменной башенки, полуразваленного кольца стен, наполовину скрытого пылевыми наносами.

Драконья Застава...

Ворот не было: сделанные из дерева, они в свое время сгорели. Петли сварились намертво. Найти в колодце воду Берен не думал, но подошел к каменной кладке, нагнулся над бортиком, принялся... Водой не пахло. Сбросив поклажу на землю, горец пошарил рукой в поисках чего-то, что можно бросить вниз — и наткнулся на череп.

Череп эльфа.

У орков считалось за доблесть украшать свои шатры черепами врагов — и Берен, разоривший не одно их становище, умел различать человеческий и эльфийский черепа. Иная лепка глазниц, всегда — ровные и красивые зубы, округлая, правильная форма свода — ни тебе шишек, ни выступов... Держа череп в руке, глядя в мертвые глаза, он опустил на песок. Череп был легким, словно из дерева вырезан, и до блеска отполирован песком — десять лет через него прокатывалась пыльная поземка... Приглядевшись, Берен рассмотрел то место, где лежало тело — пустые кости скелета прикрыты были ржавой кольчугой, от сапог остались оковки и гвозди, остальное — истлело или сгорело...

— Я не могу ему простить, — прошептал воин, глядя в черные глазницы. — А ты — можешь?

Отстегнув меч, горец вытащил его из ножен:

— Я похороню тебя. Всех вас, сколько ни есть здесь. Зачем-то мне это нужно...

Он нашел кости еще шестерых эльфов и троих людей. Всем хватило одной неглубокой могилы в песке под стеной. Для верности Берен набросал там еще и камней, пристроил сверху шлем.

Потом забрался в нижний поверх дозорной башенки, поужинал тем, что прихватил с собой — орехи, сушеное мясо, семечки анарилота в меду... Напился воды, прислонил в углу к стене обнаженный меч — кончиком в большой осколок кувшина, пристроенный в ямку на полу — завернулся в плащ и заснул.

Глава 21. Сердце тьмы

— Кто у ворот? — спросил Келеборн.

— Нимрос, бард князя эдайн Берена, просит впустить, — ответил начальник над лучниками.

Келеборн обменялся взглядами с Лютиэн и Галадриэль:

«Да, да!» — молча прокричала ему Лютиэн.

— Приведи его.

Прошли, казалось, века с того мига, когда стражник вышел за дверь. Лютиэн уколола палец и опустила руку, чтобы не запачкать кровью вышивку — ворот синей рубахи, который она расшивала белым и черным.

На лестнице послышался сдвоенный топот ног — более громкие шаги принадлежали, несомненно, человеку. И вот — он вошел: высокий, худощавый, смугловатый и темноволосый, как и Берен. Но молодой, гораздо моложе своего князя... Не слишком ли он юн для барда? А впрочем, до того возраста, в котором эльф становится бардом, люди и не доживают...

— *Suilad*, — Нимрос преклонил колени и, встав, продолжал. — Барды из Сокрытого Дома велели кланяться тебе, лорд Келеборн, и тебе, леди Артанис. Особо же — тебе, королева Тинувиэль. У меня — пересылка для тебя, — он вынул из-под мышки черный сверток и развернул его на полу.

Это был черный плащ из тончайшей кожи, и Лютиэн узнала его: этот плащ Берен снял с убитой им оборотнихи.

— Почему они не уничтожили это? — нахмурился Келеборн.

— Не посчитали себя вправе. Это — трофей моего князя, ему решать, как с ним быть.

— А что нашли барды?

— Нашли, что на этой вещи нет порчи как таковой, и *mael* через нее не передается. Человеку нельзя ею пользоваться, она выпьет его силу, как ее хозяйка пила кровь. Но эльф... достаточно могущественный... он мог бы... Если он будет осторожен.

— Зачем бы эльф стал пользоваться такой мерзостью, — сказал один из вассалов Келеборна. — Забери это, *adan*. Пусть твой князь сожжет ее или изрубит.

Нимрос коротко поклонился и свернул жуткий трофей. Сделал три шага и с поклоном положил его к ногам Лютиэн.

— Я приехал сюда, чтобы отдать его тебе, госпожа моя, — сказал он. — Ты можешь поступить с ним по своему усмотрению, и ты вправе сделать это, потому что ты — супруга лорда Берена.

— Не для государя Тингола, — поправил Келеборн. — И не для тех, кто верен государю Тинголу.

— Келеборн, — Лютиэн поднялась. — *Gwador... Mellon...* Берен — мой супруг перед Единым, хочет мой отец признать это или нет. Я долго колебалась. Сейчас мне кажется — слишком долго. Его доводы казались мне разумными, и в конце концов я хотела принять его волю — он уходит один, я остаюсь...

Лютиэн протянула руки и взяла черный сверток.

— Я была не права, — сказала она. — И я чувствую, что у меня осталось мало времени. Еще меньше, чем было, когда он попал в руки Саурона. Есть пути, по которым не пройти в

одиначку или армией — только вдвоем.

— Значит, ты уходишь? — опечалилась Галадриэль.

Лютиэн улыбнулась и свободной рукой вынула из своей вышивки иглу.

— Посмотри, сестра, — нитка тянется за ней. Сама по себе она не может создать узора на основе, не может соединить плечо и рукав — ибо неспособна проколоть ткань; но и игла без нее ничего не вышьет и не сошьет.

— Ты знаешь, куда он пойдет, — проговорил Келеборн. — Ты знаешь, что оттуда нет возврата.

— Куда игла, туда и нить, лорд Келеборн.

Келеборн встал, подошел к Лютиэн и обнял ее.

— Я не смогу тебя удержать, — прошептал он. — Ты сильнее. Иди.

Галадриэль тоже обняла подругу — и когда она разомкнула объятие, Лютиэн увидела в ее глазах слезы — во второй раз с тех пор, как она узнала о смерти Финрода.

— Иди, — сказала Галадриэль. — Если бы у тебя был какой-то разумный замысел, я бы постаралась тебя удержать; связать и посадить под замок... но это безумие, а посему — иди.

Сборы были совсем короткими, а второе прощание, когда Лютиэн уже сидела в седле, а Келеборн и Галадриэль стояли на крыльце — всего два кивка да взмах руки.

Втроем они двигались в Дортонион — Лютиэн, Нимрос и Хуан. Она попросила юношу держаться в стороне от нахоженных дорог — на них было весьма оживленно. Горцы возвращались домой, и когда Лютиэн и Нимрос останавливались на ночлег, ветер порой доносил до них многоголосье протяжных песен с ближайшей стоянки.

Нимрос был отличным попутчиком, не пытавшимся ни чрезмерно оберегать Лютиэн, но и не забывавшим о ней. Они скакали самой скорой рысью, какую могла выдержать неопытная всадница — и это не очень утомляло лошадей. На девятый день пути с высоты перевала Анах перед ними открылся Дортонион.

Лютиэн не смогла не задержаться, чтобы посмотреть на эту землю. Какой она ее представляла себе, родину Берена? С северных границ Дориата были видны только белокрылые пики Эред Горгор, надменно возносящиеся над красными лавовыми холмами Нан-Дунгортэб. Конечно, весь Дортонион не мог быть таким — ни людям, ни эльфам не выжить среди ослепительных снегов. Берен сказал однажды, что любая дорога в его краю — это дорога вверх или вниз, и теперь Лютиэн видела эту дорогу — прилепившуюся к крутому склону, бегущую с него как ручей... А сами склоны поросли высокой травой, не знавшей косы, и по гребню одного из них большими скачками пронесся горный тур, так высоко вскинув голову, что порой казалось — его рога касаются крупа. Немного спустившись и свернув за один из многочисленных поворотов, Лютиэн увидела и остальное стадо — давешний тур стоял на гребне как страж, высматривая охотника, волка или снежного пардуса.

Здесь был самый простой и короткий путь из Нижнего Белерианда в Дортонион, и на этой дороге они никак не могли избежать встречи с людьми. Лютиэн узнавали, и она со смущением принимала знаки внимания от мужчин и женщин чужого народа.

— Что означает «алмардайн»? — спросила она Нимроса, поймав среди незнакомых слов часто повторяющееся.

— «Наивысшая». Княгиня.

«Ярнит» — это она поняла сама.

На одной из стоянок какая-то женщина подбежала к ней с младенцем на руках и

протянула дитя. Лютиэн не понимала, что нужно сделать. Ребенок болен и она просит об исцелении? Но дитя не казалось больным или слабым. Крепкий чумазый мальчишка (рубашонка задралась до подмышек) такого роста и веса, какого эльфийский ребенок достигает в год, отчаянно сучащий кривыми ножками, страшно недовольный тем, что его оторвали от важного занятия — возни с камешками в пыли — и высказывающий это недовольство весьма громогласно.

— Благослови его, госпожа, — тихо подсказал Нимрос. — Это наследник семьи, первенец. Мы верим, что благословенный эльфийским королем ребенок в жизни удачлив.

— Но я не эльфийский король!

— Ты — эльфийская королева, а они считают тебя своей княгиней. Подсади дитя к себе на седло.

Лютиэн приняла мальчика из рук его матери — и он тут же успокоился, увлеченный медным украшением в гриве ее коня — маленький месяц с привешенными на разноцветных нитках бронзовыми звездами. Лютиэн, придерживая малыша на седле одной рукой, второй выплела побрякушку из гривы и отдала ее вместе с малышом матери.

— Нет, о, нет! — воскликнула она, когда женщина поцеловала подол ее платья. — Поскачем вперед, Нимрос!

— Позволь мне спросить, госпожа моя — тебя это смущает? — спросил молодой бард, когда они отъехали довольно далеко.

— Да. Что-то подсказывает мне, что я не вправе принимать власть над этим народом — а значит, и те знаки внимания, что мне оказывают, принимать не вправе. Не раньше, чем Берен исполнит обещанное и сядет как князь в своем замке, а до тех пор — я только странница в этой земле. Если бы дело было лишь в том, чтобы приласкать ребенка и пожелать ему хорошей судьбы — я не сомневалась бы ни мгновения, но твои слова о благословении и вере смутили меня.

— Их нельзя осуждать, — опустил голову Нимрос. — Государь Финрод был для нас... не просто королем. Он был король истинный, праведный, обещанный нашим далеким предкам Голосом из Темоты — а этот Голос никогда не лжет. И вот теперь он погиб, положил жизнь за свободу народа, к которому по крови не принадлежал, но который принял под свою руку. Они переживают это как... я не могу тебе объяснить. И одновременно с этой вестью к ним приходит другая — что избранница нашего князя повергла самого Саурона, отомстив за смерть Государя, что она пришла к нам разделить нашу жизнь, что она... дана нам богами вместо него...

— Нимрос! — Лютиэн даже сдержала коня, так возмутилось ее сердце. — Но ты-то знаешь, что я прихожу только для того, чтобы уйти! Что Берен не остановится на своем пути, пока не совершится то, чему должно, а я должна быть с ним? Почему ты молчишь?

— Но что я могу сказать? Те одиннадцать, кто получил исцеление из твоих рук, рассказали своим семьям, как ты жила среди нас, и одно только прикосновение твоей ладони успокаивало боль... Как ты вышла на бой с Тху, как тебя слушается пес богов... Эти слова набрали силу лесного пожара в Бретиле, никто не может их остановить или оспорить. А сейчас ты едешь верхом, прекрасная как солнце в небе, в своем синем платье и в белом плаще... И кто не верил прежде, начинает верить сейчас. Ты приходишь в Дортонион как сама надежда, и кто я такой, чтобы отбирать у них надежду?

— О, Элберет! Ты бард, Нимрос — неужели ты не можешь найти правильные слова?

— Да, я бард, — Нимрос вздохнул. — Меня учил мой отец, и с одиннадцати лет я учусь

у эльфов... Я многому у них научился — столь многому, что эльфийская мудрость и человеческая мудрость во мне уже не мирятся между собой. Я понимаю, что ты права, госпожа — но я не понимаю, как они могут быть неправы. Мы так долго скитались, и сражались под чужими знаменами, и просили о милости в чужой земле — и вот теперь мольбы наши оказались услышаны, и кровь лилась не напрасно: солнце снова поднялось над этими горами, и хотя у нас нет Короля — но есть Князь, и есть Королева... По-человечески все правильно. Все так, как и должно быть. Но по-эльфийски — нет; потому что народ Беора через Сильмарилл присоединился к року Нолдор. Берен обязан сохранить союз с Маэдросом и положиться на добрую волю последнего, беорингам нет иного пути, кроме как победить или погибнуть вместе с нолдор — вот, что говорит мне эльфийская мудрость. Но еще глубже внутри меня, в самой тьме моего сердца, живет еще одно знание... Оно шепчет, что и эльфийская мудрость, и людская в этом деле никуда не годятся. И я боюсь этого голоса, потому что...

— Потому что он никогда не лжет? — подсказала Лютиэн.

Нимрос поднял на нее глаза, в которых промелькнуло что-то похожее на испуг, и без звука, одним выдохом сказал:

— Да.

— Скажи, Нимрос, — Лютиэн тихо стронула коня вперед. — Ты принадлежишь к Людям Древней Надежды?

— Нет. Я не знаюсь, остались ли они в живых. Последними, кого я знаю, были несколько саэндис, которые служат Эстэ и Ниэнне... но в войну их, наверное, истребили всех. Орки ненавидели их. О Древней Надежде я слышал только краем уха. Отец считает, что это бабская сказка, с горя придуманная отчаявшимися для утешения дураков. Единый не может сойти в этот мир. Да и незачем.

— А сам ты как думаешь?

— Не знаю.

Какое-то время они еще ехали медленно и молча. Затем Лютиэн спросила:

— Будут ли такие же почести оказываться мне в ближайших селениях.

— Полагаю, да, — кивнул Нимрос. — По всему Дортониону.

— Тогда я желаю проехать до Каргонда скрытно.

— Ты хочешь посетить Каргонд? Думаешь, ярн Берен все еще там?

— Я знаю, что его там нет, о бард людей, но мне необходимо попасть в Каргонд.

— Твоя воля. Поспешим же тогда, госпожа Соловушка — я знаю, где есть хэссамар, построенный еще при Сауроне для морготовых войск. Не дворец, достойный тебя, но ничего лучше поблизости не найти...

— Вперед, — Лютиэн сжала бока своего коня ногами, и тот, почувствовав посыл, перешел на легкий галоп. Далеко впереди каплей живого серебра носился по склону Хуан...

* * *

— Кто? — он ушам своим не поверил.

— Лютиэн Тинувиэль, дочь короля Тингола Серебряного Плаща, — повторил

Нимрос. — Примешь ты ее, князь Роуэн Мар-Хардинг, или прикажешь уходить, как побирושке?

— Н-нет, — Хардинг сжал подлокотники своего кресла. — Проведи ее сюда, конечно же, проводи... Нельзя дочь Тингола держать на пороге, что бы там ни было...

Нимрос, разворачиваясь к двери, усмехнулся. Если бы Лютиэн Тинувиэль захотела пройти, не спрашивая позволения — она бы прошла, и никто не смог бы остановить ее.

Кроме Хардинга, в просторной комнате находились еще двое — Белвин, отец Нимроса, и Келлан, один из воевод.

— Твой мальчишка больно смел сделался, — проворчал Хардинг, чтобы скоротать тишину, в которой чувствовалась какая-то угроза. — Хозяином держится, вождем смотрит... Ты — отец, приструни его.

— Похоже, не сумею, — пожал плечами Белвин.

Нимрос вошел, шагнул в сторону от дверей, чтобы не загораживать их, и поклонился входящей.

У Хардингахватило дух.

Прежде он видел эльфийских женщин — леди Нэрвен Галадриэль с ее маленькой свитой воительниц, жен, сестер и дочерей феанорингов в замке Химринг... Красота их и достоинство вроде бы не должны были бы смущать его... оказаться ему в новинку...

Но здесь!

Лютиэн была ниже ростом, чем женщины нолдор, и волосы ее, недавно остриженные, отросли только до шеи. Но от этого лицо казалось каким-то более ярким, словно луна без обрамления облаков. Белый платок, покрывавший голову и плечи, отброшен был за спину, и точеная, стройная шея королевы была горда, как башня, и два серых глаза девы — как бдительные дозорные с луками наготове. И Хардинг перед этими глазами проглотил все ни к чему не обязывающие слова показного гостеприимства. А вырвалось из его уст то, чего он никак не думал и не желал сказать:

— Я не хотел!

Королева молчала.

Хардинг вытер лоб (что за проклятая жара свалилась на Дортонион!), потом почесал под воротником, пытаясь оттянуть время, чтобы найти и собрать потерянные слова — но это не помогло: совсем другие слова шли горлом — неудержимо, как у отравленного идет рвота или у раненого — кровь:

— Что я еще мог сделать? Сказать — «Иди с миром, а я сохраню для тебя твой престол»? К чему его хранить и для кого — если его не убьет Моргот, это сделают феаноринги!

Лютиэн молчала. Ее каменное спокойствие и неподвижность — руки сложены перед животом, голова вскинута и ни одна складка на платье не шелохнется! — язвили его сильнее, чем самая дерзкая речь.

— Он же думает только о себе! Кому еще, кроме него, нужен этот Сильмарилл? Разве ты и так не пришла сюда за ним? Если бы он подождал еще несколько дней, вы были бы вместе — ведь так?

Эльфийская дева молчала.

— Значит, не так, — рот Хардинга дернулся в кривой усмешке. — Значит, это твоя воля обрекла его на смерть. А о нас ты не подумала. Вы никогда о нас не думали — там, за своим зачарованным Поясом...

Он не выдержал, вскочил с кресла и прошелся взад-вперед, обойдя Лютиэн, но стараясь при этом не смотреть на нее. Наконец остановился у окна, развернулся и почти что выкрикнул:

— Если он и имел власть — то лишь потому что народ доверил ее роду Беора! Но он первым предал свой народ! Чего ради? Что такого он знал или слышал, чего мы не знали и не слышали? Голос из темноты? Это сказки старой Андрет! Я не знаю, верит он в них сам или просто обманывает всех нас. Наверное, верит, если отважился на вражду с сыновьями Феанора! Что нам оставалось делать? Они приютили нас в годы бедствий, а знаешь, кто хуже убийцы и вора? предающий своего благодетеля! Кто осудит меня за то, что я сохранил благодетелю верность? Чей язык повернется?

Лютиэн молчала.

— Не смотри на меня так! — вспыхнул Роуэн. — Я... Я все что мог сделал! Думаешь, я не уговаривал его? Думаешь, я его выпер, чтобы забрать княжество? Ошибаешься — я даром ничего этого не хотел, я разве что в ногах у него не валялся, чтобы он перестал валять дурака, остался здесь и заключил союз с сыновьями Феанора! Я... я проклял его...

Снова слезы вскипели на глазах Хардинга, и он не смог их удержать. Отвернулся к окну, чтобы никто не видел этих слез.

— Я хотел остановить его. Думал — он испугается проклятия... Ты не понимаешь, как это страшно — когда место за тобой посыпают солью... Ты никогда не можешь вернуться... Я думал — это удержит его. Он же любит Дортонион. Не меньше, чем тебя, королева. Теперь... Теперь он не вернется больше. О, что же я наделал!

Он развернулся, резко вытирая глаза рукавом — и увидел, что нет эльфийской девы и исчез Нимрос. Хардинг снова бросился к окну — и увидел, как эти двое сбегают по крыльцу и садятся в седло.

— Его кровь на нем самом! — последнее, что крикнул он Тинувиэль. — Я невиновен! Скажи, что я невиновен!

Огромный пес с облачно-серой спиной и белыми боками, вскочил и понесся впереди коней, задавая им скорость хода...

* * *

— Страшное место... — прошептал Нимрос.

Ветер с холмов, текущий в ненасытную глотку Анфауглит, дул ему в спину, и лицо было окутано волосами, как тучей.

— Как я отпущу тебя туда одну... — бард повернулся к ней, сжал рукой рукоять меча, потом с усилием выпрямил пальцы. — Бесполезно. Этого демона не одолеть ни мечом, ни заклятием. Тут земля и небо стали орудием убийства. Неужели ты все еще думаешь, что он там, а не скрывается где-то в горах от феанорингов, как скрывался от орков?

— Он там, я уверена, — Лютиэн прищурилась на плывущий горизонт. — И у меня очень мало времени. Так мало, что мне страшно.

— Но ты не берешь ни пищи, ни воды, — Нимрос провел языком по пересохшим губам. — А там лиги и лиги пекла... Дождись хотя бы ночи!

— Нет смысла ждать ночи, Нимрос. Некогда искать пищу и воду. Мы с Хуаном помчимся быстро, так быстро, что ни один всадник не угонится за нами. Он — пес из стаи Оромэ, а я... я — это я.

С этими словами она развернула черный плащ Тхурингвэтиль.

Нимросу стало холодно среди летней жары.

— Достань из вьюка волчью шкуру, что подарили мне люди Хитлума, — приказала Лютиэн.

Пальцы юного беоринга дрожали, когда он развязывал вьюк. Черная шкура тяжело легла на руки.

— Набрось ее на Хуана, — попросила королевна. — Бери коней и скачи прочь. Скачи, не оглядываясь. Я не хочу, чтобы ты видел.

— Да, — он расстелил и расправил шкуру на широкой спине валинорского пса. Тот глухо зарычал, как ворчит человек, вынужденный мириться с чем-то омерзительным ему, когда череп волка лег на его голову. — Да, госпожа моя...

Лютиэн сняла с себя верхнее платье, оставшись только в нижнем, из тонкого голубого льна, и набросила на себя два плаща — свой, чародейский, а сверху — плащ оборотнихи. Нимрос, все такой же растерянный, взял верхнюю одежду из ее рук и покорно подставил лоб для поцелуя.

— Теперь уходи, — кивнула Лютиэн, когда он уложил ее платье во вьюк и склонил голову, прижимая руку к груди. — И не смотри назад. Что бы ни услышал, не смотри.

Порывы ветра стали сильнее, когда Нимрос отъехал дальше меж холмов. Пыль заставила его зажмуриться. Он посмотрел вправо — и увидел на западе, над горами Хитлума, грозовую тучу. Она громоздилась в небе чудовищной стеной, немая и грозная, как войско, ждущее приказа к наступлению. Сколько Нимрос ни вглядывался — она не двигалась, и солнце стояло высоко, так что туча еще не застила его — но от одного лишь ее присутствия там, вдали, на весь мир словно бы напозла тень. Ни единого просвета не было в прочных бастионах облаков, и когда она двинется — а она двинется, подумал Нимрос, когда Анфауглит раскалится вовсю и ветры подуют на нее со всех сторон — то под ней будет темно как ночью.

Жуткий вой, начавшийся глубоко в чьей-то исполинской утробе, набравший силу в мощной глотке и рванувшийся из нее, как из боевого рога, раскатился в холмах — и, словно отвечая ему, поднялся ветер и на миг забил Нимросу дыхание. Кони захрапели и попятились в ужасе, но Нимрос сдержал своего коня, натянув узду и покрепче сжал поводья коня Лютиэн.

— Мы не оглянемся, славные мои, и не повернем, — прошептал он, лишившись голоса от страха. — Вперед, милые, вперед!

Лошади повиновались не сразу, шарахались назад и в стороны — но тут другой звук рассек плотный гул ветра в холмах и подстегнул коней верхней бича: скрежещущий, рвущий уши визг задрожал в небесах, и Нимросу пришлось снова изо всей силы сжать поводья в руках и колени на боках лошади — на сей раз чтобы удержаться в седле, когда конь его, прижав уши в животном страхе, что есть мочи рванул вперед.

Нимрос не подгонял коня и не сдерживал его, стараясь держаться спокойнее, чтобы вконец перепуганное животное не понесло — он лишь легонько направил коней на пологий склон. Удалось: проскакав с бешеной скоростью несколько сот шагов, конь выдохся, когда подъем стал круче, успокоился и въехал на холм уже шагом.

Нимрос рискнул развернуть его и посмотреть на север — но увидел только две черные точки, плывущие по воздушной ряби — и было это игрой света в воздушных потоках, или на самом деле одна летела над другой?

* * *

Смерть тащилась следом, как хворый пес. Не торопилась, никогда не приближалась настолько, чтобы он мог обернуться и ударить... хотя бы обернуться и увидеть ее. Он всегда хотел знать, как она выглядит — не те, через кого она приходит, не те, к кому она пришла, а она сама. Но сквозь марево он не мог разглядеть черт смерти и опасался, что она так и будет прятаться, пока он вконец не ослабеет и не свалится. Но и тогда она не нападет, пока свет совсем не померкнет в его глазах.

«Это несправедливо» — досадовал он. — «Я столько лет провел с тобой рядом, шлюха, а ты не хочешь мне показаться. А я имею право хоть раз увидеть твою харю...»

Но она не показывалась — тенью маячила позади, и растворялась в горячем плывуне, когда он, доведенный до иступления ее молчаливым преследованием, разворачивался так резко, как только мог. Он снова и снова давал себе клятву не поддаваться на эту ее маячню — но хватало его ненадолго, потому что постоянное движение сзади и сбоку, которое он то и дело ухватывал краем глаза, вывело бы из терпения кого угодно. Может быть, это не смерть? Нет, вряд ли — кто еще мог потащиться за ним на эту жаровню...

На третий день пути, еще до рассвета, он вышел к границе этого места — и застыл изумленный. Солнце еще не поднялось из-за частокола Эред Ветрин, но серое небо уже достаточно прояснилось, чтобы Берен мог разглядеть пространство, рубеж которого лежал у его ног — гладкую, как поверхность застывшего моря, глухо-черную равнину, начало которой было здесь, а конца, доколе хватало глаз — не было ни впереди, ни в любой из сторон. Берен опустил на колено и потрогал поверхность рукой. Она была ровной, прохладной и на ощупь и слегка шершавой как точильный камень. Это немного успокоило Берена — он ожидал чего угодно, даже бездны, куда не проникает ни единый луч света — а именно этим поначалу и казался черный простор впереди.

Когда солнце встанет, подумал Берен, здесь будет жарче, чем где бы то ни было. Так что же — попробовать обойти ее по краю? Он встряхнул свои мехи с водой. Нет, к цели нужно идти кратчайшим путем, что бы там ни было...

И он шагнул на черную твердь.

Пока не вошло солнце, было довольно страшно. С трудом верилось, что беспросветная чернота под ногами — твердь, а не сама тьма. Сколько Берен ни шел, он не ощутил стопой ни малейшей неровности на этом поле — значит, здесь потрудились не только слепая стихия пламени, разбуженного Морготом и сплавившего песок в стекло. Нет, эту равнину создала еще и воля, разумная и злая воля. Создала себе на забаву, в насмешку над всяким, кто вознамерится дойти до Ангамандо по прямому пути: смотрите, к кому вы наладились в гости! Моргот не просто превратил в пар и пепел тысячи людей и эльфов на этой равнине — он еще и поставил на их пепле жуткий памятник своей гордыне и своему могуществу.

Когда поднялось солнце, все стало так, как ожидал Берен — и еще хуже. Волны жара

били в лицо, и он сражался за каждый свой вдох. Тело исходило потом, до того, что временами на Берена накатывала странная прохлада — словно волны свежей воды пробегались по телу — но через миг снова напирал душный зной. Еще до того, как Берен шагнул в этот пекло, он понял, как ошибся в своих силах и в суждениях об этой местности. Полагая, что с переходом через горы зимой ничто не сравнится, он приготовился к этому как к переходу через горы — и сейчас пожинал несладкие плоды.

В горах не было никаких трудностей с невосполнимой потерей воды: снега — заешь. Здесь же Берен увидел, что если хочет выжить, должен пить больше, чем думал пить поначалу. В горах, двигаясь быстро, человек согревается. В пустыне — варится заживо. Поэтому самые жаркие часы дня Берен проводил, лежа на земле, с головой укутавшись в плащ, белой шерстью наружу, и время от времени посасывая из меха противную теплую воду. Пропущенное днем время он пытался наверстать ночью и страшно уставал, потому что не отдыхал и днем — это медленное изнывание, когда горячечные грезы сменяли одна другую, не приносило отдыха.

В горах человек может потерять рассудок от редкого воздуха, в пустыне — от жары, причем жара убивает вернее и быстрее.

Но самой страшной ошибкой был шаг на эту черную шершавую базальтовую плиту. Раскаленный воздух над ней сжег Берену губы и глотку, и когда он устроился на ночлег, он не смог заставить себя разжевать и проглотить хотя бы один орех, один сушеный плод, одно мясное волоконец. Наутро тоже. Он выпил воды вдвое больше чем мог себе позволить — но и тогда не в силах оказался протолкнуть через иссохшую гортань ни кусочка и вышел в путь голодным.

Днем он провел несколько ужасных часов на горячей каменной плите — а когда вставал, оказалось, что, одурев от жары, забыл завязать мех с водой. Мех был полон до половины — и все это в один миг оказалось на земле, Берен и охнуть не успел. Не тратя времени на отчаяние, он попытался собрать, что сможет, платком, которым оборачивал лицо, но вода, растекшись по плоскости широкой лужи, испарялась стремительно, и он начал просто по-собачьи слизывать ее с шершавого камня. Потом, шатаясь, побрел дальше, гоня языком во рту серебряный эльфийский оберег от водяной порчи. И снова вечером не смог съесть ни крошки — а утром, когда встал и пошел, понял — за ним увязалась смерть.

Возвращаться было поздно — оставшейся воды не хватало на обратный путь. Правда, на то, чтобы достичь конца намеченного пути, ее тоже не хватало. И Берен решил умереть, идя вперед. Он потерял бусы и вместе с ними — счет пройденным лигам, но все-таки он продвигался — без надежды и без страха, на одном упрямстве, пока полуденная жара не припечатала его к черной Морготовой столешнице. И снова он лежал, не бодрствуя, но и не засыпая, не двигаясь — и все равно теряя силы с каждой каплей пота. Лежал, пока солнце не перешагнуло через высокий порог зенита и не поползло к закату.

Он попытался подняться — и не смог. Несколько раз усилием воли заставлял себя оторваться от горячего камня и побрести вперед, но через короткий промежуток времени до него доходило, что он по-прежнему лежит вниз лицом и лишь грезит о том, что шагает вперед. Очередной виток этого бреда разбудил в нем злость. Он зарычал и, опираясь на меч, заставил себя встать на ноги. О, да, на сей раз это был не сон — так болела каждая мышца. Он переставил одну ногу... другую... меч помогал сохранять равновесие... После десятого шага пошло легче.

Он отошел уже довольно далеко, когда жажда сделалась невыносимой. Нужно было хоть

немного вышить...

Воды не было. Мех с водой и мешок с едой остались там, где он лежал в последний раз, и это место уже пропало из виду. В пляшущих переливах воздуха ничего нельзя было разглядеть. Отправившись на поиски, он прошагал сотню ярдов — где же брошенное? Или он успел пройти не сто, а двести шагов? Триста?

Или он отклонился с пути? Куда свернуть? Влево, вправо?

Конец.

Берен слишком устал, чтобы испугаться. В другой раз можно было бы заплакать или застонать в отчаянии, но сейчас и горло и глаза болели, так что он просто сомкнул воспаленные веки.

Вперед. Если суждено умереть — то лицом к Ангбанду, не складывая оружия, которое Феанор выковал Морготу на погибель. Он повернулся так, чтобы оставить солнце за левым плечом. Снова побрел вперед. И брел до тех пор, пока, споткнувшись о собственную ногу, не упал, как подстреленный.

Через какое-то время он пришел в себя — ненадолго, он знал это. Подняться не было сил — и Берен ограничился тем, что вытащил меч из-под себя, перевернулся на спину, сдвинув капюшон на самые глаза, и положил меч себе на грудь, сжимая рукоять обеими руками. Теперь осталось только умереть.

У него был большой опыт в этом деле, только вот он ни разу не доходил до самого конца. Если бы доходил, знал бы, что помереть в пристойном положении никто не даст. Начались судороги. Он заехал рукояткой меча сам себе по зубам и в конце концов скрючился на боку, обвив меч руками и ногами.

Когда он снова пришел в себя, было темно. Он поначалу не придавал значения тому, что солнце перестало прожигать вспухшие веки, но потом почувствовал... прохладу? Берен раскрыл глаза и шевельнулся, чтобы лучше разглядеть небо — которое поначалу показалось ему все таким же сизым, как окалина...

Нет. Небо было темно от туч. Таких густых и черных, что солнце не пробивалось сквозь них — лишь где-то совсем далеко тонкие золотистые полосы света говорили о том, что день еще не закончен. Молния вспорола глухую и душную тишину, гром прокатился между черной твердью внизу и темно-серым сводом вверху — как исполинское колесо, он прогрохотал над крохотным человеком, свернувшимся в калачик на земле, перекатился через него и даже не заметил.

Тяжелая капля ударила в черный камень перед самым носом Берена, разбрызгалась и закурилась тоненьким парком... Вторая, третья... Сотни, тысячи тысяч капелек соткали над равниной белую дымку — но вскоре дождь пошел так густо, что она исчезла. Берен сорвал с лица платок и лежал на спине, не мысля и ничего не желая — только время от времени поднося намокший платок ко рту и выжимая из него воду со вкусом пыли и шерсти. Молнии кроили воздух то там, то здесь, раскат грома то доносился издалека, то сотрясал Берена с головы до пят.

Немного сил вернулось к нему и он попробовал подняться — и в этот миг одна молния вонзилась в землю прямо перед ним, в каких-то ста шагах, и, отразившись в мокрой черноте камня, показалась мечом, пронзившим небо и землю. Ослепший и оглохший, Берен упал и долгие мгновения снова и снова видел закрытыми глазами невыносимо яркий меч, рассекающий мир до самого сердца и дальше.

Способность мыслить вернулась, и он сообразил, что лучше лежать, не поднимаясь,

если он не хочет следующую молнию накликав себе на голову. И он лежал, глядя в небо, откуда отвесно падали бесчисленные тьмы крупных капелек, и пил воду, выжимая ее из постоянно намокающего платка, наслаждаясь прохладой и влагой. Потом пришлось закрыть глаза и лицо рукой — так часто и сильно начали бить капли.

«Я маленький... Я такой маленький, что лезвия богов не попадут по мне, если я буду лежать смиренно-смирно...»

Воздух наполнился какой-то особенной острой свежестью, казалось, он напоен маленькими льдинками. Берен вдыхал их, и его кровь бежала быстрее. Дождь сделался реже, потом прекратился совсем — и под сводом тучи стало светлее. Хотя солнце еще не могло пробить сомкнутые щиты облаков, но просачивалось через них, и ночь стала днем.

Равнина покрылась водой не меньше чем на три дюйма. Берен замерз. Только слегка — потому что камень под ним был все еще тепловатым, и от него согрелась вода, — но он не стал ждать, пока прохлада станет мучительной. Молнии перестали сотрясать воздух, и Берен решил рискнуть подняться, оглядеться и попробовать поискать свои вещи.

Он встал (тяжеленный намокший плащ едва не свалил его снова), осмотрелся кругом — и в каких-нибудь двух сотнях шагов увидел темное пятнышко на подернутом легкой рябью зеркале воды. Берен зашлепал туда (он был мокрый! Такой восхитительно мокрый!) и засмеялся, пройдя половину пути: да, это его пожитки. Он сбился с направления и не видел их из-за марева, только и всего.

Мешок тоже промок насквозь. Дорожное печенье сделалось полужидкой кашей, которую Берен ел из горсти, размокли и разбухли сушеные плоды, и от анарилота в меду слиплась солонина. Берен не стал ее отмывать, слизал остатки меда, обсосал, вывернув наизнанку, весь мешочек, где хранились семечки — а потом сложил их снова на место. Он не насытился, он по-прежнему не мог есть плоды, орехи и мясо — но того, что он запихнул в себя хватило, чтобы набраться сил на дорогу. Нужно идти, пока длится эта нежданная и неслыханная благодать. Но куда? Плотная туча обложила небо так, что день казался вечером. Однако... Берен прищурился поглядев влево и вправо.

Слева виднокрай был темен, справа — светился золотистым лезвием. Значит, справа — Запад, а он сидит лицом на юг. Берен подождал еще немного времени, чтобы увериться, и провел его с пользой: выжимая в мехи воду из своего плаща. Эта возня отнимала много сил — он и не думал, что так ослаб. Но когда оба меха были наполнены на три четверти и завязаны, солнце дало Берену окончательный ответ, показавшись в щели между краем тучи и Эред Ветрин.

Вот теперь точно следовало двигаться. Ночи в Анфауглит были холодными, и это, с одной руки, хорошо, до утра вода не испарится и завтра он еще не раз напьется, прежде чем она высохнет — а с другой руки, к утру он будет холодный как лягушка.

Он встал и пошел. Косые прощальные лучи солнца были ласковыми — они не жгли, только пригревали, натянувшись тугой основой для парчовых гобеленов от земли до неба — над гладью воды снова начал стелиться невесомый парок. Берен оглянулся — и как изменился мир после одного-единственного дождя! Под его ногами снова была безупречная гладь, но теперь она не поглощала, а отражала свет, в ней двоилась багровеющая полоса на западе, златотканое волшебство протянулось и вверх, и вниз, и, глядя под ноги, Берен видел серебристо-серую, как потолок в тинголовой тронной палате, изнанку тучи. Мир словно бы вырос вдвое, и если раньше Берену, шагавшему вперед, было страшно и тошно от чувства, что он шагает по первозданной тьме, сгустившейся в твердь — то теперь он шагал по облаку,

заставлял его плясать, гоня волны — и смеялся этому, глупо и счастливо.

Золотые гобелены поблекли и растаяли, а вместе с ними расточились и облака. Берен видел луну и звезды, и держал путь прямо на Валакирку, что мерцала и вверху, и внизу, в зеркале вод. Потом мерцание зеркального двойника подернулось белой дымкой тумана — пар больше не стремился к небу в потоках теплого воздуха, он прижимался к земле, и скоро Берен шел по колена в тумане, ноги его онемели совершенно, и только мерное «хлюп-хлюп» шагов свидетельствовало, что они еще там. Он грыз что-нибудь, не прекращая. Когда ему хотелось напиться, просто опускался на колени и пил. Тут же и согревался — вода была теплой.

Под утро он, конечно, устал как собака — но пытался петь и танцевать, чтобы согреться. Нельзя было упускать ни минуты из этих драгоценных часов. Но с рассветом он все-таки свалился. Сон сморил его, и он закрыл глаза, распростершись в уже остывшей воде под лучами еще не горячего солнца. Засыпая, он вдруг увидел себя со стороны — крохотная точка на бесконечной глади озера, которое проживет одну ночь и один день...

Разбудила его жара, что же еще. Вода стала совсем теплой — и обмелела. Теперь глубины в ней было дюйм. Берен напился под завязку — и поплелся дальше. Идти было труднее, чем вчера. За утро он отдохнул, поел, набрался сил — но ушла вчерашняя окрыленность. Осталась только необходимость. Только долг.

По-прежнему стояла жара, но уже не такая адская, как вчера. В мокрой одежде Берен уже не исходил потом. Сапоги и обмотки он снял, и теперь шлепал босиком, а они сушились на ходу, вися у него за плечами. Горячий и влажный воздух был душным, но уже не сжигал гортань, и туманная дымка над водой рассеивала солнечный свет, делая его менее жестоким.

Смерть уже не тащилась за ним — только двойная тень, на поверхности воды и на камне, бежала по левую руку, как хороший пес. Потом она сжалась и убежала под самые ноги, и Берен понял, что получил еще одну милость: последняя вода вчерашнего дождя, испаряясь окончательно, смягчит самые невыносимые часы дороги, и, возможно, он минует эту жаровню еще сегодня.

Вода исчезла лишь тогда, когда полуденная жара спала. Не вся сразу — Берен понял, что это поле, казавшееся ему совершенно гладким, было все же вогнутым к середине, просто кривизну эту никак невозможно заметить. Он в последний раз напился, когда увидел кромку воды, и намочил свой плащ — а потом просто подождал, пока граница влажного и сухого сама собой минует его. Вода еще мерцала за его спиной, когда он обмотал ноги льном и натянул сапоги. Выпрямившись, он еще раз оглянулся и увидел над уползающей мерцающей гладью движение.

Четыре точки маячили там, и Берен замер в тревожном ожидании, освободившись от заплечного груза. Что это? Люди, эльфы, орки, призраки? Всадники ли, пешие? Бежать или драться? Или это могут оказаться друзья? Или им просто не будет до него дела? Бежать, пожалуй, бесполезно в любом случае — они двигались очень быстро. Вскоре Берен понял, что их не четыре, а две, отраженных в воде — по тому, как слаженно одни повторяли движения других. И при этом, увидел он, одна из них... Летит?

Они приблизились — и Берен уже без колебаний обнажил меч. Лезвие поймало солнце и отбросило блик на черный камень. Нутро Берена съежилось в страхе: на него неслись два ужаса, что преследовали его в самых черных снах: огромный нетопырь и черный волк. Но внешне он остался спокоен и знал, что примет бой во что бы то ни стало.

Волк при виде меча остановился, затормозив лапами, черный нетопырь грянулся оземь

и обернулся темноволосой женщиной.

— Ах, вот как... — прохрипел Берен. — Нет, довольно мне от вас бегать!

И он двинулся врагам навстречу, изумляясь тому, насколько мерны и упруги его шаги.

А женщина вдруг отбросила черный плащ, вскинула руки и запела так, что камень бы разрыдался, услышав этот голос. И Берен, остановившись, опустил меч — кончик Нарсила обиженно скрежетнул по камню. Наверное, все могла бы подделать Тхурингвэтиль — и облик, и стать — но этот голос, эта соловьиная дрожь на самом верху звука — только одно создание в мире так могло.

— Тинувиэль, — выдохнул Берен. — Не привидение, не греза — ты...

Громадный волк встряхнулся яростно, словно хотел выскочить из шкуры — и действительно сбросил ее. Жемчужно-серая шерсть засеребрилась на ярком солнце. Лютиэн повисла у Берена на шее — он обнял ее за пояс. Оба плакали и смеялись, а Хуан носился кругами и лаял.

— Как ты меня находишь каждый раз? — спросил Берен, когда первая безумная радость схлынула и он смог наконец выпустить ее из объятий.

— Как нахожу? — Лютиэн провела пальцем по его груди. — Нахожу изрядно отошавшим. И мокрым. Но живым, чему не устаю дивиться. Ты говорил про эльфа, изыскавшего семь способов полета, но отлетевшего лишь после смерти — я нашла девятый способ полета, и осталась жива. На этих крыльях я поднялась над пустыней. Это было легко — отсюда поднимается вверх сильный поток горячего воздуха; я просто расправила крылья и плыла, а потом катилась по воздуху вниз, как со снежной горы. Вчера я чуть не погибла в грозу, но успела подняться выше тучи и долго боялась, что не сумею тебя найти за этой мглой, или что устану раньше, чем кончится гроза...

— Ох, — он посмотрел на нее, на брошенный ею черный плащ. — Я жив только потому, что боги послали эту грозу. Не нужно было тебе следовать за мной.

— Берен! — она притянула его к себе так, что они соприкоснулись лбами. — Разве ты еще ничего не понял? Мы будем вместе, куда бы ни привела судьба.

— Она ведет меня к смерти, и там мы вместе не будем, потому что на другой стороне наши народы ждет разная участь! Хуан, сукин ты сын — чем ты думал, я же велел тебе ее беречь?! Боги! — Берен швырнул меч и тот зазвенел о каменную наковальню. — Почему вы измысливаете мне новые испытания? Разве мало того, что я уже вынес? Мало того, что я еще вынесу? Чем я так провинился перед вами или перед Отцом, что должен еще и любимую вести в логово Моргота? Если бы мне вчера дано было знать об этом — я бы еще раньше вылил всю воду и умер прежде дождя; я бы встал под молниями во весь рост!

— Почему бы просто не броситься на меч, — поднятый и свернутый было плащ Тхурингвэтиль Лютиэн с силой шлепнула ему под ноги, как мужчина в разгар спора швыряет оземь шапку или посох. — О, как же я устала от твоих колебаний! Почему такой муж, как ты, временами болтает такое, чего постеснялось бы дитя? Кто ты, по-твоему, если Могуществам только и дела, что выдумывать тебе новые мучения!? Берен, почему ты не подумал о том, что у меня могут быть сердце и воля? Если наш союз заключен, как ты уповаешь, во имя великой цели — то почему ты отказываешь мне в праве быть в союзе с тобой? О, лукавый род людской — вы и самоотвержением своим умудряетесь гордиться! Как же сильно Финрод любил вас, если у него на вас хватало терпения?!

Она еще много чего хотела сказать, но увидела вытянутое лицо Берена, приоткрытый рот и распахнутые глаза под изумленно изогнутыми бровями — и не смогла удержаться от

смеха. Таким озадаченным она его еще не видела — если бы Хуан заговорил, Берен и то не удивился бы сильнее.

— Я еще ни разу не видел тебя в гневе, — прошептал он наконец, качая головой. — Я и вправду такой дурак? Прости.

Он встал перед ней на колени и прижался лицом к ее груди.

— Ты не дурак, — Лютиэн погладила его серые волосы. — Просто упрямец.

— Да, это верно, — он встал, не отпуская Лютиэн, и она ахнула от неожиданности, оказавшись переброшенной через его плечо.

— Ты так и понесешь меня?

— Мы с Хуаном будем меняться, — в его голосе она услышала усмешку.

— Хуан уходит.

Берен остановился.

— Это кто сказал? — повертел он головой.

— Хуан говорит. Хуан уходит.

Берен поставил Лютиэн на землю. Она ошибалась, думая, что речь Хуана не сможет изумить его сильнее, чем ее гнев.

— Пес, — горец подошел к собаке и положил ладонь на белый лоб. — Неужели ты не пойдешь с нами?

— Нет еды для Хуана. Нет воды. Он приходит в Ангбанд, слабый, дерется и умирает. Он возвращается и живет, и ждет Госпожу.

— Думаешь ее дожидаться?

— Хуан ждет. Человек хочет — Хуан идет с ним и умирает в Ангбанде.

— Нет, человек не хочет твоей смерти, пес. Благодарю тебя — и отпускаю.

— Человек не благодарит. Человек просит знак и получает знак.

— Что ты сказал? — Берен подался вперед, сграбастав шерсть Хуана в горсти.

— Человек просит знак и получает знак. Хуан не знает, что это. Это не от Хуана.

Берен наклонился к Хуану изумленный — а выпрямился потрясенный.

— Хуан уходит, — сказал пес. — Хуан прощается.

— Да, пес богов, — Берен кивнул. — Прощай.

И, подумав, поправился:

— Не в последний раз видимся.

Хуан, разом опять утратив да речи, твякнул коротко, обежал пару кругом — на прощание — и помчался на юг размашистыми плавными скачками. Вскоре он исчез в отблесках то ли остатков воды, то ли снова обманной игры света в плывущем воздухе.

Берен и Лютиэн остались одни.

— Что ж... — задумчиво сказал Берен. — Насчет еды и воды он был прав: у меня не хватило бы на его долю. Давай-ка поедим.

Он выложил на холстинку то, что у него было: липкое месиво из дорожного печенья, размокшие засушенные яблоки, груши и ягоды, нарезанную полосками солонину, которая сейчас походила на раскисшую паклю, слипшиеся грудкой орехи и семечки анарилота.

— Вот и весь пир, — виновато развел он руками.

— У меня совсем мало того, что можно было бы подать к столу... — Лютиэн развязала поясной мешочек. — Но если ты хочешь, то вот...

— Лембас! — ахнул Берен, глядя на связку эльфийских дорожных хлебцев.

— Мне этого хватило бы на весь путь, — Тинувиэль переломила один хлебец над

«лодочкой» ладони Берена. — А об обратной дороге никто из нас, как видно, не подумал...

Берен печально улыбнулся.

— Что проку о ней думать. Мы с тобой надеемся только на чудо, верно? Наше дело дойти туда, и...

— И что? — с искренним любопытством спросила Лютиэн. Она не имела понятия с том, что следует там сделать, и отправилась в путь, ожидая какого-то вдохновения. Может быть, его получит один Берен? Или уже получил?

— Не знаю, — человек тряхнул головой, положил в рот кусочек хлеба, задумчиво разжевал и запил. — Чем больше я об этом думал, тем яснее понимал, что думать не надо. Почему-то мне кажется, что когда Сильмарилл будет в наших руках — дальнейшее решится само собой. Это было вложено в самую глубину моего сердца, я боюсь заглядывать туда.

Они молча ели какое-то время — один лембас на двоих, плоды, солонина, отдающая медом и орехи в меду, отдающие солониной. Лютиэн заметила, что Берен не может есть орехи и семечки, и не стала есть плодов и размякшего хлеба, оставляя ему, а сама принялась за это человеческое лакомство. Хм, ну, по крайней мере, это когда-то было человеческим лакомством.

— Остался сущий пустяк, — сказала она, когда они покончили с трапезой и даже крошки лембас съели до последней. — Войти в Ангбанд.

— Да, — кивнул Берен. — Об этом я тоже много думал, и думал, что это будет просто. Когда я... бегал на поводке у Саурана, мне приходилось иметь дело с рыцарями Моргота. Они много говорили об Ангбанде и не делали из этого тайны. Насколько я успел узнать, войти в Ангбанд намного проще, чем выйти. Пускают туда всякого, а вот выпускают только тех, кто выходит не таким, каким вошел, а каким хотел его сделать Моргот.

— Но мы ведь не поддадимся.

— Мы постараемся, mell...

Он повернулся лицом на север, потом вскочил, облизал палец и вытянул руку над головой.

— Ветер с севера, навстречу нам.

— Да, и что?

— Это значит, мы перевалили через середину треклятой морготовой наковальни. Бьюсь об заклад, что еще до заката мы выйдем из этой каменной ловушки.

— Мы выйдем раньше, Берен. Ведь я полечу.

— А я? Радость моя, ведь я не пес, чтобы ты могла набросить на меня личину волка.

— Для чар личины безразлично, пес ты или человек. Ты думаешь, что полевою мышью проще сделать летучей, чем эльфийскую деву?

Берен недоверчиво посмотрел сначала на Лютиэн, потом на волчью шкуру, потом снова на Лютиэн.

— Я ковыряюсь здесь уже шестой день, — сказал он. — А за какое время вы преодолели это расстояние?

— Мы вчера вышли в путь. Хуан бежал со всех ног.

Берен в задумчивости поскреб заросший подбородок.

— Мне не понравилось быть орком, — сказал он. — Думаю, волком быть тоже не понравится. Но подыхать от жажды и от того, что солнце лупит прямо по голове — тоже не понравилось.

— Тебе решать.

Он снова почесал подбородок. Слова про то, что «солнце бьет», не были пустой фразой — он и вправду выглядел как побитый. Губы растрескались и запеклись корками, как присохшие ссадины, веки покраснели и припухли, через лицо шла багровая полоса, словно Берен надел красную полумаску. Пять дней пути дались ему трудно.

— Скажи, что ты чувствуешь в ее шкуре? — прошептал он, неосознанно лаская пальцы Лютиэн.

— Силу, — ответила она. — Власть. Я могу навести ужас на сотни. Могу сразиться с кем угодно из мирроанви, победить его и выпить жизнь. Могу умчаться куда хочу, недостижимая, незримая... Но все это солома, Берен. У меня было достаточно силы и власти в доме отца, и я не желаю внушать ужас, это противно мне. Не бойся волчьей шкуры, бойся волчьей сути.

— Ты права, — Берен начал собирать еду в котомку. Собрав, поднял волчью шкуру и набросил на плечи так, что череп оказался на голове.

— Как я должен надеть ее — так?

— Сначала давай посним.

Проснулись они, когда солнце уже садилось, а луна — красная, разбухшая — только-только начала проступать на светлом небе, как кровь на ткани.

— Пора, — сказала Лютиэн. — Разденься. Этот мой плащ — одежда сам по себе, да и тварь, в которую я превращаюсь, не превосходит меня величиной. Ты же, боюсь, разорвешь свое платье, когда сделаешься волком.

Берен пожал плечами и начал снимать сапоги. Когда он сбросил куртку и рубашку, Лютиэн увидела, что его руки, плечи и грудь взялись «гусиной кожей». Он боялся куда сильнее, чем хотел показать.

Она увязывала его вещи, а он ждал, обернувшись волчьей шкурой и переминаясь с ноги на ногу на горячем камне.

— Ты мне еще велишь на карачки встать? — жалобно спросил он, когда Лютиэн закончила увязывать его одежду в узел.

— Нет, — улыбнулась она. — Просто закрой глаза.

Берен зажмурился. Это не было необходимостью, но Лютиэн не хотела, чтобы ему слишком сильно мешали страх и стыд. Она заставила его разжать пальцы, комкающие волчью шкуру перед животом и опустить руки, чтобы они повисли вдоль тела, расправила складки жесткого меха на плечах и на шее, уложила лапы так, чтобы они свисали вдоль плеч, обошла Берена кругом, разглаживая мех, успокаивая напряженного человека этими движениями; и когда он немного расслабил окаменевшие плечи — быстро взмахнула плащом над его головой.

Он упал вперед как каменная стена под ударом тарана — Лютиэн подставила плечо, но смогла лишь не дать человеку удариться оземь лицом. Удержать его было не в ее силах.

Волчью шкуру пришлось укладывать и разглаживать заново — теперь уже по-настоящему. Сильно проводя ладонями вдоль шерсти, лаская сквозь мех неподвижное тело, Лютиэн завела вполголоса заклинательную песнь.

Итиль, безмолвное волчье солнце,
На струнах струй серебристого света
Пропой своим детям песнь одиночества,
Пока звезды заревом не сожжены.
Внемли, неверный, призыву пасынка,

Тоскливому зову осеннего хлада,
Голоду пажити снежной, сосновой,
Пряной жажде гона весеннего.
К тебе из волглой логова мглы,
Тщетно ли сука взывает щенная?
Зря ли кормилец, кровавый ратай,
Воем время твое тревожит?
О, Тилион, стадо твое ждет тебя,
Пастырь волчий, кормчий сумерек,
Направь ладью свою рукою крепкой,
Прими в свою руку свору полночную...

Закончив эти слова, она вскочила, легко хлестнула волка-Берена концом плаща по ушам и звонко крикнула:

— *Cuio!*

Он вскочил и заметался во все стороны — матерый черный волчище, весь из напряженных жил и тугих мускулов. Непривычные лапы заскользили по камню, он завалился на бок, жалобно взвизгнул и снова вскочил, вертясь так и этак, чтобы рассмотреть себя, повалился на спину, елозя, как пес, замученный блохами, затем закрутился юлой, покусывая свои бока, словно пытаясь зубами сдернуть с себя чужую шкуру, а потом упал на брюхо и полз, пока не ткнулся головой в колени Лютиэн, тяжело дыша и с каждым выдохом поскуливая тихонько, словно спрашивая: «Что же это ты со мной сделала?»

— Успокойся, *mell, herven*, не нужно бояться, я никогда не сделаю тебе зла, — она гладила и трепала за ушами волчью голову, из глазниц которой укоризненно глядели человечесьи глаза. — Встань, дорога нас ждет.

Он вскочил — живая черная молния, готовая прыгнуть и поразить любого: глаза сверкают, уши прижаты и блестят белые клыки. Когда Лютиэн навьючила на него узлы со снедью, водой, одеждой — и меч, он недовольно заворчал, но человек в нем был намного сильнее волка, и разум — сильнее зова луны, силой которой он облекся в волчью плоть.

— Вперед! — затянув последний узел, Лютиэн хлопнула его по загривку — и он рванул с места, скрежетнув когтями о камень. Тинувиэль набросила и застегнула оборотничихин плащ, и побежала следом, на бегу расправляя руки. Ветер ударил в кожаные полы, на мгновение замедлив ее бег — но она оттолкнулась ногами от земли и черные крылья срослись с ее руками, хватая ветер и поднимая ее тело навстречу воздушному потоку.

Он уже успел убежать далеко вперед, когда она увидела его — черного на черном, заметного только по движению. Сменив угол полета, нетопыриха понеслась вниз, не давая ветру ни опрокинуть себя назад, ни сбросить вперед. Несколько мгновений — и две черные тени мчались по черной равнине одна над другой: летучая мышь настигла волка и вцепилась когтями в шерсть на его загривке, превратив свой полет в скольжение на крыльях.

Волк глухо зарычал на бегу, и она почувствовала в этом рыке яростную радость, острое наслаждение испытанным — сменившее прежний испуг. Волк-Берен рассекал горячую ночь, трепеща от восторга.

Люди и эльфы, *mirgoanvi*, — существа, суть которых тесно связана с их плотью. Эта ночь и еще одна будут ночами полнолуния, а потом — таково было заклятие, сотканное Лютиэн — волчьи чары должны были спасти с Берена. Теперь, чувствуя его радость, она побаивалась — не слишком ли долгим будет срок? Не произойдет ли в его сути перемен?

Но отступить было уже поздно.

Они мчались всю ночь, и миновали каменное блюдо, а наутро Лютиэн вернулась в свой облик, развязала вьюк с едой и накормила волка. Он сожрал все — кроме лембас, отложенных на самый последний день — и выпил почти целый мех воды. Потом они пошли рядом — Лютиэн в своем обликии и громадный волк, притомившийся от ночного бега. Когда жара сделалась невыносимой, они легли спать и проснулись с закатом. Волк допил воду из меха, облизал руки Лютиэн, немного поласкался к ней — и начался новый бег под низкой, зловещей луной.

Этот бег был не так стремителен как тот, прошлой ночью — мешал песок. Потом он сменился мелкими камешками и шлаком, а местность сделалась неровной, изрытой оврагами и пересохшими руслами — здесь во времена Ард-Гален пробегали мелкие степные речки, наполнявшиеся талой и дождевой водой. И мышь с волком то влетали на маленький холмик, то ныряли в темноту оврага.

В этих местах уже росло кое-что — сухая ломкая трава, что проживает свой краткий век во время весенних дождей и засыпает мертвым сном до следующего лета; неприхотливая колючка, лишайники. Никакой ночной живности не было видно — кроме ящериц, что охотились на насекомых и пауков. То там, то здесь мгновенными струйками перетекали они с места на место — и тут же замирали, сливаясь с камнем, такие же неразлично-серые и шершавые.

Под утро луна поблекла, и двое в ночи замедлили свой бег. Шерсть на волке стояла дыбом, он вывалил язык — не так-то легко далась ему пробежка. Лютиэн затормозила крыльями, призывая его остановиться. Волк сел, Лютиэн отпустила его загривок и приняла свой облик. Волк тут же забегал вокруг нее, выпрашивая успокаивающую ласку, и вдруг прижал уши, оскалился и с коротким лаем прыгнул с места через ее голову и приземлился, растопырившись и выгнув спину, заслоняя Лютиэн собой...

Еще один. Огромный, примерно вдвое больше, чем Берен в волчьей шкуре, больше Хуана и, кажется, даже больше Саурана в облике волколака. Он стоял на вершине холма, привлеченный сюда чужим запахом. Глаза его в свете угасающей луны поблескивали красным, пасть из-за чудовищных клыков никогда не закрывалась полностью, и тонкая капля слюны тянулась из угла страшного рта.

Берен умел драться как человек, но не умел как волк, он неминуемо погиб бы, но даже если бы победил — попробовав крови при полной луне, он был бы заключен в волчье тело всякий раз, когда луна достигает полноты. Раздумывать было некогда, королевной владел только безраздельный страх за Берена — и тут чудовищный волк прыгнул, перемахнул через обоих и теперь Лютиэн оказалась между ним и Береном. Волколак находился так близко, что дева почувствовала жар от его ноздрей, смрад из его пасти. Ее колени подогнулись от страха, но она все-таки сделала что собиралась: — взмахнула над клыкастой мордой своим плащом:

— Спи!

О столь быстром успехе она даже не думала: волчище осоловело попятился, сел на задницу, потом завалился на бок, и глаза его закрылись.

— Нет, нет, нет! — Лютиэн из последних сил сжала морду волка-Берена, подавшегося вперед, чтобы перервать беспомощному противнику глотку. — Тебе нельзя сейчас. Бежим, бежим как можно скорее отсюда!

Но у нее самой не было сил ни бежать, ни превратиться в летучую мышь.

«Я не нэрвен. Я все-таки слабая женщина, и я сейчас упаду...»

Берен схватил ее зубами за одежду на груди, помог устоять на ногах и забраться ему на спину. Лютиэн легла на его на хребет, обхватив руками и ногами, и он побежал в подветренную сторону и вперед. Нестись скачками он не мог, не хватало сил, да и Лютиэн не выдержала бы такого бега, но из своей рыси он старался выжать все возможное.

Взбежав на один из холмов, они разом увидели и цель своего пути — трехглавый пик, ущелье под которым именовалось Вратами Ангбанда — и свое сегодняшнее укрытие: остатки эльфийского форта.

Берен добежал до кольца полуразрушенных стен — и во дворе свалился без сил как раз в тот миг, когда солнце высекло искры из вершин Эред Энгрин.

Лютиэн слезла с волчьей спины, заставила Берена подняться на ноги, освободила от груза и, потянув за шкуру, крикнула:

— Glenna-n-gaur! Tello ner!

Шкура треснула по середине груди, там, где ее когда-то разрезали на волке. Мокрый, бледный Берен выбарахтался из нее, отшвырнул пинком и, не одеваясь, выхватил из кучи груза свой меч. Одним движением, уже почти из последних сил, он разорвал шнур, которым меч был прикручен к ножнам, и, отбросив одежды клинка в сторону, несколько раз с силой рубанул по волчьей оболочке. Нарсил рассек ее дважды и трижды, глубоко уходя в пепельный песок — а потом Берен рухнул на колени, прижавшись лбом к рукояти меча и тяжело дыша.

— Никогда... больше... со мной... так... не делай... — в пять выдохов попросил он.

Казалось, он сейчас потеряет сознание, но он удержал себя в руках и вернулся к брошенным вещам. Вложил меч в ножны и оделся.

Оба уже не имели сил что-либо делать — устроились рядом на песчаном наносе под стеной. Но оба понимали, что спать еще нельзя.

— Почему ты не дала мне убить волколака? — спросил Берен.

Лютиэн объяснила, и он не задал следующего вопроса: почему ты сама не убила его мечом? Он не мог ее осуждать — смертельно напуганную, спасшую ему жизнь и столько всего сделавшую. В конце концов он и сам тогда не подумал про меч — а задним умом все крепки...

— Ты отдохай, — сказал он, укладывая ее голову себе на грудь. — А я постерегу...

Лютиэн кивнула и послушно закрыла глаза. И десяти ударов не отсчитало сердце Берена, когда он услышал ее ровное дыхание. Она так же доверялась ему, как он ей, и даже если с каждым происходило что-то не то по ошибке другого — никто не говорил слов укора и вины...

— Берен! Берен...

— М-м-м?

Он отбросил плащ, из которого Лютиэн сделала подобие палатки, накинув его на воткнутый в песок меч — чтобы защитить Берена от солнца. Так. Значит, он проспал утро и всю жаркую часть дня здесь, в тенечке, а когда солнце заглянуло и сюда, Лютиэн прикрыла его плащиком. Хорош сторож!

Он встряхнул головой, чтобы отбросить грезы. Песок посыпался с волос.

— Старею, — проворчал он. — Сплю среди дня, и песок сыплется...

Лютиэн засмеялась.

— Здесь есть вода, — сказала она. — Дождь наполнил водосборник.

Берен кивнул, потому что они подумали об одном и том же: эльфы, строители заставы, наверняка были уже мертвы, но делом их рук они двое могли сейчас жить.

— Это хорошее укрытие, — продолжала Лютиэн. — Дорога от врат Ангбанда сворачивает на запад, и ее стерегут — а отсюда никто не ожидает появления противника, сюда никто не заглядывает. Ты правильно сделал, что пошел через Анфауглит.

«Вот только без тебя я бы оттуда не выбрался», — Берен привлек ее к себе и поцеловал в шею.

Вода была солоноватой — ведь никто десять лет не следил, чтобы водосборник не засолялся. Но они напились с удовольствием, до отвала.

— Мы сможем использовать это укрытие когда будем возвращаться?

— Вряд ли, — покачал головой Берен. — У меня на лице написано, что я шел через Анфауглит. Здесь будут искать в первую очередь, когда мы уйдем. Не думай об этом сейчас.

— Что же мы тогда будем делать?

— Искать рыцарей Аст-Ахэ. Черных рыцарей Моргота.

Лютиэн ждала дальнейших объяснений, и он объяснил:

— Оркам попадаться нельзя, не то мы закончим жизнь в здешних застенках. А вот эти рыцари проведут нас к Морготу, потому что таков здешний обычай. Понимаешь, с ними он ведет себя по-доброму и следует чести... По крайней мере, как они тут понимают честь. Вот с Сауроном было бы иначе, он непременно протащил бы нас через пыточную. А Моргот уверен в своих силах. Черные рыцари проведут меня к нему, как учат их предания, и я его вызову, и он примет вызов, потому что не захочет показать слабость перед своими.

— Король Финголфин уже вызывал его и он принял вызов. Что помешает ему просто убить тебя?

— Ничего. Но есть у меня одна мысль... Наше предание говорит, что некогда предки наши склонились перед Морготом. Поэтому доселе он считает, что люди принадлежат ему, и тому же учит своих верных. Государь Финголфин от начала был не его, и Моргот ничего не мог с ним поделаться — только убить. Меня же он убьет не раньше, чем отчается вернуть в свою собственность. А он не любит сдаваться...

— Пусть будет так, — согласилась Лютиэн. — Но нам придется тяжело. У нас остались два лембас. К чему их беречь?

* * *

Берен прихватил ярлык рыцаря Аст-Ахэ на тот случай, если раньше они все же встретят орков. Но им повезло — первым они встретили в горах конный разъезд из Аст-Ахэ — пятерых воинов, одетых в превосходные доспехи и черные с серебром нараменники. Издалека их можно было принять за эльфов — с таким искусством и достоинством они ехали. И, как эльфы, они понимали друг друга без слов — когда Берен и Лютиэн показались на дороге, лучники, не дожидаясь приказа старшины, взяли неожиданных пришельцев на прицел.

— Кто вы и куда идете? — спросил старшина, повысив голос не больше, чем требовало расстояние в десять шагов.

— Я пришел рассказать вашему Учителю о последних минутах Илльо из Белых Лис и Тхуринэйтель, что меняла обличья.

— Ты из его знамени? Или его рода? — спросил старшина разъезда, но Берен ответил только:

— Мне нужно увидеть Мелькора.

И рыцари взяли их с собой, и вечером преломили с ними хлеб. Берена разоружили и спросили об эльфийском клинке — он ничего не сказал.

Их везли как пленников, но, как и полагал Берен — морготовы рыцари обращались с пленниками вовсе не так, как орки. Им даже подвели коня, и Берен, прижимая к себе сидящую впереди Лютиэн, чувствовал порой ее дрожь. Что видела она сейчас, здесь? Он знал, что эльфы своим зрением видят и Моргота, и его приспешников иначе — и боялся спрашивать, как.

Они поднялись высоко в горы, и Берен увидел Ангбанд таким, каким он открывался пришельцам с севера.

О, Моргот умел строить... Замок возвышался на горе, как венец на прекрасном челе. Три высокие башни пронзали облака, стрельчатые окна ловили и отбрасывали свет подобно драгоценным камням. Когда разъезд оказался вплотную к замку, стало видно, что стены и башни еще больше, чем казались издали, что сделаны они словно бы не по человеческой мерке. Створ ворот навис над пришедшими как туча, а башни были так высоки и стройны, что Берену показалось — вот-вот они сорвутся с земли и взлетят, как стрелы.

Берена и Лютиэн свели с коня на широком дворе и оставили под охраной. Через какое-то время к ним вышел человек, которого Берен узнал, но имя вспомнил с трудом: они лишь мельком виделись в Тол-и-Нгаурхот.

— Велль, — сказал он, и это было не столько приветствие, сколько воспоминание.

— Ты знаешь мое имя, человек? — Велль сошел им навстречу со ступенек крыльца. — В таком случае назови свое.

— Я Берен, сын Барахира из рода Беора. Со мной Лютиэн Тинувиэль, дочь Тингола эльфа и Мелиан, богини. Мы пришли, чтобы встретиться с Мелькором.

Рыцари Аст-Ахэ схватились за оружие, и быстрее, чем об этом можно сказать, пять обнаженных клинков уперлись в грудь Берена.

— Этим меня не напугаешь, я такого добра видел много, — спокойно сказал он.

Стражник Берена протянул Нарсил одному из вышедших навстречу молодых воинов. Тот хмыкнул и наполовину вытащил клинок из ножен, разглядывая отделку.

— Не порежься, — бросил Берен.

— Работа Феанаро, — прищурился мальчишка. Потом вдвинул меч в ножны.

Во время этого короткого разговора горца обыскали. Он стоял, заложив руки за голову, пока один из рыцарей выяснял, нет ли чего-нибудь за пазухой или в сапогах. Там, конечно, ничего не нашли — Ангрис, нож Келегорма, был привязан вдоль предплечья.

— Зачем ты явился сюда? — спросил Велль.

— Нам нужно встретиться с твоим хозяином.

— Ты о ком? — северянин сделал вид, что не понял.

— О Морготе.

— Не смей называть так Учителя! — взвился паренек, завладевший Нарсилом. Командир поднял руку — и парень тут же сник.

— А что скажешь ты, госпожа? — Велль повернулся к Лютиэн. — Ты тоже пришла

сюда ради свидания с Учителем?

— Я хочу поговорить с ним, — кивнула Лютиэн.

— Если я не ошибаюсь, ты — дочь короля Тингола?

— Ты не ошибся. Я достаточно знатного рода, чтобы предстать перед тронном Владыки Севера?

— Мы не обращаем внимания на род, — заметил один из рыцарей. — Не предки делают человека доблестным.

— Верно, — согласился Берен. — Но память о доблестных предках не позволяет быть трусом. Проведи нас к нему, Велль. Или, по-твоему, он испугается посмотреть мне в глаза?

— Учитель ничего не боится! — крикнул мальчишка. — Если ты оскорбишь его еще раз, я буду биться с тобой!

— Я не убиваю детей, — горец даже не покосился в его сторону.

— Подождите здесь, — сказал Велль. — Я пойду доложить о вас.

Четверо рыцарей не спускали с них глаз, пятый — тот самый мальчишка — снова начал напоказ разглядывать Нарсил.

Берен не сомневался в том, что Моргот примет их сейчас. Саурон — тот отдал бы приказ подержать гостей день-другой в темнице, без пищи и воды, потом — прогнать через застенки, и лишь после этого снизошел бы до разговора. Он во всем видел подвох. Моргот же никогда не упускает случая блеснуть великодушием, если верить их легендам и балладам... А Берен верил им в этой части. Поэтому он почти без волнения разглядывал предпокой, в который их привели, высокий стрельчатый свод потолка, расписанный диковинными синими цветами по черному, узорной ковки треножки со светящимися фиалами, настенные гобелены... Если то, что он видел — обычный образец искусства Черных, то можно решить, что северяне предпочитают изображению — узор. Это напоминало их писания и песни, где одно слово образовывало с другим витиеватое кружево, в котором порой терялись бисеринки смысла. Ни гобелены, ни роспись на потолке не рассказывали о чьих-то деяниях, совершенных в минувшие дни — только цветы, листья и травы, в которых боковым зрением улавливались хитро врисованные в орнамент животные и птицы. И — неизбежное ощущение того, что где-то играет музыка, что она зовет, тоскует, плачет...

— Идемте, — Велль появился в дверях, сделал знак рукой.

Берен, Лютиэн и пятеро охранников — двое спереди, трое сзади — зашагали по коридору. Высокие узкие окна и круглые оконца в потолке заливали этот коридор светом, и видно было, что замок словно гордится собой, стремится выставить напоказ все искусство тех, кто его строил и украшал. Мозаика пола — плиты белого и черного мрамора, красного гранита вырезаны фигурно, и каждая фигура — ящерка, и все уложены так, что нет ни единого просвета, ни единой щели, в которую прошел бы нож. Стены — от пола до свода украшены резьбой, хитросплетением ветвей и листьев. Окна — искуснейшие витражи...

Они миновали коридор и прошли три зала — почти анфиладой. Из каждого зала в другой вели тридцать ступеней — вниз. Окон больше не было — Берен решил, что эти залы уже под землей. Кругом пылали факела и фиалы, а богатство этих покоев не уступало богатству залов Нарготронда или Менегрота...

Стражники стояли у каждой двери — неподвижные, подобные статуям, все в черном с серебряной отделкой. Некоторые провожали их взглядом, не повернув головы, иные и этого не делали.

Последняя дверь открылась перед ними, и здесь уже не было ступеней вниз, а пол был

гладкий как зеркало, и высокие колонны, отражаясь в нем, словно бы открывали под ногами входящего бездну. Потолок терялся во мгле, факела и свечи, двоясь в полу, освещали зал едва ли на треть его высоты. Зал был длинным, но узким, и здесь было полно народу.

Это и была та самая Морготова аула, о которой так много говорилось вечерами в ауле Каргонда. Сюда приволокли пленного Маэдроса, и здесь он при всех корчился на полу — от страха, как говорили легенды; Берен же полагал, что Моргот поразил его болью, сродни той, что насылал Саурон. Сюда приходили все эти странники их легенд, люди и эльфы, воины и менестрели — и узнавали якобы страшную правду: владыка Севера есть не враг всего живущего, а Возлюбивший Мир, принявший на себя всю его боль... И оставались здесь, очарованные этой сказкой...

Двое стражников, шедших сзади, остались снаружи, остановился Велль.

— Идите вперед, — сказал он. — Учитель ждет вас.

Там, впереди, мерцал иной свет, отличный от мерцания факелов и свечей. У Берена захватило дух — он понял, что светится этим светом. Лютиэн стиснула его ладонь, и он ответил ей легким пожатием.

Шаги человека звенели по камню, но еще сильнее, казалось ему, стучит его сердце. Эльфийская дева шагала неслышно.

Шестьдесят шагов отсчитал он, и остановился, не дойдя десяти до трех ступеней, поднимающихся к высокому трону из черного дерева. По сторонам стояли и сидели люди — десятки, может, сотни рыцарей Аст-Ахэ, мужчин и женщин разных лет, от пятнадцати до сорока, красивых, точно на подбор, одетых в черное, редко — в темно-красное или лиловое, почти все украшения — из серебра. Берен старался не смотреть на трон прежде, чем встанет лицом к лицу с тем, кто на нем сидит.

Берен был готов к тому, что увидел — обезображенное шрамами усталое, исполненное нездешней мудрости и печали лицо. Он не был эльфом и не мог разглядеть за этим обликом другого Моргота — того, которого показали ему на кургане Финрода. Этот же сам походил на эльфа, меченого ранами и страданиями, только ростом превышал любого из эльдар почти на целую голову. Одежды его было черными, пояс — из чеканных серебряных пластин, а грудь украшала цепь с большим «кошачьим глазом», вделанным в подвеску. Волосы его были белыми, как мрамор. А над головой висел — сначала показалось, что приделанный к спинке трона, потом Берен разглядел, что прямо в воздухе — железный венец, в котором горели Сильмариллы.

У Берена перехватило дыхание. Словно Солнце уронило три слезы... Словно он заново оказался у истоков мира — свет, лившийся из камней, был древнее, чем форма, хранившая его, но не старел. Словно бы все ткани бытия разошлись там, где горели три камня в своей железной темнице, и сквозь эти окна в глаза Берену смотрело нездешнее. Он понимал теперь, почему Феанор отказался отдать камни Валар; понимал, почему Мелькор возжаждал их и почему три рода нолдор готовы были пролить моря своей и чужой крови ради их возвращения.

— Кто вы, дети мои, и зачем вошли сюда непрошеными? — спросил Мелькор. Голос его был усталым и как будто бы даже ласковым, но строгим — так любящий отец спрашивает сына-несмышлениша: «Ну, что ты еще натворил?». Этот голос должен был обезоруживать.

Берен провел рукой по волосам, все еще полным песка, собираясь с духом, чтобы ответить — но Лютиэн опередила его.

— Я дочь короля Тингола, Лютиэн Тинувиэль. А это муж мой, Берен, сын Барахира. Я

пришла к тебе, чтобы спеть перед твоим тронем, как поют менестрели Средиземья.

Мелькор улыбнулся — одними уголками губ, чтобы не открылись раны на лице — и сказал:

— Что ж, пой. Время у нас есть.

* * *

У него и в самом деле было время. И время работало на него. Неумолимо, неотвратимо оно подтачивало Арду, и он провидел тот день, когда Арда падет в его обожженную ладонь, как яблоко, утомленное собственной спелостью.

Никто не мог помешать ему. Далекие братья-враги, Силы, могли бы, если бы захотели, переправиться через великий океан и ударить по Твердыне Тьмы, сразиться с ним и одолеть — но он все продумал. Клятва Феанора закрыла для них эту дорогу. Пообещав не помогать гордецам, Силы обрели себя на бездействие и развязали ему руки. Узнав это от пленных, он рассмеялся — так предсказуемы оказались противники. Тогда он еще мог смеяться, тогда плоть, сотканная им для общения с эльфами, еще не так тяжело страдала. Он даже думал, что сумеет зарастить ожоги от Сильмариллов. Потом понял, что не сумеет — и решил поменять фана, но оказалось, что не может и этого. До Феанора, из-за которого он терпел эту муку, было уже не добраться — но когда орки приволокли Маэдроза, он отомстил сыну творца Сильмариллов за свои раны, нанесенные Камнями. И за эту поганую гордость, которую из холдор можно вышибить только вместе с мозгами. Вот так же, как этот смертный, стоял Феаноринг, полный ненависти и презрения, и так же, как Феаноринг, этот смертный будет вопить от боли, пока не сорвет горло.

Если не покорится сразу. Когда по его зову пришли смертные, на которых он еще до валинорского плена наложил свое клеймо, он узнал лучшую месть, чем мучить тела и души. С эльфами это было невозможно, эльфы ломались и умирали — но не менялись по его мерке, подобно тем, кого он захватил в самом начале. С эльфами было поздно что-либо делать, люди же таяли в его ладонях как воск, и принимали ту форму, которую он желал им придать. Лишь три племени отщепенцев не ответили на его призыв и пошли на Запад, повинувшись иному зову.

Он был из этих, смертный с волосами цвета стали. Из тех, кто в годы тьмы подчинился лишь внешне. Пока рука Мелькора была на этом народе, они не смели поднять глаз, но за время его отсутствия непокорный скот вышел из повиновения и соблазнял остальных. Он и теперь пришел соблазнять, он и эльфийская чаровница, внутри которой тлела сила, унаследованная от Мелиан. Ничто по сравнению с силой Мелькора, поэтому он и согласился, чтобы она спела. Он был готов ко всему, мог отразить любую из жалких каверз, порожденных несовершенными умами созданий из плоти и крови. Он, певший в музыке Творения!

Да, их появление озадачило его — немного. Он не почувствовал их приближения в своих землях, это его обеспокоило. В этом была некая тайна, но смертный и эльфийская дева раскроют ее, он не сомневался. Его также немножко раздосадовало то, что их захватили рыцари и привели в аулу. Теперь он был вынужден ответить на вызов, а он терпеть не мог,

когда его к чему-то вынуждали, путь даже вынуждали им же самим изобретенные правила. Он заботливо растил и учил Рыцарей, они были предметом его стараний, произведением его искусства — не для того он так тщательно поднимал их над уровнем людского быдла, чтобы сумасшедшая парочка заставила его уничтожить целое поколение, цвет его сада. Однако удалить рыцарей от соблазна он не мог, ведь это значило бы, что он сдался перед лицом вызова, на один миг помыслил о том, что двое пришельцев действительно могут быть опасны. Сука добрая воля, ненадежная основа, что может дать трещину в любой момент, а избавиться от нее никак невозможно...

Пусть поет, решил он. У меня будет время все исправить, если что-то случится.

И она запела. Против его ожиданий, это не была заклинательная песнь-клинок, оружие в устах барда. Чувство, испытанное Мелькором, воплощенные назвали бы досадой — он приготовился к битве, а песня сулила усладу.

Она повествовала о первых днях эльфов, о юном мире под светом звезд, о мире, не ведавшем зла. О времени, когда ночь не была покровительницей страха. О легкости, с которой земля дарила себя Детям Единого. О том немислимом покое, полном радостей и трудов, который успели изведать Перворожденные. Одетая в темный плащ, она кружилась маленьким черным вихрем под собственную песню, и казалось, там, где она проходит, за ней шлейфом тянется та первозданная густая синева, которой изведали впервые открывшиеся глаза эльфов. Этот сумрак наполнял и без того сумрачный зал, факела и фиалы гасли один за другим, и когда погас последний — изумленные рыцари Аст-Ахэ и не менее изумленный смертный, подняв головы, увидели звезды, огромные и ласковые звезды, дарящие то, что он учил (и сам привык) называть Не-Светом.

«Хватит», — решил Мелькор, и потянул за одну из тех незримых нитей, которые сплетались в сеть. Рыцари повалились на пол, все с теми же изумленными и блаженными улыбками. Что ты на это скажешь, маленькая колдунья?

— Итак, ты усыпила их своей песнью, — сказал он, про себя наслаждаясь ее удивленно распахнутыми глазами. — Я не знаю, этого ты хотела или нет, но они заснули, и теперь мы одни. Они не проснутся, пока не будет на то моей воли. Ничто не помешает мне отдать вас оркам, а им сказать, что вы ушли, несчастные дети, помилованные мной за свою любовь. Но я великодушен. Вы и в самом деле можете уйти.

— Я не уйду без Сильмарилла, — сказал смертный.

— Сильмариллы мои, — ответил Мелькор. — И я их не отдам. Берен, я много слышал о тебе и думал, что ты по крайней мере умен. Вот я перед тобой, владыка Арды. Вот ты передо мной, храбрый воин, незаурядный среди смертных, но все же — смертный, которого я могу прикончить одним движением руки и не убиваю лишь потому, что не хочу. Как ты собираешься заставить меня расстаться с сокровищем? Расскажи, мне интересно.

— Ты сам отдашь его мне.

— Вот как? — Мелькор приподнял бровь. Раны не позволяли выразить язвительное удивление более четко, но если бы рыцари не спали, они расхохотались бы над Береном. Этот тон неизменно заставлял их смеяться. — И почему же?

— Потому что они тебе не принадлежат, — сказал Берен. — Ты добыл их грабежом и убийством. Отдай их, потому что на них кровь Финвэ, короля моих королей. На них кровь Альквалондэ и тех, кто погиб в Хэлкараксэ...

Он думал, будто что-то собой представляет, ходячая груда сложных соединений, куча неуклонно самовоспроизводящихся и тут же распадающихся элементов живого. Все они так

думают, но в одних эту иллюзию лучше поддерживать, а в других — развеять. Время есть. Можно позабавиться. Пусть он поймет о себе все. И пусть она все о нем поймет.

— Как странно, сын Барахира, — Мелькор откинулся на спинку кресла. — Ты обвиняешь меня в убийствах и грабежах, но посмел предстать перед моим тронem. Наверное ты слышал из уст моих людей, что я не убиваю странников, что даже моих врагов здесь ждет радушный прием... Кстати, где они — те, кто поведал тебе это?

— Они мертвы, Мелькор.

— Кто же убил их?

— Я...

— И ты обвиняешь меня в том, что на Сильмариллах — кровь убитых мною? Скажи мне, Берен, ты глупец или лицемер, если говоришь со мной так?

— Я прав — и этого довольно.

Мелькор засмеялся — не разжимая губ, в нос — большего эта шутка не стоила. Смертный сжал челюсти.

— Валар могут ошибаться, — Мелькор заговорил, и голос его был как тончайшее и острейшее лезвие. — Изначальные не непогрешимы, эльфийские короли бывают неправы — но не Берен, сын Барахира! Мне явлено величайшее чудо Средиземья — человек, который всегда прав!

— Не всегда! — крикнул Берен, — Но сейчас. И ты это знаешь. Я прав, потому что убивал защищаясь, а ты пролил невинную кровь. Придумай сотню сказок в свое оправдание, заставь весь мир поверить в них — твои руки обличат тебя. Они до сих пор в язвах, верно? Ты не имеешь права на Сильмариллы, потому что не в силах даже коснуться сокровища, которое зовешь своим.

— Не в силах? — Мелькор поднялся с трона. — Ты ошибаешься, смертный, и ты сейчас узнаешь цену своей ошибке. Пусть наши руки рассудят нас, раз ты сам избрал их судьями.

Он внутренне улыбался. Да, это будет прекрасно. Пытка была бы всего лишь пыткой, обман — всего лишь обманом, но смертный будет корчиться, сраженный правдой, ради которой пересек пустыню. И после этого — он признает меня. Ничего другого ему не останется. А потом можно будет заняться эльфийской девицей.

Мелькор вытянул руку вперед — и в парившем над тронem железном венце разжались зубцы, что держали Сильмариллы в железной короне.

— Смотри, — сказал Мелькор, когда камень упал в его протянутую ладонь. Перчатку он снял еще раньше, и Камень оказался в тисках обнаженной плоти.

Он называл себя человеком и говорил рыцарям, что знает человеческую боль, но это было неправдой. Боль, которую он терпел сейчас, была нечеловеческой болью. Плоть горела и дымилась, кипела кровь, тошнотворный запах паленого мяса пополз по залу. Мелькор сошел с трона, человек шагнул ему навстречу.

— Смотри, Беоринг. Вот, что камень сделает с плотью того, кто, по мнению твоих Валар грешен и мечен Падением. А вы, люди, мечены им изначально, если я и в самом деле — ваш создатель... Мне жаль обращаться к этому испытанию, но истина дороже. Ты не сможешь унести Сильмарилл отсюда, тебя убьет боль, которую я могу терпеть только потому, что я — Вала... Не-Свет, заточенный в этом камне, враждебен всему, что нарушает их устоявшуюся, мертвую гармонию — а значит, и тебе тоже. Если я дам тебе Камень — возьмешь ли?

Смертный провел языком по сухим губам.

— Возьму, — сказал он. — И унесу, если никто не заступит дорогу.

— Пустой бахвал! Да если ты сумеешь пронести Камень хотя бы десять шагов, клянусь, никто не помешает тебе выйти отсюда!

Боль и гнев владели им сильнее, чем он собирался позволить себе. Он с опозданием понял, что в самом средоточии своих сил, с Сильмариллом в руке, сказал Слово...

А впрочем, это не имело значения. Смертный не вынесет, уронит Камень. Если он сделает это достаточно быстро — всего лишь потеряет руку. Если у него хватит воли на большее (в чем Мелькор сомневался) — умрет от боли.

Он даже жалел Берена. С одной рукой ему трудненько придется в рядах воинства Аст-Ахэ, и немного досадно будет, если он умрет. Отличный материал.

Смертный вроде бы колебался. Неужели струсит? Если струсит после того, как заставил меня терпеть так долго — сгною заживо, решил Мелькор.

— Идет! — смертный ударил Валу снизу по руке и поймал Камень в воздухе, сжав пальцы и стиснув зубы.

Мелькор отступил на шаг назад, чтобы несчастному было куда падать, когда ноги подломятся в агонии. Смертный какое-то мгновение смотрел на свою руку, охваченную незапятнанным сиянием — и крикнул вдруг, громко и коротко, и крик его многократно отразился от сводов аулы.

* * *

Берен готов был вытерпеть и принять любую боль, умоляя Единого и всех Валар лишь об одном: о силах перенести ее. Он так ждал боли, что почти ощутил. Почти обжегся... Почти...

Нет...

Он крикнул не от боли — от счастья, переполнившего его внезапно, хлынувшего через край. Сердце готово было выскочить из горла и взлететь птицей: Камень, сгусток первозданного, неискаженного пламени, грел — но не обжигал! Страшноватым факелом показалась Берену сжимающая камень рука: плоть и кровь окрасили сияние камня алым, и в этом алом свете он увидел, как исказилось лицо Мелькора.

— Остановись! — Мелькор вскинул руку, вырастая под потолок — Берену было уже все равно.

Не обращая на Валу внимания, он сделал шаг...

...Полутемная комната, разбросанная постель, а на постели — женщина с искаженным лицом...

Андис. Память ожила, заполнив все вокруг зримыми, осязаемыми образами, и Берен понял, что сейчас пройдет через самые мрачные закоулки своей души.

...Слишком тесно в комнате для двух разъяренных мужчин, для двух мечей, высекающих искры в яростной пляске... И лицо Борвега — красно от света лампы, от прилившей крови, и пот стекает по нему ручьями — от непривычных уже усилий и от страха. Ибо нагой юнец, пойманный в постели жены, оказался не только племянником князя, но и отличным мечником — настолько хорошим, насколько можно быть в неполных восемнадцать лет. Он

двигался быстрее, отражал удары легко и уверенно, наносил их сильно и хлестко — Борвега спасал опыт... Только опыт... Но и опыт — плохой помощник, когда слабеет рука, и после очередного удара твой меч отлетает в сторону... Ты во власти мальчишки, похитившего честь семьи, весь — в его милости... И больше всего на свете тебе хочется, чтобы острие меча не задержалось у твоего кадыка, а прошло дальше — насквозь...

Миг жгучего стыда, испытанного впервые — настоящего взрослого стыда... Когда взрослый мужчина, старше твоего отца, плачет — потому что ты унизил его, и, смертельно унизив, пощадил... И ты впервые так остро чувствуешь, что твое счастье оплачено чьим-то позором, чьими-то слезами...

Берен не знал, что делать, он пришел в ужас — рука, сжимающая Сильмарилл, и вправду не единожды запятнана. А перед этим светом невозможно лгать; ложь — гибель, что же мне делать???

«Прости меня, Борвег...» — он сказал первое, что пришло на уста, и сделал следующий шаг.

— Забыть о чести, наплевать на закон... Опозорить разом и имя Бруганов, и имя Беорингов! Нечего сказать, хорошего же сына я воспитал. Зачем тебе дан был этот меч? Чтобы ты безнаказанно бесчестил чужих жен? Или все-таки для того, чтобы охранять Закон и Правду?

— Почему из-за этого Закона женщина не может быть счастлива с тем, кого любит?

— Потому что если каждый в погоне за счастьем начнет переступать свое слово, данное другому перед лицом Намо Судьи и Единого, во всем мире воцарится беззаконие и смута, восторжествуют низость, убийство и обман!

— Так будь проклят твой Намо и твой Единый, раз они создали такие законы!

...Голова откидывается назад под тяжестью оплеухи — в первый и последний раз Барахир поднял руку на взрослого сына. Гнев и обида охватывают сердце — а отец поворачивается спиной, и спина эта широка, а кинжал справа, под рукой... Был миг, один лишь миг, когда Берен готов был поднять на отца оружие.

«Прости, atarinya...»

Шаг...

...Это был маленький орк, лет восемь-десять... Таких — еще не убивали... Но этот — подобрал саблю мертвеца и с визгом бросился на врага... На мальчишку не так чтобы намного старше себя, еще не успевшего понять, убил он кого-то в этом налете на становище — или нет?

Движение, заученное годами: отмашка снизу, и тут же — «полет стрижа» — меч наискось рубит противника через грудь, рассекая ребра и грудину...

Он умирал невыносимо долго, и Берен никак не мог справиться с силами и добить одним ударом.

Потом его рвало.

Прости меня, ты, чьего имени я не знаю...

Шаг!

Он думал — это будет Ущелье Сириона, но это были Топи Сереха...

«Почему мы должны опять прикрывать вас собой? Чем вы лучше? Тем, что бессмертные, тем что не болеете, искусны без меры и так мудры, что аж тошно? Так не хватит ли с вас? Все равно вы не умираете насовсем, все равно вы когда-нибудь возродитесь: так пожалейте нас, мы и так-то пожить не успеваем! Боги, боги, за что вы так жестоки?»

...Рука тяжелеет, налившись усталостью, и словно острые иглы, судорога пронзает ее время от времени. Они отступают, разбирая за собой гати, ломая доски, выворачивая кольца — и стук топоров перемежается тупыми ударами кованых болтов в доски... в щиты... А порой звук попадания — как в мешок земляного хлеба. И кто-то валится на доски или в грязь...

Берен поскользывается, срывается с кочки и, взмахнув руками, шлепается в трясину, в стылую черную жижу...

Шлем и кольчуга тянут ко дну. Рвется под заочевшими пальцами жалкая болотная травка, за которую он пытается цепляться. Даже умеет он плавать...

— Руку! — сквозь грязь, залепившую глаза, он видит протянутую ладонь — узкую, как у девицы... Вцепляется в нее как клещ — и чувствует силу мужской ладони руки (два раза ладонь), что тянет его к мосткам...

Как его звали, этого эльфа? Он не запомнил...

Неужели я был так малодушен?

Память беспощадна. Был.

«Прости...» — шепчет Берен.

...Этого эльфа убили на следующий день; они даже не могли его похоронить — там, в трясине, остались его кости...

Шаг.

— Где они?! Где они, выродок?! Тебе что, сучий потрох, твоя шкура не дорога? Оторвать еще кусочек?

Крик — и кровь стынет в жилах...

— Урагх, это нечестно! Ты уже второй раз лезешь, а я еще даже не подержался! А ну, пусти, пусти меня к ней!

— Нравится, беоринг? А уж ей-то смотри, как нравится! Ну, где они, твои друзья? Где твой хозяин, Барахир, где наследники этого вшивого княжества? Смотри, еще вся ночь и весь день впереди, а нас тут полсотни, твоя баба внакладе не останется, да и ты тоже! Говори! Говори сейчас, если не хочешь, чтобы я вот этой вот кочергой пришпарил ее промеж ног!

Невнятное бормотание.

— Что? Не разберу ни хрена — Фолдор, заткни ей пасть.

«Только не меня! Горлим, ради всего на свете — меня не выдавай!»

Да, так оно и было: он не подумал о других.

«Прости, Горлим... И ты, Эйлинель — прости...»

Шаг...

Он страшился этого видения, потому что знал — он окажется в Сарнадуине...

Там был колодец, как раз напротив коновязи, и в этот колодец они спускали кровь...

— А все почему? — разглагольствовал вожак над орками — человек, щербатый северянин. — Все через гордость твою паскудную. Всего-то и дела: сапог лизнуть, а? Вот ты, Карог, к примеру, отказался бы от моего сапога?

— А чего там... Сапог как сапог...

— Ну! И я говорю! И чего брезговать-то, после того как он уже столько раз по твоей морде погулял! Вы с ним теперь, можно сказать, родные братья, Беоринг.

...Смешно им было — чуть животы не надорвали.

Девятнадцать трупов — старики, бабы, детишки... Потеха.

Унизиться? Не то слово — унижение он перестал чувствовать уже после того как его

второй раз отлили водой. Словно заостенел весь...

«Ты хочешь сказать, что и это произошло только по моей вине — а не потому что орки любят проливать чужую кровь?»

И все равно — простите...

Шаг!

Вот это было страшнее всего — морозный день в долине Улма.

Слова стынут на ветру — а Раутан еще ничего не понимает, и его слуги тоже...

— Я верен Финроду, а он в заложниках у Тху. Я не могу ни бежать, ни отпустить тебя.

Прости, Раутан.

Точно в сердце, как в масло — быстро и почти без боли... Да. Умею.

Кровь успела застыть на клинке морозными изломами, пока он догнал второго слугу — это не погоня была такой долгой, это день выдался такой холодный...

Отчего так живо помнятся всякие мелочи?

«Раутан, прости, где бы ты ни был...»

Шаг.

Медленно, как во сне, он поднимает копьё — и ветер подхватывает красную тряпицу, забавляется ею недолгое время — а потом несет на своих крыльях стрелы, окрыленные горячей паклей. И взвизывает под ногами наступающих пехотинцев Аст-Ахэ пламя...

«Теперь наша очередь устроить кое-кому Дагор Браголлах...»

Смотри! — человек мечется и кричит, пытаюсь сбить огонь, отбрасывает и щит, и копьё, кружится в жутком танце — и бежит на мечи врагов, сулящие более легкую смерть... Простой северянин, не из воинов Твердыни, которым дарована безболезненная смерть. Эти продолжали рубиться и обгоревшими до мяса.

"И у вас я должен просить прощения, враги мои? За что же? За то, что я стер вас с лица земли, не дал убивать, насиловать и грабить вволю? Нет, в этом я не раскаиваюсь. А в чем же тогда?

В том, что бессилён был вас исцелить — мог лишь убить?

Пожалуй...

Что ж, и вы простите меня, враги мои..."

Шаг!

Лицо во мраке. Нет, не во мраке — в сером свете не этого мира.

Ном!

«Не останавливайся. Иди».

«Иду...»

Я знаю, ты заранее простил меня... И все же — прости еще раз, если я сейчас ошибаюсь...

Шаг!!!

Он прорвал пелену видений и выпал в настоящее.

— Ты за это заплатишь, — прошептал Мелькор...

Нет. Не Мелькор. Моргот.

Очнувшись от грезы, Берен развернулся и увидел его почти таким, каким представлял по рассказу о поединке с Финголфином. «Ну, не тридцать футов... Ну, десять... Мне хватит...»

Корона теперь была на голове Валы, огромной, как котел, но сияние Камней не освещало его лица — так круто выступал вперед широкий лоб. Сама по себе кожа Моргота

была темна, но там, где лучи падали на нее, как будто бы светила мрачным лиловым светом. Раны, которые оставил Торондор, из-за теней казались больше. Глаза... Берен узнал их, узнал белый огонь, сочащийся между прищуренных век. Плечи были как скала, руки — словно тараны.

Берен осторожно обнял Лютиэн за плечи, нащупал нож в рукаве и передал ей под прикрытием плаща. Шагнул вперед, заслоняя Лютиэн собой.

— Бедные дураки, на что же вы рассчитывали? — проговорил Моргот. — Что спасет вас от смерти?

— Ничего, пожалуй, — глухо ответил Берен. — Успеешь ли ты, твое могущество, прибраться тут, пока ребятки не проснутся? А то неловко получится: «Учитель, откуда куча мяса на полу?» — «Хрен его знает, парни, наверное, ветром надуло...»

Туша Моргота содрогнулась в коротком хохоте, потом белые зрачки снова вонзились в человека.

— Отдай мне Сильмарилл, Берен. Подержался — и хватит. Эта ноша не по тебе.

— Нет. Ты сказал слово, Мелькор, ты поклялся, что если я удержу Сильмарилл — никто не помешает мне выйти отсюда.

— Не будь дураком. Что помешает мне сейчас переломить тебя надвое и забрать Сильмарилл?

— Твоя любознательность. Ты хочешь знать, как я, будучи нечист, сумел удержать этот свет в руках.

— И я вырву у тебя эту тайну, Берен. Если хочешь жить, если хочешь, чтобы жила Лютиэн — открой ее, отдай Камень — и убирайся, пока я добрый.

— Здесь нет тайны, Мелькор. Я удержал камень, потому что просил прощения — и был прощен Тем, Кто властен прощать. Вот и вся тайна, и я не боюсь открыть ее тебе, потому что, может быть, в этом и был смысл всего — чтобы ты узнал о прощении. Если хочешь, чтобы Камни перестали терзать тебя — проси его. И получишь.

— Неужели? — Моргот приблизился вплотную, встал перед ними, возвышаясь исполинским изваянием. Подвеска черного ожерелья Валу находилась на уровне глаз человека, и Берен увидел, что цепь выполнена из сплетающихся серебряных змей. Сердце горца колотилось так, что казалось — вот-вот сорвется с тех нитей, что удерживают его на месте, и провалится в живот.

— Посмотри мне в глаза, человек, — произнес Моргот. — Посмотри мне в глаза и повтори свои слова.

«Если я это сделаю — я умру в тот же миг», — Берен чувствовал, как внутри нарастает вой. — «Хорошо было пророчить Хурину... Самому сделать то, что требовал от него — сложнее, правда? Трус, дерьмо, дешевка — посмотри ему в глаза, покажи, что у тебя не пресная кровь!»

Он поднял голову — и встретился взглядом с двумя провалами, полными белого огня. Лицу стало холодно — Берен понял, что сейчас он смертельно бледен.

— Я сказал, — собственный голос был далеким и слабым, язык еле ворочался. — Что тебе придется выбирать между прощением и проклятием, здесь и сейчас, в последний раз. Когда — живые, ли, мертвые, — мы покинем этот зал, выбирать будет поздно.

— Вот оно что, — на плечи легли две ладони, тяжелые и крепкие, словно гранит. — Хитрый вор, хитрейший из всех! Рассчитываешь на благородство, взываешь к нему? Думаешь жалостью выманить один из Сильмариллов, а хоть бы и все три? — пальцы Моргота

сжались, загребая в горсти одежду на груди, ноги Берена оторвались от земли — человек оказался с Валой лицом к лицу, но Сильмарилла из руки не выпустил. Лютиэн вскрикнула, что-то произошло у Берена за спиной — он не в силах был оглянуться, знал только, что Моргот бросил в ее сторону единственный взгляд — и она упала на пол, а Ангрисст зазвенел о мрамор колонны где-то далеко позади...

— Не рассчитывай, — выдохнул Моргот. Из пасти пахло разрытой могилой... — Мне плевать, что подумают эти щенки, когда очнутся, мне плевать, что подумает весь мир: я убью вас!

Он замолчал и застыл, потом рука медленно разжалась — Берен снова оказался на полу, повернулся было к Лютиэн — бежать к ней, спасти! — но был схвачен за руки. Рванувшись несколько раз в отчаянии, убедился, что Моргот действительно сильнейший в этом мире — по крайней мере, телом: руки не дрогнули ни на дюйм. Две гниющие раны на его ладонях кровоточили и воняли так, как и положено вонять гниющим ранам. Берена посетила неуместная мысль: если им суждено выбраться отсюда живым, он обязательно первым делом постирается... а то и вовсе сожжет эту рубаху.

Лютиэн плакала, лежа на полу.

— Нет... — руки Моргота разжались, он — уже в облике Мелькора — поднял ладонь. — Мне не нужна легенда о двух несчастных влюбленных, замученных гадким Морготом. И вы не заставите меня такую легенду создать. Я Мелькор. Мелькор, Возлюбивший Мир. Боль мира — моя боль, и вас мне жаль тоже, бедные дети. Я отпускаю вас. Оставьте Камень и идите. И будьте счастливы друг с другом. Спешите — я не предлагаю дважды...

— Предложи это хоть трижды — я не уйду без Камня, — сказал Берен. Едва Моргот, сменив облик, отпустил его, он бросился к Лютиэн, поднял, прижал к себе. — Я, видишь ли, дал себе слово, что добуду у тебя Сильмарилл или умру. А своими словами я не бросаюсь.

— Значит, ты умрешь, — сказал Мелькор. — Мне будет немножко жаль убивать тебя, но мое слово крепче твоего. У вас ничего не получилось, дети мои. Это была хорошая попытка, но она провалилась.

— Мы не твои дети, — тихо сказала Лютиэн. — И никогда ими не были.

— Вот как? А чьи же?

— Ты знаешь, кто сотворил тебя и нас. Ты знаешь, кто наш Отец.

Вала смотрел ему в глаза, и Берен не опускал взгляда. Это не были глаза Моргота, и ничего, кроме обычного страха, человек не испытывал.

— Ты чувствуешь себя очень уверенно, сын Барахира? Ты убежден в своей правоте настолько, что все мытарства твоей жизни не смогли поколебать тебя?

— Это не моя правота, она выше меня. Если ты не согласишься, Мелькор — ты погибнешь окончательно.

— Тогда держись.

Пол раскололся под ногами Берена и он полетел в темноту. Стальные браслеты охватили запястья, цепи рванули руки в стороны так, что хрустнули суставы и лопнула кожа. Крича, он повис в темноте, не видя ни неба, ни дна — но не разжал руки и не выпустил Камня. Одежда истлела в мгновение ока, и порыв горячего ветра унес лохмотья прочь.

— Смотри, — сказал Мелькор. Черная на черном, его фигура выделась до странности четко. Берен глянул туда, куда указывал палец, и снова крикнул: напротив, нагая, висела на цепях Лютиэн.

— Спаси меня, — ее голос был сорван, глаза — сухи, потому что слезы иссякли.

— Отпусти ее, — попросил Берен, задыхаясь. — Отпусти, умоляю.

— Ты знаешь, что должен сказать, чтобы я ее отпустил. Скажи слово, разожми руку — и она свободна.

Берен молчал.

Из темноты молнией взвился огненный бич, обхватил бедра Лютиэн жутким мгновенным объятием. Ее крик разорвал Берену сердце пополам и еще раз пополам.

— Что-то ваш Отец не спешит вас избавить, — Мелькор зевнул со скучающим видом. Берен невольно закрыл глаза — видение не пропало.

Это морок, догадался он. Надо было сообразить сразу — слишком картинно для настоящего застенка. Он сцепил зубы — и преодолел наваждение. Все было по-прежнему: он, целый и невредимый, стоял перед тронем Мелькора, а Лютиэн застыла в его руках.

— Незачем Отцу разоблачать дешевый обман, с которым справится и человек.

— Очень хорошо, — в голосе Мелькора сквозило неподдельное удивление. — Кто научил тебя этому? Финрод?

— У меня и своя голова есть.

— Верю, — Мелькор поднял ладонь. — Но ты же понимаешь, что я могу то же самое сделать и на самом деле.

— Только это ты и умеешь.

— Вовсе нет! — Мелькор как будто был готов потерять власть над собой. — Но мне приходится подбирать доводы, доступные твоему сознанию.

— Я не такой дурак, каким выгляжу.

— Дело не в глупости, а в привычке к отвлеченному мышлению. Будь ты эльфом, мне с тобой даже было бы где-то проще. Но ты человек. Цепочка последовательных рассуждений — не то, что может тебя убедить, и потому я обратился к твоему чувственному опыту. Обратимся к нему еще раз.

Мир расточился перед глазами Берена, и каким-то глубинным, внутренним знанием он понял — на сей раз это не морок. Он видит мир таким, как он есть. Все сущее распадалось на мельчайшие частицы, потом еще более мельчайшие, потом еще, а потом он увидел, что и частиц-то никаких нет, а есть сплошное какое-то движение. То, что он всегда полагал плотным, твердым, надежным — на самом деле соткано из сущности, такой же эфемерной как свет. Из своеобразного света. Таким был мир для Валар и майяр, когда они не смотрели глазами плоти. Он состоял из ничего. Он висел ни на чем...

...И все-таки висел. Лежал словно бы в твердых и теплых руках, которые не давали движущемуся, живому «ничто» обратиться в не-сущее, мертвое «ничто».

Берен улыбнулся. То, во что он прежде только верил — теперь он это знал, и знал через бахвальство Моргота. Он зрел и самого Моргота в этом мире — неистовое буйство сил, способное — о, да, все еще способное — перемешать и опрокинуть землю и небеса. Моргот не делал это по той же причине, по которой не убивал Берена — ожидал сдачи и покорности. Он был силен — но и сам лежал в ладонях любви, которую ежесекундно предавал. И рядом с этой любовью он был... просто ничем.

Ноги подкосились, колени встретились с полом, и это было неприятно... Его подхватили под руки, оттолкнув Лютиэн, подняли рывком — он вдохнул и закашлялся.

— Я прав, — еле ворочая языком, проговорил человек.

— Ты прав, — мертвым голосом сказал Моргот, швыряя его об пол, вышибая

дыхание. — Только знаешь, это тебя не спасет. Это еще никогда никого не спасало. Я плевал на любовь. Я презираю прощение. Оно не нужно мне, я и так возьму что захочу. Ты слышишь, Берен? Что захочу. А сейчас я захотел ее.

Люттиэн вскрикнула. Берен попробовал подняться, чтобы бежать к ней — не смог. Он был тяжелым, собственный вес гнул его к земле — словно еще один человек, сидел на его плечах...

Не разжимая кулака, он пополз на крик. Он знал, что если выпустит Сильмарилл из руки — им обоим конец. Понять, почему Моргот еще не убил их обоих, он не мог — наверное, все дело было в Камне, в том, чтобы Берен дал согласие, хоть бы и вынужденное, разжать ладонь.

Сапожищи Моргота снова возникли в поле зрения.

— Отдай мне камень, человек. Он не твой. Ты не имеешь на него права. Во всяком случае, не больше, чем я.

— Попробуй возьми, — Берену с трудом верилось, что Моргот стоит здесь, а не сидит у него на загривке всей своей тушей — так тяжело давалось продвижение вперед.

— Я могу увеличивать здесь земную тягу до тех пор, пока твое мясо не начнет отрываться от костей, а сосуды не лопнут под весом крови. Лучше отдай мне Камень.

Он отступил — и Берен увидел Люттиэн. Она, оказывается была совсем близко — просто от того, что делал Моргот, у него было темно в глазах, и от шума крови в ушах ее голос слышался как бы издалека.

— Знаешь, на кого вы сейчас похожи? На парочку вшей, которые изо всех сил спешат спариться. Верни камень, Берен, или то, что ты видел в своем наваждении, покажется тебе игрой.

Человек и эльфийка соединили руки, переплели пальцы — только тогда Берен перевел дыхание.

— Если ты действительно имеешь право на камень, — сказал он. — Ты возьмешь его сам. Если ты не имеешь на него права — с какой стати его тебе отдавать?

— Скажи, если я сейчас возьму ее прямо здесь, а потом отдам Балрогам — она тебя простит?

— О, нет, — Люттиэн, тяжело перевернувшись на спину, засмеялась Морготу в глаза. — Здесь у тебя ничего не получится, о великий Вала! Ты для этого слишком великий! Великоватый — можно и так сказать!

— Такой великий, что если ты нагнешься пониже, тебе в задницу сможет въехать телега, запряженная четверкой быков, — подхватил Берен. Все-таки Люттиэн пристали прекрасные песни, а не позорные стишки. — Такой великий, что когда твои ядра позвякивали при ходьбе, в Хитлуме думали, что это гремит гром!

— Но сейчас ничего не позвякивает, — Люттиэн то ли смеялась, то ли стонала. А может, и то и другое. — Не оттого ли, что Государь Финголфин поработал тут своим мечом?

— Нет, — Моргот опустил язык возле Люттиэн на колени. — И ты сейчас убедишься в этом. До Берена донесся треск разрываемой ткани.

— Совершенной формы груди, — Моргот щелкнул языком. — Я ценю красоту. Если тебе так нравится — продолжай держать его за руку. Разрешаю.

— Не смей, сукин сын! — зарычал Берен, силясь сдвинуться с места.

— Камень!!! Нет? Тогда пеняй на себя! — Вала, приняв облик Мелькора, навис над Люттиэн, положил руку ей на грудь. Пальцы женщины выскользнули из руки Берена, она

обняла Мелькора за шею, сомкнув над ним плащ, — и поцеловала в губы.

Мелькор опешил а потом — осел, обмяк у нее в руках — и деревянно ткнулся головой в пол. Берен, все это время пытавшийся оторваться от мраморных плит, просто-таки вскочил, когда давление ослабло, а Лютиэн так и осталась лежать — тело Валы весило столько, сколько и положено телу крепкого мужчины без малого восьми футов ростом.

Железный венец, висевший в воздухе над головой Мелькора, когда он расставался с обликом Моргота, обрушился на пол и катился какое-то время, а потом упал и, дважды качнувшись по окружности, остановился.

Берен за ноги оттащил Мелькора в сторону. Лютиэн села, запахнула на груди разорванную рубашку — и вдруг расплакалась.

Мелькор беспробудно спал — а они жили, и были свободны. И в короне сияли, переливаясь, еще два Сильмарилла... Берен и Лютиэн поняли друг друга без слов. Она подобрала Ангрис, подала ему рукоятью вперед. Он принял — и начал резать железные зубцы, удерживающие Сильмарилл в короне.

— Остановись, — голос, тихий, как осыпающийся песок, и зловещий, как пение близящейся пылевой бури, приполз от дверей.

— А, это ты... — бросил Берен, не прекращая работы. — Пошел вон. Я унесу отсюда все три камня и покончу с проклятием Нолдор, понял, обмылок?

Саурон выглядел скверно: дунь — и рассыплется. Он вернул себе прежний рост — но, как видно, плоти не хватало, чтобы как следует облечь его мясом — и сейчас в дверях стоял семифутовый скелет, обтянутый белой до свечения кожей.

— А кто тогда Финрод — огрызок? — Саурон оскалился. Берен, враспloch застигнутый гневом, сделал неловкое движение — и Ангрис, изогнутый в напряженном усилии, сломался на треть длины своего лезвия. Пролетев с полсажени, кончик кинжала вонзился в лицо Мелькора. Тот дернулся — но не очнулся. Зато замок содрогнулся вместе с ним. Разом шевельнулись во сне все рыцари Аст-Ахэ.

Берен за этот день уже привык к чувству «душа-в-пятки», но на этот раз он испытал что-то особенное. Наверное, оттого, что удача была так близко.

— Берен, — прошептала Лютиэн. — Нам пора уходить. Не только Саурон бодрствует...

— Перережь ему глотку — предложил Саурон.

— Сначала тебе, падальщик, — Берен вскочил, и Саурон исчез в одном из боковых проходов. Видимо, он был не в силах тягаться с Береном. Тот колебался какое-то время? Гнаться? Нет, это было бы глупо. Кто знает, что там, в глубинах. И времени добывать остальные Сильмариллы нет.

— Идем, Соловушка. Бежим.

И они побежали...

Замок спал. На выходе из зала Берен приостановился — у дверей лежал в тяжелом забытии стражник, отобравший его меч.

— Это мое, — сказал он, забирая Нарсил из безвольной руки. Потом они с Лютиэн побежали дальше.

Перед Береном открылись две лестницы. Одна вела вверх, в северным вратам — по ней их ввели. Вторая вниз — к Вратам Ангбанда? Куда? На севере есть надежда взять коней и поскакать что было сил на запад, туда, где Эред Энгрин встречаются с Эред Ветрин. Но там их будут искать в первую очередь. На юге — все та же отверстая глотка пустыни.

— Вниз, — скомандовал Берен.

И они побежали вниз.

Сильмарилл освещал дорогу — если бы не Камень, кругом царила бы непроглядная тьма. Берен потерял счет поворотам и извивам пути — влево и вправо отходили коридоры, но они бежали, не сворачивая, по лестнице: вниз, вниз, вниз...

Тьма кончилась. Откуда-то из боковых ходов шло красное свечение — рядом со светом Сильмарилла и оно было тьмой. Вниз!

Лестница кончилась, упершись в...

Да, это они — Врата Ангбанда. Чтобы достичь их, нужно было пересечь огромную пещеру, где вповалку лежали спящие орки. Кроме этой лестницы, сотни ходов — широких и узких — вели сюда. В Аст-Ахэ была голова, сердце же было здесь: Ангбанд, железная темница.

Ворота были приоткрыты — видимо, они всегда были открыты днем. Берен и Лютиэн выбежали на выжженную равнину — и зажмурились: ветер гнал тучи пыли. Даже свет Сильмарилла с трудом пробивался через эту мглу. Песок хлестнул их по лицам, забил глаза и рты...

— Закрой лицо плащом! — крикнул Берен.

И тут Лютиэн упала.

— У меня больше нет сил, — проговорила она, когда он склонился к ней. — Прости...

Берен скрипнул зубами. Вот-вот проснутся орки, выйдут из ворот и увидят их.

— Ничего, — сказал он. — Напрягись совсем немножечко. Чтобы забраться мне на спину. Я понесу тебя.

Она сумела встать и взяться за его шею. Чтобы она не упала, ее поясом он связал ей руки, хотя и вышло это плоховато — одной рукой надежного узла не свяжешь, а выпустить Сильмарилл он не решался. Потом он подхватил ее под коленки — и пошел вперед так быстро, как позволяли ветер и усталость. Он держал путь к их вчерашнему укрытию. Может быть, их не сразу там найдут. Может быть, проклятая буря еще не засыпала водосборник.

Поначалу казалось, что Лютиэн ничего не весит. Так всегда кажется. Потом... потом его начало пошатывать. Но страх и упрямство не давали отступить. Берен остановился лишь тогда, когда достиг цели. Забился под стену и прикрыл Лютиэн собой.

Его усталость сейчас была больше и страха, и всех мыслей. Но когда она отступила, Берен слегка разжал руку, в которой держал Сильмарилл. Сел под стеной, глядя на Камень... Пора было спрятать его, увязать в пояс или в полу — не все же таскать в руках. Но он оттягивал это время, любуясь сокровищем.

«Столько испытаний, трудов и мук», — подумал он. — «А что с ним сделает Тингол? Вставит в свою корону? Все это было лишь для того, чтобы камень перешел из одной короны в другую? И вдобавок сыновья Феанора не оставят меня — ведь я подержался за то, что они не уступят никому даже во временное пользование. Так почему бы мне не рискнуть ради самого Камня — ведь Лютиэн все равно со мной, и Камень в моей руке, а Тингол... Не жирно ли будет Тинголу?»

Что это? Камень нагревается в его руке — или ему только так показалось?

Он в испуге отбросил Сильмарилл — и Камень до середины увяз в грязном песке. Берен тут же ощутил стыд.

— Боги, боги, какой же я дурак. Камень обличает мое сердце — а я отбрасываю Камень вместо того, чтобы вырвать и отбросить сердце...

— Не брани себя, — Лютиэн тоже успела немного отдохнуть и развязала себе руки. —

Не нужно расставаться с сердцем — просто помни все время о том, что Сильмарилла нельзя желать для одного себя. Это Свет, породивший свет; он может принадлежать лишь всем.

Берен встал и поднял Камень. Он был холодным. Извиняясь перед творением Феанора, Берен приложил его ко лбу, к губам и к груди. И тут увидел Волка...

Зверь приближался молча, почти без шума, плавными широкими скачками, и у Берена совсем не оставалось времени добежать до того места, где он положил меч.

...Это был всем волкам волк, тот самый, давешний — и единственное, что еще мог сделать Берен, прежде чем тварь в прыжке повалила его — подставить под клыки руку, защищая горло, а другой рукой выхватить нож и ударить зверя в грудь или живот, как поступают дортонионские пастухи, если осатаневший от голода волк нападает, а при них нет ни плети, ни посоха.

Берен держал Сильмарилл в правой руке, а сломанный нож достал — левой...

Челюсти твари схлопнулись и кости запястья хрустнули так же легко, как хрустит цыплячья кость в зубах пса, подьедающегося на заднем дворе замка. Крик боли, вырвавшийся у человека, и приглушенный визг раненого волка слились воедино. Свет Сильмарилла погас, последним, что он озарил, был костяной частокол — пасть зверя. Сквозь него блеснул Камень Феанора в последний раз, на миг башка чудовища словно осветилась изнутри — а потом его красные глаза уперлись в Лютиэн. Страх ее исчез — меч Берена словно сам собой прыгнул ей в руку. Пальцы сомкнулись на рукояти, Лютиэн выставила меч вперед. Тварь перервет ей горло, но для этого сначала прыгнет, и наденется на сталь. Нож не достал до сердца этого уroda — но меч-то наверняка сделает свое дело...

Все это вместе — и события, и мысли — заняло очень маленький промежуток времени, и волк прыгнуть не успел — завыл, завертелся на месте, кусая себя за брюхо, оступись, покотился по склону холма вниз, и пылевая заверть поглотила его снова...

— Берен! — Лютиэн бросилась к раненому, увязая по колено в песчаных наносах, и почему-то не бросая меча. Горец перевернулся на живот, подтянул колени и встал на них, опираясь о землю лбом, сжимая левой рукой предплечье правой. Песок под ним был темный, и выпивал все новые капли крови. Тинувиэль, отбросив меч, упала на колени, и Берен благодарно привалился к ней плечом. Его трясло от боли, прерывистое дыхание было стоном, который не пускали наружу. Кисть правой руки исчезла — в памяти Лютиэн снова возникли щелчок зубов и влажный хруст. Она все еще держала пояс в руке — и теперь туго затянула его на предплечье Берена, на пядь ниже локтя, поверх располосованного и пропитанного кровью рукава — чтобы, отвернув ткань, увидеть рану.

— Сауранов недобиток... — зубы воина стучали, губы слушались с трудом, но он или старался держаться, или еще не полностью пришел в себя. — Тебе придется... подравнять это, mell. Возьми меч...

— Что?

— Меч, говорю... У них на зубах... всякое паскудство... Финрод... умер...

— Да, — Лютиэн поняла, о чем речь.

— Давай, — он оттолкнул ее и уперся левой рукой в землю. Лютиэн подобрала меч. Куда девались страх и неуверенность — она чувствовала в себе силу двоих. Ей нужно сейчас быть сильной за двоих...

— Сюда, — Лютиэн показала на бортик колодца. Берен прошатался четыре шага и свалился на бок рядом с каменной плахой.

— Если не получится с одного удара, — выдохнул он. — Закончи дело ножом.

— Хорошо, — Тинувиэль приняла из его руки тесак, положила на камень. — Вытяни руку.

— Примерься, — он положил руку на бортик. — Замах — от плеча... Придай ему усилие только в самом начале... А потом... пусть просто падает...

Тинувиэль примерилась — на два дюйма выше раны. Подняла меч, ни на волосок не отклоняясь от намеченной линии: с глазомером у эльфов всегда было отлично. Открыв свой разум, свой дух стихиям Арды, сотворила заклинание — клинок меча засветился багровым.

— Давай... — Берен ободряюще улыбнулся из последних сил.

Меч прочертил багровое полукружье, выбил искры из камня, зашипела кровь, завоняло жареным — Берен крикнул коротко, вскинулся и упал навзничь.

Чисто, — Лютиэн мельком разглядела ровный срез куска оскверненной плоти, что остался на камне. С одного удара. Теперь — перевязать. А потом — что потом?

— Берен, — тихо позвала она, плотно обматывая руку оторванным от рубашки подолом.

— Да, малышка... Не бойся, я смогу идти... я дойду... — он выгнулся, царапая ногтями землю, долгий стон разомкнул губы — а потом сознание покинуло его.

Стянув повязку узлом, Лютиэн села на землю, обхватила колени руками и заплакала. Кто мог помочь ей теперь? Никто. Арда, подчиненная в этом краю воле Мелькора, не отзывалась на ее крик о помощи. О том, чтобы продолжать путь по пустыне, взвалив Берена себе на плечи — и думать было невозможно: высокий и при своей сравнительной худобе тяжелый в кости, он был неподъемен. И она сильно сомневалась, что он сможет идти, опираясь на нее, когда — если! — придет в себя. И как далеко они уйдут, прежде чем их настигнут? И сочтут ли нужным гнаться, если Анфауглит сама убьет их — достаточно мучительно, чтобы утолить даже Моргота... Близилась ночь, а они были одни в чужой стране, и слуги Моргота искали их следы. Земля, истерзанная Морготом, корчилась в агонии и не слышала ее, но оставалось еще небо...

Лютиэн поднялась, откинула волосы с лица и запела. Сначала тихо, осторожно, а потом — в полный голос воззвала она к небу, к ветру Манвэ — и ветер переменялся, пыль улеглась, а на Западе в облаках открылось окно, полное золотого закатного света.

И черными точками, растущими в размерах, падало с неба что-то похожее на огромные снежинки... Оно росло, росло...

— Орлы, — не веря себе, прошептала Лютиэн.

Глава 22. Жизнь

Здоровенного серо-белого пса, приبلудившегося десять дней назад, назвали Ниммир, Сугроб. Поначалу мальчишки боялись его — да и как не перепугаться этакой громадины, которая в холке почти равнялась с Бетан, рыжей кобылкой Радды. Правда, Бетан — что и говорить, мелкая лошаденка сама по себе, но все-таки!

Если бы пес надумал растерзать пастушков и начать резать овец — никто бы ему не помешал, потому что взрослые было далеко. Но пес был дружелюбен, овчарки безоговорочно признали его своим вожаком, — и он бегал за стадом, снисходительно принимал угощение, в котором, скорее всего, не нуждался — такой громадине требовалось больше еды, чем могли уделить пастушата, и он ловил в холмах кроликов и сурков. Моррет, когда узнала, что возле пастушьей хижины поселился громадный серо-белый пес, немедля объявила это знамением от богов и стала передавать с Дит горшок варева для него.

Обычно спокойный, утром одиннадцатого дня Ниммир вдруг разлаялся. Еще и солнце не проспало как следует, не выглянуло из-за кряжей востока, а Ниммир уже прыгал и рычал, пугая овец, и лаял на небеса, время от времени возвращаясь к спящим пастушкам, срывая с них плащи и подергивая за одежду Онни, караулившего ночью.

Ничего не поделаешь — Радда поднялся, растолкал Берни и Драйна, распутал ноги Бетан и сел верхом — охляпом, как он ездил обычно. Единственное седло, которое было в деревне Рианов — драгоценное, эльфийской работы, — пришло на седмицу раньше, чем диковинный пес: у ворот деревни объявился прекрасный, как звезда, оседланный жеребец. Ясное дело, что эльфийского седла мальчишкам бы никто не доверил; да Радде и не было это нужно. А при седле было еще кое-что; такое, что дед спрятал это подальше и велел Радде молчать об увиденном.

Онни захныкал, что тоже хочет пойти посмотреть, куда зовет Ниммир, и вообще его очередь миновала и пусть стережет Берни, но Радда обещал дать ему по шее, если он не заткнется и не останется при овцах — и Онни, хлюпая носом, остался.

Радде не нравилось, что Ниммир гавкает на небо. С неба могла появиться такая напасть, с которой мальчишкам не справиться, пусть даже один из них вооружен луком. Это мог быть огромный орел, из тех, что гнездятся в Криссаэгрим — правда, самое плохое, что может сделать такой орел — утащить овцу, и тут незадачливых пастухов даже пороть не будут: все знают, что это птицы священные и трогать их нельзя. Хуже, если это летучая морготова тварь, вроде оборотня-кровососа, терзавшего окрестности Каргонда зимой. А всего хуже (и сохрани нас Элберет!) — дракон.

Но то был не дракон и не оборотень-нетопырь. То были все-таки священные орлы, и на сей раз они летели не за овцами. Напротив, один из них тащил в когтях что-то большое, намного больше овцы. Сугроб замер в напряженной стойке, а потом помчался на вершину сдвоенного холма Милвейн и заметался там меж верхушками, взбегая то на одну, то на другую, и гавкая во весь голос. Радда подивился чутью зверя, унюхавшего орлов со стороны Анфауглит, при противном ветре. Моррет права, это необычный пес, и с его приходом начались необычные дела.

Орлы покружились и снизились над холмом, один даже сел на камень, и Радде показалось, что с его спины слез кто-то. Но орел тут же взмыл в небо, две птицы снова сделали круг над Милвейн и улетели в сторону своих гнездовий, ни разу не снизившись,

чтобы цапнуть овцу. Пастушок вздохнул с облегчением.

— Что это они приволокли? — спросил Берни.

— Подыдемся — узнаем, — рассудил Драйн, и они двинулись вверх.

На верхушке холма они узрели такое, что Берни даже рот раскрыл.

Эльфийская дева. В грязноватой разорванной одежде, стриженная как мальчишка, рабыня или горькая вдова, но все же — эльфийская дева. От холода и горя она была бледна, и ее кожа казалась полупрозрачной, а черные брови — так прямо нарисованными. Радда в жизни не видел такой красоты.

Еще с нею был человек. Живой ли он, мертвый — Радда понял не вдруг: бескровное серое лицо было как у мертвеца, но когда пастушок подошел поближе, он увидел, что человек все-таки дышит. А еще увидел, что тот одет как морготов рыцарь — хотя эта одежда была уже серой от выступившей на ней соли — и что правой руки у него нет. Обрубок был перевязан явно обрывками эльфийкиной рубахи. Вглядевшись в лицо раненого, Радда понял, что он совсем еще не старик — так, лет тридцать. Но волосы его были седые и коротко обрезаны — по этой примете Радда узнал его.

Сугроб лежал рядом с раненым, положив голову на лапы, печально наморщив лоб и тихо поскуливая. Эльфийская дева легонько поглаживала его шею — и Радда понял, что она хозяйка диковинного пса, та, кого он ждал здесь.

Берни и Драйн робели подойти, а Радда был старшим, и понимал: что-то решать должен именно он. И понимал также, что от его решения, может статься, зависит судьба деревни Риана. Он еще раз поглядел в лицо раненому, в лицо эльфийской деве; вспомнил своего деда, всю жизнь прослужившего князю Бреголасу, отца, погибшего в Теснине Сириона, дядю, сложившего голову в долине Хогг — и решительно сказал на ломаном синдарине:

— Добрая встреча, Высокая. Я может предложить помощь. Двое нас делают волокушу (он не знал, как это сказать по-эльфийски, и сказал на своем языке), несут князь туда, — Радда показал на пастуший лагерь, где были ночной загон и хижина. — Третий едет за помощь. Ты согласен?

Эльфийская дева улыбнулась и сказала.

— Да, юный воин. Я согласна.

Онни все-таки добился своего, подумал Радда. За помощью нужно послать самого маленького и легкого, чтобы Бетан скакала быстрее. А им с Берни, самым сильным, — самая тяжелая работа. Как всегда.

* * *

Женщину звали Моррет, и была она на четверть орком, хоть и носила эльфийское имя. Много лет назад племя ее деда напало на земли дана Риана и увело ее бабу в рабство, в свои шатры. Потом люди Риана выследили их и разорили становище, и уцелевшие женщины орков со своими детьми стали принадлежать победителям. Но дети орков не могли вырасти свободными: отцом Моррет стал хоть и человек, но все-таки раб. Когда Моррет выросла, ее, миловидную даже по человеческим меркам, сделал своей наложницей сын дана — и, видимо, любил ее и ее детей, хотя у него была еще и жена и дети от нее — во всяком случае,

Моррет жила в доме Финроса Мар-Риана, и порой этот грузный лысый старик улыбался ей, маленькой сморщенной старухе, той же улыбкой, какой, наверное, юный дан улыбался молодой скуластой служаночке. Годы и беды сроднили их: сын Моррет, молодой Турвин, остался единственным сыном Риана. Трое — старший законный сын Финроса, старший и средний сыновья Моррет — погибли в Дагор Браголлах, двое младших сражались в дружине Барахира, а потом ушли в леса, дочь Моррет угнали в рабство, а дочери Финроса успели уйти с беженцами, и теперь тот не знал, что с ними. Оба оставшихся сына промыкались восемь лет рабства, были взяты в армию Саурона, потом присоединились к восстанию ярна Берена, и в битве у Бешеного Брода погиб Анардил, последний законный сын Мар-Риана. Сын Моррет, Турвин, служил сейчас под началом Мар-Эйтелинга, а тот подчинялся конену Гортону. Из-за этого между отцом и сыном сделалась размолвка, потому что конена Хариндга, избранного на Тарганнат Беорвейн, Финрос не жаловал и величал не иначе как «князеньшем».

— Вроде бы как уже остыло, — Моррет потрогала тыльной стороной кисти край котелка, где Лютиэн заварила травы. — Давай сюда холстину, госпожа...

Лютиэн растянула чистый холст над кувшином, Моррет начала медленно лить в кувшин отвар. Заклинание монотонностью и заунывностью соперничало с завыванием ветра за окном, старуха прикусила губы и старалась даже не дышать: Лютиэн предупредила ее, что одно неосторожное слово способно разрушить чары. А без чар этот напиток был бы чистым ядом — дарующим, правда, безболезненную и почти блаженную смерть. Что ж, в худшем случае он хотя бы прекратит все мучения раненого. Еще раз, в последний раз спроси себя: ты действительно не знаешь другого средства? Ты готова своими руками поднести ему — вполне возможно — чашу смерти?

— Ох, госпожа, аж мне самой боязно, — Моррет вытерла вспотевшие ладони о фартук. — Давай, держи ему голову, а я поднесу питье. Никто еще от смерти не уходил, а и два раза никто не умирал. Решаться-то все равно надо. Хужей, чем сейчас, уже не будет — горит ведь, что твоя солома...

И Лютиэн уступила своей слабости. Пусть так, пусть жизнь — или смерть — он примет из рук Моррет. Она имеет на это право. Она, эта иссохшая скуластая старуха, потерявшая на войне троих детей — последний судья своему князю.

— И как оно выходит, госпожа, что тебя он в любой горячке признает и успокаивается?

— Не знаю. Давай, Моррет. Сразу всю кружку.

Жар иссушил Берена; он похудел еще сильнее, чем тогда, после перехода через Нандунгортэб, сильнее, чем после подземелья Тол-и-Нгаурот. Черты лица, и так довольно резкие, теперь заострились настолько, что казалось — вот-вот кости проткнут кожу. Потрескавшиеся, несколько раз прокушенные губы почернели, черными — сплошной зрачок — были и глаза, когда он открывал их — один Намо знает, что он видел перед собой в эти мгновения. Иногда он говорил с кем-то, то на квэнья, то на синдарин, но чаще его речь была бессвязным бормотанием — а может, он слишком быстро проговаривал слова человеческого языка, который Лютиэн понимала с пятого на десятое. Приступы тяжелого бреда, измотавшие его до предела в первые дни, стали много реже — не потому что болезнь разомкнула свои когти, а потому что силы оставили его. Но временами он начинал метаться так, что приходилось держать его привязанным к постели.

— Готово, — сказала Моррет, вытирая его губы чистым краем холста, через который было процежено снадобье. — Теперь что?

— Ждем, — прошептала Лютиэн.

Ее сердце отсчитало триста сорок ударов, когда лицо Берена стало остывать под ее ладонями. Само по себе это говорило только об одном: лекарство начало действовать.

Лихорадочная дрожь схлынула, остановились глаза под полупрозрачными веками. Берен задышал ровно, редко и легко.

— Руки холодные, — сказала старуха. — Ох, госпожа...

— Нет, — сказала Лютиэн. — Пока еще — ничего страшного...

Положив руку ему на грудь, она начала считать удары сердца. Тридцать его ударов — на шестьдесят ее. Один — на два...

Кожа под ее рукой остывала.

Один удар — на три ее.

Если будет один к десяти, значит, сердце останавливается бесповоротно. А может, гораздо раньше — ведь она меряет эльфийскими мерками...

И это даже не поможет более точно отсчитать напиток для другого раненого, если ей когда-нибудь придется лечить человека с зараженной кровью: люди слишком не похожи друг на друга, слишком отличаются...

Один удар — на шесть ее...

— Он, по-моему, дышать перестал...

Моррет сняла осколок зеркала со стены, поднесла отполированную бронзу к губам Берена. Металл затуманился.

Один — на шесть... Ей показалось, или замедление приостановилось?

Она отсчитала еще немного. Нет, все верно. Один — на шесть. И сердце продолжает биться.

Лютиэн распрямилась и встретила внимательный взгляд Моррет.

— Ну что?

— Ждем, — сказала она. — Теперь просто ждем. Если он еще не умер, то уже не умрет.

— Ох, — выдохнула знахарка. — Оно так и бывает, что делаешь что-нибудь наобум, аж самой страшно, а деваться-то некуда... В Огненный Год, как Финк весточку про смерть сына получил, так задохнулся весь и упал. У меня душа в пятки — что делать? А делать что-то надо, он уже и хрипеть перестает. Эх, пропадай моя телега — отворила я ему кровь. Ничего, поправился Финк, встал на ноги... А ежели бы нет — думаю, побили бы меня камнями: сказали бы: извела человека, старая ведьма...

— И все лекари у людей так рискуют? — спросила Лютиэн.

— Нет, госпожа, что ты... Те, кто обучался у эльфов, знатные дамы — те нет. Кто на них руку поднимет? На самый крайний случай есть княжеский суд. У нас тут — иное дело: до Валар высоко, до князя далеко. Опять же, среди нашей сестры всякая попадается. Я, к примеру, рук с мылом не вымывши, или хотя бы со щелоком, детей не принимаю, а есть ведь грязнухи, готовые прямо из хлева к родильнице бежать: что женщина, что свинья — им все одно...

Моррет умолкла и положила руку на шею Берена.

— И верно, бьется сердце... Медленно, да ровно... Хороший у тебя муж, госпожа. Красивый и храбрый... Финк тоже такой был. Веришь ли, смотрела на него — и сердце заходило, такой он был быстрый да ладный...

— Замолчи! — не выдержала Лютиэн.

Моррет пронзила ее взглядом.

— Вот оно как, госпожа? Не нравится тебе, что я сравниваю? Да, Финрос был таким же красивым и храбрым, как твой, а теперь это обрюзглый старый хрен. И я была черноглазой красоткой, а теперь я — сморщенная хрычовка. И все, что было между нами, отгорело, и в угольях уже не проглядывает ни огонька. Готовься к этому, госпожа. Готовься увидеть его таким, как Финк. И радуйся, что сама не станешь такой как я.

Ни слова не говоря, Лютиэн схватила ведро, накинула кожушок — утра здесь были холодные — и выскочила за дверь.

Из-под крыльца выбрался Хуан, неспешно потрусил за ней по протоптанной дорожке. Деревня лепилась к склону горы, на которой стоял замок Ост-ин-Риан. Название «замок» было очень громким: сооружение представляло собой четырехугольную башню над обрывом, двор, обнесенный высокой каменной стеной, да две угловые башенки. Ничего общего с эльфийскими постройками — приземистый крепыщ, отличающийся от крестьянских домов только размерами. Даже хлев размещался там как в крестьянских домах — на первом поверхе. Единственным отличием была лестница — простые люди полагали ее излишеством, в хлев они входили просто спустившись по склону горы и обойдя дом сзади.

У старухи был острый, живой ум и резкий язык. Лютиэн нравилось говорить с ней, но порой Моррет не могла сдержаться и высказывалась слишком зло. Через полчаса она, как правило, оттаивала и приходила с неуклюжими извинениями.

В деревне чурались их обеих, обе были чужачками, иной крови. Отношение, на первый взгляд, было различным: на Лютиэн смотрели как на сошедшую с небес богиню, на Моррет — как на зловредного лесного духа, которого можно уважать и задабривать подарками, но не любить. Но в конечном счете все сводилось для обеих к одному: не с кем было перемолвиться живым словом. Так эта странная, на первый взгляд, дружба была предопределена.

У себя в комнате, у кровати Берена они отпраздновали победу. Старуха открыла бочонок эля, принесла сыр и окорок.

— Все почему? — рассуждала она, не уставая подливать себе в кружку. — Говорят, война, мужиков мало стало, вот они и в цене. Правда в этом есть, только не вся: оно и до войны так было, что если к тридцати годам безмужняя осталась, то, считай, жизнь пропала зря. А я вот что скажу: никому другому это не надо, кроме самих баб. Так уж человек внутри себя устроен, что надо ему быть хоть в чем-то лучше прочих, а если не лучше — то хотя бы не хуже. У мужиков это видней, они прямо меж собой спорят все время: каждый другого хоть в чем-то, а норовит опередить. А у женщин это малость прикрыто, они не напрямую спорят, а через мужчин. Для чего женщина на свет произошла? Чтобы род свой продлить, передать свою кровь дальше. Это — главное в жизни. Это и есть наш главный товар: мужчина может хоть пополам треснуть, доказывая, что он лучше всех — а все ж таки умрет рано или поздно, и все его, хе-хе, прелести с ним в землю уйдут. Чтоб не на раз, не до конца умереть, ему женщина нужна, и дети. Мы не что-нибудь, мы им бессмертие предлагаем. Только этот товар у всех баб одинаковый, тут гордиться вроде особенно нечем: что Единый дал, то и имеем. А потому — тоже ведь хотим себя показать перед другими — гордимся мужчинами, которых сумели к своим ногам положить. Гордимся тем, что они нам за наше бессмертие дадут. Тем, что смогут наши дети, у которых половина крови — от отца.

И получается, что если тебе после смерти мужика и плакать о нем не хочется — то или ты дура набитая, с перепугу выскочившая за первого встречного, или опять же дура, если не разглядела, что перед тобой за сокровище, — Моррет захихикала. — А кому же дурой себя

показать охота?

— У эльфов все совсем не так.

— Вестимо, не так! — хлопнула по столу старуха. — У вас жизнь долгая, если вам ее не укоротить, даже если эльфийка с десятков детей займает, хоть я о таком и не слышала, все равно у ней потом еще будет время себя миру явить напрямую, а не только в детях. Обратное же — не спрашивай, откуда я это знаю, — дитя вы зачинаете, когда сами этого хотите, а у нас иначе: к сроку пришлось, и хлоп! — готово. Ничего больше женщина за жизнь и не успевает, пока младшего на ноги поставит — глядишь, уже внуков нянчить пора. Треть жизни только и делаешь, что носишь и рожашь. Если при этом еще и думать, что носишь и рожашь от никчемного человека, то лучше повеситься. Потому, даже если выдают девку замуж против ее воли, даже если она мужика в первый год люто ненавидит — все равно потом найдет, за что его любить, иначе ей жизнь станет невмоготу. Оттого и не любят женщины шлюх, что те цену сбивают. Не должен мужик получать это дело так просто, право на бессмертие доказать надо. Выше головы прыгнуть, больше себя стать.

О значении слова «шлюха» Лютиэн догадалась по смыслу всей фразы.

— Но ведь это ловушка, — сказала она. — Женщине нужно чувствовать себя значительной, и поэтому она хочет любить победителя... Но победителей на всех не хватает, и те, кому пришлось удовольствоваться меньшим, обманывают себя, находя в своих мужчинах несуществующие достоинства... И круг замыкается.

Моррет горестно покачала головой.

— Ай, госпожа Соловушка. Порой я жалею, что красота и молодость не ходят под руку с мудростью. Если бы способность рожать появлялась у женщин только к сорока годам, когда уже начинает голова работать, мы бы не принимали фальшивку за чистую монету. Хотя в этом разе, наверное, пресекался бы род людской, потому что чистой монеты на земле очень и очень мало. Наверное, эта бабская слепота — и есть спасение. Большая доля мужчин отраженным светом светит, вроде вон зеркальца: всеми их достоинствами наделяем их мы сами. И то сказать: не по хорошу мил, а по милу хорош.

Покосившись в сторону кровати, старуха вздохнула.

— Ты, наверное, и сама не знаешь, как тебе повезло, госпожа Соловушка. Чудо не то, что ты, эльфийка, полюбила человека — чудо, что ты встретила человека, которого смогла полюбить. Таких, как он, мало на этой земле. Это все равно как ни с того ни с сего на ограненный алмаз налететь.

— Почему ты так уверенно говоришь? Ты ведь совсем не знаешь его. Он еще ни разу не приходил в сознание с тех пор, как очутился здесь. Может, он — совсем не то, что ты думаешь.

— Нет, — Моррет тряхнула седыми космами. — Я знаю, кто он такой. Финрос запретил болтать, и Радда будет держать язык за зубами, а младшие вовсе не поняли, что к чему, но я еще не выжила из ума. Я знаю, что вы, эльфы, придаете любви большой смысл, для вас это не просто сунул-вынул. Ты не могла увлечься им ради забавы или ради его славы, как иная смертная женщина. Ты знаешь цену тому, что можешь дать — а значит, и плата должна быть соответственной.

— Ты все время говоришь о цене и плате — но мы, эльфы, не мыслим так.

— Так пора начинать. Потому что за все положена своя цена, ничего Валар не дают просто так, на том мир стоит.

— И сколько же, по-твоему, стоит любовь эльфийской женщины?

— Она стоит человека, который способен стать больше, чем любой из эльфов. На меньшее ты бы не согласилась — эльфов-то у тебя могло быть сколько угодно, выбирай-не хочу. Если бы Эру хотел сделать людей такими, как вы — бессмертными и нестареющими, то почему он сделал их смертными и болезненными? Спяну, что ли? Думать, что Творец чем-то людей обидел — обижать Творца. Не-ет, он знал, что делал. Споря за место под солнцем с эльфами и орками, они должны будут однажды стать больше, чем эльфы и орки вместе взятые.

На памяти Лютиэн Моррет впервые так ясно проговорилась о своем происхождении. Ей не хотелось оспаривать то, что старая женщина намыслила за свои годы. Вместо этого она спросила:

— Моррет, ты — орк по крови. Но веришь в Единого, Валар и в то, что будущее — за людьми. Как это получилось?

Со знахарки разом слетел хмель.

— Как получилось, говоришь? А вот так и получилось, что орки в этих горах откусили больше, чем смогли проглотить. Дед не спросил бабуку, желает ли она дитя от орка...

— Но эдайн обратили тебя в рабство...

— А когда это женщины орков были свободными? Еще одна порода скота, только и всего. Степные орки, что поклоняются Мелькору, кичатся тем, какие-де они свободные, да как ни от кого не зависят; а только чего их свобода стоит? Многим ли отличались от них люди, что пришли сюда с востока? Те же кибитки, те же стада. А посмотри на них сейчас! Говорят, что все их знание и умение перенято от эльфов, а за это они должны служить бессмертным — ну, а степняки никому не служат, так ведь ни знаний, ни умений они никаких себе не нашли. Все новые знания все равно с севера к ним приходят, молодняк туда сбегает, на службу к Темному Властелину: родители им стало быть, насильно свободу навязывают, а они добровольно на службу бегут. Ну и пусть рабство — а все же таких деньков, о которых под старость вспоминать хочется, у меня здесь побольше было, чем у тех моих товарок, что «на свободе» тянут ту же лямку — только вместо теплой каменной хоромины у них войлочный шатер, вши да голодуха.

— Отчего же ты не искала счастья на севере?

Моррет опустила голову, сплетя и сжав пальцы.

— Однажды, когда я была еще молода... Я кормила старшего сына Финка... И мой в то же время в люльке лежал. И вот вышла я с этим мальцом к окну... Пусто во дворе, никого нет. И вдруг чей-то голос у меня в голове говорит: брось младенца, брось, убей... Тебя презирают, работой черной унижают и хулят в глаза, зовут орочьим отродьем — отомсти! Отомсти и беги, я жду тебя с твоим сыном... И так мне сделалось страшно, госпожа...

Моррет разрыдалась.

— Никому об этом не говорила. Тебе говорю. Не знаю, почему, а больше в себе держать не могу. Столько лет уж держала... Знаешь, почему я не послушалась голоса? Почему не убила дитя? Только ради Финка. Говорю тебе: во мне было столько яду, что я могла бы расколотить его головку о камень... не будь это дитя Финроса. Не слушай меня, госпожа, и не смотри — я полна мерзости...

— Ты ранена, Моррет. Ранена дважды и тяжело, за людей и за орков. Но смотри: ты победила, ты не послушалась голоса Моргота. Ты свободный человек, Моррет.

Все еще плача, старуха прижала руку Лютиэн к своему лбу и неожиданно попросила:

— Спой мне, госпожа Соловушка.

— Поздно уже, Моррет. Все спать легли.

— А ты тихонечко спой.

Лютиэн не смогла отказать. Ее сердце истосковалось по радостному пению, душа просилась наружу.

Тихо-тихо она повела мелодию — ту самую, древнюю песню во славу возрождения и жизни, что давным-давно — два года назад! — пела она на поляне у северных границ Дориата. Пела с тайной надеждой на то, что Берен снова услышит ее и выберется из мрачной пустыни, где блуждает сейчас. Она пела, а Моррет беззвучно плакала.

Но чуда не случилось. Берен лежал неподвижно, и даже боль не вызывала его к жизни.

Прежде чем он очнулся, прошло довольно много времени.

* * *

Каждое утро начиналось одинаково: со стука жерновов: женщины мололи зерно для утреннего хлеба. Моррет старалась всячески огородить Лютиэн от этой работы: она не знала, что зерно для лембас мелют только вручную. Когда-то, говорила старуха, в деревне была мельница, и принадлежала она Рианам, но за десять лет, что Дортонион пробыл под Тенью, мельницу спалили, и к обычным женским трудам по дому прибавилась еще одна забота: мука для утреннего хлеба.

Лютиэн это забавляло. Чураться работы она не хотела, а помол ей нравился больше, чем прочие утренние занятия: кормление скота, дойка коров и все такое прочее. Подниматься затемно, вместе с петухами — тоже не было особенной трудностью, так что хлеб она взяла на себя. Могла не делать и этого: она считалась гостьей, ей были благодарны за спасение жизни дочери кузнеца (мальшка объелась не теми ягодами). Но тяжелый и грубый труд, не требующий никаких умственных усилий, погружал ее в странное состояние раздвоенности, полного освобождения духа. Значит, это и есть удел человеческой женщины — работа от зари до зари. Впрочем, удел человеческого мужчины ничем не отличался, только работа была другой. Ее делали не по зову сердца и не искали в ней радости, ее делали потому что если ее не сделать — то нечего будет есть. В ней не было чар или игры ума, было однообразие и одуряющая скука. Даже ту работу, которую можно было делать с радостью и душой — они делали без всякого огня, как из-под палки. Мало кто из жителей деревни хоть раз в жизни покидал ее на срок, превышающий три дня. Правда, по словам Моррет и Анги, кузнечихи, все деревенские мужчины так или иначе участвовали в войне.

Немногим отличался от своих людей и хозяин замка, Финрос Мар-Риан, Старый Финк, как его здесь называли. Вообще, имена сокращались и переделывались до неузнаваемости. Лютиэн не видела смысла беречь время и силы на том, чтоб говорить «Пэдди» вместо «Палад» и «Энг» вместо «Анга». Но сокращениям хоть можно было подобрать разумное объяснение, а вот в чем был смысл переделки имени «Берен» (в деревне у князя оказался тезка) в кличку «Берни»?

— Берни, засранец, ты опять варезку раскрыл вместо того чтобы воду нести? Вот я тебя!

Сопя и расплескивая себе на ноги, мальчишка поволок ведро по тропинке к своему

дому. Почему-то многие, особенно дети, когда Лютиэн проходила мимо, считали своим долгом остановиться и поглазеть на нее. Хотя должны бы уже привыкнуть: в деревне они с Береном находились больше месяца.

Она взяла ведро с края колодца и бросила вниз. Рокот ворота... Плюх... Лютиэн взялась за рукоять и начала поднимать ведро. По человеческим меркам она была необыкновенно сильной, поднимать тяжелое ведро ей не составляло труда. Она перелила воду в свое ведро, поднялась к замку, отлила воды в котел и поставила на огонь. Сегодня ей нужна была теплая вода. Мыться раз в три дня — остальные обитатели замка полагали это эльфийским чудачеством. Эльфы тоже посчитали бы это чудачеством: только крайняя необходимость могла заставить эльфа сделать перерыв между купаниями длиннее чем в одни сутки.

С котлом нагретой воды в одной руке и ведром холодной — в другой, она поднялась к себе в комнату. Приготовила корыто, чистую одежду и мыло, разделась, смешала горячую воду с холодной и, ступив в корыто, облилась из ковша. Взяла мыло и принялась намыливать волосы — за прошедшее время они не очень отросли, а сколько пришлось бы возиться с прежней косой!

И, промывая их вторым ковшом воды, почувствовала на себе взгляд.

Она заметалась, на то, чтобы понять, откуда исходит взгляд, потребовалось время: к неподвижному телу на кровати она уже привыкла относиться как к предмету обстановки — ценному, требующему ухода, но все же к предмету, ибо роа — не более чем предмет, а феа Берена все это время бродила где-то далеко.

Теперь же феа вернулась в свой дом, и тихо разглядывала ее сквозь полуприкрытые ресницы. Он лежал на животе, волосы падали на лицо и глаза смотрели сквозь них как из засады.

— Есть легенда, — его голос звучал слабо и хрипло. — Про парня, который подсматривал за эльфийской принцессой, когда та купалась. Она превратила его в камень.

— Это была какая-то другая принцесса.

— Да? Тогда отчего я не могу пошевелиться?

— Ты очень ослаб. Долго лежал.

— Сколько?

— Сорок два дня.

Он помолчал и спросил:

— Дело дрянь?

— Ты жив.

— Не уверен...

Он попробовал перевернуться на спину — и не смог без ее помощи. Поднял руки к глазам, рассмотрел обрубок правой — и снова уронил руки на одеяло, отвернул лицо, сжал челюсти и зажмурился.

Она знала его мысли так же ясно, как свои собственные. Он стыдился слабости и увечия, нечистого дыхания, черного труда, который она проделывала, ухаживая за ним — всей той сплошной заботы, которую он представлял собой сорок два дня.

Это испугало ее.

«Ты разлюбишь меня — потому что я видела тебя таким?»

«Что ты... Нет... Нет...»

Она отбросила одеяло и забралась к нему, прильнула всем телом.

«Мне все равно, как ты выглядишь», — сказала она ему своими руками. — «Мне все

равно, какого цвета твои волосы и как глубоко в твой лоб врезаны морщины. Мне все равно, одна у тебя рука или две», — сказала она ему своими губами, — «Сможешь ли ты сражаться или изучать тонкое мастерство нолдор. Мне все равно, примет ли тебя мой отец, что скажут феаноринги, что подумают твои подданные... Мне все равно, как долго нам суждено быть счастливыми», — сказала она ему всем телом. — «И насколько сильна будет скорбь в разлуке, и какой путь тебе уготован — мне безразлично: любой я сумею разделить. Потому что люблю тебя таким, какой ты есть, здесь и сейчас, и всегда, как бы ни изменилась Арда, и какие бы времена ни пришли...»

...Они лежали, прижавшись друг к другу — уже больше ради тепла, нежели ради ласки. Тень оконного переплета косым крестом перечеркивала кровать.

— Я дома... — прошептал Берен. — Как это вышло? Я потерял память в Тангородрим, а очнулся здесь...

— Свидетели Манвэ принесли нас сюда.

— Что это за место?

— Ост-ин-Риан, замок в Эмин-на-Тон.

— Риан... знакомое имя... Анардил Фин-Риан бился у Бешеного Брода и погиб в Долине Хогг...

— Это сын хозяина.

— Он знает, кто я такой?

— Я не говорила, но они, похоже, знают. Моррет дала мне понять, что знают не все. Тебя, по слухам, до сих пор ищут сыновья Феанора... Я их боюсь.

— Правильно.

— Ты быстро поправишься.

— Благодаря тебе, моя волшебница, — он поцеловал ее ладонь. — Ты уже который раз вытаскиваешь меня из преддверия Мандоса. Когда моя душа вознеслась к нему, знаешь, что он сказал мне?

— Что? — сердце Лютиэн на миг застыло.

— Сказал: «Туда или сюда, парень, не торчи в дверях, сквозит».

Моррет, прислонившись любопытным ухом к двери (надо же узнать, почему госпожа Соловушка ушла мыться три часа назад и до сих пор не показывается — не смылась ли до костей?) различила... смех? Да, смех... Смеялись двое, женщина — как будто кто-то громко звонил в серебряный колокольчик, мужчина — как будто кто-то тихо дул в охотничий рог...

* * *

Финрос Мар-Риан в молодости, наверное, был из тех людей, которые своей кряжистостью походят на гномов — низкорослые, широкоплечие и рукастые, словно ладони им кроили по мерке человека, высокого, как Берен. К старости такие люди кажутся толстыми даже если им не с чего толстеть. И походка остается грузной и уверенной, и привычка задирать подбородок никуда не девается, хотя подбородков уже не меньше двух.

— В начале лета забрела к нам коняга, — сказал Финрос, как бы между прочим.

Это «между прочим» нисколько не обмануло Берена — старик явно поднялся в их

комнату за этим разговором и держал подмышкой что-то, завернутое в холст.

— Ну так вот... Коняга славная, под седлом и в узде... Хозяина ее мы искали, но не нашли, а я и не думал, что найдем, потому как он, по моей мысли ушел туда, откуда нет возврата. Но вещи свои он увязал во вьюк, и если ты и вправду тот самый, кому принадлежат конь, седло и эти вещи, ты сможешь их назвать. Ну, а если нет — то хозяин их сгинул, и кто нашел, тому они и достанутся. Что скажешь?

— Изволь, — Берен улыбнулся. — Во вьюке — рубашка и сапоги эльфийской работы; ворот рубашки вышит синими птицами. Еще там летний кафтан, что носят без застежек, с разрезами по бокам для меча и ножа. А еще — диргол, сотканный в синюю, белую и черную нить. Доволен ли ты ответом?

Старик встал со скамьи, поклонился и положил на колени Берена сверток.

— Будь моим гостем князь.

Берен положил руку на холстину поверх руки старика.

— Ты понимаешь, о чем просишь, Финрос Мар-Риан? Феаноринги ищут моей головы.

Он отпустил руку — и старик выпрямился, гордо выпятив пузо.

— Не родился еще такой человек, — сказал он. — Или эльф, или орк, или демон, хоть бы он был самим Морготом — кто напугал бы меня так, чтобы я отказал в крове скитающемуся и раненому. Даже если бы он не был моим князем. А Феаноринги пусть поцелуют меня в зад.

Берен засмеялся. Что ему всегда нравилось в горцах-северянах — это их грубоватая прямота. «Да» человека из Эмин-на-Тон было «да», а «нет» было «нет».

— Знаешь, почтенный Финрос... а ведь я не князь больше. Я отрекся от княжеского достоинства и был изгнан.

Какое-то время старик молча изумленно хлопал глазами, потом сказал:

— Я так думаю, что и от мужского достоинства отказаться можно... на словах... Только хер куда девать? Говори что хочешь, ярн — а все равно ты мой князь, и я не отрекусь от тебя, хоть бы ты от меня отрекся.

Берен поразмыслил над ответом.

— К сожалению — а может, к счастью, почтенный Финрос — княжеское достоинство не имеет признаков столь же очевидных. И потому я, отрекшись от княжества, не могу пойти на попятный. Я остаюсь Береном Беорингом, просто собой, а не князем Дортониона. Поверь, я решил это не вдруг и не спяну, и так будет лучше для всех...

Старик посопел. Потом стукнул кулаком по спинке ложа:

— Несправедливо это. Ты один сражался до последнего. Ты вернул Дортониону свободу, а не Хардинг, что отсиживался под крылышком у эльфов.

— Хардинг тоже сражался. А от разговоров о том, кто где отсиживался, у меня так сводит лицо, что скулы того и гляди стукнутся одна о другую.

— Может, Хардинг и сражался, но ведь мятеж поднял ты! Без тебя ничего бы не было!

— Почтенный Финрос! — Берен сжал его руку, пытаясь подобрать слова. О чем болит сердце старика — он понимал. Именно они — те, кто пережили здесь эти десять страшных лет, разорившиеся, наполовину истребленные — сейчас были унижаемы другими, успевшими вовремя уйти, сохранить детей и добро... Он сумел отстоять замки для таких, как Мэрдиган, и объявить полное прощение тем, кто перешел на его сторону хотя бы в последние минуты битвы — но он не мог заткнуть все рты, из которых вылетало презрительное «морготовы трэли». Пока он, сам бывший морготов трэль, был князем — эти

рты раскрывались не очень широко. Но сейчас...

— Почтенный Финрос, в том-то все и дело, что я поднял мятеж и довел его до конца. Это — как раз то, что я умею хорошо; мятежником, а не правителем, сделали меня эти девять проклятых лет. Если князь Берен объявится в Дортонионе — то даже против его воли будет новый мятеж. А я не хочу проливать кровь своих. Я вообще не хочу проливать кровь, мне это изрядно надоело. И потому я буду благодарен тебе, почтенный Финрос, если даже здесь, между нами, ты не будешь величать меня князем.

Старик посмотрел в лицо Берену и понял, что тот ничего иного не скажет.

— Желает ли ты, чтобы в деревне и имени твоего не знали? — спросил он.

— Желал бы, но возможно ли это?

— Наверяд ли. Что ты поседел до срока — знают и здесь. Радда, мой внук, признал тебя сразу, а двое других еще сопляки, ни разу не выбирались в Каргонд, а то и они признали бы.

— И согласишься, Финрос, не каждый день орлы приносят одноруких из Тангородрим и эльфийских дев на заливке. Об этом будут болтать, если не сказать, что это должно быть тайной. В начале осени твои люди погонят овец на торг в Каргонд или в Друн, ведь так? И как скоро там поймут что к чему, если кто-то распустит язык? Быстрее, чем высохнет плевков в кузнечном горне.

— Так что?

— Собери завтра вечером деревню. Я сам скажу им.

— Сам? А хватит сил выйти к народу?

Берен усмехнулся, прищурив глаз.

— Почтенный хозяин, я сегодня сам ходил до ветру. Правда-правда.

* * *

Берен не был бы собой, если бы в первый же день своего возвращения к жизни не попытался встать, а на второй день не встал. Вечером этого дня хозяин замка собрал мужчин деревни и Берен рассказали им, кто он такой и почему болтать об этом за пределами деревни не стоит.

После этого они с Лютиэн начали... просто жить. Как двое смертных, муж и жена. Во всяком случае, ей так казалось. В деревне не так уж много осталось семейных пар, с которыми можно было сравнивать. И «собрание мужей» наполовину состояло из женщин.

Берен выздоравливал быстро, много ел и несколько раз пытался браться за работу, превышающую его силы, хотя и подходящую для однорукого. Вся эта работа считалась работой для женщин и подростков, и как-то раз Моррет попыталась воспрепятствовать участию Берена в вымешивании глины — по ее словам, это было «вовсе сущее поношение». Берен смеялся так, что чуть не свалился в глину, и ничего не мог объяснить вконец разобидевшейся старухе. Та вернулась в большой дом, где женщины вымазывали этой глиной печи и стены, и попыталась направить на истинный путь Лютиэн.

— Ну ладно, отрекся он от княжеского звания. Пусть будет. Но ведь гостем-то моим быть не перестал! Что про меня люди подумают? Скажут: выгнала Моррет увечного витязя топтать глину со щенками да девками. А ты, госпожа моя, что же — потерпишь, что твой

муж возится в тванюке?

— Потерплю, Моррет, — Лютиэн вытерла руки от глины и крепко взяла старую женщину за плечи. — Мне это не тяжело и не кажется поношением. Тем паче, думаю, ему — ибо с настоящим унижением он знаком не понаслышке. Но вот о чем подумай, Моррет: если ты избавишь его от работы, он останется наедине со своим увечьем, и ничто не даст ему забыть, как много он потерял. Нет, пусть ходит где хочет, пусть делает что пожелает. Не так уж часто ему удавалось жить так, как он хотел бы жить.

— А ты, госпожа? — вдруг спросила одна из женщин. — Прости что спрашиваю, но дивлюсь я на тебя. Неужели тебе охота была жить здесь? Ты ведь эльфийская королева, а возишься со стряпней, стиркой и шитьем, как любая из нас. Поди, ведь и на жнива подашься?

— Конечно, Финдис. Я ем хлеб в этом доме, так почему бы мне и не пойти убирать хлеб?

Она оглядела женщин, прекративших работу и удивленно уставившихся на нее.

— Я никогда прежде не думала о том, как живет смертным женщинам. Но я полюбила смертного и поделила с ним его судьбу. Значит, для меня другой дороги нет. Много в вашей жизни меня удивляет, и не всегда приятно. Но это не оттого, что я эльфийская королева, а от того, что я эльф. Будь я простой *dis*, я удивлялась бы не меньше.

— Но ведь, поди, светлицу мазать во дворце не приходилось?

— Нет, но приходилось расписывать по-новой. Ведь от факелов стены и потолки копятся.

Она обмакнула пакляную кисть в миску с размешанной глиной.

— А разве у вас стены не сами собой, по волшебству, расписываются? — изумилась молоденькая девушка. — А еще я слыхала, что в Дориате есть волшебный котел, в котором вариво из семи мяс каждый день появляется поутру само собой. Если вы эльфы — что ж вы себе не наколдуете? Я бы наколдовала...

— Ага. Волшебный котел тебе мясо варит, а ты тем временем шасть на улицу — в кустах брюхо нагуливать! — съязвила Моррет. — Мазилком работай, а не языком, сорока.

Какое-то время женщины опять работали молча, потом еще одна не выдержала.

— Дозволь еще спросить, госпожа Соловушка.

— Разве у нас княжеский совет, что говорить можно только по спросу? Не жди дозволения.

— Вы с кня... с Береном долго у нас пробудете?

— Тебе какое дело? — встряла Моррет. — Или боишься, что они все лавки насквозь просидят? А не бойся: не твои лавки-то, а наши, Рианов.

— Да и вовсе я не об том, — обиделась женщина. — А только знаешь, госпожа Соловушка, шило-то в мешке не утаишь. Так-то мы болтать не будем, но ежели кто другой придет, то ему ведь рта не зажмешь. А про лютость феаноровых сыновей мы кой-чего знаем.

— Я тоже немного знаю о том, каков нрав сыновей Феанора, — сказала Лютиэн, жестом запретив Моррет отвечать за себя. — Но здесь решают двое, которым мы подчиняемся: хозяин замка, Финрос, и его гость Берен. Я... спрошу у него.

Ночью она и в самом деле спросила. Во всем доме пахло свежей влажной глиной, из окон были вынуты рамы со слюдяными вставками, и проемы задернули тонкими ветхими холстами — от мошкар.

— Когда закончится жатва, и трава в окрестности выгорит, — ответил Берен, — я сяду

на коня, возьму Хуана и поднимусь со стадом выше в горы. Туда, где травы стоят все лето. Если придет кто-то чужой, он не встретится со мной.

— А я? — спросила Лютиэн. — Возьмешь ли ты меня туда?

— Пастухи не берут жен в горы, — Берен улыбнулся. — Но ты не обычная жена. Ты — мой последний и единственный воин, моя королева, мое сердце... И это наконец-то будет место, где мы будем вдвоем.

— Пока не придет время загонять на зиму скот, — согласилась она.

Пришли жнива, и урожай обещал быть восемнадцать мер на меру — лучшее из того, что может дать здешняя земля.

— Пива наварим и перепьемся на радостях все! — говорил Финрос. — Мы десять лет того не видели, чтобы восемнадцать к одной!

А ведь в Дориате плохим считался год, когда собирали тридцать мер на меру...

Озимая пшеница здесь давала совсем не такое зерно, как в нижнем Белерианде — этот неприхотливый вид хорошо переносил холодные дортонионские весны, но высоких упругих хлебов, которые принимают прежний вид после того как на них сядешь и посидишь — таких хлебов из нее испечь было нельзя: тесто получалось липкое, плавущее. Поэтому горянки пекли пресные лепешки, ловким сильным броском расплющивая ком теста о раскаленную стену печи. Искусство же пекаря состояло в том, чтобы правильно вымесить тесто и точно определить тот миг, когда пропеченная лепешка готова отвалиться от кирпичной стенки.

На жнива вышли все, от мала до велика, и работали не покладая рук.

— Погода переменится, и хлеб пропадет, — объяснил Берен. — А погода здесь меняется быстро.

Так вот откуда у людей это качество, подумала Лютиэн — готовность то работать, забывая о пище и сне, надрывая все силы, то бездельничать целыми днями. Это все потому что они не могут полагаться на милость Кементари, и зависят от прихотей природы. Стремятся урвать побольше досуга, когда выпадает возможность, но и работают без передышки.

Берен и Лютиэн на жнивье не пошли, потому что вовремя узнали: поля озимого ячменя и пшеницы граничат с полями чужой деревни; новых соседей непременно заметят. И хотя эта деревня была такой же глухоманью, что и владение Рианов, Берен решил не рисковать. Они взяли стадо и отправились вверх, в горы, где даже среди лета не таял снег. Грязновато-белыми островками лежал он в ущелинах, окруженных зеленой травой, грязно-белым потоком бежали мимо овцы. Хуан и еще два крупных пса вели стадо, не давая разбежаться, сзади шел Берен, бежал еще один пес и ехала верхом Лютиэн.

Когда она в первый раз пересекала Дортонион, ее больше занимали мысли о Берене, чем о стране, по которой она едет. Но сейчас было время оглядеться и восхититься тем, как тени облаков бегут по склонам гор вверх и вниз, как стланик цепляется за камень, как бархатная трава под ветром меняет оттенки... Эта земля говорила с Лютиэн совсем иным языком, чем ее родной край: языком Аулэ, Манвэ и Ульмо, а не языком Кементари, покровительницы матери. Это была мужская, мужественная земля, в яростном порыве встретившаяся когда-то с небом. Скалы, ручьи и льды говорили языком грозных воинов, их песнь была сурова и прекрасна.

Эмин-на-Тон были не так круты, как Эред Горгор, они ходили не на остро заточенные зубья пилы, а на седые головы. Сосновые леса покрывали покатые склоны, как шуба покрывает плечи сидящего старика, и было в этом что-то невыразимо печальное.

Сверху, если подняться на гребень, деревня была хорошо видна. Домики лепились к склону как ласточкины гнезда, и совсем маленьким, вроде кротовины, казалось подворье Рианов. Вишни, груши и яблони росли во дворах, виноград оплетал столбы и перекладины ворот, и Лютиэн был уже знаком вкус вина из его маленьких ягод: грубым, сладким и терпким получалось оно, простояв год, а больше двух лет и не жило. Огороды покрывали склон под деревней, как заплатки. Деревню из лагеря можно было видеть, а вот лагерь оттуда — нет, и Лютиэн в мыслях еще раз поблагодарила старого Финроса за его мудрость. Даже дым очага, как выяснила она, не выдавал пастухов: дымоход был устроен хитро, так что дым расползлся по земле.

— Да, — подтвердил ее догадку Берен. — Это не просто пастбище, это укрытие для скота, на случай орочьего набега. Риан знает, что делает.

Они подновили кошару, крыша которой обвалилась — видимо, зимой, под тяжестью снега, — и Берен, загнав на ночь овец и устроившись ужинать, спросил:

— Ну, по сердцу ли тебе эти места?

— Они мне нравятся, — ответила Лютиэн. — Но я никогда здесь не буду своей.

Берен немного приуныл, и она утешила его:

— Но эти места дороги мне хотя бы тем, что здесь ты обрел покой и радость.

— Покой и радость для меня всегда там, где ты. Но если бы тебя в моей жизни не было — то Дортонион был бы тем, что я люблю больше всего на свете. И мне будет горько покидать его.

— А разве ты не можешь остаться?

Берен покачал головой.

— Вспомни о Финросе. Те, с кем я пережил Тень, никогда не смогут оставить мысль о том, что однажды я встряхнусь как следует и всем покажу. И здесь не найдется достаточно глухого медвежьего угла, где мы могли бы скрыться от друзей и от врагов. Даже это укрытие годится только на время.

Они пробыли там до первых дней осени, когда заморозки начали прибывать траву, а ночи в пастушьей хижине сделались нестерпимо холодными. Раз в пять дней приходил кто-то из мальчишек, приносил муки, эля, свежих яблок — словом, всего, чего здесь не было. Рассказывал немудрящие деревенские новости — кто-то зарезал свинью, чья-то дочь нашла себе жениха в соседней деревне, хорошего и работающего, хоть и хромого и старого (страшно подумать — тридцать пять лет!). Никто из большого мира, где творились большие дела, не пересекал пределов владения Рианов, глухого и всеми богами забытого уголка почти на границе Анфауглит.

Через день после того, как стадо вернулось в деревню, началась новая страда — уборка яровой пшеницы и ячменя — которые от озимых не отличались ничем, кроме того, что их сеяли не под снег. И снова урожай был хороший, и снова была гулянка с танцами на выжатой стерне — в этот раз без соседей, эти поля не граничили, и Берен впервые протанцевал с Лютиэн нарыю, со всеми полагающимися подхватами и прижиманиями.

А на третий день, когда похмелье прошло даже у самых рьяных выпивох, по дворам собрали гурт, чтобы гнать на продажу. С гуртовщиками должен был пойти и Радда — первый его поход дальше чем на лигу от деревни.

— Ты можешь сделать о чем я попрошу? — заговорил с ним в конюшне Берен.

— Да, — ответил мальчик.

— Отыщи в Каргонде или в замке Элвайд Нимроса дин-Брогана. Лет ему примерно

столько же, сколько и твоему дяде Турвину, он носит зеленый с коричневым и белым, а пряжка его диргола сделана как арфа. Скажи ему — и только ему! — что ты знаешь, где живет госпожа, которую он проводил на север, но если он желает ее увидеть — пусть приезжает один к распадку между Маэд и Гваэд, у озера Аэлуин.

Радда серьезно и важно кивнул. Берен со вздохом отпустил его: будь это Руско, можно было бы просто сказать: ну, и посмотри в Каргонде, что там и как. И получить с его возвращением подробный ответ. А Радда, хороший и честный паренек, не отличался, к сожалению, той цепкостью ума. Если его попросить осмотреться, он нипочем не станет прикидываться глуповатым побродяжкой, которого помимо воли ноги не туда занесли, а будет ходить везде все с тем же серьезным задумчивым видом, и только у полного дурака не вызовет вопроса — «А ты что здесь высматриваешь?»

Гуртовщики вернулись через двадцать дней, привезли товар, выменянный за овец и коз, а у Радды при поясе оказалась пряжка в виде арфы.

— Он будет ждать тебя там, мардо, — сказал мальчик. — Только я ему не верю.

— Почему? — спросил Берен.

— Там был эльф, рыжий сын Феанора. Лорд Амрод, наверное. И этот бард говорил с ним, как будто ничего и не случилось. Будто ты не был ему князем или феаноринги не ищут твоей крови.

— Пусть это не беспокоит тебя, Радда. Я знаю холмы у Тарн Аэлуин как свои пять пальцев, — тут он усмехнулся криво. — И если бы Нимрос и вправду надумал меня предать, то я его и тех, кого он приведет, увижу — а они меня нет.

Кроме того, с ними шел Хуан, который чуял засаду за лигу. И весь расчет был на то, что трое путников смогут скрытно появиться в холмах, а вооруженный отряд — нет.

Однако же холмы у Тарн Аэлуин были пусты, никакие воины не скрывались там, поджидая неосторожного. И если не знать этих мест, как знал их Берен, то казалось, укрыться там совсем негде. Холмы эти были округлы, покаты и лишены древесного покрова — только многолетний вереск устилал их склоны. Оттого-то орки и не искали здесь отряд Барахира, что думали — спрятаться тут невозможно.

Но Берен отыскал промоину под нависающим камнем, такую большую, что туда можно было ввести коня в поводу. Так он и сделал — а потом зажег факел, и Лютиэн поняла, где находится.

Это было старое укрытие Барахира и его воинов. В яме на полу сложен очаг, и до сих пор кое-где в углах лежала вересковая труха: прежде там были постели.

— Здесь почти нет крови, — тихо сказал Берен. — Они рубились там, при входе. Два человека удерживали дверь, а когда они... падали... на их место заступали новые двое... И только отцу моему не нашлось пары: он встретил их вот здесь, спиной к стене, и бился один...

Берен поднес факел к стене, но там не было ничего. Ни следа крови.

— Видно, смыло, когда известняк запотевал в сырую пору, — вздохнул он. Привычным движением нашел щель между камнями и сунул факел туда.

— Пойдем насобираем хвороста, — Лютиэн шагнула ко входу — Я не хочу оставаться здесь ни одной минуты сверх необходимого.

— Я тоже.

Они вышли, но прежде чем пойти за хворостом, поднялись на холм — осторожно, чтобы никто не заметил их идущими по гребню.

Вся долина озера открылась перед Лютиэн. Спокойна и непроницаема была его гладь, у дальнего берега синел лес, ближний берег круто обрывался в воду, а между ними тянулась полумесяцем, как тонкая пектораль, полоска белого песка. Все берега были доступны взгляду. Редколесье перекрученных хилых сосенок, цеплявшихся за склоны, просвечивало насквозь.

— Здесь действительно не сможет скрыться никто, если не знает, где скрываться.

— Да, — Берен мрачно усмехнулся. — Теперь, когда мертвы все, кто о ней знал — кроме меня — это опять самое надежное укрытие во всем Дортонионе. А теперь у нас есть еще и Хуан, так что никто не подкрадется к нам без нашего ведома.

Но он и не собирался подкрадываться. Утром Лютиэн разбудил звук, отдаленный и тихий, но оборвавший ее сон полной здесь неуместностью: звон лютни.

Она тронула Берена за плечо и он проснулся мгновенно.

— Ты слышишь? — спросила она.

— Не только слышу, но и узнаю. Ох, парень...

Он вскочил с вересковой лежанки, плеснул себе в лицо воды из каменной вымоины, перепоясался мечом (как быстро, подумала Лютиэн, он научился это делать, прижимая пояс локтем!) и, выбежав из пещеры, прямо-таки взлетел на холм в сопровождении Хуана, который, узнав знакомый голос, тоже помчался со всех ног.

Лютиэн решила, что торопиться ей некуда, вышла из пещеры шагом и увидела, что Берен, встав во весь рост, пропел:

Словно денница,

Сверкая во мгле,

По черной земле

Эльфийский король

Сквозь дым и огонь

В последнюю битву мчится.

Песня умолкла и раздался жалобный стон лютни, ударившейся о камень — видимо, певец от неожиданности обронил ее.

— Парень, если ты будешь так обращаться с эльфийской лютней, я отберу ее, хотя мне самому она теперь вовсе без надобности, — с напускной суровостью сказал Берен.

Лютиэн поднялась на холм к нему и увидела Нимроса, до крайней степени обескураженного.

* * *

— Если бы я думал, что ты останешься в живых, я бы ожидал от тебя, князь, совсем другого, — вздохнул бард, выслушав причины, по которым Берен скрывается.

— Знаю. Все ожидали бы от меня совсем другого, а кое-кто хотел бы за это и убить. Но неужели даже тебе я не смогу объяснить, что так, как сейчас, лучше?

— Мне ты мог бы и не объяснять, лорд Берен. Просто сказать: я сделаю так-то и так-то. Той зимой... когда к нам вернулся Руско... Я верил с трудом. Заставлял себя верить и убеждать других. А он — просто верил. И меня это язвило до самых корней сердца: в

простом мужичьем сыне верности оказалось больше, чем во мне.

— А сейчас это тебя язвит? — спросил Берен.

— Уже нет. Я просто решил следовать за тобой.

— Боюсь, что не получится. Ты не сможешь последовать за мной туда, куда я пойду.

Они сидели втроем у очага и делили скромную трапезу. Каждый выложил на каменную плиту-стол то, что привез.

— Куда же на сей раз? — спросил Нимрос.

— В Дориат. Я должен завершить свои дела.

Лютиэн вздрогнула. Его намерение она прочитала в его мыслях уже давно, и они даже не обсуждали это, но вслух Берен сказал об этом впервые.

— Где бы ты ни скрывался сейчас, между тобой и Дориатом лежат горы, — вслух рассудил юноша. — И земли Креганов, Дэррамаров, Далмаров, Финнелинов... Хардингов.. Если только ты не захочешь повторить свой смертоубийственный путь от Грозовой Матери.

— Не захочу. Свою слепую удачу я исчерпал и выжал досуха. Да и не желаю я ехать по своей земле, хоронясь как конокрад. Это будет свадебный поезд, Нимрос. Я уезжаю, чтобы сказать эльфийскому королю: я добыл свадебный выкуп, которого он требовал; Сильмарилл в моей руке, и теперь он не вправе не признавать меня мужем его дочери.

Похлебка в котле сварилась. Берен поддел его за дужку крюком, который сделал ему кузнец в деревне Рианов, и переставил на каменный стол.

— Лорд Маэдрос потерял руку вместе с оковами, я — вместе с величайшим сокровищем, — усмехнулся он. — Но теперь пусть любой, кто хочет, гоняется за Сильмариллом. Я... я не вернусь, Нимрос.

— Я не понимаю, — сказал молодой бард. — Но я уже сказал, что полагаюсь на тебя полностью. Что ты мне прикажешь?

— Попрошу, молодой Броган. Просто попрошу. Я хочу, чтобы ты был моим герольдом. Чтобы в первый день весны, в день Равноденствия, ты встретил меня у ворот замка Каргонд и сопровождал до границ Дориата. И чтобы там, если позволят эльфийские законы, ты был моим свидетелем. Кроме тебя, я зову в свидетели Мар-Кейрна и Мар-Гортонна. Но до дня Равноденствия молчи обо мне и о госпоже Тинувиэль.

— Как скажешь, ярн... лорд Берен.

Берен подумал немного и прибавил:

— Я буду зимовать в замке Ост-ин-Риан.

Сам того не зная, он солгал.

* * *

При въезде в деревню, на высоком взгорье их поджидал Радда, и, увидев вдали, сбежал вниз, чтобы встретить на дороге. Он так запыхался, что не сразу смог говорить, и после некоторых усилий смог надсадно выдохнуть:

— Моррет умирает!

Она и вправду умирала. Сначала Лютиэн думала, что может еще спасти ее. Лихорадка, которую она подхватила, застудившись на ручье, не казалась чем-то страшным... особенно

по сравнению с тем, как был отравлен и обескровлен Берен. Но, глянув иным зрением, Лютиэн ужаснулась: Моррет умирала не от лихорадки. Ее тело словно бы... расточалось изнутри, словно бы само по себе не хотело жить.

Она не могла ни помочь, ни найти слов утешения — только встала на колени рядом с постелью старухи и крепко взяла умирающую за руку.

Та открыла запавшие глаза и стиснула пальцы.

— А-а-а, госпожа Соловушка, — пролепетала она. — Попробуешь спасти меня? Нет, от смерти меня тебе не вылечить... И все же... хотелось бы мне, чтобы ты была рядом в мой последний час... Но сперва... сперва хочу говорить с князем.

Лютиэн уступила Берену место у постели, и он принял руку старухи из ладони своей жены.

— Берен, сын Барахира, — проговорила Моррет. — Отвечай и не лги перед лицом моей смерти, даже мне в утешение. Скажи, достанусь ли я, когда умру... сам знаешь кому?

— Моррет, — птичья лапка старой женщины полностью скрылась в руке Берена. — Разве отец может оставить дитя, взывающее к нему из неволи. Ты знаешь, кто нам всем Отец, кто вывел нас двоих из логова Моргота. Взывай. Я ничего не могу дать тебе, кроме надежды. Я — лишь живая порука тому, что взывающий не останется без ответа.

— Ответа... да... и какой же ответ ты получил? Разве ты не умрешь, как и все мы? Хотя бы я ускользнула из лап Моргота — может статься... я просто... исчезну. Это лучше, чем вечное рабство... но не намного...

— Ответ нельзя получить, Моррет. Ответом можно только стать.

— Что ж, спасибо, князь... Но смотри, если твоя надежда меня обманет... Я прокляну тебя прежде чем пустота меня пожрет. Я успею, не сомневайся... А теперь — отойди. Пусти ко мне свою королевну.

Лютиэн присела на край постели и снова сжала холодную худую руку Моррет. Старуха больше не заговаривала с ней — держала ее руку в своей, словно ей так было легче. Она не мучилась, просто медленно угасала. Лютиэн прежде никогда не встречалась с таким — она видела людей, умиравших молодыми, от ран, и это тоже было страшно, но она видела и эльфов погибающими безвременно. Но так, чтобы эльф погибал сам собой, от незримой раны, когда жизнь рвется как ветошь...

— Не плачь, госпожа Соловушка... не плачь... — Моррет попробовала протянуть левую руку, чтобы утереть слезы Лютиэн, но не удержала, уронила ее. — Подумай о том дне, когда ты будешь провожать князя. Вот, когда поплачешь.

«Нет», — подумала Лютиэн. — «Тогда я не смогу плакать. Как он не мог плакать над Финродом».

Сколько времени это тянулось? День боролся-боролся с ночью да и сдался, а потом ночь пошла на убыль... Пришел Финрос и какое-то время молча сидел в углу на лавке. Потом пришел и сел рядом с ним Радда. Лютиэн не отрываясь смотрела на Моррет, хотя та закрыла глаза. Берен ходил наверху, она слышала его мерные шаги. Потом она заметила, что Финрос спит, опершись локтями на колени.

Моррет вдруг начала задыхаться, ее сил уже не хватало, чтобы мышцы груди могли раздвинуть ребра для вдоха.

— Финрос, проснись! — сказала Лютиэн, и старик вскинулся, подбежал к постели жены и оттеснил Лютиэн.

— Моррет, Моррет! — заплакал он. Та открыла глаза, пошевелила губами, но не смогла

ничего сказать. Ее голова поникла и дыхание отлетело.

— Вот и все, — Финрос одной рукой вытер слезы, другой прикрыл глаза умершей. Слезы выступили снова. — Она ведь младше меня была, госпожа Соловушка... В которых кровь орков — те недолго живут.

Берен, видимо, услышал что-то: сбежал вниз по лестнице и, отбросив дверной занавес, встал на пороге.

— Ты одно мне скажи, — обратился к нему Финрос. — Ты... ему... сильно врезал?

— Как только смог, хэлди, — Берен раскрыл объятия, и старик ткнулся лицом в его диргол. — Утешься, Финрос: она умерла свободной.

— О, я бы отдал свою руку, чтобы это оказалось правдой!

— Вот тебе в том моя рука, — Берен посмотрел ему в глаза с расстояния вытянутых рук. — Финрос, теперь нам придется уехать.

— Нет, лорд! Не сейчас...

— Сейчас, мой гостеприимный хозяин. Ведь твой сын, Турвин, придет оплакать мать. А он присоединился к дружине Хардинга.

— Ну и что? — надулся Риан. — Пока еще я жив, и я здесь хозяин.

— Это верно; но что делать твоему сыну, если Хардинг спросит его? Кого предать, отца или князя?

— Хардинг не князь!

— Но твой сын клялся ему.

Финрос опустил голову.

— Вспомни, что ты сам подумал, когда я вернулся. И эти сомнения не оставят тебя до сих пор. Ты хочешь, чтобы парень разрывался между верностью и верностью?

— Хватит, лорд Берен. Твоя правда. И... уходи теперь. Дай мне поплакать над женой.

* * *

Они покидали деревню вместе с юным Рианом — Радвин должен был ехать к Каргонду, позвать своего дядю на поминальную тризну. Они спускались с горы верхом, а вслед им доносился вой женщин от могилы.

Это было неприятно и непонятно Лютиэн. Она знала, что женщины деревни не любили Моррет и боялись ее. Теперь же они вопили так, как эльфийская женщина может возопить только над самым дорогим ей мужчиной, лишь один раз в жизни, и то не всякая — она не могла представить себе мать или Галадриэль испускающими такой вопль.

Когда они попрощались с Радвином, Лютиэн сказала Берену о том, что чувствует. И Берен молчал так долго, что она думала — он не ответит, но он все же промолвил:

— Бывает, что люди лучше тогда, когда следуют приличиям, а не велениям своего сердца, mell.

— А когда Финрос женился на двух женщинах сразу — чему он следовал?

— Он пытался следовать и тому, и другому. Моррет он любил, но не мог жениться на ней, рабыне, да еще и порченой крови. Родичи и другие Рианы не потерпели бы наследника с примесью крови орка. Он взял в жены девицу из Дэррамаров, а Моррет была его

наложницей.

— Он истязал их обеих. И сам страдал. Ваши законы жестоки...

Берен усмехнулся.

— А в том, как все сложилось теперь, чудится злая шутка судьбы, — сказал он. — Потому что наследует ему все равно Турвин, чья кровь на одну восьмую — кровь орка. И никто не возвышает против этого голоса, потому что после прошедших десяти лет в стране появилось немало ребяташек с долей орочьей крови... И потому что лучше Турвин, хоть и порченный, а свой, чем выскочка, которого назначит Хардинг, если замок останется без наследника. Сука удача.

— Что ты сказал старику, когда вы прощались?

— Сказал, что если он будет жив в тот день, когда лорд Маэдрос пойдет на Ангбанд — то пусть он снимает всю деревню с места и бежит на юг как можно быстрее. Пусть они забудут о домах, имении и урожае — спасаются, как из огня. Ибо это и будет огонь. А если он умрет прежде чем увидит тот день — пусть перед смертью свяжет Радду клятвой сделать это.

— Когда ты так говоришь о будущем, я тебя боюсь.

— Когда я так говорю, я сам себя боюсь. Как бы мне хотелось не знать всего этого и не думать...

Лютиэн замедлила ход своего коня, приведенного Нимросом — чтобы взглядом попрощаться с той горой, где они провели последний месяц лета.

— И куда же мы едем теперь? — спросила она.

— К замку Даллан, в такую же глушь, как и здесь.

Он вдруг тепло усмехнулся.

— Ты видела, как человек умирает. Может быть, увидишь, как человек рождается.

* * *

Человек рождается в муках.

Хотя Даэйрет вопила больше от страха, чем от боли, а с другой стороны — чем больше она боялась и вопила, тем сильнее сжималась внутренне и тем страшнее была боль. Лютиэн пожалела о Даэрене, который знал такие песенные чары, что могла бы уснуть даже рожаящая женщина. Увы, Даэрона нигде поблизости не было. Берен предложил свой способ, который людские лекари иной раз применяют к тяжелораненым, чтоб не дергались и не мешали врачам: огреть колотушкой по голове. Сказал он это довольно громко; услышала Даэйрет или нет, но вопить и требовать дурманного зелья перестала. Теперь, когда ее скручивало, она только громко стонала и кусала край покрывала. Берена бедняжка по-прежнему боялась больше всего на свете.

Но, когда схватки перешли в потуги и Лютиэн подняла девочку с постели, она снова задрожала в страхе.

— Нет... Так нельзя... я не могу... Он упаде-о-о-от!

— Не говори глупостей. Присядь, как в отхожем месте, крепко держись за столб и тяни так, словно хочешь выдернуть его из земли.

Даэйрет вцепилась в кровельный столб как в родную мать. На то, чтобы спорить, сил у нее больше не было — ребенок пошел. Два усилия, понадобились девушке, чтобы разрешиться от бремени. Перерыва между первым и вторым хватило только на то, чтобы сделать несколько больших вдохов. Она уже не стонала и не вопила: вся полностью ушла в последний рывок. Крошечное тельце выплеснулось в ладони Лютиэн, стремительно меняясь в цвете — от темно-синего до густо-красного. Лежа на руках личиком вниз, младенец откашлял воду утробы и заплакал. Юная мать тоже разрыдалась.

— Нет, — Лютиэн остановила ее, когда она попыталась встать. — Еще послед.

— У меня ноги сводит! — простонала Даэйрет.

Лютиэн ловким движением обернула дитя в холст, отсосала и сплюнула остатки влаги из носика. Она не знала, дожидаются ли люди рождения последа, чтоб перерезать пуповину, как эльфы — или у них другой обычай. Даэйрет ничего не сказала на этот счет, и она решила дожидаться. Когда послед плюхнулся на пол, она быстро сунула малыша в руки матери (все это время он горланил не переставая), перевязала пуп и отсекла пуповину ножом.

— Теперь ложись в постель и постарайся заснуть, — она улыбнулась Даэйрет. Та слабо кивнула — силы уже оставляли ее.

Лютиэн осталась рядом еще немного — чтобы проверить, не открылась ли кровь. Нет, все было хорошо, кровь текла не больше, чем обычно. Малыш отыскал грудь и успокоился. Лютиэн прикрыла мать и ребенка двумя одеялами, отошла к двери и тихо позвонила в медное кольцо.

— Полей мне на руки, — сказала она служанке с обиженным лицом.

Та, продолжая дуться на то, что ее не допустили до родов, исполнила просьбу и, подавая полотенце, проворчала:

— Ну, хоть прибраться тут теперь можно? Или я и для этого не гожусь?

— Да, приберись. Похорони послед в саду.

Ее обида нисколько не трогала Лютиэн — как только она увидела, что женщина собирается приступить к делу, не помыв рук, как сразу вспомнила рассказы Моррет о «родильной горячке», от которой нередко умирают человеческие женщины, и выставила признанную деревенскую повитуху за дверь бани. Правда, когда она уедет, женщина, скорее всего, возьмется за старое. Может ли Берен запретить ей подходить к роженицам, не помыв руки? А Брегор? Все-таки он хозяин здешних мест.

— Ну что? — спросил Берен, ожидавший на дворе. — Глотка у парня матушкина, я уже слышал. Или это девчонка?

— Мальчик. Здоровый и крепкий, хотя и маленький. Я никогда не видела таких маленьких младенцев! Он как котенок, у тебя в горсти поместится полностью.

— Так и родители не то чтобы вышли ростом...

Он немного погрустнел, вспомнив о своем оруженосце. Он часто вспоминал о нем, и Лютиэн искренне жалела, что не знала мальчика живым.

— Да и девка все-таки не в том возрасте, чтобы спокойно родить, — продолжал Берен. — Если я все правильно посчитал — а зачали они после битвы в долине Хогг, это единственная ночь, которую Руско провел не в моей палатке — то она немножко не доносила. Сейчас начало гвирита, а она должна была родить где-то около Долгой Ночи.

— Я не знаю ваших сроков и времени полного созревания ваших женщин, — вздохнула Лютиэн. — И я устала. Пойдем спать...

...Замок Даллан не был такой же глушью, как замок Ост-ин-Риан, он был глушью еще

большей. Но места здесь были на удивление прекрасны. Лютиэн уже видела красоту Эминна-Тон, спокойную и величавую — красота Гвайр в сравнении с ней была дерзкой. Почти отвесные стены невысоких гор сходились в причудливый лабиринт зеленых долин, длинными и замысловатыми извивами спускающихся к Ладросу. По дну каждой долины бежала речка, что питалась от ледников, и на той, по которой они поднимались, Лютиэн насчитала шесть маленьких водопадов. Седьмой был здесь, возле замка, и в выбоине под ним женщины замка и деревни обычно стирали белье.

Здесь меньше сеяли и больше пасли скота. В каждой семье была корова и ближний ледник люди делили на участки — кому где держать изделия из молока. В деревне Рианов сбивали мало сливочного масла; в деревне Даллан сбивали не только для себя, но и на продажу: сливочное масло до войны охотно брали перекупщики, продававшие его потом гномам в Друне, которые были охочи до этого масла не меньше, чем до земляного. Сейчас гномы в Друн еще не вернулись, но на это была твердая надежда.

— Ну что? — спросил Брегор, когда они поднялись в замок. — Жива ли она? А дитя?

Он полюбил приемную дочь, хотя и часто ворчал, а порой даже кричал на нее. И сейчас не спал, волновался, то ли боясь пойти и прямо спросить, то ли не желая нарушать обычай, согласно которому баня во время родов для мужчин запретна, как и все вещи роженицы.

Берен успокоил его и налил всем троим эля. Старик пригубил и ни с того ни с сего спросил:

— А ты знаешь, что в деревне считают это дитя твоим?

Не нужно говорить человеку таких вещей, когда он пьет. Лютиэн несколько раз стукнула мужа по спине, он откашлялся и просипел:

— Это кто же пустил такой слух? Неужели она? Да она скорее сказала бы, что сошлась со змеей!

— Да нет, — поморщился Брегор. — Просто когда к ней лезли — от кого, мол, дитя — она надувалась и супилась: не скажу. А ведь это земли Беорингов, и замок ваш... Руско твоего здесь не знали почти... Вот и решили, хе, что замок ты пожаловал своему байстрюку. Через мать.

— Головы поотрываю брехунам, — прорычал Берен.

— Только докажешь этим, что сплетники не зря болтают.

Берен беспомощно посмотрел на Лютиэн и она поняла его страх: ужас, что она поверит этой выдумке. Да, наверное, человеческой женщине легко было бы в это поверить — ведь делал же Финрос Мар-Риан детей двум женам. Но Лютиэн знала, что ей Берен никогда и ни в чем не солгал.

— Я знаю, что это не так, — улыбнулась она.

— А остальные пусть болтают что хотят, — Берен с облегчением вздохнул.

Самое удивительное во всем этом было то, что сельчанам и в голову не приходила простая мысль: а ведь Берен может обидеться. Они не считали зазорной для мужчины молву о его... кажется, на их языке это называется «блуд». Или «блядки». Первое слово можно было говорить при всех и вслух, второе нельзя — и Лютиэн никак не могла получить от Берена вразумительного объяснения, почему слова делятся на пристойные и непристойные и почему нельзя именовать то, что, как считается, можно делать. Однажды за вечерей Лютиэн совершенно поневоле вогнала в краску Брегора, сказав при нем слово, которое, видимо, не приличествовало женщине (хотя это слово она сама услышала от женщин в деревне Рианов).

— Ну, почему так? — надела она на Берена, который давился от смеха во время

неловкого случая с Брегором. — Скажи мне лучше вместо того чтоб смеяться.

— Да откуда мне знать! Повелось и все... Однажды в дороге государь Финрод, его бард Нэндил и еще парочка эльфов взялись выяснять, отчего оно так, вовлекли в беседу меня, как главного знатока...

— Вот уж знаток, так знаток, — проворчала Дазйрет, кормившая ребенка в своей горнице за занавесью и, как всегда, все слушавшая.

— ...И говорили между собой, как привыкли, на холдорине. — Берен решил не обращать на нее внимания. — Нэндил считал, что это идет от Искажения — от того, что люди привыкли презирать тело и... некоторые отправления... поэтому, значит, они ругаются такими словами — знаешь, как ругаются именами животных, которых считают нечистыми. А государь Финрод думал иначе, и в доказательство приводил сложную ругань, в три наката, как здесь говорят. Он думал, как и Нэндил, что тут дело в искаженном отношении к телу, но не только в презрении. Что все эти вещи — рождение, соитие — раньше считались чем-то вроде чар. А это и в самом деле сродни чуду: как из мужчины и женщины появляется новое тело, понять несложно, а вот как — новая душа? Ну, а раз это чары, значит, не положено о них говорить в голос и на каждом углу. Поэтому слова сделались тайными, запрещенными. Тогда тело почитали, а не презирали, только это так же глупо. А позже, когда предки поняли, что чар никаких нет, осталось одно презрение. Но запрет на слова тоже сохранился.

Он почесал подбородок и широко усмехнулся.

— И тут-то я сообразил, что рядом едет Руско, который ни словечка не понимает на холдорине, а единственные понятные ему слова, слетающие с уст светлых эльфов — это подзаборная брань. Я чуть с коня не свалился от смеха.

— Незамысловатое у тебя чувство смешного, — сказала Дазйрет.

— Умолкни, дочь, — Брегор стукнул кулаком по столу.

— Словом, — завершил Берен. — Вот тебе мнение эльфийских мудрецов на этот счет, а своего у меня нет.

...Брегор жил затворником, явно предпочитая этот замок своему замку Ост-ин-Роган, находившемуся, по его мнению, слишком близко от Каргонда. После ухода Берена он рассорился с Хардингом и, назначив дана, чтобы тот держал Ост-ин-Роган от его имени, уехал сюда, во владения своей приемной дочери. Правда, он по-любому сделал бы это после Тарганнат Беорвейн, ибо считал женщину с младенцем не слишком подходящей управительницей для замка. Но тогда, возможно, между Каргондом и Далланом шел бы обмен вестниками, а так — все в деревне, спрятанной среди гор и лесов, было глухо, и Берена это, кажется, полностью устроило.

Через две недели после того как родился маленький Гили, пошел снег, густой и пушистый, и шел два с половиной дня. Убеленные горы казались зачарованными, земля словно бы обрела невинность и спокойствие в первое снежное утро. Ни один след еще не испятнал снега, и окрестности деревни выглядели так, словно люди тут никогда и не жили. Невзрачное ущелье за несколько часов преобразилось во дворец, полный чуда. Когда Лютиэн спустилась к водопаду с корзиной выстиранного белья на плече, она увидела, что разлетающиеся брызги воды, замерзая по краям выбоины, сотворили целый лес хрустальных цветов.

— Такого не бывает в Дориате! — восторгалась она, пока Берен и Дазйрет рассматривали один такой цветок, которым она украсила выполосканное и выжатое белье

сверху.

— Да, зимой эти места красивы, как эльфийская песня, — согласился Берен. — А вот весной... Ты знаешь, зачем мы строим башни? Не только для защиты от орков. Весной все это начинает таять, и реки вздуваются на несколько дней. Вот, почему через эту жалкую речонку проложен каменный мост. Но реки — не самое страшное. Потоки грязи могут обрушиться с гор и похоронить деревню. Так что на время таяния снегов все перебираются в башню.

— А потом? Когда деревня похоронена? — ужаснулась Лютиэн.

— Отстраивают заново, — пожал плечами Берен. — За сотню лет эта деревня отстраивалась четырежды.

Хуан радовался снегу как щенок, купался и барахтался в нем, и ловил зубами снежки, которыми перебрасывались деревенские мальчишки.

Вечером того дня, когда снегопад закончился, Берен спустился к Лютиэн с крыши, весь в снегу — она как раз расчесывала волосы ко сну.

— Оденься потеплее, — попросил он, и глаза его сверкали так, что было ясно: он что-то задумал.

Они поднялись на самый верх башни, Берен плечом уперся в люк, ведущий на крышу — так вот, почему он весь в снегу: присыпало, когда открывал в первый раз! — сдвинул его и помог ей выбраться на крышу.

Снега намело и здесь — по самые зубцы.

— Завтра его нужно будет побросать вниз, — сказал Берен. — Чтобы в оттепель не закапало на голову. А сейчас, — он подвел ее спиной к большому сугробу, — падай!

— Что? — удивилась она.

— Просто закрой глаза и падай. На спину.

Это было странное чувство — падать не глядя, пусть даже зная, что за спиной у тебя — выше чем по колено снега. Был короткий миг ужаса, когда она еле удержалась, чтобы не повернуться в падении на бок или хотя бы не подставить руки. Но тут она упала и погрузилась в снег.

Берен счастливо улыбнулся и повалился рядом.

— Открой глаза и посмотри вверх, — прошептал он. — Посмотри на звезды.

Лютиэн посмотрела и ахнула. Они были огромны, как кедровый орех, и пронзительно ясны.

«Самые красивые звезды зимней ночью в горах. Если лечь на спину, в густой снег... то кажется, что летишь. Плынешь без движения, без звука в черном небе, и только звезды кругом...»

— Помнишь — ты сказала, — шепнул Берен и нашел в снегу ее руку. — Что хочешь увидеть звезды зимней ночью в горах...

— О, Берен, — она смахнула счастливую слезу. — Спасибо. Только... мне становится холодно.

— Я согрею тебя, — он осторожно накрыл ее собой, большой и действительно горячий под запахнутым плащом. Опираясь на правую руку, левой он провел по ее волосам, ласково тронул щеку, губы, шею...

— Знаешь, когда я по-настоящему жалею, что волк оставил меня без руки? — его озорная улыбка всегда заставляла ее забыть о печали. — Вот когда... — он легонько сжал ее грудь. — Теперь тебе тепло?

— Да. Но скоро снег растает и мы промокнем, если не спустимся вниз и не ляжем в постель.

— Еще один поцелуй...

Когда их губы расстались, он снова упал на спину в снег и сказал одну из своих нелепых мудростей:

— На самом деле мы никогда не умрем.

Глава 23. Смерть

Даэйрет назвала завтрашний день «Днем Серебра», и Брегор скривился. Он терпеть не мог, когда девица называла дни и месяцы так, как приучилась в Ангбанде.

...А ведь она ни разу не спросила меня, что там было, — подумал Берен. Дошел я или нет, и как я выжил. Причем не оттого, что ей неинтересно. А оттого, что она боится. И ведь я тоже не решаюсь ее спросить — что она теперь думает о своем... Учителе? Продолжает ли любить его? Нужно решиться сегодня, ибо завтра мы уедем.

— Серебра или золота, а я еду с вами, — Брегор хлопнул по столу, словно скрепил свои слова печатью. — Если даже Хардинг думает отдать тебя феанорингам, то, глядячи мне в глаза, может и постыдиться.

— Если Хардинг уже переступил через совесть, то переступит и через стыд, — неожиданно мудро сказала Даэйрет.

— Вот только мы не знаем, переступил он через совесть или еще нет, — Берен примиряюще поднял руку. — И я это узнаю, только сойдясь с ним лицом к лицу. Все, что должно быть сказано — будет сказано, все, что должно случиться — случится.

Он посмотрел в глаза Лютиэн и увидел в них сострадание — отражение собственного страха.

— Я не хочу, чтобы между мной и моим молочным братом лежало проклятие, — объяснил он. — Мы расстаемся навсегда, и я хочу расстаться с ним в добрых чувствах.

— Да будет так, — вздохнул Брегор.

— Даэйрет, — сказал Берен. — Впусти меня в свою комнату. Я хочу поговорить с тобой с глазу на глаз.

...Обычно дверь ее комнатки не закрывалась — только занавес препятствовал чужим глазам заглядывать куда не след. Но на сей раз Даэйрет прикрыла дверь и накинула крючок. Берен огляделся и сел возле колыбели. Малыш уже узнавал людей и строил им рожицы. Береном он почему-то был недоволен. Может быть, боялся крюка. А может быть, дело в том, что Берен ни разу не брал его на руки, до мурашек боясь уронить или оцарапать своей железкой.

— Это подарок, — он повесил на колыбельку свой диргол. — Он последний, кто имеет право носить его.

— А ты?

— Мне соткали другой.

За зиму Лютиэн выткала ему такой, какой он просил: без всякого узора, из чистой белой шерсти. Он покидал Дортонион, не оставляя себе ничего, что принадлежало бы Дортониону.

— Я не говорил, а ты не спрашивала, что произошло между мной и Морготом, — она только моргнула. — Но ты должна знать все, потому что... ты знаешь нас обоих.

Он взъерошил волосы по своей старой привычке и начал рассказывать. Даэйрет слушала, не перебивая и не отрываясь. И, когда он закончил, спросила:

— Значит, он... захотел принцессу Соловушку?

Берен кивнул.

— О, как мне хотелось бы, чтобы ты лгал, — горько сказала она. — Но я знаю, что сейчас ты не лжешь. Ведь ты знаешь, что я могу спросить ее, а она не лжет никогда!

Проклятие!

Берен не стал посмеиваться над тем, что из всех преступлений Моргота, о которых Даэйрет уже знала и плоды которых видела своими глазами — в деревне не было семьи, не потерявшей кого-то на войне или в ангбандском рабстве! — наиболее гнусным ей показалось намерение надругаться над Лютиэн. Он видел Моргота в шкуре, которую тот напяливал для своих рыцарей и воздыхательниц: неземной красоты мужчина, которому шрамы лишь придают возвышенной скорби... Он знал легенду о любви к нему какой-то девицы и знал, что для всех женщин Аст-Ахэ он — нечто вроде никогда не женатого вдовца, потерявшего любовь, которую он толком не успел обрести... Влюбленного в память, скорбящего о призраке...

— Я ненавижу его. Я отрекаюсь от него и от всех его дел, — твердо сказала Даэйрет. — А теперь уходи. Ты ведь услышал, что хотел.

— Я... — Берен встал. — Я прошу, — он показал на колыбель. — Дай мне подержать его. Смотри, я не надел железку. Один раз. Я не уроню.

Даэйрет пожала плечами, достала малыша из люльки.

— У вас еще будут свои дети, — утешила она.

— Может, да, а может, и нет.

Маленький Гили вроде бы не собирался заплакать. Хотя и особенного восторга тоже не являл.

— Родился же Илльо у его отца, — Даэйрет вздохнула. — Ваш брак будет счастливей. Если, конечно, ребенок от тебя не убьет ее в родах.

— Нет, — твердо сказал Берен. — Она дочь Мелиан, в ней силы, превосходящие людские и эльфийские... О! Так... Ну, вот...

Даэйрет захихикала и забрала младенца. Берен начал отряхивать мокрую рубашку.

— Все-таки это твой сын, — проворчал он.

— Твой сын сделает с тобой то же самое, — пожала плечами Даэйрет. Боги и демоны, откуда в этой шклявотине столько превосходства? — И не один раз...

* * *

— Не спится, зятек?

Роуэн обернулся резко, выронил кубок — тот загрохотал по лестнице и оловянный дребезг отразился от стен башни.

«Совсем спятил. Это всего лишь Фарамир, одноглазый ворон».

— Ты что, хэлди, — пробормотал он, спускаясь за посудинкой. — Разве можно этак сзади подкрадываться к человеку...

— Бродишь ночами, — скривился Гортон. — Тягаешь потихоньку пивко... Бледный стал, лицо обвисло, руки дрожат...

— Не дрожат. Не каркай.

— Дрожат. На каждый шорох вскидываешься. Боишься, что он, как в недавние злые времена, пролезет в окно и угостит тебя ножом или кистенем? По-моему, у него нет такого намерения. По-моему, он заявится в открытую потребовать свое.

— Что он потребует? — не выдержал Роуэн. — Он не может потребовать ничего, он от всего отрекся!

— Тогда почему ты превращаешься в студень с того дня, как сын Белвина начал петь о том, что он вернулся из Ангбанда? Почему ты посадил щенка в яму? Почему ты ходишь злой и больной как медведь-шатун?

— А не кажется ли тебе, мой тесть, что ты лезешь не в свое дело?

— Не кажется, Роуэн. Я избирал тебя в князья, но мы еще не сложили тебе беор. И посмотрим, стоит ли складывать, если ты мечешься как укушенный в задницу заяц, от каких-то слухов и песен.

— Это не просто какие-то слухи и песни. Он был там.

— И ты этому веришь?

— Да, — неожиданно для себя ответил Роуэн, хотя намеревался сказать «Нет».

— Вздор, — отрезал Фарамир. — В который могут верить только старые бабы да самые тупые из данов, владеющих замками в медвежьих углах.

— И еще Нимрос. И его отец, которого ни тупым, ни невежественным никак не назовешь. Что ты скажешь на это, разумный мой тесть?

— Скажу, что Нимрос держал его руку с тех пор, как он приехал в Химринг с государем Финродом. Он еще мальчишка. Берен окружал себя мальчишками, пренебрегал старыми воинами а знаешь, почему? Потому что мальчишкам легче всего задурить голову. Они все еще верят в сказки. Будто бы кто-то может войти в Ангбанд, снять Сильарилл с короны Моргота и уйти как ни в чем не бывало.

— Он не ушел как ни в чем не бывало. Он остался без руки.

— Руку можно потерять где угодно. Как и глаз, — Фарамир дотронулся до своей повязки.

— Тогда тебе придется зачислить в мальчишки или в старые бабы Фритура Мар-Кейрна. Он тоже верит.

— Фритур из Бретиля. А тамошний народ всегда был невеликого ума. Имея дело с халадинами, Кейрн научился думать.

— Но вот кого тебе не удастся ославить дураком — это лорда Кириона, герольда лорда Маэдроса. Когда он услышал о возвращении Берена, он помчался к Аглону так, что за ним аж закурило на всю долину.

— А от кого он услышал о возвращении Берена?

Роуэн на миг опустил глаза.

— То-то. Ты рассказал ему ту байку, которую услышал от Нимроса и которой испугался. А он... он из феанорингов. Они здоровы во всем, кроме того, что касается Сильмариллов.

— Короче, почтенный Гортон, все, кроме тебя, или глупы, или безумны, или подпали под Береновы чары. А что же думаешь ты?

— Я думаю, что это хитрость, которой Берену не занимать. Он и вправду нарвался на кого-то, кто ему не по зубам, может быть даже на морготова гаура, которого не смог завалить. И вправду потерял руку. Но не держал в ней Сильмарилл. Смертная плоть не может коснуться Камня и не истлеть. Он бы умер на месте, доведись ему коснуться Сильмарилла. Моргот остался раненым навеки, а он ведь — из Могуществ. Его эльфийская ведьма нашла и выходила его, он где-то отлеживался, зализывал рану, а когда почувствовал себя в силе, высвистал Нимроса, который с прошлого года заглядывал ему в рот и делал по его слову. А сейчас невежественное мужичье подхватило молву и он едет сюда. Да, он отрекался — и что с того? Он служил Саурону однажды. Он нарушил свой беор, сложенный

Финроду.

— Он служил Саурону, потом что был верен Финроду.

— Слова! Одни слова. Причем опять же слова Берена и мальчишек, которые вернулись с ним от Тол-и-Нгаурхот. Что там нашли? Трупы эльфов и живого Берена. А что было между ним и Сауроном — кто знает? Почему Берен остался жив? Как это Саурон не удостоверился в его смерти?

— Если ты так думаешь — почему же ты молчал на Тарганнат Беорвейн?

— Мне не сразу пришло это в голову. Какое-то время я тоже пребывал под его чарами. Но теперь прозрел. Своим одним глазом я вижу больше, чем иные двумя. Войти в Ангбанд и выйти оттуда живым может только верный Моргота.

— Ты же мне говорил, что он не ходил в Ангбанд, — криво ухмыльнулся Роуэн. — Выбери что-нибудь одно, почтенный Гортон: или он обычный лжец, или морготов слуга.

— Между двумя гнилыми яблоками не выбирают, Хардинг. Продался он или просто лжет, он достоин смерти. Не нужно сидеть тут и трясти гузном, нужно собрать дружину и выехать к нему навстречу. Ждешь феанорингов? Не жди, князь. Феаноринги не успеют даже если будут загонять в день по трех коней. Берен окажется здесь завтра. Я не знаю, как ты — а я поднимаю свою дружину.

У Роуэна словно глаза открылись: ба! Да тесть совершенно одет и даже перепоясан мечом.

— Вот, значит, оно что... ну, что ж, почтенный Гортон, ты иди поднимай дружину, а я попробую до света урвать еще часок-другой сна.

— Не дури!

— А я и не дурю. Я поостерегусь поднимать свою дружину, тестюшка, потому что я совершенно не уверен, против кого повернут оружие мои воины, если я поведу их на Берена.

— Я не подумал об этом, — Гортон изо всех сил старался не подавать виду, что смущен. — Да, ты молодец, сынок, ты это верно сообразил. Но я знаю, что делать: оставить дома всех, кого я приютил из береновых мальчишек и из здешних предателей. Взять только тех, с кем мы прошли годы в дружине лорда Маэдроса. Да, так будет правильно. На это уйдет немного больше времени. Но так будет правильно.

— Ты уверен?

— В чем на этот раз? — Роуэн заметил, что Гортон в раздражении слегка брызнул слюной.

— Ты так складно рассказываешь о том, что Берен продался Морготу или измыслил басню о своем походе в Ангбанд, чтобы поднять Дортонион против меня. А мне не дает покоя мысль о том, что он и вправду был в Ангбанде и каким-то немислимым образом добыл Сильмарилл — и чудом спасся. Что тогда? Допустим, я сумею вывести против него дружину. Допустим, она останется мне верна, и Берен умрет под мечами. Так не будем ли мы тогда прокляты перед богами и людьми?

Гортон какое-то время сопел, не зная, что сказать. Но потом нашелся:

— Воина не должны пугать людские проклятия. А перед богами мы чисты, потому что намерения наши благи. Я не верю, что Берен добыл Сильмарилл в Ангбанде. Но если даже это так каким-то чудом — то боги не допустят его смерти. А если мне удастся его убить — значит, он святотатец и лжец.

— Слов нет, ладное объяснение. А что ты ответишь, если я спрошу: не нас ли испытывают боги?

— Вот именно, зять! Они испытывают нас: допустим ли мы, чтобы Беоринг вернул себе княжество либо чудовищной ложью, либо чудовищным предательством. Говорю тебе, Роуэн: лучше в чистоте и неведении убить одного невинного, чем допустить, чтобы виновный получил власть, и силу, и славу.

Роуэн сглотнул, подавляя тошноту.

— Уйди, дорогой мой тесть. Уйди, потому что я готов ударить тебя, презрев и родство, и старшинство. То, что ты говоришь, так мерзко, словно исходит из уст самого Моргота. Иди, собирай свою дружину. Поезжай навстречу Берену и попробуй поднять на него меч. А я останусь здесь. Мои руки будут чисты от крови — невинной ли, виновной, но крови друга, с которым мы пили одно молоко.

Гортон плюнул на пол и вышел за дверь. Роуэн поднял с пола оловянный кубок и побрел на кухню.

— Ой! — кухонный служка упал на задницу, потирая ушибленный дверью лоб.

— Ты что делал здесь ночью? — прорычал Хардинг.

— А я... услышал голос твой, господин, да и думаю: дай, помогу чем-ни...

Роуэн ударил его кубком по зубам и конец слова захлебнулся в крови.

— Попробуй только болтать об этом. Вышибу все зубы.

* * *

Длинный и тоскливый, вознеся над Анфауглит волчий вой — и через бескрайний простор выжженной равнины ответил ему другой, такой же протяжный, начинающийся глубоким и низким звуком — и переливом взбегающий к тонкому напеву. То перекликаются два волка, мертвый и живой — поняла Лютиэн, задрожала, теснее прижалась к Берену — и, проснувшись, поняла, что вой не приснился ей. Он и в самом деле раздавался над полониной: один волк скулил на щербатый месяц где-то в лесу над замком Эйтилингов, другой отвечал ему с противоположного склона долины.

— Не бойся, — Берен устроил ее голову на своем плече. — Это не тот волк, которого следует бояться. Это весенний гон простых волков. Знаешь, иной раз мне кажется, встречу обычного серого — расцелую.

Его спокойные шутки, как всегда, придали ей уверенности. Уверенность была нужна ей отчаянно, ибо она...

Она знала. И знала, что он знает. Почему он торопится покинуть Дортонион, завершить здесь все свои дела...

— Он ищет тебя. Давай поскорее вернемся в Дориат. Он не сумеет пройти сквозь завесу Мелиан.

— И что тогда? Будет опустошать округу и кидаться на кого попало?

— С тобой пойдут воины Дориата. Он не сумеет причинить тебе зла.

— Что за радость слышать тебя после ворчания Брегора: «Они убьют тебя, они убьют тебя...»

— Брегор боится за тебя.

— Ох, насколько бы мне легче жилось, если бы за меня меньше боялись... Пусть лучше

за себя боятся. Но ведь нет. Ведь каждый про себя считает, что с ним-то ничего плохого не случится. Он-то сейчас в безопасности от Моргота, за стеной эльфийских клинков. Словно эти десять лет никого ничему не научили... Словно Моргот повержен навсегда и не прорастает сквозь наши души... Брегор боится, что меня убьют — а я боюсь, что приду к людям, с которым рос, сражался, радовался и скорбел... Приду, а на меня их глазами глянет Моргот. Роуэн посадил в яму сына Белвина, а Белвин пришел требовать у меня крови Роуэна!

— Засни. Завтрашний день сам разрешит свои заботы. Мы выйдем им навстречу и сами станем для них камнем испытания.

— Я попытаюсь заснуть, — вздохнул Берен. — Но чувствует мое сердце, я не единственный, кто не может заснуть в эту ночь.

...Утро выдалось ветреным и холодным, гораздо холодней того дня в долине Фрериидуина, год назад.

— Роуэн! — крикнул Берен — а его голосина перекрывала горный поток, если он хотел. — Роуэн, ты помнишь Бешеный Брод? Мы поехали друг навстречу другу через поток и обнялись на середине. Почему ты сейчас не хочешь обнять меня, молочный брат?

«Белый диргол», — подумал Хардинг. — «Кто бы сказал, что это значит?»

— Не поддавайся, — прошептал Гортон. — Это какая-то каверза.

Время было упущено. Пока Гортон собрал свою дружину, обо всем узнали и другие, кого он вовсе не хотел приглашать — тот же Кейрн. А со стороны Берена оказались люди, которых никак невозможно было убить так, чтобы против тебя не взбунтовался потом весь Дортонион.

— Грайнар Фин-Эйтилинг! — проблеял, выехав вперед, старикашка. — Ты будешь стрелять в своего деда? Или заколешь меня копьем?

— Кого ты еще притащил с собой, лжец? — крикнул Гортон в ответ. — Ты долго будешь прятаться за спинами стариков?

Беоринг тронул коня и выехал далеко за край толпы, что притащилась за ним. А толпа колыхнулась и двинулась следом, как море. Гортон увидел, как несколько его дружинников осадили коней, попятнулись, оробев — хотя за Береном шли, насколько мог видеть Гортон, безоружные. Разноцветие дирголов сливалось в плохо различимую пестрядь — кого только не было в толпе... Фарамир выцепил взглядом даже нескольких человек в цветах Гортонов, и скрипнул зубами.

Берен и Лютиэн подъехали к дружинникам Гортон в плотную. Все расчеты были поломаны — на глазах Кейрна, старого Эйтилинга, Брегора Колченогого и других старшин никто не решился бы поднять на него меч — а тем паче на его эльфийскую ведьму. Чуть поодаль сзади них держались еще четверо, на которых Гортону и вовсе было тошно смотреть: Белвин, отец Нимроса, Дарн, единственный уцелевший из старшины Бретильских Драконов, Аван, переходивший через горы вместе с сопливым оруженосцем Берена, и Мэрдиган-предатель.

— Что случилось, почтенный Фарамир Мар-Гортон? — спросил Берен. — Что такого я сделал, брат мой Роуэн, что на мой свадебный поезд, как на орочью ватагу, выехала дружина с мечами?

Он обвел взглядом простых воинов и обратился к тем, кого знал по именам:

— Келан, ты был со мной вместе при Бешеном Броде. Я помню, как с тебя сбивали цепи. Дилан, ты помнишь меня при Кэллагане, ты вместе со мной под началом Кеннена Мар-Хардинга атаковал колонну черных. Ардиад, я помню, как ты закрывал щитом женщин

в долине Хогг. Радруин, мой Руско принес тебе напиток, когда ты раненый умирал от жажды... Что я вам сделал? Чем провинился перед вами? Скажите, чтобы я мог загладить свою вину.

— Берен... — Роуэн слегка прокашлялся. — Я... всего лишь хотел... чтобы тебе... никто не смог причинить вреда...

— Тогда я благодарен тебе, друг мой. Но кто же здесь хочет причинить мне вред? Со мной идут сотни людей, искренне радых моему счастью — неужели среди них притаился убийца, достойный сотни храбрых воинов?

— Трус, — Гортон направил своего коня между лошадью Берена и лошадью Хардинга и выкрикнул в лицо зятю. — Ублюдок с пресной кровью, дай, я скажу, если ты проглотил язык!

Он повернулся к Берену.

— Ты, опозоривший и забывший имя своих родителей! Как ты смеешь появляться здесь после того, как место по тебе посыпали солью? Как ты смеешь бахвалиться победой над Морготом и навлекать этой ложью беду на всю землю? Как ты смеешь требовать чего-то сейчас, после того как ты всех нас предал и от всего отрекся? Отвечай мне, если стыд не заставил тебя молчать.

— Кто этот человек, язык которого говорит клевету, неприличную его седидам? — голос Лютиэн заставил умолкнуть всех, хотя говорила она далеко не громко. — Почему ты называешь победу над Морготом ложью и бахвальством? Разве ты слышал, как Берен хвалился своей силой? Или у тебя есть свидетель, который стоял рядом с нами у черного трона? Если тебе есть кого представить — говори, кто он, а если некого — молчи и слушай меня, Лютиэн Тинувиэль, дочь Мелиан и Элу Тингола! Я — свидетель Берена, я была с ним в ауле Ангбанда и пела перед Черным троном. Я повергла Властелина тьмы в тяжелый сон, я видела железный венец Моргота сброшенным наземь и самого Моргота — распростертым на полу у своих ног. Я видела Сильмарилл в руке Берена, и я перевязала его рану, когда волк откусил ему эту руку вместе с Камнем! Возьмешься ли ты опровергнуть мои слова и назвать их ложью? Трое нас было там, в подземном чертоге — Берен, я и Моргот! Не он ли твой свидетель?

Роуэн покосился на тестя и увидел, что тот слушал речь Лютиэн зажмурившись, как от сильного встречного ветра.

— Меня там не было, — сказал он, и его голос после голоса Лютиэн показался дребезжащим и слабым. — Но я не верю, что один человек и одна эльфийская женщина могут повергнуть Моргота. И свидетели мне для этого не нужны. Все знают, что не в силах смертного или эльфа одолеть Моргота в поединке.

— А кто и когда говорил, что мы одолели Моргота своими силами? — вскинул голову Берен. — И кто назначил тебя судьей нам, чтобы твоя вера или неверие что-то значили? Я вижу князя Дортонионского, Роуэна Мар-Хардинга здесь перед собой, и вижу знатока законов и правды, Фритура Мар-Кейрна. От чьего имени ты обвиняешь нас, если они молчат?

— Довольно пустых слов, — Гортон лязгнул рукоятью меча об оковку ножен. — Я вижу тебя насквозь, Берен: ты приехал требовать возвращения княжества. С тобой оборванцы, гнувшие спину на Моргота, и откровенные предатели. Мои собственные дружинники колеблются, не зная, на чью сторону встать. Но знай: обманом и убийством ты можешь получить княжество, но не сможешь его удержать. Сыновья Феанора отомстят за меня.

— Я не собираюсь убивать тебя, Гортон, — мягко сказал Берен. — И ради всех лет нашей дружбы не убил бы тебя, хотя бы ты занес надо мной меч. И я не желаю требовать княжества, ибо действительно отрекся от него. Но я требую — и я имею право требовать, пока на этой земле есть закон! — освободить Нимроса барда, сына Белвина. И поверь, Гортон, только моя добрая воля стоит между Белвином и тобой. Если ты прольешь мою кровь — твоя прольется следующей. Твои дружинники не станут ради тебя рубить своих родичей, которые вышли всего лишь проводить меня и попрощаться со мной. Освободи моего свидетеля, Гортон, потому что его свидетельство истинно.

— Нимрос был взят под стражу по моему приказу, — выдавил из себя Роуэн.

— Значит, ты и верни его отцу. Иначе люди, пришедшие со мной, увидят не будущего князя, а вероломного труса, которому нельзя складывать беор.

Роуэн поднял руку, подзывая оруженосца. Не глядя, дал ему перстень с руки.

— Прикажи от моего имени выпустить из ямы Нимроса, вернуть ему меч и лютню. А еще — прикажи выкатить эль на двор и приготовить пиршество в зале. Я приглашаю тебя. Берен, и всех твоих... гостей...

— Ты кое о чем забыл, Роуэн. Я не могу принять твое приглашение, потому что в Каргонде место по мне посыпано солью. Я не желаю переступить через проклятие, поэтому ограничусь благодарностью. Приведи сюда Нимроса, и мы расстанемся на этом навсегда, молочный брат мой.

Гортон крикнул и погнал коня прочь. За ним поскакали еще несколько человек.

— А кроме Нимроса, я хотел бы иметь своим свидетелем почтенного Фритура Мар-Кейрна, — Берен прижал руку к груди и отвесил законнику неглубокий поклон.

— Свидетелем? — не понял тот. — Я бы с радостью, лорд Берен, но какое свидетельство и в чем тебе нужно?

— Во-первых, свидетельство в том, что я действительно отрекся от княжения и сложил с себя венец, и не пытаюсь снова его вернуть. Во-вторых, в том, что я беру в жены дочь короля Тингола, Лютиэн Тинувиэль, потому что я исполнил наложенный ее отцом на меня долг, добыл Сильмарилл из короны Моргота. И в-третьих, ты засвидетельствуешь последнее, что я сделаю, но сейчас я не скажу, что это. Согласен ли ты?

— Я иду, — Фритур был краток. — Сколько человек я могу взять с собой?

— Тех, без кого ты не сможешь обойтись — и не более.

Роуэн кусал губы во время этого разговора, но наконец-то решился.

— Берен, мне нужно поговорить с тобой, — сказал он тихо. — С глазу на глаз. Если ты не... против.

— Отчего же. Сойдем с коней и поговорим, как говорили раньше, когда я рядом с тобой забывал, что я князь.

Он спешился — и Роуэна передернуло при виде крюка, показавшегося из-под белого диргола, что ниспадал с правого плеча.

Роуэн тоже сошел с коня, и они пошли в сторону от своих людей, ожидавших конца этого разговора. Ветер трепал волосы и плащи, и когда они отошли в подветренную сторону на пятьдесят шагов, Берен остановился, сорвал и сунул в рот травинку. Роуэн, не зная, с чего начать, брякнул:

— Ну и... как оно?

— Ты о чем, об этом? — Берен показал крюк. — Да так... в носу ковырять неудобно, зато чесаться — самое оно. Но ради такой беседы стоило ли бить ноги? Спроси о том, о чем

хотел спрашивать, не ходи вокруг да около.

— Берен, я не понимаю тебя. Ты мог бы сейчас только свистнуть — и наша дружина порубила бы нас в капусту. Я ехал сюда, думая, что еду на свои похороны. А иначе, думал я, мне придется тебя убить — и всех, кто пришел с тобой... Ты мог бы получить княжество — или умереть. Одно другого стоит. Но ты перетянул на свою сторону всех, и отрекся во второй раз. Стоило ли ради этого возвращаться сюда?

Берен перегнал травинку в другой угол рта, улыбнулся.

— Да, Роуэн, и мне, и тебе было бы легче, если бы я тихонечко выскользнул из Дортониона. Поверь, мне самому этого хотелось бы больше всего — но мы не всегда делаем то, что нам хочется. И когда мне хочется жить в отдаленном замке, пасти овец и сеять ячмень, я вместо того скачу сюда и ставлю тебя и Гортонна перед выбором.

— Я все еще не понимаю.

— Может быть, ты поймешь только спустя долгое время. Мы — испытание тебе, Роуэн, твое спасение или проклятие. У меня нет более простых слов, как нет доказательств тому, что я потерял руку вместе с Сильмариллом. Ты можешь только поверить — или не поверить. Только отпустить меня — или убить заодно с сотнями невинных. Затащить меня в замок и сделать вид, что все стало, как раньше, уже невозможно, и отравить потихоньку тоже невозможно. Ты уйдешь сегодня с этого поля настоящим князем — или настоящим преступником. В этом весь смысл.

— Но ты же знаешь, что я не хотел, Берен! Я не думал, что ты уйдешь. Ты должен был испугаться проклятия...

— Кому должен? — обронил Берен.

— Кому? Проклятие! Я думал, что знаю тебя хоть немножко — ведь ты любишь Дортонион, он тебе дороже жизни!

— Это так. Твое проклятие ударило меня в самое сердце — но оно же и отсекло дорогу назад. Я благодарен тебе, Роуэн: без тебя я бы мог и не решиться. Не будь я проклят тобой — мне было бы куда возвращаться... и я бы не коснулся Сильмарилла.

— Это прикосновение лишило тебя руки.

— Оно того стоило.

— Что может этого стоить?

— Свобода, — улыбнулся Берен. — Лорд Маэдрос тоже получил свободу такой ценой — вот только не сумел ее сохранить, бедняга... а впрочем, кто знает...

— О чем ты, Берен? О какой свободе ты тут толкуешь? Разве ты не был свободен до того как ушел туда?

— Свободен? Да я был самый жалкий невольник из всех. Скованный по рукам и ногам — вина, стыд, похоть, жалость к самому себе — и страх, Роуэн, страх...

— А сейчас ты... совсем ничего не боишься?

— Сейчас... Видишь ли, Роуэн, otorno, есть это тело, которому очень не хочется страдать и умирать. Есть разум, который знает, что страдания и смерть неизбежны. И есть душа, которая бессмертна, но будет это бессмертие в страдании или в покое — выбор только за нами. Я боюсь только одного: умереть таким, чтобы и в вечности страдать в неволе. А больше ничего бояться не надо. То есть, ты, конечно, не запретишь своему сердцу биться чаще, а мышцам — дрожать перед лицом опасности, но это ведь никогда не заставляло тебя бежать от опасности, верно? Ты принимаешь ее — и это делает тебя свободным.

— Но чего же ты от меня хочешь?

— Того же самого. Роуэн — избавить тебя от страха. Если ты будешь продолжать бояться — то что ты будешь за князь? Ты говоришь, что не понимаешь меня — а я вот никак не могу понять тебя. Как можно одновременно бояться, что я отберу княжество — и желать вернуть мне власть? Как можно одновременно верить и не верить мне? Гортон старый дурак, но он хотя бы верен себе. Он считает меня лжецом — и он прав, когда говорит мне это в лицо и желает моей смерти. Нельзя считать сказанное мной ложью и слушать ее со спокойным сердцем. И нельзя считать сказанное мной правдой — и думать, будто я хочу сделать тебе подлость. Если я такой подлец — как я держал Сильмарилл и не сгорел на месте? А если я не держал Сильмарилл — то вот моя голова, сними ее с плеч, потому что моей лжи нет прощения. Но не стой чурбаном, Роуэн, не жди, что все решится само собой, без тебя. Или убей меня, чтобы не бояться больше — или перестань меня бояться и скажи вслух: Сильмарилл освобожден из короны Моргота, а значит, власть Моргота не вечна!

— Берен, я готов признать это и сказать перед всем народом, но какое это имеет значение для меня? Ведь не мне же обещана в жены эльфийская дева.

— Тебе доверено княжество, Роуэн. И право вести мужей Дортониона на войну, которая принесет победу или смерть. И ты не сможешь вынести это с раздвоенной душой.

— Но что я должен сделать, Берен? Что ты от меня хочешь сейчас — я никак не пойму! Освободить Нимроса? Он сейчас будет свободен. Отпустить Фритура? Он сам себе хозяин. Что еще?

— Ты знаешь, Роуэн.

— Клянусь, нет!

— Не спеши клясться. Я тоже долго не мог понять, чего желает от меня государь Финрод. Почему он возится со мной. Порой я чувствовал себя как железо между молотом и наковальней — из меня делали то, чего я не понимал, и чем не желал быть... Но проходило время — и я догадывался, что он просто выколачивал из меня всякое дерьмо, как сталь выколачивают из крицы — и остается только чистое железо. Но прежде крица должна пройти сквозь огонь и вынести не один удар. Я еще шажу тебя, Роуэн. Я еще слабо тебя бью.

— Но что тебе нужно?

— Мне нужно, чтобы ты перестал бояться меня. Чтобы ты понял: я держал в руке свет, бывший прежде начала мира, и ничто меньшее, чем этот свет — не Камень, в коем он заключен, а сам свет, Хардинг — ничто меньшее мне не нужно. Зачем бы я стал покушаться на власть в Дортонионе?

— Лорд Берен! — окликнули сзади. Берен оглянулся. Нимрос верхом на коне подъехал к ним — но остановился на почтительном расстоянии, не решаясь подъехать поближе. Юноша слегка осунулся, но по нем не было видно, что в заключении он подвергался сильным лишениям. Роуэн был не такой дурак, чтоб набиваться на кровную вражду с домом Броганов.

— Я иду! — Берен махнул ему рукой и повернулся к Роуэну: — Ты ничего не хочешь сказать мне на прощание?

— Я... — Хардинг запнулся. — Желаю тебя счастья с ней.

— Спасибо. — Берен помрачнел. — Что ж, Роуэн, прощай.

— Не в последний раз видимся, — виноватым голосом сказал Хардинг.

Берен вскочил в седло, развернул коня и почти через плечо бросил:

— Нет, Роуэн, мой брат от груди моей матери. В последний. Прощай.

Он тронул коня с места и, поравнявшись с Лютиэн, поцеловал ее. Потом хлопнул

Нимроса по плечу и поехал вместе с юношей и Фритуром через расступающуюся толпу. Кто-то посадил ребенка к нему на седло, и он, продержав мальчика перед собой немного, перебросился шуткой или просто добрым словом с его матерью. Потом отдал малыша, маленький поезд разошелся с толпой и расстояние между ними начало увеличиваться. Лошади ускорили ход и скоро фигурки всадников сделались ростом с наперсток — когда Роуэн наконец решился: вскочил в седло и понесся следом за ними во весь опор.

— Эй! — заорал он, когда ему показалось, что расстояние между ними не сокращается и не увеличивается. — Эла! Берен! Стой! Я еще не все сказал!

Он услышал — и остановился. Его маленький отряд проскакал еще немного и хотел было вернуться к предводителю, но Берен поднял руку и они остались там, где стояли.

Роуэн, запыхавшись, натянул поводья и остановил коня, вздернув его на дыбы. Берен спокойно ждал, пока он отдышится.

— Сыновья Феанора, — выдохнул Роуэн наконец. — Будут ждать тебя по ту сторону перевала Анах. Не ездь туда, Берен, спустись в Нижний Белерианд Тесниной Сириона.

— Спасибо, Роуэн. Вот этого-то я от тебя и ждал.

— Ты... знал?

Берен улыбнулся и не ответил ни «да», ни «нет». Вместо этого сказал:

— Сбереги всех, кого сможешь сберечь. Ты будешь хорошим князем.

* * *

Аксанир Дортониона Фритур Мар-Кейрн много чего повидал в жизни. Как законнику, ему приходилось постоянно иметь дело с людьми, которые переступали и через честь, и через совесть, и через кровные узы. И приходилось иметь дело с людьми, которые скорее умрут, чем переступят через совесть, честь и родство. Но вот таких людей, каким сделался лорд Берен по возвращении из Ангбанда (у Кейрна не было сомнений в том, что он там был, с того мига, как он заглянул в глаза Берена) — таких людей он не видел вовсе. Это был тот же самый Берен — насмешник и зубоскал, подтрунивающий над всеми и над собой в первую голову. И это был другой Берен. Такой, что однажды ночью во время стоянки Фритур сказал Нимросу:

— Иной раз мне кажется — это вернулся государь Финрод. Рядом с ним — как с эльфом. Вся прежняя мудрость кажется мелкой — а вот сам ты словно бы вырастаешь из собственной шкуры. Раньше только госпожа Соловушка смущала меня так. Когда она пришла в Каргонд — только посмотрела мне в глаза, и словно пронзила до самого сердца.

— Я помню, — сказал Нимрос.

— И опять же: я не знаю, как он думает управиться с феанорингами, но едет прямо к ним навстречу и не боится. А что удивительнее всего — я тоже не боюсь.

— Думаю, почтенный Кейрн, это только сейчас, — сказал Нимрос. — Когда мы встретимся с ними, нам всем будет страшно.

И он оказался прав. Хотя они и думали о встрече с сыновьями Феанора — а все равно все вышло так неожиданно, что даже лошадь Кейрна попятилась, и у аксанира — человека, в общем-то, бывалого — захолонуло в груди, когда он увидел, что вейдх перед ними — от

берега до берега — перекрывает строй конных эльфов, грозных, как горы во время схода лавин.

Сыновья Феанора, все семеро, в полном боевом облачении — только без шлемов — отделились от сверкающего строя конных эльфийских рыцарей и неспешно поскакали к маленькому отряду дортонионцев.

Семь благородных гордых лиц, семеро проклятых, меченых Роком... Берен сделал знак рукой — всем оставаться на месте! — и поехал навстречу. Нарушая его указание, тронула с места коня Лютиэн — но остановилась на полдороге.

Весенний ветер полоскал волосы Маэдроса, трепал черно-красную накидку, наброшенную поверх панциря. Глаза эльфа горели большим огнем.

— Ты нашел его? — старший сын Феанора железной рукой тронул Берена за плечо. — Прощу тебя, не лги мне, Берен. Я вижу его отблеск в твоих глазах!

— Нет нужды лгать, лорд Маэдрос. Я нашел его. И потерял, — Берен перехватил поводья левой рукой, а крюком отвел в сторону руку Маэдроса. Железо скрежетнуло о железо.

— Как... — глядя на крюк, Маэдрос запнулся, угол рта свела мгновенная судорога — и тут же отпустила: — Как это случилось?

— Когда мы покидали Тангородрим, нам встретился волк, самая большая и сильная тварь из всех, созданных Гортхауром. Я... оказался без оружия. Камень освещал нам путь... Когда волк бросился мне на горло, я подставил под клыки руку... Вот эту. В которой был Сильмарилл.

Вскинув лицо к беспощадному небу, сжав кулак, Маэдрос крикнул — коротко и страшно. Маглор закрыл лицо ладонью.

— Я не буду больше искать ваших камней, нолдор, — тихо сказал Берен. — Я исполнил обещанье...

Слова падали как пустая ореховая скорлупа.

— Он лжет, Нэльо! — крикнул Келегорм. — Камень на самом деле у него! Пусть скажет, где он, пусть ответит, или...

— Что «или»? — оборвал его Берен, направив коня прямо в полукружье, которым выстроились братья. — Чем ты грозишь мне, Туркафинвэ?

Он поднял вверх левую руку и сжал ее в кулак — и отряд нолдор дрогнул, эльфы не удержались, начали оглядываться, ища, кому подан этот таинственный знак и где засада.

— Вы меня знаете: и ты, лорд Маэдрос, и ты, лорд Маглор, и вы двое. Будь Камень в моей руке, я бы проехал с ним здесь вот так, — Берен еще раз поднял сжатый кулак. — Чтобы все видели: мы с Лютиэн добыли его вдвоем, и ничто нас не остановило: ни вся сила Моргота, ни колдовство, ни предательство, ни стрелы, пущенные в спину. И вам осталось бы только молча смотреть на нас — или попытаться взять Сильмарилл с бою и запятнать себя новым убийством.

— Я вижу, сауронова наука пошла впрок, — проговорил сквозь зубы Куруфин. — Ты оказался способным учеником. Каким предательством ты купил Камень?

— Если бы оно было так, сын Феаноро, я бы взял с собой пять сотен стрелков и велел вас перебить, едва увидев — хотя бы ради собственного спокойствия и спокойствия моих детей. Не там ты ищешь предательство, Куруфинвэ. Если уж тебе так охота поглядеть на того, кто для предательства как следует созрел, разверни щит и посмотришь в него. Говорю вам, нолдор, Камня Феаноро нет у меня, и мне больше нет до него дела. Ищите его на

пустоши, где носится волк. Среди вас есть азартные охотники.

— Ты издеваешься? — блеснул глазами Келегорм.

— У меня всегда был злой язык, Келегорм, ты уж извини. Не все можно оправдать Клятвой, и не все можно искупить, а ты так неколебимо уверен в своей правоте, что вот-вот перейдешь черту, за которой нет пути назад. И то, что тебя ждет за этой чертой — ужасней всего, что ты себе представлял. От того, кем ты был, кого твои друзья могли любить и уважать — ничего не останется, лучшее в тебе будет кричать от боли, а худшее — стремиться приумножать эту боль. Разорванный пополам внутри самого себя, ты станешь капиться от плохого к худшему, стремясь удавить голос своей совести вместе с той половиной тебя, что еще жива; и когда тебе это удастся — будет готов еще один новобранец для Моргота... Поверь мне, Туркафинвэ: я знаю, что говорю.

— Еще бы, — поджал губы Карантир.

— Я знаю, что говорю, — повторил Берен, глядя в глаза всем по очереди: надломленному, выжженному изнутри Маэдросу, печальному Маглору, пылающему Келегорму, язвительному Куруфину, обозленному Карантиру, задумчивому Амроду и — кажется, слегка растерянному Амросу.

Внутри у него колыхнулось что-то темное и холодное: предчувствие отдаленной беды, связанное с сыновьями Феанаро. Беды — для Дориата и всего Белерианда.

Они снова съехались с Маэдросом — лицом к лицу.

— Нет Сильмарилла — значит, и нет повода для распри, — сказал Маглор.

— Есть! — выкрикнул Карантир. — Месть падет на любого, кто хотя бы прикоснется к Сильмариллу! На любого, брат!

— Тебе, брат, придется для начала скрестить клинок со мной, — Маэдрос снова мельком бросил взгляд на крюк, которым Берен держал поводья.

Лютиэн подъехала и взяла Берена за руку, безмолвно умоляя заканчивать разговор. Сыновья Феанора молча, но крайне почтительно поклонились ей.

— Ты женишься на Лютиэн Тинувиэль? — спросил Амрод — и голос его тщательно изображал не более чем праздное любопытство. — Или вас еще рано поздравлять, ведь Тингол не получил Сильмарилла?

— Мы станем мужем и женой перед всем миром, — твердо ответил Берен. — Независимо от воли короля Тингола, хотя и горько мне будет, если придется ее нарушить.

— Тогда счастья вам и долгих лет мирной жизни, — Маглор первым развернул коня. — *Nai Anar caluva tielyanna!*

— И вам того же, лорды, — Берен, в свою очередь, развернул коня — и, рука об руку, они с Лютиэн вернулись к отряду.

Эльфийские латники пришли в движение — перестроились в неровную колонну и мелкой рысью поехали на восток. Маэдрос задержался, пропуская колонну мимо себя, и поднял руку, прощаясь. Маленькой молнией скользнул по вороненому металлу блик Солнца...

— И как он теперь назовет себя, брат? — спокойный вроде бы голос Куруфина таил бешенство — точь-в-точь так говорил Феанор, разогревшись почти до точки плавления. — После женитьбы на дочери Мелиан с него станется именоваться первым Королем людей...

— Тебе-то что? — все так же, безо всякого выражения спросил Маэдрос.

— Мне-то? Открой глаза, брат: он не пожелал присягнуть тебе как вассал. И не пожелал принять бой. Он все так же хочет использовать нас, виляя между нами и Ородретом.

Наверняка он сместил Хардинга, и я опять не знаю, что у нас впереди. А ты относишься ко всему этому так, словно речь идет не о важнейшей для обороны Белерианда местности, а о каком-то хуторке в горах.

— Хардинг передал мне его собственные слова: после Финарато у него не будет других сюзеренов, — задумчиво проговорил Маглор.

— Ха! Это только для того, чтобы нас успокоить. Говорю тебе: его честолюбие простирается дальше. Если Дортонион перестанет быть леном, а сделается королевством, если он объединит под своей властью людей — это еще полбеда! Но век их короток: Беоринг нам союзник, а кем будут его сын, или внук, или правнук? Они хорошие слуги, верные вассалы — но какими они будут союзниками? Посмотри: с равным усердием люди северных племен служат Морготу! Что помешает потомкам Беорингов через век или два заключить с ним союз? А между тем — Хардинг присягал тебе, и если Беоринг исчезнет, никто не будет оспаривать его вассалитет... если он все еще жив...

— В течение ближайших десяти лет, — заговорил наконец Маэдрос, — или перестанет существовать Ангбанд, или падут все наши королевства и княжества. Я не вижу никакой беды в том, что Беоринг не присягнул мне. Я устал от постоянной вражды со всеми. А если вы, Куруфин и Келегорм, желаете повернуть коней и опять решить дело ударом в спину — посмотрите-ка вверх...

Братья подняли головы — и увидели одинокую черную точку в прозрачном небе: прямо над ними описывал круги орел, Свидетель Манвэ...

* * *

Они расположились на отдых на берегу Малдуина, и после того как разбили шатры, Берен и Лютизэн довольно долго бродили по окрестностям, а Берен что-то рассказывал возлюбленной. Нимрос не знал, что они нашли именно на этом берегу и именно на той полянке, поросшей полынью, куда Берен привел Соловушку. Здесь было что-то важное для него, а еще эти места были на удивление покойны. Так покойны, что даже близость Нандунгортэб, начинавшейся на другом берегу, не пугала.

Они легли спать, а наутро из-за деревьев вышла эльфийская стража, и Нимрос заметил, что воины одеты намного наряднее, чем эльфы обычно одеваются, выходя на охрану своих границ. Они оказали госпоже Соловушке почести какие подобают принцессе, и подвели ей коня под бархатным седлом, а Берен распрощался с Фритуром, Нимросом и остальными горцами.

— Через три дня за вами приедут, — сказал он.

И за ними вправду приехали через три дня...

— Нам нужны двое свидетелей, — сказал статный черноволосый эльф в серебристой кольчуге.

— Я свидетель, — сказал Нимрос. Поймал удивленный взгляд Фритура и пожал плечами.

— Я тоже, — сказал Фритур. — Зачем мы нужны вам?

— Вы все увидите сами, — сказал эльф. — Сядьте на коней и следуйте за мной.

У Нимроса от дурных предчувствий жжалось сердце.

— Ничего хорошего мы там не увидим, — проворчал Кейрн, и Нимрос молча с ним согласился.

Без остановки ехали почти всю ночь, и лишь под утро, когда Нимрос задремал в седле, остановились.

— Что теперь? — спросил он, приходя в себя.

— Ждем, — коротко отозвался эльф.

Ночной туман лежал в долинах, светясь сквозь ветки. Пахло водой. Они стояли на берегу реки, которая не могла быть ничем, кроме Эсгалдуина.

Нимрос спустился к воде, умыл лицо и напился. Мар-Кейрн набрал воды во флягу.

В тумане над водой замаячило темное пятно, тихий плеск разнесся далеко, потому что был единственным звуком, порвавшим тишину этой минуты.

Лодка.

Она плыла против течения, без гребцов и без ветрил, лишь один эльф сидел на корме, держась за рулевое весло и легко поводя им вправо-влево, так что лодка плавно двигалась вперед.

Причалив к берегу, он встал, но не вышел из челна.

Он не сказал ни *тае govannen mellyn*, ни «звезда зажглась в час нашей встречи» — потому что они сюда прибыли не с радостью и звезд не было видно на посеревшем утреннем небе. Эльф просто сказал:

— Я — Маблунг, военачальник короля Тингола. Я был с лордом Береном в час его смерти.

— Смерти? — изумился Фритур. А Нимрос повторил это слово беззвучно.

— О, нет, лорд Маблунг, — голос Мар-Кейрна задрожал. — Ты, верно, оговорился. Или это же скверная шутка. Лучше признайся, не то я...

— Остановись почтенный Фритур! — у Нимроса кружилась голова, но он сохранил способность действовать здраво. — Таким не шутят. Лучше нам последовать с лордом Маблунгом и услышать, что он скажет. Вспомни, лорд Берен призвал нас своими свидетелями. Неужели ты нарушишь данное ему обещание?

— Тогда расскажи нам по дороге, Маблунг, как так вышло, что наш лорд отправился в гости к вашему живой, а забирать мы его должны мертвого. Я — Фритур Мар-Кейрн, аксанир, — назвался служитель Мандоса.

— Садитесь в лодку, *mellyn*, — пригласил Маблунг. — О ваших конях позаботятся. Вы найдете их на этом же месте.

Лодка мягко оттолкнулась от берега, поплыла между кувшинками. Нимрос от усталости и горя погрузился в оцепенение, похожее на дремоту, но все, что говорил Маблунг, слышал очень ясно.

— Королю Тинголу было предсказано, что если Берен принесет Дивный Камень в Дориат, Тингол вскорости погибнет, а если погибнет Берен, пытаясь добыть Камень, то умрет дочь короля, Лютиэн. Многие считали, что *earnil* струсит и откажется от принцессы, от Сильмарилла. Но я видел Берена в тот день, когда он просил у короля руки его дочери, и сразу понял: он не отступит. Однако случилось то, чего никто не мог предвидеть, даже вещая Мелиан: Берен появился здесь без Сильмарилла...

Берен пытался разгадать выражение лица Тингола — и не мог. Точнее, что-то знакомое было в этом выражении, что-то близкое и понятное, но этого «чего-то» от Тингола он никак не ожидал, и потому не мог вспомнить, что же оно обозначает и как называется.

Опустившись на одно колено, он склонил голову. Лютиэн слегка присела в поклоне.

С Тинголом у меня все время выходит как в дурацкой сказке, подумал он, поднимаясь. На этот раз — как в той, где Беор Старый подбирал себе умную жену, загадывая сестрам загадки. Как там: прийти на пир и одетой, и нагой; и верхом, и пешком; и с подарком, и без подарка. Вот и я: и с Сильмариллом, и без...

— Я вернулся, король, — сказал он как можно громче и четче. — И требую то, что принадлежит мне по праву.

В глазах Тингола на секунду промелькнул... ужас?

— Ты обещал, что Сильмарилл будет в твоей руке, — ровным, неестественно ровным голосом сказал Тингол.

— Он там, повелитель. Даже сейчас он в моей руке.

— Покажи, — голос изменил эльфу, дрогнул.

Берен поднял левую руку, раскрыл ладонь.

Рука была пуста.

Слегка отдернув ниспадающий диргол и рукав, он поднял правую руку, обнажил обрубок.

По залу пронесся ветерок тихих изумленных восклицаний.

— Сильмарилл в этой руке, король Тингол. А рука — в брюхе волка, а волк носится. Враг знает где. Можешь мне не верить, но я выполнил обещание и Лютиэн уйдет отсюда моей женой. Я вывел ее из Ангбанда — выведу и из Дориата.

Опустив руку, он понял вдруг, на кого выражением лица похож Тингол: на висельника, у которого из-под ног вышибли подставку — и вдруг оборвалась веревка.

— Садитесь, дети, — сказала Мелиан. — Садитесь и расскажите нам, что произошло за эти два года...

— Много чего произошло, — проворчал Фритур. — О многом я и сам не знаю. Например, как они сумели добраться до Моргота и выйти из Ангбанда с Камнем.

— Я знаю, — сказал Нимрос. — Я расскажу тебе... потом...

— Они и нам рассказали только самое главное, — заметил Маблунг.

— И что ваш король? Опять послал Берена за камешком? Волчину отлавливать?

— Не надо так, почтенный Фритур... — Маблунг поднял глаза и Кейрн осекся: в этих глазах стояла истинная, неподдельная боль.

— Ему было предсказано, — Фритур говорил глухо и в сторону. — Что убьет его волк...

И дважды он уходил от Судьбы. На Тол-и-Нгаурот и у Темных ворот... Это был волк? Тот самый?

Эльф молча кивнул.

— Его просили отказаться, — Маблунг Тяжелая Рука бросил рулевое весло, зачерпнул воды из-за борта и провел мокрой рукой по своему лицу. — Король просил. И я, и Белег. Лишь Мелиан и Лютиэн молчали...

— Это было бесполезно, — Фритур бессознательно перебирал на шнурке дощечки с вырезанными рунами. — Если Берен что-то вбивал себе в голову, отговорить его никто не мог. С детства он был таким. Госпожа Тинувиэль это уже знала... Но хоть свадьбу-то справили? — неожиданно спросил он.

* * *

— Призываю Варду, возжигательницу звезд, дарительницу Света: будь свидетельницей в том, что по любви, доброй воле и моему согласию выходит моя дочь за Берена, сына Барахира. Благослови их союз именем Единого, дай им радость в верности, мудрость в радости и силу в печали. Пусть союз их будет так же крепок, как тот, что заключен меж тобой и Манвэ.

— Призываю Манвэ, владыку дыхания Арды, хранителя Истины: будь свидетелем в том, что по любви, доброй воле и согласию отца берет Берен, сын Барахира, Лютиэн Тинувиэль, дочь короля Элу Тингола. Благослови их союз именем Единого, дай им радость в верности, мудрость в радости и силу в печали. Пусть союз их будет так же крепок, как твой союз с Вардой.

Эту фразу должен был говорить отец жениха, но Барахир был давно мертв, а Фритур не успел бы раньше чем в два дня... Берен попросил Келеборна и Галадриэль побыть его свадебными родителями — они согласились. Уже почти год, как они вернулись в Дориат, прощенные Тинголом по слову Даэрона. Было ли это чем-то вроде мягкой опалы или их собственным желанием — но в Менегроте они не жили, пришлось посылать за ними гонца.

Рука об руку Берен и Лютиэн встали перед Тинголом. Король протянул Берену тонкое золотое кольцо.

— Ради чего вы соединяетесь?

— Ради жизни.

— Во имя жизни, что дал Единый — прими это кольцо.

«Кольцо матери» Лютиэн должна была получить от матери Берена или той женщины, которую Берен изберет свадебной матерью. Галадриэль вышла вперед.

— Во имя возрождения и обновления, что дал нам Единый — прими это кольцо.

Лютиэн взяла кольцо.

— Если кто-то знает причину, по которой этот брак не может быть заключен перед лицом Единого — пусть скажет сейчас или молчит потом, ибо сказанное не сделать несказанным, а сделанному не стать несделанным.

Выдержав должную паузу, Тингол дал знак — и все, кто стоял у подножия Хирилорна, запели песню во славу Единого, Элберет и Манвэ. Слаженным и прекрасным был этот хор

— в грезах Берена так пели Айнур при сотворении мира. Потом ритм напева изменился, и хоре зазвучали только женские голоса: осыпая молодых зерном, вокруг них закружились подруги Лютиэн.

Le halman ar nallon,
Naneth Taur ammen,
Ivanneth;
an eredh ar solkh,
an tui ar telkh,
an las ar loth ar ov,
an kuith ar meleth,
le halman or kuith lon berein
ar kurus numad.

То была песня во славу Йаванны, дарительницы плодов и цветов, хранительницы жизни и всего живого, призывающая благословение Валиэ на свадебный пир и свадебное ложе.

И под эту песню Берен впервые поцеловал Тинувиэль как свою законную жену в глазах ее народа.

Богатый был пир, воистину королевский, и вина, и пива там было много, а хлеба, дичины, сыра и плодов земли — еще больше, а песен и танцев — больше, чем и того, и другого вместе взятого — вот, пожалуй, чем отличаются эльфийские пиры от большинства человеческих. И за песнями и танцами мало кто заметил, как исчезли из-за стола молодые муж и жена, а если кто заметил — не стал обращать на это внимания.

...Любовь моя, единственная моя, отчего ты так печальна? Разве не остались позади главные невзгоды, и разве не сумеем мы перенести новые — плечом к плечу?

...Люби меня, люби, милый; не теряй времени, потому что каждая минута счастья в наши времена — это серебряная крупинка в золе. Я просила Йаванну о милости — пусть эта ночь станет первой ночью новой жизни, на которую я имею теперь право. Я знаю — это будет сын, мы оба призываем мужскую феа. Она будет гореть огнем, хоть ты и не увидишь его. И, может статься, от этого огня займутся небеса и придет на затемненную землю свет...

...Ты мой свет, дыхание мое, стон мой и песня моя. Может, я и не увижу огня, может, не ему суждено осветить землю — но пусть в его чертах отразятся твои черты; большего мне не надо. А если и нет — я все равно буду любить его как тебя, буду видеть в его глазах звезды. Дай ему ту же силу, которую ты даешь мне — об ином я не прошу.

...Ему нужна будет сила — милый, как я хотела бы встретить тебя в иное время, не тогда, когда тьма подступает к порогу...

...Тьма свела нас вместе — в иное время я не попал бы в Дориат.

...Не смей так говорить!

...Не на нашу, а на свою беду она свела нас — верь в это, Лютиэн. Иначе не стоит и жить, и дарить жизнь.

...Я должна быть радостной в эту ночь. Но я боюсь не за себя. Я смотрю в будущее — и вижу, что оно темно...

...А я ничего не вижу, но верю, что день придет опять.

...Я научилась у тебя не смотреть в завтра. Я закрываю глаза. Люби меня...

— Свадьбу сыграли, — печально улыбнулся Маблунг. — А на следующее утро пришли дурные вести. Волк, невероятно огромное чудовище. Он пересек границу Дорита и уничтожил одно из поселений. Пятеро эльфов, семья с детьми...

— А что же часовые? — изумился Мар-Кейрн. — Ваши скорые на руку и меткие часовые? Не стреляли?

— Стреляли. Он убил и часовых.

Едва уцелевший часовой закончил говорить, все, кто находился в зале, воззрились на Берена.

— Если это та тварь, которая меня не догрызла, — сказал Берен. — То я вижу лишь один способ остановить ее: порубить в капусту. Я ткнул его ножом, в котором еще было довольно длины, чтобы достать до сердца — а он все еще бежит... Это самый живучий волчище из всех, кого носила земля.

— Мы загнали его в урочище Таураммал и окружили плотным кольцом, — сказал Белег Тугой Лук. — Если он попробует выбраться, его действительно изрубят в мелкие куски. Но он залег.

— Значит, Хуан его поднимет. Верно, песик? — Берен потрепал собаку по загривку.

— Тебе вовсе не обязательно участвовать в охоте, — тихо сказал Тингол. — Я боюсь за тебя.

— Это потому что я однорукий? Не бойся, король, я отлично управлюсь с рогатиной.

— Ты — муж моей дочери, и вы поженились только вчера. За эти два года вы претерпели достаточно. Никто здесь не осмелится — да и не захочет — назвать тебя трусом. Не искушай судьбу. Остановись.

— Хорошо, — неожиданно просто согласился Берен. — При одном условии: если и ты, король, не примешь участия в охоте. Не искушай Судьбу. Если это — тот самый волк — значит, в моей руке пришел Сильмарилл. А если верить предсказанию Мелиан, возвращение Сильмарилла означает твою смерть. Я не собираюсь сидеть тут, зная, что мой тесть отправился навстречу смерти. Остайся здесь, в Менегроте.

Король молча смотрел на него, и Берен спокойно встречал его взгляд. Эльф отвел глаза первым.

— Ты не можешь, — сказал Берен. — И я не могу.

— Там будут несколько сотен эльфов, — добавил Маблунг. — Почему волк обязательно должен броситься на кого-то из вас?

— Нет, — твердо сказал Тингол. — Туда не пойдет никто из тех, кто стережет его сейчас. Только мы. Я — король Дориата, и мое дело хранить эту землю. Мой зять вызвался сам.

— Я был твоей правой рукой все эти годы, — сказал Маблунг. — Позволь заменить Берену его правую руку.

— Спасибо, — сказал человек.

— А мое искусство встретит достойное испытание, — Белег поднялся со своего места и встал рядом с Маблунгом. Тингол протянул вперед правую руку, Берен накрыл ее своей левой — и остальные двое положили свои руки сверху.

— Значит, — сказал Маблунг. — Завтра утром. Завтра с рассветом мы поднимем его и встретим в копыта и стрелы.

— Нельзя ходить по одному, — Берен тоже поднялся. — По двое. Одному его не одолеть.

— Тогда, — Тингол тоже покинул кресло. — Выезжаем. Выезжаем в Нелдорет сейчас же. Пора, наконец, завершить все это.

* * *

Раннее утро поднималось вместе с туманом. Испарина оседала на плащах, покрывала матовой пленкой оружие, осыпалась с веток и стеблей, когда эльфы проходили сквозь лес.

Волк был прижат к берегу Эсгалдуина. Переправиться на ту сторону он не мог: обрывистый берег был так крут, что подняться твари негде, а глубина начиналась сразу же, без отмели. На том берегу тоже стояла стража, и на лодках плавали всю ночь с факелами и острогами — волка пропустить не могли.

Эсгалдуин раздался вширь и залил прибрежные тростники, еще больше сужая полосу заболоченной суши, на которой укрывался волк.

Хуан чувствовал в воздухе его запах, но ветер сейчас дул с востока, и, когда они переправились вброд через Эсгалдуин, верхнее чутье стало бесполезным. Пес приник к земле, вынюхивая след.

Он чувствовал себя виноватым. Он оставил их, не пошел в Ангбанд — и Любимый Человек Госпожи лишился руки.

Но Хуан осознавал и другое: этот волк — самое огромное, быстрое и свирепое создание из тех, что были созданы колдовством Моргота. А значит, сражение с этим волком будет последним в жизни Хуана.

Пес не боялся смерти. Он боялся, что не одолеет врага — ведь в предсказании упоминалась лишь его смерть, а вот погибнет ли волк...

Любимый Человек был здесь, и Отец Госпожи был здесь, а сама Госпожа осталась в большом доме. Это хорошо, подумал Хуан. Хорошо думать, что Госпоже не угрожает волк. Если бы еще и Любимый Человек поостерегся...

Хуан готов был защищать его до последней капли крови — но ведь Любимый Человек дал совсем другой приказ. Он сказал: «Хуан, выследи эту тварь — и гони ее на охотников».

Хуан выслеживал. Он выловил запах волка в тростниках у самой реки — здесь тварь долго лежала и хлебала воду, потому что в брюхе у нее был огонь. Потом волк пошел к оврагу и бегал там, ища еды. Он поймал сурка, и кролика, и всех его крольчат, но ему этого было мало. Он сунулся было из урочища, но увидел, что окружен, и что его начинят

стрелами, едва заметят. Тогда он повернул назад, в лес, и начал путать следы.

Хуану потребовалось время, чтобы разгадать головоломку. Наконец он понял: в одном месте волк вернулся по своим следам, прыгнул в воду длинным скачком, выбрался на сушу там, где наследить еще не успел — и залег.

Хуан пошел по воде, внюхиваясь в песок. Слабый запах волка он поймал в полулиге выше по течению, след вел вглубь суши. Хуан бросился туда — и нашел логово...

Но оно было покинуто. Волк опять обманул: вернулся по своему следу и ушел по воде... Куда?

* * *

— Ты так и будешь ходить за мной до конца охоты? — спросил Тингол.

— Хвостиком, — подтвердил Берен.

— Не боишься поставить меня в неловкое положение?

— Единственное, чего я боюсь, король — это обнаружить где-нибудь в кустах твой труп. Похороны тестя — плохое продолжение свадьбы.

— А что ты скажешь о Сильмарилле? Чего ты больше боишься: найти его или — не найти?

— Я боюсь потерять тебя, король.

Мгновение-другое Тингол вглядывался в его лицо, и Берен, поняв, что Тингол принимает его слова за лесть, поспешил оправдаться — слишком поспешил...

— Зачем кривить душой, король Элу? Я не люблю тебя, и ты меня — тоже. Но мы и не обязаны друг друга любить, верно? Твоя гибель опечалит Лютиэн и госпожу Мелиан, лишит защиты Дориат... Поэтому я готов защищать тебя, раз уж не смог отговорить от охоты.

— Что тебе за дело до Дориата? — спросил король. — Это не праздный вопрос. Если со мной что-то случится сегодня, именно ты будешь моим наследником.

— Дориат — родной край моей жены, здесь она черпает силу и радость, здесь она родилась и выросла. И потому я отдам за Дориат всю свою кровь.

— А твоя родная земля? Дортонион?

— Я попрощался с ней навсегда, король. Любить ее я никогда не перестану, но вернуться уже не смогу.

— А я боялся, что ты заберешь от меня дочь, — печально сказал Тингол. — Увезешь в свои горы...

— Что ей там, когда я уйду на Запад?

Берен произнес эти слова как эльф — без страха, без надрыва и без того фальшивого подъема, за которым прячется опять-таки страх. Тингол вгляделся в его спокойное лицо — и почти не узнавал того дерзкого хилдо, который два года назад в тронном зале нагло потребовал руки Лютиэн. Различие было явственным, ощутимым — но невыразимым даже в оттенках эльфийского языка. Единственное, что было несомненно: Берен действительно какое-то время владел Сильмариллом: отблеск первородного света лежал на его лице, словно он был нолдо из Амана.

Тингол улыбнулся смертному. Ему очень, очень хотелось начать испытывать к хилдо

хоть какие-то теплые чувства, но ничего не выходило. Обида жила на дне души — Тингол все-таки чувствовал себя обманутым.

— А что, если мы убьем волка и не найдем Сильмарилл?

— Значит, зверь не страдал заворотом кишок, — пожал плечами Берен. — И в этом случае я порадуюсь за него... и за нас.

— Твои шутки порой дурно пахнут.

— Когда поднимется настоящая вонь, поверь, король, мне станет не до шуток...

— Э-эй! — певуче донеслось от опушки. Берен в ответ свистнул в два пальца и помахал кому-то рукой.

Охотничьи пары старались не терять друг друга из виду.

— И все-таки ты рискуешь жизнью там, где рисковать должен я один, — сказал Берен. — Тебе, король, имеет смысл вернуться в Менегрот.

— Из-за предсказания супруги моей, Мелиан?

— Не только. Клятва Феанора теперь касается и тебя.

— С Домом Феанора мы и так во вражде. Между нами кровь.

— Но никто из вас еще не обнажал друг против друга оружия. Вы просто сторонитесь их, а они — вас. Если Сильмарилл появится здесь — все изменится.

— Нас защищает Завеса Мелиан.

— Я бы на нее не полагался. Сквозь завесу прошел я. И он, — Берен ткнул пальцем в направлении урочища, оцепленного тройным кольцом. — С них станется удумать что-нибудь этакое... Например, взять заложниками кого-то, кто выйдет из Дориата — в обмен на Камень.

— Они не посмеют.

— Вот как? — Берен усмехнулся. — Один раз Келегорм с Куруфином попытались это сделать. Кто или что помешает им во второй раз? Эти двое безумцы, и обозленные к тому же. Я пересчитал Келегорму ребра, а Куруфину — зубы, они не упустят случая поквитаться. И если они зайдут достаточно далеко, Маэдросу, Маглору, близнецам и Карантиру ничего не останется кроме как их поддержать.

— Я думал об этом, — сказал Тингол. — Если сыновья Феанора смиренно попросят меня вернуть им Сильмарилл, повинившись за то, что они совершили в Альквалондэ — я отдам им их сокровище.

— Долгонько же тебе придется ждать, — покачал головой Берен. — В этом-то вся и беда с вами: каждый полагает себя правым и думает, что это ему должны бухнуться в ножки с мольбой о прощении. Что тебе в этом Сильмарилле, король Тингол? Неужели мир не дороже?

— Я не пойму, на чьей ты стороне, муж моей дочери, — резко сказал Тингол.

Берен некоторое время молчал, потом заговорил медленно и взвешенно:

— Король, у меня тоже есть причины не любить сыновей Феанора. Не менее веские, чем у тебя — ибо кровь людей так же густа и солонa, как кровь эльфов. Но перед лицом худшей из всех бед я готов если не забыть про старые счеты, то хотя бы отложить их в сторону. И призываю тебя к тому же, не боясь, что тебе покажется, будто я на стороне Феанорингов. У всех нас очень мало времени на разговоры. Может, его совсем не осталось. Сильмарилл дался мне в руки лишь потому, что я собирался его отдать. Тому же, кто хочет им владеть, он принесет лишь проклятие. Первородный свет может принадлежать только всем — в этом его смысл.

— И ты предлагаешь вернуть его тем, кто запрет его навсегда? В том числе — и тем, кому ты... Как ты сказал? Пересчитал ребра и зубы?

— Я был на них тогда здорово зол... А сейчас мне их жаль. Может быть, они немного успокоятся... И вернуться к тому, чем были изначально. Ведь и Мелькор не всегда был проклят. И его часть есть в Творении...

— Достаточно, — оборвал его Тингол. — Больше ничего слышать я не желаю.

— Как скажешь, — Берен опустил ресницы.

Тингол не успел сказать больше ничего — из кустов донесся шум. Что-то большое неслось прямо сквозь лещину, не разбирая дороги. Берен повернулся в ту сторону — и сказал несколько слов на талиска, значения которых Тингол не знал, а если бы знал, то все равно не понял бы смысла выражения, поскольку у него, Перворожденного, никакой матери не было.

Огромный черно-серый волк — Берен впервые увидел его при свете дня — легко перемахнул через саженный куст лещины и бросился на них.

* * *

Обманув глупого пса, миновав кольцо глупых охотников, Кархарот почуял удачу: ветер доносил запах того, за чьей смертью он гнался. Кархарот хорошо помнил, как парочка беглецов ушла от него в Железных Горах: а-а, они его обманули, подсунули ему огонь! Но теперь он отомстит — и тогда, может быть, наступит конец страданиям...

...Его покинули и предали все. Господин, которого он любил — если это темное обожание можно называть любовью — приказал убить его. Слуги господина травили его собаками; иногда он убивал слуг, разрывал собак и ел их, но чаще их было слишком много и ему приходилось убегать. Он не понимал, в чем дело. Ведь он был верен Господину. Он служил ему и тяжело пострадал, поглотив Огонь из рук врага. А его не стали искать, чтобы помочь. Хотя муки его были несказанными. Его искали, чтобы убить.

Каждая минута его жизни была наполнена дикой болью, не покидавшей его ни наяву, ни в его снах, которые он видел, когда все-таки падал, сраженный усталостью. Он без конца носился в поисках пищи, поднимался в горы и ел снег, а огонь палил ему живот. И лишь во снах он ненадолго избавлялся от источника своей муки. Он находил ненавистного врага, разрывал его — и кровь его смиряла пламя в животе... Но тут Кархарот просыпался, и все начиналось сначала.

Будь он обычным волколаком, он бы уже умер. Но Господин наделил его тело невиданными прежде способностями к самоисцелению, и ожог в брюхе все никак не мог его доконать — и никак не мог зажить. Кархарот искал на земле и в воздухе запах врага, но не находил. Враг исчез бесследно с того места, где Кархарот его оставил. Словно бы улетел. Кархарот долго не мог в это поверить он изрыскал все горы вдоль и поперек, много раз чуть не попадался и встречал слуг господина, и убивал их. Но когда зима сменилась весной, он понял, что на севере врага нет. От врага, а главное — от его Спутницы пахло так, как пахло от тварей, которыми Кархарота кормили иной раз. Такие твари жили на юге, оттуда их приводили весной и осенью, когда Пустыню было легко пересечь. И Кархарот отправился в путь на юг.

Он бежал, давая себе отдых только тогда, когда иссякали силы и убивал, чтобы насытиться, все на своем пути. Он искал врага, и вот наконец ему повезло. Он нашел того, кого искал. С ним был еще один — но это уже не имело значения. Разделавшись с тем, кто подсунул ему огонь, Кархарот займется всеми остальными!

Тот, ненужный, потянулся к своему глупому оружию. Ха! Кархарот на бегу ударил его грудью, он стукнулся головой о пень и обмяк. Волк и Обманщик остались один на один. В руках у Обманщика была какая-то глупая палка, вроде той, которой он тыкал в Кархарота там, в горах. Глупец! Он не знает, как быстро заживают раны великих волков. Великие волки не боятся глупых палок с железными концами! Они могут сражаться и тогда, когда эти палки внутри — а потом вытаскивать их зубами! Он прыгнет прямо на эту палку, наденется на нее своим телом — и доберется до Обманщика, разорвет его на части, а потом снимется с палки и побежит дальше...

Кархарот прыгнул, и Обманщик наставил на него свою глупую палку. О! Обманщик опять оказался настоящим Обманщиком — на палке была поперечина, которая не давала Кархароту надеться на древко и добраться до ничтожного человека. Кархарот попробовал соскочить, подавшись назад — но как же ему стало больно! А! Обманщик сделал на своей глупой палке зазубрины!

Кархарот принялся метаться в стороны, но Обманщик стоял крепко. А! Хитрое ничтожество! Он упер другой конец палки в землю! Кархарот взвыл — и полоснул когтями по древку.

Полетели щепки...

* * *

Нужно было бы оковать древко по всей длине — но Берен боялся, что тогда оружие станет слишком неповоротливым и он не сладит с рогатиной одной левой... Берен вспомнил свою первую охоту на медведя, потом — Бешеный Брод, потом то, что он сказал Айренару об охоте на кабанов. Сейчас ему было не до смеха. Гаур размахивал лапами, не доставая до его лица на какие-то вершки. Белоснежные клыки длиной в две фаланги пальца щелкали в бесплодных попытках дотянуться до горла — и Берен помнил боль, которую эти клыки ему причинили. От страха и напряжения он взмок сразу весь, но стоял твердо, зажав древко рогатины подмышкой правой руки и крепко держа его левой рукой, глядя, как волк беснуется, не в силах его достать.

— Да когда ж ты сдохнешь? — прошептал он, глядя в медно-зеленые глазищи. И, словно поняв его, волк поднял к небу морду и взвыл, а потом — ударил передней лапой по древку.

Двухдюймовые когти проложили в древесине три глубокие борозды, полетела щепка...

Это все, понял Берен. Это моя смерть...

Краем глаза он видел, что Тингол, борясь со слабостью, пытается найти копьё ощупью; он слышал ревущий лай Хуана — уже совсем близко. И он знал, что не успеют ни Тингол, ни Хуан.

После второго удара древко треснуло, после третьего — переломилось. Волчина обрушился на Берена всей своей тяжестью, обломок древка вонзился человеку в живот,

Берен закричал и ударил зверя крюком по морде, но чудовищу это было как с гуся вода. Они покатались по земле, последнее, что успел Берен — это вывернуться так, чтобы уберечь горло. Тварь вцепилась человеку зубами в грудь, полосую когтями живот и ноги, и все это длилось не больше одного мгновения — потом серо-белый вихрь смял черного волка и во все стороны полетели клочья окровавленной шерсти — и черной, и жемчужно-серой.

Берен сел, оглядел себя — и увидел, что грудь и живот разворочены. Одежда была изодрана и залита кровью так, что не понять — выпустил ему зверь кишки или нет. Мешанина из клочьев ткани и плоти... Он приподнял разорванную рубашку, прикоснулся ладонью... Боль накрыла волной. Он лег на бок — было плохо. Перевернулся на спину — стало еще хуже. Когда мгла схлынула, Берен увидел себя лежащим головой на коленях Тингола, и лоб эльфийского короля был ссажен о пень. Кругом собрался народ, целая толпа. Берен чувствовал грудью прохладу воздуха и воды — эльфы срезали одежду, кто-то промывал раны. Опустив взгляд, он увидел двух эльфов, руки — по локоть в крови. Он пытался не дергаться, чтобы не мешать им, но не мог остановить сотрясающую тело дрожь.

«Как же скверно ты умираю, Финрод, государь мой...»

Несколько раз эльфы делали что-то такое, от чего он непременно закричал бы, если бы мог как следует вдохнуть. Но на это не хватало сил. Эльфы промывали раны настоем каких-то трав, пахнувшим резко и свежо — но сквозь этот запах пробивалось знакомое зловоние. Проклятая тварь была где-то близко, совсем близко... Однако шума драки между двумя исполинскими зверями уже не слышалось... Губы Тингола шевелились, но он говорил слишком тихо... Да нет... Это просто кровь так шумела в ушах.

Берен хотел сказать эльфам, что старания напрасны: у Кархарота на зубах столько трупного яда, что хватит на весь Дориат и еще останется на Бретиль. Он уже чувствовал, как отравы ползет огнем по его телу. Он вдохнул поглубже — и потерял сознание.

Видимо, ненадолго: чистое полотно, которым зажали раны, еще не успело пропитаться кровью насквозь. Эльфы расступились, пропуская кого-то. Хуан. Пес не мог идти. Он полз, передвигая лапы по очереди, прекрасная жемчужно-серая шерсть слиплась от крови и грязи, висела лохмами, свалялась с прошлогодней листвой... Пес умирал.

— Берен, — голос Хуана звучал все так же низко и глухо. — Хозяин. Прощай. Хуан умирает. Что мог. Сделал. Убил его. Прости. Хуан не успел.

— Иди сюда, — прошептал Берен. — Отдыхай.

Пес подполз ближе, ткнулся носом в плечо Берена. Тот осторожно, чтобы не задеть друга крюком, обнял его правой рукой за шею. Какое-то время они лежали так, потом золотые глаза валинорского пса остекленели, отяжелела большая лобастая голова и дыхание пресеклось. Эльфы осторожно отодвинули его в сторону.

— Ройте могилу, — тихо распорядился кто-то.

— Берен, — сказал Маблунг. — Ты не выживешь. Даже эльф не выжил бы. Твоя кровь отравлена.

Он кивнул ресницами: знаю.

— Тебя перевязать?

Ему предлагали выбор: быстро истечь кровью или мучиться столько, сколько они смогут длить его жизнь.

— Да.

Он хотел увидеть Лютиэн.

— Камень, — это был вопрос. Эльфы поняли.

— Здесь, — сказал Тингол. Две горячие капли сорвались с его ресниц и упали на лоб Берена. Король Элу плакал. Все плакали, с отстраненным удивлением умирающего заметил горец. Странное дело: ему одному совсем не хотелось плакать над своей потерянной жизнью. Она была не очень длинной — но славной. «Хорошо, да мало!» — сказал бы старый Мар-Реган, обтирая усы и бухая чашкой о стол.

Появился Маблунг, неся Сильмарилл. Эльфы, расступаясь, ахнули сквозь слезы — так прекрасен был Камень в ладони Тяжелой Руки. Сильмарилл. Фиал Света Неисказенного.

Маблунг взял левую руку Берена и вложил в нее Камень. У королевского военачальника глаза тоже были на мокром месте.

Свет согрел, отступила дрожь, и боль сделалась меньше. Берен прижал Сильмарилл к груди.

— Все, — сказал он. — Долг мой избыт, король... И судьба завершена... Мое испытание кончилось... Твое — начинается...

Он протянул Камень Тинголу. Эльф покачал головой, но Берен нашарил у себя на плече его руку и разжал ладонь. Королю пришлось подхватить Камень, чтобы он не упал.

За этим усилием последовал новый прилив боли и слабости. Берен сжал зубы так, словно держался ими за жизнь. Ему нельзя было умирать сейчас, не попрощавшись с Лютиэн.

Носилки готовы, сказал Белег. Шорох, возня. Подхватив под руки и под колени, его быстро переложили на носилки из копий, охапки камыша и двух плащей. Еще несколько плащей набросили сверху — эльфы отлично знали, как мерзнет тот, кто потерял много крови. В губы ткнулась фляжка, у вина был привкус малины...

В глазах темнело. Кто-то склонился над ним, лицо было уже неразличимо, но перед самыми глазами моталось нехитрое украшение из медвежьих зубов.

Белег...

— Что ты говоришь? Чего ты хочешь, Берен?

Неужели мой голос стал таким слабым?

Эльф нагнулся к самым его губам.

— Быстрее, — собирая все силы, шепнул Берен. — Бегом.

* * *

Маблунг замолчал.

Гулко заплескалась вода — Кейрн увидел, что они проплывают под мостом. Словно уловив его мысль, Маблунг переложил руль — и лодка свернула к берегу. Кейрн толкнул Нимроса в бок, и бард очнулся.

Множество народу стояло по берегам реки. Эльфы. Серые эльфы Дориата...

Лодка зашуршала днищем по песку, Маблунг легко перебежал с кормы на нос, соскочил на берег и закрепил конец носового каната о ствол дерева. Кейрн тоже выбрался из лодки — значительно более неуклюже: затекли ноги. Следом, едва не опрокинув лодку и набрав воды в сапоги, вышел Нимрос.

Светало. Вода, отражая наливающееся зарей небо, сделалась светлее берегов. В лесу,

пробуя голос, проснулись птицы. Фритур увидел, что вокруг уже не лес, а сад. Но сад этот показался ему недобрый. Эта прекрасная земля принесла его лорду смерть.

Он готовился увидеть Берена мертвым, пытался заранее представить себе его безжизненное лицо — и не мог. Чье воображение способно представить застывшее пламя? Сколько он помнил лицо сына Барахира — оно всегда было живым и страстным, как огонь.

Этот сад был прекрасен — и опасен одновременно. Такой похожий, такой притягательный — и такой непонятный народ эти эльфы... Ах, Берен, Берни, Ирхараз, Талискаран... Зачем ты искал своему пламени такого ветра? Разе ты не видел, что он заставит тебя взметнуться лишь на короткий миг — а потом погасит?

...Это было дерево над всеми деревьями, видимое издали, осеняющее своими ветвями и реку, и подножие высокой и одинокой горы, сквозь которую вода проточила себе дорогу. У корней дерева стояли эльфы — много, много... И Кейрн знал, что они должны идти туда, и знал, что они там увидят.

Эльфы расходились перед ними, склоняли головы — и мужчины, и женщины. Ни Нимрос, ни Кейрн, никогда не видели так много эльфов сразу.

— Мы заберем его тело, — сказал Фритур в спину Маблунгу.

— Хорошо, — отозвался эльф. — Если сможете.

В его словах не было угрозы, была только горечь. Маблунг вывел их в круг и отошел в сторону.

Он сидел на коленях, спиной к ним — высокий, но согнутый горем эльф со снежно-белыми... Нет, — седыми волосами. Король Элу Тингол, Серебряный Плащ

— Мы, — Фритуру на миг заперло горло. — Мы прибыли, Элу-король... Мы хотим забрать тело Берена, сына Барахира...

— Да, — безжизненным голосом сказал эльф. — Конечно. Идите сюда...

Он поднялся, глядя на землю перед собой. Рядом с ним возникла — да, именно так, не подошла, а словно из воздуха вышла — женщина. Сама Мудрость, Красота и Сила. Майя Мелиан. Нимрос поразился, а Фритур на нее даже не посмотрел, он упал на колени там, где только что стоял Тингол.

Здесь же был и Сильмарилл — на бронзовом треножнике для ламп, он сиял, как... Кейрн не нашел слов. Этот волшебный блеск был подобен всему, что дает жизнь и радость — живому огню, солнцу, звездам и радуге — и ни на что не похож. Ничто из виденного прежде, не могло сравниться с этим светом — но все можно было с ним сравнить. Это было чудо, это было сияние нездешнего мира — но чем-то знакомое и родное до боли в груди. Так, не видя океана, нельзя его представить себе, но увидев, понимаешь, что все озера, реки и ручьи — отражения и подобие океана... Ради этого стоило жить.

Но стоило ли умирать?

...Видно его принесли на этих носилках, застланных камышом, что лежат чуть в стороне. Принесли, положили здесь, у подножия этого дерева, а Лютиэн, наверное, тут и была... Ждала их с охоты...

Дождалась.

Он успел ее увидеть. Об этом говорила застывшая на лице улыбка, не стертая даже предсмертной мукой. Он успел коснуться ее руки, они в последний раз сплели пальцы в этом подобии объятия — а потом его дух отлетел.

— Ее девы обмыли и одели его, убрали волосы... И положили здесь. Когда мы несли его, она шла рядом и держала его ладонь. Так, не разжимая руки, легла рядом с носилками

на траву...

...Черные пряди волос перепутаны с космами лугового мятлика...

Так они и лежали вдвоем — рука в руке, голова к голове — точно на брачном ложе. Вот тебе и свадьба. Свадьба, ради которой Фритур сюда ехал...

— Ярн, — позвал он, коснувшись искалеченной руки Берена. — Ярн, что же это такое... Слушай, ты же обещал вернуться... Что ж ты — каждый раз обещаешь и каждый раз... Нехорошо ведь... Ну, брось ты это... Смотри — твоя королева без тебя убивается... Как же это так — я, старый пень, все живу да живу, а ты... Давай, сделай это. Сколько раз ты ее обманывал, эту ведьму безносую — обмани еще раз. Не могу я без тебя вернуться. Как я людям в глаза посмотрю? Как я твоей матери в глаза посмотрю, когда за тобой на Запад уйду? Как я Барахиру в глаза посмотрю?

— Лорд Кейрн, — сказал Нимрос.

— Я лорд Кейрн уже почти семь десятков лет, — горько проронил старик. — От рождения. От того дня как мы перешли через Мглистые Горы, род наш — Кейрны. И что с того, хинь? Чего ты от меня хочешь?

Он вскочил.

— Сколько крови было пролито! Сколько мук принято, сколько сил истрачено — ради чего? Ради этого? — он показал пальцем на Сильмарилл. — Красивый камешек, не спорю. Элу-король, тебе он как, нравится? Ты доволен? Скажи — оно того стоило?

— Замолчи, хэлди, — сквозь зубы сказал Нимрос. Он видел, что каждое слово Фритура — как нож в сердце Тингола. Если эльфийский владыка и заслужил кары за свою гордыню — то он уже понес эту кару.

Кейрн, видимо, тоже это понял — и умолк.

— Заберите его, если хотите, — сказала Мелиан. — Заберите — и покиньте нас. Или останьтесь и скорбите вместе с нами.

Фритур опустился на колени рядом с телами.

Они были оба одеты в белое, как видно — в свои свадебные одежды. Диргол Берена и плащ Лютиэн были сколоты одинаковыми серебряными пряжками. Их засыпали сверху цветами. Странно, подумал Кейрн. Они лежат уже два дня, и эти дни не были холодными. И мухи просыпаются рано — была бы пожива; а здесь нет ни единой... И тела их остались какими были при жизни — ни единого признака тления... Словно живые — если бы не эта бледность.

Рука в руке, голова к голове...

Фритур коснулся переплетенных пальцев, представил себе, как разгибает их, заочневшие — по одному... Его передернуло. Сделать это — было выше его сил. Молодой бард смотрел молча. Он все понимал. Не для того они, пройдя через боль, огонь и кровь, соединились в жизни, чтобы в смерти их разлучили.

Фритур поцеловал Берена в лоб и, отстегнув свой нож, положил ему на грудь. Потом подошел Нимрос и, прощаясь, достал из заплечной сумы невиданную прежде вещь — круглый темный кристалл величиной где-то с голову младенца.

— Вы похороните их здесь? — спросил Кейрн. — Как есть?

— Мы построим гробницу прямо над ними, — сказал Маблунг. — Вот камни для нее.

— Должна быть... наподобие лодки, — выдавил из себя старик.

— Я знаю, — опустил голову Маблунг.

Мелиан, любимая, как же так? Ведь ты сказала — если Сильмарилл придет, первым погибну я! Отчего же лежит бездыханной наша дочь?

Это моя вина... Я должен был успеть взять свое копьё и пронзить зверю горло или сердце... Но от удара слабость одолела меня; руки мои дрожали и ноги отказали мне, Мелиан! Он был сильнее и страшнее всего, что я видел и мог себе представить. Он был сама смерть, и я, ничтожный гордец, отправившийся на эту охоту, чтобы бросить ей вызов — я не смог встретиться со смертью!

Вместо меня встал он...

Ты знаешь, внутренности волка были почти все сожжены — но его рука осталась целой. Она рассыпалась, когда Маблунг взял Камень. Вот он, Сильмарилл Феанора... Он сказал что долг его избыт и судьба завершена — мое же испытание только начинается. Молчи, Мелиан, не слушай Музыку, не говори мне о будущем! Моего будущего нет — Лютиэн покинула нас! Зачем мне эти руки, если я не смог удержать ее? Зачем мне этот камень? Зачем мне эта корона, и этот дворец, и все королевство — мир погиб для меня! Ты ошиблась, Мелиан. Или Айнур что-то переверали в своей Музыке. Все вышло наоборот: Лютиэн погибла с приходом Сильмарилла, а я, никчемный владыка, жив...

Ее сердце не вынесло и разорвалось — но и там она будет скорбеть о нем. Он же не эльф, и до конца мира ни будут в разлуке! Зачем, любимая, скажи...

Нет, лучше молчи. Молчи, Мелиан!

Барахир говорил: «Не бойся смерти, сынок. Пока ты есть — ее нет. Когда она придет — тебя не будет...»

Отец ошибался. Миг небытия был краток, а потом сознание Берена снова противопоставило себя глухой и слепой черноте: я есть. Я умер — и все-таки есть.

И тогда — появилось все остальное.

Здесь было не темно и не светло, здесь было... никак. Серебристо-серая мгла, словно в тронном зале Тингола — но какая-то плотная и непроницаемая... Это было не то место, которое он увидел, когда ему было дано проникнуть взглядом в сердце земли, это было что-то другое. А потом рядом возник еще кто-то.

Женщина.

Закутанная в невесомую серую ткань, она приблизилась неслышно и взяла Берена за руку. И — мгновенно — он вновь ощутил себя. Обрушилась память и боль — не телесная, тела-то уже не было — но столь же сильная...

Женщина обрела лицо. Лицо без возраста: он не мог бы сказать, есть ли на нем морщины, темного или светлого цвета кожа, каков рисунок бровей... Только глаза впечатались: пронзительно-теплые — так смотрела мать, когда думала, что он спит и

наклонялась к постели, чтобы поцеловать в лоб — он не позволял таких нежностей, когда бодрствовал. Но, притворяясь спящим, можно было себе позволить... И сквозь завесу опущенных ресниц увидеть ее глаза... Почти такие же.

Госпожа Ниэнна? — угадал он.

Просто: Ниэнна. Следуй за мной.

И так — с каждым?

С каждым.

И хватает времени?

Здесь нет времени.

...Сколько раз это было — нет времени. Нет времени спать — нужно вскочить в седло и ехать биться. Нет времени хоронить павших — нужно бежать. Нет времени любить — нужно скрываться... Нет времени страдать — нужно освободиться от ремней...

А теперь слова обрели новый смысл: нет времени. Просто его нет — и все...

Серая мгла расступается — и вновь смыкается позади. Если бы не скорбная фигурка, если бы не туманно-серый плащ — он бы потерялся здесь.

Насквозь...

Чертог Мандоса — где он, этот чертог? Где пол, стены, потолок? А впрочем — зачем, ведь ни одна родная душа ему не встретится. Легким дыханием, далеким шумом он ощущал чье-то присутствие — наверное, другие смертные феар... Через эти покои должны были проходить тысячи — он не хотел всматриваться и вслушиваться...

Насквозь...

Он различил впереди ворота — высокая узкая дверь, без створок и петель, даже просто арка. К чему двери, если феар не задерживаются здесь?

Здесь должна была быть толпа, но он вышел за ворота — один. Каждый выходит сюда один. Каждый здесь — один...

Один на один — с чем?

Он сделал шаг — и оказался на краю.

Пламя и холод. Звезды и тьма. Любовь и страх.

Солнце находилось под ним — нестерпимо яркая корона, рваные края, восторженное пламя — вовсе не ровный круг, каким оно видится с земли. Луна была над ним — наполовину погруженный во тьму серебристо-мертвенный, изрытый оспинами шар. Звезды были кругом — разноцветные, немыслимо большие, неисчислимы.

И был — ветер. Воздуха не было, но ветер был. Солнечный — бил всего сильнее, трепал волосы. Звездный — доносился отголоском далеких штормов.

Осталась малость: сделать последний шаг, подставить раскинутые руки солнечному ветру — и улететь сгустком чистого света — куда? Какая разница? Берен знал — счастье этого полета не сравнимо будет ни с чем, пережитым до сих пор и непережитым за все те годы, которые смерть отняла...

Там, в конце пути... Будь он в оболочке тела, осознание этого прожгло бы его до слез: дом. Настоящий, вечно меняющийся и неизменный дом его души. Тот самый, из-за которого он так мучительно завидовал эльфам: пасынок Арды — ее детям...

Оказывается, дом у него есть. И дом его зовет. Сквозь бесконечное пространство Берен слышал этот призыв всем существом — и уже почти откликнулся, почти шагнул...

А как же мои предки? Как же люди, ушедшие туда, в мрачный чертог без памяти и света?

Их час придет. Тебе позволено идти раньше. Иди же.

Он отступил и сел на край пропасти.

Прости, Высокая. Я не могу. Я обещал ждать.

Жди, — она кивнула ресницами и исчезла.

Он ждал. Сколько? Ах, да, здесь же нет времени...

Берен?

Еще не обернувшись, он уже знал, кто это и почувствовал теплый толчок радости: даже здесь встреча с другом — это встреча с другом.

Финрод...

Он увидел эльфа таким, каким запомнил его тем вечером на балконе его дворца в Нарготронде: босиком, в расшнурованной рубахе, с распущенными волосами и без украшений. Это было хорошо — он боялся увидеть его таким, каким видел в последний раз — в подвале Тол-ин-Гаурот. А каким его видит Финрод?

Говорили, что здесь каждый одинок. Как же так?

Кому суждено — встречаются. Идем. Тебя ждут.

Будь у него живое сердце — оно забилося бы бешено.

Ты вовремя. Еще немного — и я бы прыгнул.

Через стену?

Какую стену?

Миг — и Берен увидел ее. Мерцающая бездна исчезла, вместо нее — сколько хватало глаз — выросла стена: серый мрамор, потемневший от дождей, увитый плющом...

Миг — и все стало по-прежнему.

А что видишь ты? — глаза эльфа зажглись прежним интересом. Нолдо, для которого знания дороже всех богатств.

Даже здесь. Даже сейчас...

Берен открылся для осанвэ — смотри, Ном! — и на миг Финрод увидел звездную бездну его глазами. Потом все исчезло — для обоих. Осталась лишь серебристая мгла.

Там — мой Дом, Финрод. Я завидовал тебе, как сирота-приемыш завидует родному сыну... Оказалось — зря: у меня есть Дом. Просто, чтобы попасть туда, нужно пройти все до конца. А я не могу. Я кое-что не доделал...

Он почувствовал, что рассказывать Финроду о том, что произошло после его смерти — не имеет смысла: эльф уже все знает.

Откуда?

Идем...

На этот раз — действительно чертоги. Теряющиеся в полумраке ряды мраморных колонн, и — никого, только они двое...

Они двое — и мерцающий в невообразимом отдалении далекий свет...

Далекий свет — и щемяще-прекрасная мелодия, облекающая своды, обозначающая их...

Обозначающая их — там, высоко, не разглядеть: она отражается от потолка, обвивает балки и льется вниз тоненькой струйкой, хрустальным дождем, осыпается яблоневым цветом...

Пойманный в смерть, точно в ловчую сеть,

Я слушал, как пела печаль...

Не знал я, сломав этой жизни печать,

Как больно умешь ты петь...

Высокий трон и неподвижная фигура в багрянице одежд. Ни эльф, ни человек не могут сидеть так неподвижно, не могут смотреть так пристально.

Намо...

Высокий трон — и тонкая золотистая фигурка у ног Вала — Владыки Судеб.

Тинувиэль...

Она умолкла — в тот миг, когда Финрод ввел Берена в круг света.

Ты просишь о невозможном.

Разве мы не совершили невозможного? Разве Валар по силам меньше, чем эльфам и смертным?

Это не в моей власти.

Тогда к чьим ногам мне пасть?

Подожди...

Вала прикрывает веки. На века? На миг?

Здесь нет времени...

Эхо мыслей Владык проносится по бесконечным залам сквозняком.

Владыки...

В смятении?

Что-то происходит... Что-то...

Огромный зал уже не пуст. Серой, цвета потускневшего серебра статуэткой возникает у колонны Одинокая. В темно-красном, почти черном, с золотой искрой — Вайрэ? А из ниоткуда, сгущаясь, как туман в капли росы, шагают в круг света новые тени.

Первая — плащ когда-то был алым, одеяние — черным; пылают глаза и сомкнуты густые, крыльями изломанные брови. Берену не нужны подсказки, чтобы узнать его...

Вторая — лазурные с серебром одежды, русые волосы схвачены серебряной заколкой, бледное и благородное лицо хранит отпечаток старой боли... На миг Берену показалось, что перед ним Фингон...

Третья — темный шелк волос, бездонная синева глаз, безупречный овал лица, белое платье с алым пятном под грудью...

Четвертая — пепельные волосы, иней на ресницах, навсегда вмерзшее в глаза страдание, и кажется — даже ткань платья застыла коробом, ломается от движений...

Пятая — серебро кос, темные глаза, длинные ресницы и маленькие пальца в руках...

Шестая — королевская осанка, широкие плечи, мудрость и печаль в глазах... Берен мимоходом огорчился, что не увидит здесь ушедших предков — а каково ему видеть приходящими сюда своих потомков: одного за другим, одного за другим?

Седьмая тень... Знакомое лицо, глаза, которые при жизни были полны пламени, сейчас погасли. Разлука, которая продлится до конца времен, положила между бровей резкую складку. На руке — плетеный браслет, подаренный смертной женщиной.

Восьмая тень. Почерневший от копоти и запекшейся крови, рассеченный во многих местах доспех, и волосы такие же, как у братьев, — рассыпались по темному металлу и навсегда прилипли к напряженному лбу. Глаза — суровые, стальные, по которым он и получил свое имя и свою судьбу — теперь опустошены и блуждают, точно в поисках потерянного сокровища...

Девятая тень. Охотничья одежда, волосы стянуты на затылке серебряной тесьмой, насмешка в глазах...

Нэндил?

Оглядевшись, Берен увидел и остальных десятиерых... И Финрод увидел их — тоже...

Он был в вашей власти, и вы пощадили его. Почему?

Это была не моя судьба... Я не должен был убивать его, я должен был — и хотел — принести надежду. Для всех...

И даже для него?

И даже для него. Прости, Нолофинвэ. Прости, Феанаро. Прости, Король — у меня не получилось...

Другая тень выступила вперед:

Почему ты просишь о том, в чем было отказано мне?

Потому что могу просить...

Грозный, слишком яркий для этого места блеск глаз высокого огненного нолдо:

Я должен ненавидеть вас — но не могу. Вы покусились на мои Камни — но вы вырвали один из рук Моргота. Не знаю, хорошую или плохую сослужу я вам службу — мое слово скорее помеха, но все же... Намо, Великий — я прошу за них! Здесь или где-то еще — пусть они будут вместе.

Я слышал тебя, Феанаро.

Скорбные, благородные черты Нолофинвэ на миг трогает улыбка.

И все-таки он был повержен. Дважды позор: повержен девой и пощажён своим смертельным врагом! Эта рана будет саднить больше, чем нанесенные мной. Я прошу за них, Высокий! Во имя наших любимых, тоскующих в разлуке — исполни просьбу дочери Тингола.

Ты понимаешь, о чем просишь?

Я прошу дать надежду всем, кто ждет нашего возвращения.

А ты знаешь, кто в силах дать такую надежду?

Но ведь вы — звено между Ним и этим миром!

Я слышал твою просьбу, Инголдо-Финвэ...

Печальный взгляд Мириэль.

Я ошибалась. Но теперь я хочу избрать жизнь. Я прошу за них, Судья.

Твои слова услышаны, Мириэль Сериндэ... Но Силы хотят услышать, что скажешь ты, Инголдо Финарато Атандил. Ты, принявший в их деяниях не последнюю часть...

Мучительно молчание мыслей Финрода.

Просить за них — все равно что просить за себя. Я не могу. Прости, Высокий. Пусть будет так, как решит Он, к кому мы все взываем. Пусть исполнится Его воля.

Твои слова услышаны, Инголдо Финарато.

Мысль Нэндила звучит бронзово и ясно, как голос — при жизни.

А я не такой гордый, как мой король. Мне будет приятно знать, что мы умерли не зря. Мы просим за них!

Тысячи, — ужаснулся Берен, услышав хор:

Мы просим за них!

Тэлери, зарубленные в Альквалондэ, и нолдор, застреленные там же, погибшие в волнах, поднятых скорбью Уинен, синдар и авари, убитые в схватках с орками Моргота, замученные в подземельях Утумно, нандор из народа Денэтора, истребленные в дни сумерек Средиземья, опять нолдор — замерзшие и ушедшие под лед в Хэлкараксэ, павшие в битвах, сгоревшие на Ард-Гален, насмерть забытые орками-надсмотрщиками, умершие своей волей, не вынеся издевательств и мучений... Тысячи и тысячи — как один:

Мы просим за них!

Слушайте! — медным огромным гонгом.

Тени умолкают, и невыносима тишина...

Инголдо Артафинде. Ты чист и незапятнан, вся твоя вина смыта твоей кровью. Чертоги Мандоса не удержат тебя более — ты будешь первым из тех, кто вернется в Валинор из Чертогов, в жизнь из смерти.

Лютиэн Тинувиэль, ты пришла с просьбой, и выбирать тебе. Ты можешь сейчас покинуть Чертоги Мандоса и воплотиться в Валиноре. Скорбь и печали оставят тебя. Душевные раны заживут, и о страдании ты забудешь.

Да, Лютиэн. Соглашайся. Ты — достойна...

А ты?

Солнечный ветер, безбрежный океан пространства — и Дом...

Берен — Смертный, и никто не в силах лишить его Дара. Но если ты захочешь — мы вернем вас обоих в Эндорэ, где вы проживете срок, положенный Смертным, а по окончании его — оба ступите на Путь Людей. Для родных и близких, для всей Арды ты умрешь навсегда и не воплотишься здесь более.

Серебряным колокольцем в повисшей душевной тиши:

Я выбираю — это!

Все было уже решено, но еще ничего не сказано. Перед тем, как войти в высокий Серебряный Зал, Келебронд, Диор поправил на груди ожерелье.

Больше никаких украшений не было — только это ожерелье и кольцо Фелагунда. Даже вышивка не украшала простые светло-серые одежды. Больше ничего не было нужно — так сиял Камень. Иногда казалось — он мог бы спокойно выйти облаченным только в это сияние — и никто ничего бы не заметил.

Он улыбнулся этой мысли. Очень человеческая мысль, мысль Смертного по крови и кости. Отцу бы она понравилась — как шутка. Ее и нельзя принимать иначе.

— Сними, не дразни их, — попросила Нимлот, когда они собирались к выходу.

— Ни за что, — он провел рукой по плоским звеньям ожерелья — диковинные химеры, звери, гады и птицы, сплетенные телами драконов, обнимали и держали Сильмарилл, слезу погибших Дерев Света. Потом он обнял Нимлот за пояс и подмигнул ее отражению в большом зеркале. Сначала он хотел, чтобы Наугламир носила его жена, но та наотрез отказалась. Она побаивалась Сильмарилла и всего, что было с ним связано. «Это для нолдор или для смертных», — говорила она. «Но ты же вышла за меня, Смертного, замуж!» — пытался с ней спорить Диор. — «Да, но сама не стала Смертной. Носи его ты, в тебе есть и красота матери, и сила отца» — «А я-то, сирый, надеялся, что ты меня полюбила за мою неизмеримую мудрость!». Ему удавалось рассмешить ее, но никогда не удавалось уговорить ее оттенить красотой Наугламира красу ее светло-русых волос и нежно-синих глаз.

...К тронному залу вели несколько ступенчатых переходов и залов, разделенных дверями — подземелья Менегрота, проточенные в камне водой, не знали строгого порядка и причудливо изгибались во всех направлениях.

Он открыл первую из этих дверей и вспомнил тот день на реке Аскар, когда впервые увидел сокровище Феанора, вправленное в ожерелье.

...Весть принес один из юношей-оруженосцев Маблунга. Он шел и бежал, не останавливаясь и не отдыхая, почти пять суток, а когда рассказал о падении Дориата — упал и уснул, перед тем попросив разбудить его и взять с собой в поход.

Прежде Диор не воевал. Он был умелым лучником — на охоте. Отец обучил его мечному бою и подарил Гиллуин, брата Нарсила. Этот клинок был откован Феанором для Куруфина и уже здесь, в Средиземье, заново отделан мастером, сыном мастера, и Диор еще ни разу не испробовал его на деле. На ту битву, что была после Нирнаэт Арноэдиад, когда орки-победители прошли по всему Белерианду из конца в конец, и лишь в Оссирианд не сумели прорваться — он не успел, был еще ребенком. Детская память цепка на такие события, а от матери Диор унаследовал свойство эльфов ничего не забывать. И он помнил, как отец уходил, как нандор собирались к их двору, чтобы вместе с отцом идти на северную границу — привыкший к тому, что они рассеяны по лесам, Диор изумился тому, сколько их, оказывается, живет здесь! В памяти осталось, как отец вернулся — Диор уже знал, что с победой, вести обогнали спасителей Оссирианда — но выглядел он так, точно был разбит: бледный, даже серый от усталости, он поцеловал маму, повалился на постель и заснул, как этот дориатский гонец.

Ночью третьего дня по его возвращении Диор подслушал разговор между родителями.

— Я видел их. Всех.

— Они... не спрашивали тебя...?

— Им было не до глупостей. Все ранены, от войска осталась горстка, трое из семи на ногах не стоят. Маэдрос как потерял сознание у Гелиона, так его до самого Аскара несли. Когда Куруфин увидел, от кого придется принять помощь, он зубами, конечно, скрипнул, и не раз, но что ему оставалось делать.

Отец помолчал и добавил:

— Они будут жить здесь. Между Аскарком и Талосом. Ленвэ пообещал, что за ними присмотрят.

Так феаноринги поселились всего в шести днях неспешной ходьбы — почти по соседству. С позволения отца — конечно, правителем этих мест был Ленвэ, князь нандор, но все знали, что если бы Берен сказал «нет», Ленвэ не предоставил бы феанорингам убежища. Рассчитывал отец обязать феанорингов благодарностью или то было просто присущее ему великодушие? Скорей второе: хотя семеро братьев, кое-как оправившись после Нирнаэт, ничего не предпринимали все тридцать лет, и нандор, и отец с матерью чувствовали исходящую от них скрытую угрозу. И когда шатающийся от каждого вдоха гонец сказал: «Дориат разорен!» первое, что отец спросил: «Сыновья Феанора?». «Нет. Гномы. Ногрод», — ответил гонец.

Отец велел подать ему еды и питья, и послал за нандорскими старшинами, чтобы и они услышали рассказ о разорении Дориата. Тингол пригласил ногродских мастеров, чтобы вставить Сильмарилл в Наугламир, что принес и швырнул к ногам дориатского короля отчаявшийся Хурин. Гномы, очарованные светом Камня, пожелали похитить его, между ними и Тинголом вспыхнула ссора, и тот тяжело оскорбил маленький народ, полагая, что в его собственном дворце они не осмелятся напасть; а они убили его, и ограбили сокровищницу Дориата, забрав и Наугламир с Сильмариллом. На самой границе воины Маблунга настигли их и перебили но, как видно, кому-то удалось уйти.

Все это было уже известно, так как случилось годом раньше. Было известно также, что Мелиан не перенесла горя и дух ее отлетел, а тело расточилось. Видимо, после этого пала Завеса Мелиан, и Маблунг был вынужден усилить охрану границ.

Увы, это не помогло. Гномы Ногрода большой армией прорвались через пограничную стражу и прошли через Дориат как нож сквозь масло. Менегрот был захвачен, и Маблунг погиб и дверей сокровищницы. После этого гномы дочиста обобрали дворец и убрались восвояси прежде, чем собралось дориатское ополчение. Теперь синдар преследовали гномов, но не решались напасть, ибо тех было много больше, хотя и двигались они с грузом золота медленно. В лесу большие луки синдар давали им огромное преимущество, но на равнине — а гномы пересекали сейчас Эстолад — не было надежды подкрасться к гномам настолько близко, чтобы разить из луков наверняка, избегая гномьих самострелов. А на дальнем расстоянии луки были непригодны — доспехи Ногрода славились крепостью. Эльфы дважды пытались атаковать, но гномы разворачивали возы в круг и заставляли противника отступить с потерями.

...Вторая дверь вела в маленький зал, где брали воду — ручей тек по стене в каменную чашу. Дева с кувшином поклонилась своему королю — смертному, сыну смертного... Диор улыбнулся ей и толкнул ладонью третью дверь — в длинный извилистый коридор, ступенями ведущий вверх...

— Мы встретим их у Сарн Атрад, больше им переправиться негде, — сказал отец, когда вестник закончил рассказ и все взгляды обратились к человеку, которого многие считали по

праву наследником Тингола. — Кто со мной — пусть будет готов в один день. Завтра мы выступаем.

Гонца, вопреки его просьбе, оставили спать в доме Берена и Лютиэн. «Куда ему с нами, на беднягу смотреть жалко», — сказал отец. Диор надел доспех, попрощался с Нимлот и детьми. Обняв жену напоследок, осторожно коснулся ее тяжелого живота.

— Я скоро вернусь, — сказал он. — Но если она успеет раньше, назови ее Эльвинг.

— А как же иначе, — улыбнулась Нимлот. — Мы же вместе ходили к тому водопаду, смотреть на звездные брызги.

Диор не мог не идти — от руки гномов погиб Галатиль, отец Нимлот и брат Келеборна. Самого Келеборна Берен решил не ждать, хотя и послал гонца к южным отрогам Эред Линдон: если властительные супруги успеют на битву, то успеют, а нет — так нет. Существенной помощи войску они все равно не могли оказать: их с лордом Келебримбором молодое княжество, основанное после гибели Нарготронда, было малочисленно.

Лютиэн утешала Нимлот в ее горе, таком понятном — ведь и ее родители отошли совсем недавно, и она до сих пор продолжала носить простые некрашенные одежды скорби. Диор, покидая жену, сомневался, принесет ли ей мечь хоть какое-то утешение. У женщин врачевать душевные раны получалось лучше. А главное — Лютиэн могла доподлинно рассказать, как оно там... Впрочем, станет ли? И решится ли Нимлот спрашивать ее? Диор пытался разговорить отца, когда был еще отроком — но Берен ограничился кратким «Хорошего мало».

Именно Нимлот тогда рассказала ему, как воскресшие отец и мать появились в Менегроте через год после своей смерти. Отец тоже любил об этом рассказывать — словно это было веселое приключение: «всю жизнь мечтал появиться на собственных поминках и послушать, что болтают»; и только от Нимлот Диор узнал о священном ужасе, охватившем эльфов, когда двое умерших живыми появились в пиршественном зале. Поначалу их приняли за мороков, и Берен, чтобы доказать, что это не так, взял со стола блюдо с рыбой и угостил Лютиэн, и ел сам, пригубил вина и разорвал на груди обветшавшую погребальную одежду, позволив Белегу коснуться его ран, которые выглядели только-только зарубцевавшимися и, по его словам, еще болели. Но когда эльфы удостоверились, что это в самом деле они и в самом деле живые, ужас их стал не меньше, а больше, ибо никогда и нигде Единый не являл так ясно Свою силу и волю. Никогда и нигде доселе умершие не возвращались живыми, а эльфы не делались Смертными. Ибо и мать стала Смертной, и к радости о ее возвращении из Мандоса примешалась горечь грядущей разлуки за порогом смерти.

Диор вырос с мыслью о том, что отец и мать умерли и воскресли до его рождения. Может быть, поэтому смерти он не боялся. Ни тогда, когда вместе с отцом отправлялся к Сарн Атрад, ни сейчас, когда — он знал это — шел ей навстречу.

...По пути к ним присоединились многие нандор — как и тогда, когда Берен повел их на север, отражать нападение орков после Битвы Бессчетных Слез. Но в самом конце, уже у брода Сарн Атрад, их ждал еще один союзник — эльфы почтительно держались на расстоянии от выступивших из-за деревьев и подобных деревьям высоких фигур, и лишь Берен подошел к ним близко, поклонился и громко сказал:

— Приветствую тебя, почтенный Древобород. Узнаешь ли ты меня или я сильно изменился со времени нашей последней встречи?

То древоподобное создание, что стояло впереди всех, пригнулось, чтобы лучше разглядеть собеседника и прогудело:

— Хмм! При нашей последней встрече ты сам не узнал меня, Убийца убийц. Ты изменился, хмм, да... Но глаза у тебя остались прежними. Кого ты ищешь здесь?

— Гномов из Ногрода, разоривших Дориат.

Высокое создание выпрямилось, тряхнув кроной волос.

— Так значит, мы снова союзники, — прогудело оно. — Гномы убили много деревьев, прокладывая гать через Сарн Атрад.

— Древобород, Пастырь деревьев, — Берен снова склонил голову. — Хочу просить тебя об одном.

— Говори. Не обещаю, что исполню, но всегда готов выслушать, ибо мы многим были тебе обязаны, когда ты убивал убийц в своем горном краю.

— Все свои долги ты уже отдал, когда спас мне жизнь, — сказал Берен. — И если я попрошу тебя, то не ради них, а ради Кементари, Подательницы жизни и супруги Аулэ.

— Ты знаешь, как просить, — недовольно сказала существо. — Говори же.

— Ты — ее дитя, а гномы — дети Аулэ. Я хочу решить дело миром, и прошу тебя: если гномий государь согласится, не преследуй гномов. Требуй от него возмещения ущерба, я поддержу тебя, но крови я проливать не хочу.

— Хммм... А если они не согласятся?

— Тогда они сами повинны в своей гибели и вы вольны делать с ними что пожелаете.

— Это не по душе мне, — Пастырь деревьев погладил зеленую бороду. — Ваш век слишком короток, и если этот король сдержит слово, его внук нарушит. Но ты просишь именем Кементари, и ради нее я согласен. Смотри же: если начнется битва, я буду думать о своем, и не стану спасать тебя.

— Быть посему. Госпожа Лютиэн Тинувиэль, дочь Тингола, велела кланяться тебе, если встречу. — И Берен поклонился Пастырю Дерев в третий раз. Дети Кементари тоже ответили поклоном — и исчезли в лесу, стали как деревья среди деревьев.

Нандор были недовольны намерением Берена. Многие потеряли друзей и родных в дориатской резне, и всем было обидно за Тингола, сюзерена и доброго союзника. Но роптать никто не стал.

Войско укрылось в лесу и расположилось на ночлег, а утром следующего дня вернулся утомленный вестник, которого Берен послал к преследующим гномов дориатским синдар, когда выступал в поход. Он сказал, что гномы двигаются медленно и к полудню будут здесь, а эльфы Дориата, узнав, что нандор под водительством Берена выступили гномам навстречу, воспрянули духом и принялись сильнее досаждать «сплюснутому народцу».

— Значит, будут еще недовольные тем, что ты хочешь предложить мир, — сказал Диор.

— Не учи отца, — ответил Берен. — У кого больше права на месть, чем у твоей матери? А она готова простить.

— Она так сказала? — изумился Диор.

— Да. Но доброй воли только с одной стороны мало. Ты еще не слышал, что ответит на мое предложение Мельхар, так к чему заранее пугать меня недовольством эльфов?

— Ты думаешь, он откажет тебе?

— Я знаю, как искушает Сильмарилл.

Диор присмотрелся к отцу и увидел, как печальны его глаза и какие горькие складки залегли возле рта.

— Гномий король был тебе другом? — спросил он.

— Нет, просто приятелем. Но если ты думаешь, что приятеля убивать легче, то

ошибаешься.

Больше они не говорили до самого конца сражения. Диор с небольшим отрядом тех, кто умел хорошо рубиться, занял такое место, откуда можно быстро выбежать на гать, закрывая противнику переправу.

...Когда коридор закончился, они оказались перед четвертой дверью — там стояли двое стражей с копьями и щитами. Отсюда, из этого зальчика, было два коридора — в зал Совета и в королевскую сокровищницу. Именно там смерть настигла Маблунга, именно по этому коридору он, сражаясь, отступал...

Солнце уже стояло в зените и бешено пекло, когда пыль выдала приближение гномов. Все приготовились.

Гномы начали переправляться и уже втащили первый воз на гать, проложенную второпях при наступлении, когда Берен вышел из своего укрытия и ступил на мост.

Увидев его, гномы остановились. Их предводитель в украшенных золотом доспехах, с золотым зубчатым обручем на шлеме, выступил вперед.

— Ты кто такой и почему заступил нам дорогу? — спросил он.

Берен снял шлем. Гномий король крикнул с досады.

— Ты еще больше стал похож на своего деда, — сказал он. — Проклятье. Я не хотел.

Берен промолчал.

— Слушай, я правда не хотел, — продолжал гном. — Эти двое, что уцелели, нарасказывали всяких страстей. Вроде бы Тингол убить их хотел. Взбудоражили весь народ. Пойми, это мои родичи. Не мог я так этого оставить.

— Тингол был моим тестем, — сказал Берен. — Маблунг был моим другом. Галатиль был моим свояком. Я тоже не могу этого так оставить, король Мельхар.

Гном печально вздохнул.

— Ну, и что мы будем делать? — спросил он. — Хочешь ты решить дело миром или кровью?

— А сам ты чего хочешь?

— Лучше, конечно, миром.

— Добро. Ты оставишь здесь всю добычу, которую взял в Дориате. Ты оставишь мне заложников и привезешь из Ногрода столько же золота и серебра, сколько захватил в Менегроте — из этого будет заплачена вира родичам убитых. Ты раз и навсегда запретишь гномам своего народа и всем вашим потомкам рубить деревья по эту сторону Синих Гор. И ты выдашь для наказания оставшихся убийц Тингола — потому что это их ложь привела к войне.

Гном долго чесал бороду, потом сказал:

— Согласен. Мы оставим здесь все эти возы и все, что несем на плечах. Я оставлю у тебя заложников и поеду собирать виру, и деревья мы рубить перестанем. Клянусь тебе в том, а если хочешь — напишу договор.

Берен тоже молчал какое-то время. Потом спросил:

— Отчего ты временами так морщишься, государь Мельхар?

— Да вот, — гном пожал плечами. — Старый стал... В боку колет...

— Колет, почтенный Мельхар? Или печет?

Глаза гнома заметались, а Берен спокойно продолжал:

— Я так думаю, все-таки печет. Да, почтенный Мельхар, старость не радость, уж я-то тебя понимаю. И потому то, что у тебя в поясной суме, ты тоже оставишь здесь.

Лицо гнома перекосилось.

— Нет! — крикнул он, запуская левую руку в суму. — Ты этого хочешь? Тебе придется взять это вместе с моей жизнью!

Он выхватил руку из сумы, и свет Сильмарилла многократно отразился и заиграл в других драгоценных камнях, которыми был отделан Наугламир.

— Мельхар, — сказал Берен, и Диор услышал горькую печаль в его голосе. — Если начнется бой, из вас не уцелеет никто.

Гном оглянулся, словно прикидывая, сколько противников будет ему противостоять. Он видел небольшой отряд мечников, вышедших на берег, едва Берен вступил в переговоры, и вряд ли заметил нандор, укрывшихся в кустах и меж деревьями, хотя не мог не догадываться о засаде. Но все равно противников было немного — большое войско уже выдало бы себя. А сзади наседали синдар — и Мельхар решил рискнуть.

— Давай так: бьемся один на один, насмерть. Если ты побеждаешь, мы принимаем твои условия. Если побеждаю я — твои воины пропустят нас с добычей.

— Если ты не примешь мир на моих условиях, — Берен обнажил меч, потому что Мельхар уже держал топор наизготовку, — то мы в любом случае будем биться насмерть, и перебьем всех. Оставь Сильмарилл, Мельхар. Ты еще можешь терпеть его жжение — значит, ты еще не погиб. Для тебя еще не поздно.

Мельхар, казалось, колебался какое-то время, потом сунул Наугламир за пояс.

— Мое имя — Азарах, — тихо сказал он.

Это было его истинное имя, а значит — он собирался биться насмерть и назвал его с тем, чтобы враги, победив, начертали это имя на могильном камне — или унесли в могилу с собой.

— У тебя не будет могильного камня, — ответил на это Берен. И противники сошлись в бою.

Большая секира в умелых руках — страшное оружие, а руки государя Мельхара никто не назвал бы неумелыми. Оба противника бились без щитов, и каждый стремился воспользоваться своим преимуществом — либо ростом и длиной клинка, либо силой и тяжестью. Когда-то Диор спросил отца: а кто победит, если силы противников равны? «Тот, кто прав», — не сомневаясь, ответил Берен.

Так это или нет — но именно Мельхар промедлил отразить выпад Нарсила — и повалился на колени, изумленно уставившись на дыру в животе, ровно под грудиной. Кровь била через рассеченную кольчугу, заливая Сильмарилл, как вино хлещет из развязанного меха, и Мельхар понял, что это конец. Он попробовал поднять секиру, но не смог — и тогда, крикнув:

— Будь прокляты сокровища Менегрота и любой, кто возьмет их! — он бросил свое тело с мостков в воду, чтобы уйти на дно вместе с Сильмариллом, с которым он не пожелал расставаться.

Но Берен успел выхватить Наугламир из-за пояса гномьего короля и перехватил правой, железной рукой, которую сработал Келебримбор...

— Вперед, — тихо скомандовал Диор, и мечники ступили на гать вместе с ним, чтобы его отец не остался один против толпы разъяренных гномов, чье мгновенное изумление уже прошло.

Началась рубка. Гномы слишком поздно поняли свою ошибку — нельзя бросаться полусотней бойцов, закованных в тяжелые доспехи, на хлипкую гать, нельзя кидаться толпой

вброд, если в тебе меньше пяти футов росту. Едва бревна опор треснули, Берен, Диор и их эльфы попрыгали в воду и продолжали, стоя в воде, рубиться с теми, кто кое-как сохранял равновесие на мосту. Остальные же, кто упал в Аскар, захлебывались, потому что там, где противнику было выше пояса, им было по шею, а там, где противнику было по грудь, они тонули. Если им удавалось поднять над водой голову, эту голову тут же сносил меч.

А из-за деревьев и кустов ударил беспощадный ливень стрел, и разъяренные синдар, догнав противника, тоже вступили в битву...

Эльфов с Береном было чуть больше шестисот, да еще две с половиной сотни дориатских синдар, а гномов — около трех тысяч — и все же в Ногрод не вернулся ни один, а эльфы не потеряли в этот день никого. Энты настигли тех из народа Мельхара, кто пытался скрыться в лесу. Диор преследовал бегущих вниз по берегу Гелиона, и вернулся тогда, когда у брода тоже все было кончено. Эльфы разгружали возы, на которых гномы везли награбленное, и бросали проклятые гномьим королем сокровища в воду, а Берен сидел у самой реки, и порой та или иная безделица, идя ко дну, послала ему на прощанье золотой блик...

...Пятая дверь. Там, во внутреннем покое для малого совета, его ждали самые близкие друзья во главе с Аргоном, что занял место Маблунга. Тот поклонился, потом показал глазами на Сильмарилл и спросил, как и Нимлот:

— Ты уверен, король Элухиль?

«Элухиль», Наследник Элу — так его прозвали. А еще — Диор Прекрасный. Но под этим вторым прозвищем его знали нолдор, а синдар называли его Наследником. Так судьба посмеялась над гордостью Тингола, не хотевшего, чтобы его дочь досталась смертному.

— Я уверен, — сказал Диор. — Такова была воля отца.

— Тогда — война, — сказал Аргон.

Отец сидел на бревне у воды, гладил пальцами Наугламир, перебирая его звенья, и тихо что-то говорил сам себе. Диор осторожно подошел сзади, и услышал, что это песня, что-то вроде странного поминального плача.

О, Государь мой, где они все,

Те, кто нас с тобой хоронил?

Где брат твой Ородрет,

Носивший твою корону?

Где Хурин отважный?

Где Артанор, молния битвы?

Где Фингон бесстрашный?

Где Хуор, золотой сокол Дор-Ломина?

Тингол где, яшень Дориата?

Где Белег-лучник, преданнейший из друзей?

Маблунг-воитель, где он, о мой король?

Они о нас плакали — теперь мы о них плачем,

Не зная, свидимся ли по ту сторону рассвета,

Когда сыщется меч, что пронзит небо и землю,

И пленников смерти изведет из темницы.

Отец умолк. Диор подошел ближе, нарочно хрустнув веткой. Берен оглянулся.

— Я ждал тебя, — сказал он.

— Я виделся с эльфами Дориата, с родичами Нимлот, — Диор сел рядом. — Вместе мы

закончили дело. Они позвали меня занять трон Тингола.

— Это хорошо, — сказал Берен. — тебе все равно пришлось бы перебираться туда. Мы с матерью уйдем скоро.

Сердце Диора дрогнуло. Он никогда прежде не замечал и не думал, что его отец и мать — уже старики. Мать как будто не менялась с годами, а отца он всегда помнил седым, число же морщин увеличивалось постепенно, и счета им Диор не вел. Он не знал смертных, кроме себя и отца, ему не казалось странным, что его жена знала его ребенком и он и не мог сказать, быстрее или медленней обычных людей стареет Берен. Он знал, что ложе отца и матери не было холодным даже теперь, когда у Диора появились сыновья, и намечалось еще одно прибавление в семье. Он видел, что в этой схватке однорукий старик Берен показал себя не хуже эльфов, бившихся плечом к плечу с ним, но сейчас Диор заметил, как отец устал и как нелегко далось ему сражение на переправе Сарн Атрад. Пальцы, перебиравшие звенья Наугламира, слегка дрожали, плечи поникли, и впервые в жизни Диор ощутил страх, который познал очень поздно, как эльфийские дети — страх за жизнь родителей.

— Да, тебе пора, — продолжал Берен. — Прими Дориат в свою руку, королевству нужен хранитель. Когда тебе принесут Камень — а будет это скоро, и будет это значить, что нас уже нет в этом мире — и его храни. Храни его пуще жизни, цени сильнее, чем зеницу ока. Это камень первозданного света, а для тех, чьи руки нечисты — камень гибели и раздора. Но вот сейчас я узнал, что это — камень спасения. Дай мне руку, сын.

Диор, холодея, протянул руку ладонью вперед. Он знал, что это означает: прикосновения рук порой рождали у отца видения о будущем тех, кто коснулся его. Так, отец еще до рождения Туора знал, что Туор переживет годы бедствий и достигнет моря. И хотя сейчас след его затерялся, отец был уверен, что с ним все хорошо. Отец еще до начала Дагор Нирнаэт Арноэдиад знал, что она будет проиграна и повел нандор на север, чтобы встретить орков, которые будут преследовать беглецов в Оссирианд. А когда лорд Келебримбор по пути в новые владения Галадриэли приехал, чтобы сделать Берену такую же стальную руку, какую его отец Куруфин сделал лорду Маэдросу, Берен прозрел и его будущее, но не хотел говорить. Но лорд Келебримбор настаивал и отец сказал: «Ты мечтаешь сотворить нечто, превосходящее творения твоего отца, и хотя бы равное творениям деда. Бойся этого стремления: если ты будешь искать славы Феанора, ты найдешь ее, но твое творение погубит тебя, как погубило его». Келебримбор рассмеялся и ответил, что согласен заплатить жизнью за дедовскую славу.

Диор вспомнил это, когда коснулся руки Берена поверх Сильмарилла. Свет Камня на миг пронзил обе ладони, накрывшие его — жилистую руку старика и руку зрелого смертного мужчины с юным лицом эльфа. Потом ладони разошлись и Берен опустил голову.

— Поздно искать мира и союза, — вздохнул он. — Феанорингам не удержать Камень. А любого другого они убьют. Не будь ты моим сыном, Диор, я не знал бы, говорить тебе или нет. Это тяжкий выбор, последнее мое наследство. Знай: если ты сохранишь Камень — ты погибнешь. Но если ты отдашь камень — погибнут все.

— Не будь ты моим отцом, — ответил Диор, — я не знал бы, верить тебе или нет. Но ты — мой отец, и Барахир, чья могила снова затеряна под Тенью — мой дед. Я не отдам камня, ни сыновьям Феанора, ни слугам Моргота.

— Славный ответ, — Берен улыбнулся. — Единственное, что я могу тебе дать — несколько лет покоя. Не очень много: наш с матерью срок на исходе. Но пока мы удерживаем Камень, Феаноринги не посмеют покушаться на него.

Он встал, прижал Наугламир к сердцу, к губам и ко лбу, отдавая дань почтения Королю, для которого ожерелье было сделано, а потом надел сверкающее чудо на себя — и Диору на миг показалось, что он увидел отца совсем юным, каким тот был в последние мирные годы Белерианда.

...Диор открыл последнюю дверь и вошел в Серебряный Чертог, Келебронд. Поднявшись к резному трону Тингола, он сел, и Нимлот заняла место по правую руку от него. Эльвинг села у ног матери на маленькую скамеечку рядом со своей нянькой, девой Неллас, подругой ушедшей Лютиэн Тинувиэль, а сыновья, Элуред и Элурин, в низкие кресла по левую руку отца. Девочка с каждым днем сильнее становилась похожа на Нимлот, а сыновья — на своего деда Берена — по крайней мере, так Диору казалось. Во всяком случае, своих ровесников-эльфов они обгоняли в росте, да и задумываться над недетскими вопросами стали раньше, чем товарищи их игр, юные синдар. Диор тоже рано познал это — одиночество ребенка, лишённого дружбы ровесников. Наверное, поэтому мальчики больше тянулись ко взрослым эльфам и к нему, как и он в свое время — ко взрослым нандор и к Берену. Он подумал, какое испытание уготовил детям — и сердце защемило, в то время как он послал сыновьям ободряющую улыбку.

Сегодня в зале было множество народу — весь королевский совет, все лорды Дориата, и даже лорд Келеборн и леди Галадриэль, которым ради этого пришлось проделать долгий путь. Быть миру или войне, решалось сегодня, и все знали, что мир будет позорным, а война — жестокой. Вдвойне жестокой, ибо это будет война против братьев.

Диор вспомнил другое, совсем недавнее посольство, которое принял в этом же зале — и на миг словно повеяло холодом.

Ленвэ и его воины прибыли поздно вечером, дети уже спали, и в пустом зале были только Диор и Нимлот, да самые близкие друзья и советники.

Ленвэ вошел в ту самую дверь напротив трона, куда вот-вот войдут послы Феанорингов, куда вошел отец в тот благословенный и проклятый день, когда король Тингол послал его за Сильмариллом. Куда он вошел снова, рука об руку с матерью, в обветшавших погребальных одеждах.

Князь нандор остановился перед тронном, отцепил от пояса плоскую кожаную дорожную шкатулку, и с коротким поклоном передал ее Диору. И тот, открывая, уже знал, что означает этот свет, что пробивается из-под пальцев...

— Когда они умерли? — спросил он.

— В день, когда облетели листья. Накануне они раздали друзьям то, что хотели подарить в память о себе, а после дали пир, и Берен сказал мне, чтобы утром я пришел в дом и забрал для тебя Камень и меч, Наследник Тингола. Он знал день и час своей смерти.

— Где они похоронены?

Ленвэ ответил не сразу.

— У них нет могилы. Это странно, король Диор, но дело было так: наутро я приплыл на остров и вошел в их дом, как и просил Берен. Стояла такая тишина, что я сразу понял — живых в доме нет. Я шел из покоя в покой, думая, что они в спальне. Но их там не было. Вот, что я увидел там: постель была покрыта, как смертный одр, но их самих не было. Их одежды лежали в изножии, словно они взошли на ложе любви, и покрывало было чуть смято — на нем лежали, и после не поправили. На покрывале лежало ожерелье, которое твоя мать носила в последний год. А их самих не было нигде. Мы искали тела, искали по всему острову. Я бы решил, что они легли в лодку и отправились вниз по течению, но все три

ваших лодки были на привязи. Остается думать только, что они либо бросились в реку, либо чудом обрели крылья и взлетели в небо. Зная твоих отца и мать, я легче поверю во второе, чем в первое.

Диор решительно взял Наугламир, надел его, встал и расправил звенья ожерелья на плечах. Ленвэ принял из рук своего воина меч Берена, Нарсил, и с новым коротким поклоном, воздавая честь больше прежнему хозяину оружия, чем новому, передал Диору.

— Скажи, Ленвэ, — спросил Диор, приняв меч. — Ведомо ли тебе такое: «феа, что лишь странница здесь, в Арде, связана нерасторжимым браком с телом из Арды, и разлука для них мучительна, но при этом оба должны следовать своему естеству, не подавляя друг друга. А это значит, что феа, уходя отсюда, должна забрать с собой тело. А ведь это означает, не больше не меньше, что феа сможет вознести тело, своего вечного супруга и спутника, к вечной жизни за пределами Эа, за пределами Времени! А через это Арда — хотя бы часть ее — могла бы не только исцелиться от порчи Мелькора, но даже освободиться от пределов, положенных ей в „Видении Эру“, о котором говорят Валар!»

— Нет, — Ленвэ покачал головой, пораженный. — Ты сам измыслил это, король Диор?

— Государь Финрод сказал это однажды отчаявшейся старой женщине, — ответил сын Берена и Лютиэн. — И сделал запись об этом разговоре. По записи речей Финрода и Андрея отец учил меня чтению. Каждое слово этой беседы навсегда вписано в мой разум.

— Это выше моего разума, — сказал Ленвэ.

— Моего тоже. Но я в это верю.

...Нимлот незаметно, скрыв пальцы под широким рукавом, пожала его ладонь, стиснувшую подлокотник.

— Снова думаешь о них? — почти шепотом спросила она.

— И о нас, — так же тихо ответил Диор.

Раскрылись двери в зал — и посольство сыновей Феанора показалось на пороге.

Каждого из братьев представлял здесь его доверенный рыцарь, носивший цвета дома Феанора и знак своего лорда. Оружие было запрещено приносить в зал королевского совета, но все семеро были в кольчугах, ибо шли объявлять войну.

— Мое имя Ильвар, сын Мейдриля, — сказал, выступив вперед, главный из них. — Я говорю здесь от имени моего господина, лорда Маэдроса, и от имени всех сыновей Феанора. Диор Элухиль, от имени своих лордов мы требуем, чтобы ты вернул их собственность, которой владеешь незаконно. Камни Феанора принадлежат роду Феанора, и любого, кто посягнет на них, сыновья Феанора будут преследовать до смерти — своей или его. Ради добрых чувств к твоим отцу и матери, ради мира между эльфами в эти трудные времена, наши лорды просят тебя: верни камень добром, и между нами не будет крови.

Диор посмотрел прямо ему в глаза, потом перевел взгляд на Нимлот и снова на посланника. Потом встал.

— Рохир Ильвар, — сказал он, и голос его раскатился в общем безмолвии, как голос набата. — Я также не хочу войны, тем паче между эльфами, да еще в такие времена, когда затемнен весь Белерианд, от Великого Моря до Синих Гор, и лишь одинокие крепости, подобные Гондолину, Гавани в устье Сириона или Дориату стоят, как островки среди потопа. Но я смотрю на тебя и думаю, что сказал бы тебе мой отец, Берен, сын Барахира, который своей рукой вынес Камень из Ангбанда и заплатил за его обретение собственной жизнью. Я думаю, что сказала бы тебе моя мать, своими чарами повергнувшая Моргота в сон, и ушедшая по пути Смертных ради отца. И, слушая мой ответ, считай, что моими устами

говорят тебе они. Если бы все дело было лишь в том, чтобы вернуть драгоценный камень потомкам его создателя — я отдал бы его без колебаний. Но это не просто камень, а вместилище первозданного Света, и если руки сыновей Феанора не удержат его, он вновь попадет к Морготу. А ваши лорды не смогут его удержать, я знаю это.

— А ты — сможешь? — почти сквозь зубы спросил глава посольства. — Ну что ж, если ты сможешь удержать его против Моргота, тем паче сможешь против наших лордов. Готовься же к войне, король Диор. Когда наступит весна, ты пожалеешь о своих словах.

Послы Феанорингов развернулись и не видели горькой усмешки на лице Диора. Плечом к плечу они покинули зал, и стук их подкованных сапог был как грохот обвала в горах. Они шагали навстречу еще одной братоубийственной резне, и еще одной, навстречу тцете этой бесконечной и пустой погони — «пока не прекратится охота, до конца» — и в конце концов навстречу гибели.

Когда дверь за ними закрылась, Диор обратился к подданным.

— Вы все слышали, друзья мои. Я поступил так, как я поступил, потому что не мог поступить иначе. Я не желаю вводить вас в обман: мы не удержим Дориат. Силы сыновей Феанора больше наших, они собрали вокруг себя почти всех, кто уцелел в Нирнаэт Арноэдиад. Что ж, они хотя бы предупредили нас. Отправляйте семьи на юг. Уходите, если не хотите сражаться — я не могу удерживать никого против его воли. Тот, кто останется со мной — погибнет.

Он закончил речь и вновь сел на свой трон.

Аргон оставил скамью, где сидел вместе с прочими военачальниками и главами родов, опустился перед Диором на колени.

— Я буду с тобой, — сказал он.

Еще несколько эльфов последовали его примеру. Потом — еще и еще... И когда в конце концов Диор обвел глазами зал, он увидел, что только женщины остались на своих местах, мужчины же все выступили вперед и преклонили колени.

— Встаньте, — сказал он, и голос его чуть дрогнул. — Благодарю вас, друзья мои. Мне нечем будет вознаградить вас за вашу верность и нечем утешить ваших близких в их печали — кроме той надежды, что мне завещали отец и мать, а им — государь Финрод. Надежды на «вечное настоящее, где могли бы жить эльдар, совершенные, но не завершённые, жить и бродить по земле, рука об руку с Детями Людей, своими избавителями, и петь им такие песни, от которых звенели бы зеленые доли, и вечные горные вершины пели, словно струны арфы, даже в том Блаженстве, превысшем всех блаженств».

Он увидел изумленные лица своих сыновей, слезы в глазах друзей и вассалов — и улыбнулся. А те, кто помнил Берена, узнали его лукавую улыбку.

— И все-таки, друзья мои, я слегка покривил душой, когда сказал сыновьям Феанора, что отвечаю им так, как ответил бы отец. Думаю, отец дал бы им такой ответ: Наугламир дорог мне как осязаемая память о государе Финроде, а если Сильмарилл вынуть из него теперь — некрасивая получится дырка.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

1. *Golda* (синдарин) — эльф, нолдо, представитель одного из Трех Племен, т. н. «мудрых» эльфов. *Golodhrim* — нолдор.

Здесь и далее по тексту синдаринские слова передаются латиницей и курсивом, слова на квэнья, языке валинорских эльфов, и на «наречии Тьмы» — в русской транскрипции курсивом, слова на талиска, языке Дома Беора и Дома Хадора, а также оркские и гномь слова — в русской транскрипции. В оригинале рукописи все слова передавались «гражданским» шрифтом тенгвар, но квэнийские и синдаринские корни входят в вестрон органично, примерно так же, как в русский язык органично входят слова с греческими и латинским корнями, и нам нет нужды выделять их из текста. Так, речь, уснащенная латинизмами, выделяет в русском тексте персонажа образованного или «косящего» под такового. То же самое в тексте «По ту сторону рассвета» — обилие синдаринизмов и квэнизмов отличает речь человеческой знати. Но передача квэнийских и синдаринских слов через эллинизмы и латинизмы начисто разрушило бы колорит архаичной Арды, который мне кажется одной из самых ценных составляющих повести Белгариона. Согласитесь, что передавать *osanve* как «телепатия» значит гробить текст.

2. *Adan* (синд) — человек. Буквально — «второй». «Вторые» — одно из эльфийских наименований людей.

3. *Gosannu* (синд) — осанвэ, искусство читать мысли. См. Дж. Р. Р. Толкен, «Осанвэ-квэнта». *Avad* (синд.), *avanire* (кв.) — нежелание, отказ от осанвэ.

4. Дэйди (ласк. диал. вестрон) — отец, «папа».

С передачей талиска разговор особый. Естественно, древнее наречие людей Средиземья практически не сохранилось — оно перешло в адунаик. затем — в вестрон. Поэтому для передачи талиска Белгарион использует довольно архаичный по форме диалектный вестрон жителей Мглистых Гор, и вообще очень многие реалии (в частности, сказки и легенды, детали костюма, некоторые имена и аутентичную архитектуру) жителей того региона. Исследователи Королевства находят параллель «беорнинги — беоринги» весьма вольной — ну, представьте себе, что кто-нибудь реконструирует в своем произведении двор короля Артура по ирландским реалиям, описанным в летописях и сагах, остаткам архитектуры и артефактам, аргументируя свои точку зрения тем, что и там и там кельты. Словом, огромная просьба не воспринимать эту реконструкцию быта обычаев беорингов как претензию на историчность. Автор просто «за неимением гербовой бумаги» воспользовался «простой» — то есть, за отсутствием аутентичных доисторических преданий и обычаев эдайн описал предания и обычаи древних беорнингов, более или менее хорошо восстановленные и частично знакомые и близкие ему лично (автор — уроженец Мглистых Гор, и, если верить его родовому древу — а я не вижу оснований ему не верить — также числит Беорна-Медведя в предках:)).

Халадинский акцент автор передает за счет вкраплений дунландских слов и оборотов; в переводе использованы украинизмы.

5. *Ahan* (квэнья) — закон, созданный обществом, на основании «общественного договора». *unat* — «естественный» закон, закон природы, который нарушить невозможно в принципе. Заметим, что Берен, выросший в сфере влияния нолдор, употребляет квэнийские термины.

6. Eglerio (синдарин) — «Славься!», «Слава!». Был большой соблазн перевести это слово как «Осанна», чтобы передать то значение, которое оно имеет в культуре Королевства.

7. Айкаран (диал. вестрон) — длинный нож односторонней заточки, наподобие сакса.

8. Мар — (искаж. квэнья) — «дом». Приставка к имени указывает на главу рода. Ярн — искаженное синдаринское earn, «старший».

9. Эмил (искаж. amil, квэнья) — мама. Хэлди — от слова «хэллад», «старший брат» — фамильярно-вежливое обращение к старшему по возрасту, наподобие нашего по отчеству без имени.

10. Беорвейн (диал. вестрон) — беоринги, народ Беора. Вестрон Мглистых Гор знает две формы образования множественного числа: окончание «-им» указывает на некое неупорядоченное множество, окончание «-вейн» — на множество упорядоченное. «Хирим» — «горы вообще», «Хирвейн» — конкретные горы, какая-то отдельно взятая гряда («Раутхирвейн», «Железные горы»). Фэррим — «друзья», обращение сродни нашему «мужики». Фэрривейн — содружество побратимов.

11. Хиньо (искаж. синд) — «сыннок». Обращение не только к родному, но и к младшему по возрасту, положению.

12. Cuió nin, mellyn! — Cui nah, earn (синд.) — «Прощайте, друзья!» (дословно — «Живите за меня, друзья!» — «Прощай (дословно — „живи“), князь».

13. Daro! (синд.) — «Стой!»

14. Im Beren no-Barahir! Cermin govadeth men aran Finrod! (синд.) — «Я Берен, сын Барахира! Прошу встречи с королем Финродом!»

15. Avo im deginag! Dernin! (синд.) — «Не убивайте меня! Стою!»

16. Govado, mellyn! (синд.) — «Подойдите, друзья!»

17. A laita, Findarato Ingoldo Atandil! (квэнья) — «Здравствуй, Финдарато Инголдо Атандил!»

Имя короля эльфов, как и все эльфийские имена — значащее. Первое имя, «отцовское», то есть, данное отцом, состоит из двух корней, Finde+arato, «волосы+прекрасное, высокое». Материнское имя — Ingwe+noldo, «Высокий из нолдор» — или «высокий из мудрых» (мать Финрода принадлежит к другому эльфийскому народу, тэлери). Atandil — эпессе, имя, взятое Финродом лично. Atan+ndil, «человек+друг» — «друг людей». Почему Финрод взял такое имя — см. Дж. Р. Р. Толкиен, «Сильмариллион», «Как люди пришли на Запад». Кроме того, у Финрода были анесси — «дарованные имена», или, проще говоря, прозвища. Одно из них — «Инглор», «золотое сердце», другое, данное людьми — «Ном», «мудрый». Обратиться к эльфу дарованным именем может только тот, кто состоит с ним в достаточно близких отношениях.

18. Райадариан! (диал. вестрон) — «Радуемся!» или «Наша радость!» (обе грамматические формы звучат и пишутся одинаково).

19. Eruhini (синд.) — «Дитя Единого». Этим словом называются люди и эльфы. Гномы — Aulehini, «Дети Аулэ», а когда говорят обо всех разумных существах Арды вообще, обычно употребляют слово mirgoanvi, «воплощенные».

20. Fana (квэнья) — «тело». Внимание: это слово употребляется только тогда, когда речь идет о существах духовного плана, тела которых есть только временная их оболочка. Для тех, кто является не только духовным, но и телесным по природе существом — эльфов, гномов, людей — применяется другое слово, hroa.

21. Ваньяр (квэнья) — «прекрасные», одно из Трех племен Светлых Эльфов. Индис,

вторая жена Финвэ, бабушка Финрода — из ваньяр. Мать Финрода — из тэлери, народа морских эльфов — таким образом он как бы является равноправным представителем всех трех Племен и вдобавок — потомком всех трех эльфийских королевских домов (Индис — сестра короля ваньяр, Финвэ — король нолдор, Эарвен, мать Финрода, — дочь Ольвэ, короля тэлери, приходящегося, кстати, Элу Тинголу братом — вот, откуда слова Берена о том, что Финрод не чужой и ему, и Лютиэн).

22. Артафинде — квэнийское прочтение полного имени Финрода, Финдарато.

23. Слово «цех» очень неточное название для эльфийского объединения мастеров, но ничего более адекватного переводчику на ум не пришло.

24. Kurvë (квэнья) — «искусство», «мастерство» ("ë" читается как открытое э; Толкиен использовал этот способ написания, чтобы конечное "e" не принимали на английское "e" немое). «Отцовское» имя Феанора — Куруфинвэ и имя его среднего сына включает в себя этот корень.

25. Имя эльфа означает «Мотылек».

26. Aiye, Rian Morfileg! Elen sila lumen omentielvo, Morwen Eledhwen! — «Привет, Риан — Темная Пташка (дрозд?) Звезда воссияла в час нашей встречи, Морвен-Эльфийка!» Берен, в соответствии с характером сестер, приветствует Риан ее детским прозвищем, а Морвен — вычурным эльфийским приветствием и «дарованным именем» — анэссе.

27. Otorno (квэнья) — названный брат, побратим.

28. Ската (вестрон) — короткий клинок, по-эльфийски — eket.

29. Tiro (синд) — Смотри! Quare — кисть руки.

30. Фэйр — на самом деле на вестроне это звучит как woghad. Из соображений русскоязычного благозвучия (чтобы не получалось «во, гад») и из-за принятого ранее намерения передавать горскую специфику и национальный колорит при помощи аллюзий на Англию и Шотландию, было образовано это слово (от кельтского fey, смертное безумие).

31. На самом деле Хардинга зовут Ровван Мастур (Rowwan Mastur). Переводя некоторые фамилии и топонимы, я пошла тем же путем, что и Толкиен — путем англификации вестронских «говорящих» имен и названий. «Масти» на диалекте беорнингов — «твердый, стойкий». Устоять перед соблазном вариантов типа «Твердислав» помогла отчасти оскомина на Всеславура (спасибо Муравьеву-Кистяковскому!), отчасти — все то же решение передавать колорит диалектного вестрона через англо-шотландские корни. Поэтому англификации подверглась не только фамилия, но и имя героя.

32. Я долго думала, как перевести эльфийское ругательство uquetima ukarima «неназванное и нетворенное». Если перевести буквально, потеряется необходимый градус эмоционального накала: это не просто ругань, она связана с сакральными представлениями; кроме того, «неназванное нетворенное» звучит недостаточно выразительно. Наиболее близким по смыслу и по эмоциональному оттенку было бы, конечно, «дьявольщина», но, понятное дело, этого слова я применить не могла. Выручила Мисс Твинкль — в ее собственной разработке фигурирует ругательство «саламандра» — некое зловредное существо, которое залезает в горн и портит плавку в неожиданный момент, и при этом данное слово звучит достаточно экспрессивно. Мисс Твинкль великодушно разрешила мне использовать ее разработку.

33.

С первым узлом приходит желание,

Узел второй оживит заклинание,
Третий узел их в одно сплетет,
С четвертым узлом моя песнь расцветет
Пятый узел ей форму придаст,
Шестой ее силой наполнит тотчас,
Седьмым этот стих заплету, как шнурок,
Восьмым вознесу за звездный порог,
С девятым — тки же теперь, ветерок!

(Не стреляйте в тапера, он переводит как умеет)

«Как объяснил мне человек, сведущий в исцелении, дело вовсе не в нарочитых словах, имеющих якобы волшебную силу, а в подборе ритмического рисунка и мелодии, вводящих лекаря и пациента в особый транс, в ходе которого один при помощи осанвэ получает доступ к управлению телом другого. Сами по себе слова значения не имели — это могла быть хоть детская счетная песенка» (Прим. автора)

34. Kori'm o anti-ete (ах'энн) — «Сердце мое в ладонях твоих». Реконструкция языка ах'энн — Наталья Васильева, ака Ниэннах.

35. Гортон — в оригинале Ghaurthon, «Волчье солнце» (все тот же диалектный вестрон с влияниями синдарина). Моя адаптация — с одной стороны, попытка избежать созвучия с «Гортхауэр» и «Гаурот», с другой — потачка все тому же шотландскому колориту. Чтоб было похоже на «Гордон».

36. У автора свой, несколько отличный от других, взгляд на отношения людей и орков в Первую Эпоху. По его мнению, орки тогда отличались от орков более поздних эпох большим процентом человеческой крови и больше походили на тех орков, которые нам известны как орки Сарумана — высокие, сильные, сообразительные, более социально адаптательны, чем другие орки. В конце Первой Эпохи приток человеческой крови пресекался — Моргот поощрял пленение человеческих женщин и зачатие с ними детей, а с его падением это прекратилось. Орки с тех пор вырождались, пока не исчезли вконец.

По мнению Б. Белгариона, на момент действия чистокровных орков в Средиземье нет такого вида не существует вообще. Единицы — это либо искусственно выведенные из животных существа без свободной воли, нужное количество которых подготавливается к большим битвам и используется как сабельное мясо, и в этих же битвах гибнет практически полностью; либо майар, вселившиеся в созданные Морготом на основе искаженных эльфов тела. Остальные — наполовину или на четверть люди.

37. Мардо — обращение к знатному, старшему, но более официальное, чем фамильярное «хэлди».

38. Самоназвание народа — «вестханэлет», имена «Ваирах», «Ваиран», «Вахайрэ» взяты из языка той ветви народа вастаков, которая после Войны Кольца осела к северу от Рохана, а конкретнее — из народного эпоса «Песнь о походе Ваира, сына Талайри, к морю Запада». Имена Бор, Боран, Улфанг, Улдор — очевидно синдаринские, видимо, приняты вастакскими вождями на службе эльфам.

39. Стихи Тирфиона (квэнья).

Теперь холодные, как лёд,
горные пики — словно пламенная кровь...
Эхо-ложь, я услышал
ненавистный волчий вой.
Ты идёшь в полумрак,
ты идёшь в тайный зал;
глубокие раны и Мандос
зовут тебя, вождь рода.
Здесь сила гнева и тайное знание
— разбитая горная тропа;
чёрный бессмертник распустился
между восходящими склонами гор.
Алое пламя и красное золото
воссияют с наших щитов;
ярость и ужас будут
освобождены из тяжелых ножен.
О мой благородный брат,
чекань песнь плача.
Я разбил на куски свой рассудок,
но всё же меч остёр.
Я буду видеть его лицо
и ладонь, придающую форму сокровищу,
до тех пор, пока не прекратится охота,
до конца.

40. Стихи Арандиля (квэнья).

Когда слово «надежда»
умрёт на устах твоих,
тогда твои молитвы
полетят к Внешнему Морю.
В водах Внешнего Моря
не живут водоросли, и не живут рыбы,
и по ним не плавают ладьи,
ибо это море — это вечная мгла,
и вечная мгла течёт в его течениях.
Благородный Лорд Ульмо этому морю,
тёмному морю не господин.
Оно есть наша судьба,
конец нашей дороги,
конец всех дорог.
Услышь, буря завывает,
услышь грозу вздымающуюся,
смотри, древняя тьма

надвигается на твоё побережье.
Встречай Шторм!
Ладонь раскрытая не хранит золота,
и скорби не хранит -
но время придёт, придёт к тебе,
и тогда какое слово
скажешь ты воде,
ледяной воде Внешнего Моря,
бледной воде,
идущей, склоняющейся, надвигающейся,
чтобы взять твою душу?

41. Мельхар и Кардайн — достаточно типичные синдаризованные гномские имена, по образцу тех, которые в Первую-Вторую эпохи брали себе гномы, имевшие сношения с внешним миром. В Третью-Четвертую и вплоть до исчезновения в конце шестой Эпохи гномы начали брать себе вестронизованные имена, которые проф. Толкиен передавал в переводе как северные, скандинавские.

Подлинное имя короля Ногрода не сохранилось, как и избранное им прозвище для «внешнего» употребления. Видимо, он не вел активной внешней политики.

42. Казадрушт — друг гномов.

43. Виски, однозначно (прим. редактора)

44. Гиритрон (синд) — декабрь. С переводом названий флоры и фауны порой возникали трудности. На свой страх и риск я предполагаю, что нимрос — это все-таки шиповник.

45. Песня Белега Мориквэнди, 5-я эпоха.

46. Стихи Арандиля (квэнья)

Друг пропавший, изгнанник родины,
И далёко радость имею я:
Цвет раскрытый, ветер смеющийся -
Здесь есть счастье моё великое.
Но я слышу флейту осеннюю
И небесных звон колокольчиков,
Но я вижу небесное облако,
Лебединым крылом распахнутое -
Вспоминаю скорбь бесконечную,
Скорбь, которую я унаследовал,
И мысль моя мчится к Западу,
И глаза заслоняю руками я.

47. Да, вот такое мнение у автора о генезисе рифмованной синдаринской поэзии.

48. Ранкар — от искаженного rhand, рука. Командир взвода.

49. Корна-таэро (ах'энн), «воин щита», командир «длиной полусотни» — старший лейтенант.

50. Дхол-лэртэ (ах'энн), «главный очаг», иными словами — штаб, ставка главного командования, а заодно и правительство, нечто вроде сегунского «бакуфу».

51. Gwanur (синд.) — брат, родич.

52. Айкьет'таэро (ах'энн) — «воин меча», командир полка. Замечу, что это воинское звание Илльо, а не его должность — по должности он лорд-наместник, и реально он командует не полком, а всеми воинскими подразделениями на территории Дортониона.

53. Татарское слово «ярлык» использовано для перевода слова «кьерта», «знак» (ах'энн). Это уже моя переводческая вольность, равно как и «башлык» для головного убора «хэлтуво», представляющего собой отдельно носимый капюшон с длинным широким шарфом, которым покрывают плечи, а концы завязывают на спине, перекинув накрест через грудь.

54. Фаэрни (ах'энн) — то же, что и майяр.

55. «Учитель... Я — это ты, ты — это я, сердце мое в ладонях твоих» (ах'энн).

56. Дхол-таэро, «глава-воин» (ах'энн) — командир длиной сотни, капитан.

57. Насколько я поняла, такой дикий способ размножения касается только «великих орков», подобных Болдогу. Право зачать ребенка с бессмертной прародительницей — привилегия, которой удостаиваются особо отличившиеся. Видимо, старший Болдуинг на службе Морготу проявил себя.

Приложение. «Башни»

Доска имеет крестообразную форму и разделена на пять полей — четыре по сторонам света, пятое — срединное. Так же они и называются: «formen» — север, «romen» — восток, «hyarmen» — юг и «numen» — запад. Срединное поле и зовется срединным.

Каждое из полей в свою очередь разделено на четыре малых поля, поименованных буквами тэнгвар (см. ниже). Каждое из малых полей — на четыре безымянных поля.

Имена малых полей, как вы уже догадались, обладают символьным значением, с помощью которого иногда получали нечто вроде гаданий и прорицаний. В наших шахматах такого нет, это больше похоже на карты, причем ели бы гадание было сопряжено с игрой.

Если я все правильно поняла, что символиккой наделены и большие поля.

Formen, север, содержит знаки «anga» — железо, «ando» — врата, «ngwalme» — страдание и «harma» — сокровище. Эти знаки символизируют испытания, которым подвергаются душа и тело в мире: битвы, препятствия, страдания и искушения.

Numen, запад, — символы этого поля относятся к тому, что мы назвали бы духовными ценностями и дарами. «Vala» — сила, «anna» — дар, «silme» — звездный свет и «wilya» — ветер или небо.

Срединное поле посвящено символам, обозначающим внутренний мир, личность человека или эльфа. «Ore» — сердце или внутренний ум, «esse» — имя, «thule» — дух и «umbar» — судьба.

Поле romen, восток, обозначает ценности познавательные и интеллектуальные. «Lambe» — язык, «parma» — книга, «noldo» — думаю, имеется в виду не столько именно нолдо, сколько мудрец вообще, и qesse — перо, шире — письменная речь.

И, наконец, hyarmen, юг, посвящен символикке земных стихий. «Tinko» — металл, «alda» — дерево, «arda» — земля и «ure» — огонь, или жар.

Таким образом, ходы в этой партии обозначают в том числе и духовный поиск, и какие-то события в жизни.

У каждого игрока шесть фигур. Это (в порядке расстановки): mindon — башня, vala — вала, или сила, istar — маг, aran — король, rochir — всадник, nerwen — дева. Цель игры — взять башню противника. Башня — неподвижная фигура, но в ее окрестности другие фигуры получают преимущество. Вала — самая сильная фигура. Маг, король, всадник и дева различаются по силе и дальности хода. Одна фигура может защищать другую, как в шахматах. Если в ходе игры всадник пройдет все пять больших полей, он становится королем. Фигуры обычно белые и черные, но не всегда — главное, чтобы оба комплекта фигур различались по цвету. В Белерианде обычно рохира и нэрвен изображали с мечом и называли рыцарем и воительницей, часто с мечом изображался и истар, и очень редко — король.

Игра состоит из двух частей. Первая — это расстановка фигур. Игроки по очереди выставляют на доску свои фигуры, начиная с башни. Считается, что преимущество имеет тот, кто играет черными фигурами и начинает расстановку вторым. Вторая часть — собственно игра.

Теперь возьмемся за расшифровку партии. Я подозреваю, что Берен Белгарион примерно такого же класса «башенник», как Дэн Симмонс — шахматист. То есть, символизма в описании игры явно больше, чем надо бы, в ущерб настоящей стратегии и

тактике.

Итак, Финрод начинает игру, ставя башню в поле «*umbag*» (автор не уточняет, в какое из четырех безымянных полей — но, я думаю, в юго-восточное). Таким образом дается понять, что сражаться он будет не менее чем за судьбу. Ответный ход Саурона — постановка башни в поле «*anga*», крайнее северо-западное. Уже это одно показывает, что он играет не на «отыгрыш», а на выигрыш: занимает менее интересную, но более выгодную позицию. Видимо, он все-таки прочитывает символику расстановки Финрода, но считает, что развитие игры никак не связано с дальнейшей жизнью. Естественно, его постановка башни тоже приобретает символизм, но чисто географический: его башня находится на крайнем севере и практически недостижима.

Вала Финрода становится на поле «*vala*». Думаю, автор преувеличил тупость Саурона: в этот момент ему должно было быть ясно, «шо конкретно ты имела в виду». Сам он продолжает гнуть свою сурово прагматическую линию и ставит валу на поле «*harna*», и снова получается символизм невольный и тупой.

«Истар», «маг» Финрода ставится на поле «*lambe*». Это намек на Мелиан, прорицательницу или на что-то другое? «Истар», Саурона — это, конечно, сам Саурон, и залезает он в «сердце», «*ore*», а не куда-нибудь:).

«Король» Финрода — это, без сомнения, сам Финрод. Фигура установлена в поле «*hyarmen*» — знак того, что Финрод избрал путь земной борьбы? Косвенным подтверждением этого служит первый ход Финрода королем: он перемещается на поле «*thule*».

«Король» Саурона, как я это понимаю — просто еще одна фигура в образующейся сильной диагонали «вала»-"маг"-"король".

«Рохир» Финрода — это, конечно, Берен. Помещая его на поле «*ngwalme*», Финрод явно начинает гадать о его судьбе. Рохир Саурона помещен в позицию, блокирующую белого «мага»: опять сугубо прагматичный, стратегический ход. Правда, здесь может быть намек на Ильвэ, который Полуэльф, но это вряд ли, потому что мать его все-таки из синдар, а не из нолдор.

И, наконец, «нэрвен» — «дева, воительница». Для Финрода это, конечно, Лютиэн, и, ставя ее на поле «*alda*», он совершает невольное пророчество: он ведь не знает, что Лютиэн действительно заключена на дереве. Своей «воительницей» Саурон блокирует «рохира» — намек на Тхуринэйтель.

«Белый вала убрал черного короля» — намек на пленение Мелькора?

«Гортхауэр пустил в ход истара и под прикрытием валы снял белого короля с доски» — Финрод будет убит Сауроном.

«Финрод двинул вперед нэрвен. Снес темного рохира и...» — нет, все-таки рохир намекает не на Ильвэ: его же устраняет «воительница».

«Истар оказался под угрозой с двух сторон: светлый рохир и нэрвен вблизи башни. (...) Гортхауэру пришлось смириться с жертвой истара» — более чем прозрачный намек на будущую потерю Сауроном своей силы и Тол-и-Нгаурот.

«Гортхауэр вывел нэрвен в поле *ngwalme*» — Тхурингвэтиль заполучила Берена.

«Финрод переместил валу на поле *thule*» — поместив фигуру «сила» в поле «дух», Финрод явно дает понять, что земными средствами эту войну выиграть нельзя.

«Финрод переместил рохира на поле *silme* (...) на поле *alda* (...) на поле *noldo* (...) шагнул рохиром на поле *ngwalme*» — явный намек на странствия Берена — горы, Дориат,

Нарготронд и плен у Саурана.

«Финрод взял валой темную нэрвен» — Тхурингвэтиль погибнет от стрелы Анардила Фин-Риана, который в этот момент призывает к Тулкасу.

«Вала Гортхауэра уже не мог угрожать башне, он ведь находился не между рохиром, нэрвен и башней, а между башней, нэрвен и королем! Следующего хода у него не было. Нэрвен взяла его сразу» — пророчество о победе Люттиэн над Морготом. Кстати, беря валу, нэрвен оказывалась на поле «harna», сокровище.

Доска для игры в «башни»

